

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 176.25

Recd. July, 1895.

Harvard College Library

FROM THE REQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

5 Apr. - 4 May, 1895.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1895.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1895.

Стр.

I.—ХОДОКЪ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть вторая: I—XVI. — П. Д. Боборыкина.	5
II.—КОНГРЕССЪ РЕЛИГІИ ВЪ ЧИКАГО. — Впечатлѣнія и замѣтки. — Кн. С. М. Волконскаго.	66
III.—ВЪ ГОСТИНОЙ И КЪ ЛЮДСКОЙ. — Разсказъ. — З. Гиніусъ.	91
IV.—СОВРЕМЕННЫЕ МОРМОНЫ. — Очеркъ. — П. А. Двигальскаго.	140
V.—ИСКРА БОЖІЯ. — Повѣсть. — Съ польскаго. — IV—V. — Эд. Оржешко.	175
VI.—ПРИВѢТЪ ГРУЗИН. — Стих. В. Л. Величко.	209
VII.—ПРИНЦИПЪ НАКАЗАНИЯ, съ нравственной точки зрѣнія. — Вл. С. Соловьева.	212
VIII.—СИРЬ. — Sire, roman, par Henri Lavedan. — I—XII. — А. Б-г.	236
IX.—ДОМОНОСОВЪ И ЕГО СОВРЕМЕННИКИ. — I. Первое прочное установленіе новой литературы. — Подражаніе и заимствованіе. — Международная литература взаимодѣйствія. — Состояніе школы. — Тредьяковскій и Сумароковъ. — А. П. Пыпина.	295
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. Отшедшій. — II. Мнтра. — III. Сонъ наяву. — IV. Овѣтъ надвинулись. — Вл. С. Соловьева.	343
XI.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Вопросы, относящіеся къ пересмотру положеній 19-го февраля. — Опека; общественное приращеніе; семейные раздѣлы; мірскіе сборы; переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному; новая регламентація передѣловъ; сдача въ аренду надѣльных земель. — Объясненіе г. Сухотина, по вопросу о способахъ расчета съ сельскими рабочими.	346
XII.—ПО ПОВОДУ ШКОЛЪ ГРАМОТНОСТИ. — Письмо въ Редацію. — Александры Штегенъ.	362
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Землевладѣльческая агитація въ Германіи. — Союзъ сельскихъ хозяевъ и проектъ графа Каница. — Прусская аристократія и социализмъ. — Мѣры противъ разрушительныхъ партій. — Положеніе дѣла въ Англіи. — Турецкія и болгарскія дѣла.	372
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — А. С. Пругавинъ, Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. — А. П. — Материалы для біографіи Гоголя, В. П. Шенрока. — Излиризмъ, П. Кудачовскаго. — Т. — Новая книга и брошюры.	385
XV.—ЗАМѢТКА. — НОВОЕ МІРОСОЗЕРЦАНІЕ. — О понятіи искусства, умозрительно-психологическое изслѣдованіе, проф. Воброва. Юрьевъ (Дерптъ), 1894 г. — З. Л. Радлова.	402
XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Jules Lemaitre, Impressions de théâtre. — II. Percy Russell, A guide to British and American novels. — З. В.	408
XVII.—ВЪЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Совѣщаніе старшихъ председателей и прокуроровъ палаты по вопросу о судѣ присяжныхъ. — Заключительная рѣчь А. Ф. Кони. — Дѣло объ убійствѣ студента Доинара. — Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ губерніяхъ саратовской, тиверской, нижегородской. — Сообщеніе объ уличныхъ безпорядкахъ 8-го февраля.	421
XVIII.—ВНЕБИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — „Навеас Согруа“ Акть, В. Ф. Деряжннскаго. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Варсукова, т. IX. — Материалы для женскаго образованія въ Россіи, Е. О. Лихачевой.	
XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ — I—XVI стр.	

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXX. — ТОМЪ CXXLVI. — 4/12 МАРТА, 1895.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 5-я линія,
№ 23.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1895

693-43

P Slav 176.25
~~Star 30.2~~

1875, 5/15 - 1/1.
800 000.

2289

ХОДОКЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

На веселомъ солнцѣ, въ теплое апрѣльское утро, усадьба Колчановскаго хутора стояла вся розовая отъ свѣжей тесовой обшивки стѣнъ. Одна только крыша ярко зеленѣла. Подъ навѣсомъ длиннаго балкона спущалась тѣнь.

Передъ домомъ шелъ пологій спускъ къ рѣкѣ. Справа и слѣва еще обнаженные липы и клены тѣснились неправильными купами. Вдали, за рѣкой, сизо-зеленоватой полосой лежали ноемые луга — на половину подъ водой.

Бодрящая струя воздуха тянула съ востока, и надъ рѣкой рѣдѣла лиловатая дымка.

Дробное щебетаніе пташекъ и рѣзкій крикъ большихъ птицъ доносились изъ сада.

Еще не пробило девяти, когда Клавдія Спиридоновна Колчанова, въ сѣромъ фланелевомъ капотѣ и съ головой, повязанной краснымъ фуляромъ, вышла на балконъ одна.

Ея рослая и плотная фигура свободно двигалась въ капотѣ, считомъ въ видѣ рубашки съ наплечьями. Лицо подъ стать фигурѣ было съ крупными чертами — большіе круглые глаза, голубовато-сѣрые, со строгимъ и пытливымъ взглядомъ, нѣсколько утолщенный книзу носъ, ротъ съ рѣзковатымъ рядомъ очень

---

*) См. выше: февраль, 459 стр.

бѣлыхъ зубовъ, загорѣлость, двѣ-три морщины на лбу. Въ общемъ — наружность женщины далеко за тридцать; а она была дѣвушка всего по тридцать-второму году.

Ходила она увѣренной, властной походкой, немного повода правой рукой.

Клавдія Спиридоновна воззрилась въ дымчатую даль за рѣкой, сдвинула свои очень густыя рѣсницы и повела такими же густыми темнорусыми бровями.

Углы широко разрѣзаннаго рта поднялись слегка, и двѣ чуть-замѣтныя ямочки смягчили выраженіе ея мужественнаго лица.

Она любила деревню и деревенскую природу, безъ фразъ, глубоко и преданно, съ тѣмъ чувствомъ, какое даетъ отвѣтственная роль хозяйки; любила ихъ „по-мужицки“, какъ она часто выражалась. Въ разговорахъ съ сестрой и съ близкими знакомыми она давала поводъ къ остротамъ и шуткамъ. Она — въ полномъ смыслѣ евангельская Марѳа, прежде всего, съ заботой о томъ, чтобы накормить, уладить, распорядиться добромъ; сдѣлать такъ, чтобы все шло толково и складно. Но и она была долго „Маріей“ — не такой страстно взыскующей „благой вѣсти“, какъ евангельская Марія; однакоже, много лѣтъ и она искала пути и просвѣта, училась упорно наукамъ, доступнымъ женской головѣ только при особыхъ склонностяхъ натуры: слушала физико-математическія и естественныя науки и дома, и за границей, уходила съ чисто мужскимъ интересомъ въ психо-физику, въ физиологію, въ книги по исторіи культуры и социологіи. Она не боится и теперь никакихъ идей и вопросовъ, но вотъ уже пять лѣтъ, какъ она ослѣлась — нашла свое коренное дѣло.

Тутъ, вотъ на этомъ самомъ хуторѣ, гдѣ она все, начиная съ усадьбы, выстроила сама по своимъ планамъ, съ простымъ нарядчикомъ, — ей пригodiлось то, что она выслушала и вычитала у русскихъ профессоровъ, у нѣмцевъ и французовъ.

Клавдія Спиридоновна нѣсколько разъ прошла по балкону и спустилась внизъ, на площадку передъ продолговатой куртиной, куда будутъ посажены ея любимыя цвѣты — тоже не очень изящныя — георгины, мальвы и оранжевыя лиліи.

По дорожкамъ уже просохло. Вчера ихъ посыпали краснымъ пескомъ.

На краю склона, гдѣ начинается спускъ къ рѣкѣ, Клавдія Спиридоновна остановилась въ позѣ, казая часто замѣчалась у нея — съ головой, приподнятой немного влѣво, и съ кистями рукъ на бедрахъ.

Птицы стали перекидываться все чаще. Изъ-за дома, со сто-

роны птичника, раздавался задорный перебой двухъ пѣтуховъ и кудаханье. И эти звуки любила Клавдія Спиридоновна. Они вливали ей въ душу бодрость, усиленное чувство вездѣсущей природы, сгущенной во всѣхъ этихъ проявленіяхъ животной жизни. Тамъ, повади усадьбы, начиналось ея царство. Обо всемъ она думала—о каждомъ цыпленкѣ, о каждой „цыцаркѣ“, о ихъ уходѣ, о разныхъ породахъ, какія можно бы было завести и приучить къ условіямъ климата.

Хозяйничать привелось ей въ довольно суровой полосѣ сѣверо-востока. Она могла бы купить имѣніе на крайнемъ югѣ или въ благословенной пшеничной полосѣ великорусскихъ окраинъ—гдѣ-нибудь въ воронежской, тамбовской, орловской губерніи. Но родной край дорогъ ей. На берегахъ вотъ этой рѣки, впадающей въ Волгу, она родилась, въ ближнемъ уѣздномъ городѣ, гдѣ еще стоитъ ихъ домъ—каменные палаты съ бельведеромъ. Осенью она иногда живетъ тамъ съ сестрой, мѣсяцъ-другой. Въ немъ онѣ обѣ родились и росли въ строгой купеческой семьѣ, гдѣ все отзывалось старымъ „закономъ“, гдѣ въ верхнемъ этажѣ комнаты стояли по мѣсяцамъ запертыя, съ штофной мебелью и паркетомъ; а жилымъ оставался нижній этажъ, гдѣ все дышало порядкомъ, дѣловитостью, повиновеніемъ хозяйскому глазу и слову. Мать ихъ Евфімія Макаровна была характеромъ не ниже своего мужа, пережила его и, хоть и держалась старины, не стала „перечить“ дочерямъ, отдала ихъ въ гимназію, жила по зимамъ въ губернскомъ городѣ и продолжала вести торговое дѣло мужа до самой смерти.

Дѣло это было рѣчное—крупный торгъ рыбой и рыбныя ловли на устьяхъ Волги. Тамъ были у нихъ обширныя „водки“, какъ говорятъ астраханцы.

Клавдія—когда осталась набольшой—братевъ у нихъ не было—„перевела“ это дѣло, выгодно уступила родственнику съ отцовской стороны. Ее влекло къ землѣ, къ полеводству, къ лѣсу, къ лугамъ, ко всему, чтѣ можно завести и развить на своихъ земельныхъ угодьяхъ.

Большая пустошь была куплена еще отцомъ, съ лѣсомъ и поемными лугами. Въ ней она выбрала вотъ это урочище, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлаетъ заворотъ, который виденъ изъ оконъ мезонина.

Личной жизни—женской, съ исканіемъ любви, счастья, захватовъ страсти—у ней нѣтъ. Можетъ, и бывало это; но раньше, въ ея учебные годы. Про это никто не знаетъ. Если сестра Глафира и догадывалась, то навѣрно и она ничего опредѣленно не знала.

Ей такъ лучше! Она не сестра „Гланѣ“ — хотя всего на пять лѣтъ старше ея, — а мать, на которую она такъ похожа лицомъ и станомъ, выраженіемъ глазъ и властной линіей своего крупнаго рта съ бѣлыми-бѣлыми зубами.

И Глафира похожа на нее во многомъ — въ твердости правилъ, въ вѣрности своимъ привязанностямъ и сужденіямъ; только она понервнѣе, хотя тонъ гораздо мягче и голосъ нѣжнѣе, безъ слащавости. Она — въ болѣе отвлеченныхъ идеяхъ и чувствахъ. Деревней она не тяготится, потому что мечтаетъ о разныхъ „интеллигентныхъ затѣяхъ“, какъ иногда Клавдія называетъ ея мечты о школѣ, сѣздахъ, семинаріяхъ, „общеніи мѣстныхъ силъ“. Сама она еще ничего пока не завела, потому что у нея все выходитъ въ проектѣ слишкомъ грандіозно. Но Глафира уже порядочно знаетъ жизнь уѣзда, больше видитъ уѣздное общество, чѣмъ Клавдія — тѣхъ, безъ кого ничего здѣсь не устроишь. Можетъ быть, она уже начала бы дѣйствовать, еслибъ старшая сестра не охлаждала ее своимъ трезвымъ скептицизмомъ. Глафира — словесница. Она исполнена общихъ идей и литературныхъ образовъ. Ей врядъ ли удастся уйти отъ властнаго призыва къ любимому мужчинѣ. И, кажется, онъ уже раздался — этотъ призывъ. Клавдія не съ вчерашняго дня чувствуетъ это...

II.

Въ стеклянную дверь балкона Клавдія, обернувшись, увидела въ гостиной сестру, подошла къ двери и, приотворивъ ее, окликнула:

— Глани!.. Здравствуй!

Младшая сестра неторопливымъ шагомъ приблизилась къ порогу и подставила лобъ. Клавдія звучно поцѣловала ее.

— Такъ рано?

Своими круглыми пытливыми глазами она оглядѣла сестру.

Глафира была немного выше ея и стройнѣе. Высокая грудь дѣлала ея гибкую талію еще тоньше. Сильная брюнетка. Волосы съ мягкимъ блескомъ лежали вдоль висковъ густыми прядями, и проборъ она носила нѣсколько вбокъ, безъ взъерошенной модной чолки. Сходство съ сестрой сквозило въ общемъ обликѣ, въ овалѣ лица, въ рисунокѣ рта, менѣе широкаго, и въ разрывѣ глазъ — не сѣрыхъ, а темно-карихъ. У обѣихъ сестеръ рѣсницы и брови придавали лицу особую выразительность. Только у Глафиры онѣ не дѣлали его строгимъ. Ямочки на довольно полныхъ, матово-

бѣлыхъ щекахъ были двойныя, и лицо ея, даже съ закрытымъ ротомъ, сохраняло привѣтливый тонъ.

Обыкновенно Глафира вставала гораздо позднѣе старшей сестры. На ночь она всегда читала часовъ до двухъ. По утрамъ ходила она въ блузѣ, но всегда въ корсетѣ. А нынче и она вышла въ туалетъ: суконное свѣтло-песочное платье, шитое въ Москвѣ, у Шумской, съ кружевной отдѣлкой на высокихъ рукавахъ. Узкая „вѣста“ обливала ея корсажъ съ небольшимъ вырѣзомъ на груди. Она была близорука и носила черепаховый лорнетъ на широкой черной лентѣ.

— И какая нарядная!

Клавдія еще разъ оглядѣла сестру, и ея сочныя губы сложились въ усмѣшку, глаза блеснули. Она почти съ материнской лаской взяла сестру за подбородокъ.

— Что же это обозначаетъ?—спросила она своимъ особеннымъ тономъ, гдѣ юморъ прикрывалъ серьезность мягкимъ звукомъ голоса.

Глафира опустила густыя рѣсницы и немного отвернула голову.

— Такъ... Пожалуй, ранніе гости будутъ.

— А-а!—протянула Клавдія, взявъ сестру за гибкую талію, и онѣ стали тихо прохаживаться по террасѣ.

— Мы, значить, кое-кого ждемъ?—спросила Клавдія и заглянула въ лицо Глафирѣ.

— Да вѣдь я тебѣ говорила вчера...

— Ахъ! У меня совсѣмъ изъ головы вылетѣло... Проснувшись, и сейчасъ у меня одна комбинація. Надо было заглянуть въ книжку,—она выговорила эти слова съ шутливой интонаціей,—а потомъ вотъ здѣсь поблагодумничала. Такое утро чудесное! Прости, Глаша, пора распорядиться завтракомъ.

— Я уже говорила Викентію.

— Успѣла? Сегодня?

— Да.

— Вотъ оно что.

И Клавдія во второй разъ заглянула въ лицо сестрѣ и явственно усмѣхнулась.

— Ахъ, Клавденька! Что ты все меня... подсіживаешь?!

Матовыя щеки Глафиры начали розоветъ, и она опять отвела голову вбокъ.

— Нѣчего! Нѣчего!

Клавдія остановилась, положила обѣ руки на плечи сестры, поглядѣла ей прямо въ глаза и поцѣловала въ лобъ.

— Только смотри, Глаша,—сказала она замедленнымъ, за-

душевнымъ тономъ:—не очень зарывайся! Мужчинѣ надо дразнить—они рѣдко цѣнятъ прямолинейность чувства.

Въ этихъ словахъ зазвучала личная нота. Глафира знала, что такіа замѣчанія какъ бы невольно вырывались у Клавдіи.

— Можетъ быть,—тихо и вдумчиво промолвила она.

— То-то!

Онѣ часто говорили о своемъ сосѣдѣ и пріятелѣ, графѣ Таманцевѣ; но изліаній Клавдіи не вызывала въ сестрѣ, точно боялась этого, чтобы не волновать ее, не держать ее „въ воздухѣ экзальтаціи“, какъ она про себя выражалась, думая о томъ, что она замѣтила въ Глафирѣ уже около года, и что особенно арео выступало въ тѣ мѣсяцы, когда Таманцевъ жилъ въ Петербургѣ.

Съ ними онѣ былъ на короткой ногѣ, безъ всякой рисовки и „аристократничанья“, откровенно говорилъ обо всемъ и часто о себѣ. Но про то, что его погнало изъ Петербурга—онѣ еще ни разу не заикнулся ни ей, ни Глафирѣ. Та еще зимой стала догадываться, что у него есть тамъ „интересъ“—ихъ любимое слово, когда онѣ говорили о чувствахъ. Но Глафира была слишкомъ сдержанна и деликатна, чтобы наводить его на такой разговоръ.

Третьяго дня Глафира вернулась изъ гостей, гдѣ ночевала—отъ землевладѣльца изъ купцовъ, Кувшинкова, играющаго въ уѣздѣ роль. Съ женой его она пріятельница. И Клавдіа замѣтила, что она возбуждена. Вчера, за вечернимъ чаемъ, Глафира вдругъ сказала:

— Что это за гадость—сплетни! И какою этотъ интеллигентный купчикъ Кувшинковъ интриганъ!

— Есть грѣшокъ!—замѣтила Клавдіа, но разспрашивать не стала—по вечерамъ онѣ мало говорили и даже за чаемъ читали, почти всегда каждая отдѣльно.

— Да развѣ Андрей Павловичъ навѣрно общался бытъ?—спросила Клавдіа тономъ хозяйки, которая не любитъ, чтобы ее заставляли врасплохъ.

— Ты точно забыла, Клавденька. Онѣ долженъ ночевать въ городѣ и по дорогѣ попадетъ къ намъ какъ разъ въ полдень.

— Ну, прекрасно.

Глафира подвела сестру къ периламъ террасы и стала смотрѣть вдаль, за рѣку, въ черепаховый лорнетъ, что необыкновенно шло къ ней, хотя она и боялась всегда, какъ бы кто не принялъ этотъ лорнетъ за претензію.

— Удивительно,—заговорила она, точно думая вслухъ,—какъ онѣ—Клавдіа поняла, кто этотъ „онѣ“—довѣрчивъ... Что

твое малое дитя! Ко всѣмъ здѣсь относится, точно къ роднымъ братьямъ. А между тѣмъ,—она запнулась:—всѣ съ такимъ зло-радствомъ...

— У Кувшинкова небось?—спросила увѣренно Клавдія.

— Я вчера не хотѣла говорить,—Глафира обернулась лицомъ къ сестрѣ и, съ жестомъ свободной руки, продолжала менѣе сдержанно:—вдругъ этотъ Кувшинковъ—ты знаешь его краснобайство при постороннихъ—начинаетъ всласть рассказывать про цѣлый скандалъ... Какъ, видишь ли, Андрей Павловичъ—ея плечи дрогнули—подрался съ какимъ-то хлыщомъ чуть не на кулачки и былъ выгнанъ изъ дома княгини, гдѣ воспитывается предметъ его страсти...—эти слова Глафира выговорила съ усиліемъ:—а тотъ господинъ женился на княжнѣ. Точно будто онъ самъ видѣлъ это своими глазами. Я, разумѣется, его осадила. И все-то онъ съ своими прибаутками и шуточками. Такое безобразіе!

— Небось выдала себя?—совсѣмъ тихо спросила Клавдія и прижала рукой талию сестры.—Напрасно, Глая!

— Нельзя же не протестовать.

— И безъ того, я думаю, не мало глупой болтовни по уѣзду.

Глафира сжала ротъ и помолчала.

— Мнѣ это абсолютно все равно,—начала она опять съ движеніемъ головы.—Разумѣется, такой хитроумный Улиссъ, какъ этотъ Кувшинковъ, ведетъ свою траншею. Андрей Павловичъ—ему бѣльмо на глазу. Кому же не извѣстно, что онъ мѣтитъ въ предсѣдатели управы?

— Тотъ можетъ въ предводители попасть, если захочетъ.

— Ты знаешь, что онъ—не сословный человѣкъ.

— Можно на предводительскую должность и пошире взглянуть,—вѣско замѣтила Клавдія.—Сила и вліяніе—большія.

— Словомъ,—перебила Глафира, продолжая сдерживать волненіе:—интрига ясна.

— Что же пріятельница-то твоя? Какъ себя держала въ этомъ разговорѣ?

— Она была въ сущности на моей сторонѣ. Она и умнѣе, и тоньше, по натурѣ, своего мужа. А часто прыгаетъ передъ нимъ. Это своего рода кокетство.

— Пожалуй. Хочетъ сохранить престижъ изящной женщины и показывать при этомъ, что мужъ для нея—первый номеръ... какъ у хорошихъ господъ дѣлается,—прибавила Клавдія съ болѣе злобной усмѣшкой.

— Именно.

— На всякое чиханіе не наздравствуешься, Глая. Да и

Андрею Павловичу пора начать смотрѣть прямо въ глаза всему, что въ уѣздѣ накопилось такого, изъ-за чего многіе хорошіе люди бѣгутъ бѣгомъ изъ провинціи. У насъ кто не винтитъ или водки не придерживается, тотъ—интриганъ или пошлый сплетникъ. Это только вы съ madame Кувшинковой мечтаете водворить здѣсь Эльдorado. Если у Андрея Павловича найдется настоящій характеръ, а не одни порывы—онъ не сегодня-завтра очутится съ глазу на глазъ со всей уѣздной пакостью и долженъ будетъ бороться не на животъ, а на смерть, коли у него хватитъ на это охоты.

Протянулось молчаніе.

III.

Дорога по красному лѣсу, позади усадьбы, шла стрѣлой. Глафирѣ не сидѣлось дома. Сестра ея пошла распорядиться по хозяйству въ контору. Завтракали онѣ въ началѣ перваго. Оставалось еще около часа.

Она захватила съ собою книгу въ цвѣтномъ англійскомъ переплетѣ, надѣла шляпку и накинула короткую темно-пунцовую мантилью съ чернымъ кружевомъ.

Книга—по исторіи культуры—заинтересовала ее еще третьяго дня, когда ей прислали цѣлый ящикъ изъ Петербурга, отъ Воткинса. Она любила англійскихъ авторовъ серьезныхъ сочиненій, на ночь читала иногда и романы изданія *Таушница*, надъ чѣмъ Клавдія трунила, находя, что всѣ эти романы „пекутся старыми дѣвками, какъ блины“.

Но сегодня Глафира шла по дорогѣ, не заглядывая въ книгу съ цвѣтнымъ переплетомъ. Разговоръ съ сестрой на террасѣ не облегчилъ ея волненія по пріѣздѣ изъ гостей.

Въ Клавдіи нѣтъ-нѣтъ да и всплываетъ не то чтобы враждебность къ графу, а какое-то „подсизиванье“ человека, которому нельзя не сочувствовать. И всякій разъ, когда онѣ заговорятъ о немъ—Клавдія держится совсѣмъ не такого тона, какой бы ей хотѣлось слышать.

Вотъ и полчаса назадъ, Клавдія, конечно, не защищала пошлаго сплетничанья въ домѣ Кувшинкова, но недостаточно возмущалась. Точно будто въ ней самой таится то же, чѣмъ Глафира видитъ въ „интеллигентномъ“ купчикѣ Кувшинковѣ: недоброе чувство къ барину, къ титулованному дворянину, желаніе всегда и вездѣ подрываться подъ сословный авторитетъ.

Все это неизменно. Подъ всѣмъ этимъ кроется честолюбіе и тщеславіе разночинцевъ.

Сестру она нѣжно любитъ, ставитъ выше себя по натурѣ, и ей было бы слишкомъ тяжело заподозрить въ ней и чувство дѣвочки безъ всякой личной радости, быть можетъ съ подавленной неудачной любовью. Графъ слишкомъ ясенъ и правдивъ, чтобы не понимать его и не цѣнить. Но Клавдія считаетъ его вообще „дилеттантомъ“ и какъ бы не всегда вѣрить полной искренности его отношенія къ народу, къ задачамъ людей развитыхъ, къ своему долгу гражданина, его горячему протесту противъ всего, что онъ считаетъ вреднымъ, глупымъ, пустымъ, отжившимъ или возмутительнымъ—и въ общихъ порядкахъ, и въ нравахъ, идеяхъ, замашкахъ и претензіяхъ *своего* сословія.

Какъ же это не цѣнить?

Каждый день она задаетъ себѣ этотъ вопросъ, и отвѣчаетъ неизмѣнно:

„Нельзя не цѣнить“.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Петербурга—изъ „Питера“, какъ она привыкла выражаться—для нея точно каждый день праздникъ. Изъ Петербурга онъ убѣждалъ навѣрно не изъ-за какой-то скандальной исторіи, какъ сплетничаетъ Кувшинковъ, а потому, что чаша переполнилась. Не можетъ онъ дышать въ этомъ городѣ, и ничто уже его не потянетъ туда.

Она не позволяетъ себѣ разспрашивать его, но сердце ея чувствуетъ, что въ Петербургѣ что-то у него оборвалось, и это ее какъ будто радуетъ.

Быть можетъ, такое чувство нехорошо? Но если онъ пережилъ тамъ сердечный ударъ—стало быть, та, кого онъ полюбилъ, не стѣила и не стѣдитъ его.

„Его душа должна искать отълика... хотя бы только дружескаго“... думаетъ она каждый день, и утромъ, просыпаясь, и ночью, когда закроетъ глаза.

Если имъ обѣимъ не понять его, не отвѣтить тепло и преданно на его чудесные запросы, то кому же? Одинъ только ихъ общій пріятель, докторъ Домашневъ, во всемъ уѣздѣ и способенъ поддержать графа въ его великодушныхъ идеяхъ и стремленіяхъ, да и докторъ, хотъ и добрякъ, все-таки смотритъ на него немного во вкусъ Клавдіи—съ чувствомъ неизбежнаго превосходства надъ „барченкомъ“ человѣка „пострадаваго“, съ извѣстнымъ прошедшимъ, съ ореоломъ. И у него, когда они говорятъ о графѣ, это прорывается и въ словахъ, и въ выраженіи лица,

и въ тонѣ. И онъ привыкъ шутливо называть его: „нашъ графъ Эгмонтъ“, или: „его сіятельство“.

Глафира скорымъ шагомъ сдѣлала болѣе версты и даже не замѣтила, что дошла до поляны, гдѣ лѣсныя дороги пересѣкались.

Она оглянулась и стала. И ей вдругъ сдѣлалось стыдно—зачѣмъ она побѣжала къ нему на встрѣчу? Добро бы еще вдвоемъ или съ кѣмъ-нибудь, а то одна.

И безъ того, когда они остаются съ глазу на глазъ—а это бываетъ часто—онъ не можетъ не замѣчать, какъ она „млѣетъ“—Глафира сама употребила мысленно это именно „Клавденькино“ слово. Но въ его присутствіи она уже не можетъ вполнѣ владѣть собою, хотя снаружи она какъ будто и спокойна, слушаетъ его, не перебиваетъ и говоритъ складно, быть можетъ слишкомъ уже хорошимъ слогомъ. Клавдія ей намекала на это, недавно даже подъ сердитую руку сказала:

— Ты ужъ его своимъ развитіемъ не очень донимай. Такіе господа этого не любятъ.

„Развитіе!“

Какую это слово играло всегда роль въ ея внутренней жизни и во всемъ—съ тѣхъ поръ, какъ она попала во второй классъ гимназіи послѣ жизни дома.

Да, „развитіе“ влекло ее всегда, страсть учиться и читать, перебирать вопросы, развивать подругъ, искать даровитыхъ людей, отъ которыхъ съ каеэдръ можно услышать то, чего однѣ книги не дадутъ тебѣ.

И она была вѣрна этой привычкѣ. Не вышло изъ нея ни ученой, ни писательницы. Она и не мечтала. Таланта—вотъ хоть такого, какъ у Клавдіи къ хозяйству—она въ себѣ не находитъ. Что жъ дѣлать! И безъ таланта міръ идей, образовъ, поэтического творчества и благородныхъ упованій доступенъ душѣ, если она сумѣла открыть себя всѣмъ откровеніямъ жизни и правды.

Не зря была она русской „курсистой“, не зря сдавала экзамены, писала рефераты, а потомъ за границей такъ же страстно и честно развивала себя, не разбрасывалась, а только расширяла рамки своей программы. Выучилась по-англійски, выучилась по-итальянски. Можетъ и писать, и говорить на обоихъ языкахъ. Еще курсистой прошла латынь. Годъ тому назадъ, стала потихоньку отъ Клавдіи учиться по-гречески. Она—„убѣжденная словесница“, какъ сестра острить надъ нею, и предсказываетъ, что она „доберется и до санскрита“.

Это правда: она чувствуетъ себя словесницей, и ей дорого

все то, что связано съ „гуманизмомъ“. Клавдія, по-своему, начитана, любитъ иногда щегольнуть знаніемъ психологіи и толковать о „соціологическихъ законахъ“, но она черезъ-чуръ „естественница“. Ей недостаетъ знанія того, какъ шла человѣческая мысль въ своихъ поискахъ „мірового бытія“, она хорошо незнакома съ исторіей мышленія, на многое — и въ идеяхъ, и въ людяхъ — смотреть свысока. Для нея слишкомъ многое кажется „метафизикой“. Прочти она ей вслухъ переводъ самаго глубокаго изъ діалоговъ Платона, она скажетъ навѣрно: „Сладко пѣлъ старичокъ, да больно ужъ туманенъ“.

И развѣ это было не лестно и не отрадно для нея, когда графъ, съ первыхъ дней знакомства, сталъ говорить ей, что онъ живо чувствуетъ разницу между тѣмъ, какъ она подготовлена — и какъ онъ. Безъ фразы, искренно и смѣло жалѣетъ онъ о томъ, что учился скачками, не привыкъ систематически думать, слишкомъ много времени потратилъ на „безпорядочные“ опыты жизни.

Это не хитрый подходъ барина; онъ просто готовъ „поступить къ ней въ обученіе“, какъ онъ еще на той недѣлѣ выразился.

Справа чуть слышнымъ звяканьемъ сталъ доноситься колокольчикъ. Глафира повернула назадъ, ускоряя шагъ. Ею опять овладѣло смущеніе. Но оно было мгновенно. Что за малодушіе! Чего ей скрывать? Что выгораживать? Онъ — самый близкій ей человѣкъ послѣ сестры. Нагонитъ онъ ее черезъ пять минутъ — она даже скажетъ ему, что отправилась гулять въ эту сторону, въ надеждѣ, что онъ зайдетъ къ нимъ къ часу завтрака.

Она пошла медленнѣе. Вотъ звякъ колокольчика перешелъ въ слитый гулъ сильнѣе, сильнѣе. Тройка повернула на перекрестокъ и на полныхъ рыскахъ катила, настигая ее. Глафира закрыла глаза и шла такъ минуты двѣ-три.

Звонъ сразу оборвался. Тройка стала. Вздрагивающій, дорогой ей голосъ крикнулъ:

— Глафира Спиридоновна! Здравствуйте! Хотите, подвезу?

IV.

Завтракъ былъ поданъ на террасѣ.

Таманцевъ — очень загорѣлый и замѣтно пополнившій въ лицѣ — сидѣлъ противъ Глафиры. Старшая сестра помѣщалась сбоку. И она, къ пріѣзду графа, перемѣнила туалетъ — надѣла синюю жакетку мужского покроя, съ стоячимъ воротникомъ рубашки и галстукомъ.

Подали кофе—служила горничная—и разговоръ былъ въ полномъ разгарѣ. Глафира порозовѣла, и ямочки на щекахъ давно уже играли. Клавдія улыбалась широкой улыбкой своего крупнаго рта, откуда глядѣли такіе же крупные зубы.

— Стало быть, — оживленно спросила Клавдія, закуривая папиросу: — мурашкинскіе крестьяне добьются своего съ казной?

— Овчинникъ такъ пишетъ, — отвѣтилъ Таманцевъ, отхлебывая изъ чашки. — Но вѣдь тутъ дѣло осложняется претензіей крестьянъ на пустошь князей Опричинныхъ. А тѣ, въ свою очередь, тагаются съ казной.

— Какъ въ Москвѣ говорятъ: „самъ квартальный не разбира!“ — вскричала Клавдія.

Всѣ засмѣялись. Но Глафира невольно подумала:

„Зачѣмъ это Клавденька всегда при немъ пускаетъ свой жаргонъ?“

— Именно, самъ квартальный не разбира! — повторилъ Таманцевъ и повелъ большой курчавой головой.

Такая неизящная московская прибаутка, когда онъ ее произнесъ, получила совсѣмъ иную окраску. Голосъ его ласкалъ слухъ Глафиры, и самыя слова отзывались тонкимъ юморомъ, звучали мягко и благородно.

— Во всякомъ случаѣ, — заговорила она, повернувъ къ нему голову: — вся волюсть должна за васъ Бога молить, графъ.

Она рѣдко называла его по титулу, Клавдія — гораздо чаще.

— Не въ этомъ дѣло, Глафира Спиридоновна. Съ міромъ до сихъ поръ я ладилъ. Они сразу тогда очень благодарили меня, даже посланіе я получилъ еще въ Петербургѣ, сочиненное ихъ писаремъ Квасовымъ, малымъ плутоватымъ и тайной пьянчугой. Но вѣдь вы знаете, — онъ обратился жестомъ головы къ старшей сестрѣ: — вы знаете, какъ наши православные туги на довѣріе. Да и понятно, — Таманцевъ откинулся на спинку стула: — у мужика всякій грошъ на счету. Дѣлать одолженіе внѣ своего міра, семьи, прихода — онъ не привыкъ, да ему и не на что великодушничать.

— Какъ вы говорите, Андрей Павловичъ: — вырвалось у Глафиры: — великодушничать! У васъ это было просто и искренно, я надѣюсь?

— Погоди, дай графу докончить! — остановила ее Клавдія, приложивъ два пальца къ ея правой рукѣ.

— Вы понимаете, — продолжалъ Таманцевъ, уже въ сторону младшей сестры: — надо взять въ расчетъ душу мужика и крестьянскій міръ. Даромъ ничто не дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Съ

него постоянно берутъ и даже дерутъ. Вотъ онъ и разсуждаетъ такъ: „не ведетъ ли, молъ, его сіятельство и свою линію?“

— Правильно!—выговорила Клавдія, кивнувъ головой по-мужски.

— Развѣ вы уже замѣтили признаки недовѣрія?—спросила Глафіра тревожно.

— У нихъ теперь новый старшина. Вы о немъ должны были слышать, Клавдія Спиридоновна. Фамилія его—Сусловъ.

— Какъ же. Знаю, знаю!.. Даже была съ нимъ въ дѣлахъ. Онъ—кирпичный заводчикъ, и у него въ городѣ винный складъ.

— Онъ, онъ.

— Да развѣ онъ старшина?

— Съ послѣднихъ выборовъ.

— Изъ-за чего же онъ пошелъ? Вѣдь его считаютъ въ стахъ тысячахъ.

— Изъ-за чего?—переспросилъ Таманцевъ и усмѣхнулся.—Аглицкія чувства имѣеть.

— Какъ вы говорите?—спросила Глафіра, переглянувшись съ сестрой.

Таманцевъ всегда употреблялъ дворянское слово: „аглицкій“, а обѣ сестры говорили, какъ большинство бывшихъ гимназистокъ: „англійскій“, и ему даже хотѣлось иногда остановить Глафіру и спросить: зачѣмъ она такъ произноситъ съ удареніемъ на первомъ „ій“?

— Аглицкія чувства у него вотъ въ какомъ смыслѣ: желаетъ участвовать въ дѣлахъ общины, играть роль не какъ купчикъ, не какъ кабатчикъ, а какъ *дандермэнъ*. Отецъ его былъ, какъ слышно, настоящій прасолъ, а онъ—съ образованіемъ, носить модную чолку и синіе сьюты, и говоритъ не на „онъ“, а по-московски .акаетъ. *C'est quelqu'un*, — выговорилъ Таманцевъ вдумчиво и отставилъ допитый кофе.

— Честолюбецъ, значить?—спросила Клавдія.

— Имѣеть полное право,—сказалъ Таманцевъ другимъ, болѣе серьезнымъ тономъ.

— И что же? Онъ мудритъ развѣ?

— Что-то въ немъ есть такое, какая-то двойственность. Ему, кажется, весьма неприятно, что я поддержалъ ходатайство крестьянъ его волости. И даже—между нами—въ разговорѣ со мной на той недѣлѣ онъ точно хотѣлъ мнѣ дать понять, что теперь это его дѣло, и онъ намѣренъ выяснитъ, какъ слѣдуетъ, правильно ли оно было до сихъ поръ ведено. Даже забавно—какія у него при этомъ были интонаціи.

Клавдія взглянула очень быстро на сестру. Ямочки исчезли со щекъ Глафиры, вокругъ рта пошла игра. Она начала волноваться.

— Скажите на милость!—вылетѣло у нея восклицаніе, и она стала сейчасъ же блѣднѣть.

„Прорвется!—подумала Клавдія.—Прорвется! Не выдержать!“

— Вамъ-то что же?—заговорила Клавдія, желая сама направить разговоръ.—Коли мураженинскіе мужики больше будутъ вѣрить своему старшинѣ—и Богъ съ ними! Изъ-за чего же вамъ, графъ, еще на неприятности идти? Это забавно!..

— Не въ томъ только дѣло, Клавденъка,—перебила ее Глафира:—что такой вотъ—честолюбецъ-кабатчикъ, или такой—интеллигентный коммерсантъ; во всѣхъ одно и то же—духъ интриги.

— Какой коммерсантъ?—совсѣмъ просто и беззаботно спросилъ Таманцевъ.

Глафира, не оборачивая головы къ сестрѣ, почувствовала ея взглядъ на себѣ.

— Я такъ, въ примѣру говорю,—поправила она и про себя сказала ей спасибо за предостереженіе: она готова была въ возмущенномъ тонѣ намекнуть на то, что говорилось третьяго дня въ усадьбѣ Кувшинкова.

— На это надо идти,—начала опять Клавдія, положивъ обѣ руки на столъ.—Народъ нельзя не жалѣть, но обсахаривать его тоже не слѣдуетъ.

— Развѣ графъ?..—прервала-было Глафира.

— Про графа я не говорю, а вообще. Графъ самъ сейчасъ сказалъ, что такъ выходитъ по крестьянской психологіи. А такіе экземпляры, какъ этотъ богатъ-старшина—тоже знаменіе времени. Нашъ братъ купецъ—Клавдія любила говорить въ такомъ тонѣ о своемъ сословіи—почувствовалъ силу, и ему вездѣ и во всемъ хочется потягаться съ господами дворянами.

— Ахъ, Боже мой!—вскричалъ Таманцевъ.—Они въ полномъ правѣ.

— А купеческія замашки, графъ,—продолжала Клавдія—известны. Все съ подходцемъ и съ подевырккой.

Таманцевъ засмѣялся молодымъ смѣхомъ. Лицо Глафиры продолжало быть серьезно возбужденнымъ.

— Все это прекрасно,—замѣтила она въ сторону сестры:—но развѣ это не печально, что у насъ если кто-нибудь дѣлаетъ добро прямо, безъ малѣйшей задней мысли, на виду у всѣхъ—сейчасъ же поползутъ изъ разныхъ щелей всякія гадости... точно изъ ящика Пандоры.

— Графы! Наша словесница сейчасъ примѣръ изъ миеологіи. Глафира немного смутилась.

— Ну, придержи другой примѣръ,—возразила она, и ея высокая грудь заколыхалась.

— Что жъ, Глафира Спиридоновна,—борьба! Лучше пускай такіе Сусловы поднимаютъ голову, чѣмъ рабски поддакиваютъ.

— Ну, такіе Сусловы,—замѣтила Клавдія,—къ кому нужно сужать забывать, сдѣлайте одолженіе!

И точно опять подумавъ о томъ, что сестра можетъ „закусить удила“, встала и положила окурокъ своей папиросы на блюдечко.

— Не перейти ли въ комнаты, графъ? Мнѣ хочется кое о чемъ съ вами пометать.

— Насчетъ хозяйства?—спросилъ Таманцевъ и также поднялся.—Да вѣдь я могу только слушать. Вѣдь вы у насъ первый ученый агрономъ въ уѣздѣ, а я—дилеттантъ. У меня еще никакого путнаго хозяйства и нѣтъ.

— Очень ужъ прибѣдниваетесь. Мнѣ хочется узнать, какъ замъ сразу моя идея покажется.

Глафира поняла, что сестра хочетъ ее сегодня отстранить отъ разговора по душѣ съ графомъ, и не разсердилась на нее. Можетъ, такъ и лучше. Да и зря она ничего не выдумаетъ—значить, въ самомъ дѣлѣ, ей пришла какая-нибудь мысль, и она хочетъ изложить ее передъ „стоящимъ мужчиной“.

V.

Тарантасъ гостя уже стоялъ у крыльца, и коренникъ позывалъ колокольчикомъ. Въ гостиной раздавались еще голоса Клавдіи и Таманцева.

Глафира, какъ бы нарочно, чтобы не мѣшать имъ, поднималась къ себѣ въ мезонинъ и сошла внизъ, когда Таманцевъ уже взялся за шляпу.

— Такъ хотите библейскаго звѣря къ намъ перетащить?—спросилъ Таманцевъ, пожимая руку старшей сестры.

Глафира сейчасъ поняла—о чемъ идетъ рѣчь.

— Вы о верблюдахъ?—весело спросила она.—Клавденька вотъ уже вторую недѣлю поглощена этой идеей.

— Идея прекрасная. Если ихъ уже приспособили къ полевымъ работамъ въ самарской и даже въ орловской губерніяхъ—почему имъ у насъ не быть?

— Именно!—вскричала раскраснѣвшаяся Клавдія.—И главное, Андрей Павловичъ, насчетъ скотскихъ надеждъ отлично. Они рѣже подпадаютъ чумѣ, а вы знаете, какая теперь возня съ господами казенными ветеринарами?

И она, на особый ладъ, повела ртомъ.

— И вы думаете, что ихъ можно, на кругъ, приобрести рублей по пятидесяти?—спросилъ Таманцевъ заинтересованнымъ голосомъ.

— Теперь уже понабили цѣну. Но подалѣе въ степи—навѣрное. Пожалуй, и дешевле—рублей на сорокъ на пять.

— Чго-жъ! Дѣйствуйте!

Таманцевъ замолчалъ и, обратившись къ Глафиру, сказалъ ласково:

— А вы отъ насъ убѣжали.

— Я не хотѣла мѣшать совѣщанію агрономовъ. Вѣдь сестра меня по этой части совсѣмъ блаженненъкой считаетъ.

— А я долженъ торопиться. Хочется захватить послѣ обѣда земскаго начальника.

— И долго васъ не увидимъ?—спросила Глафира, идя за гостемъ въ переднюю.

Клавдія остановилась на порогѣ гостиной.

— На будущей недѣлѣ заѣдете, Андрей Павловичъ? И мнѣ хочется съ вами потолковать, только не о верблюдахъ. Книгу одну я теперь читаю... англійскую.

Она произнесла, какъ всегда: „англійскую“, съ удареніемъ на „ій“. И Таманцевъ опять подумалъ: „зачѣмъ она такъ произносить?“

— Съ радостью, Глафира Спиридоновна! Пойдите... дня черезъ два собираюсь отдать визитъ Кувшинкову. Онъ у меня былъ два раза.

— Вы какъ себя тамъ чувствуете, Андрей Павловичъ?

Глафира подняла свои густыя рѣсницы и пристальнѣе поглядѣла на него.

— Они очень милые люди. Въ особенности она. Вы вѣдь съ ней хороши?

— Да... Она симпатичная. А онъ? Какъ вы его находите?

— Провъ Провычъ,—медленнѣе выговорилъ Таманцевъ:—пытливый интеллигентъ. И, кажется, желаетъ быть полезнымъ. Если онъ будетъ баллотироваться по земскимъ выборамъ, я ему положу бѣлый шаръ.

— Вотъ вы какой!..

Глафира порозовѣла въ лицѣ.

— Какой же?—повторилъ Таманцевъ.

Подошла Клавдія.

— Вотъ сестра все боится, Андрей Павловичъ, что я проговорюсь... Я ничего лишняго не скажу, но, право, вы такъ добры и доврчивы... вы и не предполагаете никогда, что многіе этого совсѣмъ не заслуживаютъ.

— И вы съ сестрой также?—спросилъ Таманцевъ и засмѣялся.

— Мы не въ счетъ,—отозвалась Клавдія въ тонъ ему.

— Если милѣйшій Провъ Провычъ прохаживается насчетъ меня,—замѣтилъ Таманцевъ:—такъ вѣдь и я не безгрѣшенъ на его счетъ. Я его прозвалъ „газеуг“ за его манеру безконечно долго рассказывать.

— Газеуг!—подхватила Клавдія.—Это превосходно!

— Да, онъ газеуг!—выговорила Глафира. А все-таки... это не причина... Клавденька! не смотри ты на меня!.. Не проговорюсь!

Она еще разъ протянула руку гостю и крѣпко пожала.

— Когда мы съ ней о васъ говоримъ,—добавила Клавдія,—я всегда повторяю простую поговорку: на всякое чиханіе не наздравствуешься!

— И вы совершенно правы, Клавдія Спиридоновна. И вамъ спасибо за дружбу,—сказалъ Таманцевъ и еще разъ пожалъ руку Глафирѣ.

Онѣ обѣ вышли на крыльцо.

Тарантасъ на рессорахъ былъ запряженъ тройкой бурыхъ лошадей въ хомутахъ съ мѣднымъ наборомъ. Пристѣжные потряхивали бубенчиками и длинными ремнями въ бляхахъ—по бокамъ. Кучеръ въ поддевкѣ—молодой, слегка рябоватый малый—молодцовато сидѣлъ немного вбокъ и заломивъ назадъ поярковую шляпу съ павлиньимъ перомъ.

Коренникъ широкой грудью выпятился впередъ и поводитъ сердитымъ правымъ глазомъ.

— Какой онъ у васъ страшный!—замѣтила Клавдія.

— Я бы не поѣхала!—вырвался возгласъ у Глафиры.

— Вы лошадей не любите, не то что сестра ваша,—сказалъ, усаживаясь, Таманцевъ: онъ намекалъ на то, что Клавдія съ третьяго года завела себѣ небольшой заводъ рабочихъ лошадей—битюковъ—и выписала изъ Франціи пару „першероновъ“.

— Коньковъ моихъ посмотрите какъ-нибудь! — крикнула Клавдія, когда тарантасъ поворачивалъ отъ крыльца къ воротамъ.

Таманцевъ снялъ шляпу и еще разъ поклонился имъ. Клавдія наклонила по-мужски голову, Глафира махнула платкомъ.

— Трогай!—приказалъ Таманцевъ кучеру, и тотъ пустилъ доброй рысью, какъ только они выѣхали изъ-за околицы хутора.

Деревенскія строенія у Колчановыхъ стояли новыя и розовѣли на солнцѣ свѣжимъ деревомъ. Рига, казармы для рабочихъ, амбары и подвалы были кирпичныя, красиво обшитыя по гранямъ стѣнъ тесовымъ камнемъ—всѣ съ зелеными крышами.

Хозяйство Клавдіи вызывало въ Таманцевѣ чувство пріятельской зависти. Дѣвица, одна, съ двумя нарядчиками—ведетъ крупное дѣло и справляется съ нимъ прекрасно. Подготовка у нея серьезная. Она „естественница“, много знаетъ, натура мужская, смѣла и въ то же время расчетлива, не зарывается, вѣритъ въ науку, не мечтательна и къ „мужичку“ относится трезво и даже немножко какъ бы суховато.

По натурѣ она интересуется его больше, чѣмъ Глафира; но у той есть складъ идей и настроеній, которыя согрѣваютъ и поддерживаютъ его здѣсь—въ усадьбѣ, въ уѣздѣ, куда онъ вернулся съ такимъ рѣшительнымъ намѣреніемъ „сѣсть на землѣ“ и работать, какъ только съумѣетъ, и для народа, и для людей всѣхъ классовъ, кто не хищникъ и не тунеядецъ.

Глафира трогаетъ его своей преданностью. Она сдержала себя сегодня, но ясно было, какъ сильно ее возмутила какая-нибудь глупая или злая выходка, направленная противъ него въ домѣ Кувшинкова или у другихъ сосѣдей.

По приѣздѣ изъ Петербурга онъ еще чаще сталъ бывать у сестеръ. Про свою любовь онъ и прежде ничего не говорилъ Глафирѣ, а теперь ему было бы еще тяжелѣе изливаться. Задушевный тонъ этой дѣвушки, ея чуткая отзывчивость на все, что его интересовало, ея серьезность и образованіе помогали ему забыть испытанія Петербурга, найти самого себя, отдаваться благодушно-бодрому чувству, которое онъ—какъ самъ выражается—„воздѣлываетъ“ въ себѣ.

Какая важность въ томъ, что „гасеур“ Кувшинковъ за глаза прохаживается на его счетъ!.. Купчикъ этотъ—очень честолюбивъ и мѣтитъ въ предсѣдателя управы, считаетъ его соперникомъ. И напрасно!

Отъ общественной службы онъ, въ принципѣ, отказываться не станетъ; но идти—на ближайшихъ выборахъ—въ предсѣдателя, даже еслибъ его и стали упрашивать—чего не будетъ—ему еще рано. Слишкомъ мало въѣлся онъ въ нужды уѣзда; порядочно знаетъ онъ только свою „округу“, т.-е. много-много

двѣ-три волости. А уѣздъ огромный—на обоихъ берегахъ великой рѣки, и заволжская часть—совсѣмъ съ другимъ пошибомъ населенія, даже съ другой расой—на половину инородческой, съ расколомъ, который и по сю сторону держится кое-гдѣ, съ первобытнымъ лѣснымъ хозяйствомъ, съ преобладаніемъ казенныхъ угодій,—край темный и суровый. Предсѣдатель управы долженъ все знать въ уѣздѣ.

„Расепг можетъ спать спокойно“,—шутливо подумалъ Таманцевъ, покачиваясь въ тарантасѣ.

VI.

Та же рѣка, что и въ Колчановѣ, протекала передъ фасадомъ барскаго дома въ усадьбѣ Таманцева.

Вернувшись отъ сосѣдовъ, онъ прошелъ на балконъ, немного встряхнуться послѣ сидѣнья въ тарантасѣ. Онъ любилъ этотъ тѣнистый и просторный балконъ съ колоннами стариннаго родового дома, выстроеннаго въ началѣ вѣка изъ дубоваго лѣса.

Балконъ выстилали плиты; въ сѣважинахъ между ними давно проросла трава, и онъ не приказывалъ ее вырывать.

День стоялъ очень теплый, почти жаркій. Млечный налетъ покрывалъ мелкую чешую рѣки. Немного вправо отъ усадьбы Таманцева она загибалась подъ косымъ угломъ такъ, что съ балкона виденъ былъ и ея заворотъ съ клиномъ поемныхъ луговъ въ этомъ загибѣ. За рѣкой, въ полверстѣ вдоль опушки сосноваго бора, бурѣли деревенскія постройки и цѣлые ряды свѣже-порубленныхъ дровъ и пирамиды бревенъ.

Каждый разъ, какъ Таманцевъ заглядится на зарѣчье, ему становится жаль лѣса, проданнаго на срубъ купцу или барышнику изъ мужиковъ.

Продать его недавно его сосѣдъ, старикъ Балахнинъ, и какъ разъ тому старшинѣ, Суслову, съ которымъ онъ теперь долженъ водиться по дѣламъ Мурашкинской волости.

Новый законъ не позволяетъ, къ счастью, истреблять лѣсъ совсѣмъ хищнически, какъ это дѣлали еще такъ недавно; но вся молоса этого чудеснаго бора вдоль рѣки исчезнетъ къ концу лѣта подъ топорами сусловскихъ рабочихъ.

Купецъ выкуриваетъ дворянина—вотъ что онъ видитъ все яснѣе и яснѣе. Нужды нѣтъ, что въ уѣздѣ есть сотни тысячъ помѣщичьей земли, и по сю сторону Волги, и по ту. Какія фамиліи значатся въ спискѣ здѣшнихъ землевладѣльцевъ? Князья,

графы, столбовые дворяне временъ Симеона Гордаго, рядомъ съ потомками татарскихъ мурзъ и финскихъ инородцевъ. Но въ уѣздѣ не живетъ по зимамъ почти ни одного крупнаго владѣльца-дворянина. Онъ—единственный титулованный помѣщикъ, если не считать старухи княгини Охлестиной съ дочерью—старой дѣвой—обѣднѣвшей и выживающей изъ ума; да и тѣ прїѣзжали сюда только лѣтомъ.

А купецъ захватываетъ уѣздъ; за нимъ тянется и прасолъ, скупщикъ, богатый мужикъ, какъ все тотъ же старшина Сусловъ, который не желаетъ выписываться въ купцы, а съ особымъ ударе-ніемъ называетъ себя „хлѣбопашцемъ“, хотя у него заводы и винные склады и онъ покупаетъ дворянскіе лѣса на срубъ.

Вотъ сегодня предстоитъ ему разговоръ съ земскимъ начальникомъ Сурепинымъ, его ближайшимъ сосѣдомъ. Тотъ любитъ говорить на ту же—дѣйствительно первенствующую для всей страны—тему: въ чьи руки идетъ земля? Когда онъ слушаетъ господъ съ такимъ отгнѣномъ дворянской скорби, какъ этотъ въ сущности умный, честный и образованный молодой человѣкъ,—ему ставовится не по себѣ. Онъ готовъ всегда крикнуть: „туда имъ и дорога, тѣмъ дворянамъ, кто спускаетъ свои родовыя угодья!“ Но вѣдь такимъ возгласомъ не рѣшишь вопроса и не населишь уѣздъ настоящими друзьями народа и преданными дѣтьми своей отчизны. Земля идетъ скупщику и кое-когда крестьянской общинѣ. Мужикъ, покупающій у разорившагося барина его вотчину,—всегда самъ кулакъ, оторвавшійся отъ общины, мѣтитъ въ купцы, и у него батракамъ живется хуже, чѣмъ у господъ,—каждый мужикъ вамъ это скажетъ. Но онъ умѣетъ подладиться, когда ему нужно, въ волостному правленію или сельскому сходу гораздо ловчѣе всякаго барина. Навѣрно, когда Сусловъ купитъ у старика Балахнина и его пустошь за лѣсомъ, мужики бывшей таманцевской экономіи станутъ на него смотрѣть иначе, чѣмъ они до сихъ поръ смотрятъ на „графчика“, хотя они всѣ низко ему кланяются и называютъ „осударь“ и „нашъ кормилецъ“.

Вонъ вправо за слѣзбами, на холмѣ, раскинулось Таманцево. Смотрить оно зажиточнымъ селеніемъ; а давно ли онъ нашелъ здѣсь самую жестокую безхлѣбницу, ни у кого ни единого рубля въ кошелѣ, ни скота, ни ржи въ закромахъ, ни овса, ни картофеля—ничего!

Кормилъ онъ ихъ круглый годъ. Теперь они поправляются; но сдѣлать ихъ исправными домовитыми мужиками—значитъ подарить еще на каждую избу по нѣскольку головъ скота и при-

рѣзать—даромъ—на каждую душу по нѣскольку десятинъ земли. Онъ и на это бы пошелъ—особенно тогда, подѣ острымъ впечатлѣніемъ голодовки. И теперь онъ за полцѣны сдаетъ имъ пахатную землю и поемные луга. Но развѣ это было бы радикальное средство?

Ихъ сосѣди—крестьяне Муражминской волости—были отпущены на волю еще до „объявленія воли“, и владѣлецъ подарилъ имъ—по духовному завѣщанію—всю землю. Приходилось чуть не по двѣнадцати десятинъ на душу, былъ и лѣсъ, была и водяная мельница, три огромныхъ пчельника. А теперь они—два захудалыхъ сельскихъ общества, гдѣ на три двора приходится по одной лошади, коровы далеко не у всѣхъ, лѣса давно и въ поминѣ нѣтъ, и даже десятины подѣ вырубленнымъ лѣсомъ они, до сихъ поръ, хорошенько не выкорчевали.

Вотъ факты—и съ каждымъ днемъ ихъ все больше и больше.

Таманцевъ вспомнилъ, что ему надо распорядиться—снрядить подводу въ городъ за ежемѣсячнымъ заборомъ въ колоніальной лавкѣ. Обѣдать онъ дома не будетъ и попадетъ къ земскому начальнику часу въ седьмомъ; если засидится, то его оставить ночевать.

Второй годъ живетъ онъ одинъ въ запущенномъ домѣ, гдѣ половина комнатъ не отапливается; а обширный мезонинъ зимой стоитъ заколоченнымъ. Лѣтомъ тамъ кладутъ спать гостей.

Онъ живетъ въ четырехъ парадныхъ комнатахъ, расположенныхъ вдоль фасада на рѣку. Зала служила ему столовой; въ гостиной почти никогда онъ не сидѣлъ. Кабинетъ и спальня составляли его настоящее жилье.

Кабинетъ былъ вдоль двухъ стѣнъ обставленъ широкими швафами краснаго дерева съ бронзой. Они хранили еще праѣдовскую библіотеку—всю въ кожаныхъ переплетахъ, съ золотымъ обрѣзомъ и тисненіемъ на обѣихъ доскахъ. Всего больше было французскихъ книгъ XVIII-го столѣтія. Мальчикомъ онъ впервые добылъ оттуда „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“ аббата Бартеми, Вольтерова „Кандида“ и сокращеннаго Плутарха съ портретами.

Праѣдъ былъ масонъ, пріятель Муравьева-Апостола и Лунина, и нѣкоторыя масонскія сочиненія остались въ рукописныхъ экземплярахъ; одинъ—отлично переписанный собственной рукой праѣда: „изъ твореній Іоанна-Масона“. Помнилъ онъ и книжку: „Апология или защищеніе свободныхъ каменщиковъ“, доставшуюся праѣду отъ извѣстнаго сенатора Лопухина. Этой книжки онъ уже не нашелъ теперь; но рукописное мистическое твореніе

Іоанна-Масона осталось нетронутымъ, только еще больше пожелтѣло и страницы слиплись во многихъ мѣстахъ.

Готовилъ ему поваренокъ, привезенный изъ Москвы. Штатъ, кромѣ камердинера, сводился къ ключницѣ и судомойкѣ, — ключница на дняхъ заболѣла, — вучеру и рабочему, который посылался съ „оказіей“. Нарядчика держалъ онъ для маленькой запашки; фруктовымъ садомъ и цвѣтникомъ завѣдывалъ малый изъ земледѣльческаго училища.

Камердинеръ Лаврентій сохранялъ точно такой же видъ и тонъ, какъ и въ Петербургѣ. Онъ былъ „закоренѣлый холостякъ“, какъ самъ себя называлъ, и любилъ читать газеты. Не всегда онъ сразу слышалъ звонокъ изъ кабинета, хотя и не былъ туго на ухо.

На этотъ разъ Лаврентій — въ синемъ пиджакѣ съ графскаго плеча — явился сейчасъ же и, выслушавъ распоряженіе барина насчетъ подводы въ городъ, доложилъ, что поваръ написалъ въ запискѣ еще нѣсколько „продуктовъ“, какихъ въ „прежній разъ“ не спрашивалъ.

Таманцевъ просмотрѣлъ записку повара и сказалъ:

— Что-жъ! Это все можно.

Лаврентій — вообще экономный — ничего не возразилъ, отошелъ къ двери и кашлянулъ въ руку.

Таманцевъ не любилъ, чтобы его часто величали „ваше сіятельство“, и Лаврентій говорилъ ему просто „графъ“.

— Нужно что-нибудь? — спросилъ онъ.

— Женщина пришла изъ деревни... къ вамъ, графъ... просить.

Такія обращенія бывали почти ежедневно.

— О чемъ? На бѣдность?

— Мужики ее обижаютъ тамъ, что-ли. Она на сходъ жалуется и на старосту. Цѣлая выходитъ исторія.

Лаврентій значительно повелъ губами.

— Сосипатрова она прозывается... бобылка, вдова... И такая, графъ, характерная старуха. Говорить складно, и языкъ точно бритва.

— Позови! — сказалъ заинтересованно Таманцевъ и прошелъ въ залу.

VII.

Половинку двери осторожно отворили изъ передней и на порогъ стала женщина высокаго роста, опрятно одѣтая въ потертый кафтанъ синяго сукна, съ платкомъ, которымъ и шея была обер-

нута; верхній его край на головѣ выдвигался надъ лицомъ, и оттуда глядѣли два большихъ впалыхъ глаза.

Таманцеву лицо этой крестьянки показалось знакомымъ—испитое, бурое, когда-то навѣрно красивое, совсѣмъ библейское, какъ у многихъ бабъ въ его округѣ.

Таманцевъ подался впередъ. Авдотья, беззвучно и не сгибая спины, опустилась на колѣни. Онъ очень не любилъ этого. Всегда мужицкіе земные поклоны наполняли его чувствомъ стыда и жуткой неловкости.

— Пожалуйста, матушка! — нервно облизнулъ онъ ее. — Встань! Не надо такъ!

Авдотья все-таки прикоснулась кистью правой руки къ полу и такъ же медленно поднялась.

Онъ подошелъ къ ней ближе.

— Что надо? — спросилъ онъ участливо. Лицо и вся повадка Авдотьи подѣйствовали на него.

Деревенскимъ онъ говорилъ всѣмъ „ты“ послѣ того, какъ самъ убѣдился, что „вы“ часто выходятъ просто смѣшно—особенно когда мужикъ или баба говорятъ вамъ: „ты, батюшка“—и на „вы“ нѣтъ возможности сбить.

Авдотья припала-было къ рукѣ. Онъ отвелъ ее.

Двѣ крупныхъ слезы потекли по ея впалымъ и бурнымъ щекамъ.

— Къ вашему сіятельству,—начала она, сдерживая слезы. — Коли у васъ суда не найду, надо въ кусочки идти.

Голосъ у нея былъ еще замѣчательно молодой, низкій, говоръ ясный и менѣе крестьянскій, чѣмъ въ ихъ мѣстности, но съ чистымъ звукомъ „о“, какъ ѡкалъ весь уѣздъ.

— Въ чемъ же дѣло, матушка?

— Ежели все рассказывать, ваше сіятельство, вамъ будетъ вѣдно. Отъ стариковъ мнѣ житья нѣтъ, отъ здѣшнихъ. А теперь и совсѣмъ по міру гонять наши горлопаны.

Авдотья такъ выговорила это слово „горлопаны“, что Таманцевъ тотчасъ же подумалъ: „съ характеромъ баба“.

Передъ нимъ стояла старая женщина—онъ это увидалъ по глубокимъ морщинамъ.

— Присядь, матушка,—сказалъ онъ ей, указывая на стулъ около окна.

— Постою, ваше сіятельство.

— Садись,—повторилъ онъ и самъ сѣлъ у того же окна.

Авдотья не стала ломаться и, подобравъ полы кафтана крестьянскимъ жестомъ, присѣла на край стула.

— Расскажи. Только ты меня извини... Я долженъ скоро ѣхать.

Сѣрые, еще непотухшіе глаза Авдотьи блеснули, и все лицо стало какъ бы моложе и красивѣе.

— Не обезсудьте, Христа ради, ваше сіятельство!..

Она начала рассказывать складно, безъ бабьей болтовни, причитаній и всхлипываній. У нея, уже больше двадцати лѣтъ, идуть нелады съ селомъ, съ сельскимъ сходомъ, со стариками и старостами. Вышла она замужъ за зажиточнаго мужика, промышленнаго извозомъ. Жили хорошо. Страссалъ бѣда. Мужа зарѣзали. Обвинили, по наговору мужиковъ, „въ первую голову“ ее, судили и оправдали. Ея дѣло было одно изъ первыхъ громкихъ уголовныхъ дѣлъ тогдашняго времени, и Таманцевъ вспомнилъ про это дѣло, о которомъ много толковали и въ барскомъ обществѣ, когда онъ еще ходилъ въ курточкѣ. Адвокатъ, защищавшій ее, сразу прославился и теперь „въ большихъ капиталахъ“. При ней остался сынъ, мальчикъ лѣтъ семи-восьми. Вернулась она въ деревню, и тутъ началась ея распря съ односельчанами. Никто не хотѣлъ вѣрить въ ея невиновность; по надѣлу обидѣли ее, тѣснили всячески. Занималась она немножко леченіемъ—барышня одна научила, когда она жила дѣвушкой въ работницахъ въ одной господской усадьбѣ. Прославили колдуньей и два раза били „до полусмерти“. Сына она сама обучила грамотѣ, отдала въ ученье. Вернулся онъ въ деревню и завелъ „кѣзю“. И сына на нее науськивать стали, наговаривать, что она, молъ, доподлинно отправила на тотъ свѣтъ его отца. Такъ она „промаячила“ до его смерти. Онъ выпивалъ и ранней весной, въ прошломъ году, провалился въ „забру“. И тутъ ее мужики „окаяли“, пошли „гугторить“—сынъ, молъ, нарочно утопился, не могъ вынести того, что мать—„душегубка“, зарѣзала его отца. Надѣлъ у нея сельскимъ сходомъ отняли и теперь гонять изъ избенки. „Стройся, молъ, гдѣ хочешь, а мы тея,—кончила Авдотья, вставъ,—больше держать не станемъ на общественной землѣ. Ты лиходѣйка и всему нашему обществу одинъ сордмъ“,—протянула она съ явной ироніей.

Голосъ ея вздрогнулъ и лицо стало глубоко-скорбное.

— Вотъ, ваше сіятельство, какое мое житье. Не думала я васъ беспокоить. Идти жалиться къ земскому—горлопаны со старостой оговарять. Вашу добрую душу достаточно видѣла въ голодовку. Ежели не вы—надѣвай котомку и ступай побираться съ клюкой.

Онъ соби́рался къ Суре́пину. Очень кстати было попросить о ней.

— Я погово́рю съ земскимъ нача́льникомъ. Онъ войдетъ въ это.

— Онъ извѣстенъ объ этомъ, ваше сіятельство. Противъ схода и онъ не пойдетъ.

— Все-таки я погово́рю, — сказа́лъ Таманцевъ, отпу́ская ее. — Приходи послѣ-завтра, поу́тру.

Авдотья опять порывалась приложиться рукою къ полу. Онъ не допустилъ, и она поцѣловала его въ плечо и вышла медленно, съ низкимъ поклономъ.

Вернувшись въ кабинетъ, Таманцевъ взялъ съ письменнаго стола нумеръ газеты, сорвалъ бандероль и вышелъ съ газетой на балконъ.

Получалъ онъ одну московскую газету — направленія симпатичнаго ему — и двѣ французскихъ. Толстыхъ журналовъ выписывалъ онъ нѣсколько; съ новаго года былъ подписанъ и на два земледѣльческихъ.

Просмотрѣлъ онъ телеграммы и читать передовую статью не захотѣлось. Онъ прислонился къ одной изъ колоннъ и задумался.

Ему все еще слышался низкій, отчетливый говоръ Авдотьи. И впалые глаза, съ расширенными зрачками, глядѣли на него. Вся ея значительная повадка, съ платкомъ, надвинутымъ на лобъ, оставила въ немъ яркій слѣдъ.

Личность говорила въ ней, настоящая личность сильной и несчастной женщины, не плаксы, не подхалимки, не побирушки и не обманщицы. Онъ готовъ былъ поручиться, что она ни въ одномъ словѣ не солгала ему.

Судьба ея — не заурядная; но что же вытекало изъ этой судьбы? Во-первыхъ то, что у народа — „свой“ судъ. Ее оправдали; но оправдали „господа“. А на селѣ ее не перестаютъ и до сихъ поръ считать „душегубкой“. И двадцать-пять лѣтъ „православные“ тыкали ее этимъ въ глаза, тѣснили назойливо, создали ей славу знахарки, знающей съ нечистой силой, восстанавливали сына, который, быть можетъ, такъ и умеръ, подозрѣвая въ своей матери убійцу отца.

И все это дѣлали „горлопаны“, т.-е. старѣйшіе члены селскаго схода, и очень вѣроятно, что сходъ — по-своему — правъ, даже выживая ее совсѣмъ, толкая на большую дорогу съ сумой и клюкой.

Но какой звукъ убѣжденія и накопившейся горечи и силы въ этой бабѣ! Она, небось, отлично знаетъ, что такое самосудъ

„однообщественниковъ“, какъ здѣшніе крестьяне любятъ выражаться на своемъ жаргонѣ. Она имѣетъ право глубоко презирать и ненавидѣть своихъ родичей и односельчанъ. Нигдѣ въ городѣ: ни у господъ, ни у купцовъ, ни у чиновниковъ, ни у актеровъ—живи она въ работахъ или нянькахъ—не стали бы вымещать на ней подозрѣнія въ томъ, что она „убийца“, нигдѣ бы не стали „до полу-смерти“ бить, сочинивъ, въ своей дремучей дикости, что она знается съ „шайтаномъ“, тогда какъ она давала „присыпочки“, сухой вѣробой или много-много гулярову воду.

Онъ—графъ Таманцевъ, „добрый баринъ“—можетъ подарить ей нѣсколько сажень земли и лѣсу на избышку, но противъ „горлопановъ“ онъ безсиленъ.

„Однако, если такъ разсуждать,—подумалъ онъ,—дойдешь, пожалуй, и до того, что станешь оплакивать вотчинное право и рабовладѣтельство“. Вѣдь тогда Авдотья у такихъ помѣщиковъ, какъ онъ, давнымъ-давно нашла бы судъ и правду.

VIII.

Тройка, успѣвшая выстояться, повезла Таманцева въ томъ же рессорномъ тарантасѣ. Пришлось ѣхать лѣсомъ и болотцами, гдѣ то-и-дѣло попадались „гати“ и песчанныя колен, размытыя ранней водой.

Показываясь на своемъ сидѣннѣ, Таманцевъ находилъ, что онъ, въ послѣднія недѣли, слишкомъ много разъѣзжаетъ: „точно Чичиковъ въ своей бричкѣ“,—назвалъ онъ мысленно. Не оттого ли, что ему въ его старыхъ барскихъ палатахъ не сидится? Или оттого, что нѣтъ у него дома настоящаго хозяйскаго дѣла?

Угодья его не требуютъ ежедневнаго присмотра. Лѣсъ—стоитъ себѣ, порученъ нарядчику; въ немъ производятся правильныя порубки, онъ давно подвергнутъ надзору и разбитъ на участки. Луга и десятины пахатной земли—почти всѣ въ арендѣ. У него крошечная запашка, больше игрушка, нѣтъ даже особаго хуторка; а рабочіе живутъ въ одной изъ обширныхъ людскихъ. Фруктовый садъ—въ толковыхъ рукахъ. Его можно было бы расширить; но при суровости климата—врядъ ли стоитъ. Да и вообще чисто хозяйскіе замыслы не тѣшатъ его. Того, что онъ получаетъ съ имѣнья и дома въ Петербургѣ, очень довольно и за уплатой долга въ банкъ. Мечтаетъ онъ пока о двухъ вещахъ: завести образцовую мызу съ тѣмъ, чтобы окрестные мужики могли улучшать породу своего скота, да небольшой конскій заводъ въ родѣ того,

какой есть у Колчановыхъ, исключительно для домовиковъ, но съ тою же цѣлью. И то, и другое дѣло требуетъ подготовки. Учиться надо у Клавдіи Спиридоновны. На это уйдетъ все лѣто. Затраты будутъ не малыя; придется съѣздить не одинъ разъ въ Москву и въ орловскую губернію или на ту ярмарку въ воронежской, гдѣ продаются знаменитые „битюки“.

До сихъ поръ онъ еще не можетъ смотрѣть на себя какъ на „вотчинника“, на человѣка, желающаго извлекать изъ своего имѣнія наибольшій доходъ. Да врядъ ли онъ когда-нибудь и будетъ такимъ землевладѣльцемъ. Его сильно притягиваетъ жизнь „уѣзда“—этой единицы, о которой прежде никто не говорилъ,—народъ, его нужда, беспомощность, темнота, пороки, умъ, душевный складъ, его затаенныя мечты, надежды, тоска, его чудесныя свойства и его распушенность, коренные пороки—загулъ, неряшество, равнодушіе ко всему, что не хлѣбъ насущный,—его порыванія въ надземный міръ. А потомъ всякіе вопросы крестьянскаго и земскаго представительства: куда вся эта машина движется, на кого надѣется въ ближайшемъ будущемъ; кто въ уѣздѣ дѣйствительно дѣлаетъ дѣло и честно думаетъ; на что должны бы идти „поборы“; въ чемъ есть настоящая надобность—въ какихъ матеріальныхъ и духовныхъ начинаніяхъ?

Въ „своему брату дворянину“ у него очень лежитъ сердце. Изъ тѣхъ помѣщиковъ, кого онъ знаетъ по уѣзду, ни одинъ человѣкъ не вызвалъ въ немъ, до сей поры, чувства, похожега на готовность пристать къ нему, идти съ нимъ въ ногу. Его друзья—разночинцы: докторъ Домашневъ и Колчановы; да и въ Клавдіи не находятъ онъ вполне великодушнаго отношенія къ народу и къ общему дѣлу, какое хочетъ воспитывать въ себѣ. Но она все-таки—настоящій мѣстный дѣятель, и ею кормится не мало народа. Она готова поддержать все полезное для жизни уѣзда. Изъ ближайшихъ сосѣдей интересуютъ его два: Кувшинковъ—интеллигентъ изъ купцовъ, и земскій начальникъ Сурепинъ, въ которому онъ теперь ѣдетъ.

Въ ихъ уѣздѣ четыре земскихъ начальника—и губернаторъ хвалится ихъ подборомъ, постоянно повторяетъ, что лучше у него уѣзда нѣтъ: Сурепинъ—университетскій кандидатъ; есть двое бывшихъ мировыхъ судей, а четвертый—изъ отставныхъ артиллерійскихъ офицеровъ, учившійся въ академіи.

Новому учрежденію онъ еще до пріѣзда не сочувствовалъ. И въ немъ все еще кроется протестъ противъ „захвата власти“, какъ называетъ его пріятель, докторъ Домашневъ. Быть можетъ,

не сиди его сосѣдъ Сурепинъ на *такомъ* мѣстѣ, онъ бы давно былъ съ нимъ на болѣе короткой ногѣ. Впрочемъ, врядъ ли!..

Этотъ Сурепинъ попалъ въ начальники по женѣ; въ имѣніи ея онъ и живетъ. Своего состоянія у него, какъ слышно, нѣтъ. Онъ учился на словесномъ факультетѣ; кажется, историкъ по специальности, много знаетъ, человѣкъ далеко не зауряднаго ума, любитъ отвлеченные разговоры, отстаиваетъ упорно свои взгляды и вѣрованія. Но и отъ него немного „отшибаетъ“ нынѣшнимъ сословнымъ „душею“. Чистый онъ славянофилъ, или только консерваторъ въ новѣйшемъ духѣ—Таманцевъ не разглядѣлъ еще. Онъ считается въ уѣздѣ „ханжей“, постится, бываетъ на всѣхъ службахъ, въ своей должности ретивъ, не дерется, не любитъ розогъ, держать себя тихо и съ достоинствомъ, въ гости ѣздитъ рѣдко, въ карты не играетъ. Его вообще не любятъ въ уѣздѣ.

Раза два Таманцевъ спорилъ съ нимъ и находилъ всегда въ Сурепинѣ складъ мнѣній и оцѣнокъ, отзывавшійся чѣмъ-то довольно чуждымъ ему, хотя и не прямо враждебнымъ тому, что онъ считаетъ честнымъ и порядочнымъ. На роль дворянства, на школу, на церковь, на „ходячій радикализмъ“—его выраженіе—Сурепинъ смотритъ по-своему. Тонъ у него тихій и скептический, съ нѣкоторымъ юморомъ, когда рѣчь идетъ о мужикѣ, общинѣ, сходкахъ, волостныхъ дѣлахъ. Въ процессѣ Мурашкинской волости онъ скорѣе склоняется на сторону крестьянъ; но когда онъ говорить объ этомъ съ Таманцевымъ, то у него въ глазахъ вспыхиваетъ полунасмѣшливый огонекъ. Точно онъ хочетъ сказать: „Какой вы дилеттантъ народничества! Но вы сами себя тѣшите и вамъ нравится воображать себя римскимъ трибуномъ“.

Почти навѣрное можно сказать, что онъ не заступится за Авдотью Сосипатрову такъ, какъ бы заступился Таманцевъ, будь онъ самъ земскимъ начальникомъ. Въ дѣла общины онъ не любитъ вмѣшиваться, когда „старики“ что-нибудь рѣшили. Онъ стоитъ за „общину“ и слово это произноситъ по-московски, съ удареніемъ на букву „и“. Кажется, его главная забота: поднимать чистоту нравовъ, не допускать частыхъ дѣлежей, искоренять пьянство и подходы посредствомъ водки. Сословнаго задора и чванства въ немъ нѣтъ, но о себѣ лично онъ, кажется, высокаго мнѣнія, о своемъ образованіи и честности. На свою „миссію“ онъ смотритъ все-таки не такъ, какъ интеллигентъ-разночинецъ, а какъ человѣкъ избраннаго меньшинства, если не сословія, которое призвано выполнять высшую патріотическую задачу.

Часамъ къ шести тарантасъ Таманцева подъѣзжалъ къ усадьбѣ земскаго начальника. Она стояла во впадинѣ, между двумя при-

горками. Домъ былъ выстроенъ года съ два назадъ, въ стилѣ подгородныхъ дачъ, съ башенкой. Жидкій цвѣтникъ темнѣлъ передъ фасадомъ. Вся мѣстность смотрѣла уныло и голодъ.

Въ двухъ верстахъ за пригоркомъ располагалось село съ восточнымъ правленіемъ, самое большое изъ всѣхъ сель участка.

Жуткая тишина стояла вокругъ, когда Таманцевъ вѣхалъ на дворъ. Не видно было никого—ни людей, ни животныхъ. На крыльцо тоже никто не выбѣжалъ на колокольчикъ.

Въ передней разсылный, одѣтый въ сѣрый казакинъ, расторопный малый съ рѣдкой бородкой, доложилъ ему, что Иванъ Ивановичъ „сейчасъ будутъ изъ волости“, и что „они еще не кушали“. Барыни не было дома—она уѣхала „въ губернію“—какъ сообщилъ гостю тотъ же разсылный.

Приходилось ждать. Таманцевъ прилегъ на кушетку въ кабинетъ хозяина. Его сильно растрясло по гатамъ и лѣснымъ колеямъ.

Домикъ былъ отдѣланъ уютно; но внутреннія стѣны стояли еще въ деревѣ. Въ кабинетъ—узкой комнатѣ съ однимъ шкафомъ и письменнымъ столомъ—почему-то стоялъ запахъ мяты. На одной изъ стѣнъ Таманцевъ разглядѣлъ портретъ графа Толстого, но тотчасъ же про себя замѣтилъ, что Сурепинъ не смахиваетъ на настоящаго толстовца. Шкапчикъ съ книгами—дубовый, подъ воскъ, рыночной работы—изнутри былъ завѣшенъ свѣтловеленой тафтой. Весь кабинетъ смотрѣлъ комнатою холостяка. Нигдѣ ни папиросныхъ окурковъ, ни пепельницы—Сурепинъ не курилъ. Въ углу, надъ соломеннымъ кресломъ—большой образъ, въ позолоченной ризѣ, съ лампадкой. За женой Сурепинъ взялъ имѣніице; но все тутъ смотрѣло только-что безбѣдной жизнью. Вѣроятно, жалованье въ двѣ съ половиной тысячи—большое имъ подспорье, какъ почти всѣмъ тѣмъ, кто идетъ въ земскіе начальники.

„А ты пошелъ бы?—вдругъ спросилъ себя Таманцевъ, лежа на кушеткѣ, съ закинутыми за голову руками. Этотъ вопросъ еще ни разу не представлялся ему. Такую должность онъ взялъ бы только по принципу, а онъ съ ней еще не помирился, хотя и считалъ ее чрезвычайно важной—особенно по нынѣшнему времени. Въ рукахъ четырехъ дворянъ въ уѣздѣ—вся жизнь крестьянскаго населенія въ полтора-два тысячъ человѣкъ,—шутка! Нѣтъ ни одного крупнаго момента въ судьбѣ любого мужика, гдѣ бы онъ въ великорусской деревнѣ не чувалъ своей связи съ „обществомъ“; а надъ этимъ „обществомъ“ возвышается вотъ такой наибольшій, руководить совѣстью, правдой, волей и душой каждаго схода и въ селѣ, и въ волости.

„Шутка!“ — еще разъ вырвалось у Таманцева въ ту минуту, когда по голосамъ въ передней онъ услышалъ, что Сурепинъ вернулся.

IX.

Въ маленькой столовой самоваръ сталъ уже погасать. Хозяинъ и гость давно сидѣли тутъ и разговоръ ихъ затянулся.

Сурепинъ смотрѣлъ молодожаво. Худое лицо съ длиннымъ неправильнымъ обликомъ уходило въ рамку бѣлокурыхъ волосъ, выступавшихъ надъ блѣднымъ лбомъ въ видѣ густого вихра. Брови и вѣки придавали взгляду голубыхъ глазъ мечтательный оттѣнокъ. Борода была раздвоена и темнѣе волосъ на головѣ. Во всей посадкѣ его сухопарого тѣла, въ движеніяхъ, въ поворотахъ головы и въ голосѣ чувствовался еще студентъ.

На немъ широко сидѣла домашняя темная куртка съ стоячимъ воротникомъ.

Таманцевъ пообѣдалъ съ нимъ и болѣе трехъ часовъ они за тѣмъ же столомъ распивали чай. Хозяинъ предложилъ ему переночевать, если они засядутся. Ночь стояла безлунная; а дороги — изъ рукъ вонъ плохія.

— Еще стаканъ? — предложилъ хозяинъ.

— Не довольно ли? Мы и такъ выпили вдвоемъ цѣлый самоваръ, — откленинулся Таманцевъ.

Сурепинъ налилъ ему и себѣ.

— Повѣрьте, графъ, — продолжалъ онъ своимъ нервнымъ и слабоватымъ голосомъ: — тамъ, гдѣ, какъ здѣсь, еще силенъ общинный духъ, намъ очень трудно бороться съ крестьянскимъ міромъ.

— Будто? — перебилъ Таманцевъ, прищуривъ одинъ глазъ.

— Увѣряю васъ. На первыхъ порахъ я думалъ, что можно будетъ по-своему вести жизнь волости.

— Да вѣдь вы, Иванъ Ивановичъ, кажется, народникъ и стойте за древніе устои?

Земскій начальникъ весь передернулся.

— Я — совсѣмъ не народникъ въ новѣйшемъ вкусѣ... знаете, какъ у нашихъ радикаловъ. Прошу васъ освободить меня отъ этой клички, — прибавилъ онъ полупшута, полусерьезно. — Общину я уважаю въ принципѣ, но вовсе не преклоняюсь передъ тѣмъ, что творилось въ деревнѣ подъ прикрытіемъ принципа крестьянскаго самосуда. И до сихъ поръ, ежедневно, я прихожу въ ко-

ренное противорѣчіе съ тѣмъ, что сходъ и волостной судъ считаютъ правдой и завѣтомъ отцовъ, ихъ мудростью.

— Вы человѣкъ вѣрующій, — замѣтилъ Таманцевъ, понижая тонъ и наклонивъ голову надъ своимъ ставаномъ. — Стало, вы должны быть за-одно съ правдой народа.

— Для меня, графъ, — нервнѣе продолжалъ Сурепинъ, — общность вѣры и есть тотъ грунтъ, безъ котораго не было бы никакой связи съ крестьянствомъ. Но его вѣра — хоть и глубокая по чувству — до сихъ поръ двоевѣріе. Христіанская правда затмѣивается въ его жизни ежечасно, ежеминутно. Въ православныхъ — вы сами знаете — вѣковая принадлежность къ церкви не вошла въ душу каждаго, какъ твердый, вполне выясненный складъ нравственныхъ началъ.

— Господа славянофилы всегда утверждали противное.

— Господа славянофилы, — повторилъ Сурепинъ: — ошибались. Вотъ здѣсь водятся духоборцы. Я съ ними бесѣдовалъ. Они отпали отъ вселенской церкви, — Сурепинъ выговорилъ эти два слова какъ-то особенно: — но они выработали себѣ твердый кодексъ нравовъ, и нравовъ христіанскихъ, — рядомъ, разумѣется, съ общими догматическими заблужденіями. У нашихъ церковныхъ этого нѣтъ. Евангеліе они не читали совсѣмъ, особенно тѣ, кто теперь значится въ старикахъ. Мужикъ — во многомъ коренной язычникъ. Онъ — рабъ своей нужды, своего вѣкового труда. Онъ — большой матеріалистъ, и не можетъ имъ не быть. Вотъ хоть бы въ дѣлѣ той Авдотьи Сосипатровой, за которую вы меня просили.

— Ну и что же? — рѣзче отозвался Таманцевъ, которому отвѣтъ Сурепина, еще во время обѣда, показался слегка уклончивымъ.

— Вы думаете, я защищаю сельскій сходъ? Нимало! Тутъ всѣ характерныя свойства мужицкой души на-лицо: высокомерный и враждебный взглядъ на бабу вообще — это первое. А потомъ протестъ противъ слабаго приговора господскаго суда, хотя, быть можетъ, въ числѣ присяжныхъ были и мужики, или мѣщане, выпешдшіе изъ мужиковъ. По этой части я, признаюсь, раздѣляю ихъ чувство.

— Врядъ ли оно христіанское! — возразилъ Таманцевъ. — Христіане всѣхъ миловали.

— Да, но кого? Тѣхъ, кто самъ каялся. А эта Авдотья — я ее знаю немножко — она стояла и стоитъ на своей невинности.

— Какъ же иначе? — вскричалъ задорнѣе Таманцевъ. — Коли она была олеветана своими же односельчанами!

— Кто за это можетъ поручиться, графъ? — спросилъ про-

тяжно Сурепинъ, и его глаза какъ бы затуманились.—Вы развѣ забыли, какъ тогда—въ концѣ шестидесятихъ годовъ—всѣ увлекались гласнымъ судомъ и какая царила мода всѣхъ оправдывать? Да и до сихъ поръ мы, сплошь и рядомъ, бываемъ возмущены непростительной потачкой присяжныхъ...

— Эту ноту достаточно тянуть наши ретрограды!—вырвалось у Таманцева.

— Если кто-нибудь изъ тѣхъ, кого вы, графъ, называете ретроградами, возмущенъ тѣмъ, что завѣдомаго мошенника, а иногда и злодѣя, оправдали—я стану на сторону этого господина въ данномъ случаѣ, и ни передъ кѣмъ не буду стыдиться, ни передъ какимъ радикаломъ.

И, смягчая свою фразу, Сурепинъ прибавилъ:

— Я это говорю помимо всякихъ личныхъ соображеній. Почему мы съ вами знаемъ, графъ, какія улики тяготѣли надъ этой самой Авдотьей? Вѣдь между мужиками всегда найдется неглупый народъ, по-своему очень наблюдательный.

— Вы сами знаете, что такое бываютъ приговоры сходахъ. Ведро или два вина—вотъ вамъ крестьянская совѣсть и омрачена!

— Конечно! Но тутъ дѣло идетъ о душегубствѣ... Довольно того, что Авдотья, вернувшись оправданной, осталась для нихъ убійцей мужа... И въ двадцать слишкомъ лѣтъ сложилась легенда. Бороться съ легендой еще труднѣе, да къ тому же и ея знахарство только подливало масла въ огонь. Сходъ формально ее не обидѣлъ, и теперь даже поступаетъ такъ, что мнѣ, какъ земскому начальнику, придется убѣждать ихъ, а не приказывать...

— Выгонять старуху изъ ея избенки?—вскричалъ Таманцевъ.

— Она вамъ всего не сказала. Ея сынъ отъ надѣла своего отказался. Онъ былъ кузнецъ. Свой прежній дворъ они давно продали. Избенку они выстроили съ матерью совсѣмъ на другомъ мѣстѣ. Въ селѣ—вамъ это извѣстно—уже очень большая недохватка земли. Изъ-за этого и пошли жестокия распри, а съ прошлаго года идетъ и переселенческое броженіе. Словомъ,—закончилъ Сурепинъ, допивая свой чай:—и тутъ я, если не хочу насиловать совѣсть схода, не могу дѣйствовать властью, мнѣ данной, во что бы то ни стало.

Онъ отодвинулъ стулъ и поправилъ рукой волосы на лѣвой щекѣ.

— Такъ же точно, графъ,—медленнѣе и менѣе горячо продолжалъ онъ:—и въ вопросѣ о мурашкинскомъ обществѣ. Тамъ мужики все-таки побогаче и общинный духъ сильнѣе. Вы при-

няли въ нихъ участіе во время голодовки, и ваше великодушіе они на первыхъ порахъ цѣнили, а теперь—съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ старшиной господинъ Сусловъ,—онъ выговорилъ эту фамилію съ особой усмѣшкой:—съ ними справу нѣтъ, въ буквальномъ смыслѣ!

— Если вы такъ говорите,—вскричалъ Таманцевъ, вставая изъ-за стола:—то каково намъ-то, простымъ обывателямъ, тягаться съ такимъ милостивымъ государемъ?

— Онъ силенъ и тѣмъ, что состоитъ въ сотнѣ тысячъ; стало, служить изъ того, что держать сходъ. Вы съ нимъ изволили уже бесѣдовать?

— Всего разъ. Это—плутъ, играющій роль защитника и благодѣтеля волости.

— Вы видите, каковъ онъ, и знаете, какой у него языкъ. Этакой Сусловъ превосходно раскусилъ, въ чемъ заключается сила позиціи. Къ начальству отменно почтителенъ, волостными дѣлами занимается въ сущности плутовато, но все-таки лучше другихъ, помогаетъ мнѣ, какъ начальнику, во всемъ, что нужно для обузданія явнаго безобразія правовъ, но въ дѣлахъ общественныхъ,—выговорилъ по мужицки Сурепинъ:—онъ—горой за сходъ, и старики на него смотрятъ какъ на милостивца и считаютъ его сильнѣйшимъ человекомъ въ губерніи,—шутливо добавилъ Сурепинъ.—Вѣдь онъ къ волостной-то избѣ подѣзжаетъ на четверкѣ. Да-съ! Не въ телѣжкѣ парой, какъ заурядный старшина, а на четверкѣ въ-рядъ. Нынче во всемъ уѣздѣ никто такъ не ѣздитъ. Мы всѣ—мразь рядомъ съ нимъ, въ глазахъ православнаго „хрестіянства“. Вдобавокъ, на церковь жертвуетъ. На свой счетъ и пожарную часть улучшилъ, за что даже у губернатора на отличнѣйшемъ счету. Вы понимаете—у такого новѣйшаго буржуа-честолюбца кошки на сердцѣ скребли оттого, что вы стали, по доброй волѣ, хлопотать по претензіи крестьянъ его волости. Онъ долженъ держать это въ своихъ рукахъ, а когда имъ отойдутъ спорныя пүстоши—хотя бы только отъ казны—онъ ихъ приспособитъ себѣ и сдѣлается тогда уже полнымъ властителемъ всей округи.

Слушая Сурепина, Таманцевъ чувствовалъ правду и дѣльность этого заключенія. И вообще земскій начальникъ въ эту бесѣду выяснялся передъ нимъ другимъ человекомъ. Онъ не находилъ въ немъ ни изувѣра, ни „дворянчика“ съ высокомернымъ взглядомъ на себя и на крестьянство, ни сентиментальнаго народника съ мистическимъ отбѣнкомъ. Между ними лежала, однако, какая-то черта. Но она уже не мѣшала Таманцеву выслушивать его

безъ предубѣжденіи и соглашаться почти со всѣмъ, что тотъ говорилъ ему за чаемъ.

— Вы, Иванъ Ивановичъ, все-таки поддержите бѣдную старуху Сосипатрову. Она, право, жалка, и выносить свое горезлосчастіе съ большимъ достоинствомъ.

— Поддержу, графъ, но не ручаюсь за добрый исходъ. И я—рабъ своей совѣсти, и рѣзкаго выѣшательства во внутренніе распоряжки сельской общины я не допускаю въ себѣ.

„И я бы такъ поступалъ“,—подумалъ Таманцевъ, и ничего не возразилъ.

Х.

Часу въ двѣнадцатомъ самоваръ смѣнила закуска. Прислуживалъ все тотъ же разсылный. И опять они засидѣлись. Таманцеву разговоръ съ земскимъ начальникомъ—когда они перешли на общія темы—казался сначала чѣмъ-то страннымъ. Онъ зналъ, что Сурепинъ учился въ университетѣ, но онъ не ожидалъ отъ него такой развитости, такихъ разнообразныхъ знаній и—главное—такой искренней вдумчивости во все, о чемъ онъ размышлялъ и что видѣлъ, и такой же смѣлости сужденій.

Они принадлежали одному и тому же поколѣнію. Но Сурепинъ былъ выученикъ русской гимназіи, прожилъ въ Москвѣ около десяти лѣтъ и никогда еще за границу не ѣздилъ. Всѣ его мысли, испытанія, итоги, приговоры—были свои, русскіе, и Таманцевъ все яснѣе распознавалъ, что Сурепинъ учился гораздо основательнѣе, чѣмъ онъ, съ большей критикой принималъ идеи и воззрѣнія, обязательныя для тѣхъ, кто, какъ самъ Таманцевъ, считаетъ себя передовымъ и свободомыслящимъ, кто любитъ „фрондировать“.

Въ добродушной формѣ, но съ внутреннимъ протестомъ началъ ему рассказывать Сурепинъ, какъ онъ, когда кончалъ курсъ въ гимназіи, много страдалъ отъ „тиранніи“ того направленія, котораго держались товарищи.

— Да вѣдь вы кончали, когда прежній радикальный духъ искоренялся?—спросилъ Таманцевъ съ легкимъ налетомъ ироніи въ тонѣ вопроса.

— Это такъ только кажется, заднимъ числомъ, графъ. По греческому насъ усердно муштровали, но духъ былъ еще изъ семидесятыхъ годовъ. И Боже сохрани, если ты выскажешь что-нибудь свое. Меня воспитала очень вѣрующая мать, святая женщина,—произнесъ онъ сдержанно.—Замѣтили, что я люблю хо-

дять въ церковь:— „Ханжа, идіотъ, Тартюфъ, гасильники!“ Сталь я читать хваленныхъ критиковъ Писаревскаго типа и находить, что они ничего хорошенько не знаютъ и не даютъ мнѣ одни никакого вѣрнаго понятія о тѣхъ писателяхъ, кого ругаютъ:— „пошлякъ, ретроградъ, мы тебѣ рожу горчицей вымажемъ!“

— Будто?—усомнился Таманцевъ.

— Увѣряю васъ. И къ концу ученія я въ себѣ замѣнулся и никакихъ мнѣній вслухъ не высказывалъ. То же почти продолжалось и въ университетѣ. Тонъ давалъ—кто? Краснобаи, брехуны или тупицы, повторяющіе, какъ попугай, то, что считалось самымъ зажигательнымъ и архи-радикальнымъ. Тутъ я пересталъ стѣсняться и кончилъ тѣмъ, что ни съ кѣмъ дружбы не водилъ, жилъ одиноко. На меня постоянно косились, можетъ быть считали даже наушникомъ. Меня сначала возмущала, а потомъ глубоко печалила стадность умовъ и натуръ, полное отсутствіе своего критерія, пошлое франтовство кличками и выдохшимися жалкими словами. И на кафедрахъ замѣчалось то же поддѣлываніе къ аудиторіи, та же игра въ дешевый либерализмъ. А кто посмѣлѣе, у кого свои взгляды и оцѣнки, кто не ищетъ рукоплесканий, тотъ, разумѣется, обскурантъ, или іезуитъ, или защитникъ Домостроя.

Таманцеву не очень были по душѣ такіа рѣчи, но онъ не могъ фактически спорить съ нимъ. Русской аудиторіи онъ почти что не зналъ и не имѣлъ товарищей въ студенческихъ кружкахъ Петербурга и Москвы.

— Однако, Иванъ Ивановичъ,—остановилъ онъ его:—вы все-таки не станете отрицать того, что теперь мы видимъ вездѣ въ молодыхъ людяхъ отсутствіе всякихъ принциповъ, циническое отношеніе ко всему: ни любви къ родинѣ, ни преклоненія передъ наукой, ни готовности жертвы во имя идеи. Развѣ это не такъ?

— Не знаю-съ,—оттянулъ Сурепинъ.—Обобщать трудно. Можетъ быть, матерія стала заѣдать духъ. Но и тѣ, кто считаетъ себя идеалистами—панургово стадо. Своего—тоже нѣтъ. Вѣчно на буксирѣ первой попавшейся иностранной книжки.

— Эту ноту тянули и блаженной памяти славянофилы!—порывче воскликнулъ Таманцевъ и поднялся.

— Не хотите ли перейти въ кабинетъ? Вамъ уже приготовили постель. Если вамъ угодно, мы докончимъ тамъ нашу дискуссію. А здѣсь приберутъ.

Они перешли въ кабинетъ, гдѣ на кушеткѣ постлано было гостю.

— Славянофилы, изволите вы говорить?—началъ Сурепинъ, опускаясь въ кресло передъ письменнымъ столомъ.—Да вѣдь они тоже на нѣмецкихъ книжкахъ высиѣли свое ученіе.

— Стало, вы ихъ отрицаете?

— Зачѣмъ? Многое изъ ихъ положеній готовъ повторить. Но вѣдь не одни московскіе мудрецы указывали на то, что наша великая, исконная бѣда—въ отсутствіи настоящей исторической культуры. Вы вѣдь, конечно, читали или слышали про барина двадцатыхъ годовъ—ультра-западника, да еще впавшаго въ панизмъ, который, набравшись смѣлости, пустилъ въ лицо тогдашней Уваровской формулѣ свою глубоко-патріотическую исповѣдь.

Таманцевъ спросилъ про себя: „Кто это такой?“—и тотчасъ же не могъ отвѣтить.

— Вы не забыли также, что его приказано было официально объявить безумнымъ. И въ своей „Апологіи сумасшедшаго“ онъ остался такимъ же убѣжденнымъ, яко-бы, клеветникомъ своей націи.

Сурепинъ пододвинулъ кресло къ столу и взялъ книгу большого формата.

— Представьте,—продолжалъ онъ, дѣлаясь нервнѣе въ тонѣ:—я какъ разъ перечитывалъ вчера страницы, гдѣ есть выдержки изъ этого, яко-бы, безумнаго обличителя... Вы позволите пару цитатъ?

— Сдѣлайте милость!—заинтересованно откликнулся Таманцевъ и присѣлъ на постель.

— Вотъ, вотъ: „Мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами, мы не принадлежали ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ западу, ни къ востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другого“...

— Онъ такъ писалъ по-русски... уже въ Пушкинское время?

— Это—переводъ съ французскаго. Я продолжаю: „Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ“.

— Какой парадоксъ!—почти крикнулъ Таманцевъ.

— Настоящимъ образомъ,—вдумчиво выговорилъ Сурепинъ:—не коснулось. Прослушайте еще: „Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ“...

— Это пожалуй вѣрно!—вырвалось у Таманцева.

— Глубоко вѣрно, графъ. И не только для господъ вѣрно, но и для мужиковъ, для народной массы. А вотъ еще: „Мы

явились въ міръ, какъ незаконнорожденные дѣти, безъ наслѣдства". Поэтому,—прибавлю я отъ себя:—у насъ или обезьянство, или осмѣяніе всего и вся.

— Кто же этотъ обличитель?

Таманцевъ поборолъ въ себѣ ложный стыдъ, признаваясь, что ему неизвѣстны были строки, прочитанныя Сурепинымъ.

— Вы развѣ не припомнили, графъ? Чаадаевъ! Тотъ баринъ, вернувшійся домой сторонникомъ тогдашнихъ легитимистовъ—де-Мэстровъ и Шатобріановъ. Онъ былъ напистъ, онъ впалъ въ жалкую односторонность, въ ложное толкованіе хода всемірной исторіи; но въ одномъ онъ глубоко правъ и до сихъ поръ: у нашего общества нѣтъ за душой никакого духовнаго наслѣдства. Оно—„безъ вчерашняго дня"! Это тоже Чаадаевское выраженіе.

Хозяинъ поднялся съ кресла.

— Простите, графъ!.. Я васъ совсѣмъ заговорилъ и зачиталъ. Покойной ночи! Завтра и я двинусь. Къ вамъ въ волость попаду послѣ-завтра непременно.

— Спасибо, Иванъ Ивановичъ. Столько интереснаго выслушалъ я.

Таманцевъ крѣпко пожалъ ему руку и проводилъ до дверей.

Когда онъ, раздѣвшись и потушивъ свѣчу, покрывался одѣяломъ, ему пришло на память заглавіе: „Апологія сумасшедшаго".

„Вотъ и меня, пожалуй, объявили бы сумасшедшимъ, будь это въ Чаадаевское время".

Для его дяди—генерала Дергунова, для княгини Брянской, для Катъ и ея теперешняго мужа Лушкова, для „презрѣнной" Лилишки Фризенъ, даже для Овчинина и его вислосладкой супруги, онъ тоже сумасшедшій, или „психопатъ", выражаясь помягче.

Но у того барина двадцатыхъ годовъ была твердая вѣра западника-написта. А у него? Вотъ уже два года, какъ онъ всей душой льнетъ къ народу—а развѣ его соединяетъ съ этимъ народомъ что-нибудь коренное, кровное, такое, чтò проникаетъ все существо? У Сурепина, хоть онъ и не очень обсахариваетъ мужика, есть такая связь. Вѣра! Онъ не только вѣрующій, но и православный. Сурепинъ можетъ показывать примѣръ крестьянству во всемъ, чтò составляетъ суть Христовой вѣры.

Прошелъ голодъ—и точно порвалась привязка между нимъ самимъ и народомъ. Входить ежедневно въ его жизнь — надо идти въ земскіе начальники; а онъ на это врядъ ли рѣшится по доброй волѣ: есть какая-то задержка. Онъ считаетъ себя слишкомъ независимымъ, чтобы добиваться у губернатора назначенія

на такую должность. Въ мужика онъ тоже не превратится; да и какое добро онъ принесетъ волости и уѣзду, если начнетъ жить по-мужицки, пахать и скородить?

Припомнился ему недавній возгласъ его пріятеля доктора Домашнева: „всею проще, Андрей Павловичъ, было бы возвратить всѣ свои угодья крестьянской общинѣ“, — вѣсто того, чтобы дѣлаться ходякомъ постороннихъ крестьянъ. Домашневъ этого не добавилъ, но навѣрное подумалъ.

„Ну, хорошо, отдать все. А связи-то все-таки не будетъ. И ты самъ останешься „незаконнымъ сыномъ“ общеміровой культуры, отродьемъ общества, у котораго „нѣтъ вчерашняго дня“!“

Таманцевъ долго лежалъ съ полузакрытыми глазами, и передъ нимъ начала выясняться — сначала въ расплывчатыхъ очертаніяхъ — голова русскаго барина, объявленнаго сумасшедшимъ, шестьдесятъ лѣтъ назадъ, за правду, какую и сегодня приходится, въ минуты просвѣтленія, повторять себѣ.

XI.

Май стоялъ уже на дворѣ. Дни плыли за днями незамѣтно для Таманцева въ разѣздахъ и разговорахъ.

Больше двухъ недѣль не видался онъ съ докторомъ Домашневымъ. Тотъ наѣзжалъ аккуратно въ амбулаторію, устроенную Таманцевымъ „у себя“, какъ онъ привыкъ называть, говоря о селѣ, носившемъ его родовое имя. Но въ другомъ концѣ уѣзда объявилась у взрослыхъ диссентерія, а у дѣтей оспа.

Сегодня онъ ждалъ доктора къ завтраку, и столъ уже былъ накрытъ на балконѣ. Утро выдалось особенное: въ палисадникѣ, передъ балкономъ, уже распустились кусты бузины и сирени. И вокругъ балюстрады вилась каприфолія, готовая уже раскрыть усики своихъ цвѣтовъ.

Таманцевъ жаждалъ „обширной“ бесѣды съ Домашневымъ. Въ послѣдніе десять дней случилось много кое-чего, что хотѣлось обсудить съ пріятелемъ. Только доктора да Глафиру Спиридонову считалъ онъ людьми, понимающими его.

У себя, „на порядкѣ“, какъ онъ называлъ по-крестьянски, и въ волости у него пошли нелады. И земскій начальникъ, и онъ самъ, просили таманцевскихъ стариковъ оставить въ покоѣ Авдотью Сосипатрову. Сходъ уступилъ, и плутоватый староста Терентій Малыгинъ два раза явился къ нему въ усадьбу съ выраженіемъ своей готовности — „въ каждомъ разѣ отстоять ста-

руху". Но причину его яко-бы усердія не трудно было распознать: онъ нанималъ у барина всего больше земли и хотѣлъ за добрить его, чтобы по осени начать „канючить“ насчетъ сбавочки. Не прошло и двухъ дней, какъ Авдотья опять пришла просить о защитѣ. Изъ избенки старики прямо ее не гонятъ; но какіе-то „оухальники“ ночью выбили у нея всѣ стекла и на дворикѣ разнесли сарайчикъ, гдѣ, по счастью, ничего не хранилось. Старуха повторяла, что коли на то пошло, и ни земскаго, ни барина горлопаны не слушаютъ—лучше ей пойти „въ кучочки“.

Ея благородный тонъ и какая-то трагическая беспомощность снова взволновали его. Онъ тутъ же предложилъ Авдотѣ поступить къ нему „во дворъ“, чтобы ходить „въ ключахъ“. Ключницы у него какъ разъ не было, и Лаврентій уже поговаривалъ, что надо бы взять женщину для присмотра. Авдотья оговорила—очень умно и съ достоинствомъ,—что она простая крестьянка, и вокругъ барскаго добра давно не обращалась. Однако согласилась и опять хотѣла отдать барину земной поклонъ, до чего онъ ее не допустилъ. Она уже съ недѣлю живетъ въ людской, оказалась очень толковой и вызвалась даже помогать черной кухаркѣ. Лаврентію Таманцевъ внушилъ — для передачи всѣмъ дворовымъ и работникамъ, чтобы старуху ни въ чемъ не обижать. Мужики, желая себя выгородить и передъ баринѣмъ, и передъ начальствомъ, избенку Авдотьи заколотили и никому ее не отдали: „Сама, молъ, ушла, да никто и не позарится жить тамъ, гдѣ она съ *шайтаномъ* водилась“—эти деревенскіе разговоры дошли и до Таманцева.

Гораздо чувствительнѣе для него было то, что онъ напелъ въ волости. Новый старшина Сусловъ пригласилъ въ правленіе главныхъ стариковъ и сталъ, въ ихъ присутствіи, говорить „отъ имени всего общества“. Говорилъ онъ по формѣ, почтительно, но съ разными ужимками и усмѣшками, переглядываясь съ двумя стариками, которыхъ Таманцевъ и прежде подозрѣвалъ въ неприязни къ себѣ: они сами мѣтили въ ходокѣ, и онъ у нихъ отнялъ возможность на этомъ хожденіи поживиться. Старшина сначала отблагодарилъ его, а потомъ сталъ уже явно обвинять въ томъ, что онъ не такъ повелъ дѣло „столь великой важности“, и хотя казна теперь и соглашается уступить имъ часть пустой, но два владѣльца вывернулись, потому что у нихъ были „настоящіе ходатаи“. Двое стариковъ—враждебныхъ Таманцеву—уже довольно безцеремонно загалдѣли послѣ старшины, — что, молъ, „общество“ и въ тѣ поры не пожалѣло бы ничего, чтобы

нанять адвоката, тогда какъ годъ тому назадъ они еще голодали и „всѣмъ міромъ“ пришли ему „бить челомъ“, и даже писарь прочиталъ ему вслухъ сочиненное имъ просительное обращеніе всей волости.

Изъ-за этого писаря — по фамилии Квасовъ — вышло то же нѣчто весьма неловкое и для Таманцева прямо обидное. Писарь былъ пьянчужка и плутоватый, но не глупый и отлично знакомый съ подробностями тяжёбнаго дѣла волости. Его часто приглашалъ къ себѣ Таманцевъ; разумѣется, давалъ ему закусить и угощалъ водкой. Новый старшина вытурилъ Квасова на первыхъ порахъ, найдя серьезныя неисправности и даже кое-какія растраты, по которымъ писарь могъ попасть и подъ судъ.

Въ концѣ засѣданія старшина Сусловъ сдѣлалъ намекъ на то, что „его сіятельство слишкомъ довѣрялъ такому жулику, какъ Петька Квасовъ“, — и мужики, настроенные старшиной, загалдѣли въ томъ же духѣ, иные шуточками, а иные и довольно язвительно.

Чтобы прекратить такіе обидные для себя „дебаты“, онъ заявилъ, что если старики находятъ ненужнымъ его дальнѣйшее ходатайство — они могутъ уничтожить свою довѣренность, но что онъ хлопоталъ, насколько умѣлъ, и желаетъ и господину Суслову всякаго успѣха, какъ ихъ новому ходуку. Старшина хотѣлъ-было смазать все это благодарностью отъ имени всей волости, но Таманцевъ не далъ ему договорить возгласомъ: „Довольно, любезнѣйшій! Безъ васъ Муражвинская волость цѣнила то, что я, по доброй волѣ, вызвался помочь ей. Никто не мѣшалъ вамъ — два года тому назадъ — принять участіе въ бѣдѣ вашихъ земляковъ“.

Старшина озлился, но не посмѣлъ ничего возразить. Черезъ нѣсколько минутъ, возвращаясь домой, Таманцевъ уже искренно жалѣлъ о томъ, что вспылить и сталъ считаться съ такимъ ловачемъ, какъ Сусловъ, — и передъ стариками.

Конечно, по уѣзду уже разнеслась его „осѣчка“, и всѣ, кто его недолюбливаетъ, смѣются надъ игрой въ благодѣтели скачущаго барина-выскочки. Ходатайство велъ онъ, пожалуй, какъ „дилеттантъ“, но ничего не напортилъ. Напротивъ, благодаря участію его товарища Овчинина, дѣло приняло другой оборотъ, благопріятный крестьянамъ. А претензіи волости противъ двухъ частныхъ владѣльцевъ — особая статья, и эти два дѣла получили бы другое направленіе, разъ казна — хотя и на половину — признала бы претензіи крестьянъ серьезными.

Для него прискорбно было то, что онъ оттѣсненъ отъ муражвинцевъ такимъ „ждухомъ“, какъ Сусловъ. Онъ не удостоился

даже простого мужицкаго спасибо. Настроение стариковъ было недоувѣрчивое, больше того—полунасмѣшливое, безцеремонное, за которое стоило бы—будь онъ человѣкъ другихъ правовъ—разругать ихъ ругательски и швырнуть имъ ихъ довѣренность.

Поджидая сегодня доктора Домашнева, онъ почти навѣрное зналъ, что тому уже рассказали про его „асажé“,—какъ уѣздные остряки называли всякое такое столкновеніе,—и рассказали навѣрное у Кувшинковыхъ, куда докторъ могъ заѣхать по дорогѣ.

Скрывать онъ ничего не станетъ, и первый заговорить о мурашкинцахъ, хотя это будетъ ему очень непріятно. Ни обвинять, ни оправдываться онъ не желаетъ, но и молчать не намѣренъ передъ такимъ хорошимъ человѣкомъ, какъ Домашневъ.

На балконѣ столъ былъ уже совсѣмъ накрытъ, и Лаврентій, бросивъ на него послѣдній взглядъ, пододвинулъ графинъ къ срединѣ и переставилъ горчишницу. Къ доктору онъ благоволилъ, но вообще—по его мнѣнію—баринъ живетъ въ деревнѣ „зря“, не по своему „сану“, и слишкомъ много „якшается съ мужичьемъ“.

— Лаврентій!—окликнулъ его Таманцевъ въ отворенное окно кабинета. — Иди встрѣчать Илью Ефимовича!

— Слушаю!—пѣвуче отвѣтилъ Лаврентій, и неторопливо пошелъ черезъ гостиную и залу.

Болоколичикъ заливался уже позади надворныхъ строеній, внизу, на спускѣ къ оврагу, гдѣ довольно длинный мостъ почти каждый годъ срывали весеннія воды. Таманцевъ подумывалъ построить каменный. Это было на его, а не на крестьянской землѣ.

Таманцевъ любилъ бодрый и благодушный тонъ Домашнева; ему нравился и его мягкій басокъ. Въ его дикціи была какая-то музыка. Возражалъ онъ охотно, нерѣдко горячился. Да у нихъ и не случалось почти никогда принципиальныхъ преній. Все, что Домашневъ находилъ „неладнымъ“ и „свинскимъ“ въ уѣздѣ—то возмущало или огорчало и Таманцева. И когда ему приходила какая-нибудь „идея“ на пользу крестьянству—онъ сейчасъ же дѣлился ею съ Домашневымъ. Передъ докторомъ привыкъ онъ изливаться, и когда рѣчь заходила о Петербургѣ. Тотъ зналъ—въ общихъ чертахъ—и про его неудачную любовь; но самъ никогда ни о чемъ не допытывался. Его такъ Таманцевъ считалъ рѣдкимъ, даже и въ болѣе воспитанныхъ людяхъ.

XII.

— Илья Ефимовичъ! Наконецъ-то!

Таманцевъ встрѣтилъ доктора въ дверяхъ гостиной и протянулъ ему обѣ руки.

Домашневъ—на видъ гораздо старше его—ростомъ приходился ему повыше бровей; довольно полный, съ широкой грудью, уже лысый. Лицо было загорѣлое, русая борода подстрижена, свѣтло-каріе глаза полувскрыты; въ толстоватомъ носѣ и губахъ что-то милое; зубы еще сохранились.

На немъ свободно сидѣла парусинная пара, и воротничокъ рубашки онъ носилъ отложной.

— Совсѣмъ пропали! Идемте на балконъ. Завтракъ готовъ. Лаврентій, подавай! — крикнулъ Таманцевъ, беря Домашнева за талію.

— Все путался по уѣзду, — говорилъ докторъ уже за столомъ, пропуская рюмку воды.

Онъ приносилъ слова не на онъ, а московскимъ мягкимъ говоромъ.

Таманцевъ поглядѣлъ на него и подумалъ:

„Знаетъ онъ про мое прощаніе съ мурашкинскими мужиками?“

Спросить тутъ же онъ не разсудилъ, хотя ему очень захотѣлось сейчасъ же перейти къ пріятельскимъ изліяніямъ.

— У васъ не звенѣло въ ушахъ, графъ, вчера къ вечеру? — спросилъ Домашневъ и подмигнулъ.

„Графомъ“ онъ обыкновенно не звалъ Таманцева, и это того немного удивило.

— Нѣтъ, а что? Мои косточки перебирали?

— Ночевалъ я у Кувшинковыхъ. И туда пожаловалъ нашъ многоуважаемый и святѣйшій Иванъ Ивановичъ.

Губы доктора сложились въ гримасу.

— Не ожидалъ я, что вы съ нимъ такъ ладите, Андрей Павловичъ. Онъ такой вамъ динозавръ произнесъ. И, Боже мой! Мы всѣ диву дались.

— А интеллигентный коммерсантъ, разумѣется, прохаживался на мой счетъ?

— Не скажу, чтобы очень. А впрочемъ сора изъ избы не буду выносить. Только меня удивило—какъ вы можете съ этимъ святошей хлѣбъ-соль водить. Онъ разсказывалъ, что вы у него ночевали, и у васъ разговоръ тянулся съ обѣда до поздней ночи. Правда это?

— Правда, — отвѣтилъ Таманцевъ: — и что же въ этомъ такого невозможнаго? Онъ гораздо интереснѣе, чѣмъ я думалъ прежде.

— Ну, батенька! — перебилъ Домашневъ, и щелкнулъ языкомъ. — Самая промозглая смѣсь ханжества, классицизма и умничанья, на славянской аршинъ.

— Подождите, Илья Ефимовичъ! — горячѣе откликнулся Таманцевъ. — Ханжества я въ немъ не вижу, по крайней мѣрѣ, въ разговорѣ.

— Помилюте! Онъ началъ такое благочестіе по всѣмъ волостямъ вводить и цѣломудріе, что твой блаженной памяти Руничъ или Магницкій и другіе гасильники земли русской.

— Можетъ быть! Славянофильства я въ немъ не нашелъ. У него есть своеобразный взглядъ и на всю нашу культуру, и на народъ. Ужъ коли пошло на откровенности, Илья Ефимовичъ, то вы — гораздо болѣе мистическій народникъ, чѣмъ Сурепинъ.

— Я — мистикъ? — закричалъ докторъ и расхохотался.

— Въ томъ-то и дѣло, — продолжалъ настаивать Таманцевъ, — что въ васъ, какъ во всѣхъ людяхъ вашей генераціи, вѣра въ науку, отрицаніе всякаго откровенія и всякой метафизики уживаются съ чувствомъ къ народу, въ которомъ есть много мистическаго. Я называю мистическимъ все, что не отвѣчаетъ неподкрашенной правдѣ. А Сурепинъ смотритъ на народъ трезво, да въдобавокъ у него съ нимъ есть прямая связь, большая, чѣмъ у насъ съ вами.

— Вотъ тебѣ разъ! Хватили!

Возгласъ доктора показался Таманцеву, едва-ли не въ первый разъ, слишкомъ безцеремоннымъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія! — выговорилъ онъ твердо, и лицо его стало хмуриться. — Онъ — вѣрующій.

— Экая сласть!

— Не въ этомъ вопросъ, милѣйшій Илья Ефимовичъ. Предоставимъ каждому имѣть свой символъ вѣры. Не въ этомъ сила! А въ томъ, что мы съ вами можемъ полагать всю душу на православное „хрестіанство“, — произнесъ онъ съ удареніемъ, — но мы съ нимъ держимся разной вѣры. А для народа вся его мораль и философія сводятся къ тому, что и земскій начальникъ Сурепинъ считаетъ высшимъ закономъ.

— Это не суть важно, Андрей Павловичъ! — вскричалъ докторъ, и брови его, въ первый разъ, сдвинулись. — То, что для насъ съ вами добро и правда, то должно быть добромъ и прав-

дой и для него. Небось, крестьянинъ отлично понимаетъ, кто его друзья, и кто—только мудрить и изувѣрствуетъ.

— Не думаю, чтобы Сурепинъ, какъ вы говорите, изувѣрствовалъ. Онъ, кажется мнѣ, натура скорѣе мягкая и, по принципу, очень терпимая.

— Да что вы его какъ медомъ обмазываете! Это даже смѣху подобно. Право! Стоить съ нимъ два слова перемолвить, чтобы почуять, какимъ онъ ливейскимъ классицизмомъ пропахъ.

— Чтожъ!—такъ же горячо возразилъ Таманцевъ.—И прекрасно, что онъ цѣнитъ свою классическую выучку. Я начинаю искренно жалѣть о томъ, что кое-какъ учился древнимъ языкамъ. Сколько бы я себя чудесныхъ минутъ доставилъ на деревенскомъ досугѣ, еслибъ свободно понималъ въ подлинникъ Софокла или Аристотеля, или любезнаго сердцу всѣхъ ученыхъ, какъ вы—Лукреція, автора поэмы о природѣ.

— Вотъ не было печали!—тряхнувъ головой, вскричалъ Домашневъ и громко расхохотался.—Это гнилой дилеттантизмъ! Тутъ повсюду невѣжество, безурядица, кулачество, эпидемія, полнѣйшая беспомощность, а вы предлагаете ходить по комнатамъ и вслухъ валять, съ надлежащей скандировкой, изъ Илиады! Что вы, ваше сіятельство! Въ самомъ дѣлѣ, въ васъ нашъ ханжа елея своего влилъ малую толику!

Въ возгласахъ и тонѣ пріятеля Таманцевъ впервые слышалъ раздраженіе и слишкомъ явную нетерпимость. Причина была на ладони: какъ могъ онъ, графъ Таманцевъ, считающійся „радикаломъ“, находить, что земскій начальникъ Сурепинъ—совсѣмъ не такой изувѣръ и гасильникъ, какимъ доктору желательно считать его?

Домашневъ—добрый и честный малый, преданный дѣлу, безкорыстный и жалостливый къ народу, — все это такъ. Но онъ, хоть и не кичится тѣмъ, что когда-то „пострадалъ“, однако считаетъ себя непогрѣшимымъ и смотреть на такихъ людей, какъ Таманцевъ, какъ на „барчагъ“, которыхъ надо контролировать, не позволять имъ никакихъ отклоненій отъ извѣстнаго „сredo“.

Чувствовалось и то, что Домашневъ знаетъ про его „осѣтку“ съ мурашкинскими мужиками. Въ глазахъ у него два-три раза что-то мелькнуло особенное.

И чтобы разрѣшить это подозрѣніе, Таманцевъ, мѣняя тонъ разговора, спросилъ его:

— Слышали, конечно, и про то, какъ обошлись со мной мурашкинцы?

Докторъ не сразу отвѣтилъ, даже сжалъ губы.

— Слышалъ,—выговорилъ онъ, повода головой вбокъ.

— И что скажете, Илья Ефимовичъ?

— Новый старшина—порядочная каналья и большой честолюбецъ. Онъ мѣтитъ въ члены управы и непременно попадетъ. Это, конечно, его каверзы. Но вамъ-то что же изъ того? И наплевать! Вѣдь вы не изъ-за того были добровольнымъ ходокомъ, чтобы они вамъ адреса подносили и молебны за васъ служили? И пушай ихъ!

Все это Домашневъ выговорилъ въ пріятельскомъ, добродушномъ тонѣ; но Таманцевъ распознавалъ что-то недосказанное.

— Плавать не буду... Но это хорошенъкая иллюстрація къ вопросу о крестьянской душѣ.

— Вотъ вы сейчасъ и по-господски заглѣли, ваше сіятельство!

Появленіе Лаврентія съ новымъ блюдомъ прервало разговоръ на нѣсколько минутъ. Возгласъ доктора кольнулъ Таманцева сильнѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ самъ ожидалъ.

— Къ чему тутъ приплетать то, что я дворянинъ?—началъ онъ, когда они остались вдвоемъ. Будь я разночинецъ или даже мужикъ—самый фактъ остался бы все такимъ же...

Онъ искалъ менѣе рѣзкаго слова.

— Поучительнымъ,—добавилъ отъ себя Домашневъ.

— Для кого?—вскричалъ Таманцевъ, и въ эту минуту внутри у него вздрогнуло, какъ всегда, когда онъ былъ близокъ къ „разносу“.

ХІІІ.

Стало такъ тепло, что они сошли въ палисадникъ послѣ завтрака. Домашневъ, безъ картуза, раскраснѣлся отъ жды, вина и разговора и прилежно затягивался крѣпчайшей папиросой. Таманцевъ повелъ его въ старую бесѣдеу, въ формѣ дерноваго грота, куда Лаврентій подалъ имъ кофе.

За завтракомъ не вышло особенно рѣзкаго спора; но что-то какъ бы надорвалось. Никогда раньше такъ ясно не всплывало въ тонѣ Домашнева сознаніе коренной разницы между собою и „радикальнымъ бариномъ“, какъ называютъ въ уѣздѣ графа Андрея Павловича. Приходилось раньше, чѣмъ онъ ожидалъ, испытывать то, на что жаловался ему земскій пачальникъ, когда говорилъ о нетерпимости своихъ товарищей, гимназистовъ и студентовъ-однокурсниковъ.

Развѣ это не то же самое? Стоило вамъ найти, что земскій

начальникъ—человѣкъ далеко не заурядный и очень убѣжденный —и вашъ демократическій пріятель уже ввѣщенъ: онъ не можетъ вамъ простить такой оцѣнки; она для него—точно личное оскорбленіе. Помилуйте! Богомоленъ, классикъ, не признаетъ авторитета такихъ-то журналовъ и газетъ, не ругаетъ того, что каждый „порядочный человѣкъ“ обязанъ похода ругать!..

Возвращаться къ этой темѣ Таманцевъ боялся; но въ немъ бродило жуткое чувство не то огорченія, не то обиды.

Докторъ—довольно некстати—заговорилъ опять о мурашкинскихъ крестьянахъ и ихъ новомъ старшинѣ, и сталъ доказывать, что такой Сусловъ, будь онъ хоть „протоканалья“, все-таки ближе къ интересамъ волости, особенно, если онъ честолюбивъ и мѣтитъ выше должности волостного старшины.

Согласиться съ этимъ Таманцевъ не могъ, но въ споръ не вдавался.

— Однако, Илья Ефимовичъ, — возразилъ онъ, наконецъ, доктору:—нельзя же ставить рядомъ *кошатикиновъ*, пробравшихся въ мужицкіе заправилы, и людей, которые не имѣютъ никакихъ личныхъ замысловъ—ни денежныхъ, ни тщеславныхъ?

Вопросъ вырвался невольно, и онъ тотчасъ же пожалѣлъ, что сказалъ это. Докторъ отпилъ изъ чашки и, выйдя на дорожку изъ-подъ грота, широко разставилъ ноги и заговорилъ рѣзче обыкновеннаго.

— Въ томъ-то и бѣда для людей вашего сословія, Андрей Павловичъ, что нѣтъ у нихъ собственной настоящей жизни. Вы знаете, я не толстоовецъ, а все-таки вмѣстѣ съ сіятельнымъ вѣроучителемъ укажу на то, какъ высшій классъ вездѣ—въ столицѣ и въ провинціи—точно замаливаетъ свои грѣхи разными затѣями въ пользу меньшей братіи... Спектакли, балы, лотереи, подписки, ясли, пріюты. У насъ, молъ, самихъ нѣтъ никакого своего коренного дѣла, такъ, молъ, хоть этимъ позабавимся! Явное признаніе своего нравственнаго банкротства... А?!

Домашневъ вскинулъ головой и задорно посмотрѣлъ на Таманцева.

Тотъ сразу покраснѣлъ и также вышелъ на дорожку.

— Вы это вообще, или тутъ прямой намекъ на меня?—полупуштя спросилъ Таманцевъ.

— Затѣмъ сейчасъ и на личности переходить, графъ? Но если позволите быть вполне откровеннымъ—и ваша трагедія заключается въ томъ же.

— Почему же трагедія?

— Не будемъ придираться къ словамъ. Не можетъ быть,

чтобы вы сами не начинали сознавать это. Въ васъ и великодушіе, и доброта, и желаніе помогать народу,—а все какъ-то не ладится. Вотъ вы считаете себя обиженными муромскими мужиками. А разберите хорошенько—отчего все это? Оттого, что вы, какъ человѣкъ, принадлежащій къ высшему сословію, стоите надъ міромъ заботъ, нуждъ и треклятыхъ вопросовъ. Вы—благодѣтель. Или добровольный ходокъ! Но тутъ и выплываетъ скорпионъ...

— Я знаю, какой!—перебилъ его взволнованно Таманцевъ.—Вы уже проговаривались: вмѣсто того, чтобы за чужихъ мужиковъ хлопотать—отдайте свои угодья бывшимъ крѣпостнымъ. Не такъ ли, Домашневъ?

— Коли угодно, графъ,—въ родъ этого. Но я не на этомъ настаиваю. По доброй волѣ нѣтъ не станетъ разоряться, да и врядъ ли этимъ однимъ достигнешь цѣли. Главная суть не въ этомъ. Вы сами, какъ человѣкъ, сѣвшій на землю—будь вы даже не столбовой дворянинъ, а разночинецъ, получившій земельное состояніе по наслѣдству—должны самому себѣ создать кровное дѣло. И такое, чтобы безъ него ни деревнѣ, ни уѣзду нельзя было жить. Вотъ гдѣ заговodka!

— И такого дѣла у меня нѣтъ—хотите вы сказать?—спросилъ Таманцевъ.

— Я вѣдь не собирался вамъ нотаціи читать, Андрей Павловичъ!—докторъ протянулъ ему руку.—Такъ вышло по разговору. Не можетъ быть, чтобы вы сами не чувствовали этого. И вы кончите тѣмъ, что найдете себѣ коренное дѣло, если вы дѣйствительно облюбили наши палестины.

Эти слова Домашневъ выговорилъ добродушно и тепло. Таманцевъ готовъ былъ простить ему такое учительство и, помолчавъ, сказалъ вдумчиво и тихо:

— Можетъ быть, я и какъ просто человѣкъ не придусь въ нашѣмъ уѣздѣ ко двору, даже если и выберу себѣ коренное дѣло, какъ вы называете, Илья Ефимовичъ. Хозяина такого заправскаго,—произнесъ онъ съ усмѣшкой,—вотъ какъ сосѣдка моя Клавдія Спиридоновна,—изъ меня не выйдетъ.

— Это вѣрно,—подтвердилъ, весело подмигнувъ, Домашневъ.

— А въ земскіе начальники меня не пустятъ.

— Да вамъ и не полагается, ваше сіятельство, руки марать.

— Что же остается? Отдать землю, лѣсъ и луга крестьянскому обществу села Таманцева и начать по-мужицки пахать землю?

— Что-жъ? Право, послѣднее не глупо. И не будь я врачъ — гляди, самъ бы сталъ пахаремъ!

— И изъ дѣльнаго, любимаго всѣмъ уѣздомъ врача превратились бы въ ординарнаго народника-сектанта! — вскричалъ Таманцевъ.

Докторъ посмотрѣлъ на часы и неодобрительно тряхнулъ головой.

— Батюшки! Пора и на село. Заболтались мы здорово! Эхъ, ваше сіятельство! — вскричалъ онъ, хлопнувъ Таманцева по плечу. — Какъ тамъ ни ковыряйте свою дворянскую душу, а быть вамъ предводителемъ!.. И разлюбезное будетъ дѣло!

Онъ пожалъ ему руку и ускореннымъ шагомъ пошелъ къ балкону. На село онъ отправился пѣшкомъ. Тамъ его ждала таратайка у крыльца домика, гдѣ, на средства графа, была устроена амбулаторія.

Что-то напѣвая, Домашневъ повторялъ про себя:

„Такъ-то, братъ, не прогнѣвайся. Я тебѣ правду-матку отрѣзалъ. Съ мужикомъ надо умѣючи въ покровители играть. Да и ханжу Сурепина нечего обмазывать медомъ. Такъ-то!“

Онъ уже поднялся вверхъ по крутому спуску на порядокъ села, а Таманцевъ все еще сидѣлъ въ гротѣ на дерновой скамьѣ, опустивъ голову, и смотрѣлъ, какъ у него подъ ногами муравьи копошатся около какого-то комочка, который они хотятъ доставить на себѣ до своей кочки.

Голосъ доктора, его возгласы, смѣхъ, мораль, какую онъ прочелъ ему, оставили въ немъ жуткое недомоганіе.

Развѣ тотъ не правъ? Не слѣдовало бы брать такой безцеремонный тонъ, но правды тутъ много. Такъ сидѣть въ деревнѣ „съ боку припеку“ — нельзя.

А давно ли — всего полтора года назадъ — какая выдалась чудесная полоса жизни! Минуты не было свободной — недѣли и мѣсяцы проходили въ постоянной заботѣ, объѣздахъ, распоряженіяхъ, надзорѣ за столовыми и ихъ хозяйствомъ, въ перепискѣ и сношеніяхъ съ должностными лицами уѣзда и губернскаго города.

„Неужели, — съ горечью подумалъ онъ, — только что-нибудь роковое, вродѣ голода или мора, и можетъ связать тебя съ землей?“

Но вѣдь и тогда онъ не выходилъ изъ роли благодѣтеля, добровольнаго „кормильца“, какъ называютъ мужики. Вѣдь и на это можно посмотрѣть какъ на доказательство того, что у баръ нѣтъ своего кровнаго дѣла. Мужикъ походилъ въ даровую сто-

ловую, перетерпѣлъ бѣду, обсѣялся, вздохнулъ — и опять онъ охваченъ все той же деревенской страдой. И опять онъ дѣлается первымъ „кормильцемъ“ всей русской земли.

Полная тишина въ палисадникѣ и вокругъ дома стала смущать Таманцева, когда онъ проходилъ изъ грота на террасу. Одиночество и досугъ пугали его.

XIV.

Свѣтло-рыжая лошадеа бѣжала дробной рысью, помахивая то короткимъ хвостомъ, то подстриженной гривой. Упряжь на ней была венгерская, съ бубенчиками и двумя шоловыми хвостами по бокамъ узды. Тяльбюри—низкое и широкое—катилось по довольно ровной дорогѣ въ перелѣскѣ, гдѣ по обѣ стороны шли пестрыя полосы крестьянскихъ хлѣбовъ, ячменя, овса, кое-гдѣ льна. На солнцѣ разные хлѣба отливали то сизымъ колеромъ, то свѣтло-зеленымъ, то дымчато-желтоватымъ, съ головками мака, васильковъ, куриной слѣпоты и кое-гдѣ кашки. Кругомъ стояла полуденная тишь; только откуда-то, съ низины, доносился одинъ рѣзущій звукъ всего одной птицы.

Глафира Спиридоновна правила рыжей лошадей, подавшись немного впередъ. Она ѣхала одна къ Кувшинковымъ. До нихъ считалось не больше двѣнадцати верстъ, и она всегда дѣлала этотъ конецъ на своемъ пони въ часъ съ небольшимъ.

Ея высокую грудь и гибкую талію обтягивало свѣтлое платье съ узоромъ цвѣточками и кружевной отдѣлкой на плечахъ. Все лицо уходило въ кружева большой шляпки, спускавшіяся ободкомъ вокругъ всего борта, и оттуда ея бархатные глаза смотрѣли точно изъ-подъ баддахины.

Сегодня Клавдія, когда она сошла отъ себя проститься съ женою, оглядѣвъ ея туалетъ и, поведя своими толстоватыми губами, выговорила вопросительно:

— Небось онъ будетъ?

— Ахъ, Клавдѣнка! — откликнулась Глафира и чуть не покраснѣла.

„Его“ она дѣйствительно рассчитывала увидѣть у Кувшинковыхъ. Она помнила, что онъ собирался къ нимъ и все еще у нихъ не былъ, на что и мужъ и жена начинали дуться. Почему-то она была увѣрена, что сегодня—воскресенье—онъ непременно будетъ у сосѣдей.

До нея дошли слухи о размолвкѣ Таманцева съ мурашкин-

цами. Вѣсть занесъ къ нимъ становой. Онъ поносилъ мужиковъ и Суслова, такъ что ей было сначала даже пріятно; но когда становой уѣхалъ и она все сообразила—обида за любимаго чело-вѣка кольнула ее прямо въ сердце. То-то пойдетъ теперь зло-радное шипѣніе по всему уѣзду! Къ Кувшинковымъ она медлила ѣхать—не хотѣла рисковать рацеями Прова Провыча. Онъ, конечно, земли подъ собой не чувствуетъ отъ затаенной радости, что его „конкуррентъ“ потерпѣлъ фіаско въ своей „графской фанат-беріи“, въ желаніи играть роль „непрощеннаго благодѣтеля“. Ея пріятельница, Ксенія Ефремовна, уже присылала къ ней записку съ нарочнымъ и пеняла на то, что они ее такъ давно не видятъ у себя, а сама отговаривалась тѣмъ, что у ея Манечки „зубки“ и она очень тревожна.

Цѣлые два дня Глафира была подавлена. Клавдія стала ее успокаивать, просидѣвъ у нея за полночь на кровати.

— Это его отрезвить,—говорила ей Клавдія.—Теперь онъ не будетъ такъ усердствовать. Надо, чтобы къ нему приходили на поклонъ. Дворянскіе выборы не за горами. И пожелай онъ—на-вѣрно попадетъ въ предводители, а эта должность теперь не шуточная.

Сегодня она проснулась радостная. За него больше не щемитъ на сердцѣ. Экая важность, что мужики, въ своей „черствой не-благодарности“, не умѣли оцѣнить его великодушіе и прямо по-ступили „какъ чужіи“—припомнилось ей выраженіе станового.

Она миновала перелѣсокъ и выѣхала опять въ сосновый боръ. Оставалась всего одна верста до усадьбы Кувшининовыхъ. Тутъ уже начинались владѣнія „интеллигентнаго купчиши“.

Цѣлый уголъ уѣзда принадлежалъ теперь купцамъ: Кувшин-ковы, онѣ съ сестрой владѣли двумя бывшими дворянскими угодьями. Надо бы ей радоваться этому; а она совсѣмъ иначе настроена. Если земля, по праву, принадлежитъ тому, кто на нее сѣлъ и распахалъ ее, то купцы—такіе же узурпаторы, какъ и дворяне. Но коренные вотчинники—предки такихъ дворянъ, какъ графъ Андрей Павловичъ, были служилые люди. Тѣ ходили на войну, получали помѣстья за ратное дѣло. У нихъ потомковъ все-таки есть больше правъ на земельныя угодья, чѣмъ у такого вотъ Кувшинкова, „татенька“ котораго былъ извѣстный ростов-щикъ. Или Сусловъ—сынъ кабатчика, самъ барышникъ и вин-ный складчикъ, скупщикъ лѣса на срубъ,—стало быть, коренной врагъ народнаго богатства.

И чѣмъ ближе подѣзжала Глафира Спиридоновна къ усадьбѣ Кувшинкова, тѣмъ все непріязненнѣе она себя чувствовала про-

тивъ этого „высочки“ и „интригана“. Въ послѣднее время и жена его, Ксенія Ефремовна, стала казаться ей гораздо суетнѣе и тщеславнѣе. Ея передовыя стремленія не прикрываютъ ли постоянного желанія казаться настоящей барыней? И безъ того она любитъ „французить“, слишкомъ старательно набѣгаетъ всего, что могло бы напомнить о купеческомъ происхожденіи.

При самомъ выѣздѣ изъ лѣса, на плоскомъ пригорѣ показалась усадьба Кувшининовыхъ—барскій домъ, перестроенный новымъ владѣльцемъ, со старой липовой аллеей, ведущей прямо къ крыльцу. На нѣсколькихъ десятинахъ раскинулись службы, скотный дворъ, казармы для рабочихъ, рига, конюшни, амбары. Все было каменное, новое; а деревянныя строенія всѣ крыты желѣзомъ: настоящая барская усадьба съ образцовымъ хозяйствомъ, самая эффектная, по виду, во всемъ уѣздѣ. Сестра ея Клавдія находитъ, что Провъ Провичъ—болѣе „франтъ“, чѣмъ настоящій хозяинъ, что онъ всадилъ больше ста тысячъ въ свое обзаведеніе затѣмъ только, чтобы затенуть за поясъ всѣхъ дворянъ, занимающихся агрономіей, и говорить съ пренебреженіемъ о своемъ сосѣдѣ, графѣ Таманцевѣ, и его „сиротскомъ хозяйствѣ“.

По утрамбованному щебию аллеи подкатила Глафира Спиридоновна къ крыльцу съ парусиннымъ навѣсомъ. Встрѣчать ее выбѣжалъ мальчикъ въ сѣромъ фракѣ. Домъ у нихъ былъ совершенно на господскую ногу. Они завтракали въ часъ и обѣдали очень поздно для деревни—въ седьмомъ часу.

— Господа внизу?—спросила Глафира Спиридоновна, входя въ переднюю.

— Барыня у себя, наверху... а баринъ въ кабинетѣ,—отвѣтилъ мальчикъ Ваня жидкимъ голоскомъ.

— Одинъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Господинъ Сусловъ у нихъ.

„Господинъ Сусловъ!—повторила она про себя.—Вотъ какъ!“

— Я пройду наверхъ.

Изъ обширной передней, съ зеркаломъ, цвѣтами и двумя японскими вазами, широкая лѣстница вела во второй этажъ, гдѣ помещался кабинетъ хозяйки, спальня и двѣ дѣтскія.

Мальчикъ почистилъ ее вѣнникомъ и побѣжалъ впередъ докладывать.

Во всемъ домѣ стоялъ чудесный воздухъ съ запахомъ цвѣтовъ и какой-то ароматической воды. Все блестѣло и щеголяло чистотой, удобствомъ и новизной. По ступенямъ лѣстницы съ дубовыми перилами шелъ коверъ на металлическихъ спицахъ, съ чистѣйшимъ половикомъ. Глафирѣ всегда было пріятно бывать въ

этомъ домѣ; но сегодня все казалось ей слишкомъ наряднымъ, отовсюду выглядывала претензія „выскачекъ“.

— Ахъ, милая! Наконецъ-то!

Хозяйка шла къ ней на встрѣчу, и онѣ поцѣловались на порогѣ ея кабинета.

Кувшиникова смотрѣла не старше своей гостьи—небольшого роста, подвижная въ манерахъ и въ игрѣ лица—маленького и миловиднаго. Свѣтлорусые волосы, взбитые на лбу и на вискахъ, дѣлали лицо интереснымъ. Она часто мигала и смѣялась короткимъ, высокимъ смѣхомъ, къ которому ея пріятельница до сихъ поръ еще не совсѣмъ привыкла.

Одѣта и причесана была она совсѣмъ по-городски, съ полубнаженными руками и шеей, въ платьѣ-пеньюарѣ, въ желтыхъ башмакахъ и въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ.

— Какъ Маня?—спросила Глафира.—Все мучится зубками?

— Сегодня гораздо лучше. Я услала ее съ мамкой въ садъ.

Въ разговорѣ Ксенія Ефремовна частила и немного картавила.

Кабинетъ, куда она ввела гостью, выходилъ на широкій балконъ съ марезной изъ полосатаго тика, стоявшій въ тѣни.

— Вы одна? Или съ сестрой?

— Одна.

— А отчего же не привезли сосѣда? Ха, ха!

Кувшиникова заглянула въ глаза Глафирѣ и еще разъ пустила въ ходъ свой нервный смѣхъ.

— Вы о графѣ?—суховато откликнулась Глафира.—Мы его давно не видали.

— И насъ онъ еще не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Хотите, здѣсь посидимъ или спустимся внизъ. У Прова кто-то сидитъ. Кажется, муражѣинскій старшина. Вы его, голубчикъ, не видали? Это—тигъ!

Глафира такъ и ждала, что Ксенія Ефремовна спроситъ ее: „А слышали про то, какъ муражѣинскіе мужики отблагодарили графа?“

XV.

Завтракъ подходилъ къ концу. Противъ Глафиры Спиридовны сидѣлъ хозяинъ, справа—старшина Сусловъ.

Прова Провыча Кувшиникова—въ домашней синей тужуркѣ военнаго покроя—никто бы не принялъ за купца. Продолговатое, очень блѣлое лицо съ темнорусой бородой, расчесанной на двѣ стороны, было скорѣе красиво. Еслибъ не начинающаяся лысина,

онъ былъ бы еще моложавѣе. Въ глазахъ то-и-дѣло появлялась усмѣшка челоуѣка очень довольнаго собой. Говорилъ онъ сильно акая по-московски, протяжно и пространно. Въ его языкѣ сказывалось сейчасъ же, что онъ вышелъ изъ гимназіи. Безпрестанно онъ вставлялъ въ свою рѣчь „такъ сказать“ и въ особенности „изволили замѣтить“; употреблялъ часто и нѣмецкія выраженія, потому что учился у нѣмцевъ и жила въ подолгу въ Германіи, всего больше въ агрономической школѣ, въ Гогенгеймѣ.

Колчанова хорошо знала всѣ его „финты“ и „рацен“ и съ трудомъ выносила, когда онъ о чемъ-нибудь начиналъ пространно „размазывать“; но „изъ высшей порядочности“ никогда его не перебивала.

Старшину Суслова—звали его Трифонъ Сергѣевичъ—Глафира видѣла поближе въ первый разъ, и чувство къ нему дѣлалось въ ней все враждебнѣе съ каждой минутой. По внѣшности онъ похожъ былъ на франтоватаго приеазчика въ бакалейной лавкѣ. Курчавые, льняного цвѣта волосы онъ расчесывалъ среднимъ проборомъ, бородку подстригалъ, носилъ цвѣтной галстухъ и свѣтло-сѣрую шару, совсѣмъ по-господски. Веснушки и желтыя рѣсницы дѣлали его, для Глафиры, еще противнѣе. Онъ былъ большого роста и грудастый. Усы—широкіе и густые—закручивалъ. Говорилъ онъ фистулой, немного на „онъ“, скоро и мягко, съ плутуватыми и часто язвительными переливами голоса.

Съ самаго начала завтрака заговорили о графѣ Таманцевѣ.

Съ своей тщеславной усмѣшкой Кувшинковъ спросилъ Глафиру: „давно ли она имѣла случай лицезрѣть его сіятельство?“ Видно было, что онъ долго ждетъ визита Таманцева, почему и ехидствуетъ.

— И какъ же? его сіятельство,—началъ опять Кувшинковъ допрашивать старшину, съ которымъ онъ обращался какъ съ равнымъ себѣ:—очень обидѣлся на вашихъ стариковъ?

Щеки Глафиры стали замѣтно блѣднѣть. Она предчувствовала, что до конца завтрака не выдержитъ.

— Не безъ того-съ,—откликнулся Сусловъ, и его желтыя рѣсницы замигали.—А между прочимъ, я, отъ лица всей волости, выразилъ ему благодарность.

— За что же благодарить, если онъ все напуталъ?

— Не то чтобы окончателно,—поправилъ Сусловъ, бросивъ почему-то косвенный взглядъ на Колчанову:—но теперь уже нельзя такъ поставить ходатайство, какъ оно стояло годъ тому назадъ.

— Однако,—возразила она:—до ходатайства графа у васъ

никакихъ не было надеждъ хоть клочокъ земли оттянуть отъ казны, а теперь вы надѣетесь получить двѣ пустоши изъ трехъ.

— Да кто же, сударыня, спервоначалу займался этимъ?—спросилъ Сусловъ.

Глафира про себя повторила мужицкое слово: „займался“, и прибавила: „а въ образованные лѣзетъ“.

— Вся волость обнищала. Да къ тому же и голодъ подошелъ.

— И тотъ же графъ Андрей Павловичъ половину волости кормилъ!—воскликнула Глафира и нервно отхлебнула изъ стакана.

— Послушайте, барышня!—началъ тянуть Кувшинковъ:—вѣдь Трифонъ Сергѣевичъ, такъ сказать, фактически излагаетъ; онъ не можетъ извинить того, какъ крестьяне Мурашкинской волости поглядѣли на ходатайство его сіятельства. Вы извольте вникнуть.

И онъ, по своей несносной привычкѣ, протянулъ звукъ „э-э“ и, наливъ себѣ краснаго вина, сталъ продолжать въ томъ же тонѣ.

— Напрасно вы, Провъ Провычъ, думаете, что я не понимаю. Я прекрасно все разумѣю,—глухо сказала Глафира.

Ея пріятельница Ксенія Ефремовна заволиновалась и, положивъ ладонь руки на плечо, тихонько выговорила:

— Полноте, милая... Зачѣмъ такъ!

— Никто здѣсь вашего графа не обижаетъ,—сказалъ Кувшинковъ, поведя своими тонкими недобрыми губами.

— Почему же онъ „мой“?—уже вспыхнувъ подхватила Глафира и выпрямила свою грудь.

— Насчетъ васъ мы уже не въ первый разъ замѣчаемъ—хе, хе!—нельзя слова сказать про его сіятельство—вы, какъ пороховъ, вспыхнете.

Онъ перемигнулся съ Сусловымъ, и это ее еще сильнѣе взорвало.

— Провъ Провычъ!—начала она перехваченнымъ звукомъ:—графъ Андрей Павловичъ не нуждается въ защитникахъ, особенно въ женской защитѣ.

— Глафира Спиридоновна!—остановила Кувшинкова съ просительнымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Позвольте,—замѣтила ей Глафира.—Намедни... у васъ же графъ былъ предметомъ особаго интереса. Пустили возмутительную сплетню и раздуваютъ ее по всему уѣзду.

— Кто же это раздуваетъ?—не мѣняя полусутиливой манеры, вставилъ Кувшинковъ.

— Вамъ, Провъ Провичъ, это должно быть лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ. „Графъ отказался отъ дуэли. Онъ повелъ себя какъ трусъ!..“ Какъ это на него похоже, не правда ли?—спросила Глафира, круто повернувъ голову къ хозяйкѣ. — Ха, ха!

— Никто, изволите припомнить, не утверждалъ этого. А что у него была скандальная исторія изъ-за невѣсты—про это во всемъ Петербургѣ былъ толкъ, и еще не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ судебный слѣдователь передавалъ подробности, какъ именно было дѣло. А онъ прямо оттуда и въ свѣтскіе дома вхожъ.

— Было что-то, доподлинно,—съ игрой въ глазахъ замѣтилъ Сусловъ.—По тому случаю—онъ выговорилъ: „случаю“—они отъудова и удалились скоростижно и ходатайство за нашу волость бросили въ самую нужную минуту.

Глафира замѣтила сама, что кончики пальцевъ у нея вздрагиваютъ. Какъ неудержимо захотѣлось ей бросить имъ, въ ихъ фальшивыя и злобныя „физіи“, свое негодующее чувство! Вотъ она, народная и земская правда! За добро, за чистѣйшее великодушіе—и такая презрѣнная зависть, отвратительное шипѣніе „хамовъ“. Это слово: „хамовъ“ раздалось внутри ея, хотя она его вслухъ не выговорила. Что-жъ изъ того, что она одного званія съ этимъ Провомъ Провичемъ—„почетная гражданка“? И онъ, и этотъ Сусловъ—болѣе народъ, чѣмъ графъ Таманцевъ, предки котораго вышли не то изъ Венгріи, не то изъ Шотландіи. Но она всей душой, всѣмъ складомъ натуры, понятій, чувствъ, привычекъ—одного съ нимъ круга, нужды нѣтъ, что не-дворянка! И можно ли промѣнять такихъ „господъ“, какъ онъ, на такихъ „мужичковъ“, какъ этотъ кабатчикъ-прасолъ Трифонъ Сергѣевичъ Сусловъ съ Провомъ Кувшинковымъ въ придачу?

Она насилу подавила въ себѣ этотъ взрывъ.

— Графъ Андрей Павловичъ,—заговорила она, опять отпивъ изъ стакана:—конечно, не предполагаетъ, съ какимъ достойнымъ чувствомъ относятся къ нему въ уѣздѣ. Право, хочется сказать ему: „Бросьте вы насъ, уѣзжайте! Кромѣ сплетенъ и подвоховъ вы ничего не дождетесь“.

Кувшинковъ сжалъ губы, переглянулся съ старшиной и выговорилъ, пожавъ плечами:

— Что-жъ! Никто насильно милъ не бываетъ, барышня. Скатертью дорога, ежели его сіятельство изволитъ окончательно разгнѣваться на всѣхъ насъ. Всякаго благополучія желаемъ графу Андрею Павловичу. Угодно здорovie его выпить?

Онъ протянулъ ей рюмку. Эта выходка показалась ей слиш-

комъ пошлой. Поняла это и Ксенія Ефремовна и сказала, обращаясь къ мужу:

— Можно бы, Провъ, и перебить разговоръ.

— Съ моимъ удовольствіемъ, — отозвался Кувшинковъ, со всѣмъ купеческимъ звукомъ.

— Что тебѣ? — быстро окликнула Ксенія Ефремовна, увидавъ въ дверяхъ столовой мальчика.

— Изъ Таманцева баринъ подѣхали.

Кувшинковъ хотѣлъ сказать: „легко на поминѣ“, — но не рѣшился. Глафира могла опять вспыхнуть, и не на шутку. Онъ отодвинулъ свой стулъ, собирався привстать. Жена его смущенноправила рукава и прическу. Старшина опустилъ желтыя рѣсницы и тоже началъ поправлять булавку на своемъ цвѣтномъ галстухѣ.

Въ Глафирѣ все еще „ходило ходуномъ“, какъ сказала бы навѣрно сестра ея.

Она досадовала на то, что графъ не вошелъ тихонько въ столовую пятью минутами раньше. Затѣмъ онъ только ѣздитъ сюда?!

Кувшинковъ, услышавъ, какъ дверь отворилась въ передней, поспѣшно всталъ, обтянулъ свою тужурку и сказалъ женѣ и гостямъ:

— Перейдемте, господа, на балконъ или въ гостиную.

Хозяинъ встрѣтилъ Таманцева еще въ дверяхъ столовой возгласомъ:

— Вашему сіятельству!

Глафира хотѣла крикнуть черезъ его голову:

„Не давайте ему руки, Андрей Павловичъ. Онъ этого не стоитъ!“

Старшина почему-то застегнулъ свою визитку на двѣ пуговицы и тотчасъ потомъ заложилъ, стоя въ сторонѣ, обѣ руки назадъ.

XVI.

Визитъ Таманцева продолжался не больше часа. Онъ завернулъ по дорогѣ и приглашенія остаться обѣдать не принялъ.

Все время хозяйка старательно занимала гостя. Ей было досадно, что онъ засталъ ее по домашнему, хотя и въ нарядномъ пенъюарѣ. Она начала вставлять французскія слова, чего не дѣлала въ разговорѣ съ мужемъ и Глафирой.

Таманцевъ держалъ себя просто и слишкомъ „добро“ на офѣнку Глафиры. Когда онъ еще въ столовой подаль руку старшинѣ—она нашла, что такъ не слѣдуетъ великодушничать. Надо было много-много отвѣтить кивкомъ головы на поклонъ Суслова. Въ гостиной старшина оправился и вступилъ въ разговоръ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ такой же гость, какъ и графъ Андрей Павловичъ.

Заигрыванье съ графомъ Ксеніи Ефремовны казалось Глафирѣ фальшивымъ и она находила, что ея пріятельница слишкомъ щеголяетъ своими „стремленіями“. Кувшинкова пространно начала рассказывать про свой планъ особой профессиональной школы для дѣвочекъ, гдѣ онѣ будутъ обучаться болѣе искусному тканью ручниковъ, скатертей и шерстяныхъ крестьянскихъ одѣялъ, и какъ она мечтаетъ завести склады въ губернскомъ городѣ, потомъ и въ столицахъ.

Провъ Провычъ одобрительно вставлялъ свои сентенціи и Сусловъ нѣсколько разъ повторилъ: „дѣло хорошее“. Глафира, въ другой разъ, приняла бы участіе въ такомъ разговорѣ; но тутъ все ей казалось неискреннимъ и суетно-тщеславнымъ; подъ всѣмъ этимъ „заниманьемъ“ она чуяла фальшь „разночинцевъ“, ненавидящихъ графа потому только, что онъ—баринъ.

— Въ нашемъ уѣздѣ,—сказалъ графъ,—вообще надо бы поднять кустарные промыслы. Задача прекрасная. Вотъ вы,—обратился онъ къ Кувшинкову:—получили техническое образованіе. Школа хорошихъ нарядчиковъ была бы въ высшей степени полезна.

— Хозяйничать-то не на чемъ, ваше сіятельство!—замѣтилъ съ кислой улыбкой Сусловъ.—Сами изволите знать.

— Почему же?—возразилъ Таманцевъ.—Если здѣсь казна и крупные владѣльцы преобладаютъ, крестьянскія общества арендуютъ тысячи десятинъ. Не земли не хватаетъ, а знанія, выучки. Примѣръ Прова Провыча на-лицо: земля что у него, что у мужиковъ кругомъ—одна и та же; а развѣ она одно и то же даетъ?

Кувшинковъ выпрямился и на его тонкихъ губахъ появилась усмѣшка.

Въ его взглядѣ Глафира прочла: „его сіятельство подѣзжаетъ съ любезностями, но насъ не перехитришь“.

— Вотъ вамъ бы, графъ,—заговорилъ Кувшинковъ, поглядѣвъ на жену и на Суслова:—взять у насъ бразды правленія. Вы изволите такъ великодушно относиться ко всѣмъ нуждамъ уѣзда.

— То-есть, какія же это бразды правленія?—повторилъ гость.

— Управой у насъ всѣ недовольны. А выборы уже не за горами.

„Ловкій подходъ!“ — подумала Глафира и съ дурно скрывае-
мой тревогой поглядѣла на Таманцева.

— Вы хотите сказать, чтобы я баллотировался? — спросилъ Таманцевъ.

— А почему же нѣтъ, ваше сіятельство? — спросилъ Сусловъ.

Глафирѣ показалось, что они съ Кувшинковымъ переглянулись.

— Еслибъ мнѣ и предлагали, — заговорилъ Таманцевъ, за-
медля темпъ рѣчи: — то и тогда я бы не взялъ на себя отвѣт-
ственной должности по хозяйству уѣзда. Я еще недостаточно
знаю его.

— Помилуйте, графъ! Сколько вы возились съ православнымъ
христианствомъ. Всѣ наши язвы и болячки должны быть вамъ
превосходно извѣстны.

Сусловъ сталъ кивать головой.

— Вы, графъ, — сказала манерно Ксенія Ефремовна: — на-
стоящій народолюбецъ... La providence des paysans, — прибавила
она, старательно выговаривая по-французски, и эта фраза поко-
робила всего сильнѣе Глафиру Спиридоновну.

„Они точно издѣваются надъ нимъ! — вспыхнула она про себя.
— Неужели онъ не понимаетъ всей этой гадкой игры?“

— Я бы не порадовалась за графа, — заговорила она, сдер-
живая свою тревогу: — еслибъ его выбрали въ председатели. Ему,
я думаю, довольно и тѣхъ опытовъ, какіе онъ, до сихъ поръ,
дѣлалъ.

— Какіе же это такіе опыты? — спросилъ Кувшинковъ и
подался впередъ, уперевъ ладони въ колѣна.

— И вы, Провъ Провычъ, и вотъ господинъ Сусловъ — отлично
знаете, какіе.

Таманцевъ быстро взглянулъ на нее и, поднимаясь, сказалъ:

— Не безпокойтесь, Глафира Спиридоновна, у меня натура
отходчивая. Жить — значить тратить себя, и особенно въ нашемъ
отечествѣ. У насъ кто-то сказалъ, что только въ ранней юности
идетъ жизнь, а потомъ начинается житіе.

Кувшинковъ и Сусловъ засмѣялись и разомъ встали.

— Куда же вы, графъ? Право, вы насъ обидите! — загово-
рила хозяйка. — И Глафира Спиридоновна у насъ посидѣла бы.

— Да вѣдь я собрался въ Колчановку, — сказалъ Таманцевъ,
совершенно неожиданно для Глафирь.

Всѣ замѣтили, что она измѣнилась въ лицѣ: глаза блеснули
и матовыя ея щеки быстро порововѣли.

— Къ намъ, графъ? Вотъ это чудесно!

— Да вѣдь вы къ намъ на цѣлый день, барышня?—сказалъ, качая головой, Кувшинковъ.

— Нѣтъ, Провъ Провычъ, я общалась Клавдіи быть назадь къ обѣду. Я и лошадь не велѣла откладывать.

Мужъ и жена переглянулись. Таманцевъ замѣтилъ это, но не смутился. Онъ исполнилъ долгъ вѣжливости и видѣлъ теперь ясно, что „интеллигентный купчикъ“ считаетъ его своимъ первымъ соперникомъ. Ему даже захотѣлось сказать ему, уходя: „Милѣйшій Провъ Провычъ, интригуйте противъ кого угодно, только не противъ меня. Напрасно пороховъ потратите“.

Сусловъ, стоявшій ближе къ двери, низко поклонился ему и остановилъ восклицаніе:

— Ваше сіятельство!

— Что вамъ угодно?—спросилъ Таманцевъ, и тонъ этого вопроса очень утѣшилъ Глафиру.

— Почтительнѣйше прошу не посѣтовать на меня за то, что наши мужички не сдумѣли намереніи, какъ слѣдуетъ, выразить вашему сіятельству признательность за ваше...

Таманцевъ остановилъ его.

— Довольно, господинъ Сусловъ. Желаю вашей волости полнаго успѣха.

Протянулось молчаніе.

— Такъ мы вмѣстѣ?—спросилъ Таманцевъ Глафиру.

— Хотите, подвезу на моемъ пони?

— Прекрасно!

Черезъ четверть часа тильбюри Глафиры Спиридоновны подъѣзжало къ опушкѣ лѣса. Позади на мелкихъ рыскахъ катился тарантасъ Таманцева съ легкимъ позвякиваньемъ колокольчика.

Они оба смолкли, когда вѣхали въ лѣсъ.

Таманцевъ попросилъ возжи у Глафиры и сдержалъ лошадеу. Она пошла шагомъ.

— Андрей Павловичъ!—тихо окликнула Глафира и изъ-подъ кружевъ живописной шляпки поглядѣла на него.—Вы мною, пожалуй, недовольны?

— За что, Глафира Спиридоновна?

— Можеть быть, мнѣ не слѣдовало вмѣшиваться въ вашъ разговоръ. Но я не могла...

Она обернулась къ нему станомъ.

— Знаете... мы съ Ксеніей Ефремовной были всегда хороши. Но сегодня все у нихъ мнѣ стало невыносимо. Она отъ мужа своего заражается... фальшью и пошлостью.

— Не слишкомъ ли строго, Глафира Спиридоновна?

— Слово... не салонное, но я другого не знаю. И какъ этотъ хитроумный Провъ выдалъ себя. Ха, ха!.. Вотъ ужъ по-
длинно—знаешь кошма, чье мясо съѣла.

— Моимъ словамъ онъ, конечно, не повѣрилъ,—сказалъ,
усмѣхаясь, Таманцевъ.

— Захотѣли чего!—вырвалось у Глафиры восклицаніе, ко-
торое ее самое задѣло: оно отзывалось дѣвичьей.— Купецъ ни-
когда ничему не вѣритъ ни въ какихъ дѣлахъ: ни въ торговлѣ,
ни въ мѣстной политикѣ. Душонка у него осталась все такая же
рядская.

Ей стоило не мало усилія надъ собою, чтобы не рассказать
ему о томъ, что вышло за завтракомъ, за нѣсколько минутъ до
его пріѣзда.

— Это вездѣ такъ... въ каждомъ обществѣ. У дворянъ не
рѣже, чѣмъ у купцовъ,—заговорилъ Таманцевъ, подобравъ возжи.
—Что жъ!—болѣе искреннимъ звукомъ продолжалъ онъ:—я вамъ
признаюсь, Глафира Спиридоновна, меня огорчили муражинскіе
мужики, и я съ нашимъ пріятелемъ Домашневымъ имѣлъ довольно
горячій разговоръ. Но это улеглось, увѣряю васъ. Жить—зна-
читъ тратить свои силы. Это и мудрецъ какой-то сказалъ. Мы
всѣ—господа дворяне—любимъ красивую обстановку своихъ по-
ступковъ. Служба—чтобы непременно была съ эффектной декора-
ціей. Или чтобы благодарные пейзаны приносили намъ хлѣбъ-
соль и цѣловали намъ ручки. А пейзаны гнутъ свою линію и,
по своему, правы. Мы должны имъ служить, потому что у насъ
нѣтъ своего коренного дѣла. Такъ доказываетъ Домашневъ, и
пожалуй—онъ правъ.

— Права Клавденька, а не Илья Ефимовичъ. Она говоритъ,
что вы бисеръ кидаете передъ кое-какими животными.

— Глафира Спиридоновна! Вы ли это?

Онъ остановилъ даже лошадей.

— И я—сентиментальничала. А сегодня, когда я увидала,
какъ вы этому кошатнику Суслову подали руку—меня до боли
кольнуло. Вѣдь вы, Андрей Павловичъ, не изъ дипломатівъ это
сдѣлали, а по вашей черезъ-чуръ большой порядочности.

Красивые глаза дѣвушки глядѣли на него впервые съ такимъ
явнымъ выраженіемъ безавѣтнаго сочувствія, почти преклоненія.
Онъ, держа лѣвой рукой возжи, протянулъ ей правую.

Рука Глафиры, пожимая его руку, вздрогнула.

— А можетъ быть, и я правъ,—тихо вымолвилъ онъ:—что
я—здѣсь не во двору.

— Гдѣ здѣсь, графъ? Гдѣ? Неужели и въ Колчановкѣ?

Слова застыли на ея яркихъ губахъ. Она какъ будто застыдилась.

Какъ бы она ни была полна чувства къ нему—пылаго и самоотверженнаго—нельзя навязывать себя, особенно ей—Глафирѣ Колчановой. И никогда ея имя „Глафира“ не извило ее такъ своей вульгарностью.

— Колчановка—не въ счетъ!—воскликнулъ Таманцевъ и ударилъ лошадеу возжей.

П. БОВОРЫНИНЪ.

КОНГРЕССЪ РЕЛИГІЙ

ВЪ

ЧИКАГО.

ВѢЩАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Въ сентябрѣ 1893 г. на берегу Мичиганскаго озера происходило единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. Представители всевозможныхъ религій, съѣхавшись со всѣхъ концовъ земли, собрались въ одно общее засѣданіе. Соблюдая видимость полной равноправности, встрѣчались и мѣнялись мыслями представители христіанскаго духовенства, духовные сановники иновѣрныхъ религій, мірскіе представители науки. Поборники самаго узкаго сектантства не только приобщились духомъ къ своимъ христіанскимъ единовѣрцамъ, но изъ своей замкнутости вышли на просторъ общечеловѣческаго сближенія съ послѣдователями нехристіанскихъ религій; сыны далекаго Востока превозмогли закоренѣлое свое недовѣріе къ религій завоевательнаго Запада и подъ сѣнь Креста принесли свои стародавнія ученія о внутреннемъ совершенствованіи. Въ теченіе семнадцати дней разнорѣчивые „глаголы“, сливаясь въ братскомъ единомысліи, провозглашали—желательность сближенія, необходимость забвенія человѣческаго разномыслія, обязательность уваженія ко всему тому, въ чемъ проявляется духовное единообразіе человѣческой природы.

Среди такого разномыслія, въ наши дни неустанно подчеркивающаго разъединяющія начала человѣческой жизни, это громкое провозглашеніе объединяющихъ началъ звучало великимъ протестомъ природы противъ всякаго насильственнаго дробленія. Ка.

ково бы ни было ближайшее вліяніе, каковы бы ни были дальнѣйшія послѣдствія, каково бы ни было разногласіе въ оцѣнѣ, — событіе само по себѣ представляется намъ достаточно знаменательнымъ, чтобы удѣлить ему нѣкоторое вниманіе. Не знаемъ, много ли появлялось о немъ въ русской печати ¹⁾, и въ настоящемъ очеркѣ мы желали бы лишь подѣлиться личными впечатлѣніями. Не смѣемъ предложить какую-нибудь сравнительную оцѣнку вѣроученій и міровоззрѣній; не можемъ также дать сводъ всего, что было тамъ говорено и прочтено, — трудъ непосильный, если принять во вниманіе, что отчеты засѣданій составили два толстыхъ тома въ полторы тысячи страницъ убористой печати ²⁾. Принимаясь говорить о такомъ, по нашему мнѣнію, знаменательномъ событіи, какъ религіозный конгрессъ, мы просимъ читателя имѣть въ виду, что единственное преимущество, какое можетъ признать за собой пишущій эти строки, состоитъ въ томъ, что при всемъ этомъ онъ былъ очевидцемъ. Если намъ удастся воскресить наши воспоминанія и впечатлѣнія настолько, чтобы заставить читателя проникнуться тѣмъ духомъ человѣческаго сближенія, который царилъ тамъ въ теченіе тѣхъ семнадцати дней; если намъ удастся вызвать въ немъ тѣ же чувства терпимости и уваженія къ чужой совѣсти, какими дышало все собраніе; если, наконецъ, намъ удастся дать ему хотя слабое понятіе о томъ подъемѣ духа, который въ

¹⁾ Уже по окончаніи настоящаго очерка мнѣ пришлось ознакомиться со статьями г. В. Соколова („Вѣстникъ Вѣстникъ“, мартъ, май и ноябрь 1894 г.), интересными по обилію сопоставленнаго матеріала.

²⁾ Rev. J. H. Barrows, „The World's Parliament of Religions“. Chicago. 1893. Для интересующахся вопросомъ прилагаемъ слѣдующія библиографическія данныя. Rev. J. L. Jones, „A Chorus of faith as heard in the Parliament of Religions held in Chicago, September 10—27, 1893“. Chicago 1893.

Rev. L. P. Mercer, „Review of the World's Religious Congresses of the World's Congress Auxiliary of the World's Columbian Exposition“. Chicago 1893.

Prof. Walter R. Houghton, „Neely's History of the Parliament of Religions and Religions Congresses at the World's Columbian Exposition“. Chicago 1893.

Max Müller, „Arena“. December 1894. Boston.

Bonnet Maury, „Revue de l'Histoire des „Religions“. Octobre et Décembre 1893.

Bonnet Maury, „Revue des Deux Mondes, 15 Août 1894.

R. Rev. Kean, „Catholic family annual 1893“.

Rev. J. H. Barrows, „Results of the Parliament of Religions“. The Forum. September 1894.

G. D. Boardman, „The Parliament of Religions“. Philadelphia 1893.

M. Zmigrodski, „Kongres Katolicki i Kongres wszach Religij w Chicago 1893 roku“. Kraków. 1894.

Gen. M. M. Trumbull, „The Parliament of Religions“. The Monist. April 1894.

Dr. Paul Carus, „The Dawn of a New Religions Era“. The Forum. November 1893. The Monist. April 1894.

теченіе почти трехъ недѣль, во время самой яркой выставочной суеты, въ самый разгаръ коммерческаго броженія и въ самомъ центрѣ американскаго матеріализма, три раза въ день собиралъ пятидесятную толпу на засѣданія конгресса,—мы почтемъ себя вознагражденными за нашу попытку.

I.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Adams Street, одна изъ самыхъ бойкихъ улицъ коммерческаго квартала въ Чикаго, выходитъ на Мичиганскій проспектъ, среди большого, еще незастроеннаго луга, между пароходной приставью съ одной стороны и лѣтнимъ циркомъ съ другой,—отрѣзанное отъ голубого озера чернымъ полотномъ желѣзной дороги, высится мраморное зданіе художественнаго музея (Art. Institute), въ этомъ зданіи, которое холоднымъ спокойствіемъ своего античнаго фасада такъ разительно выдѣляется на выпучемъ фонѣ американской суеты,—въ этомъ мѣстѣ отъ мая до октября происходили засѣданія всемірныхъ конгрессовъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Въ теченіе почти шести мѣсяцевъ, ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ дней, многочисленныя залы музея были полны народу, и иногда въ двадцати залахъ одновременно происходили чтенія, сообщенія, засѣданія и т. д. Для самыхъ большихъ, общихъ собраній, къ задней сторонѣ зданія, той, которая обращена къ озеру, была сдѣлана деревянная пристройка съ двумя огромными помѣщеніями, болѣе чѣмъ на пять тысячъ человѣкъ каждая, и въ одномъ изъ этихъ деревянныхъ амфитеатровъ, въ такъ называемомъ Columbus Hall, на высокихъ подмосткахъ собирались и возсѣдали члены „Парламента Религій“.

Внѣшній видъ помѣщенія поражалъ простотой, а многихъ принципиальныхъ противниковъ конгресса религій прямо возмущалъ. „Да и на что это похоже,—подобное собраніе дѣлать въ достатокъ балаганъ: голыя стѣны, флаги!“—такъ обыкновенно говорилося послѣ того, какъ всѣ возраженія по существу были исчерпаны: „въ старину такіе предметы обсуждались въ церквахъ“. — „Да вѣдь вы же сами говорили, что это не соборъ“. — „Конечно, нѣтъ, — съ буддистами, евреями, магометанами! конечно, не соборъ!“ — „Такъ зачѣмъ же вы къ этому собранію предъявляете одинаковыя требованія внѣшняго благолѣпія?“ — Трудно было столковаться съ нѣкоторыми людьми: когда какое-нибудь явленіе ихъ непріятно поражаетъ новизной своего замысла, они ставятъ ему въ укоръ

пренебреженіе старыми формами; а попробуйте это самое явленіе обставить ихъ же любимыми формами, — они закричатъ о поруганіи святыхъ. Впрочемъ, надо сказать, что только тѣ, кто вообще порицалъ идею религіознаго конгресса, возмущались этой внѣшней стороной; другіе не обращали на нее вниманія. Были нѣкоторыя неудобства, въ родѣ близости пароходнаго свистка, грохота отъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и вообще того ужаснаго шума, которымъ живетъ американская улица, и который отъ времени до времени суетной волной врывается въ залу засѣданій. Но легко намъ, пріѣхавшимъ туда на нѣсколько недѣль, осуждать устроителей и находить, что они могли бы выбрать лучшее мѣсто; конгрессы готовились чуть не за четыре года, и, конечно, все, что могло быть сдѣлано, было сдѣлано: земля въ Чикаго такъ дорога, помѣстительныхъ залъ въ домахъ такъ мало, а въ центрѣ города шумъ до того нестерпимъ, что это пустопорожнее мѣсто за стѣной великолѣпнаго просторнаго музея, стоящаго на обширномъ лугу, являлось настоящей находкой. Былъ проектъ перенести конгрессы въ одно изъ зданій выставки; но противъ этого высказались почти всѣ члены комитета, съ предсѣдателемъ Бонне во главѣ; имъ непріятно было открывать двери засѣданій той случайной толпѣ, которая, слоняясь по выставкѣ изъ одного зданія въ другое, нигдѣ не останавливалась, а всюду только „заходила“; во крайней мѣрѣ въ настоящемъ помѣщеніи собирались только тѣ, которые дѣйствительно были заинтересованы дѣломъ. И, какъ мы видѣли, — отдаленность музея отъ всѣхъ выставочныхъ развлеченій не имѣла вліянія на численность слушателей: зала всегда была полна, а бывали даже случаи, когда она оказывалась мала; тогда излишекъ публики собирался въ сосѣднемъ Washington Hall, и докладчикъ, прочитавъ свой докладъ въ одной залѣ, переходилъ въ другую и тутъ повторялъ его; въ послѣдній же день религіознаго конгресса оба амфитеатра были биткомъ набиты, такъ что, читая свои заключительныя привѣтствія, члены конгресса прощались въ два пріема съ десятью тысячами человекъ.

Огромная каменная лѣстница музея, какъ паперть греческаго храма, всегда кишѣла народомъ. Тутъ раздавались программы, объявленія, продавались газеты; уличная жизнь безпрепятственно подымалась въ портикъ и проникала даже въ просторную прихожую, гдѣ всегда толпились любопытные вокругъ столовъ, на которыхъ продавались книги, брошюры, фотографіи членовъ конгресса, значки и ленточки для пропуска въ залу засѣданій. Эти значки (badge) были, конечно, пустой формальностью, — кто хотѣлъ, могъ за ничтожную плату украсить петлицу мѣдной пуговкой или

атласной лентой съ серебряной бахромой,—но эта формальность одна изъ тѣхъ мелочей американской жизни, которыя у нихъ вырастаютъ до размѣровъ чего-то важнаго, значительнаго, безъ чего нельзя обойтись. Американецъ, въ силу законовъ своей страны лишенный всякихъ вѣшнихъ знаковъ отличія, не имѣющій у себя на родинѣ ни титуловъ, предъ которыми бы могъ преклониться, ни чиновъ, которымъ бы позавидовать, восполняетъ этотъ пробѣлъ тѣмъ только возможно, и со свойственной ему наивною серьезностью, — какъ ребенокъ, играющій въ солдатики, — украшаетъ свою грудь значками обществъ, клубовъ, комитетовъ, а если это не удалось, то хотя бы маленькимъ американскимъ флагомъ. Выставка и конгрессы породили своего рода „капитулъ орденовъ“; на выставкѣ была цѣлая витрина съ „баджами“; многіе составляли изъ нихъ коллекціи. Но „баджъ“ не давалъ пропуска за дверь большой пріемной залы, влѣво отъ прихожей, гдѣ собираются члены конгрессовъ до открытія засѣданій.

Кто, хоть разъ побывавшій тамъ, не помнитъ этой залы?! На-лѣво при входѣ—маленькая дверь частнаго кабинета г. Боннэ. Ласковое лицо почтеннаго предсѣдателя — странная смѣсь ассирійскаго царя съ библейскимъ патриархомъ — навсегда останется для всякаго центромъ, вокругъ котораго слагаются воспоминанія этого интереснаго времени; вниманіе и обходительность, съ которыми онъ принималъ всѣхъ имѣвшихъ до него дѣло, до такой степени проникали въ каждаго его собесѣдника, что заражали самыхъ непривѣтливыхъ людей. Когда подумаешь, что этотъ человекъ, въ теченіе двухъ лѣтъ изнурявшійся надъ подготовительными работами къ 160 конгрессамъ, которые ему пришлось открывать, ежедневно отъ мая до конца октября проводилъ часовъ пять-шесть въ этой маленькой комнатѣ, гдѣ принималъ рѣшительно всякаго, кто въ немъ нуждался; что всѣ доклады проходили черезъ его руки,—и это не мѣшало ему помнить наизусть заглавія и кто какой докладъ представилъ;—когда подумаешь, что его съ утра на части рвали просители, члены конгрессовъ, репортеры и т. д.,—то его обходительность и любезность становятся рѣшительно подвигомъ. Не помню, чтобы хоть разъ, увидавъ меня сквозь полураскрытую дверь своего кабинета, онъ не вышелъ въ залу и, освѣдомившись—не нужно ли чего,—не предложилъ зайти къ себѣ „ну хоть посидѣть, отдохнуть“. Эти личные качества его много способствовали установленію добрыхъ отношеній между членами конгресса, заранѣе обезоруживая враждебныя поползновенія разнородныхъ элементовъ. Выходя изъ его кабинета, всякій чувствовалъ себя добрѣе, и непремѣнно всякому

хотѣлось тутъ же кому-нибудь отплатить за ту ласку, которую онъ только-что испыталъ на себѣ.

Большая пріемная зала никогда не была пуста. За длинными столами пишутъ, читаютъ, готовятъ новые доклады, знакомятся, разговариваютъ, мѣняются карточками, адресами; здѣсь американцы и американки осаждаютъ иностранныхъ гостей: кто проситъ написать что-нибудь въ альбомъ; кто проситъ фотографіи; кто приподноситъ вѣнчикъ, передаетъ приглашеніе; кто проситъ постоять для того, чтобы самому снять фотографію. За рѣшеткой—канцелярія, гдѣ, окруженные кипами брошюръ, неустанно работаютъ мистеръ Юнгъ, главный секретарь и масса помощниковъ и помощницъ. Еще дальше, все въ той же залѣ, новый рядъ столовъ—это царство репортеровъ; здѣсь три главныхъ чикагскихъ газеты—„Herald“, „Tribune“ и „Inter-ocean“—устроили временныя конторы ¹⁾; корреспонденты осаждаютъ делегатовъ, выпрашиваютъ себѣ экземпляры докладовъ, а не то—просятъ высказать мнѣніе о конгрессѣ, о женскомъ вопросѣ, о послѣднемъ торговомъ трактатѣ, и тутъ же за спиной стенографъ заноситъ отвѣты и готовитъ для завтрашняго нумера „интервью“. Знакомство скоро устанавливается на началахъ взаимной помощи, и чрезъ нѣсколько дней вся батарея газетныхъ „тайпрайтеровъ“ (печатныхъ машинъ) въ услугамъ докладчиковъ: въ воздухѣ стоитъ трескотня отъ неугомонныхъ клавишъ, и тихій говоръ диктующихъ голосовъ только иногда прерывается звонками и криками телефоннаго разговора.

11-го сентября, утромъ, пріемная зала представляла совсѣмъ небывалое зрѣлище: въ 10 часовъ было назначено открытіе перваго засѣданія всемірнаго конгресса религій, и всѣ съѣхавшіеся къ этому дню представители собрались здѣсь въ ожиданіи той минуты, когда предсѣдатель пригласитъ ихъ выстроиться и тронуться въ большую залу. Врядъ ли кому когда удавалось видѣть собраніе, подобное этому. Нужна легкость сообщеній, какою отличается наше время; нужна американская предпріимчивость, убѣжденность въ великомъ значеніи своего дѣла, которыми горѣли устроители, несмотря на сильное противодѣйствіе и осужденіе со стороны многихъ, дерзнувшихъ кликнуть кличъ по всей землѣ; нужно то умѣніе задѣть человѣческую душу въ самыхъ жизненныхъ ея стремленіяхъ, которое заставило представителей недвижнаго Востока пуститься въ далекое плаваніе и высадиться

¹⁾ Ежедневная печать проявила небывалую дѣятельность: были газеты, которыя посвящали засѣданіямъ конгресса религій до шестидесяти столбцовъ въ день.

на почвѣ Новаго Свѣта; нужна, наконецъ, и сама та американская почва, надъ которой, несмотря на ужасающую рутинность привычекъ, вѣетъ духъ, поощряющій свободное развитіе личности, — та американская почва, которая раскрываетъ свои нѣдра для всякаго новаго зерна, и которая для каждой идеи найдетъ въ себѣ и подастъ живительные соки; — нужна подобная совокупность условий, чтобы собрать подъ одной кровлей и посадить на однихъ подмосткахъ такихъ людей, какъ тѣ, которые въ это утро собрались въ большой пріемной. Никогда ни на одной картинѣ вы не могли видѣть такихъ сопоставленій, такихъ сближеній, какія намъ привелось встрѣтить здѣсь...

Вотъ въ красной мантии кардиналъ Гиббонсъ — первый кардиналъ изъ американцевъ; съ нимъ разговариваетъ высокій, закутанный въ бѣлые креповые плащи, сингапонецъ съ острова Цейлона: рѣзкія черты смуглаго лица и длинные, черными кольцами, волосы напоминаютъ древне-германскую живопись: подумаешь — какой-нибудь тропическій Альбертъ Дюреръ. Это представитель цейлонскихъ буддистовъ, секретарь общества Мага-Бодги, — пламенный, любвеобильный и, какъ его прозвали, „нѣжный Дгарма-пала“.

Вотъ сидитъ въ клубѣ и черной рясѣ, съ панатіей и крестами на груди, статный и живописный архіепископъ острова Зантѣ — преосвященный Діонисій Латасъ, а за его кресломъ стоитъ сопровождающій его діаконъ; въ нему подходитъ въ оранжевомъ кафтанѣ, съ желтой чалмой, великолѣпная фигура бронзоваго индуса, съ гордой осанкой восточнаго магараджи: это — нищенствующій монахъ одной изъ многочисленныхъ индусскихъ сектъ, рослый, плечистый, съ дѣтской наивностью въ горящихъ глазахъ. Онъ ходитъ и осматривается, какъ большой ребенокъ, всему радуется, ничему не удивляется, краснорѣчивый, неизсякаемый, какъ горный потокъ; съ восточной яркостью въ примѣрахъ и какимъ-то былиннымъ причитаніемъ въ незатѣйливыхъ рѣчахъ. Суоми Вивикананда — это его имя — сдѣлался однимъ изъ любимцевъ толпы.

Вотъ дальше, сошлись и разговариваютъ нѣсколько японцевъ въ темнаго цвѣта халатахъ съ чѣмъ-то въ родѣ омофоровъ изъ яркаго пестраго атласа; между ними буддистъ Кинза-Ріуджъ-Гираи, произведшій весьма сильное впечатлѣніе своей рѣчью о томъ недовѣріи, какое внушаетъ народамъ Востока разладъ между основами христіанскаго ученія и дѣйствіями христіанъ на Востокѣ. Нѣсколько человекъ между ними съ совершенно наголд выбритыми головами: это — шинтунстскіе жрецы, привезшіе свое сосре-

доточенное, невозмутимое спокойствіе и вѣтѣватое братское привѣтствіе „съ береговъ царства восходящаго солнца и вишневыхъ рощъ“.

Множество представителей католическаго и протестантскаго духовенства. Между первыми—въ фіолетовой мантии, съ тонкимъ и умнымъ лицомъ, епископъ Кинъ, ректоръ католическаго университета въ Вашингтонѣ, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Америки; его пронизательные глаза привѣтливо смотрятъ изъ-за золотыхъ очковъ, а на губахъ играетъ и силится не выступать наружу легкая улыбка недо вѣрія; онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ конгресса, но тѣмъ не менѣе за этими золотыми очками какъ будто всегда читалось: „все это очень хорошо, но безъ этого было бы лучше“.

Среди многочисленныхъ представителей протестантскихъ толковъ—лютеранъ, пресвитеріанцевъ, методистовъ, баптистовъ и т. д.—выдается коренастая и плотная фигура бисхопа Арнетта—епископа африканской методистской церкви—изъ негровъ; это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ораторовъ, какихъ намъ довелось слышать. Пылкій, говорящій всегда подъ впечатлѣніемъ минуты, какъ подвернется ему слово и какъ скажется, онъ производитъ впечатлѣніе импровизатора, неспособнаго держаться программы; даже когда передъ нимъ лежитъ написанный текстъ, онъ обыкновенно оставляетъ его „до другого раза“ и продолжаетъ наизусть о чемъ-нибудь совершенно иномъ; особенный юморъ, свойственный его расѣ, проникаетъ его рѣчь и часто заставляетъ неудержимо смѣяться, а горячій пламенный духъ всеобъемлющаго, всепокрывающаго уваженія въ хорошимъ сторонамъ человѣческой природы, безъ различія племенъ, народностей, сословій, религій,—подымалъ пятидесятую толпу и сквозь смѣхъ и слезы заставлялъ ее сливаться въ неистовныя выраженія восторга; не помню, чтобы когда-либо на моихъ глазахъ ораторъ бывалъ предметомъ такой бури кликовъ и рукоплесканій—явленіе тѣмъ болѣе знаменательное, что въ Соединенныхъ-Штатахъ, несмотря на великій актъ освобожденія негровъ изъ рабства, противъ нихъ существуетъ сильное предубѣжденіе; между ними есть замѣчательные люди, но ихъ какъ-то не видать, съ ними не знакомы, а обыкновенный негръ, котораго встрѣчаешь на улицахъ и въ домахъ,—это классъ прислуги,—„мой негръ“ значитъ—„мой лакей“; на конгрессѣ ярко обозначилось, что „негръ“ значитъ то же, что у насъ „человѣкъ“, въ смыслѣ прислуги.

А вотъ еще одинъ изъ „нашихъ восточныхъ друзей“: одѣтый по-европейски, въ скюртуѣ, только съ бархатной индусской

ермолкой,—скромный, тихій, но обаятельный по духовной высотѣ, какая севозила въ каждомъ его словѣ,—это Нагаркаръ, представитель браминской секты брамо-смаевъ изъ Бомбея. Между всѣми выдѣляется еще одинъ маленькій, привезистый человѣкъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, въ длиннополомъ скротуѣ съ огромной всклокоченной головой, съ взъерошенной бородой: это Дженкинъ Джонъ, пасторъ-унитаріанецъ, секретарь подготовительнаго комитета,—одна изъ самыхъ типическихъ фигуръ конгресса. Онъ вѣзался въ память всякому, кто хоть разъ его видѣлъ: его зоркіе, жгучіе глаза изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей проникали вамъ въ душу; его мягкость и нѣжность навсегда расположили васъ къ нему; его голосъ, убѣжденный, убѣдительный, долго звенить въ вашихъ ушахъ, а его рѣчь,—если только когда-нибудь его простая, суровая рѣчь коснулась васъ,—она, какъ необузданная лава, затопила ваше сердце, и словно какой-то ураганъ любви вѣчно подымалъ этого сына природы, этого пахаря съ Библіей въ рукахъ.

Въ то утро, впрочемъ, характеристики разныхъ представителей еще мало обозначаются; происходятъ пова знакомства, представленія, привѣтствія; стоитъ говорить на всевозможныхъ языкахъ, конечно съ преобладаніемъ англійскаго,—и это разнорѣчіе, притекшее со всѣхъ концовъ земли и сливающееся въ одинъ оживленный гулъ, для того, чтобы сговориться и столковаться по важнѣйшимъ вопросамъ человѣческаго сожителства, невольно представляется какимъ-то столпотвореніемъ вавилонскимъ въ обратную сторону—не для разсѣянія, а для воссоединенія „языковъ“.

Въ числѣ гостей—нѣсколько дамъ. Красивая госпожа Поттеръ-Пальмеръ, предсѣдательница женскаго отдѣла всемірныхъ конгрессовъ, до сихъ поръ передававшая всѣ свои обязанности своей вице-предсѣдательницѣ, госпожѣ Генротинъ,—на этотъ разъ благоволила явиться лично и, въ нарядномъ лиловомъ платьѣ, разговариваетъ теперь съ кардиналомъ въ ожиданіи того, когда онъ подастъ ей руку, чтобы открыть шествіе.

Двѣ старыя дамы особенно рѣзко выдѣляются. Одна—маленькая скромная старушка съ серебристыми локонами, висящими изъ-подъ шляпы—это госпожа Бичеръ-Хукеръ,—сестра Бичеръ-Стоу, автора „Хижины Дяди Тома“. Другая—высокая, стройная, съ гордой осанкой, съ великолѣпнымъ профилемъ серьезнаго лица; ея прямой и свѣтлый взоръ изъ-за золотыхъ очковъ всегда смотритъ выше толпы; она—лучшій ораторъ изъ женщинъ въ Америкѣ, предсѣдательница безчисленнаго количества обществъ,—это

Созанъ Антони—неутомимый поборникъ женскаго голосованія и женскаго представительства въ парламентѣ.

Женское участіе въ конгрессахъ было весьма значительно: при конгрессѣ религій состояло 16 комитетовъ съ 174 членами изъ женщинъ. Характерную и чисто американскую особенность составляютъ женщины-пасторы. Приблизительно съ половины столѣтія, нѣкоторыя протестантскія конгрегаціи—однѣ съ большими, другія съ меньшими ограниченіями—открыли женщинамъ доступъ къ церковной каѳедрѣ, и теперь женщина-пасторъ пользуется полнымъ правомъ гражданства. Какъ ни странно сначала казалось намъ видѣть, какъ съ высоты каѳедры, простирая руки надъ толпой молящихся, такая „рукоположенная“ дама призывала благословеніе божіе на присутствующихъ,—но не могу не помянуть съ чувствомъ глубокаго уваженія тѣхъ изъ нихъ, съ которыми пришлось послѣ познакомиться лично. Одною изъ выдающихся представительницъ своей касты по уму и краснорѣчію была миссъ Ида Хольтивъ—пасторъ унитаріанской церкви въ Молинѣ, маленькомъ городѣ на р. Миссиссипи...

Общая картина этой залы кажется чѣмъ-то такимъ новымъ, такимъ удивительнымъ, что не находитъ себѣ сравненія, не приурочивается ни къ чему уже извѣстному; нуженъ новый Веронезъ, чтобы изобразить эту пеструю толпу, разгуливающую и разговаривающую въ высокихъ хоромахъ, среди снимковъ съ древнихъ греческихъ и римскихъ изваяній.

До десяти остается лишь нѣсколько минутъ. Изъ кабинета господина Боннэ выходитъ докторъ Барроусъ, пасторъ пресвитеріанской церкви, предсѣдатель открывающагося конгресса,—тотъ, кому принадлежитъ первая мысль о его созваніи; его шекспировская голова озираетъ пестрыхъ гостей; на высовомъ лбу видно торжество и безпокойство. Онъ проситъ присутствующихъ выстроиться попарно, и чрезъ пять минутъ шествіе трогается. Гости вытягиваются длинной вереницей; конецъ шествія еще въ прихожей, еще огибаетъ мраморную статую „Потерянной Плеяды“—красивое произведеніе скульптора Роджерса,—когда изъ залы долетѣлъ далекій шумъ рукоплесканій, приветствующихъ кардинала, архіепископа и всѣхъ, кто во главѣ процессіи уже вступаютъ на подмостки. Гости усаживаются на своихъ именныхъ мѣстахъ; президентъ Боннэ, среди все еще не умоляющихъ рукоплесканій, подходитъ къ каѳедрѣ; мгновенно все утихаетъ, и при глубокомъ молчаніи падаетъ сухой ударъ предсѣдательскаго молотка: „Объявляю первый всемірный конгрессъ религій открытымъ“.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за тѣмъ, что проис-

ходило на этихъ подмосткахъ въ теченіе семнадцати дней. Мы видѣли, какова была внѣшняя обстановка, познакомились съ наиболѣе выдающимися лицами, — мы видѣли раму и картину. Оставимъ теперь наши зрительныя впечатлѣнія и постараемся собрать и связать воедино обильныя и поучительныя впечатлѣнія нравственнаго свойства: изъ совокупности ихъ и тѣхъ соображеній, которыя ими вызываются, выступить и внутренній смыслъ конгресса.

II.

Еслибы насъ попросили двумя словами очертить какъ главные начала, животворившія дѣятельность этого собранія, такъ и главные начала, имъ провозглашенныя, мы бы сказали: единеніе и единство! Единеніе—какъ присущее каждому человѣку стремленіе, сила, энергія; единство — какъ присущее всему человечеству, неотъемлемое свойство; единеніе—какъ путь къ достиженію человечествомъ цѣли его общей жизни; единство—какъ уже достигнутая часть той цѣли, въ которой оно стремится; единеніе—какъ двигательный инстинктъ, понуждающій идти къ чему-то неосуществившемуся; единство—какъ природное ручательство въ томъ, что оно не можетъ не осуществиться; единеніе—какъ *способъ* жизни, единство—какъ *аксіома* жизни. Съ точки зрѣнія перваго изъ этихъ двухъ началъ, конгрессъ долженъ представиться намъ какъ попытка, усиліе; на почвѣ второго встанетъ вопросъ о пользѣ и послѣдствіяхъ его. Постараемся сказанное нами прослѣдить на фактахъ.

Въ теченіе всей недѣли, предшествовавшей только-что описанному торжественному открытію всемірнаго религіознаго конгресса, въ разныхъ залахъ музея происходили засѣданія частныхъ религіозныхъ же конгрессовъ. Кому привелось побывать въ этихъ засѣданіяхъ, гдѣ собирались отдѣльные представители многочисленныхъ и разнообразныхъ церквей и вѣроученій, тому не могла не броситься въ глаза одна особенность. Заходилъ онъ въ католическій конгрессъ,—въ пламенныхъ рѣчахъ, дышавшихъ любовью и забвеніемъ человѣческихъ разностей, присутствующіе призывались любить своихъ ближнихъ во имя своей церкви; заходилъ онъ въ лютеранскій конгрессъ—вдохновенные любовью и всепрощеніемъ проповѣдники именемъ лютеранской церкви убѣждали паству любить своихъ ближнихъ, пренебрегая человѣческими разностями. Заходилъ онъ въ другіе, болѣе частныя конгрессы, болѣе мелкихъ подраздѣленій, и всюду слышалъ онъ то же самое: всюду

тѣ же высокія слова, вдохновенныя тѣми же высокими чувствами, провозглашали тѣ же самыя высокія начала. Ни разу никто изъ говорившихъ не забылъ, что, принадлежа своей церкви, онъ не перестаетъ принадлежать человѣчеству; что личныя его вѣрованія, причисляющія его къ той или другой церкви, не обособляютъ его отъ общечеловѣческаго братства, и что его церковь есть не болѣе, какъ исходная точка, центръ для постоянного и безпредѣльнаго расширенія, основаніе, на которомъ онъ ставится для общаго служенія единому дѣлу.

Вотъ что не могло не броситься въ глаза всякому, кто въ теченіе этой первой недѣли посѣщалъ отдѣльныя засѣданія малыхъ конгрессовъ; а въ концѣ недѣли всякій долженъ былъ спросить себя: почему же всѣ эти люди, говорящіе однимъ языкомъ, не сойдутся вмѣстѣ, почему не соединять они свои разрозненные голоса,—и если они проповѣдуютъ тѣ же самыя начала во взаимныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу, то зачѣмъ же они не провозглашаютъ ихъ во имя той единой правды, которая ихъ животворитъ; зачѣмъ они останавливаются на подраздѣленіи, вмѣсто того, чтобы восходить къ цѣлому; зачѣмъ отъ своего частнаго, раздѣльнаго, единичнаго, они не перейдутъ на почву общаго недѣльнаго, единого? Тотъ сближающій инстинктъ, о которомъ мы говорили, не могъ не проснуться въ каждомъ изъ присутствовавшихъ; то стремленіе къ единенію, которое живетъ въ каждомъ человѣкѣ, должно было разгорѣться подъ вліяніемъ всего видѣннаго и слышаннаго; это было неминуемо; оно до такой степени возмось въ воздухѣ, что намъ иногда казалось, что еслибы не были созданы представители со всѣхъ концовъ земли, то и безъ этого всѣ эти частныя конгрессы стянулись бы въ одинъ—и самъ собой, прямо силою вещей, состоялся бы общій религіозный конгрессъ.

Но 11-го сентября единеніе сказалось въ такихъ размѣрахъ, которые превысили всякія ожиданія. Участіе иновѣрцевъ въ конгрессѣ и, главнымъ образомъ, та равноправность, въ которую, благодаря полной свободѣ слова, они были поставлены рядомъ съ христіанами,—смущали многихъ. Еще задолго до открытія конгресса, одна мысль объ этомъ внушала недоувѣріе. Извѣстно, что епископъ кэнтерберійскій наотрѣзъ отказалъ въ участіи англиканской церкви въ подобномъ собраніи; заслуживаетъ вниманія главный изъ его доводовъ: представители христіанства не должны сидѣть рядомъ съ иновѣрными представителями; тутъ дѣло не въ томъ, которая религія выше, или которой дать первенство, а христіанство не можетъ быть разсматриваемо наравнѣ съ другими

религіями, — христіанство не есть *одна изъ религій*, а *единственная религія* (christian religion is *the one religion*). Совершенно не касаясь абсолютной высоты той или другой религіи, мы только хотѣли бы спросить почтеннаго епископа, во имя чего онъ запретиť каждому иновѣрцу сказать о своей религіи то же самое? Еслибы онъ черпалъ доводы къ своему порицанію въ предписаніяхъ той религіи, которую онъ самъ исповѣдуетъ, тогда, ясное дѣло, онъ былъ бы правъ, и всѣ участвовавшіе въ конгрессѣ христіане оказались бы погрѣшившими противъ христіанства; но онъ этого не дѣлаетъ, онъ не ищетъ возраженій въ существѣ христіанскаго ученія (да и врядъ ли бы онъ нашелъ ихъ на страницахъ той книги, которая повѣствуетъ о милосердіи самаритянѣ), а онъ основывается исключительно на своей вѣрѣ въ безусловное первенство исповѣдуемой имъ религіи, и при этомъ забываетъ, что на этой почвѣ всякій иновѣрецъ имѣетъ съ нимъ равныя права. Опять-таки, не касаясь абсолютнаго значенія той или другой религіи, можно спросить: развѣ магометанинъ не точно также убѣжденъ въ безусловномъ первенствѣ исповѣдуемой имъ вѣры? Индусъ точно также можетъ сказать, что браминизмъ есть *единственная религія*, и въ глазахъ буддиста христіанство есть *лишь одна изъ религій*.

Мнѣніе епископа кэнтерберійскаго раздѣляли многіе и въ Соединенныхъ - Штатахъ. Очень рѣзко высказался Клевелэндъ Боксъ, католическій епископъ западной нью-іоркской епархіи; онъ сильно осуждаетъ устроителей конгресса, пригласившихъ язычниковъ присутствовать въ собраніи, изъ котораго они о христіанствѣ ничего не узнаютъ, а только воочию убѣдятся въ раздѣленіи христіанской семьи. „Вы только вселите въ нихъ увѣренность, что христіанство, пригласивъ ихъ, отказывается отъ всякихъ притязаній на божественное Откровеніе“. Странно было слышать изъ устъ епископа такое недовѣріе къ своимъ единовѣрцамъ; почему же онъ думаетъ, что христіане окажутся слабѣе иновѣрцевъ? почему онъ убѣжденъ, что буддистъ, напр., въ полученномъ имъ приглашеніи усмотритъ, такъ сказать, капитуляцію христіанства, когда христіанинъ не усмотрѣлъ никакой уступки со стороны буддиста въ томъ фактѣ, что онъ принялъ его приглашеніе? Намъ приходилось слышать много возраженій, но ни одно изъ нихъ не коренилось въ предписаніяхъ христіанскаго ученія, они всѣ были общаго характера: опасенія, которыми они были внушены, и доводы, на которые опирались, одинаково имѣли бы значеніе и на почвѣ иновѣрныхъ религій.

Были и другого рода возраженія, направленные не на бдѣ-

шую или меньшую благопристойность созыва подобнаго собранія, а на нежелательность могущихъ произойти отъ него результатовъ. Ставилось на видѣ, что подобное сопоставленіе вѣроученій должно имѣть слѣдствіемъ нѣкоторое общее колебаніе вѣры,—какъ бы нивелировку религіознаго чувства. Впрочемъ, сами факты доказали неосновательность такихъ опасеній: достаточно ознакомиться съ докладами делегатовъ по возвращеніи каждаго на родину, чтобы удостовѣриться, что они оставили конгрессъ съ полной увѣренностью въ торжествѣ—каждый своего вѣроученія. Но со стороны христіанъ подобныя опасенія прямо непонятны. Вѣдь чѣмъ глубже человѣкъ убѣжденъ въ божественности своей религіи, тѣмъ менѣе, казалось бы, слѣдуетъ ему бояться сравненій, сопоставленій и вообще всякой гласности; кому же, какъ не христіанамъ должно быть извѣстно, что „свѣтъ во тьмѣ свѣтитсѣ, и тьма не объятъ его?“¹⁾ Можно спорить о цѣлесообразности подобнаго собранія, но нельзя его осуждать, а разъ оно состоялось—нельзя закрывать глаза на то влияніе, которое оно имѣло, и на тѣ уроки, которые оно дало какъ иновѣрцамъ, такъ и христіанамъ.

Развернувшаяся передъ нами въ то памятное утро картина была поучительна своимъ видомъ и знаменательна по своему смыслу. Никогда внутреннія раздѣленія нашей христіанской семьи не выступали такъ ярко, такъ наглядно, и рѣдко когда приходилось христіанамъ такъ совѣститься того недовѣрія другъ къ другу, которое закралось въ ихъ взаимныя отношенія, благодаря религіознымъ усобицамъ. Въ этомъ случаѣ американская почва представилась, можетъ быть, еще болѣе благопріятнымъ полемъ, чѣмъ могла бы явиться какая-нибудь другая страна. Врядъ ли существуетъ гдѣ-нибудь столько религіозныхъ подраздѣленій, какъ въ Соединенныхъ-Штатахъ; до какихъ предѣловъ доходить это дробленіе—можно видѣть изъ того, что однихъ протестантскихъ сектъ (или, какъ онѣ тамъ называются, церквей)—136! По-нятно, что при такой численности не можетъ быть много существенныхъ разницъ, а между тѣмъ эти различныя „деноминаціи“ настойчиво разграничиваются, ихъ придерживаются очень строго, и онѣ глубоко вселяютъ въ сознаніе людей убѣжденіе въ

¹⁾ Тотъ единичный случай перехода одного христіанина въ буддизмъ, на который ссылаются недоброжелатели конгресса (указывается на него и г. Соколовъ въ вышеупомянутой статьѣ), опять-таки не можетъ быть выставлемъ какъ примѣръ ущерба, нанесеннаго христіанству: онъ лишь доказываетъ, что до своего гласнаго перехода въ буддизмъ это лицо было христіаниномъ лишь по имени, численность христіанской семьи отъ его „официальнаго“ отпаденія не уменьшилась, какъ не уменьшилась ея его „формальная“ къ нему принадлежность.

томъ, что они отличны другъ отъ друга. Принадлежащій къ „протестантской церкви Соединенныхъ-Штатовъ“ считаетъ, что онъ нѣчто совершенно отличное отъ того, кто принадлежитъ къ „протестантской церкви Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ“. Странно, что то, что при своемъ возникновеніи является результатомъ широкой свободы вѣроисповѣданія,—то самое въ дальнѣйшемъ практическомъ развитіи приводитъ къ узкой тиранніи сектантства. Вѣдь свобода совѣсти не заключается въ томъ, что мы за каждымъ признаемъ право вѣровать, какъ онъ можетъ (этого, кажется, и признавать нечего, ибо тутъ чужое приказаніе или запрещеніе одинаково безсильны), а свобода совѣсти заключается въ томъ, что какъ бы ни вѣровалъ человекъ, мы его считаемъ такимъ же человекомъ, какъ и мы, и не понижаемъ его нравственного ценза соотвѣтственно степени различія его вѣрованій съ нашими, и не позволяемъ тому *мнѣнію*, которое мы имѣемъ о его вѣрованіи, становиться непроходимой стѣной между его внутренней природой и нашей. Тогда, конечно, всѣ личныя колебанія и различія въ вѣрованіяхъ каждаго отдѣльнаго человека хоронятся на днѣ души, становятся чѣмъ-то неприкосновеннымъ; тамъ же, въ Америкѣ, наоборотъ—все сейчасъ выходитъ наружу, тотчасъ кристаллизуется, складывается, и если не можетъ пристать ни къ чему уже существующему,—становится зародышемъ новой конгрегаціи, основаніемъ для новой церкви; различіе со старой церковью самое незамѣтное, но оно обострилось на какомъ-нибудь жгучемъ въ данную минуту вопросѣ,—и вотъ принципъ человѣческаго разъединенія еще разъ торжествуетъ, и почва возможнаго сближенія опять уходитъ изъ-подъ ногъ. Члены одной семьи принадлежатъ къ различнымъ конгрегаціямъ; въ школахъ не можетъ быть общаго преподаванія Закона Божія, потому что пришлось бы держать на каждый классъ чуть ли не столько законоучителей, сколько учениковъ.

Удивительно, что люди могутъ учиться вмѣстѣ, работать вмѣстѣ, вмѣстѣ играть и во всемъ чувствовать себя товарищами, а какъ только дѣло доходитъ до вѣры въ Бога, того Бога, который повелѣваетъ всякаго признавать своимъ ближнимъ,—такъ въ нихъ вселяется убѣжденіе, что они отличны другъ отъ друга и собственно не могутъ быть товарищами. И вотъ товарищество между людьми и чувство человѣческаго братства являются уже не слѣдствіемъ предписанія религіи, а какъ бы въ видѣ уступки необходимости, какою-то контрабандой подъ вѣчнымъ страхомъ обвиненія въ отступничествѣ.

Мы сказали, что Америка представляетъ исключительную почву

для наблюденія подобнаго рода явленій; мы не хотѣли этимъ связать, что они нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не существуютъ; только въ Америкѣ, благодаря дробности дѣленій и скученности ихъ, особенно какъ-то бросается въ глаза то, что при болѣе крупныхъ масштабахъ ускользаетъ отъ вниманія. Но, глядя на всѣ эти мелкія дѣленія, невольно переносишься мыслями къ болѣе крупнымъ, и все думается: что бы людямъ хотя бы на одномъ сойтись—что они живутъ не для того, чтобы ходить въ ту или другую церковь, а наоборотъ—они въ церковь ходятъ для того, чтобы научиться жить. Вѣдь движеніе человѣчества не изъ жизни въ церковь, а чрезъ церковь въ жизнь; еслибъ мы только почаще думали о томъ, что встрѣчаться съ ближнимъ приходится въ жизни, а не въ церкви,—какъ незначителенъ показался бы намъ (конечно, не съ точки зрѣнія личной, а съ точки зрѣнія человѣческаго обществительства) вопросъ—изъ какой церкви онъ вышелъ для того, чтобы встрѣтиться съ нами въ этой самой жизни, и какимъ бы оскорбленіемъ звучало для насъ самихъ, еслибы на каждомъ шагѣ насъ спрашивали:—изъ какой ты церкви вступишь въ жизнь? Не будемъ и мы приставать къ ближнему съ этимъ вопросомъ: вѣдь онъ для насъ и не важенъ; онъ важенъ для него, но не для насъ. Нѣтъ,—„руки прочь“ отъ чужой совѣсти,—это единственное средство успѣшнаго единенія, ибо каждый разъ, какъ мы спрашиваемъ ближняго—къ какой онъ церкви принадлежитъ, мы поднимаемъ стѣну между его совѣстью и нашей. Перегородокъ между людьми и такъ уже слишкомъ много, а тутъ мы еще воздвигаемъ ихъ на той самой почвѣ, на которую становимся во имя любви къ Богу, и изъ которой черпаемъ предписанія любви къ ближнему!

Вотъ почему нельзя было не радоваться всякой попыткѣ сблизить людей, *несмотря* на существованіе этихъ перегородокъ; ибо, по выраженію одного изъ армянскихъ представителей въ конгрессѣ,—„религіозныя разности, какъ ледяныя стѣны, встаютъ между людьми, и, какъ ледяныя же стѣны, онѣ должны растаять подъ лучами любви“; а любовь можетъ жить во всякомъ сердцѣ и согрѣвать всякую душу, безъ различія племени, народности, сословія, религіи. Подумайте, какъ низко должны были пасть преграды, раздѣляющія какого-нибудь методиста отъ пресвитеріанца, когда они увидѣли рядомъ на одной платформѣ—православнаго архипастыря съ индусскимъ монахомъ, католическаго епископа съ китайскимъ послѣдователемъ Конфуція. Эти люди могли бы не говорить—они были достаточно краснорѣчивы однимъ своимъ появленіемъ; намъ не случалось никогда видѣть болѣе яркаго изображенія идеѣ въ лицахъ. Словами Цицерона можно было о

нихъ сказать: „cum tacent, clamant“. Это было молчаливое, но громкое провозглашеніе единенія, того начала единенія, живущаго въ человѣкѣ, котораго никакія теоріи неспособны затоптать, никакія раздѣленія неспособны пресѣчь, того единенія, которое прорветъ покровы человѣческихъ разностей, перешагнетъ черезъ перегородки, дѣлящія человѣческую семью, разсѣетъ недовѣріе другъ къ другу, поддерживаемое цѣною искаженія истины, очиститъ человѣческую совѣсть отъ ржавчины предубѣжденія, освободитъ человѣческую душу отъ гнета духовной косности и, разогнавъ страхъ предъ установившимся обычаемъ, откроетъ просторъ человѣческой любви...

III.

Такимъ представляется конгрессъ, если взглянемъ на него какъ на усиліе, на результатъ извѣстнаго стремленія. Нашему вниманію подлежали тѣ побужденія человѣческаго духа, которыя подвигнули людей собраться и, слѣдовательно, обусловили осуществленіе конгресса; предъ нами выступили тѣ силы, дѣйствіе которыхъ предшествовало собранію, такъ сказать—входящія силы конгресса. Посмотримъ теперь, какая же его исходящая сила.

Мы сказали, что всѣ эти люди различныхъ племенъ, народностей, религій, могли бы даже не говорить,—такъ они были краснорѣчивы однимъ своимъ появленіемъ. Но они не остались молча сидѣть, и вотъ изъ разнообразія ихъ рѣчей, вызванныхъ духомъ единенія, стало обрисовываться присущее человѣчеству единство. Очевидно, что если одинъ и тотъ же призывъ могъ оказаться достаточно сильнымъ, чтобы поднять каждаго изъ нихъ въ отдѣльности ради общаго интереса, то и въ природѣ каждаго изъ нихъ должна быть одна общая почва, въ которой этотъ интересъ коренится. Элементы человѣческаго единства такимъ образомъ представляются съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны—присущая людской природѣ одинаковость, отъ которой, не смотря ни на какія личныя, общественныя, политическія, религіозныя обособленія и уклоненія, ни одинъ человѣкъ не можетъ уйти, пока онъ живетъ на землѣ; съ другой стороны—единство, какъ дѣйствующая въ людяхъ мыслительная сила, работающая надъ выдѣленіемъ изъ личнаго міросозерцанія и проведеніемъ въ жизнь такихъ правилъ человѣческаго общежителства, которыя, не смотря на различія общественныхъ, политическихъ, религіозныхъ законодательствъ, обеспечиваютъ людямъ равноправіе предъ единымъ нравственнымъ закономъ. Въ первомъ

случай единство представляется какъ нѣчто данное—фундаментъ, на которомъ человѣчество живетъ; это то единство, которое нашло себѣ выраженіе въ библейскомъ указаніи на происхожденіе рода человѣческаго отъ Адама и Евы. Во второмъ случаѣ, единство—не какъ данное, а какъ предписаніе, не какъ фундаментъ, а само то зданіе, которое человѣчество на этомъ зданіи воздвигаетъ; это то единство, которое хотя и не существуетъ законодательно, но голосу котораго, въ ту или другую минуту жизни, повинуются каждый человѣкъ, то единство, которое нашло себѣ выраженіе въ евангельской притчѣ о милосердіи самарянина.

Вотъ тѣ двѣ формулы, на которыя мы можемъ расчленивъ понятіе человѣческаго единства. Въ яркой обрисовкѣ ихъ, въ провозглашеніи ихъ съ характеромъ очевидности и обязательности для всякаго, заключается то, что мы назвали исходящей силой конгресса. Если мы изъ всего разнообразія произнесенныхъ тамъ рѣчей выдѣлимъ общее, одинаковое,—предъ нами неотразимо встанетъ принципъ человѣческаго единства, какъ истина, лежавшая въ основѣ всего, что было сказано, какъ центръ, въ которомъ сливались всѣ проповѣдническія усилія говорившихъ.

Но здѣсь надо замѣтить, что главная убѣдительная сила конгресса заключалась не столько въ томъ, что эти истины провозглашались собраніемъ, сколько въ томъ, что онѣ какъ бы сами собой выдѣлялись, исходили отъ него, даже какъ будто помимо стараній участниковъ, независимо отъ текста рѣчей, ибо съ текстомъ той или другой рѣчи можно соглашаться или не соглашаться, можно его понять или не понять; тѣ же соображенія, которыя мы привели выше—очевидность человѣческаго единства и обязательность всѣхъ произтекающихъ отсюда предписаній въ отношеніяхъ людей другъ къ другу,—прямо логически вставали предъ сознаніемъ всякаго безъ различія философской подготовки и даже умственного развитія; урокъ былъ тѣмъ сильнѣе, что былъ чуждъ всякаго преднамѣреннаго дидактизма. Вѣдь эти люди не стоваривались заранее, не готовили себѣ общей почвы, каждый говорилъ отъ себя и за себя, и совокупность впечатлѣній не являлась результатомъ совокупности усилій, напротивъ,—разрозненность усилій привела къ разоблаченію единого общаго начала человѣческой природы и поставила людей лицомъ къ лицу съ тѣми сторонами ихъ души, которыя у нихъ одинаковы по-лику той страны, гдѣ они выросли, тѣхъ звуковъ, въ которыхъ вылился ихъ языкъ, тѣхъ рамокъ, въ которыя уложились общественный и государственный строй, тѣхъ вѣрованій, въ ко-

торыхъ сказались ихъ понятія—истинныя или ложныя—о Творцѣ вселенной и о взаимныхъ отношеніяхъ Бога и человѣка.

Японская пословица говоритъ: „Много тропинокъ ведетъ на гору, но, когда взберешься на вершину, все *та же самая луна* видна“. Другой заслуги конгресса нечего искать: степень заслуги того или другого урока измѣряется степенью потребности въ немъ; а врядъ ли есть урокъ, въ которомъ люди нуждаются больше, чѣмъ въ урокѣ *человѣческаго единства*. Все развитіе современнаго человѣка, весь строй современной жизни какъ бы направлены къ тому, чтобы заставить людей забыть принципъ единства, и врядъ ли когда это забвеніе проявлялось съ такой беззащитной, почти забавной наглядностью, какъ въ первыхъ засѣданіяхъ конгресса.

Никогда не забуду удивленныхъ лицъ въ публикѣ, когда впервые заговорили представители Востока: люди въ невиданныхъ одѣяніяхъ, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица, выходцы изъ сказочныхъ странъ,—провозглашаютъ начала взаимнаго уваженія, проповѣдуютъ правила нравственности и понятія добра, которыя мы всегда считали своей собственностью, и ихъ рѣчь, красивая, картинная, увлекательная, придаетъ какую-то совсѣмъ новую прелесть этимъ старымъ истинамъ. Только удивлялись слушатели не этой новизнѣ, а всему тому знакомому, что эта новизна изобличала. Вѣдь естественно было бы предположить, что присутствующіе скорѣе интересуются разностями этихъ отдѣльныхъ представителей—но нѣтъ! открытіе сходственныхъ сторонъ было такъ неожиданно, шло до такой степени въ разрѣзъ съ тѣми понятіями, которыя мы себѣ составили о нашемъ ближнемъ, разъ онъ иначе говорить и молится, чѣмъ мы, что все это на первыхъ порахъ вызвало недоумѣніе. Поразительно въ людяхъ незнаніе и забвеніе основныхъ чертъ человѣческой природы, но еще болѣе поразительно то, что когда мы натакиваемся на живые примѣры, подтверждающіе принципъ человѣческаго единства, когда мы встрѣчаемъ иновѣрца или иностранца, который являетъ намъ тѣ же самыя свойства души, какія мы привыкли уважать въ нашихъ единовѣрцахъ и единоплеменникахъ, мы не только раскрываемъ удивленные глаза, но, вмѣсто того, чтобы устыдиться нашего незнанія, нашей узкости, нашихъ предубѣжденій, мы въ порывѣ какой-то умиленной снисходительности даруемъ ближнему наше одобреніе, мы радуемся какъ открытію тому, что онъ на насъ похожъ, тогда какъ намъ бы слѣдовало скорбѣть о томъ, что мы забыли, что сами похожи на него.

И не только „наши восточные друзья“ возбуждали недоумѣ-

ніе. Одважды мнѣ пришлось прочесть докладъ, въ которомъ я остановился на необходимости уваженія личности и обязательности признанія человѣческихъ правъ за всякимъ, кто отвѣчаетъ требованіямъ нравственнаго закона, помимо того, къ какому національному дѣленію онъ принадлежитъ. И вотъ, по окончаніи засѣданія подходитъ ко мнѣ американка и съ выраженіемъ не-описаннаго удивленія говорить, что она никакъ не ожидала услышать такіа рѣчи отъ русскаго. — Почему же не ожидали? — „Потому что я всегда считала, что это американскія идеи“. — Американскія идеи? Нѣтъ, эти идеи такъ же мало американскія, какъ и русскія: это человѣческія идеи; а такъ какъ вы сами человѣкъ, то вы не должны удивляться, что другой человѣкъ говорилъ вамъ тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ вы бы говорили ему ¹⁾.

Однако, слѣдуетъ ли всѣ эти знаки удивленія принимать какъ характерные признаки только американскаго народа. Не то ли самое чувство говорить въ тѣхъ нѣмцахъ, которые утверждаютъ, что лишь по ошибкѣ Провидѣнія колыбель Шекспира стоитъ не на Рейнѣ? Не то же ли самое чувство водило рукой знаменитаго французскаго ученаго, который начинаетъ научный трактатъ словами: „La chimie est une science française?“ Не то ли самое чувство, не та ли самая слѣпая вѣра въ абсолютную правду, если можно такъ выразиться, въ „единственность“ своей національной идеи, воодушевляетъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, которые въ стремленіи, достойномъ лучшаго дѣла, пригибать вселенскія истины къ частнымъ потребностямъ, объясняютъ, что подъ плодородной почвой въ притчѣ о сѣятелѣ надо разумѣть землю русскую? Не это ли чувство проникло въ сознаніе и заразило самую мыслительную способность тѣхъ писателей, которые въ наши дни говорятъ о національномъ христіанствѣ и не видятъ внутренней невозможности подобнаго сочетанія словъ, не понимаютъ, что сказать: „національно-христіанскій“ — это все равно, что сказать: „временно-вѣчный“ или „мѣстно-всемирный“?

Конечно, личныя мнѣнія и убѣжденія того или другого человека составляютъ его неприкосновенную собственность и, какъ сила, опредѣляющая его внутренній ростъ, никого не касаются;

¹⁾ Небезынтересно и даже поучительно въ смыслѣ сопоставленія фактовъ, что въ то время, какъ американская дама удивлялась тому, что слышала отъ русскаго американскія идеи, русскій публицистъ, разбирая одинъ изъ моихъ же докладовъ, писалъ, что онъ представляетъ примѣръ мировоззрѣнія *исключительно* русскаго и *исключительно* православнаго (Ю. Н. „По поводу рѣчи кн. С. В.“, въ „Моск. Вѣд.“, № 289, 1893 г.).

но, къ сожалѣнію, они опредѣляютъ не одно его личное развитіе, а и отношенія его къ другимъ людямъ, — и здѣсь извѣстныя убѣжденія становятся прямо ошибочными. Такими ошибочными явились предъ конгрессомъ убѣжденія, воодушевлявшія тѣхъ нѣсколькихъ ораторовъ, которые огласили это собраніе мира и любви словами злобы и нетерпимости; ихъ было немного (и къ стыду нашему, эти немногіе были изъ христіанъ), но воспоминаніе о нихъ болѣзненно вѣзало въ сознаніе присутствующихъ. Часто удивлялся я, какъ это христіанскія слова, христіанскіе тексты, могутъ быть приводимы для того, чтобы возбуждать не-христіанскія чувства. Все хотѣлось имъ сказать, что если они и не погрѣшаютъ противъ христіанства, какъ они его понимаютъ, то, конечно, они погрѣшаютъ противъ гостепріимства; а гостепріимство хотя и малая добродѣтель — все же добродѣтель, и пренебрегать ею не слѣдуетъ: это узкія врата, но ведущія на широкую дорогу; а безъ духовнаго гостепріимства прямо немислимо никакое общеніе, никакое движеніе на пути развитія. Это ясно сказалось на конгрессѣ, и единичные случаи злобнаго увлеченія не могли измѣнить того общаго духа уваженія, который проникалъ каждое слово другихъ ораторовъ.

Помню, какъ одинъ англійскій проповѣдникъ въ одномъ изъ засѣданій произнесъ рѣчь, въ которой разразился неудержимымъ негодованіемъ противъ всѣхъ, кто не исповѣдуетъ христіанства; необузданность его дошла до того, что, воспользовавшись случайнымъ отсутствіемъ индусскихъ представителей, онъ и ихъ самихъ сталъ поднимать на смѣхъ, и всѣхъ ихъ единоплеменниковъ сталъ осыпать самыми грязными обвиненіями, бросая огульную тѣнь на всякаго индуса, отказывая ему въ понятіяхъ чести и нравственности. Въ неловкомъ недоумѣніи слухала толпа; прорвалось нѣсколько рукоплесканій, — одни внушенные чувствомъ злорадства, другія — чувствомъ восторга предъ ораторскимъ жаромъ говорившаго, — но когда онъ кончилъ, тяжелая туча какъ будто нависла надъ собраніемъ, и председатель Барроусъ съ трудомъ сдерживалъ досаду, что не остановилъ говорившаго съ первыхъ же словъ.

На другое утро всѣ газеты были полны разсказами о случившемся. Огромная толпа хлынула въ залу, когда раскрылись тяжелыя двери; молча ждали начала засѣданія. Къ кафедрѣ подошелъ представитель индусской секты брамо-сомаевъ, — Нагаркаръ, о которомъ мы упомянули выше: всѣ глаза обратились къ нему, въ этому обязательному человѣку, котораго всѣ успѣли полюбить за его духовную высоту, и въ этомъ общемъ взорѣ уже читалась и скорбь, и сокрушеніе, и назрѣвшая готовность покаяться въ

нанесенномъ человѣку оскорбленіи. Въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ выставилъ онъ невѣрность тѣхъ посыловъ, на которыхъ англійскій ораторъ построилъ свои обвиненія, и затѣмъ только прибавилъ: „Что же касается тѣхъ, кто обвиняетъ насъ, не изучивъ ни нашего закона, ни нашей жизни, то мы съ ними не вступаемъ въ споръ, а только молимъ Бога, чтобы онъ простилъ ихъ, ибо они не знаютъ, что творятъ“.

Не берусь описать того взрыва, который вызвали эти слова въ толпѣ, удрученной воспоминаніемъ предъидущаго вечера и благодарной за дарованное избавленіе; англійскій проповѣдникъ можетъ быть признателенъ индусу за восстановленіе въ смущенныхъ имъ сердцахъ той христіанской любви, которую онъ поколебалъ. Люди поняли, что даже на почвѣ самыхъ жгучихъ вопросовъ убѣжденность въ правотѣ собственныхъ вѣрованій вовсе не исключаетъ возможности и даже обязанности уважать чужую вѣру.

Говоря: „уважать чужую вѣру“, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку. Слово „вѣра“ у насъ имѣетъ два значенія: первое—вѣра, какъ итогъ вѣрованій, система, религія, напр. вѣра христіанская, магометанская, языческая и т. д.; второе—вѣра, какъ сила, двигатель, та вѣра, про которую говорятъ: горячая, слабая, твердая. Въ первомъ случаѣ слово „вѣра“ обозначаетъ нѣчто раздѣлительное, во-второмъ—нѣчто объединяющее, какъ способное принимать всякое дѣленіе. Когда мы говоримъ, что человѣкъ долженъ уважать чужую вѣру, мы, конечно, разумѣемъ второе значеніе этого слова: странно и требовать, чтобы человѣкъ уважалъ всѣ религіи и свою, но слѣдуетъ требовать, чтобы люди цѣнили другъ въ другѣ ту степень вѣры, которая ихъ одухотворяетъ и подвигаетъ на то или другое доброе дѣло; можно оплакивать, что эта вѣра направлена не на тотъ предметъ, который намъ кажется единственнымъ заслуживающимъ вѣры, но нельзя не уважать вѣру, какъ матеріалъ духовной жизни; а матеріалъ этотъ разлитъ во всемъ человѣчествѣ, и тѣ язычники, которые восприняли христіанство, были также имъ одарены.

Уваженіе ко всему, что есть одинаковаго въ безконечномъ разнообразіи человѣческой природы—вотъ, кажется намъ, въ чемъ практическій смыслъ урока, преподаннаго конгрессомъ. Мы всѣ полагаемъ въ основаніе нашихъ отношеній къ людямъ принципъ человѣческаго различія. Политическія и сословныя дѣленія, на которыя распадается человѣческая семья, построены на несходственныхъ сторонахъ человѣческой природы, и когда мы встрѣчаемъ новаго человѣка, мы прежде всего заняты мыслью—къ какому изъ этихъ дѣленій онъ принадлежитъ, и за этимъ ярлы-

вомъ, подчеркивающимъ лишь тѣ стороны, которыми его дѣленіе отлично отъ нашего, мы уже не видимъ все то одинаковое, что налагаетъ на насъ общее наименованіе: „человѣкъ“; мы совсѣмъ забываемъ, что этотъ ближній нашъ, живущій по своему закону, можетъ имѣть нравственную цѣну и предъ нашимъ собственнымъ закономъ; и вмѣсто того, чтобы цѣнить его за его личныя внутреннія качества, мы дѣлаемъ его ответственнымъ за массовыя качества той группы, къ которой онъ принадлежитъ, и поворачиваемся къ нему спиной. А насколько выше, благороднѣе—всѣ тѣ движенія души нашей, которыя возникаютъ на почвѣ человеческого сходства, сравнительно съ тѣми, которыя возбуждаются несходственными сторонами нашей природы!

Сколько вѣковъ тому назадъ человѣкъ спросилъ человѣка: „можетъ ли быть что хорошаго изъ Галилея?“ Кажется, урокъ былъ достаточно краснорѣчивъ, и тѣмъ не менѣе люди не переставали съ тѣхъ поръ повторять этого вопроса; и съ теченіемъ вѣковъ „Галилея“ только множились: „Галилея“ религіозная, политическая, сословная, сектантская, распространяють недовѣріе, которое, какъ ядъ, просачивается во взаимныя отношенія людей. Само по себѣ предосудительно поддаваться наущеніямъ этого недовѣрія, но еще хуже того воспитывать чувство недовѣрія и провозглашать начала несходства во имя того Бога, про котораго апостолъ сказалъ, что онъ нелицепріятенъ, но что *въ каждомъ народѣ* поступающій по справедливости угоденъ ему ¹⁾.

Такимъ образомъ, нравственную цѣнность личности предъ единымъ нравственнымъ закономъ, внѣ различія формъ религіозныхъ вѣрованій, можно признать какъ послѣдній и высшій принципъ, вѣнчающій духовное зданіе, воздвигнутое конгрессомъ религій.

Въ заключеніе скажемъ лишь нѣсколько словъ о результатахъ, или вѣрнѣе о томъ, въ какомъ смыслѣ это слово „результатъ“ вообще приложимо къ конгрессу религій.

Никогда мы не могли понять, чего собственно ожидали тѣ люди, которые обвиняли конгрессъ въ безрезультатности. Ожидали ли они новаго символа вѣры, обнародованія новыхъ догматовъ, какихъ-нибудь постановленій?.. Какъ бы въ отвѣтъ на эти запросы появилась масса лекцій, докладовъ, отчетовъ, составленныхъ въ большинствѣ случаевъ участниками конгресса. Мнѣ пришлось познакомиться со многими изъ этихъ брошюръ, и почти во всѣхъ

¹⁾ Дѣянія св. ап. X, 34, 35.

поражаетъ какое-то безсильное стремленіе во что бы то ни стало представить результаты конгресса въ осязательныхъ фактахъ: такой-то, молъ, былъ приглашенъ говорить въ такой-то церкви; такой-то написалъ такую-то книгу; тамъ-то состоялось такое-то собраніе и т. д.; и это стремленіе кажется намъ чѣмъ-то весьма малымъ, жалкимъ въ сравненіи съ величіемъ самого событія. Намъ рѣшительно кажется, что проходить мимо главнаго тѣ, кто ищетъ фактическихъ результатовъ внѣ самаго осуществленія этого собранія.

Никогда никто не оспаривалъ полезности и желательности конгрессовъ научныхъ, хотя врядъ ли кто отыщетъ имъ болѣе практическое оправданіе, чѣмъ—способствовать простому обмѣну мысли и живому общенію людей при помощи живого слова. Почему же, когда такое же собраніе происходитъ на почвѣ не научныхъ, а религіозныхъ вопросовъ, мысль о томъ вызываетъ недовѣріе, усмѣшку, негодованіе, а требованія къ нему тотчасъ предъявляются совершенно инныя?

Результаты навѣрное есть, не можетъ не быть ихъ, ибо ни одинъ урокъ не пропадаетъ даромъ; но опять повторяемъ: главную силу конгресса слѣдуетъ искать въ самомъ фактѣ его осуществленія. Вотъ почему въ нашихъ замѣткахъ мы остановились исключительно на внутреннемъ его значеніи... По нашему убѣжденію, конгрессъ важенъ какъ событіе и какъ знаменіе времени: какъ событіе, важно, опять не то, что конгрессъ сдѣлалъ, а то, что онъ *состоялся*; какъ знаменіе времени, важно не то, что онъ былъ созванъ, а то, что онъ *могъ* состояться.

Въ исторіи развитія человѣческаго сознанія конгрессъ религій въ Чикаго займетъ подобающее мѣсто на ряду съ тѣми событіями, которыя служатъ показателями умственныхъ и нравственныхъ теченій міровой жизни; онъ явится собирательной единицей, въ которой разрозненные пути человѣческой жизни совокупно заявили о себѣ и разоблачили однородныя начала своихъ стремленій; онъ представитъ равнодѣйствующую тѣхъ нравственныхъ силъ, которымъ повинуются человѣчество въ разныхъ концахъ земли; онъ провозгласитъ предъ лицомъ будущихъ поколѣній, что эта равнодѣйствующая не есть ничто насильственное, выдуманное, а что она живетъ въ самомъ естествѣ человѣческой природы и, такимъ образомъ, является одною изъ силъ, ведущихъ міръ по путямъ божественнаго Провидѣнія. Здѣсь же коренится значеніе конгресса и съ точки зрѣнія христіанской. Онъ доказалъ—тѣмъ, кто въ этомъ сомнѣвался,—что вовсе не отрывается отъ христіанства тотъ, кто раздвигаетъ границы человѣческой

любви, а что, напротивъ, погрѣшаетъ противъ своей же вѣры тотъ, кто, начиная молитву словами „Отче *нашъ*“, разумѣетъ подъ словомъ „нашъ“ какое-нибудь замкнутое дѣленіе, къ которому онъ самъ принадлежитъ.

Исторія сохранила и передала намъ въ ореолѣ славы имя фанатика-монаха, который своими огненными рѣчами ополчалъ христіанскій міръ противъ мусульманскаго. Во сколько разъ выше, чище, умирительнѣе встаетъ предъ нами образъ того скромнаго греческаго священника изъ Дамаска, который на свои скудныя средства предпринялъ свое путешествіе изъ далекихъ библейскихъ странъ въ Чикаго, для того, чтобы сказать: „Мой отецъ былъ убитъ мусульманами, мой братъ былъ убитъ мусульманами, и тѣмъ не менѣе я положилъ весь трудъ моей жизни на то, чтобы дать имъ новый переводъ священнаго писанія на арабскій языкъ“.

Это сопоставленіе, отмѣчающее два крайнихъ полюса въ пониманіи христіанскихъ обязанностей, обрисовываетъ всю эволюцію христіанской идеи въ человѣческомъ сознаніи.

Бн. Сергѣй Волконскій.

Іюль, 1894 г.

ВЪ ГОСТИНОЙ и ВЪ ЛЮДСКОЙ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Послѣ первыхъ зимнихъ дней наступила опять оттепель. Часто петербургскій ноябрь бываетъ дождливъ и тепелъ, какъ хмурый мартъ. Загремѣли дрожки по выглянувшей мостовой; дворники счищали коричневый, умирающій снѣгъ. При наступленіи сумерокъ, фонари замигали, отражаясь въ лужахъ и тротуарахъ, блестящихъ, какъ зеркало.

У подъѣзда большого пятиэтажнаго дома остановился извозчикъ. Подъѣздъ былъ массивный, съ претензіями. И весь домъ былъ построенъ съ претензіями. Архитекторъ, очевидно, преслѣдовалъ готическій стиль, но зачѣмъ ему понадобилось дѣлать на подъездахъ и карнизахъ надписи не то вѣтскими, не то турецкими буквами—этого, вѣроятно, онъ и самъ не зналъ.

На извозчикѣ подъѣхала очень молодая дама, высокая и сухая. Хлопнувъ дверью, она вошла на парадную лѣстницу. Красный коверъ уходилъ, поднимаясь въ безконечную высь. Лампы съ затѣйливыми подставками горѣли ярко. И когда закрылись двойныя наружныя двери, на лѣстницѣ стало опять тихо и почти торжественно. Изъ швейцарскаго углубленія не доносилось ни одного звука. Самъ швейцаръ, блѣдный, молодой и крайне серьезный, взглянувъ на даму, позвонилъ наверхъ, въ двадцатый номеръ.

Мимо ряда дверей съ именами и фамиліями дама поднялась въ четвертый этажъ. Здѣсь на двери была надпись: „Петръ Петровичъ Бемъ“.

Дама, супруга господина Бема, хозяйской рукой позвонила

громко и нетерпѣливо. Когда, наконецъ, отворили, Лидія Ивановна вошла въ переднюю и спросила:

— Баринъ дома? А гдѣ Лиза?

Маленькая шустрая дѣвчонка, Агашка, исполнявшая роль подгорничной, отвѣчала крайне печальнымъ тономъ:

— Баринъ не приходили. А Лиза на свадьбу ушла.

Лидія Ивановна улыбнулась.

— Ахъ, да, помню, въ первый этажъ. А развѣ ужъ одѣли невѣсту? И въ церковь уѣхали?

Агаша ожила.

— Какой тамъ! Я сейчасъ бѣжала. Никого гостей почти нѣтъ. Да и невѣсту причесываютъ—причесать не могутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Поди-ка, Агаша, скажи тамъ Лизѣ, пусть приведутъ невѣсту ко мнѣ, я ее причешу. И гости пусть всѣ сюда приходятъ. Барина дома нѣтъ...

Лидія Ивановна очень обрадовалась неожиданному развлеченію, и когда привели невѣсту, принесли вуаль и цвѣты—она съ удовольствіемъ принялась за дѣло. Невѣста была совсѣмъ бѣдная дѣвушка, жившая въ кухаркахъ у старой барыни, робкая и скромная. Братъ ее дворникъ сосѣдняго дома.

Съ невѣстой пришла ея единственная родственница, худая и съ такимъ малымъ количествомъ свѣтлыхъ волосъ, что при первомъ взглядѣ ихъ трудно было замѣтить. Впрочемъ шоловое пышное платье зеленого цвѣта придавало ей внушительный видъ.

Рѣшили ѣхать въ церковь прямо изъ квартиры Лидіи Ивановны. Скоро вся кухня, довольно большая, наполнилась наряженными дѣвушками, гостями... Разнообразіе костюмовъ было поразительное. Но самымъ яркимъ пятномъ выдѣлялась горничная изъ девятнадцатаго нумера, въ голубомъ платьѣ съ розовыми букетами. На лѣстницѣ ее прозвали Агашей-толстой, въ отличіе отъ Агаши-маленькой, подгорничной Лидіи Ивановны. Агаша-толстая была недурна, съ узкимъ лбомъ, черными глазками на выкатѣ и крошечнымъ носикомъ. Она немного пришепetyвала. Теперь ея круглое лицо пылало отъ волненія. Ей такъ хотѣлось быть сегодня поинтереснѣе, получше. Дѣвушки приглашали знакомыхъ кавалеровъ—и она пригласила отъ себя своего знакомаго и даже земляка—Лаврентія Корвина. Лаврентія взяли въ солдаты. Онъ былъ уже унтеръ-офицеръ и черезъ полтора года кончалъ службу.

Давно Лаврентій нравился Агашѣ. Въ глубинѣ души она даже надѣялась, что онъ возьметъ ее замужъ. Агаша была старо-

вѣрка и знала, что Корвинъ тоже изъ старовѣрческой семьи. Это одно уже какъ бы связывало ихъ.

И Агаша нетерпѣливо и взволнованно прохаживалась по кухнѣ, стуча каблуками прионелевыхъ туфель.

Невѣсту увезли. Было всего три кареты. Но каждый хотѣлъ ѣхать въ каретѣ, и потому приходилось ждать очереди. Лидія Ивановна разговаривала съ дѣвушками. Ея собственная горничная, Лиза, темноволосая дѣвушка лѣтъ двадцати-пяти, съ блѣднымъ и тонкимъ лицомъ, мало походила на горничную. Платье ея сидѣло гораздо лучше, чѣмъ у Агаши, а взглядъ былъ свучающій и прозрительный.

Про нее говорили, что она гордая и дерзкая, какъ „барышня“.

Дверь открылась — и вошелъ невысокій, худенькій человекъ въ солдатской шинели. Изъ-подъ барашковой шапки не то печально, не то разочарованно глядѣли голубые глаза. Бѣловурные усики вились на верхней губѣ.

Агаша-толстая подлетѣла къ своему знакомцу и подала ему руку. Потомъ онъ сталъ здороваться съ другими, хотя и не былъ знакомъ. Всѣ, впрочемъ, немедленно догадались, что это — Агашинъ Корвинъ. Одна дѣвушка сообщила другой, что Корвинъ — „очень, очень недурненькій“. Надменная Лиза дернула плечомъ и сказала громко, что ненавидитъ солдатъ, такъ какъ они не умѣютъ танцовать.

Корвинъ встрепенулся, взглянулъ на Лизу, подошелъ ближе и тотчасъ же заявилъ, что онъ умѣетъ танцовать. Лиза возразила, что все-таки она ненавидитъ солдатъ. Корвинъ отвѣчалъ самой тонкой любезностью. Разговоръ завязался. Агаша стояла въ сторонѣ. Корвинъ и не обернулся къ ней.

Лидія Ивановна разговаривала съ однимъ изъ приглашенныхъ, который оказался бывшимъ швейцаромъ этого дома. Теперь изъ швейцара онъ превратился въ артельщика нефтяного склада и распространялъ вокругъ себя непобѣдимый запахъ керосина, хотя и надѣлъ новый сюртукъ, новый галстукъ, и вообще изъ всѣхъ силъ старался походить на барина.

И всѣ, начиная съ Агаши и ея туфель, кончая Корвиннымъ и надменной Лизой — всѣ стремились къ одному: какъ можно больше походить на господъ. У одной была оборочка, совершенно какъ у барышни; у другой — „французская“ прическа. Лиза прекрасно знала, что съ мужчинами надо обращаться презрительно; однако она уменьшила свое презрѣнне, когда выяснилось, что Корвинъ былъ въ третьемъ классѣ гимназiи и даже имѣетъ

брата, который говоритъ по-французски. Всякій писарь, умѣющій писать письма, а подчасъ и стихи, былъ Лизѣ пріятнѣе самаго красиваго лакея. Стихи и общее „образованіе“ писаря приближали его къ господамъ...

И вмѣстѣ съ тѣмъ ни у кого не было къ настоящей барынѣ, Лидіи Ивановнѣ, ни малѣйшаго внутренняго почтенія. Служить надо, потому что платятъ деньги. Все дѣло случая. Стоить только подражать господамъ — и будешь не хуже ихъ.

Подозрительная и влюбленная Агаша томила, видя, что Корвинъ ухаживаетъ за Лизой.

Въ карету они сѣли всѣ трое вмѣстѣ.

Въ каретѣ было темно, холодно, и мостовая оглушительно гремѣла подъ колесами. Корвинъ пріостановилъ свое ухаживанье. Но Агаша рѣшила воспользоваться минутой и унижать гордую Лизу.

— А что, Лиза, на волѣ-то, послѣ казенныхъ, институтскихъ мѣстъ, хуже, я думаю?

— Нѣтъ, отчего. У меня теперь мѣсто хорошее.

— А вы вѣдь сами изъ Воспитательнаго?

— Да.

— Вотъ какъ! Значить — ни роду, ни племени, ни отца, ни матери не знаете! Можетъ, они у васъ Богъ вѣсть какіе важные господа были, вѣдь это ничего неизвѣстно. А у насъ — что! наши родители извѣстные, сѣрый народъ, одно развѣ утѣшеніе, что честные, да воспитали насъ, какъ слѣдуетъ.

Агаша вздохнула, чего за каретнымъ шумомъ никто не слышалъ. Лиза промолчала.

— А что, мальчикъ вашъ давно умеръ? — спросила опять Агаша, напрягая голосъ.

— Весной.

— Ахъ, скажите! И вѣдь вотъ эти мужчины — каковы! Онъ вѣдь женился, кажется?

— Женился.

— Ай-ай-ай! Вѣдь вотъ какъ это, можно сказать, неблаго-родно съ его стороны!

Эти восклицанія остались безъ отвѣта.

Лиза обратилась къ Лаврентію и сказала:

— Не люблю я свадебъ въ вухмистерскихъ. Жара. У кавалеровъ скюртуки линяютъ — и перчатки черныя. Послѣ одной кадрили свѣтлое платье никуда не годится.

— У меня были перчатки, Лизавета Максимовна, — подхва-

тилъ Корвинъ. — И позвольте пригласить васъ на первую кадрили и на последующую.

Замыселъ Агаши не имѣлъ успѣха. Она раскрыла глаза Корвина на поведеніе Лизы, но это, увы, не измѣнило его чувствъ.

Вечеръ въ кухмистерской удался чрезвычайно. Гармонистъ попался прекрасный. Подъ звуки его громадной гармоніи, самой усовершенствованной, были протанцованы безчисленныя кадрили и польки. Къ сожалѣнію, многіе кавалеры, въ томъ числѣ и новобрачный, и каросинный артельщикъ, не умѣли танцовать. Они усиленно пили медъ и пиво. Угощеніе было отличное: каждый требовалъ, чего хотѣлъ — сладкаго вина, чаю, кофе...

Лиза танцевала съ Корвинымъ. Иногда она лукаво говорила:

— Подите же къ вашей Агашѣ. Видите, какъ она страдаетъ. Она въ васъ до смерти влюблена, а вы съ ней такъ поступаете...

— Чтожъ, мнѣ теперь повѣситься, если она въ меня влюблена? Вотъ это мило! Она-то влюблена, да, можетъ, я не влюбленъ? И если я совершенно въ другую влюбленъ, то виновать ли я?

„Образованность“ Корвина и сходство съ благороднымъ господиномъ неотразимо плѣняли Лизу. Говорилъ онъ вѣжливо и тихо, не безъ достоинства. И Лиза ему очень понравилась.

Когда вечеръ кончился, онъ проводилъ Лизу домой, до самой двери четвертаго этажа. Было уже пять часовъ утра. Лиза пробралась тихонько за драпировку, гдѣ стояла ея постель. Черезъ три часа нужно было вставать, самоваръ, завтракъ... „О, чтобъ эти завтраки!“ — подумала Лиза.

Съ полу, гдѣ былъ разостланъ соломенный, Агаша-маленькая, Лизина помощница, подняла голову и поглядѣла на розовое платье и растрепанную прическу завистливыми, недобрыми глазами. Агаша-маленькая была недавно изъ деревни, но оказалась необыкновенно способной въ усвоенію петербургскихъ манеръ и быстро начинала образовываться.

Лиза въ изнеможеніи упала на кровать, и тщетно въ восемь часовъ трещалъ надъ ея ухомъ электрическій колокольчикъ. Злоправная маленькая Агаша нарочно ее не будила, а сама, при первой опасности, намѣревалась выскользнуть на лѣстницу и увѣрять потомъ съ невинностью, что она ходила за булками.

II.

Петръ Петровичъ зажалъ уши и взглянулъ на потолокъ. Смотрѣть на потолокъ было его обычнымъ жестомъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ какъ будто призывалъ Бога въ свидѣтели, что не виноватъ.

Теперь, выдерживая сцену съ женой, онъ скромно и жалобно съѣжился въ большомъ креслѣ. И никто бы не подумалъ, что этотъ худенькій, бѣлокуренькій человѣчекъ, такой беззащитный, въ чемъ-либо виноватъ. Напротивъ, было ясно, что онъ терпитъ обиду.

Лидія Ивановна бѣгала изъ угла въ уголъ, всплескивала руками, упрекала, жаловалась, кричала.

Наружность Лидіи Ивановны, если не могла назваться красивой—во всякомъ случаѣ была выразительна и оригинальна. Длинный узкій носъ съ очень большими, открытыми ноздрами, черные глаза и волосы, смуглая кожа,—все дѣлало ее похожей на цыганку или вообще на женщину южныхъ странъ. А по нервности и крайней худощавости, какой-то поджарости—она напоминала прекрасную, породистую гончую.

Всегда, въ сценахъ между мужемъ и женою, Лидія Ивановна кричала, а Петръ Петровичъ съѣживался, зажималъ уши и смотрѣлъ на потолокъ. Онъ твердо держался того убѣжденія, что во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни молчаніе есть самая полезная вещь. Когда онъ познакомился съ Лидіей Ивановной, имѣвшей восемнадцать лѣтъ отъ роду и богатую тетеньку со связями, вмѣсто „рара“ и „тамап“—онъ молчалъ, пока другіе ухаживатели произносили цѣлыя адвокатскія рѣчи; въ нужный моментъ онъ только взялъ Лидію Ивановну за руку—и дѣло сладилось.

Богатая тетенька возмутилась:—развѣ это партія?!—стала бранить жениха въ глаза; онъ молчалъ—говорила Лидія Ивановна—и дѣло опять хорошо кончилось. Несомнѣнно, что и на службѣ онъ придерживался своего благого правила: и трехъ лѣтъ не прошло, какъ ему дали прекрасное мѣсто—завѣдываніе хозяйственной частью въ обширномъ богоугодномъ заведеніи. Никогда еще правила жизни не обманывали Петра Петровича—неудивительно поэтому, что онъ ихъ примѣнял и въ ссорамъ съ женой.

Но Петръ Петровичъ не любилъ и боялся скандаловъ. И теперь сердце его грызла мука, что жена кричитъ, выдумываетъ въ раздраженіи даже небывалое, говоритъ о деньгахъ, о роднѣ—а въ кухнѣ все слышно. А если и не слышно, то Лиза и Агаша—

маленькая вѣрно пробралась въ сосѣднюю комнату и подслушиваютъ. Ну, говори что хочешь, хоть дерись—да по секрету, чтобы люди не слышали.

Мысль о подслушиваніи истомила Петра Петровича. Онъ не выдержалъ, вскочилъ съ кресла и внезапно распахнулъ дверь въ столовую.

Противъ ожиданія, Агаша-маленькой онъ тамъ не засталъ, хотя въ дверяхъ, какъ будто, мелькнулъ кусочекъ розоваго платья. Удаляющихся шаговъ тоже не было слышно; но, если сказать правду, ихъ и не могъ бы никто слышать, такъ какъ Агаша, для удобства, носила войлочные туфли.

Около буфета Лиза, съ непроницаемо-мирнымъ лицомъ, уставляла тарелки и сейчасъ же вышла.

Петръ Петровичъ притворилъ дверь и вернулся въ гостиную.

— Успокойся, другъ мой!—началъ онъ почти шопотомъ.— Нехорошо. Люди слышатъ. Ты кричишь о такихъ вещахъ.

— Оставь, оставь! Мнѣ все равно, я кому угодно готова рассказать... Это немисливо, что ты дѣлаешь! Я сидѣла дома вчера, а ты былъ въ театрѣ, въ ложѣ у кого, а? У m-me Губинской! И скрылъ, да! Вотъ это ново! Я напишу тетѣ, уѣду въ ней въ имѣніе, уѣду, уѣду...

— Другъ мой, увѣряю—это вышло случайно... И притомъ Губинскій—нашъ казначей.

Но тутъ Лидія Ивановна такъ завизжала, зарыдала, что Петръ Петровичъ принялъ рѣшительныя мѣры: онъ бросился въ переднюю, надѣлъ пальто и вышелъ. Супругъ справедливо разсудилъ, что Лидія Ивановна умоляетъ, когда ей некого будетъ упрекать.

И точно, оставшись одна, Лидія Ивановна сразу притихла и даже подумала съ нѣкоторою радостью, что ссора кончилась благополучно. Но вмѣстѣ съ радостью была у нея въ душѣ и досада. Ссора—это все-таки нѣчто, все-таки происшествіе, а теперь, когда все замолкло и только часы постукивали въ столовой, опять вернулась долгая, тягостная скука.

Лидія Ивановна была замужемъ три года. Она казалась старше своихъ лѣтъ: на самомъ дѣлѣ ей не минуло двадцати-двухъ. Она порою забывала, сколько ей лѣтъ,—такъ всѣ послѣдніе года походили одинъ на другой.

Первое время замужства она была влюблена въ Петра Петровича, какъ въ институтъ влюблялась въ учителей рисованія и музыки; но потомъ, мало-по-малу, влюбленность прошла, и она даже удивлялась, какъ могла раньше не замѣчать, что у Петра Петровича такіа большія, блѣдныя уши, изъ которыхъ торчатъ

пучки бѣловатыхъ волосъ. Петра Петровича она стала просто считать необходимой своей принадлежностью, привычной вещью, которой почти не замѣчаешь.

Она думала, что она глава дома. Она кричала, кипятилась—мужъ молчалъ. Но въ результатѣ, осторожно и незамѣтно, дѣлалъ по своему.

Лидія Ивановна томилаcь скучой. Дѣтей у нея не было, да она и не хотѣла бы имѣть дѣтей. Лишніе расходы, болѣзнь, заботы, да ребенокъ еще будетъ хворый, да еще, пожалуй, умереть... Это ужъ не развлеченіе, а наказаніе.

И шли дни за днями, лѣто смѣнялось зимой, зима лѣтомъ, Петербургъ—скромной дачей въ Лѣсномъ или Царскомъ, а Царское—опять Петербургомъ. Каждое утро Петръ Петровичъ уходилъ на службу. Каждую Пасху прїѣзжала изъ имѣнія тетенька, смотрѣла съ собогѣзнованіемъ на Лидію Ивановну, съ вроткимъ презрѣніемъ на Петра Петровича—и уѣзжала. Все пошло своимъ чередомъ—а Лидія Ивановна не могла найти себѣ никакого занятія. Она вообще не знала, чѣмъ должны заниматься молодыя дамы. Вязать шарфы и кошельки было не въ ея характеръ. Къ музыкѣ и рисованію способностей не имѣла. Романы любила читать съ середины и разрѣзала листы книги пальцемъ.—Знакомые? Ихъ было немного, и все такіе неинтересные. Впрочемъ, и живя у тетки, Лидія Ивановна не привыкла къ большому обществу, выѣзжала рѣдко. Но тогда у нея была ясная цѣль: выйти замужъ. Она вышла замужъ. Что же дальше? Чѣмъ наполнить время съ утра? Хозяйство идетъ себѣ, заведенное разъ, Лиза отлично знаетъ, когда подать завтракъ и обѣдъ. На „журфиксахъ“ у ея малочисленныхъ знакомыхъ такъ же скучно, какъ и у нихъ, когда Лидія Ивановна принимаетъ гостей въ своей приличной квартирѣ, убранной на восточный ладъ. Какъ-то разъ за Лидіей Ивановной вздумалъ ухаживать молодой офицеръ. Дѣло было на Пасхѣ; замѣтила тетка, подняла крикъ. Непривычная Лидія Ивановна сама испугалась за свою репутацію и такъ несправедливо обошлась съ офицеромъ, что онъ сейчасъ же принялся ухаживать за коротконосой и богатой курсисткой. Ухаживанье офицера слегка развлекло Лидію Ивановну, хотя и продолжалось недолго.

Частое одиночество заставляло ее иногда разговаривать съ Лизой и допускать нѣкоторую фамиллярность.

Тенерь, когда Лидія Ивановна осталась въ гостиной съ не высохшими слезами, обидой и скучой въ душѣ,—тотчасъ же явилась Лиза—растопить потухшій каминъ.

Ея блѣдное лицо съ тонкими чертами было, какъ всегда

интересно, несмотря на неряшливость въ костюмѣ. Пестрая кофточка шла къ ней. Густые волосы, не туго заплетенные, казались растрепанными. Она не походила на ловкую горничную хорошаго дома, а скорѣе на барышню въ небрежномъ утреннемъ negligé. Передниковъ она не любила и не носила.

Лиза присѣла около камина. Сухія щепки затрещали. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, наконецъ Лиза произнесла, какъ бы про себя:

— Ужъ этотъ баринъ вѣчно... Разстроить только по-напрасну.

Лидія Ивановна вздохнула.

— Удивляюсь я, право... Это надо ваше терпѣніе имѣть...— продолжала Лиза.

Лидія Ивановна приподняла голову.

— Что жъ дѣлать, все равно... Вы, Лиза, не забудьте яблоки въ печкѣ...

— Тамъ, барыня, въ кухнѣ такая жара... Нынче и пироги, и яблоки.. Я ужъ не знаю, что и съ гостями дѣлать...

— А у васъ кто?—довольно равнодушно спросила Лидія Ивановна. Ей было такъ скучно и впереди предстояла такая тоска бездѣлья, что даже участіе Лизы ее мало утѣшило.

— Какіе гости, извѣстны!—начала Лиза, дуя въ каминъ.— Опять это золото сидитъ, развѣ его выкуришь? Сидитъ, какъ столбъ. Ужъ онъ давеча на лѣстницѣ ревѣлъ-ревѣлъ, затѣмъ я его къ Агашѣ-толстой посылала... И откуда у него только слезы берутся? Ну—еще Анна Маврикіевна съ ребятишками зашла... Нѣтъ, этотъ-то хорошъ!

— Охота вамъ, Лиза, съ солдатомъ...

— Положимъ что, барыня, Корвинъ и красивый, да и обращеніе у него такое приличное, не солдатское... Онъ мнѣ вчера полную книжку стиховъ принесъ. Да мнѣ все-таки ровно наплевать. Пусть Агаша-толстая свое добро беретъ...

— Давно это онъ въ васъ такъ сильно влюбился?

— Съ самой свадьбы Дашиной,—вотъ еще осенью была, мѣсяца четыре ужъ есть,—не отстаётъ отъ меня ни на шагъ! Въ него многія дѣвушки влюблены...

— А что же Агаша?

— Агаша изъ „девятнадцатаго“ отъ Оминой уходитъ хочетъ.

Лидія Ивановна по рассказамъ Лизы знала о своихъ сосѣдяхъ больше, чѣмъ еслибы познакомилась съ ними. Она давно знала, что приличный, скромный мужъ Оминой—воспитатель въ какомъ-то корпусѣ—оттого такъ рѣдко пріѣзжаетъ къ ней, что одинъ графъ пріѣзжаетъ слишкомъ часто, хотя и не настолько

часто, чтобы компрометтировать парадную лестницу и серьезнаго швейцара.

— Отчего же Агаша хочетъ уйти?—спросила Лидія Ивановна.

— Съ Борей сладу нѣтъ. Восемь лѣтъ мальчику, а такой озорникъ, щиплется, дерется. Нивакая горничная жить не будетъ.

— Чего жъ мать смотреть?

— А ей что? Ей лишь бы съ графомъ. Тоже—и дѣла господскія! А прислугу—рады укорять.

Лидія Ивановна мало-по-малу, вяло и туго, но все-таки заинтересовалась разговоромъ.

Лиза охотно, даже съ оттѣнкомъ хвастливости, рассказывала, какъ сильно влюбленъ въ нее прежній Агашинъ женихъ, унтеръ-офицеръ Корвинъ, какіе приносятъ апельсины и какія пишетъ письма. Она описывала это въ перемежку съ извѣстіями о новомъ фасонѣ платья, которое она отдавала шить, и о досадѣ и злобѣ Агаши-толстой.

Лидія Ивановна почувствовала что-то похожее на зависть. Окна гостиной выходили на сѣверъ, и съ блѣднозеленаго мартовскаго неба лился грустный, отраженный свѣтъ. Сейчасъ Лиза уйдетъ, и бѣдная Лидія Ивановна останется одна въ этихъ тусклыхъ комнатахъ, убранныхъ на восточный ладъ, безъ всякихъ заботъ и горестей, но и безъ всякой надежды. Даже Петра Петровича нѣтъ.—Ну, а если онъ и придетъ? Какую новую радость дать ей этотъ молчаливый, домашній, извѣстный, аккуратный человѣкъ?

А кухня, куда пойдетъ Лиза печь пироги, выходитъ на солнце, и вѣрно тамъ теперь на полу лежитъ свѣтлый, вытянутый четырехугольникъ, и кошка грѣется на солнышѣ, а нѣжный Корвинъ собирается читать Лизѣ новые стихи...

Позвонили. Въ одно мгновеніе Лидія Ивановна преобразилась. У нея стало другое лицо. Только бы не мужъ! Все равно кто, новый живой человѣкъ, письмо... Письмо нужно прочесть, на письмо, пожалуй, можно отвѣтить...

Въ головѣ ея даже пронеслась смутная и нелѣпая мысль: а вдругъ это тотъ офицеръ, который ухаживалъ за ней въ прошломъ году? Если Петръ Петровичъ бываетъ въ ложѣ у Губинской, такъ... Но это оказалось письмо отъ знакомой коротконосой курсистки, приглашеніе на вечеръ.

Лидія Ивановна улыбнулась чему-то и съ непривычнымъ прилежаніемъ мысли стала обдумывать, что она надѣнетъ на вечеръ.

III.

Лиза между тѣмъ вернулась къ своимъ пирогамъ.

Въ кухню дѣйствительно свѣтили желтые веселые лучи. Агаша-маленькая, бойкая дѣвочка съ розовымъ лицомъ и уже нечистыми глазами, лѣниво гладила на столѣ какое-то кружево и все посматривала въ сторону.

Мать, отпуская Агашу съ господами въ Петербургъ, увѣряла, что она — дѣвочка способная, живо по городскому выучится. И Агаша, точно, оказалась необыкновенно способной.

Черезъ два-три мѣсяца она поняла, что слѣдуетъ во всемъ какъ можно усерднѣе подражать господамъ, а самихъ господъ — гдѣ только можно — надувать, потому что чѣмъ больше и ловче надуешь, тѣмъ слаще поѣшь. Она ухитрилась покупать ветчины меньше фунта на двѣ копѣйки — а двѣ копѣйки прятала въ уголокъ, въ дырочку. А накопивъ гривенникъ — ѣхала съ торжествомъ кататься на извозчикѣ. Вскорѣ она не замедлила влюбиться въ какого-то лупоглазого и невиннаго кадета, пріѣзжавшаго на праздникъ къ старой барынѣ въ первомъ этажѣ.

Изъ скромности кадетъ всегда ходилъ по черной лѣстницѣ. Агаша стала ему назначать свиданья на дворѣ у конюшенъ, въ сумерки; приносила ему апельсины, конфеты, даже пастилу и варенье изъ господскаго буфета. Кадетъ любилъ сладкое и пожиралъ принесенное съ молчаливой алчностью.

И маленькая Агаша гордо рассказывала, что у нея есть „кавалеръ“. Она думала, что первый петербургскій стыдъ — не имѣть кавалера.

За столомъ, у окна, далеко отъ плиты (кухня была просторная) сидѣла пожилая, полная дама въ шляпкѣ, чиновница Анна Маврикіевна. Подлѣ нея толпилась часть ея семейства: Зойка, Оля, Лелька и Сонька. Одинаковыя, малорослыя дѣвочки съ хитрыми глазами вели себя не по лѣтамъ сдержанно. Зойка, на видъ лѣтъ двѣнадцати, имѣла рѣшительно гордый видъ. Онѣ всѣ давно помогали отцу и матери. Зимой на праздникахъ танцовали въ Манежѣ, а все лѣто — въ Зоологическомъ. Въ Манежѣ за день хорошо платили, въ Зоологическомъ хуже, да и мазаться много приходилось, потому что дѣвочекъ выпускали въ видѣ негрятъ.

Анна Маврикіевна пила кофе и разсуждала о чемъ-то съ Корвиннымъ.

Безъ шинели и шапки, Лаврентій Корвинъ былъ гораздо

хуже. Бритые по-солдатски волосы чуть отливали блѣднымъ золотомъ. Узенькій, маленькій, тоненькій, съ немного кривыми ногами и смазливый лицомъ — онъ почти казался мальчикомъ. И въ лицѣ его было что-то дѣтское, преданное, упрямое и безпомощное. Глуповатая задорливость у него быстро смѣнялась жалобнымъ и покорнымъ выраженіемъ губъ. Онъ словно не зналъ, можетъ ли сбыться, чего онъ хочетъ — и даже не зналъ, чего онъ хочетъ.

Безпрестанно желая быть небрежно молодцоватымъ, онъ поправлялъ поясъ кнзу и выдвигалъ грудь.

Лиза съ шумомъ переставляла сковороды и дѣлала видъ, что — зла.

Не смущаясь присутствіемъ Анны Маврикіевны, Корвинъ возобновилъ прерванное объясненіе.

— Позвольте васъ спросить окончательно, Лизавета Максимовна, рѣшаетесь вы ѣхать въ Гатчину на маскарадъ, или же нѣтъ?

— Сказала я тебѣ — отважись. Мое дѣло! Хочу и поѣду.

— Увидимъ это, какъ вы поѣдете!

— А не угодно ли на лѣстницу? Поди, подежурь тамъ, поплачь за дверью, а то къ Агашѣ-толстой постучись. Въ маскарадъ, знаешь, кто меня приглашалъ? Знаешь? Онъ человѣкъ свободный, не солдатъ, и со средствами. Захочу — завтра повѣнчаюсь.

— И мы не вѣкъ солдатами будемъ. Черезъ годъ и съ нами вѣнчаться можно.

— Слыжала я это.

Дверь отворилась и вошла Агаша-толстая. Днемъ она была не такъ свѣжа; съ осени она похудѣла, особенно лицомъ; неловко сшитое ситцевое платье не красило ее.

Она мелькомъ взглянула на Корвина и отвела глаза.

— А, гости дорогие! — привѣтствовала ее Лиза не безъ ироніи. — Откуда съ покупками?

— Изъ суровской, по дорогѣ забѣжала, — отвѣтила Агаша, пришепечывая. — Вчера я мать въ больницу свезла, — прибавила она безъ выраженія особой печали, какъ будто рѣчь шла о серъезномъ, но обыденномъ дѣлѣ.

Мать была у Агаши строгая, даже суровая старуха, прежней вѣры. Дочь любила ее, и не то что боялась, а просто привыкла безъ размысленія и прекословія не преступать ея малѣйшихъ желаній, какъ еслибъ физически это было невозможно. Мать никогда не позволила бы Агашѣ выйти не за старовѣра.

Корвинъ зналъ Агашину мать. Она была изъ-подъ Москвы, оттуда же, гдѣ жили и его родители.

— Что такъ, въ больницу? — сказалъ онъ, немного цѣдя слова. — Но не очень больны?

— Не то что больны, — возразила Агаша скромно и тихо: — а вѣдь стары онѣ, такъ умирать собрались.

На Корвина этотъ простой отвѣтъ не произвелъ особеннаго дѣйствія, но Лиза и Анна Маврикіевна сочли долгомъ всплеснуть руками.

— Какъ такъ умирать? — воскликнула Лиза. — Почему же ты знаешь?

— Да онѣ сами сказали. Человѣкъ, конечно, старый. Вотъ велѣли мнѣ купить полотна, розовыхъ лентъ да кружевъ, за работу засяду.

— Что это?

— А саванъ. Онѣ мнѣ велѣли при себѣ скронтъ, а прошивочки куда вшить — онѣ покажутъ. Онѣ такія аккуратныя.

И опять въ голосѣ Агашы была серьезность, когда она говорила о такомъ простомъ, необходимомъ дѣлѣ.

Анна Маврикіевна и Лиза не могли выразить словами, что ихъ собственно удивляетъ въ поведеніи Агашы, и потому сочли лучшимъ промолчать. Одна Агаша-маленькая задумчиво произнесла:

— Матка помираетъ, а она не боится... И не воетъ...

Но сейчасъ же забеспокоилась, не есть ли это петербургскій обычай, котораго она, по своему деревенскому необразованію, еще не знаетъ.

— Чего ревѣть-то? — сказала наставительно Агаша-толстая. — Еще наревусь. А пока онѣ живы — надо ихъ волю исполнять. Онѣ же человѣкъ старый.

Разсужденія эти прервала Лиза.

— А и богачка ты будешь, Агаша! У матери навѣрно рублей четырехста есть, да шуба лисья.

— Ужъ это, конечно, мнѣ все откажутъ, — произнесла Агаша, помолчавъ. — Ну, прощайте, мнѣ надо за работу, — некогда.

Она поклонилась, грустно взглянула на Корвина и вышла.

— Вотъ теперь тебѣ дѣло ясное, — сказала Анна Маврикіевна, обращаясь къ Корвину: — попроси у Агашы взаймы для брата шестьдесятъ рублей. Вотъ и выручишь брата.

Братъ Корвина служилъ гдѣ-то конторщикомъ, проигралъ много на скачкахъ (онъ имѣлъ эту „господскую“ страсть) и теперь долженъ былъ потерять мѣсто. Брата слѣдовало выручить, потому что, прослышавъ худое, отецъ могъ пріѣхать изъ-подъ Москвы, а этого и унтеръ-офицеръ Корвинъ боялся, какъ огня.

— Можетъ быть, я себя такъ низко не поставлю, чтобы у Агашки денегъ просить, — сказалъ Корвинъ.

— Да вѣдь ты женишься на ней! — подхватила Лиза. — И женись пожалуйста... Разбогатѣешь...

Когда ушла Анна Маврикіевна съ чадами, между Лизой и Корвинимъ началось настоящее объясненіе. Агаша-маленькая насторожила уши.

Лиза говорила презрительно. Корвинъ плакалъ и клялся, что онъ любитъ ее необыкновенно и вѣчно, и что она его погубить. Плакалъ Корвинъ въ очень частыхъ случаяхъ; это происходило отъ его дѣвическаго характера; онъ быстро, при малѣйшемъ препятствіи, отчаявался во всемъ, и тогда могъ только упрямо и горько плавать, стоя на одной точкѣ, не уступая и нейдя впередъ.

Лиза держала себя независимо, но это была напрасная гордость. Давно, увы, смазливое личико и вѣжливое обращеніе Корвина побѣдили ея сердце. Еще на Рождествѣ, когда господа уѣзжали въ Москву, а шустрая Агашка съ восьми часовъ вечера уходила въ комнаты наслаждаться сномъ на господскихъ кроватяхъ, — еще тогда Корвинъ засиживался у Лизы слишкомъ поздно, и она вѣрила его вѣчной любви — почти такой же вѣчной, какую любилъ свою жену добродѣтельный чиновникъ въ романѣ „Петербургскія Трущобы“. Корвинъ и принесъ Лизѣ эту книгу.

Теперь Лиза, несмотря на всю свою гордость, прекрасно сознавала, что безъ бѣды не обойдешься, — и злилась не въ мѣру.

Въ разгаръ ихъ объясненія на черной лѣстницѣ раздался хриплый визгъ и брань, сопровождаемые лаемъ собакъ.

Любопытная Агаша кубаремъ выкатилась за дверь. Не устояла и Лиза, пошла взглянуть, что случилось.

Этажемъ ниже, тамъ, гдѣ въ двухъ соединенныхъ квартирахъ жилъ извѣстное свѣтило — профессоръ Агреневъ — дебелая, трепаная супруга профессора (и даже не супруга) собственноручно изгоняла горничную, сопровождая изгнаніе такой выразительной и пронзительной бранью, не стѣсняясь употребленіемъ никакихъ словъ, что будто вѣтромъ открылись двери всѣхъ квартиръ, и любопытныя лица выглянули на площадку. Верхнія кухарки даже спустились пониже, чтобы не проронить ни единого слова.

Изгоняемая горничная не оставалась въ долгу, и это-то было интереснѣе всего. Она подробно исчисляла всѣ тайныя и нетайныя грустныя подробности жизни своихъ господъ — и голосъ энергичной подруги профессора не могъ заглушить голоса истины.

— И не нужно мнѣ, не нужно твоего жалованья! — читала горничная. — Срамись на лѣстницѣ, сколько хочешь, а я

безъ того не уйду, чтобы тебѣ не высказать. Не мѣсто у тебя, а каторга... Пусть къ тебѣ порядочная прислуга пойдетъ! Отъ тебя ругня, отъ барина щипки... Хорошо тоже и баринъ! Настоящую жену прогнать. Не молоденькій, а небось, никого не пропустить.... Одну дочь бьютъ, другую не бьютъ, не узнать — которые его дѣти, которые — ея... Господа тоже, ученые! Похуже насъ грѣшныхъ! А прислугу еще укоряютъ! Вотъ мы, глядя на нихъ, тоже по ученому будемъ, авось умнѣ станемъ...

Профессорша на эти разсужденія отвѣчала цѣлымъ потокомъ отборныхъ словъ. Но, несмотря на ея обширный лексиконъ, сочувствіе публики осталось на сторонѣ горничной.

И, расходясь по своимъ этажамъ, многія задумчиво повторяли:
— Да... Такъ-то... Господа... А еще прислугу укоряютъ...

IV.

У людей, даже самыхъ исполнительныхъ, твердыхъ и разумныхъ, есть слабости. Были слабости у непоколебимаго, аккуратнаго Петра Петровича.

Не боялся онъ ни характера жены своей, ни даже ея теньки, — тѣмъ болѣе, что извѣстный капиталъ выданъ былъ въ день свадьбы жениху на руки, — не боялся ни начальства, ни риска въ служебныхъ дѣлахъ; а между тѣмъ стояло ему замѣтить, что въ комнатѣ три огня, или тринадцать за столомъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ — и ему становилось не по себѣ, то-скливо, томно и скучно. Одинъ разъ онъ не пошелъ на службу потому, что едва онъ отворилъ двери подъѣзда — какъ черезъ дорогу промчалась черная кошка.

Лиза привыкла, что господа ничему не вѣрятъ; ей странно было видѣть такое свойство въ баринѣ; однако она ему сочувствовала, потому что сама непоколебимо вѣрила дурнымъ предзнаменованіямъ.

Временами, особенно послѣ столкновеній Лизы съ баринкомъ, домъ наполнялся самыми зловѣщими примѣтами: зеркало трескалось, ножи складывались крестомъ, часы останавливались. Лиза приходила и докладывала, что въ бариновой комнатѣ подъ постелью мыши завелись. Баринъ блѣднѣлъ, а Лиза прибавляла:

— Не къ добру это. Выживаютъ.

И Петръ Петровичъ часто пережаренную телятину находилъ прекрасной, только бы Лиза, омраченная выговоромъ, не отыскала новаго дурного предсказанія.

Лидія Ивановна съ удобствомъ пользовалась этой слабостью супруга.

— Знаешь,—говорила она:—я видѣла сегодня во снѣ, что ты идешь по озеру, а вода подъ тобою черная-черная.

Петру Петровичу начинало казаться, что у него уже давно болить голова. Онъ оставался дома, жена ѣхала на „журфиксъ“—и оттуда ее провожалъ Перловъ.

Перловъ былъ тотъ самый офицеръ, который началъ ухаживать за нею въ прошломъ году. Лидія Ивановна находила, что она сдѣлала неумно, когда послушалась тетки и лишила себя единственнаго возможнаго развлеченія. Пробуя новую забаву—кокетство съ офицеромъ, она гораздо меньше скучала. И подумать, что она боялась за свою репутацію! Это надо быть такой институткой, какъ она. Всѣ дѣлаютъ такъ, и никто не теряетъ своей репутаціи. Конечно, надо, чтобы онъ себѣ не позволялъ... Петръ Петровичъ можетъ быть вполне спокоенъ...

Петръ Петровичъ и не безпокоился. Онъ даже высказывалъ удовольствіе, видя жену менѣе вялой.

На Пасху пріѣхала тетка. Она поселилась въ будуаръ Лидіи Ивановны, и тамъ сейчасъ же стало пахнуть, какъ пахнетъ изъ старыхъ шкатулокъ съ письмами и высохшими цвѣтами.

Лиза въ душѣ злилась и ужасалась, а наружно всячески прислуживала, ходила на цыпочкахъ и говорила шопотомъ. Коровинъ исчезъ изъ кухни, свиданья происходили только на лѣстницѣ. Агаша-маленькая стащила какъ разъ передъ этимъ громадный кусокъ пастилы для своего кадета и такъ испугалась важной тетеньки, что немедленно положила пастилу на прежнее мѣсто въ цѣлости, хотя явно помятую пальцами.

Тетенька увидела сразу перемѣну въ своей возлюбленной племянницѣ и поняла также—она была умная женщина,—что время безпрекословнаго повиновенія прошло—Лидія Ивановна выросла. Тетка подумала, погадала, разложила пасьянсъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ посмотрѣла на Петра Петровича, котораго всегда считала ничтожествомъ, и кончила тѣмъ, что уговорила Лидію Ивановну пріѣхать къ ней въ деревню на все лѣто. А чтобы племянница не скучала, она пригласила еще двухъ кузинъ, нѣсколькихъ приличныхъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и „красавчика“ Перлова. Это названіе шло Перлову: онъ былъ такъ красивъ, что никому не приходило въ голову вопросъ—умень ли онъ. Глядя на его розовое лицо, всякій невольно жалѣлъ, что онъ не герой чувствительнаго романа, а лишь капитанъ какого-то полка.

Петръ Петровичъ, занятый службой, не могъ уѣхать далѣе Парголова. Онъ, впрочемъ, не казался огорченнымъ и жену отпустилъ безъ возраженій.

Лидія Ивановна спила себѣ нѣсколько нарядныхъ батистовыхъ платьевъ и засыпала каждый вечеръ въ радостномъ нетерпѣніи.

Скуки не было. Наконецъ-то она узнала, какое естественное занятіе молодыхъ дамъ! Это такъ просто! И не надо скучныхъ вопросовъ: для чего? что выйдетъ? Время существуетъ для того, чтобы его весело проводить. А до всего остального—какое дѣло!

V.

Августовская ночь была темная, пыльная и вѣтреная. Набережная Фонтанки между Симеоновскимъ и Цѣпнымъ мостомъ, усаженная деревьями, казалась совсѣмъ пустынной. Изрѣдка продолжалъ извозчикъ, и копыта его елачи съ рѣзкимъ, тяжелымъ звукомъ падали на асфальтовую мостовую. У ограды сада передъ Инженернымъ замкомъ порою мелькали какія-то фигуры и быстро исчезали за вѣтками еще густыхъ деревьевъ.

Дѣвушка средняго роста, довольно полная, раза три прошлась взадъ и впередъ. Она, очевидно, ждала кого-то. Благодаря бѣлому платку на головѣ, — ее не трудно было замѣтить, хотя сухой и теплый вѣтеръ совсѣмъ задувалъ огни фонарей.

Дѣвушка опять повернулась и пошла тихо, вглядываясь въ темноту. Вдругъ она слышала мелкіе, но звонкіе шаги—и черезъ минуту очутилась передъ Корвиннымъ. Шинель у него была застегнута, шапка сдвинута слегка назадъ.

Хотя дѣвушка и узнала его, однако спросила:

— Это ты, Лаврентій?

— Самъ своей персоной. По вашему же письму. Что угодно?

— Скажи мнѣ по совѣсти, Лаврентій, зачѣмъ ты изъ лагеря пріѣхалъ? Къ ней опять?

— Я васъ, Агаша, откровенно говоря, не понимаю. Какое такое право вы имѣете меня выслѣживать? Когда это я увѣрялъ васъ въ своихъ чувствахъ? Я, напротивъ того, говорилъ, что во всѣмъ вѣроятіямъ свадьба нашей не бывать. Ну, были вы у меня два раза въ лагеряхъ, ну, и что жъ изъ того? Я это отлично понимаю, что мать васъ строго держала, и послѣ захотѣлось вамъ на своей волѣ погулять. А шестьдесятъ рублей ваши братъ вамъ съ благодарностью не далѣе перваго сентября отдастъ.

— Да что мнѣ эти шестьдесятъ рублей!—прошептала Агаша.

— Ты мнѣ скажи, зачѣмъ ты изъ лагеря пріѣхалъ? На душевѣку свою любоваться? Ужъ и красавица теперь стала...

— Какова бы ни была, да намъ мила,—произнесъ Корвинъ, но довольно задумчиво.

Агаша стояла, прислонившись къ оградѣ. Бѣлый платокъ ея мутно бѣлѣлъ въ темнотѣ.

— Лаврентій! — выговорила она еще тише и отъ волненія сильнѣе пришепетывая. — Лаврентій, я тебѣ эти шестьдесятъ рублей прощу, и коли брату нужно, я ему еще пятьдесятъ дамъ, а не выдай ты ее — ну, что тебѣ! Поѣзжай нынче же въ лагерь обратно, а немного времени спустя и я туда пріѣду. А? Знаю, что не мила я тебѣ теперь, да за что же гнать-то меня? Гнать-то причины нѣтъ...

Корвинъ на мгновеніе задумался въ нерѣшимости. Братъ его не только не могъ отдать Агашѣ скоро взятые шестьдесятъ рублей, но опять попался, и отецъ уже написалъ подозрительное письмо. Выпутываться было необходимо. Однако въ темнотѣ онъ сдѣлалъ презрительную гримасу и сказалъ:

— Ты не воображай, пожалуйста, что братъ Петька очень въ твоихъ деньгахъ нуждается. А гнать я тебя не гоню. Пріѣзжай, пожалуй, въ лагерь въ тотъ четвергъ. Да ужъ и деньги встати привози. Я брату скажу.

— Голубчикъ, Лаврентій, ты не вѣришь, я тебя такъ люблю! — воскликнула Агаша, всплеснувъ руками. — Я истомилась вся. Не выдай ты ее, Лизку! Фальшивая она. У нея и до тебя былъ мальчикъ. И теперь вотъ ребенокъ. Вѣдь это ничего неизвѣстно. Мало ли за ней зиму ухаживали! И Васька егеръ, и мало ли!..

— Молчи ты, тоже! — прикрикнулъ Корвинъ. — Завела опять. И если ты Лизаветѣ обо всѣхъ нашихъ дѣлахъ слово скажешь — я рѣшительно говорю: ни за что не отвѣчаю!

И тутъ на Корвина не шутя напалъ паническій страхъ, что обо всемъ узнаетъ Лиза, прогнать его. Потерять, не видѣтъ Лизу ему казалось невозможнымъ. Онъ подумалъ-было, не бросить ли Агашу, не сказать ли ей напрямикъ, чтобы она убиралась, не уйти ли теперь отъ нея?

Но ни голосъ, ни руки, ни ноги, не могли сдѣлать нужныхъ для того движеній, а напротивъ, онъ сейчасъ же зашагалъ рядомъ съ влюбленной Агашей, безпрекословно пошелъ ее провожать, только въ горлѣ у него были слезы, а въ сердцѣ ужасъ передъ будущимъ и несознаваемая, но нестерпимая жалость къ самому себѣ.

VI.

Листья деревьевъ парка на Петербургской Сторонѣ успѣли поблѣднѣть, потомъ покраснѣть и даже кое-гдѣ потемнѣть во время сентябрьскихъ дождей, когда вдругъ, въ самомъ началѣ второго осенняго мѣсяца, солнце опять выглянуло и робко заблестѣло на увядающемъ небосклонѣ. Небо уходило вмѣстѣ съ солнцемъ: солнце стало дальше, небо стало выше и безцвѣтнѣе, точно глазъ не могъ уже уловить слишкомъ далекой синевы. Понижшя, ярко желтыя на верхушкахъ деревья стояли не шевелясь, въ грустномъ ожиданіи. Внизу, на промокшихъ насквозь дорожкахъ, гдѣ лежали длинныя-длинныя полосы солнечнаго свѣта и вороха упавшихъ листьевъ, вѣяло сыростью и открытой могилой. Былъ праздникъ, но какой-то слишкомъ торжественный, слишкомъ серьезный, невеселый праздникъ.

И богатые, и бѣдные, обрадовались солнцу.

Мчались коляски, медленно тянулись извозчики, направляясь къ Островамъ. На тротуарѣ, около одного изъ самыхъ грязныхъ домовъ Кронверкскаго проспекта, стояли, взявшись за руки, три дѣвочки. Онѣ смотрѣли не на проѣзжавшіе экипажи, а мимо, въ одну сторону, точно ждали кого-то.

Дѣвочки были—три младшія дочери чиновницы Анны Маврикіевны — Оля, Лелька и Сонька. Мать велѣла имъ сторожить, когда пріѣдетъ барыня, и указать ей дорогу въ квартиру.

Барыня вызвалась крестить новорожденного сына Лизы, которая находилась въ то время у Анны Маврикіевны.

Почтенная дама любила оказывать услуги и даже обижалась, если этихъ услугъ не принимали. Когда съ Лизой случилось „несчастье“, она почему то страшно взволновалась и съ великодушіемъ необъяснимымъ предложила Лизѣ переѣхать къ ней. По выздоровленіи, Лиза снова должна была возвратиться на прежнее мѣсто, къ Лидіи Ивановнѣ; только барыня, наслышавшись разныхъ ужасовъ о Воспитательныхъ домахъ, гдѣ бѣдныя дѣти мрутъ—молъ какъ мухи, — рѣшительно запрещала Лизѣ отдавать туда ребенка, а лучше пристроить его куда-нибудь на „вольное воспитаніе“.

Подозрительная Лиза съ недовѣріемъ принимала всѣ ласки Анны Маврикіевны. Зная, что хорошее люди дѣлаютъ другъ другу за деньги, она боялась, что чиновница потребуетъ съ нея невозможное количество денегъ за содержаніе и уходъ во время болѣзни.

Ребенокъ родился худой, маленькій, со странной блѣдной головой на тонкой шеѣ. Глаза у него были большіе, удивленные и круглые; онъ рѣдко плакалъ и мало спалъ.

Квартира Анны Маврикіевны сдѣлалась еще тѣснѣе. Очень холодная зимой, темноватая, квартира эта вѣчно была наполнена визгомъ, ревомъ, спорами, запахомъ вчерашнихъ щей и сохнувшихъ надъ плитой пеленокъ. Анна Маврикіевна изворачивалась, какъ могла, но все-таки сорока-пяти рублей въ мѣсяцъ не хватало на большую семью: кромѣ четырехъ дѣвочекъ, въ домѣ былъ еще мальчикъ, родившійся мѣсяцевъ шесть назадъ. Мужъ-чиновникъ, слабый, робкій, худой и преданный, напрасно пытался найти переписку. А когда Анна Маврикіевна исчезала на цѣлый вечеръ въ сосѣдѣ играть въ преферансъ, чтó было ея слабостью, мужъ терпѣливо укачивалъ ревущаго полугодowego сына.

Иногда, впрочемъ, дѣла семьи поправлялись — напримѣръ, осенью, послѣ того какъ дѣвочки проработали все лѣто въ Зоологическомъ саду... Въ день крестинъ новорожденного сына Лизы Анна Маврикіевна рѣшила не ударить въ грязь лицомъ.

Старшая, Зойка, прибрала комнаты и даже отворила форточку. Накрыли въ залѣ столъ новой скатертью. Принялись готовить обѣдъ. Барыня, крестная мать, должна обѣдать одна въ залѣ, — для нея взяли телячьи котлетки; остальные гости пообѣдаютъ послѣ, въ спальнѣ, не торопясь.

Корвинъ уже здѣсь, аккуратный, чистенькій и смущенный. Въ дѣтской на кровати, въ беспорядочной грудѣ трипокъ, тихо копошится ребенокъ, молча, медленно и непрерывно шевеля тонкими членами, точно серьезный и больной паучокъ. Корвинъ все стоитъ и смотритъ на ребенка — и въ сердцѣ у него поднимается безплодная жалость и нѣжность. Лиза сидитъ въ залѣ на стулѣ, блѣдная, но довольная. Она рада, что Корвинъ смотритъ на ребенка, и начинаетъ чувствовать къ „солдату“ иное расположеніе, помимо его смазливости и умѣнья танцовать.

Въ залѣ уже сидитъ и крестный отецъ, братъ Корвина, злополучный конторщикъ Петька. Онъ впрочемъ съ виду весьма элегантенъ, говоритъ развязно и тонко, и даже осмѣливается вставлять французскія слова, произнося ихъ осторожно и правильно.

Наконецъ, влетѣли младшія дѣвочки съ извѣстіемъ, что барыня подѣхала. Дѣйствительно, черезъ минуту высокая фигура Лидіи Ивановны показалась на порогѣ. Анна Маврикіевна степенно поздоровалась съ барыней за руку. Смущенная непривычной обстановкой, Лидія Ивановна вглядывалась въ людей, ее

встрѣчающихъ, своими близорукими глазами. Съ Лизой она поцѣловалась и поздравила ее; Петъ Корвину подала руку, принявъ его за чиновника.

Скромный мужъ Анны Маврикіевны сидѣлъ въ дѣтской, кутался въ старую кацавейку и качалъ колыбель своего собственнаго шестимѣсячнаго сына, который не хотѣлъ спать.

Лидія Ивановна, отъ незнанія, что говорить и дѣлать, выразила намѣреніе посмотрѣть будущаго крестника.

Но, войдя въ дѣтскую, она прежде всего увидала полугодоваго ребенка Анны Маврикіевны и стала его прилежно разсматривать, принимая за новорожденнаго.

— Однако онъ довольно крупный и полный, — сказала она.

Ольга и Лелька громко фыркнули, за что были подвергнуты изгнанію. Анна Маврикіевна объяснила, что это — ея сынъ, а новорожденный лежитъ на кровати. Сконфуженная Лидія Ивановна обернулась, взглянула — и сейчасъ же отвела глаза: такимъ ужаснымъ показался ей этотъ маленькій, невѣроятно маленький человѣчекъ со старческимъ лицомъ и нитеобразными, шевелящимися членами.

— Отчего онъ такой... худенькій? — выговорила она. Корвинъ отвернулся, потому что страшно захотѣлъ плакать. Слово „худенькій“ неожиданно переполнило мѣру его жалости... онъ не зналъ, къ кому: къ себѣ, — или къ маленькому паучку, или къ обоимъ вмѣстѣ.

Въ церковь пошли пѣшкомъ. Лиза и Корвинъ остались дома. Анна Маврикіевна несла свертокъ одѣяль, въ глубинѣ которыхъ, вѣроятно, и находился новорожденный. По дощатымъ тротуарамъ, впереди, бѣжали дѣвочки, низкорослыя и многочисленныя, и выдѣлывали такіе прыжки, что сейчасъ можно было узнать актрисъ Зоологическаго сада.

Лидія Ивановна шла отдѣльно, подбирая подолъ. Неловкость ея не исчезала. То ей казалось, что она чѣмъ-то обидѣла скромнаго мужа Анны Маврикіевны; то она думала, что напрасно надѣла такое темное, коричневое платье, что, можетъ быть, это не въ обычаѣ... Къ ужасу своему она замѣтила, рядомъ съ будущимъ кумомъ, новую особу, набѣленную, съ болѣзненнымъ и печальнымъ лицомъ. Она шла тоже въ церковь. Ея стеклярусная накладка сверкала на блѣдномъ солнцѣ.

— Кто это такая? — тихо спросила Лидія у Анны Маврикіевны.

— Эта? А Петкина Варька. Развѣ вы не знали? Любитъ онъ ее — страхъ, и она его, давно ужъ живутъ вмѣстѣ, а жениться

ему отецъ не позволяетъ. Не позволяетъ—да и на! Чтò будешь дѣлать, строгій. Не по тебѣ, говорить, невѣста.

Лидія оглянулась, опять обмерла и подумала невольно:

— Dieu! Si c'est une fille...

Наконецъ, пришли въ церковь. Тамъ было пусто и не торжественно. Нѣсколько унылыхъ и блѣдныхъ женщинъ ждали у стѣны съ такимъ же сверткомъ одѣяль, какъ у Анны Маврикіевны.

Варька скромно встала у двери. Петръ пошелъ искать батюшку; дѣвочки бѣжали по церкви и висли на перилахъ въ придѣлѣ. Анна Маврикіевна завязала разговоръ съ женщинами.

— Крестить?

— Крестить.

— Кавалеръ?

— Нѣтъ, дѣвочка.

— Вотъ и невѣста нашему. У насъ кавалеръ. А что... законная?—прибавила шопотомъ Анна Маврикіевна, наклоняя голову въ самой блѣдной и унылой женщинѣ.

— Нѣтъ, незаконная,—такъ же тихо отвѣчала женщина.— Гдѣ ужъ!—безнадежно произнесла она и потупила голову.

Разговоръ продолжался еще тише, и Лидія не могла больше уловить ни одного слова.

Пришелъ батюшка, сердитый, властный.

Крестныхъ отцовъ и матерей поставили рядомъ. Восприемниками дѣвочки оказались просто сторожъ церковный и женщина въ платѣ.

Лидіи Ивановѣ положили на руки ребенка. Въ сверткѣ одѣяль она и не почувствовала маленькаго человѣчка, легкаго, какъ скелетъ птички. Окунувъ мальчика, батюшка принялся за дѣвочку. Дѣвочка была толстая, красная и совершенно безъ волюсь. Ревѣла она очень громко.

Имена обоихъ дѣтей—Наталія и Викторъ—священникъ произносилъ рядомъ. Ходили вокругъ купели тоже всѣ вмѣстѣ, и Лидія Ивановна, и сторожъ, и Петръ, и женщина въ ковровомъ платѣ. И наконецъ крещеніе кончилось.

Паучокъ былъ записанъ незаконнымъ сыномъ мѣщаники Максимовой—Викторомъ Петровичемъ Петровымъ.

Вернулись домой. Стемнѣло. Въ залѣ зажгли свѣчи въ парадныхъ подсвѣчникахъ. На столѣ былъ одинъ приборъ. Лиза благодарила барыню и, несмотря на слабость, сама принесла ей телячьи котлетки. Семейство собралось въ залу смотрѣть, какъ барыня кушаетъ. Лидія пыталась усадить ихъ съ собою, но они

не сѣли; ихъ ждалъ хорошій обѣдъ въ спальнѣ, послѣ отъѣзда барыни.

Лидія обжигалась, торопясь кончить котлеты. Варя пристально и равнодушно смотрѣла ей въ ротъ. Анна Маврикіевна суетилась безъ толку. Петръ Корвинъ старался занять барыню и говорилъ что-то утонченное, а она не знала, какъ отвѣчать. Наконецъ котлетки были съѣдены, и барыня стала прощаться. Ее не удерживали, хотя очень благодарили и проводили до извозчика.

И сейчасъ же все преобразилось. Дѣти завизжали, двѣ-три тарелки разбились, младенецъ Анны Маврикіевны заревѣлъ, а Варя налила себѣ рюмку водки и нелестно съострила насчетъ барыни. Сѣли обѣдать. Даже скромный чиновникъ, супругъ Анны Маврикіевны, развеселился.

Только Лаврентій Корвинъ неотступно былъ въ дѣтской у кровати и слѣдилъ съ интересомъ и прежней жалостью, какъ, послѣ недолгаго сна, опять молча заворопился, только-что окрещенный паучокъ Витя.

VII.

Скоро все вошло въ свою колею. Лиза по прежнему жарила бифштексы, не ладила съ бариномъ и бранила Корвина, который бывалъ чаще прежняго, съ соизволенія господъ и на правахъ жениха Лизы.

Но бѣдный ребенокъ Лизы не находилъ себѣ пристанища. Отдали-было его въ одной прачкѣ за шесть рублей въ мѣсяцъ, брусочъ мыла и фунтъ кофе; но у прачки, во-первыхъ, не было своего грудного, а потому и молока; во-вторыхъ же, прачка жила въ мокромъ подвалѣ, и ея собственныя дѣти были такъ блѣдны, что когда они поднимались на улицу, казалось, что они поднялись изъ могилы.

Анна Маврикіевна, которая пока сама кормила Витю, говорила, что любить его не меньше собственного сына.

И одинъ разъ вечеромъ Лиза, вся въ слезахъ, попросила барыню на кухню.

Въ углу, прижавшись, сидѣлъ неизбежный Лаврентій Корвинъ. По серединѣ кухни стояла Анна Маврикіевна въ волненіи.

— Вотъ, барыня,—сказала Лиза:—Анна Маврикіевна рѣшается Витьку совсѣмъ въ себѣ взять. Восемь рублей, чай, сахаръ, еще тамъ кое-что... Восемь рублей! А что жъ у меня-то изъ десяти останется?

Лаврентій поникъ головою, сознавая свою вину.

— Неужели же тебѣ для своего ребенка жаль?—произнесла Анна Маврикіевна.—Подумай, вѣдь за нимъ уходъ будетъ! А тебѣ что нужно? Ты сыта, одѣта...

Лидія Ивановна слушала нетерпѣливо. Ее ждали гости.

— Конечно, Лиза, отдайте!—торопливо сказала она.—Что деньги! Лишь бы мальчику было хорошо.

Лиза начала громко реветъ и причитать. Корвинъ отвернулся къ окну. Но судьба Вити была рѣшена: онъ поступилъ на попеченіе Анны Маврикіевны или, точнѣе, Зойки, Ольки, Лельки и Соньки.

— Ты не безпокойся, пожалуйста, о деньгахъ!—говорилъ Корвинъ Лизѣ, прощаясь съ ней на лѣстницѣ.—Я живъ буду, я тебѣ достану. Я—ты знаешь—какъ Витьку люблю. Ты, пожалуйста, не безпокойся.

— Да откуда у тебя, когда ты самъ есть солдатъ нищій? У Агаши-толстой развѣ возьмешь...

Сердце у Корвина упало. Неужели ей сказали? Ему мерещилось всегда во всемъ худшее. Теперь онъ Агашу давно не видѣлъ и даже не зналъ, что съ ней.

— Она опять въ нашемъ домѣ живетъ,—добавила Лиза.—У одинокаго барина, не по нашей лѣстницѣ. Увидитесь, Богъ дастъ.

— Нечего про Агашу,—сказалъ Корвинъ, повертывая разговоръ.—А ты зачѣмъ изъ Гатчины письма получаешь? Я, ты знаешь, какой, я за скандалами не гонюсь, а все-таки поберегись лучше, коли я что узнаю...

— Вотъ еще козырь! Испугались тебя! Убирайся-ка, солдатъ, по добру, по здорову, мало я изъ-за тебя горя натерпѣлась, убирайся!—Внезапно вспыхнувъ, Лиза кричала громко. Кто-то уже отворилъ дверь на площадку. Лиза убѣжала въ кухню, загремѣлъ тяжелый крюкъ. Лаврентій покорно усѣлся на каменную ступеньку лѣстницы. Онъ рѣшился просидѣть хоть всю ночь, а ужъ выпросить у Лизы прощенье.

Прошло только одиннадцать часовъ. У барыни были гости. То-есть, собственно, не гости, а одинъ гость—офицеръ. Баринъ сидѣлъ запершись у себя въ кабинетѣ, занимался. Агаша-маленькая, почуявъ любопытное, бѣгала туда и сюда въ своихъ войлочныхъ туфляхъ. Нѣсколько разъ она какъ сумасшедшая врывалась въ кухню, падала ничкомъ на кровать и душила себя подушкой, чтобы не слышно было, какъ она хохочетъ. Наконецъ

не утерпѣла и Лиза и тоже пошла послушать у портьеръ, что такое говоритъ барыня со своимъ офицеромъ.

Въ комнатѣ было почти темно. Лампа съ длиннымъ малиновымъ абажуромъ неясно освѣщала фигуру красавчика Перлова, разваливагося на оттоманкѣ, и Лидію Ивановну, взволнованную, бѣгающую по комнатѣ, въ черномъ платьѣ со шлейфомъ.

— Хорошо, но я не понимаю, зачѣмъ кричать?—лѣниво говорилъ Перловъ.—Не спорю съ вами, Петръ Петровичъ—лучшій и удобнѣйшій изъ мужей, но все-таки, при вашей несдержанности, если онъ услышитъ, мы будемъ въ неловкомъ положеніи.

— Вы стали бояться Петра Петровича?—съ досадой воскликнула Лидія Ивановна.—Кажется, онъ имѣлъ бы случай доказывать свою проникательность, еслибы только она у него была. Бросьте ненужныя фразы. Я требую прямого отвѣта: вы меня больше не любите?

Давно Лидія Ивановнѣ присмотрѣлось красивое лицо Перлова. А другихъ достоинствъ онъ не проявилъ. И давно не было въ немъ ни новизны, ни интереса: онъ сталъ для Лидіи Ивановны привычнымъ и обыкновеннымъ, какъ Петръ Петровичъ, даже хуже Петра Петровича, потому что здѣсь требовалась надобившая тайна, порой хлопоты... Все чаще и чаще прежняя, томительная скука посѣщала Лидію Ивановну.

Недавно она познакомилась съ чиновникомъ особыхъ порученій; онъ былъ толстенькій, черноглазый и славно читалъ Лермонтова. И Лидія Ивановнѣ пришло въ голову, что хорошо бы затѣять новую исторію съ совсѣмъ новымъ человѣкомъ... Не всѣ же похожи на Перлова и Петра Петровича... Можетъ быть, новый человѣкъ и развлечетъ ее...

Между тѣмъ съ Перловымъ она никакъ не могла порвать. Она писала ему записочки, дѣлала сцены... Ей хотѣлось, чтобы какая-нибудь внѣшняя сила заставила ихъ разстаться, помимо нея. А мысль, что онъ ее броситъ, приводила ее въ негодованіе и ужасъ. Это было бы униженіемъ! И, боясь такого случая, она спрашивала безпрестанно:

— Вѣдь вы меня любите? Любите?

И Перлову надобла эта худая, смуглая, безпоясная женщина. Но воображая, что она его любитъ, онъ малодушно отдалялъ день за днемъ сцены и хлопоты разрыва.

— Любите или нѣтъ? Говорите, говорите!—настаивала Лидія Ивановна, топая ногой.

— Богъ мой, нельзя вѣчно повторять одно и то же! У васъ нервы разстроены, я тутъ, право, не виновать...

— Не любите вы меня!—закричала Лидія Ивановна и залилась потокомъ злыхъ слезъ.

Портьера двинулась. Въ столовой раздались шаги Петра Петровича и шумъ накрахмаленнаго платья убѣгающей Агашки.

Напрасно Перловъ старался унять Лидію Ивановну. Ея рыданья готовы были перейти въ истерическіе вопли. При этомъ она говорила что-то, вѣроятно обычныхъ рѣчи разовлившейся и капризной женщины. Перловъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Наконецъ всталъ, сказалъ, что придетъ завтра, что все будетъ хорошо, что онъ ей напишетъ,—или она ему напишетъ,—онъ самъ не помнилъ, чѣмъ онъ ее утѣшалъ,—и потомъ скоро и трусливо юркнулъ въ переднюю, надѣлъ пальто, избѣгая помощи Агаши, и бросился внизъ по торжественной парадной лѣстницѣ, гдѣ на дверяхъ сіяли дощечки съ надписями, полными достоинства, а внизу ждалъ серьезный и молчаливый швейцаръ.

Петръ Петровичъ услышалъ стукъ двери и догадался, что гостя нѣтъ. Онъ переждалъ минуту и отправился къ женѣ.

Лидія Ивановна сидѣла у камина и хотя уже не кричала, однако всхлипывала.

Петръ Петровичъ заперъ всѣ двери, приблизился и произнесъ тихо и твердо:

— Чтобы ничего подобнаго никогда больше въ моемъ домѣ не было. Понятно? И чтобы я этого господина у тебя больше не видѣлъ. Я долго молчалъ, но ты не остановилась передъ скандаломъ, а скандаловъ я не потерплю, хотя бы запереть тебя пришлось. Помни.

Сказавъ это, онъ вышелъ. Лидія Ивановна сразу притихла. Она опомниться не могла отъ удивленія. Какъ, этотъ ничтожный Петръ Петровичъ, суевѣрный, мягкій... Откуда у него такой тонъ? Не запретъ же онъ ее въ самомъ дѣлѣ!.. Но Перлова, дѣйствительно, принимать больше нельзя... Тутъ Лидія Ивановна почувствовала радость, что, благодаря случаю, узелъ, связывавшій ее съ Перловымъ, отлично развязанъ. Да, но чиновникъ особыхъ порученій? Придется выдумать что-нибудь. Это даже веселѣе—быть на-сторожѣ. Она черезъ-чуръ мало вниманія обращала на Петра Петровича. Онъ все-таки мужъ.

И Лидія съ интересомъ погрузилась въ обдумываніе способовъ обмана Петра Петровича въ пользу чиновника особыхъ порученій.

Въ кухнѣ Лиза отворила дверь и впустила безпомощно-упрямаго Корвина. Лиза чувствовала себя глубоко правой.

„Если сами господа такъ скандалятъ, кто меня смѣетъ осудить?“ думала она гордо.

VIII.

Маленькую квартиру въ первомъ этажѣ занималъ одинокій баринъ. Квартира эта выходила на ту же самую парадную лѣстницу, гдѣ жила и Лидія Ивановна съ мужемъ, и Омина, и важный профессоръ Агреньевъ, но черный ходъ былъ другой. Поэтому Агаша-толстая, перейдя отъ Оминой къ одинокому барину, не могла прослѣдить, часто ли Корвинъ бываетъ у Лизы. Она знала только, что бываетъ, а у нея, у Агашы—никогда.

Одинокій баринъ служилъ, имѣлъ хорошее содержаніе и любилъ ростбифъ съ кровью. По праздникамъ къ нему приходила молоденькая, скромная барышня, Катенька; она жила гдѣ-то въ гувернанткахъ, отлучаться могла рѣдко, а на барина смотрѣла съ благоговѣніемъ.

Агаша жарила ростбифъ, чинила бѣлье, но мысли ея были заняты инымъ. И вотъ, одинъ разъ, когда баринъ ушелъ въ должность, она взяла большой платокъ, накинула его на голову и побѣжала на Моховую.

Агаша отправилась къ гадалкѣ. Одна гадалка—Агаша знала—жила на Пескахъ; но та больше о пропажахъ говорила; эта, съ Моховой, имѣла другую спеціальность.

День былъ туманный. Несмотря на конецъ ноября, санный путь еще не установился. Съ неба даже не падала, а осѣдала какая-то полусамерзшая сырость. Агаша вошла во внутренний дворъ высокаго, грязнаго дома. Помои, мутная вода образовали выпуклую ледяную кору на всемъ пространствѣ двора; теперь этотъ ледъ слегка оттаивалъ сверху, будто потѣлъ, и становился еще грязнѣе.

Агаша спросила у какого-то мальчишки квартиру номеръ 17. Мальчишка ткнулъ пальцемъ въ самую дальнюю дверь.

Лѣстница была совершенно какъ всякая другая дрянная черная лѣстница. Но на самомъ верху, гдѣ помѣщалась квартира 17, приходилось еще идти долгое время пустымъ, совершенно темнымъ коридоромъ. Агаша нащупала дверь и потянула ее. Дверь отворилась.

Въ кухнѣ, куда вошла Агаша, было необыкновенно черно.

Стѣны, потолокъ, плиту—все покрывалъ черновато-сѣрый, древній налетъ не то пыли, не то копоти. Въ окошко съ непромытыми стеклами попадало немного свѣту.

На плитѣ шипѣлъ кофейникъ, очень большой. Пахло пронзительно и застарѣло кореньями сельдерея, которые кладутъ въ очень жидкій супъ. Въ углу возилась старая, остроносая женщина.

— Кого тебѣ?—непривѣтливо обратилась она къ Агашѣ.

— Раиса Ниловна здѣсь живетъ?

— По дѣлу, что-ль?

— По дѣлу...

— Дождись. Занята. Вонъ еще ждутъ.

У окна сидѣла на стулѣ фигура, закутанная, какъ и Агаша, въ платокъ.

Агаша взглянула, и женщина въ платѣхъ показала ей знакомой. Она подошла ближе и узнала подругу, Дуню, жившую въ горничныхъ?

Дуня выставила свою блѣдную мышиную мордочку изъ-подъ платка и немедленно стала шопотомъ сообщать Агашѣ, зачѣмъ она пришла къ Раисѣ Ниловнѣ.

Дуня въ два года перемѣнила мѣсть десять, благодаря своей страсти къ познанію будущаго. Сколько бы жалованья она ни получала, все оно цѣликомъ уходило на гадалокъ. Она хотѣла знать малѣйшія подробности того, что съ ней случится, и не изъ какихъ-нибудь практическихъ цѣлей, а просто изъ непобѣдимой любознательности. Она побывала, кажется, у всѣхъ гадалокъ, всѣ говорили ей разное, но она ухитрилась всѣмъ вѣрить.

— Ахъ, Агаша, какъ эта хорошо говорить!—шептала она, захлебываясь отъ восторга.—Я ужъ у нея третій разъ. Ты зачѣмъ? О Лаврентіи своемъ гадать, это что въ Лизку влюбленъ? Погадай, погадай, она все можетъ. Увидишь. Мнѣ сказала очень вѣрно: будешь ты жить противъ церковнаго дома. На другой же день пошла на мѣсто—глядь—противъ церковнаго дома! Потомъ говорить: въ пятницу опасайся врага. Я и думаю: какой такой врагъ? А только смотрю—приходить ко мнѣ въ пятницу кумъ Сашка и начинается...

Но разсказъ Дуня былъ прерванъ стукомъ отворившейся двери. Вышла дама, чрезвычайно пышно одѣтая, похожая на молодую купеческую жену, въ синей бархатной ротондѣ и бѣломъ шолковомъ платѣхъ на головѣ. Пряча лицо въ мѣхъ ротонды, она торопливо прошла на лѣстницу.

Позвали Дуню. Она пробыла недолго и вылетѣла сіяющая. У Агаши, съ непривычки, билось сердце.

Старуха указала ей на дверь, которую и затворила за нею плотно.

Комната была такая же черная, какъ кухня. Въ самомъ углу направо Агаша увидала окно, у окна небольшой столъ, а за столомъ женщину въ темномъ ситцевомъ платьѣ.

Въ комнатѣ былъ беспорядокъ, валялись какія-то тряпки, ворохъ неглаженаго бѣлья лежалъ на комодѣ. Подъ стуломъ хрипѣлъ мошъ, весьма добродушный на видѣ.

— Здравствуй, голубушка! — сказала женщина. — Подойди ближе, не бойся.

Раиса Ниловна была женщина не старая и не молодая, съ полнымъ, блѣднымъ лицомъ, очень добрымъ и привлекательнымъ. Черные волосы, почти безъ просѣди, она зачесывала гладко, по-старушечьи. Въ глазахъ у нея была печальная серьезность и сосредоточенное, почти благоговѣйное выраженіе.

— Ты погадать пришла, милая?—привѣтливо сказала Раиса Ниловна.—Я сейчасъ раскину карты. Пятьдесятъ копѣекъ стоитъ.

Агаша заторопилась, вынула изъ кошелька пятьдесятъ копѣекъ и положила на столъ.

Раиса Ниловна не торопясь спрятала деньги, не торопясь взяла съ окна старенькія карты и разложила ихъ.

Долго смотрѣла она то на Агашу, то на карты и молчала. Лицо ея становилось все серьезнѣе.

— Вижу, о чемъ гадать хочешь,—произнесла она наконецъ.— Это все правда, онъ тебя не любитъ, а любить дѣвушку, что живетъ отъ тебя близко. У нихъ ребенокъ есть. Та дѣвушка ему мила, и онъ даже имѣетъ намѣреніе на ней въ послѣдствіи жениться, а только онъ не женится...

— Не женится?—воскликнула Агаша.

— Вижу его женатымъ, да не знаю, на комъ... Врядъ ли на ней... Можетъ, и на тебѣ... Да,—прибавила она:—все можетъ быть, коли умно себя вести...

И Раиса Ниловна смѣшала карты.

— Вотъ что я тебѣ скажу, дѣвушка. Слушай меня хорошенько. Хочешь, чтобъ онъ полюбилъ тебя,—это можно. Сказать, что-ли?

— Скажите, пожалуйста!—выговорила Агаша, готовая заплакать отъ волненія.

— Только исполняй свято. Сходи на кладбище, возьми съ семи могилъ земли и тихонько ему куда-нибудь положи, чтобы

онъ не видѣлъ, а всегда при себѣ носилъ. Потомъ дамъ я тебѣ кусочекъ сахару. Ты этотъ сахаръ положи ему либо въ кофей, либо въ чай. Онъ къ тебѣ на восьмой день придетъ. А если въ холодное положишь, въ пиво тамъ, что-ли, такъ на пятый день придетъ, потому что сила съ паромъ не выйдетъ. Но только отъ этого онъ, все равно, черезъ семь лѣтъ долженъ умереть. Хочешь—рѣшайся, не хочешь—какъ хочешь.

— Нѣтъ, ужъ дайте сахаръ-то!—просила Агаша, заливаясь слезами.

Райса Ниловна вышла и черезъ минуту вернулась съ кусочкомъ сахару, пожелтѣвшимъ и пыльнымъ. Она дала его Агашѣ и повторила свои наставленія. Лицо у нея по прежнему было искреннее и торжественное.

Въ кухнѣ уже дожидался сидѣлецъ изъ лавки и старая баба со злымъ лицомъ.

Агашу опять охватилъ запахъ сельдерея, потомъ, въ коридорѣ, безпросвѣтный мракъ—и наконецъ она, заплаканная, но вѣтрящая и утѣшенная, вышла на ледяной дворъ. По прежнему мокрая, густыя волны тумана двигались между небомъ и землею, по прежнему стучали дрожжи по мостовой и подъ воротами бранились дворники. Но у Агаши теперь была надежда.

IX.

Звонкомъ слѣдовалъ за звонкомъ. Лиза едва успѣвала отворять двери. Въ кабинетѣ Петра Петровича дымъ уже давно ѣлъ глаза, давно разсуждали объ экономическомъ вопросѣ, а въ одномъ концѣ старенькій генералъ, дама и два какихъ-то серьезныхъ, должно быть важныхъ, господина уже играли въ винтъ. Отъ зеленого суена подымался душный запахъ мѣловой пыли, свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ мигали на лакированныхъ углахъ стола. Петръ Петровичъ хотя и любилъ винтъ, однако самъ, въ качествѣ хозяина не рѣшался заняться имъ, тѣмъ болѣе, что по четвергамъ онъ зналъ, что былъ несчастливъ въ игрѣ.

Изъ гостиной доносились женскіе голоса. Тамъ сидѣли дамы, а также люди менѣе важные и болѣе молодые. Лидія Ивановна, въ темнорозовой кофточкѣ, была интересна и оживлена: чиновникъ особыхъ порученій присутствовалъ и даже съ веселой ловкостью поддерживалъ общій разговоръ.

Говорили только о томъ, что нибого особенно не интересовало. Болтая, каждый думалъ или о своихъ собственныхъ дѣлахъ,

чуждыхъ его словамъ, или ровно ни о чемъ не думалъ; поэтому всѣ рѣчи были еще скучнѣе, чѣмъ могли быть. Говорили о симфоническихъ собраніяхъ, говорили о франко-русскихъ симпатіяхъ, о ремесленной выставкѣ; но одна дама, побойчѣе, желая сдѣлать разговоръ болѣе живымъ, высказала нѣсколько мнѣній насчетъ общихъ знакомыхъ.

Началось злословіе, милое, ядовитое. Въ немъ душа каждой дамы принимала дѣятельное участіе. Нѣкоторыя щеголяли тѣмъ, что говорили только хорошее, выражали всѣмъ неумѣренную симпатію; это было новое, утонченное злословіе.

Барышни отстали. Общество распалось на кружки. У стола, подъ лампой, хорошенькая курсистка съ розовымъ личикомъ толковала горячо о комитетѣ грамотности.

— Нѣтъ, нѣтъ, это чудное, чудное учрежденіе!—увѣряла она, хотя ей никто особенно и не возражалъ.—Побольше бы намъ такихъ! Въ Петербургѣ это оазисъ!.. Я скоро уѣзжаю въ провинцію,—прибавила она неожиданно.

— Зачѣмъ это?—спросилъ нахоженный студентъ, до тѣхъ поръ молчавшій.

— Какъ зачѣмъ? Мы тамъ нужны, а не здѣсь! Чтѣ дѣлать здѣсь? По воскреснымъ школамъ ѣздить? Такъ это забава! Нѣтъ, я не забавъ хочу, а дѣла! Для чего же мы учились, какъ не для того, чтобы ѣхать въ провинцію, въ деревню, наконецъ!

— Опоздали вы, вотъ что!—спокойно сказалъ студентъ.

Барышня вспыхнула.

— Это еще что? Какъ опоздала?

— Да такъ. Теперь это ужъ нейдетъ. Вывелось. Теперь символизмъ.

Проговоривъ это весьма явственно, студентъ еще болѣе нахохлился и умолъ.

Гости заговорили всѣ разомъ; даже занятія злословіемъ дамы прервали нить своихъ пересудъ.

— Почему символизмъ? Что такое символизмъ, собственно говоря? И при чемъ тутъ символизмъ?

— Ахъ, Боже мой, я знаю, знаю!—простонала полная дама въ прекрасномъ бархатномъ платьѣ.—Это вотъ въ Парижѣ, новыя теченія... Не декаденты, тѣ просто помѣшанные, а это... *C'est plus sérieux*... Я не умѣю вамъ объяснить...

— О! это анархисты!—въ какомъ-то просвѣтленіи и отчаяніи вскричала молоденькая жена профессора, похожая на испуганную птичку.—Да, да, я слышала, это и есть, всѣ анархисты и есть символисты, это у нихъ всегда соединено...

Ее стали опровергать. Разговоръ сдѣлался живымъ. Каждый старался высказать все, что онъ зналъ о символизмѣ и анархизмѣ. Кругленькая курсистка кричала, что ей все это давно извѣстно, и даже привела два какія-то символическія имени, никому невѣдомыя.

Лидія Ивановна, мало интересуясь столь отвлеченными предметами, затѣяла-было разговоръ вполголоса съ чиновникомъ особыхъ порученій, но ихъ прервали—слѣдовало идти пить чай. Явились и важные, сѣдовласые гости изъ кабинета. Только винтеровъ ужъ не тревожили, да они врядъ ли сдвинулись бы съ мѣста, еслибъ даже загорѣлся сосѣдній домъ.

Въ столовой было свѣтло, просторно и холодно—только-что отворяли форточку. Но черезъ десять минутъ холодъ замѣнился нестерпимой жарой, которую побѣдить уже ничѣмъ было нельзя. Телятина и вѣчные бутерброды, магазинное варенье и сливки съ желтымъ налетомъ, икра и виноградъ съ темноватыми боками—все красовалось на своемъ мѣстѣ. Лидія Ивановна угощала, Петръ Петровичъ даже не присаживался, ходилъ вокругъ стола и суетился.

Испитой молодой человѣкъ, не изъ важныхъ, грустными глазами смотрѣлъ на телятину, икру и думалъ: „вотъ еслибъ это все, да у меня дома!“ Бѣдняга имѣлъ горькое свойство терять аппетитъ въ гостяхъ; и голодъ возвращался только дома, гдѣ у него не было ни икры, ни телятины.

Лиза служила у стола, приодѣтая, но съ нахмуреннымъ лицомъ. Совсѣмъ не во-время эти гости. И она старалась исчезнуть въ кухню, поручивъ маленькой Агапѣ снести подогрѣтый самоваръ.

Въ кухнѣ сидѣла Анна Маврикіевна. Видъ у нея былъ сердитый и сконфуженный. На колѣняхъ, въ сверткѣ пеленоеъ, она держала пятимѣсячнаго Витю, который не плакалъ, а тихо, покорно и непрерывно стоналъ.

Зойка пила чай.

Лиза сурово спрашивала:

— Да какъ это случилось-то?

— Ты, пожалуйста, не думай, ничего у него не повредилось. Кабы не Зойка-дрянь, ты бы ничего и не знала. Я его не меньше твоего люблю; это ужъ такъ случилось, одно къ одному...

— Это пьяной нужно быть, чтобы ребенка больного изъ санией выбросить...

— Такъ я пьяная по твоему, пьяная? Я знаю, тебѣ про меня давно наговариваютъ, что я восемь рублей беру, а ребенку рыночное молоко даю, по ночамъ его одного оставляю... Что жъ, скрывать нечего: сегодня мы черезъ Троицкій мостъ ѣхали, толчея

такая, санки за санки зацѣпились, я кричу: стой! Гляжу—Витьки-то у меня въ рукахъ нѣтъ. Темнота, гдѣ тутъ при фонаряхъ его скоро найдешь. Потомъ смотрю—лежитъ, сердечный, на снѣгу и молчитъ; а только не убили, ужъ я тебѣ отвѣчаю. Вѣдь одѣяло, пеленки...

— Не убили, а какъ стонетъ...

— Онъ, мать моя, недѣлю ужъ такъ стонетъ. Къ думскому врачу носила. Говорить, такой ужъ гнилой ребенокъ.

— Хоть бы померъ, хоть бы померъ!—съ отчаяніемъ воскликнула Лиза. — Испортили ребенка, теперь ужъ ему одинъ конецъ...

— Испортили?!—взвизгнула Анна Маврикіевна. — Я тебѣ его испортила? Такъ на-жъ тебѣ его, возьми, дѣвай куда хочешь, ко мнѣ только не носи. Наплевать мнѣ на деньги твои, если ты мою любовь и участіе не цѣнишь! Никто еще меня такъ не позорилъ, чтобы я дѣтей портила! И сама со своимъ Лаврентіемъ кривоногимъ не шайся! На, бери, бери! — продолжала она, укладывая стонущаго ребенка на постель. — Вотъ тебѣ и соска его, и приданое все... Пользуйся! Я, признаться, съ тѣмъ и ѣхала, потому что у меня и такъ силъ больше нѣтъ, а еще чтобы позоръ отъ тебя принимать... Иди, Зойка!

И, величественно поправляя старенькую ротонду, Анна Маврикіевна пошла къ выходу.

Лиза бросилась за ней на лѣстницу и закричала:

— Какъ? Ахъ ты безсовѣстная! За полмѣсяца впередъ взяла, ребенка убила, испортила, да мнѣ какъ щенка подбросила? Ты думаешь, я на тебя суда не найду?

Анна Маврикіевна закричала громче Лизы.

Добродушный дворникъ Лазарь, съ черной окладистой бородой и умными глазами, пришедшій тушить лампы, напрасно усо-вѣщивалъ:

— Уймитесь, бабы, вѣдь ночь, да и срамъ: во всѣхъ квартирахъ слышать.

Крики становились громче. Лиза не подозрѣвала, что зло-правная маленькая Агаша, презрѣвъ свои обязанности, преспо-койно заснула въ ванной комнатѣ. Напрасно въ пустой кухнѣ трещалъ колокольчикъ—никто не шелъ на зовъ барыни прово-жать гостей.

Только на кровати жалобно и тихонько скрипѣлъ маленькій человѣчекъ со старческимъ лицомъ и смотрѣлъ прямо въ потоло-локъ печальными и неудивленными глазами.

X.

Послѣ долгаго отчаянія, совѣщаній съ барыней, съ Лаврентіемъ и почти во всѣмъ прислугами на лѣстницѣ, Лиза оставила ребенка у себя. Она рѣшила нанять его сама въ свободное время и покупать молоко на фермѣ. По настоянію Лидіи Ивановны, мальчика опять носили къ доктору; но докторъ какъ-то ничего не сказалъ и даже ничего не прописалъ.

Такъ какъ на негодную маленькую Агашу нельзя было возложить никакихъ надеждъ, то свободнаго времени у Лизы оказалось очень немного. Витя почти всегда лежалъ на постели одинъ. Никто не разговаривалъ съ нимъ, никто не забавлялъ его, не мѣнялъ ему бѣлья и не мылъ рожекъ. Были дни, когда Витя не стоналъ. Тогда онъ молча шевелилъ бѣдными членами и порою даже задумчиво улыбался. А потомъ опять начиналъ охать и стонать по цѣлымъ днямъ.

Нерѣдко синій чадъ отъ жарящагося бифштекса или свиныхъ котлетъ заставлялъ Лизу открывать дверь на черную лѣстницу. И пока чадъ, колыхаясь и цѣпляясь за потолокъ, медленно выходилъ по верху, снизу вползалъ тяжелый, холодный воздухъ и разстилался широко, захватывая и бѣлевую корзинку на стулѣ, гдѣ лежалъ Витя. Послѣ того, какъ онъ раза три упалъ съ кровати на асфальтовый полъ, его стали класть въ корзинку.

„Все равно, ребенокъ ужъ испорченный; онъ и еще разъ упадетъ—хуже не станетъ“,—думала Лиза въ минуты досады, когда ей изъ-за сына приходилось отказаться отъ приглашенія на именины.

Лаврентій думалъ не такъ. Все свободное время онъ проводилъ около Вити. Мальчикъ какъ будто узнавалъ его. Лаврентій только смотрѣлъ и жалѣлъ. Онъ рассматривалъ крошечные ноготки на сморщенныхъ пальчикахъ и твердилъ про себя, впрочемъ не развивая эту мысль:

— Никогда нельзя такого покинуть.

По утрамъ чернобородый дворникъ Лазарь приносилъ дрова и съ глубокимъ раздумьемъ и нѣжностью смотрѣлъ на Витю.

— Экое дитя какое худое! Молочкомъ бы ты его, Лизавета.

— Чего ему! И такъ цѣлый день покоя нѣтъ. Я не богачка, чтобы ему по двѣ бутылки на день покупать.

Лазарь задумался.

— Такъ,—протягивалъ онъ. Потомъ неожиданно прибавлялъ:

— А что жъ Лаврентій-то? Когда думаете свадьбу играть?

— Да не ближе осени. Онъ, какъ службу кончить, долженъ еще къ родителямъ съѣздить недѣли хотъ тамъ на двѣ; вернется—ну тогда ужъ...

— Къ родителямъ,—задумчиво говорилъ Лазарь.—Его родители-то извѣстные, строгіе... Я вѣдь самъ изъ тѣхъ мѣстъ. Нашъ поселокъ не далѣе, какъ съ версту отъ ихняго дома. Такіе они строгіе. Конечно, по старой вѣрѣ. У нихъ ни курить, ни пить не дозволяется, а ежели дитя въ чемъ-нибудь противъ родителей, то сейчасъ проклятіе... Я самъ къ осени домой ненадолго поѣду... Увижу, какъ тамъ Лаврентій съ родителями сговорится. Всякій тоже своему сыну невѣсту ищетъ съ деньгами...

— Полно ты, пожалуйста. Слава Богу, сынъ-то ужъ не ребенокъ. Какъ это они ему не дозволятъ жениться, на комъ онъ задумалъ?

Лазарь качалъ головою и умолкалъ.

Проходили дни. Одинъ разъ, вечеромъ, пользуясь отсутствіемъ господъ, Лиза побѣжала навѣстить пріятельницу. Но сердце ея было неспокойно, и она скоро вернулась. Въ кухнѣ сидѣлъ Лаврентій Корвинъ. Витя неслышно спалъ. Агашка, съ полотенцемъ на плечѣ, надъ ворохомъ немытой посуды, дремала у плиты.

Лиза мимоходомъ толкнула Агашку и подошла ближе къ Корвину.

— Здравствуй. Да чего ты? Блѣдный какой-то...

— Развѣ я блѣдный? Ничего. Не извольте беспокоиться.

— Да говори толкомъ!—крикнула Лиза.—Что случилось?

— Право же, не извольте беспокоиться. Не стоитъ. Такъ, пустяки. Что вамъ, какая обо мнѣ, о солдатѣ, забота? А только Агаша меня извести намѣрена,

— Это еще что? Господи!—воскликнула Лиза.—Агаша-толстая? Почему ты знаешь?

— А вотъ не угодно ли поглядѣть, въ карманахъ у меня земля, явно могильная, съ толченными костями. Въ ней же крестикъ деревянный.

Лаврентій дрожащими руками развернулъ пакетъ съ сухой сѣрой пылью.

— А вчера я зашелъ къ Васѣ-куму, такъ тотъ мнѣ признался, что она, Агаша, ему сахаръ какой-то давала, и онъ, действительно, сахаръ этотъ мнѣ въ чай клалъ.

Негодованію Лизы не было предѣла. У нея мелькнула мысль, которую она немедленно привела въ исполненіе.

— Агашка, бѣги въ пятнадцатый номеръ, позови сюда Агашу-

толстую, скажи—на одну минутку Лаврентій ее сюда просить, а Лизы, скажи, дома нѣтъ, понимаешь? Живо только!

Прежде, чѣмъ Лиза договорила—маленькой Агаши уже не было въ кухнѣ. Любопытство придало ей крылья.

Но Лаврентій сообразилъ, что свиданье можетъ кончиться дурно для него. Лиза узнаетъ о деньгахъ, о томъ, какъ онъ видѣлся съ Агашей лѣтомъ...

Охваченный ужасомъ, Корвинъ попытался уйти, но Лиза его не пустила. Тогда онъ остался и поникъ головою въ безпомощномъ ожиданіи.

Черезъ нѣсколько минутъ вбѣжала маленькая Агаша и возвѣстила:

— Идетъ!

И дѣйствительно, вслѣдъ за ней торопливо вошла Агаша-толстая.

На ней былъ ея сѣрый платокъ, лицо казалось еще поху-дѣвшимъ и постарѣвшимъ.

Увидя Лизу, она сказала:

— Что это? Это ты меня звала?

Корвинъ все такъ же сидѣлъ, опустивъ голову и глаза, и даже пытался незамѣтно зажать уши руками.

— Да, это я васъ спросить хотѣла,—начала Лиза иронически, едва сдерживая злобу:—не вы ли это колдовствомъ занимаетесь? Землицей да сахарцемъ кавалеровъ приманиваете? Да знаешь ли ты, дрянъ этакая, что я могу въ судъ на тебя донести? Не похвалятъ тебя за эти дѣла! Ахъ ты, старовѣрка, вѣдьма скверная!..

Лиза остановилась отъ волненія. Агаша смотрѣла то на нее, то на Корвина. Она сообразила все.

— Лучше бы тебѣ помолчать,—сказала она рѣзко и громко. —Ровно какъ будто я и не о тебѣ колдовала. Твое дѣло съ твоимъ ребенкомъ убогимъ возиться. Еще это и неизвѣстно, чей онъ. А Лаврентію скажи, коли онъ меня слушать не хочетъ, чтобы онъ мои деньги, сто тридцать рублей, которые я ему въ лагери лѣтомъ привозила, непременно бы отдалъ! Небось, тогда меня не гналъ, и Лизаньку дорогую не попомнилъ! Я не боюсь: пусть скажутъ, что я еще кого-нибудь любила, кромѣ Лаврентія—никто не скажетъ про меня! А ты еще шутики мнѣ подстраивать! Подумаешь, барыня! Какова я ему родня, такова и ты! Это еще его нужно спросить, которая ему милѣе...

Лиза не вымолвила ни слова. Она видѣла, какъ Агаша повернулась и вышла. Было нѣсколько секундъ глубокаго молчанія.

Лаврентій сидѣлъ не двигаясь и глядя внизъ. Агаша-маленькая замерла въ любопытномъ ожиданіи. Неслышно и часто дыша, ребенокъ спалъ въ корзинкѣ.

Вдругъ Лиза, выйдя изъ оцѣпенѣнія, завязжала не своимъ голосомъ и, опрокинувъ табуретку со ставанами, кинулась къ Лаврентію. Табуретъ съ грохотомъ упалъ, посуда зазвенѣла. Ребенокъ въ корзинѣ странно, отрывисто вскрикнулъ — и сразу умолкъ. Крикъ его своимъ необычнымъ звукомъ заставилъ и Лизу, и Лаврентія невольно обернуться. И сейчасъ же, несмотря на весь пылъ ссоры, оба кинулись къ Витѣ.

Лиза схватила его на руки.

— Господи, что это, что это? — повторяла она. — Что же это? Совсѣмъ умираетъ...

Худенькое тѣлце билось и тряслось, какъ въ судорогахъ; лицо сдѣлалось блѣдно-прозрачное, съ пепельными тѣнями; особенно уши стали совсѣмъ сѣрыя подъ тонкими дѣтскими волосами. Глаза, сначала полузакрытые, закрылись совсѣмъ; понемногу уменьшался трепетъ и дрожь; теперь только слезы текли изъ-подъ синеватыхъ вѣкъ съ длинными рѣсницами.

Лаврентій давно рыдалъ. Лиза въ новомъ оцѣпенѣніи смотрѣла на ребенка. Глаза не открывались, но сѣрыя тѣни мало-по-малу сползали съ лица. И мальчикъ только изрѣдка всхлипывалъ и вздрагивалъ, какъ взрослый человѣкъ, когда онъ раньше долго и много плакалъ.

Потомъ онъ совсѣмъ затихъ и уснулъ.

Но Лиза уже не спускала его съ рукъ и не думала возобновлять ссору съ Лаврентіемъ, который смотрѣлъ слишкомъ жалкимъ и несчастнымъ.

На другой день позвали доктора. Докторъ объявилъ, что ребенка испугали во снѣ. Лекарствъ никакихъ не далъ.

Припадки стали повторяться. Лиза похудѣла, все забывала и сдѣлалась такой прислугой, которую нельзя держать. Господа за свои деньги желаютъ, чтобы чужой человѣкъ заботился объ ихъ интересахъ больше, чѣмъ о собственныхъ; а у Лизы эти собственные интересы сдѣлались такими важными, что господскіе неизбежно страдали.

Каждый разъ казалось, что ребенокъ умираетъ; и странно было видѣть, какъ оживаетъ тощее, упрямое тѣлце. Корвинъ дяди не отходилъ отъ больного ребенка и плакалъ. Лидія Ивановна, случайно заставшая припадокъ, вскрикнула, убѣжала изъ кухни и съ брезгливымъ чувствомъ подумала, что такъ продолжаться не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, это, наконецъ, скучно, въ

домѣ безпорядокъ, Лиза растерянная, въ кухню войти нельзя... Конечно, жалко мальчика, но вѣдь невозможно всѣмъ изъ-за него страдать.

Лиза и сама поняла, что надо на что-нибудь рѣшиться. Измученная и злобная, она объявила баринѣ:

— Я, барыня, Витьку лучше въ деревню свезу. У меня въ чухонской деревнѣ женщина знакомая есть. Она дѣтей поправляетъ. А и не поправитъ — одинъ конецъ. У меня ужъ силъ нѣтъ на него глядѣть. Ни смерти, ни живота...

Лидія Ивановна чрезвычайно обрадовалась. Наконецъ-то опять все придетъ въ порядокъ! И на другой же день Лиза увезла Витю въ чухонскую деревню.

XI.

Пришла и прошла весна. Минуло лѣто. Въ одинъ осенній вечеръ, въ узенькой кухнѣ, гдѣ было жарко и едва помѣщались плита и столъ, сидѣла Лиза. Наклонившись къ лампѣ, она чинила рубашку, но дѣло не спорилось.

Противъ Лизы сидѣла другая дѣвушка, по одеждѣ — служащая изъ института.

Подруги давно не видались.

— Ну что, какъ ты? — спрашивала Лиза.

— Да все по прежнему. У насъ, въ казнѣ, новаго мало. Ты про себя говори. У тебя, вонъ, перемѣны.

— Просто горе одно. Получилъ баринъ какое-то мѣсто новое — тѣсна квартира сдѣлалась. Переехали во второй этажъ, съ шикомъ. Комнатъ — имъ вдвоемъ и не обойти, а прислугѣ вотъ какое помѣщеніе. Тутъ и кушанье готовить, тутъ и спать... Здоровье только испортишь...

И она вздохнула.

— Ты бы отошла, — посоветовала подруга.

— А Витька? Пока безъ мѣста буду, пока что... Кто за него три рубля пошлетъ? А господа — Богъ съ ними. О своихъ удобствахъ слишкомъ заботливы, а удобствъ имъ все-таки никакихъ нѣтъ. На дачѣ жили — такъ все лѣто какъ кошка съ собакой. Поссорятся — барыня сейчасъ бариново зеркало бацъ объ полъ! Тотъ весь позеленѣетъ — смерти боится. А барыня ему напротивъ, все напротивъ... Сюда переехали — драться начали. Вотъ ей Богу. Дерутся.

— А изъ-за чего?

— Да кто ихъ знаетъ. Скандальтъ. Изъ-за чего ни на-есть, а ужъ схватятся.

Она замолчала.

— Лиза, послушай,—начала подруга.—Что жъ, о Лаврентіи такъ ничего и не слышно? Вѣдь ужъ скоро ноябрь. А онъ когда въ роднымъ-то уѣхалъ?

Лиза нахмурила брови и не сразу отвѣтила.

— Ничего не слышно,—выговорила она.—Уѣхалъ въ сентябрь. Лѣтомъ ко мнѣ на дачу пріѣзжалъ. Общался письмо прислать—и все нѣтъ. Думается, ужъ не померъ ли. А правду говоря—такъ наплевать мнѣ на него. Нисколько я о немъ даже и не думаю. Витьку жалъ.

Подруга покачала головою.

— Ну это какъ же не думаешь?! Нельзя не думать. А что онъ говорилъ, какъ уѣзжалъ?

— Барыня ему сама сказала: „не уѣзжайте вы, Лаврентій, женитесь сначала на Лизѣ, я и платье подвѣчное сдѣлаю. Лучше послѣ вѣнца поѣдете. А то неизвѣстно, какимъ вы окажетесь“. А онъ еще такъ гордо отвѣтилъ: „напрасно вы обо мнѣ это полагаете“. И письма даже не прислалъ. Да мнѣ рѣшительно все равно, хоть пропади онъ!—прибавила Лиза намѣренно-небрежнымъ голосомъ.—Пусть онъ хоть двадцать разъ тамъ женится...

— А развѣ слышно что-нибудь?

— Стану я ходить разспрашивать, себя ронять! Да я все узнаю скоро. Дворникъ нашъ, Лазарь, домой раньше Лаврентія уѣхалъ. Скоро вернется—и всѣ дѣла тамошнія расскажетъ; они съ Лаврентіемъ изъ одного мѣста. Да и я-то мало интересуюсь. Вотъ жду Витю къ себѣ гостить. Чухонца привезетъ. Ея мужъ здѣсь извозчикомъ ѣздитъ; съ нимъ она поводится.

— Ты одна теперь служишь?

— Одна. Агашка совсѣмъ избаловалась, ее барыня въ деревню отослала. Она у насъ ревѣла-ревѣла—травиться вздумала. Намѣшала спичекъ въ ставанъ, головокъ, сидитъ въ углу со ставаномъ, а выпить боится. И грѣхъ, и смѣхъ. Не хочетъ сарафанъ надѣвать. Однакоже ее отправили.

Подруга посидѣла еще немного и ушла.

Лиза бросила работу. Пробило одиннадцать. Господь не было дома. Но Лиза, услышавъ бой часовъ, поспѣшно поднялась и начала ставить самоваръ. Она вынула большой кусокъ полубѣлаго хлѣба, сахаръ въ бумажномъ мѣшечкѣ и наръзанные ломтики чайной колбасы.

Лиза не сказала подругѣ, что она именно сегодня вечеромъ, съ поѣзда, ждала изъ деревни сына съ его воспитательницей, чухонкой, Еленой Петровной. Лиза не видала Вятю больше полугода, и хотя Елена Петровна писала, что онъ здоровъ, все понимаетъ—Лиза все-таки представляла его себѣ прежнимъ, убогимъ Витей и стыдилась этого убожества передъ другими.

Постучали. Лиза бросилась отворять. Въ кухню вошелъ высокій мужикъ, курносый, неповоротливый и застѣнчивый. На немъ была дубленая шуба и валенки. Рѣдкая, свѣтлая борода его не курчавилась, губы улыбались.

— Ну что, не пріѣхали еще?—спросилъ онъ у Лизы. Это былъ мужъ Елены Петровны. Зимой онъ мѣсяца три ѣздилъ въ Петербургъ извозчикомъ.

— Да нѣтъ,—отвѣчала Лиза.—А ужъ время. Что ты на вокзалъ не поѣхалъ, Ефимъ?

— Некогда. И такъ чуть справился.

Ефимъ улыбнулся и сѣлъ. Вся маленькая кухня наполнилась запахомъ кожи, шерсти и мужика. Лиза принялась дуть въ самоваръ.

Опять постучали. Дверь открылъ Ефимъ, съ неловкой торопливостью, и впустилъ высокую женщину въ платѣ и, какъ показалось Лизѣ, съ большимъ узломъ въ рукахъ.

Лиза отъ волненія не могла двинуться, стояла и ждала молча.

Женщина подошла къ постели, положила узелъ, потомъ перекрестилась на образа. Повернувшись къ мужу, который такъ и сіялъ улыбками, она не бросилась къ нему на шею и даже не поцѣловалась съ нимъ. Она чинно и ласково пожала его пальцы своей рукой, сказала ему что-то и тогда ужъ, подойдя къ Лизѣ, поцѣловалась съ ней трижды.

— Ну, здравствуйте, ну, здравствуйте!—произнесла она степенно.—Встрѣчайте сына. Онъ совсѣмъ заспался.

Не торопясь, она стала развязывать платки и шали. Узелъ зашевелился. И черезъ минуту на колыняхъ Елены Петровны сидѣлъ хорошенькій полторагодовой мальчикъ въ ситцевомъ фартукѣ, съ розовыми отъ сна, полными щечками. Свѣтлые глаза исподлобья смотрѣли на незнакомое кругомъ.

Крутой дѣтскій лобъ закрывали длинные волосы, желтые, какъ солома. Еслибы не что-то прежнее, все-таки печальное, во взглядѣ, врядъ ли кто-нибудь узналъ бы въ этомъ толстенкомъ ребенкѣ всегда стонущаго, жалкаго, „испорченнаго“ паучка Вятю.

— Господи, да неужели это онъ?—вскрикнула Лиза, всплеснула руками и немедленно упала ничкомъ на простывшую плитку, чтобы залиться слезами.

— Перестань!—строго сказала чухонка.—И о чемъ ревѣть? Слава Богу, мальчикъ здоровенькій, выросъ, гостить къ тебѣ прѣхалъ. Ты радоваться должна.

Лиза скоро опомнилась. Она принялась ставить угощеніе, заварила чай. Хотѣла-было Витю переманить къ себѣ, но онъ рѣшительно воспротивился, уцѣпился за свою чухонку и ясно и внушительно произнесъ: „мама“.

Лиза была для него теперь „чужая тетя“.

— Какъ же вы поправили-то его? Лечили?—допрашивала Лиза.

— Чѣмъ у насъ лечить? Въ деревнѣ докторовъ нѣтъ. А такъ, понемножку. У меня свои дѣти, были и слабенькія. Да и любила я его. Купала, ножки ему растирала. Молоко некупленное. Вотъ и поправился, слава Богу.

Она погладила его желтые волосики. Витя взглянулъ на Ефима и улыбнулся, узнавъ его.

Ефимъ немедленно протянулъ ему темную, жесткую, извозчичью ладонь. Витя хлопнулъ по ней пухленькой ручкой и опять улыбнулся. Потомъ ему дали кусочекъ ситнаго, и онъ съ нимъ заснулъ, прижавшись къ „мамѣ“.

Елена Петровна по своему, по-чухонски, стала говорить съ мужемъ; онъ все время блаженно улыбался, а она только глядѣла съ ласкою.

Елена Петровна была сухая, прямая, очень высокая женщина лѣтъ тридцати-пяти, съ пріятнымъ, спокойно-яснымъ лицомъ. Ясность придавалъ ей большой, выпуклый лобъ. Безцвѣтные волосы, рѣдкіе и припомаженные, были тщательно расчесаны по-деревенски, на прямой рядъ. Ситцевый платокъ едва позволялъ ихъ видѣть. Она смотрѣла уже немолодой, увядшей, какъ всѣ тридцатилѣтнія женщины послѣ деревенской работы. Платье ея было скроено съ широкой кофтой, безъ малѣйшаго намека на жоду. Ни въ одеждѣ, ни въ разговорѣ, чинномъ и медлительномъ, не было ни единой черты, по которой можно бы замѣтить, что она, какъ Лиза, какъ Агаша, Дуни, Оли и Кати, стремится быть похожей на барыню. Елена Петровна рѣшительно ничѣмъ не походила на барыню. Но зато она, въ своемъ ситцевомъ платьѣ, со спящимъ мальчикомъ на колѣняхъ, немолодая и увядшая—напоминала странно полудѣтскія-полудѣвическія лица мадоннъ, свѣтло-золотыхъ, на старыхъ, милыхъ картинахъ.

Лиза сидѣла молча, прислушиваясь къ незнакомымъ словамъ, и, улыбаясь про себя, смотрѣла на Витю.

XII.

Лидія Ивановна, еще похудѣвшая отъ вѣчной скуки безпокойнаго недовольства, удивилась, не узнала Витю, хотѣла подѣловать его. Когда онъ заревѣлъ, испуганный смуглымъ лицомъ „тети“, она немного обидѣлась; а скоро и вовсе забыла о своемъ крестникѣ, ибо въ кухню заходила рѣдко.

Смѣна лицъ, ухаживателей, уже давно не прогоняла ея скуки. Люди были разные, но романы всѣ такъ походили одинъ на другой, что Лидіи Ивановнѣ казалось иногда, что это все тотъ же старый Перловъ. Отъ скуки она устраивала энергическія сцены мужу, который, съ полученіемъ новаго мѣста, сдѣлался менѣе тихъ, а съ переездомъ въ большую квартиру, гдѣ кухня была далеко, — менѣе боялся скандаловъ.

Одинъ разъ утромъ, когда Витя, въ чистенькомъ передничкѣ, на козѣняхъ у Елены Петровны пилъ молоко, а Лиза перетирала посуду, въ дверь просунулось чернобородое лицо дворника Лазаря.

— Батюшки, Лазарь! — вскрикнула Лиза, роняя полотенце. — Иди, иди сюда! Приѣхалъ давно?

Лазарь вошелъ, помолился на образа, поздоровался съ Еленой Петровной. Узнавъ, что поленьскій мальчикъ — прежній Витя, умилился необыкновенно, и долго, и внимательно рассматривалъ его со всѣхъ сторонъ, дотрогивался осторожно, точно это былъ какой-нибудь искусственный ребенокъ.

Лиза дѣлала видъ, что нисколько не заботится о свѣденіяхъ, которыя могъ привести Лазарь изъ-подъ Москвы. Лазарь не начиналъ рѣчи.

Наконецъ, онъ собрался идти.

Онъ простился, постоялъ въ раздумѣ и потомъ рѣшительно выговорилъ:

— Навинь платокъ, Лизавета, выйди на лѣстницу. Я тебѣ скажу что-то.

Лиза схватила платокъ и оба торопливо вышли.

На лѣстницѣ было свѣтло, холодно и тихо.

По случаю ранняго времени еще ни одна прислуга не успѣла побраниться съ другой. Только со двора доносился рѣдкій и гулкій стукъ топора: дворники раскалывали полѣнья.

Лизавета прислонилась къ подоконнику и ждала. Сквозь мутныя стекла высокаго окна проникали лучи солнца, утренняго и желтаго; оно казалось еще ярче отъ выпавшаго за ночь снѣга.

— Ну что? — сказала, наконецъ, Лиза.

— Да что...—И Лазарь, сдернувъ шапку, нерѣшительно почесалъ затылокъ.—Тамъ, видишь ли, такіа исторіи были. Родители его, Лаврентьевы-то, въ нашихъ мѣстахъ извѣстные. Старообръы. Ну, конечно, они несправно живутъ. Въ теченіе послѣдняго времени совсѣмъ разстроились. Средній сынъ не угодилъ—его сейчасъ отецъ первымъ дѣломъ избилъ, а затѣмъ провлялъ. Отецъ такой рослый мужикъ, видный, силища, какъ у молодого. Сынъ-то запилъ и неизвѣстно, гдѣ шатается. Между тѣмъ въ домѣ жена его осталась и съ двумя дѣтьми. Тоже строеніе у нихъ сторѣло. Перебивались они, конечно. Вся надежда, значить, на Лаврентія. А онъ, какъ пріѣхалъ, сейчасъ это смѣло такъ: я, молъ, жениться хочу, у меня ужъ семья есть. Ну, тутъ отецъ, ничего не говоря, размахнулся, да такъ ему въ ухо угодилъ, что тотъ полтора часа безъ памяти лежалъ. Потомъ очнулся и сказалъ только: „благодарю тебя, отецъ, за науку“. У нихъ, у старообръовъ, видишь ли, строго: чтобы къ родителямъ почтеніе имѣть. А Лаврентій такой смиренный. Да хотя бы и драться полѣзъ, гдѣ ему противъ мужика здороваго?

— Да ну, говори дальше,—перебила Лиза.—Женили?

— Онъ, Лаврентій, весьма, знаешь ли, долго крѣпился. Отецъ ему все внушалъ, что онъ долженъ родителей пожалѣть. Онъ ему невѣсту давно приготовилъ. Ничего дѣвка, немолода ужъ, и одинъ глазъ немного такъ оспой попорченъ, а то ничего. За ней денегъ триста рублей, да двѣ постройки. И такая исторія шла! Отецъ говоритъ: не женишься—все равно въ Питеръ во вѣки не попадешь. Будешь у меня здѣсь навозъ вонять. А женишься, поможешь родителямъ, какъ Господь Богъ велѣлъ—отпущу въ Питеръ на мѣсто. Изъ-за тебя всѣ мы должны погибнуть: и я съ матерью, и сестра убогая, и братнины дѣти. Я же все равно тебя искалѣчу и проклятіе наложу.—Часто мы, знаешь, видали, сидитъ Лаврентій вечеромъ на крылечѣ деревянномъ и заливается-плачетъ. Ни одежи ему не сдѣлали, паспортъ отецъ къ себѣ взялъ. Похудѣлъ даже Лаврентій. Просилъ тебѣ ничего не говорить. А что жъ не говорить? Все равно, не скроешь. Ты, Лиза, не думай очень. Что жъ дѣлать?

— Когда свадьба была?

— А вотъ послѣ перваго. Всѣ жениха жалѣли. Деньги отецъ взялъ. Одежу Лаврентію справили. Онъ нисколько дома и не пожилъ. Уговаривали остаться—куда тебѣ! И жену бросилъ, и все. „Какъ вы со мной, говорить, такъ и я съ вами. А я свой долгъ исполнилъ“. На мѣстѣ, слышно. Не былъ еще у тебя?

— У меня?—Голосъ Лизы былъ неожиданно громокъ.—У меня? Пусть придетъ, пусть только придетъ... Чтò ни попадетъ, тѣмъ въ него и пуцу! Мало я изъ-за него... изъ-за него...

Лиза стремительно кинулась въ кухню и захлопнула дверь. Лазарь постоялъ-постоялъ на площадкѣ, вздохнулъ и началъ спускаться внизъ.

Прошло нѣсколько дней. Лидія Ивановна, узнавъ дѣло, возмущалась необыкновенно и рѣшила, что Лиза не должна и видѣть Корвина. Лиза не плакала. Она только осунулась, говорила отрывисто и зло, и ни за что не отпускала Елену Петровну съ Витей въ деревню.

— Я ему покажу, пусть только осмѣлится придти. Я не какая-нибудь. Кабы я хотѣла—у меня бы не такіе кавалеры были. А за Витьку онъ долженъ платить, ему и окружной судъ присудить...

Елена Петровна молчала. Она больше говорила о Витѣ. Мальчикъ уже начиналъ ходить и все болталъ на своемъ невѣдомомъ языкѣ.

У господъ были гости.

Лиза побѣжала за булками и за лимономъ. Когда она вернулась, переводя дыханіе, нагруженная свертками, у стола противъ Елены Петровны, въ пальто, но безъ шапки, сидѣлъ Корвинъ. Штатское платье дѣлало его еще меньше и уже. Лицо обросло бородой, вытянулось; глаза смотрѣли запуганно и робко, но съ прежней упрямой безнадежностью.

Вита чувствовалъ довѣріе къ такому маленькому дядѣ. Онъ заигрывалъ съ Лаврентіемъ, смѣяся и пряча голову въ колѣни Елены Петровны.

Увидавъ Лизу, Корвинъ всталъ.

— Ты зачѣмъ?—сказала Лиза тихо, почти шопотомъ.—Ты съ какими глазами пришелъ? Вонъ сію минуту, слышишь?

— Что жъ, я сознаюсь...—залепеталъ Корвинъ.—Но только меня всякій оправдать можетъ... Такъ какъ я, во-первыхъ, безъ любви, и кромѣ того родители... И пусть они тамъ какъ хотятъ, а отъ меня больше вѣкъ ничего не увидать. Я и жену не увижу никогда. А для тебя я и для Витьки жизнь готовъ отдать...

— Да что ты, издѣваться надо мной вздумалъ?—закричала Лиза со злостью и слезами. Вонъ, сію минуту, или я господъ сюда позову!

И она бросилась-было къ двери. Корвинъ испугался. Онъ едва нашелъ шапку и вышелъ. Но на лѣстницѣ, какъ прежде, сѣлъ на каменную ступеньку и заплакалъ.

Поздно вечеромъ, когда Елена Петровна и Витя давно спали, въ дверь тихонько стукнули. Лиза не спала. Она знала, что Борвинъ сидитъ на лѣстницѣ. Она подошла къ дверямъ.

— Это опять ты, — злобно зашептала она. — Если ты сейчасъ не уберешься, я дворниковъ созову, весь домъ перебуду.

Слабый голосъ Лаврентія умолялъ:

— Отвори мнѣ, Лиза, на одну минуточку. Я тебѣ только два слова скажу. И уйду сейчасъ же.

Лиза приотворила дверь.

— Говори, я сейчасъ захлопну.

— Лиза, вотъ Богомъ клянусь, я отъ тебя никогда не отстану. У меня мѣсто хорошее, возьмемъ Витьку къ себѣ и будемъ жить вѣчно вмѣстѣ. А я отъ тебя все равно не отстану. Ужъ будетъ по моему. Хороша же твоя любовь была!.. И знай, если ты мнѣ не покорись — ни мнѣ, ни тебѣ не жить. Вотъ, у меня припасено.

Онъ трясущимися руками вытащилъ откуда-то небольшой кухонный ножикъ съ острымъ лезвиемъ. Лиза стояла, не шевелясь. Онъ спряталъ ножикъ и старался шире отворить дверь. Лиза ошомлилась. Она оттолкнула его изо всей силы, и, закричавъ опять: „Сказано, вонъ!“ — захлопнула двери.

Всѣ въ домѣ знали исторію Лизы. Агаша-толстая не жила больше у одинокаго барина. Нѣсколько времени тому назадъ, у барина въ квартирѣ, тайно, въ его отсутствіе, отравилась молоденькая гувернантка, скромная барышня, приходившая къ нему по воскресеньямъ. Была непріятность — и баринъ выѣхалъ изъ Петербурга. Агашу Лиза встрѣтила разъ въ сумерки, на дворѣ. Она проскользнула мимо, не глядя. Лизѣ почудилось, что глаза у нея заплаканы.

Дворникъ Лазарь останавливалъ иногда Лизу на лѣстницѣ.

— Ну, что?

— Да что, бродить около дома, пока я его кислотой не облила, — говорила Лиза, глядя въ сторону. — Грозится.

— Что жъ, не покорись?

— Не на таковскую напалъ. Онъ посмѣлся — а я покорюсь!?

— Ой, берегись, дѣвка! — загадочно произносилъ Лазарь. — Конечно, много ты горя отъ него приняла...

Повсюду, на лѣстницѣ, на дворѣ, за угломъ — Лизѣ мерещился Лаврентій. Не переводя духа, она летѣла вверхъ по ступенькамъ, боясь увидать его тонкую фигуру, поджидающую ее. Она не могла бы объяснить, чего она боится. Вѣдь не угрозы

же его! Подумаешь, храбрецъ! Она просто боялась его неспокойныхъ глазъ и худого лица, обросшаго бородой.

По вечерамъ у Лизы билось сердце, и ей казалось, что она скоро умретъ. Квартира наполнилась самыми мрачными предзнаменованіями. Мыши такъ и бѣгали по коридорамъ. Въ гостиной, на столѣ, самъ собою прозвенѣлъ колокольчикъ. Въ стѣнахъ что-то трескалось и шуршало. А разъ утромъ Петръ Петровичъ увидалъ трехъ черныхъ таракановъ, съ трехъ разныхъ сторонъ подползающихъ къ образу въ столовой, что уже не оставляло сомнѣній: тараканы (черные) у образовъ — къ покойнику въ домъ!

Конечно, тараканы не могли указать, кому именно они предрѣкаютъ смерть. Петръ Петровичъ и Лиза равно приняли ихъ на свой счетъ. Петръ Петровичъ жилъ въ постоянномъ безпокойствѣ, въ ожиданіи. Прислушивался — не боленъ ли, и дѣйствительно началъ прихварывать.

Лидія Ивановна, какъ добрая жена, ухаживала за нимъ — даже слишкомъ усердно, пожалуй. Новая роль сидѣлки развлекала ее. Лиза то-и-дѣло бѣгала въ аптеку.

Уже больше двухъ недѣль прогостила въ Петербургѣ Елена Петровна съ Витей. Пора было домой, какъ ни удерживала Лиза. Насталъ и канунъ отъѣзда. Связали узлы. Лиза купила булокъ, муки, сахару, кофе. Сердце ея ныло, но она дѣлала видъ, что весела. Витя къ ней привыкъ, и хотя „маму“ свою любилъ несравненно больше, однако и съ доброй тетей нерѣдко разговаривалъ, игралъ, смѣялся. Сегодня онъ долго не хотѣлъ ложиться. Елена Петровна, глядя на него, улыбалась и поправляла свой платокъ. Ефимъ освободился рано и уже не отходилъ отъ жены.

Уже поздно, часовъ въ десять, барыня вышла въ кухню.

— Лиза, пожалуйста, сходите въ аптеку. Купите лакрицы, мятъ и ботвинскаго порошку. Вотъ тутъ записано.

Лиза молча стала надѣвать калоши. Но, выйдя за дверь, она вскрикнула и вбѣжала назадъ въ кухню. За дверьми стоялъ Лаврентій Корвинъ.

Лиза въ эту минуту не думала о Корвинѣ, и потому испугалась еще больше. Не успѣвъ запереть дверей, она опустилась на ближайшую табуретку.

Лаврентій несмѣло вошелъ. Онъ казался растеряннымъ и больнымъ, былъ въ черномъ пальто въ накидку и при передникѣ. Онъ торговалъ въ погребѣ и пришелъ, вѣроятно, прямо оттуда.

— Ты опять... — начала Лиза.

— Не беспокойтесь. Я только пришелъ въ послѣдній разъ просить васъ... И прошу васъ выйти со мной на лѣстницу. Мнѣ совершенно необходимо сказать вамъ два слова... А чѣмъ вамъ по судамъ таскаться, я за Витьку платить всегда согласенъ. Вотъ, извольте.

Онъ торопливо досталъ портмоне, вынулъ трехрублевую и положилъ ее на столъ.

— А только теперь пожалуйста... Два слова всего... И передать нѣчто... Будьте такъ добры...

Лиза была очень испугана и очень утомлена. Едва ли она понимала ясно, что дѣлаетъ. Она захватила списочекъ лекарствъ въ аптеку и вышла на лѣстницу.

Лаврентій захлопнулъ дверь и сталъ передъ Лизой.

На лѣстницѣ еще горѣли лампы съ сіяющими рефлекторами. Снизу, впрочемъ, уже слышались шаги дворника, медленно и тѣнливо идущаго гасить огонь.

Корвинъ схватилъ Лизу за руку и зашепталъ:

— Говори мнѣ, послѣдній разъ, примешь ты меня или нѣтъ? Лиза, я для тебя...

Лиза только вырвала руку и повернулась, чтобы идти. Корвинъ опять не пустилъ ее, и криво улыбнулся.

— Значить, на вѣки вѣчные? Прости-прощай?

— Да сказано тебѣ, убирайся! Вотъ увидишь, если я дворниковъ не стану просить, чтобы они тебя не пропускали! Никогда ты отъ меня ничего не дождешься! Я вотъ замужъ скоро выйду, на твои деньги мнѣ ровно наплевать... Ты меня и не держи...

— А если мнѣ лучше... лучше вотъ этимъ самымъ ножомъ... — онъ порылся за пазухой и опять досталъ прежній ножъ — сейчасъ себя зарѣзать лучше, чѣмъ тебя лишиться?

Лиза посмотрѣла и засмѣялась.

— Эхъ ты, горе-богатырь! — сказала она. — Куда тебѣ! А впрочемъ, мнѣ буквально все равно, хоть вѣшайся, хоть рѣжься.

Она повернулась къ нему спиной, чтобы идти.

Корвинъ опустилъ руки и молча, безъ мысли, смотрѣлъ, какъ она удаляется. Но когда она была уже на слѣдующей площадкѣ, онъ вдругъ точно вспомнилъ, бросился за ней, не замѣчая, что пальто у него упало съ плечъ, догналъ ее, схватилъ лѣвой рукой за шею, пригнулъ ее впередъ, и правой, почти безъ усилія, быстро, такъ что она не успѣла отклониться, воткнулъ

ножъ въ спину, ближе къ правому боку. Лиза отрывисто вскринула, упала на колѣни, потомъ на руки, потомъ ничкомъ. Опять приподнялась-было на руки — и снова упала.

Послышались бѣгущіе шаги дворника. Изъ одной квартиры отворилась дверь. Собирался народъ. Раздались крики и взвизгиванья. Кто-то истерически зарыдалъ. Послали за управляющимъ и городовыми. Собрались и смотрѣли, но никто не подходилъ ближе. Лаврентій не двигался и тупо глядѣлъ на спину неподвижной Лизы.

Прошло по крайней мѣрѣ минутъ десять, пока Лизу подняли, снесли сначала домой, а такъ какъ она не приходила въ себя, то на-скоро пованный докторъ велѣлъ немедленно отправить ее въ больницу.

Ефимъ сидѣлъ блѣдный, съ трясущейся губой. Елена Петровна тихо плакала и сморкалась, качая на колѣняхъ проснувшася Витю.

Когда Лазарь увидалъ маленькую, блѣдную фигурку Корвина между двумя городовыми, покорную и странно-спокойную, онъ покачалъ головой и сказалъ громко и горестно:

— Эхъ, человѣкъ неразумный! Не разсудилъ подождать! Видъ покорилась бы она ему, непременно бы покорилась! Повѣрилъ бабьему слову!

Лиза черезъ два дня умерла, не приходя въ себя. Узнавъ объ этомъ, Петръ Петровичъ, какъ ни былъ разстроенъ, вздохнулъ свободнѣе. Слава Богу! Теперь ясно, кому смерть предрекали мыши и тараканы. Лидія Ивановна расчувствовалась и даже поплакала. Затѣмъ, ощутивъ въ сердцѣ состраданіе и вообще благородный порывъ, велѣла позвать Елену Петровну съ Витей (они еще не уѣхали) и объявила, что она будетъ платить за Витю три рубля. Она невольно ждала благодарностей и удивленія своей добротѣ, но Елена Петровна отвѣчала просто:

— Это какъ вамъ угодно, сударыня. Будете вы платить — очень вамъ благодарна, не будете — Витя оттого холодный и голодный не останется. Я его люблю и не оставляю. На его долю у насъ хлѣба хватить. А угодно вамъ платить, сударыня, — очень вамъ благодарна.

И она поклонилась съ достоинствомъ. Лидія Ивановна рѣшила, что съ деревенскими бабами надо держаться подальше.

Потомъ Лидія Ивановна отправилась на разбирательство дѣла

Корвина. Защищалъ его знакомый адвокатъ, специалистъ по романтическимъ убійствамъ. Онъ говорилъ и провой, и стихами, и достигъ того, что наказаніе Корвину смягчили. Лидія Ивановна узнала, что Агаша-толстая отправилась за Лаврентіемъ.

Долго Лидія Ивановна рассказывала обо всемъ этомъ своимъ знакомымъ. Но мало-по-малу все стало забываться. Прошло оживленное волненіе Лидіи Ивановны. И опять потянулись дни безнадёжной, вѣчной скуки...

3. Гиппюсъ.

СОВРЕМЕННЫЕ МОРМОНЫ.

ОЧЕРКЪ.

Осенью 1893 года мнѣ довелось прожить нѣсколько дней въ такъ называемомъ городѣ Соленого озера среди мормоновъ, или, какъ они сами себя величаютъ, среди „святыхъ послѣднихъ дней“.

Всего за три мѣсяца до моего приѣзда „святые послѣднихъ дней“ отпраздновали, съ великимъ торжествомъ, окончаніе постройки главнаго мормонскаго храма въ городѣ Соленого озера и съ гордостью показывали заѣзжавшимъ туда туристамъ это дѣйствительно грандіозное сооруженіе. На обычный вопросъ почти каждаго путешественника—во что обошлась постройка этого храма—„святые“ отвѣчали, что цѣны этому храму нѣтъ, да и опредѣлить ее нельзя, а строился этотъ храмъ ровно сорокъ лѣтъ. Цѣны же опредѣлить нельзя этому храму потому, объясняли „святые“, что въ постройкѣ храма участвовали лично, отъ стараго до малаго, всѣ мормоны, безъ исключенія, и каждый, на какой бы ступени общественной лѣстницы онъ ни стоялъ, принималъ въ работахъ личное участіе, работалъ своими собственными руками и внесъ не только денежную лепту, но и личный трудъ. Одиными деньгами никто отдѣлаться не могъ—всякій долженъ былъ явиться на постройку самолично и дѣлать что будетъ указано.

— И я работалъ на этой постройкѣ, — говорилъ мнѣ довольно уже пожилой редакторъ одной изъ мѣстныхъ газетъ: — и я строилъ

этот великолѣпный храмъ, и мой трудъ здѣсь есть,—повторилъ онъ нѣсколько разъ, когда мы стояли на балконѣ его редакціи, выходящей окнами прямо на храмъ.

На мой вопросъ—не архитекторъ ли онъ или техникъ, или вообще не ремесленникъ ли онъ, редакторъ отвѣчалъ, что онъ ни то, ни другое, ни третье, но что и онъ точно также можетъ лѣсить глину, поднимать тяжести, возить песокъ, подносить камни и вообще дѣлать все, что дѣлаютъ другіе.—Всякій можетъ,—продолжалъ онъ:—дѣлать какую-нибудь работу, а тутъ мы всѣ считали за честь и за счастье приложить какъ можно болѣе личнаго труда.

— Каждый изъ насъ долженъ былъ пробить на постройкѣ не менѣе двѣнадцати дней,—добавилъ редакторъ:—но каждый старался пробить дольше, и чѣмъ выше приходилось производить работы, тѣмъ это считалось почетнѣе. Я работалъ на третьемъ этажѣ,—закончилъ редакторъ.

Кромѣ этого замѣчательнаго храма, и многое другое привлекаетъ вниманіе туриста въ городъ Соленаго озера. Въ молодомъ городѣ, величающемъ себя „царемъ пустыни“, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, своеобразнаго и американски-оригинальнаго.

Благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ, намъ удалось всмотрѣться ближе въ настоящее устройство мормонскаго религіознаго быта, представляющаго не мало интереснаго для наблюденій.

I.

Я пріѣхалъ въ городъ Соленаго озера по знаменитой тихоокеанской дорогѣ, сыгравшей, однако, весьма фатальную роль въ судьбѣ „святыхъ послѣднихъ дней“; я пріѣхалъ по той самой дорогѣ, которая нарушила спокойное процвѣтаніе резиденціи „святыхъ“ и открыла къ нимъ свободный доступъ всѣмъ туристамъ, всѣмъ изслѣдователямъ и всѣмъ просто любопытнымъ людямъ. Я не буду здѣсь описывать самую дорогу, какъ извѣстно, единственную въ своемъ родѣ, и замѣчу только, что до окончательнаго соединенія рельсовымъ путемъ береговъ Атлантическаго и Тихаго океановъ, „святые послѣднихъ дней“ мирно благоденствовали въ своей недоступной пустынѣ, составляя, что называется, государство въ государствѣ. Ихъ жизнь была облечена полною таинственностью. Окруженные степями и пустынями Колорадо, Аризоны, Невады и Небраски, они безгранично царили въ этихъ степяхъ и пустыняхъ, плодились и множились, „яко песокъ морской“, безпрепятственно исповѣдовали

полигамію, вербовали во всѣхъ странахъ свѣта новыхъ прозелитовъ и, какъ извѣстно, готовы были даже оказать вооруженное сопротивленіе войскамъ союзнаго правительства, посланнымъ для разслѣдованія ихъ загадочнаго образа жизни. Извѣстно также, что каждый разъ, когда возникалъ вопросъ о насильственномъ уничтоженіи полигаміи, газеты серьезно говорили о возможности вооруженнаго сопротивленія со стороны мормоновъ, но, въ концѣ концовъ, ничего этого не случилось, и напротивъ „святые послѣднихъ дней“ показали примѣръ повиновенія закону и конституціи, и сами же соединили рельсами свою недоступную „территорію“ съ штатами Колорадо и Невадой ¹⁾. 10-го мая 1869 года былъ открытъ сплошной путь отъ Атлантическаго до Тихаго океана, а съ 1870 года принимаются уже самыя энергическія мѣры, чтобы положить конецъ безматежной гаремной жизни „святыхъ послѣднихъ дней“. Полигамія объявлена преступленіемъ, беззаконіемъ, полигамистовъ лишили права голоса и посадили въ тюрьму, несмотря на всѣ ихъ протесты и предоставленную конституціей свободу вѣроисповѣданій.

Нынѣ предполагается, что полигамія окончательно уничтожена и болѣе не существуетъ. Въмѣсто мормоновъ теперь остались, по крайней мѣрѣ по официальнымъ свѣденіямъ, одни „new gentils, т.-е. „ново-язычники“, полигаміи не исповѣдующіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ надобно думать, что вообще дальнѣйшему развитію мормонства положенъ конецъ, такъ какъ по изслѣдованіямъ лицъ, изучавшихъ мормонство, одною изъ главныхъ приманокъ для прозелитовъ служила именно полигамія. Эти прозелиты, какъ мы увидимъ далѣе, вербовались во всѣхъ частяхъ и странахъ свѣта, не столько краснорѣчіемъ вообще плохихъ ораторовъ-мормонскихъ миссіонеровъ, сколько обѣщаніемъ зажиточной жизни и вообще удовлетворенія сластолюбивымъ и чувственнымъ инстинктамъ.

Но все это только *предполагается* и пока требуетъ серьезныхъ подтвержденій. Если еще можно считать, что вопросъ о воспрещеніи полигаміи разрѣшенъ на будущее время, то онъ остался неразрѣшеннымъ какъ относительно прежнихъ многоженцевъ, такъ, въ особенности, относительно происшедшаго отъ нихъ многочисленнаго „незаконнаго“ поколѣнія; хотя сѣверо-американское правительство никогда полигаміи не признавало, но долго молчаливо ее терпѣло, а отсюда произошло то

---

¹⁾ До сихъ поръ Утахъ не принять въ число штатовъ союза и называется „территоріей“.

чрезвычайно сложное положеніе дѣла, въ которомъ предъ лицомъ закона оказались теперь старые полигамисты.

Этимъ вопросомъ, т.-е. вопросомъ о правахъ многочисленныхъ гражданъ, происшедшихъ отъ полигамическихъ, т.-е. незаконныхъ браковъ, а также вопросомъ о влияніи такихъ браковъ на здоровье дѣтей, никто до сихъ поръ основательно не занимался, и, въ замѣчательной мормонской библіотекѣ города Соленого озера, гдѣ собрано все, что когда-либо писалось о мормонахъ, мнѣ не пришлось встрѣтить ни одной книги, въ которой бы разрѣшался или затрогивался этотъ вопросъ. Можетъ быть, теперь американскіе ученые и изслѣдователи наконецъ займутся этимъ вопросомъ и добудутъ новыя научныя данныя противъ полигаміи...

Такъ называемый express, т.-е. прямой и быстрый поѣздъ, приходитъ въ городъ Соленого озера поздно вечеромъ. Пассажировъ встрѣчаетъ тускло освѣщенный вокзалъ—сарай, у подъѣзда котораго стоятъ два долговязыхъ дилижанса, на двадцать пять человѣкъ каждый, развозящіе пріѣхавшихъ туристовъ по гостинницамъ и меблированнымъ комнатамъ. Улицы, прилегающія къ вокзалу, были, въ этотъ поздній часъ, такъ же тусклы, какъ и самъ вокзалъ, и только въ центрѣ города освѣщеніе электрическое, очень яркое. Въ Америкѣ практикуется такой порядокъ: когда поѣздъ приближается къ большимъ городамъ или, вообще, къ большимъ центрамъ и конечнымъ станціямъ, — къ числу которыхъ относится и городъ Соленого озера, — въ вагонахъ появляются нѣкіе джентльмены, раздающіе пассажирамъ подробныя справочныя свѣденія, касающіяся того большого центра, къ которому поѣздъ приближается. Эти справки даются въ формѣ или газетныхъ листовъ, или простыхъ, часто иллюстрированныхъ объявленій, съ приложеніемъ плана города. Все это распространяется даромъ, и путешественнику не надо обращаться къ своему Бедекеру или другому гиду, во всякомъ случаѣ—устарѣвшимъ сравнительно съ свѣденіями, раздаваемыми этими джентльменами. Въ этихъ свѣденіяхъ есть и серьезная статистика, есть и статистика увеселительная; тамъ, само собою, перечислены всѣ достопримѣчательности, указано время прихода и отхода поѣздовъ, и непременно рекомендованы нѣкоторыя гостинницы, съ обычнымъ въ Америкѣ хвастливымъ самовосхваленіемъ господъ собственниковъ этихъ заведеній. По обычаю всякій зазываетъ въ свою лавочку и сулитъ за малыя деньги то, чего нельзя добыть и за большія.

Благодаря этимъ справочнымъ свѣдѣніямъ, а также любезности и словоохотливости джентльменовъ, распространяющихъ эти свѣдѣнія, туристъ узнаетъ, что въ городѣ Соленого озера теперь уже почти 100 тыс. жителей, что богатство города оценивается въ 75 милл. долларовъ, а долгъ города составляетъ всего 200 тыс. долларовъ; вода превосходная, артезианская; канализація самаго высшаго качества; въ городѣ полтора ста верстъ тѣнистыхъ, красивыхъ улицъ и бульваровъ, шириною отъ десяти до пятнадцати сажень, да кромѣ того пятьдесятъ десятинъ имѣется подъ тѣнистыми парками. Далѣе, въ справкахъ говорится объ „ослѣпительномъ“ электрическомъ и газовомъ освѣщеніи, о протяженіи электрическихъ трамвеевъ (75 верстъ) и расходящихся во всѣ стороны желѣзныхъ путяхъ, о пятидесяти ежедневныхъ поѣздахъ, и т. д., и т. д. Кто хочетъ лечиться, для того имѣется громадный выборъ изъ холодныхъ, теплыхъ и горячихъ источниковъ, и сверхъ того имѣются превосходные горные ландшафты, съ охотой и рыбной ловлей, „прекрасно дѣйствующіе на самое угнетенное расположеніе духа“. Кто же собирается въ мормонскій городъ не лечиться и не охотиться, а желаетъ, напр., предаться изученію наукъ, то на его выборъ предоставляется университетъ, три академіи и множество самыхъ разнообразныхъ школъ и заведеній. Другая справка подробно перечисляетъ всѣ парки, со всѣми ихъ красотами, и всѣ городскія и загородныя увеселительныя мѣста. На первомъ мѣстѣ стоитъ колоссальный „Лечебный павильонъ“ (Saltair Pavillion), на Соленомъ озерѣ, въ 14 миляхъ отъ города, съ купальней на 15 тыс. человѣкъ и танцевальнымъ павильономъ—„самымъ красивымъ не только въ Америкѣ, но въ цѣломъ мірѣ“.

Если вступить съ справочнымъ джентльменомъ въ устное объясненіе, то онъ, безъ всякихъ церемоній, заявитъ, что городъ Соленого озера—„одинъ изъ красивѣйшихъ въ мірѣ“ и обладаетъ такими разнообразными красотами, которыя „едва ли еще гдѣ найдутся“. Кто бы ни былъ путешественникъ,—добавляетъ обыкновенно печатная или живая, въ лицѣ справочнаго джентльмена, реклама,—будь это искатель истины или искатель развлеченій, будь это больной человѣкъ или глубокій философъ,—всякій удовлетворитъ здѣсь своимъ потребностямъ „скорѣе и лучше“, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ американскомъ городѣ. И въ заключеніе всѣхъ этихъ справокъ, переплетающихся съ рекламами, говорится, что городъ обязанъ своимъ возникновеніемъ мормонамъ, нашедшимъ здѣсь убѣжище послѣ гоненій, претерпѣнныхъ въ штатѣ Иллинойсѣ; что американцы и все человѣчество обязаны

благодарностью мормонамъ, обратившимъ пустыни въ неоцѣненныя равнины, и что не только мормоны, но и „new gentils“, т.-е. ново-язычники, должны быть помянуты добрымъ словомъ за ихъ усилія, труды и затраты на созданіе роскошной столицы штата Утахъ (произносится „Юта“).

И въ самомъ дѣлѣ, городъ Соленого озера достоинъ удивленія, какъ продуктъ человѣческой и специально-американской энергіи. Совѣстно сказать, но все-таки несомнѣнно, что американская культура обязана возникновеніемъ этого замѣчательнаго оазиса единственно религіознымъ гоненіямъ. Эта любопытная страница въ исторіи человѣчества вообще и въ частности въ исторіи американской свободы достойна болѣе подробнаго изслѣдованія, время для котораго, очевидно, еще не настало, потому что мормонизмъ, устоявъ противъ гоненій, еще не принялъ своей окончательной формы и, какъ думаютъ сами американцы, въ будущемъ еще чреватъ событіями, а сами мормоны даже толкуютъ, „что вопросъ мормонскій гораздо сложнее вопроса невольничьяго“.

Мормонизмъ, какъ религіозная секта, мало извѣстенъ. Донинѣ большинство съ словомъ мормонъ прежде всего связываютъ представленіе о сластолюбивыхъ многоженцахъ, между тѣмъ какъ уже не менѣе девяти-десятихъ этихъ сектантовъ отказались отъ полигаміи и женятся единожды. Это то и есть „ново-язычники“. Такъ они сами себя называютъ, хотя такое самобичеваніе представляется нѣсколько страннымъ и какъ бы выражаетъ протестъ противъ насилій центральнаго американскаго правительства, упразднившаго административнымъ порядкомъ, главнѣйшій мормонскій религіозный догматъ—*„обязательность многоженства“*. Къ слову сказать, —въ явное отличіе мормонской полигаміи отъ мусульманской, многоженство у мормонъ считалось „обязательнымъ“, а не добровольнымъ, и тѣмъ болѣе мормоны были возмущены, когда исполненіе этой „обязанности“ было правительствомъ признано „безнравственнымъ и несогласнымъ съ ученіемъ христіанской церкви“. Мормоны протестовали противъ такой постановки вопроса прежде всего тѣмъ, что утверждали, что они „древніе“, а не современные христіане, и что установленный христіанской церковью въ позднѣйшее время единый бракъ не имѣетъ къ нимъ ни малѣйшаго отношенія. По счастью, заявляли мормоны въ своихъ протестахъ, вашингтонское правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколькихъ милліоновъ мусульманъ, также практикующихъ многоженство, несогласное съ современнымъ христіанствомъ, и желательно было бы знать, говорили мормонскіе главари, признало ли бы вашингтонское правительство также и это многоженство

несогласнымъ съ ученіемъ христіанской церкви! И въ самомъ дѣлѣ, для многихъ даже американскихъ дѣятелей представлялось всегда непонятнымъ — почему изъ многихъ христіанскихъ догматовъ, отвергаемыхъ мормонами, американское правительство приняло подъ свою защиту только одинъ догматъ единобрачія. На этотъ вопросъ трудно найти какой-либо положительный отвѣтъ въ правительственныхъ актахъ противъ мормонства; но, какъ бы то ни было, вся мормонская эпопея свидѣлствуетъ, что хотя вопросъ о допущеніи свободной между ними полигаміи игралъ какъ бы первенствующую роль въ исторіи преслѣдованія мормоновъ, но во всѣхъ злоключеніяхъ мормоновъ играла также большую роль политика, а иногда корысть и недобросовѣстность административныхъ чиновниковъ.

Хозяйственныя заслуги, оказанныя мормонами американской культурѣ, признаются всѣми. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ „территорія Утахъ“ была совершенно неизвѣстна. Считалось однако вполне достовернымъ, что тамъ никогда не было постоянного населенія и невозможна какая-либо жизнь. Даже относительно сосѣднихъ пустынь Аризоны и Колорадо предполагалось (и это было доказано), что когда-то онѣ были населены и тамъ была жизнь; относительно же Утаха сложилось убѣжденіе, что даже краснокожіе и тѣ тамъ никогда постоянно не жили. Только охотники осмѣливались туда заглядывать, но и то не надолго. 24-го іюля 1847 года явился туда „пророкъ“ Бригамъ Юнгъ, съ 142 отлично вооруженными послѣдователями. Они не медля соорудили прочныя бараки, принялись строить, расчищать, орошать, осушать почву, и чрезъ пятьдесятъ лѣтъ изъ голой пустыни сдѣлали огромный цвѣтущій садъ, со многими городами и населенными пунктами, которыхъ теперь насчитывается уже около трехсотъ. Смѣлыхъ поселенцевъ одолѣвали индѣйцы и саранча. Два раза они погибали отъ голода, нѣсколько разъ саранча пожрала созрѣвшіе уже посѣвы, но эти смѣлые люди не покинули мѣста, по ихъ убѣжденію указаннаго имъ самимъ Богомъ... Много лѣтъ мормоны успѣшно боролись противъ всякихъ стихійныхъ невзгодъ; сорокъ лѣтъ они строили храмъ и довели его до конца; двадцать уже лѣтъ ведутъ безкровную, правда, войну съ центральнымъ правительствомъ „за свободу своего исповѣданія“, или, вѣрнѣе сказать, за многоженство, и теперь представляютъ такую культурную силу, которая играетъ серьезную роль въ американской жизни.

Всѣми этими результатами мормоны обязаны энергіи, выдержкѣ и искусству только двухъ человекъ. Одинъ ихъ пророкъ, Смитъ,

основалъ секту и пожертвовалъ за нее своею жизнью; другой пророкъ—Бригамъ Юнгъ, послѣ смерти Смита, вывелъ мормоновъ изъ Иллиноиса и какъ библейскій Моисей привелъ свою паству на берега Соленого озера и здѣсь довелъ страну и ея обитателей до высочайшей степени благосостоянія.

Какъ появилось и возникло мормонство и, особенно, какъ оно могло такъ быстро преуспѣть, это и понинѣ еще не вполне выяснено. Оно возникло, конечно, на почвѣ американской свободы, и если по основному своему характеру мормонство, какъ религія, носить всѣ признаки явнаго humbug'a, т.-е. ловкой выкладки, то съ культурной точки зрѣнія оно представляетъ курьезное явленіе.

Началось съ того, что чистокровный американецъ Смитъ, человѣкъ невѣжественный и притомъ дурного характера, считался не въ мѣру библіи и попалъ тамъ на такое мѣсто, которое убѣдило его, что стоитъ хорошенько попросить у Бога „мудрости“, и она будетъ дана всякому, какъ бы человѣкъ ни былъ скуденъ умомъ и талантами. Нужно усердно молиться—и все получишь. И Смитъ сталъ усердно молиться. Въ результатѣ этихъ молитвъ оказались „видѣнія“, за видѣніями послѣдовали „откровенія“, за откровеніями пришли „пророчества“. Три раза ангелъ „Морони“ удостоилъ его своими посѣщеніями и бесѣдами, но строго-на-строго-приказалъ никакой „секты“ не учреждать, ибо „всѣ секты неправы, всѣ вредны и всѣ гибельны“.

Въ числѣ многихъ откровеній, полученныхъ Смитомъ, нельзя не отмѣтить указанія этого Морони, что краснокожіе индѣйцы—не что иное какъ остатокъ разсѣяннаго по землѣ израильскаго племени, переселившагося, съ божьяго соизволенія, въ Америку.

Такъ рассказываютъ о возникновеніи мормонства сами мормоны, которые, впрочемъ, никогда сами себя мормонами не называютъ ¹⁾.

Потомъ появились „золотыя скрижали“, на которыхъ была написана „книга мормоновъ“, и скрижали эти, по указанію ангела, были найдены въ готовомъ видѣ, хотя и на непонятномъ языкѣ; но съ этимъ неудобствомъ пророкъ Смитъ легко справился и все-таки книгу перевелъ. Четыре года сряду Смитъ ходилъ за этими скрижалями, но каждый разъ былъ удерживаемъ ангеломъ отъ завладѣнія ими. Наконецъ, 22-го сентабря 1837 года онъ вступилъ въ обладаніе этимъ сокровищемъ. По мормонскимъ ска-

¹⁾ Въ сочиненіи Шлагинтвейта о мормонахъ приведено нѣсколько соображеній о происхожденіи слова „мормонъ“. По-гречески слово это означаетъ—демона женскаго рода, а въ зоологіи—морского попугая.

заніємъ оно сохранялось въ землѣ, около Манчестера (американскаго), въ четырехъ миляхъ отъ мѣстечка Пальмира. Сокровище было заключено въ тончайшемъ ящикѣ и состояло изъ золотыхъ, скрѣпленныхъ между собою досокъ. По измѣренію, сдѣланному Смитомъ, длина каждой доски была восемь дюймовъ, при ширинѣ въ семь дюймовъ. Золотыя скрижали были переплетены какъ книга и скрѣплены тремя кольцами, проходящими чрезъ всѣ скрижали; толщина же книги была ровно шесть дюймовъ. Тутъ же, рядомъ съ сокровищемъ, оказался мечъ изъ тончайшей стали, съ золотой рукояткой и кромѣ того „необыкновенные очки“ изъ прозрачныхъ камней, подъ названіемъ Уримъ-Туммимъ, такого чудеснаго свойства, что малограмотный Смитъ, съ ихъ помощью, разобралъ содержаніе скрижалей, написанныхъ „новоегипетскими іероглифами“. Древность этого сокровища Смитъ опредѣлялъ (опять по вдохновенію свыше) въ 1400 лѣтъ. Само собою понятно, что сокровища этого никто видѣть не могъ (смерть тому, кто его увидитъ); пророкъ же не только видѣлъ скрижали, но и успѣлъ перевести ихъ на англійскій языкъ и пустить въ продажу печатную мормонскую библію, которую и можно найти въ магазинахъ, хотя и въ старомъ изданіи (1830 г.). Съ цѣлью разсѣять сомнѣнія публики въ подлинности этихъ скрижалей, Смитъ допустилъ къ ихъ обозрѣнію восемь избранныхъ счастливицевъ, которые особымъ протоколомъ удостовѣрили, что, по милости божіей, сподобились видѣть эту книгу, принесенную ангелами съ неба собственно для ея обозрѣнія.

Эта книга, иначе называемая „мормонской библіей“, составляетъ величайшій авторитетъ для мормоновъ ¹⁾). Входить въ ея подробности я не буду и замѣчу только, что книга мормоновъ, подобно библии, заключаетъ въ себѣ отдѣльныя книги, числомъ пятнадцать, и подраздѣляется на сто-четырнадцать главъ, но библейская исторія разсказывается въ ней совершенно иначе, нежели въ настоящей Библии. Мало того, мормонская библія утверждаетъ, что Америка открыта вовсе не Колумбомъ, а какимъ-то племенемъ яредитовъ, попавшимъ туда немедленно послѣ столпотворенія вавилонскаго, и стоитъ на томъ, что эти яредиты благоденствовали въ Америкѣ ровно 1800 лѣтъ, когда, за дурное поведеніе, они были разсѣяны, что случилось за 600 лѣтъ до Р. Х. Потомъ въ Америку пришли израильтяне (племени Іосифа). Они явились изъ Іерусалима и образовали два племени

¹⁾ Мормонская библія имѣла нѣсколько изданій. Я видѣлъ изданіе шестое, сдѣланное въ Ливерпулѣ (американскомъ) въ 1860 году.

— ламанитовъ и нефитовъ. Ламаниты за злыя дѣла превращены въ краснокожихъ, остатки которыхъ и есть современные индѣйцы; нефиты же были мудры, скромны и вообще добропорядочнаго поведенія; но это тѣмъ не менѣе не избавило ихъ отъ гибели, съ соизволенія Бога, отъ руки злыхъ ламанитовъ, при чемъ одинъ изъ послѣднихъ нефитовъ, — Мормонъ, — написалъ, по приказанію божію, исторію обоихъ племенъ и передалъ ее сыну своему Морони, который продолжалъ ее до 421 года послѣ Р. Х. и потомъ спряталъ ее на томъ самомъ холмѣ, на которомъ впослѣдствіи и нашелъ ее пророкъ Смитъ.

Такъ объясняется появленіе мормонской библии и, кромѣ восьми очевидцевъ, будто бы лично удостоившихся увидѣть золотыя мормонскія скрижали, съ теченіемъ времени нашлись сотни, а потомъ тысячи и десятки тысячъ повѣрившихъ этой выдумкѣ.

Какъ Магометъ прежде всѣхъ обратилъ въ свою вѣру жену, такъ и Смитъ нашелъ въ своей женѣ первую убѣжденную послѣдовательницу его ученія. Затѣмъ къ нимъ присоединились близкія родственницы, а за ними и постороннія лица. Вскорѣ послѣдовало переселеніе ихъ въ Огайо. Тамъ уже было столько послѣдователей, что Смитъ образовалъ нѣсколько обществъ и назвалъ ихъ „сіонами“. Религіозное служеніе въ этихъ сіонахъ было, какъ рассказываютъ современники, „съ возбужденіемъ“, т.-е. съ криками, кривляніемъ, рычаніемъ, судорогами и пр. Не успѣли, однако, мормоны окончательно устѣться въ Огайо, какъ послѣдовало видѣніе, приказывавшее имъ переселиться въ Миссури и построить тамъ храмъ; но, не достроивши храма, мормоны вновь перешли въ Огайо и потомъ опять возвратились въ Миссури; такъ это блужданіе шло вплоть до 1838 года, когда организація „сіоновъ“ получила нѣсколько болѣе прочное устройство.

Въ 1838 году было уже 50 тысячъ мормоновъ, и именно съ этого года начались противъ нихъ ожесточенныя гоненія. За сравнительно краткій періодъ своего существованія они такъ успѣли всѣхъ возбудить противъ себя, что дѣло шло о совершенномъ ихъ уничтоженіи. Имъ приписывались всевозможныя преступленія, начиная съ самаго разнузданнаго коммунизма, до мошенничества, грабежей и убійствъ вкдючительно. Ихъ стали просто изводить, какъ изводятъ вредныхъ насѣкомыхъ и дикихъ звѣрей. Фанатики убивали мормонскихъ дѣтей, устраивали западни, таскали по тюрьмамъ, жгли и лишали ихъ имущества. Мормоны бѣжали тогда въ штатъ Иллинойсъ. Здѣсь на первыхъ порахъ они были милостиво приняты населеніемъ и опять

завели свои „сіонскія общества“. Они купили, на берегу р. Миссисипи, большой кусокъ земли и основали городъ Ново (произносится „Нову“), что значило опять-таки по-новоегипетски „прекрасный“. Усиленно ведя здѣсь свою религіозную пропаганду, Смитъ вмѣстѣ съ тѣмъ осушилъ окрестныя болота и, такимъ образомъ, обезвредилъ тяжелый климатъ низменныхъ береговъ Миссисипи. Черезъ пять лѣтъ въ Нову уже было 25 тыс. жителей; самъ Смитъ сдѣлался бургомистромъ, содержателемъ громаднѣйшей гостиницы и, организовавъ милицію, сталъ во главѣ ея какъ главнокомандующій. Въ 1844 году мормоновъ считалось уже 150 тысячъ, и они сдѣлались такою силой, что Смитъ заявилъ свою кандидатуру на званіе президента Соединенныхъ Штатовъ, энергично агитировалъ въ этомъ направленіи, имѣлъ многихъ сторонниковъ, въ президенты однако не попалъ и рѣшилъ выставить свою кандидатуру при новыхъ выборахъ, но этихъ выборовъ уже не дождался.

Въ Нову было получено „откровеніе“ о многоженствѣ, которое, однако, опубликовано не было во всеобщее свѣденіе, хотя втайнѣ уже практиковалось. На бѣду Смита появились газетныя разоблаченія противъ многоженцевъ, съ поименными обвиненіями полигамистовъ. Эти обвиненія исходили изъ лагеря „отступниковъ“, т.-е. отъ лицъ, отпавшихъ отъ мормонства и, слѣдовательно, хорошо знавшихъ тайны сектантовъ. Смитъ пришелъ въ такую ярость, что потерялъ самообладаніе и самоуправно расчитался съ своими врагами, приказавъ разрушить до основанія ту типографію, въ которой печатались непріятныя для мормоновъ разоблаченія. Отсюда начались всѣ бѣды и лично для Смита, и для его единомышленниковъ. Смита арестовали, заключили въ тюрьму, и тамъ онъ былъ убитъ ворвавшимся народомъ. Это было 27-го іюня 1844 года. Смигу было тогда всего 39 лѣтъ. Мормоны хотя и добились суда надъ убійцами, но убійцы были оправданы, и послѣ того мормоны окончательно признали Смита величайшимъ, послѣ Христа, человекомъ и объявили, что это былъ несомнѣнный „помазанникъ“ божій.

На мормонскій престолъ вступилъ Бригамъ Юнгъ, избранный голосомъ народа. Онъ попытался удержаться въ Нову, продолжалъ даже строить затѣянный въ Нову храмъ, но возбужденіе окрестнаго населенія было такъ велико, что мормонамъ не стало житья. Дошло до того, что тамъ образовались партіи въ 150 и болѣе человекъ, которыя занялись спеціально истребленіемъ мормоновъ, т.-е. жгли ихъ дома, убивали людей, не щадя ни стараго, ни малаго, и, пользуясь сочувствіемъ обще-

ства, безнаказанно совершали всякаго рода насилія. Мормоны пытались и сами защищаться и жаловаться начальству, но власть бездѣйствовала. Тогда Бригамъ Юнгъ увидѣлъ, что долѣе оставаться въ Нову нельзя, и рѣшилъ совершить переселеніе въ глубину страны, въ великую американскую пустыню.

Исторію этого замѣчательнаго переселенія, преисполненнаго всякаго рода опасностей и трудностей, мы не приводимъ. Мормоны, въ два приѣма, оставили Нову, гдѣ уже было 2.000 домовъ, оставили почти оконченный храмъ и отправились искать спасенія отъ религіозныхъ гоненій въ невѣдомыя страны. Тысяча-двѣсти повозокъ двигались въ боевомъ порядкѣ и были въ походѣ ровно семнадцать мѣсяцевъ. 24-го іюля 1847 г. Бригамъ Юнгъ достигъ береговъ Соленаго озера, но черезъ мѣсяцъ возвратился къ оставленнымъ на берегахъ Миссисипи единовѣрцамъ, и 20-го сентября 1848 года привелъ, также въ боевомъ порядкѣ, къ берегамъ Соленаго озера еще 800 повозокъ. Это движеніе десятковъ тысячъ людей по безводнымъ и бесплоднымъ степямъ представляло, конечно, единственное въ своемъ родѣ событіе.

На берегахъ Соленаго озера мормоны зажили, на первыхъ порахъ, безъ заботъ. Здѣсь никто не мѣшалъ имъ плодиться и множиться, какъ песокъ морской. Съ окрестными индѣйцами они скоро поладили, найдя, что „кормить ихъ дешевле, нежели воевать съ ними“. Черезъ три года въ городѣ Соленаго озера былъ уже университетъ и считалось 30 тысячъ жителей.

До самаго, затѣмъ, открытія тихо-океанской желѣзной дороги мормоны жили сравнительно спокойно, и за все это время было только одно довольно крупное недоразумѣніе, когда въ 1857 году союзная армія была послана укрощать мормоновъ за намѣреніе отдѣлиться отъ союза, но, не дойдя до мормонской резиденціи, удостовѣрилась, что это обвиненіе есть не чтѣ иное, какъ недоразумѣніе. Это „*недоразумѣніе*“ стоило, однако, союзнаму правительству около 4 милліоновъ долларовъ.

Постройка города на берегу Соленаго озера есть также результатъ особаго „откровенія“, точно такъ же, какъ результатомъ такихъ же особыхъ откровеній была проповѣдь обязательнаго многоженства, постройка храма въ Нову и проч.

Въ настоящее время городъ Соленаго озера уже давно пересталъ быть специально мормонскимъ. Въ немъ имѣется не менѣе полдюжины другихъ сектантскихъ церквей, и собственно въ религіозномъ отношеніи не замѣчается уже исключительно мормон-

скаго отпечатка, хотя и теперь, спустя пятнадцать лѣтъ послѣ смерти Бригама Юнга, можно сказать, что все въ городѣ Соленого озера дышетъ имъ и все напоминаетъ его колоссальную энергію и предприимчивость, начиная съ дѣйствительно громаднаго храма и кончая сдѣланнымъ уже историческимъ „Львинымъ домомъ“, гдѣ жилъ самъ Юнгъ, „Орлиной рѣшеткой“, которая вела въ резиденцію пророка, и, наконецъ, могилами пророка и его женъ. Изъ почти уже стотысячнаго населенія города Соленого озера только немного болѣе половины мормоны, а все остальное принадлежитъ или въ ново-мормонамъ, язычникамъ, или относится къ конгрегациональной церкви (съ 1875 года), или это пресвитеріане, или баптисты, методисты, католики или члены протестантско-епископской или методистско-епископальной церкви. Изъ числа 300 населенныхъ мѣстъ въ штатѣ Утахъ только въ половинѣ имѣются мормонскія духовныя лица, да и вообще у мормонъ существуетъ всего только шесть церквей, т.-е. столько, сколько ихъ было во времена Бригама Юнга.

Тѣмъ не менѣе мормонство все еще продолжаетъ заявлять свои права на первенствующее значеніе въ городѣ Соленого озера. Редакторы двухъ специально мормонскихъ газетъ, „Observer“ и „Desert News“, и теперь еще въ каждомъ номерѣ печатавшіе мормонскій „символъ вѣры“, съ прискорбіемъ заявляютъ, что въ мормонствѣ чувствуется расколъ явный и тайный, „что нѣтъ единства ни въ дѣйствіяхъ, ни въ мысляхъ“, и что въ послѣднее время особенно замѣтенъ наплывъ евреевъ, захватывающихъ и въ городѣ Соленого озера, какъ и повсюду, торговлю въ свои руки.

Знакомый мнѣ редакторъ особенно скорбѣлъ, что прежнее, преимущественно земледѣльческое направленіе дѣятельности въ Утахъ уступаетъ все болѣе и болѣе направленію торгово-промышленному; что роскошь, отвергаемая мормонствомъ, усиливается, и введенная Юнгомъ патріархальная простота нравовъ исчезаетъ. Нечего и говорить, что самыя основы мормонства колеблются; въ особенности авторитетъ духовныхъ лицъ, на которомъ прежде держалось все зданіе мормонства, рѣшительно ослабѣваетъ. Такихъ людей, какъ Смитъ и Юнгъ, уже болѣе нѣтъ, а настоящій представитель мормоновъ, пророкъ Вудруфъ, или „президентъ надъ президентами“, глубокій старецъ, хотя лично и хранитъ мормонскія традиціи, но уже не въ силахъ вызывать никакого новаго движенія. „Отпаденія“ случаются, хотя, по увѣреніямъ мормоновъ, очень рѣдко; прозелитовъ почти нѣтъ, и во что обратится мормонство—онъ, редакторъ, и самъ не знаетъ...

Конечно, эти самолюбивые люди, называющіе себя „святими послѣднихъ дней“, не хотятъ признать, что ихъ культурная роль сыграна, что мормонство обратилось въ одну изъ тѣхъ заурядныхъ сектъ, которыхъ такъ много въ Соединенныхъ-Штатахъ, и о которыхъ часто никто ничего не знаетъ; что мормонское миссіонерство, доходившее прежде до Китая и Индіи, не говоря уже объ Европѣ, не обладаетъ нынѣ никакими притягательными свойствами и приманками для уловленія душъ. Ни одинъ мормонъ, конечно, этого не скажетъ, но достаточно прожить въ городѣ Соленого озера нѣсколько дней, достаточно поговорить съ мормонами и немормонами, чтобы придти къ заключенію, что со смертью Юнга мормонство вступило въ новый, уже блѣдный и бѣдный событіями, а быть можетъ и послѣдній фазисъ своей исторіи.

Нельзя, однако, при всемъ томъ не отмѣтить того факта, что мормонство до сихъ поръ составляетъ предметъ большого безпокойства для правительства Соединенныхъ-Штатовъ. Не говоримъ уже про довольно грозный фортъ Дугласъ, расположенный всего въ двухъ миляхъ отъ города Соленого озера, изъ котораго можно прекрасно обстрѣливать и весь городъ, и главный мормонскій храмъ,—фортъ, всегда наполненный войсками, будто бы охраняющими территорію Утахъ отъ индѣйцевъ, а въ сущности организованный для сдерживанія мормонства. Центральное правительство никакъ не можетъ до сихъ поръ покончить съ вопросомъ о многоженствѣ. Давно существуетъ законъ, карающій полигамію, какъ преступленіе, давно отобраны отъ мормоновъ всякаго рода подписки о непринадлежности къ полигаміи, давно считается; что городъ Соленого озера населенъ не мормонами-многоженцами, а „ново-язычниками“, состоящими въ единобрачій, и все-таки остается нерѣшеннымъ вопросъ —превращено ли многоженство, или нѣтъ?

На мой вопросъ по этому предмету, обращенный къ редактору одной изъ мормонскихъ газетъ, я получилъ положительное завѣреніе, что многоженство окончательно упразднено, и въ доказательство мнѣ было представлено официальное разъясненіе, сдѣланное президентомъ Вудруфомъ въ 1892 году. Я приведу изъ этого разъясненія нѣсколько словъ. Оно обращено „ко всѣмъ, до кого оно можетъ касаться“. „Въ виду,—говоритъ Вудруфъ,—разныхъ сообщеній, посланныхъ изъ города Соленого озера и повсюду перепечатанныхъ, о томъ, что многобрачіе еще существуетъ въ Утахъ, и что въ теченіе послѣдняго (1891 года) было около сорока случаевъ полигамическихъ браковъ и что, будто бы, вообще руководители мормонской церкви проповѣдуютъ и под-

держиваютъ полигамію, я, Вудруфъ, объявляю торжественнѣйшимъ образомъ, что всѣ эти обвиненія ложны. Мы, функционирующіе представители церкви „святыхъ послѣднихъ дней“, не исповѣдуемъ полигамію и никому не позволимъ вступать въ нѣсколько браковъ одновременно, а потому никакихъ полигамическихъ браковъ въ означенное время совершаемо не было. Въ виду того, что конгрессъ воспретилъ полигамію и это воспрещеніе получило высшее утвержденіе, я заявляю личное мое намѣреніе подчиниться этому закону и употребить все мое вліяніе на членовъ церкви, въ которой я президирую, чтобы они сдѣлали то же самое“...

„Ни въ моихъ поученіяхъ къ церкви, — продолжаетъ далѣе Вудруфъ, — ни въ поученіяхъ моихъ товарищей и сотрудниковъ, въ теченіе означеннаго періода, не содержалось ничего, что могло бы поощрить полигамію, и если кто-либо изъ старѣйшинъ церкви начиналъ говорить въ этомъ духѣ, онъ былъ немедленно останавливаемъ и отрѣшаемъ отъ должности. Нынѣ я вновь и совершенно открыто предостерегаю всѣхъ „святыхъ послѣднихъ дней“, чтобы они воздерживались отъ какихъ бы то ни было браковъ, воспрещенныхъ законами страны“.

Таково оффиціальное разъясненіе современнаго верховнаго вождя мормоновъ, пророка Вудруфа. Нельзя, однако, не отмѣтить, что въ самомъ этомъ разъясненіи заключается какъ бы косвенное признаніе, что проповѣдь многобрачія вовсе не прекратилась, а въ одномъ мѣстѣ разъясненія даже сказано, что относительно одного случая вѣнчанія многобрачнаго, въ 1890 году, въ городѣ Соленого озера, онъ, Вудруфъ, не могъ еще выяснить, кто совершалъ этотъ обрядъ. Разъясненіе это мнѣ пришлось читать по-нѣмецки, по-англійски, и оно очень охотно распространяется въ публикѣ самими же мормонами, конечно въ видахъ устраненія нареканій въ поддержаніи многоженства. Однако, одновременно съ тѣмъ приходится не только слышать, но и читать, что многоженство не только не уменьшается, а по временамъ даже усиливается, и что пастыри мормонской церкви, наружно подчинившись такъ называемому закону Эдмунда (билль объ уничтоженіи многобрачія), въ дѣйствительности относятся къ нему съ презрѣніемъ, и по прежнему берутъ женъ сколько могутъ, а пасомые, считая себя обязанными безпрекословно подчиняться своимъ руководителямъ, также берутъ по нѣскольку женъ. Слухи эти, разумѣется, ходятъ не безъ основанія, но мормоны успѣли облечь это дѣло такою таинственностью, что истинное положеніе этого вопроса разъяснить чрезвычайно трудно, и осо-

бенно трудно потому, что въ многобрачїи замѣшано такъ много интересовъ личныхъ и наслѣдственныхъ, т.-е. имущественныхъ, что едва-ли отъ самихъ мормоновъ можно ожидать какихъ-либо разъясненій. Мужья официально отрекаются отъ исповѣданія полигамїи; жены также не говорятъ, — и не говорятъ, какъ будетъ видно ниже, по причинамъ весьма солиднымъ, — а для постороннихъ людей нѣтъ возможности проникнуть въ эту тайну. Нельзя, однако, не замѣтить, что еще сравнительно недавно, а именно въ 1885 году, мормоны обращались въ конгрессъ съ просьбою о восстановленіи многоженства. Эту просьбу они мотивировали такъ: „въ основнѣмъ нашимъ религіознымъ положеніямъ, — объясняли они, — принадлежитъ вѣра въ непосредственное откровеніе отъ Бога; однимъ изъ этихъ откровеній предписано многобрачїе, какъ способъ для достиженія вѣчнаго блаженства, а потому это многобрачїе не есть результатъ чувственности, а есть только необходимый институтъ для достиженія святости и блаженства“.

Правительство Соединенныхъ-Штатовъ, однако, не вняло этой просьбѣ, и не имѣя ничего противъ полученія мормонами дальнѣйшихъ откровеній, рѣшительно воспротивилось практическому приложенію откровенія относительно многобрачїа. Установленная за многобрачїе кара не только не была ослаблена послѣ этой петиціи, но послѣдовало строжайшее подтвержденіе о неослабномъ примѣненіи карательнаго закона. Мало того, въ послѣднее время общественное негодованіе противъ неисправимыхъ многоженцевъ разрослось до того, что противники полигамїи не остановились даже предъ внесеніемъ въ конгрессъ закона о конфискаціи въ пользу государства всего мормонскаго имущества; но предложеніе это обсуждаемо не было, потому что мормоны заявили готовность подчиниться закону Эдмунда, а не желавшіе подчиниться переселились, правда, не въ значительномъ количествѣ, въ Мексику, куда и зовутъ другихъ своихъ единовѣрцевъ выполнять откровеніе относительно многобрачїа.

Изъ всего современнаго ученія мормоновъ вопросъ о многобрачїи есть, несомнѣнно, самый интересный пунктъ, а потому, изложивъ лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ догматы мормонскаго вѣроученія, я нѣсколько долѣе остановлюсь на вопросѣ о мормонской полигамїи.

Прежде всего, касаясь вообще вѣроученія мормоновъ, я долженъ отмѣтить довольно интересный фактъ совпаденія мормонскихъ религіозныхъ воззрѣній съ вѣроученіемъ одной изъ русскихъ, признанной вредною, сектъ, появившейся въ нашемъ Закавказьѣ въ началѣ пятидесятихъ годовъ. Это были такъ на-

зываются, „прыгуны“, выдѣлившіеся изъ молоканства. Замолочившіе еще въ прежніе годы, коренные русскіе люди, преимущественно изъ тамбовской губерніи, были въ то время высылаемы административнымъ порядкомъ въ Закавказье, и въ особенности въ эриванскую губернію, новобаязетскій уѣздъ. Тамъ ихъ расселяли на возвышенныхъ мѣстностяхъ, окружающихъ озеро Гокчу, и на перевалахъ Малаго Кавказа, въ живописной и очень здоровой мѣстности. Скоро тамъ образовалась значительная община этихъ высланныхъ сектантовъ, не только не исправившихся отъ ссылки, но, напротивъ, окрѣпшихъ и сплотившихся подъ вліяніемъ безпрепятственнаго общенія между собою и протеста противъ продолжавшихся преслѣдованій. Всѣ эти сектанты, можно сказать, благоденствовали на привольныхъ возвышенностяхъ Малаго Кавказа, посвящая все свободное отъ хозяйства время исканію „истинной вѣры“. При ихъ полномъ невѣжествѣ и въ большинствѣ безграмотности, можно себѣ представить, къ чему приводило это „исканіе“. Толкуя, веривъ и вѣось, но „по разуму“, разными мѣста библіи и евангелія, нѣкоторые изъ молоканъ превратились въ „іудействующихъ“ или жидовствующихъ; другіе образовали секту „общихъ“, проповѣдовавшую коммунизмъ, и, наконецъ, третьи додумались до созданія секты „прыгуновъ“. Эта секта въ свое время привлекла особое вниманіе мѣстной полиціи. Мѣстная полиція, къ величайшему изумленію высшаго начальства, приняла даже мѣры къ *возвращенію* ихъ въ молоканство, и невольно поспособствовала этимъ возвращеніемъ распространенію самаго молоканства.

Между прочимъ, въ ту, уже теперь довольно отдаленную, эпоху наши русскіе рационалисты, на берегахъ озера Гокчи, толкуя все по разуму, додумались какъ разъ до того, до чего, немного ранѣе ихъ, на берегахъ рѣки Миссисипи, додумались мормоны. Какъ мормоны, такъ и прыгуны, учредили „сіонскія братства“, и точно также, какъ мормоны, прыгуны стали ожидать наступленія тысячелѣтняго царствія, конца міра и послѣднихъ дней. Возрѣніе прыгуновъ на священство было совершенно такое же, какъ у мормоновъ. Прыгуны, также какъ и мормоны, признавали божественное откровеніе, признавали за собою даръ пророчества, признавали право исцѣлять больныхъ возложеніемъ рукъ и проч. У прыгуновъ, какъ и у мормоновъ, также были пророки, апостолы, учителя и вся библейская іерархія. Наконецъ, по самому щекотливому вопросу — брачному — оказалось между мормонами и прыгунами также замѣчательное совпаденіе во взглядахъ. Закавказскіе еретики и „святые послѣднихъ дней“ одина-

ково пользовались правомъ получать вторыхъ, третьихъ и четвертыхъ женъ, подъ названіемъ „духовныхъ“, но разница была лишь та, что прыгуны не имѣли на этотъ счетъ никакого особаго откровенія, а дошли до этого просто собственнымъ умомъ, только читая и толкуя библію. Невѣжественный мужикъ Максимъ Рудометкинъ, бывшій среди прыгуновъ самымъ энергичнымъ представителемъ новаго ученія, имѣлъ нѣсколькихъ духовныхъ женъ, и своимъ послѣдователямъ также не поставлялъ никакихъ границъ въ правѣ ихъ приобрѣтать „духовныхъ женъ“, именовавшихся, по полицейскимъ свѣденіямъ, также „отогрѣвательницами“.

Это сходство между двумя ученіями проявлялось и въ другихъ подробностяхъ. Какъ у мормоновъ, такъ и у прыгуновъ было воспрещено куреніе и спиртные напитки; и тамъ, и тутъ періодически возбуждался вопросъ о платежѣ „десятины“ въ пользу церкви, и, наконецъ, обѣ секты признавали за своими сочленами способность говорить, по дару свыше, на разныхъ языкахъ и пророчествовать. Самая, кажется, существенная разница между обоими ученіями заключалась въ томъ, что прыгуны въ ожиданіи наступленія тысячелѣтняго царствованія принялись поститься и стали, по заявленіямъ полиціи, заниматься такими радѣніями, которыя „приводили ихъ къ истощенію силъ“, а мормоны, вынужденные бороться съ врагами и съ природой, силъ своихъ не истощали и вовсе не постились. Таково было сходство и различіе между мормонами и прыгунами.

II.

Современные мормоны вообще мало отступили отъ тѣхъ основъ, которыя были выработаны Смитомъ и Юнгомъ и выразились въ особомъ „символѣ“ мормонской вѣры. Въ издающихся въ городѣ Соленаго озера двухъ, уже упомянутыхъ выше, мормонскихъ газетахъ, почти въ каждомъ номерѣ и нынѣ печатается этотъ „символъ“, съ необходимыми, по нынѣшнимъ временамъ, выпусками, относительно, напр., многобрачія; но въ томъ же городѣ Соленаго озера можно найти этотъ „символъ“ и въ болѣе полномъ видѣ, хотя и въ этомъ символѣ все-таки чувствуются нѣкоторыя умолчанія.

Въ тринадцати его пунктахъ не только ничего не говорится о многобрачіи, но даже и о бракѣ не упоминается ни однимъ словомъ, не считая одного косвеннаго указанія, а именно, что

каждому предоставляется вѣровать на свой собственный ладъ; но въ одной маленькой книжкѣ, подъ заглавіемъ: „Отблескъ“ (The Reflex), найденной мною въ книжной лавчонкѣ въ городѣ Соленаго озера, символъ мормонской вѣры изложенъ не только plainly и обстоятельно, но и не вполне такъ, какъ онъ излагается въ ежедневной печати, хотя также называется „символомъ вѣры“.

Въ этомъ второмъ символѣ, т.-е. въ томъ, который не печатается въ ежедневныхъ газетахъ, вопросъ о многобрачїи хотя прямо и не выдвигается, но явно затрогивается, и притомъ затрогивается въ томъ смыслѣ, что многобрачїе, вопреки заявленій мормоновъ и официального разъясненія Вудруфа, продолжаетъ исповѣдываться какъ религіозный догматъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ быть толкуемъ, если не въ смыслѣ *обязательнаго* многобрачїа, тотъ, напримѣръ, параграфъ символа вѣры, который требуетъ, чтобы каждый мормонъ былъ женатъ, а каждая мормонка состояла въ замужествѣ? Только при томъ предположеніи, что у мормоновъ число лицъ брачнаго возраста всегда одинаково, т.-е., что во всякій данный моментъ имѣется столько же жениховъ, сколько невестъ, можно бы еще предположить, что всѣ состоятъ одновременно въ одномъ бракѣ; но такъ какъ нѣтъ въ мормонскомъ символѣ указанія, что должно брать только одну жену, то является предположеніе, что во исполненіе того требованія символа, чтобы всѣ были замужемъ, приходится мужчинамъ брать по двѣ, по три и т. д. женъ. Такого мнѣнія, впрочемъ всѣ и придерживаются относительно мормонскихъ браковъ.

Существуетъ мнѣніе, что наибольшія затрудненія въ дальнѣйшему развитію многоженства могли бы оказать сами женщины; но оказывается, что съ этой стороны никогда препятствій не было. Ихъ не было, во-первыхъ, въ силу того духовнаго порабощенія, въ которомъ находятся вообще всѣ „святые послѣднихъ дней“, и въ особенности жены; во-вторыхъ, ихъ не было въ силу особой постановки этого вопроса съ догматической стороны. Еще Бригамъ Юнгъ говорилъ: „смертный грѣхъ имѣть мнѣніе, несогласное со взглядомъ духовнаго отца“, и если бы, по мнѣнію Юнга, мнѣніе это было искреннее, то „все-таки оно ведетъ въ адъ“. Эта сентенція пророка признается одною изъ руководящихъ.

Вообще же говоря, жены никакого неудовольствія не высказываютъ. Съ помощью духовныхъ авторитетовъ, установлена, во внутренней жизни мормоновъ, ненарушимая дисциплина, и, какъ говорятъ, семейная жизнь „святыхъ послѣднихъ дней“ течетъ

довольно мирно, хотя противники мормонства утверждают противное.

Бстати сказать, въ городѣ Соленого озера, даже рядомъ съ главнымъ храмомъ, продаются весьма злостныя каррикатуры на полигамистовъ, въ которыхъ особенно осмѣиваются старыя жены, будто бы порядочно поколачивающія новыхъ подругъ жизни своихъ пламенныхъ супруговъ. Но вообще все идетъ мирно. Женъ убѣдили, во-первыхъ, въ томъ, что и Авраамъ, и Иаковъ, и Соломонъ, и Давидъ, — всѣ были многоженцы. Далѣе, женамъ представлено, что мормонское многоженство представляетъ, въ божьемъ мірѣ, далеко не единственный примѣръ. Наконецъ, въ числу доводовъ въ пользу многоженства относятся еще два специально мормонскіе. Первый изъ нихъ гласитъ: „Какъ вѣроотступникъ достоинъ вѣчнаго проклятiя, такъ того же проклятiя заслуживаетъ всякая незамужняя женщина, ибо жены могутъ получить святость только чрезъ мужей. Посему каждая мормонская дѣвушка „ради спасенiя“ можетъ требовать себѣ мужа (of the ground of the privilege of salvation). Второй доводъ еще курьезнѣе. По ученiю Юнга, сотни миллионовъ безплотныхъ духовъ, рожденныхъ отъ боговъ, носятся въ пространствѣ и жаждутъ найти свою земную оболочку, чтобы перейти во вторую стадію своего земного существованiя. Обязанность доставлять эти оболочки, т.-е. рожать дѣтей, лежитъ на мормонскихъ женщинахъ, и онѣ должны, по мѣрѣ силъ, стремиться къ наилучшему ея исполненiю, и только сознанiе этой обязанности, а отнюдь не чувственныя побужденiя, должно руководить ими при вступленiи въ бракъ“.

Таковы фантастическія объясненiя, придуманныя въ оправданіе полигамiи, и если жены на самомъ дѣлѣ не вѣрятъ имъ, то не показываютъ того и идутъ во вторыя, третьи, четвертыя и т. д. жены. Есть даже сочиненiя, написанныя женщинами, прославляющія прелесть многоженства, хотя есть также сочиненiя, возстающія противъ попраи женскаго достоинства гаремной жизнью. Но вообще протеста мало со стороны женъ, и этимъ должно быть объяснено, что полигамiя до сихъ поръ держится у мормоновъ. Въ одной книжкѣ, видѣнной мною въ городѣ Соленого озера, посвященной изображенiю счастливаго мормонскаго житiя на берегахъ Соленого озера, мнѣ пришлось встрѣтить картинку, представлявшую сотни маленькихъ дѣтокъ, съ надписью внизу: „Лучшая жатва Утаха“.

Нельзя, впрочемъ, отрицать и того, что въ дѣлѣ малоуспѣшнаго искорененiя полигамiи сыграла крупную роль непослѣдователь-

ность самого правительства, допустившаго многобрачіе укорениться. Дѣло въ томъ, что каждый разъ, какъ только возникалъ вопросъ объ уничтоженіи полигаміи, тотчасъ возникалъ вопросъ о „правахъ“ уже рожденныхъ въ полигамическихъ бракахъ дѣтей, начиная съ многочисленнаго потомства самого Юнга (63 души муж. и жен. пола). Поднимались, не только съ мормонской, но и съ противной мормонству стороны, голоса въ защиту этихъ правъ. Не зачислять же ихъ всѣхъ въ незаконныя дѣти! Не лишать же ихъ наслѣдственныхъ правъ, когда правительство само такъ долго терпѣло полигамію! Разновременно предлагались даже разные компромиссы, и въ томъ числѣ думали признать законными всѣ полигамическіе браки, состоявшіеся до извѣстнаго числа, но побоялись это сдѣлать, дабы не вызвать нареканій въ непоследовательности (если одни браки законны, то законны и другіе), и дѣло осталось безъ окончательнаго рѣшенія. Вообще говоря, какъ ни противна была полигамія для большинства американцевъ, у которыхъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо охраняется святость семейнаго союза, но мормонская полигамія связывалась съ вопросомъ о свободѣ вѣроисповѣданія, и потому общественное мнѣніе только тогда единодушно высказалось за уничтоженіе полигаміи, когда въ посланіи Гранта было удостовѣрено, что въ мормонскомъ вопросѣ свобода исповѣданія остается совершенно неприкосновенной, что мормоны могутъ вѣровать въ кого и какъ хотятъ; могутъ всѣ догматическіе вопросы толковать какъ имъ угодно, но лишь должны отказаться отъ полигаміи, „какъ несогласной съ коренными законами страны“ и потому составляющей преступленіе. Такое выдѣленіе догмата „обязательнаго многобрачія“ и подведеніе его подъ преступленіе, не взирая на его, по мнѣнію мормоновъ, божественное происхожденіе, очень удовлетворило всѣ умы, и послѣ того защитниковъ мормонства „съ многобрачіемъ“ не осталось. Публика ничего не имѣла противъ мормонства, но только „безъ многобрачія“.

Для полнаго разъясненія вопроса о многобрачіи необходимо добавить еще, что сами мормоны выдвинули его не съ тою смѣлостью и откровенностью, какъ, напр., они выдвинули вопросъ о мормонской библии, а подошли къ нему крадучись, таясь и отпираясь отъ его исповѣданія, когда фактически оно давно уже существовало. Еще будучи въ Миссури главой церкви, Смитъ проповѣдовалъ право каждаго мормона имѣть, кромѣ плотскихъ, еще и духовныхъ женъ. Въ 1832 году Смитъ получилъ, на этотъ счетъ, особое откровеніе, но оно никому возвѣщено не было, и только въ 1843 г. откровеніе это было обнаружено, а до того

торжественно отрицалось и гласно, и письменно. Затѣмъ только 29-го августа 1852 года, т.-е. черезъ двадцать лѣтъ, Бригамъ Юнгъ заявилъ въ собраніи о томъ, что онъ получилъ откровеніе о многобрачїи, и только тогда ученіе это вошло въ составъ мормонскаго вѣрованія. Свое откровеніе Юнгъ даже опубликовалъ въ газетѣ „Desert News“; въ этомъ актѣ полигамія разрѣшалась и притомъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ, а именно, разрѣшалось жениться и на одной, и на нѣсколькихъ разомъ, разрѣшалось жениться на двухъ родныхъ сестрахъ, или на матери и ея дочери, или на матери и двухъ дочеряхъ, и Бригамъ Юнгъ не находилъ даже препятствій къ женитьбѣ брата на сестрѣ, „ибо, по его мнѣнію, на этотъ счетъ нигдѣ никакихъ воспрещеній нѣтъ, и это не противорѣчитъ природѣ“.

Такое поведеніе мормоновъ при объявленіи полигаміи много повредило ихъ дѣлу и возбудило основательныя сомнѣнія въ ихъ искренности.

Окончательный выводъ, который слѣдуетъ сдѣлать по вопросу—существуетъ или нѣтъ у мормоновъ полигамія, тотъ, что полигамія несомнѣнно у нихъ существуетъ, и мормоны, никогда не отказываясь отъ многобрачїа, какъ ученія своей вѣры, лишь наружно подчинились постановленію конгресса, признавшему полигамію преступленіемъ.

Что многоженство въ дѣйствительности существуетъ у мормоновъ и въ настоящее время, это подтверждается, между прочимъ, недавнимъ (въ ноябрѣ 1893 г.) процессомъ, бывшимъ въ Нью-Йоркѣ. Нѣкій Дугласъ изобличенъ былъ въ томъ, что имѣлъ шесть женъ, жившихъ на разныхъ квартирахъ и носившихъ его имя, хотя обвиняемый отрицалъ это и старался доказать, что это не жены, а такъ себѣ—просто знакомыя женщины.

III.

Въ городѣ Соленого озера, случайно, мнѣ попала въ небольшую книжка, въ пять квадратныхъ вершковъ, подъ заглавіемъ: „Promised Land“, т.-е. „Обѣтованная земля“. Подъ этимъ наименованіемъ разумѣется не иное чтѣ, какъ штатъ Утахъ и его резиденція—городъ Соленого озера. Идея книжки та, что Утахъ сдѣлался „обѣтованной землей“, благодаря мормонамъ и собственно для мормоновъ. Въ этой книжкѣ сдѣлано замѣчательно ловкое сопоставленіе между Палестиной и Утахомъ. Для такого сопоставленія прибѣгли просто къ графическому способу. Обѣ страны

рисуются рядомъ и обѣимъ дается одинаковая фигура. Въ Палестинѣ р. Іорданъ течетъ слѣва направо, соединяя Мертвое море съ озеромъ Тиверіадскимъ; въ Утахъ также р. Іорданъ течетъ слѣва направо, соединяя Большое Соленое озеро съ озеромъ Утахъ. На картѣ Палестины р. Іорданъ течетъ въ долину, окруженной горами; и на картѣ Утаха Іорданъ течетъ точно также между горами, и даже разстояніе города отъ Соленого озера такое же, какъ разстояніе Іерусалима отъ Мертваго моря. Въ довершеніе всего обѣ страны названы „обѣтованными землями“ и внизу сдѣлана подпись: „поразительное сходство“.

Если это сходство, по наружности, не такъ поразительно, какъ это утверждаютъ мормоны, рисуя съ явными натяжками одинаково обѣ страны, то въ самомъ дѣлѣ нельзя не признать, что для мормоновъ Утахъ, дѣйствительно, сдѣлался „обѣтованной землей“, въ которой они обрѣли покой, послѣ долгихъ мытарствъ и гоненій. Поразительное внѣшнее благоустройство ихъ бросается въ глаза прежде всего. Изъ многихъ благоустроенныхъ американскихъ городовъ ни въ одномъ нѣтъ такъ правильно разбитыхъ кварталовъ, какъ въ столицѣ мормоновъ. Всѣ главныя улицы въ 130 футовъ ширины, всѣ второстепенныя—въ 80 футовъ; всѣ кварталы не болѣе и не менѣе какъ въ пять акровъ; всѣ дома въ зелени. По всему городу проходятъ или электрическіе, или канатные трамваи; всѣ улицы освѣщены электричествомъ, и на каждый кварталъ приходится не менѣе 2.000 свѣчей. Наконецъ, всѣ пьютъ превосходную артезіанскую воду, и мимо всѣхъ домовъ проходятъ оросительныя каналы, поддерживающія въ порядкѣ зелень.

Само собою разумѣется, что такъ называемый „храмовой кварталъ“ составляетъ тотъ пунктъ, который прежде и больше всего привлекаетъ вниманіе туристовъ. Главный храмъ такъ же высится надъ всѣмъ городомъ, какъ у насъ въ Одессѣ, высится надъ всѣмъ городомъ театръ, а въ Іерусалимѣ когда-то высылся храмъ Соломоновъ. Я уже сказалъ, что храмъ этотъ оконченъ только въ апрѣлѣ 1893 года, послѣ сорокалѣтней постройки, и представляетъ единственное зрѣлище, по своей грандіозности и оригинальности. Сами мормоны все еще не могутъ наглядѣться на свое произведеніе. И дѣйствительно, если храмъ этотъ не выдается исключительною своею высотой, то другого такого оригинальнаго зданія въ Америкѣ нѣтъ. Вся высота его достигаетъ 32 сажень (222 фут.), ширина 14 сажень (99 фут.), толщина стѣнъ внизу—восемь футовъ. Изъ сорока лѣтъ, прошедшихъ отъ начала постройки, только двадцать лѣтъ храмъ дѣйствительно

строился. Много разъ теряли надежду довести постройку до конца, и цѣлый десятокъ лѣтъ начатыя стѣны стояли не поднимаясь болѣе пяти футовъ надъ землею. На постройку принесено три съ половиною милліона долларовъ добровольныхъ приношеній, а весь камень привезенъ на воловьихъ подводахъ. Для освѣщенія храма установлена баттарей въ тысячу элементовъ; отопленіе производится паромъ. На переднемъ фасадѣ храма сдѣлана надпись, свидѣтельствующая, что храмъ построенъ „святыми послѣднихъ дней“ и посвящается Богу.

Къ величайшему изумленію каждого туриста, его не пустятъ ни въ главный храмъ, ни въ находящуюся рядомъ съ нимъ такъ называемую „залу собраний“ (Assembly Hall) и откажутъ въ этомъ впускѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Говорятъ, что въ главный храмъ никого и никогда не впускали, но собственно въ залъ собраний пускали еще недавно; я получилъ категорическій отказъ. Когда я выразилъ мое по этому поводу удивленіе знакомому редактору мормонской газеты, онъ объяснилъ мнѣ, что главный храмъ открытъ только для должностныхъ лицъ и для тѣхъ, которые должны присутствовать при совершеніи церемоній, и что храмъ этотъ не для публики и не для обыкновенныхъ богослуженій.— „Я самъ не былъ тамъ еще ни разу, — добавилъ редакторъ, — и не знаю, буду ли когда-нибудь“.

Отъ нѣкоторыхъ иностранныхъ путешественниковъ я слышалъ, что ихъ не допустили и въ третій храмъ, т.-е. тотъ, въ которомъ совершается воскресное богослуженіе, но этотъ храмъ я имѣлъ случай осмотрѣть подробно. Первый разъ, когда я былъ тамъ, я вошелъ безпрепятственно, и только какой-то старый и строгій мормонъ потребовалъ, чтобы я снялъ шляпу, едва я только появился на порогѣ зданія. При входѣ я нашелъ даже книгу для записыванія именъ посѣтителей и насчиталъ въ ней, за послѣдніе три года, пять фамилій, написанныхъ русскими буквами. Я оказался шестымъ посѣтителемъ изъ Россіи.

Этотъ храмъ называется Табернаклъ (Tabernacle), что означаетъ „сокровищницу“, „кивотъ“, „дарохранительницу“. Это—громадное зданіе, почти въ 36 сажень (251 фут.) длины, и полтора ста футовъ ширины. Оно деревянное, съ крышей въ формѣ суповой чаши, и эта своеобразная крыша покоится на 44 отдѣльныхъ каменныхъ столбахъ. Все зданіе представляетъ эллипсическую, приземистую форму и, на случай пожара, имѣетъ двадцать дверей, шириною по девяти футовъ каждая, благодаря чему это громадное зданіе, вмѣщающее болѣе двѣнадцати тысячъ людей, можетъ быть очищено въ нѣсколько минутъ.

Внутри Табернаклъ представляетъ безконечные ряды голыхъ деревянныхъ скамеекъ, разставленныхъ по эллипсису, также совершенно голыя стѣны, деревянную, безъ балдахина, каведру, какой-то совершенно простой деревянный столъ и колоссальнѣйшій органъ, первый по величинѣ не только въ Америкѣ, но и во всемъ свѣтѣ, чѣмъ мормоны не мало гордятся, и особенно потому, что эта громадина сооружалась въ Утахѣ и притомъ мормонскими мастерами. Переднй фасадъ этого органа въ 58 футовъ, т.-е. болѣе восьми сажень высоты, а каждая боковая сторона въ четыре съ половиною сажени высоты и ширины. Въ органѣ имѣется 2.648 трубъ, размѣрами отъ двухъ до тридцати двухъ футовъ каждая, а предъ органомъ—мѣста для пятисотъ пѣвчихъ. Ниже органа четыре ряда сидѣній—для пророка, апостоловъ, учителей и вообще священнодѣйствующихъ. На верхнемъ сидѣніи помѣщается только одинъ президентъ церкви „святыхъ послѣднихъ дней“; на второй скамьѣ сидятъ двѣнадцать апостоловъ; на третьей—такъ называемые совѣтники и президенты отдѣловъ, а на четвертой, предъ столомъ, садятся исполнители требъ, что совершается каждую субботу. вмѣсто вина причащаются одной водой. Публичное богослуженіе происходитъ каждое воскресенье и начинается поздно, именно въ два часа по полудни. Впускаютъ всѣхъ, не справляясь, кто входитъ, но вошедшихъ не выпускаютъ до окончанія службы. Никакихъ сборовъ во время службы не дѣлается. Зданіе почти не имѣетъ дневного свѣта и во время службы освѣщается газомъ.

Акустика въ этомъ храмѣ, вѣроятно, единственная въ мірѣ. Въ самыхъ отдаленныхъ концахъ слышна не только обыкновенная человеческая рѣчь, но даже и шопотъ. Во второй разъ, когда я былъ въ Табернаклѣ, я встрѣтилъ того же строгаго мормона, который требовалъ отъ меня снятія шапки, но настроеннаго несравненно болѣе милостиво, чѣмъ въ первый разъ. Онъ вступилъ даже со мной въ разговоръ, и, ободренный этимъ, я спросилъ его объ акустикѣ въ этомъ громадномъ храмѣ. Мормонъ пустился въ похвалы и резонанса, и акустики, и въ доказательство необычайности послѣдней продолжалъ предо мною слѣдующее: онъ попросилъ меня стать въ самой отдаленной точкѣ храма, и когда я отошелъ болѣе чѣмъ на сто шаговъ, онъ постучалъ по деревянному барьеру тупымъ концомъ булавы, и я явственно слышалъ стукъ на такомъ большомъ разстояніи. Неудивительно поэтому, что мормонскіе ораторы говорятъ безъ всякаго напряженія и выкрикиванія, что почти неизбежно встрѣчается во всѣхъ прочихъ сектантскихъ церквахъ въ Америкѣ.

Справившись у знакомых мормоновъ — допустить ли меня присутствовать при богослуженіи и получивъ утвердительный отвѣтъ, я пошелъ въ первое воскресенье и всталъ въ Табернаклѣ не менѣе десяти тысячъ слушателей. Органъ потрясалъ своды „сокровищницы“, когда я вошелъ, и мой приходъ не обратилъ никакого вниманія. Президентъ, апостолы, учителя, всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ, но ни на комъ изъ нихъ не было замѣтно никакихъ виѣшнихъ знаковъ ихъ званій и достоинствъ. Долго пѣли общимъ хоромъ по книжкамъ, заключающимъ въ себѣ всѣ „сіонскіе гимны“. Книжки частью раздавались, частью приносились съ собой. Я тоже получилъ книжку. Она называлась: „Священные гимны и духовныя пѣсни церкви святыхъ послѣднихъ дней“ ¹⁾. Потомъ одинъ изъ учителей прочиталъ нѣсколько молитвъ, по видимому импровизированныхъ, и затѣмъ всталъ проповѣдникъ и, назвавъ слушателей „братьями и святыми“, заговорилъ на тему, живо интересующую въ настоящее время въ Америкѣ не однихъ только мормоновъ. Онъ поставилъ вопросъ—согласно ли съ чисто христіанскими воззрѣніями сожженіе труповъ вмѣсто погребенія—и затѣмъ началъ беспощадно громить это нововведеніе, какъ антихристіанское, языческое и богопротивное. Больше всего проповѣдникъ опирался на евангельскій фактъ воскрешенія Лазаря. Особенное значеніе онъ придавалъ тому обстоятельству, что когда І. Христосъ явился въ домъ Лазаря, Онъ прежде всего спросилъ: „гдѣ вы его положили?“—откуда ораторъ выводилъ, что еслибы Христосъ одобрялъ сожженіе, то не спросилъ бы: „гдѣ вы его положили?“, а спросилъ бы: „когда вы его сожгли?“; а такъ какъ онъ спросилъ: „гдѣ вы его положили?“, то изъ этого слѣдуетъ, что трупъ умершаго долженъ быть гдѣ-нибудь положенъ, но никакъ не сожженъ. Въ заключеніе ораторъ выразилъ убѣжденіе, что „святые послѣднихъ дней“ никогда не допустятъ у себя этого языческаго нововведенія.

Необходимо замѣтить, что по мормонскимъ понятіямъ всѣ немормоны суть язычники (gentils). Исключеніе сдѣлано только для евреевъ и для индѣйцевъ. Это—не язычники, и собственно потому, что евреи были „первымъ“ народомъ, которому Богъ открылъ тайны бытія, и этотъ первый, „божій“ народъ до сихъ поръ держится старой вѣры, а краснокожіе—тоже не-язычники, потому что они происходятъ изъ племени Израиля, и хотя отпали отъ него по заблужденію, но еще могутъ быть обращены

¹⁾ Sacred Hymns and spiritual songs for the church of Jesus Christ of Latter-Day-Saints. Это было двадцатое изданіе 1881 года.

на правый путь апостолами истинной, т.-е. мормонской церкви. Засимъ, что касается до всѣхъ прочихъ христіанъ и не-христіанъ, то всѣ они такъ далеко разошлись въ пониманіи Божества, такъ сдѣлались чужды другъ другу, что не остается никакой надежды на воссоединеніе ихъ въ лонѣ единственно истинно-христіанской, т.-е. мормонской церкви, а потому всѣ эти церкви безнадежно языческія.

По окончаніи проповѣди о неправильности сожженія труповъ запѣли гимнъ и съ этимъ пѣніемъ разошлись. Никто не пророчествовалъ ни по вдохновенію, ни „по обязанности“, ибо послѣдній родъ пророчества также признается мормонами.

Третій храмъ находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Табернакла и большого храма, но въ него меня не пустили. Въ этомъ храмѣ, какъ я узналъ, стоитъ по срединѣ столъ для причастія, именуемый жертвенникомъ; въ самомъ же храмѣ много скульптурныхъ произведеній, много живописи, какъ по стѣнамъ, такъ и въ отдѣльныхъ картинахъ, и въ особенности, какъ говорить, интересна картина, изображающая ангела Морони, указующаго пророку Смуту, гдѣ зарыты на холмѣ Кьюмора (Cuthumrah) золотыя скрижали мормонской библіи. Причастіе совершается каждую субботу и здѣсь, также единственно водой.

Такимъ образомъ, изъ трехъ храмовъ пускаютъ только въ одинъ, а остальные два, если вѣрять самимъ мормонамъ, открыты и не для всѣхъ мормоновъ. Весь храмовой кварталъ обнесенъ невысокой стѣной, грязно-сѣраго цвѣта. Противъ главнаго храма поставлены простыя деревянные ворота, и въ домикѣ около нихъ сидитъ пресердитый мормонъ, который очень охотно продастъ вамъ описаніе новаго храма, но ни за что не позволитъ пройти черезъ обширный дворъ, составляющій ближайшій путь въ Табернаклъ, а потребуетъ, чтобы вы обошли съ задней стороны, обращенной на пустынную улицу, что удлиняетъ путь по крайней мѣрѣ версты на полторы. Въ объясненіе этой нелюбезности мнѣ рассказали, что въ послѣднее время мормоны опасаются соглядатаевъ, пріѣзжающихъ во множествѣ изъ Вашингтона, и расположены подозрѣвать въ каждомъ туристѣ тайныя цѣли. Весь храмовой кварталъ занимаетъ болѣе трехъ десятинъ (10 акровъ).

Также не пускаютъ любопытствующихъ туристовъ и въ домъ Бригама Юнга. Дѣлается это подъ предлогомъ ветхости, и, въ самомъ дѣлѣ, домъ заколоченъ и необитаемъ. Домъ этотъ, называемый „Львинымъ“ ¹⁾, потому что на одномъ изъ его балко-

¹⁾ Поселившись среди индейцевъ, мормоны заимствовали отъ нихъ обычай давать прозвища всѣмъ своимъ выдающимся дѣтелямъ. Такъ Бригамъ Юнгъ назыв-

ночь грубо вытѣплена неуклюжая фигура льва, въ самомъ дѣлѣ порядочно ветхъ.

Довольно высокія стѣны, окружающія этотъ домъ, — единственные по своей, также неуклюжей и отжившей формѣ. Онѣ сдѣланы изъ глинобитной кладки и подперты безобразными контрфорсами. Часть этой стѣны, очевидно, уже рухнула и замѣнена деревянной рѣшеткой, сквозь которую можно видѣть, что балконъ нижняго этажа дома Бригама Юнга устланъ деревяннымъ поломъ, пришедшимъ въ совершенную негодность. Нѣкоторыхъ досокъ уже совсѣмъ нѣтъ, и вообще домъ въ запущеніи. Въ этомъ домѣ Бригамъ Юнгъ блаженствовалъ съ своими двадцатью-тремя женами. Всѣ его дѣти, числомъ шестьдесятъ-три души, мужского и женскаго пола, также, въ большинствѣ, родились въ этомъ домѣ. Въ бывшую резиденцію знаменитаго мормонскаго пророка ведетъ такъ называемая „орлиная рѣшетка“, хотя это вовсе не рѣшетка, а небольшая арка, на которой изображенъ мормонскій гербъ — „орелъ, сидящій на ульѣ“.

Если затѣмъ упомянуть о залѣ собраній для увеселеній, гдѣ мормоны періодически усердно отплясываютъ, да о довольно обьемистомъ театрѣ, гдѣ ихъ развлекаютъ, а также о домѣ редакціи первой мормонской газеты, „Газета Пустыни“, а также о совсѣмъ незамѣчательномъ музеѣ и, наконецъ, о такъ называемомъ Historian's Office, гдѣ собраны о мормонахъ всѣ печатныя и иные свѣдѣнія, которыя только можно было собрать, — то мы будемъ имѣть ясное представленіе о разнообразной дѣятельности Юнга. Все это дѣло его рукъ, его предприимчивости и энергіи. Онъ же устроилъ водопроводъ, длиною въ 106 миль, дающій восемь милліоновъ галоновъ воды въ сутки; онъ же положилъ начало школьному воспитанію (теперь въ городѣ Соленаго озера тридцать школъ и сто-тридцать учителей). Наконецъ, онъ же, Бригамъ Юнгъ, устроилъ „Сіонскій банъ“, ведущій на славу свои дѣла. Знаменитый мормонскій пророкъ совмѣщалъ въ одномъ лицѣ все. Онъ былъ законодатель, банкиръ, купецъ, проповѣдникъ, миссіонеръ, организаторъ управленія, главнокомандующій, однимъ словомъ, духовный и свѣтскій властелинъ. Правда,

маса „Довѣ Господа“; первый его содѣльникъ Кимбалъ именовался „Вѣстникъ милости“; другой содѣльникъ назывался „Хранитель святыхъ свѣтловъ“. Нѣкто Альбертъ Синтъ именовался „Опорой истинны“, а Парлей Пратъ, особенно много писавшій и разъяснявшій религіозныя вопросы, считался „Стражемъ рая“. За симъ были: „Мѣра мудрости“ (Орсонъ Пратъ), „Оливковая вѣтвь Израиля“ (Орсонъ Хейда), „Борецъ за правду“ (Тайлоръ) и, наконецъ, настоящій президентъ, Вудруфъ, есть „Ставъ Евангелія“.

что въ его организаторской и общественной дѣятельности ему всегда много вредило то, что ему приписывались сепаратическія стремленія. Говорили, что Юнгъ задумывалъ отдѣлиться отъ союза, образовать самостоятельное государство, и даже полигамія считалась будто бы только способомъ для скорѣйшаго размноженія населенія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ также способъ для привлеченія прозелитовъ. Все способствовало расширенію и упроченію вліянія Юнга. Онъ безгранично и безконтрольно распоряжался милліонами мормонскихъ денегъ, но никто и никогда не упрекалъ его въ злоупотребленіи общественными суммами, и его многочисленное потомство исчезло въ массѣ обыкновеннаго состоянія людей, не выдѣляясь ни богатствомъ, ни даже достаточностью. Всѣ данныя о Бригамѣ Юнгѣ свидѣтельствуютъ, что это былъ отнюдь не фанатикъ и не религіозный мечтатель (какъ напр. Магометъ), а совершенно практическій человѣкъ. Подъ его вліяніемъ мормоны развили въ себѣ предпримчивость, энергію, трудолюбіе, честность, воздержаніе, простоту нравовъ, и, въ ожиданіи наступленія тысячелѣтняго царствія, они не сложили рукъ и не принялись сжигать свое имущество, какъ ихъ закавказскіе духовные собраты, прыгуны, а неутомимо продолжали обрабатывать пустыню и на мертвыхъ солончакахъ и пескахъ насадили садъ.

Вообще, можно сказать, что „святые послѣднихъ дней“ совсѣмъ не унылый и забитый народъ. Они жизнерадостны, веселы и дѣятельны. Правда, что всѣ мормонскіе балы и театральныя представленія начинаются не иначе, какъ общей молитвой, напоминающей о смертномъ часѣ, и только послѣ такой молитвы пускаются въ плясъ или начинаютъ смотрѣть веселенькій водевиль, но это уже такое положеніе, нисколько не отражающееся на искренности веселья.

Мормонское веселье, вѣроятно, не похоже на европейское. Балльных костюмовъ нѣтъ, никакихъ драгоценностей не носятъ, обнаженные плечи запрещены, — ибо „обнаженіе, по мнѣнію мормоновъ, есть начало проституціи“, — возлѣзній не допускается, и къ полуночи всѣ сидятъ по домамъ.

Кто побывалъ въ Америкѣ, тотъ имѣлъ случай убѣдиться, что нигдѣ женщины такъ много не занимаютъ собой, какъ въ этой, прославленной своей дѣловитостью, странѣ. Таково, по крайней мѣрѣ, мое впечатлѣніе послѣ объѣзда дюжины самыхъ большихъ и оживленныхъ центровъ, отъ крайняго запада до крайняго востока. Истинныхъ старухъ, т.-е. добросовѣстно признававшихъ наступленіе періода полнаго увяданія, мнѣ совсѣмъ

не приходилось встрѣчать въ Америкѣ въ томъ классѣ, который считается интеллигенціей или обладаетъ извѣстною долею благосостоянія. Старушки съ модными прическами, локонами, всякими завитушками и бахромой на лбу, для сокрытія морщинъ, — самое обыкновенное явленіе. Всѣ эти приемы практикуются даже очень почтенными особами, стоящими, что называется, уже одной ногой въ гробу. Беззубыхъ старухъ совсѣмъ нѣтъ. Американскіе дантисты и многочисленны, и недороги, но своеобразные янки почему-то нерѣдко предпочитаютъ носить фальшивые зубы, сдѣланные изъ золота, и эти блестящіе золотые зубы прекурьезно у многихъ выглядываютъ изъ рта.

Мормонки города Соленого озера особенно обращаютъ на себя вниманіе кокетливостью, нѣкоторою вертлявостью, тщательностью костюмовъ, причесокъ и граціозностью походки. Универсальное свойство женщинъ всего міра — такъ называемая „погоня за восхищеніемъ“ — проявляется тамъ особенно ярво. Вообще обитательницы города Соленого озера красивы и миловидны. Преобладаетъ между ними типъ „янки“, т.-е. нѣтъ безобразно длинныхъ англійскихъ лицъ, съ лошадиными зубами, но также нѣтъ и нѣмецкой широконослости. Смѣсь коренныхъ янки съ многочисленными шведами, норвежцами, датчанами, вообще скандинавскимъ племенемъ, почему-то особенно падкимъ до мормонства, явно отразилась на типѣ мѣстныхъ обитателей. Происхожденіе многихъ мормоновъ отъ явно кровосмѣсительныхъ браковъ ни сколько, пока, не отразилось на здоровьи обитателей. Жизнь и движеніе въ городѣ Соленого озера громадны, а я засталъ тамъ еще выборную горячку, по случаю назначенія новаго мэра, что усилило обычное движеніе.

Мормонскія газеты также отнюдь не имѣютъ унылаго оттѣнка и помѣщаютъ много юмористическихъ разсказовъ и анекдотовъ. Рядомъ съ „символомъ вѣры“ и обсужденіемъ какого-либо духовно-нравственнаго сюжета, помѣщаются превеселенскія статейки о томъ, напримѣръ, какимъ способомъ вести любовные разговоры при посредствѣ носового платка. Прижать платокъ къ губамъ, — учить мормонская газета, — означаетъ „согласіе завести знакомство“; опустить платокъ внизъ значитъ: „выполнѣ симпатизирую“; растянуть платокъ на колѣняхъ означаетъ: „люблю тебя“; приложить платокъ къ правой щекѣ значитъ: „да“; къ лѣвой — „нѣтъ“; положить на плечо — „слѣдуй за мной“; къ глазамъ — „вы жестоки“; наверхъ платокъ на указательный палецъ значитъ: „я невѣста“, на палецъ безымянный „я замужемъ“ и т. д. — цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ въ этомъ родѣ.

Ведя вообще жизнь дѣятельную, трезвую, веселую и развлекаясь по мѣрѣ силъ, современные мормоны считаютъ себя несправедливо гонимыми „страдальцами за вѣру“. Настоящій моментъ ихъ жизни представляетъ особенно много интереснаго. Въ 1893 году они издали книгу подъ заглавіемъ: „Исторія мормоновъ, ихъ гоненій и скитаній“ (сочиненіе Георга Киннонъ), въ которой, въ самомъ жалобномъ тонѣ, перечисляются всѣ претерпѣнныя ими невзгоды. Исключивъ только нѣсколько унылый тонъ этой книги и излишне мрачную и одностороннюю окраску нѣкоторыхъ событій, все тамъ передано довольно вѣрно и подтверждается фактическими данными. За долгій срокъ періода борьбы съ многочисленными противниками, начавшейся вслѣдъ за основаніемъ секты, ихъ обвиняли во многомъ и многое приписывали имъ. Кромѣ противозаконной полигаміи, ихъ еще обвиняли въ мошенничествѣ и обманѣ, подводя подъ это понятіе ихъ ученіе объ откровеніи и исцѣленіи больныхъ возложеніемъ рукъ. Въ такихъ, напримѣръ, фактахъ, какъ мормонская обособленность, ихъ уединенная жизнь, нежеланіе смѣшиваться съ другими сектами и проч.—усматривали поводъ къ подозрѣнію въ совершеніи ими разныхъ преступленій. Говорили открыто, что мормоны богатѣютъ, фабрикауютъ фальшивыя монеты, занимаясь кражей лошадей, грабежомъ и разбоемъ. Проводимую мормонами мысль, что въ единеніи—сила, толковали въ томъ смыслѣ, что мормоны разумѣютъ не религіозное единеніе, а коммунистическое. По мѣрѣ возрастанія ихъ силы и благосостоянія заподозрѣвалось ихъ желаніе устроить *imperium in imperio*. Ихъ обвиняли въ нарушеніи конституціи, обвиняли въ измѣнѣ и враждебности къ союзнымъ учрежденіямъ, въ то время какъ мормоны клялись въ своей незыблемой любви къ американскому союзу и не переставали высказывать, даже забравшись въ глубь индѣйскихъ пустынь, что американская конституція есть совершеннѣйшая изъ совершенныхъ, что и включили даже въ свой „символъ вѣры“. Изъ всѣхъ тяжелыхъ испытаній, „посланныхъ самими Небесами“, мормоны, по ихъ убѣжденію, вышли съ честью, вышли побѣдителями и заслужили названіе „народа божія“. Теперь они, „святые послѣднихъ дней“, убѣждены, что обладаютъ такими качествами, приобретенными въ борьбѣ съ гоненіями, что и впредь выйдутъ побѣдителями изъ всякихъ испытаній. Они вѣрятъ, что всѣ ихъ враги погибнутъ. Они пророчатъ, что если нарушеніе американской конституціи началось съ нихъ, то на нихъ оно не окончится, а будетъ перенесено на другія вольности и права американскаго народа. Они вѣрятъ, что имъ предстоятъ еще многія страданія и испытанія, но что они

окончательно восторжествуютъ. Они увѣряютъ, что, испытавъ несправедливыя гоненія, они только лучше научились цѣнить свободу, а ихъ гонители только нравственно пали. Ихъ слава и могущество еще впереди. Они не перестаютъ повторять, что были первыми пионерами на западѣ Америки, что они шли впереди всѣхъ, что у нихъ у первыхъ заведены были образцовыя хозяйства, что первая газета на западѣ была основана ими, наконецъ, что они первые дали американской женщинѣ право голоса, и что вообще они образцы честности и дѣловитости, и никто не превзойдетъ ихъ въ мирныхъ добродѣтеляхъ.

Во всѣхъ этихъ претензіяхъ мормоновъ фактически справедливо только то, что они одни изъ первыхъ высказались за освобожденіе рабовъ въ Америкѣ и тѣмъ накликали на себя обвиненіе въ укрывательствѣ невольниковъ.

Дальнѣйшая судьба мормоновъ и ихъ религіознаго ученія такова.

Сборное ученіе ихъ и крайне своеобразная идея Божества поддерживается во всей неприкосновенности уже пятьдесятъ лѣтъ. Первый основатель секты, пророкъ Смитъ, провозгласилъ: „главный принципъ нашей религіи есть исканіе истины; а такъ какъ частицей этой истины обладаютъ и католики, и магометане, и баптисты, методисты, и всѣ другія религіи, но въ этихъ религіяхъ истина смѣшана съ заблужденіемъ, то мы беремъ истину отъ всѣхъ и оставляемъ ихъ при однихъ заблужденіяхъ“. На этомъ основаніи мормоны вняли у буддистовъ идею переселенія душъ, у язычниковъ—вѣру въ волшебниковъ и колдовство, вѣру въ злыхъ и добрыхъ духовъ, у христіанъ—вѣру въ чудеса и изгнаніе дьяволовъ, у евреевъ—теократическое управленіе, у баптистовъ—крещеніе по достиженіи зрѣлаго возраста, у пресвитеріанъ—обычай голосованія всѣхъ церковныхъ вопросовъ, и, наконецъ, у мусульманъ воспрещеніе горячихъ напитковъ и многоженство. Собравъ изъ всѣхъ ученій то, что казалось имъ болѣе истиннымъ, мормоны почли за наилучшее всѣ неясные вопросы (а ихъ оказалось очень много) предоставить разрѣшенію посредствомъ откровеній. И это практически оказалось очень удобно. Къ посредству откровенія прибѣгали иногда даже и тогда, когда, повидимому, вопросъ уже былъ разрѣшенъ, но рѣшенъ, такъ сказать, не согласно съ общими желаніями. Напримѣръ, вопросъ: пить или не пить—хотя и былъ разрѣшенъ, но, по общему желанію, потребовалъ дополнительнаго рѣшенія, которое и послѣдовало въ особомъ откровеніи Смиту. Въ силу этого откровенія, пророку предоставлено, въ отдѣльныхъ случаяхъ, не считать вино опья-

няющимъ, и тогда вино, сколько бы его ни пили, нисколько не вредитъ и не опьяняетъ.

Между прочими заимствованиями изъ разныхъ религій, особенно интересно заимствование у древнихъ грековъ идеи многобожія, идущей какъ будто въ разрѣзъ съ изложеннымъ выше изъ „символомъ вѣры“. Судя по этому „символу вѣры“, выходитъ какъ будто мормоны вѣруютъ только въ единого Бога, но на дѣлѣ оказывается, что, по ихъ мнѣнію, боговъ много, что отдѣльный богъ существуетъ для каждой планеты и что тотъ Богъ, про котораго говорится въ „символѣ мормонской вѣры“, есть собственно Богъ земли, состоящій изъ трехъ лицъ, одинаковыхъ по характеру и качеству, но не по существу. Познается же этотъ земной Богъ, по мнѣнію мормоновъ, или по традиціямъ, или по разуму, или по откровенію, доступному каждому вѣрующему. По убѣжденію мормоновъ, собственно говоря, какъ боги, такъ ангелы, такъ и люди—всѣ одной субстанціи, но разнствуютъ по степенямъ совершенства. Боги—это безсмертныя существа совершеннѣйшаго рода, съ совершеннѣйшимъ разумомъ и силою; ангелы не столь совершенны въ тѣлесномъ отношеніи, съ меньшими качествами относительно интеллигенціи и силы, а люди одарены еще меньшими качествами. Затѣмъ на землѣ живутъ безплотные „духи“, оставшіеся отъ людей умершихъ и ожидающіе воскресенія мертвыхъ, съ тѣмъ, чтобы или превратиться въ ангеловъ и боговъ, или понести достойное наказаніе. Наконецъ, живущіе на землѣ люди суть также не что иное какъ „духи“, но плотскіе, а кромѣ того есть еще носящіеся въ пространствѣ „духи-дѣти“, ожидающіе рожденія на землѣ тѣла, чтобы вселиться въ нихъ.

О существѣ самого Бога мормоны имѣютъ представленіе вовсе не согласное съ христіанскими воззрѣніями. Богъ, учатъ мормоны, хотя и не можетъ грѣшнить, но имѣетъ, какъ языческіе боги, человѣческія потребности и страсти, т.-е. ѣсть, пить, любить, ненавидѣть, чтѣ, молъ, и подтверждается св. Писаніемъ. Богъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть одновременно въ двухъ мѣстахъ, хотя Онъ и вездѣсущъ, но вездѣсущъ только духъ Его, а не Онъ самъ. Наконецъ, говорятъ мормоны, отъ Бога родятся временно безплотные духи-дѣти, ожидающіе вселиться въ рожденныя на землѣ тѣла, и т. д.

Какъ уже упомянуто ранѣе, мормоны, какъ и прыгуны, ожидаютъ тысячелѣтнаго царствія и вѣрятъ въ наступленіе его; но какъ тѣ, такъ и другіе, приспособливаютъ свои ожиданія въ извѣстной мѣстности. Эриванскіе прыгуны ожидали наступленія этого царствія на берегахъ озера Гокча, между селеніями Семеновкой

и Еленовой, а мормоны ожидаютъ его въ штатѣ Миссури, въ округѣ Джаксонъ. Тамъ, говорятъ они, объявятся „Новый Іерусалимъ“, и въ райскомъ блаженствѣ и радостяхъ наступитъ „сіонское царствіе“. Затѣмъ послѣдуетъ пришествіе Христа, и земля окончательно населится бессмертными существами.

Послѣ уничтоженія административнымъ порядкомъ полигаміи, мормоны уже не осмѣливаются похвалиться изобиліемъ дѣтей и гласно ссылаются на Геродота, будто бы указывавшаго, что „высшее назначеніе человѣка—вызывать и распространять жизнь“. Нынешніе „ново-язычники“ въ шутку даже говорятъ, что и многоженство, и двоеженство, преслѣдуется только „изъ состраданія“ къ мужчинамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они продолжаютъ утверждать, что „жить и любить—синонимы“, и что человѣку суждено только разъ родиться и разъ умереть, но не указано, сколько разъ онъ долженъ любить... Для вступленія въ мормонство, кромѣ исчезнувшей уже приманки, представлявшей въ полигаміи, остались еще другія притягательныя свойства, а именно сулимое всякому прозелиту благосостояніе и общая зажиточность мормоновъ, не знающихъ ни бѣдности, ни пьянства, ни проституціи, ни пресупленій.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что въ Америкѣ всѣ признаютъ, что въ настоящее время секта мормоновъ находится въ періодѣ паденія. Это паденіе, по всеобщему признанію, началось съ окончаніемъ тихо-океанской дороги и установленіемъ непрерывной желѣзно-дорожной линіи отъ Атлантическаго до Тихаго океана. Съ установленіемъ этой связи неизвѣстность и изолированность мормонства окончилась. Независимая отъ мормонскихъ главарей печать принялась громить и изобличать „святыхъ послѣднихъ дней“; со всѣхъ сторонъ наѣхали чуждые и притомъ любопытные люди и стали подкапываться подъ духовный авторитетъ мормонскихъ вожаковъ. Послѣ смерти Юнга не нашлось такого же талантливаго ему преемника, и тяжеловѣсная духовная мормонская организація хотя осталась и остается понынѣ безъ измѣненія, но практическое примѣненіе самого культа значительно затруднилось цивилизованными условіями жизни и гласной оппозиціей другихъ сектантовъ. Въ виду этой оппозиціи, и пророкъ, и мормонскіе апостолы, и миссіонеры осуждены были на бездѣйствіе внутри Америки, а результаты миссіонерства въ дальнихъ странахъ, имѣвшаго большіе успѣхи въ самомъ началѣ, смѣнились неудачами и не соотвѣтствовали затратамъ на это дѣло. До открытія тихо-океанской дороги прозелиты являлись изъ всѣхъ государствъ и

даже изъ всѣхъ странъ свѣта. Они находились не только въ Англіи, Германіи, Даніи, во всѣхъ Скандинавскихъ государствахъ, въ Швейцаріи, Франціи, Италіи, Испаніи, но даже въ Индіи, Китаѣ, въ Африкѣ (Капштадтѣ), на Сандвичевыхъ островахъ и въ Австраліи. Мормонскіе проповѣдники-апостолы отнюдь не были „апостолами нищеты“ и зазывали прозелитовъ въ свою „обитованную землю“, обѣщая безпечальное житіе и довольство. Но съ возбужденіемъ вопроса о преступности полигаміи и съ постройкой тихоокеанской дороги, приливъ прозелитовъ уменьшился, и въ послѣдніе годы число мормоновъ остановилось. Къ бывшимъ еще при Юнгѣ шести мормонскимъ церквямъ не прибавилось ни одной, и нынѣ методисты и даже масоны вербуютъ себѣ новыхъ членовъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ мормоны. Къ числу причинъ, отшатнувшихъ общественныя симпатіи отъ мормоновъ, относится также ненависть американцевъ ко всякой таинственности, ко всякимъ такъ называемымъ тайнымъ сектамъ, въ числу которыхъ принадлежатъ и мормоны.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ въ общемъ результатъ признать, что мормоны въ настоящее время утратили свое прежнее значеніе, а въ ихъ прошедшемъ для С.-Америки останется только одна существенная заслуга, а именно, они первые насадили въ необитаемыхъ прежде пустыняхъ Америки весьма прочную земельную культуру.

Ник. Дингельштедтъ.

ИСКРА БОЖІЯ

ПОВѢСТЬ.

Съ польскаго.

IV *).

Послѣ обычнаго обмѣна привѣтствій посыпались съ обѣихъ сторонъ вопросы, отвѣты, — сначала общіе. Долгая разлука Романа съ Казиміромъ Домунтомъ видимо порвала между ними духовную связь. Говорилось только потому, что чувствовалась потребность бесѣдовать. Съ любопытствомъ присматривались они другъ къ другу, стараясь дѣлать это незамѣтно.

Съ тѣхъ поръ, какъ Романъ видѣлъ Казиміра Домунта въ послѣдній разъ, онъ страшно измѣнился. Какой-то тонкій... до невозможнаго: исхудалъ, что-ли? До такой степени, что черный, сильно потертый сюртукъ его казался висающимъ на вѣшалкѣ. Кромѣ того, въ немъ замѣчалось что-то такое, что можно было выразить однимъ лишь словомъ: поплелъ.

Необычайная бѣлизна его лица и исхудалыхъ рукъ сразу бросалась въ глаза, какъ нѣчто ненормальное, нездоровое, выхолощенное не въ мѣру. Черезъ-чуръ свѣтлые волосы свѣшивались на лобъ; на вискахъ кожу сводило безпрестанно — короткими нервными подергиваніями. Казалось, будто подъ эпидермой лица натянута какая-то сеть чрезвычайно чувствительныхъ струнъ. Но по широкой откровенной улыбкѣ, блеску голубыхъ глазъ, живости движеній и вѣрикому пожатію руки, легко было узнать старин-

---

*) См. выше: февр., стр. 618.

наго Казю, веселаго малаго, добраго товарища. Нѣсколько легко-
вѣрный, слегка мечтательный,—зажигательная спичка, готовая
вспыхнуть одинаково отъ соприкосновенія и съ солнцемъ, и съ
сальной свѣчой. Говорилъ онъ быстро, въ разговорѣ часто поти-
ралъ лобъ рукой. Всѣ его движенія отличались изяществомъ;
замѣтно было, что онъ долго обращался въ изысканномъ обще-
ствѣ. Прорывались и нервные, какъ бы боязливые жесты. Казя
пододвинулъ кресло къ огню и усѣлся какъ разъ противъ Романа,
а руки опустилъ на колѣни.

— Такъ вотъ какъ!.. вотъ какъ... ѣдешь на мѣсто. Что жъ,
всякій пробуетъ... каждый въ чему-нибудь да стремится. Понятно...
А какъ далеко?

— Трое сутокъ ѣзды...

— Трое сутокъ ѣзды, по желѣзной дорогѣ, конечно?.. Такъ
можно заѣхать на самый край свѣта. Интересная поѣздка. Городъ
тоже любопытный. Должность прекрасная. Поздравляю, поздравляю.
Въ искренности моихъ добрыхъ пожеланій ты, кажется, не можешь
сомнѣваться, вѣдь мы старинные друзья. А только жаль...

И тутъ Казя смѣшался, но Романъ подхватилъ:

— Чего же жаль?

— Нѣтъ, ничего, такъ какъ-то сорвалось. Понятно, когда мы
другъ съ другомъ столнулись, желательно было бы не упускать
изъ виду... Хотѣлось бы имѣть тебя поближе, членомъ нашего
маленькаго кружка.

Романъ сразу оживился и, заговоривъ много и быстро, сталъ
объяснять старинному своему товарищу полную невозможность
оставаться гдѣ-нибудь вблизи Дарновки. Ему и самому очень
жаль, но судьбы своей не устроишь по желанію. Чувство—одно,
а необходимость—другое. Матеріальный фундаментъ подъ ногами
—главнѣйшее условіе. Иное дѣло, когда его добудешь,—тогда
можно смѣло вышивать свою жизнь какими захочешь узорами,
хотя бы и фантастическими. Широко раскинувшаяся цивилизація
множитъ людскія потребности до безконечности; совсѣмъ не такъ
легко имъ удовлетворять. Зато, рядомъ съ нагроможденіемъ по-
требностей, цивилизація безконечно разнообразитъ стремленія и
цѣли, а это самое дѣлаетъ невозможность опредѣленія для всѣхъ
одинаковыхъ нормъ. То, что для одного достаточно,—для другого
можетъ показаться нищенствомъ, и наоборотъ. Одинъ поступаетъ
такъ, другой—иначе; одному хорошо на одномъ мѣстѣ и въ из-
вѣстномъ положеніи на лѣстницѣ общественной іерархіи,—а дру-
гому нѣтъ. Не слѣдуетъ, наконецъ, искусственно сдерживать по-
токъ, рвущійся изъ тѣсныхъ береговъ. Если для извѣстныхъ водъ

уже недостаточно обширно и удобно,—должны же онѣ излиться на окружающія поля, а тамъ пусть послужатъ къ оплодотворенію хоть какого-нибудь клочка земли. Подобно тому какъ въ природѣ ничего даромъ не пропадаетъ, ни одного атома матеріи, такъ точно и никакая людская сила, дѣйствующая въ опредѣленномъ направленіи...

И тутъ, неизвѣстно почему, Романъ сразу оборвалъ рѣчь. Неизвѣстно, зачѣмъ онъ остановился на половинѣ и провелъ только рукой какъ-то неопредѣленно. Совсѣмъ ужъ непонятно стало, для чего онъ устоялся въ землю, погрузился въ раздумье и застылъ.

Домунтъ прислушивался къ его длинному монологу съ большимъ любопытствомъ, слѣдилъ внимательно, раза два завертѣлся было на креслѣ,—ничего, однако, не произнесъ, только свѣсилъ низко голову и нервно покручивалъ кончики свѣтлыхъ усовъ.

Когда Романъ смолкъ, Казя отозвался, наконецъ, нерѣшительно:

— Что касается возможности имѣть дѣло, вѣроятно и здѣсь что-нибудь найдется, не особенно блестящее конечно, не интересное, быть можетъ. Но наши захолустья очень нуждаются въ людяхъ образованныхъ.

— Да чтѣ же тутъ дѣлать въ захолустьяхъ?—запротестовалъ горячо Романъ, подымая голову.

Домунтъ какъ будто встрепенулся.

— Объяснять тебѣ этого не стану. Прежде всего я и самъ не особенно много знаю въ настоящее время о жизни въ захолустьяхъ,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь, и, подумавъ немного, продолжалъ:—а впрочемъ—излишній трудъ. Ты, вѣроятно, ни въ какомъ случаѣ не согласишься усѣсться въ какой-то, по-твоему, норѣ... Меня загнали сюда здоровенные удары судьбы...

Погруженный въ свои соображенія, Романъ ему не отвѣтилъ. Съ постепенно возроставшимъ одушевленіемъ, убѣжденно и настоятельно сталъ онъ снова излагать свои взгляды. Истинно просвѣщенный человѣкъ развѣ можетъ помириться съ царящими вездѣ по захолустьямъ партійной узкостью и духовной слѣпотой?! Компромиссъ повелъ бы неизбежно къ униженію того, для кого образованіе—все. Вращаясь въ болѣе низкой сферѣ жизни, тамъ, гдѣ уже нельзя дышать полной грудью, онъ по неволѣ съживается, деревенѣетъ, перестаетъ добавлять хотя бы маленькую долю свою къ общей суммѣ человѣческаго прогресса, постепенно и неукоснительно ступевывается. А развѣ это желательно, принимая во вниманіе интересы общечеловѣческіе и общественныя? Существуютъ, кромѣ того, и индивидуальнаго свойства основанія. Каждая

особь надѣлена правами; самая священная изъ нихъ, такъ сказать, обязанность каждаго добиваться для себя счастья на любомъ поприщѣ, конечно, поступая честно.

Не можетъ же человекъ, да и права никакого не имѣть, стать врагомъ самому себѣ. Если на концѣ стези онъ замѣчаетъ темную яму, а въ противоположномъ направленіи холмъ, покрытый цвѣтами,—конечно, онъ взойдетъ на него, и поступить совершенно правильно, ибо имѣть неоспоримое право выбора. Совершить онъ при этомъ даже хорошее дѣло, ибо цифра добытаго имъ удовлетворенія приумножить сумму всеобщаго блага и счастья. Настоящее поколѣніе, быть можетъ, слишкомъ гоняется за богатствомъ и всѣмъ тѣмъ, что оно доставляетъ. Допустимъ даже, что это фактъ несомнѣнный. Нельзя, однако, отрицать и того, что усилія, предпринимаемыя въ этомъ именно направленіи, въ то же время самые могущественные міровые двигатели. Не слѣдуетъ, конечно, слѣпо увлекаться направленіемъ вѣка, но и бороться съ нимъ, преодолевать, грудью идти противъ теченія—невозможно безнаказанно. Всякій противившійся „злобѣ дня“ будетъ неминуемо истертъ въ мелкій порошокъ, а это не съ вѣкомъ—тотъ противъ него.

Такъ безостановочно продолжалъ Романъ ораторствовать съ какимъ-то бѣшеннымъ увлеченіемъ, словно защищая упорно тезисъ передъ равно упрямыми оппонентами. Между тѣмъ единственный его слушатель вовсе и не думалъ ему противорѣчить, ни разу даже не прервалъ потока его рѣчей,—только слушалъ.

Почти задыхаясь отъ быстрыхъ движеній по комнатѣ, взадъ и впередъ, и отъ длинной рѣчи, Романъ, наконецъ, смолкъ. Теперь только заговорилъ Домунтъ.

— Дорогой мой, не ставу тебѣ возражать. Скажу прямо: не имѣю никакого права ни совѣтовать, ни отсовѣтовать. Первый опытъ моей жизни былъ страшно неудаченъ, а другой только-что начинается. Попробуй и ты. Поступай сообразно твоимъ влеченіямъ и теоріи. Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ влеченіе—мать теоріи, но это меня вовсе не касается. Судить не берусь никого... тотъ, котораго судили...

Онъ улыбнулся какъ-то особенно криво, словно проглатывалъ съ превеликимъ трудомъ что-то очень горькое. Подъ эпидермой забѣгали и задрожали снова нервныя струны...

— Скажу тебѣ одно... мнѣ кажется, я даже обязанъ...

И онъ сорвался съ кресла, подался впередъ и опустилъ руки на плечи стариннаго своего пріятели.

— Пожалѣй себя, Ромикъ. Не пускайся во-всю въ этотъ

разнузданный танецъ, за который на евреевъ въ пустынь посланы были ядовитыя змѣи.

— Что такое ты мелешь? — спросилъ, слегка улыбаясь, Романъ.

Но улыбка исчезла съ лица его при видѣ перемены, происшедшей въ наружности Домунта. Весь онъ трясся и кипѣлъ, словно отъ прикосновенія къ лейденской банкѣ. Слоновой кости бѣлый лобъ и щеки залило волной крови, подъ кожей заволновалась сѣть необычайно чувствительныхъ нервовъ. Черты лица страшно искривились отъ невыносимой боли съ примѣсью и злобы.

— Изволь, мой милый, я объясню тебѣ. Въ этой дикой сарабандѣ, которую отплясываетъ теперь весь свѣтъ, принималъ и я не послѣднее участіе, — пустился въ плясъ, можно сказать, очертя голову. Ты меня понимаешь? Златой телецъ на высокомъ пьедесталѣ возносится къ самому небу. И какъ еще я отплясывалъ! Видѣлъ-валъ самыя отчаянныя антрапъ, вихремъ носился вокругъ божка. Былъ даже однимъ изъ священнослужителей святини... Ты меня понимаешь? Служилъ, былъ соучастникомъ громаднаго, необъятнаго финансоваго предпріятія. Вотъ этими руками убиралъ алтарь, священнодѣйствовалъ, игралъ... знаешь, на этомъ самомъ инструментѣ, понимаешь? *Baisse, hausse! Baisse, hausse!* Чего бы, кажется, лучше? Торная дорога къ миллиону. А миллионъ, я тебѣ скажу, такая цифра личнаго удовлетворенія, которую не стыдно прибавить къ суммѣ всеобщаго блага. Ха, ха, ха! Чортъ меня поberi, если я думалъ тогда о міровомъ благополучіи и... ты меня ужъ извини, Ромекъ, если ты теперь о немъ помышляешь. Свое-то держалъ я будто и въ кулакъ, вдругъ — крахъ, крахъ, крахъ! — сразу рухнуло. Черти, должно быть, давились со злости, когда разлетѣлось въ прахъ одно изъ лучшихъ ихъ созданій. А что творилось вокругъ меня... со мной — тебѣ не понять — и слава Богу. Одно тебѣ скажу: легла на моей совѣсти сто-пудовая гиря. Ты не знаешь, что значить имѣть на совѣсти сто пудовъ. Да избавить тебя Господь когда-нибудь испытать это. Послѣ, быть можетъ, расскажу тебѣ все... Произошло нѣчто ужасное...

И онъ нервно ухватился обѣими руками за лобъ, но тотчасъ же выпрямился и заговорилъ:

— Оправдали... какъ же иначе! оправдали. Никто не могъ найти въ моихъ дѣяніяхъ и тѣни преднамѣренности, сознательности — ты понимаешь? — въ томъ, что я дѣлалъ. Всталъ я невиннымъ со скамьи подсудимыхъ; въ томъ морѣ людскихъ бѣдствій, изъ котораго вылавливалъ себѣ миллионъ, — я не признанъ виновнымъ. Я оправданъ закономъ, я свободенъ какъ птица небесная. А въ сущ-

ности... по настоящему, самъ для себя, въ своемъ личномъ сознаниіи... Знаешь что, Ромикъ, оставимъ всѣ эти экивоки... Я какой-то обрывокъ, тряпка изношенная, затертая... вотъ кто я—тамъ, гдѣ ютится совѣсть, честь, тамъ, гдѣ не угасаютъ воспоминанія... Еслибы не Стефанъ,—давно бы покончилъ съ собой... Встрѣтились бы съ тобой развѣ въ долину Іосафатовой... Но Стефанъ придержалъ меня за руку. Знаешь, что онъ мнѣ сказалъ тогда? Удивительно сердечный человѣкъ!.. — „Ты запятналъ душу, — очисти ее“. Съ этого и началъ. — „Провинился передъ Богомъ, страной, людьми—искупи, уплати долгъ, вознагради“...

И я уразумѣлъ. Величайшимъ счастьемъ для меня было то, что я былъ въ состояніи понять... Не знаю еще, какъ все устроится, но я твердо рѣшился очистить душу, уплатить долгъ, вознаградить... Стефану я признателенъ безгранично, и не за то только, что вотъ живу, а за то, что стану жить хорошо...

Съ невыразимымъ интересомъ и сочувствіемъ прислушивался Романъ къ этимъ отрывочнымъ, неполнымъ изліяніямъ и думалъ: „Какова упругость характера! Отличался онъ ею и въ юношескихъ годахъ,—видно, еще не исчезла и теперь. Давно ли былъ такой встревоженный, почти до отчаянія доходилъ,—теперь улыбается довольно непринужденно, а въ глазахъ свѣтятся надежда и энергія.

— Надѣюсь,—продолжалъ Домунтъ, — увѣренъ твердо, что все пойдетъ ладно. До чего-нибудь порядочнаго дойду по другой дорогѣ, стану инымъ, чѣмъ былъ прежде. Ужъ если живу,—нечего въпять носъ. А тамъ выше — дальше, дальше — выше! По иному только пути, но все выше и дальше... А ты еще долго пробудешь здѣсь у насъ?

Романъ отвѣтилъ уклончиво:

— У меня свободнаго времени остается почти съ мѣсяцъ.

— А потомъ въ путь-дорожку?

— Да, на самый край свѣта.

И онъ, вытаскивъ разсѣянно изъ букета полевыхъ цвѣтотъ стебель вереска, присматривался къ нему задумчиво. Домунтъ любовно не сводилъ съ него глазъ и замѣтилъ шутливо:

— Ишь какъ уставился. Ну, что тебѣ въ этомъ стеблѣ?

Романъ поднялъ голову.

— Ты развѣ не знаешь? Предметы тоже говорятъ. Нѣтъ такой вещи, на которой не было бы чего-нибудь начертано. Я такъ давно здѣсь не былъ, приглядываюсь ко всему и стараюсь всюду вычитать.

— Любопытно бы узнать, что именно?

Нетерпѣливымъ движеніемъ отбросилъ Романъ на столъ лило-
вый стебелекъ.

— Чѣмъ вычитываю? Прежде всего то, что человѣкъ—созданіе
нелогичное, непослѣдовательное, какъ будто бы состоитъ изъ нѣ-
сколькихъ существъ, говорящихъ разнымъ языкомъ, ощущающихъ
не однимъ сердцемъ.

Домунтъ возразилъ шутливо:

— Не даромъ же народъ нашъ говоритъ: на языкѣ горько,
а въ душѣ медь! Главное — порѣшить съ выборомъ и одновре-
менно отречься отъ чего-нибудь. Разъ, два, три! И готово. Въ
горсти у меня то-то и то-то, а самъ уплачиваю за другое, отъ
чего отрেকся...

— Легко сказать! Эти выборы, отреченія, уплата однимъ за
другое—дьявольски трудны и страшно щекотливы. Вѣдь это мѣла!..

Домунтъ разсмѣялся.

— А ты бы хотѣлъ прожить безъ мукъ? Ха, ха, ха, доро-
гой мой! не хочешь ли на небо, къ звѣздамъ?.. Да хоть бы мил-
ліонъ разъ уносился туда отъ земли и ею вертѣлся, какъ вздумается,
— все равно, придется встрѣтиться со стѣной, а головой ее не про-
шибешь. Но не въ этомъ дѣло.

— А въ чемъ же?—спросилъ Романъ.

Домунту не пришлось отвѣтить. По лѣстницѣ послышались
быстрые шаги, въ комнату вошелъ Стефанъ.

— Казя! — воскликнулъ онъ. — Мнѣ ужъ передавали внизу,
что ты давно меня ожидаешь... Здравствуй, Романъ! И тебя
я бросаю не совсѣмъ-то гостепріимно съ моей стороны. Извини,
дѣло-то у меня слишкомъ спѣшное.

И онъ живо обратился снова къ Домунту.

— Возвращаюсь съ луга и наткнулся на отца. Мы оба за-
вернули вмѣстѣ въ Казиміровку.

— И я торчалъ тамъ съ самаго утра; хочу тебя спросить:
что же намъ дѣлать съ кирпичемъ? Если скоро не достанемъ...

— Ну, вотъ еще, какъ не достанемъ? — перебилъ его Сте-
фанъ. — Что дѣлать, маленькая проволочка. Ручаюсь тебѣ, послѣ-
завтра начнемъ выводить печи.

— Замѣтилъ кладку крыши на амбарѣ? Моя работа!

— Тоже и моя. Фасонъ крыши на твоемъ амбарѣ очень
понравился моему отцу, и другіе ховяева, настоящіе доки, тоже
одобряютъ. А вотъ ограда еще не начата.

— Ну, это неважность. Главное, что беспокоитъ меня,—печ-
ные работы.

— Что же, боишься остаться зимой безъ печей?—подшутилъ Стефанъ.

— Ничего я не боюсь. Хочется только начать поскорѣй. Въ Канѣвѣ мнѣ нечего дѣлать, а работники безъ занятій, ты знаешь, кандидатъ на висѣлицу. Понимаешь ли—мнѣ необходимъ верстакъ.

— Не безпокойся, скорѣхонько соорудимъ. Что касается хозяйственного инвентаря,—я уже и смѣту проектировалъ. Не хочешь ли поглядѣть?

И они стали внимательно провѣрять на заваленномъ бумагами столѣ какіе-то счеты, совсѣмъ въ нихъ ушли. Легко было понять, что самый предметъ и тѣсно связанная съ нимъ урывчатая бесѣда были для обоихъ занятіемъ чрезвычайно важнымъ, интереснымъ. Уже съ самаго начала Стефанъ выказывалъ необычайное оживленіе, держался непринужденно, а теперь сталъ даже веселъ. Въ Домунтѣ снова проявилась энергія и страсть къ чему-то, составлявшему общій ихъ со Стефаномъ секретъ. Въ обращеніи его со Стефаномъ, рядомъ съ дружеской интимностью, замѣтенъ былъ и нѣкоторый отгѣнокъ уваженія.

Романъ глядѣлъ и слушалъ, но иногда вниманіе его отвлекалось отъ разговора друзей чѣмъ-то, что онъ сразу называлъ въ душѣ „голубой птицей“. Была это пѣснь, поднимавшаяся снизу. Кто-то напѣвалъ вполголоса; разносился по воздуху свѣжій, чистый женскій голосокъ, тянулъ заунывно, вѣроятно съ крылечка. Романъ жадно ловилъ мотивъ пѣсни и сравнивалъ ее съ голубой птичкой, вспархивавшей съ цѣтника, тамъ внизу, поднимавшейся съ колышавшихся стебельковъ и устремившейся вверхъ по вязу, растущему у открытаго окна. Когда напѣвъ замолкалъ, онъ прислушивался опять къ разговору Стефана съ Домунтомъ. Воспользовавшись минутой перерыва, Романъ всталъ съ кресла и приблизился къ обоимъ друзьямъ.

— Дорогіе мои,—произнесъ онъ:—ради самого Создателя, разъясните мнѣ вашу алхимию. Я нахожусь словно въ очарованномъ кругу. Толкуете вы о какихъ-то птицахъ, печахъ, коровахъ, коняхъ, складываете и множите мелкія цифирки, а какъ посмотрѣшь на васъ, такъ и кажется будто вы собираетесь сорвать одну изъ звѣздъ съ поднебесья.

— Или ловимъ за хвостъ миллионъ,—разсмѣялся Домунтъ.

— Нѣтъ, серьезно. О чемъ же собственно вы ведете рѣчь? Что васъ такъ шибко занимаетъ?

— Успокойся. Не звѣзда и не миллионъ,—заговорилъ Стефанъ.—Вещь самая обыкновенная. Казиміръ беретъ у насъ въ

аренду одинъ изъ участковъ, на которые мы разбили Дарновку.

Романъ взглянулъ изумленно на Домунта.

— И это ты, Казя! Маленькую усадьбу захотѣлъ арендовать... Съ твоимъ-то честолюбіемъ? А когда-то ты куда какъ высоко мѣтилъ!

— Кто жъ тебѣ сказать, что я и теперь не гляжу высоко? — перебилъ его нетерпѣливо Домунтъ.

— Да вѣдь это же вѣроятно крошечный участокъ.

— Небольшой, — отвѣтилъ за Домунта Стефанъ. — Впрочемъ, по крайней мѣрѣ въ десять разъ обширнѣе надѣла каждаго изъ нашихъ крестьянъ.

— Сравнилъ! Они — совсѣмъ другое...

— Понятно, другое. Образованный человѣкъ съумѣетъ извлечь изъ каждой пяди земли то, чего человѣкъ темный не въ состояніи добыть изъ большого куска земли.

Домунтъ добавилъ не безъ ироніи:

— „А тамъ, куда воды изольются, пусть послужать въ оплодотворенію хоть какого-нибудь клочка земли“.

Было это сказано дословно, часъ тому назадъ, самимъ же Романомъ, онъ отлично помнилъ, и сталъ раздумывать: „Да, конечно, если только дѣло идетъ объ оплодотвореніи почвы“... Но вслѣдъ затѣмъ онъ махнулъ рукой и разсмѣялся надъ самимъ собою. — Какая ерунда!

— Все же у меня въ головѣ не умищается, какимъ образомъ человѣкъ, имѣющій право требовать отъ жизни...

У Домунта засверкали глаза.

— И прекрасно... Я тоже требовалъ. Да еще какъ! Наконецъ, достучался до того, что и самая жизнь опротивѣла.

Далѣе продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Кто же тебѣ говорить, что, садясь на малой усадьбѣ, я отрекаюсь отъ всего, ищу одного куска хлѣба?..

— Еще бы! — перебилъ его Романъ. — Ты имѣешь полное право требовать отъ жизни чего-нибудь побольше.

— Позволь, — виѣшался Стефанъ. — Прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ ясно. Чтѣ, по-твоему, даетъ право человѣку надѣяться на лучшую жизнь? Происхожденіе, что-ли... имуществъ, связи?

— Вовсе нѣтъ, — запротестовалъ поспѣшно Романъ. — Образованіе и знаніе. Я имѣлъ въ виду одно только образованіе и знаніе.

— Они предоставляютъ множество правъ, — согласился Стефанъ. — Самое важное однако — умѣть отличать зло отъ добра.

Романъ смутился. Возможность отличать зло отъ добра—главнѣйшее право, даруемое человѣку образованіемъ. А вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ правда. „Пирогъ“ ужъ потомъ, а прежде всего эта возможность, недоступная темному люду. Одно развѣ: зло и добро—вещи относительныя. Новое осложненіе...

Прогуливаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ произнесъ громко:

— Зло и добро... относительныя понятія, въ зависимости отъ различныхъ мѣстностей и времени, разнo опредѣляются. Скажемъ такъ, если не убивать никого, не грабить...

— Не будешь преступникомъ, преслѣдуемымъ закономъ, — хладнокровно закончилъ Стефанъ.

— И только?—вставилъ шутливо Романъ, а внутри у него закипала досада.

— И только,—смѣясь, подтвердилъ Стефанъ.

Оба смолкли. Романъ бросился опять въ кресло, стоявшее у окна, затянулся папирсой и, пуская изъ рта длинныя струи дыма, глядѣлъ разсѣяннo на трепещущіе листья на макушкѣ вяза. Стефанъ чертилъ что-то по бумагѣ, выводилъ какія-то новыя цифры. Подперевъ рукой голову, Домунтъ погрузился въ грустное раздумье. Внизу, на крылечкѣ, стучала швейная машинка, а немного погодя она замолкла, и голубая птичка снова вспорхнула къ шелестящимъ по дереву листьямъ. Женскій голосъ затянулъ пѣсенку. И мелодія, и самыя слова, теперь доносились сюда отчетливо:

Лѣтомъ малая березка
Перешептывалась съ листвою;
Золотой ты, листикъ, братецъ,
Въ слѣготъ осенью покинешь...

Голосъ смолкъ. Снова застучала машинка. Странная вещь! Эти перебивы хорошо знакомаго голоса возбуждали теперь въ душѣ Романа безпокойство и раздраженіе. Казалось, будто голубая птичка съ своей стороны что-то добавляла къ тому, о чемъ говорилось здѣсь, въ комнатѣ наверху, вплетала кое-что въ общую канву. Романъ всталъ и, прохаживаясь по комнатѣ, снова заговорилъ:

— Въ концѣ концовъ, быть можетъ, я тебя, Казя, могу понять. Не знаю, послѣ какихъ-такихъ великихъ бурь и тревоженій, вынесенныхъ тобой... Однимъ словомъ, испытай какія-то великія разочарованія, оставившія неизгладимыя слѣды и на наружности, подобный образъ жизни, подобныя занятія, подобное положеніе, служатъ тебѣ какъ бы пристанью, гаванью, роздыхомъ... Весьма естественно, я понимаю... Но вотъ что странно...

И улыбка скользнула по губамъ Романа.

— Одного я въ толкѣ никакъ не могу взять: что ты, приплывъ къ этой гавани, такой архи-скромной, притворяешься довольнымъ, чуть ли не осчастливленнымъ, — точно тебя прибило волной къ греческому Сибарису.

Стефанъ всталъ и въ первый разъ послѣ прѣзда Романа доврчиво опустилъ руку ему на плечо.

— Братецъ мой,—произнесъ онъ.—Въ этомъ самомъ пунктѣ и начинается алхимія; дѣло всецѣло входитъ въ область очарованнаго круга, на который ты намекалъ съ минуту тому назадъ.

— Или, если хочешь,—добавилъ, смѣясь, Домунтъ:—въ нашемъ „пирогѣ“,—да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, подражая твоему дядѣ,—выщипается такой „трюфель“, который придаетъ ему особый букетъ.

Оба разсмѣялись, но по щекамъ Романа разлился румянецъ возбужденія, и онъ обронилъ нѣсколько словъ съ досадою въ голосъ:

— Въ этомъ маленькомъ пирогѣ и такой большой трюфель?..

— Несомѣнно,—подтвердилъ Стефанъ.—Исторія эта, впрочемъ, слишкомъ извѣстная. На днѣ незначительныхъ предметовъ нерѣдко открываются широкіе горизонты...

— Только слѣдуетъ быть посвященнымъ въ таинства алхиміи,—разсмѣялся въ свою очередь Романъ, но смѣхъ его звучалъ фальшиво. Ему не хотѣлось выдавать того, что происходило въ душѣ. Немного погодя, пытаясь переменить тему разговора и показывая рукой на исписанныя карточки, разбросанныя по столу, онъ спросилъ:

— Что это ты пишешь, Стефанъ?

— Да такъ, пустяки. Собираю понемногу этнографическія свѣденія о нашей мѣстности; смотришь, порой и осчастливило какой-нибудь спеціальныи органъ.

— Удивляюсь, откуда у тебя берется еще время и на подобныя занятія.

Стефанъ только пожалъ плечами.

— Ахъ, оставь, старинный предрасудокъ! Всѣ воображаютъ, будто у земледѣльцевъ не хватаетъ времени для занятій умственнымъ трудомъ; а между тѣмъ мы буквально по цѣлымъ мѣсяцамъ остаемся безъ работы въ теченіе длинныхъ зимнихъ и осеннихъ вечеровъ... Въ подтвержденіе моихъ словъ я могъ бы привести массу фактовъ. Существуютъ страны, гдѣ даже мелкіе землевладѣльцы преусердно почитываютъ...

И снова наступило молчаніе. Домунтъ перебрасывалъ кар-

точки, исписанныя Стефаномъ, и пробѣгалъ нѣкоторые глазами. Романъ присматривался въ окно къ разстилавшимся окрестностямъ. Немного погодя, онъ обратился съ вопросомъ:

— Чей это красивый замокъ?

— А, да, Гевриха Олавицкаго, — отвѣтилъ Стефанъ. Желая, быть можетъ, смягчить непріятное впечатлѣніе предшествующей бесѣды, онъ добавилъ мягко:

— Помнишь — блестящія кавалькады, группы нарядныхъ мужчинъ и барынь? Когда они мчались съ шумомъ по дорогамъ, невольно будили въ насъ когда-то и любопытство, и удивленіе: все это отсюда, затѣи Олавицкихъ изъ Гурова!

— Какъ же, отлично помню. До сихъ поръ не могу забыть роскошной иллюминаціи замка и его садовъ. Мы тоже присматривались къ ней, если не ошибаюсь, изъ этого самаго окна. Да, да, Олавицкій! Теперь припоминаю и фамилію, хотя, кажется, не часто приходилось ее слышать. А чтѣ, между Дарновой и Гуровымъ не существовало никогда прямыхъ отношеній?

— Еще чего не выдумаешь! — разсмѣялся Стефанъ. — Общественное положеніе Дарновки по отношенію къ Гурову — все равно, что крестьянской семьи въ сравненіи съ Дарновой. Какія же тутъ могли возникнуть сношенія?

— Всѣ равны предъ Господомъ, — произнесъ съ усмѣшкой Домунтъ.

— Чтѣ и говорить, всѣ мы христіане, — произнесъ грустно Стефанъ. И какая-то невѣдомая сила притянула его взоры къ кресту, висѣвшему на стѣнѣ. Глаза его глядѣли строго. Въ первый разъ въ продолженіе всей бесѣды въ чертахъ его отражалась пасмурная суровость, проглядывала даже нѣкоторая жесткость.

Въ то же мгновеніе какъ бы изъ невысокихъ травъ и цвѣтовъ взвивались по сучьямъ высокаго вяза слова и мелодія пѣсенки:

Ты не бойся, березынька,
Хоть, по волѣ Божьей,
И должна тебя покинуть, —
Я вернусь къ тебѣ скорѣхонько...

— Березынька! — воскликнулъ Домунтъ. — М-ше Ирена „Березочку“ затащила, а я, несчастный, даже и поздороваться не успѣлъ.

И въ два прыжка онъ очутился на лѣстницѣ. Романъ сталъ также спускаться и обратился къ слѣдовавшему за нимъ Стефану:

— Казиміръ, по прежнему, все тотъ же. Словно искорка, живой, упругій, гибкій...

— Былъ моментъ, когда покинули его и энергія, и упругость, — замѣтилъ Стефанъ.

Романъ вспомнилъ сказанное ему Домунтомъ: „Давно бы покончилъ съ собою, еслибы не придержалъ меня за руку Стефанъ“. И понялъ, что между этими двумя людьми произошло нѣчто серьезное, рѣшившее вопросъ—быть или не быть.

Когда они вышли на крыльцо, въ ворота въѣзжалъ старикъ Дарновскій на небольшой, красивой лошадей. Всадникъ, казалось, сросся съ хребтомъ лошади—такъ крѣпко сидѣлъ онъ въ сѣдлѣ: фигура его, прямая и вмѣстѣ непринужденная, дышала смѣлостью и граціей искуснаго ѣздока. Издали можно было бы принять его за юношу, но сѣдые выбивавшіеся изъ-подъ шапки волоса ярко бѣлѣли на зеленомъ фонѣ двора, подобно развѣвавшемуся бѣлоснѣжному платку.

Расположившаяся тутъ же на крылечѣ, со своей нескончаемой кружевной работой, хозяйка, рядомъ со шьющей прилежно Иреной, затараторила:

— Ахъ, ахъ, ахъ! И всегда-то я боюсь за Ромуальда, какъ онъ сядетъ на лошадь. По его ли годамъ, да и вообще мало ли что можетъ случиться! А съ другой стороны, какъ подумаешь, Бога благодарить надо, какой онъ у меня здоровенькій да сильный. Какъ теперь помню, смолоду и меня училъ ѣздить верхомъ, но я не могла. Гдѣ же мнѣ! всегда была такая слабенькая, вдобавокъ и трусиха... Ахъ, ахъ, ахъ! Какъ это должно быть пріятно! И все-то для меня минуло... Хотя, съ другой стороны, проворотали мы тутъ съ Ирей часокъ, другой, весело на крылечѣ: я шила свои кружева, а она шила себѣ да распѣвала...

Романъ подошелъ къ Иренѣ.

— Какъ я ненавижу, кузина, эту швейную машинку, ты и представить себѣ не можешь!

— Въ чемъ же она, бѣдненькая, такъ провинилась предъ тобой, кузень?

— Мѣшала поминутно одной голубенькой птичкѣ подняться вверхъ. Ужъ какъ ни старался я ее ухватить,—всякій разъ изъ рукъ выпорхнеть.

Она спросила его шутливо, глядя ему въ глаза:

— Ты говоришь, какую-то птичку машинка моя нугала? Сивоворонку, что-ли? У нея, дѣйствительно, крылья голубыя.

— Въ орнитологіи я небольшой знатокъ. Не знаю даже имени, какая такая сивоворонка. Моя голубая птичка—это пѣсенка, которую ты напѣвала...

Дѣвушка покраснѣла, опустила глаза на работу, но заговорила, улыбаясь:

— Мои пѣсенки въ Дарновѣ — самыя простенькія птички. Всякій, кто захочетъ, можетъ ихъ получать.

— Скажи, кузина, тебя учили пѣть?

И онъ усмѣлся возлѣ нея. Нѣсколько минутъ проболтали они на тему о музыкѣ и пѣніи. Старшій Дарновскій напомнилъ, наконецъ, что пора бы и поужинать.

За ужиномъ Домунтъ сталъ рассказывать, какъ вчера, возвращаясь съ усадьбы въ Канёвку, повстрѣчался съ Росновскимъ.

— Какъ только узналъ онъ меня, выскочилъ изъ экипажа и бесѣдовалъ со мной нѣсколько минутъ тутъ же, на дорогѣ. Передавалъ мнѣ, что только-что получилъ письмо отъ Марцелла. Меня это, признаться, удивило. Я и не зналъ, что они переписываются другъ съ другомъ. Росновскій сталъ мнѣ объяснять, что письмо это касается и меня, — онъ не преминетъ сообщить содержаніе его. Впрочемъ, я напередъ знаю, чтѣ въ немъ заключается.

При этомъ Казя многозначительно взглянулъ на Стефана, который спросилъ:

— А „онъ“ тоже сопровождалъ Богдану?

— Всеконечно, — отвѣтилъ Домунтъ. — Сидятъ оба рядышкомъ въ бричкѣ, повидимому вполнѣ довольны другъ другомъ.

— Говорилъ что-нибудь „онъ“? — вмѣшалась Броня.

— Весьма мало, нѣсколько только словъ, — отвѣтилъ серьезно Домунтъ.

— Чтѣ же онъ сказалъ? — переспросила опять дѣвочка.

— А ты сама спроси, Броня, у его барина, когда онъ сюда пріѣдетъ. Между прочимъ Богданъ просилъ меня передать, что онъ вскорѣ собирается посѣтить Дарновку.

При послѣднихъ словахъ онъ невольно взглянулъ на Ирену. Пристально смотрѣла на нее и хозяйка дома, а также и Броня.

— Иря, Иря, Иря! — закричала дѣвочка, хлопая въ ладоши: — ты слышишь? Богданъ и „онъ“ пріѣдутъ. Ты будешь бесѣдовать съ господиномъ Богданомъ, а я съ „нимъ“.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Ирены. Ни улыбки, ни румянца, ни гнѣва. Дѣвушка раскладывала по тарелкамъ кушанье и подавала присутствующимъ съ присущимъ ей спокойствіемъ въ движеніяхъ и выраженіи лица, ставшаго только болѣе обыкновеннаго задумчивымъ.

Старикъ Дарновскій, продолжая уплетать, заговорилъ:

— Марцеллъ умица и человѣкъ высшаго полета, — ничего не подѣлаешь. Трудно ему, конечно, переварить бѣду и позоръ брата. Это дѣлаетъ ему честь, — ничего не подѣлаешь. Что же, — хочешь и его потянуть за собой въ гору.

— Какая бѣда? Какой позоръ? Я протестую!—воскликнулъ горячо Казиміръ.

Дарновскій пересталъ ѣсть. Онъ сталъ показывать—у него замелькали потѣшныя движенія и ухватки,—какъ неумѣлый и неловкій работникъ кроетъ крышу. Нѣсколько дней тому назадъ старикъ подмѣтилъ Казиміра, сидѣвшаго на самой верхушкѣ обнаженнаго еще скелета стропиль и неумѣло подсоблявшаго нѣсколькимъ наемнымъ рабочимъ крыть крышу на амбарѣ. Дарновскій приговаривалъ:

— Не выучился еще, не бѣда, что неумѣлый. Эка важность, что не умѣетъ. Не святые же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигаютъ. А вотъ чтò северно—худъ, какъ спичка, бѣлъ, словно заправская графиня, и это рядомъ-то съ плечистыми, загорѣлыми работниками. По неволѣ скажешь: „экій бѣдняга!“

— Ну и пусть по вашему бѣдняга!—разсмѣялся Домунтъ.— Оно и правда, сильно обтрепался. На мнѣ оправдывается библейское сказаніе о воробѣй на крышѣ.

Но эта непригодность нисколько, повидимому, не тревожила говорящаго.

— Вотъ увидите,—продолжалъ онъ:—дастъ Богъ, окрѣпну. Что жъ дѣлать, обжегся сильно. Понаберусь со временемъ разныхъ знаній...

— Да вотъ увидимъ еще, чтò пишетъ Марцеллъ,—замѣтилъ старикъ.—Такой человекъ ужъ если напишетъ, ничего не подѣлаешь, выйдетъ что-нибудь очень красивое, возвышенное...

— Не впервѣй приходится читать,—пожимая плечами, возразилъ Домунтъ.

Романъ разговаривалъ съ хозяйкой дома, или скорѣе слушалъ ея тягучую, почти непрерывающуюся рѣчь. На каждомъ шагу становились и расходились выраженія—ничего бы, съ одной стороны, а съ другой стороны—густо уснащенные воздыханіями. Слушалъ онъ, слушалъ и почти ничего не понималъ. Гораздо болѣе занимало его то, чтò говорили сосѣди о Казимірѣ и о странной его работѣ по настилкѣ крыши. И чтò они нашли хорошаго въ этомъ паханіи, косьбѣ, покрываніи крышъ? Насаждаютъ, что-ли, простоту Цинцинната или Робеспьеровскую демагогію? Какъ будто и не то. Все тутъ дѣлается слишкомъ просто, не похоже, чтобы разыгрывали Цинцинната, и слишкомъ мягко для Робеспьера. Совсѣмъ незамѣтно ни римской тоги, ни краснаго колпака. Что же это, въ самомъ дѣлѣ?.. Эхъ, стѣбитъ ли ломать голову надъ всякимъ чудачествомъ! Быть можетъ, эта загадка неразъяснима потому только, что онъ привыкъ располагать явленія извѣстнаго

порядка безусловно, глядя на нихъ подѣ известнымъ угломъ зрѣнія. Высвободить же мысль отъ навыка—все равно, что коня вытащить изъ топи.

Ужинъ кончался. Дѣвицы первыя встали изъ-за стола. За ними вслѣдъ потянулся въ гостиную и Домунтъ.

Старикъ Дарновскій продолжалъ еще рассказывать племяннику о пожарахъ, истреблявшихъ въ ихъ странѣ каждую осень массу крестьянскихъ избъ.—Недѣли черезъ двѣ-три самъ увидишь—каждый вечеръ освѣтитъ край горизонта красное зарево.

— Какая же тому причина? Откуда такая страшная периодичность бѣдствія?

— Гмъ... какъ тебѣ сказать, котикъ? Антропоморфы не умѣютъ устроиться по-людски, ничего не подѣлаешь, не знаютъ...

— Что такое? Антропоморфы? Кого ты такъ величаешь, дядя?

— Крестьянъ, котикъ, землепашцевъ, ничего не подѣлаешь. Ты думаешь, они—люди? Пустое, котикъ, ничего не подѣлаешь. Они—сущіе антропоморфы. Такъ ли только я понимаю, что значитъ—антропоморфы? Порода обезьянъ, наиболѣе приближающихся къ человѣку. Не правда ли? Зовутъ ихъ также приматами; но мы станемъ, такъ и быть, величать нашихъ крестьянъ антропоморфами.

Престранный, однако, этотъ старикъ! Никогда не узнаешь навѣрное—издѣвается ли онъ, или говорить серьезно.

Но теперь, менѣе чѣмъ когда-либо, Романъ могъ сосредоточиться. Изъ гостиной раздались звуки фортепiano, и женскій голосъ допѣвалъ конецъ пѣсенки, начатой за минуту передъ тѣмъ:

Хоть, по волѣ Божьей,
Я тебя покину,—
Снова возвращуся,
Встрѣтися весною.
Въ зелени укроюсь,
Неразлучно стану
Шелестить тобою.

Славный, милый голосокъ!

Лицо пѣвицы утопало въ полутѣни, а на темномъ фонѣ вырѣзывалась только стройная ея фигура въ свѣтломъ платьѣ. Домунтъ тутъ же стоитъ у фортепiano, тоже въ полутѣни, прислонился спиной къ стѣнѣ, скрестилъ руки на груди и низко опустилъ голову. Замѣтно, что музыка производитъ на него сильное впечатлѣніе, какъ и на всѣхъ много потерпѣвшихъ. Кому же не приходилось, однако, страдать?

Въ старинномъ глубокомъ креслѣ тетка напоминаетъ собой пришибленную, сильно нахохлившуюся птицу. Складка грусти легла вокругъ ея губъ, а въ глазахъ даже блестятъ слезы. Она глядитъ съ любовью на поющую дѣвушку, на мужа, на Романа, а желтые сплетшіеся на волѣныхъ пальцы изображаютъ какъ бы олицетвореніе ея вздоховъ: ахъ, ахъ, ахъ! Старикъ Дарновскій прислушивается внимательно къ пѣнію Ирены. Видѣ у него сосредоточенный, онъ какъ бы слышитъ ее въ первый разъ. Свѣтъ отъ лампы, падающій прямо на его лицо, придаетъ особый рельефъ морщинамъ и впадинамъ. Такъ и кажется, что каждая изъ этихъ морщинокъ, каждая впадина, повторяютъ въ тонъ съ пѣніемъ: „ничего не подѣлаешь!“ Черезъ открытыя двери видѣется Стефанъ, усѣвшійся за столомъ. Пристально глядитъ онъ въ книгу, но листы не переворачиваются. Рядомъ—Броня, сосредоточенная, неторопливо водить рукой по шерсти Чувая, большой дворняжки. За минуту передъ тѣмъ она угощала его объѣдами ужина. А теперь песъ усѣлся прямо передъ ней, не шелохнется и тоже наслаждается. Никто не мѣшалъ Роману слушать; онъ заслонилъ глаза рукой и застылъ у открытаго окна. А за нимъ, въ звѣздной темнотѣ, слышится тихій шелестъ бузины и таволги. Чтѣ же въ этомъ пѣніи, чтѣ особеннаго, необыкновеннаго? Ровно ничего. Сколько разъ приходилось ему въ жизни слышать голоса болѣе сильные, болѣе обработанные, во всѣхъ отношеніяхъ лучшіе. Онъ зналъ очень хорошо, что и потомъ наслушается ихъ вдоволь. Между тѣмъ, непонятно для него самого, возникали какія-то—не то грѣзы, не то сожалѣнія. Его удручала мысль, что этого голоса и этихъ пѣсень онъ скоро болѣе не услышитъ, можетъ быть, никогда. И что-жъ!—Неужели потеря? Ему-то чтѣ! Конечно ничего; а все же очень жаль и грустно.

Она замолкла. Романъ повернулъ лицо по направленію къ фортепиано и увидѣлъ гладкое, блѣдное чело, освѣщенное теперь падавшими отъ лампы лучами; пара глазъ ея впилась въ него. Блестящіе, полные тревоги, они, казалось, чего-то допытывались, о чемъ-то спрашивали, чему-то изумлялись. При встрѣчѣ съ его взоромъ дѣвушка быстро отвернулась, какъ бы пряча выраженіе, невольно отразившееся въ ея глазахъ. Ее поразило его смѣтеніе; она подмѣтила въ немъ печаль, и съ изумленіемъ спрашивала себя самоѣ, какая могла быть тому причина. Неужели же, думала она, сталъ онъ такъ холоденъ, такъ испорченъ, что его сердце не можетъ затрепетать сильнѣе отъ звуковъ давно знакомой пѣсни, услышанной имъ вновь въ кружкѣ лицъ, о которыхъ онъ можетъ смѣло сказать: „они—мой“? Короткое, но какое сильное

выраженіе! Неужели она полагаетъ, что сердце и уста его никогда не жаждали этого мгновенія?! Разсѣянно перебираетъ она клавиши, мало-по-малу складывается нехитрая, простая мелодія, которую когда-то и онъ зналъ хорошо, запомнать-было, теперь вспоминаетъ снова.

— „На лугу тамъ свѣтитъ цвѣтикъ“... Боже мой, какая старина! Надо забраться въ это захоlustье, тогда только и услышишь что-нибудь подобное. Между тѣмъ, какъ мило! Вѣтъ воспоминаніями колыбели; въ непосредственной простотѣ ея укрываются глубины, доступныя лишь тѣмъ, которые хоть разъ въ жизни любовались этими лугами, покрытыми сплошь цвѣтами.

— „На конѣ застылъ уланъ“...

Старинная легенда! Потускнѣвшая гравюра, сѣрѣющая тускло на стѣнѣ заброшенной комнаты и сразу заблестѣвшая, озаренная неугасимымъ лучомъ памяти.

Старинные звуки—много поколѣній надъ ними промечтало, вспоминало, печалилось—плыли подъ низкими сводами стараго дома, лились въ открытыя окна на бузину и таволгу, съ шелестомъ листьевъ тонули въ звѣздной темнотѣ.

А сойду, понятно дѣло,
Угодить мнѣ пуля въ лобъ.

Романъ всталъ, быстро пересѣкъ комнату и остановился у самаго фортепiano. Когда она кончила, онъ молча протянулъ ей руку.

Неторопливо поднялась она съ табурета, церемонно, кончиками пальцевъ, едва коснувшись его руки и холодно глядя на него. Застывшія черты ея лица, казалось, недоумѣвали,—за что онъ ее благодарить, какое удовольствіе могла доставить ему ея простая старинная пѣсня?

Часъ спустя, старикъ Дарновскій кончилъ свою бесѣду о сельскомъ хозяйствѣ съ Домунтомъ и со своимъ сыномъ и подошелъ къ сидящему въ сторонкѣ, въ глубокомъ раздумьѣ, племяннику. Старикъ долго простоялъ надъ нимъ, всматривался внимательно въ его опечаленное лицо, тряхнулъ головой, собрался-было что-то сказать, но видимо не рѣшался. Взглядъ его огненныхъ глазъ, сверкавшихъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей, сталъ мягокъ, почти нѣженъ.

Онъ опустилъ бережно руку на голову сидящаго и, нагнувшись, поцѣловалъ его въ лобъ. Романъ подхватилъ налету эту громадную, заскорую руку и прильнулъ къ ней губами. Ему почудилось мгновеніе—давно уже это было,—когда, будучи еще ребенкомъ,

сидя въ разоренномъ отцовскомъ домѣ, онъ рыдалъ вовсе не по дѣтски. Этотъ самый человѣкъ такъ же точно, какъ и теперь, положилъ ему руку на голову и, приложивъ губы ко лбу, проговорилъ:

— Не печалься, Ромикъ. Не приходи въ отчаяніе. Ничего не подѣлаешь, все исправлю.

И сдержалъ свое слово. Но теперь Романъ почувствовалъ что иное.

V.

Съ самаго ранняго утра Романъ уже стоялъ на лугу тамъ, гдѣ рѣчонка, вырвавшись изъ-подъ густой заросли кустовъ, бѣжала мимо разбросанныхъ по обоимъ ея берегамъ тоненькихъ березокъ и осинника. Значительно болѣе широкая дальше, вилась она здѣсь серебристой ниточкой, прыгавшей по красноватымъ камешкамъ съ металлическимъ журчаніемъ крохотнаго водопада. Этотъ всплескъ, сопровождавшій выходящую между деревъ блестящую ленточку, отдавался и дальше, составляя единственный постоянный отголосокъ среди залегшей кругомъ тишины. Птицы на деревьяхъ щебетали и замолкали; вздымавшійся на окраинѣ луга боръ начиналъ тоже тихо шумѣть и снова смолкалъ; одна вода журчала неустанно, монотонно, вслѣдъ за перепрыгивавшими по камешкамъ струйками. Подъ густой сѣнью кустовъ и тоненькихъ деревъ ложилась кругами широкая тѣнь, и на фонѣ ея выступали ярче и краски, и формы. По нѣкоторымъ деревьямъ ползъ хмель, обвивая стволъ безконечными кольцами темной зелени, усаженной гроздьями блесоватыхъ цвѣтовъ. Вздымались повсюду пирамиды зелени съ заостренными вершинами, а вверху успѣвшая кое-гдѣ уже покраснѣть листва осины трепетала въ воздухѣ безъ перерыва, издавая нѣжный шелестъ, и чуть слышнымъ аккордомъ какъ бы вторила вѣчному журчанію воды. Множество растений успѣли къ концу лѣта распуститься во второй разъ. Дикая морковь раскинулась цѣлымъ блѣдно-зеленоватымъ лѣсомъ; жабникъ разбросалъ по травѣ цѣлыя гирлянды желто-бурыхъ кружевъ; у самаго бора сверкали сапфиромъ и багрянцемъ крупныя кисти горечавки и плауна. Не успѣвшее подняться еще изъ-за бора, солнце послало сюда косые лучи, осыпавшіе воду цѣлымъ снопомъ серебристыхъ искорокъ и ложившіеся длинными полосами на травы, а цвѣточки попрежнему укрывались въ тѣни, холодной и влажной. Временами изъ глубины бора разносилось хриплое карканье во-

ронья, пронизывать воздухъ рѣдкій окрикъ кречета, а со стороны двора Дарновскихъ пѣсколько разъ доносился сюда ослабленный разстояніемъ лай собакъ и глухіе удары топора. И снова залегала тишь. Только ручеекъ журчитъ весело по камешкамъ, и розоватая листва осины, одѣтая хмелемъ, подрагиваетъ въ воздухѣ, вторя ручью чутъ слышимымъ шелестомъ. По голубому небу плывутъ лѣниво изъбра-бѣловатая стада перистыхъ облачковъ...

Романъ прошелъ уже большую часть дуга и остановился тутъ, пораженный прелестью разстилавагося предъ нимъ ландшафта. На немъ былъ утренній изящный костюмъ, пальто висѣло на рукѣ, голову прикрывала красивая маленькая шапочка съ яркимъ шолоховымъ околешемъ—видѣлась только часть темныхъ волосъ и нижній овалъ лица, окаймленный коротко подстриженной бородкой. Въ рамкѣ изъ гирляндъ дикаго хмеля надъ головой, съ прихотливо вьющеюся лентой ручья у ногъ, ушедшихъ въ бронзоваго цвѣта мураву, сверкавшую мириадами еще не успѣвшихъ высохнуть капель росы, казался онъ издали фигуркой, вырѣзанной прямо изъ моднаго журнала и залетѣвшей сюда невѣдомо откуда.

А вблизи легко было замѣтить на лицѣ слѣды тревожно проведенной ночи. Вчера, далеко за-полночь, жадно прислушивался онъ къ неумолкаемому стрекоту въ травѣ стрекозъ. Эхо прошлаго дня до сихъ поръ отзывалось болѣзненно въ сердцѣ и головѣ.

И до такой степени погрузился онъ въ думы, что не разслышалъ легкихъ, правда, шаговъ, раздававшихся позади, и очнулся только тогда, когда кто-то громко захопалъ въ ладоши и крикнуть:

— Доброго утра, ранняя пташка, Ромикъ!

Кому же, какъ не Бронѣ, могло придти въ голову продѣлать все это. Ребачески потѣшалась она надъ тѣмъ, что такъ неожиданно накрыла его, быть можетъ даже испугала.

Конечно, онъ не испугался, но, подавая дѣвочкѣ руку, не сразу отвѣтилъ на ея привѣтствіе.

Онъ продолжалъ глядѣть куда-то вдаль, по направленію къ бору. Тамъ, на склонѣ одного холмика, поросшаго соснами, остановилась Ирена. Фигура дѣвушки вырисовывалась среди сосенъ, росшихъ особнякомъ, окруженныхъ чащей зеленого папоротника, слегка подернутого осенней ржавчиной. Папоротникъ высоко вздымался надъ изумруднымъ мхомъ, заполняя все вокругъ.

Женскій станъ въ свѣтломъ платьѣ на темномъ фонѣ зелени походилъ на цвѣтокъ, вынырнувшій изъ прихотливыхъ гирляндъ лѣсныхъ кружевъ. Въ соломенной шляпкѣ, широкія поля которой полужакрывали лицо, съ подвѣшенной на рукѣ корзиночкой, остановилась она въ нерѣшительной позѣ. Очевидно, ей хотѣлось не-

замѣтно проскользнуть опушкой лѣса и уклониться отъ встрѣчи. Романъ угадалъ ея намѣреніе и поднялъ руку къ шапкѣ, отвѣщая ей издали поклонъ. Она вынырнула изъ папоротника и быстро направилась къ нему прямо по луку.

Вѣжливость и гостепріимство одержали верхъ надъ нежеланіемъ. Невдалекѣ отъ ручейка, продолжавшаго неумолчно звенѣть по камнямъ, протянули они другъ другу руки, принужденно и холодно. Вдругъ черты лица Ирены измѣнились: ее что-то видимо встревожило.

— Чѣмъ съ тобой, кузень? Какой ты блѣдный, болѣзненный! Ужъ не боленъ ли?

Отъ словъ, произнесенныхъ ею, необыкновенно обаятельно поплыло добротой; въ нихъ отражалась такая сердечная теплота, что Романъ, не давая себѣ вполнѣ отчета, схватилъ ее за руку и горячо поцѣловалъ.

— Благодарю, кузина. Дѣйствительно я нездоровъ, но болѣзнь мою въ состояніи излечить одно только усиліе собственной своей воли.

Быстро отдернула она руку, но глаза засверкали, и она спросила:

— Какая же это болѣзнь, кузень?

— Капризь, — отвѣтилъ онъ. — Ничего болѣе, какъ капризь.

Потомъ, глядя на ручей, Романъ, не торопясь, продолжалъ дѣлать:

— Человѣкъ гоняется за видѣніемъ, кажется оно ему прекраснымъ, а когда оно очутится въ его рукахъ, онъ не желаетъ его болѣе, начинаетъ терзаться, что болѣе не хочетъ. Чего же ему нужно — и самъ не знаетъ хорошенько.

Дѣвушка слушала его внимательно. Улыбка заиграла на ея лицѣ и отразилась на губахъ и въ глазахъ; Ирена заговорила:

— Должно быть, дѣйствительно капризный человѣкъ. Съ подобными не случалось мнѣ еще встрѣчаться.

— Имѣю честь рекомендоваться, — шутливо кланяясь, произнесъ Романъ.

Отвѣчая равно насмѣшливымъ реверансомъ, она обронила:

— Весьма сожалѣю...

— Что знаешь такого человѣка?

— Да. И ему на свѣтѣ, и людямъ съ нимъ не должно быть очень весело.

— Ого! Почему же, скажи, людямъ? Чѣмъ онъ, несчастный, провинился передъ ними?

Дѣвушка отвѣтила не сразу. Наконецъ, промолвила тихо и нерѣшительно:

— Быть можетъ, люди одно добавленіе...

— Къ кому?

— Да къ нему...

Романъ изумился.

— Что же это, кузина, формальный упрекъ, что-ли, въ себя-любій?

— Болѣе или менѣе, — засмѣялась она. — Бываютъ и такіе, что повторяютъ безпрестанно: я, меня, мнѣ, для меня, обо мнѣ, у меня, во мнѣ...

Въ эту минуту подбѣжала Броня съ цѣлымъ пучкомъ цвѣтовъ, набранныхъ ею у ручейка, и стала настойчиво звать:

— Пойдемъ же, Иря! Если мы станемъ постоянно дѣлать такіе продолжительные привалы, — къ вечеру развѣ попадемъ въ Казиміровку. Другая ужъ счетомъ остановка. Первую мы дѣлали въ Волынкѣ...

И она протянула руку по направленію къ лѣсу, откуда только-что онѣ вышли.

— Такъ вы въ Казиміровку? И я съ вами.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нѣтъ надобности идти туда, — произнесла холодно Ирена.

— Не оттого ли, что съ капризнымъ человѣкомъ будетъ скучно?

— Отчасти, пожалуй. Главное же потому, что безъ этой прогулки я могу теперь легко обойтись. Мнѣ хотѣлось только проводить Броню...

— А позвольте спросить, зачѣмъ это Бронѣ понадобилось быть въ Казиміровкѣ?

— Ахъ, какой, право! Туда пріѣдетъ на цѣлый день Луна, — стала объяснять дѣвочка.

— Это еще что за новая незнакомецъ, твоя Луна?

Броня такъ и покатила со смѣху.

— Боже мой, откуда явился нашъ Ромикъ! Каждыя пять минутъ у него по десяти вопросовъ. Луна... неужели не знаешь? Младшая сестра Казимира, ровесница и мой первый другъ. Она часто пріѣзжаетъ изъ Канѣвки на постройку усадьбы. Хозяйничаетъ у брата, также... ну, да очень просто, ему это доставляетъ большое удовольствіе. Вотъ и сегодня она собиралась быть тамъ, а Ирена еще вчера обѣщала свести меня. Выѣстъ съ ней проведу цѣлый день.

— Такъ какъ ты тоже идешь туда, кузень, то оставляю эту крошку на твое попеченіе. Мнѣ необходимо быть дома. Сегодня

у насъ пекутъ хлѣбъ на цѣлую недѣлю; нужно присутствовать самой при раздачѣ его работникамъ.

— Хотѣлось бы очень спросить, затѣмъ? Да я боюсь Брони.

— Идемъ, что-ли, Ромикъ? Луна меня поджидаетъ.

Но Романъ вовсе не торопился.

Ему очень хотѣлось крикнуть Иренѣ: — „пойдемъ же вмѣстѣ!“

Но онъ удержался. Сіяніе сердечной теплоты, а затѣмъ порывъ искренней веселости исчезли у нея безъ слѣда. Спокойно и издали, не подавъ даже руки, она кивнула на прощанье головой.

— До свиданія! оставляю на твое попеченіе, кузень, эту крошку. И назадъ пожалуйста доставь ее въ сохранности.

Дѣвушка направилась прямо къ Дарновеѣ. Романъ не сводилъ съ нея глазъ и думалъ: эти раннія прогулки отражаются на лицѣ молодыхъ женщинъ свѣжестью утренней зари, а въ ихъ глазахъ загорается блескъ неба. Ирена показалась ему дѣйствительно сегодня свѣжей какъ утренняя зорька, а въ глазахъ ея раза два мелькнуло ему такъ же ясно, какъ божій день, цѣлое небо. Она шла вдоль берега ручья по неровнымъ кочкамъ и спутанной травѣ, ступая ровно, словно по гладкому паркету. Въ ея походкѣ чувствовался ритмъ, сила и здорье гибкаго тѣла, совершенно сжившагося съ природой.

И чѣмъ долѣе смотрѣлъ онъ на удалявшуюся, все сильнѣе возрастало въ немъ желаніе крикнуть: „вернись, пойдемъ вмѣстѣ“. Наконецъ, ему показалось, что если бы какимъ-либо чудомъ она сама вернулась и, указавъ на луговую тропу, сказала бы: „пойдемъ вмѣстѣ“, — онъ былъ бы неизреченно, безконечно счастливъ. Но на это требовалось чудо.

Окончательно вышедшая изъ терпѣнія Броня безъ церемоній уцѣпилась за его руку и потянула впередъ. — И къ чему было такъ долго глядѣть на уходящую Ирю? Чего же проще: она пошла домой. Ей некогда, занята по горло. Она — своей дорогой, а намъ тоже надо поторопиться. Луна вѣдь ждетъ; мы нарочно встали сегодня съ Ирѣй на цѣлый часъ пораньше обыкновеннаго. Еще бы, такое путешествіе. Да вотъ по дорогѣ надо было завернуть въ Волынку...

— Это еще что такое за Волынка?

— Какъ что такое? разумѣется, деревня.

— Ну да; теперь я и самъ вспомнилъ. Какже, большая даже деревня, когда-то тоже принадлежала къ Дарновеѣ. Затѣмъ же вы туда ходили?

— Какъ затѣмъ? сынъ у Кондратовихи очень боленъ.

Романъ разсмѣялся. Смѣшили его и названіе крестьянки, и увѣренность Брони. Будто всякій обязанъ знать о существованіи Кондратовихи и о томъ, зачѣмъ навѣщаетъ ее Ирена.

Желая подразнить немного дѣвочку, онъ опять спросилъ:

— А кто такая Кондратовиха?

Броня опять затараторила. Какъ и слѣдовало ожидать, въ голосъ ея послышался и смѣхъ, и раздраженіе.

— Ну, не правду ли я сказала, Ромикъ: ты и впрямь съ неба свалился! — И не останавливаясь, дѣвочка стала необычайно торопливо рассказывать ему цѣлую исторію какой-то крестьянской семьи, всѣ ея невзгоды и радости. Наговорила сразу съ десятокъ разныхъ именъ и событій. Когда она кончила, Романъ добродушно промолвилъ:

— Ну и прекрасно. Такъ и знай: я съ неба свалился; а ты, Броня, знакомишь меня съ невѣдомымъ мнѣ краемъ. Такъ, что-ли?

Дѣвочка приподняла головку. Изъ-подъ широкихъ полей шляпки глядѣли на него съ изумленіемъ голубые глаза.

— Зачѣмъ же тебѣ это, Ромикъ? Черезъ нѣсколько дней ты укачишь отъ насъ и, можетъ быть, никогда и не вернешься.

Романъ ничего не отвѣтилъ, только подумалъ: „А эта дѣвочка, пожалуй, что и права. Зачѣмъ?“ — и мысль его опять вернулась къ Иренѣ. „Откуда ей пришло въ голову это смѣхотворное склоненіе: я, меня, мнѣ, для меня, у меня, во мнѣ...“

„Ей все некогда: нужно присутствовать при печеніи и раздачѣ хлѣба. Экономка! Тоже дома соловьемъ заливается, занимается понемногу и философіей... Чѣмъ не философія? Я, меня, мнѣ, для меня, у меня...“

Какъ же все это примирить съ наблюденіемъ за печеніемъ хлѣбовъ? Впрочемъ, отчего же и не вьжется? Выходитъ это у нея даже какъ будто и послѣдовательно. Связь даже большая получается, ибо печеніе—это не я, не мнѣ, не для меня... Прекрасно помнить онъ эти огромныя ковриги подрумяненного хлѣба! Такія темныя, со слѣдами кленовыхъ листьевъ на бѣлой, покрытой мукой, нижней корѣ. Такъ ему и кажется, что даже въ это самое мгновеніе повѣяло откуда-то ароматомъ свѣже испеченнаго хлѣба. Давно, очень давно происходило то же самое въ этой самой Дарновкѣ. Часто приходилось ему самому присутствовать, когда тетка одѣляла рабочихъ этими душистыми ковригами. Дарновка была заложена; онъ знаетъ и источникъ долга. Оба, мужъ и жена, много и усердно работали. Теперь она совсѣмъ ослабѣла, больше не можетъ. Выручаетъ Ирена. Въсто того, чтобы развѣзжать съ баронессой Ламони за границей, вотъ

она и надсматриваетъ за печеніемъ... Не я, не мнѣ, не для меня... Что это? Не зари ли?.. Изъ-за пригорка льются лучи восходящаго свѣтила.

Дорога повернула круто на взгорье, поросшее соснами. Развертывался широкій ландшафтъ, тотъ самый, который виденъ изъ окна комнаты Стефана. За желтѣющими пожнями, изрѣзанными темными пятнами полосъ свѣже-вспаханной земли, за яркой зеленью луговъ, засѣянныхъ клеверомъ, выступаетъ замокъ Олавецкій, окруженный могучей растительностью, и свѣтится, ослѣпительно бѣлый. Въ противоположной сторонѣ виднѣется другой еще бѣлѣющій пунктъ, значительно дальше; все же не трудно распознать по строгимъ линіямъ костель. Тутъ же подъ пригоркомъ, лѣпясь однимъ краешкомъ къ склону, разстилается нива гречихи, вся въ цвѣту, — словно эту полосу земли покрылъ внезапно густой снѣгъ. Изъ подъ перистой бѣлизны продираются, въ видѣ мелкой сѣти жилокъ, красноватые стебли и листочки.

Романъ внезапно остановился, удерживая за руку и свою спутницу.

— Гляди, гляди! Опять этотъ замокъ Гуровскій. Отовсюду его видно. А тамъ, должно быть, приходскій костель Завроцкій, такъ, что ли? Какая, однако, гречиха бѣлая! Глазамъ даже больно, такъ и сверзаетъ.

И онъ обернулся взглянуть на пройденный путь. Надъ лугомъ носился легкій туманъ, — когда шелъ прежде, онъ его не замѣчалъ. Вотъ понемногу туманъ расходится, но еще стелется кое-гдѣ прозрачной дымкой; деревья и кусты, казалось, окутаны разорванными серебрянымъ крепомъ. Въ этомъ свѣжестъ, пропитанномъ влагой, воздухъ какъ бы носится что-то таинственное, подобно тѣнямъ, лѣниво исчезающимъ при появленіи первыхъ лучей свѣта. А на полѣ уже было совершенно сухо, тепло, ясно. Преобладавъ золотистый колоритъ, а на его фонѣ — замокъ Гуровскій; виднѣвшійся вдалекѣ костель и нива гречихи сверзали яркимъ свѣтомъ бѣлыхъ предметовъ, облитыхъ со всѣхъ сторонъ солнечными лучами.

Броня тоже протянула свою худенькую ручку, указывая на разные пункты горизонта.

— Да, ты правъ, это костель Завроцкій. А вотъ, смотри, сейчасъ же за нимъ, видишь узенькую полоску, уголочекъ сада, еще тополи? Это домъ въ Завроцѣ. Тамъ живутъ Росновскіе.

— Знаю, знаю; какъ же, помню Завроцъ...

— Всего дома, Ромикъ, отсюда и не видно: заслоняетъ костель и эта роща... дубовая, возлѣ самаго дома. А вотъ та де-

ревня, подальше, видишь — едва примѣтна; называется она Зѣровка; а которая поближе — Горничка. Нашей Волянки отсюда совсѣмъ не видать, — она за лѣсомъ. Только, вотъ, гляди, Ромикъ; видишь этотъ дымъ? вьется надъ деревьями — далеко, далеко?.. Это изъ Волянки... Не туда глядишь. Между маленькимъ лѣсомъ и большимъ боромъ, вотъ гдѣ Волянка...

— Тамъ и Кондратовиха живетъ?

Взволнованная дѣвочка не обратила никакого вниманія на эту странную выходку.

— Можно увидѣть и Казиміровку. Погляди хорошенько, Ромикъ, и догадайся, гдѣ Казиміровка?

— Не эта ли купа деревъ по ту сторону луга, — надъ самой рѣчкой?..

— Угадалъ, Ромикъ. Изъ Дарновки ближе бы дойти туда черезъ лугъ. Да вотъ рѣчка помѣшала. Перебираются туда другіе и по кладѣ, а мы поднимаемся немного повыше... Какъ обойдемъ этотъ кусочекъ луга, — и дойдемъ. А въ самомъ дѣлѣ, тутъ хорошо. Отсюда виденъ весь лугъ, и Гуровъ, и Завроцъ, и такъ много-много полей! Ахъ, это славное поле!..

Романъ съ любопытствомъ взглянулъ на щебечущую дѣвочку. Боже милосердый! И этотъ ребенокъ успѣлъ уже такъ сильно полюбить поля!

На лугу тамъ свѣтитъ цвѣтикъ...

— Куда же мы теперь пойдемъ съ тобой, Броня?

— А вотъ, по этой самой дорогѣ, вдоль гречихи. А потомъ свернемъ на межу — видишь, вся синѣетъ отъ цикорія.

— Видишь, Броня, какая ты славная, еще лучше, чѣмъ тебѣ самой кажется. Сначала и говорить со мной не хотѣла, а теперь знакомишь меня не только съ мѣстностью, но даже и съ цвѣтами.

Дѣвочка переконфузилась.

— Совсѣмъ мнѣ не трудно, — шепнула она растерянно, — если могу немножечко доставить удовольствіе Ромику. Я очень рада.

И вдругъ вскрикнула:

— Ахъ, Боже мой! какая чудесная ромашка! Погляди, Ромикъ!.. Цѣлые кусты, и всѣ въ цвѣтахъ, желтые, какъ солнце; и на межѣ, и по полю... И тамъ... и тамъ... и тамъ... Это желтинникъ. Наши крестьянѣ очищаютъ имъ свои квашни.

— Экій ботаникъ у меня Броня! Всякій-то цвѣточекъ знаетъ по имени.

Шли они собственно не межей, а такъ называемой пограничной чертой, отдѣляющей поля двухъ смежныхъ владѣній. Межи

обыкновенно узенькія, а тутъ тянулась широкая зеленая полоса. Съ одной ея стороны было сжатое поле, а по другой—свѣжая пахоть, приготовленная подъ осенній засѣвъ. Деревнистые и развѣсистые стебли цикорія, съ лѣпящимися по нимъ звѣздочками голубыхъ цвѣтовъ, затаили ее такъ густо, что придали ей сплошной голубой цвѣтъ, кое-гдѣ прерываемый вкрапленными кустиками желтой ромашки, высокаго, вздымавшагося балдахиномъ, бѣлаго бедренца, дикой моркови и красноватыхъ султановъ метлообразнаго конскаго щавеля. И все это утопало въ цѣломъ лѣсѣ бронзовиднаго костыря, образуя такой непролазный пустырь, что приходилось иногда его обходить, сворачивая на пожену, или же продираться черезъ него, какъ бы сѣвозъ невысокую лѣсную чащу. Броня поминутно бросала своего спутника и возвращалась къ нему съ постепенно росшимъ въ ея рукахъ пучкомъ растеній.

— Еще немного, — смѣялся Ромикъ, — и тебѣ не стащить этого снопа. Брось вилы по сторонамъ, пойдемъ-ка лучше вмѣстѣ.

— Изволь!—охотно согласилась дѣвочка, и снова маленькая ея ручка просунулась ему подъ локоть. Не безъ нѣкотораго колебанія Романъ заговорилъ послѣ минутнаго молчанія.

— Объясни, пожалуйста, мнѣ, почему это кузина Ирена не желала уѣхать съ баронессой...

Сѣменя рядомъ преважно въ своихъ толстыхъ полусапожкахъ, дѣвочка поминутно принуждена была высвобождать ноги изъ цѣпкихъ клещей перепутанныхъ стеблей цикорія. Вопросъ видимо озадачилъ ее; она задрала головку, тараща изумленно глазки изъ-подъ соломенной шляпы.

— Одинъ только ты и можешь спрашивать о подобныхъ вещахъ! — отвѣтила она бойко.

— Что же страннаго въ моемъ вопросѣ?

— А какъ же? Ириночка здѣсь нужна. Всякій тамъ и сидитъ, гдѣ можетъ приносить пользу.

— Ага! понимаю. „На конѣ застылъ уланъ“... Коротко и ясно. Кому же, скажи, нужна тутъ Ирена?

Новое изумленіе еще большихъ размѣровъ отразилось на лицѣ дѣвочки, сопровождаемое весьма энергичнымъ жестомъ руки, поддерживавшей невозможно громадныхъ размѣровъ снопъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Ахъ, Боже мой! Да рѣшительно всѣмъ. Папангѣ, мамангѣ, Стефику, мнѣ.

— Кондратовихъ,—иронически вставилъ Романъ.

— Ну, да, и Кондратовихъ, — подтвердила она съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. — И всей Дарновкѣ, и всей Волинкѣ...

— Успокойся, успокойся, я начинаю понимать. Но вѣдь каждый человѣкъ долженъ же и о себѣ подумать...

— Ну, такъ что-жь?

— А то, еслибы кузина Ирена поѣхала вмѣстѣ съ баронессой, она была бы счастливѣе, чѣмъ здѣсь.

— Это почему?

— Въ такомъ случаѣ я долженъ тебѣ сказать, Броня, что ты — настоящая дикарка. О подобныхъ вещахъ всѣ въ Европѣ знаютъ. Изволь, я тебѣ объясню, почему: могла бы многое увидѣть, весело проводить время, получать большое содержаніе, выйти удачно замужъ.

Броня немного задумалась, но вскорѣ закивала головою отрицательно.

— Ужъ не знаю, какъ тебѣ сказать, а все-таки Ира не была бы тамъ счастлива.

— Это отчего?

— Да, понимаешь, она любитъ насъ, Дарновку...

— Кондратовиху... — вставилъ опять довольно-таки злобно Романъ.

— И Кондратовиху, — повторила дѣвочка съ глубокимъ убѣжденіемъ.

— Что за важность! Отвыкла бы понемногу отъ самыхъ любимыхъ предметовъ и людей...

Этотъ споръ нѣсколько встревожилъ и смутилъ дѣвочку.

— Я не знаю, — повторила она неопредѣленно. — Но Ира, послѣ отъѣзда баронессы, сама же папашѣ говорила, что умерла бы тамъ съ тоски и сожалѣнія...

— Вотъ, вотъ...

А сойду, понятно дѣло,
Угодить мнѣ пуля въ лобъ...

— Не припомнишь ли, Броня, какъ тамъ, въ той пѣсенкѣ, которую вчера пѣла у фортепіано кузина Ирена? Начинается:

Ты поѣдешь въ гору...

— а дальше?

Широкія поля соломенной шляпки высоко приподнялись надъ дѣтскимъ личикомъ, раскраснѣвшимся отъ шибкой ходьбы. Тоненькій, чуточку фальшивый голосокъ громко затянулся:

Ты пойдешь въ гору, ты пойдешь въ гору, а я—долиной.
Расцвѣтешь ты розой, расцвѣтешь ты ровой, а я—кавиной.

— А и въ самомъ дѣлѣ, да, въ гору и долиной... — повторилъ задумчиво Романъ.

Какъ бы про себя онъ промолвилъ потомъ вполголоса:

— Да, только никогда нельзя быть увѣреннымъ, что именно на свѣтѣ вершина, а что—долъ...

Дѣвочка подхватила, однако, его слова и громко и искренно разсмѣялась.

— Господи! Чего только не выдумаетъ Ромикъ! Да развѣ есть люди, которые не сумѣютъ отличить горы отъ долины! Даже я знаю.

— Конечно, лучше меня знаешь, моя ты дорогая сестрѣнка!

Со смѣхомъ, полурасстроганный, заглядывая онъ подъ соломенную шляпу и крѣпко прижималъ тепленькую лапку, увѣренно опирающуюся о его руку. Онъ почувалъ въ сердцѣ, что это свѣженное, живое, остроумное творенье стало для него тоже дорогимъ, а произнесенное имъ имя сестры показалось ей тѣмъ-то особенно сладкимъ. Смуглыми своими пальчиками пожимала довѣрчиво и дѣвочка его руку, и шаловливо поднесла къ самому его лицу громадный свой пучъ цвѣтовъ.

— Поюхай-ка, Ромикъ. Не правда ли, славно пахнетъ?

Букетъ отзывался мятой, медомъ и миндалемъ. Полной грудью вдыхалъ онъ этотъ сильный, свѣжій ароматъ, выпрямился, снялъ шляпу и, устремивъ взоры на сѣрое облачко, повисшее надъ моремъ синевы, произнесъ громко:

— А въ самомъ дѣлѣ хорошо.

Ему стало такъ легко, какъ давно уже не было.

Въ эту самую минуту Броня сорвалась у него съ руки и бросилась впередъ съ радостнымъ крикомъ: „Луна! Луна!“

Отъ ближайшей купы развѣсистыхъ деревъ, за которой виднѣлась ярко-желтая полоса свѣже-крытой соломенной крыши, отдѣлилась на встрѣчу подходящимъ дѣвочка, немного повыше ростомъ Брони, худенькая, съ головкой, утонувшей въ роскошныхъ волнахъ черныхъ волосъ. Изъ этой пышной черной рамки выплывалъ, какъ бы изъ тучи, овалъ блѣдненькаго личика, тоненькаго, очень нѣжнаго.

Дѣвочки шумно понеслись впередъ, забывши даже про существованіе Романа, а онъ остановился и оглядывалъ внимательно маленькій дворикъ, отгороженный отъ поля заборчикомъ изъ длинныхъ, едва остроганныхъ, жердей, поставленный видимо на скорую руку—такимъ низенькимъ, мѣстами даже неоконченнымъ

показался онъ Роману. Подъ группой деревъ, со сверкающей позади рѣчкой, стоялъ старый домикъ, довольно еще сохранившійся. Выдѣлялись кое-гдѣ свѣжія надстройки; часть свѣтло-желтой стѣны рѣзко бросалась въ глаза на общемъ фонѣ темнаго колорита, словно заплатъ, положенная на зданіи. Одно окно совсѣмъ новенькое, а рядомъ торчитъ старое. Часть крыши блеститъ золотомъ свѣжей, недавно настланной, соломы, а другая отливаетъ зеленую затянувшего ее сплошь мелкаго мха. На только-что выведенномъ амбарѣ половина крыши уже окончена; другая вырисовывается на свѣтломъ фонѣ неба сухими линиями обнаженныхъ стропилъ. Кругомъ разбросано еще нѣсколько построекъ, одиѣ небольшія, а другія побольше. Часть сада пошла на огородъ; тамъ и самъ поднимаются тоненькіе стволы молодыхъ фруктовыхъ деревьевъ; вдали стоятъ кучкой голубоватые ульи—вотъ и все. Вообще довольно пустынно и не особенно привлекательно. Одни только толстыя, развѣсистыя деревья скрашивали видъ и манили взоръ. Крупныя кисти красныхъ ягодъ рябины отливали тамъ и сямъ среди группъ кленовъ и дубовъ. Вершина самаго высокаго ясени стала уже немного желтѣть, а за садомъ чернѣла густой массой заросль орѣшны.

Невдалекѣ отъ амбара съ недоконченной крышей взгромоздились на довольно высокихъ чурбанахъ два работника и распиливали бревно, установленное на возлахъ. Кругомъ валялись кучи бѣлыхъ стружекъ и опилокъ.

Романъ приблизился къ пилицикамъ. Едва успѣлъ онъ произнести имя Домунта, какъ сразу же прекратился визгъ пилы, и одинъ изъ пилициковъ въ мгновеніе ока полетѣлъ съ чурбана.

— Ромикъ! ну какъ поживаешь? Вотъ спасибо, заглянулъ-таки. Положимъ, я ждалъ тебя, но никогда бы не повѣрилъ, что и ты умѣешь вставать рано. А гдѣ же Броня? Ну да, знаю, съ Луней возится. Счастливый денекъ выдался! Моя золотая дѣвочка со мной. И ты, старина, приплелся. Не смѣйся,—конечно, старина. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ зубрили латынь, шалопайничали, золотые сны грезили.

Полотнянымъ рукавомъ балахона Домунтъ вытиралъ выступившія на лбу крупныя капли пота, а другой рукой, сильно покраснѣвшей отъ пилы, жалъ, встраивая дружески, руку Романа. По обыкновенію своему онъ говорилъ много, быстро, и, казалось, былъ въ отличномъ расположеніи духа. Въ глазахъ сіяло веселье, на щекахъ игралъ румянецъ. Онъ глянулъ на солнце, а потомъ на товарища по работѣ, продолжавшаго стоять попрежнему на чурбанѣ, и крикнулъ:

— Пора, братецъ, и полдничать, покликай-ка тѣхъ съ крыши; ступайте себѣ съ Богомъ завтракать.

А затѣмъ обернулся къ Роману и заговорилъ:

— Страшно проголодался. Жареную собаку, и ту, кажется, слопать бы. Представь себѣ, два часа безъ передышки пилю.

Романъ замѣтилъ:

— И время ловко выучился узнавать по солнцу.

— Помаленьку, мой дорогой. Какъ тутъ быть? Пилишь, кровлю кроешь, гдѣ же тутъ съ часами возиться?

— Мѣняешь занятія... Если не ошибаюсь, такъ слѣдуетъ поступать по правиламъ гигиены.

Они шли къ дому. Домунтъ поглядѣлъ на пріятеля искоса.

— Мнѣ кажется, ты вздумалъ надо мной трунить. Это замѣтно и по интонаціи. Сдѣлай одолженіе. Вотъ только что я тебѣ скажу: пожалѣй самого себя, брось свою манеру по-дурацки разсуждать...

— А мнѣ такъ кажется,—съ живостью возразилъ Романъ,— что ты именно... вы всѣ здѣсь занимаетесь пустяками. Ну, скажи на милость, зачѣмъ тебѣ понадобилась эта работа? Развѣ ты не въ состояніи принанять одного лишняго работника?

— Говоря по совѣсти,—началъ Домунтъ,—положеніе мое таково, что я дорожу каждымъ сбереженнымъ грошомъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что Казиміровку я арендую за деньги, взятія мною у матери. Да еслибы, положимъ, было и иначе, скажи мнѣ ради самого Создателя, почему я не долженъ работать и не поступать такъ именно, какъ я дѣлаю? Отчего? Только подумай прежде хорошенько, а потомъ и отвѣчай.

— Да тутъ и размышлять нечего. Просто потому, что ты человѣкъ образованный, выспій...

По малому дворику раскатился страшный хохотъ, но не веселый, какъ бывало прежде,—долго накопившаяся горечь вылилась въ немъ.

— Выспій!.. И это ты говоришь? человѣкъ выспій!..

Судорожно схватилъ онъ за руку Романа.

— Ахъ, Ромикъ! Зачѣмъ же такъ издѣваться?.. Нѣтъ, ты не шутишь, вѣрю. Но ради Бога никогда не касайся болѣе этой струны; она замолкаетъ тогда только, когда я начинаю пилить или принимаюсь за другую механическую работу. Когда же отзовется она, готовъ бы, кажется, испилить сотню дьяволовъ, лишь бы какъ-нибудь заглушить ее. Мое превосходство! Оставь... Предъ кѣмъ же осмѣлюсь я величаться? Кажется, нѣтъ такого червяка...

И онъ круто оборвалъ, сразу успокоившись.

— А если бы даже и такъ?.. Ахъ, мой дорогой, не даромъ же въ катехизисѣ гордость поставлена во главѣ смертныхъ грѣховъ. Повѣрь, совершенно основательно при святомъ крещеніи повелѣвается отречься отъ гордыни. Смирненіе, правда, перерождается иногда въ низкопоклонничество и подлость, но чаще становится разумомъ и добродѣтелью... Но зачѣмъ я это говорю? Все это ты знаешь и понимаешь, можетъ быть, еще лучше меня, только въ головѣ твоей понапихано множество устарѣлыхъ предразсудковъ: вотъ ты и изумляешься на каждомъ шагѣ безъ всякой причины. Намъ придется побесѣдовать пообстоятельнѣе, но не теперь. Признаться, я проголодался какъ волкъ. Знаешь чтѣ, позавтракаемъ вмѣстѣ. Ну, не лмайся, оставься у меня на цѣлый день. Тебѣ вѣдь все равно—дѣлать-то нечего. Послѣ завтрака я опять за работу, а ты поболтай съ дѣвочками, почитай,—найдется и у меня нѣсколько книжонокъ. А вечеромъ усядемся мы съ тобой вотъ тутъ, подъ деревьями, надъ рѣчкой, и вволю потолкуемъ... По рукамъ, что-ли? Расскажу тебѣ все, старый мой, добрый товарищъ.

Романъ крѣпко сжалъ ему руку. Оба остановились у открытаго окна старинной постройки.

Въ новомъ помѣщеніи не поставлены были еще печи. Пылалъ огонь подъ большой плитой; тутъ же, подъ надзоромъ старой женщины, одѣтой по-крестьянскому, Броня съ Луней хлопотали по хозяйству, болтая безъ умолку. Собственно щебетала одна Броня. Завидя брата, Луна повернула къ нему свое блѣдненькое личико и проговорила:

— Тебѣ на завтракъ, Казя, будетъ великолѣпный картофель, такой, какой ты болѣе всего любишь,—сама приготовила.

Таинственное сообщеніе, обретенное мелодичнымъ голоскомъ, нисколько не помѣшало дѣвочкѣ продолжать свои занятія съ подобающею важностью. Казалось, она священнодѣйствовала, присматривая внимательно за этимъ маленькимъ кухоннымъ горшечкомъ.

— Нельзя ли поскорѣй, моя крошка? Страсть какъ ѣсть хочется, да вотъ и гость.

Оба отошли отъ окна и направились къ рѣчкѣ.

— Не правда ли, красива, а?

— Кто?.. Ахъ да, сестра твоя? Въ самомъ дѣлѣ очень мило видна — такія правильныя черты, великолѣпныя волосы. Одно только,—ты не замѣчаешь, какъ она задумчива, нѣжна и печальна?...

Романъ взглянулъ при этомъ вверхъ и невольно воскликнулъ:

— Какія, однако, великолѣпныя деревья!

— Ежедневно благословляю память того, кто ихъ насадилъ, — отвѣтилъ Домунтъ. — Хвала тебѣ, мой безымянный благодѣтель! Хорошо мнѣ будетъ подъ ними.

— Неужели у тебя ничего не осталось? — спросилъ Романъ.

— Вообрази, рѣшительно ничего. Давно уже Марцеллъ выплатилъ мнѣ мою часть Канѣвки. Вернулся я домой голъ какъ соколъ, и если бы не добрая моя мать, не было бы чѣмъ уплатить за аренду. Нашлось у старухи немного деньжонокъ, подѣлилась со мной...

— Что же, ничего иного не предвидится?

— Марцеллъ сильно зоветъ къ себѣ, сулитъ золотыя горы...

— А тебѣ не хочется?

Собесѣдникъ тряхнулъ энергично головой.

— Ни за какія въ свѣтѣ блага.

— Какъ будто и понимаю, а все-таки не совѣмъ! — произнесъ нерѣшительно Романъ.

Домунтъ только рукой махнулъ и промолвилъ:

— А все оттого, что у тебя въ головѣ засѣло множество старинныхъ предрассудковъ.

И онъ устался на широкое поле, на виднѣющійся кусокъ луга, на рѣчку, развѣсистыя деревья, садъ, молоденькія деревца и голубоватые ульи.

— Ухъ, какъ засучу я рукава да возьмусь за умъ, непременно возьмусь! Стану пахать, сѣять, копать... Взойдетъ мой посѣвъ и на полосѣ земли, и въ головахъ человѣческихъ... Работы бездна, зато и надежда на славный урожай. Вотъ ты говоришь, что я выше этой работы, а меня смѣшаютъ твои слова: вѣдь я даже еще не доросъ до этого дѣла. Все мое достоинство въ томъ только и состоитъ, что я подступаю къ нему со смиреніемъ и съ сознаниемъ, что тяжко провинился и обязанъ уплатить свой долгъ... Понятно, дѣлаю охотно... съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ.

И онъ выпрямился, стряхивая со лба волосы. Роману казалось въ эту минуту, что собесѣдникъ его выросъ, возмужалъ; грудь его подымалась широко и сильно.

На болѣзненно-блѣдномъ лицѣ Домунта началъ уже показываться легкій налетъ загара, а подвижная сѣть нервовъ стала какъ будто понемногу успокоиваться. Въ глазахъ его, блуждавшихъ по горизонту, пламенѣла охота, о которой онъ упоминалъ, и свѣтился разумъ, который собирался онъ черпать изъ своей головы.

Глядя на него въ упоръ, Романъ спросилъ его:

— И все это вложилъ тебѣ въ голову Стефанъ? Правду я говорю? Выбилъ старинные предразсудки и вмѣсто нихъ во-дворилъ...

— То, что ты какъ будто и понимаешь, и не понимаешь! — подхватилъ Домунтъ. — Да, онъ спасъ меня отъ двухъ роковыхъ неизбежностей: отъ преждевременной смерти и грубаго недо-мыслия.

— Недомыслия?..

— Конечно.

— Что ты говоришь! — воскликнулъ нетерпѣливо Романъ.

— Длинная исторія, дорогой мой. Расскажу тебѣ все подъ вечеръ, а теперь... слышишь?

Изъ открытаго окна дома высунились двѣ головки. Одна изъ нихъ нараспѣвъ громко кричала:

— Казя, Казя! Сюда, что-ли, придете завтравать, или при-нести къ вамъ?

— Мигомъ доставимъ! — тоненькимъ голосомъ вторила за ней другая.

Эл. Оржевско.

ПРИВѢТЬ ГРУЗИИ

Отъ нашихъ красокъ полинялыхъ,
Отъ пошлыхъ чувствъ и мыслей валихъ,
Тревогъ холопскихъ и забавъ,
Гдѣ въ свѣтлый храмъ сердечныхъ правъ
Бьетъ нагло жизнь волной безцѣтной,
—Туда лети, мой стихъ привѣтный,
Гдѣ лучезарнѣй небеса,
Горятъ вершины горъ алмазомъ
И, осѣненная Кавказомъ,
Почила Грузія-краса!..
Тамъ жарче мощь рукопожатій,
И рѣчь, и взоръ полны огня!..
Трепещеть въ сердцѣ у меня
Напѣвъ изгнанія, — *блатьи*, —
И, въ стужѣ сѣвернаго дня
Воспоминаясь отогрѣта,
Изъ сердца льется пѣснь привѣта!..

Привѣть тебѣ, волшебный край!
Привѣть вамъ, сакли, башни, храмы!
Народъ — герой кровавой драмы;
Народъ, познавшій адъ и рай:
И беззаботное веселье,
И вдохновеніе молитвъ,
И опьяненіе славныхъ битвъ,
И пораженія похмелье!
Христовымъ бывшій островкомъ,
Средь ордъ, въ пучинѣ многоводной!

Во тѣмъ горѣвшій маякомъ,—
 Многострадальный, но свободный!..
 Привѣтъ землѣ! Орошена
 Бойцовъ родимыхъ алой кровью,
 Она дастъ зато съ любовью
 Струю багряную вина!
 И на пиру, гдѣ звонки чаши,
 Отвагой юноши полны
 И дѣвы звѣздъ небесныхъ краше,
 И гдѣ жужжаніе зурны
 Смѣняетъ шутки тулумбашей,
 —Живъ свѣтлый призракъ старины!
 Привѣтъ вамъ, старцы-сазандары,
 Неумирающей Тамары
 Неутомимые пѣвцы!
 Въ сіяньѣ доблести и въ славѣ
 Встаетъ Торникій Эристави,
 Встаютъ великіе бойцы,
 Народомъ чтимые понинѣ!
 И, небосводъ покинувъ синій,
 Слетаетъ радостна, чиста,
 О просвѣтительницѣ-Нинѣ
 Животворящая мечта;
 И звуки томные чонгури,
 Въ отвѣтъ посланницѣ лазури,
 Рыдая, льются чередой...
 Нисходитъ ночь—и звѣзды блещутъ;
 Въ „лезгинкѣ“ мѣрно рукоплещутъ
 Князья красавицѣ молодой...
 Ужъ изъ долинъ туманъ сѣдой,
 Клубясь, ползетъ по горнымъ склонамъ;
 Потоки съ грохотомъ и стономъ
 Бѣгутъ въ таинственную тьму;
 За тихоструйной Алазанью
 Встаетъ луна—и яркой гранью
 Сягловъ сребристую кайму
 На горной цѣпи выдѣляетъ...
 И словно ближе подступаетъ,
 Шагнувъ по сумраку долинъ,
 Кавказъ, могучій исполинъ,—
 И молча внемлетъ сазандарамъ...
 Покорный дивныхъ пѣсень чарамъ

И взору царственной луны, —
Стоять, задумчивый и дикій,
Свидѣтель гордый и великій
Великой, гордой старины!..

В. Л. Величко.

25 января 1896 г.

ПРИНЦИПЪ НАКАЗАНІЯ

СЪ

ПРАВСТВЕННОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ¹⁾

I.

Когда одинъ человѣкъ обижаетъ другого, на примѣръ болѣе сильный бьетъ болѣе слабого, то свидѣтель этой обиды,—если онъ стоитъ на нравственной точкѣ зрѣнія,—испытываетъ *двойное* чувство и побужденіе къ двойному образу дѣйствія. Во-первыхъ, у него является потребность *защитить обижаемаго*, а во-вторыхъ, *образумить обидчика*. Обѣ эти потребности имѣютъ одинъ и тотъ же нравственный источникъ: признаніе чужой жизни и уваженіе къ чужому достоинству, психологически опирающееся на чувство жалости, или состраданія. Мы непосредственно жалко этого существа, подвергающагося физическому и душевному страданію; душевное же его страданіе, въ болѣе или меньшей степени сознаваемое, состоитъ въ томъ, что въ его лицѣ оскорблено человѣческое достоинство. Но такое внѣшнее нарушеніе человѣческаго достоинства въ обиженномъ связано непосредственно съ внутреннимъ паденіемъ этого достоинства въ обидчикѣ: и то, и другое, требуетъ восстановленія. Хотя психологически чувство, относящееся къ обиженному, весьма различно отъ чувства, возбуждаемаго обидчикомъ, а именно: первое есть чистая

---

¹⁾ Глава изъ „Нравственной философіи“. Вопросы права разсматриваются здѣсь — лишь поскольку они связаны съ нравственнымъ принципомъ.

жалость, тогда какъ во второмъ преобладаетъ возмущеніе и нравственное негодованіе, — но для того, чтобы это негодованіе было нравственнымъ, оно не должно переходить въ несправедливость къ обидчику, въ отрицаніе его права, хотя это право по содержанию своему (матеріально) отличается отъ права обиженного. Этотъ послѣдній имѣетъ право на нашу защиту, тогда какъ обидчикъ имѣетъ право на вразумленіе съ нашей стороны. Но нравственная основа этихъ двухъ отношеній (поскольку дѣло идетъ о разумныхъ существахъ) одна и та же, а именно, безусловное значеніе или достоинство человѣческой личности, признаваемое нами въ другихъ такъ же, какъ въ себѣ, при чемъ нарушеніе этого достоинства, претерпѣваемое кѣмъ-либо отъ другого, или же наносимое другому, вызываетъ въ насъ нравственную реакцію, и сущность этой реакціи въ обоихъ случаяхъ одинакова, несмотря на различіе и даже противоположность ея психологическаго проявленія. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда обида причиняетъ прямо или косвенно физическія страданія обиженному, она возбуждаетъ непосредственно болѣе сильное чувство жалости, но, вообще говоря, обидчикъ, какъ внутренне теряющій нравственное достоинство, долженъ быть жалокъ въ высшей степени. Какъ бы то ни было, нравственный принципъ требуетъ, чтобы мы признавали право обоихъ на нашу помощь для восстановленія нарушенной правды и въ томъ, и въ другомъ. Изъ этой нравственной точки зрѣнія логически вытекаютъ, какъ мы увидимъ далѣе, истинныя понятія о правѣ, государствѣ и нравственныхъ задачахъ общества.

Но самый этотъ принципъ, требующій (въ случаѣ преступленія, т.-е. обиды челоѣка челоѣкомъ) нравственнаго отношенія къ обѣимъ сторонамъ, далеко еще не есть общепризнанный, и намъ нужно оборонить его отъ двоякаго рода противниковъ.

Одни (ихъ мнѣніе до сихъ поръ есть преобладающее) признаютъ только право обиженного или потерпѣвшаго лица (или общества) на защиту и отищеніе, а обидчика или преступника (послѣ того какъ виновность его доказана) признаютъ (по крайней мѣрѣ на дѣлѣ) безправнымъ, страдательнымъ предметомъ возмездія, т.-е. болѣе или менѣе полного подавленія или истребленія. „Злодѣя жалѣть нечего; собакъ собачья и смерть!“ — вотъ простонародное искреннее выраженіе этой точки зрѣнія. Ея прямое противорѣчіе нравственному началу и несовмѣстимость съ мало-мальски развитымъ челоѣческимъ чувствомъ (выразившимся между прочимъ у того же народа, по крайней мѣрѣ русскаго, въ названіи преступниковъ *несчастными*) объясняютъ и психологически оправ-

дываютъ противоположный крайній взглядъ, начинающій распространяться въ наше время. Съ этой стороны признается только право обидчика на словесное вразумленіе и не допускается относительно его никакого насильственного дѣйствія, что практически сводится къ отнятію права на защиту у обижаемаго лица или общества: ихъ безопасность ставится въ зависимость отъ *успѣшности* вразумленія, т.-е. отъ чего-то проблематичнаго, ни въ чьей власти и ни на чьей отвѣтственности не находящагося.

Разберемъ внимательно эти двѣ противоположныя доктрины, которыя для краткости будемъ называть доктриною *отмщенія* и доктриною *словеснаго вразумленія*.

II.

Доктрина *отмщенія* имѣетъ для себя дѣйствительное объясненіе, но мнимыя доказательства; очень важно при разборѣ ея не смѣшивать одного съ другимъ. Звѣрь, на котораго нападаетъ другой съ тѣмъ, чтобы его пожрать, по чувству самосохраненія защищается зубами и когтями, если они у него достаточно сильны, или же спасается бѣгствомъ. Никто не станетъ искать здѣсь нравственныхъ побужденій, такъ же какъ и въ физической самозащитѣ человѣка, у котораго прирожденные средства обороны только дополняются или замѣняются искусственнымъ оружіемъ. Но человѣкъ, даже дикій, не живетъ обыкновенно въ одиночку, а принадлежитъ къ какой-нибудь соціальной группѣ — роду, клану, племени. Поэтому при встрѣчѣ его съ врагомъ дѣло не кончается результатомъ единоборства. Убіеніе или другая обида, понесенная однимъ изъ членовъ группы, ощущается всею группою и вызываетъ въ ней естественное чувство мстительности. Поскольку сюда входитъ жалость къ пострадавшему, здѣсь должно признать присутствіе нравственнаго элемента; но, несомнѣнно, преобладающее значеніе принадлежитъ инстинкту собирательнаго самосохраненія, какъ у пчелъ или другихъ общественныхъ животныхъ: обороняя *своею*, родъ или кланъ обороняетъ себя; мста за своего, онъ мститъ за себя. Но и обидчика по тому же побужденію защищаетъ *его* родъ или кланъ. Единичныя столкновенія переходить такимъ образомъ въ войну цѣлыхъ обществъ. Гомерическая поэзія сохранила намъ безсмертную память объ этой стадіи общественныхъ отношеній, увеличивъ троянскую войну, возникшую изъ частной обиды, нанесенной Парисомъ Менелая. Исторія арабовъ до Магомета вся полна такими вой-

нами. Понятія преступленія и наказанія здѣсь, строго говоря, не существуютъ: обидчикъ здѣсь есть врагъ, которому мстятъ, а не преступникъ, котораго наказываютъ. Мѣсто позднѣйшей уголовной юстиціи всецѣло занято здѣсь общепризнаннымъ и безусловно обязательнымъ обычаемъ *кровавого мщенія*. Это относится, разумѣется, къ обидамъ между членами различныхъ родовъ или клановъ. Но другого рода обидъ, вообще говоря, и не бываетъ на этой социальной стадіи. Связь тѣсной родовой группы слишкомъ крѣпка и авторитетъ патріархальной власти слишкомъ внушительнъ, чтобы отдѣльное лицо рѣшилось противъ нихъ возстать: это почти такъ же невѣроятно, какъ столеновленіе отдѣльной пчелы съ цѣлымъ ульемъ. Конечно, человѣкъ и въ родовомъ бытѣ сохраняетъ способность къ личному произволу, который и проявляется въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ, но эти исключительныя проявленія и подавлялись исключительными дѣйствіями патріархальной власти, не вызывая общихъ мѣръ. Положеніе измѣняется съ переходомъ къ государственному быту, т.-е. когда многіе роды и племена такъ или иначе, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ или принудительнымъ обстоятельствамъ, соединяются постояннымъ образомъ вокругъ одного общаго вождя съ болѣе или менѣе организованною властью, при чемъ упраздняется самостоятельность отдѣльныхъ родовъ и клановъ и отмѣняется обычай кровавой мести. Довольно любопытно, что философы и юристы отъ древнѣйшихъ временъ и почти до нашихъ дней строили апіорныя теоріи о происхожденіи государства, какъ будто всѣ дѣйствительныя государства произошли въ какія-нибудь допотопныя времена. Это объясняется, конечно, крайне несовершеннымъ состояніемъ исторической науки. Но чтѣ еще было позволительно Гоббесу и даже Руссо, то не можетъ быть допущено со стороны современныхъ мыслителей. Родовой бытъ, который такъ или иначе пережили всѣ націи, не представляетъ ничего загадочнаго: родъ есть только разросшаяся семья. Вопросъ, значить, сводится къ переходу отъ родового быта къ государственному, а это уже можетъ быть предметомъ *историческаго наблюденія*. Достаточно вспомнить совершившееся на глазахъ исторіи превращеніе разрозненныхъ родовъ и племенъ сѣверной Аравіи въ могущественное мусульманское государство. Его теократическій характеръ не есть исключеніе; таковы же были въ болѣе или меньшей степени и всѣ прочія значительныя государства старыхъ временъ. Вообще начало государственности происходитъ такъ: превосходящій другихъ личными силами вождя—военный или религіозный, а всего чаще и то и другое вмѣстѣ—руководимый сознаниемъ

своего историческаго призванія, а также честолюбіемъ—собираетъ вокругъ себя людей изъ разныхъ родовъ, или когнъ, образуя съ ними нѣкоторое *междуродовое*, или *междуплеменное* ядро, вокругъ котораго затѣмъ добровольно, или же принудительно, собираются цѣлые роды и племена, получая отъ вновь образовавшейся верховной власти законы и управленіе и теряя въ большей или меньшей степени свою самостоятельность. Когда въ какой-нибудь общественной группѣ мы находимъ іерархически организованное правительство съ центральной верховною властью, постоянное войско, финансы, основанные на налогахъ и податахъ, наконецъ законы, снабженные уголовною санкціей, то мы въ этой группѣ узнаемъ настоящій характеръ государства. Но всѣ исключенные признаки были на-лицо въ мусульманской общинѣ въ послѣдніе годы жизни Магомета. Замѣчательно, что исторія первоначальнаго образованія этого государства подтверждаетъ до нѣкоторой степени теорію политическаго контракта: всѣ главные шаги Магомета въ этомъ дѣлѣ обозначены формальными договорами, начиная съ такъ называемой „клятвы женщинъ“ и кончая послѣдними условіями, которыя онъ предписалъ въ Меккѣ послѣ своей окончательной побѣды надъ родомъ Корейшитовъ и союзными имъ племенами. Замѣтимъ также, что во всѣхъ этихъ договорахъ основной пунктъ есть отмѣна кровавой мести между родами и племенами, входящими въ новый политическій союзъ.

Съ этимъ прямо связаны новое явленіе въ области права. Прежде не существовало различія между публичнымъ и частнымъ правомъ: въ законахъ кровавой мести, какъ и въ другихъ важнейшихъ отношеніяхъ, интересы собирательной группы и отдѣльнаго лица были непосредственно солидарны, тѣмъ болѣе, что въ небольшомъ общественномъ цѣломъ, какъ родъ или кланъ, всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть сочленовъ могли лично знать другъ друга, такъ что каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго представляли, вообще говоря, реальную величину. Но когда при образованіи государства общественная группа обнимаетъ собою сотни тысячъ или даже миллионы людей, то такое личное реальное отношеніе между частями и цѣлымъ становится невозможнымъ: является ясное различіе между общими интересами и частными, и соотвѣтственно этому—между публичнымъ и частнымъ правомъ, при чемъ первое касается главнымъ образомъ войны и дипломатическихъ сношеній, а къ послѣднему (вопреки нашимъ теперешнимъ юридическимъ понятіямъ) относятся обыкновенно на этой стадіи развитія и такіа дѣла, какъ убійство, грабежъ, тяжкое увѣще. Прежде (въ родовомъ бытѣ) всѣ подобныя злодѣянія счи-

тались затрогивающими прямо общій интересъ, и цѣлый родъ мститъ за нихъ виновнику и его родичамъ. Съ образованіемъ болѣе широкаго политическаго союза это право и эта обязанность кровавой мести отняты у рода, но не перешли (въ прежнемъ смыслѣ и объемѣ) къ государству. Новая общая власть, отъ которой исходятъ законы и правленіе, не можетъ сразу войти до такой степени въ интересы всѣхъ своихъ многочисленныхъ подданныхъ, чтобы защищать ихъ какъ свои собственные; глава государства не можетъ чувствовать и дѣйствовать какъ старѣйшина рода; и вотъ мы видимъ что въ защитѣ частныхъ лицъ и имуществовъ государственная власть ограничивается сначала наименьшимъ: не только за увѣчье или иное насиліе, но и за убійство свободнаго человѣка, убійца или его домашніе платятъ семьѣ убитаго денежную пеню, вообще довольно умѣренную. Перечисленіемъ такихъ штрафовъ (различныхъ смотря по полу лица и другимъ обстоятельствамъ) наполнены всѣ тѣ старинные уставы или сборники законовъ (какъ напр., законы салійскихъ франковъ, или наша „Русская Правда“), которые именно представляютъ собою памятники только-что впервые сложившагося (въ данномъ народѣ) государственнаго быта. Замѣчателенъ этотъ непосредственный и быстрый переходъ отъ беспощадной кровавой мести, сопровождавшейся весьма часто истребительными многолѣтними войнами цѣлыхъ племенъ, — къ простому денежному вознагражденію; съ указанной точки зрѣнія такой скачокъ совершенно понятенъ.

Но такое элементарное противоположеніе между публичнымъ и частнымъ правомъ не можетъ быть устойчивымъ. Денежный штрафъ за всякую обиду частнаго лица не удовлетворяетъ потерпѣвшую сторону (напр., семью убитаго) и не воздерживаетъ обидчика, особенно если онъ богатъ, отъ дальнѣйшихъ злодѣяній. При такихъ условіяхъ кровавая месть за личныя обиды, отмѣненная государствомъ, какъ противная его существу, возобновляется фактически и грозитъ отнять у государственнаго строя саму причину его существованія; ибо когда каждому приходится самому мстить за свои обиды, то спрашивается, за что же онъ несетъ тягости, налагаемыя новымъ политическимъ бытомъ? Чтобы оправдать свои требованія отъ частныхъ лицъ, государство должно взять ихъ интересы подъ свою дѣйствительную защиту; чтобы навсегда упразднить частное право кровавой мести, государство должно превратить его въ публичное, т.-е. принять на себя его исполненіе. На этой новой высшей стадіи яснѣе выражается солидарность государственной власти съ подчиненными ей отдѣльными

лицами. Всякій свободный человѣкъ становится гражданиномъ, т.-е. членомъ самого государства, принимающаго на себя задачу охранять его безопасность; всякое ея нарушеніе рассматривается государственною властью, какъ покушеніе на ея собственное право, какъ враждебное дѣйствіе противъ общественнаго цѣлаго. Всѣ насилія противъ личности и имущества кого бы то ни было рассматриваются уже не какъ частныя обиды, а какъ нарушенія государственнаго закона, и потому наравнѣ съ политическими преступленіями подлежатъ *отмщенію* самого государства.

III.

Уголовно-правовая доктрина отмщенія имѣетъ, такимъ образомъ, историческое основаніе въ томъ смыслѣ, что уголовныя наказанія, нынѣ еще употребительныя, представляютъ собою историческую трансформацию первобытнаго принципа кровавой мести. Прежде за обиженного мстилъ болѣе тѣсный общественный союзъ, называемый родомъ, а потомъ сталъ мстить болѣе обширный и сложный, называемый государствомъ; прежде обидчикъ терялъ всѣ человѣческія права въ глазахъ обиженного имъ рода—теперь онъ сталъ безправнымъ субъектомъ наказанія въ глазахъ государства, отмщающаго ему за нарушеніе своихъ законовъ. Различіе состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ родовомъ быту самый актъ мести совершался просто—обидчика при первомъ случаѣ убивали, какъ собаку,—но послѣдствія бывали очень сложны, въ видѣ нескончаемыхъ войнъ между племенами; въ государственномъ же быту, напротивъ, самый актъ отмщенія, принятый на себя публичными властями, производится медленно и съ различными церемоніями, но безъ всякихъ послѣдующихъ осложнений, ибо за частнымъ лицомъ преступника уже нѣтъ дальнѣйшаго достаточно сильнаго мстителя,—онъ беззащитенъ передъ государственнымъ могуществомъ.

Но изъ этого несомнѣннаго факта, что уголовныя казни суть историческія видоизмѣненія кровавой мести,—слѣдуетъ ли что-нибудь въ пользу самихъ этихъ казней, или въ пользу принципа отмщенія? Должно ли, въ силу этого историческаго основанія, понятіе мести, т.-е. воздаянія зломъ за зло, страданіемъ за страданіе, окончательно опредѣлять наше отношеніе къ преступнику? Вообще логика не позволяетъ дѣлать такихъ выводовъ изъ генетической связи двухъ явленій. Ни одинъ дарвинистъ, насколько мнѣ извѣстно, изъ принимаемаго имъ происхожденія человѣка отъ

низшихъ животныхъ, не выводилъ того заключенія, что человѣкъ долженъ быть скотиной. Изъ того, что городская община Рима была первоначально создана разбойничьей шайкой, никакой исторіи не заключалъ еще, что истиннымъ принципомъ священной римской имперіи былъ разбой. Относительно нашего предмета, раздѣло идетъ о *трансформации* кровавой мести, то гдѣ же основанія считать эту трансформацию *законченною*? Мы знаемъ, что отношеніе общества и закона къ преступникамъ переживало очень рѣзкія перемѣны; беспощадная родовая месть смѣнилась денежными штрафами, а они уступили мѣсто „градскимъ казнямъ“, сначала крайне жестокимъ, но съ прошлаго вѣка все болѣе и болѣе смягчающимся. Нѣтъ и тѣни разумнаго основанія утверждать, что предѣлы смягченія уже достигнуты, и что висѣлица и гильотина, пожизненная каторга и одиночное заключеніе, должны пребывать безъ дальнѣйшихъ смягченій въ уголовномъ законодательствѣ христіанскихъ народовъ.

Но въ то время, какъ историческій прогрессъ явно клонился къ тому, чтобы все больше и больше ограничить принципъ возмездія или равномѣрнаго воздаянія въ нашемъ правовомъ отношеніи къ преступникамъ, — въ пользу этого принципа многіе философы и юристы ¹⁾ продолжали и еще продолжаютъ выставять отвлеченныя разсужденія, которыя по своей крайней несостоятельности будутъ, конечно, предметомъ изумленія и глумленія для потомства, подобно тому, какъ мы удивляемся аргументамъ Аристотеля въ пользу рабства, или нѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ писателей въ пользу плоской фигуры земли. Сами по себѣ мнимые аргументы, которыми пользуется доктрина отищенія, не заслуживаютъ разбора, но такъ какъ они еще повторяются, а предметъ ихъ имѣетъ важное жизненное значеніе, то приходится повторять и ихъ опроверженіе.

„Преступленіе есть нарушеніе права; право должно быть восстановлено; наказаніе, т.-е. равномѣрное нарушеніе права въ лицѣ преступника, совершаемое въ силу опредѣленнаго закона публичною властью (въ отличіе отъ частной мести), покрываетъ первое нарушеніе, и такимъ образомъ восстанавливается нарушенное право“. Это мнимое разсужденіе вращается вокругъ термина „право“. Но дѣйствительное право всегда есть *что-нибудь* (долженъ быть *субъектъ права*). О чемъ же правъ идетъ рѣчь здѣсь? Прежде всего, повидимому, о правѣ потерпѣвшаго лица. Подставимъ же это дѣйствительное содержаніе подъ тотъ отвлеченный терминъ. Мирный пастухъ Авель имѣетъ, безъ сомнѣнія, право

¹⁾ Первые преимущественно въ Германіи, послѣдніе особенно во Франціи.

существовать и наслаждаться всѣми радостями жизни; но приходитъ злой нравный человѣкъ Каинъ и фактически лишаетъ его этого права посредствомъ убійства. Требуется возстановить нарушенное право; для этого является публичная власть и вопреки прямому предостереженію священнаго писанія (кн. Бытія, IV, 15) вѣшаетъ убійцу. Чтѣ же, послѣ этого право Авеля на жизнь возстановлено, или нѣтъ? Такъ какъ никто, кромѣ постояльцевъ Бедлама, не станетъ утверждать, что казнь убійцы воскрешаетъ убитаго, то приходится подъ правомъ разумѣть здѣсь не право потерпѣвшаго, а чье-нибудь другое. Другимъ субъектомъ права, нарушаемаго преступленіемъ, можетъ быть само общество, или государство ¹⁾. Всѣ частныя права (на жизнь, имущество и т. д.) гарантированы государствомъ; оно ручается за ихъ неприкосновенность, ставя ихъ подъ защиту своихъ законовъ. Законъ, воспрещающій частнымъ лицамъ по собственному усмотрѣнію умерщвлять своихъ согражданъ, по праву изданъ государствомъ, и слѣдовательно въ нарушеніи его (въ убійствѣ) нарушается право государства, и въ казни убійцы возстанавливается право не убитаго, а право государства и значеніе закона. То, чтѣ есть въ этомъ аргументѣ справедливаго, вовсе не относится къ дѣлу. Несомнѣнно, что разъ законы существуютъ, нарушеніе ихъ не должно оставаться безъ послѣдствій, и что блюсти за этимъ принадлежитъ государству. Но вопросъ не въ общемъ принципѣ наказуемости преступленій, какъ нарушеній закона, ибо въ этомъ отношеніи всѣ преступленія одинаковы. Если законъ самъ по себѣ священенъ, какъ исходящій отъ государства, то всѣ законы имѣютъ это свойство въ одинаковой степени, всѣ равно выражаютъ право государства, и всѣ ихъ нарушенія безъ различія суть нарушенія этого верховнаго права. Матеріальныя различія преступленій касаются лишь тѣхъ частныхъ интересовъ, которые ими нарушаются; съ формальной же стороны, по отношенію къ общему, т.-е. государству, *какъ такому*, т.-е. къ его власти и закону, каждое преступленіе (разумѣется вмѣняемое) предполагаетъ волю несогласную съ закономъ, отрицающую его, т.-е. волю преступную, и съ этой точки зрѣнія для всѣхъ преступленій логически требовалось бы одинаковое возмездіе. Но дѣйствительно-существующее во всѣхъ законодательствахъ разнообразіе наказаній за различныя преступленія, очевидно, предполагаетъ, кромѣ общаго принципа наказуемости, еще нѣкоторый другой, специфическій,

¹⁾ Относительно настоящаго предмета эти два термина могутъ употребляться безразлично.

опредѣляющей особую связь между *этими* преступленіемъ и *этими* наказаніемъ. Доктрина отмщенія усматриваетъ такую связь въ томъ, что право, нарушенное опредѣленнымъ преступнымъ дѣйствіемъ, восстанавливается соответствующимъ или *равномырнымъ* воздѣйствіемъ: на примѣръ, убившій долженъ быть убитъ. Какое же тутъ, однако, на самомъ дѣлѣ соответствіе или равенство? Самыми знаменитыми сторонниками этой доктрины дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: право есть нѣчто положительное, скажемъ + (плюсъ), а нарушение его нѣчто отрицательное — (минусъ); если произошло отрицаніе въ видѣ преступленія (напр., отнята жизнь у человѣка), то оно должно вызвать другое отрицаніе въ видѣ наказанія (отнятіе жизни у убійцы), и тогда такое двойное отрицаніе, или отрицаніе отрицанія произведетъ опять положительное состояніе, т.-е. восстановленное право: *минусъ на минусъ даетъ плюсъ*. Трудно сохранять серьезность въ виду такой „игры ума“; замѣтимъ, однако, что понятіе: *отрицаніе отрицанія*, логически выражаетъ прямое внутреннее отношеніе между двумя противоположными актами; напр., если движеніе злой воли во мнѣ есть „отрицаніе“ (нравственнаго закона), то противоположный актъ воли, подавляющій это движеніе, будетъ дѣйствительно „отрицаніемъ отрицанія“, и результатъ получится положительный; точно такъ же, если преступленіе, какъ выраженіе злой воли, есть отрицаніе, то дѣятельное раскаяніе преступника будетъ отрицаніемъ отрицанія, (т.-е. не факта, конечно, а произведшей его внутренней причины), и результатъ опять будетъ положительный — его нравственное возрожденіе. Но казни преступника, очевидно, лишена такого значенія; здѣсь отрицаніе направлено (какъ въ преступленіи) на нѣчто положительное — на жизнь человѣка. Нельзя въ самомъ дѣлѣ признать, чтобы въ казни преступника предметомъ отрицанія было само его преступленіе, ибо оно есть фактъ безповоротно совершившійся, и, по замѣчанію св. отцовъ, самому Богу невозможно сдѣлать, чтобы совершившееся было несовершившимся; но такъ же это отрицаемое не есть здѣсь и злая воля преступника, ибо одно изъ двухъ: или онъ раскаялся въ своемъ злодѣяніи, и тогда злой воли уже нѣтъ; или онъ упорствуетъ до конца, и тогда значить его воля недоступна никакому воздѣйствію, и во всякомъ случаѣ внѣшнее насильственное дѣйствіе не можетъ упразднить или измѣнить внутреннее состояніе воли. Но если, такимъ образомъ, въ казни преступника дѣйствительно отрицается не злая воля, а положительные блага жизни, то значить это есть только простое отрицаніе, а не „двойное“ или не „отрицаніе отрицанія“. А изъ одной послѣдовательности двухъ простыхъ

отрицаній не можетъ выйти ничего положительнаго. Злоупотребленіе алгебраическою формулою придаетъ всему аргументу прямо комическій характеръ. Въѣдъ для того, чтобы два минуса, т.-е. двѣ отрицательныя величины произвели плюсъ, недостаточно поставить ихъ одну вслѣдъ за другой, а необходимо ихъ *перемножить*; но что значить *помножить преступленіе на наказаніе* ¹⁾?

IV.

Внутренняя ошибочность доктрины возмездія или „отмстительной справедливости“ подчеркивается тѣмъ, что, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, эта доктрина не имѣетъ никакого отношенія къ дѣйствительнымъ уголовнымъ законамъ. Строго говоря, случай кажущагося ея примѣненія только одинъ: смертная казнь за убійство. Поэтому псевдо-философскіе аргументы въ пользу этой доктрины, — сущность которыхъ передана выше, — относятся именно только къ этому единственному случаю, — плохой признакъ для принципа, имѣющаго притязаніе на всеобщее значеніе. У насъ въ Россіи, гдѣ смертная казнь оставлена только за нѣкоторые политическія преступленія, нѣтъ даже и этого единственнаго кажущагося соответствія; ибо какую хотя бы только видимость равномѣрнаго воздаянія можно найти, напр., между отцеубійствомъ и безсрочною каторжною работою или между простымъ убійствомъ съ корыстною цѣлью и 12-лѣтней каторгой? Лучшимъ опроверженіемъ доктрины можетъ служить то обстоятельство, что наибольшее ея примѣненіе мы находимъ въ нѣкоторыхъ законодательствахъ народовъ полудикихъ, или же въ законахъ варварскихъ временъ, гдѣ, напр., за извѣстное увѣче виновный подвергался такому же увѣчью, гдѣ за дерзкія рѣчи отрѣзали языкъ и т. п. Принципъ, примѣненіе котораго оказывается несовмѣстимымъ съ извѣстною степенью развитія ума и культуры, есть принципъ осужденный.

Въ новѣйшія времена, если не ошибаюсь, доктрина возстановленія права посредствомъ равнаго воздаянія защищалась болѣе отвлеченными философами, нежели юристами. Эти послѣдніе принимаютъ уравненіе наказанія съ преступленіемъ лишь въ относительно количественномъ смыслѣ (*мѣра* наказанія), т.-е. они требуютъ, чтобы преступленіе болѣе тяжкое сравнительно съ дру-

¹⁾ Очевидно здѣсь нельзя идти дальше *сложенія* (вещественныхъ результатов); можно сложить трупъ убитаго съ трупомъ повѣшеннаго убійцы, и получится два трупа, т.-е. двѣ отрицательныя величины.

гнѣ подвергалось и болѣе тяжкому наказанію, такъ, чтобы вообще была лѣстница (scala) наказаній, соотвѣтствующая лѣстницѣ преступленій. Но при этомъ основаніе (а слѣдовательно и вершина) карательной лѣстницы остается неопредѣленнымъ, а потому и характеръ самыхъ наказаній можетъ быть какою угодно, — безчеловѣчно жестокой и, напротивъ, крайне мягкой. Такъ, лѣстница взысканій существовала и въ тѣхъ законодательствахъ, гдѣ за всѣ или почти всѣ простыя преступленія полагалась только денежная пеня: и тамъ за болѣе тяжкое увѣче платился болѣе большой штрафъ, за убійство мужчины больше, чѣмъ за убійство женщины и т. п. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ уже за воровство вѣшали, за болѣе тяжкія преступленія опредѣлялась квалифицированная смертная казнь, т.-е. соединенная съ различною степенью мучительности. Тутъ безнравственна, разумѣется, сама жестокость наказаній, а не ихъ постепенность.

Для насъ важна въ уголовномъ правѣ тенденція къ сохраненію, по возможности, именно жестокихъ наказаній; не находя достаточно твердаго основанія въ псевдо-раціональномъ принципѣ „возстановленнаго права“, эта тенденція ищетъ себѣ эмпирической опоры въ принципѣ *устрашенія*. Въ сущности этотъ мотивъ всегда присоединялся къ принципу возмездія. Популярный афоризмъ: „собагѣ собака и смерть“, всегда сопровождался и сопровождается дополненіемъ: „да чтобы и другимъ не повадно было“. Нельзя сказать, чтобы этотъ принципъ былъ безусловно вѣренъ даже на почвѣ утилитарно-эмпирической. Конечно, страхъ есть одинъ изъ важныхъ мотивовъ человѣческой природы, однако онъ не господствуетъ въ ней безраздѣльно. Все болѣе и болѣе возрастающее число самоубійствъ доказываетъ, что и смерть не страшна для многихъ. Продолжительное одиночное заключеніе, или каторга, сами по себѣ, можетъ быть, страшнѣе, но эти средства не имѣютъ нагляднаго устрашающаго дѣйствія. Я не буду останавливаться на этихъ и другихъ общезвѣстныхъ возраженіяхъ противъ теоріи устрашенія (какъ, напр., указаніе на остающуюся всегда у преступника надежду укрыться отъ суда, или уйти отъ наказанія, также на то обстоятельство, что огромное большинство преступленій совершается подъ вліяніемъ какой-нибудь страсти, заглушающей голосъ благоразумія). Объ относительной силѣ всѣхъ этихъ соображеній можно спорить. Безспорнымъ же образомъ теорія устрашенія опровергается только на нравственной почвѣ: во-первыхъ, принципиально — своимъ прямымъ противорѣчіемъ основному нравственному началу, а во-вторыхъ, фактически — тѣмъ обстоятельствомъ, что это противорѣчіе заставляетъ сторонниковъ устра-

шенія быть непоследовательными и все болѣе и болѣе отказываться, въ силу нравственныхъ мотивовъ, отъ самыхъ дѣйствительныхъ и ясныхъ требованій теоріи.

Нравственный принципъ утверждаетъ, какъ извѣстно, что человеческое достоинство должно уважаться въ каждомъ лицѣ, и что, слѣдовательно, нельзя дѣлать кого бы то ни было только *средствомъ* или *орудіемъ* для чьей бы то ни было пользы. Но по теоріи устрашенія наказываемый преступникъ разсматривается именно лишь какъ средство для наведенія страха на другихъ и для сохраненія общественной безопасности. Въ намѣреніе уголовного закона можетъ, конечно, входить и собственное благо преступника—удержать его страхомъ наказанія отъ совершенія преступления; но разъ преступленіе уже совершено, то этотъ мотивъ, очевидно, отпадаетъ, и караемый преступникъ остается, съ этой точки зрѣнія, только какъ средство для устрашенія другихъ, т.-е. для посторонней ему цѣли, что прямо безнравственно.

Фактически теорія устрашенія совсѣмъ притупила свое остріе съ тѣхъ поръ какъ во всѣхъ образованныхъ и полуобразованныхъ странахъ упразднены пытки и квалифицированная смертная казнь. Ясно, что если задача наказанія—въ устрашеніи какъ самого преступника, такъ и другихъ, то именно эти средства, и были бы самыми дѣйствительными и цѣлесообразными. Почему же сторонники устрашенія отказываются отъ настоящихъ, единственно-вѣрныхъ средствъ устрашенія? Надо полагать потому, что они считают эти средства безнравственными, противными чувству жалости и человеколюбія. Но въ такомъ случаѣ устрашеніе уже перестаетъ быть опредѣляющимъ принципомъ наказанія. Одно изъ двухъ: или цѣль наказанія есть устрашеніе—и въ такомъ случаѣ необходимо допустить пытки и мучительныя казни, какъ средства по преимуществу устрашающія; или же характеръ наказанія подчиняется нравственному принципу, и тогда нужно совсѣмъ отказаться отъ устрашенія, какъ мотива по существу безнравственного ¹⁾.

---

¹⁾ Въ прошломъ столѣтіи, въ разгаръ движенія противъ жестокостей тогдашняго уголовного права, нѣкоторые писатели старались доказать, что пытки и квалифицированная смертная казнь не только безчеловѣчны, но и бесполезны даже въ смыслѣ устрашенія, ибо никого не удерживаютъ отъ совершенія преступленій. Это мнѣніе, еслибы оно было доказано, сверхъ своей прямой цѣли, отнимало бы еще всякій смыслъ у теоріи устрашенія вообще. Ясно въ самомъ дѣлѣ, что если даже мучительныя казни недостаточны для устрашенія преступниковъ, то еще менѣе такое дѣйствіе могутъ имѣть наказанія болѣе мягкія.

V.

Тотъ фактъ, что въ современныхъ уголовныхъ законодательствахъ исчезли наиболѣе послѣдовательные виды возмездія и устрашенія,—исчезло именно то, что съ первой изъ этихъ точекъ зрѣнія должно быть признано самымъ логичнымъ, а со второй—самымъ полезнымъ,—одинъ этотъ фактъ достаточно показываетъ, что иная, нравственная точка зрѣнія уже проникла въ эту область и сдѣлала въ ней значительныя завоеванія. Тѣмъ не менѣе, во всѣхъ нашихъ, т.-е. европейскихъ, пенитенціарныхъ системахъ осталось еще много ненужнаго насилія и мучительства, объяснимаго только какъ переживание отжившихъ принциповъ отмщенія и устрашенія. Таковы: смертная казнь, хотя и потерявшая подъ собою почву, но все еще упорно отстаиваемая; далѣе, безсрочное лишеніе свободы, каторжныя работы, ссылка въ отдаленныя страны съ невозможными жизненными условіями и т. п.

Все это возмущаетъ нравственное сознание и измѣняетъ первоначальное чувство къ преступнику. Если жалость къ обиженному, или потерпѣвшему, и побужденіе защитить его вооружаетъ насъ противъ обидчика (преступника), то когда цѣлое общество, несоизмѣримо сильнѣйшее, чѣмъ единичный преступникъ, обращаетъ на него, уже обезоруженнаго, свою неодолимую вражду и дѣлаетъ его предметомъ долговременнаго мучительства, тогда уже онъ становится какъ бы обиженнымъ или потерпѣвшимъ, возбуждая въ насъ жалость и участіе. Юридическое сознание, какъ и практика, рѣшительно отказались только отъ *послѣдовательнаго проведенія* принциповъ возмездія и устрашенія, и существующая въ образованныхъ странахъ система наказаній представляетъ только компромиссъ между этими принципами, съ одной стороны, и нѣкоторыми требованіями человеколюбія и справедливости—съ другой. Въ сущности мы встрѣчаемъ здѣсь лишь въ разной степени смягченные остатки старой дикости, и никакой объединяющей мысли, никакого руководящаго начала. На почвѣ этого компромисса не можетъ быть рѣшенъ основной для нравственнаго сознанія вопросъ: лишается ли преступникъ фактомъ преступленія своихъ человѣческихъ правъ, или нѣтъ? Если не лишается, то какимъ же образомъ можно отнимать у него первое условіе всякаго права—существованіе, какъ это дѣлается въ смертной казни? Если же фактъ преступленія лишаетъ преступника его естественныхъ правъ, то зачѣмъ всѣ эти юридическія церемоніи съ безправными существами? Эмпирически эта дилемма устраняется тѣмъ, что между

преступленіями полагается различіе, при чемъ одни считаются лишаящими преступника человѣческихъ правъ, а другія—только *ограничивающими* ихъ въ болъшей или мѣньшей степени. И не только принципъ и мѣра этихъ ограниченій остаются неопредѣленными и измѣнчивыми, но и самое различіе между двумя родами преступленій оказывается произвольнымъ и неодинаковымъ, смотря по мѣстамъ и временамъ. Казалось бы, однако, что такой важный фактъ, какъ превращеніе человѣка изъ самостоятельнаго и полноправнаго лица въ страдательный матеріалъ для карательныхъ мѣръ, долженъ зависѣть отъ какой-нибудь объективной причины или опредѣляющаго начала, одинаковыхъ всегда и вездѣ. Но на дѣлѣ оказывается, что въ одной странѣ для такого превращенія изъ лица въ вещь нужно совершить простое убійство, въ другой—убійство съ отягчающими обстоятельствами, и т. д.

Такое крайне неудовлетворительное состояніе этого важнаго дѣла, такая неудовлетворительная для нравственнаго чувства легкость отношенія въ жизни и судьбѣ людей заставляетъ нѣкоторыхъ глубокихъ моралистовъ, впадая въ другую крайность, отрицать самую идею наказанія въ широкомъ смыслѣ, т.-е. какъ реальное противодѣйствіе преступленіямъ. Согласно этой доктринѣ, всякое принужденіе или насиліе надъ кѣмъ бы то ни было непозволительно, а потому на преступника слѣдуетъ дѣйствовать исключительно лишь словомъ вразумленія. Преимущество этой доктрины заключается въ нравственной чистотѣ ея намѣренія, недостатокъ же ея—въ томъ, что это намѣреніе не осуществляется предлагаемымъ способомъ. Этотъ принципъ пассивнаго отношенія къ преступникамъ, отрицающій всякое принужденіе вообще, исключаетъ не только мѣры отпущенія и устрашенія, но также и мѣры *предупрежденія*. Государство съ этой точки зрѣнія не имѣетъ права запереть, даже на время, злостнаго убійцу, хотя бы изъ обстоятельствъ дѣла было ясно, что онъ будетъ продолжать свои злодѣянія. Соотвѣтственно этому и для частнаго человѣка признается этими моралистами непозволительнымъ силою удержатъ злодѣя, бросающагося на свою жертву: позволяется только обратиться къ нему со словами вразумленія. Въ разборѣ этой доктрины я остановлюсь именно на случаѣ частнаго противодѣйствія злодѣянію, какъ болѣе простомъ и основномъ.

На людей испорченныхъ, совершающихъ преступленія, слово разумаго убѣжденія дѣйствуетъ лишь въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Приписывать своему слову такую исключительную силу дѣйствія было бы болѣзненнымъ самоувѣніемъ, а ограничиваться словомъ безъ увѣренности въ его успѣхъ, когда

дѣло идетъ о смертельной опасности ближняго, было бы безчеловѣчно. Обижаемый человѣкъ имѣть право на всю возможную помощь отъ насъ, а не на одно только словесное заступничество, которое въ огромномъ большинствѣ дѣйствительныхъ случаевъ можетъ быть только комичнымъ; и точно также обидчикъ имѣть право на всю нашу помощь, чтобы удержать его отъ дѣла, которое для него есть еще большее бѣдствіе, чѣмъ для потерпѣвшаго; только *остановивъ* сначала его дѣйствіе, можемъ мы затѣмъ со спокойною совѣстью вразумлять его словомъ. Когда, видя занесенную надъ жертвою руку убійцы, я ее схватываю, будетъ ли это безнравственнымъ насиліемъ? Насиліемъ несомнѣнно будетъ, но безнравственного не только ничего не будетъ въ этомъ насиліи, а напротивъ, оно будетъ по совѣсти обязательнымъ, прямо вытекающимъ изъ требованій нравственного принципа. Ибо, удерживая человѣка отъ убійства, я *дѣлательно* уважаю и поддерживаю въ немъ самое человѣческое достоинство, которому грозитъ существенный уронъ отъ исполненія его намѣренія. Странно было бы думать, что самый фактъ такого насилія, т.-е. извѣстное прикосновеніе мускуловъ моей руки къ мускуламъ руки убійцы заключаетъ въ себѣ что-нибудь безнравственное: вѣдь въ такомъ случаѣ было бы безнравственно вытаскивать утопающаго изъ воды, ибо это не обходится безъ большого примѣненія мускульной силы и безъ нѣкоторыхъ физическихъ страданій для спасаемаго. Если позволительно и нравственно-обязательно вытащить утопающаго изъ воды, хотя бы онъ этому сопротивлялся, то тѣмъ болѣе — оттащить преступника отъ его жертвы, хотя бы и въ этомъ случаѣ были царапины, синавы и даже вывихи ¹⁾.

Одно изъ двухъ. Или остановленный нами преступникъ еще не утратилъ человѣческихъ чувствъ, и тогда онъ, разумѣется, будетъ только благодаренъ, что его въ-время избавили отъ грѣха, — не менѣе благодаренъ, чѣмъ утопавшій за то, что его вытащили изъ воды, и, значитъ, въ этомъ случаѣ насиліе, которому онъ подвергся, совершилось съ его собственнаго молчаливаго согласія, и право его нисколько не нарушено, ибо *volenti non fit injuria* ²⁾. Или же преступникъ настолько потерялъ человѣческія чувства,

¹⁾ Но какъ быть если, удерживая убійцу, я въ борьбѣ невольно причиню ему болѣе тяжкія увѣчья и даже смерть? Это будетъ большое для меня несчастіе, и я буду о немъ сокрушаться, какъ о своемъ невольномъ грѣхѣ, но во всякомъ случаѣ печально убить человѣка преступнаго есть меньшій грѣхъ, нежели допустить намѣренное убійство невиннаго.

²⁾ „Хотящему не бываетъ обиды“, т.-е. дѣйствіе, на которое согласна воля того, кто это дѣйствіе претерпѣваетъ, не можетъ быть нарушеніемъ его права.

что остается недовольнымъ, что ему помѣшали зарѣзать его жертву, — но къ человѣку въ такомъ состояніи обращаться со словомъ разумнаго убѣжденія было бы уже верхомъ нелѣпости — все равно, что мертвецки-пьяному говорить о пользѣ воздержанія, вмѣсто того, чтобы облить его холодною водою.

Еслибы самый фактъ физическаго насилія, т.-е. примѣненіе мускульной силы, былъ чѣмъ-нибудь дурнымъ или безнравственнымъ, тогда, разумѣется, употребленіе этого дурного средства, хотя бы для самыхъ лучшихъ цѣлей, было бы непозволительно — это было бы признаніемъ правила, что цѣль оправдываетъ средства — правила, рѣшительно осуждаемаго истинною нравственностью. Противодѣйствовать злу зломъ непозволительно и бесполезно; ненавидѣть злодѣя за его злодѣяніе и поэтому *мстить* ему есть нравственное ребячество. Но если я *безъ ненависти* къ злодѣю, ради его собственнаго блага, удерживаю его отъ преступленія, то въ чемъ же тутъ зло? Такъ какъ въ мускульной силѣ самой по себѣ нѣтъ ничего дурного, то нравственный или безнравственный характеръ ея примѣненія рѣшается въ каждомъ случаѣ намѣреніемъ лица и существомъ дѣла; разумно употребляемая для дѣйствительнаго блага ближнихъ, нравственнаго и матеріальнаго, мускульная сила есть средство *хорошее*, а вовсе не дурное, и такое ея примѣненіе не запрещается, а прямо *предписывается* нравственнымъ принципомъ. Тутъ есть, быть можетъ, тонкая, но совершенно точная и ясная граница между нравственнымъ и безнравственнымъ употребленіемъ физическаго принужденія. Все дѣло въ томъ: противодѣйствуя злу, какъ смотрю я на злодѣя? Сохраняется ли у меня и къ нему человѣческое, нравственное отношеніе, имѣется ли въ виду и его собственное благо? Если сохраняется, если имѣется, то въ моемъ вынужденномъ насиліи не будетъ ничего безнравственнаго, никакихъ элементовъ отмщенія и мучительства; тогда это насиліе будетъ только неизбѣжнымъ по существу дѣла условіемъ моей помощи ему, все равно какъ хирургическая операція, или лишеніе свободы буйнаго сумасшедшаго.

Нравственный принципъ запрещаетъ дѣлать изъ человѣка только средство для какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей (т.-е. не включающихъ въ себѣ его собственное благо); поэтому если я, противодѣйствуя преступленію, вижу въ преступникѣ только средство для защиты или удовлетворенія потерпѣвшаго лица или общества, то я поступаю безнравственно, хотя бы моимъ побужденіемъ была безкорыстная жалость къ обиженному и искренняя забота о безопасности общественной. Съ нравственной

точки зрѣнія этого еще недостаточно, требуется жалѣть обоихъ, и если я этому слѣдую, если я дѣйствительно имѣю въ виду общее ихъ благо, то разумъ и совѣсть внушать мнѣ, въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ необходимо здѣсь примѣнять физическое принужденіе.

Нравственные вопросы окончательно рѣшаются совѣстью, и я смѣло предлагаю каждому обратиться къ своему внутреннему опиту (мысленному, если не было иного): въ какомъ изъ двухъ случаевъ совѣсть упрекаетъ насъ больше,—въ томъ ли, когда мы, имѣя возможность помѣшать злодѣянію, равнодушно прошли мимо, сказавъ нѣсколько бесполезныхъ словъ; или въ томъ, когда мы ему дѣйствительно помѣшали, хотя бы цѣною *нѣкоторыхъ* физическихъ поврежденій? Всякій понимаетъ, что въ *совершенномъ обществѣ* не должно быть никакого принужденія; но вѣдь это совершенство должно быть *достигнуто*; и тутъ уже вполне ясно, что предоставить злымъ и безумнымъ людямъ полную свободу истреблять людей нормальныхъ—отнюдь не есть правильный путь для осуществленія совершеннаго общества.

Казалось бы непонятно, какимъ образомъ люди съ сильнымъ умомъ и высокимъ нравственнымъ характеромъ могутъ защищать столь несостоятельную доктрину. Но дѣло въ томъ, что настоящее ея основаніе лежитъ, насколько я понимаю, не въ этической, а въ мистической области. Главная мысль тутъ такая: то, что намъ кажется зломъ, можетъ быть вовсе не зло; Божество, или Провидѣніе, лучше насъ знаетъ истинную связь вещей и изъ кажущагося намъ зла выводитъ дѣйствительное добро; сами мы можемъ знать и цѣнить только свои внутреннія состоянія, а не объективное значеніе и послѣдствія своихъ и чужихъ дѣйствій. Должно признаться, что для ума вѣрующаго взглядъ этотъ весьма соблазнителенъ; однако онъ обманчивъ. Истинность всякаго взгляда провѣряется тѣмъ, можно ли его логически провести до конца, не впадая въ противорѣчія и нелѣпости. Этой провѣрки указанный взглядъ не выдерживаетъ. Еслибы мое незнаніе всѣхъ объективныхъ послѣдствій моихъ и чужихъ дѣйствій было достаточнымъ основаніемъ для пребыванія въ бездѣйствіи, то въ такомъ случаѣ мнѣ не слѣдовало бы противиться и собственнымъ страстямъ и дурнымъ влеченіямъ. Почему знать, какія прекрасныя послѣдствія всеблагое Провидѣніе можетъ извлечь изъ чьего-нибудь блуда, пьянства, злобы на ближнихъ, и т. д.

Нѣкто, напримѣръ, ради воздержанія, не пошелъ въ питейное заведеніе, а между тѣмъ, еслибы онъ не воспротивился своему влеченію и пошелъ бы туда, то на обратномъ пути нашелъ бы полу-

замерзшаго щенка, и, будучи въ данномъ состояніи склоненъ къ чувствительности, подобралъ бы его и отогрѣлъ, а этотъ щенокъ, ставши большою собакой, спасъ бы утопавшую въ пруду дѣвочку, которая потомъ сдѣлалась бы матерью великаго человѣка; между тѣмъ какъ теперь, вслѣдствіе неумѣстнаго воздержанія, разстроившаго планы провидѣнія, щенокъ замерзъ, дѣвочка утонула, а великій человѣкъ осужденъ на вѣки оставаться неродившимся. Другой нѣкто, склонный къ гнѣву, хотѣлъ дать пощечину своему собесѣднику, но подумалъ, что это нехорошо, и удержался; а между тѣмъ, еслибы онъ не удержался, то оскорбленный воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы подставить ему другую щеку, чѣмъ умилилъ бы сердце обидчика, къ вѣчному торжеству добродѣтели, тогда какъ теперь ихъ бесѣда окончилась ничѣмъ. Доктрина, безусловно отвергающая всякое принудительное противодѣйствіе злу или защиту ближнихъ силою, опирается въ сущности именно на подобномъ разсужденіи. Кто-то силою спасъ жизнь человѣка, обезоруживъ разбойника, на него нападавшаго; но потомъ спасенный сдѣлался страшнымъ злодѣемъ, худшимъ чѣмъ разбойникъ,—значить, лучше бы было его не спасать. Но вѣдь точно такое же разочарованіе могло бы послѣдовать, еслибы этому человѣку угрожалъ не разбойникъ, а бѣшенный волкъ,—что же? Не нужно никого защищать и отъ дикихъ звѣрей? Болѣе того, если я спасаю кого-нибудь на пожарѣ, или при наводненіи, то также вѣдь можетъ легко случиться, что спасенные будутъ потомъ крайне несчастны, или окажутся ужасными негодяями, такъ что для нихъ лучше было бы тогда сгорѣть, или потонуть,—значить, не нужно никому помогать вообще ни въ какой бѣдѣ? Но вѣдь помогать ближнимъ есть прямое нравственное требованіе, и если откинуть обязанность человеколюбія, такъ какъ внушаемые этимъ чувствомъ поступки могутъ имѣть невѣдомые намъ дурныя послѣдствія, то отчего же на этомъ основаніи не откинуть также и обязанности воздержанія и всѣ прочія, такъ какъ вѣдь и онѣ могутъ побуждать насъ къ поступкамъ, послѣдствія которыхъ могутъ потомъ оказаться пагубными, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ. Но если изъ того, что намъ кажется добромъ, выходитъ зло, то значить и наоборотъ, изъ того, что намъ кажется зломъ, можетъ выходить добро. Итакъ, не дѣлать ли ужъ намъ прямо зло, чтобы происходило добро? Въ счастію, эта точка зрѣнія сама себя уничтожаетъ. Ибо рядъ невѣдомыхъ послѣдствій можетъ идти дальше, чѣмъ мы думаемъ. Такъ, въ моемъ первомъ примѣрѣ, когда поборовшій свою склонность къ напиткамъ г. Х. косвенно воспрепятствовалъ чрезъ это буду-

щему рожденію великаго человѣка,—почему мы знаемъ, не причинилъ ли бы этотъ великій человѣкъ великихъ бѣдъ човѣчеству, а въ такомъ случаѣ хорошо, что онъ не родился, и слѣдовательно г. Х. прекрасно сдѣлалъ, что принудилъ себя остаться дома. Точно также мы не знаемъ, какія дальнѣйшія послѣдствія имѣло бы торжество добродѣтели вслѣдствіе великодушно-перенесенной пощечины; весьма возможно, что это крайнее великодушіе сдѣлалось бы впослѣдствіи поводомъ къ духовной гордости, худшей, чѣмъ всѣ прочіе грѣхи, и погубило бы душу человѣка; такъ что г. Y. хорошо сдѣлалъ, что употребилъ насиліе надъ своимъ гнѣвомъ и помѣшалъ проявленію великодушія своего собесѣдника. Вообще мы можемъ съ одинаковымъ правомъ дѣлать тутъ всякія предположенія о возможностяхъ и въ ту, и въ другую сторону, не зная ничего достовѣрнаго. Но изъ того, что мы не знаемъ, къ какимъ послѣдствіямъ могутъ привести наши поступки, вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были воздерживаться отъ всякихъ поступковъ; такое заключеніе было бы правильно, еслибы мы, напротивъ, знали навѣрное, что эти послѣдствія будутъ дурными; а такъ какъ они равно могутъ быть и дурными, и хорошими, то, значитъ, мы имѣемъ здѣсь одинаковое основаніе (или точнѣе—одинаковое отсутствіе основаній) для дѣйствія и бездѣйствія, т.-е., съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ знать, что для насъ лучше: дѣйствовать или бездѣйствовать, и слѣдовательно все это соображеніе о косвенныхъ результатахъ нашихъ поступковъ не можетъ имѣть для насъ практическаго значенія. Чтобы оно имѣло дѣйствительно опредѣляющую силу для нашей жизни, нужно было бы намъ не только знать ближайшія звенья въ этомъ ряду слѣдствій, но такъ какъ за ближайшими мы всегда въ правѣ предположить дальнѣйшія противоположнаго характера и разрушающія наше заключеніе,—то, слѣдовательно, намъ необходимо было бы знать *весь рядъ слѣдствій* до конца свѣта и по концѣ свѣта, что для насъ недоступно.

Итакъ, наши дѣйствія, или наше воздержаніе отъ дѣйствія, должны опредѣляться вовсе не соображеніемъ о ихъ возможныхъ, но намъ невѣдомыхъ косвенныхъ послѣдствіяхъ, а побужденіями, прямо вытекающими изъ нравственнаго принципа. И это такъ не только съ точки зрѣнія собственно этической, но и съ мистической. Если все относить къ Провидѣнію, то, конечно, не безъ вѣдома Провидѣнія человѣкъ обладаетъ разумомъ и соизвѣстностью, которые внушаютъ ему, что нужно дѣлать въ каждомъ случаѣ въ смыслѣ прямого добра, независимо отъ всякихъ косвенныхъ послѣдствій. И если я вѣрю въ Провидѣніе, то, ко-

нечно, вѣрю также и въ то, что оно не допустить, чтобы чьи-нибудь дѣйствія, согласныя съ разумомъ и совѣстью, могли имѣть окончательно дурныя послѣдствія. Если я сознаю, что одурять себя крѣпкими напитками противно человѣческому достоинству, или безнравственно, то совѣсть не позволитъ мнѣ расчитывать, — не могъ ли бы я въ состояніи опьяненія сдѣлать что-нибудь такое, что потомъ могло бы привести къ хорошимъ послѣдствіямъ. Точно также если я по чисто-нравственному побужденію, безъ злобы и мести, помѣшалъ разбойнику убить человѣка, то мнѣ и въ голову не придетъ разсуждать, не вышло ли бы изъ этого чего-нибудь дурного, не лучше ли было допустить убійство.

Какъ благодаря разуму и совѣсти я твердо знаю, что плотскія страсти—пьянство или развратъ—сами по себѣ дурны и что должно отъ нихъ воздерживаться, на основаніи того же разума и той же совѣсти, я такъ же твердо знаю, что дѣятельная любовь хороша сама по себѣ, и что должно поступать въ ея смыслѣ, реально помогать ближнимъ и защищать ихъ отъ стихій природы, отъ дикихъ звѣрей, а также отъ злыхъ и безумныхъ людей. Поэтому если кто по чистому побужденію человѣколюбія вырветъ ножъ изъ рукъ убійцы и избавитъ его отъ лишняго грѣха, а жертву его отъ насильственной смерти, или если кто употребитъ физическое насиліе, чтобы помѣшать больному бѣлоу горячкой свободно бѣгать по улицамъ, то онъ всегда будетъ оправданъ своею совѣстью и общимъ сознаниемъ, какъ исполнившій на дѣлѣ нравственное требованіе: помогай всѣмъ, сколько можешь.

Даже изъ нашего зла Провидѣніе, конечно, извлекаетъ добро, но изъ нашего добра Оно выводитъ еще большее добро, и что особенно важно, этотъ второй родъ добра получается при нашемъ прямомъ и дѣятельномъ участіи, тогда какъ то добро, которое извлекается изъ нашего зла, не касается насъ и не принадлежитъ намъ. Лучше быть сотрудникомъ, нежели простымъ матеріаломъ всеблагого Промысла.

VI.

Наказаніе, какъ *устрашающее возмездіе* (типичный видъ котораго есть смертная казнь), не можетъ быть оправдываемо съ нравственной точки зрѣнія, такъ какъ оно отрицаетъ въ преступникѣ человѣка, не лишаетъ его присущаго всякому лицу права на нравственное возрожденіе и дѣлаетъ изъ него страдательное орудіе чужой безопасности. Но точно также не оправдывается съ нравственной точки зрѣнія и пассивное отношеніе

къ преступленію, оставляющее его безъ противодѣйствія, ибо здѣсь не принимается въ уваженіе право обижаемыхъ на защиту и всего общества на безопасное существованіе, и все ставится въ зависимость отъ произвола худшихъ людей. Нравственный принципъ требуетъ реального противодѣйствія преступленіямъ и опредѣляетъ это противодѣйствіе (или наказаніе въ широкомъ смыслѣ этого слова, не совпадающемъ съ понятіемъ возмездія) какъ *правомѣрное средство дѣятельнаго человеколюбія, законно и принудительно ограничивающее проявленіе злой воли не только ради безопасности общества и его мирныхъ членовъ, но непременно также и въ интересахъ самого преступника*. Такимъ образомъ, наказаніе по истинному своему понятію есть нѣчто многостороннее, но его различныя стороны одинаково обусловлены общимъ нравственнымъ принципомъ человеколюбія, обнимающимъ какъ обиженного, такъ и обидчика. Терпящій отъ преступленія *имѣетъ право* на защиту и по возможности на вознагражденіе; общество *имѣетъ право* на безопасность; преступникъ *имѣетъ право* на вразумленіе и исправленіе. Противодѣйствіе преступленіямъ, согласное съ нравственнымъ принципомъ, должно осуществлять или, во всякомъ случаѣ, имѣть въ виду равномѣрное осуществленіе этихъ трехъ правъ.

Для защиты лицъ, безопасности общества и дальнѣйшаго блага самого преступника требуется прежде всего, чтобы виновный въ преступленіи былъ лишенъ свободы. Если расточитель по справедливости, въ интересахъ своихъ близкихъ и въ своихъ собственныхъ, лишается свободы распоряженія своимъ имуществомъ, то тѣмъ болѣе справедливо и необходимо, чтобы убійца или растлитель былъ лишенъ свободы въ сферѣ своей дѣятельности. Для самого преступника лишеніе свободы важно особенно какъ *остановка* въ развитіи преступной воли, какъ возможность опомниться и одуматься.

Въ настоящее время участь преступника окончательно рѣшается судомъ, который не только опредѣляетъ его виновность, но и назначаетъ ему наказаніе. Но при дѣйствительномъ и послѣдовательномъ устраненіи изъ уголовного права мотивовъ отищенія и устрашенія должно исчезнуть и понятіе о наказаніи въ смыслѣ *заранье* (и въ сущности произвольно) *предопредѣляемой мѣры*. Послѣдствія преступленія для преступника должны находиться въ естественной и внутренней связи съ его дѣйствительнымъ состояніемъ. Судъ, установивъ фактъ виновности, долженъ затѣмъ опредѣлить ея видъ, степень отвѣтственности преступника и его дальнѣйшей опасности для общества, т.-е. дол-

женъ, какъ врачъ, сдѣлать діагнозу и прогнозу нравственной болѣзни, но предписывать безповоротно способъ и продолжительность леченія противно природѣ вещей. Ходъ и приемы леченія должны измѣняться, какъ и у врача, соответственно перемѣнамъ въ ходѣ болѣзни, и судъ долженъ предоставить это дѣло пенитенціарнымъ учрежденіямъ, въ вѣденіе которыхъ поступаетъ преступникъ.

VII.

Было время, когда съ людьми психически больными обращались какъ съ укрощаемыми звѣрями, сажали ихъ на цѣпь, били палками, и т. д. Еще лѣтъ сто тому назадъ (и даже меньше) это считалось совершенно въ порядѣ вещей; теперь же объ этомъ вспоминаютъ съ ужасомъ. Такъ какъ историческое движеніе идетъ все быстрѣе и быстрѣе, то, можетъ быть, и мы доживемъ до того времени, когда на современныя тюрьмы и каторги будутъ смотрѣть такъ же, какъ теперь всѣ смотрятъ на старинныя психіатрическія заведенія съ желѣзными клѣтками для больныхъ. Нынешняя пенитенціарная система, несмотря на несомнѣнные успѣхи за послѣднее время, все еще въ значительной степени связана древнимъ понятіемъ наказанія, какъ *мученія*, намѣренно налагаемаго на преступника, согласно простонародному принципу: „по дѣломъ вору и мѣла“.

По истинному понятію о наказаніи положительная его задача по отношенію къ преступнику есть не физическое его мученіе, а нравственное излеченіе или исправленіе. Это идея, уже давно принимаемая различными писателями (преимущественно теологами, отчасти философами и лишь немногими юристами), вызываетъ противъ себя рѣшительныя возраженія двоякаго рода: со стороны юристовъ и со стороны антропологовъ извѣстной школы. Съ юридической стороны утверждаютъ, что исправлять преступника значитъ вторгаться въ его внутренній міръ, и что общество и государство не имѣютъ на это права. Но тутъ есть два недоразумѣнія. Во-первыхъ, задача исправленія преступниковъ вовсе не есть единственный примѣръ обязательнаго и положительнаго воздѣйствія общества (или государства) на его несостоятельныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи и потому неполноправныхъ членовъ. Отрицая такое воздѣйствіе въ принципѣ, какъ вторженіе во внутренній міръ, придется идти дальше и отрицать общественное обученіе дѣтей, леченіе умалишенныхъ въ общественныхъ больницахъ, и т. п.

И гдѣ же тутъ вторженіе во внутренній міръ? На самомъ дѣлѣ преступникъ фактомъ преступленія *обнаружилъ, обнажилъ* свой внутренній міръ и нуждается въ обратномъ воздѣйствіи, чтобы войти въ его нормальные предѣлы. Особенно странно въ этомъ возраженіи то, что за обществомъ признается право ставить человѣка въ *развращающія* условія (каковыми могутъ служить нынѣшнія тюрьмы и каторги), не отрицаемыя и юристами, а право и обязанность ставить человѣка въ условія *морализующія* отнимается ими у общества. Второе недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что исправленіе понимается какъ навязываніе извнѣ какихъ-нибудь готовыхъ правилъ морали. Но зачѣмъ же неумѣлость принимать за правило? Разумѣется, для преступника, вообще способнаго къ исправленію, оно, главнымъ образомъ, есть *самоисправление*, причемъ внѣшнее содѣйствіе должно собственно только ставить человѣка въ наиболѣе благопріятныя для этого дѣла условія, помогать ему и поддерживать его въ этомъ внутреннемъ процессѣ.

Возраженіе антропологовъ состоитъ въ утвержденіи прирожденности и потому неисправимости преступныхъ наклонностей. Что есть преступники наследственные и преступники прирожденные—это можно считать несомнѣннымъ; что между ними есть неисправимые—это довольно трудно отрицать; но утверженіе, что всѣ или хотя бы большинство преступниковъ неисправимы—совершенно произвольно и не заслуживаетъ критики. Если же можно допустить только, что нѣкоторые изъ преступниковъ неисправимы, то нельзя сказать заранѣе съ увѣренностью, принадлежитъ ли данный преступникъ къ этимъ нѣкоторымъ, а потому необходимо ставить *всѣхъ* въ условія наиболѣе благопріятныя для возможнаго исправленія. Само собою разумѣется, что примѣненіе указаннаго принципа связано съ коренною перемѣной взгляда на многое, чтó считалось и еще считается преступленіемъ,—а также предполагаетъ важныя преобразованія суда и пенитенціарныхъ учрежденій. Впрочемъ эти послѣднія несомнѣнно уже измѣняются именно въ смыслѣ изложеннаго взгляда, чтó служить наилучшимъ подтвержденіемъ его вѣрности.

Общественная опека надъ преступникомъ, поручаемая компетентнымъ людямъ съ цѣлью его возможнаго исправленія,—вотъ единственное понятіе „наказанія“, или положительнаго противо-дѣйствія преступленію, допускаемое нравственнымъ началомъ. Основанная на этомъ пенитенціарная система, будучи болѣе справедливою и человеколюбивою, будетъ несомнѣнно и болѣе дѣйствительною.

Владиміръ Соловьевъ.

СИРЪ

— „Sire“. Roman, par Henri Lavedan *).

I.

Сидѣла, г-жа Адриенъ, умолкла, и томительное молчанье водворилось въ узкой, скромной и выпѣвшей гостиной, которую уже овладѣли унылыя сумерки.

Усѣвшись глубоко въ мягкую блѣдно-зеленую бержерку съ разводами, д-ръ Лешармъ тревожно покачивалъ головою и обѣими руками обхватилъ свои колѣни въ нанковыхъ панталонахъ, надъ которыми красовался его синій скюртукъ съ золотыми пуговицами, и нервно барабанилъ по колѣнямъ пальцами. Напротивъ него на скамейкѣ, молча, безпомощно опустивъ руки, сидѣла кухарка Бригитта.

Послѣдніе лучи румянаго апрѣльскаго солнца ложились прямо

*1) Анри Лавданъ (род. въ 1859 г.) приобрѣлъ себѣ извѣстность прежде всего на драматическомъ поприщѣ. Его первый дебютъ въ „Théâtre Français“ прошелъ съ большимъ успѣхомъ, и его четырехъ-актная комедія „Une Famille“ тогда же, въ 1890 г., обратила на себя всеобщее вниманіе и была увѣнчана академіею преміей. Въ слѣдующей своей пьесѣ: „Les Descendants“, авторъ задался широкою задачей, какъ нельзя больше подходившей къ характеру его дарованія, а именно—изобразить различіе между прежними и современными поколѣніями французской аристократіи; его личное сочувствіе было на сторонѣ старинныхъ дворянъ, преисполненныхъ воспоминаніемъ о славномъ прошломъ ихъ предковъ. Комитетъ для чтенія (Comité de Lecture) при театрѣ „Comédie Française“ не допустилъ пьесу къ представленію, но зато тѣмъ большее впечатлѣніе произвела она, когда появилась, въ октябрѣ 1892 г., на сценѣ театра „Vaudeville“ подъ своимъ новымъ заглавіемъ: „Le Prince d'Aurec“. Изъ романовъ А. Лавдана, затрогивающихъ какъ смѣшныя, такъ и глубоко-трагическія стороны человѣческой души, обратили на себя вниманіе: „La Reine Janvier“, „Lydie“, „Mamzelle Vertu“ и др.

на консоли и особенно ярко освѣщали бюстъ высокострунной Мари-Антуанетты, и пожелтѣвшія мраморныя черты бюста отражались въ зеленоватомъ зеркалѣ, висѣвшемъ на противоположной стѣнѣ. Въ немъ какъ-то особенно рѣзко выдѣлялся ея кокетливый профиль съ надменно вздернутыми, по-австрійски, губами, съ крупнымъ носомъ и высокой прической. Тамъ и сямъ, на стѣнахъ, обтянутыхъ шелковой матеріей, выступали неясныя очертанія портретовъ въ овальныхъ рамахъ. То были какіе-то дядюшки въ шелковыхъ жилетахъ, съ черепаховыми бонбоньерками въ рукахъ, напудренные бабушки, затянутыя въ высокіе корсеты, изъ которыхъ подымалась ихъ открытая грудь. Съ заученной улыбкой картинки, онѣ самодовольно выставляли напоказъ свои маленькія ручки, которыя покоились на шеѣ любимой левретки. Тонкій и своеобразный, но пріятный запахъ издавали эти стѣны, эти картины и мебель, носившая, какъ и вся обстановка, общій характеръ старины. Изящной, величественной стариною вѣяло и отъ большихъ часовъ рококо, надъ которыми красовались бронзовые амурѣ, и отъ ихъ тяжелого, медлительнаго маятника, который, какъ будто, даже и время показывалъ не нынѣшнее, быстролетное, а прежнее, давно заглухшее, медлительное.

Докторъ молчалъ, но и молча продолжалъ еще сомнительно покачивать головою, украшенной короткими щетинистыми бакенбардами. Вдругъ онъ особенно широко раскрылъ глаза и, устремивъ испытующій взглядъ діагноста на кончикъ своихъ абрикосовыхъ панталонъ, туго натянутыхъ штрипками, глубокомысленно поправилъ на затылкѣ свой тщательно завитой парикъ, очаровательными букольками падавшій ему на лобъ.

— Да,—проговорилъ онъ:—да, вы коснулись именно больного мѣста... Въ этомъ, единственно, наше спасеніе!..

Сидѣлка поспѣшила подтвердить:

— Клинь клиномъ вышибай!

— Вы совершенно правы,—еще разъ повторилъ докторъ и еще глубже опустил подбородокъ въ свой пышный атласный галстухъ кофейнаго цвѣта.

— Тише!—прошептала вдругъ г-жа Адриенъ:—она, кажется, что-то крикнула...

И всѣ тревожно прислушались.

На цыпочкахъ сидѣлка подошла къ двери въ сосѣднюю комнату, пріотворила ее, заглянула туда и продолжала смотрѣть въ щелку, пока не закрыла ее совершенно, медленно и осторожно.

— Ну, что?

Движеніемъ руки она отвѣтила успокоительно, но, садясь снова на прежнее свое мѣсто, прибавила:

— Спать, какъ убитая!—и затѣмъ уже продолжала прерванный разговоръ:

— Итакъ, если вы раздѣляете мое мнѣніе, что графиня погибла, почему же не испробовать крайняго средства?..

— Без-по-во-отно!—раздѣльно и отчетливо произнесъ докторъ.

— Въ такомъ случаѣ,—приступимъ!

Но д-ръ Лешармъ уже опять погрузился въ глубокія размышленія, и только изрѣдка подымались и опускались его густыя, щетинистыя брови, въ знакъ того чувства тревоги и недоумѣнія, которое отражалось на его толстомъ, добродушномъ и даже нѣсколько глуповатомъ лицѣ.

Тѣмъ не менѣе, рѣчь его полилась хоть и прерывисто, но осторожно и разсудительно.

— Конечно, ваша мысль прекрасна... о, да! прекрасна! Но... ея примѣненіе къ дѣлу затруднительно и даже... опасно! Къ кому обратиться? Гдѣ тотъ человѣкъ, настолько умный, настолько преданный, настолько... О, еслибъ у насъ нашелся подъ рукою человѣкъ порядочный, внушающій къ себѣ полное довѣріе! Тогда наше дѣло было бы уже почти устроено... Но такого человѣка нѣтъ, и его не найти! Вотъ потому-то я и говорю...

Но кухарка Бригитта, до сихъ поръ молча съ жадностью ловившая каждое слово, перебила его, краснѣя и запинаясь:

— А вотъ вамъ: есть у меня одинъ родственникъ по отцу... красавецъ-мужчина, даромъ, что ему ужъ шестой десятокъ скоро къ концу придетъ... На всякій случай, не сходить ли къ нему, переговорить? Я думаю, онъ будетъ не прочь представить изъ себя Людовика XVII?

Съ первыхъ же словъ Бригитты докторъ раскрылъ ротъ отъ изумленія и, вскочивъ на ноги, какъ молодой, подбѣжалъ къ сидѣлкѣ. Возбужденно трясъ ее за руку, онъ не говорилъ уже, онъ кричалъ.

— Вотъ такъ счастье! Вотъ такъ счастье! Однако, матушка вы моя, должны же вы подумать, что вашъ родственникъ... А гдѣ онъ живетъ? А какъ его зовутъ?.. Да говорите же, говорите! Я весь горю отъ нетерпѣнья...

Бригитта не заставила себя долго просить:

— Его зовутъ Рулетъ,—проговорила она:—Денисъ Рулетъ, и живетъ онъ на набережной Турнель, домъ номеръ двѣнадцать,

въ пятомъ этажѣ... тамъ еще такой звонокъ съ толстымъ шнуромъ, съ красной кисточкой...

— Рулетъ... да! Денисъ Рулетъ...—повторялъ, волнуясь, почтенный докторъ; внося въ свою записную книжку драгоценныя для него свѣденія, онъ впопыхахъ сломалъ, одинъ за другимъ, два карандаша.—Экое счастье!..

Затѣмъ, лихорадочнымъ движеніемъ руки онъ захлопнулъ книжку и щелкнулъ резинкой, все еще радостно лепеча:

— Ну вотъ!.. Ну вотъ!.. И какъ это все неожиданно!..—Глубокая, сосредоточенная радость человѣка науки, который побѣдилъ всѣ препятствія, освѣтила его широкое, полное лицо.

— Мы ее спасемъ!—торжественно объявилъ онъ: — припомните хорошенько мои слова и сегодняшний день: 15-е апрѣля 1840 года. Да, мы ее спасемъ!..

И обѣ женщины увѣренно повторили:

— Да, ужъ тогда она поправится навѣрно!..

Съ безграничными предосторожностями, чтобы не смять парика, докторъ надѣлъ свою широкополую шляпу и, захвативъ мимоходомъ свою неразлучную трость съ сердоликовымъ набалдашникомъ, вышелъ вонъ изъ комнаты развалистой походкой, но величественно вытянувъ шею, не хуже настоящего гвардейца.

Въ ту же минуту послышался сердитый голосъ больной. Она звала сидѣлку.

— Г-жа Адриенъ! Г-жа Адриенъ!..

И та бѣгомъ бросилась въ сосѣдную комнату, приговаривая на ходу:

— Сейчас! Сейчас! Вотъ и я: чтѣ вамъ угодно?

Изъ сосѣдней комнаты донесся глухой стукъ булавовъ по подушкамъ, затѣмъ—два-три жалобныхъ стона, и чей-то голосъ повелительно приказалъ:

— Позвать... короля! Короля! Короля!

Берта-Эдмея-Юланда де-Мартейль рано осиротѣла и, получивъ сантиментальное воспитаніе въ Лѣсномъ-Аббатствѣ, вскорѣ вышла замужъ за пожилого дворянина и землевладѣльца, графа Сентъ-Сальби. Графъ былъ лѣтъ на двадцать старше молодой дѣвушки, и она рѣшилась сдѣлаться женой болѣзненнаго и немолодого, ворчливаго холостяка столько же въ силу семейнаго своего положенія, сколько и въ силу матеріальныхъ соображеній.

Тотчасъ же по возвращеніи своемъ изъ свадебнаго путешествія, которое не принесло его молодой женѣ ничего, кромѣ

разочарованій, графъ поселился въ своемъ родовомъ замкѣ, построенномъ вкривъ и вкосъ посреди поля, въ пяти верстахъ отъ Пенбѣфа. Полжизни провелъ въ немъ графъ Сентъ-Сальби, не чувствуя своего одиночества въ занятіяхъ геологіей и минералогіей, и теперь снова вернулся туда, чтобы продолжать свою прежнюю жизнь и прежнія занятія.

Мрачный, негостепріимный видъ имѣлъ этотъ замокъ, скорѣе напоминавшій собою хорошо сохранившуюся развалину, нежели настоящее жилое дворянское помѣстье. Уныло возвышались надъ сѣрой равниной его двѣ башни съ крохотными старинными окнами, а крыши и зубцы, будто обгрызенные неумолимымъ временемъ и непогодами, торчали какъ-то неровно, съ каждымъ осеннимъ вѣтромъ теряя все большее и большее число черепицъ. Внутри его было множество узенькихъ винтовыхъ лѣстницъ, такихъ уже ветхихъ, что ступени ихъ казались потертыми цѣлыми поколѣніями паломниковъ; множество длинныхъ коридоровъ, выстланныхъ черными и бѣлыми пашвами; множество холодныхъ и мрачныхъ палатъ, въ которыя лунный свѣтъ падалъ прямо въ незакрытыя трубы нетопленныхъ каминовъ.

Графъ рѣдко когда спускался въ эти непріютные покои: онъ цѣлыми днями не выходилъ изъ своей лабораторіи, не разставался съ халатомъ и туфлями, и глубокомысленно наблюдалъ за своими тщательно разсортированными кремнями и другими минералами, разложенными въ роскошныхъ витринахъ изъ чернаго дерева.

Графиня, большую часть времени предоставленная самой себѣ, постепенно свыклась со своимъ одиночествомъ. Въ долгіе зимніе дни она по цѣлымъ часамъ способна была сидѣть неподвижно передъ пылавшимъ каминомъ, прикурнувъ, какъ забкая кошечка, въ большомъ, старомодномъ креслѣ, въ то время, какъ большіе старинные часы напѣвали надъ нею мотивъ гавота, какъ только ихъ танули за шнурочекъ. Молодая женщина задумчиво и вяло смотрѣла, какъ жарились для нея на огнѣ тартинки, — тонкіе ломтики булки, схваченные за самый кончикъ щипцами. Въ сторонѣ, въ простѣнкѣ висѣла большая карта путей сообщенія въ департаментахъ Франціи, и на ней ясно выдѣлялась печать: роза и три бѣлыхъ лиліи.

Такъ проходило время, изъ году въ годъ, уныло и однообразно.

Едва только минуло графинѣ тридцать лѣтъ, какъ она незамѣтно, въ какіе-нибудь два-три мѣсяца, осунулась и постарѣла. Походка и движенія ея стали какъ-то неопредѣленныя,

слабѣе, очки сваливались у нея съ носу, ея чепчики сползали набокъ, а пряди волосъ все больше и больше начесывались на уши, на старинный манеръ. Вмѣстѣ съ наступающей старостью, проявились у нея и разныя привычки и привередничанья, свойственныя старымъ дѣвамъ: супруги Сентъ-Сальби безплодно дожидали свой вѣкъ, и потому бездѣтная графиня еще болѣе усвоила себѣ всю мелочность женщинѣ, не знавшихъ семейныхъ радостей. Да, она вся состарѣлась: вѣчно-юными остались въ ней только ея чувства преданности королевскому дому Бурбоновъ. Сердце ея, какъ и въ молодости, пылало восторженной любовью, чистой и великодушной, какъ любовь юнаго вандейца, легитимиста до глубины души! Въ жилахъ графини Сентъ-Сальби текла королевская кровь, а на Бурбоновъ она просто молилась; передъ французскимъ королевскимъ гербомъ, какъ передъ распятіемъ, она даже преклоняла колѣни. Людовикъ XVI и Марія Антуанетта, въ ея глазахъ, были такими же мучениками и святыми, какъ и тѣ великомученики, память которыхъ чтить самъ папа и вся католическая церковь вмѣстѣ съ нимъ. Съ радостью, безъ тѣни колебанія, графиня Берта отдала бы всѣ гербы Франціи, всѣ ея славныя подвиги и дѣянья, всѣхъ ея маршаловъ, всѣ вражескія, знаменитыя знамена, отнятыя у врага и развѣвавшіяся съ честью, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, на всѣхъ четырехъ концахъ Европы, еслибъ только это могло спасти отъ казни... „госпожу Елизавету“!

Но горячѣе, беззаветнѣе всего любила она бѣднаго узника-малютку, — Людовика XVII, — этого агнца во плоти, слабенькаго, нѣжнаго, замученнаго ужасами заточенія. Какъ она любила... о, какъ *умѣла* она его любить — всей душой, всѣми помыслами своими! Какъ ненавидѣла и слышать не могла безъ содроганья имя Симона, этого палача, которому отданъ былъ въ мастерство юный монархъ, лишенный трона и семьи! Этотъ сапожникъ помыкалъ имъ, терзалъ его, какъ простого, забитаго мальчишку! Она представляла себѣ его — царственнаго малютку — прекраснымъ, какъ день, нѣжнымъ и бѣленькимъ, какъ дѣвочка, съ печальнымъ взоромъ въ большихъ, синихъ, какъ небесная лазурь, кроткихъ глазахъ. Онъ былъ для нея предметомъ поклоненія, и не только память о немъ, — о, нѣтъ! — онъ самъ, своей особой, какъ живая плоть и кровь, пробуждалъ въ ней то чувство материнства, которое ей не дано было испытать въ дѣйствительной жизни; но это чувство было еще отвлеченнѣе, еще идеальнѣе, святѣе! Да, да: она чувствовала, она знала навѣрное, что онъ

живъ, что онъ не могъ быть мертвъ! И, конечно, для нея онъ не былъ мертвъ!..

Смерть его не была доказана фактически: это непроницаемая тайна,—какъ, впрочемъ, и все его окружавшее; все—даже самое исчезновеніе его, которое такъ и осталось неустановленнымъ исторіей. Почему мѣсто его упокоенія до сихъ поръ неизвѣстно? Почему не потрудились откопать хоть скелетъ бѣднаго ребенка, — или хоть разыскать какія-нибудь кости, нѣкогда составлявшія его маленькое, хрупкое тѣлце?.. Какъ? Ничего, ничего ровно не осталось отъ него: ни досюетка отъ платья, никакой вещицы, которая напоминала бы о его существованіи? Нѣтъ: нигдѣ, ни слѣда! Непремѣнно онъ живъ... Но гдѣ онъ?.. Этого она и сама бы не могла сказать. Вѣрно въ изгнаніи, гдѣ-нибудь на югѣ, въ жаркомъ негостепріимномъ климатѣ, можетъ быть, одинъ на необитаемомъ островѣ... Можетъ быть, но все-таки „онъ“ живъ, — а это главное!

Впрочемъ, она еще и потому не могла въ этомъ сомнѣваться, что „онъ“ самъ являлся ей во снѣ,—являлся какъ живой: напудренный, величавый, съ яснымъ челомъ, въ парадномъ мундирѣ, съ большимъ брилліантовымъ орденомъ св. Духа, сверкавшимъ у него на груди и надъ самымъ его сердцемъ раскинувшимъ свои голубинныя крылья.

Медленно, постепенно овладѣвала ея воображеніемъ упрямая, непреоборимая мысль, что обожаемый дофинъ, ея кумиръ, цѣль всей ея жизни, — живъ, и что настанетъ часъ, когда, рано или поздно, онъ явится во всеоружіи побѣдителя, и самъ, своими руками, вывернетъ скипетръ изъ рукъ Луи-Филиппа, этого дерзкаго буржуа, незаконно захватившаго власть надъ французскимъ престоломъ. Она твердо рѣшила, что, какъ только это случится, она перейдетъ въ Парижъ, въ ликующую, разукрашенную столицу Бурбоновъ, въ которую торжественно вступить возстановленный монархъ, при кликахъ народа, подъ сѣнью развѣвающихся флаговъ и гирляндъ, подъ восторженный перезвонъ заливающихъ колоколовъ!

Какъ ни былъ графъ Сентъ-Сальби угрюмъ и молчаливъ, но онъ даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ относился къ безобидной маніи своей супруги. Иной разъ онъ благосклонно выслушивалъ ея восторженные планы и воззрѣнія, и жестами выражалъ свое сочувствіе или одобреніе, когда она рѣшалась высказаться, будучи уже не въ силахъ дольше таить про себя свои мечты, наплывъ которыхъ захватывалъ все ея существованіе.

Одиннадцать лѣтъ провела она такимъ образомъ въ посте-

ценно возрастающемъ отрадномъ заблужденіи, предаваясь ему какъ заманчивымъ видѣніямъ, которыхъ мы не можемъ осязать, но навсегда хранимъ въ себѣ какъ живыхъ.

Въ одно осеннее утро, когда на дворѣ бушевала гроза, графъ Сентъ-Сальби упалъ какъ подкошенный въ своемъ кабинетѣ, и такъ и умеръ на мѣстѣ, продолжая держать въ своей уже остывшей рукѣ лиловатый агатъ, который онъ только-что передъ тѣмъ разсматривалъ.

Жена оплакивала его довольно долго; затѣмъ родовой замокъ былъ заколоченъ, а обстановка его почти вся отвезена въ Парижъ, гдѣ теперь и поселилась вдовствующая графиня. Помѣстившись въ нижнемъ этажѣ скромнаго, тихаго дома въ улицѣ Вареннъ, она еще больше предалась своимъ мечтамъ, которыми не мало способствовала уединенность ея новаго жилища: его большія четырехъугольныя окна выходили во дворъ, большой и глубокой, мощеный, какъ провинціальныя мостовыя, и украшенный по угламъ большими старинными столбами (поразительно похожими на висѣлицы!) на которыхъ болтались фонари на блокахъ...

Все больше и больше поддаваясь обаянію своей настоящей мысли, графиня лелѣла ее въ себѣ, развивала подъ вліяніемъ благопріятной обстановки. Она ходила по библіотекамъ, по музеямъ, докапывалась до всего, что только могло прямо или косвенно касаться ея обожаемаго дофина; разъ въ недѣлю, на цѣлый день, уѣзжала она въ Версаль, и тамъ, печально и задумчиво понизивъ голову, бродила по заглухшимъ, темнымъ, какъ коридоры, густымъ аллеямъ заброшеннаго парка, подъ высокими сводами разросшейся зелени, среди статуй, до того молчаливо застывшихъ на мѣстѣ въ той или другой неизмѣнной позѣ, что отъ нихъ самихъ и ото всего окружающаго вѣяло мертвеннымъ, но умиротворяющимъ, почти отраднымъ спокойствіемъ и тишиною. По ночамъ сонъ ея былъ тревоженъ и порой прерывался ужаснымъ кошмаромъ, въ которомъ ей непремѣнно видѣлись яkobинцы: они набрасывались на нее, сонную, въ постели, и, заставляя встать босикомъ, въ одной рубашкѣ, кричали: „Смерть королю!“

Однажды съ нею сдѣлалась горячка, которая бросилась на мозгъ и угрожала ей неминуемой смертью. Цѣлый мѣсяцъ исходъ болѣзни не могъ окончательно опредѣлиться. Больная ожесточалась, и въ буйствѣ съ громкимъ крикомъ призывала къ себѣ короля, обожаемаго короля Людовика XVII! Она требовала, чтобы ее скорѣй, скорѣй одѣли, нарядили, какъ только

возможно роскошѣе и красивѣе, чтобы ей достойно предстать предъ его королевскимъ величествомъ. Она сама выбирала ленты, кружева и драгоценности, которыя считала достойными этой высокой чести; называла тѣ или другіе духи, которыми надо опрыскать ея платки; звала своихъ горничныхъ, лакеевъ, кучеровъ, и щедро надѣляла ихъ то прозвищами „хамовъ“ и „дураковъ“, то — червонцами или... туманами, — воображая себя въ бреду на высотѣ чуть не царственного величія и госпожей безчисленной, богатой дворни.

Случилось раза два, что во время приступа горячки она хотѣла покончить съ собою, и отъ нея пришлось впредь отбирать ножи и вилы. Пользовалъ ее д-ръ Лешармъ, и для лучшаго за нею ухода пригласилъ г-жу Адриенъ, замѣчательную, рѣдкую по своимъ качествамъ сидѣлку. Болѣзнь, подъ ея неуныпнымъ наблюденіемъ, вскорѣ вынуждена была поддаться леченію, но сонъ и аппетитъ не вернули больной разсудка, за который такъ боялся почтенный докторъ: пунетомъ помѣшательства для нея такъ и остался — Людовикъ XVII.

Бригитта, кухарка, приходила просто въ отчаяніе:

— Да она вѣдь, пожалуй, и не помѣшанная, моя барыня-то, — говорила она. — У нея только такъ, что-то тутъ засѣло!..

— И чего ради? Ну, чего ради, — позвольте васъ спросить? И посмѣяться-то надъ ней никто не захочетъ: ради какого-то тамъ короля! Да еще есть ли онъ и на свѣтѣ? И того порядкомъ неизвѣстно! Вотъ-то заварилась матушка кашу, нечего сказать!..

И добродушная страпуха, вздыхая, опять бралась за свои вастрюли.

II.

Въ столовой, уставленной буфетами и мебелью краснаго дерева съ мѣдными полосками, съ мраморными досками, на которыхъ красовались старинная посуда и серебряныя чашки, д-ръ Лешармъ отдавалъ свои послѣднія наставленія Рулету. Двѣ лампы въ стеклянныхъ колпакахъ молочнаго цвѣта тихо горѣли на выступѣ каменной старомодной печи. Двери были наглухо заперты подъ тяжелыми, спущенными портьерами; но и то докторъ говорилъ боязливо, чуть слышнымъ шопотомъ, сильно взволнованный, съ нервно-поджатыми губами. Чуть не въ двадцатый разъ заставлялъ онъ его повторять все одно и то же, изъ боязни, чтобы тотъ не сбился.

— Ну, начнемъ еще разъ сначала. Какъ мы условились, я иду впередъ; вхожу... и, распахнувъ дверь настежь, подхватываю одинъ изъ канделябровъ въ шесть свѣчей. Затѣмъ, держа его въ уровень съ плечомъ, прячусь назадъ, отступая передъ вами, и все время лицомъ къ вамъ, почтительно склонившись... Ну, а вы?..

Рулетъ вздохнулъ поглубже и улыбнулся, какъ бы говоря:— „ужъ можете на меня положиться!“—и увѣренно продолжалъ:

— ...А я, заложивъ лѣвую руку за спину, правой касаюсь ордена св. Духа, который болтается у меня на груди. Подъ мышкой у меня треуголка. Я иду впередъ медленно, ступая на пятку, носки врозь; иду неувереннымъ, усталымъ шагомъ, слегка покачивая опущенной долу головою, какъ человѣкъ, который... который много пережилъ и выстрадалъ безмѣрно! Я стараюсь, чтобъ на губахъ у меня играла снисходительная улыбка, полная милостивой доброты и ласки. И будьте увѣрены: она у меня будетъ!.. На порогѣ гостиной я знакомъ призываю вамъ поставить жирандоль, и говорю: „Довольно!“ Но вы не слушаете, продолжая отступать, пятясь назадъ до середины комнаты, а затѣмъ все-такъ же отходите въ сторону и ставите жирандоль на подставку... Графиня стоитъ посреди комнаты... Едва завидя меня, она бросается ко мнѣ, обнимаетъ мои колѣни... Я ей не мѣшаю. Она хватается меня за руки и покрываетъ ихъ страстными поцѣлуями... Я опять-таки ей не мѣшаю... Лишь двѣ-три минуты спустя, я наклоняюсь и, ласково высвобождаясь изъ ея объятій, неоднократно говорю ей глубокимъ, слегка дрожащимъ голосомъ: „Встаньте, встаньте!..“

— Такъ, что-ли? — вдругъ перебилъ самъ себя Рулетъ.

Докторъ отвѣтилъ ему одобрительнымъ хлопкомъ по плечу:

— Ну, дальше... дальше!

— ...Она очень взволнована, очень слаба, и я одной рукой поддерживаю ее, почтительно подвожу къ голубому креслу у камина. Стоя надъ нею, жду, пока она усядется въ него; затѣмъ подвигаю себѣ стулъ... Она протестуетъ... хочетъ уступить мнѣ свое мѣсто. Я возражаю, стою на своемъ и, оглянувшись на васъ (вы продолжаете скромно оставаться въ глубинѣ гостиной), повѣлываю: „Можете идти!“.. Вы удаляетесь. Мы остаемся одни.

— До сихъ поръ все превосходно!—не выдержалъ докторъ.

— ...Я опять заговариваю съ ней, и продолжаю съ разстановкой, торжественно и вмѣстѣ съ тѣмъ печально: „Давно уже мнѣ известна ваша преданность нашему дѣлу... Знаю, какъ горячо и непоколебимо ваше усердіе... Быть можетъ, мнѣ доведется поселиться инкогнито въ Парижѣ... Тогда въ чистѣ лицѣ,

которыхъ я пожелаю принять въ частной аудіенціи, на первомъ планѣ будетъ графиня Сентъ-Сальби... чтобы я лично могъ сказать ей, что она права въ своихъ неиссякаемыхъ надеждахъ, и что въ тотъ день, когда часъ мой пробьетъ надъ Франціей,—я буду готовъ!

И въ то время, какъ она несвязно что-то бормочетъ мнѣ въ отвѣтъ, я достаю изъ кармана и вручаю ей... футляръ: „Вотъ, возьмите: это моя миниатюра, снятая съ меня въ Англіи, въ скорости послѣ бѣгства моего изъ Тампля. Примите ее, прошу васъ, въ знакъ нашего къ вамъ добраго расположенія“. Затѣмъ, я оставляю ее, пораженную счастьемъ и смущеньемъ, посылаю ей, на ходу, послѣдній свой отечески-благосклонный привѣтъ—движеніе руки и улыбку—и направляюсь къ дверямъ. За дверьми—вы поджидаете меня съ канделябромъ въ рукахъ... Г-жа Адриенъ уводитъ больную въ ея спальню... Я спѣшу улизнуть. Еще шагъ, другой, а тамъ ужъ меня—ищи!..

— Ну, хорошо, хорошо!—перебилъ его докторъ и, съ минутку сообразивъ еще что-то, прибавилъ: -- Не забудьте, однако, на всякій случай, еслибъ она предложила вамъ какой-либо непредвидѣнный вопросъ, отвѣчать ей только...

— Только неопредѣленными, отрывистыми фразами?.. Знаю, знаю: „Въ странѣ изгнанья... Тагость воспоминаній... О, что загнетъ—вѣнецъ!.. Вѣнецъ, омраченный кровью и траурнымъ флѣромъ... Я не измѣню своему долгу“... Сколько угодно: хоть дюжину такихъ изреченій къ вашимъ услугамъ!..

И Рулетъ торжественнымъ шагомъ прошелся взадъ и впередъ передъ своимъ собесѣдникомъ.

Онъ былъ высокаго, красиваго роста, съ немного грузнымъ брюшкомъ, которое замѣтно оттягивало три нижнія петли жилета, затканнаго цвѣтами. Его крупныя черты лица, нѣсколько обрюзгаго, но замѣчательно близко подходившаго къ типу Бурбоновъ, тѣмъ не менѣе отражали его природную ограниченность и простое происхожденіе; общій видъ его напоминалъ актера, который привыкъ разыгрывать роль финансистовъ и денежныхъ тузовъ и самоувѣренно относится къ своей роли, гордится своимъ временнымъ гримомъ.

Нарядъ его, простой, но строго обдуманннй, потребовалъ особаго вниманія. На головѣ—очень гладкій напудренный парикъ, хвостикъ котораго стянуть ленточкой; батистовый галстухъ и жабо съ мельчайшими складочками. Сюртукъ—одноцвѣтный, фایевый, цвѣта „руанской фіалки“; пуговицы—рельефныя металлическія; брюки — темныя, бархатныя; чулки — тонкіе, черные шелковые;

бапмаки — лакированные, съ серебряными пряжками; стальная шпага въ бѣлыхъ шагреновыхъ ножнахъ; а поверхъ сюртука — широкая перевязь небснаго цвѣта.

Восемь дней тому назадъ докторъ заключилъ съ нимъ условіе, въ силу котораго, безъ малѣйшаго колебанія, онъ, Рулетъ, обѣщалъ хранить тайну и повиноваться во всемъ безпрекословно, а за это его одѣвали, оплачивали всѣ подлежащія издержки и въдобавокъ вознаграждали каждый разъ пятью червонцами... Въ концѣ концовъ, онъ обязывался вернуть свой королевскій нарядъ.

Главная задержка могла бы быть со стороны графини: казалось затруднительнымъ подготовить ее настолько, чтобы появленіе Людовика XVII-го подъ ея кровлей — самого, своей особой! — не показалось ей невѣроятнымъ... Докторъ боялся немало-важныхъ осложнений, распросовъ, недовѣрія, и... пріятно ошибся: графиню такъ ослѣпляла ея собственная горячая вѣра и преданность, что тотчасъ же, съ первыхъ же словъ и намековъ, она повѣрила, что онъ живъ и, находясь инкогнито въ Парижѣ, явится принести ей свою благодарность за ея преданность святому, правому дѣлу возстановленія власти Бурбоновъ.

Она не радовалась бурно и необузданно, какъ того можно было ожидать, но вся вдругъ прониклась тихимъ сердечнымъ блаженствомъ, погрузилась въ благоговѣйное, сосредоточенное молчаніе. Въ такомъ-то благоговѣіи и блаженномъ, почтительномъ молчаніи поджидала больная своего короля.

За часъ до его появленія она уже вышла въ гостиную и сидѣла тамъ, причесанная, принаряженная, съ изящнымъ вѣеромъ въ рукахъ, не сводя блестящихъ, возбужденныхъ глазъ съ медлительныхъ стрѣлокъ большихъ старинныхъ часовъ съ бронзовыми амурами.

Вдругъ дверь тихо скрипнула и распахнулась на обѣ створки... Бѣдная женщина вскочила на ноги, словно подъ вліяніемъ электрическаго тока, и выпрямилась, напряженно всматриваясь въ глубину комнаты и не слыша, какъ громко и учащенно било тревогу ея горячее, но истомленное сердце. И вотъ на порогѣ явился... онъ!

Вотъ онъ передъ нею. Это его статный ростъ; его печальное, привѣтливое лицо; его полу-траурный нарядъ, надъ которымъ разсыпались бѣлоснѣжныя пряди волосъ, посѣдѣвшихъ отъ долголѣтняго горя; его благородныя черты и склоненная къ ней царственная голова съ сочувственной и благодарственной улыбкой...

Съ неудержимымъ крикомъ радости и торжества бросилась

къ нему графиня. Ея муфта, вѣеръ, флаконы — все полетѣло прочь: она побѣжала къ нему, къ своему кумиру! — и, стоя на колѣняхъ, страстными поцѣлуями покрывала руки своего короля и властелина, который тихо и милостиво уговаривалъ ее:

— Встаньте, сударыня, встаньте!..

Затѣмъ все прошло такъ, какъ это предвидѣлъ д-ръ Лешармъ. Когда онъ удалился и они остались одни, король заговорилъ и... Боже мой! что за дивныя, святыя слова полились изъ его царственныхъ устъ!.. „...И въ тотъ день, когда пробьетъ мой часъ, я буду наготовѣ!“

Пламя высокихъ свѣчей, дрожа, освѣщало шелковыя стѣны гостиной и рѣзко выдѣлялось на нихъ полиняломъ фонѣ; при ихъ неровномъ свѣтѣ бросались въ глаза бронзовыя лиліи канделябровъ, а китайскія курильницы, вазалось, наполняли комнату тишиной и благоуханьемъ... Графинѣ было отрадно и больно... больно отъ безграничнаго прилива блаженства, которое подавляло ее, щемило ей сердце, подкашивало ноги. Жуткая, холодная дрожь пробѣжала у нея по всему тѣлу; руки похолодѣли; въ глазахъ помутилось...

Очнувшись, графиня увидала, что она по прежнему одна и по прежнему одинока. Только правая рука ея крѣпко сжимала миниатюрный медальонъ въ золотой оправѣ.

Тутъ она вспомнила все и, закрывъ руками свое омрачившееся лицо, громко зарыдала...

Она оплакивала чудное, на вѣки сокрывшееся отъ нея видѣніе.

III.

„...Ну, словомъ, дня теперь не проходитъ (писалъ д-ръ Лешармъ въ заключеніе своего длиннѣйшаго письма), чтобы больная не требовала къ себѣ короля. На всѣ ея крики и вопли мы съ г-жей Адриенъ еще могли до сихъ поръ отвѣчать довольно удовлетворительно; но вотъ уже добрая недѣля, какъ это длится, и наши увѣщанія больше ее не трогаютъ! Съ нею просто бѣдствіе! Нѣтъ больше силъ терпѣть ея капризы и угрозы убѣжать изъ дому, если не исполнять ея желанія. Приходите же къ ней безотлагательно, успокойте хоть на время ея наболѣвшую душу... Завтра зайдю къ вамъ условиться“...

Затѣмъ слѣдовала подпись доктора, съ такими росчерками и вывертасами, что неволью напоминала его собственный парикъ съ замысловатыми завитушками.

Рулетъ скомкалъ письмо и недовольнымъ жестомъ швырнулъ его въ уголь.

— Еще чего? — крикнулъ онъ. — Опять приниматься за эту докучную игру? Ну ужъ нѣтъ-съ, извините! Какъ бы не такъ!.. — и злобно набивая табакѣмъ свою неразлучную трубку, онъ, что было силъ, втискивалъ въ нее правымъ пальцемъ щепотку за щепоткой. Трубка эта была гигантскихъ размѣровъ, и янтарная Фрина, сидѣвшая на концѣ ея, казалась одѣтой въ черные модные чулки — до того прокоптились табачнымъ дымомъ ея стройныя янтарныя ножки. Наконецъ, Рулетъ уѣхалъ у окна въ свое глубокое, залоснившееся отъ долгаго употребленія, старомодное кресло, и оттуда, раздраженно попыхивая трубкой, принялся изрѣдка поглядывать на свѣтъ божій и думать свою думу.

Лѣтъ тридцать подъ-рядъ онъ велъ самую вочующую и неопредѣленную жизнь, какою только можно себя представить. За это время побывалъ онъ не разъ почтальономъ, трактирщикомъ, писаремъ, разносчикомъ, обойщикомъ и, наконецъ, поступилъ въ труппу странствующихъ актеровъ, исключительно развѣжавшихъ по провинціальнымъ городамъ и весямъ. Вскорѣ послѣ того умеръ самъ содержатель труппы, и товарищи единодушно возвели Рулета въ санъ его преемника. Въ этомъ санѣ ему довелось нѣсколько разъ совершить круговое путешествіе по Франціи, поднося публикѣ попеременно то драмы, то водевили и комедіи, мѣстомъ представленія которыхъ были ярмарки и пароходы, подмостки подъ открытымъ небомъ и амбары въ захолустныхъ провинціальныхъ городкахъ. Въ роли маркиза де-Сентъ-Люсь онъ даже весьма блистательно выступалъ передъ публикой; но порой брался и за трагедію, къ которой такъ шли его эффектныя тѣлодвиженія и походка, полная достоинства; въ пародіяхъ и фарсахъ онъ являлся настолько хорошимъ комикомъ, что и это считалось его призваніемъ...

Всѣ эти воспоминанія, какъ ни были они далеки, были ему близки и дороги, и частенько-частенько позволялъ онъ себѣ въ часы хандры и злобы эту роскошь — прибѣгать къ нимъ за отрадой и утѣшеніемъ, сидя одинъ-одинѣшенекъ въ своей „клеткѣ“, какъ онъ выражался. Не онъ ли, Рулетъ, украшалъ то или другое дѣйствующее лицо по своему произволу, надѣлялъ его глубокимъ и звчнымъ голосомъ, гордой осанкой и надменностью принца крови? Не онъ ли, хоть и фивтивно, но горячо переживалъ въ лицѣ того, кого ему приходилось изображать, самыя страстныя и многообразныя степени любви и злобы, коварства и самоотверженія? Не ему ли случалось покидать „пумный пиръ“, чтобы спѣшить на „поединокъ чести“; переживать всю славу пол-

ководца и великодушіе властелина, какъ, напримѣръ, въ роли Цинцинната?..

Но, увы! Ничто не вѣчно подъ луною.

Послѣ долголѣтней славы, скитаній и нужды, онъ до того усталъ и тѣломъ, и душою, что ему захотѣлось хоть въ углу, въ лачугѣ, да пожить осѣдло. Ему противно стало метаться съ мѣста на мѣсто, не зная утромъ, гдѣ Богъ приведетъ заночевать, и его брала зависть на тѣхъ бѣдняковъ, которые, наработавшись за-день до изнеможенія, спѣшать въ себѣ домой и рады завалиться на убогую постель, чтобы на-утро проснуться въ той же знакомой обстановкѣ, что и наканунѣ...

Сказано—сдѣлано! Рулетъ откопалъ себѣ гдѣ-то въ пятомъ этажѣ высокаго дома на набережной Турнель, № 12, двѣ хорошенькихъ комнатки съ большими свѣтлыми окнами, изъ которыхъ далеко передъ нимъ открывался чудный видъ на городъ. Длинными рядами тянулись гранитныя парижскія набережныя, окаймленныя зеленой полосой деревьевъ; серебристая тихая поверхность каналовъ невольно приводила на умъ голландскіе запруды и каналы; островъ Сенъ-Луи и соборъ Богоматери—прекрасные, какъ живописныя декораціи, — все это составляло грандіозную картину, то угрюмо, то весело и беззаботно раскинувшуюся далеко внизу и какъ въ калейдоскопѣ мѣнявшуюся, смотря по погодѣ и по времени года.

Три года жилъ онъ въ своихъ комнаткахъ и жилъ недурно, благодаря своимъ философскимъ воззрѣніямъ на житейскія невзгоды. Здоровья онъ былъ прекраснаго и вполне удовлетворялся тѣми работами, какія только подвергивались ему подъ-руку: онъ чинилъ плетеные стулья, склеивалъ битую посуду, вырѣзалъ форми для картонажей, переписывалъ рукописи (хоть прежняго его красиваго почерка не осталось и тѣни), а при случаѣ даже настраивалъ долгохвостые роялы почтенной фабрики „Плейэля, поставщика Двора Его Королевскаго Величества“, усердно стуча по нимъ желтымъ, потертымъ клавишамъ, хлябавшимъ, какъ старыя, ослабѣвшіе зубы... Словомъ, дѣлалъ все, что могъ и умѣлъ, и такимъ образомъ изо дня въ день жилъ безъ особаго достатка, но и безъ особой нужды.

На слѣдующее утро д-ръ Лешармъ, пыхтя, поднялся въ пятый этажъ и наконецъ появился на порогѣ, едва переводя духъ и отдуваясь глубокими и громкими вздохами.

— Уфъ! Уфъ!.. Что за лѣстница!..

Онъ бросился на стулъ и добродушно пожаловался.

— Д-да-съ! Намъ ужъ не двадцать лѣтъ: ноги ужъ насъ не носятъ!..—Затѣмъ, окончательно прїидя въ себя и поигрывая горсточкой брелочковъ, болтавшихся у него на жилетѣ, онъ принялся серьезно и обстоятельно излагать цѣль своего посѣщенія.

Графиня рѣшительно требовала въ себѣ короля: подавай ей короля; откуда хочешь возьми,—да подавай! Дня два она слезами радости орошала свои воспоминанія о немъ, но затѣмъ снова стала раздражаться и буянить, какъ и прежде. Теперь, когда она испытала блаженство видѣть его наяву, отсутствіе его стало для нея еще болѣе невыносимымъ. Она звала, умоляла его явиться ей хоть на мигъ; возносила къ небу молитвы при его посредствѣ, какъ мученика и святого. Мало того. Не разъ, посреди ночи, когда усталая сидѣлка впадала въ тяжелый, крѣпкій сонъ, больная вскакивала съ кровати и бродила взадъ и впередъ по комнатѣ, съ блуждающимъ взоромъ, не отрываясь губами отъ медальона, который она носила на шеѣ на серебряной цѣпочкѣ... Ну, развѣ было бы благоразумно бросить теперь рискованное, но строго обдуманное леченіе,—разъ, что оно ужъ начато, и начато такъ блестяще? Нѣтъ, нѣтъ: онъ, Лешармъ, не можетъ, *не долженъ* этого допустить! Первый шагъ сдѣланъ; надо же довести дѣло до конца, во что бы то ни стало!

— Ну, признайтесь по совѣсти,—волнуясь, выкрикивалъ онъ:—развѣ на васъ, моего соучастника въ этомъ дѣлѣ, не падаетъ наравнѣ со мной тяжелая нравственная отвѣтственность? Мы не имѣемъ больше права отступать!

Съ первыхъ же словъ Рулетъ отказался отъ дальнѣйшаго соучастія, въ вѣжливыхъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ представляя на видъ недосугъ и спѣшную работу: кой-какія дѣлишки, массу построекъ, которая не терпѣла отлагательствъ и т. п. Но Лешармъ настаивалъ на своемъ и въ видѣ убѣжденія приводилъ чисто военные аргументы для ободренія оробѣвшихъ:

— Плохъ тотъ солдатъ, который не хочетъ быть генераломъ... Отступать не слѣдъ, когда идешь на приступъ... И, наконецъ, что жъ это за дезертирство?!

— Пусть такъ: зовите, какъ хотите, — возразилъ бывшій комедіантъ:—но говорю вамъ прямо: мнѣ вся эта исторія надоела, и весь тутъ сказъ! Вы мнѣ очень любезно предложили разыграть изъ себя короля, ради какой-то тамъ вашей сумасшедшей паціентки; я согласился и выполнилъ ваше желаніе, какъ умѣлъ... Ну и будетъ съ васъ одного-то раза! Но ужъ затѣмъ и баста: слуга покорный!

— Другъ мой, успокойтесь!—умолялъ докторъ.

Но онъ и слушать не хотѣлъ.

— Я съ нею незнакомъ, съ вашей барыней... Пусть ее остается сумасшедшей: мнѣ что за дѣло? Или вы въ игрушки со мной играть вздумали? О, еслибъ это случилось съ кѣмъ-нибудь близкимъ, роднымъ... съ матерью моею, что-ли... я и не сталъ бы спорить!

— Но графиня такая хорошая, добрая женщина!—настаивалъ Лешармъ.—Она видѣла васъ одинъ только мигъ и терзается теперь такъ, что жалость смотрѣть: вы сами пожалѣли бы ее до слезъ, еслибъ увидѣли, что съ нею творится. Какъ она говоритъ о васъ, о своемъ королѣ!.. Да поймите жъ вы наконецъ, что она хочетъ видѣть васъ...

— Да я-то не хочу! — рѣзко возразилъ Рулетъ; и бѣдный докторъ принялся шагать взадъ и впередъ по комнатѣ, залажа руки за спину и задумчиво опустивъ голову на грудь. Отрывисто и невнятно вырывались у него отдѣльные слова, душившія его и, повидимому, не обращавшія на себя вниманія строптиваго комедіанта.

Вдругъ онъ выпрямился въ своемъ креслѣ и очевидно, на что-то рѣшившись, остановилъ доктора на ходу:

— Такъ и быть! Я, пожалуй, пойду къ вашей барынѣ на свиданье, отдамъ ей на сѣденье свои руки, но подъ однимъ условіемъ—чтобы это повторилось еще, и не одинъ, а нѣсколько разъ! Пригласите меня... ну, хоть на весь сезонъ! Обезпечьте мнѣ отъ десяти до пятнадцати визитовъ, съ тѣмъ, чтобы въ результатъ у меня оказалось хорошенъкое вознагражденіе. Когда такъ—я къ вашимъ услугамъ; въ противномъ же случаѣ—можете искать себя другого!

Лешармъ молча стоялъ передъ нимъ: онъ былъ смущенъ и виѣстъ съ тѣмъ доволенъ.

— Отъ десяти до пятнадцати визитовъ?.. Ну, это немного жирно будетъ... И, наконецъ, въ одинъ или два раза легче не возбудить въ больной подозрѣнія; а видѣться чаще и дольше,—это дѣло другое! Нельзя, при ея чуткости, допустить, чтобы она не догадалась о томъ, что ее обманываютъ. О, она такъ и умретъ на мѣстѣ отъ этого ужаснаго открытія!.. Подумайте, что вы ей готовите!

— Какъ угодно. Ваше дѣло рѣшить, — а я не отступлюсь отъ своего рѣшенія. И будьте покойны: я вамъ такъ обойду ее, вашу аристократку, что она и не замѣтитъ... Итакъ, значить, рѣшено: вы согласны?

Докторъ подумалъ съ минуту, но затѣмъ, изъ боязни, чтобы

Рулетъ не передумалъ или не предъявилъ болѣе тяжелыхъ требованій, протянулъ ему руку и торжественно произнесъ:

— Согласенъ!

Въ какія-нибудь двѣ-три минуты всѣ подробности условій были окончательно выяснены и установлены, и въ результатѣ сдѣлающееся появленіе Рулета въ улицѣ Вареннъ было назначено на завтра. Продолжительность свиданій мнимаго короля Людовика XVII должна была зависѣть отъ обстоятельствъ и отъ его бесѣды съ графиней Сентъ-Сальби, — подъ условіемъ, однако, чтобы эти бесѣды отнюдь не впадали въ заурядный и пошловатый тонъ, не согласный съ его королевскимъ достоинствомъ.

IV.

— А Лафайетъ? Вамъ случилось, сирь, видѣть его на конѣ? На этотъ вопросъ, сдѣланный смущенно и дрожащимъ голосомъ, Рулетъ отвѣтилъ не сразу.

Покачавъ головой снизу вверхъ и, упорно не спуская глазъ съ розетки потолка, онъ глубоко вздохнулъ.

— О, еслибы онъ только захотѣлъ!..— произнесъ онъ задумчиво и неопредѣленно.

Во взглядѣ графини загорѣлся огонекъ:

— А Петіонъ?— допрашивала она:— Что думаетъ сирь о Петіонѣ?

Выраженіе лица „короля“ смягчилось и стало просто сосредоточенно; голосъ его звучалъ глубоко и многозначительно:

— О, о немъ? О немъ я много... много думаю!

Усталое и неопредѣленное движеніе руки довершило смыслъ сказаннаго.

— Какъ глубоко и своеобразно умѣетъ сирь судить о людяхъ! — замѣтила графиня.

И благоговѣйное, полное молчаніе водворилось въ тихой гостиной. Его прерывалъ лишь бой часовъ, торжественно и церемонно прозвонившихъ свои пять ударовъ. Затѣмъ, едва умолкшихъ дрожащій звукъ, какъ снова тишина разлилась по всему уютному, старинному покою. Все вокругъ было такъ старо и мирно; такое изящество и навѣки застывшее довольство отражалось во всей обстановкѣ, въ каждой чертѣ лица и позѣ на королевскихъ и иныхъ портретахъ, что жаль было нарушить это молчаніе, полное отжившей прелести. Немолодая (но еще и не старая) дама и статный, красивый вельможа, сидѣвшіе въ молчаніи

другъ противъ друга, какъ нельзя болѣе подходили къ общему характеру обстановки, и только ихъ типичныя, аристократическія лица виднѣлись въ полу-тѣмѣ гостиной, когда вспыхивали уголья въ каминѣ, да пряжки на башмакахъ короля сверкали, когда онъ скрещивалъ или вытягивалъ впередъ ноги...

Съ тѣхъ поръ, какъ Рулетъ согласился возобновить сеансы, ихъ прошло уже два; это былъ третій. Мало-по-малу приходя въ себя, графиня изрѣдка рѣшалась теперь предлагать ему кой-какіе вопросы. За всѣ долгіе годы своего супружескаго одиночества, она восторженно набрасывалась на всякую историческую книжку, на всякій романъ, въ которомъ говорилось о ея кумирѣ, юномъ узникѣ. Его трогательная и ужасная исторія надрывала ей сердце, воспламеняла ея воображеніе. При мысли, что она, ея недостойная слуга, дождалась высокой чести бесѣдовать съ Людовикомъ XVII, — съ тѣмъ самымъ обиженнымъ и замученнымъ королемъ-изгнанникомъ, на котораго она молилась, и который цѣль и невредимъ вышелъ изъ своихъ долготѣхъ испытаній, — графиня Сень-Сальби становилась словоохотливой, краснорѣчивой и добивалась услышать отъ своего короля и повелителя слова правды и истины; ея устами ложь и лицемеріе не могутъ быть знакомы!.. Сперва она только изрѣдка и отрывистыми намеками, такъ сказать, намѣчала свои разспросы:

— А г-жа де-Полиньякъ, ваша воспитательница?.. А та шпага, которую поднесъ вамъ графъ Прованскій?.. — и т. п.

Король слушалъ ее задумчиво, съ поблѣвшей улыбкой на снисходительно-сжатыхъ губахъ; и это ободряло ее. Она продолжала:

— О, ваше величество! Какъ бы я хотѣла видѣть васъ такимъ, какъ васъ изображаютъ въ юности: съ полуоткрытой шеей, выступающей изъ отложного бѣлоснѣжнаго батистоваго воротника въ мелкихъ складочкахъ, по которому рассыпались волнистые бѣловурные волосы... О, какъ бы я была счастлива... Боже, какъ счастлива!..

Король вдругъ впадалъ въ грусть и становился угрюмѣе.

— То время далеко... далеко!

— Ну, а Варенъ?.. А возвращеніе въ Парижъ?..

— О, тяжкія, ужасныя воспоминаванія!.. — вырывалось у него со вздохомъ, и онъ блѣднѣлъ... блѣднѣлъ, какъ полотно!

Тогда, чтобы его разсѣять, она принималась говорить о Версали, о развлеченияхъ и порядкахъ того времени, когда тамъ было такъ пестро и людно. Графиня все подробно помнила и знала, чуть ли не лучше, чѣмъ еслибы сама жила тамъ въ это

время. Она знала, что „большой столъ“ сервировался въ покояхъ королевъ; — что въ то время давали „Земиру и Авора“ Гретри, „Сонливца наяву“ Мармонтеля; Вестрисъ и его сподвижники—все это было ей знакомо. Поминутно у нея съ языка срывались воспоминанія о швейцарской стражѣ, о легкой кавалеріи; о Маріи-Антуанеттѣ въ утреннемъ батистовомъ нарядѣ или въ костюмѣ пастушки, — во главѣ воскресныхъ баловъ; или еще о графѣ д'Артуа, смѣломъ и вертлявомъ, какъ Фигаро... въ Трианонѣ...

Денисъ Рулетъ, волей-неволей вынужденный прибѣгнуть ко всѣмъ тонкостямъ своего актерскаго искусства, скоро постигъ, какихъ усилій ему будетъ стоить поддержать свою роль самозваннаго монарха, — роль, которую онъ довольно-таки легкомысленно взялъ на себя. Тогда ему пришлось внимательно перечитать въ какомъ-то разрозненномъ журналѣ подробный перечень (съ описаніемъ) событій съ 1787 по 1800 г. Изучивъ все въ подробности, онъ воспользовался весьма умѣло кой-какими общими чертами и характерными выраженіями, которыя приписывались королевской семьѣ. Но и этого было еще далеко не достаточно; порой разговоръ обрывался неловко, неожиданно, — въ силу того, что мнимый король не зналъ, что отвѣчать, или вовсе не понималъ вопроса. И тогда наступало тяжелое, неуклюжее, чуть не злобное молчаніе, которое, пожалуй, съ нѣкоторой натяжкой, могло еще сойти, въ глазахъ графини, за мрачное, угнетенное настроеніе человѣка, удрученнаго житейскими бѣдствіями. Впрочемъ Рулетъ предпочиталъ въ такія минуты вздыхать и кашлять, или вдругъ переиначивалъ тему разговора. Но лучше всего было — давать волю краснорѣчію графини, которая любила изощряться въ описаніяхъ всего, что ему было весьма полезно знать: онъ такимъ образомъ безъ малѣйшаго труда получалъ готовый матеріалъ для своихъ отвѣтовъ и бесѣдъ. Она говорила съ нимъ о Калиостро и о его алмазахъ; о приключеніи съ ожерельемъ и о пророчествѣ Казотты; повторяла ему всѣ его дѣтскія и юношескія остроты и выходки; трогательныя проявленія его доброты и ласки; — его любовь къ цвѣтамъ, которые онъ разводилъ въ своемъ маленькомъ садикѣ, въ Версали...

Денисъ старался ее не перебивать и даже поощрялъ ее молча движеніемъ головы или руки; такъ что она могла по цѣлымъ часамъ говорить безъ умолку, а онъ только отъ времени до времени вполголоса шепталъ словно во снѣ:

— Я помню... помню все!..

И такъ дѣло шло мирно и всегда однообразно вплоть до той

минуты, когда онъ, наконецъ, вставалъ и, нѣсколько согнувъ свою статную фигуру, говорилъ:

— Ужъ поздно. Намъ пора удалиться!

И каждый разъ, неизмѣнно, въ минуту разставанья, глаза графини наполнялись слезами. Она опускалась передъ королемъ на колѣни, благоговѣнно цѣловала его руку и затѣмъ, постепенно отъ него отступая, бралась за концы своего большого, широкаго тюника. Остановившись въ трехъ шагахъ отъ короля, она начинала медленно и торжественно присѣдать, по всѣмъ правиламъ строжайшаго, тройнаго реверанса, подъ конецъ котораго она опускалась чуть не въ уровень съ поломъ, потонувъ въ массѣ своихъ фижмъ и пышныхъ юбокъ...

Съ трудомъ удерживаясь отъ улыбки, на порогѣ гостиной появлялась Бригитта. Вибивая подушки дивановъ и бержеровъ и оправляя мебель, она осыпала свою барыню вопросами:

— Ну, что-жъ, сударыня, какъ? Довольны ли вы? Ужъ надо ему отдать справедливость, этотъ король куда какой ласковый на видъ!.. А когда же, позвольте спросить, въ какой день взойдетъ онъ опять на престолъ?..

Но тутъ, въ свою очередь, являлась сидѣлка и тихо обращалась къ больной:

— Пожалуйте: ваше питье готово!..

Такимъ образомъ, прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

Уже восемь разъ являлся къ графинѣ на свиданье мнимый король, и она всегда съ одинаковымъ довѣріемъ и благоговѣннымъ восторгомъ встрѣчала и провожала его. Мало-по-малу ея смущеніе прошло и уступило мѣсто болѣе ровному чувству: она цѣнила посѣщенія своего короля и повелителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже настолько свыклась съ ними, что считала ихъ теперь совершенно естественнымъ дѣломъ, неотъемлемой и неразрывной принадлежностью своей жизни; ей и въ голову не приходило, чтобы они когда-нибудь прекратились. А между тѣмъ Рулетъ не забывалъ ни на минуту, что договорился лишь на десять сеансовъ, и что положеніе его становится критическимъ. Онъ не отрицалъ того факта, что вознагражденіе онъ получилъ прекрасное, и что съ нимъ вообще поступали какъ нельзя болѣе щедро и предупредительно; но, въ сущности, — разсуждалъ онъ вполне резонно, — благоразумно ли съ его стороны продолжать свою странную и временную службу, зависающую отъ прихоти больной и полу-помѣшанной женщины и пренебрегать хоть не такимъ круп-

нѣтъ, но болѣе постояннымъ и вѣрнымъ заработкомъ? Неужели изъ-за временной выгоды лишиться своихъ скромныхъ заказчиковъ, которые своими грошами обезпечивали ему безбѣдное существованіе? Не настраивать больше старыхъ роялей, не чистить стульевъ и посуды—этихъ вѣчно необходимыхъ для каждаго предметовъ, а слѣдовательно и лишиться куска хлѣба? Нѣтъ, это было бы ужъ слишкомъ глупо и безумно!

Задѣтый за живое, онъ, наконецъ, рѣшился коротко и ясно, безъ обиняковъ, высказать это почтенному доктору Лешарму:

— Ну, будетъ вамъ изъ меня дурака-то корчить! Вашъ Людовикъ просто поперекъ горла мнѣ сталъ!.. Хорошаго понемножку!.. Видно, что вы еще не знаете, кто я таковъ?..

— Нѣтъ, знаю, знаю превосходно!—съ ласковой горячностью возразилъ докторъ:—Вы милѣйшій, чудеснѣйшій изъ людей!

— Старѣ прѣсня!..

— Ну, право же, не стоить вамъ и возмущаться!—просительнымъ тономъ убѣждалъ докторъ непокорнаго.—Мы вѣдь сдѣлали условіе на десять визитовъ, и ихъ осталось еще только два: сдержите же, какъ порядочный человѣкъ, свое слово и доведите дѣло до конца.

Рулетъ сначала притворился раздраженнымъ, неговорчивымъ, но затѣмъ сдѣлалъ видъ, что поддается постепенно, то съ досадливыми тѣлодвиженіями, то словно капризный ребенокъ, надувая губы. Вдругъ онъ затихъ, остановился; лицо его просвѣтлѣло, а въ глазахъ сверкнуло рѣшительное и смѣлое выраженіе, будто его неожиданно осѣнила какая-то чудесная, блестящая мысль. Онъ подскочилъ къ доктору и, ухвативъ его за отвороты сюртука, громко вздохнулъ:

— Довольно! Ни слова больше!—вскричалъ онъ съ сіяющимъ лицомъ:—Я вашъ—хоть еще на мѣсяцъ, на годъ или... на вѣка вѣчные! Располагайте мною, если я вамъ нуженъ, а о такихъ пустякахъ, какъ денежные условія, поговоримъ когда-нибудь потомъ. Сердечные люди всегда поймутъ другъ друга!

Лешармъ, потрясенный такой внезапной переměной, словно остоленѣлъ на мѣстѣ и только бормоталъ довольно несвязно:

— А!.. Хорошо, хорошо!.. Чудесно!

Но Рулетъ добродушно прервалъ изліянія его признательности:

— Да ну васъ! Чего разблагодарились? Таковъ ужъ я отъ природы: люблю дѣлать одолженія ближнимъ!..

V.

Одинъ-одинёшенекъ въ своей спальнѣ, Рулетъ сидѣлъ передъ стариннымъ комодомъ и усердно раскапывалъ въ выдвинутомъ ящикѣ цѣлый ворохъ пожелтѣвшихъ отъ времени клочковъ бумаги. Сильной, мускулистой рукою ворочалъ онъ ихъ и, бѣгло заглянувъ въ ихъ содержаніе, откидывалъ въ сторону тѣ, на которыхъ чернила больше выцѣли и пожелтѣли и на которыхъ пальцы его оставляли рѣзкіе бѣлые слѣды. Бумажки и цѣлыя связки писемъ швырялись прямо на полъ, на-отмашь; но когда все было уже осмотрѣно, онѣ образовали на полу правильный полукругъ.

Глубокомысленно посмотрѣвъ на него, Рулетъ призадумался, какъ будто собираясь съ мыслями, чтобы принять важное рѣшеніе, и, нагнувшись, поднялъ одну изъ пачекъ, перевязанную голубой полинялой ленточкой. Развязавъ ее осторожно, онъ выбралъ изъ нея четыре или пять писемъ, между которыми одно особенно привлекло его вниманіе. Это былъ узенькій, продолговатый конвертикъ, а въ немъ листокъ почтовой бумаги съ кружевнымъ ободкомъ и гирляндой аляповатыхъ розовыхъ розъ. Изъ него выпалъ приплюснутый, но все еще густой и курчавый локонъ бѣлокурыхъ, пепельныхъ волосъ.

— А!..—вырвалось у Рулета невольно и радостно.

Вполголоса, привѣтливымъ взглядомъ лаская наивныя украшенія письма, онъ началъ читать.

„Дорогой мой Денисъ!

„Такъ и быть, если ужъ это тебѣ такъ пріятно, я согласна подарить тебѣ локонъ моихъ волосъ, которые ты находишь такими красивыми. Появись мнѣ, что ты съ ними никогда, никогда не разстанешься... Да, мой голубчикъ? Во вторникъ я была въ театрѣ и слышала, какъ тебѣ аплодировали. Какой же ты былъ красавецъ и какъ твоя крошка гордится тобою!

„Завтра, въ тотъ же часъ, у городского сада. Твоя — Зоя“.

Проблескъ гордости и счастья мелькнулъ на лицѣ актера. При воспоминаніи о своей молодости и успѣхахъ, оно на минуту омрачилось, но вскорѣ эта смѣшная слабость пропала безслѣдно, и онъ продолжалъ свое дѣло, повинаясь заранѣе принятому рѣшенію. Распечатывая письма одно за другимъ, онъ вынималъ изъ нихъ еще и еще локоны волосъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ: тутъ были и рыжіе, и черные и темно-русые.

Рулетъ забралъ ихъ всё въ свои глубокія, большущія ладони и высыпалъ оттуда прямо на столъ. Затѣмъ, задумчиво нагнувшись надъ ними, онъ облокотился и сталъ размышлять. Подумавъ, онъ тщательно, какъ парикмахеръ, перебралъ ихъ пальцами и принялся разглядывать, прищуриваясь и подмигивая, то обвиняя ихъ вокругъ указательнаго пальца, то развивая. Наконецъ, выборъ его остановился только на трехъ локонахъ: бѣлокуромъ (пепельномъ) и двухъ темно-русыхъ. Изъ стараго листа пожелтѣвшей бумаги онъ вырѣзалъ три куса одинаковой формы и величины и завернулъ въ каждый по локону, аккуратно заклеивая ихъ по очереди гумми-арабикомъ. Затѣмъ сбѣгалъ въ сосѣднюю комнату за перомъ и чернилами и сосредоточенно, осторожно надписалъ первый пакетъ (съ волосами блондинки Зои):

„Волосы моей матушки, королевы Маріи-Антуанетты“, — а вслѣдъ за нимъ и другіе:

„Волосы моей дорогой тетушки, мадамъ Елизаветы“.

„Волосы моей безцѣнной сестрицы“...

На другой день ему надо было идти на свиданіе съ графиней. Онъ пошелъ не колеблясь, бодрый и свѣжій, готовый нести свою нелегкую и странную службу. Какъ обыкновенно, онъ направился прямо на чердакъ, въ каморку, гдѣ его ожидалъ его королевскій нарядъ, простой некрасивый столъ съ рукомойникомъ и два стула. На полу, какъ и во всѣхъ чердакахъ, валялась разная побитая и поломанная дрянь: негодная мебель, заржавѣвшее ружье, ягдташи, какіе-то бюсты и статуэтки...

Рулетъ натянулъ чулки, надѣлъ брюки и, насадивъ парикъ на свой объемистый кулакъ, началъ обильно уснащать его пудрой, какъ вдругъ дверь отчаянно заскрипѣла и въ ея темномъ отверстіи показалось полное, добродушное лицо доктора Лешарма. Онъ каждый разъ являлся, такимъ образомъ, въ послѣднюю минуту, проивести своему сообщнику инспекторскій смотръ и напутствовать его тѣмъ или другимъ замѣчаніемъ.

— Ну что, ваше королевское величество? — съ насмѣшливой улыбкой проговорилъ онъ: — Какъ изволите себя чувствовать?

— Ничего, недурно. „Мы“ порхаемъ!

И въ самомъ дѣлѣ Рулетъ, съ легкостью и беззаботностью птицы охорашивался, внимательно расправляя каждую складочку сюртука, каждый помятый зубчикъ кружевного жабо. Гордость и самодовольство преобразовали его.

Въ эту минуту докторъ замѣтилъ на умывальномъ столѣ три

крошечныхъ, одинаково сложенныхъ пакетика и подошелъ поближе, чтобы потихоньку прочесть на нихъ надпись, но Рулетъ не дремалъ. Предугадывая намѣреніе милѣйшаго доктора, онъ неожиданно и ловко схватилъ ихъ рукою и опустилъ въ карманъ.

Взглядъ Лешарма, серьезный и вопросительный, говорилъ краснорѣчивѣе словъ и настойчиво требовалъ отвѣта.

Рулетъ многозначительно приложилъ палецъ къ губамъ и проговорилъ:

— Тсс! Это такая штука!..

Окончивъ свой туалетъ, онъ осанисто выпрямился и, слегка поднявъ подбородокъ, не безъ нѣкотораго благородства въ осанкѣ, произнесъ знаменитыя слова Людовика XVI, шедшаго на казнь:

— Идемте, господа!

Они сошли внизъ по узкой лѣстницѣ, и за ея желѣзные перила съ громкимъ лязганьемъ задѣвала шпага Рулета.

— Смотрите, не задѣньте ногою,—предупредительно замѣтилъ Лешармъ.

Во всемъ домѣ царилъ полнѣйшая тишина, какъ въ монастырѣ, и какъ-то особенно рѣзко раздавался скрипъ сапогъ да голосъ бывшаго комедіанта, который упражнялся въ различныхъ оттѣнкахъ любезныхъ и покровительственныхъ выраженій:

— Если угодно Небу, чтобы царственные лиліи... Подъ кровомъ гавани, въ которой намъ придется въ послѣдній разъ бросить... бросить...

— Бросить якорь!—подсказывалъ докторъ; и репетиція продолжалась.

У входа въ гостиную они разстались.

Терпѣливо и снисходительно смотрѣлъ Рулетъ на всю нескончаемую процедуру присѣданій и цѣлованія рукъ, которую, по обыкновенію, графиня не преминула продѣлать. Онъ заранѣе приготовился вынести всю эту неотъемлемую принадлежность ихъ свиданій и, сидя въ креслѣ, не мѣшалъ своей восторженной вѣрнопопданной изливать ей краснорѣчіе. Въ то время, какъ она, въ наивности своей, продолжала играть роль, которая казалась ей почти настоящей, невымышленной, и увлекалась описаніемъ никогда невиданныхъ ею дворцовъ и зеркальных галерей, король молчалъ и долгимъ, жалостливымъ взоромъ смотрѣлъ на нее, какъ смотреть на слабую и жалкую жертву. Губы его мало-помалу сжимались, становились все тоньше и тоньше и, наконецъ, сложились въ злобную, холодную усмѣшку, которую еще больше оттѣняли его нахмуренныя брови. Онъ глазъ не спускалъ съ графини, уже посѣдѣвшей, какъ старуха, но, несмотря на свои

преклонныя лѣта и плоскую, исхудалую грудь, горѣвшей огнемъ страсти къ предмету своего обожанія. Рулетъ внутренно посмѣивался, радуясь, что сумѣлъ догадаться—не упустить удобнаго случая блестящимъ образомъ достигнуть своей цѣли.

Дождавшись удобной (по его мнѣнію) минуты, онъ тихо нагнулся къ графинѣ, строго рассчитаннымъ, медленнымъ движеніемъ досталъ изъ кармана аккуратно заготовленные пакетики и подалъ ихъ, едва находя пару прерывистыхъ словъ, чтобы пробормотать чуть не всхлипывая:

— Возьмите!.. Примите!.. Остатки былого, уцѣлѣвшіе въ общемъ погромѣ...

Г-жа Сентъ-Сальби смущенно и тревожно взяла въ руки королевскій даръ, еще не зная, въ чемъ онъ состоитъ; но едва только скользнули ея глаза по надписи на бумажкахъ, какъ она не могла больше сдержатъ нахлынувшего на нее прилива бурнаго восторга. Голова у нея кружилась, пальцы, дрожа, сжимали драгоценныя бумажки и громкимъ неудержимымъ крикомъ вырывались у нея восторженные восклицанія:

— Волосы? Какъ? Это волосы? И чьи же? Королевы!.. Да такъ ли я прочитала? Да, да: самой королевы! И мадамъ Елизаветы, и вашей... О, ваше величество, ваше величество! И за что, за что?..

Но онъ убѣждалъ ее настойчиво и благосклонно:

— Спрячьте ихъ у себя, эти неоцѣненные сокровища: они всего сохранѣе въ вашихъ рукахъ!

Не въ силахъ отвѣчать, заставъ дыханіе, графиня распечатала и поднесла къ своимъ дрожащимъ губамъ драгоценныя локоны волосъ, нѣкогда украшавшихъ несчастныхъ, замученныхъ принцессъ. Осыпая ихъ страстными поцѣлуями, орошая горячими слезами, она не шевелилась, не чувствуя, какъ слезы, остывая, текли по ея разгоряченному, старческому щекамъ. А король, вытянувъ руки на ручки кресла и поджавъ пальцы, какъ Вольтеръ на статуѣ работы Гудона, и въ самомъ дѣлѣ принялъ его хищную позу, вспоминая, съ недоброй складочкой въ углахъ рта, письмо своей Зои.

Тѣмъ временемъ, графиня встала и подошла къ нему съ усердными извиненіями:

— Ваше величество, если позволите... Я хочу поискать, тамъ, въ своихъ шкапикахъ. Мнѣ бы хотѣлось поскорѣе спрятать эти сокровища.

Король отвѣтилъ важнымъ наклоненіемъ головы, и графиня, взявъ связкой золоченыхъ ключей и ключиковъ, пошла отпирать

одинъ шифоньеръ за другимъ. Чего-чего только не было въ этихъ хорошенькихъ конторкахъ и шкапикахъ розоваго дерева или чернаго дерева съ инкрустаціей! Какихъ только шкатулочекъ и футлярчиковъ не перебрала графиня, открывая ихъ одинъ за другимъ! Тутъ были женскія украшенія: кольца, ожерелья и браслеты, и восточной работы кожаные ящички, и эмалевыя бонбоньерки, и лаковыя копилки, и крохотныя коробочки съ мушками, и серебряныя съ чернью коробочки для бѣлилъ и румянъ, для пудры...

Вдругъ, неожиданно, король покачнулся и, взмахнувъ въ воздухъ руками, какъ будто желая за что-то удержаться, схватился за лобъ, потомъ за сердце, а потомъ закрылъ глаза и остался неподвиженъ.

Съ громкимъ крикомъ, какъ испуганная мать къ любимому ребенку, графиня бросилась къ нему:

— О, Боже!.. Ваше величество, что съ вами?

Онъ тотчасъ же очнулся и проговорилъ, смущенно улыбаясь:

— Не знаю... кажется, голова закружилась... Благодарю васъ!..

Но графиня, склонясь надъ нимъ, тревожно лепетала:

— Нѣтъ, нѣтъ, скажите! Можетъ быть, вашему величеству дать что-нибудь: прохладительное питье или грушу... винограду?..

Король, повидимому, колебался, боясь ее стѣснить; но подъя ее страстнымъ, настойчивымъ взглядомъ невольно счелъ за лучшее покориться:

— Пожалуй, — проговорилъ онъ: — немножко винограду!

— И съ лимонадомъ?.. — допытывалась графиня.

— Да, да; но, пожалуйста, чуть-чуть! — и его влажные глаза выразили признательность преданной женщинѣ.

Она дернула за шнурокъ, и не успѣвъ еще звонокъ умолять, какъ въ комнату вбѣжала сидѣлка въ сопровожденіи Бригитты, у которой, по обыкновенію, изъ засученныхъ по-локоть рукавовъ выставлялись красныя голыя руки.

Обѣ женщины стали на порогѣ, какъ вкопанныя, и, въ недоумѣніи, кусая губы, чтобъ не расхохотаться, принялись отбѣшивать королю неловкіе поклоны, въ то время, какъ хозяйка такъ и сыпала приказанія:

— Живо лимонаду для его величества! — и тихонько, украдкой шептала:

— Возьмите мой дорогой венеціанскій ставантъ!..

Въ одну минуту г-жа Адріенъ вернулась и подала на подносѣ ставантъ съ графинчикомъ и съ кувшиномъ свѣжей воды, въ которомъ еще сверкали отпотѣвшія капли. Она уже направлялась

къ королю; но графиня, подлетѣвъ къ ней, ревниво отняла у нея изъ рукъ подносъ и движеніемъ головы, не допускающимъ возраженій, указала на дверь. Сидѣлкѣ оставалось только удалиться.

Тогда, осторожно и благоговѣйно, графиня Сентъ-Сальби сама налила лимонадъ въ свой дорогой венеціанскій стаканъ и, строго соблюдая правила этикета, поднесла его, на почтительномъ отдаленіи, королю.

Его величество милостиво принялъ стаканъ и, взявъ его тремя пальцами, поднесъ къ своимъ толстымъ и краснымъ губамъ. Обмакнувъ ихъ въ ароматную влагу, онъ постепенно началъ тянуть ее, глотокъ за глоткомъ и, наконецъ, осушилъ весь стаканъ, не переводя духу.

— А что ваша голова, ваше величество? Больше не кружится? — не унималась графиня.

Онъ отрицательно кивнулъ головой:

— Благодаря Бога, графиня, все прошло.

— И часто съ вашимъ величествомъ такъ бываетъ?

— Увы! (соблаговолилъ онъ объяснить ей прерывистымъ и грустнымъ голосомъ)... Я нервно и неизлечимо боленъ... еще со времени заточенія въ Тамплъ... Всѣ усилія свѣтилъ медицины оказались безсильны. Ребенку не могли пройти даромъ такіа испытанія. И теперь, послѣ пережитыхъ тревогъ и волненій, я ни къ чему не стремлюсь, кромѣ отдыха и покоя... Старость свою я хотѣлъ бы встрѣтить... у мирнаго очага, вдали отъ невгодъ и интриг...

Глубокій вздохъ всколыхнулъ его широкую грудь, и, опустивъ руки, онъ усталымъ голосомъ пролепеталъ:

— Но... прочь, прочь эти мечты!..

Едва заслыша эти слова, графиня Сентъ-Сальби бросилась передъ нимъ на колѣни и сложивъ руки, умоляющимъ голосомъ воскликнула:

— Ваше величество! Выслушайте меня. Осмѣюсь ли?.. Вспомните, какъ я васъ привѣтствовала въ первый разъ, когда удостоилась чести принимать васъ подъ своею кровлей? „Государы! Все здѣсь — въ вашей власти. Ваше величество здѣсь у себя дома, и сама хозяйка лишь ваша покорная слуга!“ — Теперь я говорю вамъ то же самое, слово въ слово, и говорю — изъ глубины души!.. — и она залилась слезами, скромно осушая ихъ батистовымъ кружевнымъ платочкомъ и скрывая въ немъ свое заплаканное лицо, въ то время какъ король, погруженный въ свои грустныя думы, неопредѣленно и чуть слышно шепталъ:

— Да, да... Пожалуй, когда-нибудь, потомъ...

Затѣмъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ, съ открытымъ лицомъ и сверкающими, ясными глазами, словно самъ его прадѣдъ, Генрихъ IV, воскликнулъ весело:

— Клянусь бѣлой кокардой! Что за чудный лимонадъ вы поднесли мнѣ, графиня!—а самъ въ то же время думалъ про себя: „Попалась, голубушка!“

VI.

— Нѣтъ, г-жа Адриенъ, ужъ вы меня извините: я, какъ Ома невѣрный, не повѣрю, пока не вложу персты свои въ раны! Вы твердо увѣрены въ томъ, что это правда?

— Такъ же увѣрена, какъ въ томъ, что я ужъ немолода...

Докторъ постукивалъ палкой и бормоталъ себѣ подъ носъ что-то такое совершенно безсвязное. Чрезвычайная досада была написана на его добродушномъ и обыкновенно спокойномъ лицѣ.

— Ну, повторите-ка мнѣ еще разъ все сначала,—приказалъ онъ наконецъ.—Да смотрите, не торопитесь!..

Г-жа Адриенъ немного подумала и затѣмъ начала мѣрнымъ голосомъ:

— Это было вчера, въ пять часовъ, или нѣтъ, пожалуй четверть шестого, а можетъ быть и двадцать минутъ шестого... Ну, да все равно. Только, иду я мимо дверей въ гостиную и пришло мнѣ въ голову заглянуть въ замочную скважину. Оно и понятно: если ужъ взялся быть сидѣлкой, такъ и смотри за больнымъ, чего бы это тебѣ ни стоило,—откинь въ сторону всякую щепетильность и привередничанье... Вотъ такъ-то пришлось мнѣ возиться съ однимъ больнымъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ Ромо-рантенѣ...

Лешармъ поспѣшилъ ее перебить:

— Ну, это ужъ вы оставьте, не путайте...

Она обидѣлась и нѣсколько огорченнымъ тономъ продолжала:

— Ну, такъ вотъ: смотрю я въ скважину, и что же вижу? Наша графинюшка потряхиваетъ синенькимъ вязанымъ кошелекомъ, а въ кошелькѣ-то звенятъ червончики и блестятъ сквозь дырочки вязанья. И подходит она къ Депису, низко-низко ему присѣдаетъ и прямо въ руку кладетъ кошелекъ.

— Въ руку! Въ руку? А, это не просто!.. Но онъ, вѣроятно, отказался, не принявъ ея подарка?—волновался докторъ.

— Напротивъ: принялъ и даже милостиво улыбнулся. Затѣмъ, опустил кошелекъ въ карманъ и сказалъ что-то такое, чего я

даже и не поняла хорошенько: „Это на пользу дѣла... *нашего* дѣла! или что-то въ этомъ родѣ...“ Графиня такъ и сіяла восторгомъ.

Лешармъ отпятилъ губы и надулъ ихъ, озабоченно хмурясь. Наконецъ, что-то подумавъ, про себя проговорилъ вслухъ:

— Фу, что за подлая и алчная душонка! — и движеніемъ руки показалъ сидѣлкѣ, что аудіенція окончена.

— А къ графинѣ я сегодня не зайду, да и не заслужила она такого вниманія, говоря откровенно! — прибавилъ онъ уже на ходу, раздраженно ухвативъ свою палку и шляпу и направляясь къ дверямъ съ осанкой порядочнаго человѣка, погруженнаго въ горестныя думы: голову набокъ, руки за-спину и большими, несгѣшными шагами, какъ полагается ходить удрученному горемъ честному человѣку по всѣмъ правиламъ актерскаго искусства.

Отутившись на воздухѣ, онъ принялся глубоко дышать; снялъ шляпу и помахалъ ею передъ носомъ, будто желая освѣжиться; затѣмъ, сложивъ губы въ задумчивую и печальную складку, снова отдался своимъ размышленіямъ, и всю дорогу у него вырывались отрывистыя восклицанія, какъ-то:

— Кошелекъ!.. И съ червонцами!.. О, я такъ и скажу ему, безъ обиняковъ: „Вы, сударь, плутъ! Вы мошенникъ и грабитель!“

Въ эту минуту чья-то тяжелая рука легла ему на плечо и густой, веселый голосъ крикнулъ:

— А, здравствуйте!

Докторъ поднялъ глаза и вздрогнулъ, узнавъ Рулета.

— Я... я ш...шелъ къ вамъ! — пробормоталъ онъ.

— И что же вы — съ новостями? — спросилъ комедіантъ, лицо котораго дышало веселостью и довольствомъ.

Докторъ забормоталъ опять что-то несвязное:

— Да. То-есть, нѣтъ... собственно говоря, ничего особеннаго!

— Да объяснитесь же; говорите: въ чемъ дѣло?

И Рулетъ авторитетно, дружески взялъ доктора подъ-руку.

Лешарму это было не очень-то пріятно, но вмѣсто того, чтобы вырвать свою руку отъ этого назойливаго, непрошеннаго друга, докторъ, напротивъ, еще плотнѣе прижался къ нему локтемъ, какъ будто горѣлъ желаніемъ еще больше сблизиться съ нимъ и дорожилъ радушною безцеремонностью его обращенія. На губахъ доктора появилась даже восхищенная и въ то же время благосклонная улыбка:

— Эге, пріятель! Мы, кажется, не прочь и отъ даровъ, и слѣдуемъ примѣру Артаксеркса?

Рулетъ тотчасъ же понялъ, куда клонить рѣчь его почтенный собесѣдникъ; но сдѣлавъ видъ, что совершенно озадаченъ.

— Какъ это? Что это такое значить: Артаксерксъ?.. Не понимаю!

Но докторъ не дался въ обманъ.

— Вы понимаете прекрасно!.. Не притворяйтесь же такимъ наивнымъ!..

— Да повторяю вамъ...

— Полноте! Я все знаю: до меня дошло, что графиня вамъ вручила... или, тамъ, подарила...

При этихъ словахъ широкое лицо Дениса засіяло:

— А, знаю! Тогда-то? Сущій вздоръ... бездѣлицу, голубчикъ! Ну можно ли придавать значеніе такимъ жалкимъ приношеніямъ? И кто же придаетъ его?.. Вы? Вы!..

— Позвольте, милый другъ!—возразилъ Лешармъ.—Если мнѣ передали вѣрно, то это былъ цѣлый кошелекъ, синій, вязаный кошелекъ; да, да; и прехорошенькій, вдобавокъ, и полный до краевъ...

— Пойдите-ка, пойдите!—воскликнулъ Рулетъ, притворяясь, что соображаетъ. — Развѣ онъ синій?.. Что-то не помню хорошенько... А впрочемъ... все можетъ быть!

— ...И полный до краевъ... червонцами.

Рулетъ вдругъ остановился и строгимъ голосомъ спросилъ:

— Да, наконецъ, какъ вы могли узнать?..

Докторъ принялъ загадочное и лукавое выраженіе:

— Мнѣ сказалъ... мой мизинчикъ!

— Боторый обо всемъ докладываетъ вамъ?

— Такъ точно-съ!

— Ну, и съ какою же вы это цѣлью? — ясно отчеканивъ слова, былъ вопросъ.

Лешармъ началъ блѣднѣть и опять забормоталъ, съ запинкой:

— Да ни съ какою, голубчикъ, ни съ какою!

— Неправда! Я чувствую, что вы говорите съ задней мыслью.

— Да нѣтъ же: клянусь вамъ...

— Нѣтъ, ужъ она въ васъ есть!

— Говорю вамъ, что нѣтъ! Только, я думалъ, мнѣ такъ казалось...

Рулетъ не выдержалъ:

— Хотите, подѣлимся? Да? Вѣдь вы *этою* хотите?

Докторъ выпустилъ руку негодая и сдѣлалъ по воздуху отрицательное движеніе. На лицѣ его отразилось глубокое отвращеніе, но въ ту же минуту, собравшись съ мыслями и какъ бы начиная обсуждать это дѣло съ точки зрѣнія практичности, онъ опустил глаза, покраснѣлъ и признался простосердечно:

— Ахъ, Боже мой! Ну, да... хоть четвертую часть!..

Рулетъ въ непроницаемомъ молчаніи смотрѣлъ на него, и Лешаръ, становясь нѣсколько смѣлѣе, спѣшилъ оправдать свои требованія разсужденіями:

— Не можете же вы, положи руку на сердце, требовать двойного вознагражденія? Надо же, чортъ побери, знать всему мѣру! Замѣйте, другъ мой, что я плачу изъ своихъ же собственныхъ грошей вамъ за визиты, и, наконецъ, я не какой-нибудь миллионеръ. Поэтому, съ вашей стороны, было бы естественно и справедливо...

Но Рулетъ отрицательно покачалъ головою и ледянымъ тономъ заявилъ:

— Ни полупшви!.. Эти деньги—особая статья, это не въ счетъ, а такъ, съ рукъ на руки...

Докторъ вспыхнулъ:

— Ну, однако, дружокъ, ужъ не слишкомъ ли разыгрался вашъ аппетитъ?

Комедіантъ грубо перебилъ его:

— Будетъ! Надоѣли вы мнѣ, вотъ и весь сказъ! Если у меня есть побочные доходы, тѣмъ лучше для меня и тѣмъ хуже для васъ: „что съ возу упало, то пропало“!.. И наконецъ, хотите знать мое мнѣніе? Вы даже не актеръ, вы—акробатъ!

Лешаръ позеленѣлъ отъ оскорбленія. Инстинктивно онъ взмахнулъ тростью, неловко дрожавшею въ его ослабѣвшихъ, старческихъ пальцахъ... Но Рулетъ быстро взялъ его за подбородокъ и, словно желѣзными клещами стиснувъ его, заставилъ старика дважды перевернуться на пяткахъ, приговаривая равнодушнымъ, незлобивымъ голосомъ:

— Со мной плохи шутки, почтенный дѣдуся: я бы тебя, что называется, въ муку смололъ!..

Между тѣмъ ихъ столкновение уже успѣли замѣтить. Прохожіе—все больше каменщики или слесари—собирались въ мѣсту происшествія, предвкушая забавную драку. Раздались восклицанія:

— Старикашка не вытянетъ!.. Молодчикъ-то попримнеть его!.. и т. п.

И въ эту минуту доктору въ мысляхъ представилась картина его пораженія. Блѣдный, избитый, онъ лежитъ на носилкахъ, и его, неподвижнаго, безпомощнаго, какъ трупъ, приносятъ домой... Но онъ и не подумалъ содрогнуться. Онъ смѣло выдержалъ презрительный и холодный взглядъ Дениса и на его злобный, насмѣшливый вопросъ:

— Итакъ, значить, война?

Отвѣчалъ холодно и съ полнымъ самообладаніемъ:

— Да, милостивый государь: война и со всѣми строгостями!

-- Хорошо-съ. Извольте!

И они разошлись, не поклонившись другъ другу.

Докторъ ступать нетвердо, ноги его не слушались и подгибались въ коленкахъ.

Въ теченіе слѣдующей же недѣли почтенный докторъ получилъ краткое, но весьма опредѣленное посланіе, въ которомъ его уведомяли, что графиня „заблагоразсудила впредь уже болѣе не пользоваться услугами смѣлаго шарлатана, котораго влекла, а затѣмъ и удерживала при ней единственно жажда наживы“...

Такое незаслуженное оскорбленіе поразило его какъ громъ. Рѣшительнымъ шагомъ, высоко поднявъ голову, явился онъ на порогъ графини Сень-Сальби, но дальше порога ему не пришлось идти. На площадкѣ, въ засадѣ, притаилась Бригитта, которая и наскочила на него съ метлою въ рукахъ, повидимому, отказываясь узнавать въ лицѣ его того самаго почтеннаго старичка-доктора, котораго она, бывало, съ такой приторной любовью встрѣчала и торопилась предупредительно освободить отъ палки и шляпы. Не долго думая, Бригитта объявила, что графиня изволить бесѣдовать съ „его величествомъ“ и не приказывала никого впускать. Докторъ потребовалъ тогда свиданія съ сидѣлкой, но тутъ его ожидала новая неудача. Его озадачили извѣстіемъ, что г-жа Адриенъ, вотъ ужъ пятый день, какъ вернулась въ Систеронъ, въ своимъ роднымъ.

— Итакъ, — заключила Бригитта безъ малѣйшаго отбѣива почтительности: — самое для васъ лучшее — повернуть назадъ, да и конецъ всему дѣлу!

И кухарка пальцемъ указала доктору дорогу — внизъ по широкой лѣстницѣ, по которой впервые онъ самъ привелъ въ домъ графини этого мошенника и негодяя Рулета, этого наглаго и неблагодарнаго самозванца, который выжилъ и ограбилъ его подъ защитою своей мишурной короны!..

VII.

— Да, да, графиня! — говорилъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ искусный комедіантъ: — этотъ докторъ-авантюристъ, этотъ жалкій сумасбродъ забилъ себѣ въ голову непремѣнно выдать меня тайной полиціи!

Сначала графиня только ужасалась и не хотѣла вѣрить:

— Лешармъ?.. Не можетъ быть!

— Помилуйте: мнѣ лично былъ доносъ, что онъ уже не разъ игралъ роль шпиона въ семействахъ своихъ пациентовъ. Отъ незначительнаго воровства онъ также, говорятъ, не прочь, и не считаетъ это за предосудительное дѣло...

— О, Боже!..

— Подъ видомъ благодушнаго и даже добродѣтельнаго чело-вѣка, этотъ старый грѣховодникъ скрываетъ самыя черныя, самыя поворныя свойства: онъ пойдетъ на какія угодно преступленія, лишь бы набить себѣ карманъ; онъ даже лучше самой Бренвиллье умѣетъ отравлять людей!

— Конечно, такой чело-вѣкъ опасенъ. Это отъявленный мошенникъ, чудовище безъ души и сердца!.. Въ былое время, простой приказъ съ королевскою печатью покончилъ бы съ нимъ навсегда!—воскликнула графиня.

— Я самъ повелѣлъ бы заточить его въ Бастилью или въ Форъ Л'Эвекъ!..—и король привсталъ, чтобы съ нею распрощаться, но графиня остановила его.

— Сиръ! Завтра же ни доктора, ни сидѣлки, которую я подозрѣваю въ сообщничествѣ съ нимъ, не будетъ здѣсь, въ моемъ домѣ! И тогда... тогда... въ какой день и часъ... благово-лите милостиво спуститься въ моему самому горячему желанію—поселиться подъ моею кровлей, подъ ея сѣнью приклонить вашу усталую голову?..

Рулетъ улыбнулся благосклонно и лишь для вида (но не слишкомъ горячо) отказывался отъ предложенія радушной хозяйки. Онъ возразилъ, что живетъ теперь „въ скромной квартирѣ, въ уединенномъ кварталѣ своего милаго Парижа“... Что „полиція оставляетъ его въ покоѣ“, что, въ сущности, ему тамъ вовсе ужъ не такъ плохо живется“... И наконецъ, что „онъ никогда не рѣшился бы набросить хоть малѣйшую тѣнь на ея добрую славу“...

Но графиня стояла на своемъ и, сложивъ руки, какъ на молитву, восклицала:

— О, умоляю васъ: не откажите! Вамъ, сиръ, будетъ такъ спокойно въ вашихъ апартаментхъ! Никто васъ не потревожитъ, а ваша покорная слуга будетъ такъ очастливлена вашимъ присутствіемъ!..

И король далъ свое согласіе, какъ снисходительный и ласковый отецъ, чтобы не огорчать свое любимое дитя.

— Пусть такъ, графиня! Приношу вамъ свою благодарность,

и если ужъ вамъ такъ непремѣнно угодно, черезъ сорокъ восемь часовъ у короля французскаго не будетъ много Тюильри, какъ этотъ домъ!

И въ самомъ дѣлѣ, двое сутокъ спустя, Рулетъ прислалъ въ домъ графини свой сундукъ—большой, увѣсистый и грубо-сколоченный, обтянутый некрашенными кожаными ремнями, украшенный тяжелыми желѣзными углами и засовами. Онъ, дѣйствительно, былъ похожъ на заслуженный, испытанный въ жизненныхъ невзгодахъ, сундукъ изгнанника или бѣдняка-переселенца. Его осторожно и съ должнымъ почтеніемъ водворили въ первой изъ трехъ комнатъ, которыя были отведены подъ „аппартаменты“ короля.

Это былъ „вестибюль“, по стѣнамъ котораго шли дубовыя скамейки, обитыя стариннымъ малиноваго цвѣта дамассе, затѣмъ гостиная, тоже шольковая, блѣдно-зеленая и, наконецъ, спальня цвѣта скабіозы; кромѣ того, къ этимъ комнатамъ примыкала еще одна, небольшая, которую графиня торжественно называла „гардеробомъ“, и въ которой также стоялъ изящный зеркальный шкафъ съ нарядными томиками лучшихъ авторовъ: Данте, Парни, Флешье, Коленъ д'Арлевиля и Мильтона.

Въ девятомъ часу вечера, одинъ, безъ сопровожденія слуги, явился, наконецъ, и самъ Рулетъ, въ томъ же скромномъ нарядѣ, который онъ носилъ обыкновенно во время своихъ свиданій съ графиней Сень-Сальби. Она его встрѣтила у порога, благоговѣнно прикоснулася губами къ его колѣнямъ и подняла, насколько могла выше, канделябръ, съ которымъ и проводила его до самаго входа въ его аппартаменты. Тутъ она снова ему низко поклонилась и, дрожащими руками поддерживая канделябръ, проговорила, задыхаясь отъ волненія:

— Вотъ вы, сиръ, и у себя: повелѣвайте, и все будетъ исполнено!

И онъ отвѣтилъ:

— Благодарю. Мнѣ крайне нуженъ отдыхъ. Удалитесь, оставьте меня одного!

Графиня повиновалась, съ трудомъ удерживаясь на ногахъ отъ возбужденія, не чувствуя обжоговъ, которые ей причиняли безпрестанно падающія ей на пальцы капли горячаго воску.

Не успѣла за ней затвориться дверь, какъ Рулетъ поспѣшилъ заняться осмотромъ своего новаго жилища. Мѣрнымъ шагомъ принялся онъ обходить всѣ комнаты, одну за другой, и съ удовольствіемъ замѣтилъ по угламъ искусно расположенныя группы

тропическихъ растений, острые листья которыхъ торчали, темнѣя въ углубленіяхъ между стѣнъ и оконъ. Но ему пришили больше по вкусу душистыя фіалки, стоявшія на красивомъ консоли въ севрской вазѣ. Съ мебели были сняты чехлы, и она красовалась во всей своей увядшей прелести. На стѣнахъ, увѣшенныхъ портретами Людовика XVI и Маріи-Антуанетты, подставки, а подъ ними большой старомодный комодъ, пузатый, какъ денежный тузъ. Надъ конторкой, украшенной мѣдными полосками, торжественно съюнились портреты графа Сенъ-Сальби въ юности, расфранченнаго по послѣдней модѣ того времени, т.-е. 1818 г. На шеѣ галстухъ, такъ-называемый *фонтанъ* (jet-d'eau), скрутку съ длиннѣйшей таліей, брюки *мамелюкъ* и плащъ *Минна*.

Рулетъ прохаживался туда и сюда, совалъ носъ во всѣ уголки и закоулки, останавливался и щупалъ обивку мебели и занавѣсъ, прикосновеніемъ поги опредѣлялъ приблизительно цѣнность нѣжныхъ, какъ пухъ, ковровъ, пытливымъ окомъ заглядывалъ въ ящики комодовъ, выдвигая ихъ и съ шумомъ захлопывая. Затѣмъ, набравшись важности и самодовольства, тяжело опускался то на хрупкіе лирообразные стулья, то на мягкія, приземистыя кресла, вытянувъ впередъ ноги, сложенные крестъ-на-крестъ, запустивъ руку за жилетъ, словно какая-нибудь значительная особа. Изрѣдка онъ невольно принимался что-то нагѣвывать, и наконецъ, распахнувъ настежъ одно изъ оконъ своей спальни, облокотился на подоконникъ. Уставившись глазами въ темноту, гдѣ передъ нимъ, внизу, разстилался мрачный и замкнутый дворъ, мощенный мелкими плитами, между которыхъ пробивался сырой мохъ, Рулетъ притихъ и... задумался.

Онъ думалъ о томъ, что добрался наконецъ до тихой пристани, уготованной ему вѣщей судьбою за всѣ его добродѣтели, что теперь ему предстоитъ покойная старость въ почетъ и довольствѣ. Ему одинаково привлекательны казались въ этой обстановкѣ и жизнь, и смерть...

Долго, долго предавался онъ своимъ мечтамъ и, только чувству на себѣ ночную прохладу, захлопнулъ окно и бросился на кровать. Потягиваясь въ бѣлоснѣжной постели, прижимая своимъ грузнымъ тѣломъ упругій тюфякъ и пуховыя подушки, онъ съ наслажденіемъ закидывалъ на нихъ голову и расправлялъ свои руки и ноги, въ то время, какъ въ глубинѣ драпировокъ алькова большое распятіе, раскинувъ свои исхудалыя руки изъ слоновой кости, грустно и кротко смотрѣло на него.

Отдыхъ, наслажденіе, благотворной струей разлились по жиламъ мнимаго короля, и полное глубокое успокоеніе овладѣло

имъ, пробуждая въ немъ убѣжденіе, что этотъ переворотъ въ его жизни дарованъ ему свыше.

— Да, я попалъ на настоящую стезю, — стезю почтенныхъ и добродѣтельныхъ людей...

Такъ думалъ онъ, и въ порывѣ признательности и великодушія (правда, порывѣ довольно необдуманномъ) далъ Богу торжественное обѣщаніе впредь щедро дѣлиться съ бѣдными своимъ избыткомъ, пока у графини будетъ этотъ избытокъ.

VIII.

Въ теченіе всего марта мѣсяца Рулетъ прожилъ у г-жи Сень-Сальби, которая всѣми силами старалась соблюдать всѣ малѣйшія правила придворнаго этикета. Она сама служила у стола, стоя за его стуломъ и не спуская внимательныхъ взоровъ съ его хлѣба, тарелки и солонки, ну, словомъ, со всего, что могло ему понадобиться за обѣдомъ. Какъ ни упрашивалъ ее Рулетъ раздѣлить съ нимъ его обѣдъ, кушать за однимъ столомъ съ нимъ, — она ничего и слышать не хотѣла. Она сама накрывала на столъ съ помощью вѣрной Бригитты, которая такъ серьезно относилась къ этой высокой обязанности, что, глядя на нее, никому и въ голову бы не пришло заподозрить, что она знаетъ, кому она служить и кто обманываетъ ее госпожу.

За завтракомъ Рулетъ съ удовольствіемъ проглатывалъ съ дюжину устрицъ, запивая ихъ померанцевой, а на пирожное Бригитта — замѣчательная искусница на всякія булочки и сласти — подавала ему что-нибудь сладкое, до чего онъ былъ большой охотникъ.

Что за мирные, уютные, сытые, незабвенные дни протекали подъ гостепріимнымъ кровомъ графини! Рулетъ почти не разлучался съ нею, за рѣдкими, впрочемъ, исключеніями, когда онъ уходилъ къ себѣ *размышлять*, какъ онъ говорилъ. Особенно лежала у него на сердцѣ забота о его милой Франціи.

— Не знаю, достигну ли я когда-нибудь цѣли, — говаривалъ Рулетъ: — но если мнѣ судьба достигнуть ея, не удивляйтесь, графиня, тому, что вамъ придется видѣть, а мнѣ — приводить въ исполненіе!

И они принимались обсуждать, къ какому реформамъ слѣдовало бы тогда приступить, какія злоупотребленія стереть съ лица земли.

— Сирь! — восклицала графиня лихорадочно и вдохновенно.

— Поменьше налогов! Будьте добры и милостивы къ вашему народу, но не такъ слабы, какъ вашъ покойный отецъ: обратите во благо бывшя заблужденія и недочеты. Въѣка идуть впередъ, мы вступаемъ въ тотъ многозначительный періодъ, когда все должно носить на себѣ отпечатокъ современности и либерализма...

Онъ поощрялъ ее движеніемъ руки и головы:

— Въ васъ говоритъ доблестная дочь Франціи!

И ободренная, она уже продолжала смѣлѣе.

Въ ея больномъ воображеніи уже возникали картины блестящей свиты, массы войскъ и знаменъ, большихъ совѣщательныхъ засѣданій, за которыми „онъ“ движеніемъ перста на картѣ или на бумагѣ рѣшаетъ участь всей Франціи...

— Увы!—восклицалъ онъ, когда она умолкала.—Намъ еще надо сперва порвать сѣти обмановъ и интригъ, которыми мы окружены! До насъ, напримѣръ, дошли слухи, что нѣкій Наундорфъ... какой-то жалкій часовщикъ...

Графиня спѣшила его ободрить:

— Ну, стоитъ ли объ этомъ думать? Бросьте, сирь, и вспоминать о такихъ бездѣльникахъ и негодяхъ... Памятуйте лишь о Богѣ!

Но, совершенно подавленный грустью, Рулетъ продолжалъ:

— У меня столько враговъ!..

— У васъ, сирь? Да кто же можетъ вамъ желать зла?!

— Злоумышленники, графиня!

Тутъ ея гнѣву уже не было предѣловъ. Она вскакивала, какъ раненная львица, и громко вырывалось у нея:

— Клянусь Бастиліей!! Ну, что-жь? Пусть ихъ попробуютъ, каналы, негодяи!—и страшной, смѣлой угрозой звучали ея слова, напоминая извѣстный возгласъ короля Клодвига:

— „О, зачѣмъ тамъ не было меня, во главѣ моихъ вѣрныхъ франковъ?!“

Когда Рулетъ уходилъ въ свои апартаменты, за нимъ запиралась дверь, но не прежде чѣмъ графиня осыпала его заботливыми, нѣжными предостереженіями:

— Сирь! Берегите себя, не утомляйтесь!

Она уходила, и Рулетъ, швырнувъ съ ноги свои щегольскіе башмаки, принимался вертѣться по комнатѣ въ однихъ брюкахъ, безъ сюртука и безъ жилета, которые его стѣсняли. Затѣмъ, однимъ прыжкомъ очутившись въ постели подъ богатымъ балдахиномъ, переворачивался на бокъ, и вскорѣ въ тихой комнатѣ раздавалось его усердное храпѣнье...

Съ теченіемъ времени, благоговѣніе графини передъ Рулетомъ шло все разрастаясь. Нерѣдко ее можно было видѣть притаившуюся у дверей, старавшуюся чрезъ замочную скважину разглядѣть, что дѣлаетъ ея обожаемый король и повелитель. Она не спускала съ него своего страстнаго взора, и жадно ловила каждое слово, падавшее съ его царственныхъ устъ. Мольбами и настойчивостью добилаcь она, наконецъ, того, чтобы онъ оставлялъ въ ея гостиной какую-нибудь вещь или предметъ изъ его одежды (напримѣръ, перчатки или треуголку), и такимъ образомъ, даже въ его отсутствіе питала отрадное заблужденіе, что онъ здѣсь, около нея.

Однажды вечеромъ, когда таинственная полутьма окутала неосвѣщенные части гостиной, когда въ каминѣ догорали красноватымъ огнемъ тлѣющія головешки, графиня и Рулетъ играли въ свою любимую игру „trou-madame“, и, невольно подчиняясь вліянію вечерней тишины, говорили вполголоса.

Графиня держала на когѣняхъ левантиновъ мѣшочекъ, подходящій по своей формѣ и величинѣ къ шару слоновой кости, который матерія охватывала кругомъ и въ который надо было ловкимъ движеніемъ руки вогнать одну изъ *оливокъ* чернаго дерева, которыя постукивали въ мѣшочекъ. Серьезно и съ невозмутимою важноcтью на лицѣ, графиня старалась направить одну изъ оливокъ въ невидимое отверстіе такъ, чтобы она проскочила внутрь шара изъ слоновой кости.

Вдругъ послышался легкій звукъ: „щелкъ!“ Оливка попала въ шарикъ, въ такъ называемый *домъ*.

— „Троу!“—весело объявилъ Рулетъ, и на лицѣ его мелькнуло выраженіе удовольствія.

Тогда г-жа Сень-Сальби приподняла крышечку шара и вынула оттуда оливку, просверленную насквозь: въ ея отверстіи лежалъ свернутый въ узенькую трубочку билетикъ— „сюрпризъ“.

— А полюбопытствуемъ, что тамъ сокрыто?—спрашивалъ Рулетъ, и графиня, вытянувъ билетикъ остренькимъ вѣрочечкомъ, развернула его.

— 27. „Дама въ маскѣ“,—прочитала она изреченіе:

„Въ ея чертахъ онъ отразился, богъ Цитерры..“

(Это была заглавная строка нѣкогда знаменитой пѣсни.)

Рулетъ удостоилъ улыбнуться.

— Чортъ побери! Какой миленькій привѣтъ! Графиня! Вы насъ обыграли, разбили насъ, какъ англичанъ при Фонтенуа!—и въ видѣ шутки притворился, что ему досадно.

Графиня Сень-Сальби смутилась и уронила мѣшочекъ оли-

вожъ: онъ упалъ на коверъ, и Рулетъ торопливо нагнулся, чтобы его поднять. Нагнулась такъ же быстро и графиня. Нечаянно ихъ руки встрѣтились, и они двѣ-три секунды замерли отъ неожиданности и неяснаго, но сладостнаго чувства... Наконецъ, графиня порывисто ухватила за руку Рулета и страстнымъ поцѣлуемъ, упиваясь неизъяснимымъ блаженствомъ, прильнула къ его рукѣ. Сначала привыкшій къ ея обожанью, Рулетъ принялъ этотъ нѣжный поцѣлуй за обычное проявленіе ея чувства; но затѣмъ, когда въ немъ явилась какая-то особая продолжительность и страстность, Рулетъ озарила мысль, что, можетъ быть, графиня—это тщедушное, отжившее созданіе—любить его горячо и боязливо. Воображеніе его услужливо нарисовало ему картину продолжительнаго обезпеченнаго благосостоянія, а надъ нею полныя значенія слова: *морганатическій бракъ*. Глаза его сверкнули смѣлымъ и лукавымъ огонькомъ, а рука нѣжно и многозначительно прижалась къ губамъ графини, въ знакъ безмолвнаго ответнаго признанья.

Бѣдная женщина обомлѣла и затряслась всѣмъ тѣломъ. Лицо ея стало еще блѣднѣе, и она чуть слышно пролепетала:

— О, Боже мой, Господи! Дай мнѣ умереть!

Затѣмъ, чтобы скрыть свое смущеніе, закрыла глаза платкомъ и, шатаясь, ушла въ дальній уголъ комнаты, гдѣ и сѣла молча на табуретку.

Такъ прошло нѣсколько тягостныхъ минутъ.

Однако Рулетъ, сознавая необходимость прервать это неловкое молчаніе, рѣшился превозмочь себя во что бы то ни стало.

— Ахъ, какъ мила ваша игра! Отъ кого она вамъ досталась?—спросилъ онъ, побрякивая мѣшочкомъ съ оливками.

Бѣдняжка отвѣчала ему замирающимъ голосомъ, черезъ силу:

— Отъ внучатаго дяди моего, маркиза де-Бонвалеза... онъ былъ... оберъ-штабмейстеромъ... ея королевскаго высочества... супруги дофина...

Вечеръ прошелъ скучно, молчаливо; а расходясь по своимъ апартаментамъ,—обыкновенно оживленные и довольные собою,—собесѣдники на этотъ разъ простились почти непріязненно, холодно пожелавъ другъ другу *доброй ночи*.

Съ того самаго вечера въ отношеніяхъ Рулета и графини стала проглядывать какая-то натянутость, неловкость. Они мало говорили, избѣгали прямо смотрѣть въ глаза другъ другу и сидѣли не иначе, какъ на почтительномъ отдаленіи. Прислуживая Рулету, бѣдная женщина безпрестанно смущалась, и то краснѣла, то блѣднѣла, не смѣя поднять на него глаза. А онъ самъ

вскорѣ оправился отъ неловкаго чувства, овладѣвшаго имъ на нѣсколько дней, и сталъ по прежнему самонадѣянъ. Мало-помалу, они стали садиться все ближе и ближе, разговоры завязывались все длиннѣе; словомъ, все, повидимому, пошло по старому. Но графиня была уже не та; ей не хватало прежней беззабѣтности, прежняго радостнаго возбужденія. Голосъ ея дрожалъ какъ у старухи; она часто начинала говорить длинно-длинно, и вдругъ ея рѣчь обрывалась на полусловѣ; поцѣлуевъ не было и помину: она не прикасалась къ рукамъ Рулета, и ея привѣтствія ограничивались лишь глубокимъ присѣданьемъ, когда она здоровалась съ нимъ или прощалась.

Между тѣмъ, чѣмъ больше думалъ Рулетъ о странныхъ и неожиданныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ за послѣднее время въ его безотрадной, кочевой жизни, тѣмъ больше онъ убѣждался, что его звѣзда къ нему благосклонна, и онъ твердо вѣрилъ въ дальнѣйшіе свои успѣхи. Съ той самой минуты, когда начались его удачи, счастье не измѣняло ему ни на шагъ. Единственно, кого онъ могъ бы опасаться, такъ это доктора; но графиня повѣрила, что Лешармъ уѣхалъ далеко, на родину, и вовсе отказался отъ практики, а Бригитта строго хранила тайну, которая забавляла ее, какъ комедія въ лицахъ, въ которой она принимала дѣятельное и даже матеріально-выгодное участіе. Словомъ, ему оставалось только спокойно выждать удобную минуту, чтобы со всѣми предосторожностями сдѣлать графинѣ Сентъ-Сальби милостивое предложеніе своей руки и сердца.

Май мѣсяцъ уже вступилъ въ свои права, озаривъ солнцемъ и окрасивъ голубой лазурью вѣшній небосводъ, когда въ одно прекрасное утро въ дверь къ Рулету кто-то постучался. По счастью онъ ужъ былъ одѣтъ и потому отвѣчалъ:

— Войдите!

Это была графиня—полуодѣтая, полупричесанная и безгранично взволнованная. Она ворвалась въ комнату, какъ вихрь, совершенно забывъ, что на рукахъ у нея нѣтъ митѣнокъ, что старенькія туфли валяются съ ногъ, а волосы распущены и напудрены лишь наполовину. Лицо ея безъ словъ выдавало необузданную радость, да она и не въ состояніи была бы говорить: губы ея дрожали, а правой рукой она протягивала Рулету какую-то бумагу.

IX.

Озадаченный, мучимый любопытствомъ, Рулетъ взялъ у графини интересную бумагу, едва успѣвъ изъ вѣжливости пробормотать:

— Графиня! Что съ вами? И въ такомъ видѣ...

Только тогда вернулся къ ней даръ слова и сбивчиво, безпрестанно прерываясь, полилась ея взволнованная рѣчь.

— Сирь!.. Сейчасъ я получила... это извѣстіе... Мой дальній родственникъ... я и думать о немъ забыла... вотъ уже тридцать лѣтъ!.. Онъ умеръ и завѣщалъ мнѣ... все свое состояніе... свой замокъ въ Ланжѣ... всего миллионѣвъ на пять. Тутъ я подумала (и она стремительно упала на колѣни): „Все это для нею и для святаго дѣла“... И я скорѣе поспѣшила... сюда, повергнуть все къ ея стопамъ, сказать... просить: примите!.. Все это ваше!

Задыхаясь, не сводя съ него тревожнаго взгляда, графиня ожидала приговора. Но Рулетъ молчалъ, самъ съ трудомъ преодолевая свое волненіе, и, со слезами на глазахъ, поднималъ ее, медленно, съ холодной благосклонностью прижимая слабую, тщедушную женщину къ своему сердцу, сильному и здоровому сердцу, уже трепещущему отъ восторга при мысли о грядущихъ миллионѣхъ.

Растерянная, блѣдная, какъ смерть, графиня не сводила глазъ съ лица своего возлюбленнаго короля. Она только и сознавала, что теплое его дыханіе ласкаетъ ея щеки, и его сильныя, мускулистыя руки обнимаютъ ее, въ то время, какъ его мягкій и звучный голосъ обольстительно звучитъ надъ нею:

— Ну, что жъ, графиня, пожалуй, я готовъ принять вашъ даръ, но только съ уговоромъ: чтобы вы сами благоволили раздѣлить его со мною... который любить васъ давно!.. о, такъ почтительно, такъ нѣжно!.. Онъ проситъ васъ въ этотъ торжественный и сладкій мигъ быть его вѣрнымъ другомъ и его супругой, его королевой предъ лицомъ небеснаго Творца!..

Въ то время какъ онъ произносилъ послѣднія слова, ему показалось, что силы оставляютъ графиню, что она падаетъ въ обморокъ, и онъ содрогнулся отъ ужаса, думая, что радость убила ее. Но она скоро очнулась и, вздохнувъ глубокимъ, отраднымъ вздохомъ, открыла глаза. Двѣ крупныя слезинки тихо повалились по ея увядшимъ щекамъ.

— О, сирь!—молила она:—Не шутите со мною: эта безумная мечта...

— Совсе не мечта! — поспѣшилъ онъ завѣрить.

Нагнувшись къ ней, онъ слегка коснулся губами ея блѣднаго, холоднаго лба, и на устахъ графини появилась блаженная, безумная улыбка, не имѣвшая въ себѣ ничего земного.

Рулетъ положительно плохо спалъ по ночамъ.

Наяву его не оставляла мысль, какъ быстро и успѣшно шли его дѣла и какъ легко можетъ рухнуть высоко возведенное имъ зданіе его благосостоянія: онъ боялся, что Лешармъ напуститъ на него полицейскихъ, которые и помѣшаютъ всѣмъ его желаньямъ. При мысли о возможности такой неудачи, такого удара, его трясла лихорадка, и онъ, весь холодѣя, въ холодномъ поту, кутался въ мягкія одѣяла и пуховики. Сонъ рѣшительно не давался ему. Въ ушахъ звенѣло; за дверью слышались чьи-то шаги, осторожно заглушенные ковромъ; раздавался стукъ въ дверь и краткія, но грозныя слова: „именемъ закона“!..

Вотъ его грубо хватаютъ за шиворотъ... тащатъ на судъ... обвиняютъ въ самозванствѣ и мошенничествѣ... приговариваютъ къ одиночному заключенію и запираютъ въ узкую, сырую, холодную камеру...

Свѣтаетъ. На душѣ становится спокойнѣе, яснѣе... И Рулетъ уже самъ смѣется надъ своими снами, которые, собственно говоря, даже не сны, а лишь ужасная игра воображенія.

— Какъ? — думаетъ онъ: — меня арестовать... меня?! Да кто жъ это посмѣетъ? Какъ бы не такъ!..

И онъ чуть не до ушей подергивалъ своими широкими плечами.

Но все-таки слѣдовало заблаговременно подумать и о томъ, чтобы впредь избѣжать подобныхъ страховъ; слѣдовало, во что бы то ни стало, ускорить окончательную развязку задуманнаго дѣла. Самымъ лучшимъ для этого способомъ представлялся отъѣздъ въ замокъ Ланжѣ, отдаленный отъ города, отъ городскихъ дрязгъ и суеты. Тамъ, на покоѣ, ожидаетъ его обеспеченная старость; тамъ не страшны болѣзни: графиня будетъ счастлива замѣнить ему самую усердную и любящую сидѣлку; тамъ въ роскоши и въ полномъ довольствѣ протекутъ до самой смерти его беззаботные дни, днемъ — въ забавахъ съ образцовой сворой, въ катаньѣ на чудныхъ рысакѣхъ или въ прогулкахъ по раскидистому парку; ночью — въ мирныхъ и отрадныхъ снахъ... Тогда всѣ прихоти ему будутъ доступны. У него будетъ карета съ четырьмя фонарями, богатая свора и конюшни. Онъ самъ не будетъ даже умываться и не наклонится поднять платка, если его уронить: на то вѣдь

и звонки, чтобы позвать лакея. А вечеромъ, когда его уложить спать, какъ сладко будетъ нѣжиться въ тонкомъ бѣлѣ и высокихъ пуховикахъ! Все будетъ тогда въ его власти... все! Все — даже денежный сундукъ супруги...

Однажды вечеромъ, когда все въ домѣ стихло, онъ откровенно высказалъ графинѣ всѣ свои соображенія.

— Скажу вамъ по секрету, — таинственно понижая голосъ, началъ онъ: — до меня дошли слухи, что... Словомъ, было бы весьма кстати удалиться мнѣ отсюда мѣсяца на два, на три. Снова идетъ непріятное для меня броженье... затѣваются новыя возни. Быть можетъ, близко время, когда король французскій будетъ не въ безопасности въ кругу своихъ дѣтей!..

Такъ говорилъ Рулетъ, и лицо его омрачилось горькой, безнадёжной усмѣшкой.

Сосредоточенно и вѣжно прислушивалась графиня къ его словамъ.

— Поэтому я и предполагалъ бы найти пока убѣжище у васъ...

Графиня хотѣла возразить... и онъ тотчасъ же поправился.

— Ну, хорошо: у насъ, въ нашемъ замкѣ Ланжé. Тамъ, отдавая свои послѣднія силы наукѣ и отдыху, я выжду, пока не наступятъ для меня лучшіе дни. Тамъ принесу я передъ алтаремъ свои обѣты и предамся своему супружескому счастью, лучшему украшенію моей старости, моему утѣшенію въ невзгодахъ!..

Краска залила лицо бѣдной смущенной женщины.

— Мы можемъ выѣхать, когда вамъ будетъ угодно! — пролепетала она.

— Ну и прекрасно, — тотчасъ же порѣшилъ онъ: — приготовьтесь къ отъѣзду... ну, хоть на будущей недѣлѣ. По моему расчету, намъ будетъ довольно трехъ дней на проѣздъ: сутки — отъ Парижа до Орлеана и еще сутки — отъ Орлеана до Тура, и наконецъ, я кладу одинъ день на непредвидѣнные приключенія и задержки... А до тѣхъ поръ прошу васъ ни о чемъ не волноваться: я все устрою самъ, добровольно слагая съ себя на это время свой высокій санъ, чтобы избѣжать посторонняго вмѣшательства въ наши дѣла.

И въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующее же утро онъ куда-то исчезъ и вернулся лишь поздно вечеромъ.

— Уфъ! — громко вдохнулъ онъ, бросаясь въ кресло. — Я какъ избитый!..

И послѣ долгаго молчанья продолжалъ:

— Все ужъ устроено, мой дорогой другъ: можете быть спо-

войны. Въ понедѣльникъ, въ четыре часа по-полудни, наша карета заѣдетъ за вами. Лошади подобраны такъ: двѣ въ яблокахъ, а двѣ воронныя, словомъ, красиво, какъ на шахматной доскѣ. Все ужъ уложено, готово, и намъ остается только пуститься въ путь!

Въ величайшемъ смущеніи графиня всплеснула руками:

— О, право же... право, сиръ... Какъ? Вы не погнушались сами заниматься такимъ дѣломъ...

— Велика важность, — добродушно и весело воскликнул онъ: — что меня такъ и называли просто *сударь*! Они и не по-дозрѣвали... О, это было такъ забавно!..

— Но какъ же вы себя называли? — продолжала графиня.

— Графомъ де-Спадъ: это имя, которое я ношу, когда путешествую инкогнито. Гербъ, который я имъ заказалъ на дверцы кареты, изображаетъ продолговатый червонецъ; по бокамъ его два леопарда, а надъ гербомъ — графская корона.

Почти вся недѣля прошла въ приготовленіяхъ къ отъѣду. Рѣшено было не набирать себѣ прислуги изъ числа парижской. Вѣрная Бригитта должна была послѣдовать за господами дня два спустя послѣ ихъ отъѣзда, а остальныхъ, конюховъ и лакеевъ, можно нанять уже на мѣстѣ.

— Къ намъ охотно пойдутъ поселяне, — замѣтилъ Рулетъ.

— Вы, сиръ, совершенно правы, — воскликнула г-жа Сент-Сальби: — эти добрые люди могутъ къ вамъ привязаться... а какъ знать, быть можетъ, изъ лакеевъ они обратятся въ полезныхъ и преданныхъ вамъ дѣтелей?

И Рулетъ, движеніемъ руки какъ бы указывая на будущее, торжественно-вдумчивымъ голосомъ проговорилъ:

— Быть можетъ!..

А въ понедѣльникъ, въ четыре часа дня, тихая улица Вареннъ наполнилась грохотомъ колесъ и звономъ бубенчиковъ, и въ ту же минуту мирные обитатели ея всполошились, бросились на крылечки и къ окнамъ, чтобы посмотреть, что случилось.

Графская карета, обитая внутри шёлкомъ бутылочнаго цвѣта съ бѣлыми жилками, прямо подкатила къ крыльцу графини, и два жокея лихо осадили лошадей, сверкавшихъ сбруей съ бубенчиками. Передній лакей соскочилъ съ лошади и стоялъ, держа лошадей подъ уздцы, а бубенчики только тихо побрякивали, когда горячія, сильныя лошади потряхивали головою. Кузовъ кареты, повисшій высоко надъ колесами, мѣрно колыбался на здоровыхъ ремняхъ и поражалъ своей изящной простотою.

На порогъ показался самъ графъ, стройный, задрапированный въ плащъ синеватаго цвѣта; рядомъ съ нимъ—графиня, въ темномъ шолововомъ платьѣ, бархатной шляпѣ и сиреновой вуалетѣ, въ платкахъ и шарфахъ, охранявшихъ ея станъ отъ простуды.

Почтальоны выпрямились и сняли шапки.

— Накройтесь!—повелительно сказалъ графъ.—Ваше имя?

— Пигашъ,—отвѣтилъ тотъ, который былъ постарше.

— Фирманъ,—проговорилъ молодой.

— Что ваши лошади—хорошо бѣгутъ?

— Добрые кони!—въ одинъ голосъ отвѣтили они, чуя, что имъ перепадетъ на водку, и не сморгнувъ, продолжали стоять на вытяжѣ, пока графъ обошелъ экипажъ и лошадей, все тщательно оглядывая и ощупывая, дѣлая замѣчанія почтальонамъ:

— Гм!.. недурно!—объявилъ онъ наконецъ:—только какой это олухъ завязывалъ хвостъ лѣвой пристяжки?—и движеніемъ руки онъ указалъ на неправильность въ узлѣ, который тотчасъ же успѣшили поправить.

Затѣмъ, повинуясь безмолвному приказанію графа, почтальонъ откинулъ подножку кареты и открылъ дверцы. Графъ тихо коснулся плеча графини, которая давала свои послѣднія наставленія Бригиттѣ, и оба подошли къ экипажу. Графъ почтительно придерживалъ ее за руку и осторожно посадилъ графиню, а затѣмъ и самъ вскочилъ вслѣдъ за нею, крикнувъ почтальонамъ:

— Пошелъ!..

Усиленное шелканье бичей, порывистый перезвонъ бубенчиковъ, топотъ копытъ и грохотъ колесъ по каменной мостовой...

И экипажъ мѣрно заколыхался; топотъ и грохотъ сдѣлались ровнѣе, бубенчики пріятно позванивали. Четверть часа уже катилась карета такимъ образомъ, а графъ и его спутница все еще молчали, погруженные въ свои думы.

Уже вечерѣло. Мимо мелькали сады, въ просвѣтахъ которыхъ бѣлѣли скамейки и статуи; тихо плыли мимо старинные, величавые дома, въ окнахъ которыхъ горѣли лучи румянаго заката...

Рулетъ, казалось, ничего не видѣлъ, ни на что не смотрѣлъ, погруженный въ глубокую и, повидимому, невеселую думу. Г-жа Сень-Сальби молча, страдая за него душою, поглядывала на него и не рѣшалась нарушить его молчаніе.

Но вотъ графъ провелъ рукой по лицу, будто смахнувъ докучныя, тяжелыя видѣнья, посмотрѣлъ въ окно на пѣшеходовъ, на дома, на тротуары... и улыбнулся.

Конечно, графиня не преминула спросить его, что значить эта блѣдная улыбка.

— Мнѣ пришло въ голову,—проговорилъ онъ:—какъ мало шуму производить мой отъѣздъ!

— Клянусь Бастиліей!—величаво возразила она:—когда вы вернетесь сюда королемъ, та же чернь будетъ громко ликовать и забросаетъ васъ шалками и цвѣтами!

— Да, да: такова ужъ человѣческая природа,—согласился онъ. — Тѣмъ не менѣе, графиня, этотъ внезапный отъѣздъ, эта почтовая четверка, которая быстро уноситъ меня вдаль... все это будто говорить мнѣ, что никогда ужъ больше не видать мнѣ Лувра и Парижа, и... все это такъ похоже на изгнанье!..

Не успѣвъ онъ договорить, какъ графиня всѣмъ тѣломъ покачнувшись впередъ и обѣими руками оттолкнула его вглубь кареты, едва переводя духъ и лепеча:

— Спрячьтесь, сирь! Спрячьтесь!..

Инстинктивно Рулетъ повиновался, стараясь какъ можно глубже уйти въ упругія подушки, а графиня молча перчаткой протерла крошечное окошечко въ спинкѣ кареты и знакомъ пригласила его заглянуть. Такъ же молча, какъ и она, Рулетъ придвинулся къ стеклу и, въ нѣсколькихъ метрахъ отъ своей немилосердно пылившей кареты, увидѣвъ посреди дороги доктора Лешарма,—но Лешарма посѣдѣвшаго, постарѣвшаго, словно удрученнаго тайнымъ недугомъ.

Съ пѣной у рта почтенный докторъ что-то кричалъ и махалъ руками, злобно угрожая своей неразлучной палкой быстро удалявшемуся экипажу, который чуть не сбилъ его съ ногъ.

X.

На правомъ берегу Луары, высѣченный въ скалѣ, возвышался суровый и высокій замокъ, еще въ концѣ X-го столѣтія возведенный Фулькомъ Нера,—т.-е. Чернымъ Соколомъ,—который сражался въ Палестинѣ за неприкосновенность Гроба Господня. Этотъ доблестный рыцарь былъ нѣкоторое время королемъ іерусалимскимъ и кончилъ жизнь на охотѣ. Въ XIII-мъ столѣтіи гордый замокъ былъ укрѣпленъ и перестроенъ своимъ владѣльцемъ, Пьеромъ де-ла-Броссъ,—тѣмъ самымъ, который попалъ въ министры къ Филиппу Смѣлому, но затѣмъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ въ Венсеннѣ въ 1278-мъ году. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ столѣтій замокъ, попеременно, то попадалъ во власть англичанъ,

то снова возвращался къ французамъ. Его значеніе возвысилъ бракъ Карла VIII съ Анной Бретанской, который былъ совершенъ въ его стѣнахъ, въ присутствіи герцоговъ орлеанскаго и бургундскаго, принца оранскаго, графовъ: ангулемскаго, де-Фуа и вандомскаго; затѣмъ, онъ постепенно переходилъ изъ рукъ въ руки, къ дю-Беллѣамъ, Эффіатамъ и Люйнамъ, а въ 1810 г. его, наконецъ, купилъ нѣкій оригиналъ и мизантропъ, по фамилии Бутъ-Ренаръ. Тридцать-пять лѣтъ прожилъ въ немъ старый холостякъ и, наконецъ, скончался, оставивъ все свое движимое и недвижимое имущество своей дальней родственницѣ, графинѣ Севъ-Сальби, которую и видѣлъ-то въ глаза всего одинъ разъ, во времена ея юности.

Такова, вкратцѣ, исторія гордаго, могучаго замка, который высился величаво на берегу Луары, въ двухъ часахъ ѣзды отъ города Тура, и въ которомъ Рулетъ мечталъ покончить, въ покоѣ и довольствіи, свою бурную и неприглядную жизнь.

Высоко, горделиво стояли надъ равниной рыцарскія башни съ зубцами и бойницами и, какъ вѣрный, неустрашимый страусъ, охраняли спокойствіе небольшого городка, въ которомъ врядъ ли набралось бы и полторы тысячи жителей. Издали, за нѣскольکو верстъ въ окружности видѣлись, словно тополи, высѣченные изъ камня, стройныя вершины замка, который и внутри вполне соответствовалъ своему суровому наружному виду. Снаружи онъ казался особенно внушительнымъ, благодаря своимъ рвамъ и укрѣпленіямъ, которые соединялись съ внутренней жилдой частью замка подъемнымъ мостомъ, подымавшимся и опускавшимся, какъ и во времена крестовыхъ походовъ, по всѣмъ правиламъ искусства. Толстыя стѣны замка (футовъ семь-восемь въ толщину) обнимали собою большіе, но довольно мрачнаго вида покои, которые шли въ нѣсколько этажей и все въ одномъ и томъ же, прямолинейномъ порядкѣ.

Добрыхъ два мѣсяца понадобилось графу де-Спадъ, чтобы окончательно переустроить всю внутренность замка, сообразно со своимъ вкусомъ и желаніемъ; и это былъ еще весьма непродолжительный срокъ сравнительно съ той массой мебели, картинъ и украшеній, которая подвозилась цѣлыми возами и должна была преобразить мрачное рыцарское убранство замка въ беззаботно-веселый стиль „рококо“ начала XVIII-го столѣтія. Ежедневно, съ утра и до вечера, онъ занимался наблюденіемъ за обойщиками и живописцами, которые должны были на угрюмыхъ, рѣзныхъ стѣнахъ съ выступающими поперечниками и вертикальными столбами изобразить пухленькихъ, шаловливыхъ купидоновъ, пор-

хающихъ надъ изящными и пестро-разукрашенными подставками и стѣнниками, между свѣтлыми полковыми складками занавѣсей и портьеръ, на которыхъ рѣзвились или томно отдыхали расфранченные пастухи и пастушья, въ миломъ обществѣ бѣлыхъ барашковъ и цвѣтовъ. Единственно, что уцѣлѣло отъ сокрушительнаго настроенія мнимаго графа де-Спадъ, такъ это большія фигуры рыцарей въ панцыряхъ и забралахъ, которые неподвижно стояли, величаво вытянувшись во весь ростъ, въ четырехъ углахъ главнаго, параднаго вестибюля. Ихъ желѣзной брони онъ не посмѣлъ коснуться, но зато рука его широко разгулялась на всемъ остальномъ, и онъ далъ полную волю своей склонности къ необузданной расточительности, разгорѣвшейся въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ заниматься своей особой.

Можно себѣ представить, до чего удивились неожиданному появленію графской кареты съ бубенчиками мирные обитатели замка и его ближайшихъ окрестностей! Вѣсть, что графъ и графиня де-Спадъ пріѣхали въ замокъ, чтобы поселиться на житье, быстро всѣхъ облетѣла и тѣмъ болѣе заинтересовала, что въ теченіе цѣлой недѣли въ замокъ все будто вымерло: господа нигде не показывались и къ нимъ не являлся никто. Но со второй недѣли черезъ подъемный мостъ потянулись возы, нагруженные самыми разнообразными и дорогими предметами, тщательно сокрытыми отъ взора любопытныхъ. Тѣмъ не менѣе, по городку ходили наиподробнѣйшія описанія всѣхъ этихъ сокровищъ: мебели, посуды, картинъ и т. п., а также и самыя оживленныя сплетни насчетъ того, кто такіе новые господа, откуда они взялись, какъ живутъ и чѣмъ занимаются.

По совѣту и указаніямъ мѣстнаго патера, аббата Нарбонна, въ качествѣ лакеевъ и конюховъ были приглашены, изъ числа деревенской молодежи, человекъ двадцать рослыхъ парней, которыхъ и разодѣли въ ливрею бутылочнаго цвѣта съ бѣлыми кантами, потому что инкогнито графа не дозволяло ему надѣть на нихъ королевскую, голубую. Старожилъ замка, привратникъ, прослужившій пятнадцать лѣтъ у покойнаго Бутъ-Ренара, былъ оставленъ при своей должности, и по прежнему важно и медленно двигалась по двору его высокая, широкоплечая фигура съ наклоненной сѣдой головою, будто снятой съ Грѣзовской картины. Надо было его видѣть по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда онъ почтительно выступалъ вслѣдъ за графиней, бережно неся ея молитвенникъ въ нарядномъ бархатномъ мѣшочкѣ. Мѣстныя кукушки-болтушки давно прославили его завзятымъ колдуномъ и чародѣемъ: и градъ-то онъ умѣетъ предсказать, и можетъ заго-

ворить бессонницу и кошмаръ!.. И чего-чего онъ только не сдумаетъ сдѣлать!

Изъ женской прислуги г-жа Сентъ-Сальби также окружила себя значительнымъ количествомъ горничныхъ, швей и прачекъ, а у самого графа приближеннымъ былъ нѣкій Розо, возведенный имъ въ высокій санъ „личнаго секретаря“ и поступившій къ нему отъ какого-то прелата.

Уступая неоднократно просьбамъ и уговорамъ графа, скромный аббатъ, наконецъ, согласился сочетать его церковнымъ бракомъ съ графиней Сентъ-Сальби, подъ условіемъ впослѣдствіи скрѣпить этотъ случайный обрядъ официальнымъ. Рулетъ пообщалъ и подписалъ все, что угодно и, въ знакъ своего благоволенія, подарилъ аббату стараго, но еще виднаго коня, въ богатой попонѣ, по бокамъ которой болтались два кошелька съ золотомъ, — „для приходскихъ бѣдняковъ“. Патеръ былъ тронутъ такой щедростью; и въ одно прекрасное утро, въ тихой, уединенной комнатѣ графскаго замка, графиня Сентъ-Сальби сочеталась законнымъ бракомъ съ королемъ-инкогнито — графомъ де-Спадъ. Умиленная до глубины души, плавающая въ неземномъ блаженствѣ, стояла она передъ небольшимъ домашнимъ алтаремъ, и, тихо дрожа, пылала у нея въ рукѣ дорогая, толстая свѣча. Въ смущеньѣ, словно настоящіе молодые и влюбленные, женихъ и невѣста обмѣнялись кольцами и низко склонили головы подъ благословеніе аббата. Во все время, пока совершался священныи обрядъ, молодая проливала умиленные слезы, катившіяся по ея блѣднымъ щекамъ на бархатный коврикъ-подножку...

Вечеромъ того же дня, Рулетъ, не особенно пылавшій страстью къ своей морганатической супругѣ, съ наслажденіемъ отдыхалъ въ глубокомъ, мягкомъ креслѣ отъ тревоженій только-что пережитаго дня и задумчиво вертѣлъ на пальцѣ цѣнный перстень съ миниатюрнымъ портретомъ Маріи-Антуанетты, который подарила ему утромъ графиня. Въ десять часовъ онъ вышелъ изъ своихъ личныхъ апартаментовъ и направился на половину новобрачной.

Съ изысканной любезностью и почтеніемъ онъ нѣжно приложился къ ея маленькой аристократической ручкѣ и проговорилъ съ отечески-милой улыбкой:

— Покойной ночи, сестра моя!..

А затѣмъ, въ сопровожденіи своего секретаря Розо, вернулся въ себѣ въ спальню, съ его помощью (какъ и всегда) раздѣлся и легъ въ постель, подъ роскошный пологъ, затканый серебромъ, освѣнявшій его одинокую постель съ одной единственной подушкой, богато-отдѣланной оборкой изъ настоящихъ кружевъ.

Такая почтительность и скромность со стороны любимого супруга, однако, ничуть не удивила и не обидѣла графиню. Помимо всѣхъ другихъ размышленій, она достаточно могла бы убѣдиться въ своихъ преклонныхъ годахъ при взглядѣ на зеркало, отражавшее ея сѣдые волосы и худое, выцѣввшее лицо.

Нѣтъ, для ея счастья было вполне достаточно одного только сознанія, что она—законная супруга своего обожаемаго властителя, и ей даже въ голову не приходила возможность допустить, чтобы онъ могъ настолько приблизить ее къ своей особѣ, чтобы раздѣлить съ нею свое царственное ложе.

XI.

Войдя во вкусъ сорить деньгами безъ счета и удержу, графъ де-Спадъ предался расточительности и день ото дня усерднѣе старался протереть глаза денежкамъ своей супруги. Наряжался онъ до-нельзя роскошно, обвѣшивалъ свою драгоценную особу дорогими кружевами и золотыми украшениями; карманы его отдувались подъ напоромъ серебряной и золотой монеты; у жилетного кармана болтались цѣнные брелки; руки тонули въ оборкахъ настоящаго „point-d'Angleterre“, и сюртуки обшивались галунами чистаго золота. Графомъ овладѣла лихорадочная, ненасытимая жажда роскоши: одинъ за другимъ лѣзли въ Парижъ заказы извѣстнѣйшимъ сапожникамъ и портнымъ.

Большая, свѣтлая, богато убранная комната въ первомъ этажѣ была отведена подъ его гардеробъ. Тщательно завѣшанныя, бережливо охраняемые отъ солнца и пыли, висѣли въ ней тридцать паръ платья, — изъ которыхъ каждая была въ двойномъ экземплярѣ, дабы Рулетъ могъ, не стѣсняясь, кушать за обѣдомъ. Съ утра Розо получалъ приказанія графа относительно того, что онъ желаетъ надѣть днемъ, а затѣмъ, послѣ того, какъ онъ уже позавтракалъ въ кровати, нѣжась въ своихъ кружевахъ и въ шелку, ему приносили туда еще большой подносъ, весь уставленный шерботами съ мараскиномъ и бланманже, которое замѣняли свѣжимъ черезъ каждые три часа.

Рулетъ сталъ нюхать табакъ и съ удовольствіемъ шумно втягивалъ въ себя ароматныя, крупныя понюшки, любуясь, отъ нечего дѣлать, богатой коллекціей табакерокъ, которыя онъ собиралъ, какъ настоящій знатокъ и любитель. Эти табакерки и табакерочки подраздѣлялись у него на зимнія и лѣтнія; одни были особенно тяжелы, другія—легки. Безпрестанно лаская ихъ своими

толстыми пальцами, Рулетъ увлекался задумчивымъ созерцаніемъ то сабсонскихъ, тяжеленькихъ коробочекъ, то севрскихъ; то черепаховыхъ, — бѣлой и черной черепахи, — легкихъ, какъ перышко; то слоновой кости и перламутровыхъ, большинство которыхъ было украшено оригинальными миниатюрами Клингстеля, Бларамберга или Бодуэна. Лѣстницы, ковры и выемки креселъ и дивановъ — все было посыпано тончайшей пылью ароматнаго испанскаго табаку.

Лѣниво волоча по зеркальному паркету свои толстыя, большія ноги, въ нарядныхъ башмакахъ, на которыхъ красовались громадныя четырехъ-угольныя серебряныя пряжки и видѣвшіеся издали красныя каблуки, графъ бродилъ по длиннымъ анфиладамъ безлюдныхъ, молчаливыхъ покоевъ. Порой онъ останавливался и садился помечтать у каминна, поближе къ большимъ, разукрашеннымъ часамъ, сверкающимъ бронзой и фарфоровой бѣлизною своихъ статуэтокъ — Венеры и Амуровъ, играющихъ въ жмурки.

Порой онъ останавливался передъ зеркаломъ, напыживался, выпрямлялся, вертѣлся взадъ и впередъ, горделиво задирая голову, стараясь напустить на себя какъ можно больше высокомерія, торжественно взмахивалъ руками, наклонялъ милостиво голову и признавался самъ себѣ:

— А вѣдь порядкомъ-таки я пообтесался!..

Вокругъ него, вѣчно-трепетавшія и шаловливыя, толпились всякія Сюжетты и Галатеи; порхали толсторукіе, краснощекіе купидоны, поддерживая тяжелыя гирлянды аляповатыхъ розъ; съ потолка свѣшивались хрустальныя богемскія люстры, переливавшія тысячью огней... Всѣ въ домѣ, начиная съ графини и кончая послѣднимъ конюхомъ, постоянно величали его „высочествомъ“ (а графиня наединѣ — „величествомъ“), и Рулетъ, пресыщенный ихъ поклоненіемъ, по-горло осыпанный роскошью, и въ самомъ дѣлѣ вообразилъ себя королемъ.

Каждый день, въ опредѣленный часъ, онъ выѣзжалъ на прогулку въ своемъ разукрашенномъ и разрисованномъ экипажѣ, парой вороныхъ, которыми правилъ кучеръ въ нарядной ливреѣ. Развалившись, какъ настоящій сибаритъ, которому ужъ давно не новость роскошь и удобства, Рулетъ небрежно, полуоткрытыми глазами смотрѣлъ безцѣльно прямо передъ собою, и ни разу не случилось ему потревожить свою лѣнь, выглянуть въ окошко. Онъ молча и безучастно позѣвывалъ, какъ скучающій Крезъ. По возвращеніи домой, его должна была ожидать обильная закуска или, правильнѣе говоря, — обѣдъ изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ утонченныхъ блюдъ, которыми онъ лакомился безпре-

станно,—не только въ установленное время, но и помимо того, эти кушанья и лакомства должны были находиться тутъ же, на подносѣ, у него подъ рукою, когда бы ему ни вздумалось ихъ отвѣдать, и въ такомъ случаѣ носили, какъ при дворѣ, названія *полдниковъ, закусокъ, прогладительныхъ* и т. п. Рулетъ ублажалъ свой желудокъ самыми прихотливыми яствами и доводилъ свою требовательность до крайнихъ предѣловъ, ни въ чемъ не зная отказа. У него на столѣ чередовались супы „д'Артуа“ съ тюрбо „а-ла Конти“, пюре изъ куропатокъ „по-дворянски“—съ бисевитами, заливными, съ фисташками; праники—съ воздушными пирожками и, наконецъ, съ яичницей изъ яицъ фазановъ, которыя стояли по нѣскольку червонцевъ каждое,—какъ это было при дворѣ маршала де-Субиза, и, какъ у него же, вино было непременно венгерское, вылежавшее не менѣе сорока лѣтъ.

А графиня, тѣмъ временемъ, совершенно подпала власти своего супруга и деспота, который постепенно пересталъ соблюдать по отношенію къ ней даже самыя незначительныя формы приличій, не говоря уже о знакахъ почтенія, котораго не было теперь и помину. Мало того: ему, какъ будто, даже нравилось мучить и обижать жену, и онъ частенько доводилъ ее до слезъ. Но она не возмущалась, не роптала и съ чисто-ангельской добротой и кротостью переносила его нападки, глотая обиду, какъ сладкое, пріятное лекарство; но лицо ея все блѣднѣло и худѣло, виски провалились, и по этимъ наружнымъ признакамъ можно было догадаться, чтѣ за ужасныя муки и тревоги должны были таиться у нея въ душѣ. Очертя голову, графиня бросилась въ другую крайность: она до ханжества предалась богомолью. Не говоря уже объ установленныхъ постахъ и молитвахъ, она вѣчно постилась, вѣчно стояла на молитвѣ, въ тѣ дни и часы, когда не было службы въ церкви. Такое усиленно богомольное чувство не только не смягчало грубостей графа, но напротивъ того—усугубляло ихъ. Кротость и терпѣніе графини раздражали его, и онъ безпрестанно раздражался, въ ея присутствіи, самыми не позволительными и грубыми шутками насчетъ церкви, ея святыхъ и усердныхъ поборниковъ. И чѣмъ горячѣе, чѣмъ необузданнѣе становились его насмѣшки, тѣмъ большее количество вина отправлялъ онъ въ свою утробу. Онъ потрясалъ своимъ изящнымъ парикомъ, кричалъ и горячился, бѣгалъ по комнатамъ, какъ ошаташенный, билъ стекла и, наконецъ, вдоволь набушевавши, заваливался спать... а на утро поднималась заново опять все та же возня.

Графъ бушевалъ и метался, а графиня читала молитвы, въ минуты затишья пробовала отговаривать его отъ безчинства (что ей, конечно, никогда не удавалось) и грозила ему тѣмъ, что бросить все и уйдегъ въ монастырь. Всѣ наряды, всѣ украшенія сложила она въ сундуки, пересыпала ихъ перцемъ, а сама облеклась въ строгія, темныя платья, отчего и казалась своему супругу еще болѣе жалкой и неприглядной.

„Экое чучело, прости Господи!..“ — думалъ онъ, глядя на нее, и еще безпощаднѣе поднималъ ее на смѣхъ, ни на минуту не переставая жевать нугу или шоколадные крокеты, которыми его карманы были всегда биткомъ набиты.

Съ той поры его жажда къ роскоши и швырнью деньгами пошла все возрастая. Первымъ проявленіемъ пагубнаго развитія была страсть графа къ самымъ изящнымъ и моднымъ ночнымъ туалетамъ и пеньюарамъ—затѣаннымъ, шолковымъ и безобразно-наряднымъ; къ розовымъ шолковымъ чулкамъ съ гербомъ Франціи; къ ночнымъ туфелькамъ польскаго фасона, къ брюкамъ огненнаго цвѣта съ серебрянымъ кантомъ; къ перчаткамъ—длиннымъ, короткимъ, темныхъ и свѣтлыхъ цвѣтовъ: коричневыхъ, рыжихъ, лиловыхъ и желтыхъ... Духами онъ такъ и поливалъ все на себѣ и вокругъ себя: отъ бѣлья, платья, мебели, ковровъ и всего, до чего бы онъ ни коснулся, за двадцать шаговъ разило самымъ сильнымъ ароматомъ бергамота, мускуса и краснаго жасмина.

Затѣмъ, на него напала страсть къ картежнымъ и другимъ играмъ. Въ теченіе трехъ недѣль онъ успѣлъ одолѣть всѣ премудрости „трикъ-трака“, „занзибара“, „бириби“ и нѣкоторыхъ другихъ. Но въ одно прекрасное утро ему вдругъ всѣ онѣ опротивѣли и даже его любимѣйшая „trou-madame“ стала ненавистна. Тогда онъ сталъ забавляться своимъ вымышленнымъ гербомъ съ леопардами и съ ожесточеніемъ, въ теченіе цѣлыхъ сорока-восьми часовъ, не переставая жегъ душистый сургучъ, выдавливая на немъ печатью фигуры этихъ благородныхъ животныхъ. Затѣмъ, когда и эта забава прискучила, онъ приказалъ купить вороного коня, который носилъ громкое названіе Рема и отличался прекрасными статьями; но ѣздить на немъ ему не пришлось. Одинъ только единственный разъ рѣшился онъ на такой смѣлый шагъ и больше не возобновлялъ этого опыта, который считалъ (и весьма резонно) себѣ не по лѣтамъ. И эта страсть скоро миновала, а взамѣнъ ея появилось желаніе заняться садоводствомъ. Но увы! Довольно ему было раза два поработать надъ грядками въ саду, надъ уравниеніемъ газона по краямъ дорожки,—и эту блестящую фантазію какъ рукой сняло! Наконецъ, онъ весь отдался измыш-

ленію и украшенію самыхъ разнообразныхъ, разнохарактерныхъ... париковъ. Число ихъ, въ короткое время, возросло до ста-двадцати, и они красовались въ отдѣльной комнатѣ, на деревянныхъ грибообразныхъ подставкахъ: были тутъ и военные, и статскіе, и дворянскіе, и королевскіе и просто-придворные, драгунскіе и кавалерійскіе парики... По нѣскольку разъ въ день Рулетъ за-пирался съ ними наединѣ и, тщательно пересматривая ихъ, наряжался то въ тотъ, то въ другой и, любуясь на себя въ зеркало, вспоминалъ то время, то далекое время, когда онъ и подумать не могъ, что достигнетъ такого блестящаго положенія...

Живо вставало передъ нимъ то время, когда онъ, почти юношей, молодцовато похлопывалъ бичомъ, сидя на высокихъ козлахъ почтовой кареты, и порой переводилъ свой самодовольный взглядъ на высокіе, чуть не до пояса, лакированные сапоги. Онъ,—какъ теперь Пигашъ или Фирменъ,—умѣлъ, бывало, лихо завязать наряднымъ узломъ свой черный шелковый галстухъ, и его длинные концы, развѣваясь по вѣтру, хлопали его по плечу. Сытые кони, застоявшись у крыльца, помахивали головой, били землю копытомъ и гремѣли звонкими, переливчатыми бубенчиками...

— Эй, дѣвушка! Эй, Като!—кричалъ онъ:—Кружку пива!..

И въ то время, какъ она, выбѣжавъ на крыльцо, подносила ему пѣнистую кружку, высоко поднимая руку, онъ разражался веселымъ хохотомъ и безцеремонно обнималъ ее за шею, цѣловалъ и похлопывалъ по плечамъ, приправляя свои ласки порядкомъ-таки нецензурными шуточками, на которыя, однако, во все горло смѣялись окружающіе...

ХІІ.

Сентябрь стоялъ чудесный. Теплые лучи осенняго солнца снова, будто весной, согрѣли землю. Май мѣсяцъ снова слетѣлъ съ лазурнаго неба и вторично расцвѣли розы, зазеленѣлъ, освѣжился густолиственный садъ и съ зари до зари заливались въ немъ голосистые соловьи.

Съ каждымъ днемъ все блѣднѣла, худѣла графиня. Слабенькая, исхудалая, она тихо, опустивъ глаза долу, безъ шума скользила по коридорамъ и по гладкимъ дорожкамъ своего сада. Всегда скромно, даже слишкомъ скромно одѣтая, ея маленькая, сухонькая фигура казалась такой хрупкой и легкой, что дунуть только вѣтеръ,—и отъ нея ничего не останется. Среди возрожденнаго, ликующаго сада, она, темненькая, тщедушная, казалась крохотной, слабой птичкой съ перебитымъ крыломъ.

Но ея любовь къ славному прошлому не забывалась и у нея случались, порой, минуты такихъ восторженныхъ порывовъ и мечтаній, что бѣдная женщина совершенно вѣрила въ ихъ дѣйствительность, видѣла ихъ передъ собою, какъ наяву. Блестящей вереницей проходили передъ ея мысленными очами разодѣтые фрейлины и придворные и, любезно болтая, скрывались попарно подъ зеленымъ сводомъ густолиственныхъ аллей. Порой ей слышались веселые звуки охотничьихъ роговъ, и вслѣдъ затѣмъ вдали, по зеленѣющей лужайкѣ, стремительно неслась королевская охота.

Иной разъ, въ тишинѣ, ей чудились нѣжные звуки менуэта или балетныхъ танцевъ... И тогда рой легкокрылыхъ, пестрыхъ, какъ бабочки, танцовщицъ, вдругъ появлялся передъ нею, подъ сѣнью бесѣдки или на площадкѣ, передъ цвѣтникомъ...

Такія вспышки ея бѣднаго, больного воображенія не проходили ей даромъ. Очнувшись, она не сразу приходила въ себя, и тогда все пасмурнѣе становилось ея осунувшееся лицо, еще ниже опускалась ея сѣдѣющая голова, еще мутнѣе были потухающіе, безучастные глаза.

Неизмѣнными ея спутниками въ прогулкахъ — дома ли, или въ саду — были двѣ большія, откормленные ангорскія кошки. Одна изъ нихъ, въ сѣрой-изсиня шубкѣ, носила прозвище „Дымки“; другая же, попестрѣе, напоминавшая своей шерсткой барсука, звалась просто, но ласково: „Киска“. Тихо, беззвучно ступала графиня по лоснящемуся паркету безлюдныхъ, величественныхъ покоевъ, и ея невзрачная, болѣзненно-согбенная фигура казалась особенно жалкой и ничтожной въ высокихъ, дорогихъ стѣнныхъ зеркалахъ и трюмѣ, отражавшихъ длинный рядъ разукрашенныхъ комнатъ. Въ ея тяжелой долѣ, однако, было и своего рода утѣшеніе: она почерпала мужество въ воспоминаніи историческихъ фактовъ, подтверждавшихъ, что такова была участь и другихъ, болѣе извѣстныхъ и прославленныхъ женщинъ, близко стоявшихъ къ такимъ свѣтиламъ исторіи, какъ, на примѣръ, короли или герои. Ей приходило на память долготерпѣніе и строгая выдержка г-жи де-Ментенонъ, и ея примѣръ придавалъ ей твердости духа, подымалъ ея нравственные силы.

Въ видахъ развлечения, а отчасти и для пополненія своего невольнаго досуга, графиня взяла подъ свою команду глухого старика-садовника, который, по ея указаніямъ, разбилъ большой цвѣтникъ, подъ выпрєннымъ названіемъ „часовъ Флоры“.

Это былъ самый неудачный, самый аляповатый подборъ растений, если судить по ихъ рѣзко-противорѣчащей вкусу окраскѣ; но всѣ эти дары Флоры были расположены правильнымъ кру-

гомъ, съ цѣлью представить всѣ двѣнадцать часовъ циферблата. Вся хитрость ихъ расположенія заключалась въ томъ, чтобы каждый сортъ цвѣтовъ, по порядку, открывалъ свои лепестки вслѣдъ за своимъ сосѣдомъ, и этого вполне достигла усердно занимавшаяся этимъ дѣломъ графиня.

Съ трехъ часовъ утра, на ранней зарѣ, уже раскрывалъ свою чашечку полевой козелецъ; въ четыре—дивій цикорій; въ пять латукъ, въ шесть — мушчатый гипокерисъ; въ семь — полевая кувшинка; въ восемь—ноготки; въ девять—деяниѣ (фікоидъ). И затѣмъ, начиная съ десяти утра и до четырехъ по-полудни, въ обратномъ порядкѣ, свертывали свои лепестки другіе — также самые разнообразныя виды цвѣтовъ: гвоздика, лапландскій салатъ, ястребинка и др. Наконецъ, съ наступленіемъ пяти часовъ, ночная красавица раскрывала свои алые лепестки, какъ бы для поцѣлуя, и, по странной случайности, черезъ часъ, багровый гераній закрывалъ свои; а пестрый макъ, склонивъ свою пышную, кудравую головку, отдавался сладостной дремотѣ за два часа передъ тѣмъ, какъ просыпался махровый кактусъ, который свертываетъ свои лепестки въ то время, какъ въ ночномъ воздухѣ раздается мѣрный бой часовъ... Уже полночь!..

Итакъ, пока мнимый король предавался своимъ грубымъ выходкамъ и обжорству, графиня находила утѣшеніе въ томъ, что усердно помогала своему садовнику и его подчиненнымъ. Ей нравилось самой вырывать сорную траву, подрѣзать сухія вѣтки, очищать кустарники отъ лишнихъ, засохшихъ листьевъ, вскапывать рыхлую землю грядокъ. Она настолько пристрастилась къ цвѣтамъ, что ежедневно, какъ бы ни была дурна погода, выходила любоваться на свои „цвѣточные часы“. Время тянулось для нея невообразимо тихо и безцѣльно. Когда она не молилась, не предавалась мечтамъ о старинѣ и не работала въ саду, ея занятіемъ было составленіе лекарствъ по разнымъ „испытаннымъ“ рецептамъ: то помады Фіораванти, цѣлительной для глазъ, то — турецкой, — для ранъ и нарывовъ. Иногда она углублялась въ страпню абрикосовой пастилы, которую въ громадномъ количествѣ уничтожалъ ея супругъ.

Но и это ее не утѣшало. Ее не на шутку тревожила мысль, что ея король, повидимому, совершенно позабылъ и думать о той священной цѣли, къ которой ему повелѣвало стремиться его высокое происхожденіе. Она видѣла, что онъ совсѣмъ, такъ сказать, опустился, и потому никогда теперь ни словомъ не об-

молвится о своемъ восшествіи на прародительскій престолъ. Возможно ли, чтобъ онъ забылъ о своемъ долгѣ? О громкой славѣ предковъ, гремѣвшей вѣками? О томъ, сколькихъ невзгодъ и испытаній, сколькихъ побѣдъ и кровопролитныхъ поражений былъ дѣйтельнымъ свидѣтелемъ этотъ гордый, угрюмый замокъ? Возможно ли, чтобъ ему, дѣтищу Чернаго Сокола, суждено было сдѣлаться Капуей, въ которой водворился Бурбонъ-Лѣнивый?

И въ самомъ дѣлѣ, Рулетъ продолжалъ утверждать ее въ этомъ мнѣніи: его безобразія не прекращались.

Новой его затѣей явилась охота или, вѣрнѣе говоря, игра въ охоту. Разгоряченный алкоголемъ, набивъ желудокъ трюфелями и пербетами, графъ обыкновенно принимался шагать по огромной залѣ Анны Бретанской, стѣны которой были увѣшаны драгоценными коврами, изображавшими торжество Мардохея. Онъ вертѣлся на каблучкахъ, какъ волчокъ, напѣвая грубымъ голосомъ пѣсенки добраго стараго времени и тѣмъ пугая до смерти добродушныхъ кошекъ своей супруги, которая всѣми силами старалась не разразиться негодованіемъ противъ его ужасныхъ манеръ.

Иной разъ ему случалось, облокотившись на подоконникъ открытаго окна залы, отдавать приказъ трубить сборъ охотѣ. И почтальоны, Пигаши и Фирментъ, въ полной охотничьей формѣ, съ помощью такихъ же нарядныхъ доѣзжачихъ, пресерьезно выполняли приказаніе графа, стоя въ подобающихъ случаю позахъ посреди просторнаго замкового двора.

Всѣ призывы, всѣ охотничьи „здри“ должны они были ему проигрывать съ надлежащей горячностью и гиканьемъ:

— А ну-ка! Ну! Ну, еще!.. Наддай-ка!..—покрикивалъ онъ, и все еще и еще подгонялъ бѣдныхъ доѣзжачихъ. Потъ лилъ съ нихъ градомъ; лица ихъ багровѣли отъ натуги; глаза выражали полное ошатаѣніе; они едва держались на ногахъ и дышали съ трудомъ... Наконецъ, и самъ графъ, пыхтя и тяжело переводя духъ, махалъ имъ рукой въ знакъ того, что „довольно, можно расходиться“, а самъ бросался въ глубокое кресло и, большими понюшками усиленно уснащая свой носъ, безъ зазрѣнія совѣсти посыпалъ табакомъ и дорогое, глубокое кресло, и блестящій, какъ зеркало, паркетъ. Руки и ноги отказывались ему служить, висѣли какъ плети; имъ постепенно овладѣвала дремота, и онъ ронялъ изъ рукъ табакерку, храпя напропалую.

Вскорѣ, однако, поведеніе „короля“ стало еще страннѣе: онъ сталъ прихоращиваться и видимо старался принять молодежавый и вертлявый видъ.

Порой, угрюмый, онъ искалъ уединенія и подолгу не видалъ въ глаза ни души, забираясь въ самую глушь тѣнистаго парка.

Недѣлю спустя, въ людской уже стала извѣстна причина духа и не-духа графа: для двора не представляло никакого сомнѣнія, что баринъ влюбился, и притомъ ни въ кого другого, какъ въ одну изъ бѣловшесекъ, которую заставили почти признаться въ одержанной побѣдѣ. Плутовка не перечила лакеямъ и, похихикавъ лукаво, принимала ихъ поздравленія за кружкой пива. Въ то время ей было всего девятнадцать лѣтъ; она была ни большого, ни маленькаго роста, бѣлокурая, съ темными бархатистыми глазами, съ пухлыми ручками, вѣжливымъ цвѣтомъ лица, румяными губками и довольно бѣлыми зубами.

Въ одинъ прекрасный день Рулетъ столкнулся съ нею въ коридорѣ, по которому она бѣжала, и остановился: свѣженькая, миловидная наружность дѣвушки пріятно щекотала его зрѣніе. Сюжетта не сконфузилась сперва нисколько и съ минуту не мѣшала ему разглядывать себя, опустивъ глаза долу; затѣмъ она вдругъ вспыхнула и бросилась бѣжать. Но этой минуты было вполне достаточно для того, чтобы совершенно воспламенить ея барина. Въ былое время онъ былъ не прочь повеселиться и потому, не долго думая, рѣшилъ: почему бы и не воспользоваться теперь своей второю молодостью, не потряхнуть стариною?..

— И, наконецъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собою:—чѣмъ же я рискую? Рѣшительно ничѣмъ! Допустимъ даже, что дѣло зашло бы настолько далеко, что... что пришлось бы выдать ее замужъ за какого-нибудь деревенскаго молокососа... Велика важность! Да любой изъ нихъ еще почтетъ себя счастливымъ...

И, порѣшивъ съ этимъ вопросомъ, графъ принялся дѣйствовать, сначала осторожно, строго слѣдя за собою, чтобы не возбудить подозрѣній, а затѣмъ постепенно, ужъ безъ всякаго стѣсненія. Онъ началъ метать на молодую дѣвушку то страстные, то задумчивые, томные взоры; то онъ блѣднѣлъ и посылалъ очаровательной Сюжеттѣ воздушные поцѣлуи... пока еще только на отдаленномъ разстояніи.

Но жестокая ничего не замѣчала или не хотѣла замѣчать. И чѣмъ больше она притворялась холодной, недоступной, тѣмъ сильнѣе разгоралась его страсть, и тѣмъ прелестнѣе, тѣмъ пріятельнѣе становилась она въ его глазахъ.

А. Б—г—

ЛОМОНОСОВЪ

И

ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

I.—Первое прочное установление новой литературы.—Подражаніе и заимствованіе.—Международныя литературныя взаимодѣйствія.
—Состояніе школы.—Тредьяковскій и Сумароковъ.

Ломоносовъ есть, безъ сомнѣнія, величайшее имя нашей литературы XVIII вѣка,—величайшее не по силѣ поэтическаго дарованія, въ чемъ выше его стоитъ Державинъ, слѣдовательно не по чисто художественному значенію, которое, замѣтимъ, чувствовалось въ этомъ первомъ періодѣ нашей новой литературы гораздо слабѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ; но имя, величайшее по цѣлому литературному вліянію, которое давно побуждало видѣть въ Ломоносовѣ „отца“ новой литературы. Въ нѣсколько образованномъ кругу русскаго общества тѣхъ временъ ни одно имя не было окружено такимъ безспорнымъ почетомъ, какъ имя Ломоносова, даже имя самого Державина. Повидимому, его собственно литературное значеніе должны были заслонить дальнѣйшіе успѣхи литературы, которые ознаменованы были твореніями Державина, Фонъ-Визина, наконецъ Карамзина; но авторитетъ Ломоносова держался неизмѣнно не только въ консервативной толпѣ стараго вѣка, но и между людьми болѣе высокаго литературнаго уровня: до самыхъ тридцатыхъ годовъ поклонникомъ его на университетской кафедрѣ былъ Мерзляковъ. И точка зрѣнія, съ которой возвеличивалъ Ломоносова этотъ послѣдній могиканъ восемнадцатаго

вѣка, была однако не совсѣмъ та, съ которой цѣнить его историческая критика. Мерзляковъ восхищался еще поэзіей Ломоносова; но Пушкинъ, а затѣмъ Бѣлинскій судятъ уже иначе: заслуга Ломоносова полагается гораздо больше въ его ученыхъ трудахъ, въ созданіи литературнаго языка—или по крайней мѣрѣ въ первомъ шагѣ къ этому созданію, который состоялъ въ опредѣленіи элементовъ книжной русской рѣчи и указаніи ихъ относительнаго значенія. По извѣстнымъ словамъ Пушкина, Ломоносовъ былъ первымъ нашимъ университетомъ, и этими словами вѣрно обозначенъ основной смыслъ дѣятельности Ломоносова, заключавшейся именно въ томъ, что онъ пролагалъ пути въ самыхъ различныхъ отрасляхъ науки и литературы, становился руководящимъ авторитетомъ въ такой широкой области знанія и поэзіи, какой съ тѣхъ поръ не обнималъ ни одинъ изъ нашихъ писателей, и своимъ стремленіямъ на поприщѣ знанія и литературы придавалъ ту властную силу, которую сообщаетъ сильный первостепенный умъ и глубокое убѣжденіе.

Какъ долго не могъ установиться взглядъ на историческое значеніе Ломоносова въ нашей литературѣ, такъ долго не было выяснено съ точностью значеніе его трудовъ по естествознанію: въ то время какъ повторялись старыя восхваленія его великихъ научныхъ открытій, лишь отчасти подкрѣпленныя новѣйшими оцѣнками нашихъ специалистовъ—физиковъ, химиковъ, геологовъ, въ общихъ книгахъ по исторіи науки имя Ломоносова встрѣчалось только рѣдко. Въ послѣднее время собрано много новыхъ данныхъ для исторіи его жизни и дѣятельности, но еще требуетъ изслѣдованій самая біографія и въ ней опредѣленіе того пути развитія, какимъ образовался этотъ могущественный характеръ. Такимъ образомъ будущему изыскателю еще предстоитъ объединить и освѣтить тотъ уже довольно значительный матеріалъ, какой до сихъ поръ былъ собранъ и какой должно еще доставить начатое (1891) академическое изданіе его сочиненій...

Мы видѣли, какъ задолго до Ломоносова въ возникавшемъ кругу нѣсколько образованныхъ людей начинаютъ появляться признаки новыхъ литературныхъ вкусовъ. Въ тѣсной связи съ книжными преданіями конца XVII-го вѣка, если не въ „литературу“, то въ „письменность“ проникаетъ немалое число переводовъ, въ которыхъ оказались, наконецъ, характерныя произведенія западно-европейской поэмы, романа, повѣсти конца XVII-го и первой половины XVIII-го вѣка. Не было еще никакого опредѣленнаго воздѣйствія ни школы, ни сильнаго руководящаго таланта, между тѣмъ настроеніе уже измѣнилось; образованные или гра-

мотные люди были больше или меньше подготовлены къ новому складу литературы, — первые непосредственнымъ знакомствомъ съ литературой французской или нѣмецкой, вторые — упомянутыми переводами. Тредьяковскій не усумнился въ 1730 г. издать свою „Бѣду въ островъ любви“, аллегорическій и сентиментальный любовный романъ, который на самомъ дѣлѣ долженъ былъ показаться не малой странностью среди тогдашней *печатной* литературы; но читатель литературы *рукописной* былъ уже знакомъ съ подобными произведеніями. Такимъ же образомъ псевдо-классическая трагедія и комедія не были совершенной новостью послѣ школьнаго и придворнаго репертуара. Форма лирики въ видѣ оды знакома была со временъ Симеона Полоцкаго; въ видѣ легкаго стихотворенія знали ее, въ подражаніи классикамъ, еще въ школьномъ стихотворствѣ начала столѣтія; въ видѣ любовной пѣсни пробовали ее Монсъ и Столѣтовъ, и сама цесаревна Елизавета Петровна...

Ломоносовъ и его современники явились первыми писателями въ настоящемъ смыслѣ слова, писателями по профессіи и по призванію, и это одно стало важнымъ фактомъ ¹⁾. Это не были уже случайные любители, не помышлявшіе дѣйствовать открыто на литературномъ поприщѣ и творенія которыхъ безыменно распространялись только въ тѣсномъ кругу. Съ ними, напротивъ, впервые открыта была литературная арена и, слѣдовательно, сознательная дѣятельность съ опредѣленными цѣлями, выступавшая въ печать, имѣвшая въ виду весь кругъ наличныхъ читателей: она должна была служить ихъ пользѣ и удовольствію, а также открыта была и ихъ критикѣ. Однимъ словомъ, здѣсь впервые возникала литературная жизнь не какъ случайное явленіе, но какъ необходимое явленіе жизни общественной. Это былъ цѣлый переворотъ во внѣшней, а затѣмъ и во внутренней постановкѣ литературы: для нея впервые открывалась возможность широкаго развитія въ будущемъ на почвѣ общественной жизни.

Когда предшествующіе начатки сами собой должны были указывать, какъ послѣдующій шагъ, известную организацію новыхъ литературныхъ стремленій, литературный трудъ дѣйствительно образовался теперь какъ профессія. Первые представители ея явились какъ бы не случайно изъ различныхъ слоевъ общества: Ломоносовъ былъ свободный крестьянинъ, Тредьяковскій былъ цер-

¹⁾ Кантемиръ остался еще въ области „письменности“: его сатиры изданы были лишь черезъ двадцать послѣ его смерти и когда уже приходила къ концу дѣятельность Ломоносова.

ковникъ, Сумароковъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода. Образование ихъ, при всей немногосложности тогдашней школы, шло довольно различно. Тредьяковскій и Ломоносовъ прошли предварительно церковную школу въ московской славяно-греко-латинской академіи; первый сталъ профессоромъ элоквенціи, второй—естествовѣдомъ; Сумароковъ учился въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ; всѣ трое однако обратились въ концѣ концовъ, и даже очень скоро послѣ своей школы, къ одному источнику своего дѣйствительнаго литературнаго образованія—къ новѣйшей западно-европейской литературѣ, хотя первымъ двумъ школа вовсе этого не указывала и только у третьяго школьное ученіе привило вкусъ къ французской литературѣ, который у Сумарокова сдѣлался страстью. Литературные вкусы въ новомъ направленіи возникали такимъ образомъ сами собой. Первый примѣръ уже довольно скоро нашелъ послѣдователей, а затѣмъ число ихъ стало размножаться въ сильной прогрессіи,—хотя впрочемъ размноженіе было больше количественное, чѣмъ качественное. Дѣятельность этихъ трехъ писателей была началомъ новой русской литературы. Хронологически это начало восходитъ къ тридцатымъ и особливо къ сороковымъ годамъ XVIII вѣка ¹⁾.

Эти первые писатели были опять весьма различны по складу ума и дарованія. Ломоносовъ былъ сильный положительный умъ научнаго склада, если не поэтъ въ широкомъ смыслѣ слова съ творческой фантазіей, создающей живые образы, съ тонкимъ чувствомъ, то во всякомъ случаѣ способный къ поэтическому настроенію и способный сильно выражать его въ извѣстной области—въ изображеніяхъ широкихъ явленій природы, въ порывахъ патріотическаго чувства, и всѣхъ превывавшій въ свое время чутъемъ и знаніемъ языка. Тредьяковскій, столь нѣкогда ославленный за свою бездарность, но въ послѣднее время находившій наконецъ защитниковъ, былъ по своему времени человѣкъ съ большимъ литературнымъ образованіемъ и безконечнымъ трудолюбіемъ, имѣющій за собой несомнѣнную заслугу правильнаго опредѣленія свойствъ русскаго стиха, но самъ много писавшій стихами крайне уродливыми и совсѣмъ лишенный въ этомъ случаѣ чувства изящнаго, хотя теоретически могъ понимать его, что онъ доказываетъ, напримѣръ, указаніями на красоту нашего грѣсеннаго стиха. Сумароковъ былъ прежде всего плодовитый версификаторъ съ извѣстнымъ поверхностнымъ дарованіемъ, спошна

¹⁾ Они были почти однолѣтниками: Тредьяковскій 1708—1789, Ломоносовъ 1711—1765, Сумароковъ 1718—1777.

увлеченный своими французскими образцами и нѣсколько самостоятельный только въ своихъ желчныхъ сатирическихъ произведенияхъ, которыя, впрочемъ, имѣли довольно тѣсный горизонтъ. При всемъ различіи этихъ характеровъ и ихъ литературнаго содержанія, эти первые писатели сходились въ одномъ общемъ стремленіи. Они одинаково чувствовали, что стоять въ началѣ новаго литературнаго періода, и это само собою направило ихъ дѣятельность.

Передъ ними стояла задача созиданія новой литературы. Первые годы ихъ жизни прошли въ знаменательную эпоху, которая была великимъ историческимъ переворотомъ. Для всѣхъ, въ комъ былъ живой инстинктъ національнаго величія и въ комъ пробудилась жажда знанія, эпоха Петра должна была представляться повелительнымъ указаніемъ дальнѣйшаго труда на поприщѣ начатыхъ преобразованій и на поприщѣ знанія. Едва ли во всей нашей литературѣ прошлаго вѣка былъ другой писатель, который глубже былъ проникнутъ чувствомъ того и другого, чѣмъ былъ Ломоносовъ: это чувство стало для него убѣжденіемъ, проникавшимъ неизмѣнно всѣ его помыслы. Память Петра была еще свѣжа и подобное настроеніе господствовало и въ тонѣ официальной жизни, и въ искреннемъ убѣжденіи наиболѣе образованныхъ людей. Въ примѣненіи къ литературѣ и наукѣ исполненіе завѣтовъ Петра было также обязательно, какимъ признавали его въ другихъ областяхъ національной жизни. Въ чемъ должно было оно состоять, было ясно. Если Петръ водворялъ у насъ науки, надо было продолжать его дѣло, котораго, по его многосложности, онъ не успѣлъ совершить; задуманное и рѣшенное имъ надо было осуществить, какъ только по его смерти можно было основать задуманную имъ академію наукъ. Труды предстояло очень много, и въ числѣ наукъ, которыя нужно было водворить, была также и литература (*schöne Wissenschaften, belles lettres*), которая такъ богато процвѣтала у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ Европы. Для науки, по мысли Петра Великаго, основано было учрежденіе, которое должно было сразу стать наравнѣ съ европейскими академіями и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для образованія русскихъ ученыхъ людей—въ этомъ учрежденіи прошла потомъ неутомимая и страстная дѣятельность Ломоносова; но должно было стараться о размноженіи средствъ науки, и съ другой стороны заботиться о „насажденіи“ изящной литературы: этой послѣдней надо было служить собственными усиліями—не представлялось другой возможности установить дѣло, основой котораго вездѣ была свободная дѣятельность писателей. Общеніе

ихъ было возможно только въ дѣлѣ критики и въ работахъ по установленію литературнаго языка, какъ это было во французской академіи,—и по этому примѣру при петербургской академіи, еще до Ломоносова, устроилось, какъ дальше увидимъ, особое „россійское собраніе“.

Названные писатели чисто случайно стали во главѣ литературнаго дѣла: одинъ, поповичъ, на свой страхъ и „шедши пѣшгъ“, сбѣжалъ изъ славяно-греко-латинской академіи въ Парижъ, тамъ слушалъ лекціи и увлекся французской литературой; другой, послѣ той же академіи, былъ прямо посланъ за границу, гдѣ долженъ былъ учиться сначала нѣмецкому языку, потомъ философіи и горному дѣлу,—ему рекомендовали также заняться „россійскимъ штилемъ“, неизвѣстно какими средствами; третій учился въ кадетскомъ корпусѣ. Ни объ одномъ неизвѣстно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ возросталъ подъ какимъ-либо опредѣленнымъ нравственнымъ и литературнымъ руководствомъ. Главный мотивъ, который пробудилъ въ нихъ страстный интересъ къ „насажденію“ новой литературы, заключался въ томъ могущественномъ впечатлѣніи, которое оставила недавно только кончившаяся преобразовательная дѣятельность Петра Великаго. Мы видѣли раньше, какъ это вліяніе увлекало непосредственныхъ свидѣтелей и современниковъ преобразованія, и долго послѣ, въ теченіе цѣлаго послѣдующаго вѣка, его память, укрѣпляемая наглядными результатами, возбуждала умы, воспріимчивые къ интересамъ просвѣщенія. Такими воспріимчивыми, хотя очень различными по размѣрамъ дарованій, людьми были и названные писатели, и ими сполна овладѣло стремленіе доставить русской литературѣ то, чего ей еще недоставало на новомъ пути національной жизни. Въ силѣ политической Россія со временъ Петра сравнялась съ самыми могущественными государствами Европы; нужно было, чтобы она не уступала имъ въ просвѣщеніи и литературѣ. Достичь этого можно было только перенесеніемъ въ Россію, усвоеніемъ ей тѣхъ успѣховъ просвѣщенія, какими гордилась тогда Европа. Если можно было заимствовать устройство войска, флота, усвоить разнообразныя техническія знанія, отчего нельзя было такимъ же образомъ усвоить успѣхи литературы?

Исторически было, конечно, великимъ заблужденіемъ думать, что перенять и основать новую науку и литературу было такъ же удобоисполнимо, какъ завести новое войско, флотъ, горное дѣло, фабрику и т. п. Но это заблужденіе было психологически весьма естественно. Недавняя исторія дала въ самомъ дѣлѣ поразительные факты успѣховъ, сдѣланныхъ въ теченіе не больше какъ

одного поколѣнія: войско учили иноземцы, флотъ устроенъ по иноземному образцу,—но это войско уже вскорѣ одержало полтавскую вѣкторію, отвоевало вмѣстѣ съ флотомъ въ чужой землѣ мѣсто для новой столицы, флотъ одержалъ побѣду при Гангутѣ; нѣмцы или шведы помогли устроить горное дѣло,—но новыя богатства послужили русскому могуществу; новыя „инвенціи въ наукахъ“, которыя сдѣланы были выписанными иноземными учеными, опять пошли на пользу Россіи, и такія „инвенціи“ стали дѣлать потомъ и „природные“ русскіе... Почему не могло быть того же въ „словесныхъ наукахъ“? Источникъ, откуда брались новыя государственныя учрежденія (войско, флотъ и пр.) и откуда брались новыя науки, былъ одинъ и тотъ же: западная Европа; но тамъ же, и только тамъ, процвѣтали и словесныя науки, которыя шли рядомъ съ богатыми успѣхами учености. Ясно было, что и для „насажденія“ литературы слѣдовало обратиться къ тому же изобильному источнику.

Остановимся на этихъ отношеніяхъ, которыми надолго впередъ опредѣлилось дальнѣйшее движеніе нашей литературы и которыя издавна и въ послѣднее время снова бывали спорнымъ вопросомъ. Напомнимъ давнишніе укоры нашей литературѣ XVIII вѣка въ подражательности и еще недавнія обличенія всего такъ называемаго „петербургскаго“ періода въ „рабствѣ“ передъ Европой, возвратившіяся наконецъ и въ литературѣ современной въ видѣ теоріи культурныхъ типовъ, по которой европейское содержаніе, которое такъ усердно нами заимствовалось, было для насъ какъ будто совсѣмъ не нужно или даже вредно, отдаляя нашъ „культурный типъ“ отъ настоящаго свойственнаго ему пути развитія. Въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ русская умственная жизнь (или культурный типъ) встрѣтилась съ западно-европейской, были неизбежны тѣ явленія подражательности, на которыхъ дѣлается удареніе, и если взять эти отношенія съ болѣе широкой исторической точки зрѣнія, онѣ представляются совершенно естественными.

Русскій народъ по своему племенному источнику и по христіанству, которое послѣ паденія античнаго міра было основою средневѣковой жизни Европы, и по самымъ начаткамъ своей исторіи въ древнемъ періодѣ принадлежалъ къ семьѣ народовъ европейскихъ, а не азіатскихъ. Этими условіями предполагалось для него дальнѣйшее развитіе въ томъ же европейскомъ направленіи, на которое могли указывать и тѣсныя связи стараго русскаго просвѣщенія съ Византіей. Наши средніе вѣка, со временемъ татарскаго нашествія, безъ сомнѣнія, насильственно измѣ-

нили ходъ нашей образованности, ослабивъ или совсѣмъ уничтоживъ на то время обще-европейскія связи ¹⁾, но съ тѣхъ поръ, какъ исполнились вѣковыя надежды и „Богъ освободилъ отъ ордн“, когда русское государство въ первый разъ прочно установилось, уже вскорѣ одною изъ постоянныхъ заботъ московскихъ государей стало привлеченіе въ Москву западныхъ ученыхъ людей и техникувъ. Мы видѣли раньше, какъ съ теченіемъ времени эта забота все разрасталась, какъ впервые явились свои ученые люди изъ Кіева, такъ что наконецъ призывъ иностранныхъ ученыхъ при Петрѣ могъ бы считаться послѣдовательнымъ продолженіемъ ранѣе принимавшихся мѣръ. Такимъ образомъ сама московская Россія, хотя усиленно заботясь о вѣроисповѣдной неприкосновенности русскихъ людей, въ принципѣ признавала необходимость и пригодность для русской жизни западнаго знанія и западнаго искусства (въ основаніи театра, въ вызовѣ иноземныхъ музыкантовъ, живописцевъ и т. д.). При Петрѣ все это дѣлалось уже въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, и главное, прежнее случайное и отрывочное исканіе западнаго знанія стало обдуманнѣмъ, сознательнѣмъ и принципиальнѣмъ. И какъ видимъ, съ этимъ не было введено въ русскую жизнь какое-либо новое, ранѣе неизвѣстное начало, а только приведенъ въ сознаніе давно, въ сущности уже нѣсколько вѣковъ бродившій историческій инстинктъ... Говорятъ нерѣдко, что новое образованіе увлекло только одну часть русскаго общества, одинъ высшій классъ, который, находясь въ привилегированномъ положеніи, по своему легкомыслію „оторвался“ отъ народа, и на этомъ было въ особенности основано великое осужденіе новаго направленія; но въ сущности процессъ былъ совершенно иной: новое направленіе было принято всѣмъ тѣмъ составомъ общества, который могъ быть приготовленъ къ этому школой. Если разъ школа подготавливала извѣстную ступень разумѣнія, то для нѣсколькихъ образованныхъ людей уже не было другого пути дальнѣйшаго развитія, кромѣ пути европейской науки и литера-

¹⁾ Не касаемся здѣсь частностей, которыя съ одной стороны усиливали солидарность европейскихъ народовъ между собой, съ другой отдаляли отъ нихъ русскую жизнь, какъ, напр., непосредственная преемственность античной цивилизаціи на Западѣ (по историческому и географическому сосѣдству), какъ давнее объединеніе западныхъ народовъ церковною латынью, которая стала въ то же время общимъ языкомъ науки, какъ церковное разъединеніе Востока и Запада вѣроисповѣдной борьбой католицизма и православія, какъ разъединеніе ихъ потомъ сильно возросшимъ различіемъ въ степени культуры и т. д. Эти обстоятельства въ сложности въ концѣ концовъ сильно затруднили наше образовательное объединеніе съ Европой, но не уничтожили указанной выше главной его основы.

туры. Какъ мы отчасти видѣли и какъ еще увидимъ далѣе, это усвоеніе западно-европейскаго просвѣщенія совершалось на первое время очень медленно,—такъ это и бываетъ въ процессахъ органическихъ,—а съ другой стороны этотъ органическій, а не насильственный и случайный характеръ движенія обнаруживался тѣмъ, что тѣмъ далѣе, тѣмъ оно становилось шире, внутренне сильнѣе, глубже, все болѣе проникалось національнымъ и народнымъ содержаніемъ.

Этотъ періодъ заимствованія, подражанія, наконецъ національнаго усвоенія не представлялъ, съ другой стороны, никакого исключительнаго явленія въ общемъ историческомъ ходѣ цивилизации. Вся ея исторія была длиннымъ послѣдовательнымъ рядомъ заимствованій, взаимодействій и національных развитій. Сколько бы новѣйшіе теоретики племенного и культурнаго раздѣленія человѣчества ни настаивали на національных особенностяхъ, на различіи и даже будто бы неизбежной враждебности отдѣльных видовъ человѣчества, сколько бы ни хотѣли подорвать и даже осмѣять представленіе объ „единой цивилизаціи“, будто бы просто фантастическое, остается историческій *фактъ*, что при всей массѣ племенныхъ разновидностей, при множествѣ отгнѣковъ цивилизаціи, происходящихъ отъ множества различныхъ условій племенной жизни, есть извѣстныя общія условія, которыя дѣлали и дѣлаютъ возможнымъ переходъ отъ одного народа къ другому извѣстныхъ приобрѣтеній человѣческаго труда, которыя становятся наконецъ общимъ культурнымъ достояніемъ. Такъ переходили результаты этого труда въ области знанія и искусства. Преданія самого античнаго міра выводили начатки греческой культуры изъ Египта и Азіи. Въ исторіи всѣхъ народовъ можно указать эту международную связь знаній, обычаевъ, искусствъ и т. д. Заимствованія не уничтожали племенныхъ особенностей, но обогащали племенное содержаніе, доставляли ему новыя области проявленія, развивали его силы и давали возможность болѣе широкаго историческаго дѣйствія. Римъ не сталъ греческимъ отъ тѣхъ широкихъ вліяній, какія онъ принималъ изъ просвѣщенія покоренной имъ Греціи, но несомнѣнно, что его собственное историческое могущество возросло, когда къ его собственному содержанію прибавилась сила греческаго просвѣщенія. Одинъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ человѣческой цивилизаціи, даже самый могущественный, какой знала исторія, христіанство, въ своей глубочайшей основѣ проникнутое именно духомъ чисто человѣческаго общенія, отрицаніемъ какой-либо національной привилегіи, и до нынѣ не устранило въ человѣчествѣ

старого племенного соперничества и вражды; тѣмъ менѣе былъ бы въ состояніи ослабить или стереть національныя черты тѣ сравнительно ограниченныя понятія, которыя приносили отъ одного народа къ другому обмѣнъ культурныхъ познаній. Съ другой стороны несомнѣнно, что культурныя вліянія, приходящія извнѣ, оставляютъ свой слѣдъ на духовной и матеріальной жизни племени и слѣдовательно въ концѣ концовъ видоизмѣняютъ больше или меньше его природу. Для племенъ новой Европы христіанство было извнѣ пришедшимъ культурнымъ вліяніемъ, и подъ его дѣйствіемъ создавалась цивилизація новѣйшихъ временъ, измѣнились первобытныя міровоззрѣнія, а также облегченъ и ускоренъ былъ путь междуплеменного пониманія и взаимодѣйствія.

Какъ мы сказали, вся исторія новой цивилизаціи — еще въ гораздо большей степени, тѣмъ исторія древней — наполнена фактами этого взаимодѣйствія. На почвѣ христіанской церкви соединяются равноправно умственные силы всѣхъ племенъ въ разработкѣ учреждений, образованія, литературы. Умственные центры привлекаютъ разноплеменную аудиторію любознательныхъ людей; взаимодѣйствіе научное сопровождается взаимодѣйствіемъ народно-поэтическимъ и литературнымъ; рыцарство становится общимъ бытовымъ явленіемъ, и съ нимъ культъ женщины. Съ первыхъ шаговъ средневѣковой латинской литературы, на ряду съ церковнымъ содержаніемъ сохраняется память объ античной литературѣ, на первый разъ римской, и тѣмъ дальше, тѣмъ больше разыскиваются и изучаются римскіе писатели: Виргилій становится въ популярномъ преданіи чародѣемъ и для самого Данта посредникомъ между міромъ живымъ и загробнымъ. Когда подлинная греческая философія была еще неизвѣстна, Западъ знакомится съ Аристотелемъ черезъ арабовъ и ученыхъ евреевъ и дѣлаетъ его краеугольнымъ камнемъ схоластической философіи. Еще инымъ давнимъ источникомъ культурныхъ вліяній была для Запада Византія, хранившая много преданій античной греческой образованности и доставлявшая также образцы искусства и художественнаго ремесла; въ теченіе крестовыхъ походовъ не мало культурныхъ знаній Западъ приобрѣлъ даже съ мусульманскаго Востока, съ которыми въ промежуткахъ военной борьбы велись самыя оживленныя торгovyя и промышленныя сношенія, даже обмѣнъ научнаго знанія, когда еще была въ своемъ разцвѣтѣ образованность арабовъ... Давній интересъ къ античному преданію и связи съ Византіей сдѣлали едва замѣтнымъ первое начало такъ называемаго Возрожденія, которое съ XV-го вѣка стало наконецъ великою силой европейскаго образованія. Первые блестящіе плоды оно принесло

въ Италіи, гдѣ и древнее преданіе было ближе и гдѣ рядомъ съ бурной политической жизнью и оживленной практической дѣятельностью богатыхъ торговыхъ республикъ развились интересы науки и искусства. Одно время Италія была ихъ главнѣйшимъ пріютомъ; затѣмъ классическое образованіе перешло черезъ Альпы, распространилось по всѣмъ землямъ западной Европы, — античный міръ сталъ предметомъ самаго ревностнаго изученія въ университетахъ, высшимъ образцомъ въ литературѣ, создавалъ наконецъ новое мировоззрѣніе, которое порвало съ средневѣковой схоластикой и послужило началомъ свободнаго научнаго изслѣдованія. Изъ средневѣковой церковной латыни, обновленной новымъ изученіемъ классиковъ, выработалась новая латынь, которая стала если не всеобщимъ, то чрезвычайно распространеннымъ языкомъ науки, наконецъ даже поэзіи: въ XVI—XVII столѣтіяхъ бывали латинскіе поэты, приобретавшіе великую славу — въ многочисленномъ тогда кругу латинистовъ ¹⁾. Этотъ общій предметъ изученія и удивленія и общій латинскій языкъ ученой литературы открывали широкое взаимодѣйствіе европейскихъ литературъ, гдѣ это латинское содержаніе отражалось и на литературѣ національной. Важный ученый трудъ, крупное литературное произведеніе, затрогивавшее общіе вопросы нравственно-общественные, становились общимъ достояніемъ, и литературы отдѣльныхъ странъ въ разное время приобретали широкое вліяніе внѣ своей собственной области, наконецъ и тамъ, гдѣ онѣ дѣйствовали внѣ ученой латыни, въ своей собственной, національной сферѣ. Таково было въ особенности обширное вліяніе французской литературы XVII вѣка, въ эпоху сильнѣйшаго развитія ложнаго классицизма. Она выросла, въ результатъ эпохи Возрожденія, путемъ чрезвычайно оживленной литературной дѣятельности, подъ вліяніемъ особыхъ условій французской жизни, силами цѣлаго ряда замѣчательныхъ дарованій и въ концѣ концовъ представила блестящую плеяду писателей, чья слава совпадаетъ съ правленіемъ Людовика XIV. Это было время высокаго политическаго значенія Франціи, наполнявшаго французовъ чувствомъ величайшей національной гордости, время роскошнаго развитія утонченной придворной жизни, которая становилась недостижимымъ примѣромъ подражанія для остальной аристократической Европы, но также время усиленнаго научнаго и литературнаго труда. Литература въ лицѣ Корнеля, Расина, Мольера, Буало была „украшеніемъ двора“; она построена была

¹⁾ Такомъ былъ, напр., польскій латинистъ Сарбѣвскій (Sarbievius), котораго между прочимъ похвалялъ и рекомендовалъ Тредьяковскій.

всего больше на стилѣ Возрожденія, выработала извѣстную манеру, гдѣ античные герои такъ часто говорили изысканнымъ языкомъ французскаго XVII вѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта литература имѣла столько внутреннихъ достоинствъ, проблесковъ истинной поэзіи, тонкаго чувства, а также глубокой мысли, наконецъ, замѣчательной выработки формы и языка, что неудивительно то широкое вліяніе, какое получила она во всей западной Европѣ. Въ эпоху, когда монархизмъ окончательно бралъ верхъ надъ остатками средневѣковаго феодальнаго строя и уже готовилось господство „просвѣщеннаго абсолютизма“, эта искусственная, но несомнѣнно изящная литература могла стать „украшеніемъ двора“ и въ другихъ странахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ французскій ложный классицизмъ стоялъ на почвѣ близкой и любимой по общимъ уже представленіямъ о высомъ достоинствѣ античныхъ литературъ, которыя считались вершиной поэтическаго совершенства и единственнымъ образцомъ: отсюда необыкновенный успѣхъ ложноклассической французской поэзіи. Мы встрѣтимся дальше, въ русскихъ отголоскахъ псевдоклассицизма, еще съ однимъ явленіемъ, которое давало поводъ къ несовсѣмъ правильнымъ толкованіямъ. Какъ монархизмъ XVII вѣка устранялъ въ практической политикѣ феодальное преданіе, такъ новая литература, воспитанная классическими увлеченіями Возрожденія, стала въ отрицательное отношеніе къ другому феодальному преданію—къ средневѣковой поэзіи: въ самомъ дѣлѣ, непосредственное содержаніе послѣдней становилось чуждымъ съ тѣхъ поръ, какъ стало образовываться новое міровоззрѣніе на основахъ классической философіи, міровоззрѣніе, по существу отрицавшее средневѣковую систему мифа и легенды, и съ другой стороны новому чувству формы не отвѣчали уже произведенія полу-народной старины съ тѣснымъ кругомъ образовъ и мало выработаннымъ языкомъ. Писатели и теоретики псевдоклассицизма во Франціи, Германіи и т. д. съ высомѣрнымъ пренебреженіемъ смотрѣли на эту старину, которую считали вѣкомъ варварства, какъ ея поэзію считали безвкуснымъ созданіемъ черни. Для Буало и его современниковъ настоящая французская литература начиналась только съ Малерба. Это понятіе перешло буквально и въ русскую литературу XVIII вѣка: условія были совсѣмъ иныя, но подъ вліяніемъ псевдо-классическаго взгляда настоящей литературой полагалось только то, что основывалось на древнихъ образцахъ и было какъ бы ихъ историческимъ продолженіемъ—единственнымъ, какое было достойно настоящей литературы, и точно также казалось варварствомъ то старое, что не имѣло этой классической основы. Здѣсь и былъ теоретическій

источникъ того отрицанія, съ какиѣмъ писатели XVIII-го вѣка относились иногда къ старому, къ народному или простонародному, которое на тогдашнемъ языкѣ называлось „подлымъ“... Мы увидимъ однако, что уже на самыхъ первыхъ порахъ возникало и совсѣмъ другое отношеніе къ народному, и отсюда произошло новое движеніе, все больше и больше стремившееся къ національному содержанию и наконецъ сдѣлавшее его основнымъ началомъ литературы...

Самый французскій псевдо-классицизмъ не былъ однако нераздѣльнымъ созданіемъ французскаго возрожденія: Корнель искалъ образцовъ у испанцевъ, Мольеръ въ первыхъ произведеніяхъ слѣдовалъ за испанской комедіей и итальянской арлекинадой. Если такимъ образомъ славная эпоха французской литературы не была свободна отъ заимствованія, какиѣмъ было наконецъ и самое увлеченіе классиками и классическими теоріями поэзіи, гдѣ считались законодателями Аристотель, Горацій и Квинтиліанъ, то ея собственное распространеніе въ другихъ странахъ Европы было длиннымъ рядомъ примѣровъ международнаго заимствованія и подражанія: французскій псевдо-классицизмъ создалъ цѣлыя школы въ литературахъ итальянской, испанской, англійской, нѣмецкой. Это былъ цѣлый литературный циклъ, который былъ господствующимъ явленіемъ европейской литературы XVII—XVIII вѣка, пока наконецъ это явленіе не было пережито и не дало мѣсто самостоятельному воздѣйствію національныхъ литературъ, которыя не только выдвинули свои особенныя черты содержанія и формы, но и возымѣли въ свою очередь широкое вліяніе въ области европейской мысли и поэзіи. Съ XVIII вѣка идетъ все возрастающее вліяніе прежде совсѣмъ неизвѣстнаго или пренебрегаемаго Шекспира, потомъ англійской философіи; въ Германіи со времени Лессинга и Гердера начинается свое могущественное движеніе, которое, при общемъ дѣйствіи нѣмецкихъ національныхъ элементовъ, Шекспира и болѣе глубокаго изученія самихъ классиковъ и наконецъ народной поэзіи, свергло оковы ложнаго классицизма, возстало противъ самаго „просвѣщенія“ второй половины XVIII вѣка и, отрицая его разсудочность и матеріализмъ, открыло путь романтизму и новѣйшей литературѣ. Когда въ XVIII вѣкѣ стала вообще расширяться дѣятельность литературы, открывается цѣлый обширный процессъ литературныхъ взаимодействій не только въ отношеніяхъ литературныхъ школъ, но и среди отдѣльныхъ писателей, частныя вкусы и стремленія которыхъ съ своей стороны содѣйствовали международному сближенію умственныхъ и художественныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ, когда около половины XVIII-го вѣка начинается и скоро дѣлается господствующимъ вліяніе французскаго псевдо-классицизма въ нашей литературѣ, это былъ вовсе не исключительный фактъ ея частной подражательности, а отголосокъ цѣлаго европейскаго явленія. Этотъ французскій ложный классицизмъ оказывалъ въ то же время вліяніе въ литературахъ гораздо болѣе старыхъ и богатыхъ, не только въ романскихъ, но въ нѣмецкой и даже англійской, которая уже во второй половинѣ XVI-го вѣка имѣла Шекспира. Въ то время, когда наша литература дѣлала свои первые школьные опыты, французская литература была во всемъ блескѣ своей славы, на которую еще не покушалась критика; это былъ признанный образецъ, а для нашихъ начинавшихъ писателей это было цѣлое откровеніе. Здѣсь все было ново: и самое содержаніе съ новыми поэтическими образами, съ невѣдомыми раньше изображеніями чувства, и новая, невиданная прежде красота формы и языка. У однихъ, болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ французской литературой, это было впечатлѣніе непосредственное; у Ломоносова, который, по видимому, былъ знакомъ съ нею меньше, тѣ же впечатлѣнія могли быть получены черезъ нѣмецкую литературу. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, пониманіе и воспринятіе этого новаго литературнаго содержанія было, однако, облегчено: между старой письменностью и этимъ новымъ явленіемъ была уже проложена переходная ступень въ рукописной литературѣ конца XVII-го и начала XVIII-го вѣка, а главное, античная подкладка французскаго псевдо-классицизма была уже хорошо знакома всѣмъ, кто съ конца XVII-го вѣка проходилъ кievскую, а потомъ московскую академическую школу. Книги Петровской печати доставляли уже спеціальныя руководства для знакомства съ греческой и римской мифологіей.

Наконецъ, когда у названныхъ писателей подъ вліяніемъ ихъ литературнаго образованія сложилось представленіе, что литература должна быть не случайнымъ дѣломъ отдѣльныхъ любителей (какъ было у насъ прежде), а цѣлой особой областью просвѣщенія и общественной жизни (какъ было у всѣхъ образованныхъ европейскихъ народовъ), у этихъ первыхъ писателей долженъ былъ явиться принципиальный вопросъ: каково должно быть содержаніе и форма этой новой желаемой литературы, какъ сравняться съ другими просвѣщенными народами, на чемъ основать свою русскую литературу? Мы видѣли, что рѣшеніе этого принципиальнаго вопроса было для нихъ уже дано ихъ первымъ нѣскольکو близкимъ знакомствомъ съ западно-европейской литературой, прежде

всего французской, а также и нѣмецкой. Они увидѣли, на ту минуту, безраздѣльное господство псевдо-классицизма, и естественно, что эта форма представлялась имъ единственной, въ которую могла и должна была сложиться русская литература.

Старая письменность не могла ничѣмъ послужить имъ: она давала только церковное поученіе и вирши Симеона Полоцкаго и его преемниковъ; начатки, какіе появлялись въ упомянутой рукописной литературѣ и въ драмѣ начала столѣтія, или состояли только въ переводахъ, или были слишкомъ грубы, безъ всякой мысли о правильной постановкѣ литературнаго вопроса. Но для органическаго установленія литературы необходимо было именно поставить этотъ вопросъ.

По самому существу онъ распадался на двѣ задачи—опредѣлить содержаніе и форму новой литературы, и выработать ея языкъ. Первая рѣшалась сама собой: необходимо было усвоить русской литературѣ тѣ формы, которыя господствовали у другихъ просвѣщенныхъ народовъ—усвоить классическую эпопею, лирику и драму, очевидно путемъ подражанія „образцамъ“. Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковскаго предупредилъ въ этомъ Кантемиръ, который кромѣ Горация и Ювенала уже обратился къ Буало; но то, что было у Кантемира единичнымъ и случайнымъ примѣромъ, надо было установить въ правило и опредѣленную систему. Другая задача была не легче и русскіе писатели были предоставлены здѣсь только своимъ собственнымъ силамъ: это былъ вопросъ о литературномъ языкѣ. Никогда прежде онъ поставленъ не былъ. Изстари полагалось, что книжный языкъ не можетъ быть иной, чѣмъ тотъ, какой заключался въ Писаніи и книгахъ церковныхъ; къ этой рѣчи стремились съ тѣхъ поръ церковные писатели,—которые и донныѣ не могутъ освободиться отъ тяжелой славяничины; и такъ какъ въ теченіе долгихъ вѣковъ „книжное почитаніе“ состояло всего больше въ церковныхъ книгахъ, то этотъ складъ рѣчи сталъ какъ бы обязательнымъ. Правда, съ первыхъ же памятниковъ нашей литературы врывалась въ книгу и живая народная рѣчь, которая становилась неизбежной тамъ, гдѣ говорилось о предметахъ практической непосредственной жизни и гдѣ церковно-славянскій языкъ могъ просто оказаться недостаточнымъ и уступка была очевидной необходимостью: такъ живые, прекрасные проблески народной рѣчи, кромѣ чисто дѣловыхъ актовъ, какъ „Русская Правда“, грамоты и т. д., являются уже на самыхъ первыхъ страницахъ лѣтописи, въ поученіи Мономаха, Словѣ Давиіла Заточника, въ паломникахъ и т. д., не говоря о Словѣ о полку Игоревѣ. Самый церковный языкъ испыталъ глубокое

вліяніе народной рѣчи, безъ сознанія самихъ книжниковъ. Эпоха Петра и здѣсь послужила переломомъ. Какъ образованіе, которое онъ стремился ввести, было по преимуществу или исключительно свѣтское, такъ и тотъ языкъ, которымъ писались книги его времени, стремился быть обыкновеннымъ языкомъ простой практической жизни. Старое преданіе и новыя требованія смѣшались, и когда присоединился къ этому еще запасъ новыхъ знаній и научныхъ понятій, которыя передавались или прямо въ сыромъ видѣ иностранными словами, или грубыми и неумѣлыми переводами, то въ результатѣ получилась необычайная путаница разнородныхъ стихій, доходившая иногда до того, что была совсѣмъ невразумительна. Съ конца XVII-го вѣка была введена и „поэзія“, но пока ни мало не поправила дѣла, потому что, не говоря объ ея тяжеловѣсномъ содержаніи, взяла чужую, совсѣмъ не свойственную русскому языку форму стиха, которая осталась уродливой даже у писателя съ новымъ образованіемъ, какъ былъ Кантемиръ. Когда при этомъ названные писатели обращались къ избраннымъ ими иноземнымъ образцамъ, они встрѣчали въ нихъ и богатый языкъ, способный выражать самыя тонкія движенія мысли и чувства и, въ особенности у французовъ, съ внѣшней стороны выработанный до высокой степени точности и изящества: сравненіе представлялось само собою и не могло не вызвать мысли объ организаціи русскаго литературнаго языка. Мы скажемъ дальше, что предпринималось для этой цѣли.

Таковы были задачи, которыя должны были предстоять возникавшей литературѣ, и названные писатели дѣйствительно поставили ихъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности. Но чтобы исторически оцѣнить эту дѣятельность и ея результаты, необходимо принять въ соображеніе ту почву, на какой имъ приходилось трудиться. О томъ, насколько общество могло быть подготовлено къ литературному нововведенію, можетъ дать понятіе состояніе школы.

Отъ семнадцатаго вѣка осталось два учебныхъ учрежденія: кievская академія и московская школа, преобразованная при Петрѣ въ славяно-греко-латинскую академію; бывали также частныя архіерейскія школы, какъ школа Димитрія Ростовскаго въ Ростовѣ, Теофана Прокоповича въ Петербургѣ и др.; но эти послѣднія держались только пока жили ихъ основатели, и только одна южная школа, основанная въ двадцатыхъ годахъ XVIII-го вѣка, сохранилась и образовала впоследствии харьковскій „кол-

легиумъ". При Петрѣ являются первыя свѣтскія школы, частью элементарныя, частью техническія, какъ школы цыфирныя, навигацкая, инженерная, артиллерійская. При академіи наукъ заведена была гимназія, не отличавшаяся, однако, особымъ благоустройствомъ. При Аннѣ Ивановнѣ основанъ былъ шляхетный кадетскій корпусъ. Вотъ всѣ болѣе или менѣе правильныя учебныя учрежденія, существовавшія до основанія московскаго университета. Нѣкоторая степень общаго образованія могла быть получаемъ только въ высшихъ духовныхъ школахъ, академической гимназіи и частью въ шляхетномъ корпусѣ; но въ духовныхъ школахъ въ полной силѣ еще продолжала господствовать старая отжившая схоластика; академическая гимназія дѣйствовала весьма неровно.

Московская славяно-греко-латинская академія шла по стопамъ своего кievскаго первообраза. Нѣсколько подробностей изъ первой половины XVIII-го столѣтія дадутъ понятіе о складѣ совершавшагося въ ней преподаванія и результатахъ, какіе изъ него могли происходить. Въ области школы также шла борьба стараго съ новымъ. Петръ назначилъ протекторомъ московской академіи Стефана Яворскаго, но мы видѣли, что наконецъ они разошлись въ своихъ взглядахъ; указанія на характеръ школы были даны въ „Духовномъ Регламентѣ“, но въ московской академіи еще долго гнѣздилась схоластика, противъ которой возставалъ Теофанъ; за скудостью школъ, Петръ желалъ, чтобы въ московской академіи были собраны изъ всѣхъ монастырей имперіи монахи моложе 30 лѣтъ „для ученія, кого какихъ наукъ возможно“, а кромѣ того дозволялъ, чтобы „и градскіе лучшіе приказные люди и дворяне“ отдавали дѣтей въ академію, — но ея начальство желало скорѣе сохранить за нею только церковническій характеръ. Въ 1725 году изъ герольдмейстерской конторы прислано было въ славяно-русскую школу (низшіе классы академіи) значительное число недорослей, но ректоръ академіи отказалъ принять ихъ, отвѣтивъ, что „въ той школѣ происходятъ во ученіи токмо духовныхъ персонъ дѣти, которые бѣ могли въ духовный чинъ происходить“¹⁾. Но при Аннѣ Ивановнѣ академія наполняется недорослями изъ знатныхъ фамилій: въ 1736 году по опредѣленію сената за одинъ разъ поступило въ академію 158 дворянскихъ дѣтей, между ко-

¹⁾ С. Смирновъ, Исторія московской славяно-греко-латинской академіи. М. 1855, стр. 86, 107, 179. Это было однако не точно, потому что мы видимъ въ ея низшихъ классахъ солдатскихъ дѣтей, присланныхъ изъ полковъ. Въ 1728 году состоялся синодскій указъ „отрѣшить“ отъ этой школы и впредь не принимать „помѣщичьихъ людей (т.-е. крѣпостныхъ) и крестьянскихъ дѣтей“. Тамъ же, стр. 180.

торами были князья Оболенскіе, Прозоровскіе, Хилковы, Тюфякины, Хованскіе, Долгорукіе, Голицыны, Мещерскіе и пр.; но здѣсь же были и люди совсѣмъ иного класса—подьяческія, канцелярскія, дьяческія, солдатскія и конюховы дѣти ¹⁾. Приведенные примѣры указываютъ, во-первыхъ, на неопредѣленное положеніе школы, которая зависить и отъ синода и отъ сената (управлявшаго тогда же, въ высшей инстанціи, и академіей наукъ), и во-вторыхъ, на бѣдность школьныхъ средствъ, вслѣдствіе которой собственно специальная церковная школа соединяла самые разнообразные общественные слои и одна должна была удовлетворять ихъ весьма несходнымъ образовательнымъ нуждамъ. Сама академія настаивала однако на своемъ не только церковномъ, но именно монашескомъ составѣ преподаванія: „кіевскіе наставники (они долго занимали главную роль въ профессурѣ), усвоивъ себѣ духъ иночества въ древней столицѣ православія, старались и въ Москвѣ утвердить за монашествомъ господство въ области науки; вслѣдствіе ихъ вліянія считалось почти необходимою поручать ученыхъ каведры во всѣхъ классахъ преимущественно монашествующимъ; много было курсовъ, когда въ академіи между наставниками не было ни одного свѣтскаго лица“. Въ 1744 былъ въ низшемъ классѣ одинъ свѣтскій учитель, но и его сочли нужнымъ удалить; по опредѣленію синода велѣно было „Григорья Кондакова изъ учителей, *помеже* онъ монашескаго чина понинѣ не пріемлетъ, исключивъ, ни въ какомъ школамъ не опредѣлять“ ²⁾.

Соотвѣтственно этому, преподаваніе и теперь сохраняло вообще основныя черты старой кіевской схоластики, и въ высшихъ курсахъ главнѣйшіе предметы академической науки излагались прямо на латинскомъ языкѣ: этому языку придавалось особенное значеніе языка „единоначальствія“ ³⁾...

Центромъ преподаванія было богословіе, затѣмъ философія, то и другое въ строго схоластическихъ приемахъ. Схоластическія умствованія приводили къ тому, что, по словамъ историка академіи, „разумъ указывалъ въ разсматриваемомъ предметѣ (въ роученіи) такія стороны, такіе признаки, къ указанію которыхъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 107. Выше мы видѣли эти княжескія фамиліи среди исполнителей торжественныхъ дѣйствій въ московской академіи.

²⁾ Тамъ же, стр. 84—85.

³⁾ Любопытно, что это объяснял даже ученикъ Лихудовъ, Федоръ Поликарповъ, въ предисловіи къ своему трехязычному лексикону: греческій языкъ есть языкъ мудрости, латинскій языкъ—единоначальства; объясняя значеніе надписи на крестѣ Спасителя, онъ говорилъ: „латинскимъ языкомъ знаменуется вселѣнная единачальствующа Господа бжтѣ“; а въ настоящее время: „латинскій діалектъ нинѣ по кругу земному паче нинѣ во гражданскихъ и школьныхъ дѣлахъ обносится“.

Откровение не даетъ ни малѣйшаго повода, объяснять мѣста писанія въ такомъ смыслѣ, который могла отыскать только страсть къ утонченнымъ изслѣдованіямъ"; и богословіе разрѣшало, напр., такіе вопросы: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла? какъ они мыслятъ и понимаютъ — посредствомъ соединенія, различенія или какъ-нибудь иначе? какимъ образомъ они сообщаютъ другъ другу свои мысли? сколько великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? могутъ ли Божескія лица принять человѣческую природу и природу другихъ существъ сотворенныхъ? о познаваемости и возможности воплощенія; въ чемъ состоитъ *сущность* свѣта славы въ жизни будущей? и т. д. ¹⁾ Руководствомъ въ этихъ дебряхъ служили средне-вѣковые и новѣйшіе схоластики, въ томъ числѣ и іезуиты... Подобнымъ образомъ ставились и рѣшались вопросы философіи, гдѣ основнымъ авторитетомъ былъ Аристотель, истолкованный схоластиками. Въ лекціяхъ Теофилакта Лопатинскаго упомянуть и Декартъ, но постоянно опровергается; въ философію входила по старинному кромѣ метафизики и физика, и послѣдняя, мѣшаясь постоянно съ метафизикой, съ богословіемъ и психологіей, излагается съ утонченными изслѣдованіями о существѣ вещей и нерѣдко съ фантастическими разсужденіями о настоящей природѣ. Въ физикѣ и метафизикѣ смѣшиваются вопросы самые отвлеченные и самые реальные, и послѣдніе обыкновенно излагаются въ томъ же странномъ средне-вѣковомъ стилѣ. Физика разбираетъ, можетъ ли матерія существовать безъ всякой формы, что можно сдѣлать съ помощью искусства и чего нельзя, говорить о натуральной магіи, занимается изслѣдованіемъ свойствъ тѣлъ, движенія, покоя, можетъ ли существо сотворенное существовать внѣ мѣста и т. п. Въ психологіи послѣ главы о душѣ слѣдуетъ трактатъ о волосахъ, есть ли въ волосахъ жизненная сила, отчего у стариковъ волосы выпадаютъ, отчего у женщинъ не растетъ борода и т. п. Послѣ объясненій о силахъ и дѣйствіяхъ души идетъ рѣчь о душѣ прозябательной, о процессѣ питанія, о кровообращеніи, потомъ о рожденіи живыхъ существъ: „въ этой главѣ, — говоритъ историкъ, — многіе фізіологическіе вопросы могли бы быть опущены, какъ малополезные для строгаго вкуса и тяжелые для чувства цѣломудреннаго. Неумѣстнѣ всего представляется послѣ изложенія разныхъ фізіологическихъ тонкостей рѣшеніе вопроса *de purificatione Beatissimae Virginis*". Въ главѣ о системѣ міра прибавленъ вопросъ о предметахъ, которыхъ настоящее

¹⁾ Тамъ же, стр. 148—144.

существованіе въ мірѣ сомнительно; къ нимъ философъ относитъ рай, сиренѣ, розу безъ шиповъ. Относительно рая приводятся мнѣнія схоластическихъ мудрецовъ: одинъ полагалъ, что рай имѣлъ около 40 миль въ окружности; другой, что онъ былъ похожъ на какое-либо царство, напримѣръ на Испанію или на Польшу, но вообще полагается, что слѣды рая уничтожены Ноевымъ потокомъ; относительно Иліи и Еноха, которые живы до сихъ поръ, неизвѣстно, гдѣ они теперь. Наконецъ: „Росла ли въ раю роза безъ шиповъ? На это Василій Великій, Амвросій и Дамаскинъ отвѣчаютъ утвердительно: ибо послѣ паденія уже сказалъ Богъ Адаму, что земля возраститъ терніе“¹⁾).

Съ теченіемъ времени новыя философскія ученія начинаютъ проникать и въ этотъ пріютъ схоластики, но въ то время, о которомъ мы говоримъ, она процвѣтала еще въ полной мѣрѣ и напр. наука о природѣ трактовалась по средневѣковому образцу, когда въ настоящей наукѣ совершались великія открытія, которыя при Петрѣ начинали находить мѣсто и въ русской книгѣ: были уже названы имена Коперника, „Гюенса“, но Стефанъ Яворскій думалъ, что богословы могутъ смѣяться надъ Коперникомъ. Такіе богословы были въ той академіи, которой Стефанъ былъ протекторомъ, и удержались еще долго послѣ него... Преподаваніе другихъ наукъ—реторики и піитики—совершалось въ томъ же старомъ схоластическомъ направленіи. Въ результатѣ его производились натянутыя и высокопарныя риторическія упражненія, которыя неизмѣнно сопровождались украшеніями изъ греческой міеологіи, обильное силлабическое стихотворство, между прочимъ въ тѣхъ школьныхъ драмахъ и торжественныхъ дѣйствахъ, о какихъ мы раньше говорили... Историки этой старой школы указываютъ, что схоластическое преподаваніе при всѣхъ его недостаткахъ, которые теперь бросаются въ глаза, имѣло свою полезную сторону въ томъ, что путемъ постоянныхъ логическихъ упражненій приучало къ работѣ мысли, къ точному разсужденію, что оно приготавливало, напримѣръ, опытныхъ богословскихъ полемистовъ и т. п.; но рядомъ съ этою пользою оно имѣло и свои несомнѣнно вредныя стороны. Схоластическое умствованіе несомнѣнно приносило тотъ вредъ, на который указывалъ нѣкогда Теофанъ. Онъ писалъ однажды профессорамъ академіи кievской, что схоластика занимала учениковъ пустыми спорами, но поселяла въ нихъ увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости; что науку надо преподавать основательно и достойно, а не дѣлать изъ нея ко-

¹⁾ Тамъ же, стр. 159 и далѣе.

медію. Богословіе и философія въ той формѣ, какъ мы указывали, дѣйствительно выпадали иногда въ комедію, а проповѣдь, какъ обучала ей схоластическая реторика, продолжала напоминать ту „фабрику испорченнаго краснорѣчія“, противъ которой Теофанъ вооружался еще въ своихъ первыхъ кievскихъ трудахъ: наша проповѣдь надолго сохранила эту фальшивую риторическую манеру, которая такъ помогала ей удаляться отъ дѣйствительныхъ задачъ жизни, даже дѣлала ее совсѣмъ бесплодной для паствы... Въ концѣ концовъ, извѣстная степень науки все-таки воспринималась и потребность въ ученыхъ людяхъ была такова, что питомцы академіи шли не только въ церковное служеніе, но требовались и на разныя дѣла гражданской службы: изъ нихъ брали подготовленныхъ учениковъ для академической гимназіи въ Петербургѣ, и въ числѣ ихъ былъ, напр., Ломоносовъ.

Постановка учебнаго дѣла имѣла въ тѣ времена и другой великій недостатокъ—бѣгство изъ школы самихъ учениковъ. Нѣкоторые усердные защитники старой Руси утверждали, что причиною бѣгства было то, что школа XVIII вѣка—и та, которую заводилъ Петръ, и та, какую въ церковномъ вѣдомствѣ устроивали кievскіе ученые,—не отвѣчала русскому народному характеру. Это возраженіе могло бы имѣть смыслъ въ томъ случаѣ, еслибы въ старой Россіи можно было дѣйствительно указать какую-нибудь настоящую школу, но такая школа не существовала. Дѣло объясняется проще: громадная масса людей не чувствовала въ школѣ никакой потребности, считала ученіе излишней роскошью (по стародавнему заключенію, что „отцы наши не глупѣе насъ были и обходились безъ школы“ и т. п.), и даже вредной, потому что можно было „зайтись въ книгахъ“ и потерять разумъ,—дикое представленіе, на которое негодовалъ еще Курбскій; молодыя поколѣнія охотно принимали это соображеніе и бѣжали изъ школы, чтобы не утруждать себя ученіемъ. Историкъ академіи замѣчаетъ просто, что мысль о необходимости образованія не могла быть скоро всѣми принята съ убѣжденіемъ и охотой, потому что „старая привязанность къ праздному невѣжеству еще правилась многими“, и это справедливо ¹⁾. „Духовный Регламентъ“ замѣчаетъ, что наборъ въ школы въ глазахъ родителей похожъ былъ на рекрутскій наборъ. Родители оплакивали своихъ дѣтей, которыхъ брали въ школы, совершенно такъ же, какъ древній лѣтописецъ говорилъ это о временахъ Ярослава; и когда школьники бѣжали изъ школы, родители только помогали имъ укрываться. Въ концѣ концовъ отъ родителей брали

¹⁾ Тамъ же, стр. 105.

„сказки“, что они укрывать бѣглецовъ не будутъ; синодъ приказывалъ брать въ школы всѣхъ поповскихъ дѣтей, „а которыя во ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и *неволею*“, и назначенъ былъ денежный штрафъ за неявку... Старина держалась такъ крѣпко, что происходили, наконецъ, столкновения между епархіальной властью и приходами: когда архіерей назначалъ къ церкви ученаго церковника, приходъ выставлялъ своего кандидата, хотя и не ученаго; въ самой Москвѣ бывали столкновения, въ которыхъ вліятельный прихожанинъ заявлялъ: „я плюю на богословію и что намъ есть отъ богословія“, что имъ школьники отнюдь не надобно, пусть школьники идутъ въ села и учатъ тамъ деревенскихъ мужиковъ, а московскіе жители до нихъ еще перучены, да и лучше ихъ, и если школьники впередъ придетъ въ ихъ церковь, то они опредѣлили—метлой его выгнать. Не отличались отъ подобныхъ прихожанъ и нѣкоторые архіереи. Съ тѣхъ поръ, какъ стали вызывать въ Москву ученыхъ архіереевъ изъ Малороссіи, они встрѣчали въ Москвѣ большую вражду со стороны менѣе ученыхъ архіереевъ великорусскихъ, и послѣдніе свое нерасположеніе къ „черкасамъ“ переносили и на школы, о которыхъ тѣ начинали заботиться,—тѣмъ больше, что содержаніе школы уменьшало архіерейскіе доходы. Въ Казани архіерей предпринялъ гоненіе на школу и учителей; въ Архангельскѣ архіерей Варсоноей говорилъ о большой, хорошо выстроенной школѣ: „Чего ради такая не по здѣшней епархіи школа построена? да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ; къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи черкасишки, ни къ чему негодницы“. Этотъ неохотникъ до школы и въ другихъ отношеніяхъ сохранялъ старинные нравы, отличался грубостью и жестокостью; однажды, подгулявши, собственными руками прибилъ соборнаго ключаря и велѣлъ водить его на цѣпи вокругъ монастыря въ жестокой морозъ; назначалъ въ священники людей моложе двадцати лѣтъ, бралъ взятки со ставленниковъ... Въ царствованіе Елизаветы Петровны въ самой Москвѣ было не больше 40 ученыхъ священниковъ и діаконовъ, включая сюда не окончившихъ академическаго курса ¹⁾. Должно сказать впрочемъ, что нѣкоторымъ извиненіемъ этого бѣгства отъ школы могло служить чрезмѣрное количество бесплодной схоластики, какимъ отличались академикъ—только московскій купецъ Азбукинъ, „плевавшій на богословію“, не умѣлъ высказать своей мысли по-человѣчески; но бѣжали и изъ школъ менѣе мудреныхъ: приходилось загонять въ ученіе и дворянскихъ недорослей, какъ Митрофанъ у Фонъ-Визина.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXII, изд. 2-е. М. 1890, стр. 258—260.

Первыя свѣтскія школы являются только со временъ Петра въ видѣ школъ цыфирныхъ, навигацкихъ, инженерной, артиллерійской. Первая болѣе правильная школа, хотя предназначенная всего болѣе для военнаго образованія, но давшая мѣсто и общему образованію, былъ сухопутный кадетскій корпусъ, основанный при Аннѣ Ивановнѣ, по мысли графа Ягужинскаго и подъ надзоромъ Минниха въ 1732 году, по образцу прусскаго кадетскаго корпуса въ Берлинѣ. Мысль о необходимости свѣтскаго образованія была ясно высказана въ первый разъ, при Петрѣ. Въ законодательномъ актѣ, изданномъ въ годъ заключенія ниптадтскаго мира, говорилось: „Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства російскаго, когда оное не имѣло правильного себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его и надзачаніе велика и страшна стала, когда державнѣйшій нашъ монархъ, его царское величество Петръ I, обучилъ оное изрядными регулами“. И прибавлялось: „тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачевствѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ“. Первымъ учрежденіемъ, которое предназначено было специально для свѣтской науки, была Академія наукъ, которая должна была служить не только цѣлямъ ученымъ, но и цѣлямъ преподаванія: при ней должна была устроиться не только гимназія и университетъ, но должны были найти мѣсто художества и ремесла. Академія должна была разрабатывать науку, дѣлать „инвенціи“, производить разнаго рода изслѣдованія по изученію Россіи, ея географіи, ея естественныхъ богатствъ, ея народовъ, предпринять (на первый разъ руками нѣмецкихъ ученыхъ) изученіе ея древней исторіи и т. д.; въ то же время она должна была устроить среднюю и по возможности высшую школу, должна была заниматься художествами, переводить на русскій языкъ и печатать ученныя и учебныя книги, наконецъ, участвовать въ устройствѣ придворныхъ спектаклей, иллюминацій и фейерверковъ, поставлать торжественныя оды и публичныя рѣчи. Уже это обиліе занятій, возлагавшихся на Академію, показываетъ, какъ велика была скудость въ людяхъ ученыхъ или просто чему-либо учившихся: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось какое-нибудь ученое или техническое знаніе (кромѣ только военнаго), полагалось, что это должна знать, рѣшать и дѣлать Академія. Ея внѣшнее положеніе было соотвѣтственно этому довольно странное; она зависѣла и отъ своего президента, и отъ штатсъ-конторы, и отъ сената ¹⁾.

¹⁾ См. Пекарскаго, Исторія Академіи Наукъ, т. I—II; Сухомлинова, Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, т. I—IV. Спб., 1885—1887.

Между тѣмъ потребность въ нѣскольکو образованныхъ людяхъ для цѣлей самаго государства, въ его возростающемъ развитіи, становилась все болѣе настоятельной; но учиться было просто негдѣ въ томъ направленіи, какое требовалось для молодыхъ повогнѣй служилого класса, для „шляхетства“, какъ стали его тогда называть. Школы было мало или онѣ были недостаточны; оставалось или учиться кое-какъ дома, или ѣхать за границу. Правительство понимало неудобство этого послѣдняго способа: „хотя изъ того не малая польза происходила, только не безъ трудности и не безъ убытку имѣть отъ тѣхъ посылокъ было, а именно: отлучались отъ домовъ и отъ родителей своихъ въ дальніе чужіе края, въ которыхъ, какъ въ проѣздахъ, такъ и въ тамошнемъ себя содержаніи и въ платежѣ за науки, понесли великіе убытки, а нима, не имѣя надъ собою надлежащаго смотрѣнія, возвратились безъ плода“. Въ этихъ соображеніяхъ основанъ былъ Сухопутный кадетскій корпусъ, главнымъ образомъ для того, „чтобы такое славное и государству зело потребное дѣло (какъ дѣло воинское) наиваще въ искусствѣ производилось“, и чтобы съ этой цѣлью, „шляхетство отъ молодыхъ лѣтъ въ тому въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ наукъ, „къ воинскому искусству потребныхъ“, въ Сухопутномъ корпусѣ дано было мѣсто и общему образованію: „понеже,—говорилось въ указѣ,—не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, тако-жъ и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе: того ради имѣть при этомъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованія, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы, видя природную склонность, по тому-бъ и къ ученію опредѣлять“. Въ день открытія корпуса (разсчитаннаго на двѣсти человѣкъ) въ немъ считалось всего 56 воспитанниковъ, но уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ ихъ оказалось болѣе 300, и въ томъ же году по докладу директора, графа Минниха, новый штатъ корпуса былъ опредѣленъ въ 360 человѣкъ. Изъ этого можно заключить, что шляхетство увидѣло пользу образованія по крайней мѣрѣ для прохожденія службы; но бѣгство изъ школы оказалось и здѣсь, хотя въ скромныхъ размѣрахъ сравнительно съ духовной академіей и семинаріями; въ слѣдующемъ году пришлось принимать противъ этого мѣры по случаю побѣга пяти воспитанниковъ.

Въ Сухопутномъ корпусѣ преподавались такимъ образомъ не только военныя науки, но и предметы общаго образованія и даже предметы, спеціально подготовлявшіе къ гражданской службѣ. И здѣсь высшей инстанціей былъ сенатъ. Къ какимъ результатамъ

приводило преподаваніе, можно судить, напр., по такому эпизоду. „Въ 1742 году предъ собраніе сената представлены были присланные отъ Академіи наукъ кадеты Колошинъ, князь Циціановъ, Ляпуновъ, Поповъ, которые въ кадетскомъ корпусѣ обучались юриспруденціи, ариѳметикѣ и другимъ наукамъ и были посланы въ Академію наукъ для свидѣтельства. Профессора этой Академіи въ аттестатахъ показали, что князь Циціановъ, Ляпуновъ и Поповъ во всей юриспруденціи, универсальной исторіи и географіи нарочито упражнялись, по-нѣмцки совершенно говорятъ и во французскомъ и латинскомъ языкахъ доброе познаніе получили, въ ариѳметикѣ и геометріи нарочито искусны, а Колошинъ въ натуральномъ и гражданскомъ правѣ нѣсколько упражнялся, въ универсальной исторіи, географіи, ариѳметикѣ нарочитое искусство показалъ, по-нѣмцки хорошо говоритъ и обратно съ него на російскій переводить. Сенатъ приказалъ опредѣлить этихъ кадетъ къ правленію секретарской должности—Колошина въ юстицъ-коллегію, Циціанова и Ляпунова въ вотчинную, Попова въ судный приказъ“¹⁾. Любопытно,—замѣчаетъ Соловьевъ,—что кадетскій корпусъ въ тѣ годы находилъ русскихъ людей, которые могли быть преподавателями этихъ предметовъ и учить иностраннымъ языкамъ такъ, что Академія наукъ признавала въ ученикахъ совершенное знаніе... Въ этомъ Сухопутномъ корпусѣ между прочимъ обучался Сумароковъ.

Выше мы говорили, что въ Москвѣ существовала медицинская школа, въ которую опять проникали повидимому и интересы общаго образованія; одно время въ ней существовалъ настоящій театръ.

Въ такомъ элементарномъ, неустроенномъ, случайномъ состояніи находились учебныя средства. Школъ было во всякомъ случаѣ мало; отчасти ихъ устройство не отвѣчало ни общимъ требованіямъ здраваго преподаванія по тогдашнему состоянію науки (напр., не говоря о схоластическомъ богословіи по іезуитскимъ учебникамъ, философія и физика въ курсахъ духовныхъ академій), ни ближайшимъ потребностямъ русскаго школьнаго образованія; сколько-нибудь учившихся людей было немного, и ими спѣшили воспользоваться для надобностей службы. Если вмѣстѣ съ тѣмъ въ прежнемъ „учительномъ сословіи“ даже на высокихъ ступеняхъ іерархіи сказывалась самая откровенная вражда къ просвѣщенію, то съ другой стороны тамъ, гдѣ школа была поставлена болѣе или менѣе здраво, она быстро привлекала учениковъ, какъ мы

¹⁾ Соловьевъ, тамъ же, т. XXII, стр. 315.

видѣли это въ Сухопутномъ корпусѣ. Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны въ русское общество явились, повидимому, новыя возбужденія къ просвѣщенію. Послѣ безобразій предшествующаго періода одно появленіе на престолѣ дочери Петра Великаго создавало надежды, что возвратится опять времена національной славы. Мы упоминали выше, какъ тогдашняя драма, изображавшая иносказательно воцареніе Елизаветы, проклинала владычество иноземцевъ и предсказывала народную славу и благополучіе. Въ томъ же тонѣ говорили проповѣдники первыхъ лѣтъ царствованія Елизаветы, и, безъ сомнѣнія, былъ глубоко искрененъ Ломоносовъ въ знаменитомъ похвальномъ словѣ Елизаветѣ. Это настроеніе должно было напомнить стремленіе временъ Петра къ водворенію наукъ и одушевлять личные силы; имя Петра въ эти годы снова приобрѣтаетъ особый нравственный авторитетъ и мы увидимъ, какъ писатели этой эпохи усиливаются доказать, между прочимъ, своими собственными твореніями, что русскіе уже сравнялись съ Европой въ просвѣщеніи. Важное политическое положеніе, которое Россія успѣла уже занять въ средѣ европейскихъ державъ, заставляло русскихъ людей, которымъ могло предстоить высокое положеніе, стараться приобрѣсти образованіе, которое поставило бы ихъ на уровнѣ европейскихъ знаній и интересовъ. „Вслѣдствіе переворота 25-го ноября, — говоритъ Соловьевъ, — нѣмцы, стоявшіе на верху, попадали, высшее правительство очутилось въ русскихъ рукахъ; но иностранцы толковали, что этотъ переворотъ будетъ гибеленъ для Россіи, русскіе по своей необразованности, не умѣя вести дѣла, погубятъ то, что было создано искуснымъ нѣмцемъ Остерманомъ, или принуждены будутъ возвратить его изъ ссылки. Новое поколѣніе русскихъ людей, выведенное Елизаветою на верхъ, должно было постараться уничтожить мнѣніе, что безъ помощи иностранцевъ Россія не можетъ быть управляема, не можетъ поддержать своего значенія, даннаго ей отцомъ Елизаветы, а необходимое средство для этого было образованіе. Алексѣй Разумовскій посылаетъ молодого брата своего учиться за границу; вице-канцлеръ графъ Воронцовъ ѣдетъ за границу какъ для поправленія здоровья, такъ и для образованія; молодой Иванъ Шуваловъ въ образованіи, въ сближеніи съ учеными, писателями готовитъ себѣ знаменитое мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. Нѣмцы съ презрѣніемъ относились о необразованности русскихъ; но когда русскіе въ поискахъ за образованностью внимательно посмотрѣли на Европу, то увидали, что сами нѣмцы, столь гордые своимъ учительскимъ характеромъ въ Россіи, у себя дома рабски подчиняются вліянію французскому. Отсюда понятно, что

русскіе люди непосредственно обращаются къ Франціи, къ ея языку, къ ея литературѣ" ¹⁾).

Царствованіе Елизаветы было дѣйствительно тѣмъ временемъ, когда въ нашемъ обществѣ стало въ особенности распространяться вліяніе французскаго языка свѣтскихъ обычаевъ, а также и литературы; но Петръ уже имѣлъ большое уваженіе къ французской наукѣ, а первые начатки французскаго литературнаго вліянія восходятъ ранѣе времени Елизаветы, къ Кантемиру и къ Тредьяковскому; Сумароковъ, повидимому, уже въ Сухопутномъ корпусѣ начался французской литературы и сталъ ея поклонникомъ. Эти образцы и послужили первымъ литературнымъ руководствомъ.

Названные писатели, кромѣ собственныхъ произведеній, считали необходимымъ дать, въ томъ или другомъ отношеніи, и теоретическія основанія, на которыхъ должна была опереться новая литература. Прежде всего потрудился надъ этимъ Тредьяковский. Еще въ тридцатыхъ годахъ онъ ставилъ вопросы объ истинныхъ свойствахъ русскаго стихотворства и обогащеніи русскаго языка (для цѣлей литературы); позднѣе, онъ счелъ нужнымъ дать переводы теоретическихъ поэмъ Горация и Буало и сопровождалъ ихъ своими объясненіями; переводя Телемака, онъ счелъ нужнымъ дать трактатъ объ эпосѣ и т. д. Эти теоретическія объясненія стояли вполнѣ на псевдо-классической почвѣ и на русскомъ языкѣ являлись первыми въ своемъ родѣ. Правда, въ преподаваніи духовныхъ академій уже раньше излагалась реторика и піитика на очень близкихъ основаніяхъ, потому что онѣ также были въ существѣ ложно-классическими, но, во-первыхъ, преподаваемые на латинскомъ языкѣ, онѣ не выходили за стѣны школьныхъ святилищъ, а во-вторыхъ, не выходили также изъ рамокъ школьнаго латинско-схоластическаго содержанія и совсѣмъ не знали о дальнѣйшемъ развитіи псевдо-классицизма въ новой литературѣ. Тредьяковский думалъ познакомить русскихъ читателей съ тѣмъ, что по его мнѣнію было самымъ свѣжимъ и авторитетнымъ явленіемъ и закономъ литературы. Трудно сказать, насколько его переводы Горация и Буало поучали русскихъ читателей, потому что переводъ по его обыкновенію сдѣланъ жестокими стихами (Буало) и тяжелой прозой (Гораций), но многіе изъ читателей могли быть знакомы и съ подлинникомъ по крайней мѣрѣ французскаго поэта. Къ переводу онъ присоединилъ объяснительное

¹⁾ Тамъ же, стр. 319—320.

введение, а текстъ сопровождалъ комментаріями; за переводъ онъ принялся съ великой серьезностью и рѣшилъ („паль жребій судьбѣ мойнѣ“) перевести Буало стихами, а Горациа прозой: Горацийъ былъ главною основою для Буало и переводчикъ хотѣлъ, чтобы произведеніе французскаго писателя, „представляя прежде ту же самую твердость, услаждало бы притомъ и мѣрою и приемомъ, и чрезъ то бы больше предуготовило разумъ къ внятію ихъ въ послѣднемъ“; кромѣ того онъ хотѣлъ усладить читателя и другимъ, а именно, перевелъ разныя пѣсни ямбическимъ и хорическимъ гекзаметромъ попеременно. Наконецъ, говорилъ онъ: „не оставляю вамъ донести, благосклонный читатель, и сіе, что каждый Буалдовъ Стихъ изображается каждымъ же моимъ однимъ; такъ что, сколько у Буало во всякой Пѣсни, и во всѣхъ четырехъ Стиховъ, столько же и у меня во всемъ томъ составѣ: сіе подлинно весьма трудно, но силъ человѣческихъ не выше“.

Переводчикъ считъ нужнымъ объяснить и другія обстоятельства своего труда. Онъ опасался, что предпріятіе, которое по видимому должно бы было принести ему честь „за подыятіе труда и за обогащеніе нашего языка тѣмъ, чему у насъ давно бытъ надлежало, и еще при самомъ началѣ словесныхъ красныхъ *Наукъ*, напротивъ того, скорѣе можетъ обратиться въ причину укоривны и похуленія“. А именно, онъ боялся, что пристрастные люди будутъ разглашать, что едва ли переводные стихи могутъ быть столько же хороши, какъ подлинныя, а также будутъ осуждать трудившагося, что онъ „употребилъ тут же Хорическій Гекзаметръ, который токмо нѣженъ, а не одинъ Іамбическій, кой есть высокъ и благороденъ“. Надо замѣтить, что у него уже раньше шли споры съ Ломоносовымъ объ относительныхъ достоинствахъ хорического и ямбическаго стиха... „Весь сей вопль, — продолжаетъ Тредьяковский, — кто услышитъ издали, тому онъ можетъ либо послышаться основательнымъ; но приложившаго ближе къ нему свои слухи, едва ли онъ въ состояніи обольстить оглушить: онъ ни пошлымъ не имѣетъ твердости“ ¹⁾. И онъ подробно доказываетъ примѣрами изъ классической древности и изъ новѣйшей французской литературы, что переводы могутъ быть не только не хуже подлинниковъ, но будто бы иной разъ даже лучше; между прочимъ изъ этихъ примѣровъ оказывается его большая начитанность и въ классикахъ, и во французской литературѣ. Затѣмъ онъ старается „очистить второй пунктъ“, то-есть

¹⁾ Т.-е. простого, обыкновеннаго образованія.

рѣшить споръ о хорей и ямбѣ, ссылаясь опять на классиковъ, на Аристотеля, Квинтилиана и Горація.

Давши практическій кодексъ поэзіи, Тредьяковскій составилъ послѣ „Мнѣніе о началѣ поэзіи и стиховъ вообще“. Это былъ опять первый въ своемъ родѣ трактатъ на русскомъ языкѣ. „Мнѣніе“ опять свидѣтельствуетъ о большой начитанности автора и по своему времени представляетъ весьма здравыя разсужденія, въ которыхъ онъ руководился съ одной стороны классиками, а съ другой новѣйшими писателями, особливо Фонтенелемъ и историкомъ Ролленемъ, котораго онъ вообще почиталъ. Горацій уподоблялъ поэзію живописи; онъ прибавляетъ, что стихъ можно уподобить краскѣ, употребляемой въ живописи. Поэтому, говорить онъ, „нѣкто Эразій Путеанскій написалъ основательно: иное быть пѣтомъ, а иное стихи слагать“. О поэзіи писано много, но о началѣ стиха не говорилъ почти никто. Истинное понятіе о поэзіи есть не то, чтобы слагать стихи, но чтобы „творить, вымысливать и подражать“. „Твореніе есть расположеніе вещей послѣ оныхъ избранія; вымысленіе есть изобрѣтеніе возможностей, то-есть, не такое представленіе дѣяній, каковы они сами въ себѣ, но какъ они быть могутъ, или должны; а подражаніе есть слѣдованіе во всемъ естеству описаніемъ вещей и дѣлъ по вѣроятности и подобію правдъ“... „Можно творить, вымысливать и подражать прозою; и можно представлять истинныя дѣйствія стихами“, — какъ объяснялъ уже Аристотель. Онъ приводитъ мнѣнія древнихъ писателей о началѣ поэзіи, свидѣтельство книги Бытія объ Іувалѣ, который, по мнѣнію Тредьяковского, и былъ первый пѣтъ и первый музыкантъ, а послѣ потопа первая поэзія была пастушеская; но первая поэзія въ соединеніи съ стихами была дѣломъ жрецовъ, которымъ для исполненія ихъ служенія нуженъ былъ особый составъ рѣчи: посредствомъ стиха рѣчь получала поэтическую возвышенность и красоту. Повторяя въ этомъ мнѣніи своего авторитета Роллена, Тредьяковскій прибавляетъ соображенія и о древней русской поэзіи: „сіе, — говоритъ онъ, — равнымъ образомъ я разумѣю и о нашихъ самыхъ первоначальныхъ Стихахъ: вѣроятно по всему, что и наши поганскіи Жрецы были первыми у насъ Стихотворцами. И хотя нѣтъ ни одного оставшагося у насъ образчика языческаго нашего Поэзіи, однако видно и нынѣ по мужицкимъ пѣснямъ, что древнѣйшія Стихи наши, бывшія въ употребленіи у Жрецовъ нашихъ, состояли Стопами, были безъ Ріемъ, и имѣли Тоническое количество слоговъ“. Дальше мы еще встрѣтимся съ этимъ взглядомъ. Къ общему вопросу о поэзіи Тредьяковскій возвратился въ „Письмѣ къ прія-

телю о нынѣшней пользѣ гражданству отъ поэзіи⁴. Указавъ древнее начало и значеніе поэзіи, прославлявшей великихъ людей, научавшей добродѣтели, исправлявшей нравы, онъ полагаетъ, что и въ наше время поэзія могла бы сохранить свою прежнюю важность, еслибы наше время не довольствовалось во многихъ случаяхъ другимъ родомъ красноречія, именно прозой, которая исполняетъ многое, чтò принадлежало прежде поэзіи, а поэзія предоставила только разные виды стихотворства. И такъ прежде стихи были нужное и полезное дѣло, а нынѣ „утѣшная и веселая забава, да ктому жъ плодъ богатаго мечтанія къ заслуженію не того вещественнаго награжденія, которое есть нужно къ препровожденію жизни, но такова воздаянія, кое часто есть пустая и скоро забываемая похвала и слава“. Сдѣлавъ оговорку, что Іоаннъ Дамаскинъ и другіе святые отцы показали, что стихи имѣютъ великую важность и для православной церкви, Тредьяковскій соглашается, что теперь же нѣтъ въ стихахъ ни особой нужды, ни большой пользы, но все-таки утверждаетъ, что они надобны, потому что какъ бывають кромѣ скромныхъ сельскихъ хижинъ и великолѣпныя палаты, такъ нужны и стихи между науками, украшающими разумъ, или „потопику между Ученіями словесными надобны Стихи, поколику Фрукты и Конфекты на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ“... Это разсужденіе, нерѣдкое въ томъ вѣкѣ, своею нелѣпою формою указываетъ, однако, что авторъ разумѣлъ, и самъ грубо практиковалъ, поэзію просто какъ ремесло.

Въ другихъ случаяхъ онъ однако опять восхищается произведеніями поэзіи и къ переводу Телемака присоединилъ обширное „предъизъясненіе“ о героической поэмѣ, которая кажется ему высшимъ совершенствомъ поэзіи: „Ироическая инако Эпіическая, Піима, и Эпопіа, есть крайній верхъ, вѣнецъ, и предѣлъ высокимъ произведеніямъ разума человеческого. Она и глава, и совершеніе конечное, всѣхъ преніящныхъ подражаній естеству, изъ которыхъ нѣдино не содѣлываетъ большія сладости человѣкамъ, съ природы любоподражателямъ, коль сіе, толикаго превосходства, Эпіическое подражаніе“. Героическая поэма несравненно выше живописнаго искусства: „Сіа едина уловляетъ хитро, что есть самое нѣжное въ чувственностяхъ, а тонкое и живое въ мысляхъ. Едина сіа входитъ и въ глубину внутренностей нашихъ, возбуждая въ ней преутраенныя душевные пружины въ подвижность. Соединяя въ себѣ дивнымъ счетаніемъ, всѣ пріятности Зографства¹⁾ и Мусікіи, имѣетъ, сверхъхъ сихъ, еще не-

¹⁾ „Живописество“, толкуетъ Тредьяковскій.

изреченные, коихъ нигдѣ индѣ не заемлетъ, и которые вѣдомы ей токмо единой". Она учитъ добродѣтели, она есть правоучительное любомудріе, она есть исторія, но все это предлагаетъ въ привлекательномъ видѣ. Напримѣръ, „Исторія есть обширная страна, измѣряемая всѣмъ разстояніемъ мѣстъ, и многочисленіемъ лѣтъ; но Эпопіа, Поле токмо подлежащее, расщепренное цвѣтами и окруженное благосѣннолиственными рощами: такъ что та посылаетъ въ далекое и долгое путешествіе, а сія изводитъ на не многовременное токмо гуляніе въ прохладу. Вкратцѣ, Ироическая единственно Пііма изобрѣла средство преподавать истину, красующуюся убранствомъ багрянозарнымъ, сіяющую удобреніемъ ¹⁾ благоприличнымъ, и высающуюся величіемъ сановнымъ", такъ, чтобы, „единнымъ воззрѣніемъ вдругъ созерцаемая", она долго удержала на себѣ „взоръ, велѣлѣнность разсматривающій, какъ ненасытно дивящійся въ любопытствѣ, и чрезъ то вперилась бы и впечатлѣлась въ разумъ на всѣ вѣки незабвенно".

Такъ Тредьяковскій изображалъ красоту ироической піімы, и такимъ языкомъ говорили эти первыя литературныя толкованія, въ которыхъ школьная реторика неумѣло старается выразить эстетическія впечатлѣнія и гдѣ, однако, мы не разъ встрѣтимъ удачное и красивое слово, съ тѣхъ поръ водворившееся въ литературномъ языкѣ... Первымъ изобрѣтателемъ ироической піімы, который вмѣстѣ съ тѣмъ достигъ въ ней величайшаго совершенства, былъ, конечно, Омиръ; черезъ нѣсколько столѣтій послѣ него вторымъ ироическимъ піітомъ былъ римлянинъ Маронъ (Виргилій), а потомъ почти тысячу семьсотъ лѣтъ не было новой ироической піімы, когда четвертою—послѣ Иліады, Одиссеи и Энеиды—„снабдилъ" общество на французскомъ языкѣ знаменитый Фенелонъ,—„да какою сею снабдилъ? По самой сущей правдѣ, превосходнѣйшею несравненно и Первыхъ двухъ, и Третьею послѣдніа, а сіа Истиною и Твердостію правоучительнаго Хрістіанскаго Наставленія"... Тредьяковскій между прочимъ выразилъ свое великое уваженіе къ произведенію Фенелона тѣмъ, что его прозу перевелъ своими гексаметрами: онъ былъ увѣренъ, что его Тилемахида вполне передаетъ всѣ красоты подлинника, „всю оныхъ гладкость, пріятность, съ самою сладостію произливаетъ", что онъ угощаетъ своихъ читателей, какъ и Фенелонъ, „медоточнымъ нектаромъ, питіемъ онымъ творческимъ"...

Такимъ образомъ Фенелонъ, несмотря на промежутокъ въ тысячи лѣтъ, является непосредственнымъ продолжателемъ Гомера

¹⁾ Онъ разумѣлъ вѣроятно: украшеніе.

и Виргилія; очевидно, ихъ продолжалъ бы и русскій писатель, еслибы задумалъ эпическую поѣму. Такая же прямая преемственность соединяла новую европейскую литературу съ классическими и въ другихъ областяхъ поэзіи и прозы. Въ „Рассужденіи о комедіи вообще“ Тредьяковскій объясняетъ, что комедія древнихъ грековъ и римлянъ продолжается и понынѣ подражаніемъ у всѣхъ почти европейскихъ народовъ, а особливо у французовъ: „нынѣшняя Европейская Комедія, на какомъ бы она языкѣ ни была сочинена, и представлена, есть не что иное какъ токмо онажъ Греческая, въ совершенство уже тамже приведенная Комедія“. Конечно, то же самое надо было разумѣть о трагедіи, о разныхъ формахъ лирики и т. д. Въ результатѣ получалось представленіе о полномъ единствѣ по существу между новыми литературными и ихъ античными первообразами и затѣмъ выводъ, что и новой русской литературѣ нѣтъ другого пути и что, перенимая свои формы въ ближайшихъ образцахъ (у французовъ и нѣмцевъ), она только примыкаетъ къ одному великому цѣлому: это соображеніе, очевидно, не совпадало съ позднѣйшимъ обвиненіемъ писателей того вѣка въ простое подражаніи французамъ или нѣмцамъ.

Какъ профессоръ элоквенціи, Тредьяковскій написалъ и „Слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несхотственномъ витійствѣ“. Здѣсь между прочимъ говорилъ онъ о томъ, что при всемъ радѣнніи о природномъ языкѣ должно изучать и чужіе языки, между прочимъ латинскій, „довольно и предовольно вычищенный по долговременной тѣмъ варварства, къ общей наукѣ способности“ (онъ перечисляетъ длинный рядъ ученыхъ, начиная отъ Петрарки, совершавшихъ это вычищеніе), но возстаетъ противъ тѣхъ, которые давали ему первостепенное мѣсто: „только да не называютъ его благороднѣйшимъ всѣхъ прочихъ, а особливо каждой своего природнаго, *сіе не знаю чѣмъ урюмыми дышетъ*, и да не приписываютъ толь много чести Латинскому языку, дабы думать, что все на все Ученіе токмо на немъ состоитъ“. Это послѣднее замѣчаніе могло имѣть значеніе и въ тогдашнихъ русскихъ условіяхъ: на латинскомъ языкѣ шло, какъ мы видѣли, преподаваніе въ духовныхъ академіяхъ и пока еще не было мысли подумать о „природномъ“ языкѣ, на чемъ настаивалъ Тредьяковскій.

Оспаривая „затвердѣлое мнѣніе“ о преимуществахъ латинскаго языка, онъ напоминаетъ, что греки были нѣкогда увѣрены, что только одинъ ихъ языкъ „есть и начало, и основаніе, и верхъ всѣхъ наукъ и знаній“, и считали невозможнымъ дѣломъ,

чтобы когда-нибудь такое превосходство получилъ какой другой изъ презираемыхъ „варварскихъ“ языковъ. Но потомъ гораздо больше греческаго распространился языкъ латинскій, овладѣлъ науками и художествами „и пребывалъ въ силѣ отъ тѣхъ поръ до нашихъ временъ, называясь общимъ, по крайней мѣрѣ, Учеными“. „Однако и сей (т.-е. латинскій языкъ), равнымъ образомъ, столько жъ непристойно величается симъ именемъ: обличаетъ его спесь Аглінской, показываетъ чванство его Італянской, доноситъ на тщеславіе его Нѣмецкой, но сильныя всѣхъ доказываетъ его въ томъ гордость Французской“. Тредьяковскій ожидать, что это подтвердить наконецъ и русскій языкъ, „ежели сперва многіе переводы съ другихъ языковъ и начнутъ, и совершить, и симъ образомъ пословія своего сочиненія *вычиститъ*, а при всемъ томъ, многія и различныя вещи *именами называя*, богатое изобиліе словъ получить“. Поэтому, пусть тѣ изъ нашихъ, которые знаютъ иностранныя языки („цвѣтутъ искусствомъ языковъ“) переводятъ „все что презрѣннѣйшее, все что полезнѣйшее, все что достойнѣйшее въ чужихъ языкахъ, на вашъ Россійской языкъ; да обогащаютъ Россію выборнѣйшими Книгами, да утоляютъ жажду во многихъ, которую они имѣютъ къ чтенію, къ полученію наставленія, къ наслажденію разума и сердца, къ приобрѣтенію не токмо большаго въ разумѣ просвѣщенія, но, что вѣщнее есть, и твердѣйшаго исправленія въ добродѣтельное сердце“... Но пусть наши ученые совершаютъ и свои собственные труды: „всегда удивляться чужому искусству, а собственныхъ силъ не отвѣдывать, и о собственномъ искусствѣ не стараться, знакъ есть незнанія и лѣности, или, по крайней мѣрѣ, ненадѣянія къ здѣланію равнаго, хотя бы ужъ и такова, которое бы весьма мало не равнялось“. Если къ этому будутъ приложены всѣ мѣры неусыпнаго прилежанія, денно и ночью, каждымъ въ своемъ дѣлѣ и всѣми выѣстъ, тогда, заключаетъ Тредьяковскій, „и вы, О! дражайшіе Россіане, здѣлаете либо еще и плодоноснѣйшее, и полезнѣйшее, и изящнѣйшее, и высочайшее“.

Такъ, при первыхъ опытахъ литературы сами собой являлись указанія образцовъ, которые были тогда единственными, являлась необходимость „называть вещи именами“, обогатить и „вычистить“ языкъ, предпринимать собственные труды, которые почти равнялись бы съ чужими. Забота объ этомъ послѣднемъ дѣйствительно представлялась сама собой. Если только народу нужно было знаніе, если поэтому возникала литература, прежде всего являлась необходимость въ запасѣ словъ для обозначенія новыхъ вещей и понятій: старый языкъ, выработанный нѣкогда „книжнымъ почи-

таніемъ“, не имѣлъ этого запаса; церковно-академическая школа излагала свою науку на латинскомъ языкѣ, — и когда начались при Петрѣ усиленные заимствованія техническаго знанія и стали переводиться ученыя и учебныя книги, получился тотъ странный языкъ Петровскаго времени, который для новѣйшихъ любителей старинны служилъ иногда лишнимъ осужденіемъ реформы, а въ дѣйствительности былъ только лишнимъ свидѣтельствомъ стариннаго невѣжества, потому что старина не приготовила никакихъ средствъ для выраженія новаго содержанія. Языкъ былъ испещренъ церковно-славянскими оборотами рядомъ съ самыми ясными и сильными образчиками народной рѣчи (особенно въ писаніяхъ самого Петра) и съ множествомъ иностранныхъ словъ, взятыхъ въ сыромъ видѣ, часто уродливыхъ съ прибавкой русской фонетики и окончаній. Дѣловые люди не заботились объ этой пестротѣ языка, но съ ней не могли помириться люди ученые: въ другихъ языкахъ они видѣли уже выработанный стиль, и въ особенности во французской литературѣ, которая достигла уже высокаго совершенства языка, они видѣли постоянную заботу объ утонченной отдѣлкѣ языка, его точности и вѣстѣ изяществѣ. Русский языкъ также нужно было не только обогатить, но и „вычистить“, чтобы найти для вещей русскія имена, чтобы размежевать его стихи, которыя все еще оставались въ книгѣ неуравновѣшенными и непримиренными... По времени, Тредьяковскій первый поставилъ этотъ вопросъ въ рѣчи „о чистотѣ російскаго языка“, читанной имъ въ 1735 году въ „Россійскомъ собраніи“, учрежденномъ при академіи наукъ. Эта первая рѣчь до крайней степени наполнена панегириками, не только императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, но и „командиру“ академіи ¹⁾, „въ мудрыхъ мудрой, въ ученыхъ ученой, въ достойныхъ достойной Особѣ“, а также униженнымъ признаніемъ его собственныхъ „недостатковъ, неспособностей и тупости ума“, — но не лишена и здравыхъ замѣчаній. Въ первый разъ говорилось о дѣлѣ, въ которомъ была „великая потребность“. Въ Россійскомъ собраніи было „толь малое число“ людей, которымъ предстоялъ этотъ трудъ надъ русскимъ языкомъ, что можно было сомнѣваться въ успѣхѣхъ дѣла; но „впредь, — говорилъ Тредьяковскій, — твердо надѣюсь, малый, узкій и мѣлкій нашъ потокъ, наполнився посторонними струями, возрастетъ въ превеликую, пространную, и глубокую рѣку... Довольно съ насъ нынѣ и сей единыя славы, что мы начинаемъ“. И онъ убѣждаетъ своихъ товарищей въ исполнимости предпріятія. Нужны для русскаго

¹⁾ Это былъ тогда баронъ Корфъ.

языка хорошіе переводы древнихъ и новыхъ авторовъ, нужна добрая и исправная грамматика, полный и довольный лексиконъ, реторика и стихотворная наука.

Онъ спрашиваетъ своихъ сотоварищей: не помышляютъ ли они, что русскій языкъ уже не можетъ быть украшаемъ?—и отвергаетъ это предположеніе тѣмъ фактомъ, что, по его мнѣнію, русскій языкъ въ послѣднее время постоянно совершенствуется. „Посмотрите, отъ Петра Великаго лѣтъ, на многіи прошедшія годы; то размысливши увидите ясно, что совершеннѣйшій сталъ въ Петровы лѣта языкъ, нежели въ бывшія прежде. А отъ Петровыхъ лѣтъ толь отчасу пріятнѣйшимъ во многихъ писателяхъ становится онъ, что нимаю не сомнѣваюсь, чтобъ, достославныя Анны въ лѣта, къ совершенной не пришелъ своей высотѣ и красотѣ“. Онъ указываетъ слѣдующіе пути совершенствованія языка: во-первыхъ, дворъ ея величества, „въ словѣ учтивѣйшій и великолѣпнѣйшій богатствомъ и сіяніемъ“; далѣе научать искусно говорить благоразумнѣйшіе министры и премудрые священноначальники; затѣмъ, „знатнѣйшее и искуснѣйшее благородныхъ сословіе“; наконецъ, и собственное разсужденіе, потому что правильное употребленіе языка не можетъ существовать безъ „идеи“. Такимъ образомъ время уже приступить къ составленію грамматики. Не можетъ устроить насъ составленіе реторики, потому что „помогутъ намъ въ ней премногіи творцы Греческіи и Римскіи, а наипаче хитрый и слаткій въ словѣ Маркъ-Тулій-Ціцеронъ. Помогутъ Французскіи Балзаки, Костарды, Патрю и прочіи бесчисленныи. Помогутъ многіи преславныи Нѣмцыи.... Изъ основательныя Грамматики и красныя Реторики не трудно произойти восхищающему сердце и разумъ слѣду Пинтическому, развѣ только одно сложеніе Стиховъ неправильностію своею утрудитъ васъ можетъ; но и то, господа, преодолѣть возможно“. Не выше силъ человѣческихъ составленіе лексикона, и вообще „трудъ прілежный все препобѣждаетъ“. И здѣсь опять представляется ему примѣръ просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ. Между прочимъ онъ такъ убѣждаетъ своихъ сотоварищей: „первые ль мы въ Европѣ, которымъ сіе не токмо трудно, но почитай и весьма неприступно быть кажется? были, были такіи, которыи не боясь того, но смотря на будущую изъ сего пользу, начали, продолжали, и нѣкоторые съ похвалою окончили. На примѣръ: не трудно было, въ самомъ началѣ, Флорентійской Академіи стараніе приложить о чистотѣ своего языка; приложила. Не нестрашно было, мню, предпріять также и Французской Академіи, чтобъ совершеннѣйшимъ учинить свойство тамъ употребляемаго діалекта;

предпріяла. Невозможно, чаю, сперва казалось Лейпцигскому содружеству подражать толь благоуспѣшно вышечерченнымъ онымъ Академіямъ, коль тѣ начавши окончили щасливо; подражаетъ, и подражало благополучно“.

„Сложеніе стиховъ“ было однимъ изъ первыхъ предметовъ, на которые Тредьяковскій обратилъ свои изученія. Уже въ 1735 году, когда Ломоносовъ еще только отправлялся въ ученіе за границу, Тредьяковскій издалъ свой „Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ“, который послѣ исправилъ и дополнилъ. Свой историческій взглядъ на этотъ предметъ онъ изложилъ въ очень любопытной по своему времени статьѣ „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ“. Выше мы упоминали о томъ, какъ онъ объяснялъ вообще происхожденіе поэзіи, которая, по словамъ его, „какъ подражаніе естеству, и какъ истиннѣ подобіе, есть одна и тажъ, по свѣдѣству своему, во всѣхъ вѣкахъ, и во всѣхъ мѣстахъ у человѣческаго рода“; различна только ея форма, стихъ. Начало русской поэзіи онъ объясняетъ такъ же, какъ начало всякой поэзіи. Какъ вообще первыми стихотворцами были жрецы, такъ это было и въ нашей древности: ихъ способъ и былъ нашимъ древнѣйшимъ стихотворствомъ. „Но что за родъ былъ Стиховнаго ихъ того состава, нынѣ намъ видѣть достовѣрно непочему. Не осталось нигдѣ для насъ, по крайней мѣрѣ не извѣстно намъ всѣмъ понинѣ ни о самомъ маломъ обрасчикѣ, оставшемся отъ языческаго нашего Стихотворенія; истребило его наставшее благополучно Хрістіанство“. Онъ рѣшается тѣмъ не менѣе сказать, что древнѣйшее стихотворство было именно тоническое, основанное на извѣстномъ метрѣ, который опредѣляется удареніемъ, и что оно не имѣло рѣимы.

„На чемъ я, спросится, толь прямо сіе утверждаю? Неподозрительными, отвѣтствую, и живыми свидѣтелями. Простонародные наши, и тѣ самыя древніе Пѣсни, сіе точно свойство въ Стихосложеніи своемъ имѣютъ“. Какъ мы видѣли, онъ уже указывалъ на это раньше, въ своемъ мнѣніи о началѣ поэзіи, и здѣсь объясняетъ это новыми подробностями. „Народный составъ Стиховъ, есть подлинный списокъ съ Богослужительскаго; доказываетъ сіе Греческій и Римскій народъ; а могутъ доказать и всѣ прочіи, у коихъ Стихи въ употребленіи“ ¹⁾. Тредьяковскій указы-

¹⁾ Онъ дѣлаетъ здѣсь любопытную замѣтку о старомъ церковномъ пѣніи. „Сіе и собственнымъ нашимъ примѣромъ утверждается: ибо съ двести лѣтъ, безъ мала, назадъ пѣвали у насъ въ Церквѣ на всенощныхъ бдѣніяхъ псаломъ 108 такъ, что-но-окончаніи-рѣчи, когда напѣвъ требовалъ гагаканія до началія другія рѣчи, вмѣсто гагаканія онаго употреблени были незначительныя слова, а именно сіи: ай, немай,

ваго происхождение древняго стиха совершенно правильно, потому что древнѣйшая народная поэзія была обрядовая, связанная съ культомъ, какъ древнѣйшій эпосъ также долженъ былъ имѣть отношеніе къ мифологіи и опять къ культу. Также вѣрно онъ указываетъ и отношеніе христіанства къ этой древней народной поэзіи: какъ было „въ первенствующей церкви“ (т.-е. церкви первыхъ вѣковъ), такъ и у насъ церковь искореняла „многобожныя служенія и пѣсенныя прославленія мнимымъ богамъ и богинямъ; однако съ пренебреженіемъ¹⁾, или за упражненіями²⁾, не коснулось къ простонароднымъ обыкновеніямъ: оставило ему забаву общихъ увеселительныхъ Пѣсенъ, и съ ними способъ... сложенія Стиховъ. Сіе точно и есть первородное и природное наше, съ самыя отдаленныя древности, Стихосложеніе, пребывающее и доднесь въ простонародныхъ, молодецкихъ, и другихъ содержаній, Пѣсняхъ живо и цѣло“.

Такимъ образомъ, продолжаетъ Тредьяковской, христіанство, уничтоживъ пѣсни въ похвалу „идоламъ“, лишило насъ „безъ мала на шестьсотъ лѣтъ“ боготчительнаго стихотворства. „Пребывало *двоюродное родство* его токмо, чтобъ такъ сказать, какъ въ залогѣ, у самаго онаго простаго народа, въ подлѣхъ его Пѣсняхъ; и превосходило³⁾ отъ вѣка въ вѣкъ не безъ престарѣнія“. И хотя христіанство дало намъ гораздо болѣе высокихъ, и по содержанію, и по сладости, и по душевной пользѣ церковныя пѣсни, гимны, стихиры и двустипія, но они были переведены прозою; поэтому у насъ и распространилась проза, а стихотворство было забыто. „Ибо,—говоритъ онъ,—простонародное Стихосложеніе, за подлостью Стихотворцовъ и матерій, отъ честныхъ и саномъ знаменитыхъ людей, презираемо было всеконечно; такъ что и *понынѣ*, но уже незнающіи и суетно строптивыи люди зазираютъ неосновательно, ежели кто народную старинную

ая, ну, унаши. Рано и простой народъ въ нѣкоторыхъ своихъ пѣсняхъ, и въ подобномъ случаѣ, такіяжъ употреблялъ незначачія ничего слова: адуннай, найна, адунн. Подлаго народа употребленіе сіе и инѣ еще слышать всякому можно; но церковное оное старинное обыкновение, видимо токмо и доднесь въ Псалтири, печатанной въ Вильнѣ 1576 года, а хранящейся въ Императорской Академической библіотекѣ“. Замѣтимъ опять, что слово „подлѣхъ“ въ то время означало просто низшій классъ народа, простонародье, какъ слово „пошлѣхъ“ еще значило только: обыкновенный, обычный (старинное выраженіе: „по старинѣ и по *поминѣ*“, т.-е. какъ пошло отъ стараго обычая). Относительно церковнаго пѣнія ср. о „хомовомъ“ пѣніи у Макарія, Ист. русской церкви, т. XII, стр. 118.

¹⁾ Изъ пренебреженія.

²⁾ За другими заботами.

³⁾ Переходило.

Пѣсник приведетъ токмо въ свидѣтельство на письмѣ, хотя и съ извиненіемъ въ необходимости, о первоначальномъ нашемъ Стихотвореніи". Видимо, что самъ онъ подвергался неосновательнымъ зазіраніямъ; но любопытенъ остается фактъ, что первый писатель новѣйшаго времени, и той подражательной школы, которую осуждаютъ за ненародность, является защитникомъ народной пѣсни отъ незнающихъ и суетно строитивыхъ людей, основываетъ на этой пѣснѣ новое стихосложеніе, которое дѣйствительно отвѣчало свойствамъ языка и утвердилось окончательно въ литературѣ. По его представленію, презрѣніе къ народной пѣснѣ очевидно шло изъ самыхъ старыхъ временъ, отъ первыхъ нашихъ христіанскихъ книжниковъ, поддерживалось послѣдними книжниками, отъ которыхъ сохранилось и „понынѣ“.

„Среднее“ стихотворство Тредьяковскій считаетъ съ конца XVI-го вѣка, когда первые искусственные стихи съ рифмою, впрочемъ дурные по его мнѣнію, напечатаны были при Острожской Библии 1581 года; затѣмъ онъ указываетъ попытку Мелетія Смотрицкаго (при его грамматикѣ, 1619 г.) ввести метрическое стихотворство по классическимъ образцамъ, попытку, которую Тредьяковскій находитъ совершенно не отвѣчающей характеру русскаго языка (и которая осталась безъ продолжателей); наконецъ, введеніе силлабическаго стиха Тредьяковскій считаетъ съ 1663 года, когда при Московской Библии явились стихи этого размѣра, — затѣмъ этотъ стихъ, заимствованный съ польскаго и пришедшій къ намъ черезъ кievскую академію, былъ чрезвычайно распространенъ Симеономъ Полоцкимъ и другими стихотворцами конца XVII-го и первой половины XVIII-го вѣка. Тредьяковскій высчитываетъ, что силлабическій стихъ существовалъ у насъ 72 года, съ 1663 до 1735, т.-е. того года, когда онъ издалъ въ первый разъ свой „Способъ къ сложенію руссійскихъ стиховъ“. Онъ рассказываетъ, что самъ не вдругъ пришелъ къ этому способу; напротивъ, не только во время пребыванія въ законоспаской школѣ, но и во время путешествія (въ Гагѣ, Парижѣ, Гамбургѣ) и по возвращеніи въ Петербургъ, когда онъ „по молодости и по французскому духу, началъ себя производить въ обществѣ нѣкоторыми Стихами“, онъ писалъ эти стихи тѣмъ же польскимъ, силлабическимъ, размѣромъ; наконецъ, однако, онъ увидѣлъ, что всѣ эти его пьесы „не состоятъ Стихами, исключая Ріему, но точно странными нѣваками прозаическими строчками“, и „почувствовалъ и то совершенно“, что это стихосложеніе „намъ всеконечно не сродно“. Подробности о составѣ силлабическаго стиха и необходимости тоническаго стихосложенія

Тредьяковский объяснилъ въ упомянутомъ трактатѣ 1735, съ котораго онъ и считаетъ введеніе правильнаго русскаго стихосложенія.

Мы не будемъ останавливаться на его собственныхъ литературныхъ твореніяхъ: характеръ ихъ достаточно извѣстенъ; несладость ихъ вошла въ пословицу. Отметимъ только то, что онъ по мѣрѣ своихъ силъ старался вводить разныя литературныя формы—всѣхъ сортовъ оды, стихи всякихъ размѣровъ, сообщая мѣстѣ съ тѣмъ теоретическія наставленія о всѣхъ родахъ классической поэзіи; покусился даже на трагедію, какъ подобаетъ, на классическій сюжетъ, изъ жизни Ахиллеса. При этомъ послѣднемъ случаѣ онъ объяснилъ, что, взявъ „матерію“ изъ греческаго баснословія, онъ „вымыслилъ отъ себя много новаго“ и оправдываетъ это слѣдующимъ образомъ: „Вольность сія дана трагическимъ Пінтамъ еще отъ Аристотеля, а подтверждена, что до басень ¹⁾, отъ великаго Французскаго трагика Петра Корнелія, какъ словами во второмъ его разсужденіи о драмѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ его жъ трагедіяхъ прямымъ дѣломъ“. Такимъ образомъ французскій авторитетъ опять выставленъ тотчасъ рядомъ съ классическимъ.

Извѣстно, что Тредьяковский былъ человѣкъ великаго трудолюбія, не малой учености, особливо по своему времени; въ вопросѣ о русскомъ стихосложеніи, какъ и о грамматикѣ („Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и російскимъ объ ортографіи старинной и новой и о всемъ, что принадлежитъ къ сей матеріи“) за нимъ должна быть признана положительная заслуга.—особенно въ томъ отношеніи, что въ вѣкъ съ одной стороны старо-книжническаго, съ другой приказно-крѣпостническаго пренебреженія къ народу (которое кромѣ того питалось еще и новыми псевдо-классическими образцами), онъ не усумнился искать закона стиха въ простой народной пѣснѣ, наперекоръ „суетно-строптивымъ“ людямъ.

Прискорбныя личныя приключенія его, какъ гнусныя насилія отъ „врага Бирона“, Волынскаго, какъ обязанность разыграть шутовскую роль и т. п., были, между прочимъ, и чертой вѣка: стихотворство было пока удѣломъ школьнаго люда, и на Тредьяковскомъ отозвалось приниженное положеніе этого люда, грубое самодурство стараго вѣка, а также и немалое невѣжество людей, причислявшихъ себя къ образованному классу. Это приниженное положеніе литературы,—въ силу того, что она существовала въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленнаго круга общества и просѣ-

¹⁾ Т.-е. античныхъ мифовъ.

тительные интересы были очень слабы въ кругахъ вліятельныхъ, — проходить черезъ весь восемнадцатый, даже и девятнадцатый вѣкъ: вспомнимъ, что самъ великій Пушкинъ, наша національная гордость, начинатель новѣйшаго періода нашей литературы, не любилъ являться въ обществѣ съ тѣмъ титуломъ, который былъ бы именно основаніемъ его великаго общественнаго значенія; вспомнимъ разговоръ о литературѣ на первыхъ страницахъ „Дыма“ Тургенева... Заканчивая съ Тредьяковскимъ, отмѣтимъ еще одну частность, которая опять рисуетъ положеніе начинающейся литературы: когда ему приходилось говорить объ интересахъ литературы, объ обществѣ, къ которому она должна обращаться, онъ говоритъ не о „читателяхъ“, а объ „охотникахъ“ ¹⁾: это — рѣдкія исключенія, любители вещей, которыя еще не были общимъ интересомъ... Наконецъ, очень оригиналенъ и исторически любопытенъ языкъ Тредьяковскаго. Въ стихахъ, которые ему совсѣмъ не давались, его языкъ грубъ и обыкновенно крайне уродливъ; въ прозѣ онъ проще, но все еще является свидѣтельствомъ той борьбы, какая шла между старыми школьными приѣмами языка и потребностью болѣе живой и свободной рѣчи. Самъ Тредьяковскій прибавилъ сюда долю педантизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ складѣ его языка есть черты народной рѣчи, есть не мало удачныхъ выраженій, хорошо переведенныхъ терминовъ, новыхъ оборотовъ, которые остались въ послѣдующемъ литературномъ языкѣ ²⁾.

Другимъ усерднымъ работникомъ въ этихъ первыхъ начаткахъ новой литературы былъ Сумароковъ. Значительно моложе Тредьяковскаго, онъ прошелъ и совсѣмъ другую школу. Аттестатъ, полученный имъ въ Сухопутномъ корпусѣ, не указываетъ особенной учености; но инстинкты образованія, повидимому, были приобрѣтены еще въ семьѣ: отецъ его, который дослужился до большихъ чиновъ и умеръ въ царствованіе Екатерины, былъ, какъ говорятъ преданія, человекомъ по своему времени образованнымъ; повидимому и Сумароковъ, бывши въ корпусѣ, дополнял свои науки собственнымъ чтеніемъ, которое направилося въ особенности или

¹⁾ Ср. Сочиненія, въ изд. Смирдина, I, стр. XXIV, 177, 488; III, обращеніе къ читателямъ при „Разговорѣ объ ортографіи“, и пр.

²⁾ Сочиненія Тредьяковскаго были переизданы только однажды, въ собраніи Смирдина. Спб. 1849, три компактныхъ тома. „Избранныя сочиненія“, въ изданіи Перевѣтскаго. М. 1849. Наиболѣе подробная біографія у Пекарскаго, „Исторія Академіи Наукъ“, II, стр. 1—268. Объ его историко-литературномъ значеніи, статья Иринарха Введенскаго (перепечатана въ „Русской Повеи“, Венгерова. Спб. 1893, выпускъ I) и В. Варенцова („Тредьяковскій и характеръ нашей общественной жизни въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія“, „Моск. Вѣдомости“ 1860, № 36—37).

даже исключительно на французскую литературу. Насколько могли помочь ему ученость и поэзія Тредьяковскаго, трудно сказать; во всякомъ случаѣ Сумароковъ послѣдовалъ ему въ „сложеніи стиховъ“: въ юности онъ началъ еще силлабическими виршами, но бросилъ ихъ потомъ для тоническаго стихосложенія. Свое положеніе въ литературѣ онъ понималъ такъ же, какъ Тредьяковскій: онъ считалъ себя призваннымъ „насаждать“ новую литературу по тѣмъ образцамъ, какіе представляла въ то время литература французская: это былъ образецъ, господствовавшій въ Европѣ, и другого онъ не зналъ. Сущность вопроса онъ понималъ такъ же, какъ Тредьяковскій, и какъ учили французскіе авторитеты, главнымъ образомъ Буало. Поэзія началась въ Греціи, продолжалась въ Римѣ, затѣмъ наступили вѣка варварства: *enfin Malherbe vint*, и началось процвѣтаніе французской литературы, которая казалась прямымъ продолженіемъ литературы классической, высшимъ образцомъ совершенства, и тѣмъ примѣромъ, которому надо было послѣдовать, чтобы дать и своему народу настоящую поэзію. Сумароковъ принималъ это буквально, и если вообще въ XVIII столѣтіи думали, что французской литературѣ принадлежитъ высшая степень поэтическаго совершенства, то Сумароковъ полагалъ, что намъ должно стремиться только къ тому, чтобы у насъ были свои русскіе Расины, Мольеры и Вольтеры. Ломоносову, съ которымъ онъ вѣчно ссорился изъ соперничества, онъ предоставлялъ роль „нашихъ странъ Малерба“ и уподоблялъ Пиндару, но за собой хотѣлъ имѣть славу русскаго Расина, а иногда не уклонялся отъ сопоставленія себя съ Вольтеромъ.

Сумароковъ, безспорно, не былъ лишенъ извѣстнаго дарованія, но это дарованіе было довольно странное¹⁾. Современники были очень высокаго мнѣнія о достоинствахъ его произведеній. Къ портрету его въ изданіи Новикова приложены слѣдующіе стихи Хераскова:

¹⁾ Первое изданіе его сочиненій сдѣлано было Новиковымъ: „Полное собраніе всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ордена Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго ученаго собранія члена, Александра Петровича Сумарокова. Собранны и изданы въ удовольствіе любителей русскаго учености Николаемъ Новиковымъ, членомъ вольнаго русскаго собранія при императорскомъ московскомъ университетѣ“. М. 1781—1782, въ десяти частяхъ. Второе изданіе, 1787. Единственное до сихъ поръ изслѣдованіе принадлежитъ Н. Вуличу: „Сумароковъ и современная ему критика“. СПб. 1854; главное содержаніе его повторено въ „Русской Поэзіи“, Венгеровъ, вып. II. Высказанное здѣсь представленіе о свойствахъ ума и таланта Сумарокова должно быть нѣсколько ограничено.

Изображается потомству Сумароковъ
 Парящій, пламенный и нѣжный сей Творецъ,
 Который самъ собой достигъ Пермесскихъ токовъ,
 Ему Расинъ поднесъ и ла Фонтенъ вѣнецъ.

Въ „Опытѣ историческаго словаря о российскихъ писателяхъ“, Новикова (1772), вышедшемъ еще при жизни Сумарокова, читаемъ слѣдующій панегирикъ: „Различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями приобрьлъ Сумароковъ себѣ великую и безсмертную славу, не только отъ Россіянъ, но и отъ чужестранныхъ Академій и славнѣйшихъ Европейскихъ писателей. И хотя первый онъ изъ Россіянъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства; но столько успѣлъ въ оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Расина. Его Еялоги равняются знающими людьми съ Virgilіевыми, и подиесь еще остались неподражаемы; а Притчи его почитаются сокровищемъ Россійскаго Парнасса; и въ семъ родѣ стихотворенія далеко превосходить онъ Федра и де ла Фонтена, славнѣйшихъ въ семъ родѣ. Впротчемъ всѣ его сочиненія, любителями Россійскаго стихотворства, весьма много почитаются“. Отзывы Новикова въ его словарь вообще очень хвалебные, отчасти потому, что этого требовала чрезвычайная щепетильность тогдашнихъ писателей, отчасти Новиковъ руководился своимъ патріотическимъ побужденіемъ не забыть достоинства людей, трудившихся для русской литературы; въ данномъ случаѣ было однако дѣйствительно высокое представленіе о заслугахъ Сумарокова, которое любопытно для насъ какъ свидѣтельство умнаго и просвѣщеннаго современника. И это свидѣтельство должно быть положено на вѣсы при исторической оцѣнкѣ писателя, потому именно, что современники ближе могли видѣть данное положеніе вещей, когда для позднѣйшей критики всѣ дальнѣйшіе успѣхи литературы были неизмѣнно указателями ея предъидущихъ недостатковъ. Очевидно, что въ свое время высоко цѣнилась заслуга Сумарокова въ установленіи новыхъ литературныхъ формъ, хотя для позднѣйшаго историка не можетъ быть даже вопроса о сопоставленіи его съ французскими писателями, которыхъ онъ только слабо копировалъ. У Сумарокова была большая восприимчивость: онъ вошелъ во вкусъ французской литературы, умѣлъ понять ея красоты, торопился пересказать ихъ на русскомъ языкѣ, но у него не было тѣни самостоятельнаго таланта, а иногда недоставало и простой разсудительности. Ставъ на ту точку зрѣнія, что французская литература есть именно продолженіе литературы античной и представляетъ единственную возможную форму поэтическаго

созданія, онъ употребилъ всѣ свои усилія, чтобы дать русской литературѣ всевозможныя разновидности литературнаго творчества въ стихахъ и прозѣ, какія находилъ у французовъ. Онъ не рискнулъ только на эпопею, но затѣмъ онъ далъ всѣ формы лирики — оды духовныя и торжественныя, переложенія псалмовъ, элегии, элегии, пѣсни, даже „любвную гадательную книжку“; сатиры, басни и притчи; трагедіи, комедіи, драмы, оперы и пр.; наконецъ онъ хотѣлъ быть грамматикомъ, критикомъ, историкомъ, писалъ похвальные слова и торжественныя рѣчи, и т. д. Такъ какъ онъ долженъ былъ быть *россійскимъ* Расиномъ и Мольеромъ, то для своихъ трагедій онъ выбиралъ русскіе сюжеты и не только изъ далекой древности, какъ въ его первой трагедіи „Хоревъ“, но и изъ болѣе близкой старины, какъ въ „Димитріи Самозванцѣ“, но въ своимъ русскимъ героямъ онъ прилагалъ тѣ же шаблоны французской трагедіи; въ комедіяхъ онъ хотѣлъ изображать русскіе нравы, но въ постановкѣ пьесъ ясно сквозятъ французскіе образцы, которые въ русской жизни бывали неприменимы. Много разъ были указаны странности его драматургіи, изъ которой довольно, напр., напомнить „Димитрія Самозванца“. Съ первой сцены этой трагедіи, ея герой въ бесѣдѣ съ своимъ наперсникомъ, который старается его образумить, самъ указываетъ на свое тиранство:

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.

Во второмъ дѣйствіи, когда онъ предвидитъ паденіе своей власти, онъ уже видитъ себя въ адѣ:

Во преисподнюю зрю мрачныя степени,
И вижу въ тартарѣ мучительскія тѣни:
Уже въ гееннѣ я и въ пламени горю.

Но въ четвертомъ дѣйствіи, въ разговорѣ съ Ксеніей, онъ опять **завлечетъ**:

Хочу тираномъ быть: всѣ хвалить добродѣтели;
На свѣтѣ коей нѣтъ, чему весь миръ свидѣтели;
Не устрашаетъ адъ, колико ни грозить.

Въ самомъ концѣ трагедіи, когда народное возстаніе грозитъ Димитрію смертію и не остается надежды на спасеніе, Димитрій восклицаетъ слѣдующее:

Отупай душа во адъ и буди вѣчно пѣнна!
(Ударяетъ себя въ грудь кинжаломъ и
издыхая падущій въ руки стражей.)
Ахъ, естли бы со мной погибла вся вселенна!

Таковъ онъ въ теченіе всей пьесы. Очевидно, это кукла,
Томъ II.—Мартъ, 1896.

долженствующая изображать тиранство и постоянно объ этомъ напоминающая, чтобы читатели этого не забыли. Но вообще Сумароковъ повторяетъ свои образцы со всѣми ихъ внѣшними особенностями и трагическимъ содержаніемъ, съ длинными рѣчами героевъ и наперсниковъ и т. п.; въ этомъ риторскомъ стихотворствѣ онъ повторяетъ также и тѣ общія мысли, какія встрѣчались въ псевдо-классической литературѣ, о необходимости просвѣщенія, о достоинствахъ добродѣтели, объ управленіи государствомъ на пользу подданныхъ, о благоразумной свободѣ и т. п. Изобразивъ тирана въ Димитріи Самозванцѣ, онъ не однажды останавливается и на идеалѣ мудраго, добродѣтельнаго правителя, какъ напри- мѣръ въ трагедіи „Мстиславъ“, гдѣ этотъ князь говоритъ:

А я перестану быть горестей содѣтель.
Цѣвѣти подъ скипетромъ Мстислава добродѣтели
Я должности одной хочу себя предать,
И безъ утѣхъ любви народомъ управлять,
Предписывать ему полезные уставы.
Личуйте подданнымъ во дни моей державы!
Я буду вамъ отецъ, вы будьте чада мои,
Свободны, веселы живуще въ сей странѣ.
Никто не трепещи подѣ областью моею!
Я милости къ однимъ злодѣямъ не имѣю.

Таковы и его послѣднія слова въ трагедіи, гдѣ онъ осуждаетъ тирановъ и восхваляетъ праведныхъ монарховъ.

Но, какъ ни бросаются въ глаза недостатки этихъ и всѣхъ другихъ твореній Сумарокова, ихъ слава между современниками достаточно объясняется условіями ихъ перваго появленія: онъ были первымъ примѣромъ правильной, по тогдашнимъ понятіямъ, трагедіи послѣ школьныхъ драмъ, которыя имъ предшествовали, и безъ сомнѣнія были выше этихъ драмъ и постройкой пьесы, и языкомъ ¹⁾; тоническій размѣръ долженъ былъ казаться несравненно изящнѣе старыхъ силлабическихъ виршъ; кромѣ того трагедіи Сумарокова послужили матеріаломъ для первой русской сцены, гдѣ въ лицѣ Волкова и Дмитревскаго явились невиданные до тѣхъ поръ сценическіе таланты.

Начавши дѣйствовать во времена Анны Ивановны, Сумароковъ дожилъ до середины царствованія Екатерины. Французская

¹⁾ Сумароковъ упоминаетъ однажды (въ забавномъ разсказѣ „о думномъ дякѣ, который съ меня взыскъ пятьдесятъ рублей“): „я бывалъ на комедіяхъ, смотрѣлъ Александра и Людвига, Парижъ и Вѣну и другія комедіи“ (Сочин. 1-е изд., VI, стр. 380). Эти комедіи, заимствованныя изъ рукописныхъ новѣстей, не упомянуты у Морозова (Ист. русск. театра, гл. VIII).

литература, которую знали прежде немногіе любители, находила въ русскомъ обществѣ все больше читателей и поклонниковъ, и Сумароковъ тѣмъ больше убѣждался, что оказалъ великую заслугу русскому Парнасу, слѣдуя по стопамъ Расина. Подъ конецъ жизни ему пришлось увидѣть, что сама французская литература вступаетъ на иные пути, и онъ пришелъ въ великое негодованіе, когда и на русскій языкъ переведена была пьеса Бомарше „Евгенія“, гдѣ являлся новый родъ драмы, вышедшій изъ предѣловъ условной классической трагедіи. Это была такъ называемая *comédie* или *drame lagmoante*, которая послѣ Дидро и Бомарше завоевала себѣ мѣсто на французской сценѣ и съ тѣхъ поръ открыла путь къ новому болѣе широкому развитію драматической литературы. Сумароковъ не понималъ этой драмы и считалъ ее самымъ непозволительнымъ нарушеніемъ классическаго преданія. Когда „Евгенія“ была не только переведена, но и дана на сценѣ въ Москвѣ, Сумароковъ поднялъ тревогу и писалъ въ предисловіи къ изданному вскорѣ послѣ того „Димитрію Самозванцу“, возставши и противъ пьесы, и противъ переводчика, и противъ московской публики; даже написалъ противъ этой новой драмы къ Вольтеру. „Людовикъ XIV далъ Парнасу златой вѣкъ во своемъ отечествѣ,—говорилъ онъ;—но по смерти ево вкусъ мало-по-малу сталъ изчезать. Не изчезъ еще; ибо видимъ мы онаго остатки въ г. Вольтерѣ и во другихъ французскихъ писателяхъ. Трагедіи и Комедіи во Франціи пишутъ; но не видно еще ни Вольтера, ни Молиера. Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ; но тамъ не исторгнуты сѣмена вкуса Расинова и Молиерова: а у насъ Тятру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредной вкусъ, а особливо вѣку Великія Еватерины не принадлежить. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ Драмахъ къ г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно ни переведена Евгенія, и какъ нагло Актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала: а сіе рукоплесканіе Переводчикъ оныя Драмы, каковой-то подъячій, до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса, и утвердителемъ вкуса Московской публики!.. конечно скоро преставленіе свѣта будетъ. Но не уже ли Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ: и не уже ли вкусъ жителей Московскихъ сходнее со вкусомъ сево подъячева!“

Не однажды цитировалось слѣдующее за этимъ язвительное изображеніе московской публики, гдѣ высказывается съ одной сто-

роны его собственное авторское самолюбіе, оскорбленное недостаткомъ вниманія къ его творенію, а съ другой, негодованіе противъ того, что публика еще не научилась цѣнить серьезныхъ интересовъ сцены. Предварительно онъ объясняетъ, что такое публика. „Слово Публика, какъ нѣгдѣ и г. Вольтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества; но часть малую онаго: то-есть людей знающихъ и вкусъ имѣющихъ... Въ Парижѣ, какъ извѣстно, нѣвѣждъ не мало, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большей части ими наполнена. Слово Чернь принадлежитъ низкому народу... У насъ сіе имя всѣмъ тѣмъ дается, которые не дворяня. Дворянинъ! великая важность! Разумный священникъ и проповѣдникъ Величества Божіаго, или кратко Богословъ, Естествословъ, Астрономъ, Риторъ, Живописецъ, Скульпторъ, Архитектъ и проч. по сему глупому положенію члены черни. О, несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и поруганія! Истинная чернь суть нѣвѣжды, хотя бы они и великія чины имѣли, богатство Крєзово, и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало; отъ сына Филиппова побѣдителя или паче разорителя вселенныя, отъ Іюлія Цесаря утвердившаго славу Римскую, или паче разрушившаго оную. Слово Публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей, не значить ни чево“. Возвращаясь къ „подъячему“, который осмѣлился переводить „Евгенію“ Бомарше¹⁾, Сумароковъ пишетъ: „Подъячему соплетать похвалы вкуса Княжичей и Господичей московскихъ, толь маломѣстно, коль непристойно лакѣю, хотя и придворному мои пѣсни, безъ моей воли, портить, печатать и продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить ево Драмы, и за порчу собирать себѣ деньги²⁾ или стѣбжавшимися видѣть Семиру, сидѣть во злѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думать, что когда за входъ заплачены деньги въ поворище, можно въ Партерѣ въ кулачки биться, а въ Ложахъ рассказывать исторіи своей недѣли громогласно, и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи: а публиковать газеты весьма малонужныя, можно и виѣ Театра; ибо таковыя газетчики къ тому довольно времени имѣють. Многія въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на поворищи ѣздятъ, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты: а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе Публики автору: ево

¹⁾ Это былъ нѣкто Николай Пушкиновъ, служившій у гр. К. Г. Разумовскаго, какъ онъ упоминаетъ самъ въ посвященіи перевода своему начальнику.

²⁾ Очевидно намекъ на какіе-то случаи съ его твореніями. Ср. статью „О копистахъ“, т. VI, стр. 391 и д. (1-е изд.).

служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы путешествователи, бывшія въ Парижѣ и въ Лондонѣ скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія Драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сбьютъ ли поссорившихся между собою пыльных кучеровъ, во тревогѣ всего партера, ложъ и театра“.

Его высокое мнѣніе о значеніи его твореній высказалось въ слѣдующихъ словахъ, которыя рисуютъ также и его представленіе о новомъ періодѣ русской литературы, гдѣ онъ приписывалъ себѣ столь важную роль. „Что только видѣли Аенны и видѣть Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ Россія стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство, въ Россіи, Театръ твой, Мельпомена! всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. На конецъ видите вы, любезныя мои согражданиа, что ни сочиненія мои ни Актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими Стихотворцами не достигли, до того я одинъ, и въ такое время, въ которое у насъ Науки словесныя только начинаются, и нашъ языкъ едва чистится началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ. Лейпцигъ и Парижъ вы тому свидѣтели, сколько единой моею Трагедіи скорый переводъ чести мнѣ дѣлалъ! Лейпцигское ученое собраніе удостоило меня своимъ Членомъ, а въ Парижѣ вознесли мое имя въ Чужестранномъ журналѣ, колико возможно“ ¹⁾.

Такъ глубоко заблуждался Сумароковъ въ своемъ простодушномъ невѣденіи о дѣйствительныхъ отношеніяхъ литературъ. Онъ былъ увѣренъ, что новая русская литература, гдѣ онъ считалъ себя основателемъ русской драмы, именно продолжаетъ, черезъ Парижъ, традицію самихъ Аеннъ ²⁾. Онъ не замѣчалъ, что его трагедіи—только ученическая копія съ французскихъ, и полагалъ, что онъ сдѣлалъ ихъ совсѣмъ національными, надававши ихъ героямъ такіа „русскія“ имена: Бурновѣй, Наступъ, Любощестъ, Станобой, Осадъ, Свѣтима, Привѣта и т. п. Но уже и въ то время не всѣ въ это вѣрили, и Ломоносовъ не выносилъ его самоувѣренія и его поэзіи, которую называлъ „риемичествомъ“.

У Сумарокова были, безъ сомнѣнія, примѣры болѣе прямого и живого отношенія къ дѣйствительности; это указываютъ особенно въ его сатирахъ и басняхъ, къ которымъ надо прибавить еще

¹⁾ Сочиненія VI, стр. 391—392.

²⁾ Онъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: „...Когда воссіало Россійское солнце и край негѣжества расцвѣло, когда возшелъ на престолъ Петръ Великій, тогда помогъ Невскій брегъ стать горю Гелікономъ, и Невскія струи струями Иппокрены“. Тамъ же, стр. 338.

разныя мелкія статьи, касавшіяся современной жизни. Онъ, дѣйствительно, бывалъ здѣсь остроуменъ и язвительнъ, когда попадалъ на любимыя темы, къ которымъ принадлежалъ особенно „приказный родъ“, а также дворянская спесь, соединявшаяся съ невѣжествомъ; современники считали особенной заслугой Сумарокова его сатирическія обличенія ¹⁾, а историки литературы не безъ основанія находятъ, что этими своими произведеніями Сумароковъ открывалъ путь явившимся вскорѣ сатирическимъ журналамъ и самому Фонъ-Визину ²⁾.

Мы остановимся дальше на отношеніи Сумарокова къ частнымъ вопросамъ литературы и литературнаго языка и замѣтимъ опять, что правильная историческая оцѣнка дѣятельности его, также какъ его современниковъ, не должна забыть тѣхъ условій, въ которыхъ эта дѣятельность начиналась и о которыхъ онъ вспоминалъ однажды такъ: „...Стихотворцевъ у насъ еще не было и научиться было не у кого. Я будто сквозь дремучій лѣсъ, сокрывающій отъ очей моихъ жилище Музъ, безъ проводника проходилъ, и хотя я много долженъ Расину, но его увидѣлъ я уже тогда, какъ вышелъ изъ сего лѣса, и когда уже Парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расинъ Французъ и въ Русскомъ языкѣ мнѣ дать наставленія не могъ. Русскимъ языкомъ и чистотою склада, ни Стиховъ, ни Прозы, не долженъ я ни кому кромѣ себя“ ³⁾...

Дѣйствительно, первымъ писателямъ новой литературы приходилось очень часто идти ощупью, руководиться инстинктомъ; старая письменность не давала имъ опоры. Самый сильный изъ нихъ по уму, дарованіямъ и знанію былъ Ломоносовъ, которому и принадлежитъ наиболѣе могущественное вліяніе въ созданіи новой русской литературы. Мы перейдемъ теперь къ обзору его дѣятельности.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Мы читаемъ въ „Драматическомъ Словарѣ“, М. 1787, предувѣдомленіе: „Паче всего заслуживаетъ бессмертіе омерзеніе къ лѣбдѣ, чему конечно *люющійся складъ* стиховъ его причина; не пощеголяетъ никто ниго, какъ прежде, десятилѣтней тѣлой, которую помощію странчаго могъ продолжать; а до его ополченія на подъячыхъ, ставили въ старину дворяне честію, будучи добрые люди, что проворствою попореннаго тѣлеть виноватое дѣло четверть вѣка, хвалился притомъ, что ему Секретаря въ судахъ знакомъ“.

²⁾ Ср. Булича, „Сумароковъ“, стр. 191—198.

³⁾ Сочиненія, изд. 1-е, т. IX, стр. 809—810.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ОТШЕДШИМЪ.

Едва покинулъ я житейское волненье,
Отшедшіе друзья ужъ собрались толпой,
И прошлыхъ смутныхъ лѣтъ далекія видѣнья
Яснѣе и яснѣй выходятъ предо мной.

Весь свѣтъ земного дня вдругъ гаснетъ и блѣднѣетъ,
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая—уже звучить и вѣетъ
Дыханьемъ Вѣчности грядущая весна.

Я знаю: это вы къ землѣ свой взоръ склонили,
Вы подняли меня надъ тяжелой суетой
И память вѣчнаго свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.

Еще не вижу васъ, но въ часъ предназначенья,
Когда злой жизни данъ всю до конца отдамъ,
Вы възявъ откроете обитель примиренья
И путь укажете къ немеркнущимъ звѣздамъ.

II.

ИМАТРА.

Шумъ и тревога въ глубокомъ покоѣ,
Мутныя волны средъ бѣлыхъ снѣговъ,
Льдины прибрежной пятно голубое,
Неба жемчужнаго тихій покровъ.

Жизнь міровая въ стремленіи смутномъ
Такъ же несется бурливой струей,
Въ шумѣ немолчномъ, хотя лишь минутномъ,
Тотъ же царитъ неизмѣнный покой.

Страсти волну, съ ея гѣной кипучей
Тщетнымъ желаньемъ, дитя, не лови:
Вверхъ погляди на недвижно-могучій
Съ небомъ сходящійся берегъ любви.

III.

СОНЪ НАЯВУ.

Лазурное око—
Сѣвозъ мрачно-нависшія тучи...
Ступая глубоко
По снѣжной пустынѣ сыпучей,
Къ загадочной цѣли
Иду одиноко.
За мной только ели,
Кругомъ лишь далеко
Раскинулась озера ширь въ своемъ бѣломъ уборѣ,
И вслухъ тишина говорить мнѣ: неожиданное сбудется вскорѣ!

Лазурное око
Опять потонуло въ туманѣ.
Въ тоскѣ одинокой
Блѣднѣетъ надежда свиданья.
Печальныя ели
Темнѣютъ вдали безъ движенья.

Пустыня безъ цѣли,
И путь безъ стремленья.
И голосъ все тотъ же звучить въ тишинѣ безъ убора:
Конецъ уже близокъ, неожиданное сбудется скоро!

IV.

Опять надвинулись томительныя тѣни
Забывшихъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ.
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни.
И въ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

Не объ утраченныхъ,—о, нѣтъ, они вернутся,—
Того мгновенья жаль, что сгинуло навсегда.
Ею не воскресить, и медленно плетутся
За мигомъ Вѣчности тяжелые года.

Иль эта мысль—обманъ, и въ прошломъ только тѣни
Забывшихъ сердцемъ лицъ и пережитыхъ грезъ?
Передъ невѣдомымъ склоняются колѣни,
И въ невозвратному бѣгутъ потоки слезъ.

Владимиръ Соловьевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1895.

Вопросы, относящіеся къ пересмотру положеній 19-го февраля.—Опека; общественное призрѣніе; семейные раздѣлы; мірскіе сборы; переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному; новая регламентація передѣловъ; сдача въ аренду надѣльных земель.—Объясненіе г. Сухотина, по вопросу о способахъ расчета съ сельскими рабочими.

Мы имѣли уже случай говорить о предстоящемъ пересмотрѣ положеній 19-го февраля 1861 г., но мы вознуслись одной лишь первой группы вопросовъ, предложенныхъ съ этою цѣлью на обсужденіе губернскихъ совѣщаній. Переходя теперь къ дальнѣйшимъ отдѣламъ программы, замѣтимъ, прежде всего, что положенія о крестьянахъ часто соприкасаются съ такими сторонами народнаго быта, успѣшное регулированіе которыхъ можетъ быть достигнуто только изданіемъ общаго закона, распространяющагося на все населеніе. Если подобный законъ уже проектированъ, то не слѣдуетъ, очевидно, игнорировать его, когда рѣчь идетъ специально о крестьянахъ. Комиссіею, составляющею новое гражданское уложеніе, изготовленъ, какъ извѣстно, законопроектъ объ опекахъ; комиссіею подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря К. К. Грота изготовляется законопроектъ объ общественномъ призрѣніи. Между тѣмъ, въ упомянутой программѣ вопросы объ опекахъ надъ крестьянами и объ организаціи въ нихъ средъ общественнаго призрѣнія ставятся такъ, какъ будто бы ни тамъ, ни тутъ не имѣлось въ виду *общей*, коренной реформы. Правда, въ настоящее время опека и призрѣніе у крестьянъ стоятъ на почвѣ чисто сословной; но не отъ этого ли зависитъ, отчасти, крайне неудовлетворительное ихъ устройство?.. Касаясь общественнаго призрѣнія, программа намѣчаетъ, между прочимъ, образованіе особыхъ на этотъ предметъ капиталовъ, отводъ извѣстнаго количества земли для благотворительныхъ учреждений, устройство, съ

той же цѣлью, особыхъ оброчныхъ статей—но вовсе не предусматриваетъ организаціи попечительствъ, въ которыхъ объединялась бы забота о нуждающемся *сельскомъ населеніи* (безъ различія сословія); а это, въ сущности, единственное дѣйствительное средство помощи, испытанное на практикѣ во время голодныхъ годовъ. Не въ изолированіи крестьянства, а наоборотъ, въ постоянномъ общеніи его съ другими классами сельскихъ жителей нужно искать точку опоры для борьбы съ бѣдствіями, постоянно или періодически тяготящими надъ деревней... Въ программѣ говорится, между прочимъ, о способахъ облегченія обязанностей, лежащихъ на сельскомъ обществѣ по отношенію къ призрѣнію отсутствующихъ его членовъ. И этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ справедливо только подъ условіемъ общаго пересмотра законовъ объ общественномъ призрѣніи; иначе облегченіе сельскаго общества совпадетъ съ отягощеніемъ участи отдѣльныхъ его членовъ, теряющихъ право на его поддержку — и не получающихъ соотвѣстнаго эквивалента... Меньше бросается въ глаза, но въ сущности столь же несомнѣнна связь между общимъ опекунскимъ законодательствомъ и правилами о крестьянскихъ опекахъ. Нѣкоторыя особенности послѣднихъ не устраняютъ ни возможности, ни желательности согласованія ихъ съ первымъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ положеніе деревенскихъ сиротъ зависитъ не столько отъ того, къ какому сословію принадлежалъ ихъ отецъ, сколько отъ того, чѣмъ онъ занимался и что послѣ себя оставилъ.

Можно ли признать достаточно назрѣвшей—спрашивается въ программѣ—потребность въ изданіи закона объ опекахъ надъ расточителями у крестьянъ? Въ печати было уже замѣчено по этому поводу, что назначеніе опеки надъ расточителями встрѣчается у крестьянъ очень рѣдко, но для огражденія семейнаго имущества отъ растраты волостные суды и сельскіе сходы принимаютъ другую, болѣе дѣйствительную мѣру—устраненіе расточителя отъ распоряженія хозяйствомъ, съ передачей хозяйскихъ правъ одному изъ старшихъ членовъ семьи. Преимущество этой мѣры передъ опекой заключается въ томъ, что хозяйственные распоряженія не стѣсняются постороннимъ вѣдѣтельствомъ, и хозяйство попадаетъ въ руки лица, прямо заинтересованнаго въ успѣшномъ его веденіи. Узаконеніе такого порядка „Русскія Вѣдомости“ считаютъ тѣмъ болѣе желательнымъ, что въ настоящее время онъ практикуется вопреки разъясненію сената, признающему его несогласнымъ съ дѣйствующими законами. При точномъ его регулированіи могутъ и должны быть приняты мѣры противъ возможныхъ злоупотребленій: должны быть, притомъ, опредѣлены признаки расточительности, установлены способы констатированія ея, предусмотрѣнъ способъ возстановленія хозяйскихъ

правъ. Изъ двухъ учреждений, отъ которыхъ теперь, *de facto*, зависятъ ограниченіе правъ домохозяина, сельскій сходъ кажется намъ гораздо болѣе компетентнымъ, чѣмъ волостной судъ, какъ потому, что онъ менѣе зависимъ отъ земскаго начальника, такъ и потому, что предохраненіе семьи отъ разоренія—вопросъ чисто хозяйственный, а не судебный. Сельскому сходу, а не волостному суду, общее положеніе о крестьянахъ (ст. 188) предоставляетъ принимать мѣры противъ недоимщиковъ, относя къ числу такихъ мѣръ и замѣну домохозяина старшимъ членомъ семьи. Между недоимщикомъ (не случайнымъ) и расточителемъ существуетъ нѣкоторое сходство: и тотъ, и другой, разстраиваютъ хозяйство, угрожаютъ благосостоянію семьи. Всего правильнѣе, поэтому, примѣнить къ послѣднему порядокъ, дѣйствующій по отношенію къ первому. Личныя права крестьянина, признаннаго расточителемъ, могутъ оставаться неприкосновенными; только на сельскомъ сходѣ его долженъ замѣнить тотъ членъ семьи, которому передано веденіе хозяйства.

Изъ той части программы, которая относится къ семейнымъ раздѣламъ, слѣдуетъ заключить, что до сихъ поръ еще не имѣется точныхъ свѣдѣній о послѣдствіяхъ закона 18-го марта 1886 г. ¹⁾ Губернскимъ совѣщаніямъ предлагается вопросъ, оказалъ ли этотъ законъ замѣтное вліяніе на сокращеніе числа раздѣловъ, другими словами — достигъ ли онъ той цѣли, которая въ особенности имѣлась въ виду при его изданіи? Сомнѣніе, въ настоящемъ случаѣ, почти равносильно отрицательному разрѣшенію вопроса. Если семейные раздѣлы, несмотря на девятилѣтнее дѣйствіе ограничившаго ихъ закона, продолжаютъ встрѣчаться почти столь же часто, какъ и прежде, то не указываетъ ли это на ихъ внутреннюю необходимость и неизбежность, на бесполезность противопоставляемыхъ имъ стѣсненій? „Крестьянскія семейства,—писалъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія закона 18-го марта 1886 г., одинъ изъ волостныхъ писарей саратовской губерніи, — продолжаютъ производить семейные раздѣлы, минуя сельскіе сходы (согласіемъ которыхъ раздѣлъ обуславливается по закону). Наказаніе арестомъ не дѣйствуетъ, лишеніе права голоса на сходѣ не считается порочающимъ репутацію; наконецъ, даже наказаніе по волостному суду розгами не удерживаетъ крестьянъ отъ семейныхъ раздѣловъ“. Если такъ неудержимо стремленіе къ раздѣламъ, то едва ли удастся положить ему конецъ мѣрами, намѣчаемыми въ программѣ: назначеніемъ определенной нормы движимаго имущества, наличность которой (у отдѣляющагося домохозяина) была бы необходимымъ условіемъ раздѣла, и определенного минимума

¹⁾ Объ этомъ законѣ см. Внутр. Обзоръ въ № 1 и 5 „Вѣсти. Европы“ за 1886 г.

земли, дальше котораго не должно идти дробленіе ея при раздѣлѣ. Всѣ подобныя правила могутъ уменьшитъ число раздѣловъ официальныхъ, гласныхъ, производимыхъ съ согласія схода, но отнюдь не число раздѣловъ самовольныхъ, наименѣе желательныхъ въ виду той неурядицы, которую они вносятъ въ поземельныя и семейныя отношенія.

Въ вопросахъ о принятіи новыхъ членовъ въ сельское общество затрогивается, между прочимъ, положеніе незаконнорожденныхъ. Губернскимъ совѣщаніямъ предлагается заявить, слѣдуетъ ли признавать ихъ равноправными членами общества, или же предоставленіе имъ тѣхъ или другихъ правъ должно быть обставлено какими-либо ограничительными условіями. „Русскія Вѣдомости“ замѣчаютъ, по этому поводу, что крестьянскій обычай благопріятствовалъ, до сихъ поръ, равноправности незаконнорожденныхъ и что ограничивать права незаконнорожденного, какъ члена общества, значило бы идти не только противъ народныхъ понятій, но и противъ духа нашего законодательства, дѣлать ничѣмъ не вызванный шагъ назадъ. Соглашаясь вполнѣ съ послѣднимъ мнѣніемъ, мы думаемъ, однако, что положеніе незаконнорожденныхъ въ крестьянскомъ быту обезпечено далеко не всегда и не вездѣ, и что вовсе не излишнимъ было бы утвержденіе за ними, путемъ закона, нѣкотораго минимума правъ, дальнѣйшее расширеніе которыхъ могло бы зависѣть отъ обычая. Мы знаемъ изъ книги С. В. Пахмана („Обычное гражданское право въ Россіи“), что незаконнорожденные наследуютъ послѣ отца при отсутствіи у него дѣтей законныхъ, при припискѣ ихъ къ семьѣ или принятіи въ домъ, при усыновленіи, при существованіи особаго по этому предмету договора — но при отсутствіи этихъ условій признаются наследниками только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и притомъ не наравнѣ съ другими. При такомъ разнообразіи обычаевъ нельзя возставать, въ принципѣ, противъ внимательства закона, лишь бы только онъ усвоилъ себѣ лучшія изъ нормъ, выработанныхъ жизнью. Необходимо также опредѣлить, въ томъ же широкомъ духѣ, юридическое положеніе пріемышей и усыновленныхъ, на практикѣ, въ крестьянскомъ быту, слагающееся весьма разнообразно.

Въ вопросахъ, касающихся увольненія изъ членовъ сельскаго общества, замѣтны два противоположныя теченія: признается стѣснительность правилъ, установленныхъ по этому предмету въ положеніи о выкупѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчается новое стѣсненіе, въ видѣ запрещенія или ограниченія перехода изъ крестьянъ въ купцы или мѣщане, безъ перемѣны мѣста жительства и съ сохраненіемъ надѣльной земли. На практикѣ такой переходъ вызывается, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, желаніемъ избѣжать невыгодныхъ усло-

вій, сопряженныхъ съ принадлежностью къ крестьянскому сословію. Бороться, поэтому, слѣдуетъ не съ послѣдствіемъ, а съ причиной; вмѣсто того, чтобы запрещать или ограничивать переходъ въ другое сословіе, гораздо цѣлесообразнѣе устранить главныя побужденія къ переходу. Всего полезнѣе, съ этой точки зрѣнія, была бы совершенная отиѣна тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ; не даромъ же с.-петербургское губернское земское собраніе замѣтило, еще въ 1882 г., что именно опасеніе подвергнуться этой карѣ заставляетъ многихъ выходить изъ крестьянскаго сословія. Если переходъ въ мѣщанство ограждаетъ отъ розогъ, то переходъ въ купечество освобождаетъ, сверхъ того, отъ подчиненія дискреціонной власти земскаго начальника, тяжелой именно потому, что она фактически безгранична. Введенная въ тѣсныя, строго опредѣленныя рамки и вмѣстѣ съ тѣмъ распространенная на все сельское населеніе, безъ различія сословій, она потеряла бы свое устрашающее значеніе, и для бѣгства изъ крестьянъ стало бы еще одной причиной меньше. Уходить изъ крестьянъ, наконецъ, и для того, чтобы избѣжать избранія на должности по крестьянскому самоуправленію и уплаты мірскихъ сборовъ. Первые сдѣлались бы гораздо менѣе страшными, еслибы по отношенію къ нимъ также была ограничена дискреціонная власть земскихъ начальниковъ,—а что касается до вторыхъ, то давно пора бы распространить значительную ихъ часть на всѣхъ жителей деревни, безъ различія сословій. Ничто не мѣшало бы, наконецъ, постановить, что крестьянинъ, перешедшій въ мѣщане или купцы, но оставшійся жить въ деревнѣ и сохранившій свой надѣлъ, подлежитъ, по прежнему, избранію на должности по крестьянскому самоуправленію. Въ усиленіи искусственной связи, соединяющей крестьянина съ его сословіемъ, нѣтъ, такимъ образомъ, никакой надобности; желательно, наоборотъ, возможно-большее ея уменьшеніе путемъ пересмотра соответствующихъ статей положенія о выкупѣ.

Мы только-что упомянули о необходимости расширенія круга лицъ участвующихъ въ платежѣ мірскихъ сборовъ. Программа допускаетъ возможность такого расширенія, но только по отношенію къ тѣмъ изъ числа проживающихъ въ селеніяхъ „постороннихъ“ лицъ, которыя подвѣдомственны сельскому и волостному управленію (т.-е. къ мѣщанамъ, посадскимъ и ремесленникамъ, но отнюдь не къ лицамъ такъ называемыхъ привилегированныхъ сословій). Съ нашей точки зрѣнія это было бы только полу-мѣрой, далеко недостаточной для справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія мірскихъ сборовъ. Значительная ихъ часть идетъ на такіе расходы, въ которыхъ заинтересовано, въ большей или меньшей степени, все населеніе

уѣзда—а другая часть имѣетъ характеръ исключительно хозяйственный, нисколько не касаясь тѣхъ жителей деревни, которые не входятъ въ составъ *деревенской общины*. Въ свое время эти два положенія были мотивированы нами подробно ¹⁾; не повторяя сказаннаго тогда, замѣтимъ только, что аргументы противъ чисто-сословной постановки вопроса о мірскихъ сборахъ можно найти въ самой министерской программѣ. Одинъ изъ вопросовъ, входящихъ въ ея составъ, изложенъ такъ: „не слѣдуетъ ли точнѣе опредѣлять условія, при которыхъ допускается обложеніе мірскими сборами внѣ-надѣльнаго недвижимаго имущества членовъ общества, поставивъ, напримѣръ, обложеніе въ зависимость отъ опредѣленнаго размѣра такого имущества или опредѣленнаго разстоянія его отъ надѣла, и отъ нахождения имущества въ районѣ волости“? Если членъ сельскаго общества будетъ облагаемъ мірскимъ сборомъ не только въ этомъ качествѣ, но еще и какъ владѣлецъ внѣ-надѣльнаго недвижимаго имущества, то рядомъ съ прежнимъ основаніемъ къ обложенію появится новое, существенно различное: будетъ признано, что владѣніе внѣ-надѣльнымъ имуществомъ, увеличивая услуги, получаемыя благодаря существованію мірскихъ сборовъ, должно увеличивать и долю участія въ этихъ сборахъ. Отсюда, очевидно, только одинъ шагъ до признанія, что извѣстную долю услугъ отъ мірскихъ сборовъ получаетъ всякій владѣлецъ имущества, лежащаго въ районѣ ихъ дѣйствія, т.-е. въ сельской мѣстности. Кто получаетъ услуги или имѣетъ выгоды, тотъ, по общему юридическому правилу, долженъ нести и сопряженное съ ними бремя, т.-е., въ данномъ случаѣ, уплачивать соответствующую часть мірскихъ сборовъ. Къ тому же выводу приводитъ и другой вопросъ, касающійся привлеченія къ уплатѣ мірскихъ сборовъ такъ называемыхъ *постороннихъ* лицъ; и здѣсь основаніемъ къ обложенію признается, между прочимъ, владѣніе землею, хотя бы и внѣ-надѣльною. Заканчивается этотъ вопросъ слѣдующими словами: „не слѣдовало ли бы освободить отъ обложенія недвижимое имущество (постороннихъ лицъ), превышающее извѣстные размѣры и расположенное далѣе опредѣленнаго разстоянія отъ надѣльной земли“? Первое изъ намѣченныхъ здѣсь извѣстій съ перваго взгляда можетъ показаться совершенно непонятнымъ: поводомъ къ освобожденію отъ налога признается обыкновенно *слишкомъ малый* размѣръ имущества, а отнюдь не *слишкомъ большой*. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ данномъ случаѣ проектируемая аномалія объясняется приравненіемъ „посторонняго“ лица, владѣющаго болѣе или менѣе значительнымъ имуществомъ, къ ли-

¹⁾ См. Внутр. Обзор. въ ММ 10 и 12 „В. Европа“ за 1893 г.

цамъ привилегированнымъ, оставляемымъ свободными отъ мірскихъ сборовъ. Предполагается, другими словами, что сравнительно-крупный владѣлецъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, не нуждается въ услугахъ сельскихъ и волостныхъ властей, а слѣдовательно не долженъ быть и привлекаемъ къ обложенію мірскими сборами. То же самое предположеніе допускается и по отношенію къ владѣльцамъ, земля которыхъ лежитъ вдали отъ крестьянскихъ поселеній. Съ нашей точки зрѣнія оба эти предположенія одинаково ошибочны. Какъ бы далеко отъ населенныхъ мѣстъ ни лежало владѣніе и какъ бы оно ни было обширно, владѣлецъ всегда можетъ встрѣтить надобность въ услугахъ волостныхъ и сельскихъ властей и въ пользованіи тѣми или другими учрежденіями, содержащими на счетъ мірскихъ сборовъ. Потребность въ содѣйствіи власти растетъ иногда даже въ прямой пропорціи къ величинѣ владѣнія. Больше земли—больше нужно и людей для ея обработки, а отношенія къ рабочимъ—одинъ изъ главныхъ источниковъ обращенія къ сельскимъ и волостнымъ властямъ.

Допуская привлеченіе „постороннихъ“ лицъ къ платежу мірскихъ сборовъ, программа ставитъ вопросъ, какими мѣрами можно обезпечить этихъ лицъ отъ неправильнаго обложенія? Достаточно ли для этого существующаго надзора надъ мірскими приговорами, въ связи съ предоставленіемъ „постороннимъ“ лицамъ права жалобы, или же необходимо установленіе опредѣленныхъ правилъ въ отношеніи самихъ основаній обложенія „постороннихъ“ лицъ? Для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что основанія обложенія „постороннихъ“ лицъ должны быть установлены закономъ, а не предоставляемы на усмотрѣніе учреждений, имѣющихъ право надзора надъ мірскими приговорами. Одного установленія основаній, однако, еще недостаточно: желательно еще, чтобы „постороннимъ“ лицамъ, наравнѣ съ другими плательщиками, было дано право участія въ обсужденіи вопросовъ, относящихся ко взиманію и употребленію мірскихъ сборовъ. Достигнуть этого было бы всего проще путемъ устройства всесословной волости, возможной—въ качествѣ единицы чисто-хозяйственной—даже при нынѣ дѣйствующихъ административныхъ порядкахъ ¹⁾. Что касается до опредѣленія основаній раскладки мірскихъ сборовъ между самими крестьянами, то оно едва ли необходимо: практика выработала ихъ помимо всякаго вмѣшательства власти, практика всего лучше можетъ и измѣнять ихъ, сообразно съ новыми условіями. „Во многихъ волостяхъ,—замѣчаютъ по этому по-

¹⁾ Мы старались доказать это въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ обзорѣй (1898 г., № 12).

воду „Русскія Вѣдомости“, — „мірскіе сборы распределяются по ремесленнымъ душамъ; но нѣкоторыя волости перешли отъ такого распределения къ раскладѣ по землѣ, по работникамъ, по платящимъ душамъ, по скоту. Выборъ этихъ новыхъ основаній показываетъ стремленіе крестьянъ перейти къ болѣе уравнительной раскладѣ. Такой переходъ былъ возможенъ только при отсутствіи всякихъ стѣсненій крестьянской общественной самостоятельности. Опредѣленіе закономъ основаній, допускаемыхъ для раскладокъ, прекратить всѣ дальнѣйшія попытки къ болѣе правильной постановкѣ этого дѣла, такъ какъ всякое новое основаніе будетъ считаться недозволеннымъ; между тѣмъ предположить, что дальнѣйшій успѣхъ въ этомъ дѣлѣ невозможенъ, было бы грубой ошибкой“.

Самый обширный отдѣлъ программы касается землепользованія. Въ одномъ изъ вопросовъ идетъ рѣчь о мѣрахъ къ упорядоченію общиннаго землевладѣнія и охраненію его отъ искусственнаго разрушенія—но въ другихъ прямо допускается мысль о такомъ разрушеніи. „Можно ли признать достаточно-назрѣвшей“ — таково, напримѣръ, содержаніе одного изъ вопросовъ—„потребность въ изданіи закона, болѣе точно опредѣляющаго порядокъ и условія перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному? Если да, то въ чемъ должны заключаться постановленія этого закона вообще, и въ частности: а) слѣдуетъ ли сохранить починъ въ возбужденіи вопроса о такомъ переходѣ за большинствомъ двухъ третей членовъ каждаго общества, или же допустить переходъ и по постановленію простого большинства? б) можно ли допустить, при раздѣлѣ на подворные участки пахатныхъ земель, оставленіе въ общинномъ пользованіи другихъ угодій—сѣнокосовъ, лѣсовъ, выгоновъ, или же слѣдуетъ требовать одновременнаго раздѣла всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ числа этихъ угодій?“ Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что столь существенное облегченіе перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному, какъ замѣна большинства двухъ третей простымъ большинствомъ голосовъ, послужило бы началомъ „разрушенія“ общины, и притомъ разрушенія, сплошь и рядомъ, „искусственнаго“. Для вліяній и давленій всякаго рода были бы открыты ворота и двери; систематическіе противники общины, которыхъ особенно много именно въ рядахъ „правящаго класса“, получили бы полную возможность „сломать“ крестьянъ къ постановленію приговоровъ, направленныхъ противъ общиннаго владѣнія. „Искусственное“ большинство двухъ третей составить трудно, „искусственное“ простое большинство—несравненно легче, такъ какъ здѣсь гораздо больше простора для всякихъ случайныхъ вліяній. Когда есть на-лицо большинство двухъ третей голосовъ, можно быть болѣе или менѣе увѣреннымъ въ томъ, что оно выра-

жаетъ собою настоящее, твердое, со всѣхъ сторонъ обдуманное убѣжденіе крестьянъ; относительно простаго большинства для такой убѣренности было бы гораздо меньше оснований. Сегодня высказавшись въ одномъ смыслѣ, оно завтра же можетъ склониться къ другому, прямо противоположному заключенію,—но уже будетъ поздно, и переходъ къ подворному владѣнію, легкомысленно рѣшенный, долженъ будетъ осуществиться, какъ еслибы онъ выражалъ собою дѣйствительную волю общины. Значительную роль, при рѣшеніи вопроса простымъ большинствомъ, будутъ играть стремленія отдѣльных лицъ или небольшихъ группъ, происки, обѣщанія, запугиванья—однимъ словомъ, все то, что способствуетъ торжеству частныхъ интересовъ надъ общими. Намъ кажется, поэтому, что для перехода отъ одной формы владѣнія къ другой по прежнему слѣдуетъ требовать большинства двухъ третей голосовъ, тѣмъ болѣе, что, по смыслу программы, такое большинство предполагается оставить въ силѣ даже для случаевъ менѣе важныхъ, — напр., для допущенія передѣла. Содѣйствовать „искусственному“ разрушенію общины можетъ, какъ намъ кажется, и дозволеніе переходить къ подворному владѣнію пахатною землею, сохраняя для другихъ угодій владѣніе общинное. Рѣшиться сразу покончить съ общиной, безъ сомнѣнія, труднѣе, чѣмъ измѣнить форму владѣнія частью общественной земли. Между тѣмъ, первый шагъ весьма легко можетъ повлечь за собою другіе; кто сказалъ *А*, часто вынужденъ будетъ сказать *Б* и *В*—и община распадется совершенно, вопреки первоначальному намѣренію ея участниковъ.

Средствомъ къ упорядоченію общиннаго землевладѣнія и охраненію его отъ искусственнаго разрушенія программа признаетъ, по-видимому, дальнѣйшую регламентацію передѣловъ, и прежде всего—*установленіе для нихъ основаній*, т.-е. опредѣленіе въ законѣ главныхъ началъ, которыми должны руководствоваться крестьяне, рѣшаясь приступить къ передѣлу и осуществляя его въ натурѣ. По нынѣ дѣйствующему закону, основанія передѣла должны быть указаны въ общественномъ приговорѣ, но *выборъ* ихъ зависитъ отъ самого общества. Къ отступленію отъ этого правила едва ли есть какая-либо надобность. Основанія для передѣловъ вырабатывались до сихъ поръ самою жизнью; она же будетъ вырабатывать ихъ и впредь, не останавливаясь на какихъ-нибудь неподвижныхъ нормахъ. Предугадывать ея движеніе нельзя, да и не нужно. Важно не то, чтобы для передѣла было принято непремѣнно то или другое начало; важно то, чтобы начало, однажды принятое, было примѣнено послѣдовательно ко всѣмъ членамъ общины,—а для этого, въ свою очередь, достаточно *общезвѣстности* основаній передѣла. Идти дальше—значило бы создавать излишнюю регламентацію, безъ всякихъ гарантій въ

ся практической пригодности. Ненужнымъ внимательствомъ въ крестьянское хозяйство было бы и ограниченіе дробности полосъ при передѣлахъ, лучше всего сдерживаемой интересомъ самихъ крестьянъ. Какъ ни мало удовлетворительны узкія полосы съ точки зрѣнія рациональной теоріи, онѣ необходимы въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ; ихъ неудобства и удобства все еще болѣе или менѣе уравниваются, и бороться противъ нихъ слѣдуетъ не путемъ запрещеній и предписаній, а путемъ распространенія усовершенствованныхъ способовъ культуры. Нецѣлесообразнымъ кажется намъ, наконецъ, и *требованіе*, чтобы при передѣлахъ земли отводились особые запасные участки для надѣленія ими новыхъ членовъ общества, имѣющихъ права на отводъ общественной земли. При малоземельѣ многихъ общинъ исполненіе этого требованія было бы сопряжено съ весьма значительными стѣсненіями, не говоря уже о массѣ несогласій и пререканій, которыя вызвалъ бы вопросъ о способѣ пользованія запасными участками, впредь до предоставленія ихъ во владѣніе прибылыхъ душъ.

Область подворно-наслѣдственного пользованія землею изслѣдована у насъ, вообще говоря, гораздо меньше, чѣмъ область общиннаго землевладѣнія,—отчасти потому, что значительная часть ея не входитъ въ районъ дѣйствій земской статистики. Этимъ объясняется, вѣроятно, преобладающій характеръ вопросовъ, посвященныхъ подворно-наслѣдственному владѣнію,—вопросовъ преимущественно справочныхъ, сравнительно-рѣдко содержащихъ въ себѣ намекъ на возможное или желательное рѣшеніе. Нѣкоторые изъ нихъ относятся одинаково какъ къ подворно-наслѣдственнымъ участкамъ, такъ и къ усадьбамъ, способъ владѣнія которыми аналогиченъ съ подворнымъ и въ области господства общиннаго землевладѣнія. Намъ кажется, что одними отвѣтами губернскихъ совѣщаній не будетъ внесено достаточно свѣта въ мало-извѣданную сферу юридическихъ и бытовыхъ отношеній, группирующихся вокругъ крестьянской усадьбы. Много пользы могъ бы принести, съ этой точки зрѣнія, опросъ уѣздныхъ членовъ окружного суда, черезъ руки которыхъ уже нѣсколько лѣтъ сряду проходитъ длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ по жалобамъ на гражданскія рѣшенія волостныхъ судовъ. Обладая юридической подготовкой, они лучше всего могутъ ориентироваться въ лабиринтѣ крестьянскихъ обычаевъ, регулирующихъ или, правильнѣе, затрогивающихъ наслѣдственное, семейное и договорное право. Можно, конечно, почерпнуть этотъ матеріалъ и прямо изъ рѣшеній волостныхъ судовъ—но въ такомъ видѣ онъ явился бы слишкомъ промоздкимъ, слишкомъ трудно поддающимся обработкѣ. Что касается до земскихъ начальниковъ, то собирать свѣденія черезъ

ихъ посредство было бы менѣе удобно, какъ въ виду ихъ многочисленности, такъ и въ виду отсутствія, у большинства изъ нихъ, тѣхъ спеціальныхъ знаній, съ помощью которыхъ однородные факты, несмотря на все различіе ихъ формъ и наименованій, отграничиваются отъ остальныхъ, соединяются въ группы и становятся ступенью для дальнѣйшихъ, болѣе широкихъ обобщеній.

Послѣдніе вопросы въ отдѣлѣ о землепользованіи касаются сдачи въ аренду надѣльныхъ земель, какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными домохозяевами. Изъ этихъ двухъ видовъ аренды и болѣе распространеннымъ, и болѣе важнымъ является, безъ сомнѣнія, второй. „Какое значеніе,—читаемъ мы въ программѣ,—могло бы имѣть (въ качествѣ противодѣйствія сдачѣ): а) опредѣленіе срока на который сдача надѣла въ аренду допускается только съ согласія общества; б) предоставленіе преимущественнаго (или исключительнаго?) права на аренду надѣльныхъ земель членамъ того же общества (или лицамъ сельскаго состоянія?), и в) установленіе высшей предѣльной нормы возможнаго сосредоточенія арендованныхъ надѣловъ“? Намъ кажется, что большаго значенія ни одна изъ этихъ мѣръ имѣть не можетъ. Сдача земель въ аренду отдѣльными домохозяевами представляетъ собою, въ большинствѣ случаевъ, не что иное, какъ одну изъ формъ забрасыванья или ликвидированья самостоятельнаго хозяйства. Изучать ее и бороться съ нею слѣдуетъ, поэтому, не столько на юридической почвѣ, сколько на экономической. Согласіе общества на болѣе продолжительный срокъ аренды будетъ получаться безъ особеннаго труда, если только общество не будетъ заинтересовано въ томъ, чтобы самому вступить во всѣ права своего ослабѣвшаго сочлена. Преимущественное право однообщественниковъ можетъ сдѣлаться предметомъ выгодной торговли, выдвинувъ на сцену спросъ на подставныхъ арендаторовъ. Къ тому же результату легко можетъ привести и запрещеніе сосредоточенія въ однихъ рукахъ свыше опредѣленнаго числа арендуемыхъ надѣловъ. Обезземеленія крестьянъ—ни каждая изъ этихъ мѣръ въ отдѣльности, ни всѣ въ совокупности, не остановятъ, если не произойдетъ существенной перемѣны въ экономическихъ условіяхъ, всего могущественнѣе вліяющихъ на судьбу крестьянскаго хозяйства...

Мы говорили не такъ давно о циркулярѣ одного изъ тульскихъ земскихъ начальниковъ, желавшаго установить новый порядокъ расчета между нанимателями и работающими у нихъ крестьянами. Теперь самъ авторъ циркуляра напечаталъ въ „Гражданинѣ“ подробное объясненіе своего образа дѣйствій. Г. Сухотинъ, земскій

начальникъ чернскаго уѣзда, былъ, какъ оказывается, девять лѣтъ участковымъ мировымъ судьей, три года председателемъ мирового съѣзда, и въ теченіе семнадцати лѣтъ занимается „небольшимъ хозяйствомъ“. Онъ обратился къ землевладѣльцамъ своего участка не съ циркулярнымъ предписаніемъ (этого никто и не утверждалъ: всѣмъ извѣстно, что область приказовъ земскаго начальника не идетъ дальше крестьянъ), а съ письмомъ, указывая, въ качествѣ „опытнаго совѣтника“, каковымъ образомъ могутъ быть сразу достигнуты двѣ цѣли: съ одной стороны, взысканы государственныя повинности, съ другой — „удовлетворены справедливыя жалобы гг. землевладѣльцевъ и ихъ насущная потребность въ полученіи рабочихъ рукъ“. Рассказъ о томъ, какъ много крестьяне въ участкѣ г. Сухотина получаютъ и какъ упорно уклоняются отъ платежа налоговъ, прерывается слѣдующей апострофой по адресу редактора журнала: „вы не знаете того, что нашъ крестьянинъ, который по закону имѣетъ свое собственное управленіе, никогда имъ не пользовался, не пользуется и не можетъ дать себѣ понятія, какъ онъ можетъ осуществить свое право въ отношеніи устройства своего благосостоянія, а вы желаете оставить ихъ безъ помощи, въ то время, когда онъ началъ чувствовать себя покойно за такими няньками, которыя дѣйствительно желаютъ ихъ нянчить для ихъ же пользы, и ничего другого не дѣлаютъ, какъ по совѣту или приказу начальника“... Послѣ увѣренія, что земскіе начальники — не чиновники, авторъ письма переходитъ, наконецъ, къ главной своей темѣ. Уплату заработанныхъ крестьянами денегъ не самимъ работникамъ, а сельскимъ старостамъ, для зачисленія въ подати, онъ называетъ „обеспеченіемъ бесспорнаго иска“ и приурочиваетъ, по аналогіи, къ ст. 1084 уст. гражд. судопр. Староста, по мнѣнію г. Сухотина, и самъ, во всякое время, можетъ явиться къ нанимателю, для полученія денегъ, слѣдующихъ съ него за работу крестьянина-недомщика: задуманное нововведеніе состоитъ только въ томъ, что инициативу призыва старосты долженъ брать на себя наниматель. Чтобы побудить послѣднего къ исполненію этой роли, г. Сухотинъ прибѣгаетъ именно къ той теоріи „взаимнаго одолженія“, которую мы съ самаго начала и усмотрѣли въ его циркулярѣ: онъ общается нанимателямъ, во-первыхъ, обліе рабочихъ рукъ (такъ какъ для полученія денегъ на „пропой“ крестьяне будутъ работать охотнѣе, чѣмъ для уплаты повинностей), во-вторыхъ — лучшее качество работы. „На основаніи ст. 58 пун. 7 и 64 общ. полож., староста обязанъ понудить крестьянина работать, а въ случаѣ неисполненія требованія можетъ подвергнуть наказанію въ предѣлахъ своей власти, какъ за маловажный проступокъ: вотъ въ чемъ и заключалось мое обѣщаніе заставить населеніе работать“.

Если вѣрить г. Сухотину, лѣтъ двадцать тому назадъ господствовать именно тотъ способъ собранія податей, который онъ теперь предлагаетъ: „при раздачѣ земли подѣ обработку землевладѣльцы хотя и заключали договоръ съ цѣлыми обществами, но деньги выдавали на руки старостамъ, которые съ своей стороны вносили ихъ въ уплату повинностей: землевладѣльцы же считали для себя удобнѣе и спокойнѣе имѣть дѣло съ однимъ старостой, а не съ цѣлымъ кагаломъ“.

Въ оправданіи г. Сухотина утѣшительно только одно: несмотря на свое настоящее положеніе, онъ, очевидно, не утратилъ чувствительности къ суду общественнаго мнѣнія. Весьма можетъ быть, впрочемъ, что въ г. Сухотинѣ эта чувствительность является завѣтомъ его прежней дѣятельности, въ другихъ отношеніяхъ не оставившей въ немъ, повидимому, никакихъ прочныхъ слѣдовъ. Бывшему мировому судѣ слѣдовало бы знать, что обращеніе взысканія на имущество или деньги должника, находящіяся въ рукахъ третьяго лица, никогда, во-первыхъ, не производится по инициативѣ этого послѣдняго лица, а во-вторыхъ, обставляется формальностями, обезпечивающими должника. Возможность получить отъ третьяго лица слѣдующія ему деньги должникъ теряетъ лишь тогда, когда достаточно доказана отвѣтственность его передъ кредиторомъ, не только могущая или имѣющая наступить, но *уже наступившая*. Гдѣ же ручательство въ томъ, что только при наличности этого условія платежъ заработанныхъ денегъ будетъ производиться землевладѣльцемъ не крестьянину, а сельскому старостѣ? Гдѣ ручательство въ томъ, что онъ не пойдутъ на покрытіе текущихъ платежей, еще не состоящихъ въ недоимкѣ и не подлежащихъ, слѣдовательно, немедленному взысканію?.. Мы идемъ далѣе и утверждаемъ, что порядокъ, установленный для взысканія *по суду*, вовсе непримѣнимъ къ взысканіямъ безспорнымъ, къ категоріи которыхъ принадлежитъ взиманіе налоговъ. Какія мѣры могутъ быть употребляемы по отношенію къ неисправнымъ плательщикамъ казенныхъ и мірскихъ повинностей—это опредѣлено съ точностью ст. 188 Общ. Полож. о крест., въ которой о заработанныхъ деньгахъ не говорится ни слова. Еслибы староста, *propter motu*, предъявилъ претензію на полученіе этихъ денегъ непосредственно отъ землевладѣльца, послѣдній долженъ былъ бы отвѣтить, что вовсе не обязанъ и даже не въ правѣ платить ихъ кому бы то ни было другому, кромѣ самого работника. Еще менѣе, конечно, должна быть рѣчь о *примашеніи* старосты самимъ землевладѣльцемъ и объ уплатѣ ему денегъ, на полученіи которыхъ настаиваетъ ихъ настоящій собственникъ. Въ законѣ положеніи можетъ очутиться крестьянинъ, работавшій для покупки хлѣба и лишенный, въ послѣднюю минуту, заработанныхъ имъ денегъ—

этого не хотѣть видѣть г. Сухотинъ, признающій единственною цѣлью крестьянской работы либо „пропой“, либо уплату повинностей, и забывающій о томъ, что существуетъ еще обязанность крестьянина — прокормить свою семью.

Еще болѣе обращаетъ на себя вниманіе та часть объясненія г. Сухотина, которая касается второй половины теоріи „взаимнаго одолженія“—содѣйствія земскаго начальника исправной работѣ крестьянъ на нанимателей. Намъ хотѣть увѣрить, что здѣсь идетъ рѣчь только о примѣненіи сельскими властями ст. 58 и 64 Общ. Полож.—примѣненіи, къ которому, въ случаѣ надобности, можетъ ихъ побудить или понудить земскій начальникъ. Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Ст. 64 уполномочиваетъ сельскаго старосту подвергать крестьянъ, за *маловажные проступки*, дисциплинарному взысканію. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ именемъ *проступка* здѣсь, какъ и вездѣ, разумѣется нѣчто *запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія*—а гдѣ же законъ, запрещающій, подъ страхомъ наказанія, лѣнливую, медленную или неисправную работу на нанимателя? Изъ того, что сельскій староста, по ст. 58 пун. 7 Общ. Полож., *понукаетъ* крестьянъ къ исполненію безспорныхъ договоровъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ право оцѣнить *качество* исполненія и возводить его неудовлетворительность на степень наказуемаго проступка. Далѣе, ст. 64 предоставляетъ сельскимъ старостамъ дискреціонную власть, которою они должны пользоваться по собственному почину, а отнюдь не по чужому приказу. *Требовать* отъ старосты, чтобы онъ подвергнулъ кого-либо взысканію по ст. 64-ой,—нельзя; а слѣдовательно, нельзя и карать старосту за неисполненіе этого требованія. Допустимъ, однако, что г. Сухотинъ иначе понимаетъ законъ и усматриваетъ въ немъ такія полномочія для себя самого и для сельскихъ старостъ, какихъ онъ вовсе не устанавливаетъ. И въ такомъ случаѣ трудно повѣрить, что указанія, сдѣланныя въ циркулярномъ письмѣ, относились именно и только къ ст. 64 Общ. Пол. о крест. Это статья старая, всѣмъ давно извѣстная и ничѣмъ особенно страшнымъ не угрожающая: едва ли ее имѣлъ въ виду авторъ циркуляра, когда ручался передъ нанимателями, что „заставитъ рабочихъ работать такъ, какъ слѣдуетъ работать“, и напоминалъ, что „въ рукахъ ближайшихъ властей есть способы заставлять работать неповинующихся“. Мы продолжаемъ думать, что здѣсь намекалось на возможность болѣе тяжелой кары, юридически, конечно, существующей вовсе не для лѣнливыхъ или неисправныхъ работниковъ, но фактически зависящей отъ усмотрѣнія волостного суда и земскаго начальника. Припомнимъ, что въ черномъ уѣздѣ число приговоровъ, присуждающихъ къ тѣлесному наказанію, составляло, въ 1892 г., $\frac{2}{4}\%$ всѣхъ приговоровъ, поста-

повлеченныхъ волостнымъ судомъ¹⁾, а число исполненныхъ тѣлесныхъ наказаній (49) слишкомъ въ пять разъ превышало число замѣненныхъ (9).

Оправданіемъ для произвольныхъ, виѣ-законныхъ мѣръ почти всегда выставляется ихъ „необходимость“, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ — мнимая. Къ такому оправданію прибѣгаетъ и г. Сухотинъ, утверждая, что при нынѣ дѣйствующихъ законахъ нѣтъ другого практическаго способа взысканія недоимокъ, кроми имъ избраннаго. Какъ согласить это увѣреніе съ словами г. Сухотина о „дѣтяхъ“, чувствующихъ себя спокойно за „нанькой“ и исполняющихъ не только всѣ ея приказы, но и всѣ ея совѣты? Что же мѣшаетъ добровольному исполненію приказовъ и совѣтовъ, относящихся къ уплатѣ повинностей?... Только-что нарисовавъ идиллическую картину, г. Сухотинъ самъ спѣшитъ стереть ее — и вмѣсто дѣтской обители послушанія и благодушія является на сцену цѣлая лѣстница мѣропріятій. Наниматель жалуется земскому начальнику; земскій начальникъ распоряжается волостными и сельскими властями; волостныя и сельскія власти справляются съ отдѣльными крестьянами. О такой системѣ можно быть того или другого мнѣнія — но ужъ патріархально-то, семейною, ее назвать ни въ какомъ случаѣ нельзя... Судя по заключительнымъ словамъ г. Сухотина, ему хотѣлось бы восстановить старину не только въ способѣ взысканія повинностей, но и въ способѣ найма рабочихъ. Онъ жалѣетъ о недавнемъ прошломъ, когда нанимателямъ приходилось имѣть дѣло не съ „кагаломъ“, т.-е. не съ множествомъ отдѣльныхъ рабочихъ, а съ однимъ старостой, который затѣмъ рассчитывался уже или справлялся со всѣми остальными. Что это было удобно для нанимателей — не споримъ; но во что обращается, при такихъ условіяхъ, свобода соглашенія и вообще все составляющее сущность гражданскаго договора? Мечтанія г. Сухотина, осуществляясь на почвѣ нынѣшняго мѣстнаго судебно-административнаго строя, привели бы къ созданію чего-то въ родѣ рабочихъ арестантскихъ ротъ, надсмотрщиками въ которыхъ были бы сельскіе старосты, отрядными смотрителями — волостные старшины и т. д.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одну черту въ объясненіи г. Сухотина: онъ ни за что не хочетъ, чтобы его считали „чиновникомъ“. Земскіе начальники, говоритъ онъ, „вѣрные слуги своего Царя“; но къ какой же другой категоріи чиновниковъ не подходитъ это же самое опредѣленіе? Разницу между мировыми судьями и земскими начальниками г. Сухотинъ видитъ лишь въ томъ, что у первыхъ главнымъ

¹⁾ См. въ ливарской книгѣ Общественную Хроникку.

начальствомъ былъ сенатъ, а у послѣднихъ—министръ внутреннихъ дѣлъ. Скоро же забылъ бывшій мировой судья свое прежнее положеніе, отличавшееся именно тѣмъ, что надъ нимъ было не начальство, а только власть, отъ которой и зависѣло преданіе его суду. *Чинovníкомъ* не только можетъ, но долженъ быть названъ всякій, кто, будучи опредѣленъ на государственную службу и назначенъ на должность высшимъ, іерархически, должностнымъ лицомъ, подлежитъ, въ томъ же порядкѣ, и увольненію, а во время бытности на службѣ пользуется всѣми сопряженными съ ней правами и обязанъ исполнять приказанія своего начальства. Всѣ эти условія соединяетъ въ себѣ и г. Сухотинъ, какъ земскій начальникъ, и обижаться названіемъ чиновника, не заключающимъ въ себѣ вообще ровно ничего обиднаго,—ему отнюдь не подобаетъ. Существовало, правда, предположеніе поставить мѣстнаго судью-администратора въ такіа условія, при которыхъ онъ былъ бы не столько чиновникомъ, сколько уполномоченнымъ и довѣреннымъ дворянства,—но это предположеніе держалось только до тѣхъ поръ, пока такіа идеи носились въ средѣ меньшинства казановской комиссіи; столкнувшись съ суровой дѣйствительностью, онѣ были видоизмѣнены самимъ ихъ авторомъ...

ПО ПОВОДУ ШКОЛЬ ГРАМОТНОСТИ.

Письмо въ редакцію.

Въ январѣ 1894 года вышла моя брошюра, гдѣ я описала первую свои начинанія на поприщѣ народнаго образованія—и главнымъ образомъ, учрежденіе въ нашей мѣстности (нижегород. губ.) школъ грамотности, начиная съ февраля 1890 г., когда открылась первая такая школа, и кончая осенью 1893 г., когда ихъ было уже 31. Положеніе народныхъ школъ разныхъ типовъ и ихъ относительные недостатки и преимущества несомнѣнно требуютъ въ настоящее время возможно тщательнаго и полнаго обсужденія и выясненія. Поэтому считаю долгомъ сообщить въ добавленіе къ сказанному ранѣе еще нѣсколько наблюденій и выводовъ, частью унущенныхъ мною изъ вида при составленіи брошюры и частью сдѣланныхъ мною уже послѣ появленія ея въ свѣтъ.

Увлечшись быстрымъ размноженіемъ отырываемыхъ мною школъ грамоты, относительнымъ ихъ успѣхомъ и несомнѣнной потребностью въ нихъ при отсутствіи школъ высшаго типа, ободренная сочувствіемъ и помощью съ разныхъ сторонъ, и не видя еще возможности служить дѣлу народнаго образованія другимъ, болѣе совершеннымъ способомъ, я одно время мечтала лишь о томъ, чтобы раскинуть сѣть своихъ школъъ возможно шире и открыть ихъ не 30, а 50, 100 и болѣе того.

Но какъ только я осенью 1894 г. приступила къ открытію значительно ббльшаго противъ прежняго числа школъ грамоты, мнѣ пришлось убѣдиться въ полной невозможности продолжать это дѣло на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ оно было начато. Неблагопріятныя условія, въ которыя поставлены теперь школы грамоты, выяснились по мѣрѣ того, какъ уменьшалось вѣстѣ съ увеличеніемъ ихъ числа случайное, личное мое участіе въ открытіи и веденіи каждой школы. Прежде всего почувствовался недостатокъ въ учителяхъ. Въ обыкновенныхъ нашихъ земскихъ школахъ учатся не болѣе трехъ лѣтъ, а расширеніе курса и продолженіе его на четвертый или пятый годъ вообще не только не рекомендуется, но даже официально не разрѣшается. Мальчикъ, сдавшій экзаменъ 11, 12-ти лѣтъ и лишенный затѣмъ всякой возможности продолжать ученье, не можетъ быть сколько-нибудь удовлетворительнымъ учителемъ

школы грамотности. Удовлетворительными учителями этихъ школъ бывають лишь тѣ ученики, съ которыми имѣ удавалось заниматься особо, послѣ окончанія ими обычнаго курса и до достиженія ими 14, 15 лѣтъ, то-есть до поступленія на мѣсто. Но такихъ сравнительно только хорошихъ учителей у меня въ настоящемъ учебномъ году стало не хватать, и приходилось помѣщать въ новыя школы учителей просто плохихъ, или же закрывать школы наименѣе людныя. И число такихъ закрываемыхъ по неимѣнію учителя школъ было бы довольно значительно, еслибъ увеличенію ихъ числа не ставили предѣла также и другія обстоятельства,—между прочимъ крайне плохое матеріальное ихъ положеніе. Такъ какъ школа грамоты не имѣетъ опредѣленныхъ источниковъ дохода, то все матеріальное ея обезпеченіе зависитъ отъ частнаго соглашенія учредителей школы съ родителями учащихся въ началѣ каждаго учебнаго года, отъ размѣра средствъ, которыя пожелаютъ дать на школу тѣ и другіе, и отъ размѣра требованій хозяина квартиры и учителя. Вадумаютъ ли хозяинъ увеличить плату за квартиру или совсѣмъ отказаться отъ помѣщенія въ своемъ домѣ школы; случится ли неурожай, благодаря которому нѣкоторые отцы найдутъ затруднительнымъ платить за ученіе своихъ дѣтей, — или, напротивъ, уродится ленъ, и нѣкоторыя матери вадумаютъ засадить своихъ ребятъ за пряжу, — и вотъ, существованіе школы грамотности уже въ опасности. Колебанія въ числѣ учениковъ ничѣмъ не угрожаютъ прочно поставленной нормальной школѣ, но въ школѣ грамотности уменьшеніе числа учениковъ нерѣдко ведетъ за собою оставленіе школы учителемъ и ея закрытіе. Пока я принимала близкое участіе въ жизни каждой школы, я могла такъ или иначе бороться съ матеріальными затрудненіями, безурядицей и непониманіемъ. Но когда школъ стало много и пришлось поручать ихъ открытіе самимъ крестьянамъ,—переговоры относительно найма квартиры и вознагражденія учителя нерѣдко затягивались, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прямо кончались ничѣмъ.

Но главныя препятствія, встрѣченныя мною при открытіи болѣе значительнаго числа школъ грамоты, коренились въ официальномъ ихъ положеніи, т.-е. въ полной ихъ зависимости отъ мѣстныхъ священниковъ. Отсутствіе всякой связи съ общественными учрежденіями, которыя были бы заинтересованы въ поддержаніи существованія школы,—и беззащитность ея передъ произволомъ священниковъ и другихъ вліятельныхъ въ селахъ лицъ—давали себя знать и ранѣе. Отырывая школы, я брала съ бою чуть ли не каждый шагъ, и хотя сначала я нерѣдко одерживала побѣды, однако и тогда уже

приходилось встрѣчать также и пораженія. И чѣмъ больше школъ я старалась открыть, тѣмъ болѣе возрасталъ процентъ неудачъ.

Открывать школы грамоты послѣдовательно, одну за другой, во всѣхъ неизмѣняющихся земской школы селеніяхъ данной мѣстности, оказалось невозможнымъ. Минувъ мѣста, гдѣ обстоятельства были рѣшительно неблагопріятны, я стала открывать школы тамъ, гдѣ онѣ по той или другой причинѣ не привлекали на себя ничего вниманія, и въ такихъ еще селеніяхъ, гдѣ имѣлся земскій начальникъ или помѣщикъ, склонный взять школу подъ особое свое [покровительство. Такимъ образомъ, школы оказались разбросанными въ видѣ оазисовъ по территоріи 4-хъ уѣздовъ, и это, разумѣется, еще болѣе ослабляло возможность личнаго моего заступничества за каждую отдѣльную школу. Когда священникамъ епархіальною властью дано было предписаніе открыть у себя безотлагательно церковно-приходскую школу или школу грамотности, нѣкоторые священники дѣйствительно сдѣлали это и даже изыскивали средства на приглашеніе особаго учителя и сравнительно правильную постановку учебнаго дѣла. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ священники, поглощенные хозяйственными заботами и требамъ и не имѣющіе ни досуга, ни денежныхъ средствъ, ни умѣнья, ни желанія заниматься школою, открыли школы номинальныя, или же въ церковныхъ сторожкахъ, съ дьячкомъ въ качествѣ учителя и совершенно ничтожнымъ числомъ учениковъ. Нѣкоторые такіе, почти ничего не дающіе и никого не удовлетворяющіе, школы продолжаютъ существовать благодаря тому только, что сколько-нибудь порядочной школы въ селѣ не имѣется, а есть между тѣмъ ребята, непременно желающіе учиться грамотѣ. Другіе совсѣмъ, или на половину, фиктивные школы этого типа закрылись, какъ только требованія епархіальной власти сдѣлались менѣе настоятельными. И какъ плохое состояніе однихъ школъ, такъ и закрытіе другихъ, священники болѣею частью объясняютъ совершеннымъ неизмѣненіемъ средствъ, или неизмѣненіемъ подходящаго помѣщенія, или даже отсутствіемъ въ населеніи потребности въ ученіи. Послѣ того имъ, разумѣется, весьма бываетъ непріятно, когда въ приходахъ ихъ на средства тѣхъ же крестьянъ и стараніями постороннихъ лицъ открываются школы, которыми они кромѣ того обязаны завѣдывать. И отношеніе священниковъ къ такимъ постороннимъ имъ и все же поставленнымъ въ зависимость отъ нихъ и причиняющимъ имъ не мало хлопотъ школамъ—большей частью несочувственно, а иногда и прямо враждебно. Немалую роль играетъ при этомъ еще и зависимость самого священника отъ помѣщиковъ, земскихъ начальниковъ и всякаго рода мѣстныхъ тузовъ,—и то еще обстоятельство, что существованіе школы

грамоты мѣшаетъ священнику просить епархіальный училищный совѣтъ объ открытіи въ данномъ мѣстѣ церковно-приходской школы, въ которой могъ бы быть учителемъ—съ полученіемъ жалованья отъ епархіальнаго училищнаго совѣта—одинъ изъ членовъ причта или родственникъ священника.

Перебирая въ памяти всѣ отдѣльные случаи открытія школъ и попытокъ къ тому, я могу припомнить всего лишь пять, шесть священниковъ, которые охотно согласились на открытіе школы и опредѣленіе извѣстнаго учителя. Большинство же изъ тѣхъ, къ кому я обращалась, то прямо отказывали мнѣ въ своемъ согласіи, то болѣе или менѣе успѣшно противодействовали мнѣ негласнымъ образомъ. А такъ какъ въ нашихъ захолустныхъ уѣздахъ взгляды и нравы не отличаются достоинствомъ и порядочностью, и всякое средство борьбы считается дозволеннымъ,—трудно перечислить всѣ виды и формы гонимій, которымъ подвергались при этомъ несчастныя школы грамотности.

Такъ, въ сергачскомъ уѣздѣ одинъ священникъ, при открытіи мною школы, заявилъ, что не можетъ допустить учениковъ въ слишкомъ яко-бы ветхую церковную сторожку, а затѣмъ посоветовалъ крестьянину, сдававшему подъ школу свою избу, запросить за нее неслыханную цѣну. Другой священникъ (арзамасскаго уѣзда), пріѣхавъ въ деревню, сказалъ крестьянамъ, что въ случаѣ, если у нихъ откроется школа, то его заставятъ ѣздить въ школу для надзора за нею, и онъ тогда „заучить“ ихъ подводами, и не только зимой, но и въ пашню, и въ сѣвъ. Въ другой еще деревнѣ, сергачскаго уѣзда, священникъ передъ осеннимъ открытіемъ школы объявилъ крестьянамъ, что прежній учитель имъ не нуженъ, такъ какъ учить у нихъ будетъ бесплатно дьяконъ. Крестьяне отказали учителю, но когда дьяконъ потребовалъ отъ нихъ ежедневно по двѣ подводы,—что далеко превышало расходъ на содержаніе и жалованье учителя,—они отказали и дьякону, и школа закрылась. Еще въ другой деревнѣ того же уѣзда священникъ согласился открыть школу и допустить въ нее предложенную мною учительницу; но когда она явилась къ нему за 80 верстъ, онъ, сдѣлавъ ей экзаменъ, объявилъ, что она не имѣетъ достаточныхъ познаній и можетъ отправляться обратно,—хотя вообще въ школахъ грамоты безпрепятственно учатъ совершенно почти безграмотныя начетчицы и отставные солдаты. Въ другой деревнѣ, арзамасскаго уѣзда, священникъ проэкзаменовалъ вновь поступившаго учителя и позволилъ ему учить, а затѣмъ вздумалъ устроить въ той же деревнѣ церковно-приходскую школу и помѣстить туда учительницей свою сестру. И хотя учитель, учивши въ другой школѣ грамоты, уже разъ утвержденъ былъ въ своемъ званіи, священникъ черезъ пять дней

послѣ перваго экзамена снова вызвалъ его и, проэкзаменовавъ его вторично, объявилъ ему, что болѣе не допускаетъ его къ учительству. Затѣмъ священникъ отправился въ деревню, гдѣ находилась школа, и объявилъ крестьянамъ, что школа ихъ закрыта, но что они могутъ посылать своихъ дѣтей къ его сестрѣ, которая будетъ учить ихъ у него въ домѣ... Еще въ одномъ селѣ арзамасскаго уѣзда священникъ согласился допустить рекомендованнаго мною учителя въ школу, гдѣ до того очень плохо училъ дьячокъ; но мѣстному помѣщику нововведеніе это не понравилось, и священникъ счелъ нужнымъ отказать учителю. Высказывая мнѣ свое прискорбіе по этому случаю, онъ добавилъ: „Вотъ еслибъ я былъ человекъ безупречный—другое дѣло, а то вѣдь и сжить меня съ мѣста легче легкаго“...

Еще въ другомъ селѣ (сергачскаго уѣзда) молодой священникъ усердно занимается школой, но дьячокъ-учитель бьетъ учениковъ, чтобы, по словамъ крестьянъ, „отвадить“ ихъ отъ ученія; когда же я предложила священнику другого учителя, священникъ признался, что допустить его въ свою школу не можетъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ остальные члены причта его „сѣдятъ“. Еще въ одномъ селѣ (арзам. у.) земскій начальникъ произвелъ давленіе на родныхъ учителя и такимъ образомъ заставилъ его принять мѣсто писаря, а затѣмъ повліялъ на священника и устроилъ дѣло такъ, что тотъ другого учителя принять не захотѣлъ, и школа, единственнымъ учителемъ которой оказался старый псаломщикъ, пришла въ совершенный упадокъ. Наконецъ, въ деревнѣ, гдѣ болѣе четырехъ лѣтъ просуществовала старѣйшая изъ открытыхъ мною школъ грамоты, крестьяне, вмѣсто прежняго, взятаго подъ кабакъ помѣщенія, построили для школы новое помѣщеніе, при чемъ я, какъ попечительница школы, взяла на себя нѣкоторую долю расхода. Но земскій начальникъ 1½ года не позволялъ крестьянамъ вставлять оконныя рамы и складывать печку въ новомъ строеніи, и 1½ года школа помѣщалась въ тѣсной, наемной набѣ. А когда прошлой осенью мнѣ уже не удалось найти для школы подходящее наемное помѣщеніе, священникъ донесъ въ отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта, что школа „по неизвѣстной ему причинѣ“ закрылась, и затѣмъ земскій начальникъ предложилъ отдѣленію открыть въ деревнѣ церковно-приходскую школу и назначить попечителемъ—его, а учительницей—сестру священника.

Въ школахъ, которыя, вопреки всѣмъ невгодамъ, открываются и продолжаютъ существовать, крайне затруднительно является еще и устройство надзора за ходомъ дѣла. Увеличеніе числа школъ и другія занятія уже не дозволяютъ мнѣ регулярно посѣщать эти школы, раскинутыя на пространства 100 верстъ. Между тѣмъ при

отсутствіи надзора во многихъ школахъ ослабѣваетъ рвеніе учащихся и учащихся, являются недоразумѣнія, поведеніе учениковъ становится хуже и уменьшается вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствіе къ школѣ крестьянъ. Я попыталась передать надзоръ за школами нѣсколькимъ учительницамъ сосѣднихъ земскихъ школъ. Но такой порядокъ большею частью вызываетъ неудовольствіе или со стороны мѣстныхъ священниковъ, или со стороны наблюдателей, и долженъ былъ поэтому прекратиться. Есть случаи, когда сами священники наблюдаютъ за школой, но большею частью они этой, возложенной на нихъ закономъ, обязанностью тяготятся. Одинъ священникъ арзамасскаго уѣзда отнесся къ открытой мною школѣ весьма благодушно, но никогда почти въ ней не бывалъ; когда же наблюдатель сдѣлалъ ему по этому поводу замѣчаніе, онъ, разсердившись, явился въ школу и высказалъ сожалѣніе, что въ свое время не помѣшалъ ея открытію. Другой священникъ, желавшій, чтобы въ школѣ учила его дочь, а не присланный мною учитель, одно время явился въ классъ чуть ли не каждый день, но главнымъ образомъ съ тѣмъ, чтобы высказать учителю полное свое неодобреніе и сдѣлать самыя неудобноисполнимыя распоряженія относительно преподаванія. Еще третій священникъ побывалъ въ школѣ всего только разъ и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поглумиться надъ ребятами, вздумавшими учиться у доморощеннаго своего учителя, и сказать ихъ родителямъ, что напрасно они платятъ деньги за книжки, которыя я, по его мнѣнію, должна бы давать имъ даромъ. Наблюдатели, являясь въ школу, прежде всего заботятся о томъ, чтобы изгнать изъ нея всѣ тѣ книги, которыя, хотя и принадлежать къ небольшому количеству книгъ, допущенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, но не внесены въ списокъ книгъ, разсылаемыхъ по школамъ св. синодомъ. Наблюдатели, кромѣ того, стараются возбудить учебное рвеніе священниковъ, но это имъ почти не удается, такъ какъ бывають они въ школахъ не болѣе двухъ, трехъ разъ въ году, и такъ какъ священники замѣчаніямъ ихъ большого значенія не придаютъ. Обращеніе же къ высшимъ церковнымъ властямъ требуетъ не мало хлопотъ и времени и не можетъ измѣнить коренныхъ недостатковъ настоящаго положенія школъ грамотности.

Въ прошломъ учебномъ году у меня были 31 школа грамоты. Въ настоящемъ (1894—1895) учебномъ году 4 школы грамоты удалось замѣнить земскими школами, а изъ остальныхъ 27 школъ продолжаютъ существовать 17 школъ и закрылось (по крайней мѣрѣ временно) 10 школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря несомнѣнной потребности въ ученѣи и все еще далеко недостаточному числу земскихъ школъ, съ осени 1894 г. открылось при нѣкото-

ромъ участіи съ моей стороны еще 25 новыхъ школъ грамоты въ уѣздахъ—лукояновскомъ, сергачскомъ и княгининскомъ. Но судьба этихъ 25 новыхъ школъ, разумѣется, точно также зависить отъ всевозможныхъ случайностей, какъ и судьба открытыхъ ранѣе 31 школы, изъ которыхъ—увы!—10 уже перестали существовать. Резюмируя все вышесказанное, я считаю широкое распространеніе самостоятельныхъ школъ грамоты невозможнымъ:

- 1) по неимѣнію достаточнаго числа учителей для этихъ школъ;
- 2) по шаткости и необезпеченности матеріальнаго ихъ положенія;
- 3) по официальному ихъ положенію, крайне затрудняющему безпрепятственное ихъ открытіе и правильный надзоръ за ними.

Ни учредители школы грамоты, ни тѣ, для кого она открывается и къмъ содержится, не признаются по закону ея хозяевами. По правиламъ 4 мая 1891 г., ея хозяинъ—мѣстный священникъ, и хотя бы школа открывалась безъ его участія и даже противъ его желанія, онъ долженъ взять на себя завѣдываніе школой и всѣ сопряженныя съ этой ролью довольно сложныя обязанности. Можно себя представить, какъ онъ недоволенъ этой навязанной ему ролью хозяина и какъ онъ мало дорожитъ этой, не имъ открытой, ненужной ему и обременительной для него школой. Онъ избавляется отъ обязанности завѣдывать ею лишь въ томъ случаѣ, когда самая школа перестаетъ существовать,—и чтобы только снять съ себя эту непрошенную обузу, онъ легко становится гонителемъ школы. А быть ея гонителемъ ему удобно, потому что, кромѣ роли хозяина, на него возложена еще другая, по существу своему совершенно несовмѣстная съ этой ролью, чисто полицейская роль надзирателя за школой, за ея направленіемъ и ея учителямъ. Какъ бы мало ни было на то оснований, священникъ всегда можетъ найти направленіе школы вреднымъ и учителя ея неподходящимъ. И своимъ недоброжелательнымъ вмѣшательствомъ, своими придирками къ самой невинной книжкѣ, носящей имя Толстого или Ушинскаго, своими наблюденіями надъ числомъ обѣденъ, пропущенныхъ учителемъ, и надъ степенью благоговѣнія, съ которымъ онъ пѣлуется его руку, подходя подъ благословеніе, священникъ можетъ сдѣлать существованіе школы совершенно невозможнымъ, не говоря уже о томъ, что онъ можетъ прямо ее закрыть. Врядъ ли кто-нибудь можетъ принудить священника исполнять обязанности хозяина и заботиться объ интересахъ школы, когда она возникаетъ и существуетъ помимо его, и когда онъ, въ случаѣ ея упадка или закрытія, никакой ответственности не подлежитъ. Но каждому помѣщику, или земскому начальнику, или благочинному, или наблюдателю—совсѣмъ не трудно заставить священника разыгрывать другую, возложенную на него, инквизиторскую роль, потому что легко

дать ему понять, что онъ фактически можетъ отвѣтить за дѣйствительные или мнимые недостатки и погрѣшности въ направленіи школы. И если одинъ священникъ тяготится ролью хозяина школы, другому точно также тягостна роль надзирателя за нею и предъявляемна ему, благодаря такой его роли, различныя требованія различныхъ лицъ, и такимъ образомъ человекъ, въ душѣ, можетъ быть, сочувствующій школѣ, тоже является заинтересованнымъ въ томъ, чтобы школы въ его приходѣ не было.

Все это въ достаточной мѣрѣ выясняетъ невозможность дальнѣйшаго размноженія и преуспѣянія школъ грамотности при настоящихъ условіяхъ. Но опытъ послѣдняго времени убѣдилъ меня, кромѣ того, еще и въ недостаточности даваемого ими обученія, и въ полной возможности (а потому и необходимости) устраивать теперь же школы, дающія болѣе осмысленное и широкое, болѣе правильное и прочное начальное образованіе,—то-есть, школы съ учителями извѣстнаго образовательнаго уровня, съ учебниками и библіотекой извѣстной педагогической цѣнности. Въ молодомъ крестьянскомъ поколѣніи такъ сильна уже жажда просвѣщенія, народу такъ уже необходимо знаніе литературнаго языка, умѣнье излагать свои мысли устно и письменно, знакомство съ родной землей и другіе свѣденія и навыки,—что даже земскую нашу школу, съ ея трехгодичнымъ курсомъ и весьма ограниченной программой, нельзя считать школой вполне нормальной и удовлетворительной. Но, не говоря уже о возможности для нея усовершенствованія и развитія, вмѣстѣ съ развитіемъ всей вообще живой земской дѣятельности, школа эта уже и въ настоящемъ ея видѣ несравненно лучше церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты; и въ повсемѣстной необходимости такихъ именно правильно организованныхъ, прочно поставленныхъ, бесплатныхъ, стоящихъ подъ общественнымъ контролемъ земскихъ школъ все болѣе и болѣе убѣждаются и крестьянскія общества, и земства. Много разъ слышанныя разсужденія о вѣчности и крайней бѣдности крестьянъ до извѣстной степени повліяли на меня, и я съ большими колебаніями и малой надеждой на успѣхъ предложила впервые крестьянскому обществу большого, никогда не имѣвшаго школы, села открыть у себя „настоящую“, земскую школу, т.-е. построить для нея (съ нѣкоторой помощью со стороны) особое помѣщеніе и взять на себя его ремонтъ, страховку, отопленіе и наемъ сторожа. Послѣ ожесточеннаго сопротивленія меньшинства и довольно долгихъ переговоровъ, вполне выяснившихъ численный и умственный перевѣсъ сторонниковъ школы, крестьяне согласились и написали необходимый приговоръ. Вслѣдъ за тѣмъ написано было еще пять такихъ приговоровъ, при чемъ изъ шести открывающихся школъ четыре школы должны замѣнить собою

бывшія въ тѣхъ селахъ школы грамоты. Не безъ колебаній и сомнѣній ждала я затѣмъ и земскихъ собраній, которыя должны были принять эти новыя земскія школы въ свое вѣденіе и на свое изживленіе. Меня смущало индифферентное отношеніе къ школьному дѣлу нѣкоторыхъ гласныхъ и частныя толки о необходимости экономіи, которая почему-то должна производиться именно на счетъ народнаго образованія... Но благодаря тому, можетъ быть, что въ собраніяхъ духъ времени всегда сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ лицахъ, и что тамъ всякій живой вопросъ легко возбуждаетъ одушевленіе, передъ которымъ исчезаютъ частныя и мелкія соображенія, школы были приняты во всѣхъ трехъ уѣздныхъ земствахъ, куда представлены были приговоры.

Въ нашемъ уѣздѣ остается замѣнить земскими школами еще небольшое число школъ грамотности и открыть ихъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ школъ нѣтъ никакихъ. Но по мѣрѣ того, какъ усиливаться будетъ убѣжденіе въ ихъ необходимости, и особенно если устранены будутъ существующія нынѣ въ дѣлѣ народнаго образованія стѣсненія, школы, безъ сомнѣнія, быстро будутъ возникать вездѣ, гдѣ онѣ удобны. И если даже школьный бюджетъ увеличится въ 2, 3 раза, это не будетъ особенно чувствительнымъ для населенія, потому что въ уѣздахъ, гдѣ необходимо значительно его увеличить, сборъ этотъ составляетъ обыкновенно лишь небольшую часть всего уѣзднаго сбора, составляющаго въ свою очередь лишь незначительную часть всѣхъ вообще лежащихъ на крестьянахъ денежныхъ повинностей. Убѣдившись, что вполне возможно дать дѣтскому населенію земскихъ губерній начальное образованіе болѣе высокаго качества, и что весьма нежелательно, чтобы земства и частныя лица увлекались *однимъ только* дешевыми школами грамоты, я начинаю понимать раздраженіе, съ которымъ говорятъ о нихъ нѣкоторые наиболѣе искренніе ревнители народнаго просвѣщенія. Думаю, однако, что при введеніи всеобщаго обученія школы грамоты должны быть включены въ школьную организацію, какъ школы подготовительныя или филиальныя отдѣленія, замѣняющія собою младшія отдѣленія земскихъ школъ въ мѣстностяхъ, которыя не могутъ составить отдѣльнаго школьнаго района съ достаточнымъ для нормальной школы числомъ учениковъ. Но чтобы школа грамоты могла исполнить такое свое назначеніе, чтобы она не терпѣла недостатка въ учителяхъ, и чтобы на нее могли быть потрачены земскія средства, необходимо:

1) чтобы школы грамотности, т.-е. школы съ неимѣющими учительскихъ правъ учителями, находились въ тѣсной связи съ нормальными земскими школами, состоя подѣ надзоромъ земскихъ учителей и имѣя ту же самую учебную программу и тѣ же учебныя пособия, какія приняты въ младшихъ отдѣленіяхъ земскихъ школъ;

2) чтобы учителями школ грамоты были получившіе въ нормальныхъ школахъ особую подготовку и упражнявшіеся въ преподаваніи, въ качествѣ помощниковъ учителя, ученики нормальныхъ земскихъ школъ.

Соблюденіе этихъ условій потребуетъ слѣдующихъ, уже не разъ предложенныхъ земствами, законодательныхъ мѣръ:

1) должно быть установлено, что открываемыя земствомъ школы грамоты находятся въ завѣдываніи земства;

2) ученикамъ, окончившимъ курсъ начальной школы, должно быть предоставлено право продолжать занятія въ школѣ послѣ сдачи экзамена и оставаться въ ней на нѣкоторое время въ качествѣ помощниковъ учителя.

Послѣднее измѣненіе имѣло бы значеніе не только для болѣе успѣшной подготовки учителей филиальныхъ отдѣленій, но и для нѣкотораго повышенія уровня преподаванія въ начальной школѣ, такъ какъ учитель, имѣющій возможность передать помощнику известную долю кропотливой работы съ младшими учениками, можетъ тѣмъ усерднѣе и внимательнѣе заниматься со старшими, которые гораздо болѣе младшихъ нуждаются въ преподаваніи учителя образованнаго.

АЛЕКСАНДРА ШТВЕВЪ.

Январь 1896.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта 1895 г.

Землевладѣльческая агитація въ Германіи. — Союзъ сельскихъ хозяевъ и проектъ графа Каница. — Прусская аристократія и социализмъ. — Мѣры противъ разрушительныхъ партій. — Положеніе дѣлъ въ Англіи. — Турецкія и болгарскія дѣла.

Политическія партіи въ Германіи перемѣшались въ послѣдніе годы до того, что трудно разобратъ въ нихъ принципахъ и взаимныхъ отношеніяхъ: прусскіе консерваторы-землевладѣльцы стали чуть ли не демагогами и приняли рѣзкій оппозиціонный тонъ относительно верховной власти; либералы и прогрессисты защищаютъ консервативные принципы противъ официальныхъ охранителей и патріотовъ; социаль-демократы дѣйствуютъ по многимъ вопросамъ за-одно съ реакціонерами и оказываются вообще несравненно болѣе сдержанными, чѣмъ аристократы, считающіе себя опорой престола; католическая партія центра, долго боровшаяся за свободу совѣсти и мнѣній, выступаетъ теперь съ ограничительными проектами противъ свободы печати и научнаго преподаванія.

Экономическіе интересы играютъ большую роль въ этой политической путаницѣ. Антагонизмъ между землевладѣльческими и торгово-промышленными тенденціями никогда еще не проявлялся такъ ясно и рѣшительно, какъ въ настоящее время. Нѣмецкій „союзъ сельскихъ хозяевъ“ сильно занимаетъ общественное мнѣніе своею агитаціею противъ господствующихъ направленій политической жизни и дѣятельности, не стѣсняясь въ способахъ полемики съ противниками. Делегаты этого союза представлялись 18-го (6) февраля императору Вильгельму и изложили въ особомъ адресѣ свои пожеланія, отъ имени интересовъ германскаго земледѣлія. „Нѣмецкое крестьянское сословіе, — сказано въ концѣ этого адреса, — борется за свое существованіе. Съ нимъ стоитъ и падаетъ будущее германскаго отечества“. Крупные землевладѣльцы выдають себя за истинныхъ представителей крестьянства и даже прямо отождествляютъ себя съ послѣднимъ, и это странное самозванство остается какъ-то незамѣченнымъ въ нѣмецкой печати. Отвѣчая на представленный ему адресъ, императоръ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Изъ того, что я принимаю васъ, вы можете видѣть, что я съ заботливымъ вниманіемъ отношусь къ положенію моихъ крестьянъ, и что мои слова о свободномъ доступѣ ко мнѣ для всякаго подданнаго не остаются пустомъ

формулою. Въ усердномъ стремленіи помочь самимъ себѣ и выяснить всѣмъ классамъ народа тяжесть бремени, лежащаго на сельскомъ хозяйствѣ, члены вашего союза вовлеклись въ агитацію, которая, превышая мѣру дозволеннаго, должна была глубоко огорчить мое сердце. Въ нынѣшній день вы однако загладили ваше прежнее поведение. Мой отеческій совѣтъ вамъ—воздержаться отъ всякой сенсаціонной агитаціи и съ довѣріемъ слѣдить за дѣятельностью государственнаго совѣта, призваннаго обсудить всѣ интересующіе васъ вопросы^а. Неудовольствіе монарха, выраженное столь положительно, хотя и въ очень мягкой формѣ, должно было смутить вѣрныхъ прусскихъ помѣщиковъ; но они нисколько не прекратили и не ослабили своей агитаціи, направленной къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей, которыя, будучи несогласны съ видами правительства, не выходятъ однако изъ предѣловъ законныхъ правъ обывателей. Общее собраніе „союза сельскихъ хозяевъ“, происходившее въ Берлинѣ того же 18-го февраля, отличалось тѣмъ же приподнятымъ, возбужденнымъ настроеніемъ, какъ и прошлогодній съѣздъ. Предсѣдатель фонъ-Плетцъ сообщилъ собранію объ аудіенціи у императора и о сказанныхъ при этомъ словахъ порицанія, что произвело, конечно, нѣкоторое впечатлѣніе на слушателей; всѣ сочувственно встрѣтили заявленіе предсѣдателя о неизмѣнныхъ вѣрноподданическихъ чувствахъ, одушевляющихъ землевладѣльческій классъ, и единогласно подтвердили затѣмъ свою вѣрность усвоенной союзомъ практической программѣ, со всѣми ея смѣлыми требованіями и ожиданіями. Фонъ-Плетцъ добавилъ, что онъ предложилъ вниманію императора единственные средства противъ сельско-хозяйственнаго упадка—проектъ графа Каница о правительственной монополіи хлѣбнаго привоза и восстановленіе серебряной валюты, наравнѣ съ золотомъ; сверхъ того, онъ указалъ на нѣкоторыя второстепенныя мѣры, въ томъ числѣ на необходимость пересмотра соціально-политическаго законодательства. Собраніе съ восторгомъ привѣтствовало это настойчивое подтвержденіе требованій, служившихъ предметомъ усиленной полемики въ печати и на публичныхъ сходкахъ за послѣдніе годы: союзъ сельскихъ хозяевъ, какъ выразился фонъ-Плетцъ, ставитъ своею задачею поддерживать авторитетъ, но только „этотъ авторитетъ долженъ быть настоящій“. Старая вражда аграріевъ къ графу Каприви не затихла послѣ его паденія; она обнаруживалась въ нѣкоторыхъ рѣчахъ съ особенною силою и подчеркивалась каждый разъ громкими и единодушными рукоплесканіями. Очевидно, бывшій канцлеръ не представлялъ собою авторитета власти въ глазахъ сельскихъ хозяевъ, такъ какъ онъ „отвѣчалъ лишь банальными фразами на заявленныя нужды германскаго земледѣлія и обманулъ этимъ довѣріе аграріевъ“. Зато имя

князя Бисмарка, произнесенное съ ораторской трибуны, вызвало нескончаемые возгласы сочувствія и привело собравшихся въ состояніе сильнѣйшаго патріотическаго возбужденія. Это возбужденіе относилось впрочемъ не къ великимъ государственнымъ заслугамъ Бисмарка, а къ его новѣйшей солидарности съ союзомъ сельскихъ хозяевъ. Одинъ изъ ораторовъ ѣздилъ въ Фридрихсруэ наканунѣ засѣданія и представилъ отчетъ о своей бесѣдѣ съ старымъ канцлеромъ. Оказывается, что князь Бисмаркъ вполне сочувствуетъ стремленіямъ аграріевъ и одобряетъ ихъ энергическую агитацію; онъ также находитъ, что правительство сдѣлало крупную ошибку заключеніемъ торговыхъ договоровъ, облегчившихъ привозъ заграничнаго хлѣба, и что проектъ графа Каница, противорѣчащій этимъ договорамъ, можетъ еще быть принятъ имперскимъ сеймомъ. Въ заключеніе, князь Бисмаркъ, въ качествѣ „нѣмецкаго крестьянина“, просилъ передать собранію его сердечныя привѣтствія и пожеланія. Среди общихъ и шумныхъ восторговъ рѣшено было послать въ Фридрихсруэ красно-рѣчивую благодарственную телеграмму; вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено къ предстоящему дню рожденія Бисмарка (1-го апрѣля) поднести ему отъ имени союза серебряный щитъ съ эмблемами сельскаго хозяйства.

Оригинальный проектъ графа Каница, казавшійся совершенно несерьезнымъ въ прошломъ году, пріобрѣтаетъ все большее практическое значеніе, и самъ графъ Каницъ сдѣлался популярнѣйшимъ лицомъ среди землевладѣльческой партіи въ Германіи. Его проектъ былъ главнымъ предметомъ обсужденія на берлинскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ. Передача заграничной хлѣбной торговли въ руки правительства выставилась какъ единственное оружіе противъ социаль-демократіи, какъ средство борьбы для поддержанія религіи, нравственности и порядка. Принятіе этого проекта ограничило бы, правда, привозъ иностраннаго и преимущественно русскаго хлѣба, допущенный торговыми договорами; но, какъ пояснилъ фонъ-Вангенгеймъ, договоры заключены были въ томъ предположеніи, что они одинаково выгодны для обѣихъ сторонъ, а между тѣмъ трактатъ съ Россією означаетъ разореніе нѣмецкаго земледѣлія, вслѣдствіе чего онъ противорѣчитъ добрымъ правамъ и долженъ быть признанъ недействительнымъ. Въ собраніи поднялся одинъ только рабочій голосъ противъ такого смѣлаго толкованія международныхъ обязательствъ, но этотъ голосъ былъ заглушенъ всеобщими протестами, къ которымъ присоединился самъ предсѣдатель, фонъ-Плетцъ. Одинокій оппонентъ, Акерманъ, указывавшій на невозможность уничтоженія заключенныхъ договоровъ и предлагавшій не связывать проекта Каница съ этимъ щекотливымъ вопросомъ, вынужденъ былъ

взять свое предложеніе обратно. Собраніе приняло затѣмъ проектъ графа Каница единогласно, безъ всякихъ оговорокъ. Много говорилось на сѣздѣ о вредномъ вліяніи торговли и промышленности, о разлагающемъ владычествѣ биржи, о недостаткахъ денежнаго обращенія, о пагубномъ дѣйствіи римскаго права, при чемъ отвѣтственность за всѣ эти печальныя явленія приписывалась специально еврейству. Духъ антисемитизма господствовалъ въ преніяхъ собранія, какъ господствуетъ онъ и въ реакціонной нѣмецкой журналистикѣ. Нѣмецкіе аграріи наивно убѣждены, что тягостныя для нихъ черты современнаго капитализма и денежнаго хозяйства зависятъ отъ случайныхъ представителей капитала, отъ ихъ племенныхъ и прочихъ особенностей, отъ ихъ религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣній. Съ точки зрѣнія аграріевъ, слѣдовало бы заключить, что типическій англійскій капитализмъ созданъ не англичанами, а евреями, и что американскіе предприниматели, доведшіе силу капитала до неслыханныхъ прежде размѣровъ, суть также только евреи. При подобныхъ экономическихъ идеяхъ разрѣшаются легко и просто самыя сложные народно-хозяйственные вопросы, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что незамысловатая выдумка графа Каница могла быть принята за истинно-государственную мѣру, способную избавить нѣмецкое землевладѣніе отъ угнетающихъ его бѣдствій. Союзъ сельскихъ хозяевъ является представителемъ двухсотъ тысячъ заинтересованныхъ практическихъ дѣятелей, и рѣшенія такой могущественной корпораціи, принадлежащей по своему составу къ наиболѣе здоровой и образованной части нѣмецкаго общества, характеризуютъ современное настроеніе въ лагерѣ бывшей консервативной партіи въ Германіи.

Для постороннихъ наблюдателей особенно поразительно то легковѣріе, съ какимъ нѣмецкіе консерваторы незамѣтно для самихъ себя сближаются съ враждебною имъ социаль-демократіею и заимствуютъ у нея существенные принципы государственнаго социализма. Консерваторы требуютъ, чтобы государство взяло въ свои руки снабженіе страны заграничнымъ хлѣбомъ, по мѣрѣ дѣйствительной потребности, безъ ущерба для отечественныхъ производителей; но отъ завѣдыванія хлѣбною торговлею можно перейти къ регулированію самаго производства, а это регулированіе есть уже первый шагъ къ осуществленію всей социаль-демократической программы. Соціалисты идутъ дальше аграріевъ; они стоятъ не только за регулированіе производства и торговли государственною властью, но и за переходъ самаго землевладѣнія во власть государства; и это послѣднее требованіе было бы вполне логическимъ выводомъ изъ теоріи, лежащей въ основѣ проекта графа Каница. Государственная монополія хлѣбной

торговли нисколько не улучшила бы положенія землевладѣльцевъ, не освободила бы ихъ отъ непосильныхъ долговъ и не ослабила бы гнета общихъ промышленныхъ условій, неблагоприятныхъ для крупнаго землевладѣнія; искусственное поддержаніе хлѣбныхъ цѣнъ на счетъ массы потребителей могло бы только обострить экономическій кризисъ и придать ему характеръ крайне неудобный для привилегированныхъ поземельныхъ собственниковъ. Вступивъ на почву государственнаго социализма ради односторонней защиты своихъ интересовъ, аграріи не имѣли бы уже нравственнаго права возражать принципиально противъ дальнѣйшаго примѣненія тѣхъ же социалистическихъ началъ, для пользы огромнаго большинства всего населенія. Быть можетъ, бѣдственное состояніе сельскаго хозяйства зависитъ отъ неправильной постановки земледѣльческаго труда и производства въ крупныхъ имѣніяхъ, и въ такомъ случаѣ могло бы оказаться полезнымъ раздѣлить эти имѣнія на участки и передать обработку ихъ дѣйствительнымъ крестьянамъ, подъ руководствомъ назначенныхъ правительствомъ агрономовъ, при чемъ владѣльцы были бы удовлетворены тѣмъ или другимъ способомъ. Что могли бы сказать аграріи противъ подобнаго расширенія принятаго ими принципа государственной монополіи? Никто, конечно, не придаетъ значенія той своеобразной терминологіи, которая позволяетъ поземельнымъ аристократамъ играть роль представителей крестьянства, и если князь Бисмаркъ, въ качествѣ крупнаго землевладѣльца и сельскаго хозяина, называетъ себя „нѣмецкимъ мужикомъ“ (deutscher Bauer), то это только невинная игра словъ. Мелкое крестьянское землевладѣніе далеко не всегда солидарно съ крупнымъ помѣщичьимъ и очень часто находится съ нимъ въ совершенномъ разладѣ, въ области сельско-хозяйственныхъ интересовъ; но поземельная аристократія обладаетъ вліяніемъ въ обществѣ и въ парламентѣ, въ придворныхъ и правительственныхъ сферахъ, и она одна громко говоритъ и дѣйствуетъ за все земледѣльческое населеніе Германіи. Само собою разумѣется, что социаль-демократы съ удовольствіемъ слѣдятъ за этою аристократическою агитаціею, подготовляющею почву для присоединенія нѣмецкаго крестьянства къ общему движенію рабочаго класса.

Консервативные или, вѣрнѣе, реакціонные элементы, группирующіеся около „Крестовой Газеты“, проникнуты такою же ненавистью къ существующему экономическому строю, какъ и социалисты; они такъ же жестоко нападаютъ на промышленную буржуазію и капитализмъ, хотя и облачаютъ свои нападки въ форму спеціальной борьбы съ евреями и еврействомъ. Убѣжденіе, что безъ евреевъ не было бы въ Германіи промышленныхъ эксплуататоровъ и капиталистовъ, не измѣняетъ смысла и цѣли этой борьбы, которая такъ или иначе на-

правлена именно противъ новѣйшей капиталистической буржуазіи. Между тѣмъ эти же самые землевладѣльческіе элементы, ведущіе постоянную войну противъ капитализма, берутся охранять государство отъ социалистической пропаганды, подзапывающей подъ капитализмъ съ другой стороны. Полемика аграріевъ и антисемитовъ съ либералами и прогрессистами отличается большою воинственностью и крайнею непослѣдовательностью; рѣзкія выходы противъ либеральныхъ дѣятелей и публицистовъ чередуются съ смѣлыми оппозиционными заявленіями, съ радикальными и социалистическими требованіями, прикрываемыми необходимостью защиты старыхъ основъ германскаго быта. Мнимые консерваторы „Крестовой Газеты“, не разъ навлекавшіе на себя публичное порицаніе монарха за свою горячую агитацію въ печати и на сходкахъ, остаются однако непреклонными монархистами, усердными охранителями престола и отечества, и въ этомъ качествѣ неустанно ратуютъ за принятіе мѣръ противъ социально-демократической партіи. О новомъ правительственномъ проектѣ противъ „разрушительныхъ стремленій“ говорилось очень много еще при графѣ Каприви, и проектъ былъ дѣйствительно внесенъ въ имперскій сеймъ княземъ Гогенлоэ въ началѣ декабря (нов. ст.) прошлаго года. Предположенныя мѣры ограничиваются нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями въ уголовномъ кодексѣ, въ военномъ уставѣ и въ законѣ о печати. Самыя важныя нововведенія касаются свободы мѣстной и должны будто бы значительно стѣснить эту свободу, если вѣрять дальновиднымъ нѣмецкимъ газетамъ. Публичное восхваленіе или оправданіе преступленій и извѣстныхъ категорій проступковъ будетъ подвергаться такому же наказанію, какъ и воззваніе къ совершенію этихъ преступныхъ или запрещенныхъ дѣйствій; оскорбительные (вѣрнѣе—ругательные, „beschimpfende“) отзывы о религіи, монархіи, семьѣ или собственности, если эти отзывы сдѣланы публично съ опасностью для общаго мира, наказываются тюрьмою до двухъ лѣтъ или денежнымъ штрафомъ до шестисотъ марокъ; такое же наказаніе назначается за распространеніе или обнародованіе выдуманныхъ или извращенныхъ свѣденій, если виновный зналъ или по обстоятельствамъ долженъ былъ знать, что сообщенные факты выдуманы или извращены. Такова сущность главныхъ постановленій новаго законопроекта противъ разрушительныхъ партій, т.-е. прежде всего противъ социалистовъ и анархистовъ. Нѣкоторая эластичность приведенныхъ статей даетъ, конечно, матеріалъ для различныхъ толкованій, болѣе или менѣе произвольныхъ; но трудно все-таки понять тѣ преувеличенныя опасенія, которыя высказываются по этому поводу во многихъ органахъ нѣмецкой печати. Серьезные писатели, журналисты и профессора заявляютъ, что новый законъ

грозить подорвать свободу научнаго изслѣдованія и уничтожить право самостоятельной критики относительно извѣстныхъ вопросовъ; въ этомъ смыслѣ составлена даже особая декларация, появившаяся въ газетахъ и подписанная многими выдающимися учеными и практическими дѣятелями, въ томъ числѣ профессорами Адольфомъ Вагнеромъ, Мангольдтомъ, Геркнеромъ, Гижицкимъ и другими. Въ этихъ опасеніяхъ выражается странное недовѣріе уже къ судебной власти, и самая возможность такого недовѣрія представляетъ нѣчто новое въ современной Германіи, если только не видѣть здѣсь одного изъ обычныхъ пріемовъ партійной полемики. Въ проектѣ ясно сказано, что преслѣдуются „ругательные отзывы“ объ извѣстныхъ институтахъ, и это точное указаніе исключаетъ всякую мысль о стѣсненіи и преслѣдованіи спокойной критики или научнаго обсужденія. Еслибы какой-либо судъ рѣшился произвольно расширить безспорный смыслъ статьи и примѣнить ее къ научнымъ трактатамъ, не имѣющимъ въ себѣ ничего ругательнаго, то такое неправильное и даже мало вѣроятное толкованіе всегда могло бы быть исправлено высшею судебною инстанціею и, наконецъ, верховнымъ кассационнымъ судомъ. Единственный пунктъ, недостаточно опредѣленный въ предлагаемомъ законѣ,—это тотъ, который касается отвѣтственности за разглашеніе невѣрныхъ свѣдѣній, обидныхъ для представителей власти; газеты не безъ основанія замѣчаютъ, что отличить вѣрныя свѣдѣнія отъ невѣрныхъ не всегда возможно, и что самый добросовѣстный человѣкъ могъ бы по новому закону подлежать преслѣдованію наравнѣ съ сознательнымъ распространителемъ заведомо ложныхъ слуховъ. Вѣроятно, при обсужденіи законопроекта въ имперскомъ сеймѣ устранены будутъ неясности отдѣльныхъ его статей, и весь этотъ законъ едва ли можетъ имѣть тѣ послѣдствія, какія предсказываются нѣмецкими пессимистами. До сихъ поръ проектъ находится еще на разсмотрѣніи спеціальной парламентской комиссіи, и возбужденная имъ горячая полемика имѣетъ, очевидно, цѣлю подготовитъ общественное мнѣніе въ ту или другую сторону, до перехода дѣла на судъ имперскаго сейма. По всей вѣроятности, законъ будетъ принятъ парламентомъ съ незначительными измѣненіями, такъ какъ вліятельная партія центра дѣйствуетъ теперь за-одно съ правительствомъ и готова даже идти гораздо дальше его по пути репрессій. Между прочимъ, отъ этой партіи исходитъ предложеніе назначить уголовную кару за теоретическія мнѣнія извѣстнаго рода; но этотъ дополнительный параграфъ не имѣетъ никакихъ шансовъ успѣха въ имперскомъ сеймѣ, тѣмъ болѣе, что онъ противорѣчитъ конституціи, обезпечивающей свободу науки и ея ученій. Партія центра получила свое: она добилаь отмены закона о іезуитахъ, изданнаго въ 1872 году.

и теперь она может безпрепятственно слѣдовать своимъ истиннымъ стремленіямъ и наклонностямъ. Новая роль этой партіи не опредѣлилась еще окончательно, но во всякомъ случаѣ она внесетъ значительныя перемены въ распредѣленіе парламентскихъ группъ, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Разрозненныя либеральныя фракціи должны будутъ сблизиться между собой, чтобы общими силами противодействовать консервативнымъ и реакціоннымъ элементамъ, получившимъ могущественное подкрѣпленіе со стороны католическаго центра.

Положеніе правительства въ Германіи затрудняется отчасти личными качествами новаго канцлера, не обладающаго ни самостоятельностью характера, ни положительною и ясною политическою программой. Нѣмецкое общество весьма требовательно въ опѣнки правительственныхъ дѣятелей; оно было избаловано блестящими успѣхами и рѣчами Бисмарка, въ продолженіе его многолѣтней государственной карьеры, и графъ Каприви, при всѣхъ своихъ достоинствахъ и заслугахъ, казался уже слишкомъ вялымъ и безцвѣтнымъ для роли преемника знаменитаго „творца имперіи“. Князь Гогенлоз, по общему признанію, еще болѣе скромнѣе, чѣмъ Каприви, и пользуется еще меньшимъ авторитетомъ въ парламентѣ и предъ общественнымъ мнѣніемъ, вслѣдствіе недостаточной ясности своихъ политическихъ идей и неспособности налагать ихъ публично въ надлежащей формѣ. Административная опытность и тактъ позволяютъ ему добросовѣстно исполнять трудныя обязанности германскаго канцлера и прусскаго министра-президента; но ему досталось слишкомъ тяжелое наслѣдіе, и нѣмецкая публика не можетъ удовлетвориться дѣятельностью князя Гогенлоза, когда у всѣхъ еще живо сохраняется въ памяти образъ Бисмарка.

Въ Англіи продолжаютъ усилія оппозиціонныхъ партій разстроить ряды министерскаго большинства въ палатѣ общинъ, и эти усилія могли бы легко увѣнчаться успѣхомъ при отпаденіи даже незначительнаго числа голосовъ отъ либеральныхъ группъ, поддерживающихъ кабинетъ лорда Розберіи. Принадлежность премьера въ верхней палатѣ всегда ослабляетъ положеніе министерства, такъ какъ всѣ главныя и рѣшающія битвы происходятъ въ палатѣ общинъ. Понятно, что непосредственный руководитель большинства въ парламентѣ, призванный постоянно отражать нападенія оппозиціи, выдвигается невольно на первый планъ, въ ущербъ авторитету официальнаго главы кабинета, и въ то же время онъ все-таки обязанъ играть второстепенную роль, воздерживаясь отъ самостоятельныхъ дѣйствій и заявленій по общимъ политическимъ вопросамъ. Сэръ Вильямъ

Гаркортъ — опытный и остроумный парламентскій боецъ, и онъ съ успѣхомъ выдерживаетъ энергическій натискъ оппозиціи, предводи-
мой такими талантливыми людьми, какъ Бальфуръ, Чамберленъ и
Гошенъ; но удары чаще всего направляются въ отсутствующаго
лорда Розбери, котораго не всегда можетъ защитить канцлеръ казна-
чейства, сэръ Гаркортъ. Вообще со времени удаленія Гладстона за-
мѣчается несомнѣнное превосходство талантовъ на сторонѣ консер-
ваторовъ и уніонистовъ въ палатѣ общинъ; новыя силы не являются
на сцену „великому старцу“, а изъ ближайшихъ его соратниковъ
имѣетъ самостоятельное политическое значеніе только сэръ Гаркортъ,
тогда какъ въ противоположномъ лагерѣ дѣйствуютъ даровитый и
молодой еще Бальфуръ, энергическій Чамберленъ и дѣльный финан-
систъ Гошенъ, — все бывшіе министры, изъ которыхъ каждый могъ
бы быть вождемъ партіи. Бальфуръ занимается и литературою, какъ
и его близкій родственникъ, лордъ Сольсбери; онъ изучаетъ религіоз-
ные вопросы, какъ бы въ подражаніе Гладстону, и недавно еще
выпустилъ книгу объ „основаніяхъ вѣры“; его тонкій умъ и логиче-
ская, изящная рѣчь дѣлаютъ его любимцемъ публики и обеспечи-
ваютъ ему въ будущемъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду консер-
вативныхъ дѣятелей Англіи. Недавно скончавшійся лордъ Черчилль,
младшій сынъ герцога Марльборо, превосходилъ его по страстности
темперамента и обѣщалъ затмить своими подвигами славу Дизраэли,
но преждевременно потерялъ свои умственные и физическія силы,
къ великому сожалѣнію многочисленныхъ его поклонниковъ. Лордъ
Черчилль выдвинулся замѣчательно быстро и сразу завоевалъ собѣ
роль организатора и предводителя новой торійско-демократической
группы, въ которой принадлежалъ и Бальфуръ; побѣда консерва-
торовъ на выборахъ 1885 года была уже преимущественно дѣломъ
Черчилля. Неутомимыя и крайне безцеремонныя личныя нападки
его на Гладстона, доходившія иногда до грубыхъ оскорбленій и на-
смѣшекъ, удивляли многихъ и осуждались даже въ консервативной
печати; теперь эти странныя выходки могутъ быть объяснены, какъ
первые симптомы нервнаго расстройства, доведшаго его поздиѣ до
могилы. Ненормальнымъ было и внезапное, ничѣмъ не вызванное
рѣшеніе его покинуть постъ канцлера казначейства въ кабинетѣ
лорда Сольсбери, чѣмъ остановлена была столь блестяще начатая
политическая карьера. Его замѣнилъ въ министерствѣ Гошенъ, и
съ тѣхъ поръ лордъ Черчилль утратилъ свое прежнее вліяніе и по-
пулярность, такъ что смерть его была уже малочувствительной по-
терей для консервативной партіи. Бальфуръ успѣшно и съ горадо
большою сдержанностью исполняетъ функціи парламентскаго лидера

оппозиціи, и во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ болѣе надежныхъ и дѣловитыхъ союзниковъ въ парламентѣ, чѣмъ сэръ Гаркортъ.

Засѣданія палаты общинъ, открывшіяся 5 февраля (нов. ст.) чтеніемъ обычной тронной рѣчи, были долго и даже слишкомъ долго заняты преніями объ отвѣтномъ адресѣ, при дѣятельномъ участіи главныхъ оппозиціонныхъ силъ, съ Чамберленомъ и Бальфуромъ во главѣ. Чамберленъ порицалъ правительство за то, что оно подняло вопросъ о реформѣ верхней палаты и включило въ свою программу принципъ ирландской автономіи, а между тѣмъ не вноситъ этихъ важныхъ предметовъ на обсужденіе парламента. Упорные дебаты по поводу разныхъ поправокъ и нападеній со стороны оппозиціонныхъ ораторовъ закончились лишь 18 (6) февраля, при чемъ перевѣсъ либераловъ оказался довольно незначительный, — всего въ 14 голосовъ. Этотъ результатъ свидѣтельствуетъ о шаткости нынѣшняго большинства и указываетъ на неизбежность новыхъ парламентскихъ выборовъ, ускоренія которыхъ желаетъ однако избѣгнуть лордъ Розбери. Такое неопредѣленное положеніе не можетъ однако продолжаться безъ ущерба для популярности министерства, и распущеніе палаты общинъ вѣроятно уже не заставитъ себя долго ждать.

Между прочимъ, въ послѣднее время едва не произошелъ разладъ въ либеральной партіи по частному вопросу, касающемуся британской Индіи. Возникъ любопытный конфликтъ между индійскими интересами и требованіями англійской крупной промышленности: ланкаширскіе хлопчатобумажные фабриканты возстали противъ незначительной пошрины, которою обложены были въ интересахъ индійскаго казначейства всѣ привозимые въ Индію и въ томъ числѣ хлопчатобумажные товары. На многочисленномъ митингѣ въ Манчестерѣ рѣшено было потребовать отъ индійскаго правительства или отмены пошрины на привозимыя хлопчатобумажныя издѣлія, или обложенія соответственнымъ акцизомъ туземныхъ хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ, въ видахъ уравниванія условій соперничества для англійскихъ и индійскихъ производителей. Когда на митингѣ высказано было желаніе отнестись болѣе безпристрастно къ нуждамъ и потребностямъ Индіи, то въ пользу такого предложенія подано было всего только два голоса; громадное большинство участниковъ не хотѣло и слышать о допущеніи индійскихъ пошлинъ на ланкаширскіе продукты. Даже органъ лондонскаго Сити, „Times“, обыкновенно стоящій на стражѣ торговыхъ интересовъ Великобританіи, нашелъ на этотъ разъ, что ланкаширцы неправы и что индійское правительство не можетъ жертвовать своими финансовыми интересами, равно какъ и выгодами туземнаго населенія, ради матеріальныхъ расчетовъ отдѣльной группы англійскихъ промышленниковъ. Притомъ об-

ложение въ размѣрѣ 5% съ цѣны едва ли отразится серьезно на привозѣ товаровъ изъ метрополіи и неспособно вообще повредить ланкаширской производительности. Эти доводы не смягчали суровыхъ фабрикантовъ. Предпринята была рѣшительная кампанія противъ индійскаго правительства, при содѣйствіи представителей Ланкашира въ палатѣ общинъ. Остъ-индскій вице-король и его совѣтъ вынуждены были перенести вопросъ на обсужденіе въ Лондонъ; министру по дѣламъ Индіи, Фоулеру, пришлось отстаивать въ парламентѣ индійскіе интересы противъ вліятельныхъ адвокатовъ англійскаго хлопчатобумажнаго производства. Такъ какъ представители Ланкашира принадлежать къ числу либераловъ, то ихъ оппозиція могла представить консерваторамъ случай одержать побѣду надъ министерствомъ. Задуманный планъ не удался, благодаря убѣдительной рѣчи Фоулера, встрѣтившей сочувствіе даже въ рядахъ обычныхъ противниковъ кабинета.

Весь ходъ этого столкновенія между интересами Индіи и требованіями англійской промышленности показываетъ наглядно, что узкій эгоистическій расчетъ далеко не всегда беретъ у англичанъ верхъ надъ соображеніями справедливости въ дѣлахъ колоніальной торговли, и что британское управленіе Индіею имѣетъ мало общаго съ тѣмъ эксплуататорскимъ духомъ, который принято приписывать англичанамъ въ континентальной и между прочимъ въ нашей печати. Недавно еще представитель индусовъ въ британскомъ парламентѣ, Наороджи, въ преніяхъ объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, обратилъ вниманіе правительства на нѣкоторыя финансовыя особенности индійскаго управленія, и министръ Фоулеръ обѣщалъ назначить подробное разслѣдованіе системы расходовъ въ Индіи. Изъ объясненій министра видно, что на гражданской службѣ въ британскихъ владѣніяхъ состоитъ до 120 тысячъ туземцевъ, около 8 тысячъ европейцевъ и свыше 5 тысячъ человекъ смѣшаннаго происхожденія. Единственный налогъ, уплачиваемый индійскимъ крестьяниномъ, — соляной, весьма незначительный по размѣрамъ. Интересныя свѣденія, сообщенныя Фоулеромъ, вполне удовлетворили палату и повидимому также самого Наороджи, представителя „угнетаемыхъ“ туземцевъ въ могущественномъ законодательномъ собраніи Великобританіи.

Англійскія газеты аккуратно слѣдятъ за дѣйствіями турецкихъ властей въ армянскихъ округахъ азіатской Турціи, и сообщаемыя до сихъ поръ извѣстія пока еще очень мало утѣшительны. Такъ называемое разслѣдованіе жестокостей, совершенныхъ въ сасунскомъ округѣ, производится по обычной турецкой системѣ и грозитъ остаться

безрезультатнымъ, несмотря на постоянный контроль западно-европейской дипломатіи и на невидимое присутствіе строгихъ англійскихъ корреспондентовъ. Въ настоящее время всплываютъ наружу нѣкоторыя подробности, производящія тяжелое впечатлѣніе въ дипломатическихъ кружкахъ турецкой столицы. Первый секретарь султана, Сурей-паша, умеръ внезапно, подъ влияніемъ жестокаго выговора, полученнаго имъ отъ падишаха. Дѣло въ томъ, что при первомъ извѣстіи объ армянскихъ волненіяхъ въ Сасунѣ султанъ словесно приказалъ Сурей-пашѣ телеграфировать мѣстному военному командиру, Зеки-пашѣ, чтобы онъ немедленно отправилъ туда отрядъ войска для подавленія безпорядковъ въ самомъ зародышѣ. Впослѣдствіи, когда способъ этой расправы сталъ извѣстенъ и подалъ поводъ къ дипломатическому вмѣшательству, султанъ разгнѣвался на своего секретаря за то, что онъ слишкомъ поспѣшно распорядился привести въ исполненіе его словесный приказъ. Взволнованный Сурей-паша упалъ тутъ же на мѣстѣ, у ногъ своего повелителя. Такъ сообщаетъ достовѣрный корреспондентъ „Times'a“.

Понятно, что турецкія власти вовсе не заинтересованы въ томъ, чтобы пролить былъ свѣтъ на событія въ Сасунѣ и въ другихъ мѣстахъ. Турецкая коммиссія въ Мушѣ выслушивала только свидѣтелей-мусульманъ, которые показывали, конечно, въ надлежащемъ духѣ, противъ армянъ. Въ Битлисѣ, гдѣ произведены были звѣрства, назначенъ губернаторомъ одинъ изъ членовъ слѣдственной коммиссіи, Омеръ-бей, и всѣ допрашиваемые свидѣтели знаютъ теперь, что за правду, сказанную предъ коммиссіею, они отвѣтятъ потомъ предъ членомъ ея, Омеръ-беемъ. Въ Мушѣ приняты были мѣры, чтобы никакихъ армянъ не допускали въ домъ губернатора, гдѣ засѣдала турецкая коммиссія, и чтобы никто не смѣлъ составлять для армянъ какія-либо жалобы или прошенія, подъ страхомъ строгихъ взысканій. Только послѣ неоднократныхъ безуспѣшныхъ попытокъ удалось многочисленной армянской депутаціи добраться до членовъ коммиссіи и передать имъ докладную записку,—но въ одномъ изъ лицъ, принявшихъ эту записку, армяне съ удивленіемъ узнали офицера, участвовавшаго въ усмирении мнимыхъ безпорядковъ въ Сасунѣ. На возгласы испуганныхъ армянскихъ депутатовъ турецкій офицеръ, членъ слѣдственной коммиссіи, отвѣтилъ успокоительными словами: „вы ошибаетесь—избіенія совершались не мною, а курдами“.

Все это добросовѣстно печатается въ англійской газетѣ, славящейся точностью своихъ свѣдѣній и въ то же время никогда не скрывавшей своихъ симпатій къ оттоманской имперіи. Армянскій вопросъ въ Турціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ общій турецкій вопросъ, который пока еще далекъ отъ благополучнаго разрѣшенія, а потому

трудно придавать серьезное значеніе производимому нынѣ турецкому слѣдствію по дѣлу о турецкихъ подвигахъ въ Сасунѣ.

Болгарія была еще весьма недавно составною частью Турціи, какъ Арменія, а между тѣмъ она производитъ уже впечатлѣніе вполне благоустроеннаго государства, при всѣхъ своихъ частныхъ неурядкахъ и особенностяхъ, унаслѣдованныхъ отъ прежняго режима. Министерство Стоилсва держится политики примиренія и старается по возможности сгруппировать около принца Фердинанда не только правительственныя, но и бывшія оппозиціонныя и даже революціонныя партіи, на почвѣ общихъ интересовъ страны. Крупный шагъ въ этомъ смыслѣ уже сдѣланъ: болгарскіе эмигранты, съ Цанковымъ во главѣ, допущены обратно на родину и начинаютъ уже играть довольно замѣтную роль въ политической жизни своего отечества. Каравеловъ освобожденъ изъ тюрьмы и избранъ въ депутаты народнаго собранія; толкъ о преданіи Стамбулова суду за мнимыя или дѣйствительныя преступленія, совершенныя въ бытность его министромъ, прекратились, и бывший диктаторъ, продолжавшій свободно высказывать свои идеи въ „Свободѣ“, мало-по-малу выходитъ изъ своего фактическаго бездѣйствія, вступаетъ въ переговоры съ представителями разныхъ партій и опять заставляетъ много говорить о себѣ въ болгарской и обще-европейской печати.

Прежніе непримиримые противники принца Фердинанда уже признаютъ его княземъ и даютъ ему добрые совѣты для достиженія какого-либо компромисса съ Россією; г. Драганъ Цанковъ наиболее хлопочетъ въ этомъ направленіи, какъ видно изъ частыхъ аудіенцій его у князя, о чемъ всегда своевременно сообщаютъ газетныя корреспонденты. Правда, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ газетъ, г. Цанковъ совѣтуетъ будто бы принцу Фердинанду отречься отъ престола, во имя болгарской дружбы съ Россією; но эти сообщенія слишкомъ неправдоподобны сами по себѣ и мало соотвѣтствуютъ положенію дѣлъ въ Болгаріи. Никто изъ болгаръ не расположенъ теперь сознательно устраивать опасный политическій кризисъ, который могъ бы привести къ междоусобіямъ и къ иностранному вмѣшательству. Возвращеніе эмигрантовъ и формальное признаніе ими власти принца Фердинанда могли только укрѣпить положеніе „князя“, освобожденнаго отъ опеки Стамбулова, и очень можетъ быть, что въ Болгаріи водворится нормальный, законный порядокъ вещей, безъ внутреннихъ смутъ и династическихъ перемѣнъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1895 г.

А. С. Пругавинъ. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1895.

Этими словами: „Запросы народа и обязанности интеллигенціи“ и пр. обозначается, прежде всего, необходимость для народа образованія; но это понятіе, по существу безспорное, выражено словами, которыя легко могутъ подавать поводъ къ недоразумѣнію, и дѣйствительно подавали. Трудъ г. Пругавина, выходящій теперь вторымъ изданіемъ, печатался впервые, въ видѣ отдѣльныхъ статей, лѣтъ пять тому назадъ, когда шли еще оживленные толки и споры о „народничествѣ“. Эти толки начинаютъ, кажется, теперь приходить къ концу; но въ то время они были въ полномъ разгарѣ, и такъ какъ въ нѣкоторыхъ формаціяхъ народничества было много фантастическаго,—такъ что оно соприкасалось иногда съ настоящимъ обскурантизмомъ,—то понятно, что людямъ, къ нему непричастнымъ, оно не могло внушать этими своими сторонами довѣрія и сочувствія. Извѣстно, что „народничество“ было обозначеніемъ чрезвычайно неопредѣленнымъ, что подъ него подводились, и могли подводиться, весьма разнообразныя оттѣнки мнѣній; но разобраться въ нихъ съ точностію было не легко, потому что лишь немногіе изъ писателей, которыхъ можно было причислить къ его послѣдователямъ, достаточно ясно указывали программу своихъ взглядовъ. Авторъ настоящей книги вообще причислялся къ этому направленію, не только по особенному интересу къ народной жизни вообще, но и по нѣкоторымъ частнымъ взглядамъ, какъ, напр., то противоположеніе „народа“ и „интеллигенціи“, которое является въ заглавіи его книги, и которое между прочимъ было любимымъ конькомъ одной изъ упомянутыхъ формацій народничества, доходившей, какъ мы сказали, до обскурантизма—конечно легкомысленнаго и необдуманнаго. При

этомъ противоположеніи говорилось, напр., что народъ „выше интеллигенціи“ и она обязана у него учиться („опрошеніе“, превращеніе образованныхъ людей въ мужиковъ и т. п.), или говорилось, что интеллигенція всѣмъ обязана народу, находится у него въ долгу и должна оплачивать этотъ долгъ и т. п. Эта послѣдняя терминологія встрѣчалась и въ книгѣ г. Пругавина, и весьма естественно останавливала на себѣ вниманіе. Въ этомъ смыслѣ было сказано о первомъ изданіи этой книги въ „Вѣстникѣ Европы“¹⁾. Цѣльнаго взгляда на отношеніе народа и интеллигенціи въ книгѣ г. Пругавина высказано не было; но и заглавіе книги, и отдѣльныя черты изложенія заставляли предполагать у автора упомянутую теорію о долгѣ интеллигенціи, который она должна оплачивать народу. Такъ какъ это представленіе о долговомъ обязательствѣ казалось намъ большою путаницей понятій, то мы, встрѣтивъ съ большимъ сочувствіемъ трудъ г. Пругавина, заключавшій много очень интересныхъ данныхъ о ходѣ народнаго обученія, съ большимъ недоумѣніемъ остановились передъ такой постановкой этого вопроса. Что же такое интеллигенція? Какъ опредѣлить „запросы“ народа, какъ установить обязательства интеллигенціи и т. д.

Мы говорили между прочимъ по этому поводу:— „Авторъ настоящей книги поступилъ бы вѣрнѣе, во-первыхъ, еслибы самые запросы народа поставилъ дѣломъ не рѣшеннымъ, а искомымъ, а во-вторыхъ, еслибы „обязанности“ направилъ не къ интеллигенціи, которая есть классъ весьма неопредѣленный, совершенно неорганизованный и, наконецъ, не имѣющій ни права, ни возможности распорядиться народной школой и грамотностью, а къ тѣмъ вѣдомствамъ правительственнымъ, городскимъ и земскимъ, которыя имѣютъ власть надъ народной школой или имѣютъ извѣстное право участія въ ея устройствѣ: это—министерство народнаго просвѣщенія, духовное, военное и иныя вѣдомства, имѣющія свою школу, наконецъ городское и земское представительство. Въ этой постановкѣ дѣло было бы совершенно ясно: писатель, принимающій къ сердцу интересы народной грамотности и образованія, обращался бы прямо къ тѣмъ властямъ или тѣмъ представителямъ общества, которые имѣютъ дѣйствительное право и возможность принимать тѣ или другія общія мѣры по этому предмету. Когда, вмѣсто того, онъ обращается къ интеллигенціи, онъ ставитъ вопросъ на чрезвычайно колеблющуюся почву: „интеллигенція“, какъ таковая, не можетъ принимать никакихъ мѣръ; еслибы даже она, вслѣдствіе убѣжденія автора, увѣрилась въ необходимости работать для народной школы, она, въ ны-

¹⁾ 1891, январь: „Народная грамотность“.

тѣхъ условіяхъ дѣла, не имѣла бы ни малѣйшаго права вмѣшательства въ это дѣло и вся въ цѣломъ своемъ составѣ была бы безсильна передъ первымъ инспекторомъ народныхъ училищъ".

Эти и подобныя замѣчанія, очевидно, имѣли цѣлью устранить превратныя толки, которые дѣйствительно вели нѣкоторые теоретики народничества, и отраженіе которыхъ можно было предполагать также у г. Пругавина, судя по нѣкоторымъ подробностямъ его книги. Въ свое время наши слова вызывали въ противномъ лагерѣ ядовитыя замѣчанія въ такомъ родѣ, что вмѣсто общества мы хотимъ направить друзей народной школы въ канцелярію и т. п. Въ настоящемъ изданіи своей книги г. Пругавинъ посвятилъ много страницъ своего введенія на отрицаніе тѣхъ замѣчаній, которыя были нами сдѣланы, и объ этомъ надо сказать нѣсколько словъ.

Полемика вообще очень рѣдко ведется у насъ правильно. Всего чаще на сдѣланное замѣчаніе смотрятъ какъ на зложелательство, преувеличиваютъ смыслъ выраженій и вычитываютъ въ нихъ то, чего въ нихъ иногда совершенно нѣтъ. Подобное, къ сожалѣнію, находимъ и у г. Пругавина. Онъ самъ приводитъ изъ нашей статьи слова, въ которыхъ очевидно наше большое сочувствіе къ основной части его книги и къ ея народолюбивому настроенію: одно это обстоятельство должно бы было убѣдить, что наши замѣчанія вызваны были никакъ не зложелательствомъ, а именно доброжелательными недоумѣніями, къ которымъ самъ авторъ подавалъ поводъ. Авторъ заявляетъ, что мы несправедливо предполагали у него желаніе „все дѣло просвѣщенія народа всецѣло оставить на рукахъ одной интеллигенціи и обязать ее вести это дѣло исключительно на тѣ частныя средства, которыя могутъ быть получены путемъ пожертвованій": и прекрасно, потому что было бы чистымъ ребячествомъ надѣяться, что свыше ста-миліонный народъ можетъ быть обезпеченъ школой на частныя пожертвованія „интеллигенціи", при всемъ усердіи этой послѣдней къ унлатѣ долгового обязательства народу. Но авторъ совершенно неправъ, когда говоритъ, будто бы наша статья „обнаруживаетъ *явно отрицательное* отношеніе къ частной инициативѣ въ области народнаго образованія (!), при чемъ сознательную общественную потребность, которая выражается въ этой инициативѣ онъ *низводитъ* до простой благотворительности и филантропіи, а пожертвованія на дѣло народнаго просвѣщенія *презрительно* (!) обзываетъ „подаваніемъ", унижательнымъ для достоинства народа". Какъ можно было говорить что-нибудь подобное, когда г. Пругавинъ могъ прочесть въ той же статьѣ, что этихъ добровольныхъ дѣятелей на помощь народной школѣ мы называли „подвижниками"? На русскомъ языкѣ это слово выражаетъ высокую степень уваженія къ самоотверженному труду на

нравственную и матеріальную пользу ближнему. Черезъ всю статью проходитъ вовсе не отрицательное отношеніе къ частной инициативѣ, а напротивъ, именно большое уваженіе къ ея усиліямъ и только сожалѣніе, во-первыхъ, о томъ, что эти частныя и единичныя усилія совершенно недостаточны для такого громаднаго дѣла, какъ обезпеченіе всего народа школой, и во-вторыхъ, сожалѣніе о томъ, что эти единичныя дѣятели какъ будто слишкомъ преувеличиваютъ свои силы въ этомъ дѣлѣ и могутъ питать недоразумѣніе относительно того, что для существованія народной школы и должно заботиться только о распространеніи этой частной инициативы. Но рядомъ съ этимъ г. Пругавинъ употребляетъ другое выраженіе, что эти частныя заботы о народной школѣ мы „низводимъ до простой благотворительности“ и „обзываемъ“ эту дѣятельность „подаваніемъ“; но, во-первыхъ, можно ли иначе назвать устройство какимъ-нибудь отдѣльнымъ лицомъ школы, библіотеки, читальни и т. д. для бѣднаго населенія, которое само не можетъ ее устроить, какъ благотворительностью, а благотворительность сама по себѣ вовсе не есть дурное дѣло, а христіанскій долгъ, а также и долгъ добраго гражданина къ нуждающимся согражданамъ; а во-вторыхъ, словомъ „подаваніе“ мы хотѣли именно сказать, что устройство школъ вовсе не должно быть для народа дѣломъ чужой частной помощи, которая можетъ быть или не быть, достаться однимъ, а не достаться другимъ, а напротивъ, должно быть общимъ *правомъ*, независимымъ отъ чьего-либо личнаго добраго расположенія.

Авторъ полагаетъ, что въ одной замѣткѣ (въ „Русской Мысли“, 1891, № 2) были уже обстоятельно рассмотрѣны наши замѣчанія, но съ своей стороны все-таки считаетъ нужнымъ окончательно ихъ опровергнуть, и опять говорить такъ, что намъ пришлось бы говорить то же самое, что мы говорили прежде. Онъ утверждаетъ, что имѣлъ задачей освѣтить тѣ стороны вопроса о народномъ образованіи, гдѣ дѣятельность интеллигенціи „можетъ и должна принять наиболѣе близкое и активное участіе“ и что „прежде всего сюда относятся заботы о внѣ-школьномъ образованіи народа: изданіе книгъ и картинъ и распространеніе ихъ въ народной средѣ, устройство библіотекъ, читаленъ и книжныхъ складовъ, организація народныхъ чтеній и т. д.“, и что поэтому будто бы „само собою понятно, что намъ не предстояло никакой необходимости говорить о задачахъ и обязанностяхъ, лежащихъ на государствѣ по отношенію народнаго образованія“. Но: 1) весь первый отдѣлъ книги (стр. 1—85) занятъ именно вопросомъ объ элементарныхъ школахъ; 2) миновать задачи и обязанности государства было бы странно, говоря о народномъ образованіи, потому что и во всемъ остальномъ, въ изданіи книгъ и

картинъ для народнаго чтенія, въ устройствѣ библіотекъ и читаленъ, въ устройствѣ народныхъ чтеній и т. д., частные дѣятели на каждомъ шагѣ встрѣчаются съ авторитетными представителями этого государства, отъ которыхъ въ огромной степени или даже вполне зависятъ объемъ и направленіе частной дѣятельности. Авторъ, ссылаясь на князя Васильчикова, Кавелина, барона Н. А. Корфа и „многихъ другихъ“, утверждаетъ, будто бы вопросъ объ обязанностяхъ государства по отношенію къ народному образованію у насъ уже давнымъ давно рѣшенъ, что мысль о необходимости назначенія государствомъ большихъ средствъ на народное образованіе стало уже „избитымъ, общимъ мѣстомъ“, что она, „какъ аксіома, не требуетъ уже доказательствъ, такъ какъ давно признана всѣми, кто только не относится къ дѣлу культуры съ точки зрѣнія Фамусова, видѣвшаго въ ученіи причину всѣхъ золъ и бѣдъ и боявшагося его хуже чумы“. Удивительно то душевное спокойствіе, съ какимъ авторъ говоритъ эти слова: долго спустя послѣ Васильчикова, Кавелина и Корфа, когда вопросъ будто бы былъ „рѣшенъ“, и еще очень недавно приводимы были сравнительныя статистическія цифры, изъ которыхъ было видно, что Россія по народному образованію занимаетъ въ средѣ европейскихъ народовъ послѣднее мѣсто, рядомъ съ Турціею; бюджетъ подлежащаго вѣдомства остается тотъ же скудный, и въ одно изъ недавнихъ министерствъ, какъ говорилось въ печати, и изъ этого скупнаго бюджета были сдѣланы сбереженія; авторъ какъ будто не слышалъ о тѣхъ спорахъ, какіе шли въ послѣднее время о типѣ народныхъ школъ (земскихъ и церковно-приходскихъ), о тѣхъ условіяхъ, въ какія поставлено дѣло земскихъ и городскихъ школъ и т. д.; наконецъ, авторъ напрасно думаетъ, что можетъ не обращать вниманія на Фамусовыхъ, считать ихъ какъ бы несуществующими: они существуютъ.

Дальше мы опять встрѣчаемся съ удивительными толкованіями нашихъ словъ, когда мы говорили о томъ, что дѣло народной школы зависитъ не только отъ добрыхъ желаній интеллигенціи, но и отъ тѣхъ официальныхъ лицъ, которыя ею завѣдуютъ, и этимъ хотѣли дать понять, что такъ какъ не однажды между частною инициативой и упомянутыми лицами происходили по самому существу дѣла недоразумѣнія и столкновенія (доходившія даже до правительствующаго сената), то въ такой усердной заботѣ, какую беретъ о народной школѣ, напримѣръ, г. Пругавинъ, нельзя упускать изъ виду этихъ невыясненныхъ или прямо натянутыхъ отношеній и должно стараться также объ ихъ разъясненіи. Мы высказывали также недоумѣніе относительно толкованія слова „интеллигенція“: какъ выѣстить въ нее тѣхъ лицъ, повидимому образованныхъ и имѣющихъ право быть при-

числяемыми къ интеллигенціи, и которыя однако весьма равнодушны къ народной школѣ и даже ей мѣшаютъ. Г. Пругавинъ повидимому ничего этого не понялъ, изъ нашихъ словъ онъ извлекъ только заключеніе, что мы адресуемъ его въ канцелярію и „пугаемъ его инспекторомъ народныхъ училищъ и другими лицами школьной администраціи“. Авторъ самъ находитъ, что лица подлежащихъ вѣдомствъ „нерѣдко бываютъ слишкомъ равнодушны и глухи къ нуждамъ и интересамъ народного просвѣщенія“, и объясняетъ, что поэтому онъ и обращался вообще къ образованнымъ людямъ въ надеждѣ, что — „такъ какъ всѣ представители вѣдомствъ, безъ сомнѣнія, люди болѣе или менѣе образованные, культурные, то потому и наше обращеніе, наши призывы, направленные къ интеллигенціи вообще, относятся, разумѣется, въ равной степени и къ нимъ, какъ и ко всѣмъ другимъ образованнымъ людямъ, обыкновеннымъ смертнымъ, не принадлежащимъ ни къ какому вѣдомству“. Авторъ все еще полагаетъ, что мы предлагали ему „предпочтительно адресоваться со своими обращеніями“ къ представителямъ вѣдомствъ (онъ ихъ не совсѣмъ одобряетъ: „кому же не извѣстно, что принадлежность къ вѣдомствамъ нерѣдко, къ сожалѣнію, владетъ особую печать на своихъ представителяхъ, дѣлаетъ ихъ менѣе воспримчивыми, замѣняя живое, горячее отношеніе къ дѣлу формальнымъ, рутиннымъ, чиновничьимъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей“); мы хотѣли, чтобы авторъ, занявшись столь важнымъ вопросомъ, не ограничивался только общими указаніями на пользу народного образованія и перечисленіемъ школъ, библиотекъ, читаленъ, а затронулъ бы наконецъ, по мѣрѣ возможности, и это фактическое трудное положеніе народной школы...

Ни прежніе защитники г. Пругавина, ни самъ онъ во 2-мъ изданіи своей книги, не объяснили также одного существеннаго вопроса. Предположимъ, что, по народнической теоріи, существуетъ долгъ народу: почему плательщикомъ должна являться „интеллигенція“? Если скажутъ, что на доставленныя народомъ средства она имѣетъ возможность (потребныя на то учрежденія и досугъ) получить свое просвѣщеніе, то на тѣ же доставленныя народомъ средства существуетъ также множество другихъ предметовъ (военная защита страны, пути сообщенія, средства управленія и т. д., словомъ, всѣ способы общежитія), которыми пользуются кромѣ „интеллигенціи“ множество другихъ людей, которые хотя бы и не принадлежали буквально къ „интеллигенціи“, но тѣмъ не менѣе исправно пользуются всѣми этими вещами, а кромѣ того владѣютъ весьма большими матеріальными средствами (есть, напр., многіе весьма богатые купцы, промышленники и т. п., не имѣющіе образованія, и которыхъ къ „интеллигенціи“ поэтому причислить нельзя), такъ что должны бы были также быть

зачислены въ разрядъ плательщиковъ долга, если не за просвѣщеніе, котораго получить не пожелали, то за другія упомянутыя средства общежитія, которыми они пользуются. Словомъ, съ этими же разсужденіями о долгѣ мы попадаемъ въ настоящія дебри... Если г. Пругавинъ скажетъ намъ, что возлагаетъ „обязанности“ на интеллигенцію потому, что она въ состояніи понять эти обязанности, то, кажется, рядомъ съ объясненіемъ этихъ обязанностей людямъ образованнымъ было бы чрезвычайно полезно и важно позаботиться и о томъ, чтобы вразумить объ ихъ обязанностяхъ и людей необразованныхъ — надо помогать, что какому-нибудь богатому не-интеллигенту могъ бы прочесть книжку его грамотный приказчикъ... Тогда по крайней мѣрѣ получили бы хоть какой-нибудь смыслъ эти странные толки о долгѣ народу.

На послѣднихъ страницахъ своего введенія г. Пругавинъ защищаетъ опять свою теорію долга народу, но уже въ нѣсколько иномъ тонѣ, чѣмъ это предполагалось въ прежней системѣ народничества. „Это долгъ, завѣщанный людямъ всей христіанской этикой, всѣмъ ученіемъ Христа. Это естественный выводъ изъ того гуманнаго ученія, которое написало на своемъ знамени братство и равенство всѣхъ людей“. Г. Пругавинъ продолжаетъ: „Отрицать этотъ долгъ, отказаться отъ сильной уплаты его — не значить ли это признать свое моральное банкротство, свою нравственную несостоятельность? Къ счастью, мы видимъ, что сознаніе „долга передъ народомъ“ двигало и — слава Богу! — до сихъ поръ двигаетъ многихъ людей на безкорыстное и самоотверженное служеніе народу и его интересамъ. Еще недавно вся Россія была свидѣтельницей движенія, возникновеніе котораго обязано именно этой идеѣ. Массы лицъ различнаго общественнаго положенія, различнаго возраста, воодушевленные этой идеей, шли въ глухія села и деревни на борьбу съ тяжелыми бѣдствіями, постигшими народъ: голодомъ, холерой, тифомъ и т. д. Всѣмъ извѣстны тѣ плодотворные результаты, которые принесло это замѣчательное движеніе, полное альтруистическаго порыва“.

Мы говорили о христіанскомъ долгѣ и благотвореніи, но г. Пругавину казалось, что это унижаетъ понятіе о долгѣ интеллигенціи народу... Какъ бы то ни было, было ли это исполненіе долга христіанскаго (припомнимъ, что помощь голодающимъ приносили и совсѣмъ чужіе люди, какъ американцы), или исполненіе „альтруистическаго чувства“, или отдача долга народу, — во всякомъ случаѣ эти порывы на помощь страшному бѣдствію были и вполнѣ естественны для людей, не совсѣмъ одичавшихъ, и внушали глубокое уваженіе, и были часто по истинѣ трогательны примѣрами самоотверженія на пользу ближнему. Едва ли сомнительно, что эта частная инициатива,

дѣятельность общественная, вносили въ дѣло элементы, какихъ никогда (или только въ видѣ рѣдкаго исключенія) не можетъ дать всякое другое веденіе дѣла: одна общественная инициатива вносить именно элементъ личнаго сердечнаго участія, а не только одно исполненіе служебнаго долга. Подобнымъ образомъ и въ дѣлѣ народной школы и обученія никогда служебная дѣятельность не можетъ дать въ *нѣкоторыхъ* отношеніяхъ того, что даетъ естественно частная инициатива людей, посвящающихъ себя этому дѣлу по личному глубокому убѣжденію; никогда, наконецъ, личная и общественная инициатива, при открытомъ всегда контролѣ, не могутъ допустить, напр., существованія школъ только на бумагѣ, и т. п. Едва ли когда-нибудь какое другое учрежденіе въ состояніи было бы сдѣлать то, что было сдѣлано комитетомъ грамотности; подобное официальное учрежденіе не приходило никому и на мысль, и прежде всего встрѣтились бы противъ него тысячи возраженій. Никогда до сихъ поръ не было у насъ такого успѣха народной школы, какого достигла, и въ очень короткое время, частная инициатива, организованная въ земствахъ и въ городскомъ общественномъ управленіи: извѣстно быстрое развитіе земской школы, необычайное размноженіе и вмѣстѣ достоинства городской первоначальной школы въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и мн. др.

Но не будемъ заблуждаться. Какъ ни велики были и могутъ быть заслуги частной инициативы, личной и общественно организованной, ея недостатковъ на покрытіе народной нужды, и надо стремиться къ тому, чтобы направились на это и силы государственныя. *Материальныхъ средствъ* частной инициативы, земствъ и городскихъ управленій недостатковъ на борьбу съ невѣжествомъ народа, нищетой, голодомъ, холерой, тифомъ, вредными животными и насѣкомыми и т. д., и т. д. Какъ ни были прекрасны проявленія „альтруистическаго чувства“, вездѣ оказывалось, что въ борьбѣ съ невѣжествомъ, съ голодомъ, съ холерой—средствъ частной инициативы недостатковъ, и дѣйствительно, когда къ десяткамъ тысячъ рублей, собранныхъ частной инициативой, присоединились сотни тысячъ изъ средствъ правительства, помощь становилась серьезна. Частная инициатива сдѣлала великое нравственное дѣло, указывая на народную нужду, требуя къ ней вниманія и помощи, но должно вспомнить страшные рассказы въ книгѣ В. Г. Короленка „Въ голодный годъ“, чтобы видѣть, что частная инициатива могла положить только заплату на рубище народной безпомощности, могла указать народныя нужды, помочь которымъ сполна она была бы не въ состояніи. На „запросы народа“ можетъ и должно отвѣтить болѣе полно только государство, и только при содѣйствіи его могущественныхъ матеріальныхъ средствъ част-

ная инициатива, личная и общественно организованная, может внести долю своего благотворнаго нравственнаго вліянія. Въ настоящую минуту было бы еще слишкомъ простодушно утѣшаться тѣмъ, что мысль о необходимости государственной помощи народному образованію стала „избыткомъ общими мѣстамъ“... Только холерные безпорядки убѣрили наконецъ многихъ, что для противодѣйствія имъ нуженъ въ будущемъ не одинъ уголовный судъ, а прежде всего школа. Для противодѣйствія голоду надо прибѣгнуть въ минуту бѣдствія къ общественнымъ и государственнымъ жертвамъ, но въ будущемъ надо опять позаботиться о распространеніи сельской общеобразовательной школы... Сближеніе съ народомъ во время голода и холеры наглядно убѣдило многихъ еще въ другой, также давно известной истинѣ—въ безпомощномъ положеніи народа въ санитарномъ отношеніи, въ необходимости распространенія медицинской помощи, такъ какъ теперь она на обширныхъ пространствахъ или совсѣмъ отсутствуетъ, или крайне недостаточна.

Только въ послѣднее время, можно почти сказать, въ послѣдніе дни, появляются признаки болѣе дѣятельнаго, чѣмъ прежде, вниманія къ потребностямъ народной жизни: усиливаются матеріальныя средства, назначенныя на народную школу; изъ официальнаго вѣдомства дѣлается обращеніе къ земствамъ, приглашающее къ разномноженію народныхъ школъ, земскихъ и церковно-приходскихъ *безразлично* (еще недавно земскія школы были не въ авантажѣ). Въ объясненіяхъ дѣятельности сельско-хозяйственнаго совѣта при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которое, какъ известно, одной изъ своихъ самыхъ важныхъ задачъ поставило распространеніе *въ народъ* сельско-хозяйственной школы, мы читаемъ: „Всѣ виды сельско-хозяйственнаго промысла, и крупнаго, и мелкаго, и помѣщичьяго, и крестьянскаго, и земледѣльческаго, и арендаторскаго, должны одинаково составлять предметъ заботъ и попеченія правительства, такъ какъ сельское хозяйство не можетъ быть поставлено ни на сословную, ни на капиталистическую почву, а есть дѣло общегосударственное и общенародное“. Такимъ же *общегосударственнымъ* и *общенароднымъ* дѣломъ должна быть народная школа, и когда государство широко поставитъ это дѣло, въ союзѣ и взаимодействіи съ общественными силами, это будетъ единственная возможная уплата долга народу, цѣлесообразная и благотворная.—А. П.

— Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій. М. 1895.

Г. Шенрокъ неустанно работаетъ надъ „Матеріалами“, которые послужатъ, безъ сомнѣнія, драгоценнымъ пособіемъ для будущаго

біографа Гоголя. Своего настоящаго труда авторъ еще не назвалъ біографіей, потому что дѣйствительно ему приходилось отчасти внести новыя, раньше неизвѣстныя данныя, требовавшія предварительнаго освѣщенія, отчасти давать такую же предварительную обработку другимъ даннымъ, какія продолжаютъ появляться до сихъ поръ. Второй томъ „Матеріаловъ“ вышелъ въ 1892 году; нѣкоторое промедленіе въ появленіи настоящаго тома авторъ объясняетъ такъ: „Самымъ большимъ препятствіемъ для нашего труда служило и теперь, какъ при изданіи предыдущихъ томовъ, черезъ-чуръ медленное появленіе въ печати нѣкоторыхъ чрезвычайно важныхъ для насъ документовъ (напр., въ настоящемъ случаѣ приостановка печатанія въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ „Записокъ Смирновой“) и трудность объединенія многихъ статей нашихъ, печатавшихся сперва въ періодическихъ изданіяхъ (преимущественно въ „Вѣстникѣ Европы“ и „Артистѣ“). Затѣмъ встрѣчались годы, въ продолженіе которыхъ мы имѣемъ нѣсколько сбивчивыя хронологическія данныя, касающіяся писемъ Гоголя, именно осень 1839 г. (см. ниже) и лѣто 1837 г., когда переписка нашего писателя надолго прекращается, и мы теряемъ возможность, такъ сказать, слѣдить за ней по пятамъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы сочли своимъ долгомъ не останавливаться даже передъ мелочными справками, чтобы по возможности сгруппировать и указать всѣ сюда относящіяся данныя. Полагаемъ, что несправедливо было бы требовать совершеннаго устраненія этихъ пробѣловъ, едва ли вообще устранимыхъ. Слѣдующее замѣчаніе наше касается характеристики *господствующихъ настроеній* нашего писателя въ разные эпохи его жизни: мы старались рассмотреть съ возможной подробностью все, что въ данномъ случаѣ представляютъ изслѣдователю существующіе источники, и заранее предупреждаемъ, въ виду возможныхъ придирчивыхъ возраженій, основанныхъ на какой-нибудь случайно выхваченной фразѣ, что мы сочли бы лишь то возраженіе серьезнымъ, которое такъ или иначе выдвигало бы зѣротность иного объясненія опять-таки именно всего господствующаго настроенія Гоголя въ рассматриваемое время“.

Мы сказали бы, что авторъ напрасно придаетъ такое значеніе „придирчивымъ возраженіямъ“: безъ нихъ не обойдется ни одна крупная работа и автору нечего смущаться капризами критиковъ. Достаточно того, что онъ уже дѣлаетъ: онъ внимательно осматриваетъ каждый фактъ, обставляетъ свои выводы всѣми данными, которыя имѣютъ отношеніе къ излагаемому эпизоду біографіи, и составляетъ самому читателю возможность провѣрки.

Настоящій томъ обнимаетъ время съ 1836, съ выѣзда Гоголя за границу, и до 1842 года, такъ что здѣсь рассказаны: постановка на

сцену „Ревизора“, заграничная жизнь 1836—1839 годовъ, пребываніе въ Россіи въ этомъ послѣднемъ году, потомъ новая поѣздка въ Италію и жизнь въ Москвѣ въ 1841—1842 году, въ эпоху появленія „Мертвыхъ душъ“ и другихъ трудовъ Гоголя за эти годы. Въ приложеніяхъ обширная статья о постановкѣ комедій Гоголя на сценѣ за прежнее время и нѣкоторыя дополненія къ прежнимъ томамъ.

— Платонъ Кулаковскій. Илиризмъ. Исслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варшава, 1894.

Названіемъ „илиризма“ опредѣляется особый періодъ въ исторіи новѣйшаго литературнаго возрожденія у хорватовъ, который обнимаетъ главнымъ образомъ тридцатые и сороковые года нынѣшняго столѣтія, и отличительной чертой котораго было стремленіе объединить въ одномъ, хотя бы литературномъ цѣломъ разрозненныя части обширнаго племени, называемаго сербо-хорватскимъ. Уже съ очень давняго времени это племя, единое по своему корню, разбилось на двѣ главныя вѣтви, которыя затѣмъ раздѣлились каждая еще на нѣсколько частныхъ отпрысковъ, и всѣ эти небольшія доли племени жили почти особнякомъ, разъединенныя различными историческими условіями ихъ существованія. Двѣ первоначальныя отрасли при первомъ выселеніи въ ихъ нынѣшнія мѣста съ сѣверо-востока, заняли земли, въ которыхъ они подпали потомъ вліяніямъ съ одной стороны Византіи, съ другой—германо-романскаго запада; затѣмъ одна часть племени вошла въ міръ византійскаго православія, другая—римскаго католицизма; послѣ нѣсколькихъ вѣковъ болѣе или менѣе самостоятельной политической жизни, которая до извѣстной степени объединила хорватовъ, но и тогда не могла вполне объединить сербовъ, произошло новое разъединеніе, когда хорваты подпали политическому вліянію, а затѣмъ господству Венгріи и Австріи, а сербы были просто завоеваны турками и національная жизнь была глубоко подавлена рабствомъ, въ продолженіе котораго доля сербскаго высшаго класса приняла даже мусульманство. Особымъ эпизодомъ въ этой исторіи было процвѣтаніе далматинскихъ республикъ, между прочимъ процвѣтаніе литературное подъ итальянскими вліяніями; возникновеніе независимой Черногоріи; выселеніе части турецкихъ сербовъ въ Австрію, другой части въ Россію и т. д. Рѣдко можно встрѣтить примѣръ такого племенного разброда, и когда съ конца прошлаго вѣка въ сербо-хорватское племя стали проникать вліянія новой жизни и въ славянскихъ племенахъ стали пробуждаться стремленія къ возрожденію, у сербо-хорватовъ эти стремленія опять шли

эровъ въ разныхъ отдѣлахъ племени, на первый разъ безъ всякой мысли объ ихъ первоначальномъ единствѣ, о возможности союза и взаимной помощи. Эта мысль и явилась въ первый разъ въ „иллиризмѣ“. Страны, занятія различными частями сербскаго и хорватскаго племени, носили нѣкогда, въ античной древности, названіе Иллиріи; классическое имя этой области сохранилось не только въ литературѣ, но и въ практическомъ употребленіи на официальномъ латинскомъ языкѣ, господствовавшемъ въ Венгріи, съ которой слилось старое хорватское королевство: хорваты были иллиры и ихъ языкъ *lingua illirica*; когда въ 1809 г. Наполеонъ отнялъ у Австріи эти земли, они составили особую провинцію съ именемъ Иллиріи. Этимъ знакомымъ именемъ воспользовались хорватскіе патриоты, мечтавшіе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ о воссоединеніи сербскаго племени въ одно цѣлое. Всѣ сербскія земли поняты были какъ единая „Иллирія“, всѣ отдѣлки сербскихъ нарѣчій (хорватскій, сербскій, далматинскій, славонскій и т. д.) должны были составить одинъ иллирскій языкъ и, главное, дать общій литературный языкъ для всѣхъ отдѣловъ сербскаго племени; въ будущемъ видѣлась великая племенная сила, которая, собравъ разбросанные члены одного тѣла, дала бы наконецъ сербскому народу то значеніе, какое до сихъ поръ принимала у него исторія. Съ простой реальной точки зрѣнія предпріятіе должно было бы казаться чисто фантастическимъ. Дѣйствительно, искомое единство сербскаго племени на глазахъ исторіи никогда не существовало; въ настоящую минуту сербы раздѣлены были между нѣсколькими государствами (Австрія съ Венгріей, Турція, княжество сербское, Черногорія; сербы, переселившіеся въ Россію, уже затерялись въ русскомъ народѣ) и нѣсколькими крайне враждебными другъ другу религіями (православіе, католичество и даже мусульманство), и наконецъ между двумя азбуками (кирилловская и латинская). Создать изъ всего этого одно цѣлое было дѣло едва мыслимое; но таково было нравственное вліяніе совершавшагося крутомъ національнаго возрожденія, что великія трудности дѣла не казались непреодолимыми, и иллирское движеніе нашло ревностныхъ приверженцевъ не только между самими полагаемыми „иллирами“, но и въ остальномъ славянствѣ, которое въ эти годы проникнуто было подобнымъ энтузіазмомъ, каждое племя у себя дома, и иллирское движеніе казалось новой силой въ опору цѣлаго славянскаго возрожденія. Между прочимъ однимъ изъ возбужденій иллирскаго патриотизма послужила знаменитая поэма Коллара „Дочь Славы“ и призывы того же писателя къ „славянской взаимности“... Дѣйствіе происходило во времена знаменитаго Меттерниха, который вовсе не бывалъ расположенъ поддерживать народныя движенія, но на этотъ

разъ иллирская пропаганда нашла, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, даже поддержку со стороны австрійскаго правительства: причина была въ томъ, что въ ту минуту это правительство рассчитывало создать изъ хорватскаго движенія противовѣсъ возростающимъ притязаніямъ венгровъ, которыя вскорѣ потомъ разразились извѣстнымъ возстаніемъ 1848 года и затѣмъ войной, въ которой Россія сочла нужнымъ спасать Австрію, за что уже вскорѣ получила знаменитую „неблагодарность“.

Таковъ предметъ, который г. Кулаковскій выбралъ для своего изслѣдованія. Въ предисловіи авторъ замѣчаетъ, что въ своемъ трудѣ поставилъ себѣ цѣлью „освѣтить въ одной цѣлой картинѣ только его литературную сторону и политической стороны иллирскаго возрожденія касался лишь по столько, по сколько это было необходимо для его задачи“. Намъ казалось бы, что авторъ слишкомъ ограничилъ эту политическую сторону исторіи иллиризма, потому что именно политическія отношенія играли чрезвычайно важную роль какъ въ первой постановкѣ сербо-хорватскаго движенія въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, такъ и въ дальнѣйшемъ развитіи тѣхъ объединительныхъ стремленій, какія по выводамъ автора (см. послѣднюю главу) остались донныи наслѣдіемъ отъ стараго иллиризма. Болѣе подробное объясненіе политическаго положенія вещей въ прежнее и въ настоящее время было бы тѣмъ болѣе важно, что русскимъ читателямъ вообще очень мало знакома внутренняя политическая жизнь западнаго славянства и въ особенности австро-венгерскихъ сербо-хорватовъ. Въ нашей печати авторъ могъ бы найти множество свидѣтельств этого незнанія, или даже въ отзывахъ самихъ спеціальныхъ знатоковъ славянства встрѣчать крайне рѣзкія и пристрастныя сужденія о передовыхъ дѣятеляхъ хорватскаго движенія. Напомнимъ, напримѣръ, что говорилось у насъ между прочимъ о покойномъ Рачкомъ или о Штрессмайерѣ.

Въ предѣлахъ поставленной задачи г. Кулаковскій исполнилъ свою работу очень старательно. Въ первой главѣ книги онъ изложилъ борьбу хорватовъ съ мадьярами за права языка со временъ Іосифа II; во второй излагается положеніе литературы въ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи до возникновенія иллиризма. Третья глава, занимающая наибольшую часть книги, представляетъ въ нѣсколькихъ отдѣлахъ подробный разсказъ о развитіи иллиризма: первое возникновеніе мысли объ иллиризмѣ, положеніе хорватскихъ литературныхъ интересовъ, отношенія съ сербами, взгляды остальнаго славянства на иллиризмъ, жизнеописаніе главнаго дѣятеля иллиризма Людевита Гаа, обзоръ дѣятельности главнѣйшихъ писателей иллирскаго періода. Наконецъ, послѣдняя глава представляетъ общіе выводы о значеніи

илиризма и его вліяніи въ послѣдующее время. Изученіе предмета представляло между прочимъ тѣ немалыя трудности, что собрать весь необходимый литературный матеріалъ возможно было только на мѣстѣ, и авторъ дѣйствительно могъ исполнить свою работу только въ Загребѣ, гдѣ кромѣ книгъ онъ нашелъ много важныхъ личныхъ указаній, между прочимъ отъ одного свидѣтеля и участника илирскаго движенія Богуслава Шулека; авторъ вспоминаетъ также съ особенной благодарностью о томъ содѣйствіи, какое оказывалъ его труду заслуженный дѣятель хорватской литературы, упомянутый Францъ Рачкій. — Т.

Въ теченіе февраля поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абозинъ, И. — Птицеводство. Птичій дворъ въ русскихъ хозяйствахъ. Спб. 96. Стр. 748. Ц. 5 р. 50.

Адамъ, Юлія. — Дурнушка, ром., съ портретомъ автора. Перев. З. Журавской. Стр. 168. Ц. 60 к.

Аксеновъ, Н. Ѳ. — Городъ Бурмишъ въ XIV-XVIII вѣкахъ. Каз. 96. Стр. 17.

Андерсенъ. — Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Перев. съ дат. А. и П. Ганзенъ. Т. IV. Вып. 13: Сказка моей жизни, I-VIII. Спб. 94. Стр. 128. Ц. 4-хъ томовъ 6 р.

Анфитеатровъ, Александръ (Old Gentleman). — Оборванные струны. М. 96. Стр. 322. Ц. 1 р.

Арнольдъ, Ѳ. К. — Исторія гѣсоводства въ Россіи, Франціи и Германіи. Спб. 96. Стр. 403. Ц. 3 р.

Барсуковъ, Н. — Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. Спб. 96. Стр. 498. Ц. 2 р. 50 к.

Безобразовъ, П. В. — О правахъ женщины. М. 96. Стр. 162. Ц. 50 к.

Вилгдермитъ, П. А. — Бесѣды по земледѣлію. Спб. 96. Стр. 77.

Бодлеръ. — Стихотворенія. М. 96. Стр. 119. Ц. 1 р.

Божеряновъ, И. Н. — Какъ праздновалъ и празднуетъ народъ русскій Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе и масленицу. Спб. 96. Стр. 123. Ц. 50 к.

Въничевъ, К. Н. — Объяснительный Каталогъ Библіотеки Е. И. В. Великаго Кн. Георгія Александровича въ Абастуманѣ: Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны. Тифлисъ, 94. Стр. 282.

Вессель, Н. Я. — Наша новая государственная финансовая дѣятельность (1892—1894 гг.). Съ краткимъ очеркомъ государственной финансовой дѣятельности съ 1857—1892 гг. Спб. 94. Стр. 276.

Вилкинъ, Григорій. — Обезцѣненіе серебра и его послѣдствія. Спб. 96. Стр. 63.

Витевскій, В. Н. — И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Вып. 4. Каз. 96. Стр. 844.

Вундтъ, В. — Душа и мозгъ. Перев. съ нѣм. Од. 96. Стр. 46. Ц. 20 к.

Гаршинъ, Всеволодъ. — Первая книжка рассказовъ. Спб. 96. Стр. 206. Ц. 1 р.

Генаръ, Ал., д-ръ.—Половое влеченіе. Перев. съ нѣм. д-ра Н. Лейненберга. Од. 95. Стр. 119. Ц. 75 к.

Дертюжискій, В. Ф.—Навеас Сограс Актъ и его приостановка по английскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи [и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ (б. Дертъ)]. 95. Стр. 392.

Добровольскій, Н. Н.—Смоленскій этнографическій сборникъ. Ч. III. Пословицы. Спб. 94. Стр. 137.

Докучаевъ, проф. В. В.—Труды экспедиціи, снаряженной Лѣснымъ департаментомъ. Спб. 95. Стр. 25.

Измачинскій, А. А.—Влажность почвы и грунтовая вода въ связи съ рельефомъ мѣстности и культурнымъ состояніемъ поверхности почвы. Результаты изслѣдованій влажности почвы въ Полтавскомъ уѣздѣ съ 1866 г. по 1893 г. Полт. 94. Стр. 323. Ц. 1 р.

Кое-кто.—Кое-что. Спб. 95. Стр. 206. Ц. 1 р.

Крыловъ, А. В.—На чужомъ ногѣ. Очерки и рассказы. М. 95. Стр. 320. Ц. 1 руб.

— Не герой. Очерки и рассказы. М. 95. Стр. 278. Ц. 1 р.

Ледо, Эж.—Трактатъ о человѣческой физиономіи, съ 116 рис. Перев. съ франц. А. Д. Городецкаго. М. 95. Стр. 456. Ц. 3 р.

Личаки, І. Н.—Къ вопросу о подѣльныхъ путяхъ, Съдѣриженіемъ таблицъ чертежей. Спб. 95. Стр. 18. Ц. 80 к.

Личачева, Е.—Материалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1828—56 г.). Спб. 95. Стр. 271. Ц. 1 р. 25 к.

Логачевъ, П.—По вопросамъ, связаннымъ съ задачею и дѣятельностью земледѣлія. Экономическій этюдъ. Спб. 95. Стр. 90. Ц. 75 к.

Мертваго, Алексѣя.—Не по торному пути. Изъ воспоминаній 1878—88 гг. Стр. 227.

Менерскій, И.—Преподаваніе механики и механическія воллѣкціи въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Италіи, Франціи, Швейцаріи и Германіи (Второе изданіе). Спб. 95. Стр. 72.

Мирополюскій, С.—Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ. Изд. 5-е. Спб. 95. Стр. 110. Ц. 15 к.

Мушкетовъ, И.—Общая геологическая карта Россіи, лл. 95 и 96. Геологическія изслѣдованія въ каменноугольной степи въ 1884—85 гг. Спб. 95. Стр. 202, in 4°. Ц. 3 р. 75 к.

Норманскій, Сергій (Сигма).—Оттуда. Рассказы. Спб. 94. Стр. 189. Ц. 1 р.

Пелиссе, Ж.—Французская литература XIX вѣка. Перев. и. р. Н. Миропольца. М. 95. Стр. 162. Ц. 1 р.

Перцовъ, П. и В.—Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 95. Стр. 228. Ц. 1 р.

Покровский, Е. А., д-ръ.—Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей. Популярное руководство для матерей. М. 95. Стр. 307. Ц. 1 р. 50 к.

Прейеръ, В.—О сохраненіи здоровья и о продленіи жизни. Од. 95. Стр. 33. Ц. 50 к.

Радимичъ.—Бара въ сто лѣтъ. Бѣлорусская легенда. Витеб. 94. Стр. 35. Ц. 10 к.

Рева, И. М.—Сельско-хозяйственный идеалъ. Кіевъ, 95. Стр. 63.

Реклю, Элизэ.—Земля и люди. Всеобщая географія. XIV. Океанъ и Океанскія земли. Съ 77 рисунками. Спб. 95. Стр. 798. Ц. 8 р.

Салтыковъ, М. Е.—Полное собраніе сочиненій, т. V: Мелочи жизни (1886—1887 гг.). Сборникъ (1869—1879 гг.). 3-е изд. Спб. 95. Стр. 593. Ц. 1 р. 75 к.

Сотчинъ, И. В.—Опытъ изложенія началъ общечеловѣческой философіи. Спб. 95. Стр. 205. Ц. 1 р.

Станюковичъ, К. М.—Новые морскіе рассказы и маленькіе моряки. Изъ воспоминаній о морскомъ корпусѣ. Спб. 95. Стр. 432 и 122. Ц. 2 р. 50 к.

Субисъ, Альб.—Французскій критикъ русской музыки. Перев. съ франц. С. Л. Халютина. Минскъ, 95. Стр. 77. Ц. 50 к.

Телешовъ, Н.—На тройкахъ, очерки и рассказы. М. 95. Стр. 333. Ц. 1 р.

Титрановъ, Г. Ѳ.—Обзоръ дѣятельности горнозаводскихъ товариществъ при казенныхъ горныхъ заводахъ и рудникахъ, съ 1881 г. по 1893 г. Спб. 95. Стр. 101.

Унгеръ, д-ръ.—Естественное и искусственное вскармливаніе грудныхъ дѣтей. Перев. съ нѣм. врач. М. Немзера и А. Фейта. Спб. 95. Стр. 66. Ц. 30 к.

Файнштейнъ, С.—Что такое мнемоника? Искусство укрѣпленія памяти. 4-е изд. Од. 94. Стр. 145. Ц. 35 к.

Фармаковский, Вл.—Школьная дѣтетика. Сводъ практическихъ свѣдѣній и правилъ, относящихся къ охраненію здоровья дѣтей, посѣщающихъ школу. По д-ру Кленке. Изд. 8-е. Од. 95. Стр. 208. Ц. 1 р. 50 к.

Фрикенъ, А. фонъ.—Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Ч. II. М. 95. Стр. 313. Ц. 2 р.

Фулье, А.—Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. Перев. съ франц. П. Николаева. М. 95. Стр. 535. Ц. 3 р.

Чернушенко, Д. Н.—Воздушный корабль или летоходъ. Парижъ 95. Стр. 16.

Шенрокъ, В. И.—Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. III. М. 95. Стр. 548. Ц. 3 р.

Штененко, В. З.—Значеніе литературной дѣятельности И. А. Крылова. Керчь, 94. Стр. 27.

Якула, И. И.—Основные начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. 2-е изд. Вып. 1-й съ билет. на 2-й. Спб. 95. Стр. 240.

Эбемехъ, д-ръ П.—Человѣкъ, или строеніе нашего тѣла и отправленіе его органовъ. Съ разѣсными рисунками. Спб. 95.

Larivière, Ch. de.—Catherine II et la Révolution française, avec Préface de Alfred Rambaud. Par. 95. Стр. 396. Ц. 3 фр. 50 сант.

Rosenberg, Dr. G. I.—Zur Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland. Lelpz. 95. Стр. 154.

— Антикварный Каталог № 56. Сочиненія на русскомъ языкѣ, имѣющіяся въ продажѣ у Н. Киммеля въ Ригѣ. Либава, 94. Стр. 40 (1401 названіе).

— „Вся Россія“: Русская книга промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администраціи. Торгово-промышленный Адресъ-Календарь Россійской Имперіи. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1895 г. Столб. 2319+808+496, съ адресами землевладѣльцевъ и объясненіями. Ц. 10 руб.

— Дешевая Библіотека.—№ 182: Плутархъ, Гальба и Оттонъ. № 267: Сто великихъ людей—Марко Поло, Колумбъ, Магелланъ, Кузь, Ливингстонъ. Спб. 95. Ц. 10 и 20 к.

— Докладъ Комиссіи по народному образованію по вопросу объ участіи губернскаго земства по народному образованію. Саратовъ. 95. Стр. 126.

- Европейская Библіотека. — № 5: Бальзакъ, этюдъ Ипп. Тэна, съ портретомъ Бальзака. Спб. 95. Стр. 108. Ц. 30 к.
- Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ. 1893. М. 95. Стр. 400. Ц. 50 к.
- Изданіе Сиб. Комитета грамотности. № 55, 56 и 57: Разсказы Марка-Вовча, Ц. 4 и 3 к. № 58: Скрыга Скруджъ, Ч. Диккенса. Ц. 9 к. Спб. 95.
- Международная Библіотека. № 22—28: Паульсенъ, Гамлетъ, какъ трагедія, пессимизма. Рюмелинъ, Что такое социальный законъ? Ф. Лагранжъ, Реформа физическаго воспитанія. Ш. Ферре, Настѣдственность болѣзненнаго расположенія. К. Миттермайеръ, Судъ присяжныхъ и его значеніе. Од. 95. Ц. по 15 к.
- Моя Библіотека. Вып. 118—122: Капризная женщина, ром. Э. Карленъ. Спб. 94. Стр. 614. Ц. 1 р.
- Настольный Энциклопедическій Словарь. Вып. 97 и 98 (Сенсаціонный романъ—Славянскъ). Стр. 4479—4554. М. 95. Ц. по 40 к.
- Положеніе народнаго образованія въ саратовской губерніи за время существованія въ ней земскихъ учрежденій. Вып. XI. Саратов. 94. Стр. 370.
- Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ полтавскаго губернскаго земства съ 1886—1892 г. Полт. 94. Стр. 217.
- Сводъ свѣденій объ умершихъ въ городѣ Москвѣ за 1893 г. М. 95. Стр. 52.
- Сельско-хозяйственный обзоръ Тверской губерніи за 1894 г. Тв. 95. Стр. 143, съ прилож.
- Сибирскій торгово-промышленный Календарь на 1895 г. Томскъ. 95. Стр. 480. Ц. 1 р. 50 к.
- Статистическій Ежегодникъ С.-Петербурга. 1892. Годъ 12-й. Спб. 94.

ЗАМѢТКА.

НОВОЕ МИРОСОЗЕРЦАНІЕ.

За послѣднее время нѣкоторые профессора одного изъ самыхъ новыхъ русскихъ университетовъ обогатили науку изумительными открытіями. Рядъ открытій началъ медицинскій факультетъ: былъ найденъ принципъ медицины, т.-е. истинный двигатель науки: „Съ пациентовъ слѣдуетъ брать не менѣе 10-ти рублей за визитъ“... Юридическій факультетъ не захотѣлъ остаться позади. Былъ найденъ новый принципъ дѣленія части уголовного права, который мы, въ виду его сложности, приводимъ въ примѣчаніи подъ текстомъ ¹⁾. Эти частичныя открытія заслонены, однако, новымъ

¹⁾ Незамѣнимая саморасправа... есть а) противоборство или отпоръ; б) отпоръ, учрежденный объективнымъ правомъ и притомъ учрежденный или въ видѣ субъективнаго права, или въ видѣ правовой обязанности; или совмѣстно и одновременно и въ видѣ субъективнаго права, и въ видѣ правовой обязанности; в) отпоръ, производимый челоѣкомъ, дѣйствующимъ въ качествѣ частнаго лица, а не въ качествѣ общественнаго должностнаго лица; г) отпоръ, производимый посредствомъ вѣншихъ челоѣческихъ поступковъ и притомъ такихъ, которые, или а) производятъ посягательство надъ благами, принадлежащими преступному посягателю, и по меньшей мѣрѣ находящимися въ дѣйствительномъ обладаніи у преступнаго посягателя, или б) не производятъ никакого посягательства ни надъ благами, принадлежащими преступному посягателю, ни надъ благами, находящимися въ дѣйствительномъ обладаніи у преступнаго посягателя, или г) имѣютъ неизвѣстное намъ значеніе относительно этихъ благъ; д) отпоръ, производимый или при недоступности надлежащихъ государственныхъ расправъ къ своемувременному употребленію, или при недостаткѣ силы у надлежащей государственной расправы; е) отпоръ, производимый въ предѣлахъ надлежащаго времени; ж) отпоръ, производимый въ предѣлахъ надлежащаго размѣра; з) отпоръ, производимый противъ уголовного правонарушенія въ государствѣ; и) или 1) противъ не осуществляющагося и даже не грозящаго своимъ осуществленіемъ, но лишь способнаго грозить своимъ осуществленіемъ, или 2) противъ не осуществляющагося, но уже грозящаго своимъ осуществленіемъ, или 3) противъ осуществляющагося и грозящаго своимъ дальнѣйшимъ осуществленіемъ, или 4) противъ осуществившагося не въ формѣ совершенія, а въ формѣ приготовленія, въ формѣ покушенія, и прекратившаго свое дальнѣйшее осуществленіе, или 5) противъ осуществившагося въ формѣ совершенія и не продолжающаго существовать далѣе, или 6) противъ осуществившагося въ формѣ совершенія и продолжающаго свое дальнѣйшее существованіе, или 7) противъ прекратившаго свое осуществленіе, или наконецъ 8) противъ пришедшаго въ неизвѣстное намъ состояніе; i) или противъ отдѣльнаго простаго, или противъ отдѣльнаго сложнаго, или противъ стекающагося съ другими и даже съ другими то простыми, то сложными уголовными правонарушеніями, или наконецъ противъ стека-

міросозерцаніемъ, возникшимъ въ томъ же университетѣ и долженствующимъ покорить міръ. Это міросозерцаніе—„персонализмъ“ (нынѣ уже болѣе не говорятъ дарвинизмъ, матеріализмъ,—а эволюціонизмъ, синансизмъ и т. д.). Такъ какъ новое міросозерцаніе—дѣло важное, то приходится на немъ остановиться. Авторъ персонализма—талантливый историкъ Тейхмюллеръ, а адепты персонализма—гг. Озе и Бобровъ. Сочиненіе послѣдняго—„О понятіи искусства, умозрительно-психологическое изслѣдованіе“. Юрьевъ. 1894 г.—за его рѣдкостью заслуживаетъ вниманія. Рѣдкимъ же стало это сочиненіе не столько въ силу быстрой распродажи, сколько вслѣдствіе—„пожара, происшедшаго въ типографіи на Ивановъ день, что значительно повліяло на уменьшеніе числа экземпляровъ“. Разница между г. Тейхмюллеромъ и г. Бобровымъ не велика, но существуетъ. Первый, по словамъ г. Боброва, „кажется первоначально не думалъ стать системнымъ философомъ“ (стр. 19), но одѣлся таковымъ; второй же съ самаго первоначала думалъ стать системнымъ философомъ, но не сталъ таковымъ (стр. 14). „Такъ какъ я еще не выработалъ своей философской системы,—говоритъ г. Бобровъ,—то я принужденъ применить къ системѣ чужой, что не исключаетъ возможности оригинальныхъ, подчасъ и важныхъ видоизмѣненій“. Не лучше ли было остаться вовсе безъ системы, тѣмъ болѣе, что авторъ на стр. 47 говоритъ: „я обращусь теперь къ болѣе подробной характеристикѣ „персонализма“, какъ того философскаго направленія, которое я, за неимѣніемъ собственной метафизической системы, раздѣляю“. Послѣ такого признанія странно читать въ предисловіи патетическое заявленіе: „я на себѣ убѣдился въ справедливости словъ поэта: „прекрасно, но трудно стоять на собственныхъ ногахъ“. Во всякомъ случаѣ мы позволимъ себѣ разъяснить г. Боброву его маленькое юридико-анатомическое недоразумѣніе: чужая система никогда не можетъ обратиться въ собственные ноги.

Отсюда г. Бобровъ могъ бы заключить, какъ произвольно, на перекоръ персоналистическимъ желаніямъ, распредѣляетъ Господь свои дары, и поостерегъ бы обращаться къ Богу съ просьбою о

чего въ неизвѣстныхъ намъ отношеніяхъ къ другимъ уголовнымъ правонарушеніямъ; в) направленнаго на какое нибудь или на какія нибудь изъ нѣкоторыхъ человѣческихъ благъ, а) находящихся въ дѣйствительномъ обладаніи или 1) у одного человѣка, а именно—иногда у самого саморасправца, а иногда у посторонняго человѣка, то чужого, то близкаго саморасправцу, не являющагося преступнымъ посягатеlemъ или 2) у двухъ людей, а именно—иногда у самого саморасправца и у преступнаго посягателя, а иногда у посторонняго человѣка, близкаго къ саморасправцу, и у преступнаго посягателя, или 3) у общественнаго человѣческаго союза, извѣстнаго подъ именемъ государства, или 4) наконецъ неизвѣстно у кого.—Пусторослевъ, „Незамѣнная Саморасправа“.

дарованіи ему, Боброву, „смысла“; по крайней мѣрѣ слѣдовало бы обратиться съ этой просьбой заблаговременно, т.-е. до написанія книги; но въ сущности это исполнѣ излишне, ибо персоналисты, повидимому, ставятъ себя выше Бога, какъ видно изъ слѣдующаго: „Лоцце(?),—говоритъ г. Бобровъ,—заканчиваетъ свой трудъ словами: „Богу это лучше знать“! „Тейхмюллеръ этого бы никогда не сдѣлалъ“, увѣряетъ г. Бобровъ; не потому ли, что Тейхмюллеру и Боброву все лучше извѣстно, чѣмъ Богу?..

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на четыре части произведенія г. Боброва. Первая называется: „Точка зрѣнія (вмѣсто введенія)“, и начинается съ заявленія, что „требованіе открыть цвѣта и показать девизъ вытекаетъ изъ сущности дѣла“. Право, не знаемъ, зачѣмъ вновь отрывать цвѣта: они открыты давно, и теорія хорошая (Ньютона) давно существуетъ; что касается девиза, то отчего же его не показывать?—это не возбраняется. Точка зрѣнія, цвѣта и девизъ—соотвѣствуютъ (стр. 74) тремъ постулатамъ г. Боброва: точности, ясности и краткости. „Краткимъ не можетъ не быть, —говоритъ онъ,—тотъ, кто ставитъ себѣ образцомъ стиля сочиненія Аристотеля и Лейбница; а же лично, долженъ признаться, питаю какую-то органическую ненависть ко всему, что выражено туманно и широковѣщательно, и за неясностью и многословіемъ скрываетъ неясность и слабость мысли“. Это превосходно, но г. Боброву слѣдовало бы отказаться отъ любви къ стилю Аристотеля, за который Аристотель ни отъ кого еще похвалы не стяжалъ.

Въ составъ подробной характеристики персонализма входитъ формулярный списокъ Тейхмюллера, помѣщенный на ст. 16—17, и нѣкоторыя выдержки изъ остроумныхъ, подчасъ глубокихъ, сочиненій Тейхмюллера. Но тотъ, кто пожелалъ бы составить себѣ представленіе о философіи Тейхмюллера по книгѣ его ученика, г. Боброва, тотъ врядъ ли бы остался доволенъ. Въ нижеслѣдующемъ мы будемъ имѣть въ виду сочиненія г. Боброва лишь какъ источникъ для характеристики его самого, т.-е. его образа мыслей и результатовъ „плодовъ его мышленія“ (стр. 1), а отнюдь не какъ источникъ для знакомства съ философій Тейхмюллера.

„Глубокая оригинальность и самобытность воззрѣній, —говоритъ г. Бобровъ,—требуетъ и особаго языка для своего выраженія“ (стр. 69)... „Для обозначенія философскаго направленія, какого я держусь вмѣстѣ еще съ нѣкоторыми товарищами, ничего не остается, какъ прибѣгнуть къ мало извѣстному въ публикѣ и мало распространенному термину—персонализмъ; кстати замѣчу, что малоизвѣстность термина, хотя и доставляетъ нѣкоторыя затрудненія (приходится черезчуръ пояснять его и давать опредѣленія либо характеристики), имѣетъ

еще и громадное преимущество: онъ обыкновенно не такъ избился и истерся, какъ ходячая монета, а потому можетъ быть строго и точно опредѣляемъ; его употребленіе, если дано достаточное объясненіе, не вызываетъ недоумѣній и недоразумѣній, избавляетъ отъ излишнихъ споровъ словеснаго или лексикографическаго характера. Помощью новыхъ терминовъ единственно лишь и возможно мыслить остро (!) и точно, что одно только и даетъ право именовать себя философомъ; облыжные же мыслители или болтуны извергаютъ потоками слова, не соединяя съ ними разъ навсегда установленнаго смысла" (стр. 13)... Но достаточно и этого для характеристики языка и терминологіи г. Боброва.

Обратимся теперь къ логикѣ г. Боброва: логическіе законы тождества и противорѣчія, всѣми обыкновенно признаваемые, г. Бобровъ отрицаетъ, причемъ понимаетъ ихъ совершенно своеобразно. „Законъ тождества описываетъ то, что всякій элементъ, данный въ сознаніи, удерживается; законъ противорѣчія — что этотъ элементъ отличается отъ прочихъ“. Зато, законъ достаточнаго основанія, который не имѣетъ непосредственной логической очевидности и поэтому большинствомъ авторовъ не считается закономъ въ собственномъ смыслѣ, г. Бобровъ, напротивъ, считаетъ его единственно логическимъ закономъ. Сообразно съ этимъ и всѣ логическія функціи у г. Боброва являются въ извращенномъ видѣ; напр., стр. 86, аналогію онъ считаетъ единственнымъ методомъ философіи: „Истинной философіи вѣдомъ одинъ широкій и торный путь познанія міра—по аналогіи. Стави основною своею исходною точкою самопознаніе и примѣняя по аналогіи добытые здѣсь факты, она ворочаетъ себѣ разрушенный было критицизмомъ внѣшній міръ и построляетъ знаніе о немъ“... Сколько бы она себѣ ни ворочала разрушеннымъ міромъ, а все-же аналогія есть путь доказательства, не ведущій къ цѣли.

При опредѣленіи какихъ-либо понятій, съ г. Бобровымъ случается, что онъ даетъ опредѣленія вовсе не тѣхъ понятій, которыя хотѣлъ опредѣлить, а совсѣмъ другихъ; вотъ, напр., опредѣленіе прекраснаго на стр. 81: „самымъ простымъ предварительнымъ опредѣленіемъ будетъ: въ насъ рождается специфическое чувство прекраснаго при воздѣйствіи на насъ черезъ внѣшнія чувства къ некоторымъ предметамъ“... Если здѣсь вообще дано какое-либо опредѣленіе, то—не прекраснаго, а *чувства* прекраснаго. Доказательства, какъ извѣстно, должны представлять собою правильныя умозаключенія; этого характера не имѣютъ доказательства г. Боброва: напр., на стр. 83 говорится, что психологія должна пользоваться различными методами: эмпирическимъ и умозрительнымъ; „сообразно съ этимъ, эстетика, какъ прикладная психологія, тоже должна прибѣгать къ различнымъ методамъ“. Заключение вовсе не

слѣдуетъ изъ посылокъ, ибо возможно, что эстетика, какъ прикладная психологія, должна пользоваться или только умозрительнымъ, или только эмпирическимъ методомъ. Въ примѣръ ложнаго доказательства приведемъ стр. 110: „Но можно дать и болѣе строгое доказательство того, что чувство—не сущность искусства, исходя изъ понятія тріаственности душевныхъ способностей. Чувство не есть движеніе; слѣдовательно, оно не производитъ перемѣнъ въ транссубъективномъ мірѣ, не можетъ на него воедѣйствовать и вообще не вступаетъ во взаимодѣйствіе; съ другой стороны, чувство не есть и представленіе или образъ, который, посредствомъ актовъ движенія, символизуется во взаимодѣйствіи. Значитъ, чувство не только не есть произведеніе искусства, но не есть и замыселъ или образъ, подлежащій символизаци, а потому и не есть существенный признакъ искусства. Точно также чувство не составляетъ и сути науки: иначе, если бы чувствомъ можно было познавать, оно было бы или познаніемъ, или однимъ изъ видовъ послѣдняго, т.-е. чувство совершенно утратило бы характеръ самостоятельности“. Переходъ въ этомъ доказательствѣ (которое представляетъ *petitio principii*) отъ чувства къ произведенію искусства такъ же неясенъ, какъ и связь между матеріей и электричествомъ въ знаменитомъ силлогизмѣ г. Сидоровича: „что имѣетъ вѣсъ и тяжесть, то называется матерією; воздухъ имѣетъ вѣсъ—слѣдовательно воздухъ есть матерія, способная производить электричество“. („Истинная философія“, стр. 73). Не удивительно, что при такихъ логическихъ средствахъ и результаты изслѣдованія получаются самыя странныя.

Выпишемъ для характеристики результатовъ слѣдующее мѣсто: „Опредѣляя искусство и науку, какъ дѣятельности духа, или какъ ряды специфическихъ актовъ функций субстанцій,—спѣшу оговориться, что къ этимъ обѣимъ дѣятельностямъ равно приложимы категоріи не только дѣйствительности, но и возможности, и живой силы. То-есть: изъ моихъ словъ отнюдь не вытекаетъ, будто артисты и ученые всегда находятся въ отпавленіи (*Ausübung*) или осуществленіи специфическихъ своихъ дѣятельностей и ничего иного не дѣлаютъ. Ученый думаетъ не все объ научныхъ предметахъ, скульпторъ не постоянно валяетъ, поэтъ говоритъ и „презрѣнной прозой“, живописецъ не только рисуетъ, но и просто живетъ, какъ органическое существо и т. д. Возможность производить означенные акты или способность къ наукѣ или искусству мы можемъ приписывать субъекту еще и до проявленія имъ предъ нами соответствующихъ актовъ въ достаточной степени напряженности, т.-е. до тѣхъ поръ, когда онъ станетъ уже заправскимъ ученымъ или славнымъ художникомъ. Послѣднихъ учить или упражнять уже нечему; не учившись

же, или не работавши, вообще, не добьешься ни науки, ни искусства. Мы основываемъ учебныя заведенія и академіи художествъ и посылаемъ въ нихъ учиться тѣхъ субъектовъ, къ коимъ мы указанную категорію возможности примѣняли, или коимъ мы приписали такую способность къ усвоенію науки и искусства. Точно такъ же: хотя бы Антонъ Рубинштейнъ не игралъ на рояли, Антокольскій пилъ кофе, а Семирадскій курилъ сигару, и Гельмгольцъ игралъ въ шахматы, все-таки всѣмъ имъ, на основаніи уже выказанныхъ прежде художественныхъ и научныхъ актовъ, приписываемъ мы живую силу въ искусствѣ и наукѣ или способность еще дать столь же превосходные образцы, что и раньше.

Мысль, что ученый не всегда думаетъ объ ученыхъ предметахъ, а иногда кофе пьетъ и куритъ сигару, намъ кажется вѣрной и весьма плодотворной; напротивъ того, положеніе, что заправскаго ученаго учить нечему, можетъ быть оспариваемо. Мы по крайней мѣрѣ встрѣчали ученыхъ, которые не только кофе пьютъ и сигары курятъ, но и учатся. Чтеніе анализа г. Боброва наводило насъ на мысль о томъ, въ какую цѣну курить сигары Антокольскій,—но можетъ быть персонализировано еще не доврѣлъ до того, чтобы отвѣтить на этотъ чисто эмпирическій вопросъ.

Результаты изслѣдованія г. Бобровъ сводитъ къ слѣдующей формулѣ: „Наука существенно относится къ мышленію, а искусство къ движенію“.

Но такъ какъ наука живетъ движеніемъ мысли, то она, очевидно, существенно относится къ искусству, а искусство къ наукѣ. Итакъ, результаты изслѣдованія г. Боброва сводятся къ нулю...

Въ 25-й книгѣ „Вопросовъ философіи“ проф. юрьевскаго университета В. Чижа говорить: „Пренебреженіе ко всему своему и преклоненіе передъ чужимъ—вотъ что болѣе всего давитъ нашу науку“. Не сомнѣваемся, что указанія пр. Чижа на большое количество работъ, появляющихся у насъ особенно въ юрьевскомъ университетѣ, совершенно вѣрно, но ежели въ качественномъ отношеніи онѣ не выше только-что рассмотрѣнной нами, то вниманіе къ нимъ врядъ ли желательно для самихъ авторовъ.

Э. Радловъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Jules Lemaitre. Impressions de théâtre. Huitième série. Paris, 1896, стр. 344.

„Импрессионистская“ критика обладает тѣмъ удобнымъ качествомъ, что не связанный опредѣленнымъ эстетическимъ кодексомъ критикъ доступенъ вліянію смѣняющихся литературныхъ вкусовъ и настроеній въ обществѣ. Самымъ яркимъ примѣромъ чуткости къ явленіямъ времени является критика Жюль Леметра. Въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ Леметръ всегда руководствовался не теоретическими правилами, а впечатлѣніями минуты; впечатлѣнія же эти находились и находятся въ зависимости отъ окружающей атмосферы. Поэтому по критическимъ сборникамъ Леметра, появляющимся изъ года въ годъ, можно судить о смѣнахъ эстетическихъ понятій въ французскомъ обществѣ. Сохраняя самостоятельность сужденій и оригинальность ума, Леметръ по отзывчивости своего артистическаго темперамента является точнымъ термометромъ художественныхъ вкусовъ своихъ современниковъ и поддается дѣйствію всякихъ новыхъ ученій, если только они истинно художественны.

Доказательствомъ этой молодости Леметра въ вопросахъ искусства служить его послѣдній томикъ театралныхъ впечатлѣній, составленный, подобно предъидущимъ, изъ фельетоновъ „*Journal des Débats*“. Въ немъ Леметръ приносить обильныя жертвоприношенія на алтарь современности, являясь въ значительной степени защитникомъ молодой литературы въ такихъ ея представителяхъ, какъ Метерлинькъ, Гауптманъ и даже—что удивительнѣе всего—Ибсенъ. Всякому знакомому съ критической дѣятельностью Леметра за послѣднія 10—15 лѣтъ памятна его „осторожная“ статья о Верленѣ. Какъ человѣкъ, обладающій тонкимъ вкусомъ, Леметръ не можетъ не признать большого поэта въ авторѣ „*Chansons sans paroles*“, „*Ariettes oubliées*“ и др. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говоритъ о поэтѣ съ большими оговорками и прямо осуждаетъ новизну его приемовъ, не признавая, что она соотвѣтствуетъ новизнѣ настроеній. Прошло нѣсколько лѣтъ—и, говоря въ своей послѣдней книжкѣ о новыхъ пьесахъ Метерлинка, критикъ превозноситъ главнымъ образомъ умѣніе поэта отражать безсознательную жизнь души со всѣми ея противорѣчивыми и стран-

ными явлениями. Небольшая статейка Леметра о Метерлинкѣ очень интересна, какъ сужденіе критика съ несомнѣннымъ литературнымъ вкусомъ о столь новомъ и возбуждающемъ споры явленіи, какъ творчество бельгійскаго поэта. Метерлинкѣ занято одно изъ видныхъ мѣстъ въ новѣйшей литературѣ и служить предметомъ ожесточенныхъ нападокъ точно также какъ и преувеличенныхъ похвалъ. Его лирическій сборникъ „*Serres chaudes*“ причисленъ къ разряду „непонятной“ поэзіи, и этоѣ ярлыкѣ опредѣляетъ судьбу книги. А между тѣмъ непредубѣжденный критикъ, который допускаетъ въ поэзіи образный языкъ и умѣетъ улавливать настроенія и „намѣренія“ поетовъ сквозь символы зрѣлицъ природы, не найдетъ ничего „непонятнаго“ въ „*Serres chaudes*“. Въ намѣренной искусственной темнотѣ слога и выдуманности символовъ можно упрекнуть весьма многихъ изъ именующихъ себя „декадентами“, „символистами“, „инструментистами“ и т. д. и т. д.—поетовъ, процвѣтающихъ нынѣ во Франціи, а въ послѣднее время и въ другихъ странахъ. Но справедливыя нападки на развивающуюся „декадентскую моду“ въ поэзіи распространяются и на истинныхъ поетовъ, какъ Метерлинкѣ, мѣшая безпристрастной ихъ оцѣнкѣ. Чтѣ „непонятнаго“ въ томъ, что міръ представляется ему душевною теплицей, гдѣ все искусственно и бесполезно, какъ „мысли голодающей принцессы“, какъ „обморокъ женщины среди работы на полѣ“, какъ видъ „военнаго корабля въ узкомъ рѣчномъ каналѣ“? Поэтъ рвется изъ этой удушливой атмосферы ненужныхъ и бессмысленныхъ явленій и жаждетъ игры свободныхъ стихій: „когда же ворвутся въ теплицу дождь, снѣгъ и вѣтеры!“—воскликаетъ онъ въ концѣ стихотворенія.—Не болѣе непонятны, чѣмъ это стихотвореніе съ его поэтическими символами, знаменитые „*Raons blancs*“ Метерлинка, т.-е. его стихотвореніе „*Ennui*“, признанное—кажется, съ легкой руки Нордау—за Среда непроницаемаго символизма въ поэзіи. Поэтъ самъ объясняетъ въ стихотвореніи, чтѣ именно воплощаютъ для него эти бѣлыя птицы, которыя боятся пробужденія и улетають на прудъ ждать тамъ „дней безъ солнца“; онъ называетъ ихъ „*les raons d'ennui*“, прямо опредѣляя этимъ основное настроеніе стихотворенія: дѣло идетъ о бѣлыхъ, т.-е. безстрастныхъ, лишенныхъ содержанія, мысляхъ, порожденныхъ тоской и „бѣгущихъ пробужденія“. Подобная символика постоянно существовала въ поэзіи, и если самые образы у Метерлинка иные, чѣмъ у поетовъ прежнихъ временъ, то въ этомъ виновата измѣнившаяся жизнь, вызывающая новыя настроенія. Въ стихотвореніяхъ Метерлинка проходитъ отраженная въ сознаніи поэта, современная жизнь—она кажется то удушливой теплицей, то обширнымъ госпиталемъ для безнадежно больныхъ; всѣ его странныя картины, въ которыхъ нагро-

можжены такіа несообразности, какъ „океанскіе пароходы въ кана-лахъ“, „тропическая растительность въ каменноугольной шахтѣ“, „бро-дяга на тронѣ“, „праздникъ во время голода“ и т. д., являются лишь символами ненужности и бессмысленности столь многого въ на-шей жизни. Понявши, что трагизмъ жизни заключается въ безцѣль-ности столькихъ существованій, поэтъ не отворачивается равнодушно отъ міра, а скорбно взываетъ о свѣтѣ и теплѣ: „Я жду пробуж-денія хоть на время,—говоритъ онъ,—„Жду, чтобы сонъ миновалъ,—Жду немного солнечныхъ лучей,—Чтобы согрѣть мои руки, застыв-шія при лунномъ свѣтѣ“. Метерлинкъ выдѣляется изъ ряда фран-цузскихъ символистовъ тѣмъ, что его поэзія проникнута любовью и страданіемъ, выходящимъ за рамки индивидуальных настроеній и чувствъ,—и по странной ироніи его-то именно считаютъ наиболее отвлеченнымъ и чуждымъ дѣйствительной жизни поэтомъ.

Драмы Метерлинка встрѣтили въ читающей публикѣ и въ кри-тикѣ больше сочувствія, нежели его лирика. Онѣ затрогиваютъ вѣч-ную и общечеловѣческую тему смерти и рисуютъ ея вторженіе въ жизнь. Освоившись съ приемами автора, неизмѣнными во всѣхъ пь-сахъ, читатель начинаетъ ощущать на себѣ вліяніе стихійныхъ силъ, являющихся главными героями драмы Метерлинка. Жюль Леметръ разбираетъ три новыя пьесы этого автора: „Alladine et Palomides“, „Intérieur“ и „La Mort de Tentagiles“, и во всѣхъ нихъ центромъ дѣйствія является смерть, разлучающая въ первой пьесѣ двухъ лю-бящихъ и разрушающая—во второй—идиллію семейнаго счастья втор-женіемъ людей, приносящихъ трупъ старшей дочери. Въ третьей—по-степенно и подробно передается убійство ребенка какой-то невѣдомой древней властительницей, отъ которой никакія усилія его близкихъ не могутъ уберечь ребенка. Во всѣхъ этихъ пьесахъ интересенъ не моментъ наступленія катастрофы, а подготовленіе ея среди безмя-тежной жизни, прерываемой смутными предчувствіями, и Ж. Леметръ находитъ очень вѣрное опредѣленіе обаянія, которымъ полны драмы этого поэта смерти. „Метерлинкъ,—говоритъ онъ,—тонкій и тревож-ный поэтъ бессознательнаго, того, что есть безличнаго въ человѣче-скомъ „я“, какъ выразился бы метафизикъ—того, что предшествуетъ въ психологическомъ и фізіологическомъ отношеніи чувствамъ и дѣй-ствіямъ, въ которыхъ обыкновенно черпаютъ свои сюжеты драма и романъ“.

Метерлинкъ, при всѣхъ своихъ символическихъ особенностяхъ, близокъ Леметру, какъ поэтъ французскаго склада ума. Но когда писателями новаго направленія являются иностранцы, Леметръ обна-руживаетъ обычное французское неумѣнье вдуматься въ психологію творчества, выросшаго въ иныхъ условіяхъ, нежели французское Это.

сказывается, напр., въ статьѣ Леметра объ извѣстной драмѣ Гауптмана „Ткачи“. Драма эта ему безусловно нравится, но онъ какъ-то нерѣшительно подходитъ къ ней и старается свести все интересное въ пьесѣ къ французскимъ источникамъ. Сущность драмы Гауптмана сводится, какъ извѣстно, къ историческому эпизоду мятежа между рабочими-ткачами въ 1848 г. Оригинальность нѣмецкаго драматурга заключается въ томъ, что героемъ его народной трагедіи является не отдѣльное лицо, а вся толпа ткачей, характеризующая въ каждомъ актѣ другими лицами, но представляющая въ общемъ теченіи пьесы вполне опредѣленную фizioномію. Психологія толпы является центромъ драматическаго дѣйствія и увлекаетъ зрителя и читателя своей стихійной силой, своими переходами отъ крайняго возбужденія къ апатичной покорности, своимъ сочетаніемъ великаго и мелочнаго и тѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ типовъ, въ которые выливается тяжелое существованіе вѣчныхъ тружениковъ. Леметръ сознаетъ, что въ такой постановкѣ вопроса есть своеобразное величіе, но онъ видитъ его не въ широко задуманной психологіи толпы, а просто въ умѣннѣ разнообразить дѣйствіе движеніемъ массъ. Какъ такое пониманіе умаляетъ значеніе Гауптмана—очевидно само собой; центръ дѣйствія превращенъ французскимъ критикомъ въ аксессуаръ несуществующаго, въ сущности иного сюжета—потому что народное возстаніе въ пьесѣ Гауптмана—не фонъ для иной, личной драмы, а сама драма, въ которой интересы отдѣльныхъ людей—лишь эпизоды. Но и это умѣнье выводить на сцену народныя массы Леметръ приписываетъ не столько Гауптману, сколько директору Théâtre Libre Антуану съ его образцовой постановкой пьесы. Вся дальнѣйшая критика драмы заключается въ подобномъ же сопоставленіи нѣмецкой пьесы съ разными французскими источниками. Изображеніе быта ткачей въ Силезіи напоминаетъ Леметру знаменитыя главы о положеніи народа у Лабрюэра; самая драма, разыгрывающаяся между устроившими стачку рабочими и владѣльцемъ фабрики, пробуждаетъ у Леметра мысль о „Жерминалѣ“ Золя. „Въ общемъ—говоритъ Леметръ въ заключеніи своей статьи,—драма показалась намъ созданной скорѣе въ французскомъ, нежели въ нѣмецкомъ духѣ, а это можетъ только доставить намъ удовольствіе“. Такое отношеніе Леметра къ иностраннымъ пьесамъ очень характерно; у него составилъ употребленный имъ часто приемъ отыскиванія устарѣлыхъ французскихъ идей въ новаторскихъ произведеніяхъ сѣверной литературы. Такъ Ибсенъ ему долго казался вышедшимъ всецѣло изъ драмъ „à thèse“ Александра Дюма; русскій романъ тоже являлся у него результатомъ французскихъ вліаній и т. п. Въ послѣдней книжкѣ „Impressions de théâtre“ столь рѣзко выраженный литературный шовинизмъ уже не высказывается, но все-таки

въ приведенномъ нами сужденіи о Гауптманѣ выражается попытка отойти отъ вліянія чуждыхъ литературъ, проникающихъ теперь въ Францію, и сосредоточиться на чисто національныхъ идеяхъ.

Говоря о современномъ французскомъ театрѣ, Леметру не приходится останавливаться ни на одной выдающейся пьесѣ, достойной серьезнаго разбора. Самой шумной новинкой разсматриваемаго нынѣ сезона была пресловутая „*Madame Sans Gêne*“, и, какъ истый импрессионистъ, Леметръ, понимающій Метерлинка, умѣетъ проникнуться и простотой Сарду. Его художественному вкусу противенъ балаганный характеръ первыхъ актовъ, но въ сценахъ между Наполеономъ и герцогиней Данцигской онъ видитъ психологическій интересъ. Леметръ, пристрастный въ сущности ко всему написанному изящно и академично, находитъ поэзію въ столь шаблонныхъ пьесахъ репертуара „*Comédie Française*“, какъ „*Les Romanesques*“ Эдмонда Ростана. Его подкупаетъ граціозность стиховъ этой бездѣлушки въ духѣ Мерииво, и ради нея онъ забываетъ отсутствіе содержанія. Леметръ—скептикъ по складу своего ума и по своимъ эстетическимъ вкусамъ; поэтому всякое литературное произведеніе, отиѣченное грустной улыбкой невѣрія, находитъ въ немъ цѣнителя, готоваго вникнуть въ „наміренія“ автора, если даже они выражены смутно и не вполне умѣло.

Никогда не ослабѣвающая любовь французовъ къ своимъ классикамъ ведетъ къ постояннымъ повтореніямъ пьесъ классическаго репертуара на сценахъ разныхъ театровъ; вслѣдствіе этого въ каждомъ сборникѣ статей о театрѣ встрѣчаются эпизоды по исторіи литературы, свидѣтельствующіе о томъ, какими широкими знаніями и какой научной подготовкой отличается большинство французскихъ критиковъ. Въ книжкахъ Леметра статьи о классическихъ авторахъ составляютъ нерѣдко лучшее украшеніе. Этотъ питомецъ *Ecole Normale* и бывшій преподаватель провинціального лицея обладаетъ большимъ знаніемъ классической литературы и очень оригинальнымъ пониманіемъ ея; особенно удачны бываютъ его сближенія классическихъ пьесъ съ понятіями нашего времени, и въ послѣдней его книжкѣ результатомъ подобнаго сближенія является новое освѣщеніе Мольеровской комедіи „*Femmes Savantes*“. Въ противоположность самому Мольеру, Леметръ заявляетъ себя защитникомъ не наивной и грубоватой по естественности своихъ понятій и вкусовъ Генриетты, а чопорной Арманды, синяго чулка, съ ея преувеличенной щепетильностью, идеалистическими порывами и ужасомъ передъ тѣмъ, что она называетъ „*les réalités de la vie*“. Леметръ видитъ въ этомъ комическомъ типѣ XVII в. предвозвѣстницу женщинъ нашего времени, съ духовными, нравственными и эстетическими идеалами. Онъ хвалитъ исполнительницу роли Арманды, m-lle Морено, за то, что она такъ именно

и поняла свою роль, и онъ приписываетъ ей слѣдующія, руководившія ея исполненіемъ, мысли, всецѣло, конечно, принадлежащія критикѣ и носящія, какъ всегда, нѣсколько ироническій характеръ. „Мы любимъ искусственность, — говоритъ онъ устами актрисы, — между тѣмъ какъ Мольеръ ненавидѣлъ ее. Мы любимъ чистоту нравовъ нечистой любовью; Мольеръ былъ язычникъ, мы же — крайне развращенные христіане... Намъ нравятся „ученыя женщины“. Но настоящая „femme savante“ нашего времени, это женщина съ артистическимъ темпераментомъ или, вѣрнѣе, женщина-эстетикъ, невропатка, ибсенистка, вагнеріанка, одѣвающаяся въ шелковыя ткани съ фабрики Liberty и приближающаяся къ типу „Блаженной Дѣвы“ Розетти... „И придя къ такому заключенію, — говоритъ Леметръ въ концѣ своей статьи, — m-lle Морено совершила небывалый tour de force: она сыграла Арманду такъ, какъ будто Арманда была созданиемъ кисти Боттичелли!“

II.

Percy Russell. A guide to British and American novels. L. 1894. Стр. 314.

Книга Перси Рёсселя, автора нѣсколькихъ практическихъ указателей, какъ „The Authors manual“ и др., имѣетъ въ сущности чисто справочный характеръ. Это не критическій разборъ, а систематическій обзоръ беллетристической литературы Англіи, начиная съ самыхъ первыхъ опытовъ повѣствовательнаго жанра, какъ „Утопія“ Томаса Мура и „Аркадія“ Филиппа Сиднея въ XVI в., и до самыхъ послѣднихъ новостей въ области англійскаго романа. Но систематичность изложенія и полное почти отсутствіе критическаго освѣщенія составляютъ именно главное достоинство книги: богатство и разнообразіе матеріала тѣмъ ярче выступаетъ въ сжатомъ перечнѣ книгъ и передачѣ ихъ содержанія, что она не носитъ отпечатка индивидуальнаго отношенія критика къ достоинствамъ того или другого произведенія. Самый фактъ появленія подобнаго „литературнаго гйда“ очень характеренъ для состоянія англійской беллетристики, — до того она разрослась, что критика, останавливающаяся лишь на крупныхъ явленіяхъ, не можетъ служить достаточнымъ руководствомъ для ознакомленія съ англійскимъ романомъ; нуженъ именно путеводитель, отмѣчающій все, не руководясь случайными обстоятельствами, отъ которыхъ очень часто зависитъ судьба того или другого романа. Книга Рёсселя, составленная очень полно и добросовѣстно, является поэтому драгоценнымъ пособіемъ для всякаго, же-

лающаго разобрать въ подавляющей массѣ англійскихъ романовъ, какъ новыхъ, такъ и старыхъ; въ особенности отличается своей полнотой обзоръ новѣйшей англійской беллетристики, среди которой отъ вниманія составителя не ускользаетъ ни одна книга, хоть немного обратившая на себя вниманіе.

Въ 28 главахъ, составляющихъ книгу Рёсселя, всѣ англійскіе романы подведены подъ разныя рубрики, сообразно съ характеромъ ихъ содержанія; кромѣ обычной классификаціи романовъ на историческіе, политическіе и нравственно религіозные, онъ вводитъ еще болѣе детальныя подраздѣленія, обособляя романы изъ военнаго и морского быта, изъ ирландской и шотландской жизни, и посвящая отдѣльныя главы романамъ юмористическимъ и сенсаціоннымъ, мистическимъ и рисующимъ дѣловой міръ Англіи; проповѣдь трезвости и педагогическія идеи создаютъ отдѣльныя категоріи правоучительнаго романа, показывая, какъ всесторонне отразилась англійская жизнь въ романахъ, характеръ которыхъ носитъ отпечатокъ національной склонности къ морализированію и серьезному трактованію всякаго жизненнаго вопроса иногда въ ущербъ художественнымъ требованіямъ.

Разсматривая въ каждомъ отдѣлѣ старыя и новыя произведенія того или другого рода, Рёссель показываетъ, какъ смѣняется процвѣтаніе различныхъ беллетристическихъ жанровъ со смѣной поколѣній. Такъ, въ области историческаго романа онъ начинаетъ съ Вальтеръ-Скотта и переходитъ къ такимъ его преемникамъ, какъ Кингсли, и лордъ Вульверъ Литтонъ съ его знаменитымъ романомъ „Послѣдніе дни Помпей“. Обращаясь же къ современности, ему приходится останавливаться на такихъ второстепенныхъ романистахъ, какъ Стэнли Вейманъ, Эдна Лайелль, и онъ говоритъ уже какъ о выдающемся историческомъ романѣ—о „Джонѣ Инглзанти“ (John Inglesant) Шортгауза, имѣющемъ на самомъ дѣлѣ лишь внѣшнія достоинства, какъ колоритность въ описаніи пышныхъ празднествъ времени Генриха VIII и общихъ условій жизни того періода. Но зато, когда Рёссель обращается къ области психологическаго романа, распадающагося у него на нѣсколько категорій, онъ находитъ въ новѣйшей литературѣ много замѣчательныхъ его представителей. Изъ сопоставленія различныхъ, приводимыхъ Рёсселемъ, заглавій книгъ и именъ авторовъ получается полная картина современнаго англійскаго романа. Почти всецѣло принадлежитъ современности область мистическихъ романовъ съ примѣсью элемента чудеснаго. Изъ прежнихъ произведеній въ этомъ жанрѣ Рёссель приводитъ, какъ наиболѣе замѣчательныя, „St. Léon“ Вилліама Годвина, написанный сто лѣтъ тому назадъ, и извѣстный романъ Маріи Вульстонкрафтъ Годвинъ—„Фран-

кэнштейнъ". Оба эти романа впервые ввели элементъ чудеснаго въ англійскую беллетристику, но представляютъ мало самостоятельнаго интереса. А между тѣмъ въ современной англійской литературѣ романы, въ которыхъ чудесное играетъ значительную роль, получили широкое развитіе. Однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей этого жанра является недавно умершій Робертъ Луи Стивенсонъ. Его знаменитый разсказъ „Д-ръ Джекиль и м-ръ Гайдъ“ создалъ особый литературный жанръ, въ которомъ мистицизмъ и психологія составляютъ неразрывное цѣлое. Исторія таинственнаго доктора наводитъ на читателя безотчетный ужасъ своей кажущейся необъяснимостью. Какъ могутъ въ одномъ человѣкѣ ужиться двѣ столь различныя души? какъ добродѣтельный, уважаемый всѣми докторъ, съ ровнымъ, спокойнымъ характеромъ, оказывается въ то же самое время порочнымъ человѣкомъ, совершающимъ звѣрскіе поступки? Запутанныя прошествія, въ которыхъ роковымъ образомъ переплетаются загадочныя два лица, оказывающіяся однимъ и тѣмъ же человѣкомъ, разсказаны съ тѣмъ обиліемъ реальныхъ подробностей, которыя увеличиваютъ жуткость общаго впечатлѣнія. Значеніе этого фантастическаго разсказа кроется однако гораздо глубже этой внѣшней сказочной оболочки, родящей разсказъ Стивенсона съ разсказами о чудесахъ и привидѣніяхъ. Страшная фигура двойственнаго по своей природѣ доктора является яркимъ образомъ души современнаго человѣка—и, быть можетъ, человѣка всѣхъ временъ. Стивенсонъ обнаружилъ глубокое психологическое проникновеніе и смѣлость анализа, вмѣстѣ съ неустойчивостью всѣхъ нашихъ критеріевъ добра, все богатство человѣческой природы, вмѣщающей въ себѣ одинаково и добро и зло, въ своемъ героѣ съ его противорѣчивыми существованіями. Во многихъ изъ другихъ своихъ произведеній Стивенсонъ тоже вводитъ читателя въ пограничную область между дѣйствительностью и міромъ фантазій, и создаетъ такимъ образомъ своеобразный родъ мистическихъ разсказовъ, въ которые чудесное входитъ какъ одинъ изъ неотъемлемыхъ элементовъ, но внутренній интересъ которыхъ основанъ на ихъ психологической подкладкѣ. Таковы, напр., его „Новыя арабскія сказки“; онѣ представляютъ собою серію разсказовъ объ ужасающихъ приключеніяхъ, за непосредственнымъ интересомъ которыхъ кроется болѣе глубокое настроеніе, отраженіе душевнаго міра человѣка, неудовлетвореннаго сѣрой дѣйствительностью; въ разсказѣ „Клубъ самоубійцъ“ рисуется, напр., въ высшей степени современная фигура человѣка, до того пресыщеннаго и утомленнаго жизнью, что онъ культивируетъ единственное оставшееся у него живымъ чувство—страхъ. Онъ дѣлается членомъ клуба самоубійцъ и съ особымъ наслажде-

ніемъ дрожить каждый вечеръ при выпиманіи жребія отъ страха, чтобы его имя не вышло изъ роковой урны.

Говоря о другихъ современныхъ романистахъ, Рёсселю приходится чаще всего поминать въ различныхъ рубрикахъ своего обзора имена Джоржа Мередита, Томаса Гарди, Киплинга, Дж. Мура, Голь Кэна (Hall Caine), Оливіи Шрейнеръ, Гемерри Уордъ и нѣск. др. На Мередитѣ Рёссель останавливается нѣсколько подробнѣе, отиѣчая странную судьбу этого романиста-психолога, долгое время совершенно непризнаваемого своими современниками и только сравнительно недавно, на склонѣ лѣтъ, достигшаго славы самаго выдающагося изъ нынѣ живущихъ англійскихъ романистовъ. Онъ перечисляетъ романы Мередита, показывая, какъ глубоко этотъ оригинальный по своей манерѣ писатель понялъ основы англійской жизни въ своихъ романахъ: „Ordeal of Richard Feverel“, „The Egoist“, „One of our conquerors“ и др., и въ какіе незабвенные образы онъ воплотилъ свои идеи. Непопулярность романовъ Мередита въ теченіе столь долгаго времени Рёссель весьма резонно объясняетъ его излишней манерностью, тѣмъ, что,—обладая мастерствомъ въ діалогѣ и въ эпиграмматическомъ стилѣ,—онъ пренебрегаетъ самымъ ходомъ разсказа и не отличается увлекательностью въ изложеніи фабулы романовъ. „Но, прибавляетъ онъ, если я и не считаю его величайшимъ изъ нынѣ живущихъ романистовъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые критики, то признаю его однимъ изъ самыхъ крупныхъ писателей и самыхъ глубокихъ мыслителей XIX в., избравшимъ романъ орудіемъ передачи своихъ воззрѣній и идей современникамъ, и многія изъ его произведеній имѣютъ непреходящее значеніе для англійской литературы“. Томасъ Гарди, родившійся въ 1840 г., занимаетъ послѣ Мередита видное мѣсто въ англійской беллетристикѣ; онъ выдвинулся романомъ изъ деревенскаго быта: „Far from the Madding Crowd“, и всѣ его послѣдующіе романы вмѣстѣ съ послѣднимъ изъ появившихся до сихъ поръ—„Jess of the d'Urbervilles“—имѣютъ большой успѣхъ. Для иностранныхъ читателей этотъ успѣхъ кажется сильно преувеличеннымъ, потому что, несмотря на проглядывающее стремленіе слѣдовать приѣмамъ французскихъ натуралистовъ, Гарди все-таки очень условенъ въ своемъ реализмѣ и рисуетъ въ большинствѣ случаевъ романтическихъ пейзажъ вмѣсто жизненныхъ крестьянскихъ типовъ. Но англичанъ онъ подкупаетъ не столько создаваемыми имъ характерами, какъ своей манерой реально воспроизводить крестьянскій бытъ, не скрашивая его непримечательныхъ, темныхъ сторонъ. Въ этомъ онъ является послѣдователемъ Золя и другихъ французскихъ реалистовъ, и даже этотъ выѣшній реализмъ составляетъ истинную заслугу Гарди для современнаго англійскаго романа, отличающагося въ общей сложности

чрезвычайной условностью изображенія рамокъ жизни. Картины полевыхъ работъ и описаніе образцовой фермы со всѣмъ населяющимъ ее людемъ въ „*Jess of the d'Urbervilles*“ и въ одномъ изъ другихъ романовъ представляютъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный образецъ реального бытописанія и заслуживаютъ тѣ похвалы, которыя расточаютъ англійскіе критики его творчеству вообще.

Гораздо глубже и содержательнѣе реализмъ другого англійскаго романиста, составившаго себѣ имя за послѣдніе годы, Джоржа Мура, автора романовъ: „*A dummer's wife*“, „*Le drama in muslin*“, и надѣлавшаго большой шумъ въ прошломъ сезонѣ романа „*Esther Waters*“. Джоржъ Муръ—несомнѣнный послѣдователь Золя въ своихъ реалистическихъ приемахъ и выбираетъ преимущественно для своихъ романовъ сюжеты изъ жизни низшихъ классовъ населенія. Его смѣлость въ изображеніи темныхъ сторонъ городской и деревенской жизни навлекла на себя негодованіе англійскихъ блюстителей нравственности. Съ его послѣднимъ романомъ произошелъ прямой скандалъ, содѣйствовавшій впрочемъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, его успѣху. Читальня Мьюди, снабжающая весь Лондонъ и провинціи книгами для чтенія, отказалась взять „безнравственный“ романъ Мура; вмѣсто того однако, чтобы уничтожить преданнаго остракизму писателя, это обстоятельство только способствовало его извѣстности. Вся печать возстала противъ подобнаго цензора книгопродавческой фирмы и стала знакомить публику съ несомнѣнными достоинствами романиста. Что именно возмutilo англійскую „*pruderie*“ въ романѣ „*Esther Waters*“—этого никакъ не пойметъ читатель не-англичанинъ; реализмъ изложенія далекъ отъ всѣхъ крайностей французскихъ романистовъ; но уже то обстоятельство, что героиня романа—служанка, и что дѣйствующія лица говорятъ жаргономъ завсегдатаевъ тавернъ и игроковъ, загубленныхъ тотализаторомъ,—все это дѣлаетъ книгу недостойнымъ чтеніемъ для благовоспитанныхъ дѣвицъ, абонированныхъ у Мьюди. Но, отбросивъ столь узко-условную точку зрѣнія, нельзя не признать за Муромъ крупный талантъ наблюдателя и психолога. Въ его изображенія цѣлой мѣстности, загубленной страстью къ спорту и связанной съ нимъ азартной игрой чувствуется жизненная правда, захваченная крупнымъ художникомъ. Общая страсть объединяетъ все населеніе громаднаго конѣстѣя, уничтожаетъ различія между самыми крайними социальными положеніями—аристократъ-помѣщикъ и послѣдній конюхъ, служащій у него, заняты однѣми и тѣми же заботами о здоровьѣ „фаворита“, о вѣсѣ жокея, и больше всего о шансахъ тотализатора; они говорятъ какъ равные, дѣлятъ свои надежды и опасенія, питаютъ одинаковыя мечты объ обогащеніи, столь же доступномъ конюху,

какъ и его могущественному хозяину. Ядъ разрушительной страсти проникаетъ весь замокъ, хозяевъ и слугъ, мужчинъ и женщинъ и роковымъ образомъ ведетъ къ неизбежной гибели: тотализаторъ способствуетъ лишь процвѣтанію кабака, ловкій содержатель котораго устраиваетъ у себя „*ragi mutuel*“, одновременно спавшая своихъ кліентовъ и выманивая у нихъ деньги. Получается мрачная картина общественнаго бѣдствія, въ которомъ горе и порокъ идутъ рука объ руку, разрушая все на своемъ пути и превращая въ жалкія жертвы своего произвола прежнихъ баловней судьбы: владѣлецъ замка и его дворецкій одинаково разорены вѣчной азартной игрой, все населеніе кругомъ нищенствуетъ и топится свое горе въ стаканахъ джина. Надъ всѣмъ властвуетъ кабакъ, гдѣ устроенъ тайный тотализаторъ,—но и кабатчикъ дѣлается въ концѣ концовъ жертвой своей страсти къ лошадамъ и скачкамъ и умираетъ разорившись въ конецъ. Тамъ, гдѣ прежде кипѣла бурная жизнь, гдѣ десятки лошадей легѣлись для торжественныхъ дней скачекъ и цѣлый міръ человѣческихъ существъ велъ искусственную жизнь, сосредоточенную около имени лошади, взявшей призъ,—тамъ, спустя десять-пятнадцать лѣтъ, печально доживаютъ свой вѣкъ двѣ рано состарившіяся женщины, послѣднія жертвы истребившей все вокругъ страсти—вдова разорившагося владѣльца помѣстья и ея служанка—вдова кабатчика. На фонѣ этой печальной бытовой картины разыгрывается драма страстей, героиней которой является сирота Эстеръ Ватерсъ, судомойка на кухнѣ замка, очень печально заканчивающая свою жизнь послѣ всевозможныхъ тяжелыхъ испытаній и мимолетнаго успокоенія отъ горя. Жизнь ея рассказана очень просто, и тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на читателя трагизмъ сѣраго будничнаго существованія, тѣмъ ярче выступаетъ безотрадность и безысходность людскихъ страданій.

Изъ другихъ романистовъ современной Англіи Рёссель отмѣчаетъ, конечно, и популярнаго у большинства читающей публики, Голъ Кэна (Hall Caine). Этотъ несомнѣнно даровитый писатель соединяетъ въ себѣ авторитетнаго литературнаго критика съ авторомъ сенсационныхъ романовъ и бытописателемъ острова Мэна. По характеру своего таланта, Кэнъ прежде всего журналистъ, владѣющій блестящимъ слогомъ и умѣньемъ увлекательно говорить на всякую тему. Его критическія статьи въ журналахъ выдѣляются своей колоритностью, и цѣлый рядъ работъ по исторіи литературы свидѣтельствуетъ о его обширныхъ знаніяхъ и критическомъ талантѣ; особенно интересна его исторія критики начала вѣка (*Cobwebs of criticism*). Романы же его интересны главнымъ образомъ тѣмъ, что знакомятъ съ совершенно своеобразнымъ и очень мало извѣстнымъ бытомъ острова Мэна. Всѣ лучшіе романы Кэна—„*The Deemster*“, „*The Bondman*“

„The Manxman“, рисуют застывший въ вѣковыхъ традиціяхъ быть островитянь, идеальная республика которыхъ, вмѣстѣ съ первобытными правами жителей, составляетъ живой анархизмъ среди общевропейской жизни. Самая фабула романовъ Голь Кэна въ большинствѣ случаевъ чисто романтическая, и вопросъ о психологической правдѣ отступаетъ на второй планъ въ драматическихъ описаніяхъ страстей и борьбы между людьми, изъ которыхъ одни воплощаютъ добродѣтель, а другіе скрываютъ подъ личиной благородства глубоко порочную душу.

Говоря о современной беллетристикѣ, Рёссель даетъ отдѣльный обзоръ женщинъ-романистокъ, значительно превосходящихъ численностью своихъ собратьевъ мужчинъ. Это преобладаніе женщинъ налагаетъ особый отпечатокъ на современный англійскій романъ. Писаніе трехтомныхъ романовъ превратилось въ своего рода ремесло для „ищущихъ самостоятельнаго труда женщинъ“, число которыхъ возростаётъ въ Англіи съ каждымъ годомъ, или, вѣрнѣе, съ каждымъ выпускомъ эмбриджскихъ и лондонскихъ коллегій для высшаго образованія женщинъ. Творчество этихъ „самостоятельныхъ женщинъ“ обуславливается въ большинствѣ случаевъ не призваніемъ и не своимъ индивидуальнымъ пониманіемъ задачъ романа, а рыночнымъ спросомъ на проповѣдь условной морали и изображеніе торжествующей добродѣтели. Даже имѣющія столь громкія въ Англіи имена женщины, какъ м-съ Вудъ, Рода Броутонъ, Мэри Янгъ (Young), Тесба Стрэттонъ, не болѣе какъ ловкія работницы въ своемъ ремеслѣ, а не художницы, удовлетворяющія эстетическимъ требованіямъ читателя. Онѣ описываютъ скорѣе рамки англійской жизни, чѣмъ ея содержаніе, и скрываютъ бѣдность наблюденія надъ человѣческой душой богатствомъ условной реторики въ изображеніи пламенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени корректныхъ чувствъ. Безконечное количество подобнаго рода „дамскихъ романовъ“ имѣетъ, конечно, самое пагубное вліяніе на вкусъ публики, привыкшей къ поверхностному условному изображенію жизни и къ извѣстнымъ шаблонамъ въ анализѣ чувствъ. Всемогушій Мьюди, создатель авторскихъ репутаций, является покровителемъ этихъ имѣющихъ быстрый сбытъ романовъ — и вся средняя читающая публика Англіи питается этимъ пережевываніемъ пуританскихъ традицій на фонѣ условнаго изображенія нравовъ высшаго и средняго класса.

Но кромѣ профессиональныхъ романистокъ, которыя имѣютъ успѣхъ, хотя лишены литературныхъ достоинствъ, въ Англіи есть цѣлый рядъ писательницъ съ серьезнымъ талантомъ; онѣ не идутъ по избитому пути и вносятъ свою индивидуальную ноту въ современное художественное творчество. Изъ нихъ наиболѣе видное мѣсто зани-

маетъ м-съ Гэмфри Уордъ, признанная англійской критикой преемницей Джоржъ-Эліотъ. Она умѣетъ полно и объективно отражать общественныя настроенія Англіи въ захваченные ею моменты современной жизни. Религіозный вопросъ, никогда не перестававшій сильно волновать умы въ Англіи, очень глубоко отраженъ въ „Робертъ Эльсмиръ“. Не менѣе полно и драматично изображенъ современный англійскій социализмъ въ послѣднемъ романѣ м-съ Уордъ, „Marcella“. Съ чуткостью истиннаго художника авторъ сумѣлъ избѣжать подводнаго камня всѣхъ произведеній подобнаго рода—тенденціозности. „Marcella“ написана не въ защиту и не въ осужденіе социализма,—романъ безпристрастно, но очень драматично изображаетъ взаимныя отношенія рабочаго класса и различныхъ слоевъ англійскаго общества, рисуетъ разные типы, порожденные проникновеніемъ социалистическихъ идей въ сознаніе общества, и даетъ психологическую подкладку событіямъ, гораздо болѣе интересную, нежели голословное осужденіе или восхваленіе.

За послѣдніе годы среди англійскихъ романистовъ нарождается новое направленіе, отмѣчаемое Расселемъ, когда онъ говоритъ о принадлежащихъ женскому перу романахъ: „Ideala“, „Heavenly Twins“, „Yellow Aster“ и др. Всѣ они коренятся въ совершающемся теперь кризисѣ женскаго вопроса въ Англіи. Новый типъ англійскихъ женщинъ—the new woman—только очень отдаленно напоминаетъ нашихъ женщинъ шестидесятыхъ годовъ. Онѣ очень положительны въ своихъ стремленіяхъ, требуютъ—и несомнѣнно добьются—политическихъ правъ и общественнаго равноправія. Параллельно съ этимъ въ сферахъ романа происходитъ ломка традиціонныхъ представленій о женской добродѣтели, объ идеалѣ семейной жизни и т. д. Въ „Yellow Aster“ изображенъ новый образъ неудовлетворенной женщины, осмѣливающейся заглянуть испытующимъ взглядомъ въ охраняемую вѣковыми традиціями святость семейнаго очага; она возмущила англійскую критику своимъ святотатственнымъ отношеніемъ къ укоренившимся понятіямъ, но все-таки въ неясныхъ порывахъ тоскующей героини „Yellow Aster“ чувствуется отраженіе новой женской психологіи, намекъ на новыя, не опредѣлившіяся еще стремленія и идеи.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1896 г.

Совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палаты по вопросу о судѣ присяжныхъ. — Заключительная рѣчь А. О. Кони. — Дѣло объ убійствѣ студента Довгара. — Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ губерніяхъ саратовской, тверской, нижегородской. — Сообщеніе объ уличныхъ безпорядкахъ 8-го февраля.

Въ вступительной рѣчи, произнесенной министромъ юстиціи, около года тому назадъ, при открытіи комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, признана была „жизнеспособность и практическая пригодность“ нѣкоторыхъ основныхъ началъ судоустройства и процесса, о которыхъ „почти нѣтъ принципиальнаго спора даже между противниками и сторонниками реформы 1864 г.“ Къ числу такихъ началъ министр юстиціи отнесъ „незамѣнимое иногда участіе общественнаго элемента въ отправленіи правосудія“, между прочимъ — въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей. Мы замѣтили, въ свое время ¹⁾, что едва ли возможно отрицать существованіе „принципиальнаго разногласія“ по вопросу о судѣ присяжныхъ, давно уже не перестающемъ служить предметомъ систематичныхъ и ожесточенныхъ нападеній. Что мы не ошиблись — это видно изъ длиннаго ряда статей, появившихся недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, подъ заглавіемъ: „По поводу пересмотра судебныхъ уставовъ императора Александра II“. Авторъ этихъ статей, кн. Д. Цертелевъ, прямо отказывается допустить очевидность и безспорность нѣкоторыхъ положеній, провозглашенныхъ, въ рѣчи министра юстиціи, „краеугольными камнями преобразованія, не сдвинутыми съ мѣста никакими обстоятельствами или доводами“. Менѣе всего онъ расположенъ признать значеніе такого камня за судомъ присяжныхъ. „Слабая стороны нашего суда присяжныхъ“ — говоритъ онъ — „настолько ясно и скоро выказались въ судебной практикѣ, что законодатель вынужденъ былъ изъять цѣлый рядъ дѣлъ изъ ихъ вѣденія, не дожидаясь общаго пересмотра Судебныхъ Уставовъ. Право помилованія, которое такъ часто присвоиваетъ себѣ судъ присяжныхъ не только у насъ, но и на Западѣ, зависитъ отъ самой сущности этого суда, находящагося внѣ всякаго контроля и потому не стѣсненнаго въ своихъ рѣшеніяхъ не только положительнымъ закономъ, но и самыми безспорными требованіями логики, а

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 7, „В. Европы“ за 1894 г.

руководствующагося исключительно настроеніемъ и чувствами, иногда не имѣющими ничего общаго съ правосудіемъ и законностью... Вообще судъ присяжныхъ, долженствующій устранять излишній формализмъ въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, вносить въ него элементъ такого произвола, который нерѣдко не можетъ быть не только устраненъ, но даже и объясненъ". Очевидно, что всѣ эти доводы, старыя, жалкіе, избитые, но претендующіе на непогрѣшимость, направлены не противъ той или другой *формы* суда присяжныхъ, а противъ коренныхъ его основъ, безъ которыхъ онъ теряетъ всякую raison d'être. Единственный логическій выводъ изъ аргументаціи кн. Цертелева, какъ и изъ всѣхъ безчисленныхъ выходовъ ejusdem farinae, раньше наполнявшихъ собою столбцы реакціонныхъ газетъ—уничтоженіе суда присяжныхъ. Чѣмъ замѣнить его—короннымъ ли судомъ, сословными ли представителями, шеффенами ли—это для его враговъ вопросъ второстепенный; главное—разрушить ненавистный Кароагентъ, все остальное приложится само собою.

Если, такимъ образомъ, не сложили и не намѣрены сложить оружіе „принципіальные“ враги одного изъ лучшихъ созданій великой судебной реформы, то тѣмъ отраднѣе впечатлѣніе, производимое его авторитетной и краснорѣчивой защитой. Эту защиту приняли на себя—конечно, безъ всякихъ полемическихъ видовъ—старшіе предсѣдатели и прокуроры судебныхъ палатъ, съѣхавшіеся, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Петербургъ для обсужденія главныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ пересмотромъ судебныхъ уставовъ. Совѣщаніями ихъ о судѣ присяжныхъ руководилъ А. О. Кони, рѣчи котораго, вступительная и заключительная, напечатаны въ послѣдней книжкѣ „Журнала Министерства Юстиціи“. Мы узнаемъ отсюда, что, по мнѣнію громаднаго большинства старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ (18 изъ 20), „судъ присяжныхъ не только вполне удовлетворяетъ своей цѣли, но и вообще является лучшей формой суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія болѣе части серьезныхъ дѣлъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости. Обвиненіе присяжныхъ въ *малой репрессіи* неосновательно: судъ присяжныхъ, при сравненіи съ судомъ короннымъ, болѣе репрессивенъ и устойчивъ. Оправдательные приговоры присяжныхъ, въ которыхъ почти всегда можно отыскать житейскую правду, расходящуюся съ правдою формальною, стремящаяся втиснуть жизнь въ узкія и устарѣлыя рамки вымѣненія по уложенію о наказаніяхъ,—объясняются нерѣдко неумѣніемъ лицъ, ведущихъ дѣло и его обрабатывающихъ на судѣ, и присутствіемъ въ составѣ присяжныхъ ненадежнаго элемента, въ лицѣ мелкихъ чиновниковъ или значительнаго числа мелкихъ торгашей. Судъ жизнен-

ный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народного самосознанія, долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни"... Менѣе значительное, но все-таки весьма крупное большинство участниковъ совѣщанія (14) высказалось противъ всякаго дальнѣйшаго ограниченія круга дѣйствій суда присяжныхъ; пятеро изъ нихъ признали даже нужнымъ вновь его расширить. Только двое изъ двадцати подали голосъ за предоставленіе коронному суду права отмѣнять оправдательные вердикты, съ передачей дѣла на разсмотрѣніе другого состава присяжныхъ. Большинствомъ голосовъ высказано заключеніе, неблагоприятное для суда съ участіемъ сословныхъ представителей, „почти никогда не вносящихъ въ дѣло самостоятельныхъ взглядовъ и сужденій“. Въ многолѣтней практикѣ одного изъ старшихъ предсѣдателей на массу дѣлъ съ сословными представителями пришлось лишь одно, въ которомъ они выдвинулись, стойкою защитой своихъ мнѣній. По заявленію другого старшаго предсѣдателя, сословные представители относятся къ своимъ обязанностямъ весьма пассивно и во всякомъ случаѣ не вносятъ въ обсужденіе дѣлъ той строгости, въ расчетъ на которую была создана эта форма суда. Напримѣръ, по дѣламъ о служебныхъ преступленіяхъ обыкновенно, при входѣ въ совѣщательную комнату для рѣшенія дѣла, представители дворянства спрашиваютъ о томъ, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе, и съ размѣромъ его соображаютъ и выводъ свой о виновности; представители города спрашиваютъ у предсѣдателя, нельзя ли оправдать подсудимаго; волостные старшины, на вопросъ о ихъ мнѣніи, обращаются въ свою очередь къ предсѣдателю съ вопросомъ: какъ прикажете?.. Виѣсть съ тѣмъ, какъ показываетъ практика палатъ, *надлежащіе* сословные представители отъ дворянства и городовъ всемѣрно уклоняются отъ исполненія судебныхъ обязанностей, замѣняя себя, въ порядкѣ обратной постепенности, совершенно неподходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній или членовъ городскихъ общественныхъ управленій по надзору за торговлею.

Итакъ, въ мнѣніяхъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ рѣшительная защита суда присяжныхъ идетъ рука объ руку съ столь же рѣшительнымъ осужденіемъ той формы, которая въ послѣднее время все чаще и чаще приходила въ нему на смѣну. Мы называли эту защиту авторитетной; постараясь показать, что у насъ было на то полное право. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, когда еще сохранялось во всей силѣ настроеніе, вызванное судебною реформой, когда во главѣ судебныхъ учреждений стояли, болѣею частью, непосредственные ея участники, привязанность которыхъ

къ основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ граничила съ вѣрой или даже съ фанатизмомъ, единогласный или почти единогласный ихъ отзывъ въ пользу суда присяжныхъ былъ бы неизбеженъ, неминуемъ—и именно потому не имѣлъ бы большой доказательной силы. Ему можно было бы противопоставить недостатокъ опыта, краткость времени, истекшаго послѣ введенія новыхъ порядковъ; можно было бы утверждать, что устами судей говорить не спокойная оцѣнка разсудка, а горячее увлеченіе страсти. Теперь для такихъ возраженій давно уже нѣтъ ни малѣйшаго повода. Праздникъ давно миновать, уступивъ мѣсто сѣрымъ, тусклымъ буднямъ. Мода на восхваленіе судебныхъ уставовъ смѣнилась модой на ихъ порицаніе. Изъ книги, нѣкогда священной, вырвано немало страницъ; остальные, отъ долгаго употребленія, поистрепались и поблекли. Судебное вѣдомство пережило два періода реакціи противъ судебныхъ уставовъ: одинъ—дѣйствовавшій преимущественно путемъ обхода, другой—не отступавшій передъ атакой съ фронта; и этотъ послѣдній періодъ окончился весьма недавно. Повышаться и занимать первыя мѣста должны были, при такихъ условіяхъ, далеко не одни только сторонники реформы, не одни только строгіе охранители ея преданій. Къ этому нужно прибавить, что именно между старшими предсѣдателями и прокурорами палатъ особенно легко могло найти благоприятную почву предубѣжденіе противъ суда присяжныхъ. Прокуроры палатъ—это высшіе представители того отдѣла магистратуры, который, при нѣсколькѣ одностороннемъ взглядѣ на дѣло, легко можетъ считать себя непосредственно задѣтымъ оправдательными приговорами присяжныхъ. Говоря: „нѣтъ, не виновенъ“, присяжные идутъ въ разрѣзъ съ обвинительнымъ актомъ, составленнымъ прокуратурой, съ обвинительною рѣчью, произнесенною прокуроромъ; ихъ оправдательный вердиктъ понимается, сплошь и рядомъ, какъ осужденіе усилій обвинителя. Обвинителю, „проигравшему“ дѣло—или, тѣмъ болѣе, нѣсколько дѣлъ—приходится иногда самому оправдываться передъ начальствомъ; для него великъ соблазнъ взвалить вину на присяжныхъ, упрекнуть ихъ въ непониманіи своихъ правъ и обязанностей, въ пристрастномъ, невнимательномъ, легкомысленномъ отношеніи къ дѣлу... До извѣстной степени аналогичнымъ съ положеніемъ прокурора палаты является и положеніе старшаго предсѣдателя, если онъ—какъ это сплошь и рядомъ бываетъ—предсѣдательствуетъ въ уголовномъ департаментѣ палаты, исполняющемъ функціи обвинительной камеры. Часто повторяясь, оправдательные вердикты присяжныхъ могутъ бросить тѣнь на дѣятельность обвинительной камеры, возбудивъ предположеніе, что она передаетъ суду по недостаточнымъ основаніямъ, по неполнымъ и не-удовлетворительно произведеннымъ слѣдствіямъ. Если, несмотря на

всѣ эти обстоятельства, нынѣшніе старшіе предсѣдатели и прокуроры, за весьма немногими исключеніями, стоятъ горой за судъ присяжныхъ, то въ немъ есть, очевидно, нѣчто неотразимо привлекательное, завоевывающее симпатію, побуждающее предразсудки... На сторонѣ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ, какъ судей о судѣ присяжныхъ, есть еще одно важное преимущество: они обладаютъ всѣми данными для сравненія его съ другими, сопредѣльными формами суда. Судебная палата—инстанція апелляціонная: она разсматриваетъ жалобы на рѣшенія окружныхъ судовъ, постановленныя безъ участія присяжныхъ. Ея предсѣдатели и прокуроры знаютъ, слѣдовательно, по опыту всѣ неудобства апелляціоннаго производства — неудобства его не только для подсудимыхъ, но и для самихъ судей, вынужденныхъ составлять себѣ убѣжденіе по бумагамъ, по мертвому матеріалу, не ими собранному и не ими провѣренному. Въ нѣкоторыхъ палатахъ — варшавской, тифлисской, отчасти петербургской (по дѣламъ острѣвскихъ губерній)—апелляціонный порядокъ распространяется на тѣ самыя категоріи дѣлъ, которыя, по общему правилу, подвѣдомственны суду присяжныхъ. И что же? Старшіе предсѣдатели этихъ палатъ, какъ и всѣхъ остальныхъ (оба члена меньшинства — прокуроры), оказались безусловными сторонниками суда присяжныхъ. Столь же хорошо знакомъ предсѣдателямъ и прокурорамъ палатъ судъ съ сословными представителями, осуждаемый, какъ мы уже видѣли, значительнымъ ихъ большинствомъ. Все это вмѣстѣ взятое даетъ коллективному мнѣнію старшихъ представителей и прокуроровъ рѣшающее значеніе въ борьбѣ, происходящей изъ-за суда присяжныхъ. Меньше чѣмъ когда-либо можно теперь сомнѣваться въ томъ, что враги суда присяжныхъ, за рѣдкими исключеніями—дилеттанты, никогда не изучавшіе его вблизи, параллельно съ другими разновидностями уголовного суда, или тенденціозные противники всякой общественной самодѣтельности.

Обнародованіе результатовъ совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ явилось тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что почти совпало по времени съ оправдательнымъ приговоромъ присяжныхъ по дѣлу Ольги Палемъ, судившейся за убійство студента Довнара. Когда мы лишемъ эти строки, намъ еще неизвѣстно, что скажетъ о приговорѣ подобнаго рода печать, не упускавшая до сихъ поръ ни одного повода, удобнаго или неудобнаго, для агитаціи противъ суда присяжныхъ. Что она предприметъ новую *charge à fond*—это тѣмъ болѣе вѣроятно, что походъ уже открытъ: газета, стоявшая на рубежѣ между сторонниками и противниками суда присяжныхъ, ополчилась уже противъ присяжныхъ, разрѣшившихъ дѣло Палемъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они „подтвердили смертный приговоръ, произнесен-

ный и исполненный госпожею Палемъ надъ студентомъ Довнаромъ⁴. Она считаетъ нужнымъ доказывать, что „никто не имѣетъ права убивать человека“; что оправданіе убійцы равносильно отрицанію нравственности, признанію права слѣпой страсти, нисхожденію „въ царство четвероногихъ, гдѣ нѣтъ суда, и гдѣ невинна сама, загрызшая самца“... Вмѣсто того, чтобы давать волю „благородному негодованію“, лучше было бы постараться понять приговоръ присяжныхъ. Матеріалы для такого пониманія даетъ тотъ самый номеръ газеты, въ которомъ сыплются укоры на присяжныхъ. Мы находимъ здѣсь письмо защитника Ольги Палемъ, изъ котораго видно, что защита домогалась вызова на судъ экспертовъ-специалистовъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, но это домогательство было отклонено судомъ. Въ другомъ мѣстѣ упоминается о томъ, что судъ отказалъ защитнику и присяжнымъ въ постановкѣ дополнительнаго вопроса о совершеніи обвиняемою убійства въ состояніи умонаступленія. „Министерство юстиціи, — читаемъ мы, наконецъ, нѣсколькими столбцами ниже, — обратило вниманіе на особыя условія, въ которыхъ производилось это дѣло на судѣ (наличная подробность и слишкомъ многостороннее направленіе изслѣдованія въ ущербъ главному предмету дѣла, обусловленная этимъ продолжительность судебного разсмотрѣнія, чрезмѣрное скопленіе публики, произнесеніе заключительнаго наставленія предсѣдателемъ въ позднее ночное время, рѣшеніе дѣла при утомленіи присутствія суда и присяжныхъ засѣдателей, и проч.), потребовало объясненій отъ должностныхъ лицъ и сдѣлало распоряженіе о подачѣ прокуроромъ кассационнаго протеста на приговоръ присяжныхъ засѣдателей“. Не передвигается ли всѣмъ этимъ центръ тяжести вопроса, не переносится ли отвѣтственность за оправдательный вердиктъ — отвѣтственность, конечно, нравственная — съ присяжныхъ на коронныхъ судей? Вѣдь убійство, какъ и всякое другое преступленіе, наказуемо лишь подъ условіемъ вины. Разъ что въ присяжныхъ возникло серьезное сомнѣніе въ наличности этого условія, они должны заявить о томъ суду, отъ котораго и зависитъ уже принять мѣры къ устраненію сомнѣнія. Если онъ такихъ мѣръ не приметъ, если онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы присяжные оставались въ предѣлахъ вопроса, поставленнаго имъ судомъ, и понимали его буквально такъ, какъ понимаетъ его судъ, то послѣдствіемъ этого весьма легко можетъ явиться отвѣтъ, съ формальной точки зрѣнія противорѣчивый — напр. отрицаніе вины, — несмотря на безспорность факта и сознаніе подсудимаго. Понятно, что въ такомъ отрицаніи вины нѣтъ ничего общаго съ отрицаніемъ преступности самого дѣянія, съ оправданіемъ или узаконеніемъ убійства. Въ данномъ случаѣ ничто не

иѣшало суду отложить слушаніе дѣла и вызвать экспертовъ, согласно съ ходатайствомъ защиты. Весьма можетъ быть, что имъ удалось бы убѣдить присяжныхъ въ сознательности и намѣренности дѣйствій обвиняемой; но еслибы присяжные — все равно, согласно или несогласно съ мнѣніемъ экспертовъ — и признали наличность умонаступленія, то въ ихъ вердиктѣ не было бы той кажущейся аномалии, которая теперь возмущаетъ близорукихъ критиковъ. Рекомендуемъ ихъ вниманію золотыя слова А. О. Конн: „въ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ почти всегда можно отыскать житейскую правду, расходящуюся съ правдою формальной“.

Поднимая на одной страницѣ тревогу по поводу оправданія госпожи Палемъ, легкомысленная газета на другой страницѣ выражаетъ надежду, что это оправданіе „не смутитъ общественной совѣсти и не будетъ истолковано въ смыслѣ поощренія къ совершенію преступленій по страсти“. Крайне слабы и шатки были бы основы „общественной совѣсти“, еслибы онѣ могли быть поколеблены какимъ-нибудь отдѣльнымъ судебнымъ приговоромъ! Убіеніе, обусловленное эгоистичными мотивами, отталкиваетъ общественное чувство даже тогда, когда не влечетъ за собою уголовной кары. Преступленія по страсти, именно потому, что они вызываются внезапнымъ, трудно-преодолимымъ побужденіемъ, не становятся болѣе или менѣе частыми въ зависимости отъ болѣе или менѣе строгости репрессіи; кто въ состояніи разсчитывать и взвѣшивать послѣдствія своего поступка, тотъ дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ страсти. Вопросъ о томъ, долженъ ли быть принесенъ кассационный протестъ на вердиктъ присяжныхъ по дѣлу Ольги Палемъ, подлежитъ разрѣшенію исключительно по обстоятельствамъ даннаго случая, а не по соображеніямъ общественнаго характера. Если въ только-что закончившійся процессъ вкралась какая-нибудь крупная погрѣшность, — пускай она будетъ исправлена при новомъ производствѣ дѣла; но большой ошибкой было бы *стараніе найти* такую погрѣшность. „Жертвы за жертву“ не требуетъ *во что бы то ни стало* ни справедливость, ни общественная безопасность.

Мы говорили въ прошедшій разъ о стремленіи къ организаціи всеобщаго обученія, все болѣе и болѣе распространяющемся въ средѣ земскихъ собраній. Чрезвычайно знаменательной является, съ этой точки зрѣнія, дѣятельность саратовскаго губернскаго земства. Въ первые годы своего существованія оно вовсе не считало себя обязаннымъ заботиться о народномъ образованіи, признавая это задачей уѣздныхъ земствъ и ограничиваясь субсидіями среднимъ учебнымъ заведеніямъ; затѣмъ оно стало выдавать ссуды на постройку школъ

и ассигновало пособіе учительской семинаріи (въ Волскѣ), получившее постоянный характеръ, вопреки желанію земства, лишь въ силу закона 1879 г. Только недавно въ собраніи стало вѣрнѣе убіжденіе, что всего этого мало, что губернское земство должно играть болѣе активную роль въ попеченіи о начальной школѣ. Въ 1892 г. состоялось, не безъ сопротивленія со стороны многихъ гласныхъ, избраніе особой комиссіи, для изученія школьнаго дѣла въ саратовской губерніи и для составленія предположеній о способахъ дальнѣйшаго его развитія. Комиссія работала два года и представила послѣднему очередному собранію, вмѣстѣ съ подробной исторіей народнаго образованія въ саратовской губерніи, обстоятельный докладъ о настоящемъ его положеніи и о желательномъ отношеніи къ нему губернскаго земства. Начальныя школы, всѣхъ вѣдомствъ и наименованій, распредѣляются по различнымъ уѣздамъ губерніи далеко не равномерно. Есть уѣзды (саратовскій, царицынскій), въ которыхъ обученіе *всѣхъ* мальчиковъ могло бы быть достигнуто безъ особенно большихъ затратъ и усилій; въ другихъ уѣздахъ (напр., петровскомъ, аткарскомъ) это было бы гораздо болѣе затруднительно. По приблизительному расчету комиссіи, на открытіе такого числа школъ, при которомъ было бы возможно обученіе всѣхъ мальчиковъ школьнаго возраста, понадобилось бы около ста двадцати тысячъ рублей ежегодно. Губернское собраніе, согласно съ предложеніемъ комиссіи, постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ ассигнованіи этой суммы изъ государственнаго казначейства, — на устройство соотвѣтствующаго числа земскихъ или министерскихъ школъ. Другое ходатайство направлено къ возможно болѣшему увеличенію числа учащихся, съ возможно мѣньшими затратами; съ этою цѣлью испрашивается разрѣшеніе на открытіе уѣздными земствами, при земскихъ школахъ, младшихъ параллельныхъ классовъ, какъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ земскія школы, такъ и въ сосѣднихъ, съ назначеніемъ учителями въ параллельные классы, подъ руководствомъ учителя земской школы, бывшихъ учениковъ ея, хотя бы и не выдержавшихъ установленнаго испытанія. Такіе параллельные классы были бы своего рода „упрощенными школами“ (по терминологіи полтавскаго земства) или школами грамоты. Другими словами, саратовское земство примыкаетъ къ ходатайствамъ другихъ земскихъ собраній о предоставленіи земству тѣхъ же правъ по отношенію къ открытію школъ простѣйшаго типа, какими теперь пользуется одно только духовенство. Къ этимъ двумъ важнѣйшимъ постановленіямъ саратовскаго губернскаго земства присоединяется еще цѣлый рядъ другихъ, также направлен-

ныхъ къ расширенію роли губернскаго земства. Сюда относится, между прочимъ, производство сплошной переписи дѣтей школьнаго возраста и составленіе, основанной на ней нормальной сѣти училищъ по уѣздамъ.

Въ саратовской губерніи всеобщее обученіе, хотя бы однихъ только мальчиковъ, представляется пока еще мечтою, осуществимою лишь при содѣйствіи правительства; въ тверской губерніи есть уѣзды, гдѣ оно уже весьма близко къ дѣйствительности. На первомъ мѣстѣ, въ этомъ отношеніи, стоитъ уѣздъ весьегонскій, гдѣ число земскихъ школъ, въ учебномъ 1892-93 г. равнявшееся 49, въ 1893-94 г. — 55, предполагается довести въ 1895 г. до *воосьмидесяти сами*, если только сельскія общества согласятся принять на себя соотвѣтствующую долю участія въ расходахъ (постройка школьнаго помѣщенія, снабженіе его мебелью, отопленіе, страхование, содержаніе сторожа). Изъ 32 обществъ къ осени 1894 г. на это согласились 24, такъ что во всемъ громадномъ уѣздѣ остается лишь около 8 школьныхъ районовъ безъ правильно поставленныхъ училищъ. Земская школьная сѣтка возросла съ 22½ до 35 тысячъ рублей и составляетъ 24% всѣхъ земскихъ расходовъ. Немногое, сравнительно, остается сдѣлать для введенія всеобщаго обученія и въ уѣздахъ корчевскомъ, тверскомъ, новоторжскомъ.

Не во всѣхъ губерніяхъ забота о народномъ образованіи встрѣчаетъ такую благоприятную почву, какъ въ полтавской, саратовской, тверской. Нижегородскому губернскому земскому собранію представлена была записка гласнаго А. А. Савельева (предсѣдателя нижегородской уѣздной земской управы), въ которой указывалось на значительное число дѣтей школьнаго возраста (около 61 тыс. изъ 98), остающихся внѣ начальной школы. Мальчиковъ учится слишкомъ вътрое больше, чѣмъ дѣвочекъ; но есть уѣзды (сергачскій, княгининскій, семеновскій), гдѣ даже между ними число учащихся меньше числа не-учащихся. Чтобы сдѣлать всеобщее обученіе доступнымъ хотя бы для однихъ мальчиковъ, слѣдовало бы, по расчету г. Савельева, открыть около 300 новыхъ школъ и увеличить ежегодный школьный бюджетъ, считая только одно жалованье учащимъ, почти на 90 тысячъ рублей; послѣдняя цифра могла бы быть, впрочемъ, сокращена на половину, путемъ устройства школъ грамоты, какъ филиальныхъ отдѣленій земскихъ училищъ. По мысли г. Савельева, на помощь уѣзднымъ земствамъ могло бы придти губернское, участвуя, въ извѣстномъ процентномъ отношеніи, въ ихъ расходахъ на открытіе новыхъ школъ. Губернская управа присоединилась почти во всемъ къ предложеніямъ г. Савельева, но въ средѣ

собранія они встрѣтили ожесточенную оппозицію: одинъ изъ гласныхъ (земскій начальникъ) называлъ ихъ „благую челоуѣка, недовольнаго существующими порядками“. Въ концѣ концовъ собраніе согласилось только на ходатайство о предоставленіи земству права открывать школы грамоты, а всѣ остальные предложенія г. Савельева переданы на разсмотрѣніе комиссін, т.-е. отложены до слѣдующаго года. Нужно надѣяться, что большинство собранія отнеслось къ этой отсрочкѣ безъ задней мысли, т.-е. высказалось за нее въ видахъ болѣе подробной разработки вопроса, а не съ цѣлью безшумнаго его устраненія... Приступъ къ всестороннему изслѣдованію школьнаго дѣла, для подготовки, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, всеобщаго обученія, сдѣланъ въ нынѣшнемъ году и нѣсколько другими земствами, въ томъ числѣ новгородскимъ и с.-петербургскимъ. Не останется скоро ни одной земской губерніи, въ которой вопросъ, еще недавно считавшійся преждевременнымъ, не былъ бы поставленъ на очередь и придвинутъ къ желанному разрѣшенію. Если теченіе, столь быстро распространяющееся въ ширь и глубь, не встрѣтитъ вѣншихъ препятствій, послѣднимъ годамъ столѣтія суждено, быть можетъ, завершить великое дѣло, начатое земствомъ на рубежѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

День 8-го февраля, закончившій 76-ую годовщину петербургскаго университета, послужилъ поводомъ къ уличнымъ беспорядкамъ, подробности которыхъ были сообщены въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 16-го февраля, а 18-го дополнены и разъяснены. „Дѣятельность полиціи,—говорится въ официальномъ сообщеніи,—за все время продолженія беспорядковъ была, главнымъ образомъ, направлена на увѣщаніе буйствовавшихъ и на ограниченіе беспорядковъ возможно меньшими районами. Но въ двухъ случаяхъ полиція вынуждена была прибѣгнуть къ силѣ“:—въ михайловскомъ манежѣ и подлѣ ресторана Палкина... „Не впущенные въ этотъ ресторанъ, въ виду нетрезваго ихъ состоянія, студенты, пользуясь своимъ численнымъ перевѣсомъ надъ полицейскимъ нарядомъ, охранявшимъ входъ въ ресторанъ, отбѣскали полицейскихъ, нанесли имъ при этомъ побои и разбили вдребезги стеклянныя двери ресторана. Такое буйство студентовъ, соединенное съ насиліемъ надъ полицейскими чинами, вынудило мѣстнаго пристава призвать на помощь для удаленія буйствовавшихъ нарядъ дворниковъ, назначенный для огражденія Анничковскаго моста“.

Сообщеніе „Правит. Вѣстника“ имѣло цѣлью опровергнуть тѣ преувеличенные слухи, которые устно распространялись цѣлую недѣлю въ городѣ по поводу уличныхъ беспорядковъ 8-го февраля, и

вѣстѣ увѣрить, „что на будущее время, при обстоятельствахъ, подобныхъ вышеизложеннымъ, надлежащими представителями власти будутъ своевременно приняты тѣ мѣры, которыя вполне обезпечивали бы отъ всякихъ неожиданностей порядокъ на улицахъ, въ театрахъ и ресторанахъ и не допускали бы сборищъ нетрезвыхъ и буйствующихъ людей“. Дѣйствительно, нынѣшній разъ, какъ видно изъ официальнаго сообщенія, нельзя сказать, чтобы мѣры были приняты своевременно, и чтобы принятія мѣры вполне обезпечивали порядокъ на улицахъ, такъ какъ главною мѣрою, въ трудную минуту, оказался нарядъ не полицейскихъ, а дворниковъ—силы вовсе не дисциплинированной. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ „Гражданиномъ“ (20-го февраля, № 50), который по поводу тѣхъ же безпорядковъ находитъ неудобнымъ то, „когда молодежь, и именно студентовъ, въ массахъ ставятъ въ соприкосновенія съ простолюдиномъ улицы“... Зато, съ другой стороны, философствованія „Гражданина“ на ту же тему многимъ покажутся весьма рискованными и, во всякомъ случаѣ, характерными... „Грѣшный человѣкъ, — такъ пишетъ кн. Мещерскій въ своемъ „Дневникѣ“, по поводу тѣхъ же безпорядковъ,—мнѣ кажется, что каждый (!) предпочитаетъ въ день университетскаго праздника увидѣть на улицахъ толпы студентовъ черезъ-чуръ подъ *chauffés*, или (нежели ?) разбросанныхъ по различнымъ квартирамъ, въ бесѣдахъ съ разгоряченными головами и раздраженными нервами. Разумѣется, лучше было бы ни то, ни другое; но разъ идетъ рѣчь о проявленіи черезъ-чуръ веселаго настроенія молодежи, *надо предпочитать уличныхъ буйныхъ—философовъ*, ибо первое свойственно возрасту молодежи, а второе (т.-е. философія?) есть одинъ изъ признаковъ скрытаго (!) и подчасъ нехорошаго (?) настроенія“... Къ счастью, однако, тѣхъ, кого возлюбилъ кн. Мещерскій, было всего двѣ, три сотни, а остальные, свыше двухъ тысячъ, оказались „философами“—хорошо, что не случилось наоборотъ! Правда, „философы“ останутся въ сильномъ подозрѣніи—у кн. Мещерскаго...

Р. С. Наша хроника была уже окончена, когда мы прочли въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ слѣдующее сообщеніе: „Министръ юстиціи, обративъ вниманіе на условія, при которыхъ судебное засѣданіе с.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по дѣлу мѣщанки Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара, закончилось въ ночь на 19-е сего февраля оправдательнымъ приговоромъ, несмотря на наличность тяжкаго преступленія,—поручилъ прокурорскому надзору озаботиться принесеніемъ

ніемъ на упомянутый приговоръ кассационнаго протеста въ правительствующій сенатъ, на разсмотрѣніе котораго дѣло это поступить въ непродолжительномъ времени".

Итакъ, поводомъ къ протесту признается не самый фактъ оправданія обвиняемой, при наличности тяжкаго преступленія, а *условія*, при которыхъ состоялось оправданіе. Это—точка зрѣнія совершенно правильная. Нужно надѣяться, что увѣренность въ принесеніи кассационнаго протеста положить конецъ дальнѣйшимъ газетнымъ нападкамъ на вердиктъ присяжныхъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

" *Habeas Corpus*" Актъ и ея приостановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы Англіи и ихъ временнаго ограниченія. В. Ф. Дерябинскаго. Юрьевъ (б. Дерята), 93 г. Стр. 192.

По справедливому замѣчанію автора, этотъ актъ, хотя и общедоступенъ на материкѣ по двумъ главнымъ латинскимъ словамъ: "*Habeas Corpus*" и "*Corpus*", встрѣчающимся въ немъ, какъ актъ, обеспечивающій въ Англіи личную свободу еще дѣтъ 600—700 тому назадъ,—но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ въ одномъ отношеніи онъ не вполне правильно понимается въ Англіи: обыкновенно сѣмиваютъ его приостановку съ встрѣчающимся по слову, въ разныхъ формахъ, осаднымъ положеніемъ. Вислѣить различіе такихъ двухъ понятій, какъ осадное положеніе на материкѣ и приостановка англійскаго "*Habeas Corpus Act*", и составляетъ главную задачу весьма обстоятельнаго и всесторонняго изслѣдованія одного изъ существующихъ обезпеченій въ Англіи личной свободы; въ силу этого акта каждый имѣть право, въ случаѣ лишенія ея, просить судъ дать приказъ (гдѣ между прочимъ и приводится тѣ же латинскія выраженія, давшія названіе самому судебному акту) о немедленномъ представленіи его въ судъ, который и постановляетъ о дальнейшей судьбѣ просителя. Авторъ даетъ въ своей монографіи, прежде всего, историческій очеркъ установленія въ Англіи этого акта, съ древнѣйшихъ временъ до 1679 г., когда окончательно выработалась какъ его форма, такъ и сокращенное популярное названіе, поименованное на титулѣ книги,—а также описываетъ и всю процедуру законнаго порядка лишенія свободы въ Англіи. Главную же часть труда составляетъ изслѣдованіе характера и условий временной приостановки этого "*Habeas Corpus*", какъ чрезвычайной мѣры государственной и общественной безопасности. Съ 1688 по 1816 г., когда въ самой Англіи была послѣдняя приостановка акта "*Habeas Corpus*", этотъ актъ былъ приостановленъ 12 разъ; наибольшая приостановка, въ 11 мѣсяцевъ, произошла въ мартѣ 1800 г. по февралю 1801 г. Въ приложеніяхъ встрѣчаются многіе подлинныя документы различныхъ эпохъ и между прочимъ позднѣйшій текстъ Акта "*Habeas Corpus*" 1679 года.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николай Барсуковъ. Кн. 9. Сиб. 95. Стр. 498. Ц. 2 р. 50 к.

Неутомимый биографъ одного изъ нашихъ историковъ, который обращалъ на себя не малое вниманіе своихъ современниковъ, какъ публицистъ, игравшій роль въ борьбѣ литературныхъ партій,—поздалъ въ свѣтъ новый выпускъ, посвященный къ самому концу сороковыхъ годовъ—эпохѣ особенно любовной, когда условія нашей внутренней жизни резко измѣнились вѣдѣ вліяніемъ событій, совершавшихся на Западѣ. Новый выпускъ обнимаетъ собою событія всего два года, 1847—1848; какъ и въ предыдущихъ выпускахъ, личная биографія М. П. Погодина доставляетъ автору ея удобный поводъ распространять ее до разсмотрѣнія хроникъ той эпохи, въ которой, естественно, главное

мѣсто, по дѣйствующимъ лицамъ, должна занимать исторія крайне стѣсненной печати того времени, отъ которой подѣ особый надзоръ, сверхъ цензуры, такъ называемаго негласнаго комитета 1846 г., а также важными отношеніями лицъ, стоявшихъ тогда во главѣ двухъ различныхъ теченій—славянофиловъ и западниковъ. Это время для московскаго университета было послѣдними годами попечительства гр. С. Г. Строганова; столкновеніе его съ гр. Уваровымъ изложено подробно, съ приложеніемъ несмала интереснаго подлиннаго документа. Не менѣе интересна тѣ части этой хроники, гдѣ излагается, также по документамъ, первое движеніе въ пользу уничтоженія крѣпостнаго права еще въ концѣ 40-хъ годовъ. Между прочимъ, изъ бумагъ Погодина заимствованы записанныя имъ мысли гр. Уварова о томъ же предметѣ съ возраженіями Погодина; только подѣ одной изъ этихъ мыслей, гдѣ говорится о необходимости распространенія просвѣщенія въ народѣ (впрочемъ и то въ видѣ аргумента противъ освобожденія, при повальномъ народномъ невіжествѣ)—Погодинъ подиисалъ: "Аминь".

Материалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1828—1856). Е. Лихачевой. Сиб. 95. Стр. 271. Ц. 1 р. 25 к.

Настоящимъ выпускомъ замѣчается систематическое изложеніе тѣхъ матеріаловъ, на которыхъ должна основываться исторія женскаго образованія, начиная отъ Екатерины II и до существенной реформы въ немъ, послѣдовавшей въ самомъ началѣ царствованія имп. Александра II. Прѣжній, преобладавшій характеръ женскаго образованія, такъ сказать, "монашескій", сосредоточенный въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, съ 1856 года исчезаетъ, вмѣстѣ съ учрежденіемъ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній,—открытыхъ въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ въ смыслѣ отсутствія въ нихъ интерната, такъ и въ томъ смыслѣ, что эти новыя учебныя заведенія были открыты для всѣхъ сословій безъ различія. Такая реформа не могла не подѣйствовать и на женскія учебныя заведенія стараго режима, и въ нихъ обнаружилась, съ того времени, необходимость допущенія въ нихъ некоторыхъ преобразованій. Авторъ, указавъ на заслуги прѣжней системы женскаго образованія, установленной имп. Екатериною II, и изложивъ въ новомъ выпускѣ ходъ его при имп. Николай I (1828—1856 гг.), какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ заключеніе указываетъ на то, что недостатки стараго режима начали особенно ясно сознаваться и въ литературѣ, и въ обществѣ еще въ 40-хъ годахъ, что и послужило подготовленіемъ для самой реформы 1856 года; послѣдняя, такимъ образомъ, явилась вовсе не внезапно и послужила только отвѣтомъ на потребность въ ней, назрѣвавшую десятилетіи лѣтъ. Постепенное пробужденіе сознанія въ обществѣ необходимости реформы въ этой области и историческій очеркъ того участія, какое уже принимали у насъ женщины въ литературѣ еще въ ту "институтскую" эпоху, которая была вмѣстѣ и эпохою Жоржъ-Зандъ, все это и составляетъ содержаніе послѣдней—особенно интересной главы новаго выпуска.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 дней въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Възъ доставленъ въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границу, въ госуд. почтов. союзу	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Выбѣта разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

— Съ 1-го января открыта подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть 1895 г. —

Клиенты магазиновъ, при годовой и полугодной подпискѣ, пользуются обычнымъ уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К^о), и Н. Фену и К^о, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные и иностранцы* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаютъ

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точными обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ почтоваго учрежденія, гдѣ (№) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія, собственн. мѣстожительства подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переезжающіе въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты на доставку* журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ въ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марками.

Издатель и, отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1895.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1895.

Стр.

I.—НОВОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.— В. Н. Герье	483
II.—ХОДОУТЪ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть вторая: XVII-XXXII.—П. Д. Боборыкина	447
III.—УГЪЗДЪ СРЕДНЯГО ПОВОЛЖЬЯ.—П. П.—въ	510
IV.—ИЗЪ АРМЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ.—I. Слѣм Аракса, Раф. Патканяна.—II. Иза Леренца: 1. Къ родному краю. 2. Ихъ судьба.—Юр. А. Веселовскаго	545
V.—ПОКРА БОЛНІЯ.—Поэма.—Съ польскаго.—VI-VII.—Зл. Оржешко	550
VI.—НАПОЛЕОНЪ И КРОМВЕЛЬ.—По поводу возрожденія Наполеоновской ле- генды.—Л. З. Славинскаго	595
VII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. На сельскомъ кладбищѣ.—II. Козибилсъ надъ ручьемъ.— —Б. Каховскаго	619
VIII.—ЗАГРАНИЧНЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ МУЗЕИ.—Очерки.—К. Вебера	621
IX.—СИРЪ.—Sire, roman, par H. Lavedan.—XIII-XVI.—Окончаніе.—А. Б-г	638
X.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. На могилахъ казифокъ.—II. Съ арабскаго.—Ал. Са- ломона	654
XI.—МОЛОДОСТЬ ВЕНЖАМЕНА КОНСТАНА.—Очерки.—I-VI.—М. Н. Ковалев- скаго	657
XII.—ЛОМОНОСОВЪ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ.—II. Изученія Ломоносова. Сказа- ныя въ обществѣ. Основной смыслъ дѣятельности Ломоносова.—А. П. Выпина	689
XIII.—ПАМЯТИ ПОЭТОВЪ СТАРАГО ВРЕМЕНИ.—I. О. П. Тютчевъ.—II. Гр. А. К. Толстой.—Стих. В. Л. Велички	733
XIV.—ПОЭЗИЯ О. П. ТЮТЧЕВА.—Вл. С. Соловьева	735
XV.—ХРОНИКА.—Медицинская помощь въ Уральской области.—Мих. Ша- перовича	753
XVI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Всѣобщее начальное обученіе.—Различныя спо- собы распредѣленія взимаемыхъ имъ расходовъ.—Возможность одновремен- наго приобщенія его къ дѣвочкамъ и мальчишкамъ.—Существуетъ ли нераз- рывная связь между всеобщностью обученія и его обязательностью?—Школы „низшаго типа“.—Одна изъ причинъ, задерживающихъ ростъ начальной школы.—Уставъ лечебныхъ заведеній и „кодификаціонная ошибка“	770
XVII.—ПОЛЕМИКА О НАШИХЪ ФИНАНСАХЪ.—„M. Witte et les finances russes d'après des documents officiels et inédits“, par E. de Cyon. Par. 1893.—Л. С	790
XVIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ворьба партій въ Германіи и князь Бисмаркъ. —Возрожденіе популярности бывшаго канцлера, въ связи съ дѣлами внут- ренней политики.—Оригинальныя особенности въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ Вил- гельма II	800
XIX.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пл. Ждановъ, Русскій близевой востокъ.—Дюнео, На правленіи сѣв.-востока Сибири.—А. Я. Максимовъ, На далекомъ востокѣ.—Г.—Новыя книги и брошюры	806
XX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Les littératures populaires de toutes les nations. J. Maisonneuve.—Ал. С.-и-ъ	821
XXI.—ЗЕМСТВО ПО ПОЛОЖЕНІЮ О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ 12 іюня 1890 г. —I-II.—Кн. Д. В. Дружкова-Соколинскаго	826
XXII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Организація помощи, созданной Имен- нымъ указомъ 18-го января.—Попечительства о бѣдныхъ изъ Москвы.—Ори- гинальная параллель между до-реформеннымъ судомъ и судомъ присяж- ныхъ.—Пазниная подробность уголовныхъ сдѣлѣній и ея причины.—„Пер- воначальный Истинникъ“ о причинахъ неудовлетворительности преподаванія Закона Божія въ городскихъ начальныхъ училищахъ.—Post-scriptum	846
XXIII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Современная Россія, Карлетти.—Домъ и хозяйство, М. Рехелинъ.—Автобіографія Герингуса.—Очеркъ с.-и. Шта- товъ, П. А. Тьерского.—Настоящій Энциклопедическій Словарь, изд. Гра- матъ, вып. 97 и 98.—Изъ исторіи родной земли, Д. Н. Тихонярова	
XXIV.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.	

НОВОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ¹⁾.

Открывая первое общее собраніе членовъ новаго общества исторіи при московскомъ университетѣ, я прошу позволенія коснуться причины возникновенія нашего общества и выяснить потребность, побудившую насъ соединиться здѣсь подъ кровомъ московскаго университета, какъ младшее изъ состоящихъ при немъ ученыхъ обществъ. Университетскій уставъ 1804 относилъ „къ особливому достоинству университета составленія въ нѣдрахъ онаго ученыхъ обществъ“. Въ теченіе прошедшихъ съ тѣхъ поръ 90 лѣтъ научный интересъ, вызываемый университетомъ, неоднократно выражался въ организациі такихъ обществъ по предметамъ, входившимъ въ область всѣхъ четырехъ факультетовъ. Первымъ обществомъ при московскомъ университетѣ было *историческое*, а именно, возникшее въ 1804 году общество исторіи и древностей русскіихъ. Въ томъ же году образовалось физико-медицинское общество, а годъ спустя—общество испытателей природы. Четвертое общество опять имѣетъ отношеніе къ нашему факультету—это общество любителей русской словесности, въ 1811 году. За этимъ наступаетъ продолжительный періодъ застоя въ возникновеніи ученыхъ обществъ. Зато шестидесятые годы дали намъ три ученыхъ общества: юридическое, затѣмъ общество любителей естествознанія, антропологіи, этнографіи—въ годъ введенія новаго устава, поднявшаго научную жизнь въ московскомъ

¹⁾ Читано въ первомъ общемъ собраніи членовъ.

университетъ—и математическое въ 1867 г. Въ 1884 году образовалось психологическое общество, и шесть лѣтъ спустя отъ него отложилось болѣе специальное общество психіатровъ. За нимъ послѣдовало общество дѣтскихъ врачей въ 1891. Вслѣдъ за тѣмъ научная жизнь нашего университета дала новый ростокъ въ лицѣ нашего общества. Но почему же нужно было новое общество *исторіи*? Какія его задачи—въ отличіе отъ задачъ, преслѣдуемыхъ существующимъ издавна историческимъ обществомъ? Ученые общества возникаютъ не случайно; они служатъ потребностямъ своего времени, отвѣчаютъ на запросы дня и бываютъ, такимъ образомъ, отраженіемъ научнаго и культурнаго движенія въ извѣстной странѣ. Такъ было и съ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ. Оно возникло въ тѣ года, когда надлежало осуществить у насъ ближайшую и непосредственную цѣль исторической науки—содѣйствовать созданію національной исторіи, обезпечить документальную, научную ея разработку. Въ годъ основанія этого общества въ московскомъ университетѣ русская исторія не преподавалась, всемірная читалась на нѣмецкомъ языкѣ профессорами, приглашенными изъ-за границы—Шлёцеромъ, сыномъ, и Рейнгартомъ. Самое возникновеніе общества исторіи и древностей россійскихъ тѣсно связано съ дѣятельностью ученаго, примѣнившего къ первому русскому лѣтописцу приемы научной критики. Въ 1804 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, императоръ Александръ I,—по поводу доклада тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Завадовскаго, о томъ, что геттингенскій проф. Шлёцеръ, извѣстный свѣту по своимъ обширнымъ въ россійской исторіи свѣденіямъ, объявилъ желаніе соучаствовать съ россійскими учеными въ критическомъ изданіи древнихъ русскихъ лѣтописей,—указалъ составить при одномъ изъ ученыхъ сословій общество для изданія россійскихъ лѣтописей ¹⁾).

Такъ возникло общество исторіи и древностей россійскихъ. Согласно съ идеей, которая легла въ основаніе учрежденія общества, были опредѣлены и его задачи въ данномъ ему въ 1811 году уставѣ. Въ этомъ уставѣ на общество возлагается критическая разработка и изданіе лѣтописныхъ источниковъ русской исторіи, собраніе рукописей, монетъ и другихъ археологическихъ памятниковъ, критика вновь выходящихъ по русской исторіи сочиненій—наконецъ, вообще „приведеніе въ ясность россійской исторіи“.—Вотъ цѣль, которою задалось наше первое историческое общество и которой оно, въ теченіе 90 лѣтъ, съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ служило. За удовлетвореніемъ однако этой коренной потреб-

¹⁾ Записки и труды общ. ист. и др. Ч. 1. 1815, стр. XXXVI.

ности, историческая наука въ Россіи не могла не предъявить профессорамъ и воспитанникамъ московскаго университета и другихъ требованій, по мѣрѣ того какъ она развивалась, раздвигала свои предѣлы и усовершенствовала свои приемы. Чтобы исполнить свое назначеніе, историческая наука должна обращать свое вниманіе на *всѣ* относящіяся къ ея области явленія и притомъ на *всѣмъ* ея протяженіи въ пространствѣ и во времени, т.-е. ей слѣдуетъ быть всемірной или всеобщей исторіей. Это желательно прежде всего въ интересахъ той спеціальной области, которой—по мѣстнымъ условіямъ—вездѣ принадлежитъ первенствующее мѣсто, а именно, національной исторіи. Критика источниковъ, значеніе которой было такъ ясно сознано уже въ началѣ нашего вѣка, руководится общими приемами, которые устанавливаются и усовершенствуются въ различныхъ областяхъ исторіи, и въ этомъ отношеніи всѣ спеціальныя области исторіи находятся во взаимной между собой связи и зависимости.

Еще важнѣе эта связь по отношенію къ содержанію исторіи, т.-е. къ тому, чтѣ можно разумѣть подъ словами: „привести въ ясность русскую исторію“. Эта ясность можетъ быть достигнута лишь при знакомствѣ съ историческимъ процессомъ въ другія времена и при другихъ условіяхъ—иначе сказать, съ помощью сравнительнаго метода изученія учреждений и бытовыхъ формъ. Наконецъ, и самая исторія каждаго отдѣльнаго народа слагается подъ вліяніемъ и во взаимодействіи съ исторіей другихъ народовъ. Съ теченіемъ времени и развитіемъ цивилизаціи это взаимодействие все возрастаетъ. Поэтому, напр.; даже въ современной Англіи, отдѣленной своимъ географическимъ положеніемъ отъ материка и еще болѣе изолированной самобытностью своего политическаго развитія, живо ощущается въ настоящее время потребность болѣе тѣснаго сближенія національной исторіографіи съ исторіей европейскаго материка. „Хорошо извѣстно,—говоритъ одинъ изъ современныхъ историковъ Англіи,—что одна изъ главныхъ причинъ ошибокъ во всѣхъ отдѣлахъ науки заключается въ наклонности (*tendency*) *изолировать* предметъ изученія, разсматривать его исключительно въ немъ самомъ, пренебрегая его отношеніями къ другимъ предметамъ“. Примѣняя это къ исторіи, цитируемый мною авторъ жалуется на послѣдствіе господствующей практики—разбивать исторію по отдѣльнымъ странамъ. Вслѣдствіе этого усвоивается привычка смотрѣть на государства какъ на какія-то непромокаемыя тѣла, устанавливается, какъ бы по молчаливому соглашенію, обычай искать причинъ историческаго хода каждаго государства лишь въ самомъ этомъ государствѣ, а между тѣмъ въ

Англии, какъ и во Франціи и Германіи, ходъ исторіи опредѣлялся въ значительной степени причинами, лежащими внѣ ихъ предѣловъ. Въ виду этого Сесли требуетъ дополненія или расширенія англійской исторіи съ помощью *международной* или, какъ мы привыкли ее называть, всеобщей исторіи. „Для правильнаго пониманія исторіи Англии,—говоритъ онъ,—необходимо изученіе исторіи континентальныхъ государствъ. Эти государства вмѣстѣ съ нашимъ образуютъ одно цѣлое, которое слѣдуетъ разсматривать одновременно. Недостаточно излагать ходъ внутренняго развитія въ нашемъ государствѣ; мы должны въ то же время прослѣдить развитіе тѣхъ другихъ государствъ, которыя различными путями, войнами и мирными переговорами, или различными орудіями культуры, мыслью, религіей, наукою или литературой, видоизмѣняли наше внутреннее развитіе или подвергались съ его стороны видоизмѣненію. Этимъ путемъ,—говоритъ онъ далѣе,—мы рѣшительно должны устранить нашу „инсулярность“, должны перестать смотрѣть на нашу страну какъ на замкнутую въ себѣ и закутанную въ вѣчномъ самосозерцаніи своего парламентаризма, лишь изрѣдка и случайно бросая взоры черезъ каналъ; мы должны видѣть въ нашемъ государствѣ члена цѣлой системы государствъ, страну, заинтересованную и давно уже *близко* заинтересованную въ общемъ развитіи Европы“.

Но необходимость изученія всеобщей исторіи обуславливается не одними утилитарными соображеніями, возможностью ея примѣненія къ національной исторіографіи. Оно безусловно необходимо и въ интересахъ національной культуры. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ имѣть въ виду, что всеобщая исторія привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе не только отдѣльными своими частями, извѣстными эпохами, народами, событіями, лицами, но и всею своею *совокупностью*. Всеобщая исторія имѣетъ особенное значеніе именно своею совокупностью, т.-е. тѣмъ, что всѣ ея части входятъ въ составъ одного цѣлаго, представляютъ собою нѣчто цѣлое, хотя и недоконченное. Взятая какъ цѣлое, всеобщая исторія имѣетъ своимъ содержаніемъ особый предметъ—человѣчество. Человѣчество, составляя субъектъ всеобщей исторіи, есть въ то же время ея продуктъ. Человѣчество является въ двоякомъ отношеніи предметомъ изслѣдованія: оно подлежитъ изученію какъ особая порода, рѣзко отличающаяся отъ другихъ организмовъ; въ этомъ смыслѣ оно становится предметомъ антропологіи. Коллективная жизнь человѣка заключаетъ въ себѣ еще и другой смыслъ: антропологія беретъ человѣчество какъ нѣчто существующее; но человѣчество въ то же время *слагается*,—а потому къ нему

приложимо понятіе роста—des Werdens. Въ этомъ смыслѣ жизнь человѣчества есть извѣстный процессъ, основанный на духовной связи и культурной преемственности поколѣній и народовъ, появившихся и затѣмъ сходящихся со сцены исторіи—отъ первыхъ зачатковъ культуры до нашего времени. Установить и объяснить этотъ процессъ, связующій человѣчество въ одно общее цѣлое, есть главная задача всеобщей исторіи. Но при изученіи этого процесса возникаютъ новыя проблемы: какъ начался этотъ процессъ, какаѣ его цѣли, что его двигатели, какъ онъ совершается, какаѣ связи между этимъ процессомъ и общею жизнью міра, въ чемъ назначеніе человѣчества? Всѣ эти вопросы назрѣли въ XVIII вѣкѣ и тогда еще вызвали нѣсколько замѣчательныхъ попытокъ разрѣшить ихъ, чѣмъ и было положено основаніе *философіи исторіи*. Впрочемъ, строго философскую подкладку исторія получила уже въ нашемъ вѣкѣ, и апогеемъ этого стремленія является философія исторіи Гегеля. Расположивъ въ стройной послѣдовательной очереди историческіе народы, Гегель пояснялъ ихъ появленіе и значеніе тѣмъ самымъ закономъ, изъ котораго онъ выводилъ все мірозданіе, и опредѣлялъ цѣль исторіи человѣчества согласно съ величественнымъ представленіемъ своимъ о смыслѣ всего мірового процесса—какъ самосознаніе и освобожденіе мірового духа.

Какія бы оговорки ни пришлось дѣлать по поводу этой и подобныхъ ей философскихъ обработокъ и конструкцій всемірной исторіи, за философіей исторіи остается та заслуга, что благодаря ей неизменно утверждалось представленіе о единствѣ, о законмѣрности всеобщей исторіи, о поступательности ея движенія и о безусловной связи ея эволюціи съ эволюціей, прѣставляемой міромъ. Отсюда возникаетъ цѣлый рядъ задачъ, разрѣшенію которыхъ можетъ содѣйствовать наше общество. Вниманіе нашего общества будетъ, впрочемъ, сосредоточиваться не на одной философской сторонѣ исторіи.

Одновременно съ тѣмъ какъ развивалась философія исторіи и ея вліяніе становилось замѣтнымъ въ пониманіи историческихъ явленій,—въ научномъ мірѣ сталъ совершаться другой знаменательный для исторіи переворотъ. Болѣе или менѣе *все* науки стали сниматься съ мѣста и подвигаться по направленію къ исторіи. Они стали сближаться съ нею, усваивать себѣ ея приемы, принимать характеръ историческаго изслѣдованія.

Вмѣсто описанія и опредѣленія существующаго, онѣ ставили себѣ задачею объяснить его происхожденіе, его генезисъ, его эволюцію. Замѣчательно, что зачатки этого движенія относятся какъ разъ ко времени того событія, которое является какъ бы вопло-

ченіемъ принципа отрицанія прошлаго и пренебреженія къ приѣмамъ историческаго метода—ко времени революціи 1789 года. Въ этомъ событіи догматическій раціонализмъ сказалъ свое послѣднее слово и, достигнувъ своей апогеи, сталъ уступать мѣсто противоположному направленію. Новому направленію стали поддаваться какъ догматическія, такъ и описательныя науки,—науки общественныя и естественныя. Изъ первыхъ—самая устойчивая, самая неподатливая—а именно, право—показала другимъ примѣръ. Характерной датой совершавшагося въ ней переворота является вышедшее въ 1814 г. сочиненіе Савиньи о „призваніи нашего времени къ законодательству и правовѣденію“. Это тотъ годъ, который принесть съ собою катастрофу политическаго порядка, вышедшаго изъ революціи. Для насъ это годъ основанія исторической школы въ правовѣденіи.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ году Савиньи, приступая къ изданію новаго органа: „Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft“, въ предисловіи къ нему ясно опредѣлилъ задачу новаго направленія. „Историческая школа,—говоритъ онъ,—держится взгляда, что матерія права дана всею совокупностью прошлаго, проживаемаго извѣстною націей, а не произволомъ, въ силу котораго право случайно явилось бы таковымъ, каково оно есть, хотя могло быть и совершенно инымъ: нѣтъ, оно не произвольно, а истекаетъ изъ самого кореннаго существа самой націи и ея исторіи“. Согласно съ этимъ опредѣляется у Савиньи и задача правовѣденія: „особливая дѣятельность каждой эпохи должна быть направлена къ тому,—говоритъ онъ,—чтобъ прозрѣть данный внутреннею необходимостью (правовой) матеріалъ, обновить его и сохранить его жизненность“. Такимъ образомъ, историческая школа передвинула научный интересъ съ догмы права на его генезисъ; источникомъ права на мѣсто отвлеченнаго разума было признано живое конкретное существо—нація,—творецъ и продуктъ исторіи, и потому вдвойнѣ подлежащее изученію исторической науки. Въ силу этого историческая школа открыла историкамъ доступъ въ священную область права, сдѣлала изъ права провинцію исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ усложнила и усугубила обязанности историковъ.

Но этого мало. Внося исторію въ самую сердцевину всякой догматики, историческая школа преобразила самые приѣмы теоретическаго мышленія нашего времени. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ современной нѣмецкой исторіографіи, оцѣнивая Савиньи, поставилъ ему въ заслугу, что онъ обратилъ Германію въ націю людей съ историческимъ мышленіемъ: „zu einer Nation von

geschichtlich denkenden Menschen“. Если въ этихъ словахъ лорда Автона и есть гипербола—вѣдь никакое научное движеніе не охватываетъ всей націи—то, его замѣчаніе въ то же время подлежить еще большому обобщенію, такъ какъ вліяніе исторической школы не ограничилось предѣлами Германіи.

Нѣсколько позднѣе историческій методъ сталъ проникать въ другую твердыню догматики и дедукціи, а эта побѣда имѣла еще болѣе значеніе для исторіи—я разумѣю политическую экономію. Ученый, съ долготѣней дѣятельностью и именемъ котораго связанъ этотъ переворотъ, скончался въ прошедшемъ году, и надъ его могилой завязалась живая и для посторонняго зрителя не совсѣмъ пристойная полемика при оцѣнѣ его заслугъ по примѣненію историческаго метода къ политической экономіи. Правильная оцѣнка этихъ заслугъ, впрочемъ, была сдѣлана уже давно. Еще въ прошломъ десятилѣтіи, безпристрастный наблюдатель могъ заявить, что во всемъ, что касается прошлаго въ области политической экономіи, та партія, которая нынѣ господствуетъ въ нѣмецкихъ университетахъ и которой суждено въ будущемъ владычествовать какъ въ научной литературѣ, такъ и въ законодательствѣ, развиваетъ идеи Рошера и продолжаетъ его работу. Но какова бы ни была роль Рошера въ исторіи политической экономіи, торжество историческаго направленія въ этой области признано и его противниками. „Какъ иноземные завоеватели,—воскликаетъ авторъ „заблужденій историзма“,—историки вторглись въ область нашей науки, навязывая намъ свои рѣчи и обычаи, свою терминологію и свой методъ“. Правда, Рошеръ вышелъ изъ школы Ранке (ему былъ данъ эпитетъ наилучше подготовленнаго ученика Ранке), но не историки заполнили политическую экономію, а *историческій методъ*, и носителями его были сами политико-экономы—одинъ за другимъ признававшіе важность генетическаго объясненія существующихъ хозяйственныхъ порядковъ и установившихся догматовъ. Изъ Германіи историческій методъ проникъ въ Англію, затѣмъ въ Америку, и признаніе его важной роли выразилось въ наши дни въ учрежденіи въ Гервардскомъ университетѣ въ Масачусетсѣ *второй* катедры политической экономіи, предназначенной именно для представителей историческаго направленія. Вновь назначенный на эту катедру профессоръ, изображая въ своей вступительной лекціи побѣдоносное распространеніе историческаго метода, слѣдующимъ образомъ подвелъ его результаты: „Это вліяніе не ограничилось тѣмъ, что внесло въ массу нашей науки нѣсколько новыхъ цѣнныхъ данныхъ, а имѣло своимъ послѣдствиемъ основной переворотъ въ самой постановкѣ этой науки,

совершенно измѣнивъ точку зрѣнія политико-экономовъ на ихъ предметъ". Подтверждая это положеніе нѣсколькими примѣрами, профессоръ Ашлей, между прочимъ, указываетъ на Адольфа Вагнера, который считаетъ себя передовымъ борцомъ за абстракцію и дедукцію противъ крайняго историзма, и однако онъ внесъ въ послѣдній томъ своего сочиненія не только цѣлыя груды историческаго матеріала, но и положеніе, что капиталъ представляетъ собою историческую, т.-е. не необходимую изъ вѣка въ вѣкъ категорію. Еще цѣннѣе для историковъ другое заявленіе американскаго ученаго, приписывающаго вліянію исторической школы пониманіе того, что при оцѣнѣ соціальныхъ явленій приходится считаться не съ одними хозяйственными соображеніями, и что не однѣ хозяйственныя силы приводятъ въ движеніе человечество. Это заявленіе со стороны экономиста для насъ, историковъ, тѣмъ болѣе цѣнно, что оно не единственное. „Этическія силы — читаемъ мы у англійскаго экономиста Маршала — принадлежатъ къ числу тѣхъ, съ которыми долженъ считаться экономистъ“.

Историческій методъ не только преобразилъ политическую экономію — онъ создалъ смежную между нею и исторіей область, обогатившую обѣ стороны. То, что приверженцы теоретической обработки политической экономіи иронически называютъ „микрографіей“, т.-е. всевозможныя спеціальныя изслѣдованія о томъ, какимъ способомъ удовлетворялись житейскія потребности; какъ былъ организованъ трудъ; какъ распредѣлялись его результаты; какія учрежденія возникали изъ данной системы производства и распредѣленія народнаго богатства; однимъ словомъ, какой видъ имѣлъ въ данную эпоху общественный „остовъ“, — вся эта богатая литература, созданная трудами экономистовъ послѣднихъ лѣтъ, является также цѣннымъ вкладомъ для всеобщей исторіи, расширяя горизонтъ историковъ и усложняя ихъ задачу.

Историческій методъ водворился, однако, не только въ области наукъ, которыя имѣютъ дѣло съ человѣкомъ и его дѣятельностью. Когда-то слово *исторія* обозначало у древнихъ всевозможныя свѣденія изъ области природы — *quidquid omnium ubique rerum cognovimus*. Въ этомъ смыслѣ Аристотель примѣнилъ терминъ исторіи къ царству животныхъ, Теофрастъ — къ царству растений. Въ этомъ смыслѣ „свѣденія“ или „собранія свѣденій“ употребилъ терминъ *исторіи* Плиній въ своемъ извѣстномъ сочиненіи *Historia Naturalis*. Такъ укоренился терминъ „Естественная Исторія“ (*Naturgeschichte*) въ смыслѣ „Естествосвѣденія“ — безъ всякаго отношенія къ понятію о какомъ-либо процессѣ или движеніи. Между тѣмъ Поливій примѣнилъ терминъ „исторія“ къ

повѣствованію событій и, такимъ образомъ, далъ имя той отрасли свѣденій, которая составляетъ предметъ изученія нашего общества. Такъ раскололся на-двое терминъ *исторія*, обозначая съ одной стороны—науку описательнаго характера, касавшіяся природы, съ другой стороны—повѣствованіе о человѣческихъ дѣйствіяхъ и о судьбѣ людей и народовъ. Съ конца XVIII-го вѣка эти два термина стали, однако, сближаться и теперь снова сомкнулись въ одно общее понятіе. Это случилось вслѣдствіе проникновенія историческаго метода въ область природы.

Уже въ XVIII вѣкѣ въ нѣкоторыхъ умахъ мелькало сознаніе, что и природа представляетъ собою поприще, на которомъ совершалось поступательное движеніе. Гипотеза Лапласа и Канта объ образованіи планетъ и возникновеніи солнечной системы—внесла идею эволюціи въ міровданіе; затѣмъ на этомъ основаніи Лэйель начерталъ исторію возникновенія земнаго шара и придалъ геологій характеръ исторической науки. Въ самый годъ французской революціи одна изъ самыхъ значительныхъ отраслей біологій — ботаника — вступила на путь исторіи. Это было въ годъ выхода въ свѣтъ извѣстнаго сочиненія Антуана Жюссье. Вотъ какъ изображаетъ нашъ ученый специалистъ К. А. Тимирязевъ значеніе этого труда въ своемъ очеркѣ „историческаго метода въ біологій“: „Расположить растительный міръ въ рядъ, который выразилъ бы намъ тѣ взаимныя отношенія, ту непрерывную цѣпь, которую представляютъ живыя существа для внимательнаго изслѣдованія природы; уловить эти „garports“, это „enchainement des êtres—вотъ въ первый разъ опредѣленно высказанный лозунгъ, которымъ впредь, сознательно или безсознательно, будутъ руководиться послѣдующія поколѣнія натуралистовъ“ (стр. 89). Одновременно съ этимъ область ботаники озарилась новымъ свѣтомъ, который былъ пролить на нее понятіемъ „метаморфоза“. Это понятіе внесъ въ нее знаменитый поэтъ, для котораго поэтическое пониманіе природы было источникомъ научнаго откровенія. Пытаясь объяснить метаморфозу растений, Гёте былъ освѣненъ мыслью, что всѣ растительныя формы можно вывести изъ одной.

Вскорѣ за ботаникой послѣдовала зоологія, и идея о „сцѣпленіи существъ“ изъ области отвлеченной мысли была сведена на почву конкретныхъ фактовъ и облечена въ форму историческаго процесса.

Палеонтологія сдѣлалась „лѣтописью природы“, и такъ какъ нѣкоторыя ископаемыя формы возможно было включить въ ряды существующихъ группъ, то, по знаменательному—для насъ, исто-

риковъ,—выраженію Лэйеля, она оказалась „лѣтописью, написанною на живомъ еще языкѣ“. Эмбриологія, съ своей стороны, открыла таинственную перспективу въ прошлое организмовъ, доказавъ,—какъ гласитъ названіе основного въ этой области сочиненія Бера: „Entwicklungsgeschichte der Thiere“,—что высшіе организмы представляютъ собою результатъ цѣлаго процесса развитія, носящаго на себѣ слѣды прохожденія черезъ низшія ступени. При такихъ условіяхъ назрѣвала мысль о возможности открыть самые законы развитія сложныхъ и высшихъ животныхъ организмовъ изъ простыхъ и низшихъ. Первая попытка установить эти законы принадлежитъ Ламарку и была сдѣлана въ его сочиненіи: „Histoire Naturelle des Animaux sans vertèbres“, вышедшемъ съ 1815 по 1822 годъ. Основная идея Ламарка заключается въ томъ, что поступательный процессъ развитія организмовъ обусловливается вліяніемъ *среды*. Окружающія условія вызывали новыя потребности, эти новыя потребности создавали новые органы, видоизмѣняя, такимъ образомъ, первоначальный организмъ.

Какъ ни одностороння—скажемъ, первобытна—эта теорія, пытающаяся объяснить все богатое развитіе органическаго міра однимъ вліяніемъ внѣшней *среды*—для историковъ важно, что со времени Ламарка гипотеза о происхожденіи высшихъ организмовъ изъ низшихъ стала пріобрѣтать послѣдователей, а затѣмъ въ наши дни заняла господствующее положеніе въ біологіи. Но историки должны съ благодарностью вспоминать о Ламаркѣ не только за вышеупомянутую общую постановку вопроса о поступательномъ движеніи въ области органическаго міра и о вліяніи *среды*; одинъ изъ предположенныхъ имъ законовъ имѣетъ спеціальныи интересъ для насъ: по закону Ламарка все, что пріобрѣтено индивидуумами извѣстной породы, все, что видоизмѣнилось въ ихъ организаціи въ теченіе ихъ жизни,—сохраняется ими и передается происшедшему отъ нихъ поколѣнію.

Законъ о передачѣ путемъ наслѣдства пріобрѣтенныхъ свойствъ остался спорнымъ въ біологіи—еще въ прошломъ году онъ былъ предметомъ оживленной полемики между Спенсеромъ и другими біологами. Его рѣшеніе будетъ съ величайшимъ интересомъ принято историками, какъ и все, что находится въ связи съ проявленіемъ и развитіемъ историческаго метода въ біологіи. При большемъ досугѣ намъ пришлось бы упомянуть здѣсь также и о всѣхъ другихъ наукахъ, куда въ послѣднее время проникъ историческій методъ. Мы встрѣчаемъ его въ грамматикѣ, въ эстетикѣ, въ богословіи; его примѣнилъ Спенсеръ въ психологіи, пытаеь

прослѣдить самое возникновеніе психическихъ функций человѣка, въ особенности мыслительной. За нимъ послѣдовалъ умершій въ этомъ году англійскій ученый Роменсъ, авторъ сочиненія: „Mental Evolution of Man“.

Такое всеобщее приложеніе историческаго метода является торжествомъ для исторіи. Она была прежде запаснымъ магазиномъ, изъ котораго каждый выбиралъ по произволу пригодный для него матеріалъ; проникновеніе историческаго метода во всѣ научныя области измѣняетъ положеніе дѣла и превращаетъ ихъ въ провинціи всемірной исторіи, обогащая ее результатами специальныхъ наукъ. Изъ подчиненнаго положенія, которое исторія занимала по отношенію къ богословію, къ философіи и юриспруденціи, исторія, по словамъ Актона, эта служительница многихъ господъ, возвысилась и достигла господства надъ ними, возложивъ на нихъ законъ, который она сама себѣ дала.

Во всякомъ случаѣ про нее можно сказать, что она стала центральной наукою; на ея долю выпала обязанность внести стройность и синтезъ въ возрастающій со всѣхъ сторонъ до безконечности научный матеріалъ. Она въ этомъ отношеніи вступила въ конкуренцію съ философіей, тѣмъ болѣе, что послѣдняя сама въ значительной степени вошла въ ея орбиту. Уже много лѣтъ тому назадъ, патріархъ философіи въ наше время, Куно Фишеръ, началъ свое знаменитое изложеніе метафизическихъ системъ новаго времени опредѣленіемъ, что философія представляетъ собою самосознаніе исторіи.

Но если другія науки въ своемъ концентрическомъ движеніи становятся историческими дисциплинами, то, благодаря имъ, сама исторія принимаетъ болѣе научный характеръ. Изученіе фактовъ сопровождается въ ней изученіемъ *законовъ*. Возможность превращенія исторіи въ науку становится въ наше время главнымъ вопросомъ всякой теоретической обработки исторіи. Для восторженныхъ приверженцевъ научной исторіи эта возможность не только не подлежитъ сомнѣнію,—она представляется имъ совершившимся фактомъ. Притязанія, высказывавшіяся въ этомъ направленіи, раздавались такъ громко, и надежды, возлагаемыя на *научность* въ исторіи, бывали такъ неумѣренны, что превращеніе исторіи въ науку стало внушать опасенія многимъ изъ лучшихъ ея представителей. Чего они опасались—хорошо выразилъ умершій на дняхъ Фраудъ, въ рѣчи, посвященной памяти Бокля. Онъ находилъ утѣшеніе въ томъ, что *загадка* человѣческой природы останется неразрѣшенной. „Въ человѣкѣ,—по словамъ Фрауда,—останется то, что физическія науки не будутъ въ

состояніи объяснить (will fail to explain), *ничто такое*, что бы оно ни было въ немъ самомъ и въ мірѣ, что наука не подѣ силу измѣрить и что подсказываетъ человѣку невѣдомыя возможности (possibilities) его происхожденія и назначенія“.

Мы, съ своей стороны, не можемъ раздѣлять ни этихъ опасеній, ни этихъ надеждъ. Мы сочувствуемъ поэту, который, указывая на затаенный законъ, на священную загадку, представляемую жизнью, мечталъ о блаженствѣ разгадки — *das lösende Wort*. Но мы не ожидаемъ, чтобы эта разгадка была столь близка, чтобы скоро удалось подвести разнообразіе историческихъ явленій подѣ опредѣленные законы. Исторія въ этомъ отношеніи еще такъ далека отъ состоянія точной науки, что представители послѣдней нерѣдко относятся къ ней съ крайнимъ недоумѣніемъ. Такъ, въ вышедшихъ въ этомъ году отрывкахъ дневника графа Алекс. Кайзерлинга, извѣстнаго зоолога и геолога, сотрудника Мёрчисона и Мейендорфа, исследователя печорскаго края и попечителя дерптскаго учебнаго округа въ шестидесятихъ годахъ, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ отзывомъ объ исторіи: „Мнѣ исторія всегда представлялась слишкомъ неустойчивой стихіей; я не понимаю, какъ можно рѣшиться плавать по ней цѣлую жизнь. Гдѣ нѣтъ подо мной твердой почвы подлежащаго повторенію опыта или непреложныхъ мыслительныхъ законовъ, тамъ для меня начинается романъ въ теоретическомъ отношеніи, а на практикѣ — *приключеніе*. Другіе умы, однако, повидимому, такъ организованы, что тамъ, гдѣ они встрѣчаются съ непреложнымъ, они начинаютъ скучать—они нуждаются въ подвижномъ чувствѣ, какъ исходной точкѣ (*als Grundlage*) для своей умственной дѣятельности“. Мы не жалуемся на эту, если не совсѣмъ точную, то весьма мѣткую оцѣнку, исторіи и историковъ. Если исторія и не обладаетъ непреложными законами логики и не имѣетъ въ своемъ распоряженіи опыта,—она богата такими свойствами, которыя насъ съ нею примиряютъ. Въ исторіи всегда будетъ играть выдающуюся роль индивидуальный элементъ, и притомъ въ двоякомъ смыслѣ—въ личности историка и въ тѣхъ личностяхъ, дѣйствія которыхъ отразились на исторіи. Личность въ томъ и въ другомъ отношеніи вноситъ въ исторію неподдающійся точной наукѣ—ирраціональный элементъ; но произтекающее отсюда несовершенство исторіи искупается и особенными преимуществами. Субъективизмъ историка, если онъ служитъ великой идеѣ или великой страсти, какъ у Тацита,—кладетъ на его произведеніе печать безсмертія. А съ другой стороны, кто изъ историковъ согласился бы отказаться отъ того обаянія, которое присуще вели-

кимъ личностямъ въ исторіи, хотя мы и не въ состояніи свести ихъ дѣйствіе на причины или законы, которые бы удовлетворили точную науку.

Затѣмъ, то, чего недостаетъ исторіи въ научномъ отношеніи, восполняется ея близкой связью съ художествомъ. Хотя мы далеко ушли отъ воззрѣнія древнихъ, видѣвшихъ въ исторіи *opus maxime oratorium*, и научный элементъ въ исторіи все болѣе возрастаетъ,—художественный интересъ всегда будетъ живучъ въ исторіи и привлекаетъ къ ея изученію.

Но главное преимущество исторіи нужно искать, по нашему мнѣнію, въ нравственной области. Съ исторіей неразлученъ этический интересъ, и если исторія уступаетъ другимъ дисциплинамъ ума въ степени научности, то она далеко превосходитъ ихъ степенью нравственнаго вліянія на человѣка и на общество. Связь науки съ этикой вообще давно установлена, и какъ фактъ, и какъ постулатъ. Я позволю себѣ напомнить въ этомъ отношеніи слова Кальвина, великаго тѣмъ этическимъ вліяніемъ, которое онъ сумѣлъ вдохнуть въ свое твореніе и въ своихъ послѣдователей. Одному изъ своихъ учениковъ онъ однажды писалъ: „Ты не имѣешь права заниматься наукой ради науки; нагромождать сокровища учености не лучше, чѣмъ проводить жизнь въ созерцаніи картинъ. Критерій *доброй* науки—*des bonnes études*—заключается въ томъ, чтобъ она дѣлала насъ лучшими людьми, а потомъ давала бы возможность быть полезными другимъ“.

Исторія поставлена въ этомъ отношеніи въ довольно благопріятныя условія. Критерій, установленный Кальвиномъ для „доброй науки“, примѣнимъ всего болѣе къ ней. Основное понятіе, которымъ проникнута всемірная исторія—понятіе о человѣчествѣ! Для историка человѣчество—этическое понятіе, содержаніе котораго складывается изъ культурной работы поколѣній и народовъ—и изъ нравственныхъ подвиговъ индивидуумовъ. Въ такомъ пониманіи человѣчества проявляется взаимная солидарность поколѣній и народовъ, и дѣятельность индивидуумовъ находитъ тамъ свое высшее назначеніе. Но въ сознаніи такой общей цѣли, объединяющей людей въ чувствѣ солидарности между поколѣніями и народами, коренится *чужанность*: всемірная исторія является, такимъ образомъ, настоящей почвою для пробужденія и укрѣпленія гуманности, этого цѣннаго дара высокой культуры.

Но это не все. Всемірная исторія представляется наблюдателю безпредѣльной ареной столкновенія враждебныхъ силъ. Эти силы однако не стихійныя, не механическія, т.-е. не безотвѣтственныя силы. И побѣдители, и побѣжденные, бывали одушев-

лены сознаниемъ своего преимущества, своего призванія или своего *права*, нерѣдко выводя последнее изъ перваго или втораго источника. Работа историка поѣтому невольно принимаетъ для него отчасти судебный характеръ—*die Weltgeschichte wird zum Weltgericht*. Ему приходится разбираться между противоположными притязаніями, устанавливать по своему взгляду мѣру вины или заслуги людей и народовъ передъ челоѣчествомъ, передъ челоѣчностью и передъ трибуналомъ общей людской совѣсти. Въ силу этого, юридическія аксіомы: *audiatur et altera pars* и *sumi cuique*—становятся элементарными требованіями всякаго серьезнаго историческаго труда; строгая научность совпадаетъ съ юридическимъ безпристрастіемъ, составляя вмѣстѣ съ нею ту внутреннюю правду историческаго изслѣдованія, которую мы называемъ *объективностью*. Всемирная исторія становится, такимъ образомъ, школою *справедливости*. Склонность къ справедливости бываетъ прирожденнымъ даромъ, какъ и художественный талантъ, но, на подобіе ему, она нуждается въ упражненіи и въ опытности, и въ этомъ отношеніи для инстинкта справедливости нѣтъ лучшаго питомника, чѣмъ исторія.

Но правда историка—не та отвлеченная справедливость, которая имѣетъ въ виду лишь установленіе *summius jus*. Она дополняется и усовершенствуется другимъ чувствомъ. Зрѣлище частаго торжества наслія пріучаетъ историка относиться со вниманіемъ и участіемъ къ жертвамъ историческаго процесса, которые такъ нерѣдко бывали носителями правды и прогресса; зрѣлище неправды съ примѣсю истины, и заблужденій съ примѣсю правды, отъучаетъ историка отъ безусловныхъ осужденій и обращаетъ исторію въ проповѣдь *терпимости*—другого условія культурнаго и этическаго развитія. Содѣйствуя успѣхамъ исторической науки, наше общество поѣтому будетъ проводникомъ гуманности, справедливости и терпимости. Примѣненіе этихъ чувствъ къ явленіямъ прошлаго усилитъ потребность примѣненія ихъ къ явленіямъ и настоящаго. Развивая въ своихъ членахъ эти чувства, наше общество сдѣлается расадникомъ ихъ и хранителемъ въ томъ великомъ русскомъ обществѣ, которому оно желаетъ посильно служить своимъ существованіемъ и дѣятельностью. Въ сознаніи этой потребности оно основано—и да будетъ ему суждено упрочиться и процвѣтать въ этомъ направленіи!

В. ГЕРЬЕ.

ХОДОКЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ХVII *).

На круглой полянкѣ, обставленной молодымъ березникомъ, въ глубинѣ двора, обнесеннаго низкимъ заборомъ, размѣстились два просторныхъ сарайчика. Это было отдѣленіе для жеребятъ завода Колчановыхъ.

Осень доживала свои послѣдніе свѣтлые дни. Но въ этомъ году—особенно. На дворѣ былъ октябрь, а трава еще не поблекла, и на солнцѣ случалось до пятнадцати градусовъ тепла и больше. Листва березы переливалась золотомъ и багрянцемъ. Легкій вѣтерокъ тянулъ съ юго-востока и предвѣщалъ еще цѣлую недѣлю такихъ же ядрѣнныхъ дней. Полоса бѣлѣющихъ стволовъ подъ стѣной золотистаго багрянца радовала взглядъ посѣтителей.

Клавдія Спиридоновна пріѣхала съ сестрой и Таманцевымъ. Ихъ долгуша стояла въ сторонѣ, у опушки.

Часу въ одиннадцатомъ, всѣ трое подошли къ дверямъ темнаго „мшеника“, гдѣ содержались „коньки“, т. е. жеребчики, отдѣльно отъ кобылокъ.

Конюхъ Веденей—здоровенный молодой парень, съ обросшими точно пухомъ щеками, въ синей поддевѣ и высокихъ сапогахъ—растворилъ пока одну половинку низкихъ воротецъ, и господа вошли въ самый сарайчикъ, довольно просторный, безъ стойлъ,

---

*) См. выше: мартъ, 5 стр.

съ одной общей колодой. Жеребчики ходили безъ уздъ. Были тутъ и однолѣтки, и двухлѣтки; одни посвѣтлѣе, другіе потемнѣе.

Таманцевъ ни разу не попадалъ сюда въ теченіе лѣта, и Клавдія предложила ему воспользоваться послѣдними яркими днями осени.

Глафира сама напросилась съ ними. Сестра ея считала ее „абсолютно равнодушной“ къ такому чудесному „звѣрю“, какъ лошадь, и въ особенности къ жеребятамъ „обоого пола“, какъ Клавдія шутливо выражалась. Сегодня у Глафиры на душѣ „порхали птички“. Ей казалось, что въ тонѣ Таманцева есть что-то особенно теплое; дома онъ ей замѣтилъ вскользь, что ему хотѣлось бы поговорить съ ней одной.

Клавдія носила фуражку съ большимъ околышемъ, высокіе полусапожки и мужского покрою визитку. Глафира одѣлась во все синее и голову окутала пуховымъ платкомъ, что въ ней чрезвычайно шло. Таманцевъ былъ въ короткомъ пальтецѣ и охотничьихъ сапогахъ; на головѣ—низкая поярковая шляпа.

Молодой конюхъ, растворя ворота, окликнулъ коньковъ особымъ звукомъ, въ родѣ: „ого-го-го!“ Они вострепнулись и стали полегоньку пододвигаться къ свѣту. Впереди всѣхъ стоялъ годовалый конѣкъ, совсѣмъ еще маленькій. Свою слишкомъ крупную по росту голову, съ умными и ласковыми глазами, повернулъ онъ красивымъ поворотомъ и потянулся къ барынѣ. Это былъ любимецъ Клавдіи.

— Каковъ онъ у меня, Андрей Павловичъ?—радостно спросила Клавдія и рукой приласкала его, взявъ за морду въ томъ мѣстѣ, гдѣ у него обозначилась звѣздочка.

— Какъ вы его назвали, Клавдія Спиридоновна? Чудесный жеребеночекъ! Шеняша, шеняша!—позвалъ его Таманцевъ мѣстнымъ мужицкимъ словомъ.

— Куманекъ, вотъ какъ назвала.

И Глафира его приласкала. Остальные жеребята стали подходить ближе. Одинъ былъ уже съ добрую лошадь.

— Клавденька—весело заговорила Глафира—никакихъ скачекъ не пропускала въ газетахъ. Записывала даже имена.

— Ну ужъ, сударыня,—остановила Клавдія:—у тебя не стану больше брать именъ. Представьте, Андрей Павловичъ, разъ я ей предоставила. И она назвала вонъ того верзилу,—она указала на рослаго жеребенка:—какъ бы вы думали?.. Тигранъ.

— Почему?—спросилъ Таманцевъ Глафиру.

— Ха, ха! Попалось слово въ одной книгѣ, по римской исторіи. Такъ звали армянскаго царя, который воевалъ съ римлянами. Звукъ очень хорошъ.

— То-ли дѣло мои имена!—продолжала Клавдія.—Вотъ тотъ, совсѣмъ еще черненькій—Боецъ. Это вотъ Байбакъ—настоящій будетъ першеронъ. А тотъ—Погромъ.

— И всѣ они окажутся сѣрыми въ яблокахъ?—обратился Таманцевъ къ конюху.

— Всѣ какъ есть, ваше сіятельство,—доложилъ тотъ.—Извольте видѣть, вонъ тотъ, Тиграшка, началъ сѣрѣть. Яблоко-то явственнѣе у него.

Одногодки походили „рубашкой“ на караковыхъ, и темная шерсть—почти черная—переливалась, обозначая рисунокъ, какой будетъ у нихъ на бедрахъ и спинахъ, когда они посвѣтлѣютъ. Тиграша можно было уже назвать темносѣрымъ.

— Выпусти ихъ, Веденей!—хозяйскимъ звукомъ распорядилась Клавдія.

Сестры и ихъ гость отошли въ сторону. Жеребята потянулись изъ конюшни вереницей, помахивая своими чолками и хвостами; потомъ, очутившись на волѣ, разбрелись во всѣ стороны. Одинъ любимецъ Клавдіи Спиридоновны, Куманекъ, сталъ бѣгать, забавно вскидывая головой.

— Какая прелесть!—вырвалось восклицаніе у его барыни.

— Мнѣ завидно стало,—сказалъ ей Таманцевъ.—Пора и мнѣ завести такой заводецъ... для мужицкихъ битюковъ.

— Мало вы на нихъ тратитесь!—выговорила Клавдія.—Пускай казна объ этомъ позаботится... или земство! Веденей!—крикнула она.—Выпусти и кобылокъ!

Конюхъ пошелъ къ воротцамъ второй конюшни и растворилъ ихъ. Кобылокъ оказалось ровно столько, сколько и коньковъ—пять штукъ. Сейчасъ можно было распознать ихъ—и ростомъ онѣ были меньше, и головы тоньше, и складъ шире, и „рубашкой“ посвѣтлѣе.

— Отгони коньковъ къ сторонѣ!—скомандовала Клавдія.

Кобылки стали въ бучу, и только одна сейчасъ же потянулась.

— Андрей Павловичъ!—окликнула Клавдія.—Какова красота! Голова-то какая! Я ее Кралей прозвала; а Глаша находитъ, что это лакейское имя.

— Почему же?—возразилъ Таманцевъ.—Народно!

— Утѣшься, Клавденька!—сказала Глафира.—Ни одного имени я тебѣ не предлагала—всѣ твоего производства.

— Что-жъ! Чѣмъ же плохи? Графъ одобритъ: вонъ та крайняя бѣлоножка—Наина.

— Ты вычитала въ репортерскихъ отчетахъ о скачкахъ.

— А то какже! Прекрасное имя. А вонъ видите, какъ эта

на насъ сердито смотреть. Я ее назвала Рогиндой. Она прерывная. Чуть которую приласкай—она сейчасъ норовитъ куснуть ее. Остальныя двѣ—Гусыня и Трусиха.

— Тоже по ихъ свойствамъ даны?—спросилъ Таманцевъ.

— Конечно. Гусыня оттого, что она ходитъ съ перевальцемъ, вродѣ йноходи. А та—настоящая трусиха.

— Дѣйствительно,—отозвался Веденей.—И ежели не отогнать отъ нея прочихъ, она и корма травить не станетъ.

— Хоть на выставку!—вскрикнулъ Таманцевъ.—И въ какихъ-нибудь два-три года.

— Да вѣдь это—самая легкая штука, Андрей Павловичъ, если позволяетъ мѣсто. У васъ тоже довольно земли и луга есть.

— Въ собственномъ пользованіи—самая малость.

— Разумѣется, что получше, то все у мужиковъ, въ арендѣ,—съ веселой ироніей выговорила Клавдія.—Такъ вѣдь не на вѣчныя же времена вы ихъ закабалили?

Глафира боялась, что у нихъ завяжется хозяйственный разговоръ. Они и дорогой, въ долгушѣ, безъ устали толковали о посѣвахъ образцовой ржи, которую Клавдія выписала съ Бутырскаго хутора, изъ-подъ Москвы. Въ ухахъ ея еще звенѣли названія сортовъ. Сначала все говорили о какой-то „пробштейнской“, потомъ чуть ли не о „машпанской“. Довольнѣе оставалась Клавдія „кустовкой“ и рекомендовала ее Таманцеву.

— Тебѣ надо Веденею приказать?—спросила ее Глафира вполголоса:—такъ мы прогулялись бы немного въ лѣсу.

— Хорошо, Глазя!

Глаза Клавдіи ярче блеснули. Она что-то подумала, но ничего больше не сказала сестрѣ.

— Графъ!—окликнула она Таманцева.—Загляните въ мой лѣсокъ! Тамъ славно. А я тутъ кое-чѣмъ распоряжусь.

XVIII.

Золотистый багрянецъ смотрѣлъ на нихъ и сверху, и съ боковъ.

Они двигались замедленнымъ шагомъ по тропѣ, которая вела къ пчельнику; но до пчельника они не дошли и вернулись, боясь, что Клавдія должна будетъ ждать ихъ.

Глафира тихо улыбалась, и двойныя ямочки играли на ея еще загорѣлыхъ щекахъ. Все, что ей говорилъ Таманцевъ, съ

первыхъ шаговъ по лѣсу, наполняло ее довольнымъ чувствомъ за него и дѣлало его личность еще дороже и ближе.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, чудесная натура въ этомъ человѣкѣ! Другой бы—не то что титулованный баринъ, а первый попавшійся обыватель—затаилъ въ себѣ раздраженіе на весь уѣздъ, гдѣ его такъ мало цѣняютъ. А онъ себя же если не винить, то разбираетъ. Въмѣсто гордыни и презрительной обидчивости, въ немъ душевная потребность—„найти равновѣсіе“.

— Слишкомъ мы, господа,—говорилъ онъ ей вдумчиво и крото, —носимся съ своей драгоценной особой, Глафира Спиридоновна.

— Будто и вы?—проронила она.

— И я также. Насильно милъ не будешь. Но я вовсе не сожалѣю, что былъ хоть и неумѣлымъ ходокѣмъ Мурашкинской волости. Все перемелется. Если любить хоть немного свою землю, народъ, уѣздъ, какъ земскую единицу—дѣло найдется. Вотъ лѣто прошло. Ничего особеннаго я не произвелъ; но и зря не жилъ, учился у вашей сестры толковому обращенію съ угодьями, присматривался къ общимъ нуждамъ, къ барину и къ разночинцу.

— Значить, и къ намъ, грѣшнымъ?—шутливо вымолвила Глафира.

— Какіе же вы разночинцы?—серьезно переспросилъ онъ ее.

— А какже? Купчихи первой гильдіи. Я это заявляю не изъ ложной гордости. Ничего въ нашемъ сословіи нѣтъ такого, чтобы я его черезъ-чуръ высоко ставила. Да оно совсѣмъ и не сословіе. Кто купить товару на два рубля, а продать его за пять, тотъ и купецъ.

— Но вы дѣлаетесь силой, — проговорилъ Таманцевъ.—Клавдія Спиридоновна—будь она мужчиной—была бы давно предсѣдателемъ управы и ворочала бы всѣмъ уѣздомъ.

— Можетъ быть... Только я—грѣшный человѣкъ—не могла бы удовлетвориться однимъ ея дѣломъ.

— Въ этомъ сила. И всего остального легче достигнуть, у кого есть она.

— Остальное, Андрей Павловичъ, это—духовная пища. Съ нея надо начать. Мое убѣжденіе такое,—начала Глафира, опуская свои густыя рѣсницы,—что народъ не потому бѣденъ и безпомощенъ, что у него земли мало, а оттого, что онъ въ темнотѣ живетъ—вотъ почему. Знаю, это—буки-азъ-ба; но темнота его почти такая же, какая была, когда императоръ Траянъ воевалъ съ нами и привозилъ насъ плѣнными въ вѣчный городъ.

— Будто бы и насъ?—заинтересованно спросилъ Таманцевъ.

— А Траянову колонну въ Римѣ видѣли?

— Видѣлъ.

— Если вглядѣлись въ барельефъ... плѣнные — это наши мужички: тѣ же въ кружало стриженные волосы, тѣ же лапти и онучи, тотъ же покрой одѣжи.

— Пожалуй, вы и правы!

„Какъ она мила и умна!“ — подумалъ Таманцевъ, испытывая на себѣ приятное ощущеніе отъ самаго голоса этой красивой и статной дѣвушки.

— Вотъ я и надумала, Андрей Павловичъ, одну вещь. Клавдія мнѣ мѣшать не станетъ. Жалѣю, что пропустила лѣто для стройки.

— Школу?

— Простыхъ школъ въ нашей округѣ цѣлыхъ три. У васъ въ Таманцевѣ школа прекрасная, благодаря вамъ же.

— Отчего же мнѣ? — оговорился онъ.

— А то кому же? Не знаете? Вы помогли построить новый домъ, вы прибавили жалованье учителю; да и учителя-то сами выбрали.

— Положимъ, положимъ.

— Я разсуждаю такъ: вся будущность нашего крестьянства — въ бабѣ или, лучше, въ дѣвушкѣ. Простой школы мало. Дѣвчонки много черезъ три-четыре года забываютъ грамоту. Это — дѣло до-знанное. А есть удивительно способныя и, главное, склонныя къ духовной жизни. Не даромъ же онѣ идутъ въ чернишки и монашки... Мнѣ хочется недалеко отъ насъ — между тремя селами — устроить школу для грамотныхъ дѣвченокъ, съ обученіемъ и ку-старному дѣлу, чтобы онѣ выходили хорошими начетчицами, чтобы у себя въ избѣ онѣ учили кого можно и пріохочивали къ книгѣ и разумной бесѣдѣ и отцовъ, и братьевъ, и мужей.

— Идея прекрасная! — горячо отозвался Таманцевъ.

Они остановились недалеко отъ опушки, около купы березъ.

— Клавденька утверждаетъ, что по моей милости въ деревняхъ заведутся „синіе чулки“... И въ каждой избѣ у насъ будетъ отелъ Рамбулѣ.

Глафира весело разсмѣялась.

— Нужды нѣтъ! Зачѣмъ же откладывать въ долгій ящикъ?

— Можетъ быть, я и въ усадьбѣ временно начну уроки. Помѣщеніе найдется.

Она смолкла. Таманцевъ, взявшись за сучокъ дерева, глядѣлъ на нее ласковымъ и пытливымъ взглядомъ. Что-то вдругъ за-искрылось въ его глазахъ, и онъ другимъ голосомъ обликнулъ:

— Глафира Спиридоновна!

— Чтѣ угодні?

— На дняхъ получилъ я письмо отъ очень милаго петербургскаго юнца изъ-за границы. И то, чтѣ онъ мнѣ сообщаетъ объ одной женщинѣ, вызвало сначала наплывъ горечи...—онъ не досказалъ и сдѣлалъ характерный жестъ свободной рукой.

„Вотъ о чемъ ему хотѣлось говорить!“—тотчасъ же подумала Глафира, и у нея сладко-тревожно ёкнуло въ груди.

— А потомъ,—продолжалъ онъ спокойнѣе,—пришло и сознание, что все это уже было и не повторится. И мнѣ жалко стало чувства, когда-то такъ неудачно потраченнаго...

„Это про ту... петербургскую княжну“,—пояснила себѣ Глафира.

Сердце у нея забилося замѣтно для нея самой. Ей было ново и радостно слушать начало этой неожиданной исповѣди. Еслибъ онъ до сихъ поръ любилъ—онъ не сталъ бы растравлять своей раны. Не такая это натура. Ни разу—въ первыя недѣли по приѣздѣ изъ Петербурга—онъ не изливался ей, даже ни однимъ словомъ не обмолвился о дуэли, почему она, до сихъ поръ, и не знала ничего вѣрнаго о томъ, черезъ чтѣ собственно прошелъ онъ въ Петербургѣ.

— Стало, Андрей Павловичъ,—тихо спросила она:—подведенъ итогъ?

— Да, итогъ: это вы отлично назвали. Итогъ—не радостный, но здоровый. Душа подвержена такимъ же заразамъ, какъ и тѣло.

— Вы развѣ такъ смотрите на любовь?—набравшись смѣлости, выговорила Глафира и изъ-подъ рѣсницъ поглядѣла на него.

— Не всякую... Но въ томъ мѣрѣ, откуда я вырвался окончательно, она—или зараза, или жалкій самообманъ, если и не похуже того.

— Вамъ пишутъ?..

Глафира не договорила. Ей стало стыдно: точно она выпрашиваетъ.

— Пойдемте,—начала она поспѣшно:—Клавденька навѣрно уже повончила давать инструкціи Веденею.

— Печальная это исторія—не для меня, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, — прибавилъ онъ съ особеннымъ выраженіемъ.

— А для той стороны,—чуть слышно подсказала Глафира.

— Тамъ, кажется, и никакого увлеченія не было, ни съ той, ни съ другой стороны... И чтѣ меня иногда смущаетъ—это то, что, быть можетъ, я былъ виною такого печальнаго брака... Простите... Это васъ не можетъ особенно интересовать.

— Что вы! Помилуйте! — воскликнула Глафира. — Ваша задушевная жизнь?

Ея глаза глядѣли на него съ радостнымъ удивленіемъ. Онъ понималъ впервые, чѣмъ онъ дѣлается для этой дѣвушки.

— Теперь все это сдано въ архивъ, — выговорилъ онъ, идя около нея съ опущенной головой. — Прежде мнѣ было бы слишкомъ больно говорить объ этомъ, даже съ такимъ близкимъ человекомъ, какъ вы... Теперь не то.

„Близкій человекъ!“ — повторила она, чувствуя, какъ у ней начинаютъ горѣть уши. Онъ не можетъ же не замѣчать.

„Пусть замѣтитъ! Мнѣ незачѣмъ скрывать, что онъ — для меня“, — твердо выговорила она мысленно.

Ее точно несла волна куда-то, гдѣ будетъ такъ свѣтло и радостно. Все остальное — ничто, въ сравненіи съ тѣмъ фактомъ, что онъ уже можетъ говорить о своей „заразѣ“, какъ человекъ совсѣмъ здоровый.

То уже „было“ — и не вернется.

— Ау! — крикнула она всей грудью, увидавъ сквозь опушку Клавдію.

XIX.

Въ передней Таманцевской усадьбы, въ сумрачный ноябрьскій день, тихо потрескивали дрова въ большой изразцовой печи.

Лаврентій пилъ чай у столика и поглядывалъ бокомъ — хорошо ли горятъ дрова. На немъ, по-деревенски, надѣтъ былъ короткій тулупчикъ; на ногахъ — валенки. Онъ хмурился, и даже чай — его любимое времяпровожденіе — не тѣшилъ его.

Вотъ уже съ недѣлю, какъ графъ Андрей Павловичъ не выходитъ изъ своихъ комнатъ и долженъ лежать — и днемъ — на кушеткѣ. Простудился на земскихъ выборахъ; по ночамъ у него сильнѣйшія боли въ колѣнѣ и въ правомъ плечѣ, и жаръ бываетъ. Докторъ ѣздитъ, а толку мало.

За барина Лаврентій сильно огорченъ и обиженъ. И никогда онъ не любилъ деревни и „мужичья“. А ужъ въ послѣднее время и совсѣмъ ему деревня претитъ.

По природѣ молчаливый и очень сдержанный, онъ никогда не позволялъ себѣ дѣлать какія-нибудь замѣчанія вслухъ.

Но доволенъ онъ быть не можетъ. Графъ — на его оцѣнку — совсѣмъ себя „нестреплетъ“, или будетъ такъ жить и подходя давать себя дурачить.

Съ тѣмъ сообразно: молодой еще человѣкъ, важнаго рода, собой красивый, свободный и съ хорошимъ имѣніемъ—и вести себя такъ „малодушно“!

Довольно и того, что онъ бросилъ службу и сталъ здѣсь мужикѣ кормить, а потомъ чуть не за даромъ роздалъ имъ землю, за чужую волость въ ходокѣ пошелъ—и какъ они его отблагодарили? Всю исторію Лаврентій превосходно знаетъ. Развѣ возможно снести это отъ „хамовъ“? А этого мало, что графъ цѣлыхъ два года потерялъ—ни по имѣнію, ни по службѣ ничего не добился, да и не желаетъ добиваться?

Лаврентій цѣнилъ „благородную душу“ графа и самъ считалъ себя человѣкомъ съ правилами. Онъ любилъ читать духовныя книжки, съ женщинами не знался, никогда не употреблялъ бранныхъ словъ, всякое доброе дѣло уважалъ.

Однако всему есть предѣлъ.

То, что случилось на земскихъ выборахъ, переполнило чашу. Графъ ни въ какія должности не желалъ идти—по земству. Его начали упрашивать: земскій начальникъ, кандидатъ въ предводители, еще старикъ—сосѣдъ Балахнинъ, да почти всѣ дворяне. И вдругъ купчишка Кувшинковъ притворился, что баллотироваться онъ не желаетъ, а, между прочимъ, мужичьѣ, черезъ старшину Суслова, такъ настроилъ, что его выбрали, послѣ того, какъ графа „прокатили на воронныхъ“. И гласные какой волости всѣ поголовно черныхъ ему навляли?—Муражкинской, которымъ онъ у казны пустошь оттягалъ!

Простуда простудой, а главное обида. И было бы изъ-за чего! Этакая сласть—валандаться съ тѣмъ же мужичьемъ на земской службѣ, мосты чинить, да фельдшеровъ пьяныхъ надзирать по больницамъ! Хорошо быть благодѣтелемъ края, коли тебя цѣняютъ и ставятъ на первое мѣсто; а такъ?..

Дрова въ печи жарѣо разгорѣлись. Лаврентій налилъ себѣ третью чашку, всталъ и прислушался—не стонетъ ли баринъ. Онъ хотъ и крѣпится, да вдругъ и застонетъ.

Дверь изъ сѣней стали тихонько отворять. Просунулась сначала голова въ темномъ платкѣ, потомъ и вся женская фигура.

Вошла Авдотья и, осторожно затворивъ за собою дверь, встала и тотчасъ же оглянулась на дверь въ кабинетъ барина.

— Какъ баринъ, Лаврентій Ѳомичъ?—спросила Авдотья съ низкимъ поклономъ.

Она была, какъ всегда, въ кафтанѣ и увязана платкомъ.

— Сегодня не жалуетъ; однако не очень хорошъ.

Авдотья только на его пригласительный жестъ присѣла къ столу.

— Чайку хотите?

— Покорно благодарствую.

Противъ этой женщины онъ ничего не имѣлъ, даже съ тѣхъ поръ, какъ она „въ ключахъ“, обращался съ ней вѣжливо, на „вы“, и звалъ часто: Авдотья Лукинишна. Но въ немъ сидѣло какое-то смутное недовѣріе въ Авдотью. Онъ, разумѣется, не станетъ, какъ „темное мужичье“, считать ее колдуньей. Но насчетъ убійства мужа—кто ее знаетъ? И то ему не очень нравилось, что она знахарствомъ занималась. Про себя онъ звалъ ее „хлыстовкой“, хотя отлично зналъ, что она—не раскольница.

Когда барину—на второй день болѣзни—сильно недужилось ночью, онъ позвалъ Авдотью самъ, и она двѣ ночи сряду дежурила. Графъ былъ очень доволенъ ею и все повторялъ:

— Какая умная баба!

Что-то она ему во вторую ночь рассказывала. Ему не спалось, и онъ самъ съ нею заговорилъ. На третій день она принесла съ собой стлянку съ какимъ-то масломъ и стала просить Лаврентія, чтобы онъ барину растеръ этимъ ногу. Онъ не рѣшился. Тогда Авдотья улучила минуту и сама сказала графу: тотъ разсмѣялся, понюхалъ и позволилъ растереть. Боли стали на слѣдующую ночь гораздо легче. Авдотья зоветъ его болѣзнь „пострѣлъ“ и говорить, что это—„самый пустякъ“, еслибъ баринъ сходилъ въ баню и позволилъ растереть себя всего. Докторъ на это сказалъ, что баня—хорошее дѣло, да только не по времени, можно еще пуще простудиться. Но доктору Лаврентій не особенно довѣрялъ и считалъ его „сицилистомъ“, придавая этому слову широкое толкованіе.

Тихо подувала Авдотья на блюдечко, и губы ея вбирали чай съ легкимъ присвистомъ.

— Лаврентій Ѳомичъ!—вполголоса окликнула она камердинера.—Довлаживать ли графу? Въ людской сидитъ Квасовъ муражинскій, бывшій писарь, и еще одинъ мужикъ... по старой вѣрѣ онъ,—прибавила она, поведя ртомъ:—прозывается Данило Паренный... въ волостномъ судѣ допрежъ того сидѣлъ, а теперь Сусловъ-то, старшина, его больно обижаетъ. Тоже и писарь жалится.

— Кляузы какія-нибудь?—довольно строго отозвался Лаврентій.

— Извѣстно... лѣзутъ... знавши графскую доброту.

— Теперь съ какой же стати?

— Я имъ и сказывала. А они просительно просятъ. Одна,

моль, защита у насъ—графъ Андрей Павловичъ. И батюшка тутъ причиненъ...

— Отецъ Ермилъ?

— Онъ. Данило-то... по старой вѣрѣ, значить. Что-то насчетъ дѣтей вышло — у него пропасть ихъ. Попъ-отъ дошлый... до всего касается.

— Нечего графу вмѣшиваться во всѣ эти дразги.

Авдотья помолчала.

— А можетъ... коли барину полегче—онъ и приметъ ихъ... отъ скуки? Знаете, Лаврентій Ѳомичъ, коли недужится такимъ манеромъ, одному-то лежать—сейчасъ и прилѣтъ къ больному мѣсту.

„Умная ты, точно,—думалъ Лаврентій,—а кто тебя вѣдаетъ? Поди, тѣ попрошайки ужъ всунули тебѣ двѣ семитки“.

Плутоватой онъ ее не имѣлъ права считать. Съ тѣхъ поръ, какъ она ходить въ „ключахъ“—никакихъ неисправностей за ней не водилось. Она сама вызвалась помогать и страпухѣ. Умѣетъ и бѣлье мыть. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, это доставить барину развлеченіе. Пускай покажутъ ему лишній разъ, что со всѣми этими „подлецами“ ему не пристало возиться, а давно пора „плюнуть на всю округу“ и жить, какъ ему полагается, „по всѣмъ резонамъ“.

Изъ кабинета раздался звонокъ.

— А ежели недужится, такъ, извѣстное дѣло, не безпокойте, —поторопилась прибавить Авдотья, когда Лаврентій пошелъ къ двери.

Онъ побылъ у барина недолго.

— Графъ спрашиваютъ—не Авдотья ли пришла.

— Войти мнѣ?

— Войдите. Онъ хвалить ваше снадобье.

— Растирался нѣшто?

— Я вчера на ночь натеръ ногу.

— Слава тебѣ, Господи. А насчетъ Квасова съ Данилой не докладывали?

— Такъ, косвенно, доложилъ.

— Что жъ онѣ?

— Графъ говорить, что сегодня отъ ноги совсѣмъ отошло и жару нѣтъ въ головѣ.

Авдотья поднялась, поправила платокъ, поблагодарила Лаврентія за чай-сахаръ истовымъ поклономъ и протяжно прошептала:

— Господи Иисусе Христе!

Послѣ чего перекрестилась, прежде чѣмъ взяться за ручку двери.

„Хлыстовка какъ есть!—подумалъ ей вслѣдъ Лаврентій.—Небось сейчасъ готова порадовать раскольнику—нужды нѣтъ, что у службы бываетъ“.

Онъ самъ ходилъ каждое воскресенье на село и всякій разъ видѣлъ, какъ Авдотья усердно молится; но ему не очень нравилось то, что она закидываетъ „по-старовѣрски“ руку, осѣняя себя крестомъ. Этотъ „заносъ“—для него отзывался „хлыстовкой“, хотя онъ имѣлъ самое смутное понятіе о хлыстовой вѣрѣ.

XX.

На кушеткѣ, съ ногами, укутанными въ пледъ, лежалъ Таманцевъ, и голова его опиралась о высоко взбитую подушку. Онъ читалъ новую книжку журнала, полученную наканунѣ изъ Петербурга.

Вошелъ Лаврентій и доложилъ:

— Здѣсь они; прикажете позвать?

— Позови.

Отъ Авдотьи Таманцевъ зналъ, въ чемъ, приблизительно, будетъ состоять разговоръ съ Данилой Паренымъ, котораго онъ хорошо помнилъ изъ того времени, когда часто ѣздилъ въ Муромъ. Не особенно пріятно ему появленіе Квасова. Навѣрно будетъ что-нибудь клянчить или наущничать. Теперь, послѣ выборовъ, всякій разговоръ о старшинѣ Сусловѣ былъ бы нежелательнымъ.

Обоихъ просителей Лаврентій сначала обогрѣлъ у печки, чтобы они не нанесли съ собою холоднаго воздуха и не простудили графа.

И бывшій писарь, и бывшій волостной судья, сняли свои тулупы и явились—одинъ въ пиджакѣ, съ вязанымъ шарфомъ, другой въ новой поддевкѣ, оба въ валенкахъ.

Квасовъ, маленькаго роста брюнетъ, смотрѣлъ деревенскимъ псаломщикомъ. Данило Паренный былъ сухой, узкоплечій мужикъ, немного сутуловатый. Рыжіе плоскіе волосы падали вдоль щекъ, и борода двоилась. Глаза смотрѣли изъ глубокихъ впадинъ и пристально, и тревожно. Ему могло быть лѣтъ за-сорокъ. Писарь казался гораздо моложе.

— Здравствуйте, господа!—окликнулъ ихъ Таманцевъ, приподнявъ голову и сѣлъ на кушеткѣ.

Оба низко поклонились. Паренный кашлянулъ въ бокъ и въ руку.

— Къ вашему сіятельству, — заговорилъ Квасовъ, выступивъ немного впередъ... Вотъ благопріятель мой, Данило Вонифатьевъ, вамъ безъизвѣстный—просить, значить, предстательства передъ вами. Я собственно по его дѣлу. А самъ—хотя и лишенъ, можно сказать, всякой поддержки и пребываю въ ничтожествѣ—однако ничѣмъ ваше сіятельство утруждать не буду, тѣмъ паче, какъ вы изволите быть не въ полномъ здоровьѣ.

По блеску глазъ Квасова съ красными вѣками можно было предположить, что онъ выпилъ. Говорилъ онъ высокимъ теноркомъ и безъ мѣстнаго упирания на „онъ“.

— Къ вашей милости,—глухо вымолвилъ Паренный и низко мотнулъ головой.

Таманцевъ увидалъ на маковѣхъ его выстриженный кругъ, обязательный для старовѣра. Въ этой мѣстности и многимъ даже „церковнымъ“ уже дѣтми выстригаютъ маковку.

— Садитесь,—указалъ Таманцевъ на два стула, въ углу кабинета, около окна.

— И такъ постойте,—отвѣтилъ Паренный.

Таманцевъ замѣтилъ, что, входя, Паренный не крестился. Въ селѣ Таманцевъ и въ другихъ деревняхъ водились раскольники по австрійской митрополи и безпоповцы. Онъ хорошо помнилъ, какъ, во время голода, и тѣ, и другіе приходили за варевомъ съ своей посудой и не желали ѣсть съ церковными, особенно безпоповцы. Паренный былъ, кажется, еедосѣвецъ. Прежде—въ Николаевское время—они всѣ значились православными; потомъ ихъ перестали безпокоить; теперь опять принялись за нихъ.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ Таманцевъ, заинтересованный тѣмъ, какой видъ „рвенія“ выказываетъ священникъ его села—отецъ Оаворскій.

— Да вотъ онъ, батюшка ваше сіятельство,—Паренный указалъ рукой на Квасова—доложить. Потому онъ въ законѣ твердъ... и всякую статью, и все прочее...

Старообрядецъ былъ нерѣчистъ, только его глубоковдавленные глаза говорили, что онъ находится въ сильномъ волненіи.

Квасовъ откашлялся въ руку и врянулъ.

— Ежели теперь вамъ не безъизвѣстно, ваше сіятельство, что по законоположенію третьяго мая именуемые раскольниками обыватели, особливо по нѣкоторымъ сектамъ—ограничены въ мѣстѣ жительства и по общественнымъ должностямъ...

Таманцевъ кивнулъ головой.

— Слѣдственно, претекстъ всегда есть у тѣхъ, кто по нынѣшнему времени отличиться желаетъ или свою механику под-

строиwaетъ. Благопріятель мой, Данило Вонифатьевъ, состоитъ по безпововскому согласію. И супротивникъ мой, старшина Сусловъ, первымъ дѣломъ постарался его изъ волостныхъ судей устранить. И ежели противъ вашего сіятельства муражинцы такъ, съ позволенія сказать, наневѣжничали, то оттого именно, что Сусловъ свою кабальную гольтепу насажалъ. И въ должностныхъ людяхъ такіе лодыри и жулики очутились, какъ Ермолай Ягодкинъ, Иванъ Косица, аль опять Малюгинъ, аль Тимошка, аль Анкеиндинъ Сигѣвъ?

Данило при каждомъ имени поддакивалъ движеніемъ головы.

— Объ этомъ зачѣмъ же? — остановилъ Таманцевъ Квасова, уже вошедшаго въ роль обличителя своего „супротивника“.

— Я это къ слову, ваше сіятельство. Старшина поддѣлывается къ отцу Ермилу, а тотъ, послѣ небезызвѣстнаго вамъ сѣзда, противъ раскольниковъ распаляетъ нарочитымъ усердіемъ, — ротъ Квасова повела ѣдкая усмѣшка, — и по своему такому направленію онъ толкуетъ статьи Уложенія о наказаніяхъ...

Квасовъ остановился и приложилъ указательный палецъ ко лбу.

— Дай Богъ памяти... Статья сто-девяностая Уложенія гласитъ, что ежели родители дѣтей, рожденных въ православіи, совращаютъ въ свою вѣру, то дѣтей у оныхъ родителей отнимать.

Раскольникъ глубоко вздохнулъ и опустилъ голову.

— А у благопріятеля моего, — продолжалъ Квасовъ, — дѣти были крещены, потому какъ тогда построже было, нечѣмъ впоследствии, и вся округа числилась въ церковныхъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, весьма многіе придерживались старой вѣры. У васъ, на селѣ, водятся и молокане, а пожалуй и хлысты, — прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

— Что же я-то могу тутъ сдѣлать? — спросилъ Таманцевъ, немного наморщивъ правую бровь: нога у него заняла.

— Отецъ Ермилъ дѣйствуетъ сугубо на Ивана Ивановича, господина земскаго начальника. Тѣ отличаются благочестіемъ. Противъ нихъ я претензіи не заявляю. Онѣ, по навѣтамъ Суслова, дали согласіе на мое удаленіе отъ должности. Теперь отецъ Ермилъ грозитъ моему благопріятелю насильственнымъ отторженіемъ дѣтей, такъ сказать, отъ дома родительскаго. И по духу нынѣшняго времени она опасность можетъ легко осуществиться. На васъ только и надежда, на ваше сіятельство.

Паренный безъ словъ бухнулся на полъ съ земнымъ поклономъ.

Кровь прилила къ щекамъ Таманцева. Онъ сдѣлалъ движеніе больной ногой и чуть не застоналъ.

— Не надо этого! — крикнулъ онъ.

Квасовъ быстро шепнулъ раскольникову:

— Вставай! Его сіятельство не желаютъ.

Пареный поднялся и устави́лъ на Таманцева просительный взглядъ своихъ глубокихъ и совсѣмъ сухихъ глазъ.

— Теперь, братцы, вы видите—я нигуда не выѣзжаю и даже не выхожу... Если Иванъ Ивановичъ заѣдетъ ко мнѣ,—я поговорю, а съ отцомъ Ермиломъ я не считаю удобнымъ вступать въ переговоры.

Острая боль въ ногѣ не позволила ему докончить фразу. Онъ вытянулся и сдѣлалъ знакъ, что дольше ему трудно говорить.

— Не обезсудьте, ваше сіятельство!—вполголоса сказалъ Данило.

Квасовъ, еще разъ кашлянувъ въ руку, подвинулся шага на два впередъ.

— Про свою обиду не буду утруждать ваше сіятельство. Можно сказать—всего лишень; но, по волѣ Создателя, держусь, такъ сказать, на поверхности и снискиваю свое пропитаніе. Скорблю,—и не я одинъ,—что такой именитой особѣ, какъ графъ Андрей Павловичъ—и вдругъ господа земскіе гласные предпочли господина Кувшинкова—такого же разночинца, какъ и я, грѣшны́й! Прощенья просимъ.

Онъ потянулъ Паренаго за рукавъ, и оба, мягко ступая валенками, выдвинулись въ полуотворенную дверь.

Таманцеву хотѣлось прикрикнуть на льстиваго и велерѣчиваго Квасова. Даже и этотъ плутъ, изъ усердія, напомнилъ ему про недавнюю незаслуженную обиду. Но онъ радъ былъ и тому, что просители убрались.

Внезапное колотье и нытье въ ногѣ грозили усиленіемъ болѣзни.

Лаврентій, точно догадавшись, что ему опять нехорошо, вошелъ въ кабинетъ и заботливо оглянулъ барина.

— Не прикажете ли растереть?—спросилъ онъ. — Или лекарство подать?

— Лучше позови Авдотью,—упавшимъ голосомъ проговорилъ Таманцевъ.

— И я съумѣю, графъ! — полуобидчиво сказалъ Лаврентій, начинавшій не на шутку ревновать барина къ „хлыстовѣ“.

XXI.

Послѣ короткаго сна, не больше часа, Таманцевъ проснулся отъ нытья въ ногѣ. Онъ предвидѣлъ, что не заснетъ до утра; когда онъ, при свѣтѣ ночника, посмотрѣлъ на часы—было всего четверть третьяго.

Болезнь затягивалась. Вотъ слишкомъ двѣ недѣли, какъ онъ не выѣзжаетъ изъ дому. Ему уже дѣлалось гораздо лучше, и докторъ увѣрялъ, что „живой рукой“ поставить его на ноги. Вышло, однако, не такъ.

Къ нему пожаловалъ отецъ Оаворскій, провѣдавъ, что онъ желаетъ заступиться за раскольника Данилу Паренаго. Въ тотъ день Таманцевъ чувствовалъ себя хорошо. Но этотъ священникъ „новой формациі“ — какъ его зоветъ Домашневъ — съ его дѣлческо-чиновнымъ тономъ и официальнымъ усердіемъ — вызвалъ въ немъ такое настроеніе, что разговоръ кончился „разносомъ“. Отецъ Ермилъ сначала казался подневольнымъ человекомъ, котораго власти заставляютъ дѣйствовать „по закону“; но кончилъ тѣмъ, что тутъ же осерчалъ, и сталъ говорить такимъ тономъ, какого никогда прежде Таманцевъ не слыхалъ. И когда отецъ Оаворскій удалился, графу ясно стало, что теперь и „онъ“ съ нимъ не церемонится. Еще съ третьяго года онъ замѣчалъ, что тотъ что-то противъ него имѣлъ. Ему его нарядчикъ тогда же объяснилъ, въ чемъ дѣло. Это — человекъ скупой и постоянный вкладчикъ въ мѣстный банкъ. У него кромѣ церковной — и своей земли десятины пятьдесятъ, и снимаетъ онъ столько же. Подъѣзжалъ онъ насчетъ аренды одной пустоши... Таманцевъ отдалъ и ее мужикамъ.

Въ ту же ночь его опять мучилъ припадокъ ревматической лихорадки, и цѣлыхъ трое сутокъ онъ сильно страдалъ. Докторъ былъ въ объѣздѣ и не могъ пріѣхать въ-время. Его лечила Авдотья и по ночамъ безсмысленно сидѣла около двери въ спальню. Когда боли немного стихали, чтобы какъ-нибудь облегчить бессонницу — наркотическихъ лекарствъ онъ боялся, — Таманцевъ заставлялъ Авдотью рассказывать про свою судьбу, про время содержанія въ острогѣ, про судъ, а главное, про деревенскую жизнь, семейный побытъ, мужицкій судъ и расправу.

Она его удивляла и привлекала большимъ умомъ и трезвымъ взглядомъ на все, что видѣла и испытала на своемъ вѣку. Авдотья не наущничала, не желала намѣренно возстановлять его противъ мужиковъ, но изъ всего того, что она рассказывала ему, выходилъ одинъ главный итогъ: тѣ самые таманцевцы, которыхъ онъ кормилъ цѣлый годъ и которымъ отдалъ за полцѣны двѣ трети своей земли, „и рвутъ, и мечутъ“ на него же. И за что? За то, видите ли, что онъ принялъ участіе въ сосѣдней волости, по доброй волѣ „пошелъ въ ходокъ“ за мурашкинцевъ. А съ ними у зѣвшихъ мужиковъ бывали всегда нелады.

Такъ ему сдѣлалось горько, что онъ, на четвертую ночь, спросилъ Авдотью, не умѣетъ ли она сказывать сказки. Она не

отказалась, и подъ ея низкій, пѣвучій говоръ ему удавалось забыть. И сказки ея были умныя и не безъ ехидства насчетъ „богатѣевъ“. Въ головѣ его удержалось нѣсколько выраженій и образовъ. Какъ Василій царевичъ увидалъ на берегу „гуляющую нѣкоторую мамзель“, „собою недурна и одѣта прекрасно“; какъ къ мачихѣ того же царевича ѣздилъ полюбовникъ „енаралъ“, и оба они хотѣли извести его. И генералъ спрашивалъ ее: „а что, молъ, онъ любитъ насчетъ изъ *амбенаго*—чтобы подмѣшаты къ кушанью ядъ, на чтѣ мачиха отвѣчала: „яблочный пирогъ“. И какъ „Арина да Марина принесли въ рукахъ перину. И выходятъ въ палатѣ барыня да протопопъ“...

Безмолвіе дома охватило его жуткимъ чувствомъ. Ни одного звука! Хоть бы мышь гдѣ-нибудь заскреблась. Авдотья уже больше не дежурить по ночамъ. Лаврентій спитъ въ уборной, за площадкой коридора. Его соннаго дыханія тоже не слышно.

Голова возбужденно заработала. Боль въ ногѣ перешла въ еле-ощутимое нытье.

Впервые такъ осязательно стало для него то, что онъ—графъ Андрей Павловичъ Таманцевъ, столбовой титулованный дворянинъ, внукъ посланника и сына княжны Рюрикова рода, образованный европеецъ, преисполненный любви къ своей родинѣ, способный на всякую жертву, не суетный, не честолюбивый, ищущій правды, общаго блага и знанія—а самъ-то кто же онъ въ сущности?

Бобыль! Ничтожный неслужащій дворянинъ, безъ дѣла, безъ вліянія, безъ почвы, безъ прямой, твердо намѣченной цѣли. Этого мало, что онъ въ собственныхъ глазахъ какая-то „ничевушка“; но въ той округѣ, за которую онъ хотѣлъ положить всю душу, его ни въ грошъ не ставятъ. Всякій Кувшинковъ значить гораздо больше. Кабатчикъ Сусловъ пересилилъ его во всемъ. Мурашкинскіе мужики считаютъ его „балалайкой“; свои таманцевцы „и рвутъ, и мечутъ“ на него же; отецъ Фаворскій будетъ допекать раскольниковъ на зло ему.

Зачѣмъ онъ киснетъ въ этой дырѣ? Чего ждетъ? Чтобы его срючило отъ плохого леченія и ухода?

Рядъ этихъ горькихъ вопросовъ слился въ одинъ главный. За кого же онъ самъ себя считаетъ?! За радикала-народника или за толстовца, за демократа или за аристократа? Во чтѣ онъ самъ вѣритъ? Чему поклоняется? Чтѣ признаетъ своимъ верховнымъ судилищемъ?

Не дальше, какъ на той недѣлѣ, когда докторъ обѣдалъ у него—ему было въ тотъ день особенно легко,—они опять заговорили на темы—„почвы“, „народа“ и „руководящаго класса“. Онъ

не можетъ уже смотрѣть на Илью Ефимовича, какъ смотрѣлъ еще полгода назадъ. Теперь ему особенно ясно припомнилась оцѣнка его, сдѣланная петербургскимъ беллетристомъ Малышевымъ, его „благопріятелемъ“,—любимое выраженіе Домашнева,—а также и бывшего писаря Квасова. Развѣ эта оцѣнка не вѣрна? Илья Ефимовичъ носитъ „мундиръ“. Онъ добрый малый, получившій въ юности зарядъ радикальнаго народничества. Но въ немъ—явное двоевѣріе. Онъ стоитъ за западную науку и свободомысліе, онъ считаетъ себя „интеллигентомъ“, онъ не прочь пройтись насчетъ „дремучаго невѣжества“ и „нравственной дикости мужичья“—и въ то же время его *ultima ratio*—все тотъ же народъ; онъ способенъ проповѣдовать всеобщую нивелировку, у него, на каждомъ шагѣ, замашки опростѣлаго студента, воображающаго, что какъ только рухнуть извѣстные „запреты“, то настанетъ Эльдорадо. И пріятель Домашнева отлично раскусилъ это...

А Эльдорадо не будетъ—хоть сдѣлай сію минуту всѣхъ крестьянъ никандровскаго уѣзда собственниками по десяти десятинъ на душу—больше-то и не хватитъ земли. Чтѣ у нихъ будетъ—про то знаетъ превосходно каждый трезвый и честный „старикъ“ на селѣ, про то знаетъ Авдотья Сосипатрова, и писарь Квасовъ, и отецъ Оаворскій, и умная и „дотѣшная“—такъ вѣдь называютъ ее мужики—Клавдія Колчапова.

Вотъ съ кого слѣдовало бы ему брать примѣръ—не въ скопидомствѣ, не въ дѣлечествѣ, а въ ясности цѣлей, въ увѣренности чувства своего „я“, своего культурнаго превосходства. Если ужъ возиться съ народомъ для его же блага, то надо это дѣлать, прежде всего, путемъ полнаго развитія *своей личности*, не забывая, что ты не захудалый ярыжка разночинецъ, а человѣкъ, призванный къ высшему типу жизни.

Но развѣ среди его „народа“ тѣ, кто хочетъ смѣло поднимать голову, кто хочетъ оздоравливать гнилыя болота—могутъ надѣяться на иной исходъ, кромѣ исковерканной личной жизни? Еще такіе, какъ Домашневъ—удачники. Даже и тѣ, кто посильнѣе „пострадалъ“. Тѣ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ на себя какъ на мучениковъ и предтечей. А они—просто люди обиходнаго дѣла, рожденные въ странѣ или занесенные въ нее мачихой-судьбой?

Какъ разъ послѣ горячаго спора съ докторомъ, онъ, подъ-вечеръ, велѣлъ Лаврентію достать изъ шкапа томъ Соловьева и читалъ до поздней ночи: захотѣлось уйти въ старину, въ шестнадцатый вѣкъ, въ ту эпоху, когда московско-русскій духъ уже проявлялъ себя во всей своей красѣ. Въмѣсто религіи—изувѣр-

ство, обрядъ, заматерѣлая буква—вотъ то самое, что до сихъ поръ сидитъ въ каждомъ раскольникѣ Данилъ Пареномъ. Дай ты ему власть—и онъ будетъ всѣхъ церковныхъ жечь и заключать въ кандалы. И въ тѣ времена, на одного Нила Сорскаго—сотни такихъ изувѣровъ, какъ Іосифъ Волоцкой и архіерей Геннадій. Несчастный Максимъ Грекъ—ученый, тонко развитый, убѣжденный, съ высокими идеалами христіанина, слушатель и почитатель Саванаролы, другъ итальянскихъ и французскихъ гуманистовъ, читавшій Петрарку, Данте, Боккачіо, Бруни, Салюта̀ти, съ горячимъ рвеніемъ наставить и просвѣтитъ варваровъ „москвитовъ“,—вызванный для исправленія книгъ этихъ самыхъ москвитовъ—чѣмъ онъ кончилъ? Попалъ въ ловушку, въ чисто московскую западню, гдѣ его предательски держали, не внемля его частымъ мольбамъ—отпустить его домой. А потомъ—розыскъ, судъ, быть можетъ, пытка, долгіе годы заключенія въ вонючихъ монастырскихъ застѣнкахъ, въ кандалахъ. Чуть не казнь на костре! Саванаролу тоже сожгли. Сожгли и Гуса, сожгли и Джордано Бруно. Но тѣ сознательно подрывались подъ царство „вавилонской блудницы“. А онъ отъ всего разумнѣя своего переводилъ москвитамъ съ греческаго текстъ священнаго писанія. Вотъ и вся его вина!

Такъ это далеко и вмѣстѣ такъ близко! Развѣ каждый просвѣщенный человѣкъ, считающій себя къ чему-либо призваннымъ, не можетъ и теперь попасть въ своего рода ловушку, подставленную когда-то Максиму Греку московскими людьми, признававшими за собою полное право—обличать его и мучить?

И крупная, чисто московская фигура князя Курбскаго вставала передъ нимъ. Этотъ Рюриковичъ догадался, наконецъ, что нельзя дышать тамъ, гдѣ ни доблесть, ни порода, ни благочестіе—ничто не высвободитъ тебя изъ вѣчной кабалы и пресмыкательства. Убѣжалъ—и на чужбинѣ, снѣдаемый горечью тоски по родному краю, отводилъ душу въ уличеніяхъ полубезумнаго властелина, обдававшего его, въ своихъ отвѣдахъ, бессильной яростью. Какой поражающій примѣръ!

Мысли, образы, вопросы, восклицанія такъ и роились пестрыми кругами въ головѣ Таманцева. Онъ совсѣмъ забылъ о боли. Не беспокоилъ уже его и страхъ пролежать съ открытыми глазами до самаго утра. Мозговая лихорадка перешла подъ конецъ въ новый наплывъ тоски одиночества.

Сердце его точно замерло, а ему всего тридцать лѣтъ. Тамъ, въ Петербургѣ—женщина, выбравшая въ мужа Лушкова. И она уже рассказываетъ... Петя Долговъ пишетъ объ этомъ подробно.

Но развѣ ему легче? Злобы и мстительнаго чувства въ немъ нѣтъ. Гадео было бы питаться имъ, да и не такая у него натура.

Образъ красивой и симпатичной его пріятельницы не могъ не придти ему подъ самый конецъ. Младшая Колчанова полна сочувствія его личности, всему, что для него дорого. Въ эти двѣ недѣли дня не проходило, чтобы она не присылала узнать о его здоровьѣ, пріѣзжала съ сестрой нѣсколько разъ, вызывалась быть его чтицей. Неужели въ немъ все еще сидитъ баричъ съ нездоровымъ влеченіемъ къ такимъ изломаннымъ существамъ, какъ Катя? Неужели его сосѣдка виновата въ томъ, что ее зовутъ „Глафирой“? И что же его согрѣетъ, какъ не пылкое чувство такой дѣвушки? Кто, какъ не она, освободить его отъ тяжелаго чувства своего душевнаго бобыльства?

На разсвѣтѣ онъ забылся.

XXII.

Въ концѣ той же недѣли въ Таманцеву съѣхались въ дообѣденное время докторъ и новое лицо въ уѣздѣ—кандидатъ въ предводители.

Хозяину было уже гораздо лучше; онъ могъ съ палкой ходить по комнатамъ.

Всѣ трое разсѣлись въ кабинетѣ: докторъ—полулежа на кушеткѣ, кандидатъ—противъ Таманцева, въ широкое креслѣ.

Этого „кандидата“ звали Николай Алексѣевичъ Томилинь. Въ уѣздѣ его мало знали. Выбрали его какъ-то экспромтомъ, и онъ исправлялъ теперь должность предводителя, проживавшаго по болѣзни за границей.

Къ нему Таманцевъ немного ближе присмотрѣлся на земскихъ выборахъ, гдѣ Томилинь былъ одинъ изъ тѣхъ, кто его искренно уговаривалъ, и также искренно возмущался, когда „купецкій интеллигентъ“—онъ такъ называлъ Кувшинкова—прошелъ въ председатели. Вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ Сурепинымъ онъ, за обѣдомъ въ тотъ же день, извинялся передъ Таманцевымъ и повторялъ:

— Мы словно нарочно подвели васъ, графъ!

Наружность и тонъ Томилина нравились Таманцеву. Уже молодые лѣтъ, сѣдой, курчавый, бородатый, невысокаго роста—онъ мало смахивалъ на помѣщика. Умные каріе глаза глядѣли добродушно и немного строго, морщинистый лобъ часто хмурился,

но по лицу скользила пріятная усмѣшка бывалаго и мыслящаго человека.

Про его прошедшее Таманцевъ зналъ, что Томилинь служилъ „по ученой части“,—какъ говорили въ уѣздѣ,—т.-е. занимать профессорскую кафедру, давно вышелъ въ отставку изъ-за столкновенія съ начальствомъ и до сихъ поръ работаетъ въ одномъ изъ столичныхъ изданій. Въ деревнѣ онъ живетъ больше по лѣтамъ. Жена его умерла здѣсь въ прошломъ году. Его считали „краснымъ“, и многіе удивлялись—одни тому, что его выбрали, другіе тому, что онъ пошелъ въ кандидаты на сословную должность.

Разговоръ коснулся управы и новаго предсѣдателя Кувшикова.

Томилинь очень тактично хотѣлъ избѣжать такой темы, невзначай задѣтой докторомъ, но Таманцевъ сейчасъ же показалъ, что для него это совсѣмъ не деликатный вопросъ.

— Я получилъ второе предостереженіе,—съ тихимъ юморомъ сказалъ онъ.—И оба—отъ господъ землевладѣльцевъ первенствующаго сословія.

— Это какого?—громко обликнулъ докторъ и завозился на кушеткѣ.

— Отъ православнаго христіанства,—выговорилъ Томилинь своимъ пріятнымъ баритономъ.—Вы вѣдь его разумѣли, графъ?

— Конечно... Дѣло прошлое, но мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало баллотироваться.

— Почему же, графъ?—возразилъ Томилинь и перемѣнилъ позу.—Съ какой стати такимъ убѣжденнымъ и свѣжимъ людямъ, какъ вы, сторониться передъ всѣми этими якобы культурными коммерсантами?

Докторъ вбокъ взглянулъ на Томилина.

— Николай Алексѣвичъ! Вы, батенька, что-то ужъ очень строги стали?!

Доктора и кандидата Таманцевъ считалъ людьми одного лагера, хотя они и не были особенно близки. Вѣроятно, Домашневъ, зная прошедшее Томилина и его участіе въ журналѣ „съ хорошимъ направленіемъ“, недоумѣвалъ, зачѣмъ онъ пошелъ на *сословную* должность.

Сегодня Таманцеву, съ самаго начала ихъ бесѣды, безпрестанно припоминались опять фразы писателя Малышева о докторѣ. Томилинь долженъ быть во многомъ такой же прямолинейности. Но въ немъ есть нѣчто болѣе своеобычное и смѣлое.

— Строгъ?—послѣ маленькой паузы отозвался кандидатъ,

повернувъ голову въ сторону кушетки.—И радъ былъ бы, Илья Ефимовичъ, быть строгимъ съ нашимъ братомъ-дворяниномъ—да теперь уже и строгость не поможетъ.

— Вы точно и въ самомъ дѣлѣ сокрушаетесь объ этомъ?—спросилъ, тряхнувъ головой, Домашневъ.—Ваши взгляды, Николай Алексѣевичъ, мы знаемъ. Да и графъ не станетъ впадать въ сословную обиженность изъ-за того только, что ему предпочли коммерсанта Кувшинкова.

— Мы не о томъ съ вами толкуемъ,—остановилъ его Томилинь и пристально поглядѣлъ на него.—Ничего въ томъ нѣтъ хорошаго, что теперь помѣщичій классъ въ уѣздѣ такъ опустился и захудалъ.

— Вотъ хватились!

Возгласъ доктора не смутилъ Томилина.

— Тѣмъ хуже, что теперь и заново-то нельзя начинать. Разберите вы—гдѣ, въ былое время, ютилась культура? Въ помѣщичьей усадьбѣ. Не у грандовъ, не у магнатовъ—они и тогда рѣдко осѣдали въ уѣздѣ—а у средняго помѣщика. Помню, юнцомъ, гимназистомъ, пріѣдешь, бывало, къ сосѣдямъ, войдешь въ залуцу—клавикорды стоятъ старинныя, шкапъ съ книгами, картины—иногда очень недурныя. А нынче? Мерзость запустѣнія—въ полномъ смыслѣ! Знаю, что невкусно жить теперь въ деревнѣ, особливо семейнымъ, особливо барышнямъ. Часто и жить-то не на что и незачѣмъ! Голыя стѣны; топтать у насъ, въ лѣсномъ краю, соломой; клавикорды давно на дрова пошли; книги на вѣсъ лавочнику проданы.

— Чтожъ тутъ сокрушаться?—перебилъ Домашневъ и вышелъ на средину комнаты.—Это неизбежный ходъ! Эволюція! Сословіе держалось за вотчинное и рабовладѣльческое право. Значитъ, мало у него было собственнаго пороха, коли оно такъ быстро впадо въ полную мизерію. Таковъ культурный ходъ, господа! Возьмите вы индустрію, капиталистическое производство. Тиранія капитала! Всемогущая мощь царить вездѣ. А въ сущности господа капиталисты, сами того не понимая, работаютъ надъ разрѣшеніемъ великаго рабочаго вопроса.

Томилинь сдѣлалъ жестъ рукой и прервалъ имъ горячую тираду доктора.

— Это вы все по Марксу валиете, Илья Ефимовичъ,—сказалъ онъ тономъ челоуѣка, которому слишкомъ хорошо все это извѣстно, какъ бывшему профессору.—*Comparaison n'est pas raison*,—выговорилъ онъ, взглянувъ на Таманцева.—То, что было лучшаго въ помѣщичьемъ классѣ—культура,—протянулъ онъ,—

идеи, знанія, книжки, вотъ эти самые клавикорды—все это можно было бы сохранить и безъ рабовладѣльчества. И все это пошло на такую убыль, что страшно становится.

— За кого?—задорно крикнулъ докторъ.

— За всю страну, батюшка мой, за всю страну!—уже горячѣе выговорилъ Томилинь, и его смуглыя щеки стали краснѣть.— Вотъ за кого!—повторилъ онъ значительно и поднялъ голову.

— Почему же, любезнѣйшій Николай Алексѣевичъ, вы сводите всю російскую культуру къ вашему сословію?

— Почему же,—ласково осадилъ его Томилинь,—оно мое сословіе? Это классъ, имѣвшій огромное значеніе для всей страны. Изъ него вышли Пушкинь и Лермонтовъ, Тургеневъ и графъ Толстой, Грибоѣдовъ и Гоголь.

— И такъ далѣе, и такъ далѣе. Мы слышали этотъ анахронизмъ!

— Да; и такъ далѣе! И Радищевъ, и Чаадаевъ, и Николай Милютинъ, и Кавелинъ, и князь Васильчиковъ, и сотни ученыхъ, публицистовъ и людей всѣхъ эпохъ, до настоящей минуты, истинно любившихъ и любящихъ свою родину. И не слѣдуетъ этого забывать! А культура—не такая вещь, что ее можно заказать тульскому мастеру, чтобы онъ ее смастерилъ въ двое сутокъ. Ее надо хранить, передавать! И не господамъ Кувшинковымъ вобрать въ себя это преемство.

— Въ васъ человѣкъ бѣлой кости заговорилъ, Илья Ефимовичъ!

— Вовсе нѣтъ!—спокойно и твердо выговорилъ Томилинь и тоже поднялся съ кресла.—Мнѣ, впрочемъ, все едино—какъ вы перетолкуете мои слова.

— Почему же культура сытыхъ землевладѣльцевъ особенно драгоценна?—крикнулъ докторъ.

— Потому что въ нихъ было духовное начало, идеи были, вкусы, стремленія высшаго порядка. Не вѣрю я этимъ интеллигентнымъ купчикамъ, въ родѣ господина Кувшинкова. Своего за душой у нихъ нѣтъ ровно ничего! Все наворовано. У кого? У дворянъ же. По моему, господа, гораздо достолюбезнѣе были ихъ тятеньки, которые въ трехъ каретахъ ѣздили и вѣрили, что есть на землѣ бѣлая Арація. У тѣхъ, по крайней мѣрѣ, хоть прорывалось нутро! Бога знали! Способны были, въ минуту душевнаго сокрушенія, отвалить полмилліона на богадельни. А въ этихъ скарредное честолобіе и смѣхотворное обезьянство! Порода ихъ идетъ вся отъ мужика, а они мужика презираютъ, хотя и разжились на тотъ же мужицкій трудъ, да еще какой! На фабричной ваторгѣ, которая почти вездѣ вдвое тяжелѣе и унижительноѣ

полевой работы, даже изъ временъ нашей барщины. А дворяне, которые создали русскую интеллигенцію, сами, по доброй волѣ, поклонялись мужику и стали у него открывать высшую правду! И не со вчерашняго дня, Илья Ефимовичъ, а ужъ больше полвѣка, съ первыхъ славянофиловъ, а они сплошь были баре, да еще богатые и родовитые баре! Одинъ Хомяковъ чего стоитъ!

Томилинъ бросилъ окурокъ и, обернувшись къ хозяину, спросилъ:

— Такъ ли, графъ?

— Кажется, какъ будто и такъ,—вдумчиво отвѣтилъ Таманцевъ.

— Ну, вѣтъ-съ!—крикнулъ докторъ, собираясь возражать.

Въ дверяхъ стоялъ Лаврентій и докладывалъ:

— Барышни Колчановы. Прикажете просить въ гостиную? Опираясь на палку, хозяинъ быстро поднялся.

XXIII.

Въ гостиной оказалось очень свѣжо, и хозяинъ попросилъ дамъ въ кабинетъ, извиняясь за нѣкоторый беспорядокъ.

— Мы, графъ, посидимъ здѣсь на кушеткѣ, мы съ холода,—говорила Клавдія, снимая съ шеи мѣховое боа.

Глафира была въ атласномъ капорѣ съ мѣхомъ. Ей показалось, что Таманцевъ слишкомъ возбужденъ разговоромъ. Но радовалось то, что онъ—уже на ногахъ.

— У васъ, господа,—бойко спросила Клавдія, осматривая мужчинъ,—большой диспутъ, кажется, происходилъ? Мы его прервали.

— Да вотъ господа дворяне,—полушутливо откликнулся докторъ,—совсѣмъ меня заклевали.

— Чтò такъ?

Клавдія подмигнула доктору. Она съ нимъ тоже всегда спорила, когда онъ заѣзжалъ къ нимъ.

— Вотъ Николай Алексѣевичъ,—онъ указалъ на кандидата,—сверхъ всякаго ожиданія объявился какъ защитникъ сословной культуры.

— Позвольте-съ!—остановилъ Томилинъ.—Почему же сословной? Я этого не говорю. Культура одна. И если она держалась въ помѣщичьихъ усадьбахъ, о которыхъ я упомянулъ, то таковъ былъ фактъ. И нечего радоваться тому, что теперь въ этихъ усадьбахъ мерзость запустѣнія.

— Разумѣется, нечего!—вскричала Клавдія.—Мы знаемъ

доктора. Ему бы всѣхъ подвести къ одному знаменателю и обсахаривать мужичка.

— А вы, Глафира Спиридоновна?—обратился Домашневъ къ младшей сестрѣ.—Неужели и вы меня не поддержите?

Глафира повела глазами въ сторону кресла, въ которомъ сидѣлъ Таманцевъ, опять съ пледомъ на ногахъ.

Съ докторомъ она однихъ взглядовъ на многое—въ томъ числѣ и на „служеніе народу“; но она не можетъ же не признавать того, что такіе дворяне, какъ графъ Андрей Павловичъ—представители высшей культуры. Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ она сейчасъ же бы увлеклась этой тѣмой; но въ ту минуту ее безпокоило то, что Таманцевъ можетъ взволноваться и опять сляжетъ.

— Неужели,—продолжалъ докторъ уже въ полушутливомъ тонѣ,—и вы, какъ его сіятельство, ограничитесь двойственнымъ мнѣніемъ? Вотъ передъ вашимъ приходомъ Андрей Павловичъ на категорическій вопросъ Николая Алексѣевича: „такъ ли, молъ, графъ“?—изволилъ отвѣтить: „кажется, какъ будто и такъ“. Въ родѣ какъ знаете... въ семидесятыхъ годахъ умѣренные либералы печатали въ передовицахъ: „трудно не сознаться, однако надо признаться“... Ха, ха!

Таманцевъ посмотрѣлъ пристально на Глафиру, и они улыбнулись другъ другу. Глаза его заискрились. Онъ сдѣлалъ такой жестъ головой, что-де я и теперь то же скажу.

— Илья Ефимовичъ не клеветаетъ на васъ, графъ?—спросила Клавдія, поднялась съ мѣста и присѣла къ письменному столу.

— Нѣтъ, не клеветаетъ,—отвѣтилъ Таманцевъ кротою, но съ блескомъ въ глазахъ:—только онъ желаетъ придать моимъ словамъ особенную окраску. Что же! Вы мои друзья,—вы, Глафира Спиридоновна, докторъ. И вамъ образъ моихъ мыслей былъ извѣстенъ. Я не хитрилъ, ни въ кому и ни въ чему не поддѣлывался.

— Еще бы!

Этотъ возгласъ вылетѣлъ изъ груди Глафиры. Всѣ на нее оглянулись въ разѣ. Она замѣтно покраснѣла.

— Благодарю васъ, Глафира Спиридоновна.—Таманцевъ привѣтствовалъ ее ладонью руки.—Если угодно, я вамъ скажу откровенно, что во мнѣ происходитъ въ послѣднее время. Это не разладъ, а какъ бы связать... подведеніе итоговъ.

— И прекрасно!—замѣтилъ вполголоса Томилинь.

— Андрей Павловичъ! Батюшка!—вскричалъ докторъ, занявшій позицію у шкапа, въ простѣнѣхъ.—Не торопитесь вы подво-

дять итоги. Развѣ не правда, что вы и три года назадъ, и въ прошломъ году, когда вернулись изъ Питера,—повторяли на разные лады, что высшій классъ, считающій себя солью земли,—другими словами, ваше сословіе—не имѣетъ себѣ никакого оправданія въ томъ, что оно изъ себя представляетъ? Ни идеи, ни труда, ни доблести, ни любви къ родинѣ, ни уваженія къ народу, ни жалости къ нему.

— Позвольте,—остановилъ Таманцевъ и выпрямился.—Всѣмъ этимъ пораженъ только извѣстный слой дворянства. Петербургъ полонъ такихъ баръ. Разные заграничные курорты—также. Свѣтъ, считающійся высшимъ—сполна пустякъ и обезьянство, постыдное ренегатство передъ родиной. Я и теперь то же скажу!

— Гдѣ же провести демаркаціонную линію?—не сдавался докторъ.—Какой свѣтъ высшій, и который средній? Есть классъ лицъ, воспитанныхъ въ томъ, что они—избранныя существа, а все остальное—мразь.

— Полноте!—вскричалъ Томилинь.—Это шаблонъ. Во всей нашей губерніи вы теперь такихъ баръ не найдете и дюжины. Изъ-за своихъ животішекъ бьются, какъ бы продышать только.

— Ну, да. Только изъ-за своихъ животішекъ и бьются. Цѣна ему грошъ, его нельзя въ сторожъ взять, а онъ бѣжитъ къ губернатору—мѣсто ему давайте. Онъ не можетъ пустыхъ щей хлебать. Ему подайте сардинокъ на закуску и голландскаго полотна рубашки носить, и въ винтъ по копѣйкѣ играть.

— Я ихъ не защищаю,—горячѣе возразилъ Таманцевъ.—Ни за ними, ни за собою, я никакихъ особыхъ кастовыхъ правъ не признаю. Но Николай Алексѣевичъ не о томъ говорилъ. Надо брать то, что жизнь даетъ. Есть въ уѣздѣ люди со средствами, съ образованіемъ, съ желаніемъ служить общему дѣлу. Они, такъ или иначе, представляютъ собою руководящій классъ. Да или нѣтъ?

— Въ абстракціи!—крикнулъ докторъ.

— Нѣтъ, не въ абстракціи,—осадилъ его Томилинь,—а на самомъ дѣлѣ. И уступать чумазому ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ, хотя бы онъ былъ и мужицкаго рода. Я и самъ прежде впадалъ въ ложную сентиментальность. Вотъ изволите видѣть,—Томилинь поднялся:—я вѣдь совсѣмъ не на хорошемъ счету: безпокойный профессоръ, пожалуй еще красный, непріятный публицистъ—а я очутился въ кандидатахъ на дворянскую должность. И сознательно! Потому что должность эта теперь самая вліятельная и важная. Только,—прибавилъ онъ, поведя головой,—предводителемъ меня ни въ жизнь не утвердятъ. Умри нашъ предводитель—чего я ему, конечно, въ скорости не

желаю—я искренно огорчусь, если меня не утвердят. И способенъ буду на цѣлое трехлѣтіе оставить мое журнальное дѣло. Извините, графъ!—сдержалъ онъ себя.—Я васъ перебилъ; а послѣднее слово принадлежитъ вамъ. Илья Ефимовичъ, ради Бога, не перебивайте и вы!

Обѣ сестры напряженно слушали: Клавдія—съ довольнымъ выраженіемъ; Глафира—съ полуопущенными рѣсницами и серьезнымъ лицомъ. Внутренно она была въ волненіи.

— Илья Ефимовичъ,—началъ Таманцевъ,—да и вы всѣ,—провелъ онъ въ воздухѣ рукой,—не заподозрите меня въ личномъ раздраженіи. Чтожъ! Два раза потерпѣлъ фіаско, и въ оба раза мужички нельзя сказать, чтобы особенно симпатично отнеслись ко мнѣ. Но я во всемъ этомъ виню только самого себя.

— Съ какой стати!—воскликнула Глафира.—Вы виноваты?..

— Я, Глафира Спиридоновна,—никто больше. Оттого, что у меня все еще нѣтъ, здѣсь, въ уѣздѣ, на своей землѣ, никакого прямого, кровнаго дѣла. Мнѣ это—вотъ тамъ, въ палисадникѣ—разъ, весной, развилъ Илья Ефимовичъ—и онъ правъ!

— Слава Богу!—откликнулся докторъ.

— Только онъ,—продолжалъ съ тихимъ волненіемъ Таманцевъ, указывая на Домашнева:—не тѣ понималъ подъ этимъ кровавымъ дѣломъ, что я теперь думаю.

Глафира подалась впередъ всѣмъ корпусомъ и уже не сводила глазъ съ Таманцева.

— Что же, что же графъ?—своей дробной скороговоркой спросила Клавдія.

— А вотъ что, господа! Прежде всего—быть самимъ собою. Ни отъ чего не отказываться: ни отъ породы своей, ни отъ положенія, ни отъ власти, ни отъ чего. Сознать себя самого и дать своему „я“ полный ходъ. Вотъ—живой примѣръ!—обернулся онъ къ Клавдіи, и въ ту же минуту Глафира измѣнилась въ лицѣ.

— Чего?—спросила ее сестра.

— Того, какъ личность сама себя довѣдетъ, выражаясь философски. Вы ни къ чему не поддѣльываетесь, никому насильно не благодѣтельствуете—и благо вамъ будетъ! То, что вы дѣлаете съ вашей землей и капиталомъ, тѣ и мнѣ надо дѣлать съ тѣмъ, въ чемъ я могу быть...

— Первымъ номеромъ!—вскричала Клавдія, вся раскраснѣвшаяся. Ей чрезвычайно польстили неожиданныя слова Таманцева.

— Истину глаголете,—громко выговорилъ Томилинъ.

— Какъ сказать!?—замѣтилъ докторъ.

XXIV.

Въ столовой—ее сегодня протопили съ утра—засидѣлись Таманцевъ и сестры Колчановы.

Мужчины уѣхали. За обѣдомъ много говорили и спорили. Клавдія гораздо больше сестры участвовала въ разговорѣ, и всѣ трое—она, Таманцевъ и Томилинь—выступали противъ Домашнева. Тотъ, въ началѣ обѣда, нѣсколько разъ обращался къ Глафирѣ за „подкрѣпленіемъ“. Она кое въ чемъ съ нимъ соглашалась, но въ общемъ держала себя только слушательницей, что было очень мало похоже на нее.

Клавдія встала и посмотрѣла на свои часы.

— Гланя!—кликнула она.—И намъ пора во-свосяси.

— Посидите,—сказалъ Таманцевъ.—Еще не поздно. Да и ночь будетъ свѣтлая. Вы духомъ дождете.

— У васъ тамъ одна статейка меня заинтересовала, графъ. Въ послѣдней книжкѣ...

Она назвала журналъ.

— Угодно взять съ собою?

— Нѣтъ. Я ее просмотрю... на четверть часа чтенія...

— А мы здѣсь еще посидимъ,—не правда ли, Глафира Спиридоновна,—чтобы не мѣшать.

— Вамъ не свѣжо ли здѣсь?—спросила Глафира.

— Нѣтъ. Тутъ надлежащая температура,—шутливо отвѣтилъ Таманцевъ.

Клавдія вышла. Сестра поглядѣла ей вслѣдъ и не сразу обернула голову къ Таманцеву. Ее немного смутило то, что Клавдія точно нарочно отыскала предлогъ удалиться и оставить ихъ съ глазу на глазъ.

Вѣроятно, она поступила подпросту—какъ всегда дѣлала; но графъ могъ подумать...

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, Глафира была тронута поведеніемъ сестры—съ умысломъ она удалилась или нѣтъ. Графъ такъ „возвеличилъ“ Клавдію тамъ, въ кабинетѣ, въ началѣ общаго разговора, что другая бы на ея мѣстѣ о себѣ „возмечтала“. И въ самомъ дѣлѣ, почему она, съ ея умомъ и характеромъ, не могла, не заботясь объ этомъ, привлечь его, особенно въ послѣдніе мѣсяцы, когда онъ переходилъ, въ уѣздѣ, отъ одной обиды къ другой? Онъ жаждетъ дѣла; а Клавдія очутилась его „идеаломъ“. Но такъ ли это? Можетъ ли онъ ограничиться тѣмъ, какъ она живетъ и дѣйствуетъ?

Во весь обѣдъ въ головѣ Глафиры неотступно стоялъ этотъ вопросъ и на сердцѣ щемило.

Они сидѣли рядомъ—онъ въ креслѣ, перенесенномъ изъ кабинета, она—на стулѣ.

— Андрей Павловичъ!—тихо оклинула она его, не поднимая на него глазъ:—позвольте мнѣ одинъ вопросъ.

— Хоть десять, Глафира Спиридоновна.

Онъ протянулъ руку, лежавшую на столѣ, и его пальцы дотронулись до ея руки.

— Вы видѣли... я больше молчала за обѣдомъ.

— И это на васъ не похоже.

— Да. Я большая спорщица. И Клавденька постоянно являть меня... находить, что я слишкомъ много разглагольствую.

— Будто бы?—возразилъ Таманцевъ и ласково взглянулъ на нее.

— Вы сами знаете, графъ.

— Что же такъ церемонно, Глафира Спиридоновна? Или я чѣмъ-нибудь провинился передъ вами?

— Съ какой стати?

— Вы сегодня... плохо поддерживали добрыйшаго Илью Ефимовича; а вѣдь онъ—вашъ союзникъ.

— И я вашъ союзникъ,—съ удареніемъ вымолвила Глафира и нагнула голову.—Только...

— Только—что?—протянулъ Таманцевъ и положилъ ладонь на ея руку.

Она не отнимала.

— Вѣдь не правда ли, Андрей Павловичъ,—Глафира застыла въ одной позѣ и все еще не поднимала на него глазъ:—то, что вы высказали тамъ, въ кабинетѣ, и потомъ развивали за обѣдомъ—это желаніе быть самимъ собою—оно не пойдетъ въ ущербъ всему, что въ васъ есть самого дорогого и привлекательнаго?..

Голосъ ея дрогнулъ.

— Скажите попросе, Глафира Спиридоновна. У васъ выходитъ такъ торжественно.

— Простите. Я знаю. Это все во мнѣ книжка. Слишкомъ еще во мнѣ много осталось курсистки. Но вы меня понимаете?

Глаза Глафиры, въ эту минуту очень красивые, обратились къ нему.

Все въ этой дѣвушѣ трепетало страстнымъ чувствомъ къ нему. И такая она была милая и привлекательная, съ ея чудеснымъ лицомъ и величавымъ станомъ.

— Вы боитесь,—искренно откликнулся Таманцевъ:—какъ бы я не ударился во что-нибудь для васъ несимпатичное?

— Теорія личности растяжима, Андрей Павловичъ.

— Оставимъ отвлеченные термины. Положимъ, что во мнѣ теперь переломъ. Да, я не могу вторить во всемъ Домашневу. Не смущайтесь этимъ. Вы сами видите, что если каждому изъ насъ—и вамъ въ томъ числѣ—отрѣшиться отъ своего „я“—мы и для народа не будемъ ни на что годны. Не жертвы надо приносить, а быть нужнымъ, необходимымъ. Это совсѣмъ не одно и то же. И безъ того придется стоять одному.

Онъ не докончилъ и опустилъ голову.

— Да, вы слишкомъ пострадали отъ непониманія,—заговорила Глафира, охваченная внезапнымъ волненіемъ.—Другой бы, на вашемъ мѣстѣ давно бросилъ деревню. У васъ нѣтъ никакой личной жизни, никакой радости. И никто не хочетъ понять въ васъ человѣка. Для всѣхъ—ширма: ваше положеніе... то, что вы—графъ Таманцевъ. Домашневъ не можетъ также отрѣшиться отъ такого чувства. Я уже не говорю о такихъ выскочкахъ, какъ Кувшинковъ.

— Вы ужъ очень... Забудьте, что онъ меня, какъ говорятъ въ картахъ, подсидѣлъ на выборахъ. Это прекрасный урокъ! Я ему очень благодаренъ. Вы вѣдь съ его женой попрежнему въ хорошихъ отношеніяхъ?—спросилъ просто Таманцевъ.

— Я у нихъ не бываю,—суде выговорила Глафира и повернула голову къ двери.

— Неужели... изъ-за меня? — невольно вырвалось у него, и онъ движеніемъ руки придвинулъ свое кресло.

— Я не могла, Андрей Павловичъ, играть двойственную роль. Съ его женой я была хороша. Но я въ ней разочаровалась... Она позволяла ему такія выходы... Словомъ, — съ успѣхомъ кончила она: — у насъ вышло объясненіе, послѣ котораго я не желаю бывать у нихъ.

— Мнѣ, право, совѣстно...—проронилъ Таманцевъ.

— Рано или поздно это должно было случиться... Клавдѣека со мной часто спорить; но я нахожу, что такіе помѣщики, какъ Кувшинковъ—лисы въ овчинныхъ шкурахъ, и на мѣстѣ дворянъ я бы всячески ихъ выкуривала. Томилинь тысячу разъ правъ: надо хранить традиціи, прирожденное благородство души. Онъ и тонко воспитаннымъ, и ученымъ себя считаетъ, а душа-то у него рядская.

— Оставимъ его,—выговорилъ Таманцевъ, взявъ руку Глафиры и поцѣловалъ ее.

Она вся встрепенулась и замерла. Ея рука вздрагивала.

Что-то теплое зашевелилось и въ его груди.

— Вы—настоящій другъ,—началъ онъ, замедля темпъ своей рѣчи:—настоящій,—протяжно повторилъ онъ.—Я не смѣю жаловаться на одиночество... на то, что меня не понимаютъ. Чего же мнѣ еще?

И онъ еще разъ поднесъ ея бѣлую и нѣсколько полную руку къ губамъ.

Потребность въ ласкѣ заговорила въ немъ впервые около этой дѣвушки. „Въ самомъ дѣлѣ,—мелькнуло у него въ душѣ:—чего же еще тебѣ? Если ты покончилъ съ Петербургомъ и хочешь сидѣть здѣсь, на землѣ, какой же тебѣ еще подруги? Неужели отойдешь отъ нея оттого только, что она купчиха?“

Онъ устыдился этого вопроса, взялъ Глафиру за обѣ руки и, пожимая ихъ крѣпко, выговорилъ:

— Да, ваша сестра — Марѳа, а вы — Марія. Такой сочувственницы нигдѣ не найдешь. Вы—не тѣ изломанные существа, которыми я когда-то увлекался.

Щеки ея стали ровно розовѣть. Она дышала глубоко и нервно. Скажи онъ еще одно слово, произнеси одинъ нѣжный звукъ—она перестала бы владѣть собою.

— Вотъ я и готова!—раздался громкій голосъ Клавдіи.

Она стояла уже въ дверяхъ. Глафира отняла руки. Таманцевъ остался въ той же позѣ. Но Клавдія замѣтила, какъ ихъ головы были близки одна къ другой.

— Неужели прочли? — спросилъ Таманцевъ и отодвинулся слегка отъ края стола.

— Пробѣжала. И знаете, графъ, очень меня порадовало то, что теперь и господа радикалы очухались: не стѣкаютъ лбомъ передъ своимъ идоломъ—сермягой. Пора и честь знать! И они нападаютъ на мистическихъ народниковъ. Только, между нами говоря, они сами себя бьютъ. Лѣтъ десять, пятнадцать назадъ, они сами въ то же изувѣрство впадали. Ну, да спасибо и за то, что за умъ взялись, хоть и заднимъ числомъ.

Глаза Клавдіи весело оглядывали ихъ обоихъ. Она была беззастыжливой счастлива за сестру. Что-то такое у нихъ вышло сейчасъ передъ ея приходомъ. Бѣдная Глаша совсѣмъ изведется, если ея страстное чувство не найдетъ отклика.

— Ъдемъ?—быстро спросила Глафира, поднимаясь со стула.

— „Ѣдемъ, Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ!“ — отвѣтила Клавдія возгласомъ изъ „Ревизора“. Она была охотница цитировать изъ Гоголя.

Таманцевъ поднялся, опираясь на палку.

— Приѣжайте ко мнѣ на цѣлый день. Будемъ читать!— сказалъ онъ, пожимая имъ руки.

— Ваши гости! Ваши гости!—весело откликнулась Клавдія чисто по-купечески,—только вы, графъ, извольте-ка идти къ себѣ, а въ коридорѣ не стоять.

Рукопожатіе Глафиры и Таманцева затянулось.

XXV.

Кибитка Таманцева, совсѣмъ покрытая снѣгомъ, въѣхала въ ворота темно-сѣраго дома, стоявшаго въ лощинѣ, въ глухой, унылой мѣстности.

Онъ возвращался отъ кандидата, съ которымъ въ послѣдніе два мѣсяца видался чаще и все больше находилъ интереса въ его бесѣдѣ. Уже болѣе недѣли какъ онъ получилъ съ нарочнымъ письмо отъ княгини Охлѣстиной, когда-то знакомой его матери въ ея заграничномъ скитаньѣ больной женщины. Этихъ Охлѣстиныхъ онъ помнилъ: мать, прожившаяся Богъ знаетъ какъ и на что барыня, съ единственной дочерью, теперь уже дѣвушкой лѣтъ за-тридцать. Въ письмѣ княгиня „умоляла“ навѣстить ее и помочь ей въ хлопотахъ по уѣзду, называя его „le digne fils de ma défunte amie“, хотя мать его никогда не была съ ней въ пріятельскихъ отношеніяхъ; но, кажется, ихъ въ одно время вывозили въ свѣтъ.

Дворянская „мерзость запустѣнія“—Таманцевъ вспомнилъ любимый терминъ Томила—глядѣла изъ всѣхъ щелей Охлѣстиной усадьбы. Домъ почернѣлъ и повосился. Службы на полуvinу были заколочены. Плетеный заборъ съ двухъ сторонъ давно растащили.

Старинное крыльцо съ длиннымъ навѣсомъ настолько занесло, что Таманцевъ съ трудомъ могъ отворить наружную дверь.

Онъ нашелъ въ лакейской съ ларями малаго въ родѣ истопника, въ полушубкѣ, съ шеей, увязанной ситцевымъ платкомъ.

Его ждали. Малый бросился отряхивать его шубу и снимать дорожные мѣховые сапоги.

Безъ шубы Таманцевъ почувствовалъ въ передней большую свѣжесть.

Въ залу, почти безъ мебели, выбѣжала собачонка — черный шпицъ—и стала неистово лаять и прыгать.

На лай показалась изъ гостиной княгиня.

Онъ ее не узналъ сразу. Вся она какъ-то облѣзла, лицо пошло пятнами, на головѣ что-то въ родѣ подзавитой мездры съ чернымъ кружевомъ. Ротъ съ гнилыми зубами свело немного въ бокъ. Она куталась въ плюшевую мантилью; на ногахъ были плюсовые ботинки.

— Ah, cher comte!—запѣла она съ русской дворянской интонаціей, немного въ носъ.—Que je suis heureuse!

Это обязательное „парлѣ-франсѣ“ зазвучало для него странно и почти смѣшно: цѣлый годъ онъ, въ деревнѣ, не велъ ни съ кѣмъ французскаго разговора, и только жена Кувшинкова порывалась иногда пускать въ ходъ отдѣльные слова и возгласы.

Красные глаза княгини слезились, точно у старой болонки. Уловатые пальцы ея руки жали его руку, и она силилась пріятно улыбнуться, показывая свои десны съ рѣдкими желтыми зубами.

„Хоть бы ты себя за границей челюсть вставила“, подумалъ Таманцевъ, чувствуя приступъ брезгливо-тошнаго ощущенія отъ этого обломка того „монда“, гдѣ его самого воспитали.

— Entrez, entrez par ici... У насъ такой холодъ. Une vraie cave.

Она пригласила его жестомъ своей костлявой руки войти въ гостиную, гдѣ стояло немножко больше мебели, чѣмъ въ залѣ. Но и эта комната смотрѣла запущенной, съ темными пятнами по угламъ, съ полинялой обивкой дивановъ и креселъ.

— Ma fille, Marie, — указала княгиня на особу, поднимшуюся медленно и какъ бы нѣхота съ одного изъ двухъ дивановъ.—Vous la connaissez donc?

Княжна встала ему руку по-американски и сейчасъ же характернымъ жестомъ повела плечами и выпрямила грудь, довольно плоскую. Она вся, сухая и костлявая, представляла собою что-то до крайности изломанное, прямо выскочившее изъ одного изъ курортовъ Ривьеры. Голова у ней была съ приподнятымъ затылкомъ, и модная кучка рыжеватыхъ волосъ торчала задорно, приколота узкой гребенкой. Лицомъ она смахивала на мать, но съ болѣе рѣзкими и вытянутыми чертами, точно застывшая маска, какія продаются въ Ниццѣ во время карнавала. Ему и припомнился сейчасъ же этотъ городъ, съ его тысячной толпой „растакуэровъ“, съ безпардонной хлыщеватостью русскихъ, съ ежедневнымъ шланьемъ по Promenade des Anglais, отъ десяти до завтрака. Непомѣрные свѣтло-зеленые рукава, точно пузыри, топорщились на ея приподнятыхъ плечахъ; вѣста была персикового цвѣта, юбка опять другая—все это нестерпимо модное и

пестрое. Сильнѣйшій запахъ издѣры наполнялъ всю гостиную. Пальцы были покрыты кольцами и въ ухахъ блестя два брилліанта.

„Ѣсть нечего,—подумалъ Таманцевъ,—а такой пшютъ!“ И ему жутко стало отъ мысли, что вѣдь другая княжна — теперь жена Лушкова—того же толка, какъ и эта высохшая дѣва. Когда она съ нимъ заговорила, сходство тона было поразительное, если не съ самой Катъ, то съ ея пріятельницей, но еще рѣзче, отрывистѣе, исковерканнѣе, на парижско-американскій манеръ. Голосъ былъ умышленно низкій и рѣзкій, совсѣмъ мужской.

Мать только-что успѣлась на диванъ, какъ сейчасъ же начала въ шутивно-жалобномъ тонѣ пускать свои шпильки.

Она точно помѣшалась на томъ, что вотъ у всѣхъ есть деньги, а у нея нѣтъ. Всѣ дѣлаютъ блестящія партіи, а ея Marie сидитъ „въ дѣвкахъ“. Разъ десять она пускала возгласы въ родъ:

— Vous, cher comte, vous êtes un richard! Vous pourrissez les pausans! Значить, деньги куры не клюютъ.

Это такъ дѣлалось несносно, что онъ сталъ морщиться, и дочь раза два останавливала мать. Но когда старуха заковыляла въ спальню принести оттуда бумаги и письма по ея дѣламъ, разговоръ дочери показался ему еще тошнѣе. Она выпустила весь арсеналъ своего заграничнаго „bagoût chic“, заговорила о жизни вообще и о своей собственной въ циническомъ тонѣ безшабашнаго и фыркающаго, чисто русскаго жуирства, и обезьянство никогда еще не выставлялось передъ Таманцевымъ въ такой красѣ. Даже Лушковъ былъ менѣе изломанъ и уродливо-жалокъ, чѣмъ эта обнищавшая княжна, нахально убѣжденная въ томъ, что иначе нельзя жить, думать и чувствовать, какъ она.

Она успѣла пустить нѣсколько дѣланыхъ фразъ и о литературѣ, признавала только „экзотистовъ“ и „декадентовъ“ и не скрывала своего знакомства съ порнографіей, отъ „Vie Parisienne“ до тайныхъ изданій брюссельской книжной торговли. Ничего болѣе безобразнаго и извращеннаго Таманцевъ рѣшительно не встрѣчалъ, даже въ тѣхъ салонахъ, гдѣ выросли и развились бабѣнки въ родѣ „презрѣнной Лилиши“, развратительницы княжны Брянской. Онъ просто ужаснулся тѣмъ, что теперешняя „заграница“ надѣлала съ такими русскими въ послѣднія десять лѣтъ.

Вернулась старуха съ портфелемъ и начала выкладывать на столъ бумаги, планы и письма—все это въ безпорядкѣ. Таманцевъ присѣлъ также къ столу и молча выслушивалъ ея безтолковую французскую рѣчь въ перемежку съ русскими охами и

восклицаніями. Дѣло было самое обычное: получить добавочную ссуду подъ залогъ въ дворянскомъ банкѣ. Насколько онъ могъ понять, ей ни по какому праву не слѣдовало такой добавочной суммы. Старуха стала рѣзко возражать, раза два просто зло, потомъ опять пошли шпильки насчетъ его богатства и прозрачные намеки на то, что онъ могъ бы ей, какъ „сынъ ея друга“, помочь. Онъ пропускалъ это мимо ушей. Его наполняло, совершенно отчетливо, чувство возмущенія безъ малѣйшей жалости къ такимъ вотъ образчикамъ дворянскаго вырожденія. Чѣмъ скорѣе ихъ „приберутъ“, тѣмъ будетъ лучше. Докторъ Домашневъ сказалъ бы точно то же. Еслибъ еще они просили „на бѣдность“, а то они „пыжата“, шипятъ, воображаютъ, что ихъ цинически-безпутную жизнь всѣ должны поддерживать съ такимъ годовымъ доходомъ, къ какому они привыкли.

Дальше пошло еще хуже. Княгиня стала задорно жаловаться на то, что ея просьбу о пенсіи оставили безъ послѣдствій. Она показывала ему бумагу, держа ее дрожащими отъ злости и нервности руками, и восклицала:

— *Mais mon mari était un prince Aklëstin! Mais il a servi comme un autre!*

Оказалось, что онъ былъ всего капитанъ въ отставкѣ, и ей и безъ того удалось выхлопотать, въ два приема, денежные выдачи.

— Чѣмъ же я могу быть вамъ полезнымъ?—сухо спросилъ Таманцевъ и посмотрѣлъ на часы.

Онъ видѣлъ, что ему здѣсь не предлагать даже рюмки водки съ холода, и ему хотѣлось къ ночи попасть домой.

Полился потокъ просьбъ, одна другой несбыточнѣе. Онъ долженъ написать губернатору и губернскому предводителю; онъ долженъ попросить за нихъ въ мѣстномъ отдѣленіи дворянскаго банка; онъ долженъ, наконецъ, дать имъ денегъ подъ третью закладную.

Онъ слушалъ-слушалъ и чуть не разсмѣялся. Въ приличной, но не уклончивой формѣ сказалъ онъ, что свободныхъ денегъ у него нѣтъ; а про себя прибавилъ, что такимъ, какъ онѣ, счесть бы преступленіемъ дарить, а возвращать долгъ имъ не изъ чего.

Дочь не принимала прямого участія въ этомъ задорномъ попрошайствѣ. Она только выпрямляла свою талію, брезгливо щелкала сухими пальцами, иногда пускала одинъ звукъ въ родѣ: „Ah bah!“ или: „Pardine!“ И разъ воскликнула: „Nous crèverons das ce trou!“

Изъ этихъ двухъ титулованныхъ госпожъ безпробудное рас-

путство модничанья вышло рѣшительно все. Кромѣ жажды денегъ на житье за границей, у нихъ ничего не было за душой. Онѣ, вѣроятно, готовы бы были продать себя всѣмъ духамъ тьмы—только бы заполучить тысяченку рублей. И пестрый костюмъ дочери, ея жаргонъ, ея голосъ и манеры дѣлали впечатлѣніе еще страшнѣе.

Чтобы какъ-нибудь отдѣлаться, Таманцевъ обѣщалъ поговорить съ кандидатомъ въ предводители, котораго старуха знала только по слухамъ и три раза назвала его „анархистомъ“.

— Мaman!—сказала дочь, когда Таманцевъ сталъ прощаться. —Je te dis carrément: plus d'une quinzaine je ne tiendrai pas dans cette tanière! Bazardons tout et filons!

„Bazardons tout!“—повторилъ Таманцевъ почти съ ужасомъ, сидя въ своей кибиткѣ на возвратномъ пути.

Эта княжна во-очію показывала ему—отъ какихъ русскихъ „подругъ жизни“ онъ спасся.

„Навсегда ли?“—невольно мелькнуло въ его головѣ.

XXVI.

Часа черезъ полтора, не больше, по пути въ свою усадьбу, Таманцевъ заѣхалъ къ Леониду Антоновичу Балахнину, одному изъ старожиловъ уѣзда, самому старому дворянину въ его „округѣ“.

Онъ встрѣчалъ его на сѣздахъ и въ послѣдній разъ на земскихъ выборахъ. Балахнинъ былъ также въ числѣ тѣхъ, кто уговаривалъ его баллотироваться въ председатели.

У него онъ никогда не бывалъ. Говорили ему, что старикъ, когда-то съ хорошимъ состояніемъ—совсѣмъ обѣднѣлъ и почти никуда не выѣзжалъ, особенно зимой. Дѣти у него не задались; на нихъ, кажется, и пошли его средства. Теперь у него осталась кое-какая земляца. Хозяйство онъ давно не велъ.

Черезъ заѣзжаго торговца-туляка передалъ онъ надняхъ Таманцеву просьбу завернуть къ нему при „оказіи“. И тулякъ, торгующій по усадьбамъ книжками и галантерейнымъ товаромъ, отъ себя разсказалъ ему, что Леонидъ Антоновичъ „оченно нуждаются“ и „желали бы продать благородному дворянину“ свою тройку лошадей.

— А между прочимъ, — добавилъ тулякъ, — есть у нихъ и вещицы двѣ-три—антики, но нашему брату не подходящія, потому какъ цѣны настоящей по нынѣшнему времени дать нельзя, да и прогадаешь какъ разъ. И эти самыя антики, по ихъ край-

ности, въ деньгахъ, имъ очень желательно продать стоящему человеку, такому вотъ, какъ вы, ваше сѣятельство.

Балахнинъ доживалъ въ отцовскомъ домѣ изъ почернѣлаго сосноваго лѣса, съ высокимъ мезониномъ. Позади, въ саду, четыре аллеи вѣковыхъ липъ были давно проданы на срубъ. Одинокое торчали когда-то оштукатуренныя конюшня, людская и кухня — прямо противъ крыльца. Ни одной жердочки не осталось изъ плетня вокругъ обширнаго двора, совсѣмъ сливагося съ сѣвѣжной пеленой задворковъ. Всѣ комнаты низа и верха давно были заколочены, кромѣ двухъ — кабинета и крохотной спальни съ забытымъ окномъ. Наверху, въ мезонинѣ, полы прогнили и развалились.

Изъ передней мальчикъ, въ нагольномъ полушубкѣ, провелъ гостя черезъ темный и узкій коридоръ въ барину.

Передъ Таманцевымъ, черезъ комнату, сбоку обѣдѣлаго письменнаго стола, въ креслѣ, обитомъ темнымъ сукномъ, сидѣлъ старикъ лѣтъ семидесяти, въ бухарскомъ халатѣ, отъ времени совсѣмъ побурѣломъ.

Длинная, закругленная борода, изжелто-бѣлая, дѣлала румяное лицо еще величавѣе и яснѣе. Волосы сохранились гладкіе и также желтѣющіе, причесанные съ боковымъ проборомъ и висками. Золотые очки, въ толстой оправѣ, мѣшали разглядѣть выраженіе широко разрыванныхъ свѣтло-карихъ глазъ. Сохранились и зубы. Усмѣшка рта была тонкая, тихо-шутливая. Говорилъ онъ слабымъ, немного хрипловатымъ голосомъ, съ чуть слышной пріятной картавостью.

— Вамъ не холодно, графъ? — спросилъ хозяинъ тономъ когда-то свѣтскаго человека, десяти лѣтъ просидѣвшаго въ деревнѣ. — Я прикажу протопить.

— Не беспокойтесь, Леонидъ Антоновичъ.

— Все равно... надо второй разъ топить. Только вы извините... У меня соломой топятъ. Душоевъ даетъ! — шутливо прибавилъ онъ, и повелъ своимъ красивымъ ртомъ.

Онъ сильно позвонилъ.

— Угостить васъ, дорогой гость, ужъ и не знаю чѣмъ. Странуха у меня — жестокая. Яичницу смастерить... Знаете, однодворческую. Наливка есть... терновка.

Таманцевъ не отказался. Мальчикъ сначала принесъ охапку соломы и затопилъ печь съ потрескавшимися кафелями, потомъ сталъ накрывать на столѣ, въ глубинѣ кабинета.

Комната была невысокая, закоптѣлая отъ табачнаго дыма. Старикъ каждыя десять минутъ закуривалъ папиросу. По стѣ-

намъ висѣло множество портретовъ, фотографій, салуэтовъ. Надъ кожаной кушеткой—охотничьи вещи и два лисьи хвоста, запленные. Въ углу, у окна, на пьедесталѣ изъ краснаго дерева съ бронзой — статуэтка изъ почернѣвшей бронзы. Старинное бюро „Jacob“ занимало простѣнокъ.

Личница, изготовленная „страпухой“, съ голода показалась Таманцеву чрезвычайно вкусной. И двѣ рюмки терновки согрѣли его больше, чѣмъ топка соломой; отъ печки пошелъ дымокъ, какъ предсказывалъ Балахнинъ. Самъ онъ съѣлъ кусокъ глазуни, и выпилъ рюмку наливки.

Говорилъ онъ медленно, съ своеобразнымъ растягиваньемъ нѣкоторыхъ словъ: такая помѣщичья дикція пропадаетъ теперь, и только сохранилась у старыхъ актеровъ, хорошо подражавшихъ барскому тону.

Медленно разжевывая кусокъ ржаного хлѣба, Балахнинъ взглядывалъ на своего гостя съ видомъ человѣка, которому совѣстно за то, о чемъ этотъ гость, вѣроятно, какъ благовоспитанный человѣкъ, заговорить сейчасъ.

Таманцева остатокъ барскихъ поведеній тона и манеръ нисколько не возмущалъ въ немъ. Изрѣдка онъ пускалъ какую-нибудь французскую поговорку своего времени въ родѣ: „*midi à quatorze heures*“, или „*par dessus le marché*“. Но какая была разница съ нестерпимымъ жаргономъ княжны Охлѣстиной, точно застравшимъ въ его ушахъ!

Жалость чувствовалъ онъ къ этому старику, обнищавшему и одинокому, видя его покорность своей судьбѣ — кроткую resignation дворянина, который жилъ, какъ и всѣ другіе жили въ его время, и не сумѣлъ застраховать себя отъ того, что неизбежно нагрянуло.

— Нынче вѣдь всѣ ропщутъ, — сказалъ онъ Таманцеву, закуривая чуть не десятую папиросу. — А я, графъ, не ропщу — считаю это ниже себя. Чего же роптать? Другія времена. Какъ насъ воспитывали, такъ мы и жили. Спросите на деревнѣ: — что Леонидъ Антоновичъ, когда барщина была, морилъ васъ въ рабочую пору? — Кто еще помнитъ — скажетъ. Обойдите вы оба порядка. Двѣсти-семьдесятъ душъ было — теперь за триста. Что вы найдете? На пять дворовъ одна лошадь, да и то одры и стервцы! Полная эмансипація — отъ всего! — съ горькимъ юморомъ выговорилъ онъ. — Вы вѣдь и ихъ кормили, графъ, — въ третьемъ году. А они опять — нищія и на половину пропойцы. И такъ вездѣ, такъ вездѣ. А насъ даромъ никто не будетъ кормить, да и рука не протянется.

Онъ отвернулъ голову, точно боясь, что слева прошибетъ его.

— И вы совершенно одни?—спросилъ Таманцевъ, чувствуя, какъ ему дѣлается жутко за старика.

— Яко персть!.. Сынъ мой всего одинъ остался... Я отъ васъ, графъ, не скрою,—вы все поймете и не осудите,—забываетъ онъ, что его отецъ перебивается съ хлѣба на квасъ.—Vous savez, —вдругъ заговорилъ онъ по-французски, увидавъ голову мальчика, просунувшуюся въ дверь:—les enfants d'aujourd'hui... Развѣ у нихъ наше сердце, наши правила?

И Таманцеву стало почему-то ясно, что старикъ продаетъ лошадей и ищетъ покупателей на свои „антики“ для этого сына. Кто знаетъ,—можетъ, тотъ офицеръ—проигралъ полевые деньги, а штатскій—поддѣлалъ веселье или что-нибудь въ такомъ родѣ?

Ему совѣстно стало спросить, гдѣ служить его сынъ.

Уже смеркалось,—старикъ сказалъ ему, что обѣдаетъ въ двѣнадцать, и засиживаться ему не хотѣлось. Онъ прямо перешелъ къ покупкѣ лошадей.

Особенной нужды въ нихъ не было; но имѣть перемѣнную тройку не мѣшало. Онъ много ѣздилъ по уѣзду и продолжалъ называть себя „Чичиковымъ“.

— Лошади — добрыя, — говорилъ старикъ, перейдя на свое обдерганное суконное кресло. — Коренная—съ побѣжкой; но не скрою—осьми годовъ. Пристяжныя—посвѣтлѣе мастью.

— И какія онѣ?

— Бурья.

— И у меня такихъ же тройка.

— Вотъ и встаетъ,—съ тихимъ смѣхомъ замѣтилъ Балахнинъ. —Мнѣ онѣ—въ тягость. Кормить не на что. Да и куда я ѣзжу? Зимой — ровно никуда. И въ гостяхъ-то у меня бываетъ одинъ отецъ Антонъ. Да и отъ того всегда такъ лукомъ несетъ, что я ему сейчасъ же папиросу: „кури, батюшка, только не воняй!“

Оба они разсмѣялись.

— И цѣна?—спросилъ Таманцевъ конфузиво.

— Вотъ посмотрите... мальчикъ проводить васъ. Прикажете—можно запрячь.

— Затѣмъ...

— Цѣну не стану самъ назначать. Полагаюсь на васъ, графъ. Entre gens d'honneur... Вы давненько уже нашъ—деревенскій. Цѣны вамъ извѣстны.

Таманцевъ пододвинулся къ бюро и оглядѣлъ его.

— Какая чудесная вещь! И какъ я люблю эти старинныя

бюро! Теперь уже такихъ не дѣлаютъ,—замѣтилъ онъ, проводя рукой по карнизу шкафа.

— Нѣтъ, не дѣлаютъ!

Старикъ, запахивая свой халатъ, тоже подошелъ къ шкафу, и любовно оглядывалъ его.

— Покойный батюшка купилъ въ Москвѣ... на аукціонѣ. По тогдашнему сто рублей на ассигнаціи дадено. Вся моя жизнь, графъ, прошла около этого шкафа. А что дѣлать! И съ нимъ бы разстался. Вы такъ добры... Вотъ вещь... вамъ тулякъ Сергѣевъ говорилъ, быть можетъ?

— Какже!

Бронзовая статуэтка — Меркурій на глобусѣ — была цѣнная вещь. Таманцевъ прошелся по ней рукою, нащупывая волнистыя выпуклости.

— Вамъ только и можно предложить.

— Почему же? А Кувшинковъ?—весело замѣтилъ Таманцевъ.

— Кошатники все это!—горячѣе выговорилъ Балахнинъ.— Кошатники—ей-Богу! Мы теперь—заживо погребенные. Но горше всего то, что черезъ пять—десять лѣтъ во всемъ уѣздѣ будетъ командовать одинъ кошатникъ, да еще съ французскимъ языкомъ. Ха, ха!

— Я готовъ приобрести эту вещь,—не безъ смущенія сказалъ Таманцевъ: въ немъ было такое чувство, точно онъ подаетъ этому старику милостыню.

Пока мальчикъ ходилъ съ приказомъ насчетъ выводи лошадей, старикъ—по поводу бронзовой статуэтки—вспомнилъ ту зиму, когда онъ, еще молодымъ вдовцомъ, возилъ въ собственномъ „дормезѣ“ дочь въ институтъ. Имена содержателей дорогихъ французскихъ отелей Москвы и Петербурга, теперь не существующихъ — Шевалье, Морель, Кудонъ, имена пѣвцовъ, актеровъ, актрисъ, танцовщицъ—звучали точно погребальныя причитанья: Маріо, Лаблашъ, Віардъ, Брессанъ, Плессъ, Ирка-Матьясъ, Санковская...

Таманцеву сдѣлалось еще жутче за старика.

XXVII.

Морозы стояли здоровые. Санный путь исправился. Открытая повозка опять уносила Таманцева по большой дорогѣ въ уѣздный городъ.

Купленная у Балахнина тройка бурыхъ оказалась весьма не

лишней. Вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ то-и-дѣло ѣздитъ по уѣзду; а дома просиживаетъ цѣлыми днями за разными мѣстными матеріалами.

Поглядѣть со стороны, онъ — скучающій петербургскій баринъ, застрявшій — безъ постоянныхъ занятій, безъ настоящаго хозяйства — въ своей усадьбѣ. А на дѣлѣ онъ — послѣ болѣзни — сталъ работать по ясно намѣченному плану. Онъ уходилъ въ жизнь *уѣзда*, собиралъ данныя всякаго рода, толковалъ съ земскимъ начальникомъ, съ Томилинымъ, съ полицейскими чиновниками, со старшинами, выписывалъ изданія по экономическому быту края, по всѣмъ частямъ той „статистики“, которая въ сухихъ, но краснорѣчивыхъ цифрахъ показываетъ — чѣмъ все держится въ волости и сельской общинѣ, какъ кормится народъ, велико ли число грамотныхъ, сколько осталось послѣ голода скота — крупнаго и мелкаго.

И прекрасно, что „интеллигентный купчикъ“ Кувшинниковъ попалъ вмѣсто него въ председатели. Развѣ у него была, передъ тѣми выборами, подготовка для такой должности? Въ другой разъ онъ и не далъ бы себя уговорить; да и не желаетъ пока занимать никакого поста; но онъ искренно желаетъ — знать, лучше всякаго другого землевладѣльца, всю подноготную уѣзда — этой великой единицы русской территоріи.

Вотъ теперь, вызванный въ городъ депешей губернатора, очень любезно пригласившаго его отобѣдать — тотъ объѣзжалъ два уѣзда по пути въ Петербургъ, — Таманцевъ чувствовалъ во всемъ своемъ существѣ давно небывалую въ немъ бодрость и подвижность.

Онъ только-что вернулся отъ Колчановыхъ. Глафира серьезно принялась за свой „питомникъ начетчицъ“, какъ называется въ шутку ея новую школу здравомыслящая Клавдія. Дѣло идетъ прекрасно. Оно и его заинтересовало. И у него готовъ проектъ небольшой профессиональной школы. Но онъ ничего еще не говорилъ своимъ таманцевцамъ. Въ нихъ онъ замѣчаетъ поворотъ: засылали къ нему старосту — значитъ, будутъ просить о чемъ-нибудь. Но онъ теперь не станетъ напрашиваться въ благодѣтели. Чтò найдетъ онъ самъ дѣломъ первой важности — тому только согласенъ помогать, тѣмъ и готовъ призывать къ жизни, съ оглядкой, поступая съ уѣздомъ такъ, какъ Клавдія Колчанова поступаетъ съ своимъ хозяйствомъ.

Съ обѣими сестрами онъ еще болѣе сблизился. Но съ того вечера, когда что-то какъ будто дрогнуло между нимъ и Глафирою, — ничего не боясь и ни отъ чего не уклоняясь, онъ ни

единого раза не воспользовался деревенской свободой и случаемъ, и не искалъ болѣе интимнаго сближенія. Тамъ выходило... Они оба слишкомъ отданы все тому же уѣзду.

Вчера они вдвоемъ—вотъ въ этихъ самыхъ саяхъ—ѣздили за двадцать верстъ, въ имѣніе князя N — самаго богатаго владѣльца во всей губерніи, не живущаго въ этомъ имѣніи. Тамъ есть большое двухклассное училище и больница съ лечебницей для приходящихъ. Товарка Глафиры по курсамъ, впоследствии „медичка“, завѣдуетъ всѣмъ этимъ врачебнымъ дѣломъ. Они тамъ провели весь день. Пришли и двѣ учительницы. За обѣдомъ онъ былъ охваченъ воздухомъ молодой женской преданности „дѣлу“. Ничего для этихъ дѣвушекъ не существуетъ на свѣтѣ выше ихъ „призванія“, кромѣ чумазыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, мужиковъ и бабъ, съ ихъ часто неизлечимыми „болѣстями“. Вотъ кого надо поддерживать въ уѣздѣ вѣрой и правдой; а для этого надо все знать, приобрѣтать вѣсь, пользоваться и властью...

Въ такихъ думахъ въѣзжалъ онъ въ городъ, гдѣ съ самыхъ земскихъ выборовъ былъ всего одинъ разъ.

Губернаторъ остановился въ помѣщеніи, извѣстномъ подъ именемъ „генеральской квартиры“. Въ этомъ же домѣ происходили и всякіе сѣзды. Два урядника встрѣтили Таманцева въ передней. Было часа три. На дворѣ стояли обывательскія сани.

Въ залѣ молодой чинovníкъ, въ вицмундирѣ, пошелъ докладывать генералу. И только-что Таманцевъ немного оправилъ волосы и бороду, какъ изъ кабинета, гдѣ принималъ начальникъ губерніи, вышелъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ Кувшинниковъ.

Сейчасъ же при видѣ Таманцева онъ ухмыльнулся и подошелъ съ особенно почтительнымъ поклономъ.

— Вашему сіятельству! — сладко выговорилъ онъ.

Но въ глазахъ заблестѣли искорки самодовольства. И съ двойственнымъ благодушіемъ онъ выговорилъ:

— Все еще въ нашихъ палестинахъ остаетесь?

— И останусь, Провъ Провычъ, и останусь,—отвѣтилъ ему Таманцевъ тономъ человѣка, которому рѣшительно все равно, какъ разговариваетъ съ нимъ Кувшинниковъ, искренно или съ купеческимъ „подходомъ“.

— Добро здоровья! Его превосходительство о васъ уже спрашивалъ. Всего хорошаго!

Чинovníкъ показался въ дверяхъ и пригласилъ его жестомъ войти.

Съ губернаторомъ онъ былъ знакомъ больше двухъ лѣтъ. Генералъ немного постарѣлъ; но все такъ же моложавъ для своихъ

лѣтъ, съ темными волосами, искусно зачесанными на лысину, и сѣдѣющей бородой, въ бѣломъ жилетѣ и свѣтло-сѣромъ военномъ пальто—все такъ же бодро держится и тѣ же у него тонкіе духи и дорогія папиросы изъ „оттоманскаго“ табаку.

Онъ славился своимъ необыкновеннымъ пріятнымъ тономъ и мягкостью манеръ. И теперь онъ встрѣтилъ Таманцева пожиманіемъ обѣихъ рукъ и сейчасъ же усадилъ его на диванъ, рядомъ съ собою, и долго держалъ его руку въ своей мягкой и бѣлой рукѣ. Его игривые глазки, съ мелкими морщинами на углахъ, глядѣли на него сквозъ черепаховое ринсе-нез почти съ нѣжностью.

— *Votre rival?*—на ухо спросилъ губернаторъ, кивнувъ въ сторону залы.

Таманцевъ только повелъ головой.

— Между нами, дорогой графъ,—продолжалъ губернаторъ:—эта побѣда господина Кувшинкова меня совсѣмъ не восхитила. Управа—въ рукахъ разночинцевъ. Я того и жду, что вашъ знаменитый старшина—кабатчикъ Сусловъ—проберется въ предсѣдатели. *C'est très mal vu... là-bas!*

Генераль поднялъ вѣки и повелъ ладонью лѣвой руки.

— Чрезвычайно радъ васъ видѣть,—началъ онъ съ новымъ напылкомъ радушія и опять взялъ Таманцева за руку.—Вы знаете, я на пути въ Петербургъ. Мнѣ будетъ особенно пріятно представить его высокопревосходительству,—это слово генераль выговаривалъ медленно и полупутливо:—какими землевладѣльцами можете гордиться наша губернія и специально нивандровский уѣздъ. Еще въ третьемъ году, графъ, я дѣлалъ особенное представленіе о вашихъ... можно сказать, благодѣяніяхъ...

„Что-то онъ ужъ очень меня ублажаетъ!—подумалъ Таманцевъ.—Иза-за чего? Для него я—не женихъ: онъ бездѣтный вдовецъ; взаимно онъ врядъ ли попроситъ, за нимъ это не водится. У высшаго начальства онъ, и безъ того, на хорошемъ счету“.

— Я сталъ умнѣе,—сказалъ Таманцевъ.—Отъ ненужныхъ благодѣяній я воздержусь. Но думаю жить теперь здѣсь частнымъ человекомъ. Готовъ всячески послужить уѣзду.

— Душевно радъ... и признателенъ. Я знаю, графъ, что вы... enfin... *vous êtes un pur!*.. И я не желаю дѣлать вамъ губернаторскихъ посуловъ. Но, право, я былъ бы истинно счастливъ, еслибъ вы позволили мнѣ... Не угодно ли вамъ...—началь-было губернаторъ.

— Ничего, ничего, генераль, увѣряю васъ.

— Почему же?..

Генералъ откинулся на спинку дивана и закурилъ.

— Никакихъ я за собою заслугъ не признаю, генералъ!— искренно воскликнулъ Таманцевъ.

— Униженіе паче гордости, какъ любятъ говорить наши губернскія дамы. Но позвольте, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что на ближайшихъ сословныхъ выборахъ вы получите постъ, который принадлежитъ вамъ по праву. Теперешній предводитель —человѣкъ больной... Онъ врядъ-ли и вернется изъ-за границы.

— У него есть замѣститель,—откликнулся такъ же искренно Таманцевъ.

— Томилинь? — спросилъ вполголоса генералъ. — Николай Алексѣвичъ? Лично противъ него я ничего не имѣю... Вы какъ съ нимъ?

— Мнѣ онъ очень нравится. Мы, въ послѣднее время, сошлись съ нимъ.

— Онъ честной человѣкъ,—генералъ ударилъ на слогъ „ой“: —безусловно. И ученый, и прекраснаго рода, могъ бы быть вполне на мѣстѣ. Mais il est très mal vu...

— Là-bas?—досказалъ Таманцевъ.

— Oui, mon cher comte,—поддакнулъ губернаторъ:—là-bas. Еслибъ его и выбрали—а я не думаю, чтобы онъ сталъ рисковать,—то исходъ былъ бы все-таки отрицательный.

— Вѣдь его утвердили же въ кандидатахъ.

— Это другое дѣло. Да и то, entre nous, cela m'a coûté énormément de diplomatie! Увѣряю васъ, графъ. А предводителемъ не утверждать,—отчеканилъ губернаторъ раздѣльно и съ нѣжной усмѣшкой.

— Очень жаль, генералъ.

— Намъ нужны такіе, какъ вы, графъ. Въ первую голову! И я имѣю себѣ въ пріятный долгъ представить, какъ это было бы желательно.

Таманцевъ хотѣлъ что-то возразить, но человѣкъ доложилъ:

— Господинъ Томилинь!

Губернаторъ быстро поднялся, поправилъ тужурку, и черезъ двѣ минуты обѣ его руки протянулись къ входившему кандидату, и Таманцевъ не могъ сдержать улыбки при возгласѣ генерала:

— Дорогой Николай Алексѣвичъ! Безмѣрно радъ васъ видѣть!

XXVIII.

Тройка бурыхъ опять стояла подъ навѣсомъ сарая, дожидаясь выхода барина камердинера и его оклика:

— Перфиль! Подавай!

Кучеръ Перфиль, сынъ бывшаго двороваго—еще молодой, рябватый въ лицѣ, малый—считался лихимъ наѣздникомъ. Онъ жилъ два года у исправника и привыкъ къ частой и бойкой ѣздѣ. Новую покупку графа онъ одобрилъ и пожалѣлъ только, что обѣ пристяжныя „бѣлоножки“.

Ему сказалъ Лаврентій, что сегодня поѣдутъ въ волчановскимъ барышнямъ. Стало быть, пробудутъ тамъ до поздней ночи. Ъзда пріятная, недалеко, и угощение, каждый разъ, особенное. Тамъ въ людской поговариваютъ, что младшая сестра, Глафира Спиридоновна, „понравилась“ барину. Того гляди, женится. Не больно ли онѣ широко шагаютъ, эти барышни? Спору нѣтъ, богатѣйши, поди богаче графа, однако—купчихи. А купецъ не далеко ушелъ отъ мѣщанина.

Перфиль затянулъ ремень своего синяго кафтана и поправилъ плечо на одной изъ пристяжныхъ; потомъ закурилъ трубочку нѣжинскихъ корешковъ, сплюнулъ и сталъ похаживать передъ тройкой, слегка посвистывая.

Баринъ что-то замѣшкелся.

Въ кабинетѣ Таманцевъ былъ одинъ. Онъ совсѣмъ собрался, положилъ въ карманъ бумажникъ и оглядѣлся, не забытъ бы чего.

Рука его невольно потянулась еще разъ къ бумажнику и вынула оттуда письмо на свѣтло-сѣрой бумагѣ, продольнаго формата, съ бѣлой монограммой.

Вчера получилъ онъ его, обѣ эту же пору, и цѣлыя сутки не можетъ еще вполне овладѣть собою.

Письмо было отъ Пети Долгова, уже не первое.

И то, которое онъ писалъ ему изъ-за границы, передъ возвращеніемъ въ Петербургъ, взволновало его. Но тогда онъ поборолъ эту тревогу и въ разговорѣ съ Глафирой далъ понять, что петербургская полоса его жизни уже не вернется.

Петя писалъ ему и тогда про Лушковыхъ. Катъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ замужъ, уже начала убѣждаться въ томъ, за кого она вышла. Лушковъ сильно проигрывался и не думалъ разрывать съ своей „тужуркой“—такъ называлъ Петя довольно извѣстную танцовщицу.

Злорадства онъ не ощутилъ тогда, читая то письмо, и ему долго казалось, что судьба Кэтъ уже не должна его волновать ни въ какомъ смыслѣ.

Отчего же съ вчерашняго утра онъ не можетъ успокоиться? Ему надо передъ кѣмъ-нибудь излиться. Передъ кѣмъ же ближе, какъ не передъ Колчановыми? Съ Клавдіей это было бы легко, и въ ней онъ нашелъ бы отличную совѣтчицу. Но Глафира?..

Они сближались все больше и больше. Не можетъ же онъ не замѣчать, что эта дѣвушка его любитъ. Онъ ее не увлекаетъ, не хочетъ обижать легкимъ „флиртомъ“, она ему очень симпатична. Изъ нея выйдетъ прекрасная жена. Но онъ слишкомъ слѣдитъ за собой. А развѣ это не прямой признакъ того, что чувство не забираетъ его?

Говорить по поводу вчерашняго письма Пети Долгова о Кэтъ было бы, пожалуй, рѣшительнымъ шагомъ. Если говорить, значитъ—не бояться за себя, показать этой дѣвушкѣ, что у него нѣтъ отъ нея тайнъ. Это можетъ повести къ такой сценѣ, послѣ которой надо идти подъ вѣнецъ.

А не рискуетъ ли онъ тѣмъ, что изъ его изліяній выйдетъ смертная обида для Глафиры Спиридоновны? Уже и теперь, въ эту минуту, когда онъ перечитываетъ съ новымъ волненіемъ письмо „Петюни“, онъ не въ состояніи поручиться за себя.

Какую фатальную роль играетъ въ его жизни „барышня въ панталонахъ“! Вотъ и теперь. Это письмо, написанное изъ Петербурга, уже не то, что то, первое, заграничное.

Петюня видится часто съ Катериной Денисовной Лушковой. Онъ считаетъ себя ея пріятелемъ. Кэтъ повѣряетъ ему свои тайны.

Что-жъ! Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Она побита жизнью. Ея бракъ принесъ ей полное банкротство.

Глаза Таманцева съ жадностью пробѣгали эти строки.

„Вы знаете, графъ,—выводилъ Петя своимъ удивительнымъ англійскимъ почеркомъ,—до какой степени Катерина Денисовна горда. Но она теперь не та, совсѣмъ не та... Вы для нея теперь только выяснились въ настоящемъ свѣтѣ. Или, лучше, она сознала, что годъ тому назадъ на нее нашло какое-то облако. Многого она просто понять не можетъ. Ея положеніе—самое ужасное... Быть жертвой господина Лушкова! И еслибъ еще она его любила! Но никакой любви нѣтъ, и полная невозможность продолжать такую невыносимую жизнь“...

И дальше:

„Судьбѣ угодно было, дорогой Андрей Павловичъ, сдѣлать

вась въ нѣкоторомъ родѣ *deus ex machina* этого брава, хотя вы, конечно, ни на іоту не виноваты. Но знаете, это рокъ... *величіе Зевса*, какъ говорится въ вступленіи къ *Иліадѣ*, въ стихахъ, которые насъ заставляли зубрить въ гимназій. Вы помните?.."

Эти строки всего больше всколыхнули Таманцева и при первомъ чтеніи письма; а онъ прочелъ его едва ли не шесть разъ.

Да, онъ былъ *„deus ex machina“*. Безъ его бѣшеной выходки не было бы вызова; Лушкова старуха Брянская не заставляла бы просить руки своей внучки. И каково Кэтъ, при ея гордости, сознавать, что господинъ Лушковъ бросилъ ей это предложеніе въ видѣ милости, теперь, когда она пришла къ выводу, что ей надо развестись съ мужемъ?!

И она совсѣмъ одна. Старуха за границей, откуда не вернется. Тутъ есть и денежная подкладка. Лушковъ уже проигралъ половину ея состоянія, „если не двѣ трети“, — прибавляетъ аккуратный Петя.

Въ концѣ письма онъ передаетъ съ разными оговорками, такъ на него похожими, что Катерина Денисовна „страстно желаетъ писать ему, но не рѣшается“; а онъ, Петя, увѣренъ, что графъ „и тутъ выкажетъ, какая у него великодушная и нѣжная душа“.

Логика чувства подсказывала ему, что для человѣка, поставленнаго въ его положеніе, могутъ быть только два мотива: если у него все замерло—всякая горечь и обида—онъ *обязанъ* протянуть руку бѣдной женщинѣ, попавшей въ западню, на половину по *ею же винѣ*. А чувствуетъ онъ, что Кэтъ, та прежняя, когда-то любимая, еще не умерла для него, — тѣмъ паче не въ силахъ будетъ онъ не откликнуться на ея зовъ.

Вхвать надо; сестры ждутъ его къ завтраку, онъ обѣщалъ.

Тутъ только Таманцевъ замѣтилъ, что еще не надѣлъ часовъ. Онъ быстро подошелъ къ письменному столу и взялся за часы. Было уже около одиннадцати; ѣзды больше часа.

Онъ надѣлъ шапку, лежавшую въ углу, на столикѣ, и еще разъ прошелся по комнатѣ, точно продолжая осматриваться, не забылъ ли чего.

Но ничего съ собою онъ не бралъ, ни книги, ни новаго журнала. Въ немъ не стихала тревога.

Дорогой, на холодѣ, будетъ лучше все обдумать.

Первое движеніе вчера—было написать Кэтъ сейчасъ же. Онъ, въ полномъ смыслѣ, не спохватился, когда это душевное движеніе овладѣло имъ. Ему стало даже жутко, почти страшно.

Значить, онъ, до сихъ поръ, еще тайный рабъ этой несчастной страсти, въ родѣ пьяницы, послѣ зарокъ и тяжкаго леченія отъ запоя? Вдругъ случай, рюмка, выпитая на станціи, съ холода... И опять ужасный порокъ держитъ бѣднягу въ жадныхъ и злобныхъ когтяхъ.

Торопливо прошелъ онъ коридоромъ и крикнулъ Лаврентію: — Вели подавать!

Въ саняхъ, когда Перфиль пустилъ коренника, выѣхавъ изъ околицы, Таманцевъ спросилъ себя и настоятельно: — хорошо ли онъ сдѣлаетъ, если будетъ изливаться у Колчановыхъ? Глафиру устранить нельзя, и съ ней онъ теперь на болѣе короткой ногѣ, чѣмъ съ Клавдіей.

И онъ уже безъ колебанія отвѣтилъ: „не слѣдуетъ“. Скрытничать онъ тоже не станетъ. Навязывать дѣвушкѣ, увлеченной имъ, такія признанія — жестоко. Еще жесточе было бы просить ея совѣта: писать ли ему Катеринѣ Денисовнѣ Лушковой? Не только такая дѣвушка, какъ Глафира, „преисполненная благородныхъ принциповъ“, — мысленно выговорилъ онъ, — но всякая, даже суетная, даже фальшивая, скажетъ:

— Она повинилась. Если вы ее больше не любите, вамъ нѣтъ опасности написать ей.

Но такой пріятельницѣ, какъ Глафира, онъ обязанъ выложить и всѣ свои уломы совѣсти. Вѣдь онъ дѣйствительно натолкнулъ Кэтъ на выходъ замужъ за Лушкова. Кто же, какъ не онъ, сдѣлалъ ее „la fable de la ville“ — по выраженію его дяди, и старой книгини, и всего ихъ кружка?..

Ему показалось, что не прошло и получаса, когда Перфиль, съ молодецкимъ уханьемъ, поднялся „на изволюкъ“ въ той площадкѣ, откуда, какъ на ладони, видна была нарядная усадьба Колчановыхъ съ ея красивой далью на рѣку, теперь скованную льдомъ, и съ темной полосой хвойнаго лѣса въ глубинѣ зарѣчныхъ луговъ.

XXIX.

Въ мезонинѣ, гдѣ Глафира занимала двѣ большихъ комнаты, ея кабинетъ, съ овнами на рѣку, смотрѣлъ, въ эту минуту, нарядно и весело, полный зимняго солнца.

Таманцевъ только-что всталъ съ кресла у маленькаго бюро, гдѣ, съ другой стороны, сидѣла и Глафира. Лицо ея застыло въ выраженіи, похожемъ на то, когда что-нибудь усиленно припоминаешь, со взглядомъ, устремленнымъ въ одну точку.

Вышло то, чего онъ никакъ не желалъ.

Послѣ завтрака они поднялись сюда; Глафира хотѣла ему прочесть замѣтку, которую собиралась послать въ одну московскую газету. Должно быть, онъ слушалъ ее очень разсѣянно. Она кончила и вдругъ сказала ему:

— А вѣдь у васъ, Андрей Павловичъ, есть что-то на душѣ. Вы все время самъ не свой.

Онъ было-сталъ отпираться и кончилъ тѣмъ, что все рассказъ ей.

Глафира узнала содержаніе письма Долгова. Совѣта онъ у нея не просилъ. Она сама стала говорить возбужденно и какъ будто вполнѣ искренно.

— Вы не способны оттолкнуть ее теперь. Съ вашей душой! Эта женщина должна ужасно страдать.

Глаза дѣвушки вспыхивали и потухали. Въ нихъ былъ вопросъ: „что же вы-то сами чувствуете къ ней?“

Отвѣтить на него онъ не могъ прямо, рѣшительно: не могъ, потому что самъ не зналъ.

И вотъ разговоръ оборвался. Дальше идти стало ему неловко, ей—слишкомъ тяжело. Онъ напишетъ Лущковой; а потомъ?

Когда онъ отошелъ отъ стола къ печѣ и взглядъ его упалъ на всю фигуру дѣвушки, его схватило за сердце. Было что-то напряженное во всемъ ея тѣлѣ, точно на нее напалъ столбнякъ.

— Глафира Спиридоновна!—окликнулъ онъ ее.

Она подняла голову. Губы силились улыбнуться. Блѣдное лицо сразу вытянулось и глаза поблѣкли. Но она сдѣлала надъ собой усиліе, встала и заговорила твердымъ тономъ:

— Сойдите внизъ. Клавденька, пожалуй, заждалась. Она собирается идти съ вами смотрѣть новый локомобиль... въ молотильный сарай.

Она приблизилась къ нему и протянула руку.

— Спасибо, Андрей Павловичъ.

— За что?

— За довѣріе ко мнѣ, къ вашему вѣрному другу.

Голосъ у нея не вздрагивалъ, и Таманцевъ не замѣтилъ ничего, что могло бы смутить его.

Стыдливое чувство удержало его отъ вопроса: „стало быть, надо написать ей?“ Но что-то въ родѣ неловкости передъ Глафирой не исчезало въ немъ, хотя между ними ничего не произошло на посторонній взглядъ: поговорили, какъ „добрые друзья“—и только. Когда онъ передавалъ ей содержаніе письма Долгова, тонъ у него былъ скорѣе суховатый. Ему удалось по-

давить свое волненіе. Но развѣ она не могла распознать, что онъ волнуется?

— Вы не сойдете со мной?—спросилъ онъ пріятельскимъ голосомъ.

— Нѣтъ, я еще разъ просмотрю. Вамъ вдвоемъ будетъ лучше. Вѣдь я профанъ въ хозяйственной части.

Она проводила его до лѣстницы и ласково кивнула ему, стоя у перилъ площадки.

Медленно прошла Глафира, но не въ кабинетъ, а въ спальню, съ окнами на дворъ, такую же просторную, всю отдѣланную розоватымъ кретономъ.

Сначала она сдѣлала нѣсколько концовъ, взадъ и впередъ, отъ печи до окна, и ея руки стали часто вздрагивать. Она потирала ихъ съ особымъ трескучимъ звукомъ. Углы рта оттянулись. Голову она то-и-дѣло поворачивала вправо и влѣво.

Подойдя къ кровати, она упала на нее, лицомъ въ подушку, и, заглушая рыданія, обняла голову трепетными руками, крѣпко прижимая ее. Все ея молодое и стройное тѣло пронизывала судорога. Страшилась она одного: какъ бы не закричать кликушей, вотъ сейчасъ, когда они еще тамъ, внизу, и Таманцевъ можетъ услышать.

Онъ ничего не долженъ знать. Да и что ему за дѣло до какой-то купчихи, Глафиры Спиридоновны Колчановой, безумно влюбившейся въ него? Развѣ онъ ее завлекалъ? Они—пріатели, и этого слишкомъ достаточно для нея.

Голова ея, здоровая и сильная, уже овладѣла припадкомъ и ставила эти вопросы. Они, точно капли раскаленной смолы, капали ей на сердце. Лучше сразу вырвать это безумное чувство, и чѣмъ больнѣе рѣзнуть по живому мѣсту, тѣмъ вѣрнѣе!

Развѣ не ясно, что онъ еще любить ту... великолѣпную Катю, про которую говорить весь Петербургъ? Видимое дѣло, что она будетъ теперь добиваться развода. И не пройдетъ года, она—графиня Таманцева.

Въ груди у нея то жгло, то ныло; но голова работала. Надо сейчасъ же встать, освѣжить лицо, сдѣлать такъ, чтобы ни на одну секунду не запало въ него сомнѣніе. Онъ могъ догадываться, что она его любитъ; но сегодня его поведение было безупречно. Она сама во всемъ виновата. Зачѣмъ стала она у него выпрашивать? А развѣ, когда любишь—можно молчать? Да и что же онъ такое сказалъ? Передалъ содержаніе письма и выказалъ скорѣе недовольство. Даже не спросилъ ея совѣта: писать ему Лушковой или нѣтъ.

Но она почувала, какую онъ на себя маску надѣваетъ, онъ — такой искренній и порывистый!

Исходъ одинъ — вырѣзать гангрену, которая станетъ грызть ее. Вѣдь они видятся каждую недѣлю. Теперь, когда онъ отъ нея ничего не скрываетъ, всякій дружескій разговоръ будетъ для нея невыносимой мукой.

А не выдержать, не хватить силъ произвести эту операцію — надо уѣхать на цѣлый годъ, куда-нибудь далеко-далеко, и кануть въ воду.

Глафира лежала съ закрытыми глазами, и двѣ слезы блестя на длинныхъ рѣсницахъ.

Начинало смеркаться. Она не знала, сколько прошло времени. А надо оправиться и идти внизъ. Скоро сядутъ за столъ. Вечеромъ графъ предложилъ имъ прочесть вслухъ интересную статью.

„Интересную“! — повторила она съ глубокой ироніей. Какъ будто она способна чѣмъ-нибудь интересоваться! Да и у какой женщины, у какой дѣвушки есть интересъ выше все того же заразнаго чувства? И Клавденька только топить въ хозяйствѣ свою кручину.

На лѣстницѣ раздались шаги. Она ихъ не слыхала.

— Глаз! — окликнула ее сестра и вошла въ спальню. — Что ты это валяешься? Мы давно вернулись. Иди...

— Сейчасъ.

По одному этому звуку Клавдія поняла, что съ сестрой что-нибудь неладно.

— Что съ тобой, голубчикъ? — заботливо спрашивала она, присаживаясь къ ней на край постели.

— Ничего.

— Нездоровится?

— Нѣтъ, Клавденька, ничего.

Глафира приподнялась съ усиленіемъ, закинула обѣ руки на широкія плечи сестры, упала головой на правое плечо и обняла ее за шею.

— Ничего, пройдетъ... все проходить. Вотъ и ты вѣдь вы-здоравлила.

— Отъ чего?

И понявъ, что такое съ сестрой, Клавдія обняла ее своими сильными руками и стала цѣловать въ голову, приговаривая:

— Брось! Брось! Онъ — большой баринъ. Не для насъ съ тобой, батюшка мой милый!

Глаза Клавдіи сдѣлались влажны, но она не заплакала.

— Хочешь, я скажу, что ты не сойдешь въ обѣду?

Томъ II. — Апрель, 1895.

82/4

— Нѣтъ! Бога ради! Я сейчасъ. Только освѣжу лицо.

— Бесталанная ты моя, бесталанная! — почти вскричала Клавдія и опять порывисто обняла голову сестры и долго цѣловала ее.

И въ ея ласкахъ сестрѣ, въ звукахъ голоса дрожала глубокая горечь дѣвушки съ разбитымъ сердцемъ.

XXX.

Прошло больше недѣли. Таманцевъ поджидалъ къ себѣ доктора. Они условились ѣхать въ то село, гдѣ еще недавно онъ пробылъ весь день вмѣстѣ съ Глафирой, гдѣ женщина-врачъ и учительницы оставили въ немъ такое доброе настроеніе. Туда должна была пріѣхать прямо изъ Колчановки и Глафира.

Докторъ немного запоздалъ. Войдя въ кабинетъ, онъ тотчасъ же объявилъ, что ихъ поѣздка не состоится.

— Почему такъ? — откликнулся съ живостью хозяинъ, идя къ нему на встрѣчу.

— Я заѣхалъ за Глафирой Спиридоновной...

— И что-жь?

— Она расклеилась, а безъ нея поѣздка не въ поѣздку.

Глафиру Таманцевъ не видалъ съ того дня, какъ былъ на хуторѣ.

— Ничего серьезнаго? — спросилъ Таманцевъ, подводя доктора къ его обычному мѣсту — въ креслѣ, у двери въ спальню.

— Нервы, что-ли, расходились, не разберешь!

Домашневъ поморщился, закуривая свою крѣпчайшую „пушку“.

Онъ очень любилъ Глафиру, и еслибъ Таманцевъ не зналъ, что онъ отличный мужъ и отецъ семейства, то давно бы подо-зрѣвалъ, что докторъ неравнодушенъ къ ней.

— Если вы не разберете, Илья Ефимовичъ, то кто же?

— Мудреное дѣло. Вообще у нея организмъ нормальный. Бывали головныя боли, простуды, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ здѣсь живутъ; но чего-нибудь... знаете, нынѣшняго — не замѣчалъ.

— По части неврастеніи? — подсказалъ Таманцевъ.

— Именно. Лежить... пульсъ слабый... сна нѣтъ. А я наркотиковъ давать не желалъ бы.

Брови докторъ сдвинулъ и нетерпѣливо закачалъ одной ногой.

Таманцеву показалось, что взглядъ его пріятеля прошелся по немъ очень быстро и съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.

Въ послѣднія шесть недѣль они видались рѣдко. Какъ будто

ихъ пріятельство покачнулось съ того самаго крупнаго разговора, когда онъ и Томилинь очутились противъ доктора. Домашневъ уже проговаривался, что онъ „не совсѣмъ понимаетъ Николая Алексѣевича“, что его „радикализмъ значительно побѣдѣлъ“, но долженъ былъ, однако, сознаться, что къ Томилину „не придершья“ ни въ какомъ смыслѣ.

Въ эту минуту, въ тонѣ и минахъ Домашнева Таманцевъ почуялъ что-то еще по поводу внезапнаго недорожья Глафиры Спиридоновны.

Онъ и самъ еще не успокоился на ея счетъ и хотѣлъ-было ей написать, по пріѣздѣ отъ нихъ, недѣлю назадъ. Но его письмо къ Лушковой уже давно было написано и отправлено... Отвѣта онъ сталъ ждать съ возрастающей тревогой.

— Однако,—сказалъ онъ озабоченнымъ тономъ,—вы должны же, какъ врачъ, распознать что-нибудь? Ея жизнь вы хорошо знаете; поэтому вамъ ясна ея... какъ вы теперь называете... ана... ана...

— Анамнѣза, что-ли?

— Да.

— Легко сказать! Внутренняя психика дѣвицы... и такой, какъ Глафира Спиридоновна—это тоже задача.

— Кажется, она очень изліятельная особа.

— Да, въ общихъ вопросахъ. Но въ каждой женщинѣ два душевныхъ организма—одинъ наружный, другой нутряной.

И опять Таманцевъ почувствовалъ, что быстрый взглядъ доктора прошелся по немъ.

— Клавдія ничего не говоритъ такого, чего я самъ не знаю или о чемъ... не догадывался, — протянулъ Домашневъ многозначительно.

Онъ не могъ пройти это молчаніемъ.

— Илья Ефимовичъ!—обликнулъ онъ и поглядѣлъ на пріятеля съ особеннымъ выраженіемъ.

— Ась?

— Вы чего-то не досказываете и какъ будто по моему адресу? А?

Не сразу отвѣтилъ докторъ.

— Что-жъ! Я хитрить не мастеръ. Есть грѣшокъ!

— Развѣ вы считаете меня... виновникомъ разстройства Глафиры Спиридоновны?

— Прямымъ—нѣтъ... Косвеннымъ—да!

На мѣстѣ доктору не сидѣлось. Онъ подошелъ къ бюро про-

стѣнка и прислонился къ нему въ своей обычной позѣ, разставивъ широко ноги.

— Какъ же мнѣ это понять?

— Эхъ, ваше сіятельство! Извольте хитрить... Дѣвушка который годъ въ васъ врѣзавшись до самозабвенія... а вы...

Онъ повелъ головой, и краска начала выступать на его сильно загорѣлыхъ щекахъ.

Поднялся и Таманцевъ и близко подошелъ къ Домашневу.

— Съ какой же стати?—началъ-было онъ.

— Батюшка, Андрей Павловичъ... Оставимъ аристократическія тонкости. Я не нахалъ и не люблю вторгаться въ чужую душу. Но если мы съ вами до сихъ поръ жили въ ладу... и считались людьми одного пошиба... то изъ-за чего же я стану скрывать? Это не пустая болтовня съ моей стороны.

— Я и не говорю!—вскричалъ Таманцевъ.

— Стало быть?—вѣско выговорилъ докторъ.

— Но развѣ мое поведеніе?..

— Оставьте! Кто васъ въ чемъ-нибудь винить? Вы не ловелась, не сластѣна. Слишкомъ даже мало обращаете вниманія на женскій полъ. У васъ зазноба была. Я говорю гадательно! Но вѣдь съ тѣхъ поръ, кажется, вы распростились съ Питеромъ.

Таманцевъ хотѣлъ бы сказать: „да“,—и молчалъ.

— Чтѣ мудренаго,—продолжалъ докторъ уже гораздо мягче, —что мудренаго,—повторилъ онъ:—что дѣвушка полюбила васъ. Иного и не могло выйти! И вы ее не увлекали. Никто этого и не говоритъ, ни я, ни она, ни ея сестра. Напротивъ, онѣ даже со мною хитрятъ. Но вы добиваетесь отъ меня діагнозы? Я ее и ставлю—страсть, вошедшая внутрь психи. Вотъ она и начинаетъ развѣдать нервную машину. Дѣло понятное.

Таманцевъ стоялъ передъ нимъ съ поникшей головой.

— Чтѣ же дѣлать? —вполголоса выговорилъ онъ и развелъ руками.

— Да коли сердце ваше свободно... будто такъ трудно почувствовать взаимность въ данномъ случаѣ? Дѣвушка—на рѣдкость, —душа, умъ, образованіе, красота.

— Глафира Спиридоновна не такая особа,—остановилъ Таманцевъ,—чтобы можно было съ ней пофлертировать... и только.

— Кто же говоритъ!

И точно отвѣчая самому себѣ, докторъ сказалъ съ явной горечью въ тонѣ:

— А женой мы ее не назовемъ. Купчиха!..

— Илья Ефимовичъ! Съ какой же стати вы мнѣ это кидаете въ лицо?

— Простите. Это я такъ.

Домашневъ протянулъ ему руку.

— Очень ужъ мнѣ ее жалъ! — продолжалъ онъ тронутымъ голосомъ. — Въ ея лѣта и съ ея натурой это неизлечимый недугъ.

— Недугъ! — повторилъ вслѣдъ за нимъ Таманцевъ и такимъ тономъ, что докторъ оглянулъ его.

Онъ самъ, нечувствительный къ женскому полу, по опредѣленію Домашнева, не испытывалъ ли новаго приступа того же самаго недуга?

— По крайней мѣрѣ... вы бы съ ней поласковѣе, Андрей Павловичъ. Заѣхали бы лишній разъ.

— Я готовъ; но чему же это поможетъ?.. Послушайте, Домашневъ, — заговорилъ Таманцевъ серьезнѣе и теплѣе: — Глафира Спиридоновна прекрасная личность. Лучше не найдешь, особенно если остаться жить здѣсь. Мое поведеніе съ ней было такое — я долго ничего явнаго не замѣчалъ... И во время болѣзни я всего разъ позволилъ себѣ... какъ это назвать... маленькій проблескъ лиризма. Клянусь вамъ, ничего больше!..

— Не можете быть, чтобы въ послѣдній разъ, какъ вы тамъ были, у васъ ничего не вышло?

— Вышло вотъ что...

Ничего не скрывая, Таманцевъ передалъ доктору про письмо Долгова и про то, какъ, противъ его желанія, онъ излился Глафирѣ, вызванный ея же разспросами.

— И вы забыли, что она васъ безумно любить?

— Забылъ! — выговорилъ Таманцевъ, неожиданно смущенный.

— Ну такъ вотъ что, графъ, — сказалъ докторъ, беря его опять за руку: — въ васъ старыя дрожжи не выѣло еще время.

И подведя Таманцева къ креслу, онъ посадилъ его и, наклонясь надъ нимъ, взялъ обѣими руками за плечи.

— Одинъ вопросъ... Не угодно — не отвѣчайте. Вы той... дажѣ уже написали?

— Написалъ.

— И ждете отвѣта... что называется, ждете?

— Жду, — стыдливо вымолвилъ Таманцевъ.

— Бѣдная Глафира! Наживетъ неврастенію! — сказалъ Домашневъ и, отойдя отъ кресла, прибавилъ: — Женщина — сосудъ скудельный!

XXXI.

Докторъ давно уже уѣхалъ.

При свѣтѣ лампы Таманцевъ засѣлъ-было за обычную вечернюю работу. Но книга валялась изъ рукъ. Онъ прислонилъ голову къ спинкѣ кресла и закрылъ глаза рукой, охваченный цѣлымъ роемъ мыслей и вопросовъ.

Что же ему дѣлать, если любовь Глафиры Спиридоновны Болчановой не сообщилась ему въ-время? Да и теперь онъ смущенъ, но не тронутъ настолько, чтобы велѣть заложить тройку и полетѣть къ ней. Какъ пріятель, онъ готовъ это сдѣлать... Его даже потянуло. Но онъ боится. Ему неловко. Зачѣмъ будетъ онъ волновать ее, когда онъ не въ силахъ отвѣтить страстью на страсть?

А можетъ быть, теперь-то и слѣдовало бы ему не исказъ страсти, разъ ея нѣтъ, а просто отдаться теченію, согрѣвать себя пылкимъ и самоотверженнымъ чувствомъ такой дѣвушки. Вѣдь любовь прилипчива. Такая жена, какъ Глафира, всю жизнь будетъ прочной пристанью.

Онъ опять на распутьѣ. Докторъ вѣрно угадалъ. Будь его сердце вполне свободно, онъ не сталъ бы съ затаеннымъ волненіемъ ждать письма Кэтъ.

Куда эта переписка можетъ завести его?

Страшно отвѣтить на этотъ простой, неизбежный вопросъ.

Впервые всплыли передъ нимъ двѣ дороги: одна—рука объ руку съ прекрасной женщиной, готовой отдать ему все свое существо, съ солиднымъ образованіемъ, съ такой вѣрой въ него, съ такимъ преклоненіемъ. Съ ней онъ будетъ жить здѣсь, забудетъ обо всемъ, чѣмъ Петербургъ противенъ ему, будетъ служить землѣ, уѣзду, крестьянству, лучшимъ людямъ своего сословія. Сама судьба позаботилась о немъ, посылаетъ ему такую подругу. И ему стоитъ только, не дѣлая надъ собою насилія, плыть по теченію.

Вернется онъ къ Кэтъ — что ждетъ его? Опять надо окунуться въ міръ Лущковыхъ и Лилишекъ. И въ какой грязи придется, быть можетъ, барахтаться, какую печальную роль играть, даже если Кэтъ и оцѣнитъ его, вознаградитъ его за прошлое?

Ему стало жутко отъ этихъ вопросовъ. Онъ не хотѣлъ вызывать передъ собою образъ той Кэтъ, изъ-за которой испытывалъ въ Петербургѣ столько горькаго и надѣлалъ столько нелѣпаго и унижительнаго для себя.

Почему же не обратиться памятью къ другой Катѣ, къ привлекательной, даровитой и чуткой, смѣлой и умной дѣвушкѣ, какую онъ зналъ раньше? Не могъ же онъ цѣлыми годами ошибаться въ ней такъ грубо? Было время, когда онъ смотрѣлъ на нее какъ на „дѣвчурку“, безъ всякой влюбленности. И тогда онъ могъ спокойнѣе разбирать ея характеръ, мысли, вкусы, наклонности.

Въ такой гордой душѣ возможенъ переломъ. Она никогда не лгала. И все, что Петя Долговъ услышалъ отъ нея, то несомнѣнно правда. Она сознаетъ свое заблужденіе. Она готова загладить то, что вышло между ними. Если она первая не написала ему, она законно щадила свою гордость. Это имѣло бы видъ заискиванья, расчета на то, что онъ до сихъ поръ безумно ее любить и бросится помогать ей отдѣлаться навсегда отъ мужа.

Въ коридорѣ раздались мягкіе шаги въ валенкахъ.

— Это ты, Лаврентій?—окликнулъ Таманцевъ, обрадованный тѣмъ, что можетъ прервать свою думу.

Дверь изъ коридора тихо отворилась, и вошла Авдотья.

— Что тебѣ?

— Почту привезли, ваше сіятельство. А Лаврентій-то отлучился... Вотъ извольте.

Она подала ему двѣ газеты и письмо, лежавшее сверху.

Сейчасъ же узналъ онъ, отъ кого это письмо, и не сразу разорвалъ конвертъ, а положилъ сначала на столъ вмѣстѣ съ газетами.

— Тебѣ ничего больше не нужно, Авдотья?—спросилъ онъ, чувствуя во всемъ тѣлѣ легкую дрожь.

— Лаврентій бѣлье приготовилъ спальное; такъ, ежели угодно, я могу постелить.

Она уже дѣлала это нѣсколько разъ во время его болѣзни и послѣ нея.

— Иди... Только затвори отсюда дверь... хорошенько.

— Я съ той стороны пройду, батюшка.

Авдотья, уходя, немного обернула голову и видѣла, какъ баринъ схватилъ письмо и разорвалъ конвертъ, измѣнившись въ лицѣ. Она давно замѣчала, что барину „не по себѣ“, и не могла „доподлинно“ рѣшить: неужели это отъ того, что онъ „влюбившись“ въ колчановскую барышню? Объ этомъ она два раза толковала съ Лаврентіемъ. Тотъ не очень былъ бы радъ, еслибъ графъ женился на купчихѣ, хотя бы и „богатѣйшѣ“. Да и одному не большая „сласть“ сидѣть такъ въ деревнѣ. И ника-

кой-то у него нѣтъ „сударки“ на сторонѣ. Это ее приводило даже въ изумленіе.

Какъ только шаги Авдотьи замерли, Таманцевъ всталъ и самъ плотно притворилъ дверь въ спальню, куда она должна была вернуться черезъ нѣсколько минутъ переодѣваться въ спальное бѣлье. Это показалось ему недостаточно. Онъ заперъ дверь, чего не дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ деревнѣ.

Письмо вздрагивало въ его нервныхъ пальцахъ. Онъ присѣлъ въ неловкой позѣ къ лампѣ и сталъ жадно читать.

Красивый узкій почеркъ Кэтъ заперстрѣлъ передъ его глазами. Около двухъ лѣтъ прошло, какъ онъ получилъ ее послѣднее письмо.

Разумѣется, и это было написано по-французски. Онъ приучалъ ее когда-то отвѣчать ему по-русски... Она увѣряла, что ей неловко, не хватаетъ словъ; но говорить она умѣла очень хорошимъ русскимъ языкомъ, когда они, бывало, засиживались вечеромъ за низенькими ширмами гостиной.

Письмо начиналось просто, дружески. Она благодарила его за память. И прямо открывала ему свое положеніе. Не было и лишнихъ фразъ дешеваго раскаянія.

„Сознаю,—читалъ онъ,—что годъ назадъ я вдалась въ смѣшной *снобизмъ*. Я слишкомъ поглупѣла къ вашему пріѣзду.— не хотѣла и не могла понять васъ“.

Но во всемъ письмѣ не было ни малѣйшаго намека на то, что онъ, изъ любви къ ней, вызвалъ скандалъ, который повелъ за собою ея поспѣшное замужество.

Въ этомъ всего ярче выступали ея умъ, тактъ, прирожденное благородство ея натуры.

Сдержанно, даже слишкомъ кротко давала она чувствовать, что рѣшится разорвать свой бракъ или, по меньшей мѣрѣ, разойтись съ Лушковымъ.

„Если васъ,—читалъ онъ въ заключительной страницѣ письма,—занесетъ въ Петербургъ, покажите себя такимъ же добрымъ и великодушнымъ, какимъ вы всегда были со мною. Я была слишкомъ высокаго мнѣнія о своей особѣ, о своемъ характерѣ и умѣ, но я только женщина, и не знаю, справлюсь ли я одна со всѣмъ, что мнѣ предстоитъ испытать“.

„Au revoir, André,—кончала она,—je ne puis vous appeler autrement—ce serait faux. Je me sens trop près de vous“.

Имя „André“ ласкало его взглядъ. Оно само собою слетѣло съ пера Кэтъ, когда она кончала письмо. Это не расчетъ ко-

кетки, желающей вернуть старое и сдѣлать его, „le jobard“,— какъ скажетъ господинъ Лушковъ,—возломъ отпущенія своего брака.

— Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—вырвалось у него вслухъ, и съ письмомъ въ рукахъ онъ заходилъ по кабинету.

Чего же ему ждать? Затѣмъ терять время? Черезъ два дня онъ можетъ быть въ Петербургѣ. Ничто его не удерживаетъ здѣсь.

„А Глафира?“—взволновалъ его внезапный вопросъ.

Жаль ее; но жалость—не любовь. Будь она на его мѣстѣ, она бы не медлила ни минуты.

XXXII.

Шла послѣдняя недѣля передъ масляной. Оттепель уже приближалась.

Раннимъ утромъ сани Таманцева катили къ станціи желѣзной дороги, и приставы вzbивали рыхлый снѣгъ.

Лаврентій сидѣлъ на облукѣ, одѣтый по дорожному. Перфиль молодцовато ухалъ на коренника, но у него не было его задорной усмѣшки. Баринъ уѣзжалъ, неизвѣстно на сколько времени, а безъ него ему будетъ хоть и „слободнѣ“, да скучнѣе. Не особенно нравилось ему и то, что „въ ключахъ“ оставлена Авдотья. Она будетъ ему выдавать кормъ, а онъ ее недолюбливалъ, считалъ, какъ и всѣ въ деревнѣ, „душегубкой“ и „колдуньей“. Нарядчика, жившаго въ усадьбѣ для полевыхъ работъ, баринъ расчелъ и оставилъ только двоихъ рабочихъ. И выходило, что Авдотья поставлена какъ бы „набольшимъ“ надъ всей усадьбой—надъ скотницей, страпухой и—косвенно—надъ нимъ.

Лаврентій былъ доволенъ. Онъ любилъ Петербургъ и въ послѣднее время все чаще задумывался надъ тѣмъ—неужели графъ засидѣть совсѣмъ „въ этой дырѣ“? И затѣмъ онъ только высиживалъ до этой поры? Здоровье только портилось... мало ваялся! Хозяйство его не привлекаетъ, да и хозяйничать-то не надъ чѣмъ. Вся почти земля роздана „мужичью“ за полѣвны. По выборамъ прокатили на воронныхъ. Въ мужикахъ никакой благодарности, а попробуй онъ ваяться за умъ и хозяйничать какъ слѣдуетъ—и начать пакости дѣлать, подпускать и „краснаго глѣтуха“. Если вернется опять изъ Петербурга ни съ чѣмъ, такъ и женить его на себѣ та купчиха. Да хорошо еще, коли такъ

кончится. Заведеть, отъ скуки, сударку изъ поповенъ или мѣщанокъ. А то и просто судомойку—примѣры бывали!

Его баринъ, какъ разъ въ ту минуту, думалъ также о Колчановскомъ хуторѣ. Съ полученія письма отъ Лущковой прошло больше недѣли. Когда онъ рѣшилъ ѣхать—а это сдѣлалось не безъ колебаній—третьяго дня онъ вспомнилъ, что надо проститься съ сосѣдками. Ему стало немного совѣстно: охваченный новою душевною тревогой, онъ не посылалъ даже запиской узнать о здоровьѣ Глафиры Спиридоновны.

Колчановыхъ онъ не нашелъ. Обѣ барышни уѣхали въ Москву, и когда вернутся—неизвѣстно. Это его огорчило. Съ ними обѣими онъ хотѣлъ сохранить пріятельскія отношенія. Клавдія была его „идеалъ“, какъ онъ любилъ повторять, образецъ характера и выдержки. Глафира ему до сихъ поръ очень близка. Не замѣшая тутъ ея чувство къ нему—съ какою отрадой вошелъ бы онъ съ ней въ самые задушевные разговоры, показалъ бы ей письмо Катъ, открылъ бы всю потаенную работу души, не утаилъ бы и того, что его неудержимо потянуло опять въ ненавистный Петербургъ—кто знаетъ, на какія новыя мученія?..

Нечего дѣлать! Онъ не простится съ сестрами. Хорошо и то, что Глафира собралась въ Москву. Вѣроятно, настояла мудрая Клавдія, развлечься, сходить въ театръ. Онѣ обѣ—такія поклонницы тамошняго Малаго театра. У Глафиры есть тамъ дружескій кружокъ изъ университетскихъ молодыхъ людей. Быть можетъ, излечится отъ своей „вазномы“,—съ тихой усмѣшкой подумалъ онъ этимъ именно словомъ.

У задняго подъѣзда станціи стояло нѣсколько повозокъ.

Это была станція съ маленькимъ буфетомъ. До поѣзда оставалось не больше получаса.

— Вотъ и графъ!—встрѣтилъ его окликъ кандидата въ предводители.

Онъ стоялъ у буфета и закусывалъ рядомъ съ докторомъ Домашневымъ.

— Ваше сіятельство!—крикнулъ докторъ и пропустилъ рюмку.

Домашневъ самъ обѣщалъ захватить его на желѣзной дорогѣ. Они не видались за всю недѣлю, но Таманцевъ писалъ ему о своемъ отъѣздѣ и получилъ отъ него записку съ нарочнымъ. Съ Томилинымъ онъ не успѣлъ проститься.

Оба подошли къ нему и стали жать руку.

— Бѣжите отъ насъ оба, а?—подмигнувъ правымъ глазомъ докторъ, беря Таманцева за талию.

— Какъ оба?—спросилъ тотъ.—И вы ѣдете, Николай Алексѣевичъ?

— Совсѣмъ отъѣзжаетъ,—пояснилъ Домашневъ.

— Вышли въ отставку?—спросилъ опять Таманцевъ.

— Нѣтъ. Но предводитель на дняхъ вернулся и вступилъ въ должность. Мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Да и пора.

— До лѣта... за журнальную работу?

— Наши ребята зовутъ давно,—выговорилъ шутливо Томилинъ и добродушно улыбнулся глазами.

— А ваше сіятельство надолго ли? Лучше не спрашивать? Домашневъ выговорилъ это серьезно.

— По дѣлу?

На вопросъ Томилина Таманцеву трудно было бы сразу отвѣтить. Но Домашневъ, быстро обернувшись въ сторону задней входной двери, вскричалъ:

— Ба!.. Вотъ и дамы!

Таманцевъ сдѣлалъ шагъ назадъ—такъ удивило его появленіе сестеръ Колчановыхъ. Онъ первый подбѣжалъ и сталъ жать имъ руки, обрадованный и немного смущенный.

Клавдія, въ башлыкѣ и высокихъ ботахъ, глядѣла на него смѣло и бодро, съ румяными отъ воздуха щеками. Глафира была блѣдна, но глаза ея обращены были къ нему спокойно и ласково. Густыя брови отбѣняли ихъ такъ красиво, безъ всякой нервности.

— Вы вѣдь въ Москвѣ?—возбужденно спросилъ Таманцевъ.

— Смахалъ?—кинулъ и докторъ, здороваясь съ ними.

Томилинъ подошелъ послѣ, расплатившись у буфета.

— И такъ неожиданно?—сказалъ Таманцевъ, взглядывая на Глафиру.

— Какъ неожиданно?—возразила Клавдія своимъ дробнымъ хозяйскимъ голосомъ.—Докторъ зналъ. Онъ далъ идею проѣхаться и взять консультацию. Тамъ нашъ давнишній пріятель—она назвала фамилію извѣстнаго врача по нервнымъ болѣзнямъ.

Глафира улыбнулась и сказала, обращаясь больше къ Таманцеву:

— Онъ отлично дѣйствуетъ... и безъ всякихъ модныхъ внушеній.

— А теперь куда же?—спросилъ Томилинъ, подходя къ нимъ съ общимъ поклономъ.

— Вотъ графа проводить,—объявила Клавдія.—Онъ насъ не засталъ.

Глаза Таманцева невольно перешли опять къ Глафирѣ. Она стояла, стройная и величавая, въ короткой шубѣ съ собольей оторочкой и въ бархатной шапочкѣ. Въ ней она похожа была на древнюю боярышню.

Онъ почувалъ, чего ей стоило прѣхать съ нимъ проститься. Лицо ея ни на секунду не дрогнуло. И не было въ немъ ничего затаеннаго и горькаго. Здоровая натура взяла верхъ. Этимъ прѣздомъ она прямо показывала ему, что не винить его ни въ чемъ.

Докторъ ловко отвелъ Клавдію къ буфету. Томилину пошелъ что-то приказать малому, который съ нимъ прѣхалъ. Таманцевъ и Глафира отошли къ столу.

— Присядьте немножко!—сказалъ онъ ей и протянулъ руку.

Она взяла и пожала крѣпко, по-пріятельски, и опустила на стулъ.

— Вы довольны вашимъ здоровьемъ?—спросилъ онъ.

— Сергій Сергѣевичъ,—такъ звали по имени и отчеству московскаго специалиста,—поисповѣдовалъ меня, далъ мнѣ полную инструкцію, заставилъ посмѣтрѣть въ Маломъ театрѣ одну чувствительную пьесу, отъ которой всѣ дамы плачутъ... И мнѣ ничего не сдѣлалось. А теперь ничего нѣтъ такого, на что стоило бы жаловаться.

Таманцевъ смѣясь взглянулъ на нее и еще разъ протянулъ руку.

— Глафира Спиридоновна! Мы вѣдь друзья?

— А то какже?—полушутливо отозвалась она, не поднимая рѣсницъ.

— Вы позволите написать вамъ изъ Петербурга?

— Стало быть, вы туда, Андрей Павловичъ?

Смыслъ ея вопроса онъ понялъ, хотя слова эти выговорила она совсѣмъ просто.

— Туда.

— И это... послѣ письма, полученнаго оттуда?

Не малаго усилія стоилъ ей вопросъ. Но она хотѣла имъ показать, что хочетъ быть только его пріятельницей.

— Да,—точно обронилъ Таманцевъ.

И оба они встали, когда раздался звонокъ.

— Спасибо, спасибо!—вырвалось у Таманцева.—Онъ наклонился и горячо поцѣловалъ ея руку. Ея губы прикоснулись къ его щекѣ.

Всѣ вышли на платформу. Клавдія простилась съ Таманце-

вымъ, точно старшая его сестра, обняла, когда онъ хотѣлъ поцѣловать ея руку.

Домашневъ вошелъ къ нему въ вагонъ уже послѣ второго звонка и, наклонясь къ его уху, шепнулъ:

— Эхъ, ваше сіятельство! Отъ такой дѣвушки бѣжите. Грѣшно!
И выскочилъ изъ вагона съ третьимъ звономъ.

П. Боворыкинъ.

У Ъ З Д Ъ СРЕДНЯГО ПОВОЛЖЬЯ

I.

Крестьянинъ черноземной приволжской полосы воспитался, такъ сказать, на широкихъ горизонтахъ. Столько же, какъ воздухъ, ему нужны ширь степи и просторъ полей. Выйдя изъ дому, онъ любовно и радостно посмотритъ въ ту именно сторону, гдѣ поле сливается съ горизонтомъ, и на всемъ этомъ протяженіи не встрѣчается жилья, не виднѣется въ отдаленіи вѣтряной мельницы или колокольни. Если, по волѣ судьбы, кругозоръ его суживается, съ нимъ начинается нѣчто похожее на тоску, онъ страдаетъ душевно и жалуется на „утѣсненіе“. Матеріальную сторону утѣсненія онъ начинаетъ сознавать послѣ, но прежде всего болѣетъ душою. Спросите любого крестьянина о причинахъ его переселенія, и онъ неизмѣнно отвѣтитъ: „отъ тѣсноты; прежде, бывало, выйдешь въ поле—глазомъ не окинешь, а нынѣ курицу выпустить некуда: утѣсненіе во всемъ“. Несомнѣнно, что излюбленный просторъ поддерживалъ патриархальную простоту нравовъ и служилъ единственнымъ толчкомъ къ трудолюбію. Трудились не вслѣдствіе одной матеріальной нужды, какъ многіе трудятся нынѣ, а по расположенію къ легкому труду, по любви къ просторному хозяйству. И все спорилось, только по той причинѣ, что всего было въ волю.

Но, вотъ, разорвавшаяся „цѣпь ударила однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“. Приѣхалъ землемѣръ и кругозоръ крестьянина очертилъ бороздою, поставивъ въ подлежащихъ мѣ-

стахъ столбы съ межевымъ девизомъ: „каждый при своемъ“. Дѣло получило ходъ чисто экономическій, матеріальный, и старый міръ крестьянина, съ его патріархальными наклонностями, рухнулъ. Наступила минута великаго перелома и тоски о привольѣ, которой очень многіе не выдержали. Не стало простора—не стало и хозяйства; послѣдствіемъ были: полнѣйшая апатія и отчаянная безпечность, охлажденіе къ труду, страсть къ праздности и пьянству, въ лучшихъ случаяхъ—къ исканію новыхъ земель, т.-е. прежняго простора.

Освобожденіе крестьянъ—прежде помѣщичьихъ отъ крѣпостной зависимости, затѣмъ удѣльныхъ и, наконецъ, государственныхъ—отъ административной—предоставило имъ извѣстныя юридическія права и нѣкоторое самоуправленіе. Но все это не согласовалось съ поземельнымъ устройствомъ крестьянъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это устройство не отвѣчало указанной выше привычкѣ къ простору, гдѣ земельные надѣлы крестьянъ сравнительно малы. Если не ошибаемся,—надѣлы малаго размѣра обилуютъ въ полосахъ черноземныхъ, т.-е. въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ земля для крестьянина все, начало и конецъ его бытія, какъ преобладающая и, можно сказать, единственная основа его хозяйства и существованія, вслѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ онъ воспитался. Дарственные надѣлы составляютъ выдающееся явленіе еще и потому, что установлены только для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а у крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ такихъ надѣловъ нѣтъ. Поэтому можно полагать, что въ первомъ случаѣ они допущены не по однимъ только экономическимъ соображеніямъ, охранявшимъ права помѣщиковъ на землю, но еще и вслѣдствіе того начала, которое лежало въ основѣ освободительной реформы, предоставлявшей крестьянамъ болѣе широкія права по устройству своей будущности.

Поземельное устройство крестьянъ, т.-е. выборъ полного, средняго или дарственного надѣла, зависѣло отъ добровольнаго соглашенія между помѣщикомъ и бывшими его крѣпостными. Фактъ извѣстный—въ большинствѣ случаевъ сами крестьяне хлопотали о дарственномъ надѣлѣ. Настойчивость и усилія ихъ получить такой надѣлъ были настолько упорны, что иногда не поддавались никакимъ убѣжденіямъ помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ. Дѣло доходило до открытыхъ безпорядковъ, наряджались слѣдственные коммиссіи, вызывались военныя силы. Мы лично были свидѣтелями того и вспоминаемъ такое прошлое съ тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое можетъ испытывать только тотъ, чья дѣятельность и нынѣ продолжается среди крестьянъ, обреченныхъ на тѣс-

ноту не только себя, но и будущее потомство, теперь упрекающее своих отцовъ. Это—фактъ, встрѣчаемый въ селеніяхъ дарственниковъ нерѣдко. А какъ подсѣкъ дарственный надѣлъ, навываемый въ нашихъ мѣстахъ „сиротскимъ“, всѣ хозяйственныя основы и какую смуту и разстройство внесъ онъ въ семью, общество и во всѣ отношенія къ другимъ—трудно и представить. Можно сказать одно только: этотъ надѣлъ вывернулъ мужа наизнанку, и то, что прежде, ради страха или совѣсти, таилось внутри, тѣло вышло теперь наружу. Наконецъ, дарственный надѣлъ отразился на самомъ приростѣ населенія. Имѣющіяся подъ руками цифры показываютъ, что населеніе увеличивается соответственно размѣру надѣловъ съ послѣдовательною точностью. Напримѣръ:

У бывшихъ государственныхъ крестьянъ надѣльной земли:

На мужскую ревизскую душу	7,06 десятины
На такую же наличную	4,40 „
Приростъ населенія	61%

У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—

1) состоящихъ на выкупѣ:

На мужскую ревизскую душу	3,55 десятины
На такую же наличную	2,38 „
Приростъ населенія	52%

2) дарственниковъ:

На мужскую ревизскую душу	1,42 десятины!
На такую же наличную	менѣе десятины
Приростъ населенія	39%

Не подлежитъ сомнѣнію, что сравнительно слабый приростъ населенія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ обоихъ разрядовъ составляетъ результатъ разстройства матеріальнаго, вслѣдствіе недостаточности надѣловъ.

II.

Средняя величина надѣловъ, приведенная выше, не даетъ, разумѣется, яснаго понятія о крестьянскомъ землевладѣніи, по значительности колебанія цифръ; но показывать надѣлъ каждой сельской общины тоже нельзя, ни по значенію, ни по размѣрамъ настоящей статьи; поэтому общины уѣзда раздѣлены нами на нѣсколько разрядовъ, соответствующихъ дѣйствительному владѣнію крестьянъ, и показаны въ округленныхъ цифрахъ. При

этомъ, для видимости, съ какою быстротою уменьшается размѣръ надѣловъ, приведено сравненіе съ 1886 годомъ.

Надѣлы въ десяти- нахъ на наличную душу:	1886 годъ. Общинъ.		1898 годъ.			
	Госуд.	Пом.	Государственныхъ. Общинъ.	Мужск. душъ.	Помѣщичьихъ. Общинъ.	Мужск. душъ.
1. Отъ 7 до 10	5	1	0	0	0	0
2. „ 5,50 „ 7	23	2	13	6206	1	26
3. „ 4,50 „ 5,50	35	7	40	22238	1	136
4. „ 3,50 „ 4,50	34	12	32	18531	6	275
5. „ 2,50 „ 3,50	11	91	17	9999	71	16285
6. „ 1,50 „ 2,50	3	30	7	3000	40	8026
7. „ 1,0 „ 1,50	0	18	2	54	25	5459
8. Меньше одной	0	51	0	0	68	17319

Крестьянскій посѣвъ, какъ на надѣльной, такъ и на сѣмной землѣ, по среднему выводу, составлялъ на наличную мужскую душу: въ 1885 году 1 десят. 1968 саж., а въ 1893 г. достигъ 1 д. 2198 саж. Разъ крестьяне признаютъ достаточнымъ засѣвъ такой площади, какая была подъ хлѣбами въ 1893 году, то надѣлами, не вызывающими необходимости снимать землю у другихъ владѣльцевъ, можно признать только первые четыре разряда, изъ которыхъ четвертый—уже съ натяжкой, какъ готовый въ скорому переходу въ пятый разрядъ, безусловно требующій сѣма пашни, покосныхъ луговъ и пастбищъ. Слѣдовательно, изъ числа всѣхъ крестьянъ, не испытывшихъ недостатка въ землѣ, насчитывается пока 74%—у бывшихъ государственныхъ и меньше 20%—у бывшихъ помѣщичьихъ, съ возможною притомъ убылью у первыхъ, не дальше какъ чрезъ годъ, около 20% и у вторыхъ—15%.

Подраздѣленіе надѣловъ на разряды, несмотря на то, что мы показываемъ ихъ только въ среднихъ выводахъ и общихъ цифрахъ, приводитъ еще разъ къ тому же результату, указывающему на такое положеніе вещей, при существованіи котораго для крестьянъ низшихъ разрядовъ земледѣльческое ховайство, въ границахъ ихъ надѣловъ, прямо невозможно; если же они и продолжаютъ его, то не иначе, какъ при посредствѣ сѣма угодій у мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Разсматривая это положеніе со стороны пріемовъ, усвоенныхъ для пользованія пахатною землею, увидимъ, что въ нашей черноземной полосѣ до сихъ поръ практикуется тотъ исконный порядокъ, который установленъ еще первыми засельниками края, и при которомъ пахатная земля дѣлится на три поля—ржаное, яровое, паръ. Несоотвѣтствіе такого порядка поземельному устрой-

ству крестьянъ, особенно же въ общинахъ съ малыми надѣлами, сдѣлалось очевиднымъ при самомъ составленіи и введеніи уставныхъ грамотъ; но, какъ бы то ни было, порядокъ этотъ живеть, исключая даже мысль объ измѣненіи его на какой-либо другой. Если тотъ же трехпольный порядокъ засѣва существуетъ и у землевладѣльцевъ, то сохраненіе его можно еще оправдать обиліемъ у нихъ земель, которое позволяетъ не утруждать себя заботой о новыхъ системахъ хозяйства; но у крестьянъ — дѣло иное. Разъ земли было недостаточно въ началѣ, то съ годами размѣръ надѣловъ становится меньше и меньше, и сокращеніе его совершается прогрессивно, не только по мѣрѣ естественнаго прироста населенія, но еще болѣе вслѣдствіе увеличенія потребностей, удовлетвореніе которыхъ требуетъ увеличивать и посѣвы. Такъ, на примѣръ, выше было показано, что посѣвъ хлѣбовъ составлялъ въ 1885 году 1 д. 1968 саж. на мужскую душу: при увеличеніи посѣва соотвѣтственно приросту населенія, расширилась бы только площадь его, подушный же размѣръ остался бы тотъ же; однако, въ 1893 году засѣяно уже по 1 д. 2198 саж. на душу, т.-е. по 230 саж. на душу болѣе. Ясно, что такая прибавка посѣва вызвана развитіемъ потребностей въ этотъ промежутокъ времени. Между тѣмъ, при трехпольномъ порядкѣ посѣва возможно культивировать только меньшую половину надѣльной земли, такъ что высшій предѣлъ посѣва достигаетъ: въ первомъ разрядѣ — 3 десятины; во второмъ — 2,50; въ третьемъ — 2; въ четвертомъ — 1,50; въ пятомъ — 1 десятины, и въ шестомъ — полдесятины; въ седьмомъ — восьмомъ, по нумераціи 1886 года — пахатныхъ угодій совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ вся земля занята усадьбами съ околлицей. Изъ этого видно, что подъ посѣвъ хлѣба выдѣляется ежегодно только 46% всей надѣльной земли, составляющихъ ржаное и яровое поля, безъ парового.

Въ среднемъ выводѣ посѣвъ крестьянъ на надѣльной землѣ составляетъ 1 дес. 1113 саж. на мужскую душу; слѣдовательно, чтобы достигнуть указаннаго выше нормальнаго посѣва — 1 д. 2198 саж. — необходимо снять у мѣстныхъ землевладѣльцевъ 47.718 десятинъ.

III.

Кромѣ того, что бывшіе государственные крестьяне имѣютъ земли болѣе нежели помѣщичьи, надѣлы этихъ послѣднихъ не выдерживаютъ сравненія съ первыми и во всѣхъ другихъ случаяхъ, т.-е. не могутъ равняться ни по удобствамъ расположенія,

ни по качеству почвы, ни по урожайности полей. Последнее вполне естественно: чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ больше онъ истощенъ; причиной тому, во-первыхъ, недостатокъ скота и удобрения, во-вторыхъ, плохая обработка почвы, несвоевременность какъ этой обработки, такъ и посѣва и уборки хлѣбовъ.

Остановимся на этихъ причинахъ—поскольку относятся онѣ въ нашему уѣзду — и рассмотримъ ихъ подробнѣе.

Надѣлы не вездѣ удобны для правильной постановки хотя бы и такого маленькаго и нетребовательнаго хозяйства, какое водится у крестьянъ; при невозможности же прочно поставить дѣло и вести его съ строгою послѣдовательностью, нельзя ожидать и успѣха. Неудобства надѣловъ сказываются: въ одномъ случаѣ—неимѣніемъ покосныхъ луговъ, выгоновъ и пастбищъ для скота; въ другомъ—водопоя въ поляхъ; въ третьемъ—затруднительностью прогона скота къ водопою; въ четвертыхъ — невозможностью сподручно расположить пахатныя поля, по случаю ленточной формы надѣловъ, и т. п.

Положимъ, привычка—великое дѣло: была бы охота работать, а „терпѣнье и трудъ—все перетрутъ“; но въ данномъ случаѣ, настолько же, какъ и во всякомъ другомъ, преобладающее значеніе имѣетъ не нравственная сторона, а матеріальная. Сила терпѣнія и труда не подлежитъ сомнѣнію, однако какіе же достигаются ими результаты? Разсматривая этотъ вопросъ со стороны простой сытости, т.-е. достаточнаго для поддержанія здоровья и силъ питанія, мы въ своемъ черноземномъ и многоземельномъ углу не найдемъ этого достаточнаго питанія, такъ какъ у многихъ крестьянъ, даже при среднемъ урожаѣ, недостаетъ хлѣба не только до новаго урожая, но и на зиму, т.-е. въ такое время, когда холодъ усиливаетъ потребность въ питаніи; а питанія нѣтъ, по ограниченности посѣва и получаемаго отъ него урожая.

По свѣдѣніямъ за послѣднія девять лѣтъ видно, что урожай у крестьянъ, на десятинѣ въ 2.400 кв. саж., далъ, въ среднемъ выводѣ, высшій сборъ ржи, въ 1886 и 1888 годахъ, именно: у бывшихъ государственныхъ 70, у бывшихъ помѣщичьихъ — 60 пуд., низшій въ 1893 году—36 и 26 пуд.; яровыхъ въ тѣхъ же 86 и 88 годахъ: у первыхъ—55, у вторыхъ—45 пуд., и низшій въ 1891 году—27 и 16 пуд.

Меньшій сборъ хлѣбовъ у крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ объясняется слабою продуктивностью ихъ земель, по недостатку скота, при ограниченности посѣва, и плохую обработкою полей, частью по той же причинѣ, частью—по недостатку времени.

Скотоводство крестьянъ сокращается съ поразительной быстро-

той. Такъ, въ послѣднія 6 лѣтъ убыль составляетъ: лошадей—31⁰/₀, рогатаго—43, и мелкаго — 24⁰/₀. Дѣло дошло до того, что крестьяне, по окончаніи полевыхъ работъ, осенью продаютъ лошадей, по неимѣнію для нихъ корма, а весной къ папшѣ покупаютъ вновь. Это—явленіе новое, не существовавшее прежде. Мало того, завелись исполныя коровы!

По разверсткѣ на наличную мужскую душу, приходится скота:

	Лошадей.	Рогатаго.	Мелкаго.
У бывшихъ государственныхъ крестьянъ	0,39	0,34	1,25
У бывшихъ помѣщичьихъ:			
Состоящихъ на выкупѣ	0,37	0,32	1,10
Дарственниковъ	0,29	0,26	0,68

А какъ женскихъ душъ болѣе, нежели мужскихъ, на 3⁰/₀, то приведенныя цифры сократятся въ соотвѣтственномъ размѣрѣ, что особенно важно по отношенію къ двумъ послѣднимъ разрядамъ продуктоваго скота, доставляющаго средства для пищи и одежды.

Никакихъ повальныхъ болѣзней на скотъ въ нашемъ уѣздѣ не было, и потому единственною причиною уменьшенія его остается недостатокъ корма или—что будетъ тоже самое—ограниченность, а мѣстами и неимѣніе своихъ луговъ, выгоновъ и пастбищъ. У многихъ общинъ не было ихъ съ самаго начала; тамъ же, гдѣ имѣлись и имѣются—они ежегодно сокращались и продолжаютъ сокращаться, вслѣдствіе увеличенія запашки и посѣва.

Отсюда необходимость снимать эти угодья на сторонѣ, иногда на далекомъ разстояніи — покосы, напримѣръ, верстъ за 20 и дальше. Луга снимаютъ большею частью издольно—изъ $\frac{1}{3}$, $\frac{2}{3}$, т.-е. сѣмщикъ покоснаго луга получаетъ въ первомъ случаѣ возъ, а во-второмъ два воза сѣна, остальное же доставляетъ владѣльцу. Если принять въ расчетъ дальность разстоянія и работу по скосу, уборкѣ и перевозкѣ сѣна, то возъ его составитъ очень цѣнную вещь, тѣмъ болѣе, что наши степные луга тощи, и въ послѣдніе года даютъ слабые урожаи — отъ 3 до 7 возовъ съ десятины.

Пастбища снимаютъ мѣстами на деньги, мѣстами подъ работу, съ приплатою денегъ, мѣстами подъ однѣ работы. Плату берутъ съ череда; но составъ череда зависитъ отъ условій договора; точно также не одинаковы и работы, обусловливаемыя хозяйственными потребностями экономіи. Поэтому, подвести итогъ стоимости пастбищъ очень трудно, но во всякомъ случаѣ цѣна ихъ не меньше 3 руб. съ десятины.

Цѣна—цѣной; но тамъ, гдѣ хозяйство ведутъ не сами вла-

дѣльцы и имѣніями завѣдуютъ управители, иногда малограмотные, а то и совсѣмъ неграмотные люди, неспособные къ пониманію условій нашего хозяйства и экономическаго положенія края, встрѣчаются и такія явленія: нѣкоторые изъ управителей сдѣлались землевладѣльцами — довольно крупныхъ имѣній.

IV.

Долгосрочная аренда въ нашемъ уѣздѣ не привилась, — весьма вѣроятно, по отсутствію земель, принадлежащихъ казнѣ и удѣлу. Угоды же, составляющія собственность частныхъ владѣльцевъ, сдаются въ однократное пользованіе: луга — на одинъ укосъ; пастбища на лѣтнее полугодіе; пахатныя земли — на одинъ посѣвъ хлѣба. Отъ этого договорная плата не устойчива и не одинакова, измѣняясь соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, нуждѣ въ угодахъ и спросу на нихъ; одинаково въ этой операціи одно — постоянная наклонность къ повышенію ренты, и точно: наемная плата за десятину пахатной земли мѣстами достигла 15 р., въ среднемъ же выводѣ по уѣзду — 10 руб. Однако пахатныя земли не вездѣ сдаются на деньги, но мѣстами исполу. Исполу — это значитъ, что сьемщикъ обязывается вспахать владѣльцу два, три раза, и засѣять такое же пространство земли, какое беретъ себѣ. Посѣвъ дѣлаютъ каждый своими сѣменами; но когда у сьемщика земли нѣтъ своихъ сѣмянъ и онъ занимаетъ ихъ у владѣльца, на условіи возврата изъ будущаго урожая, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ выговариваютъ какой-либо процентъ, не денежный, а натуральный.

Общее количество всѣхъ снимаемыхъ угодій дѣлится между крестьянами такъ, что на долю бывшихъ государственныхъ приходится 21,7%, и на долю бывшихъ помѣщичьихъ — 78,3%; количество же угодій, снимаемыхъ исполно, составляетъ у первыхъ — 34, у вторыхъ — 58%. Общее количество безденежнаго сьема равняется 52%. Угоды снимаютъ не только малоземельные крестьяне, вслѣдствіе нужды и необходимости, но отчасти и многоземельные, ради хозяйственныхъ удобствъ; на примѣръ: отдаленныя дѣлянки своей земли сдаютъ ближайшимъ къ нимъ поселенцамъ, а вмѣсто этихъ дѣлянокъ снимаютъ землю, тоже ближайшую къ дому, у сосѣднихъ владѣльцевъ. Въ этомъ случаѣ аренда земель служитъ регуляторомъ тѣхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются въ надѣлахъ крестьянъ. Если же для достиженія

такихъ удобствъ приходится дѣлать приплату, то ее предпочитаютъ уже какъ наименьшее изъ двухъ золъ.

Трехпольный порядокъ сѣвооборота и исполный способъ сдачи земель и сѣма ихъ свидѣлствуютъ прежде всего о томъ неизменномъ уровнѣ, на которомъ держится до сихъ поръ наше хозяйство. Положимъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ замѣчается стремленіе улучшить дѣло; но такъ какъ каждый шагъ на этомъ пути требуетъ матеріальныхъ затратъ, болѣе или менѣе значительныхъ, а дѣлать затраты могутъ далеко не всѣ, то и улучшение представляется пока въ единичныхъ случаяхъ и, главное, въ разбросанномъ видѣ. Изъ этого ясно, что общаго подъема хозяйства можно ожидать только при условіи общаго стремленія. Какъ бы ни было, но разница между помѣщичьимъ и крестьянскимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ видна уже и изъ того, что урожай у первыхъ выше нежели у крестьянъ на 35% — въ среднемъ; въ частности же случаи разницы просто поразительны, напримеръ: 60 и 20 пудовъ. И это — рядомъ, на одной и той же полосѣ, воздѣланной и засѣянной однѣми и тѣми же руками! Дѣло въ томъ, что у помѣщика удобреніе, у крестьянина — нѣтъ; у помѣщика усовершенствованный плужокъ, у крестьянина — неизмѣнная соха; у помѣщика двѣ-три вспашки, у крестьянина — одна; у помѣщика, какъ запашка, такъ посѣвъ и уборка въ свое время, у крестьянина все это дѣлается съ значительнымъ запазданіемъ. По случаю исполнаго сѣма, работая прежде всего на экономію, онъ свою дѣлянку пашетъ послѣ, и то кое-какъ, потому что лошадь его уже изнурена и ослабѣла; сѣетъ тоже не въ-время, а о жнитвѣ и говорить нечего. Въ этомъ дѣлѣ крестьянинъ запаздываетъ такъ, что случаи значительной осыпи хлѣба постоянны.

Послѣ этого нѣтъ надобности объяснять, на какомъ уровнѣ держится хозяйство значительной части крестьянъ, и, по моимъ наблюденіямъ, у насъ это — результаты исполки и кабалы, обусловленной полученіемъ задатковъ за будущія работы полугодомъ ранѣе наступленія работъ.

Впрочемъ, сознаніе въ непригодности исполки пробивается уже во многихъ. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ способъ такой сдачи не только не приноситъ никакой пользы, но, напротивъ, ведетъ къ упадку, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и разоренію хозяйства, какъ сдатчика, такъ и сѣмщика, что ясно доказывается современнымъ положеніемъ многихъ помѣщичьихъ имѣній и крестьянскихъ домовъ. Сторонники этой сдачи отстаиваютъ ее, какъ единственно-пригодную и выгодную для хозяй-

ства въ нашихъ мѣстахъ; но выгоды и пригодность эти не больше какъ воображаемыя; если же строго прослѣдить весь ходъ дѣла отъ начала до конца, то отрицательные результаты обнаружатся тотчасъ же, такъ какъ при условіи пригодности и выгоды не могло бы существовать жалобъ на неаккуратность и недобросовѣстность исполнаго съемщика, а жалобы эти нерѣдки. Сколько бы ни отстаивали этотъ способъ веденія хозяйства, но самая постановка его всегда будетъ говорить о невѣрности и фальши. Напримѣръ: сдатчикъ и съемщикъ представляютъ свободно договорившіяся стороны, равныя въ правахъ и отношеніяхъ къ договоренному предмету, и въ то же время исполная работа сохраняетъ всѣ характерные признаки барщиннаго, подневольнаго труда, дающаго возможность чрезмѣрныхъ и, можетъ быть, произвольныхъ требованій съ одной стороны и уклончивости, неаккуратности и недобросовѣстности — съ другой, какъ неизбежный отвѣтъ на означенныя требованія. Выводъ таковъ, что исполки портятъ нравственность крестьянина, портятъ и хозяйство.

Тѣмъ не менѣе, исполный съемъ возведенъ съ систему и держится прочно. Сколько бы ни защищали эту систему и какіе бы доводы ни приводили въ пользу ея, для наблюдателя очевидны два главные обстоятельства, поддерживающія живучесть исполки. Это — привычка къ до-реформеннымъ порядкамъ, доказываемая процентомъ исполной сдачи, и недостатокъ денежныхъ средствъ — у землевладѣльца на производство операций посѣва наймомъ, у крестьянъ — на съемъ земли. Кажется, что короче и проще было бы объяснять дѣло именно такъ; но выставляютъ еще одинъ доводъ, умолчать о которомъ нельзя. Говорятъ, будто бы необходимый для экономическаго посѣва контингентъ рабочихъ доставляетъ только исполки; не будь ея — неизбеженъ застой въ хозяйствѣ. По неизвѣстности фактовъ подобнаго рода, не могу ничего сказать ни за, ни противъ. Однакоже цифры, приведенныя выше, показываютъ, что не всѣ угоды сдаются исполно, издольно и подъ работы; что процентъ сдачи угодій на деньги достигаетъ 48, т.-е. близокъ половинѣ сдаваемой площади; слѣдовательно, въ мѣстахъ существованія сдачи на деньги не встрѣчалось ни затрудненій въ приисканіи рабочихъ, ни застоя въ хозяйствѣ; иначе — денежный способъ былъ бы замѣненъ инымъ.

На самомъ дѣлѣ едва ли у насъ можетъ встрѣтиться затрудненіе въ приисканіи рабочихъ. Положеніе деревни опредѣлилось довольно ясно, и она успѣла уже выдѣлить массу крестьянъ, не имѣющихъ хозяйства, достаточнаго для поддержанія дома и спо-

собныхъ только въ тому, чтобы идти въ батраки. Въмѣсто того, чтобы искать работы на далекой сторонѣ, имъ удобнѣе было бы найти ее дома, т.-е. въ своемъ уѣздѣ, и однакоже они уходятъ, а напримѣръ, такія работы, какъ покосъ или жнитво, нерѣдко исполняются у насъ пришлыми со стороны рабочими. Во всякомъ случаѣ, этотъ уходъ отъ мѣстной работы на сторону имѣетъ свои понудительныя причины, какъ нравственныя, такъ и матеріальныя, довазывающія нужду, вслѣдствіе конкуренціи, и желаніе насладиться просторомъ, хотя бы и чужимъ, хотя бы короткое время. Есть, разумѣется, много и такихъ, которыхъ не примутъ на какую бы ни было работу не только за вознагражденіе, но даже изъ-за хлѣба, и которымъ по необходимости остается одно—идти на сторону, гдѣ ихъ еще не знаютъ.

V.

Выше было сказано, что въ нашихъ мѣстахъ, кромѣ работъ, выпадающихъ на долю крестьянъ вслѣдствіе исполнаго съема угодій, существуетъ еще такъ называемая самими крестьянами „кабала“. Кабальный—это совсѣмъ не то, что рабочій, пристроившійся въ мѣсту на опредѣленное время за вознагражденіе, получаемое въ договорные сроки; напротивъ, кабальный — типъ барщинника, отличающагося отъ бывшаго крѣпостного только тѣмъ, что неисправность его наказывается не дубьемъ, а рублемъ. Кабала касается не одного лица, но обладаетъ огульностью, захватывая сельскія общины большими частями и чуть не полностью; дѣйствуетъ она внѣ строго опредѣленнаго срока, соображаясь съ которыми можно было бы распределить собственное дѣло такъ, чтобы оно не терпѣло отъ упущеній, но, по мѣрѣ надобности въ рабочихъ, „по востребованію“, и заставляетъ крестьянъ, какъ говорятъ сами они, „разрываться на части“ между своею и взятою на сторонѣ работою. На самомъ дѣлѣ оно такъ и бываетъ. Снарядился, напримѣръ, крестьянинъ пахать свою дѣлянку или жать на ней хлѣбъ—и вдругъ требованіе: явиться на кабальную работу. Кабальный откладываетъ свое дѣло въ долгій ящикъ и отправляется „исполнить условіе“. И такіе случаи вовсе не исключеніе, а постоянны и повторяются при важной работѣ. Между тѣмъ у тѣхъ же крестьянъ есть такая поговорка, что „въ рабочее время часъ кормить годъ“. Можно поэтому представить, какой получается кормъ въ томъ случаѣ, когда пропускаются уже не часы, а цѣлые дни. Въ дѣйствительности,

едва ли отыщется еще такое дѣло, которое требуетъ такого строгаго вниманія во времени, какъ земледѣліе, въ особенности если оно находится въ полной зависимости отъ климатическихъ капризовъ. При такомъ условіи дорогъ каждая минута, и пропустить моментъ, удобный для вспашки и посѣва—значить прямо обрекать себя на половинный урожай хлѣба; если же еще пропущено время для жнитва, то изъ этого половиннаго урожая осыпается, можетъ быть, тоже половина. Слѣдуетъ ли послѣ этого удивляться тому, если у насъ бываютъ незначительные урожаи даже главныхъ хлѣбовъ. Не дальше какъ въ прошломъ году урожай ржи выше средняго получился только въ 2 волостяхъ, средняго—ни въ одной изъ остальныхъ, ниже средняго—въ 6, средственный—въ 10, плохой—въ 11, и полный неурожай—въ 1. Изъ числа волостей, заселенныхъ бывшими помѣщичьими крестьянами, достаточный урожай получился только въ одной, наименьшей по пространству и населенности; въ остальныхъ 18-ти урожай неудовлетворительный. Явленіе это получило характеристику постоянства, и, кромѣ климатическихъ напастей, мы склонны отыскивать причины его въ плохомъ хозяйствѣ крестьянъ, отвлекающихся отъ своего дѣла къ постороннему. Насколько вѣренъ такой выводъ—утверждать не станемъ; но приведемъ тотъ фактъ, который указываетъ, что на крестьянахъ, работающихъ на себя, недоимокъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, 46⁰/₁₀₀ годового оклада; на крестьянахъ же, забирающихся работою у другихъ—175⁰/₁₀₀ годового оклада. Это и понятно, если допустить, что кабальный заработокъ не можетъ дать такого вознагражденія, какое даетъ хорошо обработанное поле и своевременные посѣвы и уборка.

Незначительность кабальнаго заработка объясняется тѣмъ, что въ этомъ случаѣ главную роль играетъ не спросъ на трудъ въ минуту дѣйствительной въ немъ надобности, а предупредительное и, можно сказать, даже навязчивое предложеніе труда задолго до срока. Если прибавить къ этому, что въ большинствѣ случаевъ трудъ предлагается осенью и зимой, т.-е. въ то именно время, когда крестьянинъ платитъ подати, „гуляетъ“ на ярмаркахъ, свадьбахъ, престольныхъ праздникахъ и, наконецъ, собираетъ и провожаетъ новобранцевъ; если сообразить, что, подражая на будущія работы, онъ выпрашиваетъ деньги впередъ, что съ этой-то цѣлью и связываетъ себя иногда непосильными условіями, то будетъ понятно какъ онъ обезцѣниваетъ свой трудъ и до какаго минимума доводитъ вознагражденіе. Съ другой стороны, уменьшается плата вслѣдствіе нерѣдко повторяющихся слу-

чаевъ недобросовѣстности крестьянъ, такъ какъ многіе, съ цѣлью получить побольше задатковъ, одновременно подражаются на работы въ нѣсколькихъ имѣніяхъ и, разумѣется, не исполняютъ ихъ согласно договору, а кое-какъ, урывками.

Необходимо замѣтить, что забирающіеся кабалой не пользуются уваженіемъ со стороны степенныхъ крестьянъ и носятъ презрительную кличку „кабальныхъ“.

— Какой ужъ это крестьянинъ; кабальный, однимъ словомъ,—вся цѣна ему грошъ.

Такіе отзывы приходилось и приходится слышать нерѣдко.

Кабалу породила, конечно, нужда; но кабала эта не существовала бы безъ поддержки, и намъ кажется, что прошло слишкомъ достаточно времени для выработки хорошаго и вполне надежнаго рабочаго. Чья вина въ томъ, что такихъ рабочихъ мало—объяснять не беремся.

Однакожъ, нельзя сваливать все и на нужду, такъ какъ въ кабалу идутъ и ради удовлетворенія личныхъ прихотей. Вотъ примѣры: крестьянинъ имѣлъ 2 лошади, 2 коровы и 6 овецъ; но по осени надумалъ женить сына и, чтобы „сыграть“ свадьбу, продалъ лошадь, коровъ и овецъ. Разоривъ такимъ образомъ домъ въ какую-нибудь недѣлю и сдѣлавшись неспособнымъ къ самостоятельному хозяйству, онъ послѣ пиршества пошелъ искать кабалы, а сынъ поступилъ работникомъ въ сосѣднюю экономію, оставивъ молодую жену въ разоренномъ домѣ своего отца. Въ этомъ примѣрѣ, разумѣется не единичномъ, но повторяющемся сплошь и рядомъ, можно найти все, что хотите, и въ нравственномъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Другой примѣръ относится уже къ цѣлому обществу, забирающемуся кабалой съ спеціальнымъ назначеніемъ заработка на прогулъ въ престольный праздникъ. И это опять не единичный примѣръ.

Вообще говоря, только личное знакомство съ деревней можетъ убѣдить въ томъ, какъ легко относятся нѣкоторые крестьяне къ рублю, добытому тяжелымъ трудомъ, и съ какою спокойною совѣстью мѣняють его на вино въ то время, когда въ домахъ у нихъ голодъ, холодъ и болѣзнь.

Если допустить, что въ нашемъ уѣздѣ пьютъ сплошь всѣ крестьяне рабочаго возраста, то расходъ на вино составитъ у каждого 17 руб. въ годъ. Для показанія, какое значеніе имѣетъ эта цифра, добавимъ, что всѣхъ денежныхъ платежей — казенныхъ, земскихъ и мірскихъ — причитается съ рабочаго около 15 руб. и недоимокъ—около 9 руб. Но нельзя забывать при этомъ и того, что очень многіе крестьяне употребляютъ вино умѣренно

и только при какихъ-либо выдающихся случаяхъ; столько же не пьютъ совсѣмъ никакого вина, и если исключить эти два ряда, то у остальныхъ расходъ на вино безъ малаго удвоится.

Великій вопросъ о томъ—нужда ли рождаетъ пьянство, или пьянство нужду?—пока еще не рѣшенъ; но думается, что тутъ не одна распущенность и привычка, а есть значительная доля душевной болѣзни, требующей серьезнаго и глубокаго изслѣдованія. Слабохарактерные люди всегда были, есть и, надо полагать, будутъ; но если слабость характера у крестьянина выражается не иначе какъ въ пристрастїи къ вину, то происходитъ это отъ невѣжества, умственной нищеты и грубости, отъ которыхъ не можетъ исцѣлить та школа грамотности, которая существуетъ нынѣ, и которая нисколько не удовлетворяетъ, потому что крестьянинъ, видимо, стремится дальше азбуки; слѣдовательно, необходимо прежде всего хорошее училище, способное дать больше азбучныхъ понятій; но что же говорить объ этомъ, если въ нашемъ уѣздѣ далеко не вездѣ и простыя школы грамотности.

VI.

Многочисленныя личныя наблюденія приводятъ къ такому выводу, что профессія крестьянина вырабатывается природными условіями той мѣстности, которую онъ населяетъ; если же и встрѣчается обратное, то какъ исключеніе, единичными случаями. Такъ, на примѣръ, черноземъ сдѣлалъ преобладающимъ трудомъ земледѣліе; но когда на этомъ черноземѣ отыщется удобная глина, то она навѣрное натолкнетъ на выдѣлку посуды, и „рукомесло“ это составитъ уже добавочное занятіе въ подспорье къ земледѣлію. Такъ и во всемъ другомъ: какое бы „удобье“ ни открыла природа, крестьянинъ не пропуститъ его безъ вниманія и непременно воспользуется имъ, чтобы извлечь хоть маленькую выгоду; но тамъ, гдѣ, кромѣ пахатной земли, нѣтъ ничего, трудно встрѣтить какое-нибудь добавочное занятіе; крестьянинъ волей-неволей долженъ ограничить рамки труда однимъ земледѣліемъ, тѣмъ болѣе, что техническихъ познаній никто ему научнымъ способомъ не преподавалъ, наталкивала его на такой трудъ одна природа, добивался онъ до всего своимъ умомъ, занимаясь познаніями въ пріемахъ труда и производства отъ самоучекъ, столько же неграмотныхъ и несвѣдущихъ, какъ и самъ онъ. По этой причинѣ и издѣлія его не выходятъ изъ области предметовъ, относящихся до крестьянскаго хозяйства и кухоннаго обихода, извѣстномъ

отдѣлки не отличаются, напротивъ, аляповаты, неуклюжи и, что хуже всего, непрочны. Возьмемъ, для примѣра, телѣгу или сани — самые необходимые предметы въ хозяйствѣ. Сколько вѣковъ выдѣлываетъ ихъ крестьянинъ, и, несмотря на это, телѣгу или сани съ сколько-нибудь вѣрнымъ ходомъ можно встрѣтить какъ величайшую рѣдкость, удавшуюся совершенно случайно, независимо отъ воли и стараній мастера. Между тѣмъ, еслибы онъ зналъ законы механики и техники, то понялъ бы, что малѣйшая невѣрность хода составляетъ мученіе для его рабочей лошади и сокращаетъ срокъ ея службы и жизни. Въ такомъ же видѣ выходитъ обыкновенно изъ рукъ деревенскаго кустара и все остальное; оконная рама, кадка, горшокъ, ложка — все криво, косо, однобоко.

Въ нашемъ черноземномъ уѣздѣ преобладаетъ трудъ земледѣльческій; но какъ успѣхи земледѣлія нашего — о чемъ сказано и раньше — зависятъ больше отъ солнца и дождя, которые не всегда отвѣчаютъ желаніямъ пахаря, то и надежды его на урожай чаще всего оказываются обманчивыми и несбывшимися. И вотъ, когда этотъ трудъ перестаетъ вознаграждать, крестьянинъ прямо теряется, не знаетъ, къ чему приложить руки, на что израсходовать силы. Ни знаній, ни средствъ нѣтъ. Единственный выборъ — наняться въ батраки. Но дома, на мѣстѣ, урожай обездолилъ не его только; подобныхъ ему очень много; всѣ они, какъ онъ, затрудняются въ пріисканіи занятій и находятъ ихъ немногіе. Остается, слѣдовательно, одно — идти на сторону: и онъ идетъ, и проходитъ сотни, можетъ быть, тысячи верстъ, пріискивая, однако, все того же земледѣльческаго труда, такъ какъ природныя условія края ничему другому его не обучили, и кромѣ пашни съ бороновкой, покоса и жнитва — онъ ни къ чему негоденъ.

Такихъ, уходящихъ на заработки мѣстные и сторонніе, насчитывается у бывшихъ государственныхъ крестьянъ около 14⁰/₀ наличнаго числа мужскихъ душъ, и у бывшихъ помѣщичьихъ — около 13⁰/₀, менѣе нежели у первыхъ потому, что они находятъ работу на мѣстѣ по количеству исполнаго съема угодій и вслѣдствіе тяготѣнія къ экономіямъ, на которыя работали еще въ до-реформенное время.

Уходъ за предѣлы уѣзда — это гибель для крестьянина. Еще тѣ, которые находятъ заработокъ въ мѣстностяхъ „не столь отдаленныхъ“, приносятъ домой по нѣскольку рублей; но которые зашли далеко, не приносятъ ничего. „Исхарчили въ пути“ — отвѣтъ, который только и можно получить отъ нихъ. Большая

часть уходящихъ возвращается изнуренною, оборванною, иногда страдающею заразительными болѣзнями, такъ что семьѣ приходится откармливать, обшивать, лечить ихъ. А какіе нелѣпые рассказы приносятъ они домой, какія пошлыя пѣсни, манеры и привычки, какія требованія заявляютъ и въ семьѣ, и въ обществѣ! Вотъ та школа, въ которой образовывается искатель заработковъ на сторонѣ, передавая нагуленное имъ образованіе и другимъ, и такъ какъ для этого не требуется ни труда, ни особенныхъ усилій, то переданное усваивается очень быстро и укореняется прочно. Достаточно ли сильна для борьбы съ этимъ наша элементарная школа грамотности, ограничивающая свою дѣятельность такимъ маленькимъ кругомъ, что у насъ даже въ составѣ сельскихъ должностныхъ лицъ считается до 70% неграмотныхъ, т.-е. не умѣющихъ ни читать, ни писать, и прикладывающихъ, вмѣсто подписа, должностныя печати.

Однакожъ черноземъ не лишенъ и нѣкотораго мастерства, но и мастерства его подчиняются „власти земли“. Напримѣръ: хлѣбники и крендельщики, землекопы и каменщики. Промыслъ—опять того же характера—вѣтряныя и водяныя мельницы, толчен, крупорушки, маслобойки и т. п.

Кустарей въ уѣздѣ немного, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ—съ небольшимъ 2%, и у бывш. помѣщичьихъ—5 1/2% мужского населенія. Водятся они въ селеніяхъ, расположенныхъ около лѣсовъ, и мастерство ихъ—выдѣлка различныхъ предметовъ изъ дерева. Здѣсь же плотники и пильщики.

Всего больше въ уѣздѣ портныхъ—„шведы“. Разбросаны они повсюду, и мастерство ихъ развито настолько широко, что встрѣчаются селенія, въ которыхъ большинство общинниковъ—портные. Швейное мастерство требуетъ усидчивости, и, несмотря на это, портные—народъ бродячій; работаютъ они не въ своихъ домахъ, и какъ только уберутся съ хлѣбомъ, такъ и въ походѣ, бродятъ съ осени до марта, переходя изъ села въ село. Въ этотъ періодъ времени портной выработаетъ меньше 50 руб., на готовомъ содержаніи; но пахарь онъ плохой—слабосильный, вялый, устаетъ на земледѣльческой работѣ скоро и отдыхаетъ подолгу.

Женская половина населенія занимается пряжей; ткацкій станокъ встрѣчается рѣдко. Объясняется постепенное исчезновеніе его тѣмъ, что урожаи льна и конопли слабѣютъ съ каждымъ годомъ и даютъ самый незначительный сборъ. Кромѣ того, и время беретъ свое: даже въ мордовскихъ селахъ молодое поко-

лѣніе носить уже фабричную теань, которая хоть и гнила, но дешева и блестятъ яркими цвѣтами.

Всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ какія-либо хозяйственныя заведенія, промыслъ, торговлю и службу за вознагражденіе, насчитывается у бывш. государственныхъ крестьянъ 21⁰/о, и у бывш. помѣщичьихъ—20⁰/о. Доходъ ихъ не одинаковъ настолько же, насколько разнообразны доставляющіе его источники, но, какъ бы ни было, даже наименьшій размѣръ его составляетъ надежное обезпеченіе, ограждающее пятую часть населенія отъ тяжелой нужды и кабалы.

VII.

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ упадокъ въ нашемъ уѣздѣ сельскохозяйственной промышленности. Причины такого явленія, подтверждающія сокращеніе источниковъ дохода, объясняются главнымъ образомъ недостаточными урожаями и уменьшеніемъ скотоводства; но есть еще и другіе факторы, подрывающіе промышленность съ неменьшимъ вредомъ, нежели первые. Заключаются они въ развитіи торговли и въ несоотвѣтствіи земскаго обложенія.

Торговля сельская, мелочная, въ родѣ „обойной“ (овощной) лавки, продающей предметы первой необходимости, не требуетъ столько заботъ, труда и расходовъ, какіе вызываетъ сельскохозяйственное заведеніе; поэтому крестьянинъ, какъ только составятся у него хоть маленькія средства въ нѣсколько десятковъ рублей, пускается въ коммерческія предпріятія и открываетъ лавочку. Лавочки плодятся съ каждымъ годомъ, и въ послѣднія 10 лѣтъ численность ихъ увеличилась на 123⁰/о. Сельская торговля даетъ, разумѣется, небольшую, но несомнѣнно вѣрную прибыль, и, вслѣдствіе этого, влеченіе въ ней не ограничивается открытіемъ лавочекъ, но распространяется и на другія отрасли хозяйства, захватывая въ свои руки все, что можно скупить, перекупить, перепродать, напр. зерновые продукты, скотъ, шкуры, ленъ, пеньку, масло, сѣмя и т. д.

Мелочной сбытъ крупнымъ предпринимателямъ сырья и предпочтеніе такого сбыта разработкѣ того сырья на своихъ заведеніяхъ уменьшило въ то же десятилѣтіе число сельскохозяйственныхъ заведеній на 67⁰/о, а сумма производства ихъ сократилась на 56⁰/о. Развитіе мелочной торговли увеличило чистую прибыль на 28 т. руб., тогда какъ сокращеніе сельскохозяйственной про-

мышленности уменьшило доходность отъ нея на 66 т. руб. Разница очень большая, составляющая дефицитъ, ничѣмъ не возмѣщенный, кромѣ облегченія заботъ и труда.

Послѣдняя причина упадка сельскохозяйственной промышленности заключается въ чрезмѣрномъ обложеніи ея земствомъ.

Казна, не иначе какъ съ цѣлью поощренія такой промышленности, совсѣмъ освобождаетъ ее отъ налоговъ, а между тѣмъ мѣстное земство беретъ 10⁰/о съ доходнаго рубля.

Не говоря о томъ, что обложеніе въ размѣрѣ одинаковаго процента для всякаго рода заведеній прямо невозможно,—оно неудобно еще и потому, что самое опредѣленіе доходности требуетъ измѣненій, какъ не отвѣчающее современному положенію сельскаго хозяйства.

Понятно, что взиманіе такого крупнаго налога не могло благоприятствовать развитію промышленности. Въ связи съ другими невыгодными условіями, однихъ оно заставляло прекращать дѣло, другихъ удерживало начинать его.

VIII.

Въ черноземной полосѣ, создавшей коренного земледѣльца и сдѣлавшей трудъ его если не единственнымъ, то преобладающимъ условіемъ существованія, невѣроятнымъ кажется встрѣчать крестьянъ, дѣлающихъ посѣвы въ такихъ маленькихъ размѣрахъ, которые, видимо, не могутъ прокормить не только семейнаго человека, но даже одиночка, и которые опредѣляются дробями, на примѣръ—5,10 сажени. Но еще невѣроятнѣе находить такихъ, которые не занимаются земледѣліемъ ни лично, ни посредствомъ найма или помощи, и совсѣмъ не дѣлаютъ посѣвовъ. Между тѣмъ въ нашемъ уѣздѣ явленіе это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: мало того, что крестьяне такого рода встрѣчаются—ихъ такъ много, что они считаются тысячами. Такъ, недѣлающихъ посѣва изъ числа всѣхъ домохозяевъ составляетъ: у бывш. государственныхъ 7,3⁰/о, и у бывш. помѣщичьихъ, состоящихъ на выкупѣ—7,5⁰/о, и дарственниковъ—22,8⁰/о.

Пахатною землею такихъ крестьянъ пользуются ихъ общинники.

Причины прекращенія земледѣлія объясняются прежде всего недостаткомъ надѣльной земли и рабочаго инвентаря, далѣе—неудовлетворительными урожаями, не покрывающими платежей. Совокупность этихъ причинъ вызвала необходимость искать дру-

гого, болѣе прибыльнаго, труда на мѣстѣ или на сторонѣ. Выбывшихъ изъ уѣзда считается: изъ числа государственныхъ крестьянъ 6,5%, и изъ числа помѣщичьихъ—6,9%.

Еще яснѣе опредѣлится уменьшеніе земледѣльческихъ домовъ, если показать процентъ крестьянъ, сократившихъ посѣвъ и передающихъ свободную часть пахатной земли болѣе состоятельнымъ общинникамъ. Такихъ домовъ считается: у бывш. государственныхъ крестьянъ—17,5%, и у состоящихъ на выкупѣ помѣщичьихъ—9,3%.

Всѣхъ семей, занимающихся земледѣліемъ, какъ на надѣльной, такъ и на сѣмной землѣ, считается въ уѣздѣ 29,184. Посѣвъ ихъ выражается такъ:

Засѣвають десятинъ.		Процентъ семей:
Отъ нѣсколькихъ сажень до 4 десятинъ		39
" 4—10		39,2
" 10—20		17,0
" 20—30		3,1
" 30—40		1,2
" 40—50		0,3
" 50—100		0,2
" 100—160		0,01

Если позволительно благосостояніе крестьянъ черноземнаго уѣзда измѣрять такимъ масштабомъ какъ земледѣліе, то первый разрядъ семей можно признать прямо несостоятельными, такъ какъ засѣваемая ими площадь не можетъ удовлетворить всѣхъ потребностей даже при среднемъ урожаѣ, по той причинѣ, что, въ общемъ, посѣвъ каждой семьи равняется 2 десятинамъ съ небольшою дробью.

Но какъ же это такъ: посѣва недостаетъ, и въ то же время крестьяне не только не пополняютъ недостатокъ сѣмной земель, а сдаютъ еще и свою надѣльную?

Независимо объясненныхъ причинъ, виновны въ этомъ также, если не больше, приемы разверстки мірской земли и раскладки денежныхъ сборовъ, установленные нашей общиной во времена дны и неизмѣняемые до сихъ поръ, несмотря на прямое несоотвѣтствіе ихъ наличному положенію рабочей силы и другимъ условіямъ.

Разверстка и раскладка—это такое жгучее въ общинѣ дѣло, которое, укрѣпляя и обогащая однихъ, создаетъ безлошадныхъ и даже бездомныхъ кабалныхъ и батраковъ, выдѣляя ихъ чуть не въ особое сословіе, пользующееся низшими правами. Въ виду этого, считаю необходимымъ сказать о разверсткѣ и раскладкѣ хоть нѣсколько словъ.

Во всѣхъ общинахъ уѣзда приемы и основанія разверстки одинаковы. До сихъ поръ передѣляли землю, въ большинствѣ случаевъ, чрезъ 10 лѣтъ. Уже одно это составляло крупную неправильность, такъ какъ, при трехпольной запашкѣ, удобнѣе было, не нарушая порядка хозяйства, передѣлять землю въ сроки, отвѣчающіе этой запашкѣ, т.-е. чрезъ 6, 9, 12 лѣтъ. Но теперь, съ изданіемъ новаго закона о срокахъ передѣла, вопросъ этотъ законченъ, хотя нельзя не оговориться, что въ хозяйственныхъ видахъ полезнѣе было бы установить не 12-ти, а 9-ти-лѣтній срокъ, такъ какъ правильный и полный сѣвооборотъ, при трехпольномъ дѣленіи, совершается именно въ 9 лѣтъ и каждое поле даетъ по три урожая ржи и яровыхъ; при установленіи же 12-ти-лѣтняго срока захватывается уже три года изъ слѣдующаго сѣвооборотнаго періода.

Земля и всѣ денежные сборы, взимаемые съ крестьянъ, разверстываются по числу душъ, при чемъ главная задача схода состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть въ обоихъ случаяхъ „уравнительности“, т.-е. чтобы каждая душа получила дѣлянку земли одинаковой мѣры со всѣми прочими, и чтобы годовой окладъ платежей со всѣхъ душъ былъ тоже одинаковъ.

Задача чисто ариѳметическая, но положительно ничѣмъ не отвѣчающая имущественному и семейному положенію общинника и его рабочей силѣ.

Начать съ того, что число душъ, на которыя разверстываются земля и подати, далеко не выражаетъ того мужского населенія, которое существуетъ на самомъ дѣлѣ, а подбирается, можно сказать, искусственно, для того только, чтобы уровнять дѣлянки. Отъ этого, въ каждой общинѣ свой счетъ душъ, начиная отъ дѣтскаго и кончая рабочимъ возрастомъ. Такъ какъ возрастъ рабочаго считается съ 18 лѣтъ, то выборъ возраста изъ этого 18-ти-лѣтняго промежутка создаетъ въ каждой общинѣ такое положеніе, вслѣдствіе котораго многія мужскія души не получаютъ земли, потому только, что возрастъ ихъ не принятъ въ счетъ при разверсткѣ. Такой приемъ разверстки ведетъ къ тому, что она никогда не отвѣчаетъ числу ѣдковъ: напримѣръ, семья съ одной раскладочной душой и шестью ѣдоками получаетъ землю на одну душу, а семья съ 3-мя раскладочными душами и такимъ же числомъ ѣдковъ получаетъ землю на 3 души. Въ такой же степени не отвѣчаетъ она часто рабочей силѣ общинника: кто свободно можетъ обработать 5 дѣлянокъ, получаетъ одну — и наоборотъ.

При такомъ способѣ разверстки, и податная раскладка, пре-

слѣдующая тоже одну только задачу—равномѣрность годового оклада платежей,—становится для однихъ совсѣмъ непосильной, для другихъ обременительной и для третьихъ очень выгодной, потому что если, напримѣръ, годовой окладъ всѣхъ платежей составляетъ по 10 руб. съ души, то эти 10 руб. должны платить одинаково и богатый и бѣдный, и тотъ, кому дѣлянка земли досталась за 15 верстъ отъ дома, и тотъ, кто получилъ ее у самой околицы.

Трудно не представить себѣ того положенія, когда дѣлянки кадастрируютъ еще, по качеству почвы, на нѣсколько разрядовъ, заставляющихъ работать около земли въ девяти различныхъ мѣстахъ, далеко отстоящихъ одно отъ другого, не допускающихъ еще и прямого проѣзда, изъ опасенія порчи сосѣдней полосы, и заставляющихъ дѣлать на каждомъ загонѣ свою отличительную мѣтку, чтобы не перепутаться ими.

Ясно, что составленную мѣрскимъ сходомъ разверстку приходится передѣлывать; ее и передѣлываютъ, но уже путемъ частныхъ соглашеній и словесныхъ договоровъ. Бѣдняки, которыхъ, можно сказать, насильно навязали землю и обрабатывать которую имъ не по силамъ, сдаютъ ее другимъ. Выше было показано, что крупныхъ посѣвщиковъ больше, чѣмъ мелкихъ: они-то и снимаютъ землю, на условіи уплаты податей, при чемъ дѣлаютъ еще доплату, называемую „верхами“.

По случаю такихъ передать земли, нескончаемая путаница при взиманіи денежныхъ сборовъ: одни не платятъ потому, что нечѣмъ платить, такъ какъ фактически они не пользовались землею и не извлекали никакихъ выгодъ; другіе, т.-е. сѣмщики, уклоняются отъ платежа, отзываясь тѣмъ, что они уже умыли верхи и что земля по раскладочнымъ вѣдомостямъ числится не за ними.

По какому же случаю сельская община такъ стойко держится за этотъ способъ разверстки, что не допускаетъ никакихъ перемѣнъ, несмотря на видимую и хорошо сознаваемую непригодность его?

Отвѣтъ коротокъ: держится не община, а сильные въ общинѣ люди, и держатся они потому, что способъ разверстки для нихъ очень выгоденъ, сосредоточивая въ ихъ рукахъ крупныя доли земли по сравнительно недорогой цѣнѣ. Вторая причина принципиальная. Обеспечивъ каждому одинаковымъ количествомъ земли, состоятельные общинники умываютъ руки отъ круговой отвѣственности, которой на самомъ дѣлѣ нигдѣ не практикуется, по той простой причинѣ, что состоятельные крестьяне, во избѣжаніе

этой отвѣтственности, сами не платятъ податей и накопили недоимокъ столько же, сколько числится таковыхъ за маломощными. Недоимочныхъ общинъ въ уѣздѣ 168, и изъ нихъ только 10% такихъ, въ которыхъ недоимочныхъ домохозяевъ менѣе половины; 29% общинъ имѣютъ недоимщиковъ отъ 50 до 90% домохозяевъ, и 61% общинъ имѣютъ ихъ отъ 90 до 100%.

Ясно, что при такой наличности должниковъ разверстка недоимокъ на основаніи закона о круговой порукѣ невозможна, и что, поѣтому, существующія правила о порукѣ нуждаются въ иной регламентаціи. Необходимость такого пересмотра закона вызывается еще и тѣмъ, что общины, о чемъ сказано выше, раскладываютъ денежные сборы на всѣ платежныя или окладныя души въ равныхъ доляхъ; слѣдовательно, аккуратнымъ плательщикамъ, таковыми на половину оказываются маломощные крестьяне, пришлось бы платить вдвойнѣ. Примѣры подобнаго рода встрѣчаются въ прошломъ, не вслѣдствіе раскладки недоимокъ по круговой порукѣ, а вслѣдствіе рассрочки ихъ по недороду хлѣба. Недоимка наполовину была накоплена состоятельными крестьянами, а рассроченная часть долга раскладывалась на правыхъ въ такихъ же доляхъ, какъ на виноватыхъ.

Вообще, пока податное дѣло остается въ рукахъ сельскихъ старостъ, бѣсильныхъ предъ зажиточными мірянами и положительно ничѣмъ не отвѣчающихъ предъ закономъ за успѣхъ поступленія податей, порядка и правды въ этомъ дѣлѣ не будетъ и увеличеніе числа маломощныхъ неизбежно; если же часть обществъ и платитъ сборы исправно, то этимъ вовсе не доказывается ни справедливость раскладокъ, ни безупречная дѣятельность сборщиковъ.

IX.

Казалось бы, что разнообразіе тѣхъ многочисленныхъ условій, которыми обставлена жизнь каждой общины, и рядъ реформъ, существенно измѣнившихъ положеніе крестьянъ, должны были вызвать разнообразіе приѣмовъ обложенія, соотвѣтственное совершившимся перемѣнамъ и жизненной обстановкѣ, и однакоже ничего подобнаго не случилось: община—по крайней мѣрѣ, описываемаго уѣзда—не выработала подходящаго для нея типа раскладки и въ полной неприкосновенности блюдетъ старину во всѣхъ случаяхъ разверстки обезпеченныхъ круговою порукою налоговъ.

Но въ каждой общинѣ есть еще другіе, такъ сказать, второ-

степенные сборы, не касающіеся казенныхъ и земскихъ сборовъ съ земли. Сборы эти свободны у крестьянъ отъ круговой ответственности и распределяются уже иначе; напримѣръ, сборъ на содержаніе и ремонтъ пожарнаго обоза, а также и на наемъ караула въ лѣтнее время — распределяется хотя тоже уравни-тельно, но уже подворно; сборъ на сѣмъ пастбищъ и наемъ пастуховъ — только съ имѣющихъ скотъ. Для этого послѣдняго сбора существуютъ даже различные приемы обложенія: въ иныхъ общинахъ взимаютъ съ череда, въ другихъ съ головы, и притомъ по различной таксѣ для крупнаго и мелкаго скота.

Приемъ этотъ указываетъ на форму подоходнаго обложенія, до которой община додумалась сама, безъ всякихъ указокъ; но додумалась потому, что въ этомъ налогѣ, составляющемъ ея частное домашнее дѣло, она свободна распорядиться по личному усмотрѣнію; еслибы подобный приемъ распространился и на подушную раскладку, то община сдѣлала бы громадный шагъ впередъ, такъ какъ чрезъ это измѣнились бы всѣ условія и жизни, и хозяйства.

Круговая порука, какъ одна изъ основъ общиннаго начала, уничтожена быть не можетъ. Если она исключена изъ практики общиной, то этимъ доказывается только возможность обойти ее, по несовершенству правилъ, не согласованныхъ съ существующимъ положеніемъ. Измѣнись правила — несомнѣнно измѣнится и раскладка, и въ этому необходимо стремиться, въ виду тѣхъ цѣлей, которыя лежатъ въ ея основѣ. Задача подушной раскладки вовсе не такъ проста, какою кажется съ перваго взгляда. Общинные заправилы понимаютъ это очень хорошо, потому-то и не допускаютъ, чтобы поземельная разверстка и связанная съ нею раскладка податей отвѣчала прямому своему назначенію — равновѣсію налога силамъ облагаемаго, и если сдѣлали уступку въ сборахъ второстепенныхъ, то за землю держатся крѣпко и не выпускаютъ изъ своихъ рукъ, такъ какъ этимъ упрочивается ихъ благосостояніе. Выше мы видѣли, что есть посѣвщики, засѣваю-щіе до 160 десятинъ. Вѣдь это, по меньшей мѣрѣ, 70 душе-выхъ надѣловъ, значить — благополучіе одного достигнуто разо-рѣніемъ 80, 35 семей. Въ виду этого необходимо создать такое положеніе, при существованіи котораго община сама собой выра-ботала бы раскладку для каждаго посильную и ни для кого не обременительную.

Позволительно ли, однако, указывать на общину, имѣющую все же много причинъ для того, чтобы поступать такъ, а не иначе, — если и уѣздное земство, вотъ уже 27 лѣтъ краду, дер-

жятся тѣхъ же принциповъ при составленіи своихъ раскладокъ, какіе усвоены общиной?

Такъ, земство доходность земель *всєю* уѣзда, безъ всякаго подраздѣленія ихъ по владѣніямъ, мѣстностямъ и другимъ экономическимъ условіямъ, опредѣлило на кругъ въ размѣрѣ одной и той же цифры и цѣлыхъ 27 лѣтъ облагаетъ эту доходность одинаковымъ процентомъ со всѣхъ земель, какъ помѣщичьихъ, такъ и крестьянскихъ. Понятно, что въ отношеніи поземельной доходности несравнимы между собою даже помѣщичьи имѣнія, а при такомъ условіи еще меньше основаній подводить подъ одну категорію съ ними земли крестьянскія, которыя, въ свою очередь, тоже требуютъ раздѣленія на разряды. Урожайность владѣльческихъ земель выше, нежели крестьянскихъ, въ общемъ на 35%, слѣдовательно и доходность ихъ выше, между тѣмъ, земство эту помѣщичью доходность сдѣлало обязательною и для крестьянскихъ надѣловъ и облагало ихъ одинаковымъ сборомъ.

Еще замѣчательнѣе то, что доходность кустарниковъ сравнена съ доходностью пахатныхъ полей и облагается такихъ же сборомъ, какъ и эти земли. Если принять въ расчетъ, что принадлежавшіе крестьянамъ лѣса большею частью истреблены и оставшійся послѣ нихъ кустарникъ — „чапыжникъ“ — составляетъ пустопорожнее мѣсто, не только не приносящее никакого дохода, но обременяющее крестьянъ, по неумѣнію утилизировать его, — сравненіе кустарниковъ съ пашней едва ли удобно.

Добавить нужно еще и то, что такъ какъ основой для распредѣленія государственнаго поземельнаго налога служитъ доходность, установленная земствомъ, то и этотъ налогъ разверстывается въ одинаковомъ размѣрѣ на всѣ земли.

Сколько крестьяне въ теченіе 27 лѣтъ переплатили лишковъ, должна показать предстоящая, на основаніи закона 8-го іюня 1893 г., переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ, которая — будемъ надѣяться — внесетъ въ раскладку начала, болѣе подходящія въ положенію вещей.

Во всякомъ случаѣ, сумма сдѣланной крестьянами переплаты должна быть очень солидна, тѣмъ болѣе, что на землю упали наипышніе проценты еще и потому, что нѣкоторые заведенія, принадлежащія владѣльцамъ, освобождались отъ обложенія.

X.

Цѣны на хлѣба, составляющіе главный предметъ сбыта, колебались въ послѣднее десятилѣтіе неувѣроятно; рожь: низшая цѣна—25 к. и высшая въ 1891 году—1 р. 42 к., а въ 1893 г.—40 к., и овесъ: низшая 15 к., высшая въ 1891 году 90 к. и въ 1893 году—37 к. Средняя составитъ: рожь 60 к. и овесъ 50 к., собственно для крестьянскихъ хлѣбовъ.

Нельзя утверждать, что при томъ положеніи, какое имѣетъ мѣстный рынокъ, цѣна на хлѣбъ обуславливается количествомъ урожая: болѣе сильнымъ факторомъ въ этомъ случаѣ является внѣшній спросъ, хотя бы въ сосѣдніе уѣзды; но когда нѣтъ спроса и вывоза за предѣлы уѣзда, тогда сбытъ ограничивается только мѣстной потребностью и цѣны понижаются, независимо отъ урожая. Не говоря о подобныхъ случаяхъ въ минувшихъ и прошлыхъ годахъ, ограничимся доказательствомъ одного 1893 г.: урожай плохой, во многихъ мѣстностяхъ прямой недостатокъ хлѣба и, въ благополучію пострадавшихъ отъ недорода, цѣна невысокая. И это единственно по отсутствію внѣшняго спроса. Появился такой спросъ, тотчасъ же повысятся и цѣны, хлѣбъ повезутъ изъ уѣзда, и мѣстное населеніе, нуждающееся въ хлѣбѣ, будетъ покупать его въ концѣ зимы и весной по двойной цѣнѣ.

Кромѣ такого очевиднаго несогласія между природой и мѣстнымъ рынкомъ, самый сбытъ крестьянскаго хлѣба, даже и при благоприятныхъ обстоятельствахъ, обставленъ невыгодными для него условіями, сравнительно съ условіями сбыта экономическаго хлѣба. Дѣло въ томъ, что, по установившемуся на мѣстѣ обычаю, экономическій хлѣбъ сбываютъ путемъ спроса на него; крестьянскій же только путемъ предложенія. Экономическій хлѣбъ продаютъ на мѣстѣ и притомъ крупными партіями въ тысячи и десятки тысячъ пуд., крестьянскій—на базарахъ, дробными частями, повозно. Хлѣботорговецъ, для покупки помѣщичьяго хлѣба, самъ пріѣзжаетъ въ экономію и заключаетъ сдѣлку по высшей цѣнѣ, отвѣчающей качеству хлѣба, который всегда добротнѣе крестьянскаго, и доставка хлѣба въ мѣсто его назначенія составляетъ особый счетъ. Благодаря такому обычаю, экономическій сбытъ огражденъ отъ необходимости везти зерно на рынокъ и навязываться съ нимъ торговцу; крестьянскій же неизбѣжно испытываетъ именно такую участь. Въ этомъ случаѣ цѣну дѣлаетъ уже покупатель и не по качеству только продукта, но и по количеству предложенія, невыгоднаго тѣмъ болѣе, что съ начала

и до конца молотбы оно очень значительно и податливо на всякую сдѣлку, такъ какъ не встрѣчалось еще такого примѣра, чтобы крестьянинъ, пріѣхавшій на базаръ для продажи хлѣба, отвезъ его обратно домой.

Само собой разумѣется, что перевозка хлѣба на рынокъ за 50—100 верстъ неразлучна съ издержками на содержаніе себя и лошади, а затѣмъ: плата за постой въ мѣстахъ останова и повознаго сбора содержателю базара, да, кромѣ того, покупатель выговоритъ иногда еще скидку нѣсколькихъ фунтовъ съ воза. Принявъ въ расчетъ такіе расходы, окажется, что крестьянинъ получаетъ за проданный хлѣбъ много меньше не только экономической, но и базарной цѣны. А то еще случается и такъ, что крестьянина обвѣсятъ при ссыпкѣ хлѣба или заставятъ ѣдить за деньгами нѣсколько разъ.

Упорядочить способы сбыта крестьянскаго хлѣба, положимъ, трудно; но нельзя сказать, что невозможно. Ближайшимъ изъ такихъ способовъ было бы, на примѣръ, устройство волостныхъ зернохранилищъ, разумѣется, съ варрантами. На возраженіе, что постройка зернохранилищъ потребуетъ большихъ средствъ, можно отвѣтить тѣмъ, что при существующемъ способѣ продажи крестьяне теряютъ, смотря по дальности провоза, по нѣскольку копѣекъ съ пуда, слѣдовательно постройка могла бы осуществиться на счетъ этой потери, посредствомъ постепеннаго вычета изъ доставленнаго въ складъ зерна.

Допустимъ, что, такъ или иначе, этому горю можно помочь; но чѣмъ помочь въ томъ случаѣ, когда у насъ по недѣлѣ, по двѣ, безъ перерыва дуютъ горячіе ю.-в. вѣтра, засушивающіе хлѣба на встрѣчныхъ склонахъ, или когда застилаетъ дневной свѣтъ густая, удушливая мгла, свертывающая хлѣба? Въ прошедшемъ, напр., году еще незадолго до жнитва виды на урожай были таковы, что въ большинствѣ случаевъ посѣвщики ожидали самаго обильнаго сбора, но вдругъ—жгучій вѣтеръ, мгла—и въ результатъ масса соломы и очень мало зерна, и то лишь тощаго, засушеннаго преждевременно.

Дальше. Какъ искоренить червя и мошку, ежегодно уничтожающихъ посѣвы тысячами десятинъ и заставляющихъ пересѣвать поля иногда по два раза? Чтò дѣлать съ саранчой, прилетѣвшей гостей и успѣвшей ужъ расплодиться на мѣстѣ? Чѣмъ защититься отъ градобитій, волковъ, конокрадовъ и краснаго пѣтуха?

Настолько же убыточно для деревни водвореніе несродныхъ ей элементовъ, въ лицѣ торговцевъ, арендаторовъ, новыхъ земле-

владѣльцевъ, приказчиковъ. Всѣ эти пришлые со стороны люди эксплуатируютъ крестьянина каждый по своему и одинаково разорительно. Допустимъ, что въ тенѣтницѣ этомъ запутываются больше люди слабохарактерные, у которыхъ „послѣдній грошъ ребромъ скачетъ“, но тѣмъ печальнѣе ихъ участь, да и въ общемъ положеніе нисколько не выигрываетъ.

Наконецъ, отсутствіе присяжной адвокатуры при уѣздныхъ сѣздахъ или земскихъ управахъ связывается размноженіемъ писаекъ, втягивающихъ крестьянъ въ кляузные и исковыя дѣла и обирающихъ при этомъ своихъ кліентовъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Не говоря о томъ, что неправильный искъ и еще больше кляуза нравственно портятъ крестьянина, всѣ эти кляузы до того заполонили и уѣздныя и волостныя учрежденія, что, напр., штатъ послѣднихъ все увеличивается, на мірской, конечно, счетъ.

Но трудно даже и перечислить всѣ случаи, отъ которыхъ вольно или невольно терпятъ крестьянскій карманъ. Начиная крупными и кончая мельчайшими, случаи эти проходятъ чрезъ весь обиходъ крестьянской обстановки, оставляя на ней свои слѣды. Что можетъ быть мельче, напр., зажигательной спички и керосина („гацъ“, какъ называютъ крестьяне), которымъ освѣщаютъ избы; но и такая мелочь, обильная въ нашихъ мѣстахъ, занимаетъ видное мѣсто въ бюджетѣ крестьянина. Какъ предметы первой необходимости, они имѣютъ громадный спросъ и по этому случаю доведены до чрезмѣрной дороговизны. Между тѣмъ дражность спичекъ, керосина и необходимыхъ для него лампъ не заслуживаетъ даже того, чтобы говорить о нихъ.

Равьше было сказано, что положеніе сельской общины опредѣлилось ясно раздѣленіемъ на части—состоятельныхъ крестьянъ и безнадѣжныхъ бѣдняковъ. Первые твердо и неуклонно „ведутъ свою линію“, и будущее, несомнѣнно, принадлежитъ имъ, какъ обладателямъ не матеріальной только, но и характерной силы, что еще важнѣе,—вторые, по ихъ собственнымъ словамъ, „околачиваются вокругъ пустого мѣста“. При такомъ положеніи невозможна не только самопомощь или дружное соединеніе для борьбы съ бѣдой, но даже и самая мысль о томъ.

Самопомощи въ какомъ бы то ни было видѣ на самомъ дѣлѣ и не существуетъ.

Общинная разноголосица очень хорошо выяснилась при преобразованіи оброчной подати въ выкупные платежи у бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Крестьяне могли выкупить мірской надѣлъ за половинную сумму, при условіи единовременнаго ея взноса, и однакожъ правомъ этимъ не воспользовалось въ опи-

сываемомъ уѣздѣ ни одно общество, но желающихъ выкупить душевой надѣлъ, въ одиночку, было очень много. Выкупу всего мірскаго надѣла мѣшало не недостатокъ средствъ, а просто нежеланіе состоятельныхъ поступиться ими въ пользу маломощныхъ. Не приняли въ расчетъ даже и того, что еслибы при такой сдѣлкѣ и случились потери, то онѣ во всякомъ случаѣ были бы менѣе значительны, нежели долгосрочный выкупъ.

Такой же примѣръ даютъ и запасные хлѣбные магазины. Общинникъ никакъ не мирится съ мыслью, что всыпанный имъ въ магазинъ хлѣбъ становится уже не его личной, а общественной собственностью, и назначается для пособія недостаточнымъ. Если же эти недостаточные попросятъ ссуду на обмѣненіе или продовольствіе, то къ магазину протянуть руки и всѣ состоятельные — „за своимъ“ хлѣбомъ. Совершенно то же, когда вкладчикъ спѣшитъ вынуть свои сбереженія изъ банка, при слухѣ о его непрочности.

XI.

Потребность въ деньгахъ всегда равносильна той нуждѣ, для которой онѣ надобятся. Но единичные и общественные случаи нужды неодинаковы: иногда ищутъ денегъ на пустяки прихоти, безъ которыхъ легко можно обойтись, какъ, напр., желаніе широко справить свадьбу или престольный праздникъ, или еще что-нибудь въ этомъ же родѣ; иногда же на такую нужду, при наступленіи которой, если она не будетъ удовлетворена, остается одно: „ложись да помирай“, какъ говорятъ крестьяне. Случаи такой тяжелой нужды безчисленны; часто они настолько мелки, что предупредить ихъ можно бы копѣйками, но и копѣекъ нѣтъ, и крестьянинъ идетъ занимать.

Малый посѣвъ и слабый урожай дѣлаютъ то, что у многихъ недостаетъ хлѣба до новаго года; къ веснѣ подобный недостатокъ захватываетъ еще большее число общинниковъ, и всѣ они существуютъ уже впроголодь, займами, перехватывая гдѣ деньгами, гдѣ хлѣбомъ, подъ обезпеченіе „будущаго урожая“, такъ что этотъ, никому пока неизвѣстный, урожай проживается впередъ. Разумѣется само собой, что подобнаго рода сдѣлки сходятъ съ рукъ только при обилии „будущаго урожая“; а когда и онъ обманетъ, остается одно—идти по сбору. Допустимъ—подаютъ и помогаютъ; но помогаютъ ради великаго имени Христа, которымъ пользуются даже и татары нашего уѣзда. Помогать изъ принципа,

по сочувствію къ нуждѣ и сознанию обязанности дѣлиться съ ближнимъ, благотворитель лишенъ возможности, вслѣдствіе чрезвычайнаго множества собирающихъ и настойчивости ихъ. На самомъ дѣлѣ, при чрезвычайномъ увеличеніи собирающихъ, нельзя отличить дѣйствительную нужду отъ вымышленной, а что послѣдняя есть—это несомнѣнно, такъ какъ обращеніе сбора въ промыслъ уже доказано. Но оставимъ это на совѣсти просителей и обратимся къ займамъ.

Малоимущіе общинники занимаютъ деньги на покупку хлѣба, для продовольствія семьи, на сѣмъ земли, на покупку лошади или коровы и на другія хозяйственныя надобности. Займы дѣлаютъ у состоятельныхъ однообщественниковъ и у стороннихъ лицъ, проживающихъ въ обществѣ, которые даютъ въ однѣ руки обыкновенно рублей по десяти, болѣе надежнымъ—до 15, и выговариваютъ при этомъ какой-либо натуральный процентъ, вмѣсто денежнаго, напр.—сжечь хозяйственную десятину хлѣба, или какую-либо другую работу, такой же стоимости.

Процентъ, конечно, значительный, достигающій 50—60 за полгода, но все же онъ несравненно ниже того, который платится въ случаѣ займа мірскаго, общественнаго. Займы эти нельзя даже назвать такимъ именемъ въ прямомъ его смыслѣ, такъ какъ совершаются они обходными путями: напр., нуждаясь въ деньгахъ, общество обращается за ними къ ростовщичу, но онъ не даетъ имъ денегъ въ заемъ, а совершаетъ сдѣлку, вслѣдствіе которой общество сдаетъ ему часть своей земли, рубля по 3, 4 за десятину, за наличныя деньги; съ наступленіемъ же посѣва снимаетъ у него свою землю обратно, рублей по 9 за десятину.

Это операція на землю. Бываетъ еще на хлѣбъ. Скажемъ, обществу нужно 100 руб. Ростовщикъ, опять отказывая въ деньгахъ, предлагаетъ взять у него хлѣбомъ, положимъ по 60 к. за пудъ. Но базарная цѣна на хлѣбъ только 40 к., а за исключеніемъ путевыхъ издержекъ—очищается всего 35 к.; слѣдовательно, чтобы получить чрезъ продажу хлѣба 100 руб., надо занять его 286 пуд., почти на 172 руб.

Таковы формы кредита. Существующія при волостныхъ правленіяхъ ссудо-сберегательныя кассы, несмотря на значительность операций, измѣнить ихъ не могутъ, по отсутствію необходимыхъ для того наличныхъ средствъ: деньги изъ кассъ разобраны по рукамъ и возвращаются очень туго, проценты платятся тоже съ трудомъ.

Замѣчательнѣе всего то, что крестьяне считаютъ ростовщиковъ благодѣтелями и всемірно стараются скрыть свои сдѣлки съ

ними. Причину такого явленія надо искать въ отсутствіи правильного и доступнаго кредита. Но вопросъ въ томъ: какая форма можетъ быть выработана для такого кредита и каковъ размѣръ, если ссудо-сберегательныя волостныя кассы, оперирующія на 200 т. р., не оказываютъ замѣтной поддержки и нисколько не спасаютъ отъ займовъ у частныхъ лицъ.

XII.

Описанное положеніе крестьянъ позволяетъ поставить если не о всѣхъ, то объ извѣстной части ихъ такіе вопросы—первый: почему крестьяне-пахари черноземной полосы, какъ прежде понимавшіе, такъ и до сихъ поръ понимающіе земледѣльческое хозяйство не иначе какъ при условіи многоземелья и широкаго простора, останавливались на выборѣ четвертнаго надѣла и, значить, устраивали безземельную будущность и для себя, и для потомства; второй: случилось ли это по недоразумѣнію или ошибкѣ, или сдѣлано сознательно и обдуманно?

Что крестьяне поступали сознательно и строго обдуманно—въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, когда выборъ четвертнаго надѣла совершался по ихъ личной инициативѣ, внѣ постороннихъ вліяній и воздѣйствій,—это не подлежитъ сомнѣнію, и заслуживаютъ ли они за это обвиненія—о томъ можно судить лишь по обстоятельствамъ, руководившимъ такимъ выборомъ.

Начать съ того, что выборъ четвертнаго или дарственного надѣла нисколько не измѣнялъ понятію о необходимости многоземелья и привычѣ къ шири и простору. Въ моментъ освобожденія крестьянъ ширь и просторъ оставались въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ, но какъ прежде были чужими, такъ и на будущее время должны были остаться чужими же. Еслибы крестьянинъ отказался отъ собственности, тогда иное дѣло; но онъ отказался отъ чужого, отъ того, что не принадлежало ему, и за отказъ этотъ приобреталъ даже собственность, хоть и небольшую, но даровую. Крестьянинъ, разумѣется, очень хорошо понималъ, что приобретаемая имъ собственность обезпечиваетъ ему одно только жильѣ и иногда выгонъ, и что для посѣва необходимо снимать землю на деньги. Но въ то же время онъ видѣлъ, что земли кругомъ его такъ много, что сѣмщиномъ дорожили и сдавали ему землю на самыхъ льготныхъ условіяхъ, съ небольшимъ задаткомъ при сѣмѣ и съ уплатою остальныхъ денегъ по урожаѣ; притомъ же, землю снималъ онъ по выбору, гдѣ хотѣлъ, и какую угодно, и

цѣна этой выбранной и облюбованной имъ земли держалась около двухъ рублей за десятину. Все это было настолько заманчиво, что въ то время, переходное и неопредѣленное, нельзя или трудно было не соблазниться выгодами, предоставляемыми четвертнымъ надѣломъ, тѣмъ болѣе, что полученіе такого надѣла сразу устанавливало свободныя отношенія и, что самое важное, — освобождало отъ всякихъ платежей.

Нельзя осуждать неграмотнаго мужика за то, что выше его способностей, за неумѣнье заглядывать въ будущее, которое и дальновозркимъ — то открылось впоследствии; настоящее же онъ видѣлъ прекрасно, а настоящее было таково, что не только половинный, но даже и полный надѣлъ не удовлетворялъ пахаря и не избавлялъ отъ дополнительнаго сѣма земли. Земля снималась на одинаковыхъ условіяхъ съ дарственникомъ, но разница заключалась въ томъ, что одинъ ничего не платилъ за даровой надѣлъ, а другой платилъ выкупъ, и выкупъ этотъ былъ такихъ размѣровъ, что, несмотря на послѣдовавшее уменьшеніе его на 30 коп. съ десятины, и теперь оказывается въ большинствѣ случаевъ превышающимъ почвенныя и другія экономическія условія.

Не лишне объяснить, что трехпольный порядокъ сѣвооборота позволяетъ считать доходными одни только засѣваемые поля, при условіи, конечно, удовлетворительнаго урожая; а, какъ сказано раньше, поля эти составляютъ лишь 46% надѣла, остальные же 54% остаются бездоходными. На самомъ дѣлѣ такъ и есть, потому что 23% изъ нихъ составляютъ паровое поле, на которое если и выгоняютъ скотъ для пастбы, то продолжается это не долго. Послѣдніе 31% — подъ усадьбою, не приносящую вовсе дохода, такъ какъ огородничество здѣсь не развито, по причинѣ мѣстныхъ неудобствъ. Такимъ образомъ, источникомъ для существованія и всѣхъ платежей служатъ посѣвныя поля.

Какъ выкупные платежи, такъ и другіе денежные сборы облагаютъ всю надѣльную землю; средства же для того извлекаются изъ меньшей части надѣла, т.-е. съ полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, слѣдовательно и стоимость ихъ равна суммѣ всѣхъ сборовъ. Принимая въ расчетъ среднія цифры сборовъ, получимъ такой выводъ, что, пропорціонально размѣру надѣловъ, наименьшая стоимость посѣвной десятины равна 476 коп. и наибольшая — 560 коп.

Но вѣдь это далеко не все. Къ денежнымъ сборамъ необходимо прибавить столько же неизбѣжный, сколько и обязательный расходъ на обмѣненіе полей и пополненіе хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Переводя потребное для этого количество

хлѣба на деньги, по среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ, получимъ, тоже въ среднемъ выводѣ, еще 6 руб. на десятину.

Долговъ въ продовольственный капиталъ не касаемся.

Во всякомъ случаѣ, размѣръ выкупныхъ платежей не могъ не отразиться на выборѣ надѣла, такъ какъ, не говоря о старинѣ, у насъ даже и въ настоящее время средняя покупная цѣна за десятину 50 р., выкупъ же достигаетъ 75 р., и къ концу его срока пахатной земли у большинства крестьянъ не будетъ, если только не послѣдуетъ выселенія.

ХІІІ.

Выкупные платежи чрезмѣрны не въ общей ихъ сложности, а въ частномъ распредѣленіи ихъ между отдѣльными общинами. Распредѣленіе это настолько неправильно, что, напримѣръ, нѣсколько общинъ, составляющихъ одно поселеніе, пользующихся землею одинаковаго качества и располагающихъ одинаковыми же экономическими условіями въ другихъ случаяхъ, платятъ различныя выкупныя оклады. По отдѣльнымъ селеніямъ и волостямъ разницы встрѣчается еще больше, такъ что всего насчитывается 45 разрядовъ, начиная отъ 21 к. и кончая 227 коп. съ десятины, и насколько разряды эти не отвѣчаютъ ни повземельному устройству крестьянъ, ни другимъ условіямъ, видно изъ того, что низшіе оклады платятъ тѣ, у кого надѣлъ крупнѣе, именно: владѣющіе отъ 3,5 до 4,5 десятинъ платятъ, въ среднемъ выводѣ, 127 к. съ десятины; владѣющіе отъ 2,5 до 3,5 — 137 коп.; владѣющіе отъ 1,5 до 2,5 — 145 к., и владѣющіе отъ 1 до 1,5 десятины — 160 коп.

Между тѣмъ выкупные платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ, основанные на кадастровой расцѣнкѣ угодій, въ связи съ другими экономическими условіями, располагаются въ порядкѣ діаметрально противоположномъ.

Несомнѣнно, что соотвѣтственному распредѣленію выкупныхъ платежей у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ мѣшала общая неустойчивость нашей податной системы.

Необходимость преобразованія этой системы признана при самомъ освобожденіи крестьянъ, такъ какъ ни одинъ изъ экономическихъ вопросовъ не имѣлъ такой тѣсной и причинной связи съ совершившимся освобожденіемъ, какъ вопросъ податной, и въ виду этого еще въ 1861 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи, съ этой цѣлью, особой комиссіи. Вѣроятно, по

обширности и сложности вопроса, комиссія не могла разрѣшить его въ свое время; впослѣдствіи же къ участію въ этомъ трудѣ было привлечено и земство. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земство отнеслось къ этому вопросу серьезно, разработало его, въ предѣлахъ мѣстныхъ условій, обстоятельно, и высказалось въ пользу подоходнаго налога.

Насколько извѣстно, вопросъ о преобразованіи податной системы въ послѣднее время вновь получилъ движеніе.

Когда и чѣмъ онъ разрѣшится—покажетъ будущее, а между тѣмъ сложившіяся условія указываютъ, что еслибы податная реформа совершилась одновременно съ освободительной, то она оказала бы влияніе и на выкупную операцію, и на поземельное устройство крестьянъ. Но и въ настоящее время податная реформа можетъ оказать громадную услугу, въ смыслѣ облегченія условій выкупа, въ однихъ случаяхъ—продолженіемъ срока выкупной операціи, въ другихъ—урегулированіемъ окладовъ выкупныхъ платежей соответственно мѣстнымъ условіямъ.

XIV.

Предположимъ, что условія выкупа тѣмъ или инымъ способомъ будутъ облегчены, что послѣ этого и сами сельскія общины измѣнять приемы разверстки и будутъ раскладывать платежи между общинниками по ихъ силѣ, —напр., хоть по количеству засѣваемой каждымъ земли,—и что правила о круговой поруцѣ получать тоже новую регламентацію, словомъ—податное дѣло получить новое направленіе; но—это будущее, а что дѣлать съ прошлымъ? Какъ поступить съ громадными недоимками? Сложить было бы несправедливо, такъ какъ половина ея числится за людьми вполне состоятельными къ уплатѣ и даже очень зажиточными; разсрочить—еще того несправедливѣе, такъ какъ мы уже сказали раньше, что община разсроченные платежи разверстывала на всѣхъ поровну, заставляя маломощныхъ и безнедоимочныхъ крестьянъ платить вдвойнѣ—и за себя текущій окладъ, и за состоятельныхъ накопленную ими недоимку.

Спрашивается: какъ же въ такомъ случаѣ поступить съ недоимками? Иные домохозяева накопили ихъ по нѣскольку сотъ рублей и уплатить такой долгъ не могутъ даже въ продолжительный срокъ, по разстроенности хозяйства.

Въ отношеніи неисправныхъ плательщиковъ законъ уполномочиваетъ сельское общество принимать слѣдующія мѣры взысканія:

„Обратить на возмѣщеніе недоимки доходъ съ принадлежащаго недоимщику въ собственность недвижимаго имущества“.

„Отдать самого недоимщика или кого-либо изъ членовъ его семейства въ посторонніе заработки, въ томъ же уѣздѣ или сосѣдственномъ, съ условіемъ: выработанныя деньги обращать въ мірскую кассу; отдавать же въ заработки въ другія, неотдаленныя, губерніи, дозволяется только по приговору сельскаго схода, и притомъ только такихъ неисправныхъ плательщиковъ, кои не платятъ недоимокъ по упорству, нерадѣнію, или распутству“.

„Опредѣлить къ недоимщику опекуна, безъ разрѣшенія котораго не позволять неисправному хозяину отчуждать что-либо изъ его имущества и изъ его доходовъ до пополненія недоимки, или вмѣсто неисправнаго хозяина назначить старшимъ въ домѣ другого члена той же семьи“.

„Подвергнуть продажѣ принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключеніемъ лишь выкупленной крестьяниномъ усадьбы“.

„Продать ту часть движимаго имущества и строеній недоимщика, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ“.

„Отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ“.

„Примѣчаніе. Самому обществу предоставляется, въ каждомъ случаѣ, выбрать одну или нѣсколько изъ указанныхъ мѣръ взысканія; но послѣднія три мѣры общество можетъ принимать только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія мѣры взысканія оказываются недостаточными для пополненія недоимки“.

Такимъ образомъ, общество имѣетъ право примѣнить къ одному домохозяину всѣ перечисленныя мѣры, начиная отъ назначенія опекуна или замѣны отца сыномъ и кончая продажей имущества, отобраніемъ надѣла и отдачей въ заработки въ сосѣдственный уѣздъ или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже въ другія губерніи. Но общество облюбовало и примѣняло на практикѣ только тѣ изъ нихъ, которыя были выгодны для мірскихъ распорядителей, именно: отобраніе части надѣла и продажу движимаго имущества. Продажа имущества—это одна изъ тѣхъ крайнихъ мѣръ, дальше которой идти уже нельзя: ослабляя хозяйство, она не достигаетъ цѣли потому, что не покрываетъ недоимки, а между тѣмъ обществу особенно правилась эта мѣра, и въ прежнее время оно пользовалось ею широко. Несмотря, однако, на это, число недоимочныхъ домохозяевъ и даже обществъ увеличивалось, а предметы продажи уменьшались, и въ виду этого общество стало практиковать „свои средства“, подвергая недоимщиковъ

аресту и тѣлесному наказанію, разумѣется—тѣхъ, кто побѣдѣе и помирнѣе. Но и „средствія“ не помогли и нисколько не улучшили дѣло, такъ какъ недоимка продолжала расти, достигнувъ въ общемъ размѣровъ годового оклада.

Есть много недоимокъ совершенно безнадежныхъ къ поступленію; но разъ недоимка эта составляетъ выкупъ за землю, то и безнадежности ея не можетъ быть допущено. Значительный процентъ такой недоимки образовался не вслѣдствіе нерадивости домохозяевъ настоящаго времени, а унаслѣдованъ ими отъ отцовъ, задолжавшихъ въ свою очередь по причинамъ, исключавшимъ какъ законныя, такъ и незаконныя мѣры взысканія. Эти наслѣдственные долги тяготятъ крестьянъ тѣмъ болѣе, что они не предвидятъ выхода изъ такого положенія, обрушившагося на слѣдственнымъ порядкомъ, безъ всякаго участія съ ихъ стороны въ созиданіи его.

Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы найти выходъ, способный облегчить трудности выкупа.

Выходъ найти, разумѣется, можно, и не въ какихъ-либо внѣшнихъ источникахъ, а въ наличныхъ средствахъ самой общины, и притомъ выходъ такой, который не только не стѣснитъ общину, а напротивъ — можетъ принести ей большія выгоды и положить основаніе прочному устройству ея въ будущемъ.

Н. И—въ.

ИЗЪ АРМЯНСКИХЪ ПОЭТОВЪ

I.

СЛЕЗЫ АРАКСА,

РАФАИЛА ПАТКАНЬЯНА ¹⁾.

По берегамъ твоимъ заснувшимъ
Брожу, Араксъ, въ тоскѣ моей.
Я уношусь къ вѣкамъ минувшимъ,
Взываю къ тѣнямъ славныхъ дней...

Но волны бурныя несутся;
Не внемля, пѣнясь и шумя;
О берегъ съ плачемъ горькимъ бьются
И мчатся въ дальніе края...

Повѣдай мнѣ, Араксъ могучій,
По комъ рыдаешь ты порой?
Зачѣмъ объять тоскою жгучей
Ты даже чудною весной,

И слезы горькія струятся,
Изъ гордыхъ падаютъ очей,
И волны къ морю вдаль стремятся
Отъ грустной родины моей?..

---

¹⁾ Написано въ 1854 году и, принадлежа къ наиболее популярнымъ стихотвореніямъ Р. Патканьяна, превратилось въ народную пѣсню. Оно переведено на французскій, англійскій и нѣмецкій языки.

О, не мути ты въ гнѣвѣ воды!
 Забудь волнение и печаль!
 Твой кратокъ путь, какъ счастья годы,—
 О, не сгѣши же къ морю вдаль!..

Пусть снова розы украшаютъ
 Сады прибрежные твои,
 А ночью пѣсней оглашаютъ
 Заснувшій берегъ соловьи!

Пусть ивы свѣжестью отрадной,
 Сгибаясь, дышать у воды,
 И въ жаркій день въ струѣ прохладной
 купаютъ нѣжные листы!

Пускай пастухъ съ свирѣлью бродить
 По берегамъ твоимъ порой,
 И стадо мирное приходитъ
 Къ тебѣ въ жару на водопой!..

Араксъ запынилъ гнѣвно воды
 И влагу бурей всколыхалъ,
 И въ шумъ дикомъ непогоды
 Я голосъ грозный услышалъ:

„Зачѣмъ съ желаньемъ безразсуднымъ,
 Пришелъ, безумецъ, ты ко мнѣ,—
 Тревожить вновь видѣньемъ чуднымъ
 Меня въ тяжеломъ полу-снѣ?“

Въ тоскѣ по мужѣ, въ тяжкомъ горѣ,
 Ужель вдову, средь скорбныхъ слезъ,
 Ты встрѣтишь въ праздничномъ уборѣ,
 Какъ въ годы счастья, годы грезъ?

И мнѣ,—зачѣмъ мнѣ украшаться?
 Красою чей мнѣ тѣшить взглядъ?
 Мои сыны въ плѣну томятся,
 Мои враги вездѣ царятъ?

А были дни,—въ краю свободномъ
 Я въ чудномъ блескѣ протекалъ,

И въ морю вдаль въ просторѣ водномъ
Спокойно плетъ за валомъ валъ.

Въ тѣ дни я гордо украшался,
Сверкали, искрились струи...
А утромъ раннимъ отражался
Въ нихъ отблескъ пламенной зари.

Но что же сталося съ древней славой
Монхъ роскошныхъ береговъ?
Гдѣ храмъ или замокъ величавый?
Гдѣ блескъ старинныхъ городовъ?..

Лишь Араратъ не забываетъ
О славѣ скрывшейся моей,
И влагой нѣжно онъ питаетъ
Мое русло, какъ мать—дѣтей...

Но влаги вѣчной и священной
Достойны ль мертвыя поля,
Гдѣ турокъ властвуетъ презрѣнный
И стонетъ древняя земля?..

Мои сыны,—ихъ нѣтъ со мною!
Но сколько ихъ въ странѣ чужой,
Въ борьбѣ съ гнетущею нуждою,
Въ борьбѣ за хлѣбъ насущный свой!

Монхъ сыновъ враги изгнали,
Отчизну душилъ низкій плѣнъ,
И въ древній край они прислали,
Орды нечестныхъ мнѣ въ замѣнъ!..

Для нихъ ли пышными цвѣтами
Теперь украшу берегъ свой,
И мнѣ ль предъ дикими очами
Блестать чарующей красой?

Пока сыны мои томятся,
Пока для нихъ отчизны нѣтъ,
Я буду скорби предаваться,
И святъ да будетъ мой обѣтъ!..“

Араксъ замолокъ... Сверкнула пѣна...
Онъ гордо скрылъ свою печаль,—
И прочь отъ гибельнаго плѣна
Понесъ онъ волны къ морю вдаль...

II.

ИЗЪ ЛЕРЕНЦА ¹⁾.

1.—КЪ РОДНОМУ КРАЮ.

О, край, обреченный на скорбь и страданье!
Что будетъ съ тобою въ грядущіе дни?..
Куда ты стремишься? Какое призванье
Тебя поддерживаетъ на трудномъ пути?

Быть можетъ, гонимый жестокой судьбою,
Объ участи свѣтлой забылъ ты мечтать,
И, цѣли не видя вдали предъ собою,
Ты смерти спокойно привыкъ ожидать?

О, нѣтъ! ты исполненъ надежды прекрасной,
Ты къ свѣту стремишься, готовъ ты къ борьбѣ...
Но, къ таковымъ страданьямъ твоимъ безучастный,
Твой сынъ не приходитъ на помощь къ тебѣ!..

2.—Ихъ судьба.

Ихъ связала любовь,—и вся жизнь съ того дня,
Вся судьба у нихъ общей была.
И въ безстрашной за дѣло святое борьбѣ,
Рука объ руку, смерть ихъ нашла.

Погубила ихъ смерть беспощадной косой
И въ могильную тьму увлекла...
Но въ холодной землѣ они вмѣстѣ легли,—
Ихъ и смерть разлучить не могла!

¹⁾ Леренцъ—молодой армянскій поэтъ 80-хъ годовъ; сборникъ его стихотвореній напечатанъ въ 1890 году въ Петербургѣ.

А затѣмъ—прошли годы... Два красныхъ цвѣта?
Надъ ихъ общей могилой растутъ.
Двѣ безпечныя птички весенней порой
Сладко пѣсню надъ ними поютъ...
А ихъ тяжелая доля и подвигъ святой
Неразрывно въ народѣ живутъ!..

Юрій Веселовскій.

Москва, 1896 г.

ИСКРА БОЖІЯ

ПОВѢСТЬ.

Съ польскаго.

VI *).

Разсказъ Домунта продолжался не особенно долго. Исторія была и несложная, и слишкомъ обыкновенная, — кончалась только не совсѣмъ заурядно.

Зажиточный дворянскій родъ жилъ себѣ прежде на довольно широкую ногу. Роскоши особенной не было, но встрѣчалось много такого, что можно назвать достаткомъ и принято вообще считать за нѣкотораго рода избытокъ: старый, помѣстительный домъ, тысячи съ полторы десятины — не то, чтобы очень хорошей земли, но и не худой, — а затѣмъ долгъ небольшой и необременительный. Единственный владѣлецъ, старикъ Домунтъ, считался, однимъ словомъ, человекомъ достаточнымъ. Онъ у него было четверо сыновей и три дочери. Слишкомъ много было ихъ для того, чтобы прожить хорошо на доходы съ Канѣвки, особенно когда подѣлять ее на части. Всѣ такъ и понимали, что послѣ раздѣла имѣнія каждому изъ членовъ достанется чуть что не крестьянскій надѣлъ. Сколько ни учишь, чему бы ни научился, а жизнь предстояла не особенно приглядная. Стоило ли учиться ради такихъ, болѣе чѣмъ скромныхъ результатовъ? И вотъ, по силѣ вещей, какъ-то само собой сложилось въ семьѣ убѣжденіе, что слѣдуетъ братьямъ пробивать себѣ дорогу, не рассчитывая на доходы съ Канѣвки, иными сло-

---

*) См. ниже: мартъ, 175 стр.

вами, стараться сдѣлать себѣ карьеру въ свѣтѣ. Еслибы отецъ прожилъ недолго, вѣроятно одинъ изъ братьевъ пожелалъ бы оставаться дома, — хотя судьба его стала бы въ такомъ случаѣ не особенно завидной, принимая въ соображеніе необходимость выплаты долей, слѣдуемыхъ остальнымъ роднымъ. Но отецъ прожилъ долго, продолжалъ управлять имѣніемъ и тогда, когда всѣ четверо сыновей разбѣлись по разнымъ путямъ въ поискахъ за обеспеченной жизнью, а потомъ и дальше, добиваясь возможно большаго накопленія богатства и почестей. Въ тѣ времена трудно было устроиться гдѣ-нибудь по близости. Дѣти укатили далеко, да и всѣ такъ поступали тогда. Все было ясно, какъ день, вполне прилично, даже слишкомъ обыденно, и все шло великолѣпно. Только одинъ изъ братьевъ какъ-то сразу надѣлалъ семьѣ не мало хлопотъ.

Богѣ порывистый по природѣ, чѣмъ остальные, — быть можетъ, неспособный подчиняться школьной ферулѣ, менѣе симпатичный по уму или темпераментомъ недостаточно стойкій, — Казиміръ раза два переходилъ съ одного факультета на другой, никакъ не могъ установиться въ выборѣ себѣ специальности. Потрачено было не мало лишняго времени; что-то тянуло его въ Канёвку. Послѣ одной изъ вакацій онъ остался и просидѣлъ дома цѣлый годъ. Въ семьѣ стали тревожиться о судьбѣ сына и брата. Никому и не снилось, чтобы онъ могъ остаться здѣсь, въ Канёвкѣ. Было бы это просто пагубой для юноши способнаго и даровитаго; такъ же, какъ и братья, долженъ же онъ сдѣлать карьеру, а кто въ молодости не творилъ глупостей! Не оставаться же ему въ самомъ дѣлѣ экономомъ при дѣлательномъ и, вдобавокъ, деспотичномъ отцѣ! Не зарываться же по уши на выдѣленной ему части Канёвки!

Кто-то намекнулъ на торговлю, на возможность заняться промышленностью, даже ремесломъ, въ сосѣднемъ городѣ, — но всѣ съ негодованіемъ отвергли подобное предложеніе. Идіотъ, что-ли, онъ? Или круглый голякъ? Умственными способностями, слава Богу, не обиженъ. Найдется и маленькій достаточекъ, семейныя связи. Былъ у нихъ одинъ родственникъ, нажившій разными денежными и торговыми спекуляціями, въ одной изъ самыхъ главныхъ столицъ Европы, миллионное состояніе. Считался онъ въ семьѣ всѣми за перворазряднаго финансоваго генія, стоялъ во главѣ не одного громаднаго финансоваго предпріятія. Вотъ куда слѣдуетъ послать Казиміра зарабатывать себѣ хлѣбъ и будущность. Мысль показалась всѣмъ какъ бы откровеніемъ; перстъ Божій указывалъ на существованіе этого человѣка. Правда, о немъ доходили сюда разные слухи, но въ семьѣ не хотѣли ни

слушать, ни громко говорить о нихъ. На этомъ солнцѣ оказывались гангренозные пятна. Что за бѣда! Кому какое дѣло! Нажилъ же, однако, миллионы! Сдѣлавшись у него помощникомъ и ученикомъ, Казиміръ тоже легко разбогатѣть. А что касается „гангрены“, съ какой стати ему заражаться!

Полезнымъ воспользуется, худого самъ не пожелаетъ, вотъ и все. Да полно, такъ ли, наконецъ,—мало ли о чемъ болтаютъ люди? Куда какъ трудно демонстрировать „гангрену“ на тѣлѣ миллионера; то-ли-дѣло у бѣдняка — изъ всѣхъ дыръ одежды полѣзеть. Можетъ быть, сильно преувеличено, какая-нибудь низкая сплетня. Мало ли что скажутъ про человѣка, которому повезло. Отъ одной перспективы жизни въ громадной столицѣ у юноши голова вскружилась. Шутка ли—станетъ помощникомъ великаго финансиста; въ короткое время и самъ, Богъ дастъ, заработаетъ цѣлую уйму. Отправили письмо къ родственнику. Отвѣтъ полученъ самый сердечный. Не медля пустился Казиміръ въ путь, и съ перваго же шага на новомъ поприщѣ золотыя мечты стали быстро осуществляться.

Казалось бы, все на свѣтѣ должно преобразиться для Мидаса въ золото, но и у него въ сердцѣ нерѣдко таится крохотная, зато бессмертная струнка. Стоить только дотронуться до нея, и она издастъ чистый задушевный тонъ. Да, и у Мидаса даже найдется нѣчто не замѣнимое никакой рудой, не пожираемое тѣломъ, ибо оно не руда и не тѣло.

Родственникъ-миллионеръ принялъ Казиміра съ распростертыми объятіями и, подмѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ необыкновенное сходство со своей двоюродной сестрой, которую когда-то очень любилъ въ молодости, просто не выпускалъ изъ дому и приобщилъ къ самымъ близкимъ членамъ семьи. Возникло въ это время одно большое финансовое предпріятіе; Казиміръ сразу сталъ распорядителемъ и соучастникомъ. По смерти отца, братъ выплатилъ причитаемое на его долю за Канѣвку. Напутствуемый благосклоннымъ руководствомъ Мидаса, пустилъ онъ въ оборотъ свои деньги. Изумленію и восхищенію его не было границъ: маленькая сумма росла, какъ на дрожжахъ. Конечно, работа предстояла трудная, лихорадочная; зачастую его выручали способности и охота. Приходилось проводить цѣлыя дни и ночи надъ цифрами; много времени поглощали и другія, связанныя съ его дѣятельностью, обязанности. Зато во время отдыха онъ не брезгалъ развлеченіями, пользовался жизнью во всю. Мидасъ продолжалъ по прежнему покровительствовать; юноша быстро зашагалъ по ступенямъ финансовой лѣстницы, и въ обществѣ приобрѣлъ ува-

женіе. И не одна струна привязанности миллионера къ семьѣ была причиной такого исключительнаго фавора. Этотъ расторопный, живой, съ привлекательной наружностью и мягкими манерами молодой человекъ возбуждалъ всеобщую симпатію и довѣріе. Онъ сталъ необходимымъ орудіемъ для проведенія плановъ и работъ Мидаса. Для громаднаго предпріятія съ большимъ кругомъ кліентовъ молодой человекъ умѣлъ привлекать все новыхъ участниковъ. Благодаря своей живости, изяществу манеръ, а также извѣстнаго рода врожденному добродушію, умѣлъ онъ проникать всюду и говорить съ кѣмъ угодно. Вѣра его въ прочность и подлинность чертога Мидаса дышала такою неподдѣльною искренностью, что ею невольно заражались и другіе. Возникновеніе этой вѣры въ умѣ, по природѣ довольно проницательномъ, слагалось довольно естественнымъ путемъ, можно сказать—почти неизбежно. Способствовали этому убѣжденію недостатки опытности и нѣкоторая горячность характера; завершила же все признательность. Онъ считалъ себя всѣмъ обязаннымъ тому, кто осыпалъ его благодѣяніями. Благодаря своему родственнику, жилъ онъ роскошно и пользовался всевозможными развлечениями; будущность предстояла, повидимому, также полная роскоши и развлеченій. Возможно ли было принимать всѣ эти благодѣянія хладнокровно? Такъ онъ не могъ поступать, и, работая самъ зачастую выше силъ, подводилъ къ алтарю, у котораго служилъ, толпы новыхъ жертвователей. Благодаря его стараніямъ, лился въ кассу Мидаса, правда, крошечный, но зато постоянный ручеекъ золота. Былъ онъ увѣренъ, что ручеекъ превратится со временемъ въ рѣку, изъ которой стануть постоянно черпать полными пригоршнями онъ самъ и всѣ тѣ, которыми подготавлилось это счастье; радѣлъ онъ, разумѣется, въ одно и то же время и Мидасу.

А въ настоящее время, стѣбитъ только ему закрыть глаза и вспомнить о проведенныхъ имъ нѣсколькихъ годахъ въ чертогахъ Мидаса, какъ тотчасъ же возникнетъ предъ нимъ странное зрѣлище. Виднѣется ничѣмъ неограниченное, излучистое пространство, залитое свѣтомъ газа и электричества. Носится легкая мгла, подобно пѣнящемуся шампанскому; міриады золотистыхъ мельчайшихъ атомовъ вихремъ кружатся въ воздухѣ. Въ искусственномъ освѣщеніи, въ этой золотой подвижной мглѣ, въ этой атмосферѣ, пресыщенной ароматомъ газа, вина, духовъ и саж, мелькаютъ и проносятся самые разнообразныя предметы и люди. Порхаютъ цѣлыя гирианды женщинъ съ букетами и вѣерами въ рукахъ, толпы мужчинъ съ сіяющими на груди орденами, мелькаютъ руки въ черныхъ перчаткахъ, съ приподнятыми вверхъ поясами, изогнутыя

въ три погибели надъ письменными столами плечи въ потертыхъ скуртузахъ, ножки бабочекъ, порхающія на театральныхъ подмосткахъ, фраки, бѣлые галстуки, слышится шуршаніе шолка, музыки. Съ громомъ въѣзжаютъ въ широкія ворота кареты, тнются ряды убранныхъ для пиршества столовъ, далѣе—столы, заваленные картами. Попадаются, наконецъ, и такіе, на которыхъ громоздятся цѣлыя кипы бумаги, исписанной цифрами... Цифры! Ахъ, эти цифры! Мерцаютъ повсюду: на лицахъ и костюмахъ, на обнаженныхъ плечахъ, фракахъ, вѣерахъ, изогнутыхъ въ три погибели спиннахъ, въ распаленныхъ зрачкахъ, въ этихъ сѣдыхъ волосахъ, въ несгараемомъ шеафѣ Мидаса. Вокругъ людскихъ головъ носятъ онѣ, вылетаютъ изъ устъ, роются въ воздухѣ; кажется, вся земля и небо ими покрыты. Летаютъ, перекрещиваются, укладываются въ безвѣчные ряды, образуютъ представленіе чего-то непостижимаго по величинѣ. И все это надвигается разомъ; подъ закрытыми вѣками идетъ толпа безъ конца, вертится, исчезаетъ, рассыпается, снова появляется, жмется въ тѣсныя группы, растягивается въ длинную цѣпь... И всегда видѣніе возникаетъ въ какой-то сферѣ, словно въ шарѣ, наполненномъ свѣтомъ газа, иссрацагося мглой милліардовъ золотыхъ блестокъ; ощущается запахъ газа, вина, духовъ и сажн. Чудовищная сарабанда! Стоить только закрыть глаза, приложить ладонь, и снова то же самое явленіе: свѣтъ, танцы, запахъ; извиваются тѣни, какъ саламандры... Молохъ, пожирающій родъ людской—звѣрь апокалипсиса... Въ этомъ человѣкѣ, закрывшемъ ладонью глаза и какъ-то сразу осунувшемся, въ его горькихъ сѣтованіяхъ, легко было подмѣтить болѣзненные ощущенія, имъ испытываемыя, претерѣваемые имъ муки, тяжкія всякому, даже не сознающему отчетливо причинъ подобнаго угнетеннаго состоянія духа.

— Ради Бога, успокойся, Казя!—заговорилъ горячо Романъ.— Плюнь на всѣ эти воспоминанія! Охота отравлять себѣ жизнь!

Какъ бы очнувшись отъ глубокаго сна, Домунтъ обвелъ кругомъ глазами. Солнце уже скрылось за лѣсомъ, тннувшимся по взгорью. Дворикъ и окрестные поля озарены были чистымъ свѣтомъ, немного пріугаснимъ. Отъ сверкавшей у ногъ рѣки повѣяло прохладой родниковой воды; мерцали купами голубенькіе цвѣточки запоздалыхъ незабудокъ; нѣсколько поодаль рѣяли низко ласточки надъ влажнымъ берегомъ, разыскивая кормъ на крупныхъ листьяхъ бѣлой кувшинны.

Небо подернулось багрянцемъ и золотомъ—нѣжнымъ отраженіемъ облаковъ, воспринимавшихъ свѣтъ заката.

Изъ открытыхъ дверей домаа вынырнули, обнявшись, обѣ

фигурки дѣвочекъ, пересѣкли дворикъ и усьлились на бѣломъ холмѣхъ, выросшемъ изъ щепъ и стружекъ. Броня развернула на колѣнахъ книжечку, и обѣ надъ ней наклонились. Сестра Домунта обвила рукою шею подруги и личикомъ прильнула къ ея лицу. Обѣ головки, подобно драгоценной камей съ выдвинувшимися другъ изъ-за друга женскими профилями, рѣзко выдѣлялись на розоватомъ, полупрозрачномъ фонѣ.

Повончили онѣ со всѣми хлопотами по хозяйству, устѣли мимоходомъ нарвать орѣховъ въ сосѣднемъ орѣшникѣ, а теперь, утѣнувшись въ книжечку, сидѣли смиренненько на кучѣ стружекъ. Высоко надъ ними сверкала, подобно полосѣ блѣдно-желтаго золота, свѣже-настланная на амбарѣ крыша.

— Луна! — крикнулъ Домунтъ.

Дѣвочка сорвалась съ мѣста, быстро перебѣжала дворикъ и остановилась какъ вкопанная подъ деревьями, возлѣ брата. Не перемѣняя положенія, только поднявъ глаза, Домунтъ промолвилъ:

— Поцѣлуй мена, крошка.

Она наклонилась и крѣпко-крѣпко поцѣловала его въ лобъ.

— А чтѣ будетъ дальше? — спросила она.

— Пока довольно съ тебя; проваливай, откуда пришла!

Дѣвочка улыбнулась и побѣжала прочь.

— Ей было всего четыре года, когда я покинулъ домъ. Я буквально сходилъ по ней съума, вѣчно таскался съ нею на рукахъ. Шутя пугала меня мать, какъ бы я не задушилъ ее, цѣлуя. И позже, на чужбинѣ, вспоминалъ о ней часто. Вѣдь такъ естественно обожать сестру, особенно крошку! Но вотъ чтѣ странно: когда я вернулся, — долго не рѣшался ее поцѣловать. Чтѣ-то неосознанное отстраняло меня отъ нея: казалось, что я недостойнъ поцѣловать это милое дитя, боялся запятнать своимъ поцѣлуемъ...

А вотъ чтѣ случилось. Рухнулъ наконецъ возведенный Мидасомъ храмъ. Изъ его развалинъ брызнуло фонтаномъ грязи и окатило — не только архитектора, но и главнаго помощника — чѣмъ-то чернымъ, вонючимъ. Ну, конечно, повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Ручея Мидасова кувшина была прочная, долго выдерживала, но, видно, все-таки не изъ тѣхъ, которыя вѣчно сохраняются. А бываютъ и такія. Обломилась. Изъ разбитаго кувшина явно для всѣхъ полился обманъ. Премудро, изобрѣтательно было все устроено, закрались однако опшибочки, онѣ-то и сгубили. Незадолго до катастрофы на горизонтѣ замелькали зловѣщіе предвѣстники. Встревожился, конечно, и счастливый, ревностнѣйшій сообщникъ. Пришлось глаза зажмурить; онъ страшился оскорбить подозрѣніемъ благодѣтеля, а соб-

ственными своими руками оборвать золотую нить веселой, беззаботной жизни былъ уже не въ силахъ.

Обнаружилась впослѣдствіи, наконецъ, и голая правда, обитая яркимъ свѣтомъ, сорвавшимъ всѣ покровы съ причинъ и послѣдствій. Казимиру показалось, что рухнулъ міръ.

Погромъ! Чей? Да его собственный... Но это была лишь мелкая пылинка, почти незамѣтная. Глаза его ослѣпли при видѣ окружавшихъ его развалинъ. Виновникомъ ихъ былъ частью и онъ самъ, непосредственный, дѣятельный, отвѣтственный исполнитель. Отобрали все имущество. Охотно, кажется, пожертвовалъ бы онъ жизнью, лишь бы не видѣть и не слышать того, что происходило кругомъ. Мучился страшно, пока не захлопнулись за нимъ тюремныя ворота.

Боже милосердый! Стоить закрыть только глаза — и мерещится этотъ черепъ мелкаго чиновника Мидасовой канцеляріи, изуродованный pistolетнымъ выстрѣломъ. Кругомъ вопли отчаянія многочисленной семьи. Тутъ и взрослые, и крошки. Ребенокъ, привязанный до безумія къ отцу, прильнулъ губками къ его сѣдому, кровью залитому волосамъ... Ужаснѣе, казалось, и представить себѣ нельзя ничего. Но это не все: пришлось видѣть множество сценъ, въ сущности незатѣйливыхъ, подъ обыденной оболочкой которыхъ разверзлась бездна неправды и несчастія.

Надо самому испытать, чтобы понять, какъ тяжело ложатся на голову человѣка людскія проклятія, исполнѣ заслуженныя имъ за причиненное его же дѣйствіями непоправимое горе. Въ мозгу Казимира завязало нѣчто подобное комару, залетѣвшему въ ухо уснувшаго человѣка, и своимъ вѣчнымъ бречаніемъ доводящаго до сумасшествия. Но не одинъ подобный комаръ, а множество засѣло въ массу, заполнявшей его черепъ.

Толпами неотвязно осаждали его пострадавшіе. Уйти, спрятаться не было никакой возможности — отъ всѣхъ этихъ встревоженныхъ лицъ, вопросовъ, упрековъ, угрозъ; его лишили свободы, подвергли домашнему аресту. Сначала онъ бѣсился, набрасывался на всѣхъ, старался убить въ себѣ сознаніе виновности. Да развѣ онъ желалъ того, что случилось? Онъ и не подозрѣвалъ, конечно, тайныхъ пружинъ того самаго дѣла, надъ которымъ усердно трудился. Развѣ и онъ самъ — не такая же жертва, какъ и всѣ остальные? Но это искусственное одурманеніе совѣсти продолжалось не долго. Вскорѣ бремя дало себя почувствовать, дѣлаясь постепенно все громаднѣе; переносить его становилось, наконецъ, просто невозможнымъ, — налегло стопудовой тяжестью. Когда же захлопнулись за нимъ тюремныя ворота, онъ самъ произнесъ:

„по дѣломъ!“ — и почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Наступилъ періодъ перегоранія въ горнилѣ позора, а навалившаяся на него внезапно непомѣрная тяжесть отчасти облегчала совѣсть. Онъ думалъ: быть можетъ, удастся расквитаться. Готовъ былъ, кажется, жизнью заплатить, но ее вовсе не нужно было никому. Далеко еще худшее, чѣмъ самая смерть — позоръ — казался ему въ то время тѣмъ-то въ родѣ отместки, и это доставляло временно облегченіе. Теперь-то онъ хорошо понимаетъ, что это былъ проблескъ сознанія необходимости воздаянія, уплаты собственнымъ потомъ и кровью сердца за ту кровь и тѣ капли предсмертнаго пота, которыми обливались изъ-за него другіе. Тогда еще не выступало въ немъ это сознаніе вполне опредѣленно. Онъ не могъ даже подобрать ему подходящаго термина. Но, сидя взаперти, перенося тоску и великія муки заключенія, на предварительныхъ допросахъ, когда бросало его поминутно въ краску, при видѣ соучастниковъ на скамьѣ подсудимыхъ, въ теченіе этихъ двухъ смертельныхъ дней, когда въявь предъ лицомъ всей громадной столицы взвѣшивалась судьба его чести и всей будущности, онъ твердилъ себѣ постоянно: „и по дѣломъ, и по дѣломъ“. Тягчайшія изъ всѣхъ мукъ, которыя онъ переносилъ, казалось, доставляли ему наиболѣе сокровенной утѣхи, дѣйствовали утишающимъ бальзамомъ на ту рану, которая болѣе остальныхъ сочилась кровью подъ давленіемъ стопудоваго бремени. Когда же прозвучало слово: „невиновентъ“, когда объявлено было ему, что онъ можетъ вернуться снова въ общество, какъ одинъ изъ его членовъ, свободный и заслуживающій уваженія, когда снята была съ него всякая отвѣтственность, за исключеніемъ одной только, затаившейся глубоко въ немъ самомъ, — онъ почувствовалъ себя безгранично, неутѣшно несчастнымъ.

И Казиміръ умолкъ, взволнованный, измученный; взглянувъ же на Романа, онъ смѣшался и изумился.

— Чтѣ съ тобой, Ромикъ? На глазахъ у тебя слезы; пожалуйста не отворачивайся, — все равно, я уже видѣлъ. Жалѣешь меня, старика, мой милый?..

Романъ, видимо, старался побороть волненіе и воскликнулъ:

— Чортъ побери этихъ спекулянтовъ, разбойниковъ, банкротовъ! Но ты можешь смѣло сказать, что въ этомъ дѣлѣ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ хотя одинъ человекъ, обладавшій душой.

— Кто бы это могъ быть? Я?.. Неужели я?.. Боже милостивый! Ну, ужъ нѣтъ. Оказался я тогда во всѣхъ отношеніяхъ ничтожествомъ, и теперь только начинаю помаленьку подыматься. Въ нашемъ захоlustѣ, ты не знаешь, есть травы, изъ которыхъ сочится цѣлительный бальзамъ. Когда я рѣшился не уѣзжать ни-

силу изъ жилъ. Выходило такъ: эта земля, этотъ воздухъ, это небо—навозная куча; сюда падаетъ только то, что тамъ далеко загрязнилось, изодралось; все свѣжее, сильное бѣжитъ отсюда. Каждый разъ мысль эта будила въ Казимірѣ негодованіе, и прежде всего на себя самого. Между тѣмъ впереди ничего болѣе не предстояло, у него самого не оставалось болѣе за душой ни конѣйки. Тянулись долги, мучительныя недѣли абсолютной бездѣятельности и полнѣйшаго самоуглубленія и привели его наконецъ на дно пропасти, заселенной страшными призраками. Имъ обуяло бышеное желаніе бѣжать хотя бы чрезъ врата смерти.

А маленькая сестричка такъ и льнетъ. Съ наивной горячностью она спѣшитъ предупредить всѣ его желанія, вспоминаетъ съ увлеченіемъ о его нѣжныхъ ласкахъ въ старину, увѣряетъ, что сохранила до сихъ поръ еще смутное о нихъ воспоминаніе. Но маска холодности пугаетъ, раздражаетъ болѣзненно дѣвочку, а Казиміръ считаетъ себя недостойнымъ дружбы и ласкъ ребенка. Онъ боится пуще огня приблизить къ себѣ это невинное созданіе, опасается, какъ бы не запятнать ее кровью и грязью, крѣпко приставшими къ нему. Луна мучилась и недоумѣвала.

Въ ея дѣтскомъ воображеніи братья, почти незнакомые ей, становились героями одного изъ тѣхъ миеовъ, которые нерѣдко слагаются въ грезахъ дѣвицъ, подростающихъ вдали отъ свѣта, одѣленныхъ отъ природы зародышами мечтательности. Дѣвочка идеализировала своихъ любимцевъ, молилась на нихъ, ревниво оберегала ихъ славу. Никто ей не перечилъ, а мать первая раздѣляла ея заблужденія. Какъ-то разъ, сидя за столомъ, дѣвочка разболталась,—съ ней случалось это очень рѣдко. Начала она громко восхвалять достоинства своихъ героевъ. При свѣтѣ висѣвшей надъ столомъ лампы, стала она по пальцамъ перебирать всѣхъ своихъ любимцевъ. Изъ-подъ густыхъ, волнистыхъ волосъ глазки засверкали воодушевленіемъ.

— Первый—Марцелъ. Совсѣмъ его не помню. По фотографіи только и знаю, каковъ онъ съ виду. Умѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ. Ведетъ громадныя предпріятія. Такіе великогѣпные проекты сочиняетъ, да еще какіе трудные; у другого голова бы лопнула отъ нихъ, а ему ни почемъ. За что ни возьмется—все ему удастся. Иначе и быть не можетъ: черезъ-чуръ уменъ, энергиченъ и трудолюбивъ. Онъ и теперь богатъ, разбогатѣетъ со временемъ еще больше, вернется когда-нибудь въ Канѣвку, всѣ мы къ тому времени состаримся—вотъ когда заживемъ на славу. Другой—Адя. Этого я немножечко знаю. Два года тому назадъ, помню, пробылъ у насъ цѣлый мѣсяцъ. Такой

славный и веселый! Куда ни появится — всё барышни такъ и льнутъ. Третій—Феликсъ; не такъ красивъ какъ Ада, зато трудолюбивый.. Совсѣмъ заработался, не можетъ, бѣдняжка, и мѣсяца урвать, чтобы насъ навѣстить. Зато, хотъ онъ и помоложе Ади, мѣсто занимаетъ много повыше. Всѣ говорятъ, скоро поидеть дальше, а потомъ и еще дальше.. Четвертый—Казя...

Дѣвочка чутьчку запнулась. Глаза ея усталились на присутствующаго героя. И воскликнула наконецъ съ жаромъ:

— Казя добрый, добрый!.. Никогда не забуду, какъ любилъ и лелѣлъ онъ меня, когда я была еще совсѣмъ маленькая. Добрый, благородный... самый хорошій! честиѣ его нѣтъ никого на свѣтѣ!

И почему именно качества доброты и благородства, занявшія въ ея дѣтскомъ мнѣнїи центральное положеніе, сосредоточились главнымъ образомъ на одномъ только изъ ея братьевъ?

Быть можетъ, глубоко засѣвшія воспоминанія, подхваченныя ребенкомъ на лету въ разное время, намеки и отдѣльные штрихи сложились сами собой въ цѣльное, опредѣленное представленіе. Луна сорвалась со стула и побѣжала къ своему герою съ распростертыми объятіями.

Казиміръ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ и сразу же затѣмъ на лицѣ, подергиваемомъ нервными судорогами, выступили яркія пятна. Онъ отодвинулъ съ шумомъ стулъ и выбѣжалъ изъ комнаты. Хотя бы слово кто успѣлъ проронить. Молча разошлись сестры, а мать заохала. Луна забила въ темный уголъ, заплакала навзрыдь. А онъ шагаль въ отдаленномъ углу сада. Боже милосердый! чего только не въ состояніи ребенокъ наболтать... Четыре героя! Одинъ наживаетъ огромное состояніе, въ другого всѣ барышни влюблены, третій мѣтитъ въ сановники, четвертый —онъ-то, Казиміръ—благороднѣйшій и лучшій изъ людей... ха, ха, ха! Надо бы добавить: воръ, банкротъ, сорвавшійся только-что съ цѣпи...

О, несчастное дитя! Какихъ богатырей нарисовало ея воображеніе, воспаленное полетомъ болѣзненной фантазіи!

Въ каневскомъ саду былъ большой прудъ. Когда-то блестящая его поверхность служила украшеніемъ всего сада, а теперь затянута тиной; у береговъ прудъ повысохъ и подернулся зеленой плесенью. Но по прежнему росли кругомъ деревья; между ними выдѣлялись четыре молодые черные тополя, довольно уже высокіе. Въ семьѣ звали ихъ именами четырехъ сыновей. Подражая принятому во многихъ домахъ стародавнему обычаю, каждый разъ при появленіи на свѣтъ сына, старикъ-отецъ сажалъ соб-

ственными руками по одному деревцу. Тополь Марцелла переросъ всѣхъ и выдавался дѣйствительно какъ старшій братъ. Казиміръ остановился у корней своего дерева, охватилъ его рукой и прислонилъ холодный свой лобъ къ стволу.

Надвигался весенній вечеръ. Вѣяло влагой отъ только-что переставшаго накрапывать дождя. Звѣздочки мигали изъ-за разорванныхъ облаковъ. Гонимыя порывистымъ вѣтромъ, облака бѣжали по небу на подобіе возбужденныхъ волнъ. Мясистые листья тополя, подбрасываемые напоромъ шевала, хлопали какъ крылья, а росшія вблизи липы шумѣли нѣсколько иначе: гудѣли басомъ и помягче. Посреди всего этого разнообразнаго шелеста прудъ отливалъ подобно шахтѣ слегка потускнѣвшаго серебра, утопая постепенно въ вромѣшной пропасти непроглядной темноты. Суровый, нѣсколько пасмурный свѣтъ послѣ недавно минувшей зимы ложился на окрестности таинственно заманчивыми бликами.

Подъ тополемъ и хлопавшими непрерывно, на подобіе крыльевъ, листьями, Казиміръ не замѣчалъ ничего — ни колорита, ни его красоты.

Еще одно мгновеніе — и все прекрасное и уродливое должно вмѣстѣ исчезнуть для него навѣки.

Въ душѣ его нѣтъ ни отчаянія, ни даже тѣни горя. Руки и лобъ похолодѣли. Онъ весь сталъ какой-то ледяной, и морально, и физически. Никого и ничего не жалѣетъ онъ болѣе. Все принимаетъ въ его глазахъ размѣры ничтожества, безъ всякаго значенія, въ виду чего-то невѣдомаго, но вѣчнаго, внезапно насунувшагося, подхваченнаго властною рукой. Много дней размышлялъ онъ уже надъ тѣмъ, что ожидаетъ его тамъ... по ту сторону жизни. На днѣ души гдѣ-то притаилась вѣра въ Бога, добро и милосердіе, неизвѣданныя имъ здѣсь, на землѣ. Страшно тосковала душа его по нимъ, а оставаться здѣсь онъ не хотѣлъ ни за что.

Изъ всѣхъ земныхъ привязанностей одна только чуть-чуть теплилась, впрочемъ слабая; прежде онъ ее не примѣчалъ, не могъ даже назвать по имени.

Было это — неясное, едва сознаваемое, инстинктивное влеченіе къ этому дереву. Мать подводила его къ нему съ той самой поры, какъ онъ сталъ еле-еле бродить. Указывая на него, она говорила: „гляди, это твоя осокорь, а вотъ тѣ — Марцелла... Ади... Феликса... это твоя“. Когда мальчикъ сталъ подростать, случилось ему привязываться къ тоненькому стволу чолнъ и плавать по пруду. А потомъ подъ сѣнью разросшагося дерева онъ прочитывалъ первыя книжки, упивался первыми грезами юности. Въ цѣломъ мірѣ одно только это дерево теперь было въ состояніи возбуж-

дать нѣкоторую слабую привязанность. И охвативъ его рукой, онъ прислонилъ лобъ въ его стволу. Родная осокорь, собственность его, единственная оставшаяся у него на свѣтѣ вещь! Другъ, не вѣдавшій о томъ, что съ нимъ произошло, приметъ его въ свои объятія. Не даромъ же надъ его головой такъ таинственно торопливо лопочетъ мясистая листва тревожно хлопающими крыльями.

Голова и рука поднялись вверхъ; что-то постороннее мельнуло и зацѣпилось между продолжавшими похлопывать листьями. Одинъ конецъ повисъ на суку, а другой застылъ гдѣ-то между пальцевъ, завязывавшихъ судорожно въ узелъ. Но прежде, чѣмъ эти холодные пальцы неспѣшно, но безповоротно успѣли докончить свою работу, желѣзнымъ кольцомъ обвила ихъ чья-то рука, а другая, заботливо предупреждая всякую возможность сопротивления, схватила за плечо и отбросила Казимира далеко отъ дерева. И въ тотъ же самый моментъ, среди мрака отъ набѣжавшихъ громадныхъ тучъ, пронесся сдержанный голосъ, дышавшій ужасомъ и гнѣвомъ:

— Такъ я и зналъ, этого только и опасался!.. Какъ только мнѣ сказали, что ты уже съ часъ прогуливаешься въ темномъ саду, я немедленно бросился искать тебя, и почти былъ увѣренъ, что застаю тебя именно въ этомъ состояніи... Какія вы всѣ слабыя и ничтожныя душонки!..

И говорившій вздохнулъ глубоко, высоко всколыхнулась грудь его и еще больше распалился его гнѣвъ.

— Только пакостить умѣете, а какъ дѣло коснется исправленія, отвѣтственности — бѣжите! Небось любо было жить припѣваючи. Игрушку отняли, даютъ въ руки лемехъ — такъ на попятный? Чего добраго, надумалъ еще — оттолкну, дескать, ногою жизнь, когда она перестала доставлять одно наслажденіе, выкажу полное мужество, геройство... Такъ, что-ли? Заруби себѣ на носу: нѣтъ ничего легче, въ какомъ хочешь положеніи, стать бѣглецомъ. Каждый трусъ на это только и способенъ: улепетывать передъ первой встрѣчной опасностью! Экая, подумаешь, невидаль — покончить счеты съ жизнью! Нѣтъ, милый, никакого права не имѣешь. Небось въ долгахъ по уши, — заплати-ка прежде долгъ!

Чѣмъ-то суровымъ, безжалостнымъ почти дышала эта рѣчь, быстрая, отчетливая, гнѣвная, но положительная. Сдерживаемый сильными руками, Казимиръ все рвался, порывался сопротивляться.

— Какое имѣешь ты право? — шипѣлъ онъ злобно.

Другой и вниманія не обращалъ на его протесты, продолжая все въ прежнемъ тонѣ:

— Ты уже разъ пробовалъ удрать отъ трудовой жизни. И ловко же тебя за это отдѣлали! Теперь снова собрался улизнуть, не заплативъ долга... Этакъ, братецъ, поступать не годится, да и глупо. Северно и глупо. Все равно, что сунуться въ огня да въ полымя. Давно уже хотѣлось мнѣ поговорить съ тобой, затѣмъ только и пріѣхалъ сегодня. Ну, и въ самую пору...

Казиміръ рванулся снова.

— Какое ты имѣешь право требовать отъ меня то, что я обязанъ дѣлать и чего не долженъ дѣлать?

Тогда собесѣдникъ, придерживая его одной рукой, опустилъ другую ему на плечо и произнесъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Право брата! Что же ты думаешь, быть можетъ, по твоему мы чужіе? Ошибаешься. Мы съ тобою братья вдвойнѣ. Кто же тебя полюбитъ несчастнаго и опозореннаго, — слышишь? Знай, я люблю тебя и сердечно. Если тебѣ не на кого опереться, обопришь на меня. Мнѣ же ты дѣлаешь одолженіе, — я для того только и живу. Мы — дѣти одной земли. Я — твой братъ вдвойнѣ.

Захваченный врасплохъ, Казиміръ разрыдался. Родные братья были далеко, да ихъ почти и не зналъ онъ. Этотъ, очутившійся возлѣ него, обращался теперь съ нимъ мягко, какъ съ больнымъ ребенкомъ.

— Помолись, Казя!

Изъ-за быстро несущихся тучъ замелькали звѣздочки. При ихъ мерцаніи, на темномъ фонѣ, лицо Стефана вырѣзывалось какъ видѣніе доброй, дышущей глубокимъ проникновеніемъ силъ...

До поздней ночи, запершись въ комнатѣ, бесѣдовалъ Стефанъ наединѣ съ Казиміромъ. Утромъ на другой день онъ повелъ Луню въ садъ.

— Надо будетъ Казю — заговорилъ онъ — полюбить еще больше. Пожалуйста, не называйте его самымъ лучшимъ изъ людей. Бывайте съ нимъ какъ можно чаще, помогайте ему во всемъ.

— Да онъ не обращаетъ никакого вниманія на мою привязанность! Отворачивается, бѣжитъ отъ меня! — со слезами въ глазахъ стала причитывать дѣвочка.

— Этого больше не будетъ, повѣрьте! — успокоивалъ Стефанъ. — Помни одно, Луна: своей сердечной привязанностью много хорошаго можешь сдѣлать для Казя.

Печальные глазки дѣвочки разгорѣлись радостью и гордостью. Сердце ея сильно забилось при одной мысли о важности

возложенной на нее миссии, все величіе которой она скорѣе чужла, чѣмъ понимала.

Вслѣдъ затѣмъ пришло письмо отъ Марцелла съ требованіемъ, чтобы братъ какъ можно скорѣе собирался въ путь къ нему. Братъ предлагалъ свою помощь, поддержку и обѣщалъ скоро загладить прошлое. Вмѣстѣ съ письмомъ Казиміръ отправился въ Дарновку. Не доѣзжая до дому, онъ увидѣлъ Стефана, шедшаго за плугомъ. Казиміръ слышалъ кое-что и прежде о его личномъ земледѣльческомъ трудѣ, но въ первый разъ доводилось убѣдиться въ томъ самому. Дойдя до конца межи, Стефанъ остановилъ плугъ, прочелъ письмо старшаго Домунта и спросилъ спокойно:

— Что же, ѣдешь?

Казиміра нѣсколько покорило.

— Какъ ты можешь это спрашивать?

Стефанъ отвѣчалъ просто:

— Ступай за мной.

При блѣдномъ золотистомъ свѣтѣ апрѣльскаго солнца нѣсколько плуговъ тянулось по черной полузвѣрженной землѣ, взрѣвая тяжелыми лемехами глубокія борозды. Жаворонки оглушительно заливались надъ сосѣднимъ полемъ уже зеленѣющей озими. Стефанъ, а за нимъ слѣдомъ и Казиміръ, подошли къ одному изъ плуговъ, стоявшему на половинѣ межи.

— Отецъ,—заговорилъ спутникъ:—научи его пахать!

И съ этого самаго дня сталъ Казиміръ спать спокойно; снились ему иногда очень счастливые сны, во все еще не покидали его прежнія сомнѣнія.

Что-жъ? Пахать, сѣять, рубить, пилить умѣютъ и безграмотные—это заурядный ихъ трудъ. Онъ же можетъ читать свободно, знаетъ и еще многое другое. Куда же дѣвать весь этотъ ненужный здѣсь балластъ? Завалить, что-ли, куда-нибудь подальше весь этотъ хламъ, какъ вещь совершенно ненужную? Какъ будто и жалъ! Разъ случилось разговориться по этому самому предмету со Стефаномъ, а тотъ, по своему обыкновенію, выслушалъ его внимательно, да и отрѣзалъ:

— Ахъ, братецъ ты мой, какой ты вздоръ мелешь! Еслибы ты даже во сто кратъ былъ ученѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и тогда, повѣрь, не могло бы быть лишнимъ это доброе зерно. Слушай, я тебѣ поясню иносказательно: представь себѣ—вносятъ въ темную комнату лампу; людямъ, находящимся во мракѣ, сразу же дѣлается веселѣй и удобнѣй. Свѣтъ освѣщаетъ ихъ лица и работу, а если кому понадобится за тѣмъ-либо идти, теперь уже,

само собой, не стукнется онъ лбомъ объ стѣну. Свѣтъ лампы прокладываетъ каждому дорогу. А если такихъ лампочекъ станетъ еще больше, получится яркая иллюминація, — не такъ ли? Ну, и ты свѣти во славу Божію!

Романъ поднялся съ травы, увлажненной уже холодной росой, и залюбовался, глядя кругомъ. Багряная зари загоралась за лѣсомъ, покрывавшимъ взгорье. Въ блескѣ ея, постепенно сливавшемся въ воздухъ, вмѣстѣ съ надвигавшимся мракомъ, высоко вырѣзывался тоненькій ободокъ нарождающагося мѣсяца.

Романъ сразу почувалъ, что надъ этимъ неоконченнымъ домикомъ, небрежно обнесенномъ заборчикомъ, надъ всѣмъ небольшимъ дворикомъ усадьбы, кромѣ зари, мрака и мѣсяца, возносилось нѣчто недоступное вѣшнимъ чувствамъ, льющееся широкой волной въ душу. Ему казалось, что вмѣстѣ со свѣтомъ зари и мерцаніемъ мѣсяца возносился надъ этой мѣстностью отблескъ того столпа огненного, который освѣщаетъ пути человечеству. Когда этотъ столпъ пламенѣетъ, люди направляются прямо къ землѣ обѣтованной; когда тухнетъ, они начинаютъ блуждать; иные погибаютъ. Онъ это почувалъ, онъ ощутилъ въ душѣ своей нѣкій новый полетъ, достигавшій самой вершины пламенѣвшаго столпа и какъ-то сразу ринувшійся внизъ опять къ его стопамъ. Стоялъ онъ въ глубокомъ раздумьѣ, сильно встревоженный. Наконецъ, промолвилъ:

— Не знаю. До сихъ поръ никакъ не могу сообразить, какимъ образомъ найдутся у кого-либо силы отъ всего отречься и перенести такъ много.

Въ эту самую минуту въѣзжала во дворикъ запряженная парой лошадей бричка. Изъ Канѣвки, находившейся въ нѣсколькихъ верстахъ, прислали экипажъ за Луней. Броня подошла къ Роману.

— Если ты желаешь, Ромикъ, здѣсь остаться, я и одна могу вернуться домой.

— А волковъ не боишься? — отнесся шутливо Романъ.

— Волковъ, положимъ, теперь не полагается. А вотъ еслибы Ромику вздумалось прогуляться одному, навѣрное пришлось бы ему до утра пробродить по лугамъ. Дороги вѣдь не знаешь! — отрѣзала бойко дѣвочка.

VII.

Дни проходили за днями. Романъ все еще не собрался окончательно покинуть Дарновку. Часто навѣщалъ онъ Казиміровку. Оставался тамъ подолгу, — иногда заглянетъ на минуту одинъ или

съ Броней вмѣстѣ. Когда Казимиру бывало недосугъ, Романъ читалъ что попаало, сидя надъ рѣчкой, рвалъ съ дѣвочками орѣхи въ орѣшникѣ или же гулялъ по полю по направленію къ Гуровскому замку, а то и подальше—по дорогѣ къ костелу въ Завроцѣ. Замокъ сталъ сильно его интересовать, словно манило его къ нему постоянно. Казимировка и Гуровъ—какая громадная разница по мѣстности и окружающимъ ихъ лѣсамъ! Ужъ если здѣсь „лампочка“, то тамъ навѣрное величественный маякъ, пламенѣющій высоко, способный разогнать хракъ какихъ угодно пространствъ. И какъ свѣтитъ ярко! Блистаетъ примитивно, безъ особыхъ усилій, не надо ни лишней, ни выбора—зачастую совсѣмъ не легкаго. Разъ какъ-то онъ выразилъ даже дядѣ желаніе взглянуть когда-нибудь поближе на Гуровъ, если можно.

— Хорошо бы осмотрѣть эту красивую мѣстность,—пояснялъ онъ далѣе.—Надъ всѣми окрестностями высится этотъ центральный пунктъ на подобіе дозорной башни.

— Что же, пожалуй,—отвѣтилъ ему старикъ лѣнливо.—Отчего же и не поглядѣть! Башню, какъ ты говоришь, можно будетъ осмотрѣть сколько твоей душѣ угодно... ничего не подѣлаешь. Разумѣется, можно... Башня! а и впрямь что такъ... Вотъ тоже, какъ, бишь, ты сказалъ? Центральный пунктъ... Ну да, понятно, понятно. Весьма удачно охарактеризовалъ ты резиденцію Олавицкихъ, ничего не подѣлаешь, подлинно такъ. Да, да, въ самомъ дѣлѣ, центральный пунктъ, тоже и дозорная башня... Когда-нибудь съѣздимъ и туда.

Хотѣлось Роману также посѣтить костелъ завроцкій, и о немъ онъ имѣлъ довольно смутныя, сколько помнится, но довольно заманчивыя воспоминанія.

Собирая разъ орѣхи съ Броней, онъ спросилъ:

— Когда же мы поѣдемъ въ костелъ? Вотъ уже двѣ недѣли какъ я гошчу у васъ, а ни разу еще мы не собрались туда.

— Видишь ли, мамаша все прихварываетъ, дождь постоянно льетъ. Впрочемъ, на Успенье непременно поѣдемъ.

— Когда же это будетъ?

— Боже мой, ты и этого не знаешь, когда Успенье? Скажи, какое сегодня число?

— Почему я знаю? Живя у васъ, и счетъ днямъ позабудешь... кажется, двѣнадцатое...

— Вотъ видишь ли, Успенье пятнадцатаго... среда, четвергъ, пятница, суббота... значитъ, въ субботу.

Броня сообщила встати, какъ ей не хотѣлось сегодня уходить изъ дому, несмотря на торжественное обѣщаніе, данное ею

своей подружѣ Лунѣ, собиравшейся тоже навѣстить Казиміровку. Ее очень беспокоитъ Иря.

— И такая, не повѣришь, тоска напала, сама не знаю почему,—продолжала отервенничать дѣвочка.—Просто страхъ брать за Ирю.

— Расскажи, расскажи, что такое случилось съ кузиной Иреной?

Оказалось, что Броня и сама ничего не знаетъ, но по ея догадкамъ съ Иреной происходитъ что-то такое очень неладное. Въ этомъ она твердо увѣрена. Или Ирена больна, или сильно чѣмъ-то огорчена, что-нибудь изъ двухъ. Съ нѣкоторыхъ поръ перестала даже съ нею болтать, не проронить ни словечка—ни во время уроковъ, ни послѣ, какъ бывало прежде. Никогда-то не запоетъ, не засмѣется, а иногда такъ задумается, что, кажется, еслибы кому вздумалось выстрѣлить у нея надъ головой—пожалуй не услыжала бы.

— На прошлой недѣлѣ,—щебетала дальше дѣвочка,—у мамы сдѣлалась мигрень. Почти цѣлый день просидѣла Иря у нея въ комнатѣ,—я еще тогда хозяйничала.

— Помню великолепно этотъ знаменитый день,—перебилъ ее Романъ.—Напялила новый фартучекъ, расфуфырилась по праздничному, но это нисколько не помѣшало тебѣ разбить двѣ тарелки, да въ придачу стаканъ...

— Ты все шутишь, Ромикъ, а я чуть не плачу.

— Господи, Бронѣ плакать хочется! Свѣтопреставленіе, что-ли, наступаетъ?—продолжалъ по прежнему шутить собесѣдникъ.

— Перестань, Ромикъ, балагурить. Слушай, что будетъ дальше...

И онъ прислушивался внимательно къ словамъ дѣвочки. Шуткой маскировалъ онъ передъ ней, быть можетъ, даже передъ самимъ собою, то внутреннее волненіе, съ которымъ ловилъ онъ жадно извѣстія о предполагаемой болѣзни или большомъ горѣ Ири. Въ томъ, что рассказывала Броня, не было, однако, ничего особенно необыкновеннаго. Дѣвочка подмѣтила на этой недѣлѣ одно только: разъ вошла она въ плотно завѣшенную комнату страдавшей мигренью матери и увидѣла Ирю, стоявшую на колыняхъ у кровати. Тихонько что-то шепоткомъ передавала она, глаза немного заплаканные. Такъ, пустяки... Даже платочка не вынула изъ кармана. А впрочемъ Броня сама видѣла—въ глазахъ у Ири стояли слезы. Раньше никогда не замѣчала ничего подобнаго у нея. Часто ухаживаетъ за больной мамой, постоянно, но чтобы она шепталась или плакала—этого Броня прежде не примѣчала.

Вѣроятно, на душѣ у нея какое-нибудь великое горе, можетъ

быть, и больна. Всякій разъ, какъ только Броня ее спросить, отчего она теперь совсѣмъ иная, та отвѣчаетъ словно по заказу: „голова болитъ“. Опять что-то такое новенькое. До сихъ поръ Иря никогда не хворала.

И Романа взяло раздумье. Вмѣсто орѣховъ, онъ рвалъ прежде съ куста жесткіе листья орѣшника. Бесѣда продолжалась безъ перерыва; они забрались въ самую чащу высокаго, густого орѣшника, склонившаго ихъ отъ всего остального міра божьяго. Броня первая забралась вглубь, за ней слѣдомъ и ея собесѣдникъ, оставивши немного позади Луню. У дѣвочки полный фартукъ, всѣ карманы набиты орѣхами. Рыжеватая блестящая скорлупа таращится изъ жесткой блѣдно-зеленоватой опушки. Много еще остается ихъ висѣть по кустамъ. Съ лихорадочной поспѣшностью суетъ дѣвочка полныя пригоршни Роману, заставляя его набивать всѣ карманы куртка. Если не хватитъ мѣста, предлагаетъ даже класть въ шапку.

— Это для Ири. Она обожаетъ орѣхи, и такъ смѣшно ихъ грызеть! Наберетъ полонъ ротъ, пойдетъ трескъ, и въ минуту все кончено. Такъ скоро, какъ она, никто не сумѣетъ сгрызть, даже я. Папаша и Стефикъ хохочутъ до упаду, когда Иря приметъ по-своему расправляться съ орѣхами...

Дѣвочка захохотала. Смѣхъ и горе, горе и смѣхъ, смѣнялись у нея секунда за секундой. Отбирая отъ Брони горсть за горстью орѣхи и набивая ими карманы, Романъ оставался по прежнему задумчивъ. Вскорѣ они выбрались окончательно изъ орѣшника. Маленькія подружки горячо зашептали о чемъ-то передъ своимъ разставаньемъ, а Романъ, идя съ Домунтомъ, у воротъ двора спросилъ его:

— Ты не знаешь, отчего Богданъ Росновскій перестать ѣздить въ Дарновку? Съ тѣхъ поръ, какъ я тамъ гощу, онъ не былъ ни разу, а между тѣмъ...

— Съ нимъ былъ опять припадокъ лихорадки. Не помню, кто именно изъ Завроца сообщилъ мнѣ объ этомъ. Болѣзнь, надо полагать, какая-то злокачественная, упорная.

— И что это за странная исторія съ этой лихорадкой Росновскаго, съ этой собакой его и вообще съ его чудачествами?— полумронически, какъ бы нѣхотя, проронилъ Романъ.

А въ головѣ его неотступно вертѣлась фраза: „мучается и плачетъ, хотя и не прикладываетъ платочка къ глазамъ“. Ухаживатель не пріѣзжаетъ; думаетъ, вѣроятно, упустила, можетъ быть, совсѣмъ потеряла. Понятно!—естественнѣе этого ничего и быть не можетъ... Двадцать-пять лѣтъ... полный расцвѣтъ молодости.

А претендентъ рѣдкостный, какъ черный лебедь. И партія, дѣйствительно, великолѣпная.

О лихорадкѣ Росновскаго кое-что слышалъ и Казиміръ; была это исторія довольно интересная. Все, что зналъ, Домунтъ рассказалъ Роману. Въ бору, ввѣренномъ управленію Росновскаго, находился довольно обширный районъ, весьма мало изслѣдованный. Всѣ сторонились отъ него, опасаясь тѣжкой, иногда кончающейся смертію заразы.

Лѣсъ и дѣйственная почва, вѣчно увлажненная, однимъ словомъ, совершенный дичокъ, изрыгавшій губительную лихорадку. Предшественники Богдана проносились птицей по этой мѣстности, концами крыльевъ лишь касаясь зловѣщей почвы. Онъ дѣйствовалъ совершенно наоборотъ: поселился тамъ на довольно долгое время, измѣрилъ пространство, сдѣлалъ точную расцѣнку лѣса, доказалъ возможность оздоровленія мѣстности. Описалъ подробно, сдѣлалъ какъ бы новое открытіе. Ютился по избамъ лѣсниковъ или въ наскоро сколоченныхъ шалашахъ. Подчиненные, понятно, неохотно посѣщали его въ этомъ грозномъ мѣстѣ. Единственнымъ товарищемъ и другомъ оставалась для него постоянно его собака „Свой“.

— Песъ?

— Да. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ захватилъ онъ его съ собою изъ Завроца еще щенкомъ. Повидимому, Богданъ привязанъ къ нему до смѣшного, граничащаго почти съ помѣшательствомъ...

— Надо полагать—незамѣтнымъ, такъ какъ это нисколько не мѣшаетъ ему считаться хорошей во всѣхъ отношеніяхъ, даже блестящей партіей,—замѣтилъ Романъ.

Домунтъ расхохотался.

— И откуда взбрела тебѣ въ голову эта фантазія?

— Да вѣдь всѣ твердятъ, что этотъ лѣсной герой приударяетъ за Иреной. Говорятъ даже, что это несомнѣнный фактъ.

— Положимъ,—подакнулъ Домунтъ.—Я и самъ не разъ заставлялъ его бесѣдующимъ съ нею; замѣтилъ даже отчетливо—ему она дѣйствительно нравится.

— Ну, а какъ она смотритъ?—спросилъ Романъ.

Домунтъ пожалъ плечами.

— Не знаю... Пожалуй... Что-жъ, хотя она всегда показываетъ видъ, что вполне довольна своимъ положеніемъ... Знаешь, ухаживаніе, выходъ замужъ—вотъ чѣмъ почти всегда оканчивается положеніе незамужней женщины. Положимъ, нѣкоторые ея основныя убѣжденія не особенно гармонируютъ съ личностью Бог-

дана, но... почему знать? Сердце своевольно... особенно у женщинъ.

— И у мужчинъ бываетъ частенько,—съ нѣкоторою горечью добавилъ Романъ.

Они уже подходили къ концу межи, заросшей голубоватымъ цикоріемъ, когда нагнала ихъ Броня, вся запыхавшись отъ быстрого бѣга.

— Хороши, нечего сказать! Не могли немного обождать!—тяжело дыша, выговаривала дѣвочка друзьямъ, но тотчасъ же спокойно уцѣпилась за руку брата и затараторила дальше:—Луна и не думаетъ уѣзжать изъ Казиміровки ни завтра, ни послѣ-завтра. Она мнѣ передавала по секрету, что ей съ каждымъ разомъ все тяжелѣй становится разставаться съ братомъ. А когда онъ перейдетъ на постоянное жительство въ Казиміровку, она рѣшилась остаться тамъ вмѣстѣ съ нимъ навсегда. Говорить, что и мамаша соглашается...

— Отдаютъ мнѣ мою крошку подъ видомъ хозяйки и ученицы,—усмѣхнулся Домунтъ.—Бѣдняжка страшно ко мнѣ привалялась. Возложенную на нее Стефаномъ обязанность она до такой степени приняла къ сердцу, что теперь я сдѣлался единственной цѣлью всѣхъ ея помысловъ и мечтаній.

И всѣ смолкли. Нѣсколько минутъ спустя, Казиміръ отозвался:

— Велико благодареніе, дарованное намъ на этомъ свѣтѣ! Почти всегда человѣкъ можетъ повстрѣчать на своемъ пути какое-нибудь сердце, хотя бы и крохотное, но близкое, свое. И становится оно источникомъ Леты, а вмѣстѣ и Кастальскимъ ручьемъ, такъ какъ даруетъ забвеніе, и утѣху.

— Не всегда такъ бываетъ,—возразилъ Романъ.

Онъ взглянулъ вверхъ и обвелъ взоромъ горизонтъ. На этомъ широкомъ бѣломъ свѣтѣ, вдоль и поперекъ, не было у него сердца близкаго, своего...

Едва успѣли они пройти мимо шумящаго маленькаго водопада съ возносившейся надъ нимъ небольшой пирамидкой въ видѣ купы осинъ, повитыхъ хмелемъ, Броня вытянула впередъ ручку и крикнула:

— Идутъ намъ на встрѣчу. Видишь, Ромикъ? А вы, Казиміръ, замѣчаете эти три фигуры? Это мама, Иря... а кто третій? Далеко, не могу признать...

— А я знаю,—проговорилъ Домунтъ небрежно:—и не скажу. Ну-ка, Броня, отгадай...

— И я знаю... Видишь, Ромикъ, собаку? Я-то вижу. Это „Свой“; какъ онъ припустился къ намъ! Гдѣ „Свой“, тамъ и его

господинъ, Росновскій. Неразлучные, постоянно ведутъ бесѣду другъ съ другомъ.

— Какой вздоръ, Броня! Развѣ можно бесѣдовать съ псомъ?

— Самъ увидишь, Ромикъ. „Свой“ даже очень многое умѣетъ высказать...

— Оставь пустяки молоть! Станетъ тебѣ собака говорить.

— А ты самъ увидишь, Ромикъ. „Свой“, „Свой“, иди сюда, добрый песикъ! Взгляни, Ромикъ, какой онъ красивый! Громадный, мохнатый, а послушенъ, какъ овечка.

Была это помѣсь мѣстной дворняжки съ тирольской овчаркой. Необычайно громадная собака, покрытая густою шерстью, съ большимъ, въ видѣ пышнаго султана, хвостомъ, красивое, сильное животное въ сѣрыхъ съ желтымъ пятнахъ. Любившая до безумія собакъ, Броня, повидимому, находилась въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. Дѣлая огромные скачки, песъ подбѣжалъ и бросился къ ней прямо на грудь, а затѣмъ немедленно же опустился опять на земь, перевернулся и направился на встрѣчу къ приближавшимся. Пріятный мужской голосъ уже звалъ: „Свой“! „Свой“!

Собака бросилась передними лапами на грудь мужчины, звавшего ее. Мохнатая морда почти касалась его лица; отрывисто и радостно лаяло животное. Мужчина какъ бы въ отвѣтъ проговорилъ:

— Успокойся, я понимаю. Господа эти, къ которымъ идемъ мы на встрѣчу, сами подходятъ. Пусти же меня...

Песъ гамнулъ совершенно такъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: „да, да!“ и тотчасъ же бросился въ сторону. Его хозяинъ быстро направился впередъ, поднесъ руку къ шляпѣ и заговорилъ:

— На всякій случай, чтобы легче распознать другъ друга, имѣю честь представиться...

Не успѣлъ онъ кончить, какъ Романъ продекламировалъ: *Eraminondas, post pugnam apud Mantineam cum gravi...*

— Ха, ха, ха!—расхохотался Росновскій.—Не забылъ еще... какъ же, помню, помогалъ тебѣ тоже копаться въ латини—я, великовозрастный семиклассникъ, тебѣ, мальчишкѣ.

Руки ихъ сплелись въ сильномъ и крѣпкомъ пожатіи.

— Гора съ горой...—тянулъ далѣе Росновскій.—Удача-то какая! Надо же было такъ, словно сговорились, съѣхались въ одно время.

Романъ привѣтствовалъ Ирену, которую не успѣлъ еще сегодня видѣть, легкимъ пожатіемъ руки. Когда онъ отправлялся съ самаго утра въ Казиміровку, она была въ то время тѣмъ-то

занята. Быстро окинулъ онъ взоромъ ея лицо и фигуру. Наблюденія Брони, оказывалось, были плодомъ дѣтскаго воображенія. Но обыкновенно спокойная—показалась она ему даже особенно свѣжей; правда, на это были причины. Онѣ-то, надо полагать, и придавали цвѣту ея лица особую прелесть.

Всѣ направились къ дому, къ садовой калиточкѣ, выходящей прямо на лугъ.

Въ наружности Росновскаго было что-то выдающееся, свидѣтельствующее о рѣзкой индивидуальности, быть можетъ даже оригинальности. Назвать его красивымъ, впрочемъ, было нельзя. Непомѣрная ширина въ плечахъ и ростъ едва средній придавали его фигурѣ нѣчто тяжеловѣсное, почти квадратное, но красивыхъ очертаній; высокій лобъ дышалъ умомъ, а изъ-подъ нѣсколькихъ порѣдѣвшихъ волосъ, въ небольшихъ темносѣрыхъ глазахъ свѣтилась проницательность и отчасти утомленіе или грусть. Кожа нѣсколько отливала желтизной, а щеки немного поотвисли, благодаря болѣзненной худобѣ. Иногда, особенно когда онъ молчалъ или бросалъ утомленные взоры, онъ казался старше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Зато въ пріятной интонаціи его голоса пробились иногда очень теплые тоны, хотя, случалось, замѣчался и отблескъ превосходства,—правда, едва замѣтный, ибо манеры Росновскаго отличались утонченной, изысканной вѣжливостью. Стараясь говорить плавно, закругляя періоды, онъ наклонялъ голову къ тому, къ кому обращался. Въ жестахъ, довольно часто повторяемыхъ, замѣчалась опять нѣкоторая своеобразная округлость, грація не совсѣмъ натуральная, положимъ, какъ бы заученная и искусственная. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе челоуѣка умнаго, совершенно увѣреннаго въ самомъ себѣ, нѣсколько утомленнаго, можетъ быть и съ затаенной грустью гдѣ-то на днѣ души.

Верадчивымъ, мелодичнымъ тѣмбромъ привѣтствовалъ онъ дружески Романа, но вслѣдъ за тѣмъ, когда сталъ спрашивать о положеніи и условіяхъ, въ которыхъ обрѣтался и дѣйствовалъ онъ по выѣздѣ изъ Дарновки, ощущалось нѣчто менторское, торжествующее,—тонъ челоуѣка, далеко ушедшаго по пути несомнѣннаго успѣха.

—Весьма радъ,—тянулъ онъ дальше.—И тебѣ, наконецъ, повезло; воздали несомнѣнно по заслугамъ; упрочилъ свою будущность и не только въ матеріальномъ отношеніи. Лично, по крайней мѣрѣ, я дошелъ до того убѣжденія, что самымъ большимъ несчастіемъ становится для челоуѣка полное прекращеніе развитія его энергіи и способностей. По мѣрѣ того какъ развертывается поле дѣятельности все шире и выше, повѣрь, открывается

и больше шансовъ къ счастію, а по меньшей мѣрѣ... къ забвенію всеобщаго неотразимаго несчастья.

Договаривая послѣднюю фразу, онъ усмѣхнулся и направилъ свои взоры мечтательно куда-то вдаль, а чрезъ нѣсколько секундъ взглянулъ сбоку на Ирену, шедшую поодаль отъ разговаривающихъ, вдоль берега ручейка.

Послѣдовалъ опять закругленный жестъ шеи, сопровождаемый мягкимъ движеніемъ руки по адресу Романа.

— Ежели когда-нибудь моя опытность можетъ тебѣ пригодиться, если потребуются тебѣ при случаѣ какія-нибудь спеціальныя свѣденія, указанія, однимъ словомъ, во всемъ, чѣмъ могу быть полезенъ, прошу тебя, не забывай своего неизмѣннаго пріятеля и вѣрнаго слугу.

Говорилъ онъ все это чрезвычайно деликатно, выходило просто великолѣпно, но въ интонаціи чувствовался отблескъ превосходства.

Старуха Дарновская обратила вниманіе на отдаленный пунктъ луга, на живописную группу деревьевъ, освѣщенную прихотливымъ свѣтомъ заходящаго солнца.

— Конечно, послѣ дѣвственной поэтической природы тамъ, гдѣ вы живете,—проговорила она,—наши деревца могутъ показаться слишкомъ ничтожными. Ахъ, ахъ, ахъ! Какой прелестью должна быть эта громадная, почти нетронутая пуща! Когда приходилось мнѣ читать въ описаніяхъ путешественниковъ о чудесахъ гигантской, почти сказочной природы, такъ и тянуло въ тѣ страны, нынѣ, лучшія. Ахъ, ахъ, ахъ! Какъ хорошо путешествовать! И всегда-то я мечтала о дальнихъ вояжахъ. Что дѣлать! Ахъ, ахъ, ахъ! Между мечтами и дѣйствительностью разстояніе неизмѣримое, хотя... съ другой стороны... или это только привычка — всякое-то деревцо въ Дарновкѣ обожаю до страсти. Вы не повѣрите, до чего люблю! Если долго не вижу одного изъ моихъ любимчиковъ, при первой встрѣчѣ говорю постоянно: „здравствуй!“ Еще бы! Что-то живое...

Глядя на указанную хозяйкой группу деревьевъ, Росновскій обронилъ съ снисходительной улыбкой:

— Идиллія.

— Природа тебя не занимаетъ?—замѣтилъ недоумѣло Романъ.

— Напротивъ, я ее тоже люблю. Только слишкомъ издавна сжилъ съ ней наединѣ.

И онъ сталъ рассказывать, что если и повидаетъ пущу, въ которой состоитъ однимъ изъ главныхъ заправилъ и хозяевъ, то раза два въ годъ, не болѣе, когда посѣщаетъ дальній городъ, гдѣ ничто особенно его не занимаетъ, даже не развлекаетъ. Вообще же онъ

живетъ въ глухомъ уединеніи, видится только съ подчиненными, разбросанными на далекихъ разстояніяхъ кругомъ. Да и они навѣщаютъ его лишь для полученія приказаній, совѣтуются по разнымъ дѣламъ.

Зато же и исколесилъ онъ свою пушу вдоль и поперекъ. Безъ похвалыбы можетъ сказать,—одинъ изъ первыхъ примѣнилъ онъ въ этой обширной площади лѣсовъ вполне рациональную систему обработки, ввелъ въ практику все указываемое научной теоріей. Матеріалу накопилась бездна, и онъ надѣется преподавать не мало новыхъ взглядовъ по веденію въ обширныхъ размѣрахъ лѣсной культуры въ своемъ будущемъ научномъ трудѣ.

— Итакъ, твое уединеніе достаточно заполнено,—замѣтилъ Романъ.

— Чтѣ и говорить! — усмѣхнулся Росновскій. — Проходятъ мѣсяцы, ползутъ медленно, и не съ кѣмъ слова перемолвить.

Тутъ какъ будто кто-то его сразу вольнуло, либо онъ вспомнилъ нѣчто неотложное. Онъ живо обернулся въ лѣсу. По опушкѣ быстро мелькали два чуть замѣтные пункта. Была это Броня, гонявшаяся между деревьями взапуски за огромнымъ, разыгравшимся псомъ.

— „Свой“! „Свой“!

Брасивое животное, дѣлая огромные скачки, немедленно прибѣжало; нѣсколько разъ обернувшись собака вокругъ ногъ своего господина, а онъ, глядя въ упоръ, произнесъ, какъ бы выговаривая:

— Куда ты запропастился?

Собака подняла морду и коротко пролаяла нѣсколько разъ.

— Бросилъ меня!—продолжалъ Росновскій. — Знаешь самъ, я этого не люблю.

„Свой“ тивкнулъ покорнымъ тономъ.

— Берегись, „Свой“! Перестану тебя любить, и намъ обоимъ станетъ худо.

Собака снова залаяла, но это былъ ужъ не лай,—скорѣе жалобное вѣтье.

— Перестань ныть. Проси прощенья.

На этотъ разъ въ лай послышались звуки радости. Собака догадалась по улыбкѣ и тону голоса, что ее простили. Бросилась на грудь господина и стала усердно лизать руки.

— Ну, будетъ, будетъ. Ступай, не уходи далеко. Ты знаешь, я не люблю, когда ты пропадаешь съ глазъ.

Послѣдовало еще одно покорное, мягкое тавканье; „Свой“

зашагалъ важно, держась на нѣсколько шаговъ впереди идущихъ, по прямой линіи со своимъ господиномъ.

Хозяйка пришла въ умиленіе отъ понятливости животнаго, а главное — удивлялась его безпримѣрной привязанности. Домунтъ долго крѣпился, но врожденная веселость, не покидавшая его никогда, пересилила, и онъ захохоталъ безъ церемоніи. Обращаясь исключительно къ Роману, Росновскій сталъ объяснять:

— Три года тому назадъ увезъ я его отсюда щенкомъ. Сильно привязались мы другъ къ другу. Живемъ постоянно вдвоемъ.

Затѣмъ онъ обратился къ Домунту.

— Какъ хорошо, что мы встрѣтились съ вами! А я было хотѣлъ просить Стефана, не удѣлитъ ли онъ мнѣ часокъ, другой, для поѣздки сегодня же къ вамъ. Видите ли, не такъ давно получилъ я письмо отъ Марцелла, касающееся прямо васъ. Содержаніе его до сихъ поръ я не успѣлъ вамъ сообщить: все хворалъ, нигде изъ дому не выѣзжалъ.

— О содержаніи письма я догадываюсь, — буркнулъ небрежно Казиміръ, и сразу нахмурился.

— Сегодня, если желаете, сообщу вамъ и Стефану, о чемъ пишетъ Марцеллъ, и, если позволите, порѣшимъ сообща, что отвѣтить вашему брату.

Казиміръ наклонился, слегка прикоснувшись рукой къ шапкѣ. Отношенія къ Росновскому были у него довольно дальнія, ограничиваясь соблюденіемъ между ними сухого этикета. Зато Марцеллъ придавалъ, повидимому, этому ученому лѣсническому великую цѣну и питалъ къ нему живую симпатію. Росновскій сталъ рассказывать Казиміру о послѣдней своей встрѣчѣ съ его братомъ, года два тому назадъ. Они съѣхались совершенно случайно въ одномъ городѣ, посѣщаемомъ изрѣдка Росновскимъ; сюда же пріѣхалъ на короткое время по дѣламъ и старшій Домунтъ. Наговориться не могли другъ съ другомъ.

— Марцеллъ, — проговорилъ съ увлеченіемъ лѣсничій, — полнѣйшее олицетвореніе типа новаго человѣка, такого именно, какой становится необходимымъ для настоящаго вѣка, какого наиболѣе всего теперь цѣнять. Энергиченъ неутомимо; складъ ума у него чрезвычайно трезвый и быстро обнимающій, эрудиція громадная, и притомъ какой-то неспокойный духъ, вѣчно толкающій его стремиться все дальше, впередъ. Зато и ушелъ же онъ далеко; надо полагать, пойдетъ и дальше. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ — станетъ обладателемъ громаднаго состоянія и имя свое прославить.

Романъ приблизился къ Иренѣ, все еще шедшей въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Отношенія, установившіяся между этимъ бѣднымъ Богданомъ и „Своимъ“, довели меня чуть не до слезъ, — произнесъ онъ не громко.

— Чувствительность твоя велика, кузень, — проронила она.

— Обыкновенно я не увлекаюсь, но это психологическое явленіе чрезвычайно меня поражаетъ. Глубоко сочувствую тому узнику, который въ своемъ уединеніи пристрастился къ пауку...

Въ глазахъ ея замелькали веселыя искорки, но она ничего не отвѣтила.

Романъ заговорилъ еще тише:

— Полагаю, что и твое доброе сердце, кузина, смилуется надъ анахоретомъ.

Изумленно взглянула дѣвушка на него, лицо сразу вспыхнуло, но это продолжалось какую-нибудь секунду, и она заговорила, смѣясь:

— Мое доброе сердце въ сильной тревогѣ насчетъ сегодняшняго ужина. Тетя настойчиво потребовала, чтобы я пошла съ ней на встрѣчу вамъ. Желаніе ея для меня — законъ; теперь же надо поскорѣе бѣжать домой.

И она поймала за руку Броню, быстро опережая все общество. Вскорѣ обѣ скрылись за деревьями сада.

Когда гости входили во дворъ, уже стемнѣло. Дарновская и Домунтъ вошли прямо въ домъ. Остававшійся позади Росновскій подхватилъ Романа подъ руку; неторопливо стали они ходить вдоль шпалеръ кустарника, полуприкрывавшаго освѣщенные уже окна.

— Долго еще думаешь тутъ прогостить?

Вопросъ подѣйствовалъ на Романа неприятно; онъ сказалъ что-то о нѣсколькихъ дняхъ, недѣлѣ...

Росновскій заговорилъ снова о полученномъ имъ новомъ назначеніи.

— Повѣрь мнѣ, я радуюсь за тебя не потому только, что передъ тобою отърывается жизнь обеспеченная, быть можетъ даже комфортабельная. Цѣнность жизни нельзя же измѣрять только лучшими или худшими матеріальными средствами. Мы, дѣти умственного прогресса, должны вращаться въ своемъ кругу и ему посылно служить... „Свой“, чего ты носъ повѣсилъ?

Собака шла за хозяиномъ вслѣдъ; она только подняла голову, но на этотъ разъ ничѣмъ не отвѣтила.

— Еслибы даже это служеніе было тяжело, мы обязаны жертвовать собой на пользу цивилизаціи и культуры — міровой... Иначе мы станемъ инвалидами, или же, еще того хуже, дезертирами.

Они проходили мимо оконъ столовой; видѣлся столъ, накрытый къ ужину; за другимъ, небольшимъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ. Между ними былъ и Стефанъ; трое остальныхъ — въ скромномъ одѣяніи — могли быть зажиточными крестьянами или мѣщанами изъ сосѣдняго мѣстечка. Тутъ же, на столѣ, лежали кучей бумаги; едва доносился говоръ бесѣдующихъ.

— Мнѣ надо поговорить пообстоятельнѣе съ молодымъ Домунтомъ въ присутствіи Стефана, — заговорилъ Росновскій: — да онъ занятъ какимъ-то совѣщаніемъ съ посторонними, пусть кончаетъ. Станный, право, малый этотъ Стефанъ. Не правду ли я говорю? Ну, а какъ ты съ нимъ ладншь? Признаюсь, совсѣмъ его не понимаю... какія-то фантазіи... утопія, что-ли, одичалость...

Романъ ничего не отвѣтилъ, а Росновскій переѣхнулъ сразу тѣму разговора. Рѣчь зашла о столицѣ, гдѣ до сихъ поръ проживалъ Романъ.

— О, эти громадныя города!.. — И онъ вздохнулъ. — Средоточіе просвѣщенія!

— Отчасти и грязи, — съ усмѣшкой добавилъ Романъ.

— Вотъ какъ! разочаровался? Видно... впрочемъ, отчасти, можетъ быть, ты и правъ. У всякой медали есть и обратная сторона. Но согласишься: кто живетъ въ этихъ громадныхъ центрахъ просвѣщенія или, по крайней мѣрѣ, сохраняетъ съ ними связь постоянную и неразрывную, тотъ только и можетъ сдѣлать что-нибудь, стать чѣмъ-нибудь и дать...

Они снова проходили мимо освѣщенныхъ оконъ столовой. Ясно вырисовывался профиль Стефана, изящный, нѣсколько заостренный, рѣзко выдѣлявшійся между окружавшими его грубыми и плоскими лицами.

„Свой“ тявенулъ нѣсколько разъ, не громко, съ оттѣнкомъ грусти.

— Чего тебѣ? А, понимаю, понимаю, скучаешь. Хочешь поскорѣй попасть въ домъ?

Собака залаяла.

— Подожди немного. Видишь, встрѣтился я со стариннымъ товарищемъ, ну и бесѣдую. Не каждый же день доводится видѣть такихъ людей, которыхъ зналъ и любилъ на зарѣ жизни. Ты долженъ это понимать, „Свой“, такъ какъ самъ умѣешь любить...

„Свой“ какъ бы прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ и отвѣтилъ покорнымъ молчаніемъ.

Росновскій остановился, дружески ухвативши собеседника за ладцанъ.

— Знаешь что, Романъ? Женись, прежде чѣмъ уйдешь. Жениться необходимо. Ты не испыталъ, что за адская вещь уединеніе и скука... Трудъ, научныя занятія, успѣхъ—всего этого мало. Повѣришь ли, иногда боишься, какъ бы не спатить стума. Не знаю, впрочемъ... быть можетъ, это я такой... Мать, сестры, вскормили во мнѣ сентиментальнаго звѣренка, избавиться отъ него никакъ не могу... Всѣ мы черезъ-чуръ сентиментальны, и въ этомъ заключается наше несчастье. Что дѣлать! Хотя бы эти Дарновскіе, подумай—на яву грезять...

Въ это время какъ разъ Романъ пристально глядѣлъ въ освѣщенное окно, вглубь столовой. Незнакомые ему люди, стоя уже, разговаривали со Стефаномъ. Въ высокой и энергической фигурѣ молодого Дарновскаго не было и признаковъ сонливости. Звѣрь сентиментальный у него не проявлялся, по крайней мѣрѣ держалъ себя гораздо чиннѣе, чѣмъ у Росновскаго. Тотъ по прежнему, не выпуская лацкана сюртука Романа, съ безпокойствомъ, рвавшимся наружу, продолжалъ далѣе, почти шопотомъ:

— Я думаю, ты хорошо изучилъ свою кузину Ирену. И я когда-то зналъ ее, давно уже не видалъ, а теперь просто очарованъ. Бываютъ и красивѣе, но ея спокойствіе, привлекательность и какая-то неземная, идеальная доброта восхитительны... Честная, вѣрная душа сквозитъ въ ея очахъ, не правда ли? Мила до безумія. Такая спутница въ жизни... „Свой“, опять? Наконецъ, ты мнѣ надобѣаешь. Пожалуйста, будь же повѣжливѣе... Одною только боюсь, не заразилась ли она ихъ теоріями? Эти вещи для женщинъ крайне опасны. Онѣ легко могутъ стать поперекъ дороги къ счастью. Въ чемъ же оно состоитъ?—Понятно, въ любви и семьѣ,—въ чемъ же иномъ? Стефанъ—фанатикъ; весьма возможно, что онъ успѣлъ привить этой доброй, прекрасной дѣвушкѣ свои сентиментальныя—извини, пожалуйста,—сумасбродства. Я и самъ его люблю, даже уважаю, но это потерянная сила, дезертиръ въ великомъ поступательномъ міровомъ движеніи...

Тотъ, о комъ шла рѣчь, въ эту минуту показался на крыльцѣ; провожая своихъ гостей, онъ раскланивался и пожималъ имъ руки. Прощаясь, они благодарили его, а онъ что-то еще толковалъ и давалъ послѣдніе совѣты. Гости отошли къ двумъ стоявшимъ поодаль одноконнымъ повозкамъ. Молодой Дарновскій присоединился къ Росновскому и Роману, поднявшимся на крыльцо, повидимому довольный, веселый.

— Простите, мои друзья, за мое минутное къ вамъ невниманіе. Эти люди—мои товарищи, вы понимаете. И они тоже земляпашцы. Вотъ и обращаются иногда ко мнѣ за совѣтомъ по сво-

имъ небольшимъ недоразумѣніямъ. Мнѣ передавали, Богданъ, будто ты хочешь поговорить о Казѣ. Что-жъ, съ удовольствіемъ. Послѣ ужина прошу васъ всѣхъ ко мнѣ въ комнату, наверхъ. Никто намъ тамъ не помѣшаетъ, потолкуемъ обстоятельно.

И часа не прошло, всѣ четверо собрались въ комнату у Стефана, слабо освѣщенной лампою, стоявшею на столѣ среди множества разбросанныхъ бумагъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Росновскій былъ въ этой комнатѣ. Съ любопытствомъ посматривалъ онъ кругомъ, а Романъ даже подмѣтилъ, что взгляды его нѣсколько разъ останавливались на висѣвшемъ на стѣнѣ большомъ крестѣ. Черезъ открытое окно широкой волной лилась вечерняя прохлада и аромат цвѣтовъ, растущихъ внизу по клумбамъ. Лучъ лампы скользилъ по книжному шкафу и на одномъ изъ стеколъ заигралъ блестящимъ желтымъ пятнышкомъ. „Свой“ улегся у ногъ своего господина. Методично досталъ изъ кармана Росновскій бумажникъ, вынулъ оттуда незапечатанное письмо и заговорилъ шутливо, замѣтно прикрывая нѣкоторое смущеніе:

— Прежде всего, господа, прошу принять къ свѣденію, что посла не сѣкутъ и не рубятъ, даже въ военное время. Въ качествѣ уполномоченнаго Марцелла Домунта къ брату, желалъ бы исполнить мое порученіе въ присутствіи людей, болѣе близкихъ Казимиру, чѣмъ я.

Стефанъ слегка поклонился. Всѣ усѣлись чинно за столомъ; одинъ Домунтъ помѣстился нѣсколько подале, въ тѣни. Росновскій принялся за чтеніе. Содержаніе было слѣдующее. Марцеллъ Домунтъ проситъ своего стариннаго сосѣда и товарища, съ которымъ года два тому назадъ возобновилъ снова знакомство, не можетъ ли онъ оказать воздѣйствіе на Казимира, и, если только возможно, убѣдить его принять предложеніе старшаго брата, уже нѣсколько разъ имъ дѣлаемое и каждый разъ отвергаемое. Хотя требованія службы, съ которой связаны всѣ стремленія и надежды пишущаго, давно уже развеличили его съ семьей, но сердце его по прежнему не можетъ ихъ забыть, а судьба каждаго отдѣльнаго члена живо интересуется и беспокоитъ его. Катастрофа, постигшая такъ блестяще начатую-было Казимиромъ карьеру, и пишущаго поразила сильно. Вотъ почему, по полученіи извѣстій отъ матери, онъ немедленно же предложилъ брату свою помощь отъ искренняго сердца. Приглашалъ пріѣхать къ нему, не откладывая общалъ дать ему занятіе, наконецъ брался устроить обезпеченное существованіе, возможность отличій и движенія впередъ. Предложеніе его было отринуто. Написалъ и въ другой разъ, настаивалъ—результатъ былъ все тотъ же. Нежеланіе свое Казимиръ

объясняетъ какимъ-то странными побужденіями, такъ что, читая его письма, почти не хочется вѣрить свидѣтельству собственныхъ глазъ. Пишетъ о необходимости оправдаться предъ самимъ собой, о какомъ-то долгѣ по отношенію къ родинѣ, служеніи личнымъ примѣромъ простаго рабочаго, отрѣшеніи отъ гордыни, удовлетвореніи сердечныхъ потребностей, привязанности къ семьѣ и т. д. все въ подобномъ же родѣ.

Неужели дѣйствительно существуютъ еще гдѣ-нибудь люди съ подобнымъ фантастическимъ настроеніемъ? Не сонныя ли это грезы? Недавно еще такой трезвый и много общавшій въ будущемъ, неужели же и братъ его применилъ къ этой кучкѣ идеологовъ и воспринялъ ихъ несбыточные теоріи? И откуда онъ всего этого набрался? На какую атлантиду наткнулся послѣ своего кораблекрушенія? Всему причиной, конечно, кораблекрушеніе—это слишкомъ ясно. Марцелль легко можетъ себя представить, какъ сильно должно было отразиться на нервной системѣ впечатлительнаго Казимира вынесенное имъ несчастье. Всѣ его настоящія невѣроятныя увлеченія, конечно, навѣяны проклятой катастрофой.

Впрочемъ, у брата и прежде всегда была повадка впадать въ экстазъ—иногда невѣдомо, по какой причинѣ. Не даромъ же старался онъ и прежде не подчиняться общепринятымъ правиламъ, придумывалъ для себя новые пути и цѣли. Подобныя ему пылкія, пытливыя натуры—онъ не оспариваетъ—въ сущности весьма благородны, но въ одно и то же время наиболѣе подвержены паденію и гибели. Марцелль не имѣетъ никакого права ждать спокойно, сложа руки, и не предупредить съ своей стороны вѣроятной гибели брата, —положимъ, давно уже потеряннаго имъ изъ виду. Не можетъ онъ хладнокровно и слышать о томъ, какъ братъ его засядетъ гдѣ-то на маленькой фермѣ и займется грубымъ физическимъ трудомъ. Наконецъ, это—нищенство, самоуниженіе, бесполезная трата силъ и способностей. Положимъ, все это еще куда бы ни шло, еслибы ничего иного не предстояло. Существуютъ, понятно,—даже необходимы на свѣтѣ и бѣдняки разныхъ сортовъ. Но если средства подъ рукой, отърывается дорога, сама дается, такъ сказать, напрашивается возможность высшей, лучшей жизни,—надо быть по истинѣ безумцемъ, чтобы такъ упорно преслѣдовать какія-то допотопныя утопіи. Одна какая-нибудь развѣ диллювіальная окаменѣлость въ состояніи мечтать въ настоящее время о прелестяхъ пастушеской жизни и, подгоняя воловъ, декламировать съ паэосомъ буколики! Всякій, хотя нѣсколько знакомый съ нынѣшнимъ положеніемъ вещей, знаетъ очень хо-

рошо, что всѣ устремляются неудержимымъ порывомъ къ цѣлямъ вовсе не идиллическимъ. Двигатель нашего вѣка—смѣлая энергія, неутомимая, до извѣстной степени безграничная; а осями міра служатъ богатство и могущество. Только они и въ фаворѣ; они предписываютъ свѣту законы, управляютъ судьбами личностей и народовъ. Худо ли, хорошо ли,—но не все ли равно, если все это таеъ на самомъ дѣлѣ и есть, и всѣмъ оно заправляетъ. А въ виду того, что существуетъ и господствуетъ, одни развѣ безумцы могутъ объявлять войну дѣйствительности, заранѣе имъ проигранную. Декламируйте свои идилліи, сколько вамъ угодно, на зеленѣющихъ поляхъ, провозглашайте евангельскія притчи,—колесница мірскихъ божковъ нагрянетъ нежданно-негаданно и поломаеъ всѣ ваши кости. Принимая все это въ соображеніе, пишущій рѣшается еще разъ попытать счастья, нельзя ли будетъ какъ-нибудь спасти брата. Узнавъ изъ письма матери о пребываніи Богдана на родинѣ, онъ обращается къ нему съ покорнѣйшей просьбой. Не посчастливится ли ему, съ его трезвымъ, яснымъ и многоопытнымъ умомъ, найти ключъ къ настроенію Казимира, дѣйствительно, должно быть, потрясеннаго постигшимъ его ужаснымъ казусомъ, не будетъ ли онъ въ состояніи убѣдить несчастнаго.

Богданъ Росновскій остановился. Плечи его уперлись въ спинку кресла, а бѣлая, пухлая рука, не выпуская недочитаннаго письма, легла на столъ. Мягкимъ поворотомъ шеи обернулся онъ къ Казимиру и проговорилъ кротоко, но вразумительно:

— Я почти совершенно раздѣляю мнѣніе, изложенное въ письмѣ Марцелла. Высказанное имъ требуетъ, однако, нѣкотораго добавленія, по моимъ понятіямъ весьма существеннаго, а именно: къ двумъ міровымъ осямъ вселенной, упоминаемымъ въ письмѣ Марцелла, необходимо присоединить еще третью и поставить ее даже на первомъ планѣ, какъ первоисточникъ обѣихъ. Богатство и могущество! Превосходно! Но слѣдуетъ по настоящему сказать: знаніе, богатство и могущество. Собственно говоря, изъ перваго вытекаютъ и оба послѣдующіе. Не будь знанія, немислимы и остальные. А чтобы поколебать убѣжденія Казимира, такая поправка не только не ослабитъ доводовъ брата, напротивъ, еще болѣе ихъ усилить. Къ мотивамъ, побуждающимъ принять братнино предложеніе, присоединяется еще новый аргументъ—третій. Отдаваясь идилліи, или, если угодно, евангельской притчѣ, невозможно достигъ въ мірѣ не только богатства и значенія, но неизбѣжно придется потратить силы и весь свой умственный запасъ. Прежде всего именно этотъ послѣдній пунктъ и дороже всего. Исходя изъ этого положенія, я готовъ

отъ всего сердца защищать справедливость требованій и просьбъ Марцелла Домунта, насколько ничтожныя мои силы мнѣ это дозволятъ...

И онъ затихъ. Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Неторопливо докуривалъ папиросу Стефанъ, разсѣянно поглядывая на заваленный бумагами столъ. Романъ быстро поднялся со стула и отошелъ къ самому окну. Расположившись здѣсь, онъ почти совсѣмъ ушелъ въ тѣнь.

Сидѣвшій также поодаль Казиміръ отозвался черезъ нѣсколько минутъ. Онъ старался говорить спокойно, но въ голосѣ его замѣтно было нѣкоторое волненіе.

— Вы желаете, конечно, отвѣчать Марцеллу?

— Разумѣется. Я не могу даже понять, какъ бы иначе я могъ поступить,—все равно, каковъ бы ни былъ результатъ нашей сегодняшней бесѣды.

— Такъ будьте такъ добры, напишите ему прежде всего, что я несказанно тронутъ его заботливостью, по истинѣ братской. Объ этомъ, впрочемъ, я и самъ неоднократно ему писалъ. Несомнѣнно, сердце у него доброе и открыто для благородныхъ порывовъ, но, къ несчастью, мы не сходимся съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Вотъ и все. Быть можетъ, это разногласіе происходитъ отъ несходства нашихъ натуръ, или скорѣе, отъ судьбы, но оно, къ сожалѣнію, существуетъ. А противъ того, что существуетъ, какъ прекрасно выразился Марцеллъ, не слѣдуетъ поднимать борьбу...

— Резонъ!—усмѣхнулся Росновскій.

— Да, ужъ какъ тамъ хотите,—продолжалъ Казиміръ:—а я останусь по прежнему маленькимъ фермеромъ и своей судьбой не менѣе доволенъ, чѣмъ онъ, нашъ знаменитый аферистъ. Иная вѣра—иная и жизнь. Не взирая на всѣ его аферы—признаться, отъ души ихъ ненавижу—я не перестану его любить. Пусть же и онъ не отказывается мнѣ въ своемъ доброжелательствѣ, не обращая вниманія на мою крохотную арендуемую земельку, имъ презираемую. Если когда-нибудь вздумается ему посѣтить наши края, съ величайшей радостью приму его въ Казиміровскъ и предложу ему отъ чистаго сердца мисочку картофеля или добрую кружку молока.—Идиллія,—скажете. Пусть такъ, я готовъ охотно съ нимъ подѣлиться ею, хотя бы только на короткій срокъ побывки его здѣсь, у насъ, а къ нему я не поѣду ни за что.

— Коротко и ясно!—вырвалось у Росновскаго. Тотчасъ же повернулся онъ къ молодому Дарновскому.—Ну, а ты что скажешь, Стефанъ?

Въ маленькихъ, умныхъ глазахъ спрашивавшаго затеплилось оживленіе и любопытство.

Стефанъ только повелъ плечами.

— Что-жъ, если я имѣлъ вліяніе на Казимира, съ этимъ уже покончено,—дѣло сдѣлано. А теперь пусть поступаетъ такъ, какъ ему вздумается. Да развѣ слова имѣютъ вліяніе на чело-вѣка?

— А что же, по вашему?

— Примѣръ и склонность, — отвѣчалъ Стефанъ. Затѣмъ усмѣхнулся и добавилъ:—Пусть попробуетъ Марцелль пробудить въ братѣ, а еще вѣрнѣе, воскресить страсть къ аферамъ. О, тогда онъ навѣрняка поѣдетъ устраивать съ нимъ какія угодно аферы. Ощущать склонность, считать своею обязанностью—вотъ что нужно.

Росновскій даже привскочилъ.

— Прошу извиненія, дорогой мой!.. Склонность, обязанность—все это прекрасно, даже весьма похвально. Самъ я первый признаю то же самое, и провожу, кажется, въ жизни. Одного только никакъ не могу понять,—просто не умѣщается въ моей головѣ, никакъ въ толкъ не возьму,—къ чему все это ты приплелъ? При чемъ тутъ влеченіе, обязанность, скажи ради Христа?! Вѣдь ты, напримѣръ, чело-вѣкъ состоятельный, напешь, восишь, рубишь, а Казимиръ, чело-вѣкъ просвѣщенный, вмѣсто того, чтобы заняться чѣмъ-нибудь подходящимъ, вздумалъ запрячь себя въ ту же самую никому не нужную работу. И это тоже влеченіе? И это цѣль? Помилосердуй!.. Чѣмъ-то отжившимъ несешь... Или, быть можетъ, я ничего не понимаю? Въ этой области, признаться, я почти совсѣмъ чужой. Объясни же мнѣ, пожалуйста, что именно вы творите? Что это — родъ спорта, утопія или порывъ вернуться въ первобытному состоянію? Премного обяжешь, растолкуй, ради самого Создателя!..

И онъ впился въ Стефана загорѣвшими отъ любопытства глазами. На его желтыхъ щекахъ выступилъ даже румянецъ.

Стефанъ разсмѣялся.

— Жестокое ошибаешься, если надѣешься услышать отъ меня нѣжную идиллію или пышную проповѣдь. Правда всегда укрывается на самомъ днѣ, а на поверхности является фактъ чрезвычайно прозаичный: въ настоящее время, или, скорѣе, въ ближайшемъ будущемъ—вотъ въ чемъ твоя ошибка—я чело-вѣкъ далеко не обезпеченный...

— Какъ же это такъ? — воскликнулъ съ изумленіемъ Росновскій:—а Дарновка?..

И онъ сразу оборвалъ себя, почувствовавъ на рукѣ что-то влажное. Это „Свой“ ткнулъ мордой, напоминая о своемъ присутствіи. Почти съ гнѣвомъ набросился на него Росновскій.

— Ахъ, отстань, мнѣ некогда, „Свой“! Не мѣшай, лежи себѣ спокойно.

Собака громко зѣвнула и покорно свернулась у его ногъ въ огромный мохнатый клубокъ. И снова жадные отъ любопытства взоры Росновскаго пожирали Стефана:

— Ты упустилъ изъ виду—у меня есть еще братъ, сестра, надѣюсь также долго видѣть живыми моихъ родителей. Итакъ, мы подѣлимъ Дарновку на четыре части: одинъ участокъ Льву, когда онъ кончитъ ученье; другой — Бронѣ на приданое; на третьемъ сяду самъ, когда женюсь и захочу жить, какъ выражаются наши крестьяне, выдѣленный, т.-е. особнякомъ отъ остальной семьи...

— Женишься?—недовѣрчиво повторилъ за нимъ Росновскій.

— Конечно, женюсь. Быть можетъ, даже и скоро. Отчего же мнѣ и не жениться?

— Знаешь чтѣ! вонята твоя сильно припахиваетъ монашеской кельей.

Говоря это, онъ повелъ глазами вокругъ и нѣсколько дольше остановился на висѣвшемъ крестѣ.

— Это такъ кажется людямъ, принадлежащимъ къ свѣтскому обществу,—усмѣхнулся Стефанъ.—Представь себѣ заурядную обстановку избы хозяина-хлѣбопашца. Недостаетъ только...

Сидѣвшій у окна отозвался:

— Китайскихъ ширмочекъ.

Эта неожиданная вставочка въ серьезную бесѣду названія предмета совсѣмъ посторонняго всѣхъ разсмѣшила.

— Задались тебѣ эти ширмочки!—воскликнулъ Росновскій, повернувшись къ Роману, сидѣвшему почти за плечами собесѣдниковъ.

— Онѣ теперь въ модѣ. За послѣднее время довелось мнѣ насмотрѣться на нихъ вволю.

— Ну вотъ,—подхватилъ Стефанъ:—хотя у меня и не обрѣтается здѣсь китайскихъ ширмочекъ, а все-таки когда-нибудь да женюсь, быть можетъ и скоро. Тогда и стану распоряжаться на одной четвертой Дарновки. А пока чтѣ, пока Левъ и Броня подростаютъ, мы рѣшили отдавать отрѣзанные участки въ аренду... Это нашъ расчетъ, такъ ужъ положено у насъ съ отцомъ. Итакъ, на самомъ дѣлѣ я—владѣлецъ одной четверти Дарновки. Какое же

это богатство! Можно, положимъ, жить безбѣдно, но при упорномъ и разумномъ трудѣ...

— Во всякомъ случаѣ, можно бы обойтись безъ личнаго участія въ земледѣльческомъ трудѣ,—замѣтилъ Росновскій.

— Конечно,—согласился и Стефанъ.—Согласитесь, однако, и вы, что это обстоятельство, я полагаю, не можетъ послужить помѣхой ни карману, ни здоровью, ни головѣ.

— Ну, это еще вопросъ.

— По крайней мѣрѣ лично для себя я это порѣшилъ. Ты, вѣроятно, предполагаешь, Богданъ, что трудъ земледѣльца убиваетъ умственный трудъ. Но у меня въ запасѣ есть еще одно слишкомъ вѣское соображеніе... Дѣло идетъ объ искорененіи гордыни изъ сердца. Дорогой мой, это мой главный принципъ. Пусть каждый, засуча рукава, принимается за обыкновенный ручной, все равно какой, первый подвернувшійся ему трудъ, какой только возможенъ, лишь бы онъ не потребовалъ отъ человѣка громадной жертвы тѣмъ именно, о чемъ оба вы забыли, ты и Марцеллъ, въ своихъ перечисленіяхъ осей міра.

— Вотъ какъ! Значитъ, кромѣ двухъ осей Марцелла и одной моей, ты отыскалъ еще какую-то?

— И не думалъ отыскивать, только вспомнилъ.

— Какъ же ее зовутъ?

— Весьма скромно,—со свѣдомъ возникло: долгъ.

— А, вотъ оно чтѣ! Ну, да, конечно, не спору, — тануль раздумчиво Росновскій. — Только вѣдь на это потребуется безчисленное множество комментариевъ. Долгъ! А какой, позвольте спросить? Въ томъ-то и штука. Наберутся десятки тысячъ разновидностей: сыновній, супружескій, отцовскій, гражданскій, купеческій, европейскій, африканскій...

— И такъ далѣе,—перебилъ его Стефанъ, смѣясь.—Однимъ словомъ, всѣ, за исключеніемъ африканскаго — надъ нимъ пусть поломаютъ себѣ головы сами африканцы—проистекаютъ изъ одного и того же источника. Не будь его, и ихъ бы не существовало. Надо что-нибудь любить, сознавать свои обязанности и понять разъ навсегда, что не міръ—слуга и подножіе наше, а мы—слуги всяческой юдоли человѣчества и исполнители божественной заповѣди. Надо приучиться служить, хотя бы служеніе и казалось тяжелымъ. Вотъ чѣмъ обуславливается каждый долгъ, иначе онъ немыслимъ. Кто желаетъ быть хорошимъ сыномъ, отцомъ, гражданиномъ, европейцемъ и т. д.,—долженъ прежде всего постараться сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ. Внѣ этого ничего не признаю...

— Значить,—подчеркнулъ Росновскій:—слѣдуетъ что-нибудь любить, нести отвѣтственность, служить нелицемѣрно, вырвать гордыню изъ сердца...

— И,—добавилъ въ заключеніе Стефанъ:—не проповѣдовать съ кафедръ другимъ: отречитесь! а прежде всего стараться самому отречься.

— Понялъ,—промолвилъ Росновскій.

Полуироническая усмѣшка, съ которой доселѣ говорилъ и слушалъ лѣсничій, пропала. Онъ задумался и, немного погодя, медленно заговорилъ:

— Во всемъ, что ты сказалъ, чувствуется извѣстная доля глубины и логичности, есть надъ чѣмъ поразмыслить. Однако невольно напрашиваются сами собой два довольно серьезные возраженія. Откуда, спрашивается, выкопаете вы, во-первыхъ, столько простѣйшихъ работъ, чтобы онѣ могли доставить, говоря по-просту, кусокъ хлѣба тѣмъ, у кого снята будетъ гордыня съ сердца? Лично я не вѣрю вообще, чтобы нашлось много такихъ, которые согласились бы опроститься. По моему, это одна идеология. Ну, допустимъ... однако, гордый или негордый, надо же человѣку ѣсть. Хорошо еще, если, какъ у тебя, Стефанъ, найдется верстагъ или, скажемъ, верстачокъ, а другіе тебя тормошить станутъ: гдѣ же намъ, чортъ возьми, орать?—И я не буду въ состояніи имъ отвѣтить удовлетворительно. Одинъ въ полѣ не воинъ. Да хотя бы насъ было двое, трое, положимъ, десятокъ—мы ничего не въ состояніи сдѣлать. Пойми же—только множество головъ, множество совокупныхъ стремленій могутъ дать на это прямой отвѣтъ. Безъ существованія этихъ головъ, этихъ волей, добывающихся своего—ничего не будетъ.

Въ разговоръ вмѣшался Домунтъ. Онъ сталъ приводить нѣкоторые факты и примѣры изъ германскаго быта, все, что подмѣтилъ, живя долго среди нѣмцевъ. Изъ своего дальняго угла у окна Романъ тоже вставилъ нѣсколько замѣчаній, почерпнутыхъ имъ изъ практики и знанія отношеній въ другой странѣ. Росновскій тоже кое-что зналъ по вопросамъ о рабочихъ и изъ теоріи политической экономіи. Съ четверть часа въ комнатѣ Стефана шла шумная, оживленная бесѣда, раздавались безпрестанно четыре мужскіе голоса.

Говорилось объ англійскихъ фермерахъ, венгерскихъ мельникахъ, французскихъ садовникахъ, перебиралось множество подробностей, имѣвшихъ нѣкоторую связь съ мелкимъ земледѣльствомъ, торговлей, промысломъ, съ тѣми безчисленными работами, вокругъ которыхъ суетливо снуютъ разнообразнѣйшіе человѣческіе

муравейники. Наконецъ предметъ былъ исчерпанъ. Собесѣдники смолкли, и Росновскій заговорилъ первый.

— Ну и прекрасно. Съ этимъ можно бы какъ-нибудь помириться. Твое замѣчаніе, Стефанъ, положимъ, совершенно справедливо. Нельзя же чего-нибудь достигнуть, если никто не пожелаетъ искать. А у меня въ запасѣ есть еще и другое положеніе, имѣющее, по моему, въ каждомъ дѣлѣ первостепенное значеніе. Вотъ оно: мнѣ дорогъ умственный уровень человѣческой расы. Признаюсь, я не позавидовалъ бы тому обществу, которому въ настоящее время вздумалось бы превратиться въ народъ номадовъ. Вотъ вы толкуете, господа, что англійскіе фермеры почитываютъ „Times“, что чешскіе крестьяне воздвигаютъ храмы искусства, что можно окончить курсъ въ университетѣ съ успѣхомъ, а потомъ весьма просто научиться тому, что не вполне вяжется съ университетскимъ образованіемъ. Великолепно, но вѣдь это, если не ошибаюсь, только просвѣщеніе. Стефанъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что просвѣщеніе, проникшее, такъ сказать, въ самый мозжечекъ, преобразуетъ не только самого человѣка, но и все, что онъ дѣлаетъ, все, что находится вблизи сферы его вліянія. Это такъ. Все это во власти просвѣщенія. А наука? Во что же обратится истинная, неподдѣльная наука? Ее вѣдь неизбѣжно примѣняютъ во всевозможныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Наука, которая служить...

— Товаромъ, съ огромнымъ спросомъ на мировомъ рынкѣ, — перебилъ его Стефанъ.

— Какъ же такъ товаромъ? — воскликнулъ Росновскій, немало вспыхнувъ.

— Не иначе. Все фабрикуемое ею по преимуществу изготавляется на потребу всеобщую, вывозится на разные рынки, предлагается покупающимъ, тѣмъ, кто больше дастъ...

— „Пирога“, — отозвался голосъ отъ окна.

Щеки Росновскаго покрылись густымъ румянцемъ, въ глазахъ засверкала обида.

— Господа, — заговорилъ онъ: — нѣсколько разъ мнѣ приходится слышать во время нашей бесѣды обвиненія, и все въ подобномъ же родѣ. Будьте, наконецъ, справедливы, — не во всѣмъ же они примѣнимы. Возьмемъ, напримѣръ, хотя бы меня. Подвигаюсь я, положимъ, быстро по службѣ, а содержаніе остается по прежнему весьма скромное, во всякомъ случаѣ богачомъ никогда не стану.

— Знаю, — наклоня голову, произнесъ Стефанъ. — Ты одинъ

изъ тѣхъ, которые истинно преданы наукѣ и своей спеціальности...

— Денегъ у меня такъ мало,—продолжалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ голосѣ Росновскій,—что я никогда не буду въ состояніи уплатить брату слѣдуемой ему доли Завроца. Скорѣе всего онъ выкупитъ мою часть, а со временемъ, вѣроятно, перепродастъ весь Завроцъ въ чужія руки. Со своимъ положеніемъ тамъ онъ до такой степени свылся, что едва ли захочетъ вернуться сюда. А я такъ и останусь навсегда скитальцемъ вдалекѣ отъ родного края, несмотря на все мое желаніе переселиться сюда на старость. Такъ вотъ каково мое богатство... Ваши попреки, господа,—явная несправедливость.

— Все это такъ,—соглашался Стефанъ.—Но не надо было бросать Завроца; каждый изъ васъ на своей половинѣ былъ бы вторе богаче меня, владѣльца четвертушки Дарновки. Понятно, важныхъ баръ не пришлось бы тогда разыгрывать. О деньгахъ и толковать-то по настоящему не стоитъ. Какъ же тебя и величать иначе, Богданъ, какъ не знатнымъ господиномъ?

Ничего тотъ ему не отвѣтилъ и всталъ, отодвигая съ трескомъ стулъ. Вслѣдъ за нимъ вскочилъ и „Свой“, пробужденный необычнымъ шумомъ.

Разъ нѣсколько прошелся по комнатамъ лѣсничій. За нимъ неотступно слѣдовалъ и „Свой“. Когда Росновскій поворачивалъ, дойдя до книжнаго шкафа, а потомъ у кровати Стефана въ противоположномъ углу, собака оборачивалась тоже и шла слѣдомъ за хозяиномъ, переставляя неторопливо свои громадные лапы, а пушистый хвостъ оставался все время приподнятымъ неподвижно. Наконецъ, не возвращаясь болѣе къ столу, Богданъ Росновскій тяжело опустился на кровать. При слабомъ освѣщеніи неясно выступали очертанія человѣческой фигуры, наклонившейся впередъ и охватившей рукою шею собаки.

— А ты что скажешь, „Свой“?—раздался пріятный, теперь уже мягко звучащій голосъ Росновскаго.—Корятъ насъ съ тобой за счастье, прибрѣтенное нами на рынкѣ... Говорятъ намъ, что обмѣниваемъ науку на пироги... Ты слышишь, „Свой“?

Собака залаяла, какъ будто хотѣла сказать: да, да!

— Что же, какъ ты думаешь? Помнишь, какъ намъ было весело въ теченіе той долгой осени и зимы, когда приходилось вдвоемъ высиживать въ пустомъ домикѣ? Кругомъ ни души. Нашъ поваръ, онъ же и лавей, напивался до положенія ризъ и дрыхнулъ какъ убитый... Такъ, вотъ, оставались мы съ тобой только вдвоемъ, „Свой“. Проводили долгіе зимніе вечера, даже ночи...

Опять залаяла собака, но какъ-то печально.

— Даже ночи... Помнишь, „Свой“, гробовая тишь тревожила меня, и я никакъ не могъ заснуть... Ты знаешь, тишь гробовая—все равно что шумъ, крикъ,—иногда, хоть ты что хочешь, не дасть забыться... Ты это хорошо долженъ помнить, „Свой“, и самъ ты вмѣстѣ со мной не спалъ тоже... Пока занимаюсь, лежишь, бывало, у моихъ ногъ; когда же, усталый, я кончаю работу, вскочишь и ты, начнешь бесѣду со мной...

— Вспомни, случалось—засвистѣть, загремѣть, подымается буря гдѣ-то въ самой глуби лѣса... Съ какимъ наслажденіемъ, не правда ли, прислушивались мы оба къ великолѣпному концерту, главное—такому веселому...

При воспоминаніи о бурѣ „Свой“ слегка подвывалъ.

— Иногда загудѣть не одинъ только вѣтеръ, подхватывать и волеи. Вотъ когда начнется самая торжественная, величавая увертюра. Правду я говорю, „Свой“?..

— Ну, да что—веселая компанія, великолѣпные концерты, не Богъ вѣсть еще что такое. А вотъ когда довелось намъ по истинѣ накушаться пирога,—помнишь, когда эта дьявольская лихорадка забрала меня въ свои когти и принялась вытряхать душу изъ тѣла. Ты слышишь, „Свой“,—въ хатѣ того лѣсника? Лежу я въ растажеу на лавкѣ, сыплются дождемъ съ потолка тараканы, а выхаживаетъ меня мать лѣсника... Помнишь, „Свой“? Старушка премилая, не правда ли, эта моя сидѣлка? Ха, ха, ха! Какая прелесть! Что и говорить—преопытная и прерасторопная старушка...

На этотъ разъ песь развылся уже не на шутку какъ бы при одномъ воспоминаніи о старушкѣ. Выходило куда жалобнѣе и протяжнѣе, чѣмъ когда они вспоминали съ хозяиномъ о буряхъ и волкахъ.

— Извиваюсь отъ ужасной боли въ костяхъ и головѣ, страшно кричу, а ты, „Свой“, лижешь мнѣ только руки. Бѣдняжка, самъ въ этой хатѣ проголодался, исхудалъ. Лижешь мнѣ руки и, какъ умѣешь, утѣшаешь... Кому же и было разговаривать съ больнымъ въ теченіе этихъ долгихъ дней и безконечныхъ ночей?.. Вотъ когда слѣдовало бы намъ съ тобой позавидовать, а?

Переднія лапы животного очутились теперь уже на плечахъ хозяина, морда почти касалась лица говорящаго. Въ несмолкаемомъ воѣ собаки слышались унылыя ноты, а Росновскій водилъ задумчиво рукой по густой, волнистой шерсти.

— Перестань же, „Свой“, успокойся. Случалось и намъ переживать лучшіе дни. Исполняли мы свои обязанности по совѣсти,

честно, какъ слѣдуетъ, учились тоже прилежно и примѣняли наши званія, какъ умѣли, въ исполняемой нами добросовѣстно службѣ. Все думали, что служимъ наукѣ, культурѣ, прогрессу. Ну, а что касается пирога—это точно, пирогъ былъ не изъ важныхъ... Правда, „Свой“, совсѣмъ не важный?..

Къ этой необычной бесѣдѣ прислушивались и остальные съ напряженнымъ вниманіемъ, не отрывая глазъ отъ дальняго темнаго угла. Лицо Стефана, такое оживленное передъ этимъ, осѣнила грусть. Отъ этой качавшейся и едва замѣтной въ густой тѣни фигуры человѣка, страстно обвинявшаго собаку, серьезно съ нею бесѣдующаго, глаза его поднялись выше и остановились на бѣлой стѣнѣ, рѣзко отмѣченной двумя черными поперечинами креста. Онъ бросился къ Росновскому.

— И зачѣмъ все это, Богданъ? Зачѣмъ?.. Если даже и такъ... допустимъ, положимъ, ты несчастливъ. Да кто же изъ насъ, скажи, счастливъ? Несемъ крестъ... всѣ мы... самыхъ противоположныхъ лагерей... всѣ...

Росновскій всталъ и заговорилъ, принужденно улыбаясь:

— Чортъ унесъ на хвостъ мое счастье! Забрался я и куда въ погонѣ за лакомымъ кусочкомъ счастья; не знаю, дастся ли еще... Какъ тутъ быть? Остаюсь все-таки при своемъ — считаю науку и ея примѣненіе дѣломъ универсальнымъ, передъ которымъ всѣ захолустные интересы ступеваются. Эта сила — номеръ первый.

— Второй, — поправилъ Стефанъ.

— Ставишь первымъ долгъ?

— Да, — подтвердилъ Стефанъ.

— Аминь, — заключилъ Росновскій.

Лѣсничій взялъ со стола фуражку, собираясь уходить. Въ глазахъ его появилось утомленіе. Шутливымъ тономъ, въ которомъ снова стало просвѣчивать нѣкоторое превосходство, онъ заговорилъ:

— Такъ вотъ какъ!.. Совершенно новенькое вижу что-то, какая-то секта, новая религія...

— Ничуть, — перебилъ его Стефанъ. — Дѣло старинное, общеизвѣстное...

Глаза говорящаго просіяли. Безукоризненно просто, съ серьезной усмѣшкой онъ окончилъ:

— О, римлянинъ, мы — христіане!

— А! — воскликнулъ съ изумленіемъ Росновскій, и тотчасъ же поправился:

— Еще бы, всѣ мы христіане...

— Никто почти, — произнесъ грустно Стефанъ.

— Однако... позволь, мой дорогой, — неужели же, по твоему,

необходимо ради этого забиться въ темный уголъ и упрятаться тамъ?

— А ежели такъ поступать предписываютъ сердце и совѣсть?

Опершись о столъ рукой, не выпуская шапки, Росновскій опустил глаза. Нѣкоторое время продолжалъ онъ молчать, раздумывая, потомъ устремилъ на Стефана проникательный взглядъ. На самомъ днѣ этого взгляда отразилась насмѣшка.

— Что же, рассчитываешь имѣть послѣдователей?.. Допустимъ... Къ чему же это поведетъ?..

Стефанъ въ недоумѣніи развелъ обѣими руками.

— *Qui scit?*—отвѣтилъ онъ просто.—Никому не открыто будущее; оно недоступно смертному.

Росновскій круто повернулъ къ Казимиру.

— Итакъ, это ваше послѣднее, безповоротное рѣшеніе? Долженъ же я увѣдомить Марцелла.

— Да, я остаюсь при своемъ,—подтвердилъ Домунтъ.—Впрочемъ, къ счастью, я недостаточно ученъ, и мнѣ не придется утаивать много свѣта.

— Христіанское смиреніе!—продолжалъ въ шутливомъ тонѣ Росновскій.

— Ваша правда,—согласился Домунтъ.—Радуюсь безмѣрно, наконецъ-то сподобился...

— А если это не такъ?

— Накину. во второй разъ петлю на шею. Разъ уже пробовалъ,—со смѣхомъ возразилъ Казимиръ.

— Глядя на васъ, извините, вѣрить не хочется вашимъ словамъ.

И онъ сталъ спускаться по узенькой лѣстницѣ, а за нимъ съ превеликимъ трудомъ полѣзъ и „Свой“. Въ гостиной, съ конфузомъ на лицѣ, тревожно жестикулируя своими исхудалыми пальцами, хозяйка что-то тихо передавала мужу. Сидя возлѣ рядомъ, на широкомъ старинномъ диванѣ, старикъ комически покачивалъ своей лысой головой и вполголоса замѣтилъ:

— Ничего не подѣлаешь. Не мучь себя понапрасну, милочка. Каждый обязанъ терпѣть за свою глупость, ничего не подѣлаешь. На ней же и отзовется, когда навѣки застынетъ грибомъ.

— Позволь, Ромуальдъ, это-то мнѣ и больно... Сама боюсь этого. Ахъ, ахъ, ахъ! Какъ желала бы я ей счастья! готова бы, кажется...

Дарновскій взялъ ее за руку и съ хитрой усмѣшкой поглядѣлъ ей въ лицо.

— Хотя съ другой стороны...—началъ онъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, съ другой стороны,—повторила она машинально и сразу разсмѣялась.—И всегда ты надо мной трунишь... А вѣдь правда, съ другой стороны... Однако ты лучше меня знаешь о томъ, что можетъ быть съ другой стороны.

— Знаю,—отозвался старикъ.—Вотъ почему и совѣтую тебѣ не особенно беспокоиться, ничего не подѣлаешь. И я бы съ превеликимъ удовольствіемъ притянулъ къ ней небо, да, да... пусть ужъ самъ Богъ позаботится о своей овечкѣ.

Договаривая послѣднія слова, онъ всталъ на встрѣчу гостю, вошедшему въ гостиную въ сопровожденіи Стефана. Глаза Росновскаго быстро осмотрѣли комнату кругомъ: въ комнатѣ нѣкого, кромѣ стариковъ Дарновскихъ, не оказалось. Продолжая все время держать въ рукахъ шапку—экипажъ его поданъ былъ уже къ крыльцу,—онъ видимо оттягивалъ отъѣздъ. Раскаживалъ со старикомъ по комнатѣ, заговаривалъ о томъ, о семъ, подсѣлъ къ хозяйкѣ, сообщилъ ей какое-то новое средство противъ мигрени. Легко было замѣтить его волненіе: чего-то нетерпѣливо онъ поджидалъ. Разъ даже быстро повернулся къ дверямъ, ведущимъ во внутренніе покои, когда онѣ скрипнули. Вошла Броня и тотчасъ же уцѣпилась руками за нѣко брата, разговаривавшаго, стоя, съ Домунтомъ и Романомъ. Прошло еще минутъ пять, десять, наконецъ четверть часа—лѣсничій всталъ и началъ церемонно прощаться со всѣми. Образовалась группа посреди гостиной. Прощанье тянулось довольно долго. Гость закидывалъ вопросами, заговаривалъ со всѣми, перебрасывался отрывистыми фразами. Казалось, еще болѣе, чѣмъ его, что-то сильно волновало хозяйку. Поминутно бросала она нетерпѣливые взгляды на дверь; на ея худыхъ щекахъ вспыхнулъ слабый румянецъ. Наконецъ, она не выдержала и спросила Броню вполголоса:

— Гдѣ же Иря? Сходи за ней.

Дѣвочка, повидимому, не поняла настоятельности тихаго перешептыванія. Выглянувъ изъ-за плечъ Стефана и не отнимая цѣпкой ручонки отъ его шеи, она объявила во всеуслышаніе:

— Иря спать пошла. Давно уже, сейчасъ же послѣ ужина, когда Стефанъ со своими гостями ушелъ наверхъ; я еще не успѣла тогда накормить „Чувая“. Ушла спать, это я вѣрно знаю.

Ея рѣчь заключала въ себѣ достаточно убѣдительныхъ подробностей, и сомнѣваться въ достовѣрности совершившагося факта было невозможно. На лицѣ Росновскаго показалось страшное утомленіе, окончательно заслонившее другія чувства, которыя, быть можетъ, испытывалъ лѣсничій. Разсѣянно озирался онъ кругомъ.

— „Свой“! иди же!

Минуты двѣ спустя, сидѣлъ онъ въ старинномъ, довольно изящномъ, впрочемъ, тильбюри, запряженномъ четверкой; рядомъ съ нимъ помѣстился и „Свой“, вытянувъ шею. Экипажъ тронулся. Стоявшимъ на крыльцѣ слышался короткий, отрывистый разговоръ. Лѣсничій что-то громко проговорилъ, слова затерялись въ глухомъ стукѣ двигавшихся по щебню колесъ, а собака какъ бы отвѣчала ему жалобнымъ, протяжнымъ лаемъ...

Эл. Оржешко.

НАПОЛЕОНЪ и КРОМВЕЛЬ

По поводу возрожденія Наполеоновской легенды.

I.

„Мнѣ суждено быть пищей для памфлетистовъ,—писалъ Наполеонъ на островѣ св. Елены, — но я не боюсь сдѣлаться ихъ жертвою: имъ придется имѣть дѣло съ гранитомъ“... Не одни только памфлетисты, но и ученые историки и социологи трудились надъ разрушеніемъ Наполеоновской легенды, съ несомнѣннымъ, повидимому, успѣхомъ. Огюсть Контъ считалъ уже доказаннымъ, что слава Бонапарта есть только искусственный, обманчивый продуктъ стараго военнаго духа, противорѣчащаго всѣмъ основамъ новѣйшей культуры. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, несмотря на существованіе второй имперіи, Эдгаръ Кинэ замѣчалъ въ литературѣ о Наполеонѣ ясные признаки „возстанія противъ тиранніи его памяти“, или по крайней мѣрѣ „очевидную потребность освободиться отъ увлеченія блескомъ его имени“. „Можно думать,—говоритъ Кинэ,—что французскій духъ не останется закутаннымъ и ослѣпленнымъ лучами Наполеона, какъ это случилось съ другими народами, которые не сумѣли своевременно вырваться изъ объятій великаго человѣка. Наполеонъ не будетъ имѣть такого безусловнаго владычества надъ умами, какое принадлежало Александру Македонскому, Цезарю, Карлу Великому. Неблагопріятна ли вообще наша эпоха для подобнаго поклоненія героямъ, или оно не свойственно специально французской націи, но такъ или иначе съ каждымъ днемъ повторяются усилія безпристрастно освѣтить факты и вытѣснить легенду правдивою исторіею“¹⁾. Позорное паденіе второй имперіи и послѣдо-

---

¹⁾ Edgar Quinet, Histoire de la campagne de 1815. Par., 1862.

вавшее затѣмъ торжество республиканскихъ идей должны были искоренить въ народѣ послѣдніе остатки военно-политическаго культа, связаннаго съ именемъ Наполеона. Въ 1887 году появился (въ „Revue des deux Mondes“) этюдъ Тэна, заключавшій въ себѣ какъ будто окончательный научный приговоръ надъ личностью великаго „корсиканца“, на основаніи множества собранныхъ фактическихъ матеріаловъ.

Что же мы видимъ въ настоящее время? Именно послѣ рѣзкой отрицательной характеристики, сдѣланной Тэномъ, французская литература сильнѣе, чѣмъ когда-либо, занялась изученіемъ и прославленіемъ Наполеона, и „кумиръ поверженный“ какъ бы восстановленъ на своемъ пьедесталѣ, съ прежнимъ ореоломъ величія и славы. Десятки книгъ посвящались ему въ послѣдніе годы, — обширныя изслѣдованія, мемуары, очерки, романы и даже театральныя пьесы, въ которыхъ съ любовью изображаются не только всевозможные подвиги героя, но и различные эпизоды его частной, интимной жизни. Наполеона вновь превозносятъ теперь въ прозѣ и въ стихахъ, въ печати и на сценѣ, и то, что казалось уже поколебленнымъ и опровергнутымъ, стоитъ опять твердо, какъ „гранитъ“. Образъ легендарнаго побѣдителя опять овладѣлъ умами французовъ, какъ въ началѣ столѣтія, вопреки всѣмъ усиліямъ научно-исторической критики.

Такое возрожденіе Наполеоновской легенды имѣетъ, конечно, свои психологическія причины, достойныя вниманія и анализа. Историки и социологи, разсуждающіе о неразумности слѣпого поклоненія отдѣльнымъ историческимъ дѣятелямъ и о бесплодности и суетѣ военной славы, упускаютъ изъ виду обыкновенныя человѣческія чувства и наклонности, не поддающіяся доводамъ холоднаго разсудка даже среди самыхъ просвѣщенныхъ націй. Военные и политическіе подвиги несравненно больше говорятъ воображенію и сильнѣе увлекаютъ умы, чѣмъ подвиги умственные и культурные. Александръ Македонскій и Цезарь всегда будутъ болѣе понятны и близки народнымъ массамъ, чѣмъ Платонъ и Аристотель. Физическая борьба, дающая перевѣсъ искуснѣйшимъ бойцамъ, представляетъ для толпы болѣе реальный, захватывающій интересъ, болѣе разжигаетъ страсти въ зрителяхъ и судьяхъ, чѣмъ самые важные отвлеченные споры. Грандіозная обстановка кровавыхъ столкновеній, которыя устраивалъ Наполеонъ, заставляетъ французовъ забывать внутреннюю безцѣльность и несправедливость предпринимавшихся войнъ, ихъ пагубныя практическія послѣдствія для народовъ и прежде всего для самой Франціи. Магическое слово „побѣда“ сохраняетъ для французовъ свое

традиционное безотчетное обаяніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда военное торжество увѣнчивается грубое, ничѣмъ не мотивированное насиліе надъ чужою страной и ничего не приноситъ побѣдителямъ, кромѣ вреда и всевозможныхъ затрудненій. Въ этомъ отношеніи сказываются до сихъ поръ въ характерѣ французскихъ историческихъ черты ихъ воинственныхъ предковъ, цѣнившихъ военную славу выше всего въ мірѣ и искавшихъ славы ради славы. Въ Германіи призываются и воспѣваются національныя войны, обезпечившія независимость націи и приведшія къ ея политическому объединенію. Англичане гордятся военными предпріятіями, доставившими имъ богатѣйшія колоніи въ разныхъ частяхъ свѣта вмѣстѣ съ владычествомъ на моряхъ. Новѣйшіе англійскіе писатели не оправдываютъ того, что было произвольнаго и безнравственнаго въ наступательной политикѣ старой Англіи; они не защищаютъ между прочимъ и своего необратимаго успѣшнаго заступничества за Турцію со времени крымской войны. Такъ же точно и у насъ принято уже относиться критически къ ненужнымъ и разорительнымъ для насъ побѣдамъ русскаго оружія во имя интересовъ западно-европейскихъ династій, въ первую половину текущаго столѣтія; это отрицательное отношеніе къ нѣкоторымъ побѣдоноснымъ войнамъ Россіи, бывшее прежде удѣломъ однихъ „либераловъ“, раздѣляется теперь и патріотами-славянофилами. Между тѣмъ французскіе историки, за весьма немногими исключеніями, находятъ величіе и правоту въ каждомъ успѣхѣ Наполеона, въ каждомъ замыслѣ его, хотя бы явно несправедливомъ и ошибочномъ. Такой серьезный исследователь, какъ Альберъ Вандаль, готовъ возлагать ответственность за постоянныя войны на тѣ державы, которыя не желали подчиняться безпрекословно всѣмъ требованіямъ Наполеона; онъ оправдываетъ и безумный планъ принудительнаго объединенія всѣхъ державъ континента съ цѣлью закрытія рынковъ для англійской торговли, — планъ, превращавшій идею всемірной монархіи въ одно изъ средствъ борьбы съ Англіею. Неудачи Наполеона приписываются его маршаламъ или второстепеннымъ исполнителямъ; собственныя рѣшенія и дѣйствія его неизмѣнно представляются гениальными.

Самъ Тэнъ, рисуя отрицательныя черты его характера, надѣляетъ его качествами и способностями, превышающими человеческое пониманіе: Наполеонъ выходитъ какимъ-то полубогомъ или демономъ, создавшимъ новѣйшую Францію по своему вкусу и усмотрѣнію, — существомъ единственнымъ въ своемъ родѣ, съ чудеснымъ мовговымъ аппаратомъ, съ совершенно исключительною

энергією и выдержкою, съ непонятнымъ даромъ поворать умы и сердца повсюду, даже среди враждебныхъ націй. „Для современниковъ,—говорить Тэнъ,—Наполеонъ имѣетъ всѣ атрибуты божества, не только всемогущество, но и всезнаніе, и когда онъ обращается къ людямъ, они выносятъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ воображали. Когда онъ посѣщаетъ какой-нибудь городъ и бесѣдуетъ съ мѣстными властями объ интересахъ общины или департамента, то собесѣдники и слушатели его ослѣплены; онъ знаетъ мѣстныя дѣла такъ же хорошо, какъ и они, и судить о нихъ болѣе проникательно и мѣтко; онъ объясняетъ имъ собственныя ихъ нужды и потребности. Наканунѣ вечеромъ, по прибытіи, онъ получилъ всѣ свѣденія и цифры, всѣ положительныя и техническія данныя, сгруппированныя и распределенныя по предписанной имъ методѣ; въ продолженіе ночи онъ читалъ и усвоилъ ихъ; утромъ на разсвѣтѣ онъ дѣлаетъ прогулку верхомъ; съ быстротою и точностью необычайными взглядъ его намѣчаетъ лучшее направленіе для предполагаемаго канала, лучшее помѣщеніе для устройства фабрики или завода, для порта или плотины. Въ трудности, останавливавшія мѣстныхъ дѣятелей, въ спорные вопросы, казавшіеся неразрѣшимыми, онъ сразу вноситъ практическое и единственно возможное рѣшеніе; оно было тутъ же подъ рукою, но не могло быть найдено членами общиннаго совѣта; онъ наглядно показавъ имъ, въ чемъ дѣло. Передъ этимъ волшебнымъ, всезнающимъ геніемъ они стоятъ смущенные, съ раскрытыми ртами. „Это болѣе чѣмъ человекъ“, говорили французскому сановнику представители Дюссельдорфа. „Да,—отвѣчалъ сановникъ,—это дьяволъ“. И въ самомъ дѣлѣ, къ обаянію умственнаго превосходства онъ присоединяетъ авторитетъ силы; всегда въ немъ проявляется не только великій человекъ, но и властелинъ молніеносный: удивленіе начинается или кончается страхомъ; у всякаго душа покоряется предъ нимъ; энтузіазмъ и преклоненіе сливаются подъ его взглядомъ въ единое чувство страстнаго повиновенія и безусловнаго подчиненія. Волей или неволей, по убѣжденію или съ трепетомъ увлеченные люди отрываются въ его пользу отъ своей свободы мнѣній и выбора“.

Вездѣ, при проѣздѣ императора, испытывалось нѣчто въ родѣ изумленія, вызываемаго появленіемъ чуда. И дѣйствительно, онъ былъ чудомъ, по описанію Тэна: „его умъ, по силѣ усвоенія и по полнотѣ, превосходилъ всѣ извѣстныя и даже вѣроятныя размѣры“; „количество фактовъ, которые вмѣщаются въ его головѣ, количество идей, которыя его умъ вырабатываетъ и производитъ, превышаетъ человѣческую способность, и этотъ мозгъ ненасыт-

ный, неистощимый, неизмѣнный, дѣйствуетъ такимъ образомъ безъ перерыва въ теченіе тридцати лѣтъ¹⁾. Онъ все понимаетъ и все предвидитъ; онъ предусматриваетъ тысячи деталей, знаетъ положеніе дѣлъ въ каждомъ специальномъ вѣдомствѣ лучше министровъ и чиновниковъ, и въ то же время, при обсужденіи труднѣйшихъ законодательныхъ вопросовъ, онъ поражаетъ блестящими и глубокими замѣчаніями, которыя сыплются у него, какъ молніи, и освѣщаютъ предметъ насвое, подобно изреченіямъ Вольтера или Монтескьё; его мѣткіе, острые афоризмы не придуманы заранее, — они выходятъ у него сами собою, какъ естественныя, невольныя, постоянныя черты его ума²⁾. Мало того, правительственный механизмъ, устроенный имъ, вполне приспособленъ къ требованіямъ времени и къ настроенію народнаго большинства; въ обыкновенной административной практикѣ онъ не допускалъ произвола, всегда имѣлъ въ виду реальныя выгоды населенія и дѣлалъ чрезвычайно много для внѣшняго благоустройства страны, заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ объ экономіи и бережливости въ государственныхъ расходахъ. Вообще, по мнѣнію Тэна, можно сказать, что, благодаря Наполеону, французы вновь приобрѣли тѣ блага, которыхъ недоставало имъ съ 1789 года, — внутренний миръ, общественное спокойствіе, административный порядокъ, непристрастное правосудіе, аккуратную полицію, безопасность лицъ, имуществъ и совѣсти, свободу частной жизни, сознаніе связи съ отечествомъ и возможность возвращенія для эмигрантовъ, достаточное матеріальное обезпеченіе духовенства и потому, даровое исполненіе религиозныхъ обрядовъ; школы и обученіе для юношества, больницы и пріюты для больныхъ, для брошенныхъ дѣтей и для бѣдныхъ, правильное содержаніе дорогъ и публичныхъ сооружений. Наконецъ, Наполеонъ высоко ставилъ задачи правителя и добросовѣстно исполнялъ ихъ, сообразно своему пониманію, не щадя своихъ силъ и здоровья; онъ трудился больше всѣхъ и никогда не жертвовалъ своими обязанностями ради наслажденій и отдыха³⁾.

Такова общая характеристика Наполеона въ сочиненіи Тэна. Не есть ли это настоящая реабилитация величія и славы императора? Правда, Тэнтъ выставляетъ нравственные недочеты и пороки его натуры, его презрѣніе къ людямъ, его колоссальный эгоизмъ, указываетъ на родство его съ средневѣковыми итальян-

¹⁾ H. Taine, *Les origines de la France contemporaine*, vol. V: *Le régime moderne*. Par., 1891, стр. 32—41, 886—887 и др.

²⁾ Тамъ же, стр. 170, 190—191, 252—253 и др.

свѣми тиранами и „кондотьеры“; но эти свойства и наклонности присущи почти всѣмъ великимъ завоевателямъ, начиная съ Александра Македонскаго, а недостатокъ нравственнаго чувства еще въ большей мѣрѣ отличаетъ многихъ знаменитыхъ правителей, которыми съ особенною любовью занимаются историки. Бритическій элементъ въ книгѣ Тэна, при всей своей яркости и силѣ, не только не ослабляетъ, а скорѣе, напротивъ, отбѣиваетъ и выдвигаетъ необычайную, почти фантастическую личность „строителя, собственника и главнаго обитателя государственнаго зданія Франціи“ въ началѣ столѣтія. Такъ какъ всѣ другіе дѣятели революціонной эпохи изображены притомъ въ крайне непривлекательномъ видѣ и самые принципы республики подвергнуты суровому осужденію, то результатъ работы Тэна долженъ былъ оказаться благопріятнымъ для возрожденія Наполеоновскаго культа,—быть можетъ, вопреки намѣренію автора.

Теперь уже ясно видно, насколько ошибались бонапартисты, усмотрѣвшіе въ первомъ этюдѣ Тэна памфлетъ, оскорбительный для памяти „великаго императора“. То, что было обиднаго и односторонняго въ оцѣнкѣ личности Наполеона, съ избыткомъ выкупалось краснорѣчивымъ изображеніемъ его исключительныхъ талантовъ и его всеобъемлющей практической дѣятельности въ дальнѣйшихъ частяхъ изслѣдованія Тэна.

Послѣ появленія очерковъ знаменитаго академика въ „Revue des deux Mondes“, въ защиту памяти Бонапарта выступилъ племянникъ послѣдняго, принцъ Наполеонъ ¹⁾. Для него этюдъ Тэна есть не что иное, какъ постыдный пасквиль, а самъ авторъ—памфлетистъ, забывшій первыя обязанности историка. Стараясь возстановить честь своего великаго дяди, принцъ Наполеонъ обрушивается на Тэна, обвиняетъ его въ клеветническихъ подтасовкахъ и софизмахъ, въ нежеланіи или неумѣнн охватить предметъ съ надлежащей точки зрѣнія. „Истинное призваніе его,—говоритъ онъ,—распредѣлять и описывать коллекціи насѣкомыхъ; онъ видитъ только маленькое и ничтожное, и взоръ его затемняется или смущается тотчасъ, когда изучаемый предметъ достигаетъ болѣе значительныхъ размѣровъ. Тогда онъ усиливаетъ свои розыски; онъ ищетъ, куда приложить свой микроскопъ, и находитъ объясненіе, которое низводитъ до его круговора образъ, смутившій его своимъ величіемъ“... „Сухой по натурѣ, съ узкимъ умомъ, недоступный живымъ впечатлѣніямъ и великодушнымъ порывамъ, аналитикъ, вѣчно вооруженный своимъ ланцетомъ и

¹⁾ Napoléon et ses détracteurs, par le prince Napoléon. Par., 1887.

съ удовольствіемъ разсѣкающій свою жертву до послѣднихъ ея фибръ, Тэнъ оцѣниваетъ философовъ по свѣденіямъ объ ихъ образѣ жизни и судить о произведеніяхъ искусства на основаніи данныхъ о патологическихъ особенностяхъ художника... Для Тэна человѣкъ есть злое животное, дикая и сладострастная горилла. Онъ повсюду видитъ зло, и только зло описываетъ онъ съ любовью. По его описаніямъ революціонной эпохи можно было бы думать, что предъ нами шайка безумцевъ, идущихъ отъ разрушенія къ разрушенію, безъ другого мотива, кромѣ лишь овладѣвшаго ими бѣшенства. Никто не находитъ пощады предъ его судомъ. Всѣ оказываются простыми бандитами, которыхъ историки по ошибкѣ принимали за ораторовъ, патріотовъ, полководцевъ"... Особенно негодуетъ принцъ Наполеонъ на отрицаніе національной связи Бонапарта съ Франціею. „Вооруженный апостолъ французской революціи“, авторъ конкордата и гражданскаго кодекса, побѣдитель при Іенѣ и Аустерлицѣ, не могъ быть чуждъ французамъ; онъ былъ высшимъ воплощеніемъ французскаго генія и не имѣлъ ничего общаго ни съ итальянскими кондотьеры, ни съ мелкими тиранами средневѣковыхъ республикъ. Военные подвиги Наполеона, на которыхъ почти не останавливается Тэнъ, составляютъ національное достояніе Франціи и служатъ, по мнѣнію принца, единственнымъ утѣшеніемъ и поощреніемъ для французовъ, послѣ неудачъ 1870—71 годовъ. Имя Наполеона заключаетъ въ себѣ идею побѣды, какъ „воспоминаніе и надежду“, и это указаніе на военно-патріотическую основу Наполеоновской легенды есть сильнѣйшій изъ аргументовъ, приводимыхъ въ книгѣ принца Наполеона въ пользу бонапартизма.

Когда появилось сочиненіе принца Наполеона, оно было едва замѣчено литературою; слишкомъ мало было еще тогда охотниковъ публично выражать сочувствіе взглядамъ, казавшимся вполне естественными въ устахъ представителя фамилии Бонапартовъ, а спорить о Наполеонѣ съ его племянникомъ представлялось бесполезнымъ. Съ тѣхъ поръ настроеніе измѣнилось, и многія мысли, высказанныя принцемъ Наполеономъ, повторяются писателями, не принадлежащими вовсе къ бонапартистамъ. Французскій переводчикъ вышедшей недавно книги англійскаго генерала, лорда Уольслея, не стѣсняется уже утверждать категорически, что Наполеонъ и Франція всегда составляли одно и то же. Переводчикъ наивно добавляетъ, что всѣ похвалы императору въ книгѣ Уольслея бесспорно основательны и вѣски, а критическія замѣчанія не только несправедливы и произвольны, но и непонятны для фран-

цузскаго читателя ¹⁾). Въ чемъ же заключается критика англійскаго генерала? Онъ доказываетъ, что съ 1812 года Наполеонъ былъ уже не тотъ великій полководецъ, какимъ онъ былъ раньше, что онъ подвергался внезапно припадкамъ какой-то таинственной болѣзни, парализовавшей его волю и сознаніе въ самые трудные моменты борьбы, и вслѣдствіе этого онъ дѣлалъ ошибки и упущенія, какихъ никогда не допускалъ бы въ прежніе годы. Слѣдовательно, одно предположеніе, что герой подлежалъ воздѣйствію естественныхъ причинъ, какъ обыкновенный смертный, кажется уже непозволительнымъ и даже непонятнымъ для французскаго патріотизма, если вѣрить переводчику книги Уольслея.

Насколько сильны еще военныя традиціи въ современныхъ французахъ и какъ легко создаются легенды на почвѣ довѣрчиваго увлеченія случайно выдвинувшимися „героями“, можно было видѣть изъ недавней, столь печально окончившейся буланжистской эпопеи. Французскіе патріоты готовы были увѣровать въ великую историческую миссію генерала, ничѣмъ еще не доказавшаго своихъ правъ на приписанную ему роль; что же удивительнаго въ томъ, что, разочаровавшись въ Буланже, они съ удвоенною силою отдались поклоненію старому и безспорному кумиру, Наполеону? Буланжизмъ былъ только жалкою пародіею бонапартизма; источникъ обоихъ явленій—одинъ и тотъ же. Неудача буланжизма оставила готовую почву для оживленія Наполеоновскаго культа: не имѣя подходящихъ предметовъ въ настоящемъ, потребность въ поклоненіи героямъ обратилась въ прошедшему и нашла удовлетвореніе въ усиленной разработкѣ преданій о подвигахъ и дѣлахъ Бонапарта.

II.

Сколько ни писали о Наполеонѣ, но далеко еще не все сказано о немъ: не разобраны еще нѣкоторые вопросы личной и общественной психологіи, возбуждаемые его необыкновенною историческою судьбою.

Во-первыхъ, какимъ образомъ въ рядахъ республиканской арміи, имѣвшей уже многихъ талантливыхъ и честолюбивыхъ генераловъ (Ожеро, Массенѣ, Моро, Макдональдъ, Журданъ, Бернадотъ), могъ такъ легко и скоро достигнуть общаго безусловнаго повиновенія и признанія молодой офицеръ, итальянецъ по про-

¹⁾ Le déclin et la chute de Napoléon, par le maréchal viconte Wolseley. Paris, 1894, стр. X.

исхожденію, обязанный своимъ возвышеніемъ одному изъ наименѣе уважаемыхъ членовъ директоріи? Какъ могло образоваться и утвердиться въ этомъ человѣкѣ чувство неограниченнаго властелина, не терпящаго противорѣчій,—когда кругомъ были люди, воспитанные на принципахъ революціи, выросшіе въ бояхъ и среди опасностей политическаго террора?

Во-вторыхъ, чѣмъ объяснить тотъ странный фактъ, что при своемъ ясномъ, практическомъ, проницательномъ умѣ, охватывавшемъ всѣ подробности и послѣдствія задумываемыхъ предпріятій, этотъ „человѣкъ разсчета“ (*homme de calcul*; какъ онъ самъ называлъ себя) задался съ 1810 года явно неосуществимыми и нелѣпыми планами, которые неминуемо должны были привести его къ паденію? Онъ не могъ не сознавать, что военное владычество французовъ надъ остальною Европою держится только его побѣдами и не имѣетъ подъ собою прочнаго фундамента; и однако онъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто желалъ возстановить противъ себя всѣ народы и возбудить всеобщую оборонительную войну противъ Франціи.

Чтобы лучше выяснитъ особенности характера и дѣятельности Наполеона, удобнѣе всего сравнить его съ Кромвелемъ. Параллель эта напрашивается сама собою,—между прочимъ, ее проводитъ Карлейль, при чемъ дѣлаетъ смѣлое и на первый взглядъ совершенно произвольное заключеніе о превосходствѣ англійскаго протектора надъ французскимъ императоромъ. „Наполеонъ,—говоритъ Карлейль,—не представляется мнѣ столь великимъ человѣкомъ, какъ Кромвель. Его громадныя побѣды, которыя захватывали всю Европу, тогда какъ Кромвель оставался въ нашей маленькой Англіи, суть только высокія ходули, на которыхъ стоитъ и показывается человѣкъ; но ростъ человѣка этимъ не мѣняется. Въ немъ я не вижу такой искренности, какъ въ Кромвелѣ; притомъ она гораздо низшаго сорта. Его цѣльный, рѣшительный и вполне опредѣленный характеръ кажется узкимъ въ сравненіи съ нашимъ великимъ, хаотическимъ, неопредѣленнымъ Кромвелемъ. Въмѣсто „нѣмого пророка, усиливающагося говорить“, мы видимъ зловѣщую смѣсь хвастовства и лжи. Элементъ незаконнаго честолюбія обнаруживается съ самаго начала въ этомъ человѣкѣ, овладѣваетъ имъ подъ конецъ вполне и вовлекаетъ его и дѣло его въ пропасть. „Лжетъ какъ официальный бюллетень“,—это сдѣлалось пословицей во времена Наполеона. Онъ оправдываетъ, какъ можетъ, эту тактику; она была будто бы необходима, чтобы обмануть непріятеля, поднять духъ своей собственной арміи, и такъ далѣе. Въ цѣломъ, эти оправданія ни-

чего не стоятъ. Человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ свободы говорить ложь. Для Наполеона, въ общемъ, было бы лучше, еслибы онъ не говорилъ неправды. И въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ имѣетъ предъ собою цѣль, простирающуюся дагѣ сегодншняго дня и часа,—цѣль, которая должна существовать и завтра,—то какую пользу можетъ принести обнародованіе живыхъ словъ? Ложь сама себя опровергаетъ, и гибельная кара слѣдуетъ за нею. Никто не повѣритъ лжецу впослѣдствіи, даже когда онъ скажетъ правду и когда для него крайне важно, чтобы ему повѣрили. Старая исторія съ крикомъ о волеѣ! Ложь есть ничто; изъ ничего нельзя сдѣлать что-нибудь; въ концѣ концовъ выходить ничто, и всѣ труды пропадаютъ даромъ". Бѣдный лейтенантъ, вынесенный на первое мѣсто движеніемъ новой демократіи, здраво понималъ природу вещей и отлично взвѣшивалъ обстоятельства; и послѣ цѣлаго ряда блестящихъ побѣдъ онъ имѣлъ основаніе считать себя величайшимъ изъ людей. Но тутъ, —продолжаетъ Карлейль,—роковой шарлатанскій элементъ взялъ въ немъ верхъ. Онъ отрекся отъ прежней своей вѣры въ реальные факты и сталъ вѣрить въ подобія ихъ, въ обманчивую внѣшность, онъ вздумалъ породниться съ австрійскою династією, сблизиться съ папствомъ, съ старыми ложными феодалами, ложь которыхъ онъ когда-то видѣлъ ясно; онъ полагалъ, что можетъ основать „свою династію“, и что въ этомъ заключалось все значеніе огромной французской революціи. Человѣкъ твердо отдался той иллюзіи, что онъ будетъ вѣрить жи; онъ уже не отличалъ истиннаго отъ ложнаго при оцѣнкѣ фактовъ,—самое страшное наказаніе за подчиненіе внутренней неправдѣ. Личное и ложное честолюбіе сдѣлалось его божествомъ, самообманъ привелъ его къ этому, и отсюда естественно все болѣе и болѣе вытекали другія заблужденія. Какими ничтожными заплатами театральныхъ бумажныхъ костюмовъ, мишурныхъ украшеній и маскарадныхъ переодѣваній обставилъ онъ свое реальное величіе, полагая такимъ способомъ сдѣлать его болѣе реальнымъ!.. Наполеонъ слишкомъ много вѣрилъ въ силу обмана; онъ не видѣлъ въ человѣкѣ другихъ, болѣе глубокихъ факторовъ, чѣмъ голодъ и готовность къ самообольщенію. Онъ ошибся въ этомъ. Онъ какъ будто строилъ зданіе на облакахъ; его домъ и онъ самъ свалились въ кучу и исчезли изъ міра. Увы, въ каждомъ изъ насъ есть элементъ шарлатанскій, и онъ можетъ развиваться, еслибы явилось достаточно сильное искушеніе. Но онъ становится роковымъ, когда развивается, и то дѣло, въ составъ котораго онъ входитъ, осуждено на преходящее значеніе, и какъ бы оно ни казалось вс-

ликимъ, оно само по себѣ остается малымъ. Чѣмъ была поэтому дѣятельность Наполеона, со всѣмъ ея шумомъ? Взрывъ пороха, раздавшійся на далекое разстояніе,—воспламенение сухого вереска въ степи. На одинъ часъ весь міръ какъ будто окутывается дымомъ и пламенемъ, но только на одинъ часъ. Все это проходитъ: міръ стоитъ по прежнему съ своими горами и рѣками, съ своими звѣздами на верху и доброй почвою внизу. Герцогъ веймарскій всегда говорилъ своимъ друзьямъ: будьте терпѣливы, этотъ наполеонизмъ несправедливъ, основанъ на лжи и потому не можетъ держаться. Это вѣрная доктрина. Чѣмъ тяжелѣе Наполеонъ угнеталъ народы, подавляя ихъ своею тираніею, тѣмъ рѣшительнѣе они должны были возстать противъ него въ надлежащій моментъ. Несправедливость оплачивается съ ужасающими процентами. Лучше было бы ему потерять цѣлый артиллерійскій паркъ или бросить въ воду одинъ изъ первыхъ своихъ полковъ, чѣмъ разстрѣлать бѣднаго нѣмецкаго книгопродавца, Пальма. Это была явная злодѣйская несправедливость, которую никто не могъ бы сдѣлать иною, какъ бы ни замазывалъ ее. Она глубоко запала въ сердца людей; сдержанный огонь вспыхивалъ въ глазахъ нѣмцевъ, когда они вспоминали объ этомъ, въ ожиданіи дня расплаты. И день этотъ насталъ. Германія поднялась вокругъ него. Положительные итоги Наполеоновскихъ дѣлъ сводятся въ общемъ только къ тому, что онъ дѣлалъ справедливо и что соотвѣтствовало природѣ и ея законамъ. Только въ этой мѣрѣ была въ немъ реальность; остальное все—дымъ и пустота. „Дорога открыта талантамъ“,—это великое истинное завѣщаніе, которое должно было точно выразиться и исполниться повсюду,—оставлено имъ въ крайне неясномъ, неопредѣленномъ видѣ¹⁾. Наполеонъ увлекся своими собственными химерами; начавши съ реальности, онъ кончаетъ тѣмъ, что безпомощно падаетъ въ пустоту, и нѣтъ для него спасенія¹⁾. По мнѣнію Карлейля, Кромвель былъ болѣе цѣльною и глубокою натурою; у него была вѣра, во имя которой онъ дѣйствовалъ и которая удерживала его отъ соблазновъ, погубившихъ французскаго полководца.

Бѣглыя замѣчанія англійскаго мыслителя затрогиваютъ нѣчто весьма существенное, обыкновенно упускаемое изъ виду историками,—вопросъ о внутреннемъ смыслѣ и нравственныхъ мотивахъ дѣятельности „героевъ“;—но эти замѣчанія вдвойнѣ односторонни,—они преувеличиваютъ достоинства Кромвеля сравнительно съ На-

¹⁾ On heroes, hero-worship and the heroic in history, by Thomas Carlyle. Lect. VI. Отсюда Контъ также держался того мнѣнія, что Кромвель выше Бонапарта; Cours de philosophie positive, v. V, p. 469 (изд. 1869).

полеономъ и оставляютъ въ тѣни ту психическую атмосферу, которая окружала обоихъ дѣятелей. Въ пуританскомъ благочестіи Кромвеля было несомнѣнно много ханжества и лицемерія; онъ поступалъ круто и безцеремонно съ своими противниками, обнаруживалъ чрезмѣрную жестокость, напр. при усмирении Ирландіи, не стѣснялся открыто нарушать основные законы страны, опираясь исключительно на военную силу, и прикрывалъ свои мысли и желанія намѣренною темнотою и сбивчивостью рѣчи, доходившей въ важныхъ случаяхъ до совершеннаго безсмыслія (напр., въ пространномъ отвѣтѣ на предложеніе ему короны). Что касается умственныхъ силъ и качествъ Кромвеля, то они не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ разностороннею практическою гениальностью Наполеона, ослѣплавшею современниковъ и потомство: въ этомъ нѣтъ спора между критиками и хвалителями первой имперіи во Франціи. Бонапартъ былъ, по общему признанію, исключительный феноменъ по складу ума и характера, и Тэнъ допускаетъ для него сравненіе только съ Цезаремъ. По объему своихъ дѣлъ, хотя бы и безплодныхъ, Наполеонъ также занимаетъ несравненно большее мѣсто въ исторіи, чѣмъ Кромвель. Но внѣшнія черты сходства въ карьерѣ того и другого даютъ матеріалъ для поучительной параллели, которую можно провести гораздо дальше и полнѣе. Нравственные, духовныя побужденія и колебанія играли большую роль въ жизни Кромвеля, придавая ему отпечатокъ человѣчности и простоты. Кромвель, при всѣхъ недостаткахъ и противорѣчіяхъ своего темперамента, болѣе понятенъ и близокъ намъ, чѣмъ холодный, ни въ чемъ не сомнѣвающійся полководецъ, не знавшій другого закона, кромѣ своей воли и своего интереса.

Кромвель и Бонапартъ одинаково распорядились съ законными представителями націи, разогнавъ ихъ при помощи войска; но въ способѣ исполненія этого насильственнаго акта замѣчается весьма характерная разница. Вотъ какъ описываетъ Юмъ знаменитую сцену распущенія парламентскаго „хвоста“, стремившагося незаконно сохранить за собою власть безъ производства новыхъ выборовъ. „Узнавъ, что палата рѣшила не расходиться, а дополнить свой составъ новыми членами, Кромвель въ гнѣвѣ поспѣшилъ въ палату, въ сопровожденіи отряда изъ трехсотъ солдатъ; онъ размѣстилъ ихъ у дверей, въ передней и на ступеняхъ лѣстницы. Явившись въ засѣданіе, въ качествѣ члена парламента, онъ прежде всего сообщилъ своему другу Сень-Джону, что пришелъ съ намѣреніемъ совершить дѣло, огорчающее его до глубины души, и что онъ искренно, со слезами,

умолялъ Бога не налагать на него такой обязанности; но исполнить это необходимо, для славы Господа и для блага нации. Онъ сѣлъ на свое мѣсто и нѣкоторое время слушалъ дебаты. Онъ сдѣлалъ знакъ Гаррисону и сказалъ ему, что по его мнѣнію парламентъ созрѣлъ для распущенія. „Сэръ,—отвѣтилъ Гаррисонъ,—дѣло это слишкомъ важно и опасно; я желаю бы, чтобы вы серьезно обсудили его, прежде чѣмъ приступить къ исполненію“. „Вы правы“,—сказалъ генераль, и просидѣлъ еще четверть часа. Когда обсуждавшійся вопросъ (о сохраненіи полномочій членовъ палаты) былъ предложенъ для голосованія, Кромвель замѣтилъ Гаррисону: „теперь время настало,—я долженъ это сдѣлать“. Внезапно, поднявшись съ мѣста, онъ осыпалъ палату сильнѣйшими упреками за ея беззаконія, честолюбіе, угнетеніе народа и грабительство. Онъ топнулъ ногой, что было сигналомъ для прихода солдатъ. „Уходите отсюда,—обратился онъ къ членамъ,—уступите мѣсто болѣе честнымъ людямъ, такимъ, которые болѣе добросовѣстно исполняютъ свои обязанности. Вы не парламентъ; я говорю вамъ, вы уже не парламентъ. Богъ повончилъ съ вами; онъ выбралъ другія орудія для исполненія его дѣла“. Когда сэръ Гарри Ванъ протестовалъ противъ насилія, Кромвель закричалъ громкимъ голосомъ: „О, сэръ Гарри Ванъ, сэръ Гарри Ванъ! Да избавить меня Богъ отъ сэра Гарри Вана!“ Схвативъ Мартина за платье, онъ бросилъ ему въ лицо слова: „ты содержатель непотребнаго дома!“ другому сказалъ: „ты развратникъ!“ третьему:—„ты пьяница и обжора!“ четвертому:—„ты взяточникъ!“ Онъ велѣлъ солдату взять жезлъ спикера. „Зачѣмъ намъ эта игрушка? Уберите ее! Вы сами,—продолжалъ онъ, обращаясь къ палатѣ,—принудили меня поступить такимъ образомъ. Я денно и нощно молилъ Бога, чтобы онъ скорѣе убилъ меня, чѣмъ возложилъ на меня эту задачу“. Приказавъ солдатамъ очистить залу, онъ самъ вышелъ послѣдній, распорядился запереть двери и отправился затѣмъ въ свою квартиру въ Уайтгаль¹⁾.

Генераль Бонапартъ не могъ говорить и дѣйствовать такъ смѣло и прямодушно, съ такимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ, когда очутился лицомъ къ лицу съ собраніемъ народныхъ представителей, въ день 18 брюмера. Онъ тоже, подобно Кромвелю, явился въ засѣданіе палаты, осужденной имъ на упраздненіе, но почувствовалъ себя плохо при первыхъ крикахъ протеста. Онъ

¹⁾ David Hume, The history of England, chap. LX (изд. 1829, p. 725). Ср. „Исторію англ. народа“, Грина (русскій пер., Москва, 1892), т. III, стр. 225—226.

думалъ, какъ Кромвель, лично объяснить совѣту пятисотъ мотивы своего рѣшенія; но депутаты не хотѣли его слушать, встрѣтили его возгласами негодованія, обступили его со всѣхъ сторонъ и подняли такой шумъ, что предсѣдатель, Луціанъ Бонапартъ, долженъ былъ тотчасъ закрыть засѣданіе и призвать военную силу раньше, чѣмъ предполагалось. Еслибы не рѣшительность и присутствіе духа Луціана, то весь планъ его брата могъ бы потерпѣть неудачу. Когда въ палатѣ раздались возгласы: „внѣ закона!“—генераль Бонапартъ растерялся, поблѣднѣлъ, и друзья едва успѣли вытащить его изъ залы; казалось, что онъ близокъ къ обмороку. Луціанъ въ-время вышелъ къ солдатамъ и поручилъ генералу Деклерку, зятю Бонапарта, разогнать членовъ совѣта пятисотъ ¹⁾. Наполеонъ, не боявшійся смерти на поляхъ битвы, не въ силахъ былъ смотрѣть въ глаза людямъ, взволнованнымъ его незаконными дѣйствіями; онъ не обладалъ въ этомъ случаѣ тѣмъ твердымъ сознаніемъ высшаго долга и тѣмъ чувствомъ спокойной совѣсти, которыя такъ просто и ясно выразились въ гнѣвныхъ напутственныхъ словахъ Кромвеля разогнаннымъ имъ депутатамъ. Кромвель являлся тутъ прямымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія и жизненныхъ интересовъ націи; онъ вѣрилъ, что правда на его сторонѣ, и члены парламентскаго „хвоста“, готовившіеся провозгласить свою несмѣняемость, не нашли, что сказать въ отвѣтъ на его рѣзкіе упреки. Бонапартъ, даже поддерживаемый народнымъ сочувствіемъ, не могъ не сознавать, что онъ представляетъ собою только свою собственную личность, съ своими особыми цѣлями, и что ему противостоятъ люди, имѣющіе право говорить отъ имени Франціи. Энергическія возраженія противниковъ, ссылки ихъ на законы и интересы государства, останавливали и смущали Наполеона, потому что онъ самъ всего меньше думалъ о желаніяхъ и потребностяхъ націи. Его привлекало внѣшнее величіе и могущество, а народъ, о которомъ хлопотали тогдашніе французскіе законодатели, былъ для него только средствомъ, а не цѣлью.

Кромвель не принялъ предложенной ему короны и сохранилъ нѣкоторыя республиканскія формы управленія; Наполеонъ сдѣлался изъ перваго консула императоромъ и усвоилъ всѣ приемы

¹⁾ Извѣстный бонапартистъ, Кюнео д'Орнано, рассказывая этотъ эпизодъ въ своей недавно вышедшей книгѣ, видитъ въ тогдашнемъ поведеніи Бонапарта доказательство невинности его въ государственномъ переворотѣ: все дѣлали другіе, а онъ только противъ воли принялъ возложенную на него миссію. См. Gustave Cunéo d'Ornano, *La République de Napoléon*, Par., 1894, стр. 70 и др.; также Taine, *Le régime moderne*, vol. I, p. 60.

неограниченнаго властителя. Кромвель употреблялъ свою власть въ интересахъ Англіи и стѣснялся фальшивостью своего личнаго положенія; Наполеонъ сразу вошелъ въ роль монарха и свободно отдался порывамъ своей неутомимой военно-политической предпримчивости.

Всѣ эти различія зависѣли не столько отъ качествъ самихъ „героевъ“, сколько отъ наклонностей и стремленій окружаващаго ихъ общества. Кромвель видѣлъ около себя людей, способныхъ протестовать противъ его неправильныхъ дѣйствій; ему приходилось выслушивать горькую правду даже отъ приближенныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ его возвышеніи. Кругомъ были характеры, выросшіе въ традиціяхъ свободной политической жизни; голосъ общаго національнаго чувства и интереса не заглушался побужденіями узкаго эгоизма и корыстолюбія. Достигнувъ верховнаго владычества въ государствѣ, Кромвель не замѣчалъ признаковъ подчиненія и низепоклонства среди своихъ бывшихъ друзей и соратниковъ; онъ долженъ былъ еще считаться съ ихъ взглядами и убѣжденіями, съ ихъ идеями о правѣ и справедливости. Онъ отклонилъ корону потому, что многіе приверженцы его превратились бы въ открытыхъ и непримиримыхъ враговъ, въ случаѣ принятія имъ коварнаго дара. Не его заслуга, что современные ему англичане были мало проникнуты духомъ холопства и лжи; онъ зналъ, что ему могли бы бросить въ лицо такія же обвиненія, какія онъ самъ высказывалъ „хвосту“ парламента, и онъ не могъ желать этого. Хотя онъ особенно заботился объ интересахъ арміи и щедро награждалъ ея офицеровъ, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ въ ея рядахъ суровыхъ противниковъ, осуждавшихъ его за измѣну республиканскому знамени. Гаррисонъ, обязанный ему своимъ возвышеніемъ, сталъ относиться къ нему враждебно, когда установлена была единоличная власть, противъ которой раньше самъ Кромвель возставалъ въ принципѣ. Нѣкоторые другіе изъ высшихъ офицеровъ равнымъ образомъ перешли въ оппозицію, и протекторъ вынужденъ былъ лишить ихъ занимаемыхъ ими должностей. Въ своей собственной семьѣ, среди людей, наиболѣе ему преданныхъ, онъ встрѣчалъ противодѣйствіе своимъ честолюбивымъ планамъ. Флитвудъ, женатый на его дочери, и Десбороу, мужъ его сестры, не поддавались никакимъ уговорамъ, ухищреніямъ и просьбамъ, когда ихъ хотѣли склонить къ согласію на возведеніе ихъ покровителя и друга въ королевскій санъ. Они заявили ему, что тотчасъ откажутся отъ службы и никогда болѣе не будутъ въ состояніи подчиняться ему, если онъ приметъ титулъ короля, вопреки ихъ убѣжденіямъ. Его старшая дочь, жена

Флитвуда, оставалась до того вѣрною республиканскимъ принципомъ, что никакъ не могла примириться съ сосредоточеніемъ власти въ одномъ лицѣ, хотя бы лицомъ этимъ былъ родной ея отецъ. Самъ Флитвудъ сталъ отдаляться отъ своего тестя, когда убѣдился, что всѣ предпріятія его направлены къ увеличенію его личнаго могущества и авторитета. Остальныя дочери Кромвеля такъ же точно выражали сожалѣніе о насиліяхъ и несправедливостяхъ, въ которыя столь несчастливо, по ихъ мнѣнію, вовлечена была ихъ семья. Любимая дочь его, по мужу Клейполь, будучи въ болѣзненномъ состояніи, горячо упрекала отца за его жестокія мѣры и умоляла его покаяться въ преступленіяхъ, къ которымъ его привело роковое честолюбіе; вскорѣ послѣ этого она умерла ¹⁾. Великіе соблазны, неразрывно связанные съ политическимъ господствомъ, не существовали какъ будто для семьи Кромвеля; эти соблазны не мѣшали и другимъ говорить протектору непріятныя истины и порицать его политику. Онъ былъ расположенъ отъ природы къ веселью и къ шутивымъ чудачествамъ, и въ первые годы его политической карьеры эти привычки не покидали его въ самые серьезные моменты; товарищи и сотрудники безцеремонно отвѣчали на его шалости тою же монетою, на равныхъ правахъ. Передъ осужденіемъ Карла I созвано было совѣщаніе политическихъ и военныхъ дѣятелей для опредѣленія основъ будущаго государственнаго устройства, взаимнѣ монархіи; когда окончились дебаты, Кромвель вдругъ схватилъ подушку и положилъ на голову серьезнаго Лудлоу; послѣдній въ свою очередь пытался сдѣлать то же самое, но не успѣлъ, такъ какъ генералъ спасся бѣгствомъ и по этому случаю упалъ съ лѣстницы. Верховный судъ подписывалъ смертный приговоръ королю; Кромвель, взявъ въ руки перо, прежде чѣмъ подписать свое имя, брызнулъ чернилами въ лицо сидѣвшаго рядомъ Мартина; тотъ, когда перо перешло къ нему, отплатилъ Кромвелю тѣмъ же.

Впослѣдствіи веселость уступила мѣсто меланхоліи и подозрительности. Въ домѣ протектора не было радостей; власть не принесла ему утѣшенія, а только внесла разладъ въ среду его близкихъ и родныхъ. „Грустно провелъ свои старые годы Кромвель, — замѣчаетъ Карлейль; — онъ постоянно жалуется на тяжелое бремя, возложенное на него Провидѣніемъ, — бремя, которое онъ обязанъ носить до кончины. Старый полковникъ Гетчисонъ, дѣлившій съ нимъ когда-то труды и невзгоды войны, зашелъ къ нему разъ, противъ своей воли, по нужному дѣлу; Кромвель

¹⁾ David Hume, History of England, chap. LX, pp. 735—740 и др. (изд. 1829).

слѣдуетъ за нимъ до дверей, заговариваетъ въ дружескомъ, примирительномъ тонѣ, проситъ примириться съ нимъ, какъ съ старымъ товарищемъ по оружію, объясняетъ, какъ тяжело ему быть непонятымъ, покинутымъ вѣрными сослуживцами, дорогими ему съ давнихъ лѣтъ. Суровый Гетчисонъ, замкнутый въ свою республиканскую формулу, удаляется угрюмо, не говоря ни слова. А голова Кромвеля уже посѣдѣла, его крѣпкія руки устали отъ долгой работы! Его бѣдная, престарѣлая мать живетъ въ этомъ его дворцѣ, — хорошая, честная женщина; если она слышитъ выстрѣлъ, она думаетъ, что сынъ ея убитъ. Онъ долженъ былъ приходить къ ней хоть разъ въ день, чтобы она могла видѣть своими собственными глазами, что онъ еще живъ. Бѣдная старая мать! Что выигралъ этотъ человекъ, что онъ выигралъ? Жизнь его была полна печальныхъ столѣновеній и труда, до послѣднихъ дней. Имѣлъ ли онъ славу, почетъ, мѣсто въ исторіи? Его трупъ былъ повѣшенъ въ цѣпяхъ; его мѣсто въ исторіи было мѣстомъ позора, обвиненій и опалы. И здѣсь, въ этотъ день, — кто знаетъ? — быть можетъ, слишкомъ смѣло еще выступатъ съ заявленіемъ, что онъ былъ не плутъ и не лжецъ, а истинно честный человекъ" ¹⁾. Каковъ бы ни былъ въ душѣ самъ Кромвель, онъ не могъ ставить свою личность впереди общественнаго и національнаго интереса: все окружающее напоминало ему о чувствѣ долга, о служеніи государству, о вѣрности разъ усвоеннымъ нравственнымъ идеаламъ. Сознаніе, что онъ отступилъ отъ своихъ прежнихъ политическихъ принциповъ и что лучшіе люди страны осуждаютъ его за это, отравляло его существованіе въ послѣдніе годы, — хотя онъ самъ, быть можетъ, былъ искренно убѣжденъ въ необходимости удержать власть въ своихъ рукахъ, для пользы и блага Англіи.

Совершенно другая атмосфера окружала Бонапарта, начиная съ первыхъ его шаговъ къ захвату верховной власти. Патриотическое одушевленіе революціонной эпохи скоро испарилось, и французы, увлекавшіеся лихорадочными порывами къ свободѣ, остались въ сущности тѣми же, какими воспитали ихъ вѣка абсолютной монархіи. Когда выяснилось, что молодой генералъ, поддерживаемый Баррасомъ, имѣетъ шансы сдѣлаться повелителемъ, общество тотчасъ преклонилось предъ нимъ и обнаружило готовность забыть постоянные національные интересы ради частныхъ и временныхъ. Инстинкты честолюбія и эгоизма опять взяли верхъ надъ побужденіями нравственнаго чувства, вызваннаго къ

¹⁾ On heroes, 1840, Lect. LX, p. 217.

жизни просвѣтительною литературою XVIII-го столѣтія. Свѣжія традиціи версальскаго двора оживились и приняли только новыя формы; привычки угодничества и лести снова вступили въ свои права. Республиканскіе патріоты и генералы, за немногими исключеніями, отнеслись къ возвышенію Бонапарта очень просто, съ точки зрѣнія своихъ выгодъ; онъ сталъ для нихъ раздавателемъ должностей, титуловъ и богатствъ, и на этой почвѣ легко состоялась молчаливая сдѣлка, условія которой подразумѣвались сами собою. Военные и организаторскіе таланты выдвинули Наполеона на первый планъ; но общее подчиненіе ему было сначала дѣломъ разсчета и перешло затѣмъ въ безсознательный культъ, въ которомъ интересы Франціи не играли уже никакой роли. Это былъ культъ успѣха, основанный на личныхъ выгодахъ каждаго. Кто служилъ Наполеону и пріобрѣталъ его расположеніе, тотъ обезпечивалъ свою карьеру, пріобрѣталъ богатство и почетъ. Никто не говорилъ ему правды въ лицо, не возражалъ противъ его плановъ и рѣшеній, не напоминалъ о пользѣ страны, ибо никому не было желательно возбудить его неудовольствіе и лишиться его довѣрія. „Дорога открыта всѣмъ дарованіямъ“,—это означало, что всякій ловкій, способный человѣкъ можетъ возвыситься подъ условіемъ вѣрнаго исполненія воли властителя, съ отказомъ отъ какихъ бы то ни было личныхъ убѣжденій. Такъ понимали свое положеніе всѣ приближенные Наполеона; такъ смотрѣли на людей онъ самъ и имѣлъ къ тому свои основанія. Личный интересъ,—говорилъ онъ,—всегда руководить людьми; „вотъ, наприкладъ, Массенъ: онъ пріобрѣлъ достаточно славы и почестей; но онъ недоволенъ, хочетъ быть принцемъ, какъ Мюратъ или Бернадотъ; онъ пойдетъ въ огонь, чтобы получить этотъ титулъ, —таковы французы“. Когда Бонапартъ, будучи еще первымъ консуломъ, вздумалъ захватить на чужой территоріи герцога Энгиенскаго и разстрѣлять его, онъ ни въ комъ не встрѣтилъ протеста; напротивъ, генералъ Савари и Коленкуръ немедленно поспѣшили выказать свое усердіе, въ качествѣ исполнителей, а Талейранъ взялся оправдать предъ дипломатіей этотъ безцѣльный вызовъ, брошенный монархической Европѣ. Услужливая преданность оплачивалась чрезвычайно щедро; маршаламъ и сановникамъ давались цѣлыя состоянія. Рабскій духъ овладѣлъ людьми и развился до степени настоящей маніи. Міръ не видалъ еще такого сознательнаго, утонченнаго низкопоклонства, какое было при Наполеонѣ. „Еслибы я велѣлъ Савари, —говоритъ императоръ, —умертвить жену и дѣтей, то я увѣренъ, что онъ не поколебался бы“. Маршалъ Даву сравнивая чувства Маре со своими, приводитъ

слѣдующій примѣръ: „еслибы императоръ приказалъ намъ обоимъ разрушить Парижъ, не выпустивъ оттуда ни одного человѣка, то Маре сохранилъ бы тайну, я увѣренъ въ этомъ; но онъ не могъ бы не сдѣлать исключенія для своей семьи, удаливъ ее изъ города. А я, изъ боязни выдать вѣренную мнѣ тайну, оставилъ бы тамъ свою жену и дѣтей“. Генералъ Вандамъ заявлялъ, что по слову Наполеона онъ готовъ былъ бы пролѣзть черезъ отверстіе иглолки, чтобы броситься затѣмъ въ огонь. О генералѣ Дюрокѣ императоръ отзывался, что тотъ привязанъ къ нему, какъ собака къ своему господину. Величайшею честью и особеннымъ знакомъ благоволенія считалось при дворѣ, когда Наполеонъ бралъ кого-нибудь за ухо; это было иногда примирительнымъ жестомъ послѣ несправедливой вспышки. Сановники гордились тѣмъ, что уши ихъ удостоивались столь лестнаго прикосновенія, — „опыняющаго доказательства благосклонности“, по словамъ Бенб¹⁾.

Наполеонъ не видѣлъ около себя самостоятельныхъ личностей, съ опредѣленными нравственными принципами и убѣжденіями; кругомъ были только послушныя орудія его воли, льстивые искатели всевозможныхъ благъ и отличій. Все окружающее поощряло его властолюбивые, эгоистическіе порывы, усиливало въ немъ вѣру въ свою непогрѣшимость и заставляло его смотрѣть на Францію какъ на простой матеріалъ для его собственнаго величія и славы. Не личныя качества Наполеона, а свойства современныхъ ему французовъ сдѣлали его такимъ, какимъ онъ былъ. Слѣпое безграничное холопство встрѣчало его повсюду, передаваясь отъ верхнихъ классовъ общества къ народнымъ массамъ; оно дѣйствовало заражающимъ образомъ даже на выдающіеся умы и характеры. Знаменитый „организаторъ побѣды“, Лазарь Карно, согласился быть всеннымъ министромъ перваго консула послѣ переворота 18 брюмера, но высказался противъ провозглашенія имперіи въ 1804 году; однако, нѣсколько лѣтъ спустя, запутавшись въ долгахъ, этотъ суровый республиканецъ обращался за поддержкою къ императору и получилъ значительную сумму денегъ, сверхъ ежегодной пенсіи въ десять тысячъ франковъ. Наполеонъ не слыхалъ около себя честнаго, правдиваго голоса, и впослѣдствіи не выносилъ уже правды; онъ отвыкъ отъ чьихъ бы то ни было самостоятельныхъ мнѣній и разучился допускать критику своихъ дѣйствій. Можно ли приписывать эти развившіяся въ немъ черты специальнымъ особенностямъ и недостаткамъ его натуры, какъ это дѣлаетъ Тэнъ? Напротивъ, надо еще удив-

¹⁾ Taine, Le régime moderne, vol. 1, стр. 87, а также 74—75, 81—95 и др.

латься тому, что общее преклоненіе не подорвало его умственной энергіи, не уничтожило его способности къ усидчивому труду, къ добровольнымъ лишеніямъ и невзгодамъ, и не превратило его въ любителя удовольствій и наслажденій, во вкусъ Людовика XIV. Вполнѣ естественно, что, ободряемый гуломъ восторженныхъ похвалъ, превозносимый до небесъ милліонами подвластныхъ, не видя и не слыша ничего, кромѣ лести и лжи, Наполеонъ въ концѣ концовъ сталъ самъ считать себя центромъ міра, высшимъ существомъ, призваннымъ повелѣвать и распоряжаться всѣми народами земли. Европейскіе монархи, воевавшіе съ нимъ, также покорялись его авторитету и вели себя не лучше обыкновенныхъ смертныхъ; они такъ же точно жертвовали своимъ достоинствомъ и интересами своихъ государствъ ради выгоды, но соображеніямъ и расчетамъ эгоизма и честолюбія; они вступали съ нимъ въ союзъ и отдавали ему свои военныя силы послѣ того, какъ получали отъ него жестокіе удары. Представители древнихъ династій, чувствовавшіе неодолимую ненависть къ корсиканскому „выскачкѣ“, наперерывъ другъ передъ другомъ увѣряли его въ своей дружбѣ и преданности; короли и императоры вошли въ кругъ его царедворцевъ и составили его свиту въ Эрфуртѣ и Веймарѣ, въ 1808 году. И они думали лишь о томъ, чтобы заслужить его расположеніе и извлечь для себя пользу изъ его могущества; и они лицемѣрили съ нимъ, избѣгали говорить съ нимъ откровенно, не осмѣливались критиковать его, прикрывались официальной ложью, пока успѣхъ былъ на его сторонѣ. Ихъ смущалъ его тонъ, когда онъ вдругъ, въ этомъ обществѣ королей и императоровъ, начиналъ свою рѣчь словами: „когда я былъ поручикомъ артиллеріи“; имъ непріятна была эта простая правда, которую они хотѣли бы забыть и которая нехотѣла разоблачала цѣлую систему лжи. Лъстивая ложь упорно обступала Наполеона со всѣхъ сторонъ, какъ во Франціи, такъ и въ остальной континентальной Европѣ. Артистъ по натурѣ, неподражаемый мастеръ въ искусствѣ производить сценическій эффектъ, поражать умы и сердца блескомъ своихъ дѣлъ и обстановки, онъ отлично понималъ подкладку этого всеобщаго преклоненія, этой повсемѣстной официальной лжи. Можно сказать, что онъ одинъ оставался еще трезвымъ среди опьяненной его славой толпы; въ бесѣдахъ съ дипломатами и съ своими приближенными, въ своей замѣчательной дѣловой перепискѣ, онъ одинъ бывалъ правдивъ и откровененъ, говорилъ ясно и прямо то, что думалъ, и не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій относительно условій своего владычества и своей популярности. Справедливо ли послѣ этого признавать его

творцомъ той живой атмосферы, среди которой ему приходилось жить и дѣйствовать, — какъ это дѣлаетъ Карлейль? Ложь была не въ Наполеонѣ, а въ людяхъ, поклонявшихся ему, въ его приверженцахъ и противникахъ, въ ихъ нравственной драблости и несостоятельности.

Искусство говорить въ надлежащихъ случаяхъ правду властителю не существовало при Наполеонѣ, какъ не существовало оно и при Людовикѣ XIV или XV; оно требуетъ вообще болѣе высокаго душевнаго склада, чѣмъ способность въ физическому героизму и самоотверженію. Люди, готовые рисковать жизнью на войнѣ и идти на вѣрную смерть по первому слову повелителя, не скажутъ ему своего мнѣнія объ его неправильныхъ поступкахъ, не остановятъ его явной несправедливости, не возразятъ противъ его поспѣшнаго, пагубнаго рѣшенія. Эта способность критики и протеста не была утрачена въ Англіи при Кромвелѣ, и въ этомъ заключается нравственное преимущество его предъ Наполеономъ. Кромвелю было болѣе сорока лѣтъ, когда онъ изъ простаго землевладѣльца и малозамѣтнаго члена палаты общинъ превратился въ военнаго дѣятеля и организатора; ему было уже 54 года, когда онъ разогналъ парламентъ и захватилъ власть въ свои руки. Пора житейскихъ искушеній и страстей для него миновала, и патріотическая добродѣтель предписывалась ему всѣмъ настроеніемъ тогдашняго англійскаго общества. Между тѣмъ Наполеонъ съ тридцатилѣтняго возраста былъ распорядителемъ судебъ Франціи и впитывалъ въ себя ядъ народнаго поклоненія и придворной лести; никакіе Гаррисоны, Айртоны и Гетчисоны не попадались ему на пути и не сдерживали его честолюбія, какъ останавливали они Кромвеля. Наполеонъ долженъ былъ чувствовать себя одинокимъ въ мірѣ, такъ какъ все пресмыкалось предъ нимъ въ его имперіи и всѣ заискивали у него на материкѣ Европы. Стоя на этой исключительной высотѣ, онъ очутился какъ бы въ пустомъ пространствѣ, гдѣ не было уже никакой преграды полету его воображенія и предпримчивости. Неудивительно, что и этотъ могучій практическій умъ потерялъ, наконецъ, мѣру возможнаго и увлекся проектами, которые раньше признавалъ безцѣльными и неосуществимыми.

Мысль о всемірной монархіи была логическимъ выводомъ изъ поведенія правителей великихъ державъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ; въ походѣ на Россію Наполеонъ былъ уже не просто главою коалиціи, а дѣйствительнымъ вождемъ почти всего европейскаго запада. За нимъ поворотно шли повелители чужихъ народовъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ и болѣею

частью мелкихъ побужденій, изъ малодушія и жажды добычи; сами маршалы, ближайшіе сотрудники французскаго императора, сознавали крайнюю опасность и несбыточность его плана, разсчитаннаго на достиженіе владычества надъ всей Европою путемъ непрерывнаго и повсемѣстнаго насилія. Но монархамъ было все равно, за кого и во имя чего сражаться, когда имѣлась въ виду политическая выгода; желанія и интересы народовъ не принимались еще тогда во вниманіе. Маршалы и приближенные Наполеона молчали, хотя уже предчувствовали неминуемое паденіе фантастической системы, основанной на гипотезѣ постоянныхъ военныхъ побѣдъ. Для маршаловъ и генераловъ имперіи личность императора заслоняла собою Францію, отечество, націю; преданность Наполеону замѣнила патріотизмъ и ослабила или уничтожила національное чувство. Этимъ объясняется та поразительная легкость, съ какою полководцы, служившіе императору, измѣняли родинѣ, когда счастье ему измѣнило. Для Бернадотта или Мармона уже ничего не стоило обращать оружіе противъ родной страны, ибо они привыкли служить не отечеству, а опредѣленному лицу, имя котораго было для нихъ синонимомъ успѣха и выгоды; они сдѣлались настоящими „вондотъери“, и когда повелитель ихъ оказался побѣжденнымъ, то голый расчетъ тотчасъ всецѣло вступилъ въ свои права. Наполеонъ полагалъ, что ему не нуженъ самостоятельный патріотизмъ его подчиненныхъ; это заблужденіе подготовило и ускорило его гибель. Безпринципность, принявшая форму личной преданности, принесла свои плоды въ критическіе дни неудачъ. Тогда обнаружилось также съ полною ясностью, какую большую роль въ поклоненіи Наполеону играли сознательные эгоистическіе мотивы.

Въ концѣ своей фантастической карьеры Наполеонъ могъ утѣшиться сознаніемъ, что и въ нравственномъ отношеніи онъ безконечно выше своихъ маршаловъ и сотрудниковъ, выше тѣхъ королей, которые соразмѣряли степень своего низкопоклонства и своей вражды съ шансами его побѣдъ или пораженій. Онъ не имѣлъ повода испытывать тѣ угрызенія совѣсти, которыя омрачали послѣдніе годы Кромвеля; онъ убѣдился, что люди еще мельче и пошлѣе, чѣмъ онъ думалъ, и онъ могъ съ полнымъ правомъ обвинять въ своихъ неудачахъ не себя, а другихъ. Еслибы Грушій дѣйствовалъ болѣе разумно и энергично наканунѣ Ватерлоо, еслибы Мармонъ не предался непріятелю во время заключительныхъ военныхъ операцій 1815 года, имперія была бы еще спасена и, быть можетъ, Европа опять преклонилась бы предъ гениемъ и счастьемъ Бонапарта. Незадолго до послѣднихъ

битвъ, приведшихъ его къ удаленію на островъ Эльбу, онъ проявлялъ еще странное довѣріе къ чувствамъ своего теста, австрійскаго императора, и рассчитывалъ на остатокъ дружбы своего бывшаго тильзитскаго поклонника, могущественнаго предводителя коалиціи. Очевидно, онъ принималъ за серьезное родственное сближеніе съ австрійскою династіею—свой бракъ съ Маріею-Луизою, рѣшенный въ Вѣнѣ съ такою унивительною поспѣшностью; онъ придавалъ нѣкоторый положительный вѣсъ лестнымъ словамъ и увѣреніямъ дружбы, закрѣпленной въ счастливые дни Тильзита,—онъ былъ способенъ имѣть иллюзіи, которыя другимъ представлялись только напрасною, запоздалою наивностью. Въ поведеніи Наполеона выражалась часто нервная впечатлительность: онъ мало цѣнилъ жизнь сотенъ тысячъ человѣческихъ существъ, погибавшихъ гдѣ-то вдали для его славы, но онъ въ состояніи былъ плакать, когда видѣлъ страданія и бѣдствія вблизи; онъ проливалъ слезы надъ тѣломъ маршала Ланна и былъ глубоко взволнованъ при видѣ ужасовъ поля сраженія при Эйлау. При извѣстныхъ обстоятельствахъ слезы выступали у него на глазахъ такъ же легко, какъ у новѣйшаго послѣдователя политики „крови и желѣза“, князя Бисмарка. Презрѣніе къ людямъ исчезало, когда предъ нимъ оказывалась человѣческая личность, достойная этого названія, хотя бы въ видѣ скромнаго солдата; но такихъ случаевъ было слишкомъ мало въ его жизни. Однажды онъ въ гнѣвѣ поднялъ руку на какого-то незначительнаго офицера; тотъ взглянулъ ему въ лицо и сказалъ сквозь зубы, схватившись за эфесъ своей шпаги: „*top enreueur!*..“ Наполеонъ остановился съ удивленіемъ, разсмѣялся и сочувственно потрепалъ офицера по плечу. Быть можетъ, исторія Франціи и Европы въ началѣ столѣтія была бы совсѣмъ другая, еслибы въ числѣ сослуживцевъ и современниковъ Бонапарта было больше людей, подобныхъ этому скромному капитану.

Новѣйшая французская литература, касающаяся Наполеона, безцѣльно повторяетъ льстивыя, восторженныя разсужденія объ его величіи, объ его несравненныхъ качествахъ и подвигахъ, и это усиленное куреніе оміама давно умершему божеству должно какъ будто служить укоромъ настоящему, съ его мелочными политическими дразгами. Но чтѣ въ этомъ прошломъ заслуживаетъ подражанія—геніальность ли Наполеона, или слѣпое поклоненіе ему современниковъ? Подражать первому невозможно, ибо появленіе генія есть историческая случайность, на которой ничего строить нельзя; а подражать второму не имѣло бы смысла, когда нѣтъ личности, которой стоило бы поклоняться въ современной

Франціи. Нынѣшнее возрожденіе Наполеоновской легенды остается лишь любопытнымъ психологическимъ фактомъ, свидѣтельствующимъ объ упадѣ здравой общественной критики въ исторической литературѣ и публицистикѣ. Въ Англіи не существуетъ культа Кромвеля или Веллингтона; зато англичане по-своему увлекаются Гладстономъ. Французы неустанно превозносятъ Наполеона, и въ роли любимаго героя смѣло выступаютъ у нихъ жалкіе подражатели великаго челоука, въ родѣ генерала Буланже. Проповѣдь поклоненія, при отсутствіи для него подходящаго объекта, составляетъ краснорѣчивый симптомъ настроенія французскаго общества при третьей республикѣ:—во Франціи все сильнѣе даетъ себя чувствовать недостатокъ вѣры въ тѣ нравственные, челоуческие идеалы, которые столь жизненны и долговѣчны въ Англіи. Духъ Кромвеля продолжаетъ отчасти жить въ Гладстонѣ, тогда какъ культъ вѣшняго могущества и славы Наполеона вырождается въ ничтожный, безсодержательный, поддѣльный бонапартизмъ, не обещающій ничего хорошаго въ будущемъ.

Л. Слонимскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

На сельскомъ кладбищѣ, какъ символъ воскресенья,
Мнѣ сердцу дороги дни первые весны.
Какъ тихо все кругомъ! Спокойно. Только пѣнье
Малиновокъ звенить средь мирной тишины.

Подъ сѣнью грустныхъ нивъ, въ тѣни кустовъ душистой,
Простые, сѣрые стоятъ кругомъ кресты —
Послѣдній даръ любви, страдающей и чистой,
Пестрѣютъ средь могилъ весенніе цвѣты.

Забытый крестъ весна здѣсь уберетъ цвѣтами,
Деревья надъ холмомъ наклонятся нѣжнѣй,
И въ мирной тишинѣ, межъ тонкими вѣтвями
Въ цвѣтахъ черемухи зальется соловей.

Какъ тихо все кругомъ! Спокойно. Только пѣнье
Малиновокъ звучитъ средь мирной тишины.
На сельскомъ кладбищѣ, какъ символъ воскресенья,
Мнѣ сердцу дороги дни первые весны!

II.

Колеслясь надъ ручьемъ,
Въ волну его влюбленный,
Шумить камышъ зеленый
Подъ лѣтнимъ вѣтеркомъ.

Дрожащія на днѣ
Ручья онъ стелеть тѣни,
Поетъ молебъ и пени
Смѣющейся волнѣ:

„Куда ты держишь путь,
„Куда, ручей студеной?
„Затѣмъ въ тѣни зеленой
„Не хочешь отдохнуть?“

Ручей, журча, бѣжитъ,
Зефиръ его колышитъ,
Онъ пѣсни той не слышитъ
И пѣсню самъ журчить.

И вѣчно будетъ пѣть
Надъ нимъ камышъ зеленый,—
Вдали волны студеной
Ему не зеленѣть...

Б. Калховскій.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ МУЗЕИ

О Ч Е Р К Ъ .

Въ октябрѣ 1883 года моя заграничная поѣздка привела меня въ Бельгію. Слѣдуя отъ границы, по всему пути къ Брюсселю, на каждой станціи жел. дороги я невольно обращалъ вниманіе на большое объявленіе, прибитое въ залахъ всѣхъ классовъ. Оно оповѣщало о существованіи въ Брюсселѣ торговаго музея, „Musée commercial“, находящагося въ rue des Augustines, № 17, въ которомъ интересующіеся могутъ видѣть образцы всѣхъ товаровъ, служащихъ статей прочнаго вывоза изъ Бельгіи; въ томъ же музеѣ можно получить также всѣ нужныя свѣденія по этой части. И вотъ, въ первые же дни моего пребыванія въ Брюсселѣ я посѣтилъ этотъ музей.

Еще въ шестидесятихъ годахъ бельгійское правительство ввѣняло своимъ консуламъ въ обязанность присылать въ Брюссель образцы всѣхъ товаровъ, обращающихся на чужеземныхъ рынкахъ, съ точными свѣденіями о способѣ упаковки, требуемой потребителями, о цѣнахъ и о томъ, насколько послѣдніе могутъ считаться прочными. Эти образцы, черезъ посредство тѣхъ же консуловъ, по мѣрѣ надобности, возобновлялись, смотря потому насколько быстро данный товаръ измѣнялся въ качествѣ, или въ узорѣ, согласно съ требованіями послѣднихъ модъ, или, наконецъ, вслѣдствіе усовершенствованія самаго производства въ другихъ странахъ.

Въ силу самаго добросовѣстнаго исполненія консулами этого

порученія, въ Брюсселѣ, въ извѣстное время года, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ скоплялась большая коллекція образцовъ, сопровождаемая самыми подробнѣйшими свѣдѣніями; образцы немедленно отправлялись въ Антверпенъ, въ коммерческое училище, для котораго они являлись богатымъ подспорьемъ при изученіи товаровѣденія и промышленной географіи, наглядно знакомя съ тѣмъ, что составляло главный оборотъ того или другого рынка.

Въ 1880 г., бельгійское правительство, поддержанное торговой палатой, рѣшило воспользоваться богатымъ матеріаломъ, доставляемымъ консулами, въ болѣе широкомъ видѣ, основавъ въ Брюсселѣ торговый музей „Musée commercial“, въ которомъ всѣ образцы товаровъ, требуемые мировыми рынками, были бы выставлены, а представляемые консулами точныя свѣдѣнія сдѣланы бы достояніемъ общедоступнымъ. Въ антверпенское коммерческое училище посылались дубликаты образцовъ и копіи съ консульскихъ донесеній. Въ маѣ 1881 года вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ во всѣхъ правительственныхъ инстанціяхъ; расходы по устройству музея приняло на себя купечество, а содержаніе его—правительство. Покупка подходящаго дома и все устройство музея обошлись немного болѣе $\frac{1}{2}$ милліона франковъ; на содержаніе тогда же было ассигновано правительствомъ на 5 лѣтъ по 30 тыс. франковъ ежегодно. Открытіе торговаго музея состоялось 21-го апрѣля 1883 г.; я посѣтилъ его вскорѣ по открытіи.

Въ началѣ каталога помѣщено слѣдующее официальное заявленіе: „Цѣль музея ознакомить бельгійскихъ производителей и коммерсантовъ съ родами продуктовъ, ввозимыхъ въ разныя страны, съ потребительными силами этихъ странъ на извѣстный продуктъ, съ ихъ платежными силами, условіями поставки на рынки разныхъ странъ, дабы чрезъ это облегчить сношенія Бельгіи съ новыми мировыми рынками и гарантировать, какъ коммерсантовъ, такъ и производителей отъ риска. Музей даетъ производителю полную картину конкурентоспособности другихъ странъ и ихъ производительности по выработкѣ того или другого товара, тѣмъ самымъ выясняя бельгійцу, насколько онъ можетъ съ выгодой для себя предпринять воздѣлываніе того или другого растенія, или выработку того или другого фабриката, разсчитывая на вѣрный его сбытъ, согласно полученнымъ справкамъ изъ справочнаго бюро, за вѣрность которыхъ отвѣчаетъ министерство“.

Это правительственное заявленіе является вступленіемъ къ весьма объемистому каталогу, съ самыми подробными свѣдѣніями по каждому выставленному образцу, при чемъ свѣдѣнія измѣняются и дополняются въ каталогѣ постоянно, по мѣрѣ того какъ измѣ-

няются и условія сбыта даннаго товара. Мы еще вернемся въ каталогу, теперь же перейдемъ въ музей. По своему содержанію весь музей раздѣленъ на 44 группы и на 36 классовъ, представляющихъ градациі, начиная съ сырыхъ, необработанныхъ и кончая обработанными товарами и даже продуктами художественной работы. Группы эти размѣщены такъ, что нижній этажъ заключаетъ образцы болѣе грубыхъ, сырыхъ, необработанныхъ товаровъ; затѣмъ идутъ послѣдовательно образцы товаровъ по степени ихъ обработки, и, наконецъ, въ верхнемъ этажѣ расположены уже художественныя издѣлія кустарнаго и фабричнаго производства.

Содержимое въ музеѣ раздѣлено на два отдѣла: первый представляетъ образцы товаровъ, ввозимыхъ въ Бельгію; второй—образцы вывозимыхъ или могущихъ составить предметъ вывоза изъ Бельгіи. Въ первомъ отдѣлѣ выставлены главнымъ образомъ образцы сырыхъ продуктовъ, потребныхъ для перерабатывающей промышленности Бельгіи: минералы, коконы шелкопряда, хлопчатая бумага, волокнистыя вещества, кожа и проч. Всѣ эти товары доставлены со всѣхъ концовъ свѣта, гдѣ они производятся, откуда возможно съ выгодною доставлять ихъ въ Бельгію.

При каждомъ образцѣ, согласно № каталога, вывѣшенъ ярлыкъ съ послѣдними консульскими свѣдѣніями, поражающими своею полнотою; такъ, напримѣръ, каждый образецъ хлопка снабженъ ярлыкомъ, на которомъ обозначено, откуда данный хлопокъ родомъ, какъ великъ урожай этого выставленнаго образца за послѣдній годъ, чѣмъ онъ отличается отъ хлопка прошлагодняго урожая, на какое количество настоящаго урожая хлопка можно рассчитывать и при какой цѣнѣ, насколько прочна означенная цѣна, во что обойдется фрахтъ отъ мѣста производства до такого-то порта Бельгіи, какія условія платежей, какъ выписывать товаръ, непосредственно, или чье посредство можетъ считаться вѣрнымъ. Или, напр., выставленъ образецъ руды съ точнымъ опредѣленіемъ мѣста ея производства, ея цѣны, ввозной пошлины въ Бельгію и проч., однимъ словомъ, со всѣми тѣми же коммерческими свѣдѣніями, такъ же подробно, да еще съ приложеніемъ анализа, опредѣляющаго составъ руды и теоретическое вычисленіе изъ нея чистаго металла.

Второй отдѣлъ представляетъ громадный интересъ не для одной только Бельгіи, но и для cadaго государства, въ которомъ промышленность настолько уже развита, чтобы интересоваться требованіями мірового рынка: онъ содержитъ образцы товаровъ, требуемыхъ разными народами и составляющихъ предметъ

вывоза разныхъ странъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ множество однородныхъ образцовъ, доставленныхъ консулами, въ видахъ проведенія параллели, дабы указать, насколько сильна конкуренція между производителями. Рядомъ съ образцомъ товара представленъ и способъ упаковки, какая требуется на томъ или другомъ рынкѣ. Каждый образецъ снабженъ ярлыкомъ еще съ болѣе подробными свѣдѣніями о способѣ сбыта и проч., чѣмъ подобныя свѣдѣнія въ первомъ отдѣлѣ; при этомъ въ точности указанъ и торговый домъ, могущій служить благонадежнымъ комиссіонеромъ для даннаго товара въ извѣстномъ пунктѣ сбыта, какія условія платежа и насколько велика кредитоспособность данной фирмы.

Такъ, напримѣръ, подъ № 86 и 87 выставлены двѣ шали; на ярлыкѣ слѣдующее объясненіе: „Шаль (Schawls), которыми арабы обвертываютъ себѣ голову и шею; товаръ этотъ доставляется сюда (въ Бейрутъ) изъ Германіи въ ящикахъ (приложенъ образецъ такого ящика) по 400 штукъ въ каждомъ, всевозможныхъ яркихъ цвѣтовъ, узоровъ и разной величины, отъ 50 до 150 кв. сантиметровъ. Образецъ № 86 стоитъ здѣсь 4,30 фр.; № 87, поплотнѣе, 8,80 фр. за штуку. Главное требованіе на этотъ товаръ является здѣсь въ сентябрѣ; общее потребленіе выражается въ размѣрѣ 10—15 тыс. шалей въ годъ“. Затѣмъ слѣдуютъ фирмы, выписывающія эти шали, и германскія фабрики, доставляющія ихъ; условія платы и проч. Объясненіе подписано консуломъ изъ Бейрута.

Второй примѣръ: подъ №№ 321—326 выставлены однимъ бельгійскимъ консуломъ въ Испаніи нѣсколько коллекцій образцовъ писчей бумаги, ввозимой въ Испанію изъ Германіи и Франціи, а также и образцы нѣкоторыхъ испанскихъ фабрикъ. Объясненіе на ярлыкѣ слѣдующее: „Представленные здѣсь 26 сортовъ бумаги пользуются наиболѣе прочнымъ сбытомъ въ Испаніи, изъ которыхъ: картонтъ (такой-то), продуктъ испанскихъ фабрикъ, производится въ Барселонѣ и сбывается по 40 фр. за 100 килогр.; почтовая бумага (№№) бельгійскихъ фабрикъ сбыта не находитъ, зато на предлагаемые образцы почтовой бумаги французскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ бойкое требованіе; типографіи и редакціи газетъ выписываютъ предлагаемые сорта бумаги (слѣдуютъ №№ и буквы) изъ Германіи, но съ такимъ же успѣхомъ и выгодною поставка этихъ сортовъ бумаги могла бы быть принята и нашими бельгійскими бумажными фабриками“.

„Рекомендую бельгійскимъ фабрикантамъ обратить вниманіе на бумагу образцовъ № 324, имѣющую здѣсь прочный сбытъ; въ Малагѣ и другихъ мѣстахъ Испаніи она употребляется на

выкладку внутреннихъ сторонъ ящиковъ, въ которые укладываютъ виноградъ. Кроме того, прочнымъ сбытомъ пользуется здѣсь тонкая бумага № 325, идущая на обертку лимоновъ и апельсиновъ, и картонъ № 326, который испанскія бумажныя фабрики еще не приготавливаютъ, но который требуется испанскими сапожниками, употребляющими его при приготовленіи обуви для перекладки между подошвами. Количество потребленія этого картона составляетъ около 40 тыс. кипъ въ годъ“.

Далѣе слѣдуетъ перечисленіе благонадежныхъ импортеровъ и прочія свѣденія, важныя для производителя, желающаго найти сбытъ своему товару; всѣ эти данныя подписаны консуломъ.

Такія же подробныя свѣденія имѣются и при другихъ образцахъ разныхъ лекарственныхъ и промышленныхъ растений, которыя могли бы быть воздѣлываемы въ той или другой мѣстности Бельгіи, и вообще при всѣхъ товарахъ, могущихъ найти сбытъ на какомъ-либо рынкѣ земного шара.

Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщается справочное бюро музея, Bureau de renseignement; по своей полнотѣ и идеальной организаціи бюро рѣшительно поражаетъ всѣхъ. Здѣсь каждый посетитель музея, если свѣденія, помѣщенные на ярлыкѣ образца и напечатанныя въ каталогѣ его не удовлетворяютъ, можетъ получить всѣ нужныя ему дополнительныя свѣденія. Такъ, напримеръ, промышленникъ, кто бы онъ ни былъ, богатый ли фабрикантъ или мелкій производитель, желающій знать, насколько прочны на рынкѣ обозначенныя на ярлыкѣ при данномъ образцѣ цѣны, какъ велика ввозная пошлина, цѣнность монеты данной страны, стоимость фрахта, способъ и время перевозки, получаетъ обо всемъ этомъ самыя полныя свѣденія. Для проверки прочности цѣны ему доставляютъ выписку цѣны на данный товаръ за послѣдніе года, а гдѣ это возможно — за 10 лѣтъ; сообщаютъ таможенныя условія на данный товаръ; переводятъ цѣнность обрабатывающейся въ данной странѣ монеты на франки; опредѣляютъ стоимость фрахта и время, когда и изъ какого порта какіе пароходы туда отходятъ и въ какую транспортную контору производителю слѣдуетъ обратиться. При этомъ, благодаря своимъ обширнымъ сношеніямъ, справочное бюро поставлено въ возможность снабжать даже такими деталями, которыя даютъ не одни только регулярныя соображенія, но и заключенія, могущія послужить на пользу справляющагося. Такъ, въ моемъ присутствіи какой-то мелкій фабрикантъ наводилъ справки о стоимости фрахта и какимъ способомъ ему лучше доставить товаръ. Указавъ ему гавани, изъ которыхъ парусныя суда совершаютъ постоянныя

рейсы, служащій попросилъ его немного обождать. Порывшись нѣсколько минутъ въ текущихъ бумагахъ, онъ сообщилъ ему: „вы можете воспользоваться такимъ-то пароходомъ, такой-то компаніи, зашедшимъ случайно въ намъ и отходящимъ черезъ пять дней; въ этомъ случаѣ вашъ товаръ прибудетъ на мѣсто двумя недѣлями раньше“.

Рядомъ со справочнымъ бюро помѣщается читальня, гдѣ на столахъ разложены, кромѣ всевозможныхъ специальныхъ журналовъ Англіи, Франціи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Америки и др. странъ, также статистическіе ежегодники и отчеты всѣхъ странъ, ежегодные отчеты крупныхъ акціонерныхъ обществъ и адресныя книги крупныхъ фирмъ всего міра. На стѣнахъ развѣшены разныя карты и таблицы, изъ которыхъ самое видное мѣсто занимаютъ таблицы, объявляющія правительственные торги на поставку того или другого товара; подобныя же торги отъ обществъ той или другой страны; таблица, въ которой перечислены всѣ находящіеся на службѣ бельгійскіе консулы во всѣхъ мѣстностяхъ земного шара, и наконецъ таблица, въ которой объявляется, какіе изъ бельгійскихъ консуловъ теперь временно находятся въ Бельгіи, мѣсто ихъ пребыванія и часы дня, въ которые они принимаютъ по дѣламъ отечественной промышленности и внѣшней торговли.

Какъ я уже замѣтилъ, первое мое посѣщеніе музея было шесть мѣсяцевъ спустя со дня его открытія; въ то время число лицъ, наводившихъ различныя справки, колебалось между 53 и 65 чел. въ день, и, какъ уже было замѣчено, правительство ассигновало на содержаніе музея по 30 тыс. фр. въ годъ. Въ 1889 г. пробѣдомъ на парижскую выставку я заѣхалъ въ Брюссель съ спеціальной цѣлью проработать нѣсколько дней въ музей; оказалось, что число лицъ, обращающихся за всевозможными справками, уже достигло 78—89 чел. въ день; всѣ операціи музея разрослись настолько, что палата ассигновала на новое пятилѣтіе (1887—1892 г.) по 55 тыс. фр. въ годъ на содержаніе его.

Безспорно, брюссельскій Musée commercial по своей идеальной постановкѣ занимаетъ первое мѣсто; за нимъ слѣдуетъ открытый въ 1886 году австрійскій торговый музей—K. K. Oesterreichisches Handels-Museum въ Вѣнѣ; затѣмъ музей со справочнымъ бюро берлинскаго центрального общества коммерческой географіи—Museum des Central-Vereines für Handels-Geographie; затѣмъ — Nederlands Handels-Museum въ Амстердамѣ; Kolonial Museum въ Гарлемѣ; Frankfurter Musterlager въ Франкфуртѣ;

торговые музеи въ Лиссабонѣ, Оporto и Миланѣ. Всѣ эти учрежденія вполнѣ или отчасти содержатся правительствами и въ своей программѣ до нѣкоторой степени подражаютъ брюссельскому музею.

Въ Берлинѣ уже рѣшенъ вопросъ и ассигнована сумма на устройство грандіознаго имперскаго промышленнаго музея—*Reichs-Handels Museum*; послѣдній по программѣ и значенію, которое онъ долженъ имѣть во внѣшней торговлѣ, займетъ первое мѣсто среди подобныхъ учреждений. Франція также близка къ осуществленію двухъ подобныхъ музеевъ подъ руководствомъ *Sociétés de géographie commerciale* въ Парижѣ и Бордо. Одна Англія, рассчитывая на свой коммерческій флотъ, не затрогивала до прошлаго года вопроса о торговомъ музее, но и тамъ въ настоящее время вопросъ этотъ назрѣлъ, и великобританская соединенная торговая палата настаиваетъ на необходимости учрежденія такого торговаго музея, если Англія не желаетъ уступить значительную часть своихъ торговыхъ операцій нѣмцамъ.

Кромѣ этихъ полу-правительственныхъ торговыхъ музеевъ со справочными бюро (*Bureau de renseignement, Informations-Bureaus*), вездѣ въ промышленныхъ странахъ основаны частной инициативой крупныя коммерческія бюро, поощряемыя правительствами, обставленныя настолько солидно и надежно относительно вѣрности доставляемыхъ ими свѣдѣній, что они пользуются такимъ же, а между коммерсантами даже еще большимъ довѣріемъ, чѣмъ нѣкоторыя правительственныя бюро при торговыхъ музеяхъ. Такииъ частнымъ предпріятіемъ является, напримѣръ, *Institut Schimmelpfeng* въ Берлинѣ, основанный въ 1872 году. Уже въ 1883 г. это коммерческое справочное бюро насчитывало 15.245 подписчиковъ; число выданныхъ справокъ достигало 354.766; расходы по корреспонденціи составляли 63.091 герм. марокъ; число служащихъ было 144 человекъ. Американскія бюро по коммерческимъ справкамъ, какъ-то: *B. Brantstreets* или *Dun & Co* въ Нью-Йоркѣ, Лондонѣ и Берлинѣ своими годовыми оборотами даже превосходятъ *Institut-Schimmelpfeng*.

Кромѣ того, въ настоящее время въ европейскихъ государствахъ нѣтъ ни одного промышленнаго центра или порта, гдѣ бы купечество не учреждало склада образцовъ (*Muster-Lagerhaus*), что также сильно вліяетъ на развитіе внѣшней торговли. Первые шаги по этому пути сдѣлала Германія; за нею послѣдовали и другія страны, дорожающія развитіемъ своей промышленности. Желаящему получить полное понятіе о значеніи этихъ учреждений для внѣшней торговли слѣдуетъ посѣтить хотя бы *Lagerhaus der*

Börsen-Halle въ Гамбургѣ, Waagen-Muster Sammlung лейпцигскаго купечества въ Лейпцигѣ и вновь открытое Palazzo Bokkoni въ Миланѣ.

Вышеприведенные „музеи“ или „склады образцовъ“ и „торговые музеи“ не слѣдуетъ смѣшивать съ „промышленными музеями“ — Gewerbe Museum. Различіе между этими учрежденіями главнымъ образомъ заключается въ томъ, что складъ образцовъ (Muster Lagerhaus) представляетъ систематично составленный складъ, въриѣе, постоянную выставку образцовъ извѣстныхъ торговыхъ фирмъ, для которыхъ она и служитъ рекламой. Торговый музей (Handels Museum — Musée commercial) представляетъ музей, цѣль котораго показать коммерсанту и производителю, куда онъ можетъ сбыть тотъ или другой товаръ; тогда какъ цѣль и назначеніе промышленнаго музея (Gewerbe Museum) — вызвать то или другое усовершенствованіе въ производствахъ, указать не только образцы извѣстныхъ товаровъ, но и машины и приемы для ихъ производства и усовершенствованія.

Промышленные музеи организованы почти исключительно правительствами и по инициативѣ правительствъ, но при непосредственномъ содѣйствіи коммерсантовъ, руководимыхъ желаніемъ поднять развитіе промышленности черезъ внѣшнюю торговлю страны, дабы въ борьбѣ на міровыхъ рынкахъ не отставать отъ своихъ соперниковъ. Слѣдовательно, появленіе и обстановка этихъ учреждений является какъ бы мѣриломъ интеллектуальнаго развитія коммерсантовъ и производителей, равно какъ и заботъ правительства о поднятій производительныхъ силъ народа.

Примѣрнымъ типомъ такого промышленнаго музея можетъ служить штутгартскій музей, возникновеніе, организація и функція котораго столь характерно обрисованы проф. И. И. Янжуломъ въ его докладѣ: „Музеи промышленныхъ образцовъ, ихъ организація и значеніе“, читанномъ имъ 30 ноября 1887 г. въ годичномъ засѣданіи комитета по устройству въ Москвѣ музея прикладныхъ знаній, и напечатанномъ въ „Трудахъ Импер. Вольн. Эконом. Общества“ (№ 1, 1888 г.).

Штутгартскій музей, названный при своемъ основаніи Muster-Lager, есть старѣйшее учрежденіе въ своемъ родѣ; онъ основанъ еще въ 1849 году, но получилъ свою громкую извѣстность и оцѣненъ по достоинству главнымъ образомъ лишь въ 70-хъ годахъ, по преобразованіи его въ промышленный музей — Landes-Gewerbe Museum, и съ тѣхъ поръ послужилъ прототипомъ многихъ германскихъ музеевъ подобнаго рода, давъ на опытъ многочисленныя доказательства своей практичности и цѣлесообразности.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ виртембергское королевство находилось въ весьма неудовлетворительномъ экономическомъ состояніи: мануфактурная промышленность была еще мало развита и кромѣ того въ большомъ застоѣ; профессиональная подготовка и образованіе промышленныхъ классовъ находились на низкой степени развитія; вывозная торговля была ничтожна; источники народнаго дохода мало изслѣдованы и вообще весь народно-хозяйственный бытъ требовалъ значительныхъ измѣненій. На встрѣчу этой потребности виртембергское правительство и откликнулось учрежденіемъ особеннаго экономическаго органа подъ названіемъ Central-Stelle für Handel und Geverbe, съ весьма смѣшаннымъ составомъ, частію изъ фабрикантовъ, купцовъ и ремесленниковъ, частію изъ профессоровъ, чиновниковъ и учителей. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опыта и небольшихъ измѣненій, уже въ 50-хъ годахъ, это центральное управленіе было окончательно сформировано и на него возложена самая широкая забота собирать свѣденія, принимать всевозможныя мѣры для развитія и процвѣтанія промышленности и торговли и вообще содѣйствовать экономическому подъему страны; при этомъ, какъ на одно изъ важныхъ средствъ для достиженія поставленной цѣли, было прямо указано на основаніе и развитіе означеннаго музея промышленныхъ образцовъ.

Ближайшія задачи музея и главные способы ихъ осуществленія точно выражены въ ст. 10, 11 и 12 статута главнаго управленія по дѣламъ торговли и промышленности и заключаются между прочимъ въ слѣдующемъ: „Распространеніе технико-промышленныхъ и торговыхъ свѣденій путемъ обученія, а также изданія полезныхъ сочиненій, выставка и собраніе образцовъ фабрикатовъ изъ чужихъ странъ, отправленіе и поддержка промышленниковъ и рабочихъ, посылаемыхъ за границу для ихъ образованія (ст. 10); усовершенствованіе промышленнаго производства, посредствомъ доставленія возможности производителямъ совѣщаться съ техниками, посылка свѣдущихъ лицъ на промышленныя выставки, пріобрѣтеніе образцовыхъ орудій для производства, распространеніе новыхъ машинъ и инструментовъ и т. д. (ст. 11); наконецъ, поощреніе сбыта предметовъ внутренняго производства черезъ устройство выставокъ, собраніе и выставленіе особенно выдающихся и пригодныхъ для торговли продуктовъ туземнаго производства и т. д.“ (ст. 12).

Само собою разумѣется, что такія обширныя задачи могли осуществиться лишь въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, и необходимы собранія образцовъ составиться лишь благодаря значитель-

нымъ приобрѣтеніямъ на нѣсколькихъ иностранныхъ и международныхъ выставкахъ. Первое начало было положено большими закупками на промышленныхъ выставкахъ въ Парижѣ въ 1849 г., затѣмъ въ Лондонѣ въ 1862 г. и Парижѣ въ 1867 г.; а потомъ не проходило ни одной значительныхъ размѣровъ не только всемірной, но и мѣстной выставки за границей, которая бы не приносила штутгартскому музею новыхъ богатствъ, наиболѣе образцовыхъ промышленныхъ произведеній, приобретаемыхъ частію на отпускаемыя правительствомъ средства, частію на пожертвованія. Дипломатическимъ агентамъ виртембергскаго правительства, особенно консуламъ, было вмѣнено въ обязанность содѣйствовать задачамъ музея, а собственные торговые корреспонденты музея за границей пополняли его собранія всѣми выдающимися, въ промышленномъ и техническомъ отношеніяхъ, новинками, и такимъ образомъ штутгартскій музей создалъ къ настоящему времени свои обширныя коллекціи, по свойству самаго дѣла чрезвычайно подвижныя и постоянно обновляемыя. Можно положительно сказать, что все наиболѣе выдающееся, особенно въ смыслѣ совершенства техники и новизны исполненія, изъ предметовъ, побывавшихъ на какихъ-либо иностранныхъ выставкахъ, непременно появлялось и въ стѣнахъ штутгартскаго музея, если не въ оригиналахъ, то въ моделяхъ или по крайней мѣрѣ рисункахъ ¹⁾.

Только-что сдѣланное краткое описаніе организациі и дѣятельности этого промышленнаго музея даетъ намъ уже достаточное понятіе, чтобы, сравнивъ съ описаніемъ дѣятельности торговаго музея въ Брюсселѣ—Musée commercial, или въ Вѣнѣ К. К. Oesterreichisches Handels Museum (бывшій Orientalisches Museum), придти къ ясному выводу, что послѣдніе два музея совершенно различнаго характера, сравнительно съ штутгартскимъ, хотя и имѣющіе въ основѣ довольно близкія, родственныя, но далеко не одинаковыя цѣли и средства, вслѣдствіе чего смѣшивать функціи этихъ разнородныхъ учрежденій ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

Штутгартскій національный промышленный музей и подобные ему въ основѣ своей имѣютъ главной цѣлью: поднятіе и развитіе производства, улучшая приемы, технику и самый продуктъ послѣдняго; въ нихъ главнымъ образомъ развита наглядно-обучающая часть по производствамъ, и всѣ интеллигентныя силы

¹⁾ Политехническая выставка 1872 года въ Москвѣ также послужила къ обогащенію штутгартскаго музея русскими образцами. Для осмотра ея пріѣзжалъ самъ директоръ центрального управленія др. Штейнбеньс.

учрежденія всецѣло обращены въ эту сторону; поэтому коммерческая часть въ видѣ вышеприведенныхъ консульскихъ свѣдѣній и Bureau de renseignement въ брюссельскомъ, или Informations Bureau въ вѣнскомъ музеяхъ, здѣсь совершенно отсутствуетъ и не входитъ въ кругъ дѣятельности промышленныхъ музеевъ, точно также какъ наглядно-образовательная часть не входитъ въ кругъ дѣятельности торговыхъ музеевъ. Такимъ образомъ, даже въ самыхъ идеально-обставленныхъ музеяхъ подобнаго рода, какъ, напримѣръ, брюссельскомъ Musée commercial, совершенно отсутствуютъ отдѣлы моделей, патентовъ и проч. И опять совсѣмъ инымъ учрежденіемъ являются склады образцовъ, какъ-то: Muster-Lager-Haus въ Гамбургѣ и другихъ промышленныхъ центрахъ и портовыхъ городахъ Германіи, или Палаццо Боккони въ Миланѣ.

Послѣ продолжительнаго изученія этого вопроса за границей, возвратясь въ Петербургъ, случайно я узналъ, что и у насъ въ столицѣ существуетъ „Таможенный Торговый Музей“. Признаюсь, меня это сконфузило: я изучаю организацію и функціи торговыхъ и промышленныхъ музеевъ въ другихъ странахъ, и не знаю о существованіи такого же учрежденія у насъ; я поспѣшилъ разыскать нашъ „Таможенный Торговый Музей“, числящійся на Васильевскомъ Островѣ.

Разыскать этотъ музей оказалось совсѣмъ не такъ легко; наконецъ, пробравшись черезъ толпу ломовыхъ извозчиковъ, обступившихъ меня, въ пріятномъ ожиданіи, что я нуждаюсь въ ихъ услугахъ, я замѣтилъ на одномъ изъ таможенныхъ зданій вывѣску искомаго „музея“; а такъ какъ былъ часъ, назначенный для посѣщенія (11 час. дня), то я попытался отворить входную дверь, но она оказалась запертой; пришлось прибѣгнуть къ пуговкѣ электрическаго звонка. Плохо одѣтый сторожъ отворилъ мнѣ дверь; чтобы вполнѣ увѣриться, я спросилъ: открытъ ли сегодня музей для публики. „Для публики?“—переспросилъ меня, недоумѣвая, сторожъ, потомъ, видимо что-то припомнивъ, отвѣтилъ:— „Точно такъ-съ“. Получивъ утвердительный отвѣтъ, я, недолго думая, сталъ подыматься по лѣстницѣ, вдругъ слышу сзади голосъ: „Господинъ, позвольте плату за входъ“. Тутъ вспомнилъ я, что я дома, и что насъ подобными вещами даромъ не балуютъ. Спустившись внизъ и припомнивъ недоумѣвающий вопросъ сторожа: „для публики?“—я усомнился въ справедливости требованія его, но онъ указалъ мнѣ на росписаніе въ рамкѣ, гдѣ объявлено, что во всѣ дни плата за входъ по 20 коп., а по четвергамъ—1 рубль; а такъ какъ это былъ четвергъ, то и пришлось уплатить 1 рубль.

Знаю, что существуютъ дни „благородные“ и „неблагород-

ные" на выставкахъ картинъ и проч., съ возвышенною платою за входъ для привилегированной публики, но я не могъ себѣ представить, чтобы эта привилегированная публика могла посѣщать подобное, вполнѣ неопрытное учреждение. Я спросилъ, за что же это по четвергамъ таможенное вѣдомство беретъ по рублю за входъ. „Да вотъ, изволите видѣть, при основаніи этого музея было положено читать по четвергамъ лекціи по товаровѣденію господамъ таможеннымъ чиновникамъ; на этомъ основаніи за входъ назначено по рублю“. Спрашиваю его, въ которомъ же часу начнется лекція. „Да лекціи-то эти такъ съ самаго начала и остались только въ предположеніи, ихъ никогда и не читали; ну, а по рублю по четвергамъ взыскиваемъ, значить, по предписанію“. Получивъ такое объясненіе, я потребовалъ общій каталогъ; оказалось, что никакого каталога нѣтъ; „да и вещей-то тамъ немного“, — добавилъ служитель.

Съ тяжелымъ чувствомъ я вышелъ изъ этихъ хоромъ; тутъ только мнѣ ясно стало, чѣмъ особенно сильны западные соперники наши, чѣмъ они побѣждаютъ насъ въ области промышленности и торговли...

К. Веверъ.

СИРЪ

— „Sire“. Roman, par Henri Lavedan *).

Окончаніе.

ХІІІ *).

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, Рулетъ добился своего: гордая красавица назначила ему свиданье въ одномъ изъ забытыхъ флигелей замка, въ заглушемъ концѣ парка. И съ той поры бойкая Сюжетта замѣтно стала самонадѣяннѣе, свысока глядѣла на остальную дворню и даже походка ея перемѣнилась: изъ живой и вертлявой превратилась въ болѣе плавную, развалистую.

Графъ де-Стадъ настолько поддался своему новому увлеченію, что даже позабылъ и думать о томъ, что его прежде такъ сильно озабочивало: онъ невольно пересталъ скрывать свои мысли и чувства, хотя для него и не представляло сомнѣнія, что катастрофа, вотъ-вотъ, готова надъ нимъ разразиться: графиня такъ не оставитъ этого скандала. Но стоило только Сюжеттѣ въ-время ему улыбнуться—и ея свѣженькая рожица заставляла его позабыть все на свѣтѣ.

Все чаще и чаще видѣлся самозванный графъ со своей фавориткой, и главнымъ, излюбленнымъ мѣстомъ ихъ свиданій сдѣлалась полуразвалившаяся хижина — бесѣдка, въ которой, подъ сѣнью обвивавшихъ ее ползучихъ растений и дикой жимолости, влюбленные по цѣлымъ часамъ ворковали, какъ голуби.

Графиня, которой прежде и въ голову не приходило, чтобы

---

*) См. выше: мартъ, 286 стр.

„король“ могъ завести любовную интрижку, невольно обратила вниманіе на то, что у прислуги нѣсколько разъ при ней вырывалось имя Сюетты, приправленное двусмысленными улыбками, которыя она тотчасъ же сама, спохватившись, старалась подавить.

Это встревожило ее не на шутку; но она старалась всячески разувѣрить себя.

— Да полно, мыслимо ли это? Можетъ ли быть, чтобы королю приглянулась простолюдинка? Клянусь Бастильей! это унижаетъ его, это позоритъ его священную особу! Онъ самъ, очертя голову, добровольно бросается въ пропасть!..

Ей становилось жутко при мысли о такихъ ужасахъ, о такомъ лукавствѣ возлюбленного супруга и повелителя; и чѣмъ больше она о немъ думала, тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ позорнѣе казалось ей его поведеніе. Тогда ей ясно стало, почему въ ея почтенномъ супругѣ на старости лѣтъ произошелъ такой рѣзкій переворотъ: почему онъ вдругъ сталъ особенно бодриться и заниматься своей наружностью; почему онъ старался придать своей походкѣ живость и эластичность, а взгляду — томность или развязность. Она поняла, почему онъ вдругъ сталъ любить уединеніе; почему никогда ужъ больше не заводилъ рѣчи о своихъ наследственныхъ правахъ, о священномъ долгѣ, повелѣвающимъ ему стремиться къ восстановленію родительскаго престола, а слѣдовательно, и благоденствія своего народа!

Графиня мучилась, терзалась; но ее мучила не простая, мелочная ревность, а постыдное, позорное для королевскаго сана увлеченіе члена королевской семьи. Еслибы онъ увлекся какою-нибудь княгиней, графиней или хоть придворной дамой, — она бы не считала это для него униженіемъ; она бы все поняла, все чистосердечно простила, какъ дѣло понятное и вполне естественное; она бы примирилась съ этимъ неизбежнымъ зломъ, какъ умѣетъ примириться только глубоко-любящая, матерински-преданная женщина со всякою невзгодой изъ любви къ дорогому ей существу. Но тутъ уже дѣло шло о злѣ позорномъ, отвратительномъ, которое могло повлечь за собою еще худшее: открытый скандалъ!

Бѣдную женщину охватило стремленіе во что бы то ни стало пресѣчь это зло, пока еще, можетъ быть, не поздно, и она рѣшилась при первомъ же удобномъ случаѣ откровенно высказать свое мнѣніе супругу, разъяснить ему все, каковы бы ни были для нея послѣдствія такой откровенности.

Черезъ нѣсколько дней, въ одинъ прекрасный вечеръ, графиня уже готовилась отойти ко сну, какъ вдругъ ей пришло въ

голову распахнуть окно и полюбоваться чудною звѣздною ночью. И въ самомъ дѣлѣ, ночь была дивная. Въ ея темной тишинѣ, бархатистой мглою вѣяло отъ неясныхъ очертаній деревьевъ и кустовъ, уходившихъ вдаль; при бѣлесоватомъ свѣтѣ луны, какъ озеро отливала серебромъ ровная лужайка, а на темномъ фонѣ боковыхъ аллей ясно выдѣлялись стройныя статуи, застывшія въ своихъ неподвижныхъ позахъ. Словно очарованный, дремалъ въ полуночной, сказочной тишинѣ густолиственный садъ, и его молчанье невольно подавляло своею таинственностью, полной какого-то неизъяснимаго благоговѣнія.

Но въ душѣ графини почему-то зародилось сомнѣніе: не скрываетъ ли чего иного эта непроницаемая листва? Развѣ она не самый лучшій стражъ для влюбленныхъ, которые ищутъ полного уединенія?.. Сердце у нея дрогнуло.

Въ одно мгновеніе, накинувъ только свой простенькій распахнутой капотъ, графиня какъ была, въ туфляхъ, поспѣшно вышла на лѣстницу, быстро и легко какъ тѣнь спустилась по ней, прошла черезъ пріемную залу, черезъ галерею и, перерѣзавъ оба двора, вышла въ садъ. Передъ нею бѣлѣли длинныя ленты аллей, а надъ ней, въ вышинѣ, высоко стояла блѣдная, серебристая луна и такъ прямо, такъ беззапѣнчиво смотрѣла ей въ глаза, что графинѣ невольно стало жутко. Въ эту минуту, звонко, торжественно въ ночной тишинѣ башенныя часы пробили полночь. Съ замирающимъ сердцемъ графиня остановилась и выждала, пока не замеръ въ воздухѣ послѣдній, двѣнадцатый ударъ. Только тогда пустилась она дальше, и подъ ея торопливыми, легкими шажками тихо хрустѣлъ песокъ, которымъ тщательно были усыпаны плотно убитыя дорожки. Нигдѣ ни звука, ни шороха!

Графиня уже начала упрекать себя въ излишней подозрительности; ей даже стыдно стало, что она такъ легко поддается дурнымъ мыслямъ о близкихъ и дорогихъ ей людяхъ; стыдно, — что она, какъ шпионъ, какъ соглядатай слѣдитъ по пятамъ за своимъ супругомъ.

— Лучше вернуться, — рѣшила она про себя. — Да, лучше вернуться!..

И она уже повернула обратно, какъ вдругъ до нея долетѣлъ шумъ голосовъ и взрывы смѣха.

Графиня пытливо оглянулась вокругъ; но вблизи никого и ничего не было видно. Сердце ея рвалось и трепетало, словно желая вырваться изъ тяжело дышавшей груди; но блѣдная женщина стремительно бросилась впередъ, на встрѣчу голосамъ,

которые долетали до нея теперь все яснѣе и яснѣе. На цыпочкахъ, осторожно ступая, подходила она все ближе и уже могла различить подъ сѣнью зелени двѣ человѣческія фигуры, любовно прижавшіяся другъ къ другу.

Вся залитая луннымъ свѣтомъ, стройная, грозная, предстала графиня предъ лицомъ влюбленныхъ. Съ крикомъ ужаса они вскочили на ноги и застыли на мѣстѣ отъ неожиданности. Въ первую минуту графинѣ хотѣлось своими руками покарать недостойнаго супруга, но она сдержалась и только холоднымъ, горделивымъ тономъ приказала Сюзеттѣ:

— Можешь убираться: и чтобы духу твоего не было!..

Между кустовъ зашелестѣли юбки... Сюзетта поспѣшила исчезнуть, и графиня осталась наединѣ со своимъ супругомъ.

Супругъ ея былъ въ спальномъ костюмѣ. Лиловый полевой галстухъ небрежно стягивалъ воротъ его батистовой рубашки; на головѣ красовался высокій ночной колпакъ, еще больше отбѣнявшій его обрюзгшее, смущенное лицо.

Графиня всплеснула руками и съ умоляющимъ жестомъ подняла ихъ къ нему.

— Какъ, сирь?! Вы? Вы рѣшились... Вы предаетесь такимъ ужаснымъ, такимъ поворнымъ страстямъ? — заговорила она участливо и нѣжно. — Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ я замѣчала въ васъ перемену; но подозрѣвать въ ней такую недостойную, такую презрѣнную причину... нѣтъ, нѣтъ: это и въ голову мнѣ не могло придти! И хоть бы это была порядочная дѣвушка, дворянка... такъ и того нѣтъ! Чтѣ же будетъ дальше? Чего вы хотите? Неужели вы намѣрены продолжать свои похождения у меня на глазахъ?.. О! Чтѣ за тяжкій крестъ вы возложили на меня!..

Тѣмъ временемъ Рулетъ успѣлъ уже собраться съ духомъ.

— Позвольте,—началъ онъ съ притворнымъ смиреніемъ.— Изъ-за этой Сюзетты не стоитъ вамъ беспокоиться; а такъ какъ вы судите лишь по обманчивымъ обстоятельствамъ...

— Обманчивымъ?! Да какъ вамъ...

— Вы, кажется, не даете мнѣ говорить?—высокомѣрно произнесъ супругъ; и графиня умолкла, подавленная его самообладаніемъ.—Довольно объ этомъ: эта дѣвушка уйдетъ отсюда... въ Парижъ. Тамъ я ее устрою, заведу ей цѣлый домъ, и вы больше о ней не услышите...

— Такъ вотъ какъ вы къ ней привязались! Видно, не дешево стояла вамъ эта побѣда!..

Рулетъ обидѣлся:

— Что-жъ, по-вашему: не мнѣ, что-ли, принадлежить мое состояніе? Развѣ я не хозяинъ своимъ деньгамъ?..

— Какъ вы жестоко со мной говорите, сирь! Развѣ вы не видите, что я и безъ того ежечасно страдаю; что душа моя изнываетъ за васъ...

— Ха, ха, ха! Вотъ такъ потѣха! Нечего сказать! Чего добраго, вы еще скажете, что вамъ плохо у меня живется?

Онъ рѣшительно поддался воркотнѣ и досадливо подергивалъ головой и плечами, все возвышая голосъ. Но графиня выпрямилась, и гордо, смѣло полилась ея рѣчь, словно изъ устъ вдохновенной пророчицы.

— Нѣтъ, сирь, не во мнѣ тутъ дѣло! Я чтѣ! Я сама ничего не стою, но вы, вы!.. Вотъ чтѣ меня мучаетъ, терзаетъ... Вы забыли... вы и не вспоминаете больше о престолѣ... о своей высокой цѣли!.. А я... я все время непрерывно, день и ночь думаю объ этомъ. Простите меня, но я, право, наконецъ, не могу удержаться, чтобы не высказаться передъ вами. Вы вступили на скользкій путь: въ праздности—а она, какъ извѣстно, самый худшій совѣтникъ государей—вы можете все предать забвенію: и уроки прошлаго, и славу предковъ, и свое великое, святое назначеніе!.. Итакъ, вы вдвойнѣ виновны: передъ своимъ народомъ и передъ родителемъ вашимъ... Память его должна быть для васъ священна... Ни слова больше... слышите: ни слова! Время не терпитъ, сирь; вамъ надо спѣшить, а не то... А не то—пробьетъ часъ—и вамъ ужъ не вернуть будетъ вашей силы... Въ позорной нѣгѣ, въ бездѣйствіи, угаснетъ могущественный родъ Бурбоновъ, и я боюсь даже себя представить, чтѣ за сонмъ всевозможныхъ бѣдъ постигнетъ бѣдную, разочарованную, развѣнчанную Францію!..

Не переводя духу, не размышляя, изливала свою душу графиня, и искренней, безграничной страстностью звучали ея слова.

Рулетъ, молча, покусывая ногти, выслушалъ свою супругу, и какъ только она умолкла, блѣдная, изнеможенная, онъ въ свою очередь разгорячился.

— Клянусь священной лиліей!.. не выводите меня изъ терпѣнія, не говорите больше ни слова! А! вы меня еще не знаете... ну что-жъ, и придется узнать... Но только ужъ тогда берегитесь! Прошу васъ держать языкъ за зубами и не надѣдать мнѣ вашей пресловутой властью и еще... чортъ знаетъ чѣмъ!..

Рулетъ, закусивъ удила, продолжалъ изрыгать страшнѣйшія ругательства, откинувъ въ сторону всякую сдержанность и давая полную волю своимъ грубымъ инстинктамъ. Онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поломаться надъ этой жен-

щиной, для которой онъ, кажется, достаточно ужъ пожертвовалъ собой, когда дѣло шло о ея счастьѣ. Должна бы она, кажется, въ благодарность дать ему хоть дожить покойно свой вѣкъ. А туда же, лѣзетъ еще попрекать его всякими пустяками! Велика важность, что ему вздумалось пошутить съ дѣвчонкой! Такъ нѣтъ же: эти проклятыя мечты старухи о королевскомъ величїи помѣшали, отравили ему жизнь, которая безъ нихъ могла бы быть такой отрадной, безмятежной! Чортъ побери! Нельзя же такъ и спустить ей съ рукъ; нельзя оставить ее нанячиться съ какими-то глупѣйшими планами возстановленія Бурбоновъ.

Онъ вдругъ собрался съ мыслями и злобно, лукаво улыбаясь, какъ лакомка, заранѣе смакующій вкусное блюдо, провелъ языкомъ по губамъ и медленно, словно цѣдя сквозъ зубы каждое слово, произнесъ совершенно отчетливо:

— Послушайте, сударыня, и запомните это хорошенько: я *не желаю* царствовать!

Графиня вздрогнула съ головы до ногъ и всплеснула руками:

— Но почему же, сиръ, почему?

— Какъ это такъ: „почему“?!

Рулетъ подошелъ къ ней поближе и прямо ей въ лицо прошипѣлъ:

— Да потому, что я... рес-пу-бли-ка-нецъ!

— Рес... рес...—несвязно лепетала графиня.

— Пу-бли-ка-нецъ, — любезно докончилъ за нее Рулетъ: — Д-да-съ, именно такъ-съ!..

И, не довольствуясь своей грубой выходкой, Рулетъ придумалъ еще больше напугать несчастную женщину: онъ принялъ еще болѣе отважный видъ, и, ставъ въ позу, словно готовясь начать отчаянную пляску, заревѣлъ сипло и грубо, какъ настоящій сан-жюлотъ, разнузданную „Карманьолу“:

Мадамъ Veto обѣщала
Перерѣзать весь Парижъ..

Графиня упала на колѣни и въ несказанной горести стонала:
— Великій Боже! Онъ сошелъ съ ума!.. Бѣдный король, бѣдный король!..

Но „король“, оставляя втунѣ ея отчаянные возгласы, еще громче и быстрѣе продолжалъ свое грубое кривлянье и, притопывая въ тактъ ногами, продолжалъ горланить.

Графиня въ отчаяніи припала къ землѣ и, затыкая уши, чтобы не слышать зловѣщихъ звуковъ, въ которыхъ чудились ей

ужасы гильотины, закрыла глаза, чтобы не видѣть громадной, безпорядочно подергивавшейся фигуры Рулета, облитой луннымъ свѣтомъ...

XIV.

Лѣто миновало.

На дворъ прикатила тревожная осень со своимъ безпокойнымъ завываніемъ свѣжаго, предвѣстнаго вихря, съ сѣроватыми облаками, словно подернутыми просвѣдомъ, съ оголенными деревьями, съ помертвѣлою, распростертою на землѣ листвою.

Стояли послѣдніе дни ноября, свѣжіе, сѣрые дни. Нескончаемой вереницей тянулись по небу перелетныя птицы, высоко подъ облаками плывя въ осеннемъ воздухѣ...

Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Рулетъ напугалъ графиню своимъ неистовствомъ, послѣ котораго Сюзетта въ двадцать четыре часа подверглась изгнанію изъ стѣнъ замка. По иному поводу, но такъ же исчезла оттуда и кухарка—Бригитта, его родственница, снабженная на прощанье изрядной суммой денегъ. Рулетъ боялся, какъ бы она по глупости не выдала его тайны окружающимъ.

И вотъ, наконецъ, сбывъ ее съ рукъ, онъ рѣшилъ, что можетъ теперь жить спокойно, а въ спокойствіи онъ и въ самомъ дѣлѣ очень нуждался.

Его выхода относительно графини какъ будто принесла ему несчастье: на слѣдующій же день онъ прихворнулъ, хотя и безъ особой видимой болѣзни. Его просто охватило сознаніе своего безсилія и одиночества посреди ничѣмъ незаслуженной роскоши. Онъ, ради тонкой политики, покался и принесъ своей супругѣ извиненія за свой неожиданный и грубый поступокъ.

— Простите мнѣ, Берта, — говорилъ онъ:—безпорядочныя рѣчи, которыя, въ минуту раздраженія... Въ этомъ виною мое заточеніе... и этотъ Симонъ-башмачникъ... Вотъ до каковаго состоянія довели они меня!..

Тутъ графиня упала передъ нимъ на колѣни и, въ свою очередь, повинилась въ томъ, что осмѣлилась его огорчить и увѣряла, что ни на минуту не сомнѣвалась въ его настоящихъ чувствахъ, приписывая его странныя выхода лишь временному разстройству.

Все пошло по старому.

Съ утра до вечера графъ начиналъ себя всевозможными

яствами, жирѣль и толстѣль непомѣрно. Толстѣль даже до того, что поддерживалъ свой раздутый животъ поперечными ремнями, обхватывавшими его вокругъ пояса. И чѣмъ больше его раздувало, тѣмъ онъ усиленнѣе старался казаться стройнѣе и еще больше подтягивалъ свои ремни. Характеръ его день ото дня становился невыносимѣе: угодить ему больше ужъ не могъ никто и никогда. Хлопнуть ли дверь, замѣтить ли онъ гдѣ лишний слой пыли, — конечно: воркотни до завтраго не оберешься! Унылое, напряженное настроеніе легло на всѣхъ и на все въ замкѣ; всѣ ходили повѣся носъ, не смѣя шевельнуться, какъ неживые люди.

Мнимому графу почему-то взбрело на умъ, что его хотѣли извести, чтобы окончательно съ нимъ развязаться; — и онъ сталъ окружать себя смѣшными, чрезвѣчными предосторожностями, не рѣшаясь ничего ѣсть, ни пить, пока не попробуетъ его пищу или питье слуга, — тутъ же, у него на глазахъ. Разъ какъ-то въ старинныхъ фолиантахъ Рулету случилось прочесть, что какая-то знатная или вообще высокопоставленная особа была отравлена посредствомъ перчатокъ; и вотъ онъ пересталъ вовсе носить перчатки, а по ночамъ, даже во снѣ, его тревога доходила до того, что онъ вскакивалъ и спросонья кричалъ неистово, но дрожащимъ голосомъ:

— Кто тамъ?

Забывая на время власть снова явилась на сцену теперь, когда графъ убѣдился, что помимо этого пути онъ не можетъ пользоваться спокойствіемъ и работѣннымъ кажденіемъ со стороны графини, сомнѣнія которой и въ самомъ дѣлѣ окончательно исчезли.

Для того, чтобы еще больше убѣдить свою довѣрчивую супругу въ своихъ заботахъ о возстановленіи престола, мнимый король усердно занялся составленіемъ списка подарковъ, которые ему придется дѣлать иноземнымъ государямъ по случаю его священнаго коронованія. Съ этой цѣлью Рулетъ усердно изучалъ старинные списки драгоценностей и другихъ подарковъ, подаренныхъ французскими королями своимъ дальнимъ и ближнимъ друзьямъ и сосѣдямъ, королямъ и императорамъ, начиная съ 1662 года и до самаго конца царствованія Людовика XIV. Два раза въ недѣлю, уединившись съ графиней въ уютномъ кабинетѣ, уставленномъ мягкой мебелью, ея супругъ занимался этимъ важнымъ дѣломъ, глубоко усѣвшись на кушеткѣ и протанувъ на ней ноги. Подъ рукой у него былъ хорошенькій легкій столикъ съ чернильницей, передъ которой возсѣдала его супруга, и мѣрные

голосомъ, тщательно обдумывая каждое свое слово, онъ диктовать ей свои распоряженія.

— Запишите: королю испанскому—нашъ портретъ, окруженный ста-семидесятью-тремя брилліантами; два эмалевыхъ столика и двѣнадцать четокъ изъ драгоцѣнныхъ камней...

— ...Драгоцѣнныхъ камней,—тихо повторяла графиня, такъ же благоговѣйно, какъ еслибы твердила молитву.

— Королевѣ Швеціи—ленты и духи въ большой шкатулѣ въ видѣ раковины, обтянутой чернымъ бархатомъ и украшенной золотымъ шнуромъ, и сверхъ того—столовый сервизъ...

— ...Сервизъ,—шептала почтительно графиня.

— Папскому послу—наперсный крестъ изъ розовыхъ алмазовъ, сосудъ для мѣра и пряжку для мантии...

Порой графиня заботливо прерывала своего супруга:

— Только бы ваше величество не забыли короля Швеціи: онъ достоинъ почтенія. Португальскій король также къ намъ дружественно расположенъ...

— Довольно, довольно. Не тревожьтесь: все будетъ сдѣлано и сдѣлано прекрасно! У меня память королевская...

И въ тишинѣ уютной комнаты снова раздавался его мѣрный голосъ:

— Итакъ... русскому посланнику—три золотыхъ чаши для крови медвѣдей, убитыхъ на охотѣ...

Но и этого препровожденія времени ему вскорѣ стало мало. Онъ принялся перебирать въ бесѣдѣ съ графиней свои воспоминанія о давно минувшемъ величїи при дворѣ его августѣйшихъ родителей; вспоминалъ всѣ прелести баловъ и спектаклей; восхищался трагедіями Кребильона и очаровательными балетами, въ которыхъ блистала изящная Бреланъ.

Потомъ онъ вдругъ воспылялъ страстью къ музыкѣ и выпи-салъ изъ Парижа шпинеты, клавикорды, мандолины и даже органъ Сомера; самъ же онъ упражнялся съ самаго утра на мандолинѣ и немилосердно дралъ уши всѣмъ окружающимъ, царапая ея голосистыя струны, звукъ которыхъ сливался въ какую-то невообразимую какофонію безъ начала и конца.

Графиня недурно играла на клавикордахъ и порой улаживала своего властелина старинными мелодіями, подпѣвая своимъ тоненькимъ дряхлымъ голосомъ:

Мой бѣдный Жакъ!

Когда мы были вмѣстѣ... и т. д.

Такъ начинался знаменитый романъ маркизы Траванъ.

Томъ II.—Апрѣль, 1895.

41/44

Желая угодить супругу, графиня снова подлѣчилась игръ на арфѣ, въ которой она когда-то, въ молодыхъ годахъ, была искусна, и ея бѣлыя, худенькія ручки, по старой памяти, граціозно обнимали сверкающія струны сладкозвучной арфы.

Цѣлые вечера проводилъ теперь Рулетъ, тяжело опустившись въ мягкія подушки низкаго, большого кресла, свѣсивъ голову на грудь и тусклымъ взоромъ смотря безцѣльно куда-то вдаль, прямо передъ собою, въ то время, какъ нога его машинально отбивала тактъ. Посреди комнаты, на высовомъ, очень высокомъ стулѣ сидѣла его супруга, углубившись въ прелесть серебристыхъ звуковъ своей арфы. Ея худенькая, миниатюрная фигурка едва-едва касалась стула и, казалось, стояла въ воздухѣ, сливаясь въ одно эфирное цѣлое съ инструментомъ, украшеннымъ золотымъ вѣнцомъ. Ея блѣдныя ручки, бѣгая по струнамъ, словно отрывали лепестки полуувядшихъ маргаритокъ, а сосредоточенный, почти любовный взглядъ, котораго она не спускала съ голосистыхъ струнъ, еще болѣе довершалъ иллюзію, что она, словно гадая, тихо шепчетъ своими безкровными губами:

— Да... нѣтъ... можетъ быть... навѣрно!..

И арфа заливалась то нѣжно и задумчиво, припоминая старыя, безхитростныя пѣсни, то быстрыя, широкія рулады и арпеджіи, то хорошенькіе менуэты и капричіо Мондовиля, Скарлатти и Рамо. И ихъ типичнымъ оттѣнкамъ словно отвѣчалъ тихій небосводъ, съ котораго мирно лила въ окно свой блѣдный свѣтъ вечерняя луна, а вокругъ нея безмятежно теплились неподвижные огоньки вѣковѣчныхъ звѣздъ...

Такъ проходило время въ уютной гостиной вплоть до тѣхъ поръ, пока не раздавался подъ окномъ старческой голосъ ночного сторожа, протяжно возвѣщавшаго всему замку, что ночь ужъ наступила:

— Я здѣсь... Покойной ночи! Десять било!..

Протяжный голосъ, выливавшій эти слова, освященный обычаемъ вѣковъ, ночная тишина и самый звукъ этого голоса, удалявшагося постепенно... все это навѣвало картины старины, и въ воображеніи невольно возникало представленіе о сѣдовласомъ сторожѣ-старикѣ съ фонаремъ въ рукахъ, который въ былыя времена возвѣщалъ мирнымъ горожанамъ, что ночь ужъ наступила — пора тушить огни...

Графиня вставала со своего пьедестала и бережно надѣвала на арфу лиловый шелковый чехолъ.

Супруги расходились по своимъ апартаментамъ, а гдѣ-то вда-

лежѣ еще звучалъ сторожевой привѣтъ, тихій, неумовный, какъ дуновенье вѣтра:

— Покойной... ночи!.. Десять... било!..

XV.

Ровно въ полдень графу подавался „большой завтрак“, и послѣ него его сіятельство переходилъ на террасу, съ которой открывался далекій и разнообразный видъ. Между двухъ зубцовъ старинной замковой стѣны была укрѣплена прекрасная подзорная труба, также старинной, но хорошей работы, и въ нее-то графъ могъ по цѣлымъ часамъ любоваться окрестностями своихъ владѣній.

На самомъ горизонтѣ высились двѣ совершенно одинаковыя башни-близнецы турскаго собора; чуть-чуть поближе, при устьѣхъ рѣки Шера, виднѣлись сплошныя лѣса и высокіе зубцы прочныхъ стѣнъ Вилландри,—тѣхъ самыхъ стѣнъ, въ которыхъ Филиппъ-Августъ велъ мирные переговоры съ королемъ Генрихомъ II английскимъ. Еще ближе, лѣвѣе, раскинулись развалины замка Сентъ-Марса, скрытаго по приказанію кардинала Ришелье; на югѣ—сплошная масса лѣсовъ Шинонскихъ; затѣмъ, на самыхъ берегахъ Индры, цвѣтушіе луга которой сливаются съ лугами Луары, виднѣлся Бланшатръ и замокъ Усса; ему приписываетъ романтическая хроника честь укрывательства Жана де-Сентрэ съ его возлюбленной. Наконецъ, на первомъ планѣ этой грандіозной панорамы, извиваясь посреди луговъ, рощъ и виноградниковъ, сверкала серебряная сѣть бассейна Луары. Надъ нею развѣвались паруса большихъ торговыхъ судовъ, а у береговъ ея высились роскошныя плотины, постепенно смѣнившія древнія крѣпостныя укрѣпленія.

Погруженный въ какую-то безучастную дремоту, Рулетъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на солнышкѣ, хоть это солнышко и начинало свѣтить все рѣже и рѣже. Насупившись, исподлобья поглядывалъ изрѣдка мнимый графъ на свою супругу, которая до глубины души была потрясена происходившей въ немъ переменой: онъ рѣшительно впалъ въ дѣтство, и день ото дня становилось съ нимъ все труднѣе и труднѣе ладить. Никто пикнуть не смѣлъ передъ нимъ; прислуга ходила на цыпочкахъ, затаявъ дыханье и тщательно запирая за собою двери. Ихъ баринъ-амодуръ строго требовалъ, чтобы всѣ комнаты были на замкѣ, тяжелыя занавѣси и портьеры были бы плотно спущены, чтобы

не пропускать ни шума, ни свѣта. Гулянье для него уже было въ тягость; кататься онъ также больше не ѣздилъ, за исключеніемъ развѣ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда графинѣ удавалось уговорить его. Это бывало обыкновенно поутру, когда воздухъ свѣжѣе и чище, когда весь народъ на работѣ. Да и то графъ приказывалъ подавать ему экипажъ во внутренній дворъ и дорогой запрещалъ кучеру даже оглядываться на него. Всѣ эти жалкія, мелочныя причуды не оставались тайной для окрестныхъ жителей и внушали еще большее недоумѣніе и страхъ добродушнымъ крестьянамъ. И безъ того богатый чужестранецъ уже казался имъ существомъ страннымъ, таинственнымъ, но теперь онъ облекся въ ихъ глазахъ въ еще болѣшую таинственность. По вечерамъ, бесѣдуя на сонъ грядущій, добрыя старушки увѣряли, что у него всегда лежатъ подъ рукой заряженные пистолеты, что гдѣ-то далеко въ жаркихъ странахъ ему принадлежитъ цѣлый островъ, населенный „черными людьми“, и что въ его богатыхъ сахарныхъ плантаціяхъ ежедневно изнемогаютъ въ работѣ до трехсотъ человѣкъ невольниковъ, закованныхъ въ тяжелыя цѣпи.

Однажды, когда лѣса стояли безмолвно, лишенные своего лѣтняго покрова, когда сѣрыя, неровныя тучи, тяжело нависши, неслись надъ землею по волѣ грознаго осенняго вихря, графъ, по обыкновенію, сидѣлъ на террасѣ, а графиня стояла передъ нимъ, прислонившись къ зубчатому выступу стѣны. Тихо, осторожно и ласково, — съ той особою ласкою, съ какою обращаются къ маленькимъ дѣтямъ или къ помѣшаннымъ, — говорила она со своимъ одряхлѣвшимъ супругомъ:

— Ну что же? Какъ чувствуете себя, сирь? Чего вамъ угодно было бы покушать за обѣдомъ? Не приказать ли сдѣлать заливное изъ форели?

Но старикъ продолжалъ безучастно молчать, и глубокой грустью вѣяло отъ этихъ слабыхъ, опустившихся стариковъ, которые не въ состояніи были даже бесѣдовать другъ съ другомъ. Глядя на нихъ, казалось, что и для нихъ обоихъ тоже пришла зима; что осень, — а съ нею и лѣто, — прошла для нихъ безвозвратно. Но особую жалость возбуждала къ себѣ худенькая, блѣдная графиня, будто непрерывно льющая цѣлые потоки слезъ о минувшемъ: таково, по крайней мѣрѣ, было общее выраженіе ея печальныхъ, задумчивыхъ глазъ, посѣдѣвшихъ волосъ, — тоже какъ-то печально и небрежно висѣвшихъ неровными локонами по обѣ стороны ея исхудалаго личика и всей ея тщедушной фигурѣ.

— Хотите, вернемся въ комнаты?—предложила она Рулету.
— Вѣтеръ становится холоднѣе... Вамъ, какъ будто, не по себѣ...

— Хорошо... Мнѣ дѣйствительно что-то не по себѣ; мнѣ...
— началъ онъ и не докончилъ.

Безпорядочно взмахнувъ руками, онъ вдругъ неистово вскрикнулъ, и яркая краска залила его лицо и шею. Грувно упавъ онъ на кресло, которое отъ неожиданнаго толчка съ шумомъ отъѣхало въ сторону, и онъ съ глухимъ стукомъ грохнулся на полъ.

Владѣльца замка, все еще безъ чувствъ, перенесли на кровать; но и тамъ онъ долго не приходилъ въ себя. Кучеръ Пигапш успѣлъ слетать въ коляскѣ въ городъ Туръ и вернуться обратно съ докторами,—а его баринъ все еще былъ безъ сознанія.

Завидя докторовъ, графиня, какъ полоумная, бросилась къ нимъ, умолая спасти больного:

— Общайте мнѣ, что вы сдѣлаете для него все, все возможное и... невозможное, какъ сдѣлали бы... ну, для своего короля!..

Докторъ Паруассъ, который былъ старше своего коллеги, отвѣтилъ за двоихъ:

— Повѣрьте, графиня, мы сдѣлаемъ для его сіятельства все, что мы обязаны сдѣлать для него, какъ для человѣка. Для насъ, докторовъ, не существуетъ ни монарховъ, ни простолюдиновъ, ни княгинь или простолюдинокъ; больной, въ нашихъ глазахъ, просто субъектъ, требующій—и по праву—нашего полного сочувствія и вниманія.

Почтенный старикъ говорилъ медленно и внушительно, почти строго.

— Вы правы!—подтвердила графиня.—Идемъ же къ нему!

Легко и быстро, какъ молодая, она пошла впереди и, бодро ступая, поднялась по лѣстницѣ, не держась за перила.

Иногда горе открываетъ человѣка такъ же, какъ и радость.

Идя гуськомъ, одинъ за другимъ, всѣ трое вошли въ спальню больного. Тамъ была тишина,—зловѣщая, безжизненная тишина, предвѣстница безповоротнаго конца.

По просьбѣ докторовъ, графиня отошла въ сторону и, пока они осматривали Рулету, съ грустью обводила глазами всю обстановку, въ которой онъ проснулся еще сегодня утромъ... и проснулся, можетъ быть, въ послѣдній разъ! Еще дороже, еще милѣе была теперь для нея каждая служившая ему вещь: ночной столикъ, неприбранный подносъ, большая чашка, изъ которой онъ пилъ еще въ постели... Невыразимо тяжело было вслушиваться въ тишину полуосвѣщеннаго, богатаго покоя, въ кото-

ромъ безсвязными отрывками раздавались замѣчанія докторовъ и чуть слышные шаги сновавшаго то туда, то сюда лакея графа, вѣрнаго Розд.

Наконецъ, не въ силахъ будучи превозмочь свое волненіе, графиня съ другого конца комнаты крикнула докторамъ:

— Онъ будетъ живъ?

— Только въ томъ случаѣ, если на то будетъ воля Божія!.. — былъ отвѣтъ.

— О, за Его волю я ручаюсь! — горячо и высокоумно проговорила графиня.

— Что же касается насъ обохъ, — продолжалъ почтенный медикъ: — мы пришли къ заключенію, что наша помощь, — какъ это ни грустно сказать! — почти лишняя! Наше дѣло окончено и наши услуги больше не понадобятся. Больной лежитъ въ обморокѣ, который долженъ пройти черезъ полчаса; затѣмъ сознаніе вернется къ нему совершенно, но весьма ненадолго... какъ мы имѣемъ основаніе, къ сожалѣнію, предполагать. Ему грозитъ тяжкій... смертельный припадокъ, и тогда-то вамъ надо обратиться за помощью къ Тому, Кто слышитъ горячія мольбы слабыхъ, страдающихъ людей, и Одинъ имѣетъ власть воскрешать мертвыхъ!..

— Значить, вы не въ силахъ ничѣмъ ему помочь и оставляете насъ? — спросила графиня твердымъ голосомъ.

Она уже смотрѣла опасности прямо въ глаза, и это возвертило ей самообладаніе.

Отвѣта не было.

Тогда графиня, торжественно, свысока и съ ледянымъ спокойствіемъ въ голосѣ, проговорила:

— Благодарю васъ, господа! Когда-нибудь вамъ придется узнать, кому вы оказали здѣсь ваше просвѣщенное вниманіе!

И пока они, озадаченные ея высокопарными словами, недоумѣвали, что она хотѣла сказать, графиня уже подошла къ постели больного.

Графъ лежалъ на спинѣ, всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ занимая всю ширину просторной кровати.

Вдругъ онъ открылъ глаза и успокоеннымъ, яснымъ взоромъ посмотрѣлъ на графиню.

— Я бы желалъ видѣть патера Нарбонна... сейчасъ же! Время не терпитъ!

Вѣсть о несчастіи съ владѣльцемъ замка уже успѣла дойти до деревни, и патерь самъ, по счастью, явился въ замокъ, чтобы узнать о здоровьѣ больного. Какъ ни грустна была графиня, но ее, какъ набожную женщину и ревностную христіанку,

обрадовало желаніе супруга, который, бывало, нещадно издѣвался надъ нею за ея богомольство.

— О, отецъ!—заливаясь слезами, воскликнула она, какъ-только завидѣла от. Нарбонна.—Онъ самъ вѣдь пожелалъ васъ видѣть: значитъ, онъ считаетъ, что уже погибъ!..

— ...Для этой жизни, да! но для небесной—онъ спасенъ!

— Небеса обошлись бы безъ него: могутъ и подождать!—возмутилась несчастная.

— Прошу васъ, не богохульствуйте! Помолимся всѣ вмѣстѣ, чтобы небеса, напротивъ, вняли нашимъ мольбамъ и разверзлись ему на встрѣчу!..—мягко уговаривалъ патеръ.

Между тѣмъ въ душѣ умирающаго, какъ это часто бываетъ и не съ нимъ однимъ въ минуту разставанья съ жизнью, возникъ скорѣе страхъ передъ неизвѣстностью грядущаго, нежели истинное благоговѣніе. Да, въ сущности, и самое представленіе о райскомъ блаженствѣ или адскихъ терзаніяхъ способно повергнуть любого изъ насъ въ ужасное недоумѣніе. И, наконецъ, кто не пойметъ, что въ такой роковой и неизбежной часъ, когда одинъ Богъ знаетъ, что насъ ждетъ за гробомъ, человѣкъ можетъ обнять мыслью свое прошлое и глубоко и справедливо отнестись къ своимъ прегрѣшеньямъ?

Неожиданно, грубо столкнула судьба старого притворщика-комедіанта съ житейскаго пути, на которомъ ему казалось, что онъ уже прочно стоялъ; и онъ показался, онъ созналъ грѣховность своего обмана, и потому первымъ словомъ его была просьба—послать за патеромъ.

— А!наконецъ!..—проговорилъ больной, завидя его:—оставьте насъ!..—обратился онъ къ женѣ, и ясно, безъ запинки полилась его покаянная рѣчь.

Въ то время, какъ у одра смерти старикъ-патеръ принималъ чистосердечныя признанія Рулета и въ простотѣ душевной былъ пораженъ его поступкомъ, который умирающій называлъ своимъ *тяжкимъ преступленіемъ*,—въ то время графиня тихо прошла въ свою комнату и, подойдя къ окну, задумчиво заглядѣлась на очертанія сельской церкви, видѣвшейся отсюда какъ на ладони. Сумерки совершенно спустились на землю, и въ вечерней, сумрачной тиши вдругъ раздался звонъ жиденкаго колокола, съ незапамятныхъ временъ возвѣщавшаго поселянамъ всѣ главные службы и обряды.

Вспомнилось графинѣ, какъ часто она углублялась въ молитву, когда убѣгала въ церковь отъ преслѣдованій своего супруга, издѣвавшагося надъ ея „ханжествомъ“; какъ горячо мо-

лилась о томъ, чтобы Богъ просвѣтилъ его; и теперь, когда ея молитва была услышана, она торжественно поклонилась,—если Богу угодно будетъ возвратить его къ жизни,—то отнынѣ она будетъ соблюдать постоянный постъ до конца дней своихъ и продать всѣ украшенія свои, чтобы раздать деньги нищимъ. Платье и тонкое бѣлье она также принесла обѣтъ продать, чтобы придти на помощь больнымъ и сиротамъ, а сама рѣшила носить только простое, грубое шерстяное платье. И въ то же время бѣдная женщина, несмотря на искренность своей мольбы, чувствовала и понимала, что никакія самоотверженныя жертвы не въ силахъ остановить хода роковыхъ, неизбежныхъ событій...

Вернувшись въ спальню супруга, графиня испугалась страшной переменъ, которая въ немъ произошла за такой короткій срокъ. Онъ, дрожа, съ неподвижными глазами сидѣлъ на постели и видимо снова былъ безъ сознанія. Потъ градомъ струился у него по вискамъ, а въ углахъ губъ появилась желтоватая пѣна, которая, бывало, означала, что онъ сильно разсерженъ. Ни слова не могъ произнести умирающій и только движеніемъ руки приказалъ молчать своей испуганной супругѣ. Стоя передъ нимъ, въ своихъ загрубѣлыхъ отъ работы, большихъ рукахъ старикъ-патеръ держалъ бережно и ловко чашу со св. дарами. Какъ человѣкъ, издавна привыкшій къ такимъ сценамъ отчаянія и страха, смиренный пастырь внимательно и съ глубокимъ благоговѣніемъ читалъ молитвы, не сводя своего убѣжденнаго взора съ несчастнаго, которому ужъ недолго оставалось страдать.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе умирающаго; но вдругъ языкъ его развязался и онъ заговорилъ быстро-быстро, словно повинаясь какой-то невѣдомой силѣ,—заговорилъ громко и съ ужасающей торопливостью, какъ ребенокъ, который отвѣчаетъ затверженный урокъ:

— Лѣвой рукою я касаюсь ордена св. Духа, который сверкаетъ у меня на груди... Надо стараться принять внушительный, царственный видъ... Величественную и благосклонную улыбку... Будьте покойны: она у меня будетъ!.. Она бросается ко мнѣ, обнимаетъ мои колѣна, покрываетъ поцѣлуями мои руки... Я ей не мѣшаю...

Бурнымъ, неудержимымъ потокомъ лилась его рѣчь, пока ротъ его не скривился, широко раскрытый, безмолвный.

Патеръ наклонился надъ нимъ и приложилъ къ губамъ умирающаго крестъ съ Распятіемъ. Долго молча смотрѣлъ на него Рулетъ и, наконецъ, совершенно отчетливо произнесъ:

— Ахъ, да, вы—патеръ. Ну, значить, дѣло дряннѣ: конецъ мнѣ пришель!

И вслѣдъ затѣмъ забормоталъ опять что-то бессвязное, подъ впечатлѣніемъ послѣдней роли, разыгранной имъ на землѣ. То онъ собирался войной на Фландрію; то приказывалъ созвать стражу; то требовалъ, чтобы на него надѣли ордена и ленты... словомъ, говорилъ безъ разбору все, что приходило ему на умъ. То онъ вдругъ умолкалъ, и лицо его принимало такое выраженіе, точно онъ глубоко задумывался надъ торжественностью предстоящей ему роковой минуты, и съ благоговѣйнымъ трепетомъ уже видѣлъ себя предъ лицомъ Верховнаго Владыки и Судіи „живымъ и мертвымъ“... То раздраженіе искривляло его посинѣлыя черты, и онъ громкими попреками и ругательствами осыпалъ почтеннаго пастыря церкви.

— Ну, чего вы тутъ торчите? Прочь вашу воду, и оставьте меня въ покоѣ!—кричалъ онъ гнѣвно; но затѣмъ снова впадалъ въ полное безпамятство и изнеможеніе. Только по временамъ тишина прерывалась его неровнымъ и порывистымъ дыханьемъ, отъ котораго нервно колыхалось все его грузное тѣло, да съ воздуха доносились совершенно посторонніе звуки, рѣзко напоминавшіе о томъ, что за стѣнами комнаты умирающаго жизнь идетъ своимъ чередомъ, словно никого и ничего не касается совершающаяся здѣсь таинственная борьба жизни и смерти изъ-за бѣднаго грѣшника, слабаго духомъ и тѣломъ.

Съ минуты на минуту лицо бывшаго комедіанта становилось все мрачнѣе, землистѣе, будто спѣша оттѣнкомъ своимъ скорѣе сравняться съ тою землею, которая должна упокоить на вѣки его брѣнную оболочку. Его плоскія, обтянутыя щеки словно прилипли къ выдающимся костямъ лица, носъ — типичный носъ Бурбоновъ—вытянулся и согнулся, какъ острый клювъ хищной птицы; дыханіе становилось все рѣже и рѣже, словно умирающій хотѣлъ нарочно продлить, насколько возможно, краткій срокъ, еще оставшійся ему на землѣ въ качествѣ мнимаго монарха. Близость смерти сказывалась во всемъ — въ его потухшихъ взорахъ, въ потемнѣвшемъ лицѣ, въ полной безжизненности всей его позы.

Вдругъ графинѣ показалось, что ея супругъ устался на нее глазами, и въ этихъ глубоко запавшихъ, уже тусклыхъ глазахъ, она прочла страстное желаніе что-то сказать и досаду, огорченіе, что на это не хватаетъ силъ. Всей своей любящей душою эта преданная женщина прониклась жалостью къ несчастному и, въ порывѣ желанія помочь, сдѣлать ему угодное, потя-

нулась ближе къ нему. Осторожно, почти медленно, изъ боязни потревожить, нечаянно толкнуть его, графиня придвигалась къ его лицу на колѣняхъ (какъ все время стояла), не сводя съ него жаднаго, вопросительнаго взора.

Рулетъ видимо собралъ послѣднія силы, и ясно, торжественно, но искренно прозвучали его слова, поразившія графиню сильнѣе громовъ небесныхъ:

— Прости!.. Я не былъ... никогда не былъ Людовикомъ XVIII!

Всѣ присутствующіе измѣнились въ лицѣ—и самъ умирающій, принесшій свое запоздалое покаяніе и видимо успокоенный этимъ чистосердечнымъ признаніемъ, и графиня, его обманутая и любящая супруга, потрясенная словами мужа, и, наконецъ, аббатъ, молившій Бога, чтобы Онъ помиловалъ ее и не далъ ему тяжелой обязанности провожать въ могилу разомъ двоихъ усопшихъ. Всѣ трое, одинаково мертвенно-блѣдные, молча обмѣнялись невыразимо-грустными или испуганными взглядами,—взглядами до того ужасными, что еще минута такого молчанія—и они непремѣнно должны были разразиться криками отчаянія или безумія. Въ глазахъ графини такъ ясно отражался томительный вопросъ, что патеръ, ради ея спасенія, рѣшился солгать, лишь бы сохранить ей жизнь и разумъ. И онъ солгалъ впервые за свои пятьдесятъ-два года священства.

Порывисто отвѣдя графиню въ сторону отъ умирающаго, онъ ей шепнулъ:

— Не вѣрьте ему!.. Онъ исповѣдался передо мною: онъ дѣйствительно сынъ Людовика XVI!

Удерживаясь, чтобы не закричать отъ радости, бѣдная женщина бросилась на колѣни и съ горячей мольбою закрыла лицо руками въ то время, какъ аббатъ взволнованнымъ голосомъ читалъ отходную.

Умирающій лежалъ безучастно, безъ признаковъ жизни, кромѣ предсмертнаго хрипѣнья, а надъ нимъ мѣрно и отчетливо раздавались торжественныя, великія слова Христа, научившаго насъ молиться.

Но еще не успѣлъ прочесть патеръ второе прошеніе, еще въ воздухѣ стояли его простые, искренніе звуки, какъ умирающій содрогнулся и, весь выпрямившись, широко раскрылъ глаза, испустивъ духъ.

XVI.

Ничто не производит такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ роскошь и торжественная обстановка обряда погребенія, который совершается надъ ничтожнымъ прахомъ того, кто еще такъ недавно былъ человѣкомъ! Какой странный видъ имѣютъ всѣ эти церемоніи, происходящія при возвращеніи праха въ прахъ: всѣ украшенія, разодѣтые пѣвчіе и звуки органа... Главное дѣйствующее лицо этого печальнаго торжества—нѣмо и неподвижно. Въ эту минуту оно получаетъ больше вѣнковъ и цвѣтовъ, имѣетъ болѣе успѣхъ нежели самый знаменитый любимецъ публики...

Теперь, именно только теперь, выступаетъ во всей своей наготѣ высокомеріе и разборчивость суровой смерти. Она, какъ настоящая аристократка, безстрастно красуется среди богатства серебра, огней, цвѣтовъ и дорогой парчи съ тяжелыми, настоящими серебряными слезами, кистями и бахромою. Странное, но несомнѣнное удовлетвореніе, утѣшеніе, приносятъ съ собою окружающимъ этотъ блескъ, эта роскошь. Смерть, однако, не прочь отъ такой выставки на показъ, и куда непригляднѣе она для тѣхъ бѣдняковъ, которые мрутъ какъ мухи гдѣ-нибудь въ сырыхъ подвалахъ или душныхъ чердакахъ, и отправляются на мѣсто упокоенія безъ всякой торжественности, безъ цвѣтовъ, серебра и многочисленнаго клира. Но знатныхъ особъ куда меньше на свѣтѣ, и вотъ, чтобы покрыть качество хотя бы количествомъ, смерть, безъ разбора, съ отвращеніемъ заглядываетъ въ лачуги бѣдняковъ и поголовно поражаетъ ихъ,—старыхъ и малыхъ:—ей они безразличны. Тогда-то и свирѣпствуютъ у насъ эпидеміи,—чума, холера, дифтеритъ, или война, которая уноситъ въ пятьсотъ разъ больше солдатъ.

Еслибы не она, всемогущая владычица-смерть, откуда бы взяли люди такое роскошное зрѣлище, какимъ являются похоронные процессіи? Чтѣ можетъ исполнѣ замѣнить жадной до зрѣлищъ толпѣ торжественность погребальнаго трезвона, похоронные марши, укутанные флеромъ трубы и барабаны, протяжное, заунывное гнѣіе, потрясающее до глубины души самыхъ праздныхъ зрителей?... Вся эта обстановка, грустная и торжественная, въ послѣдній разъ привлекающая вниманіе на главнаго ея виновника, уже покоящагося вѣчнымъ сномъ, невольно производитъ впечатлѣніе чего-то таинственнаго, ожидающаго насъ самихъ за гробомъ, и служащаго какъ бы преддверіемъ къ неизвѣстному намъ будущему.

Похороны — это триумфъ смерти, это ея грозное и величественное торжество; это не покойникъ, — это она сама шествуетъ побѣдоносно, хоть и невидимо, посреди свѣтъ и фонарей, окруженная толпою зрителей и факельщиковъ, внимающая клиру и возгласамъ аббатовъ...

Цѣлую ночь, цѣлый день и еще ночь провела графиня безъ пищи и питья у одра своего покойнаго супруга.

Онъ дѣйствительно покойно почивалъ, весь разодѣтый, разукрашенный румянами и бѣлилами, и все, что при жизни было грубаго, неблагороднаго въ его чертахъ, совершенно изгладилось подъ вліяніемъ окончательной разлуки съ жизнью. Его мертвыя, рѣзко обозначившіяся черты поражали какой-то величавостью, и его типичная голова особенно красиво выдѣлялась на синихъ бархатныхъ подушкахъ.

Для графини въ эти торжественныя и грустныя минуты Ролетъ былъ безспорно Людовикомъ XVII, обожаемымъ сыномъ Маріи-Антуанеты, наслѣдникомъ французскаго престола!

Разсвѣтъ занимался сѣрый и холодный.

Графиня сидѣла недалеко отъ окна, въ которое вмѣстѣ съ утреннимъ чистымъ воздухомъ врывалось и пѣніе птицъ. Ея больному, измученному воображенію казалось, что пернатые щебетуны знаютъ о ея страшномъ горѣ и, по своему чирикаю, сообщаютъ другъ другу роковую вѣсть...

Теперь, и только теперь, при взглядѣ на обнаженные лѣса, унылые, грязновато-черные луга, прислушиваясь къ упорному холодному завыванію вѣтра, безопасно, какъ всегда, носившемуся въ воздухѣ, графиня вдругъ поняла, или вѣрнѣе говоря, ее постигло предчувствіе, что пришелъ навсегда конецъ древней монархіи во Франціи, — въ той самой Франціи, которая всѣмъ своимъ развитіемъ и блескомъ обязана исключительно ей. Какія бы революціи, какіе бы государственные перевороты ни случались, какъ бы сильны и неожиданны или губительны ни были они для нея, — въ ней такой запасъ силъ и величія заложенъ ея прежнимъ государственнымъ строемъ, что она снова воскреснетъ, снова возродится изъ пепла, — мощная, прекрасная, великая!.. Но ея владѣнія, ихъ блестящій дворъ, этотъ центръ французскаго именитаго дворянства; эта цѣль, къ которой стремились науки и искусства; вся неподражаемая роскошь загородныхъ парковъ и дворцовъ: Версаль, Марли и Трианонъ; весь этотъ строгій и пышный этикетъ, окружавшій царственныхъ особъ и не покидавшій

ихъ даже на охотѣ; это царство изящнаго рыцарства и благородства... Все это миновало навсегда! Конечно, въ будущемъ можетъ быть еще сокрыто для Франціи множество славы и побѣдъ на поприщахъ политики, науки и искусства; но уже блескъ ея царственной, пышной и изящной внѣшности, которой давалъ тонъ и направленіе королевскій дворъ, — этотъ блескъ померкъ и не загорится ужъ больше никогда... никогда!..

Когда пришло время закрыть гробъ съ останками ея супруга, графиня выказала замѣчательную твердость духа. Въ гробъ она положила съ нимъ тѣ самыя пряди волосъ его, яко бы, августѣйшихъ родственницъ, которыя она нѣкогда съ такимъ благоговѣніемъ приняла въ даръ отъ него. Но особенно бодро и мужественно перенесла она послѣднія минуты разставанія съ дорогимъ для нея прахомъ. Она сама, съ замѣчательнымъ самообладаніемъ, дѣлала всѣ надлежащія распоряженія относительно печальной церемоніи, входила въ мельчайшія подробности убранства.

Для себя она сочла самымъ подходящимъ полный трауръ, какой принять былъ при дворѣ: черную куафюру изъ дорогого крепа, рукава и вѣеръ, — все по установленному придворному образцу; перчатки и башмаки — бронзоваго цѣта. Вся дворня была въ черныхъ траурныхъ ливреяхъ; зеркала затянута чернымъ крепомъ на полгода...

Благодаря разрѣшенію высшихъ духовныхъ властей, графиня получила возможность похоронить своего супруга въ своемъ замкѣ, подъ сѣнью его старинныхъ вѣковыхъ стѣнъ и дубовъ. Въ саду, при большомъ стеченіи народа, собиравшагося поглазѣть на неслыханно-богатое погребеніе, Денисъ Рулетъ былъ опущенъ въ могилу. Утро было холодное, непривѣтливое, безъ солнца и безъ его ласкающаго свѣта. Любопытство было главнымъ двигателемъ многочисленной толпы простолюдиновъ, провожавшихъ роскошный гробъ въ его послѣднее жилище.

На могильномъ холмѣ, въ которомъ покоился прахъ мнимаго короля, бывшаго комедіанта, была прибита черная мраморная доска, на которой еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было прочесть нижеслѣдующую надпись:

„Здѣсь покоится, въ ожиданіи радостнаго воскресенія, Карлъ-Людовикъ, герцогъ Нормандскій. Род. въ Версали 27-го марта 1785 г. Сконч. въ Ланжэ, 19-го ноября 1843 г. — Sic transit gloria mundi“.

А. Б—г

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НА МОГИЛАХЪ КАЛИФОВЪ.

Они пришли съ далекаго Востока,
Имъ грозный мечъ дорогу проложалъ.
У нильскихъ водъ зеленый стягъ пророка
Ихъ первый вождь съ молитвой водрузилъ.
Молился онъ, чтобъ силою Аллаха
Калифовъ родъ во вѣки былъ хранимъ,
Чтобъ новый градъ, воздвигнутый изъ праха,
Прославленъ былъ,—великъ, непобѣдимъ.
Текли вѣка, смѣнялись поколѣнья...
И вотъ, какъ рядъ разрозненныхъ страницъ,
Хранятъ пока отъ вѣчнаго забвенья
Калифовъ славу нѣсколько гробницъ.
Люблю ихъ видъ, когда луны лучами
Озарены узоры ихъ твердынь,
И окна ихъ недвижными очами
Глядятъ на гладь сребристую пустынь.
Глубокъ ихъ сонъ на вѣки непробудный,
Но кажется, какъ будто бы порой
Сквозь этотъ сонъ какой-то призракъ чудный
Имъ грезится средь тишины ночной.
Масръ-эль-Каиръ—жемчужина Востока—
Еще прекраснѣй, чѣмъ въ былые дни,
Но гдѣ жъ потомки славнаго пророка,
Наслѣдники калифовъ—гдѣ они?

Увы! Увы! ихъ сѣтью золотою
 Поймалъ пришлецъ изъ дальнихъ острововъ
 И, какъ дѣтей забавою пустою,
 Ихъ потѣшаетъ роскошью дворцовъ,
     И видомъ войскъ негодныхъ для сраженья,
     Хоть блещущихъ нарядомъ боевымъ,
     И призракомъ какихъ-то дѣлъ правленья,
     Заранѣ рѣшенныхъ имъ самимъ.
 Въ развалинахъ стоитъ мечеть Гассана,
 На половину азгаръ ¹⁾ опустѣлъ!
 А списки гдѣ священнаго корана?
 Пришлецъ и ими дерзко завладѣлъ!
     И тяжкій вздохъ проносится уныло
     По городу великихъ мертвецовъ.
     Не быть тому, что унесла могила,
     Возврата нѣтъ для сгинувшихъ вѣковъ!
 Заржавѣлъ мечъ, Аллахъ не внялъ молитвѣ,
 Да и къ чему свобода для людей,
 Въ рѣшительной не устоявшихъ битвѣ
 Межъ золотомъ и родиной своей?!

 II.

Съ АРАВСКАГО.

1.

О, что со мной! Мутится умъ!
 Ужель ты вѣришь рѣчи ложной?
 Не ты ль душѣ моей тревожной
 Свѣтишь звѣздой во мракѣ думъ!
 Я—твой, клянусь мечомъ пророка!
 Но пламень, тлѣющій въ груди,
 Во мнѣ измѣной не буди!
 Онъ насъ сожжетъ въ мгновенье ока.

---

¹⁾ Известная высшая мусульманская школа.

2.

Ученые дerviшiи Наешивенди.

Чрезъ четыре отреченья
 Къ совершенству восходи:
 Мiръ покинь безъ сожалѣнья,
 Въ небесахъ наградъ не жди,
 Волю къ жизни побѣди
 И, какъ высшiй знакъ смиренья,
 Отрекись отъ отреченья.

3.

Ученые дerviшiи Бекташи.

Пей вино! Постомъ нелѣпымъ
 Жизнь напрасно не губи!
 Проповѣдниковъ подмостки
 На растопки изруб!

Брось въ огонь ханжей одежду,
 Веселись, кути, гуляй!
 Но ни мыслю, ни дѣломъ
 Ближнимъ зла не причиняй.

А.Л. Саломонъ.

Каиръ, 1895 г.

МОЛОДОСТЬ БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА

О Ч Е Р Ъ И.

I.

Нигдѣ репутація не создается и не проходит такъ быстро, какъ во Франціи. Современное поколѣніе едва ли знаетъ что иное объ авторѣ „Курса конституціонной политики“, кромѣ того, что онъ былъ нескромнымъ другомъ знаменитой госпожи Сталь, и что въ романѣ „Адольфъ“ онъ оповѣстилъ всему міру о несприятности быть близкимъ человѣкомъ своевольной знаменитости, не понимающей любви безъ подчиненія. Едва ли кто вспомнитъ о Констанѣ какъ объ авторѣ нѣкогда знаменитаго сочиненія: „О религіи, ея источникахъ, формахъ и развитіи“,—сочиненія, которое задолго до тюбингенской школы, въ эпоху, когда только собирались матеріалы для сравнительной исторіи народныхъ вѣрованій, задалось тѣми самыми задачами, какія въ наши дни успѣшно преслѣдуются миеологами. Еще болѣе изумительно, что многимъ совершенно неизвѣстна роль Констанъ въ отстаиваніи народныхъ правъ во Франціи и той политической свободы и законности, безъ которыхъ въ государствѣ, какъ онъ самъ говоритъ, „нѣтъ конституціи, а имѣется только произволъ“.

Никогда обстоятельства, впрочемъ, не складывались такъ неблагоприятно для объективной оцѣнки „человѣка принциповъ“, какимъ былъ Констанъ, какъ въ наше время. Современная Фран-

ція съ ея готовностью жертвовать „вѣчными истинами для временныхъ цѣлей“, съ ея стремленіемъ къ компромиссамъ, съ ея высокомернымъ отношеніемъ ко всякимъ отвлеченностямъ, какъ къ ненужной ветоши, съ ея отрѣшенностью отъ теорій и готовностью подписаться обѣими руками подъ старой ложью, гласящей: „теорія одно, а практика другое“, — однимъ словомъ, съ ея оптимизмомъ, — не можетъ понять человѣка, который въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, несмотря на смѣну режимовъ и личную слабость характера, оставался вѣренъ однимъ принципамъ и ставилъ себѣ постоянно одну цѣль — защиту свободы одинаково и противъ анархіи, и противъ произвола.

Чѣмъ больше знакомишься съ жизнью и дѣятельностью Константа, тѣмъ больше проникаешься мыслью, что въ его природѣ, какъ и въ его ученіяхъ, не было въ сущности ничего французскаго. Это — въ полномъ смыслѣ слова космополитъ, дитя просвѣтительной философіи прошлаго вѣка, удачно воспользовавшійся той критикой, какой подвергла ее французская революція, и тотъ подъемъ національностей противъ цезаризма и централизаціи, первымъ очагомъ котораго была такъ близко знакомая ему Германія. Швейцарецъ родомъ (род. въ Лозаннѣ, въ 1767 г.), заброшенный обстоятельствами сперва въ Голландію, затѣмъ въ Англію и Шотландію, въ Брауншвейгъ, Парижъ, Веймаръ и Геттингенъ, проводящій большую часть жизни въ постоянныхъ разъѣздахъ и перемѣщеніяхъ изъ Франціи въ Швейцарію, изъ Швейцаріи во Францію, — Бенжаменъ Константъ испытываетъ на себѣ самыя разнообразныя вліянія. Духъ энциклопедіи говоритъ съ нимъ въ теченіе многихъ лѣтъ устами госпожи де-Шарьеръ, которая, несмотря на разницу въ возрастѣ и отсутствіе красоты, остается самымъ радужнымъ воспоминаніемъ его молодости и вызываетъ въ немъ, много лѣтъ спустя послѣ разрыва, слѣдующее признаніе: „если въ будущей жизни предстоитъ намъ встрѣтиться съ тѣми, кѣмъ мы дорожили въ настоящей, я долго буду искать госпожу Шарьеръ“ ... Всѣ отрицательныя стороны стараго порядка выступаютъ предъ Константомъ во время пребыванія его при дворѣ въ Брауншвейгѣ, гдѣ, за исключеніемъ самого герцога, воспитаннаго въ идеяхъ просвѣтительной философіи и завербованнаго въ ряды масонства, всѣ относятся къ нему какъ къ скрытому якобину.

Въ эмиграціи 1793 и 1794-го года Константъ отгадываетъ уже непривлекательныя стороны тѣхъ, „ничему не научившихся и ничего не забывшихъ *sociés légers*“, съ которыми ему придется вести непрестанную борьбу во второй половинѣ своей жизни, въ эпоху реставраціи. Разводъ съ женою, раздѣлявшей всѣ предраз-

судьи дворной знати, нравственную разнузданность мелких германских дворовъ, во всемъ подражавшихъ Версалию, внезапно даетъ ему возможность начать новое ученичество въ Гёттингенѣ и Веймарѣ, этихъ очагахъ зарождающейся германской науки: тамъ онъ вступаетъ въ общеніе съ философами и литераторами нѣмецкаго возрожденія. Пантеизмъ Шеллинга и олимпизмъ Гёте не искореняютъ въ немъ, однако, преданности къ гуманитарному скептицизму философовъ прошлаго столѣтія и къ тѣмъ принципамъ 89-го года, которые задолго до революціи подготовлены были Монтескьё и Руссо. Едва прекращается царство террора во Франціи, мы видимъ Бенжамена Констана въ рядахъ поборниковъ новой директоріальной конституціи, въ которой онъ цѣнитъ готовность удержать всѣ пріобрѣтенія революціи, при рѣшимости вступить наконецъ на путь законности. Пребываніе въ Парижѣ или въ его окрестностяхъ, въ имѣніи, пріобрѣтенномъ при распродажѣ національныхъ имуществъ, отрываетъ Констану возможность встрѣчи съ самой выдающейся женщиной его времени — съ госпожею Сталь. Онъ находитъ въ ней счастливое сочетаніе идей XVIII-го вѣка съ той критикой, какую эти идеи вызвали со стороны нѣмецкой метафизики и нѣмецкаго романтизма, ту же отрѣшенность отъ узкихъ патріотическихъ пристрастій, тотъ же просвѣщенный космополитизмъ, котораго французская Швейцарія со временъ Руссо и Делольма сдѣлалась постояннымъ очагомъ.

Общество госпожи Сталь и ея кружка, которому Неккеръ до самой смерти давалъ тонъ и направленіе, могли только поддержать въ Бенжаменѣ Констанѣ пристрастіе къ уравновѣшенной свободѣ и то нерасположеніе къ единовластію, въ лицѣ ли наслѣдственнаго короля, народнаго диктатора или незнающей противовѣса палаты представителей, которое искони отличало собою швейцарскихъ публицистовъ, случайно попавшихъ въ водоворотъ французской революціи. Сотрудники Мирабо, Дюмонъ и Рейбацъ, какъ и знаменитый противникъ конституціи 91-го года Мале-дю-Панъ были также родомъ швейцарцы, и на швейцарцевъ, повидимому, выпала задача первоначальнаго ознакомленія французовъ съ порядками англійскаго парламентаризма, такъ превратно толкуемыми Сіэйсомъ, А. Барнавомъ, Ламетами и другими вожаками конституанты. Не безразличную подробность въ біографіи Констана представляетъ его тѣсная дружба съ Мовильономъ, т.-е. опять-таки представителемъ той блестящей фаланги космополитическихъ сотрудниковъ, какихъ Мирабо сумѣлъ собрать вокругъ себя еще задолго до революціи, и которые подъ его руководствомъ сдѣлались во Франціи піонерами идей кон-

ституціонной свободы. Недавно обнародованная переписка Бенжамена Констана съ госпожою Шаррьеръ, съ графинею Нассау, приходившейся ему теткою по матери, съ различными членами собственной семьи,—тѣмъ и любопытна, что даетъ возможность прослѣдить умственный ростъ человѣка, которому суждено будетъ играть со временемъ выдающуюся роль въ направленіи внутренней политики и выработкѣ либеральной программы не для одной Франціи, но для всего Запада. Читая эту переписку, мы знакомимся съ тѣми разнообразными корнями, какими будущій ораторъ связанъ съ предшествующими поколѣніями борцовъ за свободу и въ собственной родинѣ, и въ Англіи, и въ Германіи, и во Франціи. Она убѣждаетъ насъ въ космополитической основѣ того ученія, которое извѣстно будетъ со временемъ подъ незаслуженнымъ прозвищемъ „доктринерства“. Это обстоятельство въ свою очередь объясняетъ причину широкаго распространенія выставленныхъ его поборниками принциповъ ихъ способности быть перенесенными цѣликомъ въ иностранную среду, не представляющую другого сходства съ той, гдѣ они возникли, кромя общности запроса на свободу.

Ни одно изъ французскихъ политическихъ ученій не было такъ быстро усвоено въ Германіи, Италіи, Австріи, Пруссіи, какъ ученіе объ уравнивленной конституціонной монархіи, стоящей на стражѣ естественныхъ правъ и повинующейся велѣніямъ чистаго разума. Но эта теорія, объявляющая рѣшительную войну исторической традиціи и національному духу, есть, разумѣется, самая космополитическая изъ всѣхъ теорій, когда-либо пущенныхъ въ ходъ публицистикою. Она могла зародиться только въ умѣ космополита, человѣка, которому недоступно пониманіе того, что англичане называютъ прецедентами, который относитъ къ числу потерявшихъ смыслъ и значеніе предразсудковъ нажитыя вѣками пристрастія и привычки, для котораго ничто не въ силахъ устоять противъ требованій разума, противъ принциповъ.

Очевидно также, что подобная теорія никогда не можетъ увлечь собою массы, связанныхъ интересами съ тѣмъ, что мы называемъ историческимъ правомъ и прирожденными симпатіями, съ тѣмъ, что обнимается туманнымъ терминомъ національнаго духа. Ясно, поэтому, что доктринерство могло найти единичныхъ поборниковъ въ стѣнахъ университетовъ и законодательныхъ камеръ, но что въ то же время притягательная сила его была несравненно меньше той, какой отличается любая, окрашенная національнымъ характеромъ программа.

Изъ сказаннаго читатель вправе заключить, какія задачи мы

ставимъ себѣ при изученіи генезиса политическихъ идей Бенжамена Констана. Нами руководить не одинъ психологическій интересъ и не одна забота выяснить сколько-нибудь эту загадочную и вызвавшую столько разнорѣчія личность; мы хотимъ прежде всего и главнымъ образомъ показать, какъ среди такого по преимуществу національнаго движенія, каковымъ была французская революція, нашлось мѣсто для выработки ученія, отрѣшеннаго отъ всякой исторической почвы и преслѣдующаго задачу міровой свободы.

II.

Обнародованная госпожою Мелегари переписка восходитъ къ 1779 году, но она позволяетъ прослѣдить постепенное развитіе политическихъ и философскихъ взглядовъ автора только съ эпохи французской революціи. Бенжаменъ Констанъ былъ камергеромъ герцога Брауншвейгскаго, „человѣка, — пишетъ онъ, — далеко превосходящаго средній уровень монарховъ. У него много знаній, ума, крѣпости воли; его разговоръ, въ которомъ эта твердость воли смягчена внѣшней формой и большой доброжелательностью, отличается разнообразіемъ и живостью. Я очень счастливъ, что состою при его особѣ“¹⁾. Эта характеристика человѣка, бывшаго на разстояніи немногихъ лѣтъ сперва главнымъ магистромъ масонскаго ордена, а затѣмъ главою вторгшихся во Францію войскъ коалиціи, отнюдь не отвѣчаетъ представленію о слѣпомъ сторонникѣ стараго порядка, навлекшемъ своимъ манифестомъ къ революціонной Франціи безграничную ненависть „патріотовъ“. То немногое, что Констанъ говоритъ о его просвѣщенной заботливости, о готовности сдѣлать изъ своего миніатюрнаго государства образецъ для прочей Германіи, очагъ гражданской и религіозной терпимости и центръ начавшагося возрожденія науки и философіи, для чего созданъ имъ же основанный гѣтингенскій университетъ, — еще разъ подтверждаетъ давнишнюю догадку, что редакторомъ знаменитаго манифеста, носящаго его имя, отнюдь не былъ самъ герцогъ; и дѣйствительно, это довольно, впрочемъ, заурядное произведеніе написано было цѣлкомъ французскимъ эмигрантомъ Лиманомъ. Но если другу и сподвижнику Фридриха Великаго чужда была безусловная ненависть къ принципамъ 89-го года и ихъ провозвѣстникамъ, то

¹⁾ Письмо, отъ 11-го апрѣля 1788 года.

ею отличалась окружающая герцога среда. Въ Брауншвейгѣ все живетъ традиціями стараго порядка. Придворные смотрѣли съ ужасомъ и отвращеніемъ на Францію, мечтали о скоромъ ея завоеваніи союзными войсками и преслѣдовали въ самомъ Константѣ „всякое проявленіе“ скрытаго якобинизма. Съ каждымъ годомъ рознь его съ придворной средою выступаетъ все нагляднѣе и нагляднѣе. Въ февралѣ 1791 года Константъ только жалѣетъ о французской націи и ждетъ спасенія отъ „священной римской имперіи“. Но въ 1792 году нѣмцы уже кажутся ему смѣшными, и хотя герцогъ и стоитъ во главѣ войскъ коалиціи, Константъ все же позволяетъ себѣ, въ письмѣ къ графинѣ Нассау, признать французскихъ солдатъ храбрецами, которымъ нѣтъ равныхъ. „Пусть они будутъ преступниками, годными для висѣлицы, — пишетъ онъ: — мятежниками, измѣнниками, якобинцами; все же они дерутся какъ черти, и что бы тамъ ни говорили газеты, но люди, ими убитые, несомнѣнно убиты“. Наоборотъ, эмигранты уже въ это время кажутся ему „способными только лгать и насиловать“.

Возстановленіе монархіи во Франціи не рисуетъ ему тѣмъ-то равнозначительнымъ съ возстановленіемъ народнаго благополучія. При извѣстіи о первыхъ успѣхахъ союзныхъ войскъ, такъ скоро сопровождавшихся пораженіями, онъ не безъ юмора пишетъ, передавая тонъ салонныхъ бесѣдъ: „германскіе правители, уже потому, что они абсолютны, не имѣютъ основанія опасаться ни сопротивленій, ни возстаній. Доброта, гуманность, справедливость и умѣренность въ пользованіи властью составляютъ ихъ общую характеристику. Никто больше ихъ не заботится объ искорененіи злоупотребленій, объ ограниченіи произвола, о надѣленіи народовъ свободными и мудрыми учрежденіями. Отъ Константинополя до Рима исторія кишитъ примѣрами, доказывающими эту вѣчную истину. Будемъ поэтому, дорогая тетушка, надѣяться, что сознаніе всемогущества и безнаказанности сдѣлается въ великихъ міра сего ближайшимъ мотивомъ самоотверженной добродѣтели и совѣстливаго пользованія властью. Аминь!“ ¹⁾

Извѣстіе о полномъ неуспѣхѣ коалиціи застаётъ его уже въ Швейцаріи. „Австрійцы разбиты на голову, — пишетъ онъ не безъ радости, — и походъ на Эльзасъ окончился такъ же неудачно, какъ и дѣйствія союзныхъ войскъ въ Шампани. Что же случилось съ великой тактикой и безпримѣрной дисциплиной? Какой ударъ для Англіи и Пятта представляетъ занятіе Тулона французскими

¹⁾ Письмо, отъ 8-го апрѣля 1793 года.

войсками, и для всей коалиціи—потеря Эльзаса! ¹⁾... Французы непобѣдимы, и избранный ими способъ веденія войны оказывается столь же мудрымъ, какъ и жестокимъ. Я ненавижу ихъ и восхищаюсь ими“ ²⁾).

Человѣкъ, который, повидимому, одинъ сумѣлъ поддержать въ Бенжаменѣ Констанѣ доброжелательное отношеніе къ врагамъ герцога Брауншвейгскаго, былъ не кто иной, какъ другъ и сотрудникъ Мирабо, дѣйствительный авторъ такъ много надѣлавшей шуму книги о прусской монархіи, — книги, полной самыхъ неожиданныхъ разоблаченій и жестокихъ нападокъ на старый порядокъ, — книги, изъ-за которой великій трибунъ, выдавшій себя за ея автора, подвергнутъ былъ открытому преслѣдованію и приобрѣлъ вполне заслуженное нерасположеніе членовъ даже того либеральнаго министерства, при которомъ послѣдовалъ созывъ генеральныхъ штатовъ. Это былъ Мовильонъ, полковникъ прусской арміи, состоявшій при брауншвейгскомъ дворѣ во все время пребыванія въ немъ Бенжамена Констана. Его неожиданная кончина, воспослѣдовавшая почти одновременно съ только-что упомянутыми пораженіями коалиціи, вызвала глубокую скорбь и омрачила на цѣлые мѣсяцы душевное настроеніе его друга. „Въ теченіе пяти лѣтъ, — пишетъ онъ, — пяти лѣтъ, проведенныхъ мною въ скукѣ и раздраженіи, этотъ человѣкъ, преисполненный самыхъ драгоцѣнныхъ для меня качествъ, былъ моимъ постояннымъ совѣтникомъ, моей опорой и утѣшеніемъ; безъ него я умеръ бы или сдѣлался такимъ же скотомъ, какъ и окружающіе меня. Возвышенныя убѣжденія этого истиннаго друга свободы и просвѣщенія во всемъ, что касается нравственности, политики, религіи, вполне сходились съ моими. Я никогда не выходилъ изъ его дома, не чувствуя себя болѣе свѣдущимъ и болѣе готовымъ на дѣятельность. Если я сохранилъ расположеніе къ литературѣ, къ истинѣ, къ знанію, то только благодаря ему. И этотъ человѣкъ умеръ, и эта голова, полная свѣта и силы, эта смѣлая и свободная душа болѣе не существуетъ. О, какъ бы я радъ былъ вѣрить тому, чему я не вѣрю! Кончина Мовильона дѣлаетъ мнѣ пребываніе въ Брауншвейгѣ невыносимымъ. Мнѣ буквально не съ кѣмъ сказать слова. Я здѣсь окруженъ людьми искренно злыми, или глупыми и сумасшедшими. Съ ними трудно бесѣдовать о чемъ-либо, не навлекая на себя ихъ немилости“ ³⁾).

¹⁾ См. письмо, отъ 4-го января 1794 года.

²⁾ Письмо, отъ 5-го февраля 1794 года.

³⁾ Письмо, отъ 31-го января 1794 года.

Кончина Мовильона еще больше сблизила Бенжамена Констана съ госпожей де-Шаррьеръ. Литературный обликъ этой женщины мастерски написанъ Сентъ-Бёвомъ ¹⁾. Ея переписка съ Констаномъ даетъ сравнительно мало для характеристики этой представительницы философскаго скептицизма и гуманитарной дидактики, у которой больше ума, чѣмъ фантазіи, и больше тонкости, чѣмъ глубины. Но двѣ-три черты заслуживаютъ быть отмѣченными, и между прочимъ та невѣроятная въ наши дни черта: два любовника въ самомъ разгарѣ своей страсти способны въ письмахъ говорить обо всемъ, кромѣ собственнаго чувства. Во всей перепискѣ только однажды встрѣчается фраза: „какъ я васъ люблю, какъ я чувствую, сравнивая васъ съ другими, насколько вы отвѣчаете болѣе ихъ моимъ требованіямъ“. И это весьма прозаическое выраженіе сердечныхъ чувствъ переплетается съ нескончаемыми разсказами о веселыхъ похожденияхъ съ другими женщинами; съ проектами развода и новой женитьбы сперва на вдовѣ Мовильона, потомъ на Шарлотѣ Гарденбергъ, которая и сдѣлается со временемъ второю супругою Констана. При этомъ авторъ не считаетъ нужнымъ скрывать, что пишетъ послѣдней „любовную или превыспреннюю галиматью“, которая никакъ не вяжется съ тѣмъ болѣе откровеннымъ отношеніемъ, съ какимъ онъ описываетъ госпожѣ Шаррьеръ пухлыя, бѣлыя руки Шарлоты и ея наивную глупость, доходящую до того, что ближайшей подругой она избрала любовницу своего любовника, и, не понимая смысла его символическихъ выраженій, ищетъ объясненія имъ у придворныхъ.

Но если переписка съ госпожей Шаррьеръ отнюдь не можетъ дать образцовъ для составленія нѣжныхъ посланій, то, съ другой стороны, она какъ нельзя лучше раскрываетъ намъ тотъ внутренний процессъ, благодаря которому въ самой враждебной революціи средѣ Бенжамень Констанъ все болѣе и болѣе становился ея сторонникомъ. „Я теряю, — пишетъ онъ, — около десяти часовъ въ день при дворѣ, въ которомъ меня ненавидятъ, считая демократомъ, потому лишь, что мнѣ удалось выставить въ дѣйствительномъ свѣтѣ все, что есть въ нихъ пошлаго и смѣшного; они зовутъ меня человѣкомъ безъ принциповъ“. Эмигранты, которыми кипитъ дворъ герцога Брауншвейгскаго, своею нескрываемой жаждой мести, невѣроятнымъ легкомысліемъ только укрѣпляютъ въ Констанѣ нерасположеніе къ ожидаемой всѣми

¹⁾ Portraits des femmes. См. также Philippe Godet: Histoire littéraire de la Suisse française, стр. 350 и слѣд.

реставраціи. Одинъ изъ нихъ рѣшается открыто требовать въ его присутствіи истребленія 800.000 человекъ съ цѣлью упрочить благополучіе остальныхъ ¹⁾. Будучи корреспондентомъ графини Нассау и госпожи Шарьеръ, Констанъ, въ своемъ раздраженіи противъ окружающихъ, начинаетъ даже впадать въ „крайности якобинизма“, раздѣляетъ подозрѣніе „Горы“ въ томъ, что жирондисты преданы коалиціи, восхищается Робеспьеромъ, объявляя „великогѣпной“ (sublime) его рѣчь въ защиту Шабо и Базира ²⁾, и придумываетъ родъ философскаго оправданія всей дѣятельности конвента.

Человѣкъ, который со временемъ объявитъ Верньо и Кондорсе величественными и бессмертными ³⁾, Робеспьера кровожаднымъ тираномъ, пускается въ слѣдующія разсужденія о правѣ конвента ниспровергнуть всѣ права и сдѣлать изъ всего *tabula rasa*: „въ естественномъ состояніи не существуетъ ни права, ни неправа, — пишетъ Констанъ, 12-го октября 1793-го года, повторяя мысль, вѣками ранѣе высказанную Гоббсомъ: — всякое право создается договоромъ между людьми. Этимъ договоромъ установлено право каждому дѣлать дозволенное и право общества наказывать за недозволенное. Но разъ созданныя права клонятся ко вреду тѣхъ, которые вызвали ихъ къ жизни; у людей имѣется возможность отмѣнить ихъ и создать новыя. Революція и была такой отмѣной старыхъ правъ, такъ какъ она упразднила правительство, наставлявшее на ихъ соблюденіи. Нѣтъ поэтому въ настоящее время ни права, ни неправа, нѣтъ также обязанностей, такъ какъ послѣднія неразрывны съ правами“... Самъ Констанъ чувствуетъ, впрочемъ, парадоксальность такой защиты и спѣшитъ прибавить отъ себя: „я далеко не другъ отвлеченностей и считаю ихъ источникомъ большинства нашихъ заблужденій, какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ. Меня укрѣпляетъ въ моей ненависти то обстоятельство, что ханжи и аристократы постоянно пользуются абстракціями. Санкюлоты платятъ имъ тою же монетой. Самымъ желательнымъ было бы, чтобы абстракціи исчезли вмѣстѣ съ дѣлающими ихъ, чтобы поскорѣ забыли о Феранахъ и Малетахъ, нападающихъ на революцію, а равно и о конвентѣ; чтобы мирная республика водворилась наконецъ во Франціи“.

Казнь Людовика XVI-го и Маріи-Антуанеты кладетъ конецъ снисходительному отношенію Констана къ якобинцамъ. Онъ собирался-было написать памфлетъ подъ заглавіемъ: „бесѣда Людо-

¹⁾ Письмо, отъ 5-го марта 1794-го года.

²⁾ Письмо, отъ 26-го марта 1794-го года.

³⁾ „Ombres vénérables, noms immortels“ (Des Réactions Politiques) 1797. Cours de Politique constitutionnelle, изд. Laboulaye, т. II, стр. 100.

вика XVI-го съ Бриссо и Маратомъ¹. Въ этой бесѣдѣ Бриссо долженъ былъ представить Людовику безразсудство и мелкія интриги двора, постоянную непослѣдовательность въ проведеніи „его дурныхъ намѣреній“, неудачныя покушенія на контръ-революцію, нелѣпую ярость эмигрантовъ, побудившую якобинцевъ отвѣтить преступленіями на преступленія, безумство коалиціи, позволившей себѣ всякія неистовства въ завоеванныхъ городахъ. „Французы,—говоритъ въ этомъ діалогѣ Бриссо,—видя, что имъ не избѣжать мести за содѣянное, пришли къ заключенію, что, накопляя преступленія и проливая кровь потоками, они ничего не теряютъ, а могутъ только быть въ выигрышѣ. На смѣну Бриссо долженъ былъ явиться Маратъ съ насмѣшками надъ жирондистами, наивно думавшими, что разнузданному ими народу можно дать направление и удержъ, не видѣвшими, что избранныя ими средства направлены будутъ со временемъ противъ нихъ, и неспособными понять, что народъ—своего рода глыба, которую можно сдвинуть съ мѣста, но которая убьетъ сдвинувшаго, если, стоя передъ нею, онъ не будетъ двигаться еще быстрее ея“²).

Констану не удалось осуществить своего намѣренія по причинѣ, имъ самимъ указанной: „трудно писать,—замѣчаетъ онъ,—когда ежедневно падаютъ головы“. Но многія изъ мыслей, какія онъ собирался высказать въ своемъ діалогѣ, были позднѣе развиты имъ въ трактатѣ о террорѣ и въ разсужденіяхъ о политическихъ реакціяхъ. Стараясь освободить республику отъ рокового союза съ людьми крови, видѣвшими въ устрашеніи средство не только парализовать силу враговъ, но и укрѣпить ревность сторонниковъ, Бенжаменъ Констанъ также рѣшительно возстаетъ противъ тѣхъ, которые стремятся оживить старые предрассудки и навязать націи порядки, отъ которыхъ она отдѣлялась со столькими пожертвованіями. Онъ вѣритъ въ возможность укрѣпить народовластіе строгой законностью и безпристрастнымъ отношеніемъ къ борющимся партіямъ. Для этого нужно только держаться принциповъ, т.-е. отвлеченій отъ фактовъ³), а не апріорныхъ абстракцій, которыя, какъ мы видѣли, являются въ его главахъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ человѣческихъ заблужденій и народныхъ бѣдствій.

¹) Письмо госпожи Шарьеръ, отъ 11-го ноября 1793-го года.

²) „Un principe est le résultat général d'un certain nombre de faits particuliers. Toutes les fois que l'ensemble de ces faits subit quelques changements, le principe qui en résultait se modifie: mais alors cette modification elle-même devient principe“. Des Réactions Politiques, глава VIII. Собраніе политическихъ сочиненій Констанъ, томъ II-й, стр. 109.

Въ своемъ отстаиваніи демократическихъ и республиканскихъ принциповъ Бенжаменъ Констанъ необходимо долженъ былъ разойтись съ тѣми эпигонами политической философіи прошлаго вѣка, которые въ сочиненіяхъ Монтескьё и Делольма видѣли только апологію аристократическихъ порядковъ и хорошо уравновѣшенной монархіи. Онъ нападаетъ и на книгу, написанную—изъ болѣе или менѣе добровольнаго изгнанія—союзникомъ Муньё, бывшимъ редакторомъ французскаго „Меркуріа“, извѣстнымъ англоманомъ Мале-дю-Панъ,—и на сочиненіе самой г-жи Шарьеръ, издавшей рядъ политическихъ писемъ¹⁾ и между прочимъ памфлетъ, озаглавленный: „Аристократъ“. Не нравится ему также апологія королевы, изданная госпожою Сталь, которая, повидимому, вообще не вызывала въ это время ни его симпатій, ни любопытства. Ея искусственная фразеологія возмущаетъ его до глубины души. „Какъ можно,—пишетъ онъ,—имѣя предъ собою длинный мартирологъ Маріи-Антуанеты, назвать ее блестящей и легкомысленной, какъ счастье и красота! Чтò за пошлость и чтò за ложь! Счастье не блестяще и не легкомысленно. Антитезы и звучныя сентенціи тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ ужаснѣйшихъ страданіяхъ! Такъ и хочется плюнуть! (C'est à cracher dessus!)“²⁾.

III.

Кто ищетъ въ корреспонденціи Констана данныхъ для сужденія о постепенномъ ростѣ его собственной психологіи, тотъ не пройдетъ молчаніемъ ни тѣхъ писемъ его госпожѣ Шарьеръ, въ которыхъ онъ ставитъ вѣчный вопросъ объ источникѣ нравственности, ни тѣхъ, къ сожалѣнію, отрывочныхъ данныхъ, какія онъ даетъ о ходѣ своихъ работъ по исторіи религій. Серьезность, съ какой онъ относится къ своей задачѣ, не отступая передъ мыслью о новыхъ и новыхъ чтеніяхъ и изслѣдованіяхъ, и самостоятельность, съ какой онъ подвергаетъ критикѣ всѣми признанные авторитеты, конечно, не заслуживаютъ огульнаго приговора Франса: „женщины руководили его мнѣніями и его поступками“. Въ лицѣ госпожи Шарьеръ, Констанъ, очевидно, не могъ встрѣтить ближайшаго стимула для работы, въ которой религіозныя системы признавались не продуктомъ вѣковыхъ обмановъ и заблужденій, а сознательнымъ стремленіемъ человѣчества къ рѣшенію высшихъ

¹⁾ Six lettres d'un évêque français à la nation (Philippe Godet), стр. 363.

²⁾ Письмо, отъ 25-го дек. 1793 г.

задать бытія. Сама госпожа Шаррьеръ признавала, что въ этихъ вопросахъ она остановилась „на весьма скромномъ и довольно спокойномъ скептицизмѣ“. Ея классиками и образцами всегда оставались авторы „Жильблэза“ и „Вандида“, а у обоихъ, какъ извѣстно, трудно искать проявленій чисто религіознаго чувства и даже той исторической объективности, которая заставляла Константа въ каждой религіи находить все большія и большія приближенія къ вѣчной истинѣ и разсматривать существующія вѣрованія не какъ нѣчто законченное, а наоборотъ, постоянно прогрессирующее. Если, по словамъ своей неумолимой обличительницы, Константъ и началъ конспектировать свое сочиненіе на оборотной сторонѣ игральныхъ картъ, то это обстоятельство нисколько не доказываетъ еще легкаго отношенія къ дѣлу. Едва ли какой трактатъ писался дольше и чаще передѣлывался, какъ это четырехъ-томное сочиненіе объ источникахъ и формахъ религіи, сочиненіе, начатое еще въ 1787-мъ году и которому суждено было быть законченнымъ только наканунѣ его смерти ¹⁾.

Правда, вскорѣ послѣ того, какъ Константъ задался этой мыслью, послѣдовало и ея выполненіе въ 600- или 700-страничной рукописи. Но самъ авторъ не замедлилъ признать свою работу неудовлетворительной, и съ этого времени въ теченіе ряда лѣтъ въ Веймарѣ, въ Коломбѣ, въ Парижѣ, пользуясь всеми вновь появившимися изслѣдованіями, въ области ли римской, греческой или индусской міеологіи, онъ перерабатывалъ и переписывалъ свой трудъ, вливая въ него всю свою душу, вѣчно недовольный сдѣланнымъ, вѣчно озабоченный примиреніемъ двухъ невозможностей—исторической точности, не упускающей ни малѣйшаго деталя, не оставляющей безъ отвѣта ни одного возраженія,—и не только цѣлости картины, но и возможности для читателя обнять ее сразу во всемъ ея объемѣ, въ виду группировки фактовъ вокругъ нѣсколькихъ основныхъ положеній. Задолго до Бауера, Штрауса и Ренана, въ то время, когда только начиналось египтоислѣдованіе и изученіе индусскихъ Ведъ, Константъ старается дать то, что можно назвать синтезомъ историко-сравнительнаго изученія религій. Трудно обвинять его въ недостаточномъ выполненіи того, что доселѣ остается задачей будущаго; нельзя въ то же время не отдать полной справедливости его честнымъ усиліямъ, его основательной начитанности и рѣдкой способности избѣгать подводныхъ камней апіорной философіи. Надо

¹⁾ См. вступительный этюдъ г-жи Мелегари къ дневнику Бенжамена Константа, стр. XXI и XXV.

помнить, что въ его время и для преслѣдуемыхъ имъ цѣлей такъ называемая положительная теологія Шеллинга, этотъ „оживленный спиннозизмъ“, какъ вѣрно замѣчаетъ Константъ, представляла весьма серьезную опасность.

Намъ едва ли придется еще вернуться къ этой области его литературной дѣятельности, далеко стоящей отъ руководящихъ событій и такъ тѣсно связанныхъ съ ними политическихъ трактатовъ автора. Мы не боимся, поэтому, впасть въ анахронизмъ, заимствуя изъ позднѣйшихъ по времени источниковъ указанія касательно самаго хода его работъ. Вотъ что говоритъ намъ на этотъ счетъ его корреспонденція и дневникъ. Двадцать-перваго іюля 1793 года, Константъ пишетъ госпожѣ Шарьеръ изъ Брауншвейга: „Мое сочиненіе быстро подвигается; я рассчитываю окончить его въ теченіе года и отпечатать первый томъ, чтобы узнать отношеніе къ нему публики, которая, разумѣется, будетъ состоять изъ немногихъ разрозненныхъ философовъ, друзей терпимости и свободы. О, какое счастье, какое блаженство постоянное и спокойное, какое наслажденіе я нахожу въ этой работѣ!“ ¹⁾ Вскорѣ между Константиномъ и госпожею Шарьеръ завязывается по поводу его книги любопытная переписка объ основѣ нравственности, въ которой авторъ будущаго трактата о религіи объявляетъ себя рѣшительнымъ противникомъ утилитарныхъ теорій прошлаго вѣка, одновременно обновляемыхъ Бентамомъ. Онъ на сторонѣ Канта и вмѣстѣ съ нимъ готовъ признать, что нравственность, критеріемъ которой является личное или общественное благополучіе, не имѣетъ твердой почвы, такъ какъ самое понятіе счастья—относительно, и то, что кажется счастьемъ для однихъ, далеко не можетъ считаться имъ въ глазахъ другихъ ²⁾. Онъ съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ погружается въ свою работу, что она кажется ему единственнымъ утѣшеніемъ въ переживаемой имъ семейной драмѣ,—я разумѣю измѣну жены и вызванный тѣмъ разводъ. Годы проходятъ, а сочиненіе все не появляется на свѣтъ; авторъ временно оставляетъ свой трудъ для болѣе близкихъ задачъ, поставленныхъ ему современной политикой. Въ 1796 и 1797 годахъ появляются уже первыя брошюры Константа по текущимъ вопросамъ, и успѣхъ сразу вѣнчаетъ его юношескіе опыты. Переселеніе во Францію останавливаетъ на время поиски у авторовъ древности и отцовъ церкви. Константъ отдаетъ себя всецѣло политико-публицистической дѣятельности. Необходимо было торже-

¹⁾ Письмо, отъ 21-го іюля 1793 года.

²⁾ См. письмо, отъ 5 декабря 1793 года.

ство Наполеона и полное пораженіе надеждъ самого Константа, невозможность отстоять интересы „либерализма“ въ рядахъ „трибуна“¹⁾, необходимо исключеніе его имени первымъ консуломъ изъ списка членовъ этого корпуса, чтобы заставить друга госпожи Шаррьеръ, сдѣлавшагося уже пріятелемъ госпожи Сталь, послѣдовать за нею въ полу-добровольное изгнаніе, и здѣсь, въ Германіи, въ типш кабинета, съ частыми, впрочемъ, перерывами для разъѣздовъ и хлопотъ по чужимъ дѣламъ, снова принятъ за временно брошенную работу. Но въ промежуткѣ произошло въ ученomъ мирѣ, и въ частности въ сферѣ науки о древностяхъ, цѣлая революція. Шампольоны дали ключъ къ чтенію іероглифовъ. Готфридъ Мюллеръ издалъ свой знаменитый трудъ объ индусскихъ религіяхъ; появился трактатъ Вольфа о Гомерѣ и нѣсколько новыхъ изслѣдованій о теологіи Гезіода, о скандинавской мифологіи и т. п. Все это надо усвоить себѣ, и не только усвоить, но и провѣрить работою надъ источниками. Константъ одно время думаетъ заняться изученіемъ санскрита, но онъ вскорѣ отступаетъ передъ этой мыслью и останавливается на рѣшеніи сосредоточиться главнымъ образомъ на мифологіи классическихъ народовъ. Онъ читаетъ Готфриду Мюллеру тѣ главы своей книги, которыя относятся къ гомерической Греціи и встрѣчаетъ съ его стороны полное сочувствіе. Это нѣсколько ободряетъ его, а то онъ поддался уже своей обычной страсти къ самоанализу и призналъ все сдѣланное имъ негоднымъ. „Надо, — писалъ онъ только-что передъ этимъ, — придать изложенію болѣе историческую форму и избѣжать ученыхъ разсужденій. Это мой подводный камень, и я постоянно наталкиваюсь на него“. Константъ относится съ тою же строгостью и ко всему, что въ области исторіи религіи издается одновременно во Франціи. Читая книгу Леклерка о вѣрованіяхъ грековъ, онъ справедливо отмѣчаетъ: „потѣха, какъ господъ французы пишутъ свои книги, не восходя къ источникамъ, и думаютъ даже, что это совершенно ненужно! Говоря о Гомерѣ, Леклеркъ ссылается на латинскихъ писателей, думая, повидимому, что имъ лучше извѣстно то, что авторъ Илиады думалъ о будущей жизни. Есть у Леклерка ссылки и на Лафонтэна, на Буало и Расина“¹⁾.

Самъ Константъ держится другихъ пріемовъ: онъ читаетъ въ подлинникѣ Эсхила, Софокла, Эврипида, Гезіода, Пиндара, дѣлаетъ изъ нихъ многочисленныя извлеченія, проводитъ мѣсяцы за Геродотомъ и Аристофаномъ, слѣдя въ то же время за всѣмъ, что

¹⁾ Journal intime, стр. 48.

печатается въ Германіи въ области философіи и философіи исторіи, увлекаясь между прочимъ Гердеромъ, хваля его за гуманность и энтузіазмъ и критикуя за недостатокъ „положительности“, другими словами—за отсутствіе того, что отвѣчаетъ понятію *esprit positif* ¹⁾).

Онъ видится съ Гёте, первое свиданіе съ которымъ описано имъ слѣдующимъ образомъ: „я видѣлъ его. Тонкость самолюбія, раздражительность, физически доходящая до страданія. Ума бездна, прекрасный взглядъ, наружность нѣсколько потертая“ ²⁾. Констанъ пишетъ послѣ новаго свиданія: „какая жалость, что мистическая философія въ Германіи овладѣла и имъ! Онъ самъ сознался мнѣ, что сущность ея лежитъ въ спинозизмѣ; но зачѣмъ примѣшивать къ этому католицизмъ? Отвѣчаютъ—потому, что онъ болѣе поэтиченъ. Гёте говоритъ мнѣ: я готовъ скорѣе помириться съ тѣмъ, чтобы католицизмъ причинилъ мнѣ вредъ, нежели съ тѣмъ, чтобы мнѣ мѣшали пользоваться имъ для прідачи моимъ пьесамъ большаго интереса“. Встрѣча съ новымъ поклонникомъ Шеллинга убѣждаетъ Констана, что сущность всей новой философіи лежитъ въ возрожденіи пантеизма. „Уваженіе, высказываемое ею католицизму—чистое лицемеріе“ ³⁾. Отъ нѣмцевъ Констанъ охотно переходитъ къ чтенію Монтескьё. „Какой быстрый и глубокій взглядъ на все!—пишетъ онъ:—малѣйшія изъ его замѣчаній оправдываются на каждомъ шагѣ. Мнѣ надо послѣдовать его примѣру. Дать не столько исторію, сколько духъ религій. Поступи онъ иначе, его сочиненіе не встрѣтило бы больше читателей, чѣмъ книги Фергюсона и Гюге“. Но если французы привлекаютъ къ себѣ Констана большей умѣлостью въ расположеніи матеріала и большею стройностью въ развитіи мысли, то, съ другой стороны, онъ находитъ у нѣмцевъ, вдающихся въ религіозность, больше искренности и меньше преувеличеній, чѣмъ у французовъ. Сравненіе Гердера съ Шатобріаномъ вызываетъ съ его стороны замѣчаніе, что истинная религіозность всегда избѣгаетъ тѣхъ преувеличеній, въ какія впадаетъ лицемеріе ⁴⁾. Посѣщеніе Лейпцига позволяетъ Констану войти въ сношеніе съ тамошними профессорами и узнать ихъ мнѣніе о нѣкоторыхъ частяхъ своей книги. „Изумительно,—пишетъ онъ по этому случаю,—какъ люди, даже наименѣе остроумные, имѣютъ въ Гер-

¹⁾ „Je continue toujours avec plus de plaisir à lire Herder. Système doux et enthousiaste, mais rien d'assez positif“. Ibid., стр. 3.

²⁾ Melegari, стр. 1.

³⁾ Ibid., стр. 4.

⁴⁾ Ibid., стр. 5.

маніи здравые взгляды, разъ они не заражены философіей Шеллинга“ ¹⁾).

Мы далеко не исчерпали, разумѣется, всего, что говорить намъ дневникъ Констана о порядкѣ его работъ и способѣ пониманія имъ дѣйствительныхъ задачъ историка религій. На каждомъ шагѣ встрѣчаются замѣчанія, заставляющія жалѣть о томъ, что авторъ принялся за синтезъ въ такой области, въ которой едва проложены были пути изслѣдованія. Сколько вѣрныхъ мыслей, сколько задатковъ чисто объективнаго и потому научнаго отношенія къ дѣлу! Вотъ, напримѣръ, въ двухъ словахъ оцѣнка Шлегеля: „странная система, состоящая въ томъ, чтобы оплакивать паденіе религій, въ которую самъ не вѣритъ, и доказывать возможность ея возстановленія“. Еще характернѣе отношеніе его къ самому Шеллингу: „я наконецъ увидѣлъ его; я не любилъ его сочиненій, и еще менѣе люблю его личность. Рѣдко когда человѣкъ производилъ на меня болѣе непріятное впечатлѣніе: маленький, со вздернутымъ носомъ, съ пронзительнымъ взглядомъ, съ горькой улыбкой, съ сухимъ голосомъ, онъ больше молчитъ и слушаетъ васъ съ недоброжелательствомъ, — однимъ словомъ, всѣ признаки дурного характера (*méchant caractère*). Что же касается до ума, то это какая-то смѣсь французскаго фатализма съ нѣмецкой метафизикой“ ²⁾).

Говоря о работахъ Констана по исторіи религій, мы сознательно забывали впередъ, прерывая нить нашего разсказа. Намъ необходимо въ настоящее время вернуться къ той поворотной эпохѣ въ жизни нашего автора, когда съ цѣлью избавиться отъ дальнѣйшихъ непріятностей, вызванныхъ процессомъ съ женою и недоброжелательствомъ брауншвейгской знати, онъ рѣшился покончить съ своей придворной карьерой и поселиться въ той самой странѣ, противъ которой направлены были всѣ нападки окружавшей его среды. Мнимый якобинецъ пожелалъ увидѣть Францію собственными глазами. Эта мысль приходила ему еще годомъ раньше, и онъ ждалъ только момента, когда страна эта, по его собственному выраженію, „сдѣлается возможной для жизни“, благодаря прекращенію террора. Этотъ моментъ наступилъ съ революціею 9-го термидора и паденіемъ Робеспьера.

¹⁾ Ibid., стр. 14.

²⁾ Ibid., стр. 32 и 33.

IV.

Последніе мѣсяцы существованія конвента принадлежать въ числу тѣхъ поворотныхъ моментовъ въ жизни націи, когда усталость, разочарованіе, жажда спокойствія и внутренняго мира дѣлають вѣроятными всякаго рода комбинаціи: и реставраціи стараго порядка, и упроченія республики; и оживленія революціонныхъ традицій, и рѣшительнаго разрыва съ ними; и торжества гражданскаго элемента надъ военнымъ, и диктатуры перваго встрѣчнаго полководца, достаточно смѣлаго, чтобы захватить власть въ свои руки.

Всѣ, кому пришлось посѣтить Францію въ эту эпоху, въ одно слово отмѣчаютъ овладѣвшую массами апатію, равнодушіе большинства въ политикѣ, желаніе, чтобы наступилъ конецъ однообразному чередованію вожаковъ партіи у эшафота, и чтобы каждому дана была возможность заняться устройствомъ собственныхъ дѣлъ, пользоваться жизнью и избавиться отъ страха внезапныхъ переменъ въ собственной судьбѣ. Венеціанскій посолъ Алонзо Кверини, прибывшій во Францію вскорѣ послѣ переворота 9-го термидора, на каждомъ шагѣ встрѣчается съ явными признаками этой общей усталости.

И въ Страсбургѣ, и въ Мецѣ, ему говорятъ о необходимости достигнуть во что бы то ни стало прекращенія военныхъ дѣйствій. Въ одной изъ первыхъ своихъ депешъ изъ Парижа, отъ 22-го іюля 1795 года, Кверини пишетъ: „общее убѣжденіе, что безъ мира невозможно восстановленіе прочныхъ правительственныхъ устоевъ, такъ какъ все вышло изъ равновѣсія. Народъ, именемъ котораго все дѣлается во Франціи, — пишетъ тотъ же очевидецъ, — чувствуетъ упадокъ силъ и ту инерцію, къ какой привела его пятилѣтняя агитація, голодъ и всякаго рода лишенія. Онъ согласится на все, что сколько-нибудь улучшить его судьбу, не принимая самъ никакой инициативы“¹⁾.

Повидимому, всѣ партіи, ждавшія отъ народа осуществленія ихъ заветныхъ желаній, должны были бы считаться съ этимъ настроеніемъ, содѣйствовать заключенію мира съ врагами и прекращенію внутреннихъ междоусобій. Но событія послѣднихъ лѣтъ создали такую рознь въ умахъ, казни и конфискаціи настолько ожесточили сердца, что въ паденіи террора всѣ увидѣли только

¹⁾ Корреспонденція Кверини съ венеціанскимъ сенатомъ хранится въ рукописяхъ бібліотеки Querini Stampaglia въ Венеціи.

средство для скорѣйшаго удовлетворенія чувству мести и предсказаніе ближайшаго торжества собственныхъ взглядовъ. Сторонники уравнивающей монархіи, какъ и легитимисты, подняли голову, считая, что часъ ихъ насталъ и что не сегодня—завтра республика падетъ среди всеобщаго равнодушія. Чтобы ускорить этотъ желанный исходъ, литературные вожаки обѣихъ партій принялись за составленіе памфлетовъ. Мале-дю-Панъ обнаруживалъ свои „Соображенія о природѣ французской революціи и о причинахъ, вызывающихъ ея продолжительность“. Ферранъ предсказывалъ близость реставраціи и неминуемую казнь даже такихъ умѣренныхъ сторонниковъ свободы, какимъ былъ основатель роялистскаго клуба, Малуэ. Д'Антрегъ шелъ еще далѣе въ обнаруживаніи свирѣпости, объявляя, что будетъ Маратомъ контръ-революціи и готовъ казнить 100.000 человекъ, не щадя даже такихъ завѣдомыхъ друзей монархіи, какимъ былъ конституціоналистъ Монлозъ¹⁾. Но какъ простонародье, такъ и просвѣщенная буржуазія—оставались глухи ко всѣмъ этимъ навітамъ. Тѣ, которыхъ современники и потомство заклеймили прозвищемъ „incroyables“ (невѣроятныхъ), нападая отъкрыто на якобинцевъ, позволяя себѣ подчасъ палочную расправу съ дѣйствительными или мнимыми сторонниками павшаго диктатора, еще отъкрыто объявляютъ себя за республику и конвентъ: „да здравствуетъ нація!“ кричатъ они, нанося удары. Тѣ самыя парижскія секціи, которыя поднимутъ вскорѣ знамя возстанія противъ конвента, еще заявляютъ о своей ненависти къ монархіи и ея низшимъ сторонникамъ; они клянутся жить и умереть за республику, единую, нераздѣльную и демократическую²⁾. Но всѣ эти явно высказываемыя симпатіи не успокаиваютъ царевидцевъ. Малѣйшій поворотъ общественнаго мнѣнія противъ нихъ грозитъ имъ повтореніемъ новаго термидора. Неудивительно, если, уступая общему запросу на возобновленіе народнаго представительства, они въ то же время принимаютъ мѣры, обезпечивающія присутствіе въ будущихъ совѣтахъ республики большинства наличныхъ членовъ конвента. Новыя попытки роялистовъ поднять сѣверные департаменты, окончившіяся катастрофой въ Квиберонѣ, захватомъ пяти тысячъ мятежниковъ и около двухъ милліоновъ деньгами, заставляютъ конвентъ не только возобновить мѣры противъ „заподозрѣнныхъ“ (suspects), но и остановиться на мысли внести въ

¹⁾ См. *La Question de la Monarchie ou de république de 9 thermidor au 18 brumaire (1794 — 1799)*, par Thureau-Dangin (*Royalistes et Républicains*, стр. 51 и 52).

²⁾ *Ibid.*, стр. 14.

проект конституціи статью, по которой двѣ трети будущаго представительства должны принадлежать къ составу конвента. Кверини, который ежедневно уведомляет венеціанскій сенатъ о случившемся, пишетъ 24-го августа 1795 года, что послѣ долгихъ препирательствъ конвентъ остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: избирательнымъ собраніямъ предоставлено окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, какіе депутаты должны войти въ составъ тѣхъ двухъ третей народнаго представительства, которыя составляютъ свой мандатъ и въ будущемъ собраніи. Это рѣшеніе, какъ извѣстно, и вызвало вооруженное сопротивленіе нѣкоторыхъ секцій Парижа,—сопротивленіе, подавленное быстро пушками молодого артиллериста, будущаго императора французъ, еще въ то время писавшаго свою фамилію по-итальянски, раздѣльно въ двухъ словахъ—*Viopa-Parte*.

Констанъ приѣзжаетъ въ Парижъ вскорѣ за революціей 9-го термидора и сѣбѣ пишетъ возвѣстить своей тетушкѣ, графинѣ Нассау, именуемой имъ теперь попросту „гражданкой Нассау“, счастливое въ его глазахъ событіе полнаго торжества конвента. „Люди крови раздавлены,—пишетъ онъ,—мятежныя предмѣстья обезоружены, заговорщики въ тюрьмахъ и преданы суду“¹⁾. Четыре дня спустя, онъ даетъ новыя подробности о внутреннемъ положеніи столицы: „все у насъ спокойно и все пророчить быструю и окончательную побѣду надъ уцѣлѣвшими обломками анархической партіи, партіи кровопійцевъ. Національная гвардія будетъ составлена впредь изъ людей надежныхъ, которые, владея собственностью, не склонны будутъ къ мятежамъ, такъ какъ имъ есть что терять. Депутаты, державшіе сторону возставшихъ, преданы будутъ военному суду. Ни одного голоса не слышится въ ихъ пользу. Задержаны также участники прежней тиранніи—комитета общественнаго спасенія. Порядокъ устанавливается, національное собраніе очищено въ своемъ составѣ, и мы вправѣ ждать близкаго установленія правительства сильнаго, крѣпкаго и свободнаго отъ тѣхъ безумныхъ преувеличеній, благодаря которымъ въ послѣднія пять лѣтъ пролито столько крови и пало столько честныхъ людей. Собственность и дарованіе—эти двѣ разумныя причины неравенства—снова вступать въ свои права, и человѣчество окажется въ выигрышѣ отъ тѣхъ бѣдствій, какія навлекла на міръ революція“²⁾. Въ новомъ письмѣ, отъ 19-го мессидора, т.-е. 7-го іюля 1795 года, Констанъ, еще не при-

¹⁾ Melegari, стр. 283.

²⁾ Ibid., стр. 284 и 285.

навшій рѣшенія остаться во Франціи, объявляетъ, что Парижъ слишкомъ интересенъ въ данную минуту, чтобы можно было думать о близкомъ возвращеніи въ Швейцарію. Свобода слова и печати въ немъ полная. Нѣчто неслыханное представляетъ противоположеніе неограниченной власти правительства, съ одной стороны, и полнѣйшаго произвола печати—съ другой. Правительство все можетъ и всего боится. Оно не рѣшается принять никакой полной мѣры; не имѣетъ ни смѣлости вступить открыто на путь свободы, ни достаточной энергіи, чтобы настоять на точномъ соблюденіи всѣхъ своихъ деспотическихъ велѣній. Но самое это противорѣчіе ставитъ общество въ возможность пользоваться тѣми благами, какія даетъ доброе правительство. Я разумѣю, что каждый дѣлаетъ, что хочетъ, и отъ этого не происходитъ особыхъ безпорядковъ. Я ручаюсь больше, чѣмъ когда бы то ни было, что современный порядокъ удержится¹⁾. Увѣренность Константа такъ велика, что онъ рѣшается даже затратить тридцать тысячъ франковъ на приобрѣтеніе національных имуществъ. Онъ разсчитываетъ на доходъ въ восемь тысячъ и не видитъ возможности другихъ возраженій противъ затѣянной имъ операціи, кромѣ того, что обстоятельства могутъ перемениться во Франціи. Но этому онъ рѣшительно не вѣритъ. „Не смотря на нѣкоторыя ничтожныя попытки возрожденія якобинства,—пишетъ онъ, отмѣчая уже готовящуюся реакцію,—республика утверждается со дня на день. Народъ усталъ отъ постоянныхъ конвульсій и ищетъ только порядка. Мы наканунѣ завершенія новой конституціи, въ основу которой положены собственность и раздѣленіе властей. Общественное мнѣніе рѣшительно высказывается противъ всѣхъ крайностей какъ роялистовъ, такъ и террористовъ“²⁾.

Константъ далеко не стоитъ одиноко въ своемъ оптимизмѣ. Враждебно настроенный къ республикѣ, Кверини вѣритъ въ прочность существующаго порядка и даже пророчитъ ближайшее заключеніе мира съ коалиціей. Въ депешѣ, отъ 31-го августа 1795 года, т.-е. на разстояніи не болѣе двухъ недѣль со времени отправки письма Константа, онъ говоритъ, что хотя противъ конвента и вооружены не только монархисты, но и террористы, а также и враги всякаго сколько-нибудь прочнаго правительства, но, въ виду мирнаго настроенія народа въ столицѣ и провинціяхъ, можно думать, что все обойдется безъ потрясеній.

¹⁾ Ibid., стр. 287 и 288.

²⁾ Ibid., стр. 289.

„По собраннымъ мною слухамъ,—пишетъ онъ 4-го сентября,—я думаю, что и въ столицѣ, и внѣ ея новая конституція принята будетъ единогласно“.

Событія взялись опровергнуть всѣ эти радужныя надежды. 18-го фрюктидора, рассказывая о движеніи секцій на конвентъ, Констанъ рѣшительно становится на сторону собранія. „Послѣ трехлѣтія народныхъ бѣдствій конвентъ,—пишетъ онъ,—возстановилъ свободу въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, уврачевалъ раны, причиненныя тираніей, упразднилъ анархію и анархистовъ, вернулъ родственникамъ жертвъ конфискованныя у нихъ имущества, открылъ двери Франціи тѣмъ, кто бѣжалъ изъ нея, желая укрыться отъ смерти. И что же? Несмотря на все это, люди, которые готовы были помириться съ республикой, подъ условіемъ обезпеченія имъ хотя нѣкоторой свободы, пользуются ею для подготовленія новой революціи. За послѣдніе восемь дней избирательныя собранія, созванныя для принятія конституціи, огласились самыми зажигательными рѣчами и предложеніями. Одни, ссылаясь на то, что въ присутствіи самодержавнаго народа конвентъ долженъ сложить свои полномочія, устриваютъ анархію. Другіе хотятъ организовать центральный комитетъ возстанія. Если конвентъ уступить, новый переворотъ неизбеженъ. Къ счастью, нельзя ждать этого, конвентъ останется непоколебимымъ. Армія какъ нельзя лучше настроена въ его пользу. Извѣстія о принятіи конституціи армейскими корпусами приходятъ со всѣхъ сторонъ. Многія общины слѣдуютъ тому же примѣру. Только большіе города юга, гдѣ убиваютъ патріотовъ и преслѣдуютъ покушниковъ національныхъ имуществъ, куда эмигранты стекаются толпою и не принявшее присяги духовенство сходится для агитациі, внушаютъ нѣкоторое опасеніе“. 16-го октября, Констанъ доводитъ до свѣденія своей тетушки, что его едва не зарѣзали на улицѣ и что онъ живетъ среди открытой междоусобной войны. Но двадцать-перваго октября всякая опасность, по его мнѣнію, уже миновала. „Неистовства секцій, руководимыхъ презрѣнными интриганами, едва не ввергли конвентъ во всѣ эксцессы якобинизма, и мы близки были къ возрожденію террора. Въ теченіе ряда дней господствовала самая отчаянная военная анархія, но она постепенно ослабѣваетъ, такъ какъ само правительство начинаетъ сознавать ея опасность... Будемъ молиться, чтобы свобода установилась вмѣстѣ со спокойствіемъ, чтобы новые и прежніе законодатели сошлись въ сознаніи необходимости умиротворить страну“¹⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 243 и 245.

Восемь дней спустя, корреспондентъ графини Нассау, снова рѣшившійся именовать ее этимъ титуломъ, сообщаетъ о благополучномъ открытіи новаго законодательнаго корпуса, состоящаго изъ 500 членовъ конвента и 250 выборныхъ, и о предстоящей организаціи 5-ти-членной директоріи, въ составъ которой войдутъ Сіэйзъ, Мерлинъ изъ Дуэ, Трельяръ, Ла-Ревельеръ Лепо и Камбасересъ. На опасенія, высказанныя графиней Нассау, что Ла-Ревельеръ Лепо не служитъ залогомъ противъ терроризма, Констанъ сообщаетъ, что это добрый и почтенный человѣкъ. Сама конституція 95-го года кажется ему во многомъ превосходящею ту, какою надѣлила Францію конститута. Раздѣлъ представительства на двѣ палаты предупредитъ, по его мнѣнію, возможность принятія декретовъ подъ вліяніемъ энтузіазма. Оно пророчитъ большую устойчивость учрежденіямъ, чѣмъ система одной камеры, принятая конституціей 1791 г. Констанъ снова подчиняется своему оптимистическому настроенію. „Я не сомнѣваюсь,—пишетъ онъ,—что все устроится къ лучшему, и эта республика, которую я обожалъ съ самаго ея рожденія, несмотря на покрывавшія ее пятна, и кровь, забрызгавшую ея колыбель, упрочится вопреки страстямъ и даже вопреки невѣжеству большинства ея агентовъ. Революція всегда была независима отъ людей; она останется ею и теперь и постепенно приведетъ насъ къ свободѣ и неразрывно связанному съ нею спокойствію“ ¹⁾.

V.

Этому оптимизму не мало содѣйствовала, повидимому, и переживаемая самимъ авторомъ новая сердечная идиллія. Я разумно сближеніе его съ госпожою Сталь. Корреспонденція съ графиней Нассау отмѣчаетъ нѣкоторыя подробности этого сближенія. Вскорѣ по прибытіи въ Парижъ, Констанъ дрожитъ уже за жизнь „дорогого существа, которой сердце, умъ, поразительныя и возвышенныя качества съ каждымъ днемъ все больше увлекаютъ и притягиваютъ его“ ²⁾. Рѣчь идетъ о госпожѣ Сталь, салонъ которой сдѣлался въ это время средоточіемъ всѣхъ, кто, не будучи прямымъ сторонникомъ существующаго, предпочиталъ его одному террору и реставраціи стараго порядка. Самъ Констанъ, въ позднѣйшую эпоху своей жизни, даетъ слѣдующую характеристику обычныхъ посѣтителей этого собранія ³⁾. „Бывающіе у госпожи

¹⁾ Ibid., стр. 246 и 248.

²⁾ Стр. 285.

³⁾ Thureau-Dangin. Royalistes et Républicains, стр. 20.

Сталь принадлежали къ четыремъ-пяти различнымъ группамъ. Можно было встрѣтить у нея членовъ правительства, такъ какъ она искала завоевать ихъ довѣріе. Попадались и лица, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ министерствъ, видъ которыхъ былъ непріятенъ теперешнимъ. Показывались и дворяне изъ числа вернувшихся во Францію. Хозяйка была одновременно и польщена, и стѣснена ихъ присутствіемъ. Засѣдали, наконецъ, всякаго рода писатели и журналисты, которые съ 9-го термидора снова овладѣли вліяніемъ, и члены дипломатическаго корпуса, вальшіеся нѣкогда у ногъ комитета общественнаго спасенія, что не мѣшало имъ, впрочемъ, конспирировать противъ него¹⁾. Какъ видно изъ сказаннаго, условія складывались довольно благопріятно для человека, искавшаго завязать обширныя знакомства и приобрѣсть вліяніе на дѣла. Патронируемый госпожою Сталь, Констанъ воспользовался этою возможностью. Приобрѣвши имѣніе въ окрестностяхъ Парижа, онъ нерѣдко удаляется въ него и тутъ, вдали отъ шума, готовитъ свои брошюры о текущихъ вопросахъ. „Я пользуюсь здѣсь,—пишетъ онъ въ февралѣ 1796 года,—прелестью одиночества, живу среди книгъ, къ сожалѣнію еще не въ достаточномъ числѣ, но къ которымъ скоро присоединятся другія, и подготавливаю сочиненіе; оно появится не позже трехъ, четырехъ недѣль“²⁾. Это одиночество прерывается впрочемъ довольно скоро, и въ мартѣ Констанъ уже адресуетъ свои письма изъ Коппе, имѣнія Неккера и частаго мѣстопребыванія его дочери, госпожи Сталь. Сюда доходятъ до него все болѣе и болѣе утѣшительныя извѣстія и насчетъ его личныхъ дѣлъ, и касательно прочности существующаго правительства. Земли, купленныя имъ съ торговъ за 30.000 франковъ, уже приносятъ арендной платы 8,500 франковъ. „Якобинцы потеряли всякіе шансы на успѣхъ, авторитетъ директоріи упрочивается. Совѣтъ пятисотъ отвергъ новый законъ противъ эмигрантовъ. Есть основаніе ручаться за успѣхъ свободы и конституціи“³⁾. По возвращеніи въ Парижъ, лѣтомъ 1796 года, Констанъ еще болѣе укрѣпляется въ мысли, что порядокъ упроченъ во Франціи. „Столица,—пишетъ онъ,—сдѣлалась самымъ спокойнымъ въ мірѣ городомъ. Правительство пускаетъ корни, такъ какъ съ каждымъ днемъ становится болѣе справедливымъ. Конституція надѣлила его достаточною силою, чтобы сдерживать всѣ партіи. Я не могу отнестись съ тою же похвалою къ общественнымъ кружкамъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, за отъ-

¹⁾ См. Melegari, стр. 254.

²⁾ Ibid., стр. 254.

ѣдомъ госпожи Сталь, я лишень того, что интересуется меня всего болѣе. Вѣдь въ этомъ домѣ я проводилъ свою жизнь. Парижъ утомилъ меня. Я завязалъ въ немъ много знакомствъ, особенно съ выхода въ свѣтъ моего сочиненія. Но эти знакомства и связи удержать не легко. Люди такъ раздѣлены между собою, такъ трудно быть пріятнымъ однимъ, не сдѣлавшись непріятнымъ другимъ, и такъ легко приобрести тепленькую дружбу въ общѣи на торящую ненависть, что меня снова тянетъ въ деревню. За-рождающаяся республика,—прибавляетъ Констанъ,—несомнѣнно дивное зрѣлище, особенно если имѣть передъ глазами ожиданіе отъ нея результаты, но разсматривать ее вблизи, такъ сказать, изъ-подъ микроскопа, все же не слѣдуетъ“¹⁾.

Дѣйствительная причина этого дурного расположенія духа лежала, однако, не въ республикѣ и не въ холодности друзей. Самъ Констанъ даетъ ключъ къ пониманію дѣйствительной ея причины, говоря: „любить и мыслить,—вотъ къ чему сводятся всѣ мои способности“... „То, что называютъ удовольствіями, развлеченіями, жизнью нараспашку, для меня не существуетъ. Природа наводитъ на меня грусть; почести оскорбляютъ. Мнѣ нужно вѣрить, что есть любящее меня сердце; мнѣ нужно также, чтобы какая-нибудь мысль овладѣла мною всецѣло“²⁾. Въ виду этой необходимости Констанъ снова оказывается въ Коппе, гдѣ ему приходится отстаивать республику отъ нападокъ швейцарскихъ журналистовъ и ожидать не безъ опасенія скорого прибытія отца изъ Голландіи, который,—пишетъ онъ,—сдѣлался вдвойнѣ аристократомъ со времени установленія батавской республики и огорчается тѣмъ, что мои убѣжденія бросили меня въ революцію. Констанъ прибавляетъ: „я имѣлъ недавно большой успѣхъ въ Парижѣ, благодаря моей брошюрѣ; я въ лучшихъ отношеніяхъ съ директоріей и обоими совѣтами“³⁾.

Полагаю, что всякій безпристрастный читатель, прослѣдившій за ходомъ нашего разсказа, не найдетъ ничего удивительнаго въ томъ, что Констанъ, бывший еще республиканцемъ въ Брауншвейгѣ, съ радостью ухватился за мысль содѣйствовать упроченію дорогихъ ему порядковъ во Франціи. Намъ трудно поэтому согласиться съ тѣми, кто, подобно Тюрю Д'Анжену, ставитъ „въ вину будущему автору конституціонной политики“ его первые политическіе памфлеты и въ особенности тотъ, о которомъ идетъ рѣчь въ

¹⁾ Ibid., стр. 255.

²⁾ Ibid., стр. 256.

³⁾ Ibid., стр. 258.

только-что приведенныхъ нами письмахъ. Сочиненіе это было озаглавлено: „Сила нынѣшняго правительства и необходимость примкнуть къ нему“. Заглавіе указываетъ основную мысль автора, мысль вполне отвѣчавшую его внутреннимъ убѣжденіямъ. Оффиціальныи журналъ республики—„Мониторъ“—отмѣтилъ съ похвалою появленіе этой брошюры и выразилъ изумленіе тонкому пониманію и прозорливости, съ какою *иностранецъ* судить о дѣлахъ Франціи. Это прозвище „иностранца“ не понравилось Констану, и онъ воспользовался приобретенной недавно собственностью, чтобы записью въ число обывателей приобрести право гражданства ¹⁾).

VI.

Вскорѣ обстоятельства дали возможность Констану выступить съ новымъ блескомъ въ защиту столь же дорогихъ ему принциповъ. Въ письмѣ, отъ 4-го октября 1796 г., мы читаемъ, что, по извѣстіямъ изъ Парижа, якобинцы волнуются, роялисты не прочь воспользоваться ихъ замыслами, но друзья республики на-сторожѣ и въ совѣтахъ царствуетъ больше единенія, чѣмъ прежде. Въ Коппе Констанъ работаетъ надъ новымъ изданіемъ своей брошюры, но у него въ головѣ, какъ онъ пишетъ, уже всѣ элементы новой книги, и онъ надѣется кончить ее до отъѣзда. Привязанность республиканца, личные интересы, желаніе не оставаться бездѣйственнымъ и „принести лепту въ казну республики,—пишетъ Констанъ,—руководить моимъ перомъ“... „Справедливостью и умѣренностью въ пользованіи властью—директорія вполне завоевала мои симпатіи. Всѣ „честные люди“,—терминъ, подъ которымъ разумѣлись состоятельные классы,—стараются приблизиться къ правительству. Войска всюду побѣдоносны; если кто страдаетъ отъ нынѣшняго порядка дѣлъ, то развѣ собственники, да еще чиновники, которымъ платятъ все продолжающими падать ассигнаціями. Директорія рѣзче высказывается противъ якобинцевъ“ ²⁾).

Этотъ именно моментъ начинающейся борьбы и избираетъ Констанъ для отпечатанія брошюры: „О послѣдствіяхъ террора“. Въ три дня разошлось тысяча экземпляровъ, и автору пришлось сдѣлать новое изданіе. Это сочиненіе принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Констана и содержитъ въ себѣ многія изъ тѣхъ мыслей, которыя, много лѣтъ спустя, съ такимъ талантомъ

¹⁾ См. Melegari, Introduction, стр. XXXIII.

²⁾ Ibid., стр. 261, 262.

развиты были Тэнномъ въ III-мъ томѣ его „Происхожденія современной Франціи“. Основная тема автора:—терроръ не былъ необходимъ для спасенія республики; мало этого, республика спасена вопреки террору. Терроръ самъ создалъ тѣ препятствія, ниспроверженіе которыхъ ему приписывается. Тѣ же, которые возникли независимо отъ него, были бы легче превзойдены при справедливости и законности; однимъ словомъ, терроръ не сдѣлалъ ничего, кромѣ зла. Имъ созданы тѣ опасности, которыя еще нынѣ грозятъ республикѣ со всѣхъ сторонъ ¹⁾. Самъ авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ характеръ той добровольной миссіи, какая принята была имъ при изданіи только-что упомянутой брошюры. „Мое положеніе здѣсь,—пишетъ онъ графинѣ Нассау, въ мартѣ 97 года, сообщая ей о своихъ литературныхъ успѣхахъ,—какъ разъ то, какое я желалъ занять—положеніе человека независимаго въ своихъ убѣжденіяхъ, друга свободы не изъ разсчета, а въ силу влеченія человека, котораго цѣнать за нѣкоторую талантливость“ ²⁾. Въ то же время онъ не скрываетъ своихъ опасеній за ближайшее будущее; оно можетъ не оправдать надеждъ на прочность республики. Возобновленіе законодательныхъ палатъ на одну треть ихъ состава дало результаты, благопріятныя монархической реставраціи. Большинство избранныхъ—роялисты; общественное мнѣніе принимаетъ все больше и больше эту окраску и устремляется въ сторону реакціи съ такимъ рвеніемъ, что приходитъ въ разрѣзъ съ общими интересами. Республиканцевъ открыто оскорбляютъ. Человекъ, который первый и болѣе другихъ содѣйствовалъ успѣхамъ свободы, который высказался въ ея пользу еще до революціи, однимъ словомъ, Сіэйсъ, едва не сдѣлался жертвою убійцы. „Еслибы не побѣды нашихъ войскъ, ничто не могло бы спасти насъ отъ реставраціи“ ³⁾. Такой исходъ имѣло торжество умѣренныхъ надъ якобинцами, вызванное *coup d'état* 18-го фрюктидора, когда предводительствовавшая Ожеро солдатчина заняла ночью законодательный корпусъ, и завѣдомые республиканцы, въ родѣ Карно, сосланы были на смертоносные берега *Sinnamary* подъ предлогомъ тайнаго заговора, якобы

¹⁾ „Je me propose de prouver que la terreur n'a pas été nécessaire au salut de la république; que la république a été sauvée malgré la terreur; que la terreur a créé la plupart des obstacles dont on lui attribue le renversement; que ceux qu'elle n'a pas créés auraient été surmontés d'une manière plus facile et plus durable, par un régime juste et légitime; en un mot que la terreur n'a fait que du mal, et que c'est elle qui a légué à la république actuelle tous les dangers qui, aujourd'hui encore, la menacent de toutes parts“. (См. изданіе Лабуэ, томъ II, стр. 57).

²⁾ Melegari, стр. 265.

³⁾ Ibid, стр. 265.

устроеннаго ими для восстановления террора. Послѣ 18-го фрюктидора, какъ говорить Констанъ, свидѣтельство котораго подтверждается другими современниками,—Порталисомъ, госпожою Сталь, Ройе Коларомъ,—республика осталась безъ республиканцевъ, или точнѣе, „не было болѣе во Франціи другихъ республиканцевъ, кромѣ меня, да тѣхъ, кто боялся быть повѣшеннымъ реставрированнымъ монархомъ“¹⁾).

Этотъ именно моментъ приближающагося конца республики избираетъ Констанъ для изданія новой и еще болѣе замѣчательной брошюры: „О политическихъ реакціяхъ“, брошюры, которую можно назвать пророческой, такъ какъ въ ней впервые высказывается опасеніе, что исходомъ внутренней розни и озлобленной вражды партій будетъ военная диктатура. „Если,—пишетъ онъ,—партіи и продажная печать не понизятъ тона своихъ нападокъ, и общественное мнѣніе оставитъ правительство въ изолированномъ положеніи, ему не останется другой опоры, кромѣ войска. Военный деспотизмъ сдѣлается одновременно препятствіемъ къ возрожденію старыхъ предразсудковъ и могилою свободы“²⁾).

Пророчество не замедлило оправдаться, и вслѣдъ за 18-мъ брюмера поборнику народныхъ вольностей не осталось другого средства посвятить себя ихъ защитѣ, какъ принявши постъ члена, трибуната, которому въ консульской конституціи отведенъ былъ, какъ извѣстно, постъ стража конституціи и не столько инициатора реформъ, сколько ихъ цензора³⁾). Нельзя поставить Констану въ вину, что онъ принялъ сдѣланное ему въ этомъ смыслѣ предложеніе. Онъ самъ какъ нельзя лучше объясняетъ свое поведеніе, говоря въ письмѣ къ графинѣ Нассау: „Газеты всѣ, понятно, сообщили вамъ, что случилось со мною. Я очень желалъ этого назначенія, какъ средства, дающаго мнѣ возможность исполнить мой долгъ. Констанъ остался вѣренъ такому отношенію

¹⁾ Thureau-Dangin, стр. 110.

²⁾ „Le despotisme militaire assurerait à la fois l'anéantissement des préjugés anciens, ...et la perte de la liberté“ (Des Réactions Politiques, конецъ пятой главы, соч. Констана, изд. Лабуля, т. II, стр. 90).

³⁾ Le tribunat,—значится въ текстѣ конституціи 22-го брюмера VIII года республики, другими словами, въ текстѣ консульской конституціи—„discute les projets de loi; il en vote l'adoption ou le rejet.—Il envoie trois orateurs pris dans son sein, par lesquels les motifs du vœu qu'il a exprimé sur chacun de ces projets, sont exposés et défendus devant le Corps législatif.—Il défère au Sénat, pour cause d'inconstitutionnalité seulement, les listes d'éligibles, les actes du Corps législatif et ceux du gouvernement.—Il exprime son vœu sur les lois faites et à faire, sur les abus à corriger, sur les améliorations à entreprendre dans toutes les parties de l'administration publique. Faustin Hélie“. Les constitutions de la France, стр. 579 и 580.

къ своей должности, какъ къ общественному служенію. Въ сообществѣ Кабаниса, Дону, Андриё, онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ оплотовъ умирающей свободы. Все, что являлось угрозой для дальнѣйшаго сохраненія республиканскихъ вольностей, изданіе чрезвычайныхъ судебныхъ комиссій или замѣна въ иностранныхъ трактатахъ словъ „французскіе граждане“ характернымъ терминомъ „подданныхъ“, встрѣчало съ его стороны энергическій протестъ, не мало раздражавшій всемогущаго диктатора ¹⁾. Отношеніе его къ консульству становилось все болѣе и болѣе отрицательнымъ, и уже въ 1801 году, въ письмѣ изъ Женевы, онъ говоритъ о немъ, какъ о новомъ *Vas-empire* ²⁾. Конституція, которую Наполеонъ объявленъ былъ пожизненнымъ консуломъ, вырываетъ изъ его устъ заявленіе: „мы, кажется, утратили ее изъ Алжира“ ³⁾. Овладевшее всѣми работѣе находить въ Констанѣ жестокаго критика. „Надо, — пишетъ онъ, — прочесть „Мониторъ“, чтобы имѣть понятіе, до чего можетъ дойти лезть. Четыре колонны *in folio* наполнены адресами. Въ одномъ говорится о Провидѣніи, пославшемъ этого человѣка въ утѣшеніе міру. Въ другомъ, что мы должны сокрушаться надъ судьбою нашихъ внуковъ, которые не будутъ имѣть счастья состоять подъ его управленіемъ. Насталъ вѣкъ Тиберія и слышатся похвальные рѣчи, достойныя Буало и Горация, но безъ ихъ таланта и вкуса. Мы въ рукахъ какой-то слѣпой силы. Люди, или вѣрнѣе человѣкъ, располагающій нашими судьбами, не столько управляетъ своимъ темпераментомъ, сколько управляется имъ“ ⁴⁾. Констанъ бичуетъ то эскамотированіе народнаго голосованія, благодаря которому пожизненное консульство оказалось желательнымъ большинству французовъ. „Чтобы опредѣлить число подавшихъ голосъ за него, довольствуются вычетомъ изъ общей цифры населенія тѣхъ, кто высказался противъ, а между тѣмъ во многихъ мѣстностяхъ изъ 200 избирателей всего четверо подали голосъ. Жены призваны голосовать за отсутствующихъ мужей, и даже больныхъ въ госпиталяхъ не оставляютъ въ покоѣ, отбирая и отъ нихъ выраженіе сочувствія новому порядку“ ⁵⁾.

Провозглашеніе пожизненнаго консульства застало Констана уже за границею Франціи и не занимающимъ болѣе officialнаго поста. Попытки отстоять обломки республиканской свободы

¹⁾ См. *Mémoires de Joseph Touché*. 1824. Томъ I, стр. 227 и 244.

²⁾ *Melegari*, стр. 304.

³⁾ *Ibid.*, стр. 309.

⁴⁾ См. письмо изъ Конне отъ 1-го ноября 1802 года.

⁵⁾ Письмо изъ Конне отъ 1802 года.

отъ ежедневныхъ захватовъ новаго деспота вызвали, какъ и можно было ожидать, не только раздраженіе, но и рѣшимость развязаться съ докучливыми совѣтниками. Пользуясь возобновленіемъ трибуната ежегодно на одну пятую, Наполеонъ вычеркнулъ изъ списка имена Констана и нѣкоторыхъ другихъ членовъ, замѣченныхъ въ оппозиціи. Въ лицѣ Констана Наполеонъ имѣлъ въ виду покарать поведеніе не одного только сторонника республиканской свободы, но и цѣлаго кружка, душою котораго была проживавшая въ это время въ Парижѣ госпожа Сталь. Этотъ кружокъ состоялъ въ то время изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, начиная отъ лицъ, поддерживавшихъ Неккера въ его министерство, и оканчивая членами собственной семьи перваго консула, Люсьеномъ и Жозефомъ. „Въ десяти годахъ изгнанія“ госпожа Сталь слѣдующимъ образомъ говоритъ о первыхъ проявленіяхъ того недоброжелательства, какимъ Наполеонъ преслѣдовалъ ее и близкихъ ей лицъ въ теченіе всего своего царствованія. „Наканунѣ того дня, въ который Констанъ долженъ былъ произнести свою рѣчь противъ чрезвычайныхъ судебныхъ комиссій, у меня собрался обычный кружокъ; въ числѣ другихъ былъ и Люсьенъ Бонапартъ. Бенжаменъ Констанъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, понизивъ голосъ: „сегодня вашъ салонъ полонъ лицъ, бесѣда которыхъ вамъ нравится, а завтра онъ будетъ пустъ, если я вздумаю говорить“. — Надо слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, отвѣтила я“ ¹⁾).

Пророчество Констана сбылось; приглашенные одинъ за другимъ стали въ теченіе слѣдующаго дня присылать записки, извиняясь, что не могутъ явиться. Вскорѣ затѣмъ министръ полиціи Фушъ далъ понять госпожѣ Сталь, что правительство ставить ей въ вину произнесенную Констаномъ рѣчь. „Я отвѣтила, — пишетъ Сталь, — что господинъ Констанъ человекъ слишкомъ возвышеннаго ума, чтобы можно было винить женщину въ его убѣжденіяхъ, и что въ тому же рѣчь его заключала въ себѣ только общія соображенія касательно независимости, какой должны пользоваться дебатирующія собранія“ ²⁾).

Эта, написанная долго спустя послѣ разрыва, исповѣдь кажется намъ вполне отвѣчающей истинѣ. Изъ писемъ Констана къ графинѣ Нассау видно, что уже въ это время между двумя пріятелями происходили нерѣдкія стычки, и что, подчиняясь нрав-

¹⁾ См. полное собраніе сочиненій госпожи Сталь, томъ XV, *Dix années d'exil*, стр. 7.

²⁾ *Ibid.*, стр. 11.

ственному авторитету своей, какъ онъ выражается, повелительницы ¹⁾, будущій авторъ и герой романа „Адольфъ“ уже помышлялъ о разрывѣ. И въ этомъ отношеніи изданная г-жою Мелегари переписка бросаетъ не только новый, но, какъ намъ кажется, и единственно правильный свѣтъ на причины, по которымъ два первостепенныхъ таланта не могли ни жить согласно, ни, разошедшись, не страдать отъ разлуки. Благодаря постояннымъ отлучкамъ госпожи Сталь, ея жизни то въ Коппе съ отцомъ и семьей, то въ Парижѣ, среди цвѣта тамошней интеллигенціи, въ постоянной погонѣ за извѣстностью и славой, Констанъ очутился въ томъ странномъ положеніи, которое самъ онъ передаетъ словами: „я одинокъ и не пользуюсь въ то же время независимостью; я подъ чужой властью и въ то же время не состою въ союзѣ. Проходятъ послѣдніе годы моей юности, и у меня нѣтъ ни спокойствія одиночества, ни законности сладкихъ связей“ ²⁾.

Повидимому, изъ такого положенія могли быть только два исхода: бракъ или разрывъ. Но на первый не доставало согласія госпожи Сталь ³⁾, а можетъ быть и ея отца; на второй же не хватало энергіи и рѣшимости у того, кто всего болѣе страдалъ отъ союза. Не будемъ слишкомъ строго судить Констана, не станемъ повторять избитаго прозвища — „Constant l'inconstant“, или бичевать его за то, что на тридцатомъ году жизни, послѣ несчастнаго брака и имѣя передъ глазами примѣръ отца, сдѣлавшагося жертвой „хищницы-служанки“, онъ останавливался передъ мыслью потерять единственнаго ему близкаго человѣка. Никто, впрочемъ, не судилъ строже собственнаго поведенія, не каралъ себя такъ сурово за слабость воли, какъ самъ Констанъ; никто также не мечталъ такъ охотно о разсѣченіи гордіева узла бракомъ, лишь бы уйти отъ двухъ опасностей: деспотизма слабо раздѣляемой любви и полнаго одиночества. Не вздумалъ ли въ самомъ дѣлѣ авторъ „Адольфа“ обратиться къ теткѣ еще въ 1797 году съ просьбой найти ему жену француженку, 16-ти лѣтъ, не болѣе, пріятной наружности, безъ всякаго рѣзкаго недостатка, съ любовью простоты и порядка и, главное, безъ страсти къ уму, такъ какъ этого — представляетъ авторъ — „j'en ai par-dessus la tête“.

Но одно обстоятельство дѣлаетъ всѣ эти расчеты на освобожденіе праздными. Констанъ не переноситъ женскихъ слезъ, упрековъ, моленій, обѣщаній покончить съ собой; и вотъ почему, едва

¹⁾ „Mon légitime souverain est de retour“ — пишетъ Констанъ графинѣ Нассау 1-го іюня 97.

²⁾ Письмо, отъ 18-го мая 1797, стр. 267.

³⁾ Ея мужъ, баронъ Сталь, умеръ въ 1802 году.

„законный суверенъ“ на-лицо—у несчастнаго любовника пропадаетъ всякая рѣшимость къ мятежу. Онъ начинаетъ говорить о такихъ доказательствахъ преданности, которыя въ случаѣ разрыва необходимо вызвать въ немъ горькое собогѣзнованіе и тяжелое сознаніе собственной неблагодарности¹⁾. Онъ продолжаетъ влечить свою цѣпь, которая, по собственному его сознанію, дѣлаетъ его несчастнымъ и грозитъ ему разореніемъ. Онъ любитъ деревенскій покой, а его заставляютъ жить въ обществѣ ему ненавистномъ; онъ хочетъ жить всегда на одномъ мѣстѣ, а его заставляютъ бродить съ мѣста на мѣсто; онъ привыкъ ложиться спать рано, а его принуждаютъ бодрствовать въ бесѣдахъ глубоко за полночь! Если онъ когда-либо женится, то непременно на женщинѣ, которая будетъ рано ложиться! Пытка его уже продолжается два года, а мы всего въ 1797 году, и многіе годы пройдутъ, прежде чѣмъ въ новомъ союзѣ Констанъ горько начнетъ жалѣть о прежнемъ. Во всѣ эти годы онъ не перестанетъ открывать свою душу и старымъ пріятельницамъ, и родственницамъ, назидаемый всѣми, выпучиваемый при случаѣ, страдая отъ сценъ, изъ которыхъ „онъ выходитъ разбитымъ и уничтоженнымъ“. Въ рѣдкомъ письмѣ Констанъ не говоритъ о своей сердечной драмѣ. „Дорогая тетюшка,—пишетъ онъ въ одномъ изъ нихъ,—я хочу окружить себя книгами и поселиться въ деревнѣ, вдалекѣ отъ революціонныхъ бурь и газетъ, которыя надоели мнѣ больше публики... Я не буду болѣе сателлитомъ палящаго метеора, осужденнымъ на печальную извѣстность, однимъ словомъ, я не намѣренъ болѣе жить такъ, какъ жилъ до сихъ поръ, дѣлая по уступчивости то, что всѣмъ кажется безуміемъ, и ежедневно призывая въ моихъ молитвахъ небо къ посылкѣ мнѣ одиночества и любовника моей любовницѣ... Если у васъ есть на комъ женить меня, я женюсь безъ оглядки... *Je ne veux plus ni maitresse honnête qui asservisse, ni maitresse subalterne qui ennuie*”²⁾.

Немилость, какой первый консулъ окружилъ вскорѣ госпожу Сталь и всѣхъ близкихъ къ ней, разумѣется, не только не содѣйствовала разрыву, но, напротивъ, укрѣпила союзъ, уже издавна казавшійся одному изъ участниковъ не болѣе какъ долгомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ пріятели госпожи Сталь, ревностные дотогѣ посѣтители ея салона, обнаруживали поворную уступчивость требованіямъ елисейскаго дворца, не допускавшаго, чтобы рядомъ съ нимъ могъ существовать какой бы то ни

¹⁾ Письмо, отъ 1-го іюля 1797 года.

²⁾ Ibid., стр. 291 и 292.

было, хотя бы умственный только центръ, Бенжаменъ Констанъ сопровождалъ въ изгнаніе свою подругу, оживляя, какъ она сама пишетъ много лѣтъ спустя послѣ разрыва, ея умъ и энергію своимъ изумительнымъ разговоромъ (*par son étonnante conversation*) ¹⁾. Для обоихъ открывается длинный рядъ скитаній по столицамъ Германіи, Италіи, Австріи, съ длинными промежутками осѣдлаго существованія въ Коппе, гдѣ, какъ въ новомъ Фернѣ, вокругъ хозяйки, не упускающей случая упрочить свою литературную славу, стекаются писатели и мыслители Швейцаріи и Германіи и все болѣе и болѣе рѣдкіе посѣтители изъ Франціи, по мѣрѣ того, какъ имперская опала начинаетъ постигать всѣхъ, кто дерзаетъ сохранить съ госпожою Сталь прежнюю пріязнь. Этотъ второй періодъ въ жизни Констана нашелъ правдивое изображеніе въ оставленномъ имъ дневникѣ. Мы последуемъ за авторомъ изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, отмѣчая тѣ разнообразныя воздѣйствія, по которымъ складывалась его литературная дѣятельность и крѣпла его политическая мысль.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

¹⁾ Dix années d'exil, стр. 84.

ЛОМОНОСОВЪ

И

ЕГО СОВРЕМЕННОКИ

II. — Изученія Ломоносова. — Складъ понятій въ обществѣ. — Основной смыслъ дѣятельности Ломоносова *).

Ломоносовъ, какъ мы сказали, былъ самымъ крупнымъ лицомъ во всей нашей литературѣ XVIII вѣка. Его значеніе чувствовали, хотя и не вполне сознавали, его современники и ближайшее потомство: въ немъ уважали перваго русскаго ученаго, который могъ съ полнымъ правомъ стоять на ряду съ тогдашними учеными европейскими; но, несомнѣнно, еще больше почитали въ немъ простодушнаго русскаго Пиндара, пожалуй, Гомера или „россійскихъ странъ Малерба“; послѣдующія поколѣнія, ограничивая его славу, какъ поэта, признавали въ немъ великія заслуги въ образованіи русскаго литературнаго языка, въ заботахъ о распространеніи науки, въ пламенномъ патріотизмѣ, приписывали ему (весьма преувеличенно) самостоятельное научное творчество и т. д.; по словамъ Пушкина, онъ былъ „первымъ нашимъ университетомъ“. Всѣ эти заслуги въ различной, но во всякомъ случаѣ высокой степени, принадлежать Ломоносову; но чтобы опредѣлить самую глубокую историческую его черту, ее должно указать въ его цѣломъ мировоззрѣніи, которое впервые водворяло у насъ истинный смыслъ просвѣщенія въ томъ объемѣ, въ какомъ оно было приобретено

---

*) См. выше: мартъ, стр. 295.

тогда усилиями европейской науки. Если придавать преобразованиямъ Петра рѣшающее значеніе въ новомъ поворотѣ нашей гражданской и умственной жизни, то Ломоносовъ впервые далъ этимъ преобразованиямъ тотъ глубокий внутренній смыслъ, при которомъ онѣ могли стать дѣйствительно новымъ періодомъ въ развитіи русской мысли. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы умственная и нравственная жизнь русскаго народа могли вступить на болѣе широкій просторъ изъ ихъ прежней средневѣковой ограниченности, еще недостаточно было всѣхъ тѣхъ великихъ нововведеній, какія были произведены Петромъ во внѣшней жизни государства; недостаточно было тѣхъ заботъ объ основаніи школъ, о расширеніи стараго „книжнаго почитанія“ новыми свѣденіями изъ новѣйшей европейской науки, до сихъ поръ не слыханными и расширявшими тѣсный горизонтъ стараго книжничества; недостаточно было прямо выставлать ученія новой науки, хотя бы пугавшія и приводившія въ негодованіе суевѣровъ стараго вѣка (какъ ученіе Коперника); недостаточно было даже такъ рѣшительно отвергать старое невѣжество, какъ это было сдѣлано, на примѣръ, въ „Духовномъ Регламентѣ“, — все это было отголоскомъ новой европейской мысли, отвергнувшей средніе вѣка, но всѣ эти нововведенія вступали въ жизнь какъ бы механически, становясь рядомъ съ ея прежнимъ содержаніемъ, отвергая въ немъ, что было въ немъ совершенно устарѣлаго, но не указывая ясно того общаго начала, на которомъ впредь могло и должно было быть построено органически новое міровоззрѣніе: нужно было уразумѣть и указать это новое начало, и это сдѣлано было Ломоносовымъ. Государственное преобразование въ той широкой формѣ, какую давала ему гениальная дѣятельность самого Петра, заключало въ себѣ могущественныя возбужденія къ созданію этого новаго міровоззрѣнія; но какъ самое преобразование, притомъ рано прерванное, поглощено было насущными практическими нуждами, такъ и самое дѣло было слишкомъ ново, чтобы одновременно сдѣланъ былъ и другой важный шагъ національнаго развитія. Нужно было, чтобы эти общія возбужденія реформы нашли опору въ болѣе широкомъ научномъ воспитаніи, чѣмъ то, какое могло быть получено въ едва возникавшей русской школѣ; чтобы родился новый могущественный умъ, который былъ бы въ силахъ усвоить научную мысль во всей ея широтѣ и внести ее — по крайней мѣрѣ, насколько было возможно — въ умственную жизнь русскаго общества: такимъ человекомъ и явился Ломоносовъ. Его дѣятельность была блистательнымъ результатомъ и оправданіемъ реформы, а вмѣстѣ и ея необходимымъ дополненіемъ. Если имѣть

великое значеніе тотъ общій фактъ, что съ эпохой Петра въ русскомъ образованіи (каковы бы ни были его размѣры) введены были авторитетомъ власти элементы науки свѣтской, до тѣхъ поръ невѣдомой и, однако, отрицаемой, введены взаимнъ старой исключительной и односторонней схоластики, то съ дѣятельностью Ломоносова въ этой свѣтской наукѣ впервые указанъ былъ глубокій смыслъ ея, какъ основы новаго міровоззрѣнія, которое должно было въ первый разъ смѣнить систему средневѣкового легендарнаго міровоззрѣнія.

Какъ мы видѣли это относительно водворенія новыхъ литературныхъ формъ, которое велось очень медленно, въ сущности на пространствѣ двухъ-трехъ поколѣній, такъ и здѣсь, въ болѣе глубокомъ вопросѣ самаго содержанія новыхъ идей, движеніе шло чрезвычайно медленно: тотъ новый складъ понятій, который заявляла свѣтская наука, при своемъ первомъ появленіи высказывался только чрезвычайно отрывочно, какъ бы только подражывался въ книгахъ историческихъ, географическихъ, астрономическихъ, какія переводились при Петрѣ, и, конечно, только въ такомъ же отрывочномъ видѣ усваивался болѣе образованными людьми того времени: вещи, по существу противорѣчивыя, укладывались въ головы рядомъ, не заявляя о своемъ противорѣчій; новое понятіе принималось поверхностно, вызывая только элементарные выводы и не увлекая мысли къ дальнѣйшему его развитію и примѣненію; мысль могла созрѣть лишь съ извѣстной постепенностью. Съ основаніемъ академіи наукъ, въ среду русскаго общества былъ внезапно вдвинутъ цѣлый кругъ западныхъ ученыхъ людей, съ которымъ оно не имѣло ничего общаго. Иностранная наука тотчасъ начала свои труды, между прочимъ надъ вопросами практическаго изученія Россіи, но приемы ея были русскимъ людямъ незнакомы, ученые сочиненія писались по-латыни, частью по-нѣмецки или по-французски, и на русскомъ языкѣ невозможно было даже передать ихъ содержанія по недостатку научно-логическаго языка и технической терминологіи. Замѣтимъ мимоходомъ, что по этому поводу высказывалось не мало обвиненій и противъ Петра, и противъ самой академіи, которая являлась въ Петербургѣ такимъ же чуждымъ растеніемъ, какъ могла бы явиться въ Пекинѣ. Очевидно, однако, что иначе нельзя было и поступить: приходилось призывать науку въ лицѣ ея чужеземныхъ представителей и отъ нихъ невозможно было бы требовать, чтобы они тотчасъ превратились въ русскихъ,—притомъ всего чаще ихъ призывали въ Россію по контрактамъ только на извѣстное время; нужно было только заботиться, чтобы они имѣли

русскихъ учениковъ и научали ихъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время могли образоваться русскіе ученые. Такъ объ этомъ и думалъ Петръ Великій, и вскорѣ при академіи наукъ была дѣйствительно устроена гимназія, т.-е. курсы приготовительнаго характера, а затѣмъ и университетъ, питомцы котораго выходили въ адъюнкты академіи; на первое время чужеземная наука на чужеземныхъ языкахъ стояла какъ бы только *подъ* русской литературы, или даже русской письменности, и когда уже въ первое время дѣлались попытки передавать эту ученость на русскомъ языкѣ, то получались уродливые переводы, совершенно невразумительные для тѣхъ, кто былъ бы не въ состояніи читать самого подлинника. Первые русскіе ученые могли образоваться только прямо *подъ* руководствомъ профессоровъ иностранцевъ или просто за границей: такъ учился Тредьяковскій въ Парижѣ; такъ Ломоносовъ, только-что вызванный изъ славяно-греко-латинской академіи, былъ посланъ за границу, гдѣ и прошелъ собственно правильную школу *подъ* руководствомъ знаменитаго въ тѣ времена Христіана Вольфа. Прочный корень науки могъ быть положенъ только тогда, когда ея содержаніе было бы принято не на вѣру, не изъ подражанія, не *подъ* давленіемъ чужого авторитета, а самостоятельно продумано и усвоено сильнымъ умомъ, способнымъ къ независимому изслѣдованію, и вошло въ его собственную умственную природу. Въ первый разъ это сдѣлано было Ломоносовымъ и въ этомъ была его великая заслуга и залогъ его обширнаго вліянія въ теченіе XVIII-го вѣка, и его историческое значеніе въ русской литературѣ.

Это историческое значеніе Ломоносова до сихъ поръ съ точностію не опредѣлено. Въ теченіе XVIII-го вѣка, можно сказать, почти съ первыхъ его трудовъ по возвращеніи изъ-за границы, онъ пользовался великимъ авторитетомъ, который при его жизни возрасталъ съ каждымъ новымъ трудомъ въ области науки и литературы, такъ что имя его становилось какъ бы нарицательнымъ именемъ великаго ученаго и, наконецъ, окружено было славой, къ которой почти не осмѣливалась прикасаться критика. Сочиненія его нѣсколько разъ издавались въ теченіе XVIII-го вѣка и въ началѣ XIX-го, явились потомъ въ извѣстномъ собраніи Смирдина, позднѣе одна доля ихъ повторена была въ сборникахъ „избранныхъ сочиненій“, и только въ послѣдніе годы предпринято обширное академическое изданіе, о которомъ скажемъ далѣе. Но историческое изученіе его двигалось очень медленно и прежде

всего сдѣлано было историками литературы относительно его собственно литературныхъ произведеній: и здѣсь слава Ломоносова долго оставалась неприкосновенной, и только со временъ Пушкина и потомъ Бѣлинскаго стало высказываться болѣе критическое отношеніе къ размѣрамъ его поэтической заслуги. Но его заслуги научныя и самая біографія оставались все еще мало выяснены: спеціалисты только изрѣдка касались его ученыхъ трудовъ (какъ въ тридцатыхъ годахъ Перевощиковъ); біографія могла быть разработана только по архивнымъ документамъ академіи наукъ, которые по старому обычаю могли быть доступны только съ трудомъ. Но цѣлый рядъ изслѣдованій былъ возбужденъ столѣтней памятью смерти Ломоносова: съ 1865 года появляется цѣлый рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ трудовъ, посвященныхъ какъ его біографіи, такъ и опредѣленію различныхъ сторонъ его дѣятельности.

„Столѣтняя годовщина дня рожденія знаменитаго писателя, — говоритъ Пекарскій, заканчивая біографію Ломоносова, — прошла незамѣченною; но за то о немъ вспомнили по случаю приближенія ста лѣтъ послѣ кончины его: 4-го апрѣля 1865 г. во многихъ мѣстахъ Россіи отправлялись торжества, посвященные воспоминаніямъ о Ломоносовѣ. Кромѣ обѣдовъ съ рѣчами и стихами, было сдѣлано тогда нѣсколько и полезныхъ дѣлъ: учреждены степендіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; основано училище въ селеніи, гдѣ родился Ломоносовъ; установлена премія въ награду за лучшее ученое сочиненіе по наукамъ, которымъ посвящалъ себя нашъ академикъ; объявленъ конкурсъ на составленіе жизнеописаній Ломоносова: одно, которое бы удовлетворяло строгимъ научнымъ требованіямъ, другое — доступное пониманію народа. Наконецъ, плодотворнымъ послѣдствіемъ Ломоносовскаго юбилея слѣдуетъ также считать обнародованіе въ тогдашнее время въ значительномъ количествѣ рукописныхъ источниковъ для его жизнеописанія и вообще появленіе въ печати разсказовъ о дѣятельности и сочиненіяхъ его. То правда, что ближайшее знакомство съ тѣмъ, что стало извѣстно о Ломоносовѣ послѣ его юбилея, неминуемо ведетъ къ признанію невѣрными и преувеличенными взглядовъ того кружка, голоса изъ котораго громче всѣхъ раздавались на Ломоносовскомъ юбилей. Такимъ образомъ не подтверждается мнѣніе, что Ломоносовъ сдѣлалъ въ области естественныхъ наукъ великія открытія, будто бы оставшіяся неизвѣстными до нашего времени только по равнодушію русскихъ къ отечественнымъ гениамъ. Нашлось также не мало опроверженій тому, чтобы великій нашъ писатель былъ постоянно тѣс-

нимъ и угнетаемъ, отчего будто бы онъ и не успѣлъ осуществить все задуманное имъ. При всей геніальности и необыкновенныхъ дарованіяхъ, у Ломоносова, какъ у всякаго человѣка, были свои слабости, недостатки и они вредили ему въ жизни не менѣе его враговъ“.

Юбилей не только вызвалъ въ данную минуту нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ о Ломоносовѣ, но вообще указалъ важность историческаго вопроса, и дѣйствительно съ тѣхъ поръ опредѣленіе его біографіи и историческаго значенія становится на прочную почву фактическаго изученія. Таковы были изданія матеріаловъ и изслѣдованія гг. Куника, Билярскаго, Ламанскаго, Будиловича, Пекарскаго, Любимова и др. ¹⁾.

Наконецъ новый богатый матеріалъ для объясненія Ломоносова должно доставить обширное академическое изданіе сочиненій Ломоносова (до сихъ поръ два тома), обставленное подробными, иногда даже черезъ-чуръ, примѣчаніями, гдѣ собраны варіанты къ различнымъ сочиненіямъ Ломоносова по его рукописямъ и прежнимъ изданіямъ, указаны историческія обстоятельства, при которыхъ эти произведенія возникали, отмѣчены и приведены иногда цѣликомъ иностранныя произведенія, которымъ подражалъ Ломоносовъ или изъ которыхъ что-либо заимствовалъ, объяснены ли-

---

¹⁾ Литература о Ломоносовѣ собрана была библиографически Пономаревымъ и Межовымъ; главный біографическій матеріалъ указанъ Пекарскимъ при біографіи Ломоносова. За последнее время особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія книги:

— Сборникъ матеріаловъ для исторіи имп. Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. Издалъ А. Куникъ. 2 части. Спб. 1865.

— П. Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова. Спб. 1865.

— Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его 1765—1865 года, апрѣля 4-го дня. Сообщилъ В. И. Ламанскій. Москва, 1865.

— Пекарскій, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Спб. 1865.

— А. Будиловичъ, М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности. Спб. 1869;—Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. I. Указатель хронологической послѣдовательности учено-литературныхъ работъ Ломоносова. II. Особенности его языка и стили. III. Размѣръ и характеръ его научныхъ средствъ. IV. Отрывки незавершенныхъ сочиненій Ломоносова. Спб. 1871.

— Пекарскій, Исторія Академіи наукъ, т. II. Спб. 1873, стр. 259—963, наиболѣе полная, хотя только внѣшняя, біографія Ломоносова, гдѣ приняты во вниманіе всѣ ранѣе извѣстныя матеріалы, а также введены и нѣкоторыя новыя архивныя данныя.

— Жизнь и труды Ломоносова, съ приложеніемъ его портрета, исполненнаго гелиотипією. Часть первая. Н. Любимова. М. 1872. (Второй части не было).

— Соловьевъ, Ист. Россіи. Т. XXII. Изд. 2-е. М. 1880, стр. 274 и д.

тературныя черты содержанія и стили и т. д. ¹⁾). Для будущаго біографа и литературно-историческаго изслѣдователя это изданіе доставляетъ богатый источникъ справокъ.

Мы должны предположить извѣстной біографію Ломоносова и остановимся въ ней лишь на нѣкоторыхъ чертахъ, которыя были или считались особенно важными для опредѣленія его характера. Въ юбилейной литературѣ Ломоносовъ въ особенности былъ изображаемъ какъ чисто русскій національный дѣятель науки, человѣкъ изъ народа, потому врагъ нѣмцевъ, одинъ защищавшій противъ нихъ интересы русскаго образованія: онъ былъ таковъ именно потому, что былъ „поморъ“... Несомнѣнно, что въ общемъ счетѣ условій, которыми опредѣляется окончательно историческій складъ характера, весьма важны бывають условія первоначальной среды, дающія первый толчокъ пробуждающейся мысли, первую складку нравственной и умственной природы. Не безразлично было поэтому то обстоятельство, что Ломоносовъ былъ уроженецъ края съ энергическимъ трудовымъ населеніемъ, съ преданіями свободнаго крестьянства, не знавшаго крѣпостной зависимости, наконецъ съ воспоминаніями о недавнихъ пребываніяхъ въ этомъ краѣ Петра Великаго. Родиной Ломоносова была, по словамъ Соловьева, „поморская или бѣломорская страна, пустынная, холодная, но прилегавшая къ морю, которое принадлежало Европѣ, на которомъ появлялся европейскій корабль. Сюда явился очень скоро молодой преобразователь, жаждавшій моря; эта страна впервые почувствовала прикосновеніе его сильной руки. Страна, народонаселеніе которой давно привыкло къ трудной и опасной, развивающей силы, дѣятельности, давно привыкло къ тѣмъ явленіямъ, которыя стояли теперь на очереди, сильно потребовались, эта страна наполнилась новымъ духомъ, новымъ движеніемъ; кто-то сильный, необыкновенный явился, пришелъ, оставилъ неизгладимые слѣды, поразилъ воображеніе, овладѣлъ памятью народа. Всюду для людей чуткихъ, исполненныхъ силы, слышались слова: „Иди за мной, время наступило!“ Подъ такими впечатлѣніями богатырскаго времени Новой Россіи воспитывался одаренный великою духовною силою сынъ холмогорскаго рыбака... Работа съ отцомъ, морскія плаванія и промыслы, укрѣпляя его физическія силы, дѣлали изъ

¹⁾ Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изд. имп. Академіи наукъ. Томъ I. Спб. 1891; т. II, 1893.

него богатыря и тѣломъ. Богатырь не усидитъ въ отцовскомъ домѣ; его тянетъ на подвигъ, а подвигъ новой, преобразованной Россіи—не разминать въ степи плечо богатырское, а развивать умъ наукою въ шволѣ⁶. Главное было однако въ томъ, что этотъ сынъ рыбака одаренъ былъ великою духовною силою. Люди, ставшіе великими поклонниками Петра и исполнителями поставленныхъ имъ задачъ въ области просвѣщенія и гражданской жизни, выходили изъ всѣхъ странъ Россіи, изъ всѣхъ слоевъ общества и изъ всѣхъ поколѣній, которыхъ коснулась его эпоха: это былъ и подмосковный крестьянинъ Посошковъ, человѣкъ стараго вѣка, и московскій бояринъ Татищевъ, и малороссъ Прокоповичъ, и молдавскій аристократъ Кантемиръ; всѣ они работали для одной цѣли русскаго просвѣщенія по мѣрѣ своихъ силъ, по размѣрамъ своего пониманія,—но именно у Ломоносова эти размѣры были необычны. Поэтому его служеніе русскому просвѣщенію получило такую широту, какой до него еще не было видано, и которая доставила ему господствующее положеніе. Ему помогли природныя задатки его физической и умственной силы, но направленіе этихъ силъ уже не зависѣло отъ спеціальнаго мѣста его родины: прошло почти дѣвять лѣтъ со времени его рожденія, и его родина не дала другого человѣка, который представлялъ бы хотя отдаленное подобіе этой силы ума и характера.

То содержаніе, къ которому направилась умственная работа Ломоносова, было именно содержаніе тогдашней европейской науки. Новыя изслѣдованія не оправдываютъ предположенія или утвержденія его крайнихъ панегиристовъ, что онъ намѣчалъ особые, національные пути науки; специалисты приходятъ къ убѣжденію, что онъ былъ, безъ сомнѣнія, сильный логическій умъ, остроумный и оригинальный наблюдатель, но, — быть можетъ, вслѣдствіе слишкомъ разбросанной его дѣятельности (въ чему онъ былъ вынуждаемъ и самими обстоятельствами),—онъ не занялъ въ наукѣ своего времени первенствующаго и руководящаго положенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ не думалъ вовсе выдѣлять изъ этой цѣлой науки какое-нибудь особое, спеціальное, національное направленіе. Какъ дальше увидимъ, наука, напротивъ, казалась ему единымъ цѣлымъ, общечеловѣческимъ достояніемъ, и онъ стремился только къ тому, чтобы это достояніе было усвоено и русскими умами, обогащалось потомъ и ихъ участіемъ въ общемъ трудѣ. Для этой „западной“ науки, которую онъ считалъ общечеловѣческою, было у него одно только противоположеніе—мракъ невѣжества, одинаково и невѣжества иноземнаго и русскаго. Останавливаясь на этомъ вопросѣ историче-

свой заслуги Ломоносова, его биографъ, натуралистъ, замѣчаетъ: „...труды Ломоносова были скорѣе образчики трудовъ, чѣмъ труды, доведенные до конца. Но именно въ томъ обстоятельствѣ, что, несмотря на свои несовершенства, труды эти могутъ быть, по справедливости, признаны трудами самостоятельнаго мастера, въ этомъ полномъ равенствѣ *перваго* русскаго академика съ современными ему представителями европейской науки и заключается великое для насъ значеніе Ломоносова какъ перваго русскаго ученаго. Нѣтъ ничего фальшивѣе стремленія выискивать въ Ломоносовѣ представителя русской науки и русской цивилизаціи, какъ чего-то особаго отъ науки и цивилизаціи „запада“, иною мѣрою измѣряемаго, иному міру принадлежащаго. Ничто такъ не противорѣчитъ всему характеру дѣятельности Ломоносова, всему духу Петровскаго преобразованія, какъ такое стремленіе противопоставлять русское европейскому, вмѣсто того, чтобы противопоставлять его французскому, англійскому или германскому, на равномъ правѣ въ европейской семьѣ... Истинное значеніе Ломоносова, какъ ученаго, въ томъ, что онъ былъ первымъ русскимъ ученымъ въ европейскомъ смыслѣ, живымъ оправданіемъ замысла Петра ввести Россію, какъ равнаго члена, въ семью европейскихъ народовъ. Ломоносовъ былъ ученый въ томъ же смыслѣ, какъ его знаменитые учителя и его талантливые товарищи. Заслуги Ломоносова достаточно велики, онѣ не нуждаются ни въ преувеличеніи, ни въ фальшивомъ освященіи“¹⁾.

Тотъ же биографъ находитъ фальшивымъ и другое стремленіе—изобразить Ломоносова „непонятымъ, неоцѣненнымъ и изнемогающимъ въ борьбѣ съ завистью и недоброжелательствомъ академикомъ-нѣмцевъ, свившихъ будто бы себѣ теплое гнѣздо въ Петербургѣ и старающихся повредить дѣлу русскаго просвѣщенія“. На этотъ разъ обвинители академикомъ-нѣмцевъ были не совсѣмъ неправы, потому что дѣятельность такихъ людей, какъ Шумахеръ или Таубертъ, представляла дѣйствительно поводы къ справедливому негодованію Ломоносова, несомнѣнно ближе принимавшаго къ сердцу интересы русскаго просвѣщенія, тогда какъ на другой сторонѣ гораздо больше, если не исключительно, имѣлась въ виду только личная выгода. Но съ другой стороны, во-первыхъ, самъ Ломоносовъ былъ не изъ такихъ людей, которые давали себя въ обиду, какъ сейчасъ увидимъ, а во-вторыхъ, едва ли не самая большая вина раздоровъ въ средѣ академіи лежала въ ея общемъ неустройствѣ, причиною котораго были сами рус-

¹⁾ Любимовъ, стр. 189 и далѣе.

скіе люди. Дѣйствительно, исторія академіи за большую половину ея существованія въ XVIII вѣкѣ поражаетъ обиліемъ раздоровъ и непорядковъ, происходившихъ отъ крайней неопредѣленности ея общаго положенія. Академія была въ русскомъ обществѣ совершенно новымъ учрежденіемъ, къ которому какъ будто бы сама власть не знала какъ относиться. Ея члены были въ первое время иностранцы, почти исключительно приглашаемые только на извѣстный срокъ по контрактамъ; ихъ наука была дѣломъ совсѣмъ невѣдомымъ и ихъ ученые требованія должны были приниматься на вѣру, потому что некому было о нихъ судить; само высшее управленіе было неопредѣленно, потому что академіей распоряжались и президентъ, и дворъ, и сенатъ; вѣстѣ съ тѣмъ, съ академіей надо было обращаться бережно, она была необходима, потому что, за рѣдкостью настоящихъ ученыхъ людей, на членовъ академіи взымали исполненіе самыхъ разнородныхъ дѣлъ: на ихъ попеченіи были ученые экспедиціи для описанія Россіи, что считалось необходимымъ по разнымъ соображеніямъ; они должны были заниматься „инвенціями“ въ своихъ наукахъ и поддерживать славу петербургской академіи въ ученомъ мірѣ для блеска имперіи; къ нимъ обращались за свѣденіями въ дѣловыхъ вопросахъ, гдѣ требовалось специальное значеніе; они должны были наблюдать за учебными учрежденіями и иногда приходилось имъ, въ случаѣ надобности, быть высшими экзаменаторами для питомцевъ другихъ заведеній; они должны были издавать ученые и общепользныя книги (изъ послѣднихъ, напр., календарь); наконецъ, они же, особенно русскіе академики, должны были поставять торжественныя рѣчи и стихотворныя произведенія, имъ приказывалось сочинять не только оды, но и трагедіи, переводить либретто для придворныхъ спектаклей, писать стихи или надписи на иллюминаціи, фейерверки и т. п. За учеными людьми признавалась нѣкоторая привилегія ихъ особой службы, непонятной для людей обыкновенныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ администраціи академіи господствовалъ нерѣдко настоящій хаосъ, гдѣ лица, къ ней принадлежащія, не могли разобраться въ своихъ правахъ и взаимныхъ отношеніяхъ. Надо думать, что еслибы жилъ Петръ, этотъ внутренній распорядокъ установился бы такъ или иначе, потому что онъ самъ заинтересованъ былъ дѣломъ; но послѣ него, въ теченіе цѣлыхъ десятильетъ, не было ни настоящаго интереса къ истиннымъ задачамъ академіи, ни пониманія того, какъ можетъ быть правильно устроена внутренняя жизнь ученаго учрежденія. При господствующихъ нравахъ должно было кончиться тѣмъ, что академическія дѣла ока-

жуются въ рукахъ ловкаго человѣка, который съумѣетъ ладить съ вліятельными людьми: такимъ человѣкомъ оказался дѣйствительно Шумахеръ... Въ среду этого хаоса и попалъ Ломоносовъ при своемъ вступленіи въ академію. Понятно, что въ академическихъ неурядицахъ виноваты были не одни нѣмцы, но и тѣ русскіе люди, которые не умѣли упрочить правильнаго существованія ученаго учрежденія: при Елизаветѣ президентомъ академіи былъ человѣкъ русскій, гр. К. Г. Разумовскій, правою рукою его въ академическихъ дѣлахъ былъ другой русскій, Тепловъ, а передъ тѣмъ, когда въ 1742 году, вслѣдствіе жалобъ, поданныхъ отъ многихъ лицъ въ самой академіи на Шумахера, учреждена была особая слѣдственная коммиссія, во главѣ ея стоялъ опять русскій человѣкъ, адмиралъ гр. Головинъ, а однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ былъ другой русскій человѣкъ, президентъ коммерцъ-коллегіи, князь Юсуповъ. Попалъ подъ слѣдствіе и только-что передъ тѣмъ вступившій въ академію Ломоносовъ и очутился въ числѣ „колодниковъ коммиссіи“...

Какъ мы сказали, Ломоносовъ несомнѣнно преданъ былъ пользамъ русской науки, но, къ сожалѣнію, его способъ дѣйствій былъ таковъ, что онъ нерѣдко или самъ давалъ противъ себя оружіе своимъ врагамъ, или, когда уже пользовался въ академіи большимъ авторитетомъ, не умѣлъ оставаться въ границахъ справедливости... По возвращеніи изъ-за границы онъ нашелъ академію въ томъ состояніи безпорядка, о которомъ мы говорили; онъ присталъ къ Нартову, хотѣвшему защищать интересы академіи противъ Шумахера: въ академіи уже не было „Петромъ Великимъ выписанныхъ славныхъ людей“; они уѣхали, какъ всѣ говорили, отъ Шумахера, а ихъ мѣста заняли люди, къ которымъ онъ не имѣлъ уваженія. Ломоносовъ сталъ бывать „шуменъ“, а въ такихъ случаяхъ онъ бывалъ весьма беспокоенъ. „Намъ тяжело теперь говорить о порокахъ,—замѣчаетъ Соловьевъ, —которому былъ подверженъ Ломоносовъ, о тѣхъ поступкахъ, которые были слѣдствіемъ его шумства, но мы знаемъ, что современники смотрѣли на это шумство и безпорядки, отъ него происходившіе, гораздо снисходительнѣе. Французскіе писатели средины XVII вѣка съ радостію отзываются, что пьянство вывелось у нихъ въ высшихъ кругахъ и предоставлено низшимъ. Германія, отстававшая въ это время отъ Франціи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, отстала и въ этомъ“... Но въ этомъ „шуму“ Ломоносовъ творилъ вещи весьма жестокія. Въ 1742 году на него жаловался академическій садовникъ Штурмъ: „Пришедъ ко мнѣ въ горницу и говорилъ, какіе нечестивые гости у меня си-

дять, что епанчу его украли, на что ему отвѣтствовалъ бывшій у меня въ гостяхъ лекарь Брашке, что ему, Ломоносову, непотребныхъ рѣчей не надлежитъ говорить при честныхъ людяхъ, за что онъ его въ голову ударилъ, и схватя болванъ, на чемъ парики вѣшаютъ, и почалъ всѣхъ бить и слугѣ своему приказывалъ бить всѣхъ до смерти (!), и выскочивъ я изъ оконъ и почалъ караулъ звать, и пришедъ я назадъ, засталъ я гостей своихъ на улицѣ битыхъ, и жену свою прибитую*, и проч. ¹⁾ Полиція забрала Ломоносова и, какъ адъютанта академіи, отослала въ академію; но такъ какъ это случилось именно въ то время, когда шло въ упомянутой комиссіи слѣдствіе по жалобамъ на Шумахера и академіей правилъ Нартовъ, то эта исторія кончилась для Ломоносова безъ послѣдствій. Затѣмъ, однако, произошла другая. Въ слѣдующемъ году самъ Ломоносовъ былъ привлеченъ къ допросу въ комиссіи по жалобѣ профессоровъ академіи. Они писали: „Сего 1743 года апрѣля 26 дня предъ полуднемъ онъ Ломоносовъ въ противность всѣмъ честнымъ и разумнымъ поступкамъ, напившись пьянъ, приходилъ съ крайнею наглостію и бесчинствомъ въ ту палату, гдѣ профессора для конференцій за-сѣдаютъ и въ которой въ то время профессорскаго собранія хотя и не было, однакожъ находился тамъ при архивѣ конференціи профессоръ Винсгеймъ и при немъ были канцеляристы... Ломоносовъ, не поздравивши никого и не скинувъ шляпы (какъ бы ему по учтивству здѣлать надлежало), мимо ихъ прошелъ въ географической департаментъ, гдѣ рисуютъ ландкарты, а идучи около профессорскаго стола, ругаясь оному профессору, остановился и весьма неприличнымъ образомъ бесчестной и крайнѣ поносной знакъ самымъ подлымъ и бесстыднымъ образомъ руками противъ нихъ сдѣлавъ ²⁾, пошелъ въ оной географической департаментъ... Въ томъ департаментѣ, гдѣ онъ шляпы такъ же не скинулъ, поносилъ онъ профессора Винсгейма и всѣхъ прочихъ профессоровъ многими бранными и ругательными словами, называя ихъ плутами и другими скверными словами, чего и писать стыдно... Сверхъ того грозилъ онъ профессору Винсгейму, будучи еще въ той же палатѣ, ругая его всякою скверною бранью, что де онъ ему зубы поправить, а совѣтника Шумахера притомъ называлъ воромъ. Вышедъ изъ географическаго департамента, пришелъ возвратно въ конференцію... и всѣхъ профессоровъ бранилъ скверными и ругательными словами и ворами на-

¹⁾ См. подробности этой баталіи у Биларскаго, стр. 9—14.

²⁾ Т.-е. показавъ кукишъ.

зывать, за то что ему отъ профессорскаго собранія отказали, и повторяя оную брань неоднократно сказывалъ съ великимъ бесчинствомъ и посмѣяніемъ, чтобъ то въ журналъ записалъ". Профессоры просили приказать арестовать Ломоносова „и рассмотря показанное намъ отъ него несносное бесчестіе и неслыханное ругательство повелѣтъ учинить надлежащую праведную сатисфакцію, безъ чего академія болѣе состоять не можетъ, потому что ежели намъ въ такомъ поруганіи и бесчестіи остаться, то никто изъ иностранныхъ государствъ впредь на убылныя мѣста пріѣхать не захочетъ, такъ же и мы себя за недостойныхъ признавать должны будемъ, безъ возвращенія чести нашей, служить ей имп. велич. при академіи, понеже во всѣхъ государствахъ, гдѣ есть академіи, такого ругательнаго примѣра, какъ намъ случилось, не бывало". Призванный въ комиссію, Ломоносовъ и здѣсь не унялся, на вопросы комиссіи „онъ Ломоносовъ сказалъ: я де по пустому отвѣтствовать не буду и надо мною главную имѣть команду академія, а не комиссія, и надлежитъ де ево требовать отъ академіи, а безъ того въ допросъ не пойдетъ и ничего де со мною комиссія сдѣлать не можетъ. И сверхъ того предъ присудствіемъ кричалъ онъ, Ломоносовъ, неучтиво и смѣялся“¹⁾... За это однако онъ былъ арестованъ и оставался при комиссіи „володникомъ“, повидимому, отъ іюня 1743 до января 1744, когда послѣдовала по этому дѣлу резолюція сената²⁾. Она была очень мягкая: Ломоносовъ былъ освобожденъ отъ наказанія „ради его довольнаго обученія“, велѣно было выдавать ему только половинное жалованье, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ велѣно было по высочайшему указу выдавать ему прежнее жалованье.

Сенатская резолюція очень любопытна, какъ свидѣтельство о самомъ положеніи науки и литературы: въ самомъ сенатѣ (надо впрочемъ думать, не безъ отголосковъ отъ двора) сказалось уваженіе къ человѣку, который былъ тогда единственнымъ сильнымъ представителемъ науки изъ русскихъ; въ немъ берегли ея надежду въ будущемъ, — хотя все-таки долго держали володникомъ. Быть можетъ, еще больше цѣнили въ немъ стихотворца: за время своего заключенія Ломоносовъ не забылъ придворныхъ торжествъ, и его оды производили большое впечатлѣніе...

Такимъ образомъ характеръ былъ вовсе не таковъ, чтобы Ломоносова можно было представлять угнетаемымъ защитникомъ интересовъ русской науки въ академіи. Можно скорѣе пожалѣть,

¹⁾ Тамъ же, стр. 88 и далѣе.

²⁾ У Пекарскаго это изложено не совсѣмъ ясно.

что всѣ условія положенія русской науки были крайне неблагопріятны по непониманію или равнодушію къ истиннымъ пользамъ русской науки въ тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ зависѣло обезпечить ея положеніе ¹⁾. Можно пожалѣть, что Ломоносовъ не направлялъ своей энергіи въ защиту русскихъ интересовъ болѣе цѣлесообразно: драки, ругательства, поправление зубовъ и самыя кулипи нѣмецкимъ академикамъ не могли означать успѣховъ русской науки (впослѣдствіи еще на сотню лѣтъ академія все-таки не обходилась безъ выписныхъ нѣмцевъ), и при такихъ нравахъ академія дѣйствительно „не могла состоять“. Можно пожалѣть, что желаніе господствовать въ академіи и необузданность характера помѣшали установиться здравымъ отношеніямъ Ломоносова съ двумя нѣмецкими академиками, которые оказали тогда и послѣ великія заслуги для русской науки, именно для русской исторіографіи. Это были Шлёцеръ и Миллеръ. Ни тотъ, ни другой тоже не были уступчиваго характера, и особенно раздоръ Ломоносова, съ Миллеромъ былъ несомнѣнно вреденъ для успѣховъ едва возникавшаго историческаго знанія. Тѣ неправильности, въ которыхъ Ломоносовъ обвинялъ Миллера, могли быть, какъ ученое мнѣніе, предметомъ спеціальной критики, а не предметомъ обвиненія въ политическомъ недоброжелательствѣ, могли быть найдены неудобными въ официальной рѣчи, но не достойными осужденія по существу. Громадный историческій трудъ, совершенный Миллеромъ въ теченіе его жизни, остается лучшимъ оправданіемъ Миллера противъ обличеній, которыми осыпалъ его Ломоносовъ; такимъ же образомъ Ломоносовъ, который не могъ не видѣть исключительныхъ дарованій Шлёцера и самъ признавалъ ихъ, никакъ не хотѣлъ допустить его занятій русской исторіей изъ-за опасенія его „иностраниства“, „худого характера“ и возможныхъ съ его стороны „занозливыхъ“ рѣчей о Россіи, не предвидѣлъ, что этотъ самый Шлёцеръ станетъ для русскихъ изслѣдователей учителемъ исторической критики.

Эта вражда къ нѣмцамъ изображается обыкновенно какъ особая патріотическая заслуга, хотя, быть можетъ, иногда преувеличенная; но эти преувеличенія были настоящей и печальной ошибкой.

¹⁾ Между прочимъ даже просто хозяйственное. Однажды случилось, что Ломоносову „на пропитаніе“ выдано было изъ академіи, вѣсто жалованья, на 80 рублей книгами. Въ другой разъ мы читаемъ, что въ 1749 году Татищевъ, желавшій, чтобы Ломоносовъ написалъ къ его Исторіи посвященіе вел. кн. Петру Фёдоровичу, послалъ ему въ подарокъ 10 рублей: „Онъ имъ очень доволенъ,—писалъ къ Татищеву Шумахеръ,—и слѣдующій понедѣльникъ будетъ самъ благодарить за то“. Печарскій, стр. 416.

Дѣло въ томъ, что пока не исполнились надежды Ломоносова, что русская земля будетъ рождать собственныхъ Платоновъ и Невтоновъ, русскія научныя силы были до крайности скудны и, въ серьезномъ смыслѣ слова, въ тѣ годы ограничивались однимъ Ломоносовымъ. Только собственная бѣдность заставила обращаться къ иноземнымъ учителямъ, и мелочная, грубая война съ ними нисколько не помогала дѣлу русскаго просвѣщенія; надо было заботиться только о томъ, чтобы ихъ ученость шла больше на пользу ихъ русскимъ питомцамъ и чтобы въ русскомъ обществѣ укрѣплялось уваженіе къ наукѣ, водворенію котораго вовсе не помогали уномянутыя баталіи. А въ укрѣпленіи уваженія къ наукѣ такіе нѣмцы, какъ Миллеръ или Шлёцеръ, могли бы быть для Ломоносова именно чрезвычайно полезными союзниками, а не врагами, какими онъ ихъ дѣлалъ. Изъ позднѣйшихъ отзывовъ, напримѣръ Шлёцера, можно видѣть, что хотя способъ дѣйствій Ломоносова и оставилъ въ нѣмецкомъ ученомъ извѣстное враждебное чувство, но вовсе не помѣшалъ признанію его высокихъ достоинствъ, на почвѣ которыхъ было бы возможно ихъ совмѣстное дѣйствіе на пользу русской науки.

Для объясненія этихъ отношеній, гдѣ европейское образованіе встрѣчалось почти впервые лицомъ къ лицу съ умственными запросами русскаго общества, и гдѣ въ русскомъ обществѣ въ первый разъ являлась профессія ученаго человѣка и писателя, надо вспомнить вообще, какъ относилось это общество къ наукѣ и литературѣ и ихъ представителямъ. Это отношеніе было двойственное. Съ одной стороны люди, нѣсколько чуткіе къ умственнымъ интересамъ и нѣсколько приготовленные къ ихъ уразумѣнію, находили удовольствіе въ новой литературѣ, чувствовали почтеніе къ начинавшимъ появляться русскимъ ученымъ трудамъ—въ этихъ трудахъ видѣлось отраженіе, собственный опытъ въ той наукѣ европейской, о которой много слышали, хотя мало знали и къ которой питали инстинктивное, какъ бы ребячески суевѣрное уваженіе. Подъ вліяніемъ знакомства съ европейскими нравами, особливо при посредствѣ двора и заѣзжихъ иностранцевъ, и по воспоминаніямъ о трудахъ Петра, начинали думать, что литература (хотя бы на первый разъ въ видѣ торжественной оды и придворнаго спектакля съ русскими пьесами) и наука (хотя бы въ видѣ академіи изъ иностранцевъ съ двумя, тремя русскими членами, съ учеными работами на латинскомъ языкѣ, а иногда и на русскомъ) служатъ къ украшенію двора и даже къ національной славѣ: пріятно было думать, что мы и въ этомъ не уступаемъ иноземцамъ, между которыми заняли такое блистательное

положеніе во внѣшней политикѣ. Эта черта національнаго самодовольства встрѣтится намъ безпрестанно, когда мы будемъ слѣдить за понятіями тогдашнихъ людей о русской литературѣ и наукѣ. Очень рѣдко встрѣтится мысль, что литература нужна для общества, масса котораго находится въ состояніи грубѣйшаго невѣжества, но гораздо чаще, даже постоянно, встрѣчается самодовольная мысль, что мы сравнивались съ Европой, что мы не уступимъ иностранцамъ, и такъ какъ наша литература ставилась въ непосредственную связь съ классической и ново-европейской, особливо французской, то достоинства нашей литературы указывались не въ какой-либо чертѣ ея внутренняго содержанія, а въ *сравненіи*: писатель, произведшій нѣсколько одъ въ искусственномъ стилѣ высокопарнымъ языкомъ, былъ уже готовымъ Пиндаромъ; другой, накропавшій нѣсколько трагедій въ рабскомъ подражаніи французской драмѣ, считался, и даже простодушно самъ считалъ себя, русскій Расиномъ, а встаети и Вольтеромъ; затѣмъ нашлись русскіе Гомеры, Лафонтены и т. д. Цѣль казалась достигнутой. Самимъ русскимъ Вольтерамъ не приходило въ голову мысль, что, не говоря о классической литературѣ, въ самой, ближе знакомой литературѣ французской, кромѣ одъ и трагедій есть еще нѣчто другое — есть глубокое научное содержаніе, есть работа философской и общественной мысли, которая была результатомъ многовѣковой исторіи, и что въ концѣ концовъ сравненіе выходило чистымъ ребячествомъ: изъ этого богатства западной умственной жизни къ намъ доходили только отдѣльные отрывки, какъ эпизодъ и анекдотъ, не связанный съ нашей собственной исторіей и потому принимаемый поверхностно и отрывочно... Но въ глубинѣ этого общества еще въ полной силѣ была ветхая старина. Какъ нѣкогда болѣе высокій умственный интересъ жилъ только въ небольшомъ кругу людей, такъ это было и теперь. Литература и наука, начинавшіяся теперь въ соприкосновеніи съ Европой, были еще такъ новы и школа еще такъ мало къ нимъ подготовляла, что литература дѣйствительно могла казаться „Фруктами и Конфетами на богатый столъ по твердыхъ кушаніяхъ“, и притомъ только „на богатый столъ“, какъ писалъ Тредьяковский, а наука должна была казаться, конечно, дѣломъ полезнымъ въ разныхъ практическихъ случаяхъ, но въ существѣ своемъ была громадному большинству или совершенно неизвѣстна, или представлялась пустымъ умствованиемъ, или, наконецъ, казалась вещь „душевредительной“, какъ полагалъ о нѣкоторыхъ наукахъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, Татищевъ... Ученые люди были въ рѣдкость. Это бывали,

напримѣръ, или такія высовопоставленныя духовныя лица, какъ Теофанъ Прокоповичъ, или иностранцы, которымъ издавна полагалось быть „хитрыми“ въ разныхъ наукахъ, или, наконецъ, такіе выученики духовныхъ академій, которые почти исключительно состояли изъ людей низшаго званія, по тогдашнему „мизирныхъ“, которые не могли претендовать на какую-нибудь роль среди людей высшаго круга. Это представленіе въ значительной мѣрѣ, или сполна, было перенесено на новыхъ писателей, которые выступили на сцену въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XVIII вѣка. Это дѣлалось само собою. Новые писатели съ своими торжественными одами и инымъ риторическимъ стихотворствомъ, которое можно было заказывать, прямо смѣняли прежнихъ академическихъ школьникоу, и въ высшихъ кругахъ думали, что ихъ можно ставить на одну доску: нерѣдко ихъ и дѣйствительно можно было ставить на одну доску. Такимъ образомъ въ то самое время, когда новые писатели воображали себя российскими Расинами и Вольтерами, въ высшемъ кругу, гдѣ все-таки собиралось нѣкоторое образованіе, на нихъ смотрѣли весьма пренебрежительно, какъ на людей, занимающихся пустяками. Въ противоположность этому сами писатели были о себѣ очень высокаго мнѣнія, и справедливо замѣчено было, что, напримѣръ, самохвальство Сумарокова, которое бросается въ глаза своей безмѣрностію, могло быть не излишнимъ для того, чтобы указывать невѣждамъ достоинство литературы и литературнаго труда. Тѣмъ не менѣе, извѣстно, что хотя Сумароковъ былъ старый дворянинъ и довольно чиновный человѣкъ, а Ломоносовъ былъ ученый академикъ, уважаемый и при дворѣ, такой меценатъ, какъ Шуваловъ, находилъ, какъ говорятъ, потѣху въ томъ, чтобы сраивать ихъ между собой въ роли домашнихъ шутовъ, какіе тогда были въ модѣ. Извѣстное меценатство XVIII-го вѣка, которое, впрочемъ, не было на дѣлѣ особенно щедро и поощряло только писаніе торжественныхъ одъ, къ чему и находило множество охотниковъ, не свидѣтельствовало, конечно, о высокомъ уровнѣ литературы. Рядомъ съ этимъ меценатствомъ возможны были и такіе факты, какъ гнусное избіеніе Тредьяковскаго Волынскимъ. Замѣтимъ впрочемъ, что этотъ послѣдній случай указываетъ не только приниженное состояніе литературы, но вообще страшную грубость нравовъ того вѣка. Волынский былъ человѣкъ необузданный и билъ не только такихъ незначительныхъ людей, какъ Тредьяковскій ¹⁾. Такъ было при Аннѣ

¹⁾ Гр. Салтыковъ предостерегалъ однажды Волынскаго объ его самоуправствѣ: „Я вѣдаю, что друзей вамъ почти нѣтъ, и никто съ добродѣтелью объ имени вашемъ и упомянуть не хочетъ. На кого осердились, велишь бить при себѣ и самъ изъ

Ивановнѣ; но такъ же бывало и при Елизаветѣ. Извѣстный Порошинъ въ своихъ запискахъ передаетъ (подъ 1764 годомъ) рассказы Никиты Ивановича Панина объ одномъ генералѣ, который между прочимъ „разсуждалъ, какіе недотыки нынѣ люди стали, не лзя выбранить, а бывало-де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь“; а гр. Чернышевъ передавалъ, „въ какой чрезвычайной силѣ былъ тогда (при императрицѣ Елизаветѣ) графъ Алексѣй Григорьичъ; графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ всегда ѣзжалъ съ нимъ въ Москвѣ на охоту, и гр. Мавра Егоровна молебны пѣвала по возвращеніи ихъ, что Петръ Ивановичъ батожьемъ отъ него не сѣченъ. Алексѣй Григорьичъ весьма неспокоенъ бывалъ пьяный“ ¹⁾. Не удивительно, что при такихъ обычаяхъ и Ломоносовъ могъ возымѣть желаніе „поправлять зубы“ своимъ нѣмецкимъ коллегамъ... Но если тогдашнее мещанство важныхъ господъ сопровождалось униженіемъ писателей, то и между ними находились люди, которые именно во имя своего литературнаго значенія держали себя весьма независимо. Таковъ былъ, напримѣръ, Сумароковъ, который воевалъ даже съ московскимъ главнокомандующимъ; таковъ былъ и Ломоносовъ, и у него эта независимость была еще тѣмъ болѣе замѣчательна, что онъ былъ человѣкъ, по тогдашнему, „подлаго рода“, чѣмъ попрекалъ его даже Тредьяковский. Много разъ цитировано было знаменитое письмо его къ Шувалову (въ январѣ 1761), который хотѣлъ мирить его съ Сумароковымъ. Несмотря на все почтеніе, какое имѣлъ онъ къ своему покровителю, Ломоносовъ читаетъ ему серьезный урокъ: „Никто въ жизни меня больше не избѣдѣлъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть какое-нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ... Вдругъ

своихъ рукъ бьешь: что въ томъ хорошаго? Всѣхъ на себя озаобишь“. Внѣдствіи, когда совершался судъ надъ Волинскимъ, по дѣлу Тредьяковского его винили не въ томъ, что онъ былъ Тредьяковский, а въ томъ, что былъ его во дворцѣ, въ покояхъ Вирона, „и тѣмъ оказалъ неуваженіе къ государинѣ, а ему, владѣтельному герцогу, нанесъ чувствительную обиду, уже извѣстную и при иностранныхъ дворахъ“.

¹⁾ Прибавимъ еще черту тогдашняго княжнаго общества. „Послѣ стола, — разсказываетъ опять Порошинъ, — разговаривали о временахъ при покойной государинѣ императрицѣ. Никита Ивановичъ разсказывалъ о банкахъ, которые графъ Алексѣй Григорьичъ Разумовскій дѣлывалъ и нарочно проигрывалъ; какъ у него Настасья Михайловна и другіе изъ банку крадывали деньги, и послѣ щедрость его въ надлежащемъ мѣстѣ вихваливали, да не только такіа Настасья Михайловна, но и люди со всѣмъ безважно притомъ пользовались. За княземъ Иваномъ Васильевичемъ одинъ разъ подмѣтали, что тысячи полторы въ шляпѣ перетаскалъ, и въ сѣняхъ отдавалъ слугѣ своему“. „Записки“. Спб. 1844, стр. 69—72.

слышу: помирись съ Сумароковымъ! т.-е. сдѣлай смѣхъ и позоръ!.. Связись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другою не говоритъ, какъ только всѣхъ бранить, себя хвалить, и бѣдное свое преимущество выше всего человѣческаго знанія ставитъ... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показавъ я вамъ послушаніе... Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лутчія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю... А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, который всѣ прочія знанія позорить, которыхъ и духу не смыслить... Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самаго Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ“ ¹⁾).

Кромѣ этой внѣшней безправности литературы была еще болѣе глубокая безправность внутренняя. Подъ новыми европейскими вліяніями, которыя хотя медленно, но постоянно расширялись, должно было возникать представленіе объ извѣстномъ самостоятельномъ значеніи литературы: ея содержаніе должно было представлять самостоятельную мысль человѣка ученаго и самостоятельное произведеніе поэта. Къ этому представленію могли приходить уже тѣ, кто еще въ концѣ XVII-го вѣка схоластически знакомился съ классической литературой древнихъ; тѣмъ больше это представленіе должно было распространяться теперь, когда возростало знакомство съ литературами европейскими. Дѣйствительно, на первыхъ шагахъ нашей новой литературы, питомецъ академической гимназіи и Теофана, Кантемиръ съ одной стороны переводитъ книгу Фонтенеля „О множествѣ міровъ“, представлявшую свободное научное мнѣніе о вопросахъ, которые считались въ понятіяхъ громаднаго большинства подлежащими исключительному вѣденію богословія, а съ другой является сатирикомъ, т.-е. въ качествѣ поэта свободнымъ наблюдателемъ и судьей недостатковъ общественной жизни, въ томъ числѣ недостатковъ officialнаго учительнаго сословія. Вы видѣли, что эти опыты были поддержаны литературными нововведеніями Петра, научными изданіями его времени съ одной стороны и Духовнымъ Регламентомъ съ другой: самъ Петръ, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, но несравненно шире, чѣмъ было когда-нибудь прежде, смотрѣлъ на право науки объяснять явленія природы и исторіи и спеціально не любилъ представителей стараго учительнаго сословія, какъ

¹⁾ Пикарскій, II, стр. 718—719.

завѣдомыхъ обскурантовъ, и это послужило тогда сильной опорой для тѣхъ, чья мысль направлялась въ область научныхъ изслѣдованій. Но уже на этомъ первомъ примѣрѣ, на трудахъ Кантемира и даже раньше на самыхъ книгахъ Петровскаго времени оказалось, что не такъ легко миновать историческій разладъ, какой заключался въ отношеніяхъ новаго направленія съ прежнимъ. Въ сущности здѣсь встрѣчались уже два совершенно противоположныхъ міровоззрѣнія. Старина даже не помышляла о возможности возымѣть какую-нибудь мысль о природѣ, о судьбахъ міра и человѣка внѣ писанія и отеческихъ твореній или, по крайней мѣрѣ, внѣ схоластическаго богословія; она не имѣла также понятія о какомъ-либо правѣ личной поэзіи, кромѣ развѣ торжественнаго стихотворства. Противорѣчіе сказалося и на дѣлѣ: переводъ Фонтенеля былъ напечатанъ, но впослѣдствіи подвергся запрещенію; сатиры Кантемира напечатаны были лѣтъ черезъ двадцать по смерти писателя и когда успѣли сильно постарѣть и по содержанію и особливо по языку. Книги Петровскаго времени, какъ мы видѣли, вызвали тогда же отчаянныя изобличенія, которыя писались Аврамовымъ, но представляли взглядъ цѣлаго круга заклятыхъ противниковъ реформы и защитниковъ добраго стараго невѣденія: по ихъ убѣжденію, какъ и слѣдовало ожидать, новыя ученія были непосредственнымъ дѣломъ исконнаго врага человѣческаго рода, діавола... Несчастный Аврамовъ еще жилъ, когда была въ полномъ разгарѣ дѣятельность Ломоносова: еслибы онъ могъ исполнѣть развить свои протесты, то къ обличеніямъ Коперника, Гюенса, Фонтенеля и Теофана Прокоповича могъ бы присоединить и обличенія Ломоносова. Какъ увидимъ, нашлись, однако, другіе люди, которые это и исполнили...

Въ своемъ введеніи въ „Исторіи Академіи наукъ“ Пекарскій остановился, между прочимъ, на этой трудности, съ которой должна была, такъ или иначе, встрѣтиться ученая дѣятельность академій; онъ назвалъ этотъ отдѣлъ такъ: „о затрудненіяхъ, встрѣчавшихся въ старину для представителей нѣкоторыхъ наукъ въ Академіи высказывать добытыя ими истины въ современномъ обществѣ“. Въ дѣйствительности, этихъ „нѣкоторыхъ“ наукъ было очень много, и если „затрудненія, т.-е. формальныя обвиненія въ нечестіи и колебаніи законовъ, встрѣчались не на каждомъ шагѣ, то лишь потому, что академическіе ученые заняты были обыкновенно спеціальными, даже чисто техническими вопросами и очень рѣдко касались общихъ основаній науки и даже прямо этого избѣгали, чувствуя, что „въ современномъ обществѣ“, слишкомъ невѣжественномъ, это было немислимо и опасно, и, пожалуй, бесполезно...

Когда при первомъ вызовѣ иностранныхъ ученыхъ въ предположенную академію, между прочимъ усиленно приглашали Христиана Вольфа, знаменитый философъ въ числѣ всякихъ отговорокъ (климатъ, другая пища и пр.) упомянулъ, наконецъ, слѣдующее, очевидно самое существенное (въ 1722): „Кромѣ того, еще одинъ главный вопросъ: долженъ ли я приниматься за осуществленіе моихъ мыслей касательно наукъ *только въ той степени*, въ какой будетъ это угодно *современнымъ русскимъ*? Въ такомъ случаѣ я, можетъ быть, буду вынужденъ оставить безъ осуществленія то, что здѣсь, въ настоящемъ моемъ положеніи, осуществилъ бы“... Его убѣждали изъ Россіи, что Петербургъ, въ отношеніи просвѣщенія, не уступить никакому германскому городу (!), но Вольфъ въ концѣ концовъ уклонился отъ приглашенія... Въ петербургской академіи процвѣтала безобидная математика, но рѣчь Делиля, въ которой утвердительно рѣшался вопросъ, вертится земля или нѣтъ, нашла въ 1728 невозможнымъ напечатать по-русски. Книга Фонтенеля, въ переводѣ Кантемира, могла быть напечатана только съ разрѣшенія высшаго начальства, но потомъ все-таки подверглась запрещенію. Какъ увидимъ, съ подобными „затрудненіями“, касавшимися, очевидно, самого существа и возможности науки, пришлось вѣдаться и Ломоносову.

Далѣе, если не легко было управиться съ вопросами о природѣ и міротвореніи, то на цѣлые десятии лѣтъ утвердилось въ официальномъ кругу, между прочимъ въ высшемъ управленіи самой академіи, представленіе, что извѣстныя истины, добываемыя научными изслѣдованіями, составляютъ государственную тайну. „Такъ,—замѣчаетъ Пекарскій,—обвиненія астронома Делиля въ сообщеніи за границу астрономическихъ наблюденій доходили даже до сената (!), а между тѣмъ извѣстно ¹⁾, что достоверность и полезность подобныхъ наблюденій получается именно чрезъ сравненіе того, что наблюдаемо астрономами въ разныхъ земляхъ“. Между прочимъ, такіа затрудненія дѣлали и такіа лица, которыя по самому своему положенію должны были бы содѣйствовать ученымъ изслѣдованіямъ, а именно самъ тогдашній президентъ академіи, баронъ Корфъ, тотъ самый, котораго Тредьяковскій изображалъ въ „мудрыхъ мудрой, въ ученыхъ ученой, въ достойныхъ достойной Особой“. Эта Особа разсудила, что „не безъ опасности есть, ежели что въ Россійскомъ государствѣ какія описанія или извѣстія учинятся, а въ иностранныя государства чрезъ нѣ-

¹⁾ Это указывалъ самъ Делиль въ объясненіяхъ сенату противъ обвиненій Шумахера.

какіе виды произнесутся, а о томъ еще не опубликовано, о чемъ и указами запрещается“, а потому президентъ академіи приказалъ „въ государственную иностранныхъ дѣлъ, въ военную, адмиральтейскую и коммерцъ коллегіи и въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи и отъ строеній послать промеморіи“, чтобы изъ этихъ коллегій и канцелярій „какія въ которой имѣются, а именно разныя провинціальныя описанія, извѣстія, книги, ландкарты и прочее по вопросамъ академіи наукъ профессорамъ и адъюнктамъ ни подъ какимъ видомъ отпущены бы не были, развѣ по письменному требованію академіи наукъ изъ канцелярій“.

По вѣроятному предположенію Певарскаго, извѣстный ученый Байеръ (первый начинатель норманской теоріи происхожденія Руси), изучавшій, между прочимъ, и китайскій языкъ, не хотѣлъ тратить времени на изученіе русскаго языка, потому что, потративъ на это время, „не могъ быть увѣренъ въ томъ, чтобы это знаніе когда-нибудь ему пригодилося, такъ какъ занятіе въ тѣ времена русскою исторіею для русскіхъ сопряжено было не только съ трудностями, но и опасностями“. Но Байеръ убѣдилъ заняться изученіемъ русскаго языка Миллера, тогда еще молодого человека, и извѣстно, какую тревогу возбудила рѣчь, предположенная Миллеромъ для произнесенія въ торжественномъ собраніи академіи подъ названіемъ „Происхожденіе народа и имени русскаго: Миллеръ едва не былъ обвиненъ въ политическомъ преступленіи. Къ сожалѣнію, въ этихъ обвиненіяхъ противъ Миллера принялъ участіе и Ломоносовъ, который всю свою жизнь относился къ нему крайне враждебно, считая его недостаточнымъ патриотомъ¹⁾. Онъ утверждалъ, что „въ каждомъ произведеніи Миллера „множество пустоши и нерѣдко досадительной и для Россіи предосудительной“; вездѣ онъ „всѣваетъ, по обычаю своему, занозливыя рѣчи“ и „больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ русскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія“. Ломоносову не нравилось и то, что Миллеръ занимался изслѣдованіями о „смутныхъ временахъ Годунова и Разстриги—самой мрачной части русскаго исторіи“. Въ 1761 году Ломоносовъ собралъ эти обвиненія въ особой статьѣ, посланной имъ въ президенту академіи, а, можетъ быть, и къ другимъ лицамъ и, вѣроятно, не безъ связи съ этимъ Миллеръ вскорѣ послѣ того получилъ „жестокій выговоръ“ отъ высшаго правительства за „нѣкоторыя въ его сочиненіяхъ о русскаго исторіи находящіяся непристойности“. Миллеру оставалось прервать свои занятія русскою исторіею. Раньше

¹⁾ Миллеръ уже принялъ тогда русское подданство.

ему подобнымъ образомъ пришлось отказаться отъ своихъ плановъ издавать старыя лѣтописи и другіе матеріалы по русской исторіи: ему возражали, что для такого изданія необходимо „очистить“ лѣтописи отъ „басней“ (т.-е. лишить ихъ всякаго историческаго смысла), а кромѣ того замѣчали, что въ старыхъ извѣстіяхъ говорится, между прочимъ, о дѣлахъ государственныхъ, а ихъ слѣдуетъ вѣдать только министрамъ и сенату. Былъ съ нимъ и другой случай. Въ 1746 году онъ далъ извѣстному собирателю свѣдѣній о Петрѣ Великомъ, Крекшину, рукопись съ своими выписками изъ иностранныхъ писателей о Россіи, другими словами, сдѣлать большое одолженіе человѣку, давши ему результаты своего собственнаго труда. Отсюда произошло слѣдующее. „Крекшинъ, когда услышалъ, что Миллеръ далъ неодобрительный отзывъ о составленномъ имъ родословіи великихъ князей, царей и императоровъ, захотѣлъ отмстить ему, а потому донесъ сенату, что академикъ въ одной изъ своихъ рукописей дѣлаетъ выписки, унижательныя для русскихъ великихъ князей. Дѣло разсматривалось, по распоряженію сената, въ академіи наукъ, и назначенная тамъ комиссія оправдала Миллера, почему Крекшинъ намѣревался уличить въ государственномъ преступленіи и его, и членовъ комиссіи, однако дѣло въ сенатѣ было оставлено безъ послѣдствій“¹⁾.

Указанные здѣсь факты относятся къ періоду отъ двадцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка; подобное этому повторялось и послѣ,—въ нѣсколько измѣненной формѣ перехода и въ XIX-ое столѣтіе. Факты этого рода между прочимъ являются весьма осязательнымъ опроверженіемъ и донинѣ повторяющихся утвержденій о томъ, какъ „петербургскій періодъ“ оторвался отъ старыхъ преданій и бросился на встрѣчу чужимъ нравамъ и образованію. Въ другомъ мѣстѣ мы собрали указанія о томъ, какъ, напротивъ, тѣсно связанъ былъ XVIII-вѣкъ съ XVII-мъ, какъ отголоски послѣдняго безпрестанно отзывались и въ жизни, и въ

¹⁾ Ср. Пекарскаго, Ист. Акад. наукъ. I, стр. LXIII и далѣе, 348, 380 и др. Между прочимъ, чрезвычайно характерно заключеніе синода, къ которому сенатъ препроводилъ упомянутое предположеніе академіи объ изданіи лѣтописей: „Разсуждаемо было (въ синодѣ), что въ академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чѣмъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже во оныхъ писанихъ ни лжественныя... отчего въ народѣ можетъ провойти не безъ соблазна... А изъ приложеннаго для ашпробаціи видится, что ихъ будетъ не мало; къ тому же иное и внести въ нихъ не должно. И если напечатаны, чтобы были многіе въ покупкѣ того охотники, безнадѣжно, понеже и штиль одинъ воспащать будетъ. А хотя бы нѣкоторые къ покупкѣ охоту и возымѣли, то первому тому покупцу учина, до послѣдующихъ весьма не приступать. Того ради не безопасно, дабы не принеслось отъ того казенному капиталу какова ущерба“. Послѣднее, пожалуй, могло бы быть не забота синода.

литературѣ и какъ, съ другой стороны, нововведенія, которыя мы привыкли ставить на счетъ исключительно XVIII-му вѣку, на дѣлѣ имѣли свой корень еще въ старинѣ до-Петровской... Такъ и здѣсь, не требуетъ особыхъ объясненій, что „затрудненія, встрѣчавшіяся (по выраженію Пекарскаго) въ старину для представителей нѣкоторыхъ наукъ, высказывать добытыя ими истины въ современномъ обществѣ“, были вполне преданіемъ XVIII-го вѣка, и живымъ олицетвореніемъ этихъ преданій былъ тогда Аврамовъ, представлявшій собою цѣлый обширный станъ озлобленныхъ или наивныхъ обскурантовъ. Очевидно, на почвѣ того же стараго преданія стояли и упомянутые официальные (разныхъ вѣдомствъ) противники академическаго плана изданія лѣтописей. Крайняя недовѣрчивость и подозрительность къ тому, какъ бы не явились въ печати, особливо иностранной, какія-нибудь свѣденія о Россіи, которыя не „опубликованы“ (а опубликовать не торопились), даже безразличныя свѣденія историческія, географическія, наконецъ и астрономическія; серьезные разсужденія объ этомъ въ сенатѣ и синодѣ; распоряженія самого президента академіи, чтобы безъ разрѣшенія „канцеляріи“ не выдавались изъ другихъ вѣдомствъ никакія „описанія“ даже самымъ академикамъ, — все это было прямымъ продолженіемъ приказной опасности московскихъ временъ, когда страшно боялись, чтобы иностранцы не узнали чего-нибудь о Россіи, когда окружали строгимъ надзоромъ иностранныя посольства и т. п. Семнадцатый вѣкъ еще не имѣлъ такихъ ученыхъ затѣй, какъ переводъ книги Фонтенеля, какъ изданіе лѣтописей или „описаній“ и т. п., но несомнѣнно, что старыя московскіе приказы или патріархъ Іоакимъ отнесли бы къ этимъ вещамъ совершенно такъ же, какъ сенатъ и синодъ, и президентъ академіи середины прошлаго вѣка, или наоборотъ, послѣдніе поступали такъ же, какъ ихъ предшественники московскихъ временъ.

Въ такомъ смутномъ состояніи понятій начиналась дѣятельность Ломоносова. Это былъ первый настоящій ученый человѣкъ въ области естествознанія, явившійся въ русскомъ обществѣ, — ученый, для котораго наука была не одной технической выучкой, не отрывочнымъ специальнымъ знаніемъ, беззаботнымъ о логическомъ развитіи своихъ основаній, а напротивъ знаніемъ, освѣщеннымъ философскою мыслію, которое становилось поэтому цѣлымъ міровоззрѣніемъ. Именно въ этомъ смыслѣ онъ первый вносилъ въ умственную жизнь русскаго общества и въ русскую

литературу великое благотворное начало, которое одно могло стать основой дальнѣйшаго здраваго развитія и въ той же области знанія, и въ области самой поэзи, — начало сознательной работы мысли, которая уже тѣмъ самымъ становилась любовью къ просвѣщенію и стремленіемъ служить этимъ просвѣщеніемъ своему обществу и народу. Не виной самого Ломоносова было то, что, какъ сожалѣютъ его историки, онъ не имѣлъ достойныхъ учениковъ, что его трудъ не нашелъ непосредственныхъ достойныхъ подражателей: эти первые шаги русской науки, какъ мы видѣли, были обставлены такими дикими условіями, что это одно достаточно объясняетъ, почему не явилось такого продолженія ¹⁾. Но дѣятельность Ломоносова имѣла несомнѣнно свое болѣе широкое продолженіе: она осталась великимъ завѣтомъ, нравственнымъ и умственнымъ возбужденіемъ для дальнѣйшихъ дѣятелей, и исторія, разясняя сложные и часто невидные простому глазу пути развитія, найдетъ въ позднѣйшихъ проявленіяхъ умственной и общественной жизни продолженіе той самой идеи, которой нѣкогда служилъ Ломоносовъ. Дѣятельность его бросала свѣтъ научнаго сознанія на то реальное, но иногда еще слишкомъ вѣйшее, инстинктивное преобразование, какое совершенно было Петромъ Великимъ: оно было, безъ сомнѣнія, первой необходимой основой для его собственнаго труда; оно было первой ступенью для науки, какъ и для новой государственной жизни Россіи, — Ломоносовъ глубже, чѣмъ кто-нибудь прежде, сознавалъ это и отсюда его безграничное поклоненіе памяти Петра Великаго. Ломоносовъ не усумнился называть Петра творцомъ Россіи, божествомъ ея — и дѣлалъ это конечно не въ одномъ только риторическомъ порывѣ: онъ былъ въ этомъ убѣжденъ. Великое значеніе Петра состояло для него не въ томъ только, что онъ возвысилъ Россію, какъ государство, но, быть можетъ, еще болѣе въ томъ, что онъ открылъ для русскаго народа ту область науки, съ помощью которой человекъ только и можетъ достигнуть высоты своего умственнаго и нравственнаго достоинства. Это возвышенное представленіе о наукѣ въ первый разъ было высказано на русскомъ языкѣ Ломоносовымъ, и въ этомъ была основная господствующая черта того новаго міровоззрѣнія, которое должно

¹⁾ Указываютъ, правда, что толчокъ, данный Ломоносовымъ, произвелъ потомъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ естествоиспытателей, какъ, напримѣръ, Румовскій, Иноходцевъ, Лепехинъ, Озерекковскій, Севергинъ и др. (Будиловича, „Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ“, стр. 60—61); но эти ученые отчасти образовались въ другой школь, а съ другой стороны ни одинъ изъ нихъ не отличался той широтой научнаго міровоззрѣнія, какую мы видимъ въ Ломоносовѣ.

было стать содержаніемъ новаго періода умственной жизни русскаго общества: съ этимъ наступалъ послѣдній конецъ нашихъ среднихъ вѣковъ.

Что мысль Ломоносова въ области науки не ограничивалась его специальными изслѣдованіями въ химіи, физикѣ, металлургіи и пр., можно заключать изъ самаго склада его ума, который постоянно искалъ общихъ основаній; это доказывается планами его работъ, которыя стали извѣстны теперь по его бумагамъ: его многіе годы занимала система натуральной философіи, которой ему не удалось закончить; наконецъ, онъ нѣсколько разъ возвращается къ вопросу о наукѣ въ своихъ академическихъ рѣчахъ: частный предметъ, о которомъ онъ говорилъ, не однажды побуждалъ его обращаться къ великимъ трудамъ и задачамъ цѣлаго человѣческаго знанія. Слушатели, къ которымъ онъ обращался, представляли ту странную и пеструю среду, какою вообще было общество середины XVIII вѣка: нѣсколько ученыхъ людей изъ сотоварищей по академіи (иногда по своему „иностранству“ и не понимавшихъ его русской рѣчи), а главное, люди изъ высшаго и средняго круга—въ большинствѣ съ крайне поверхностнымъ образованіемъ, для которыхъ подобныя разсужденія были дѣломъ совершенно новымъ и тѣмъ болѣе нужнымъ, что между ними было, безъ сомнѣнія, не мало людей не весьма расположенныхъ къ этимъ новымъ наукамъ.

Рѣчи Ломоносова очень замѣчательны и по своему чисто литературному достоинству, какъ опытъ общедоступнаго изложенія серьезныхъ научныхъ предметовъ, остающагося однако на высотѣ научнаго достоинства. Надо представить себѣ указанный характеръ его слушателей, т. е. общій уровень тогдашней публики, чтобы оцѣнить, какъ были тогда новы мысли Ломоносова о наукѣ, и какъ была мужественна защита ея достоинствъ: онъ снисходитъ къ понятіямъ своихъ слушателей, но и требуетъ отъ нихъ великаго почтенія къ трудамъ людей, соорудившихъ зданіе науки.

Въ началѣ своего „Слова о происхожденіи свѣта“ (1756) онъ говоритъ:

„Испытаніе натуры трудно, Слушатели, однако приятно, полезно, *святѣ*. Чѣмъ больше тайнства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящее увеселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ далѣе раченіе наше въ оной простирается, тѣмъ обильнѣе собираемъ плоды для потребностей житейскихъ. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ толь чудныхъ дѣлъ проникаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія Строитель... Сіи безпрестан-

ные и молній несравненно быстрѣйшіе, но кроткіе и благоприятные вѣстники Творческаго о прочихъ тваряхъ промысла, освѣщая, согрѣвая и оживляя оныя, не токмо въ человѣческомъ разумѣ, но и въ безсловесныхъ, кажется, животныхъ возбуждаютъ нѣкоторое божественное воображеніе. Чтожъ о таковомъ безмѣрномъ Свѣта Океанѣ представлять себѣ тѣ должны, которые во внутреннее натуры святилище взираютъ любопытнымъ окомъ, и посредствомъ того же свѣта большую часть другихъ естественныхъ таинствъ усердствуютъ постигнуть? Свидѣтельствуютъ многочисленныя ихъ сочиненія въ разныхъ народахъ, въ разные вѣки свѣту сообщенныя. Много препятствій неутомимые испытатели преодолѣли, и слѣдующихъ по себѣ труды облегчили: разгнали мрачныя тучи, и чистое небо далече проникли. Но какъ чувственное око прямо на солнце смотрѣть не можетъ, такъ и зрѣніе разсужденія притупляется, ислѣдуя причины произхожденія Свѣта и раздѣленія его на разные цвѣты. Чтожъ намъ, оставить ли надежду? Отступить ли отъ труда? Отдаться ли въ отчаяніе о успѣхахъ? Никакъ! развѣ явиться желаемъ нерадивыми, и подвига толикихъ въ испытаніи натуры Героевъ недостойными? Посмотримъ, коль великую громаду матеріи на сіе дѣло они собрали, или какъ о древнихъ сказываютъ исполинахъ, гору великую воздвигли, дѣвая приближаться къ источнику толикаго сіянія, толикаго цвѣтовъ великолѣпія. Взойдемъ на высоту за ними безъ страха; наступимъ на сильныя ихъ плечи, и поднявшись выше всякаго мрака предупрежденныхъ мыслей, устремимъ, сколько возможно, остроумія и разсужденія очі, для испытанія причинъ произхожденія Свѣта".

Въ „Словѣ о пользѣ химіи“ (1751), онъ говоритъ о великихъ приобрѣтеніяхъ, которыя доставила человѣку наука:

„Разсуждая о благополучіи житія человѣческаго, Слушатели, не нахожу того совершеніе, какъ ежели кто приятными и безпорочными трудами пользу приносить. Ничто на земли смертному выше и благороднѣе дано быть не можетъ, какъ упражненіе, въ которомъ красота и важность, отнимая чувствіе тягостнаго труда, нѣкоторою сладостію ободряетъ, которое никого не оскорбляя, увеселяетъ неповинное сердце, и умножая другихъ удовольствіе, благодарностію оныхъ возбуждаетъ совершенную радость. Такое приятное, безпорочное и полезное упражненіе, гдѣ способнѣе, какъ въ ученіи, сыскать можно? Въ немъ открывается красота многообразныхъ вещей и удивительная различность дѣйствій и свойствъ, чуднымъ искусствомъ и порядкомъ отъ Всевышняго устроенныхъ и расположенныхъ. Имъ обогащающійся никого не

обидить, за тѣмъ, что неизтощаемое и всѣмъ обще подлежащее сокровище себѣ приобрѣтаетъ. Въ немъ труды свои полагающій не токмо себѣ, но и цѣлому обществу, а иногда и всему роду человѣческому пользою служить. Все сіе вошь справедливо, и вошь много ученіе остроуміемъ и трудами тщательныхъ людей блаженство житія нашего умножаетъ, ясно показываетъ состояніе Европейскихъ жителей, снесенное со скитающимися въ степяхъ Американскихъ. Представте разность обоихъ въ мысляхъ вашихъ. Представте, что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣть; другой не токмо всего, что земля, воздухъ и воды рождаютъ, не токмо всего, что искусство произвело чрезъ многіе вѣки, имена, свойства и достоинства языкомъ изъясняетъ; но и чувствамъ нашимъ отнюдь неподверженныя понятія ясно и живо словомъ изображаетъ. Одинъ выше числа перстовъ своихъ въ счетъ производитъ не умѣть; другой не токмо чрезъ величину тягость безъ вѣсу, чрезъ тягость величину безъ мѣры познаваетъ, не токмо на земли непреступныхъ вещей разстояніе издавна показать можетъ; но и небесныхъ свѣтилъ ужасныя отдаленія, обширную огромность, быстротекущее движеніе и на всякое мгновеніе ока перемѣнное положеніе опредѣляетъ. Одинъ лѣтъ своея жизни, или краткаго вѣку дѣтей своихъ показать не знаетъ; другой не токмо прошедшихъ временъ многообразныя и почти безчисленныя приключенія въ натурѣ и въ обществахъ бывшія, по лѣтамъ и мѣсяцамъ располагаетъ; но и многія будущія точно предвозвѣщаетъ. Одинъ думая, что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землею соединилось, страшнаго звѣря, или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ; другой, представляя себѣ великое пространство, хитрое строеніе и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ и благоговѣнною любовію почитаетъ Создателя безконечную премудрость и силу... Не ясно ли видите, что одинъ почти выше смертныхъ жребія поставленъ, другой едва только отъ безсловесныхъ животныхъ разнится; одинъ яснаго познанія приятнымъ сіяніемъ увеселяется, другой въ мрачной ночи невѣжества едва бытіе свое видитъ? Толь великую приносить ученіе пользу, толь свѣтлыми лучами просвѣщаетъ человѣческій разумъ, толь приятно есть красоты его наслажденіе! Желалъ бы я васъ ввести въ *великолѣпный храмъ сею человѣческою благополучія*; желалъ бы вамъ показать въ немъ подробно, прониканіемъ остроумія и неусыпнымъ раченіемъ премудрыхъ и трудолюбивыхъ мужей изобрѣтенныя пресвѣтлыя украшенія; желалъ бы удивить васъ многообразными ихъ отгѣнами, увеселить

возхищающимъ изрядствомъ и привлеци къ нимъ неоцѣненною пользою; но къ исполненію таковаго предпріятія требуется большее моего разумѣнія, большее моего краснорѣчіе, большее время потребно, нежели къ совершенію сего намѣренія позволяется. Того ради прошу, послѣдуйте за мною мыслями вашими въ *единъ токмо внутренний чертогъ сего великаго зданія*“, — ту область „сокровищъ богатыхъ натуры“, которую изучаетъ химія.

Онъ указываетъ примѣры тѣхъ открытій, которыя совершаетъ химія, объясняетъ необходимость изученія природы, и затѣмъ мысль его обращается къ прямымъ пользамъ отечества. „Мнѣ кажется, я слышу, что пространная и изобильная Россія къ сынамъ своимъ вѣщаетъ: „Простирайте надежду и руки ваши въ мое нѣдро, и не мыслите, что исканіе ваше будетъ тщетно. Воздають нивы мои многократно труды земледѣльцевъ, и тучныя поля мои размножаютъ стада ваши и лѣсы и воды мои наполнены животными для пищи вашей; все сіе не токмо довольствуетъ мои предѣлы, но и во вѣншія страны избытокъ ихъ проливается; того ради можете ли помыслить, чтобы горы мои драгими сокровищами поту лица вашего не наградили. Имѣете въ краяхъ моихъ, къ теплой Индіи и къ ледовитому морю лежащихъ, довольные признаки подземнаго моего богатства. Для сообщенія нужныхъ вещей къ сему дѣлу, отрываю вамъ лѣтомъ далеко протекающія рѣки, и гладкіе снѣги зимою подстилаю. Отъ сихъ трудовъ вашихъ ожидаю приращенія купечества и художествъ; ожидаю вѣнчаго градовъ украшенія и укрѣпленія, и умноженія войска; ожидаю и желаю видѣть пространныя моря мои покрыты многочисленнымъ и страшнымъ неприятели флотомъ, а славу и силу моя державы разпростертъ за великую пучину въ невѣдомые народы“.

Въ концѣ Слова Ломоносовъ предостерегаетъ своихъ слушателей, — „дабы кто не подумалъ, яко бы все человѣческой жизни благополучіе въ одномъ семъ ученіи состояло, и яко бы я съ нѣкоторыми неразумными любителями одной своей должности съ презрѣніемъ взиралъ на прочія искусства. Имѣетъ каждая наука равное участіе въ блаженствѣ нашемъ“. Человѣческій родъ долженъ благодарить Всевышняго, который далъ ему „къ толкимъ знаніямъ способность“, и особливо Европа, „которая паче всѣхъ таковыми его дарами наслаждается, и тѣмъ отличается отъ прочихъ народовъ“.

„Но коль горячаго усердія жертву полагать на олтарь его долженствуетъ Россія, что онъ въ самое тое время, когда науки послѣ мрачности Варварскихъ вѣковъ паки возсіяли, воздвигнулъ

въ ней Премудраго Героя, Великаго Петра, истиннаго Отца отечеству.

„Которой удаленную отъ свѣтлости ученія Россію принялъ мужественною рукою; и окруженъ со всѣхъ сторонъ внутренними и внѣшними сопостатами, дарованною себѣ отъ Бога крѣпостію покрывался, разрушилъ всѣ препятствія, и на пути яснаго познанія оную поставилъ.

„И по окончаніи тяжкихъ трудовъ военныхъ, по укрѣпленіи со всѣхъ сторонъ безопасности цѣлаго отечества, первое имѣлъ о томъ попеченіе, чтобы основать, утвердить и размножить въ немъ науки.

„Блаженны тѣ очи, которые божественнаго сего Мужа на земли видѣли!

„Блаженны и трблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ Нимъ за Него и за отечество проливали, и которыхъ Онъ за вѣрную службу въ главу и въ очи цѣловалъ помазанными Своими устами“.

Вотъ источникъ его поклоненія Петру.

О Петрѣ онъ вспоминаетъ и въ слѣдующей академической рѣчи, въ „Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ“ (1753). Это Слово написано имъ послѣ извѣстнаго событія, которое глубоко опечалило его самого, и которое въ толпѣ общества возбудило крайнее недовѣріе къ наукѣ, даже прямое осужденіе ея—послѣ смерти профессора Рихмана, убитаго молніей во время наблюденія явленій грозы. „У древнихъ стихотворцевъ обычай былъ, Слушатели,—говорилъ Ломоносовъ,—что отъ призванія боговъ, или отъ похвалы между богами вмѣщенныхъ героевъ стихи свои начинали, дабы слогу своему приобрести больше красоты и силы; сему я послѣдовать въ начинаніи нынѣшняго моего слова разсудилъ за благо. Приступая къ предложенію матеріи, которая не токмо сама собою многотрудна, и неизвѣтными преткновеніями превязана; но сверхъ того скоропостижнымъ пораженіемъ трудолюбиваго раченія нашихъ Собообщника много прежняго ужаснѣе казаться можетъ. Къ очищенію онаго мрака, которой, какъ думаю, смутнымъ симъ рокомъ внесенъ въ мысли ваши, большую плодovitость остроумія, тончайшее проищаніе разсужденія, изобильнѣйшее богатство слова имѣть я долженъ, нежели вы отъ меня чаять можете. И такъ, дабы слову моему приобретена была важность и сила, и возшло бы любезное сіяніе, къ изведенію изъ помраченія прежняго достоинства предлагаемой вещи; употребляю имя Героя, котораго едино воспоминаніе во всѣхъ народахъ и языкахъ вниманіе и благоговѣніе возбуж-

дасть". Воспоминаніе о Петрѣ должно было замѣнить античныя призыванія боговъ и восхваленія героевъ, чтобы въ то же время „известить изъ помраченія прежнее достоинство“ того предмета, о которомъ онъ хотѣлъ говорить, т.-е. электричество. Онъ вспоминаетъ великія дѣла Петра для пользы государства, для возрожденія отечества, для исправленія нравовъ, а такъ какъ всего этого невозможно приобрести „безъ вспоможенія наукъ“, то Петръ въ особенности покровительствовалъ наукамъ. „Того ради не токмо людей всякими науками и художествами знатныхъ превеликими награжденіями и ласковымъ и безопаснымъ въ Россію пріятіемъ изъ дальнихъ земель призвать; не токмо во всѣ Европейскія государства и города, академіями, гимназіями, военными училищами и художниковъ искусствомъ славныя, избранныхъ юношей печаламъ подобное множество рассыпалъ, но и Самъ всѣхъ общій примѣръ и предводитель, паче обыкновенія другихъ государей, не однократно удаляясь изъ отечества въ Германію, Францію, Англію и Голландію, пылая снисканіемъ знаній, странствовалъ. Въ оныхъ путешествіяхъ было ли какое ученыхъ людей общество, которое бы Онъ миновалъ и не почтилъ Своимъ присутствіемъ? Никакъ! Но Самъ въ число ихъ вписанъ быть не отказался. Было ли гдѣ великолѣпное узорочныхъ вещей собраніе, или изобильная библіотека, или почтенныхъ художествъ произведеніе, которыхъ бы онъ не видѣлъ, и всего взору Своего достойнаго не выпросилъ и не высмотрѣлъ? Былъ ли тогда человѣкъ ученія славою знатной, котораго бы великій сей гость не посѣтилъ, и насладясь его ученымъ разговоромъ, благодѣяніемъ не украсилъ? Коль великія употребилъ изживенія на приобрѣтеніе вещей драгоцѣнныхъ, многообразною натуры и художества хитростію произведенныхъ, которыя къ разпространенію наукъ въ отечествѣ удобны быть казались! Какія обѣщаль воздаянія, ежели кто великое что или новое въ изслѣдованіи натуры либо искусства знаніе за собою сказывалъ, или изобрѣсти обѣщался! Всего сего хотя не мало очевидныхъ свидѣтелей здѣсь присутствующихъ видимъ; но сверхъ оныхъ то же свидѣлствуютъ многія машины, неутомимою рукою Августѣйшаго художника устроенныя. Свидѣлствуютъ великіе корабли, твердыя крѣпости и пристани, которыхъ начертаніе и строеніе его начинаніемъ и предводительствомъ скоро и безопасно учинились. Свидѣлствуютъ военныя и гражданскія училища Его попеченіемъ учрежденныя. Свидѣтель есть сія наукъ Академія, толь многими тысящами книгъ, толикимъ множествомъ естественныхъ и художественныхъ чудесъ снабжденная, и призваніемъ славныхъ во всякаго рода ученіи мужей основанная. Наконецъ свидѣлствуютъ

и самыя оныя орудія, къ произвожденію разныхъ математическихъ дѣйствій удобныя, слѣдовавшія Ему во всѣхъ Его путешествіяхъ“...

Показавши исторически на примѣрѣ Петра „пространное употребленіе наукъ“ въ добромъ управленіи государства, Ломоносовъ объясняетъ, что „онихъ людей, которые бѣдственными трудами, или паче исполинскою смѣлостію тайны естественныя испытать тщатся, не надлежитъ почитать продерзкими, но *мужественными и великодушными*, ниже оставлять изслѣдованія натуры, хотя они скоропостижнымъ рокомъ живота лишились“. Такъ ученыхъ людей не устрашилъ Плиній, погребенный въ горячемъ пеплѣ огнедышущаго Везувія, и каждый день любопытныя очи смотрятъ въ глубокую и ядъ отрыгающую пропасть; онъ не думаетъ, чтобы устрашила ихъ и смерть Рихмана, и напротивъ, онъ увѣренъ, что ученые съ должной осторожностію положить всѣ старанія къ тому, чтобы открыть, „какимъ образомъ здравіе человѣческое отъ оныхъ смертоносныхъ ударовъ могло быть покрыто“.

Изложивши затѣмъ теорію электричества, онъ хочетъ исвать способовъ къ избавленію отъ смертоносныхъ громовыхъ ударовъ. Здѣсь передъ нимъ опять было суевѣрное предубѣжденіе, которое нужно было опровергнуть, и Ломоносовъ защищаетъ права науки. „Симъ предпріятіемъ,—говоритъ онъ,—не уповаю, Слушатели, чтобы въ васъ негодованіе или боязнь нѣкоторая родилась. Ибо вы вѣдаете, что Богъ далъ и дикимъ звѣрямъ чувство и силу къ своему защищенію; человѣку сверхъ того прозорливое разсужденіе къ предвидѣнію и отвращенію всего того, что жизнь его вредить можетъ. Не однѣ молніи изъ нѣдра превозбуждающія натуры на оную устремляются, но и многія иныя: повѣтрія, наводненія, трясенія земли, бури, которыя не меньше насъ повреждаютъ, не меньше устрашаютъ. И когда лѣкарствами отъ моровой язвы, плотинами отъ наводненій, крѣпкими основаніями отъ трясенія земли и отъ бурь обороняемся, и при томъ не думаемъ, яковы мы продерзостнымъ усилваніемъ гнѣву Божію противились; того ради какую можемъ мы видѣть причину, которая бы намъ избавляться отъ громовыхъ ударовъ запрещала? Почитаютъ ли тѣхъ продерзкими и нечестивыми, которые ради презрѣннаго прибытка неизмѣримыя и бурями свирѣпствующія моря переѣзжаютъ, зная, что имъ то же удобно приключиться можетъ, что прежде ихъ многіе, или еще и родители ихъ претерпѣли? Никоею мѣрою; но похваляются, и еще сверхъ того, всенароднымъ моленіемъ въ покровительство Божіе препоручаются. По сему должно ли тѣхъ почитать дерзостными и богопротивными,

которые для общей безопасности, въ прославленію Божія величества и премудрости, величія дѣлъ его въ натурѣ молніи и грома слѣдуютъ? Никакъ; мнѣ кажется, что они еще особливо его щедротою пользуются, получая пребогатое за труды свои мздовоздаваніе, то есть, толь великихъ естественныхъ чудесъ откровеніе. Отворено видимъ его святилище по открытіи Электрическихъ дѣйствій въ воздухъ и мановеніемъ природы во внутренніе входы призываемся. Еще ли *стоятъ будемъ у порога*, и прекословіемъ неосновательнаго предувѣренія удержимся? Никоею мѣрою; но напротивъ того сколько намъ дано и позволено, даѣе простираться не престанемъ, осматривая все, къ чему умное ¹⁾ око проникнуть можетъ“.

Эта защита науки противъ суевѣровъ и невѣждъ, считавшихъ ее противною вѣрѣ, постоянно занимала Ломоносова, и занимала справедливо, потому что предубѣжденіе и вражда распространены были не только въ невѣжественной массѣ, для которой, напримѣръ, физическая наука была какимъ-то покушеніемъ открывать вещи, закрытыя отъ людей самимъ Богомъ, но и въ кругу, который считался образованнымъ: многіе дѣйствительно съ злорадствомъ говорили о смерти Рихмана, какъ справедливой казни за такое покушеніе. Ломоносовъ, безъ сомнѣнія, нерѣдко слышалъ вокругъ себя подобныя враждебныя отзывы невѣжества, которые могли грозить наконецъ самому существованію науки. Онъ не оставлялъ ихъ безъ отпора, и, какъ упомянемъ, одинъ примѣръ шутливой полемики съ его стороны сталъ даже предметомъ officialнаго разбирательства и жалобы св. синода. Къ этому предмету Ломоносовъ возвратился и въ статьѣ: „Явленіе Венеры на солнцѣ“ (1761). Описаніе ученаго наблюденія не могло обойтись безъ объясненія того, что эти наблюденія не представляютъ ничего богопротивнаго.

„Сіе рѣдко случающееся явленіе,—говоритъ Ломоносовъ,—требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей, не просвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ, всякія неосновательныя сомнительства и страхи, кои бывають иногда причиною нарушенія общему покою. Не рѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ, и съ ужасомъ внимають, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ о имени Астрономіи не слышали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбась. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легко-

¹⁾ Умственное.

вѣрныхъ внимателей скудоуміе, ни чѣмъ какъ посмѣяніемъ претирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ беспокоится, безпокойство его должно зачитать ему въ наказаніе, за собственное его суеуміе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакова понятія не имѣетъ. Крестьянинъ смѣется Астроному, какъ пустому верхогляду. Астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ, коль много знаніемъ своимъ его превышаетъ человѣка себѣ подобно сотвореннаго.

„Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, естли бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію“.

Онъ говоритъ, что, читая здѣсь объ атмосферѣ около планеты Венеры, изъ существованія которой можно заключить, что тамъ могутъ быть такія же явленія природы и жизни, какъ на землѣ, иной сдѣлаетъ выводъ: „сіе де подобно Коперниковой системѣ; противно де закону“.

„Отъ таковыхъ размышленій, — продолжаетъ Ломоносовъ, — происходитъ подобной споръ о движеніи и о стояніи земли. Богословы западной церкви принимаютъ слова Іисуса Навина, глава 10, стихъ 21, въ точномъ грамматическомъ разумѣ, и по тому хотятъ доказать, что земля стоитъ“.

Указаніе на западныхъ богослововъ сдѣлано повидимому для облегченія полемики, потому что и наші тогдешніе, да и позднѣйшіе, богословы говорили то же самое. Ломоносовъ поднимаетъ вопросъ по существу и приводитъ соображенія, какихъ еще не было сдѣлано никогда въ русской литературѣ.

„Но сей споръ, — говоритъ онъ, — имѣетъ начало свое отъ идолопоклонническихъ, а не отъ христіанскихъ учителей. Древніе Астрономы, еще за долго до Рождества Христова, Никита Сиракузянецъ призналъ дневное вращеніе земли около своей оси обращеніе; Филолай годовое около солнца. Сто лѣтъ послѣ того Аристархъ Самійскій показалъ солнечную систему яснѣе. Однако Еллинскіе Жрецы и суевѣры тому противились, и правду на много вѣковъ погасили. Первой Клеантъ нѣкто доносилъ на Аристарха, что онъ по своей системѣ о движеніи земли дерзнулъ подвинуть съ мѣста великую Богиню Весту, всея земли содержательницу; дерзнулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цереру, всѣхъ Нимфъ, Боговъ лѣсныхъ и домашнихъ по всей земли. И такъ идолопоклонническое суевѣріе держало Астрономическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться; хотя она сама свое дѣло и Божіе повелѣніе всегда исполняла. Между тѣмъ Астро-

чюмы принуждены были выдумать для изъясненія небесныхъ явленій глупые и съ Механикою и Геометріею прекословящіе пути планетамъ, Циклы и Епициклы (круги и побочные круги).

„Коперникъ возобновилъ на конецъ солнечную систему, коя имя его нынѣ носить; показалъ преславное употребленіе ея въ Астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Невтонъ и другіе великіе Маѳематики и Астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по земностоятельной системѣ отнюдь достигнуть не возможно“.

Онъ указываетъ, что если премудрость божіихъ дѣлъ явствуетъ изъ размышленія о всѣхъ тваряхъ, то въ особенности указываютъ на нее физическое ученіе, а всего больше астрономія: эта премудрость тѣмъ очевиднѣе, тѣмъ точнѣе наблюденія совпадаютъ съ нашими предсказаніями.

„Священное писаніе, — говоритъ Ломоносовъ, — не должно вездѣ разумѣть Грамматическимъ, но не рѣдко и Риторскимъ разумомъ. Примѣръ подаетъ святой Василій Великій, какъ оно съ натурою согласуется, и въ бесѣдахъ своихъ на Шестодневникъ ясно показываетъ, какимъ образомъ въ подобныхъ мѣстахъ Библейскія слова толковать должно“. Онъ приводитъ подлинныя слова Василія Великаго и заключаетъ: „Не довольно ли здѣсь Великій и Святой сей мужъ показалъ, что изъясненіе священныхъ книгъ не токмо позволено, да еще и нужно, гдѣ ради метафорическихъ выраженій съ натурою кажется быть не сходственно“.

„Правда и вѣра, — говоритъ дальше Ломоносовъ, — суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ разпрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду вслеплетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какова способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междоусобія, какъ учинилъ вышереченный премудрый учитель нашея православныя церкви“. Онъ приводитъ въ подтвержденіе этому и слова Дамаскина, „глубокомысленнаго богослова и высокаго священнаго стихотворца“, и продолжаетъ:

„Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая — видимый сей міръ, имъ созданный, чтобы человѣкъ смотря на огромность, красоту и стройность его зданій призналъ Божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга — священное писаніе. Въ ней показано Создателяво благословеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ изтолкователи и изъяснители суть великіе

церковные учителя. А въ иной книгѣ сложенія видимаго міра сего, Физики, Математики, Астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ Пророки, Апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителенъ Математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркуломъ. Таковъ же и Богословіи учитель, есть ли онъ думаетъ, что по Псалтырѣ научиться можно Астрономіи или Химіи“.

Такимъ образомъ Ломоносовъ является ревностнымъ представителемъ и мужественнымъ защитникомъ современной науки, и эта защита является одной изъ важнѣйшихъ его заслугъ: онъ дѣйствовалъ въ обществѣ, почти не слыжавшемъ объ истинной наукѣ, понимавшемъ ее развѣ только въ наглядныхъ практическихъ приложеніяхъ и въ сущности ей враждебномъ, когда отрывалось ея самостоятельное значеніе, какъ свободнаго изслѣдованія. Быть можетъ, послѣдующія колебанія, какимъ подвергалось у насъ дѣло науки, могли бы быть до значительной степени устранены, еслибы у преемниковъ Ломоносова нашлось столько же ревности и мужества къ этой защитѣ. Ломоносовъ признаетъ науку за единое созданіе человѣческой мысли, какъ результатъ общаго труда образованныхъ народовъ, и русскую науку ставитъ въ прямую связь и преемство съ наукой европейской. Любопытно въ этомъ отношеніи предисловіе, какое онъ присоединилъ къ переведенной имъ „Вольфіанской экспериментальной физикѣ“ (1746), гдѣ онъ указалъ развитіе европейской науки съ эпохи Возрожденія, послѣ тѣхъ среднихъ вѣковъ, которые онъ представлялъ вѣками варварства.

„Мы живемъ въ такое время,—говоритъ Ломоносовъ,—въ которое науки послѣ своего возобновленія въ Европѣ возрастаютъ и къ совершенству приходятъ. Варварскіе вѣки, въ которые купно съ общимъ покоемъ рода человѣческаго и науки нарушились и почти совсѣмъ уничтожены были, уже прежде двухъ сотъ лѣтъ окончились. Сіи наставляющія насъ къ благополучію предводительницы, а особливо философія, не меньше отъ сѣпаго пригнѣпенія ко мнѣніямъ славнаго человѣка, нежели отъ тогдашнихъ неспокойствъ претерпѣли. Всѣ, которые въ оной упражнялись, одному Аристотелю послѣдовали, и его мнѣнія за неложныя почитали. Я не презираю сего славнаго и въ свое время отиѣнитаго отъ другихъ философа, но тѣмъ не безъ сожалѣнія удивляюсь, которые про смертнаго человѣка думали, будто бы онъ въ своихъ мнѣніяхъ не имѣлъ никакого погрѣшенія, что было главнымъ препятствіемъ къ приращенію философій и прочихъ

наукъ, которыя отъ ней много зависятъ. Черезъ сіе отнято было благородное рвеніе, чтобы въ наукахъ упражняющіеся одинъ передъ другимъ старались о новыхъ и полезныхъ изобрѣтеніяхъ. Славный и первый изъ новыхъ философовъ, Картезій, осмѣлился Аристотелеву философію опровергнуть, и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы, кромѣ другихъ его заслугъ, особливо за то благодарны, что тѣмъ ученыхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ *вольному философствованію* и къ вѣщему наукъ приращенію. На сіе взирая, коль много новыхъ изобрѣтеній искусные мужи въ Европѣ показали, и полезныхъ книгъ сочинили! Лейбницъ, Кларкъ, Локкъ, премудрые рода человѣческаго учителя, предположеніемъ правилъ разсужденія и нравы управляющихъ, Платона и Сократа превысили. Малпигій, Бойль, Герикъ, Чирнгаузенъ, Штурмъ и другіе, которые въ сей книжицѣ упоминаются, любопытнымъ и рачительнымъ изслѣдованіемъ нечаянныя въ натурѣ дѣйствія открыли, и тѣмъ свѣтъ привели въ удивленіе. Едва понятно, коль великое приращеніе въ астрономіи, неусыпными наблюденіями и глубокомысленными разсужденіями, Кеплеръ, Галилей, Гугеній, де-ла-Гиръ и великій Невтонъ въ краткое время учинили... Словомъ, въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ ученые люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаютъ на достовѣрномъ искусствѣ“...

Всѣ эти мысли о достоинствѣ и необходимости науки, защита ея противъ неразумія и невѣжества, въ высокой степени важны именно тѣмъ, что они въ первый разъ были сказаны на русскомъ языкѣ. Въ дѣйствительности, и въ его время, и долго потомъ, и даже до нашего времени въ русскомъ обществѣ не обезпечено это достоинство науки и не имѣетъ полноправности то „свободное философствованіе“, которое онъ считалъ основаніемъ новѣйшей науки; но самое понятіе, продуманное русскимъ умомъ и высказанное въ литературѣ, составляетъ историческій фактъ высокаго значенія: этимъ былъ ознаменованъ переходъ къ новому міровоззрѣнію.

Ломоносовъ былъ умъ первостепенной силы; потому онъ и могъ возымѣть эти мысли, исполнѣ отвѣчавшія тогдашнему состоянію научныхъ взглядовъ. Біографы спорили о томъ, насколько онъ принялъ или самостоятельно видоизмѣнилъ общіе философ-

скіе взгляды своего марбургскаго учителя; для нашего вопроса это довольно безразлично, — важно только то, что Ломоносовъ зналъ всѣ основныя ученія тогдашней натуральной философіи; онъ зналъ и окружалъ высокимъ почтеніемъ имена Декарта, Ньютона, Гассенди, Гугенія (Гюенса, по Аврамову) и т. д. и стоялъ на уровнѣ тогдашняго „свободнаго философствованія“. Естественнo ожидать, что эта высота мысли не будетъ понята въ томъ состояніи общества, какое было у насъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, и дѣйствительно, съ одной стороны мы видимъ, что хотя въ то время высоко цѣнили Ломоносова по разнообразію его познаній, по ученой славѣ, признанной и европейскими авторитетами, но это уваженіе было не сознательнымъ пониманіемъ его труда, а только инстинктивнымъ почтеніемъ наивнаго невѣжества къ мудреному знанію, уваженіе, похожее на то, какимъ въ средніе вѣка окружали алхимиковъ или простой народъ — знахарей и колдуновъ ¹⁾. Съ другой стороны мы видимъ, что не только въ то время, но и долго послѣ въ Ломоносовѣ гораздо больше цѣнили не ученаго, полагавшаго, какъ мы видѣли, основаніе цѣлаго научнаго міровоззрѣнія, а стихотворца, автора торжественныхъ одъ, которыя были событіемъ въ свое время и остались предметомъ восхищенія для потомства, до Мерзлякова включительно.

Въ самомъ дѣлѣ, въ свое время оды Ломоносова были событіемъ. Новѣйшія изслѣдованія утверждаютъ, что извѣстный рассказъ о необыкновенномъ впечатлѣніи, какое произвела ода „На взятіе Хотина“, присланная Ломоносовымъ изъ-за границы, была легендой; но, какъ нерѣдко бываетъ, легенда, образовавшаяся позднѣе, отвѣчала если не факту даннаго времени, то позднѣйшему взгляду на писателя. Объ „лирѣ“ Ломоносова современники имѣли весьма высокое представленіе. Въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія всѣ дѣйствующіе писатели были на лицѣ; ихъ было немного, въ сущности всего трое. Не-

¹⁾ Въ 1865 году, одинъ почитатель памяти Ломоносова желалъ собрать на его родинѣ, въ селеніи Матигорахъ, преданія, какія могли сохраниться о немъ среди проживавшихъ еще потомковъ его рода; но мѣстные жители, „въ сожалѣнію, не только не сообщали никакихъ свѣдѣній о Ломоносовѣ, но даже не могли себѣ дать отчета, что онъ былъ за человѣкъ, чѣмъ занимался и чѣмъ прославился; знаютъ только то, что онъ изъ крестьянина сдѣлался большимъ баринѣмъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ заподозрили его въ колдовствѣ; говорили, что онъ, какъ и всѣ колдуны, разводилъ тучи. Однажды, когда надъ Петербургомъ нависла грозная туча, императрица Екатерина II приказала Ломоносову отвести эту тучу. Ломоносовъ долго отказывался, что это-де не по силамъ его; наконецъ, послушался. Какъ только сталъ отводить тучу, разразилась гроза и убила его“. Пекарскій, II, стр. 890, изъ Архангельскихъ губ. Вѣд. 1868.

чего говорить, что Ломоносовъ не могъ быть сравняваемъ съ Тредьяковскимъ: Сумароковъ, сначала бывший въ мирныхъ отношеніяхъ съ Ломоносовымъ, но подъ конецъ страшно съ нимъ враждовавшій, признавалъ, однако, что Ломоносовъ такъ далекъ отъ Тредьяковскаго, какъ „небо отъ ада“; но Ломоносовъ несомнѣнно превъшалъ и самого русскаго Вольтера, и хотя послѣдній также имѣлъ, какъ мы видѣли, горячихъ поклонниковъ, и въ своихъ твореніяхъ былъ гораздо разнообразнѣе Ломоносова и доступнѣе для толпы, но, въ концѣ концовъ, Ломоносовъ вѣроятно и тогда ставился большинствомъ выше его, и именно въ литературномъ отношеніи. Это было довольно понятно: ученныя сочиненія Ломоносова были слишкомъ серьезны и не представляли литературнаго интереса; этого интереса искали въ его одахъ, и въ нихъ при общей риторической высокопарности чувствовалась большая глубина и сила мысли. Позднѣйшая художественная критика усомнилась въ поэтическомъ дарованіи Ломоносова и ставила его въ рядъ стихотворцевъ-риторовъ, какими такъ богатъ былъ XVIII вѣкъ; находила у него не только избытокъ реторики, но и избытокъ лести, когда онъ безразлично восхвалялъ и Анну Ивановну, и принцессу Анну, и затѣмъ подъ рядъ Ивана Антоновича, Елизавету, Петра III и Екатерину; даже съ огорченіемъ упрекала его за прямое восхваленіе рабства ¹⁾).

Для правильнаго сужденія о поэтическомъ творествѣ Ломоносова, его содержаніи и манерѣ, необходимо, разумѣется, дать себѣ отчетъ въ свойствахъ его дарованія и не забывать условія времени. Онъ не былъ поэтомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова: онъ не былъ лирикомъ, который изображаетъ движенія личнаго чувства, онъ не былъ поэтомъ, который представляетъ въ живыхъ образахъ общество своего времени, у него не было къ тому ни влеченія, ни достаточной силы фантазіи — и литературѣ нужно было еще много опыта, чтобы достигнуть этой формы творчества; но онъ несомнѣнно былъ поэтомъ въ той дидактической манерѣ, которая была такъ распространена во всей литературѣ XVIII-го вѣка, поэтъ рефлексин и поученія. И въ этой области

¹⁾ Напр., въ надписи для иллюминаціи въ день рожденія императрицы Елизаветы: „Пусть мнимая другихъ свобода угнѣтаетъ, Насъ рабство подъ твоей державой возмущаетъ“.

Объ этомъ послѣднемъ Печарскій замѣчаетъ, однако, что авторство этихъ стиховъ можетъ не принадлежать Ломоносову, такъ какъ въ царствованіе Елизаветы обыкновеннымъ поставщикомъ подобныхъ надписей бывалъ Штелишъ, и Ломоносовъ обязывался только перелагать его произведенія въ русскіе стихи. Исторія Академіи наукъ, II, стр. 374—375.

былъ только известный разрядъ предметовъ, которые волновали его поэтическое чувство: это были картины великихъ явленій природы, великія дѣла и задачи науки, славныя событія современной исторіи отечества и здѣсь превыше всего дѣянія Петра Великаго, наконецъ стремленія и мечты о славномъ процвѣтаніи отечества въ будущемъ. Когда въ его одахъ рѣчь касалась этихъ любимыхъ темъ, у него являлось истинное поэтическое одушевленіе и оно высказывалось сильнымъ и выразительнымъ языкомъ, которымъ онъ несомнѣнно предварилъ Державина. Не будемъ приводить примѣровъ, которые достаточно известны даже по хрестоматіямъ. Нѣтъ спора, что здѣсь нашла большую долю и реторика, но это не была его личная особенность, а общая манера вѣка. По всѣмъ условіямъ времени ода явилась въ той формѣ, которая прежде всего могла найти мѣсто въ литературѣ, и какъ исполненіе той служебной роли, какую заняла новая литература со временъ Симеона Полоцкаго, и какъ результатъ подражанія иностраннымъ образцамъ, гдѣ она также была сильно распространена, и наконецъ какъ форма наиболѣе доступная младенческому обществу. Крайности были замѣчаемы уже современниками и, напримѣръ, Сумароковъ въ его „вздорныхъ одахъ“ довольно удачно пародировалъ многіе напыщенные обороты Ломоносова; но послѣдній вѣроятно не чувствовалъ этой крайности: его фантазія требовала образовъ грандіозныхъ ¹⁾. Что касается упрека, что его лира была слишкомъ податлива на восхваленія, это опять черта вѣка, которая не можетъ быть отнесена только къ его личному вкусу и выбору: во-первыхъ, оды часто прямо заказывались и были исполненіемъ оффиціальнаго порученія, а во-вторыхъ, Ломоносовъ былъ безусловный патріотъ, для котораго всякая данная власть была предметомъ почтенія, и къ ней направлялись его ожиданія и надежды для отечества. Мы упоминали, какъ этотъ патріотизмъ приводилъ его къ поступкамъ не только грубымъ, но и несправедливымъ, когда онъ считалъ необходимымъ вступаться за честь и пользу Россіи, которымъ, по его мнѣнію, наносили ущербъ его противники изъ нѣмецкихъ академиковъ; онъ съ гордостію указывалъ имъ, что онъ — „природный русскій“; во всѣхъ своихъ академическихъ планахъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы содѣйствовать процвѣтанію „Петрова насажденія“; въ замѣткахъ, которыя только въ послѣднее время извлечены изъ его бумагъ, остался слѣдъ его постоянныхъ раз-

¹⁾ Любопытно, что самое слово „високопарный“ (т.-е. високопарный) въ употребленіи Ломоносова не имѣетъ своего нынѣшняго значенія, въ смыслѣ величественнаго, а значить только: важный, возвышенный.

мышлений о томъ, какъ должны науки содѣйствовать пользамъ русскаго государства и т. д., — понятно, что въ одѣ, гдѣ онъ обращался и къ лицамъ, окружающимъ престолъ, и къ массѣ читателей, тѣ же мысли должны были высказываться у него тѣмъ съ большимъ жаромъ и получать иной разъ преувеличенное выраженіе. Его оды ни въ какомъ случаѣ не были пустою лестью; иногда это были или прямые указанія на то, что нужно для Россіи, или воспоминанія о Петрѣ Великомъ, въ которомъ онъ неизмѣнно указывалъ идеалъ и образецъ.

Только изрѣдка онъ обращался въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ къ шуткѣ и эпиграммѣ. Таковъ въ особенности извѣстный „Гимнъ бородѣ“, въ которомъ сказалась нетерпѣливая вражда къ обскурантизму. Шутка попала въ цѣль и Ломоносовъ вызвалъ противъ себя ожесточенныя нападенія, при чемъ Тредьяковскій считалъ полезнымъ подобныхъ авторовъ сжигать „въ струбахъ“, какъ это практиковалось нѣкогда въ старину, а синодъ подалъ на Ломоносова особенную жалобу на высочайшее имя, которая впрочемъ оставлена была безъ послѣдствій.

Какъ другіе начинатели новой русской литературы, такъ и Ломоносовъ считалъ нужнымъ трудиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ поэзіи. Кромѣ всякаго рода опытовъ риторической лирики, онъ оставилъ неоконченный эпосъ „Петриаду“; по заказу императрицы Елизаветы писалъ трагедіи; наконецъ хотѣлъ быть теоретикомъ языка и словесности, и историкомъ. Въ русской исторіографіи онъ не оставилъ серьезнаго труда: отъ него, какъ отъ славнаго ученаго, желали имѣть книгу по русской исторіи, которая нужна была и какъ цѣльное изложеніе, котораго не было, и вмѣстѣ, вѣроятно, какъ своего рода панегирикъ; самъ Ломоносовъ, какъ это очевидно изъ его полемики противъ Миллера, полагалъ, что исторія должна быть изложеніемъ славныхъ дѣлъ руссійскихъ государей, служить къ возвышенію руссійскаго народа и должна избѣгать событій, изложеніе которыхъ могло бы вести къ умаленію этой славы. Очевидно, это не было строго критическое отношеніе къ предмету, какое, однако, было и въ ту минуту совершенно необходимо, потому что только этимъ путемъ возможно было не только установить правильно оцѣнку фактовъ, но и опредѣлить самое свойство источниковъ; Ломоносовъ и его друзья могли достигнуть только первоначальной популярной цѣли; впрочемъ, трудъ Ломоносова обнимаетъ только древнѣйшіе вѣка русской исторіи.

Гораздо важнѣе были его труды по русскому языку, какъ теоретическіе—въ его работахъ по грамматикѣ и риторикѣ, такъ

и практическіе—въ языкѣ его собственныхъ произведеній. Его филологическія сочиненія были уже не однажды подробно разбираемы ¹⁾. Ломоносовъ еще близко примыкаетъ къ своимъ предшественникамъ, именно даже къ Мелетію Смотрицкому, но онъ съ одной стороны знакомъ съ постановкой грамматическаго вопроса въ новыхъ „всеобщихъ грамматикахъ“, а съ другой, живое чувство языка и точныя детальныя изслѣдованія указываютъ ему много такихъ сторонъ книжной и народной рѣчи, которыя не были замѣчаемы его предшественниками. Какъ вообще ученныя предпріятія его остались далеко недовершенными, такъ въ особенности надо сожалѣть, что не были довершены его работы по языку. Изъ его бумагъ гораздо больше, чѣмъ изъ его напечатанной грамматики, мы видимъ широту намѣченныхъ имъ плановъ, которые для своего времени были по истинѣ замѣчательны. Любопытно въ самомъ дѣлѣ, что онъ путемъ сравненія словъ приходитъ къ заключенію, что языки русскій, греческій, латинскій и нѣмецкій „сродственны“ между собою; но „въ значительную долготу времени“ языки измѣняются, и тѣмъ давнѣе одинъ языкъ отдѣляется отъ другого, тѣмъ разница между ними больше. Отъ славянскаго корня произошли, по его словамъ: русскій, польскій, болгарскій, сербскій, чешскій, словацкій, вендскій; и онъ угадывалъ дѣленіе славянскихъ нарѣчій на двѣ ихъ главныя вѣтви. Вообще онъ догадывался, что языкъ развивается по извѣстнымъ законамъ: „какъ всѣ вещи отъ начала въ маломъ количествѣ начинаются и потомъ присовокупленіями возрастаютъ, такъ и слово человеческое, по мѣрѣ извѣстныхъ человѣку понятій, въ началѣ было тѣсно ограничено и одними простыми рѣченіями довольствовалось. Но съ приращеніемъ понятій и само (слово) по мало умножилось“, т.-е. ему представлялась уже развитая позднѣе мысль объ исторіи языка. Что касается русскаго языка, то справедливо замѣчено было, что никто въ то время, даже до Карамзина и Пушкина, не владѣлъ въ такой мѣрѣ непосредственнымъ знаніемъ русскаго народнаго языка, какъ Ломоносовъ. Въ своей академической запискѣ о трудахъ Шлёцера (1764) Ломоносовъ противопоставляетъ ему „природныхъ русскіихъ ученыхъ“ и между прочимъ одного (т.-е. самого себя), „который съ малолѣтства спозналъ общей русскіей и славенской языки, а достигши совершеннаго возраста съ прилежаніемъ про-

¹⁾ Такъ это было сдѣлано еще въ книгѣ г. Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“. М. 1844; затѣмъ въ диссертациі Константина Аксакова о Ломоносовѣ. М. 1846; въ послѣднее время составъ грамматики Ломоносова былъ довольно подробно опредѣленъ въ сочиненіи г. Будиловича.

челъ почти всё, древнимъ славено-моравскимъ языкомъ сочиненныя и въ церкви употребительныя книги. Сверхъ сего довольно знаетъ всё провинціальныя діалекты здѣшней имперіи, также слова, употребляемыя при дворѣ, между духовенствомъ и между простымъ народомъ, разумѣя притомъ Польской и другіе съ русскимъ сродные языки¹⁾. Любопытно, что здѣсь онъ указываетъ различіе древняго русскаго языка отъ древняго „моравскаго“, на который, по его мнѣнію, было переведено священное писаніе. Какъ во всякой начинающейся литературѣ, въ то время шли ожесточенные споры о литературномъ языкѣ (и въ особенности объ отношеніяхъ церковно-славянскаго и народно-русскаго элемента), а также о правописаніи; мнѣнія нерѣдко путались, такъ что иногда защитникъ народнаго элемента (какъ Тредьяковскій) становился опять его противникомъ, и Сумароковъ не однажды попрекалъ Ломоносова въ неправильности языка, въ который онъ будто бы вставлялъ холмогорское нарѣчіе, тогда какъ Сумароковъ гордился тѣмъ, что былъ москвитяниномъ; тѣмъ не менѣе Ломоносовъ, безъ сомнѣнія, гораздо шире всѣхъ своихъ современниковъ понималъ составъ русскаго языка и отношенія его элементовъ. Главный матеріалъ для русскаго литературнаго языка долженъ былъ доставить языкъ народный, который, по мнѣнію Ломоносова, распадался на три главные діалекта: московскій, сѣверный или поморскій, украинскій или малороссійскій: „московскій діалектъ главный и при дворѣ и дворянствѣ употребительный, а особливо въ городахъ, близъ Москвы лежащихъ... Поморскій нѣсколько склоненъ ближе къ старому славянскому и великую часть Россіи занялъ... Малороссійскій больше всѣхъ отличенъ и смѣшенъ съ польскимъ“. Онъ былъ знакомъ со всѣми этими діалектами на родинѣ, въ Москвѣ и въ Кіевѣ. Московское нарѣчіе онъ предпочиталъ какъ по важности столичнаго города, такъ и по его „отмѣнной красотѣ“, но думалъ, что въ образованіи литературнаго языка должны имѣть долю и другія нарѣчія, и должны только подчиняться высшему авторитету языка славянскаго. Его отношеніе къ церковно-славянскому языку было вполне сознательное; онъ цѣнилъ его, какъ историческую основу русскаго языка: на немъ создавалась богатая литература по греческимъ образцамъ и въ этомъ отношеніи онъ стоялъ выше русскаго народнаго языка, который поэтому могъ дѣлать изъ него заимствованія, какъ изъ привычнаго источника. Поэтому, славянскій языкъ занялъ мѣсто въ извѣстномъ распредѣленіи трехъ

¹⁾ Биларскій, стр. 603—604.

родовъ стили, а именно, языкъ славянскій могъ служить въ особенности для стили высокаго.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о значеніи того переворота, который совершился въ русскомъ литературномъ языкѣ въ эпоху реформы, и о томъ, какое значеніе имѣла при этомъ дѣятельность Ломоносова ¹⁾. Не повторяя сказаннаго, укажемъ еще высшее представленіе, какое имѣлъ Ломоносовъ о русскомъ языкѣ. Еще въ 1739 году Ломоносовъ писалъ: „Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что російскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ“. Въ посвященіи „Россійской Грамматики“ в. вн. Павлу Петровичу Ломоносовъ писалъ (1755): „Карлъ пятый, Римскій Императоръ, говаривалъ, что Испанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Италіанскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но еслибы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оними говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Испанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италіанскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка. Обстоятельное всего сего доказательство требуетъ другого мѣста и случая. Меня долговременное въ Россійскомъ словѣ упражненіе о томъ совершенно убѣждаетъ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра, и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ; не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасти далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море“.

Невольно вспоминаются другія восторженныя слова, сказанныя новѣйшимъ тонкимъ мастеромъ русскаго языка—слова Тургенева въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“.

А. Пыпинъ.

¹⁾ Ист. русск. Этнографія, т. I.

ПАМЯТИ ПОЭТОВЪ

СТАРАГО ВРЕМЕНИ.

I.

Ө. И. Тютчевъ.

Едва касаясь праха жизни,
Онъ шелъ къ заоблачной отчизнѣ,
Душой невиненъ, какъ дитя,—
Но, полонъ вышнихъ отерovenій,
Узоры будничныхъ явленій
Лучами пѣсенъ золота.
Постигъ духовный взоръ поэта
Загадокъ полную судьбу,
Добра и зла, тѣней и свѣта
Игру, слѣзны и борьбу!
Привѣтъ надежды въ тяжкихъ мукахъ
И въ счастья горестный упрекъ—
Все воплотилъ онъ въ чудныхъ звукахъ!
И тихоструенъ ихъ потокъ,
Какъ дуновенье ласки вешней!
Приподнимаетъ онъ края
Завѣсь надъ тайной бытія—
И отерываетъ міръ невѣстный:
Хоръ свѣтлыхъ душъ въ нѣмой ночи
И демоническія грозы,
Любви невянуція розы,
Неугасимые лучи!..

II.

Гр. А. К. Толстой.

Какъ ясный мѣсяцъ изъ-за тучи,
 Какъ севозъ кристаллъ воды текучей
 Тайникъ златой рѣчного дна,—
 Въ лучахъ и трепетѣ созвучій
 Душа, бессмертная видна!

Душа, не павшая къ подножью
 Земныхъ кумировъ, искру божью
 Не погасившая въ пыли,
 Земной не скованная ложью,
 Но не чужая для земли!

О, нѣтъ! Сестра всего земного,
 Лучомъ сіянія Христова,
 Любовью пламенной дыша,
 Кипитъ—и льетъ живое слово
 Живая русская душа!..

Неустрасимый, неподекупный,
 Рѣчамъ одной любви доступный,—
 Глядитъ поэтъ на дольний прахъ,
 На міръ печальный и преступный—
 И грусть видна въ его очахъ;

Широкодумный, человѣчный,—
 Священный гнѣвъ иль смѣхъ безпечный
 Бросая въ царство суеты,—
 Поэтъ—подвижникъ правды вѣчной
 И рыцарь вѣчной красоты!..

Василій Величко.

ПОЭЗИЯ

Ө. И. ТЮТЧЕВА

Говорятъ, что въ нѣдрахъ русской земли скрывается много естественныхъ богатствъ, которыя остаются безъ употребленія и даже безъ описанія. Это можетъ, конечно, объясняться огромнымъ объемомъ страны. Болѣе удивительно, что въ небольшой области русской литературы тоже существуютъ такія сокровища, которыми мы не пользуемся и которыхъ почти не знаемъ. Самымъ драгоценнымъ изъ этихъ кладовъ я считаю лирическую поэзію Тютчева. Этого несравненнаго поэта, которымъ гордилась бы любая литература, хорошо знаютъ у насъ только немногіе любители поэзіи, огромному же большинству даже „образованнаго“ общества онъ извѣстенъ только по имени да по двумъ-тремъ (далеко не самымъ лучшимъ) стихотвореніямъ, помѣщаемымъ въ хрестоматіяхъ¹⁾ или положеннымъ на музыку. Я часто слыхалъ восторженные отзывы о стихотвореніяхъ Тютчева отъ Льва Толстого и отъ Фета¹⁾; Тургеневъ въ своей краткой рецензіи называетъ

---

¹⁾ „Фетъ выразилъ свой восторгъ въ посланіи къ „обожжаемому“ поэту („Вечерніе Огни“, вып. II) и въ надписи — „На книжкѣ стихотвореній Тютчева“ („В. О.“, вып. II):

Вотъ нашъ патентъ на благородство,
Его вручаетъ намъ поэтъ;
Здѣсь духа мощнаго господство,
Здѣсь утонченной жизни цвѣтъ.
Въ сыртахъ не встрѣтишь Геликона,
На льдинахъ лавръ не распцѣтеть,
У чужей нѣтъ Анакреона,
Къ зырянамъ Тютчевъ не придетъ.

Тютчева „великимъ поэтомъ“; А. Григорьевъ упоминаетъ о немъ, говоря о нашихъ поэтахъ особенно отзывчивыхъ на жизнь природы;—но специального разбора или объясненія его поэзіи до сихъ поръ не существуетъ въ нашей литературѣ, хотя прошло уже болѣе двадцати лѣтъ съ его смерти. Превосходное сочиненіе И. С. Аксакова есть главнымъ образомъ біографія и характеристика личности и славянофильскихъ взглядовъ поэта. Въ настоящемъ очеркѣ я беру поэзію Тютчева по существу, чтобы показать ея внутренній смыслъ и значеніе.

I.

Прежде всего бросается въ глаза при знакомствѣ съ нашимъ поэтомъ созвучіе его вдохновенія съ жизнью природы,—совершенное воспроизведеніе имъ физическихъ явленій какъ состояній и дѣйствій живой души. Конечно, всѣ дѣйствительные поэты и художники чувствуютъ жизнь природы и представляютъ ее въ одушевленныхъ образахъ; но преимущество Тютчева передъ многими изъ нихъ состоитъ въ томъ, что онъ вполне и сознательно *отрицалъ* въ то, что чувствовалъ,—ощущаемую имъ живую красоту принималъ и понималъ не какъ свою фантазію, а какъ *истину*. Эта вѣра и это пониманіе стали рѣдки въ новое время,—мы не находимъ ихъ даже, напримѣръ, у такого сильнаго поэта и тонкаго мыслителя, какъ Шиллеръ. Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи „Боги Греціи“ онъ предполагаетъ, что природа только была жива и прекрасна въ *воображеніи* древнихъ, а на самомъ дѣлѣ она лишь мертвая машина. Смерть эллинской мифологіи была для Шиллера смертью самой природы; вмѣстѣ съ прекрасными богами Греціи исчезла и душа міра, оставивъ только свою тѣнь въ художественныхъ памятникахъ классической древности:

Свѣтлый міръ, о, гдѣ ты? Какъ чудесенъ
Былъ природы радостный расцвѣтъ.
Ахъ! въ странѣ одной волшебныхъ пѣсень
Не утраченъ сказочный твой слѣдъ.
Загруста, повымерли долины,
Взоръ нигдѣ не встрѣтитъ божества.

Но Муза, правду соблюдая,
Глядитъ: а на вѣсахъ у ней
Вотъ эта книжка небольшая—
Томомъ премногихъ тяжелей.

Ахъ! отъ той живительной картины
 Только тѣнь видна едва.
 Всѣхъ цвѣтовъ душистыхъ строй великій
 Злымъ дыханьемъ сѣвера снесенъ...

. . . . .
 Я ищу по небу, грусти полный,
 Но тебя, Селена, нѣтъ какъ нѣтъ;
 Оглашаю рощи, кличу въ волны—
 Безотвѣтенъ мой привѣтъ.
 Безъ сознанья радость расточая,
 Не провидя блеска своего,
 Надъ собой вождя не созная,
 Не дѣля восторга моего,
 Безъ любви къ виновнику творенья,
 Какъ часы—не оживленъ и сирѣ,
 Рабски лишь закону тяготѣнья
 Обезбоженъ служить мѣръ...

. . . . .
 Праздно въ мѣръ искусства скрылись боги,
 Бесполезны для вселенной той,
 Что, у нихъ не требуя подмоги,
 Связь нашла въ себѣ самой.
 Да, они укрылись въ область сказки,
 Унося туда же за собой
 Все величье, всю красу, всѣ краски,
 А у насъ остался звукъ пустой ¹⁾.

Тютчевъ не вѣрилъ въ эту смерть природы, и ея красота не была для него пустымъ звукомъ. Ему не приходилось *искать* душу міра и безотвѣтно привѣтствовать отсутствующую: она сама сходилась съ нимъ и въ блескѣ молодой весны, и въ „свѣтлости осеннихъ вечеровъ“; въ сверканьѣ пламенныхъ зарницъ и въ шумѣ ночного моря она сама намекала ему на свои роковыя тайны. И безъ греческой мифологіи міръ былъ полонъ для него и величья, и красы, и красокъ. Въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго. Живое отношеніе къ природѣ есть существенный признакъ поэзіи вообще, отличающій ее отъ двойной прозы: житейско-практической и отвлеченно-научной. Въ минуты настоящаго поэтическаго вдохновенія и Шиллеръ забывалъ, конечно, о часовомъ механизмѣ и о законѣ тяготѣнія—и отдавался непосредственнымъ впечатлѣніямъ природной красоты. Но у Тютчева, какъ я уже замѣтилъ, важно и дорого то, что онъ не только *чувствовалъ*, а и *мыслилъ какъ поэтъ*,—что онъ былъ *убѣжденъ* въ *объективной* истинѣ поэтическаго воззрѣнія на природу. Какъ бы пря-

¹⁾ „Боги Греціи“ Шиллера, въ переводахъ Фета („Вечерніе Огни“, вып. I).

мымъ отвѣтомъ на Шиллеровскій похоронный гимнъ мнимо-умершей природѣ служить стихотвореніе Тютчева:

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней *есть* душа, въ ней *есть* свобода,
Въ ней *есть* любовь, въ ней *есть* языкъ.

Вовсе не высшее *знаніе*, а только собственная слѣпота и глухота заставляютъ людей отрицать внутреннюю жизнь природы:

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца, звать, не дышать,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была;
И, языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза...

II.

Кто же правъ изъ двухъ поэтовъ? Есть жизнь и душа въ природѣ, или нѣтъ? Или, можетъ быть, существуютъ двѣ истины: одна для поэзии, а другая—для науки? Но наука тутъ не при чемъ; она не отвѣчаетъ за тѣ ложные выводы, которые дѣлаются изъ ея достовѣрныхъ данныхъ въ силу односторонняго направленія мысли, возобладавшаго въ извѣстную эпоху. Наука никогда не доказывала—да по существу дѣла и не можетъ доказывать, что міръ есть *только* механизмъ, что природа есть *только* мертвое вещество. Различныя науки изслѣдуютъ природу *по частямъ* и находятъ между этими частями механическую связь; но такой естественной науки, которая изслѣдовала бы вселенную въ ея единствѣ и цѣлости, вовсе не существуетъ, а логика, обязательная и для наукъ, не позволяетъ отъ анализа частей и ихъ внѣшней частичной связи дѣлать окончательное заключеніе о всеобщемъ характерѣ или смыслѣ цѣлаго. Вѣдь и въ тѣлѣ живого человѣка всѣ его части и частицы связаны между собою механически,—это не мѣшаетъ ему, однако, быть одушевленнымъ существомъ. Никто не рѣшится утверждать, что механическое устройство и дѣйствіе скелета, сосудистой, мускульной и нервной сис-

темъ, изучаемое точными науками — анатоміей и фізіологіей,— истощиваетъ собою весь истинный смыслъ человѣческаго существа и существованія; напротивъ, каждый согласится, что весь этотъ механизмъ координированныхъ частей имѣетъ смыслъ только какъ орудіе или средство выраженія и осуществленія внутренней жизни или души человѣка ¹⁾. Точно также и механизмъ всей природы есть только слаженная совокупность для проявленія и развитія всемірной жизни. Точное изученіе этого механизма въ высшей степени важно: оно даетъ человѣку возможность въ известной мѣрѣ управлять естественными явленіями, пользоваться ими для своихъ цѣлей. Но ни теоретическій интересъ, ни практическая польза такого изученія, не составляютъ еще достаточнаго основанія, чтобы видѣть здѣсь всю истину о природѣ: это въ сущности было бы такъ же странно, какъ еслибы кто-нибудь сталъ утверждать, что для полнаго и окончательнаго познанія человѣка нужно только вскрыть и препарировать его трупъ.

Противъ нашего заключенія, отъ одушевленности человѣческаго тѣла къ одушевленности тѣла всемірнаго нельзя приводить то соображеніе, что живого человѣка мы дѣйствительно видимъ какъ замкнутое цѣлое въ нѣкоторомъ ощутительномъ единствѣ,— природу же воспринимаемъ всегда лишь по частямъ. Ясно, что это различіе зависитъ не отъ существа дѣла, а отъ причины совершенно условной—отъ относительныхъ размѣровъ того и другого предмета. Для микроскопическихъ глазъ мухи вовсе не существуетъ цѣлое гармоническое очертаніе человѣка или человѣческаго лица съ его выраженіемъ, да и для нашего собственнаго глаза самое прекрасное и одушевленное лицо превратилось бы при микроскопическомъ изслѣдованіи въ безформенную массу грубыхъ тканей и клѣтокъ, механически нагроможденныхъ безъ всякой законченности и единства. Однако, когда я смотрю на это лицо, какъ на живое, узнаю въ его очертаніяхъ и измѣненіяхъ слѣды внутренняго опыта и выраженіе мыслей, чувствъ и желаній, вижу черезъ него душу и судьбу этого человѣка, то я, конечно, вижу несравненно *больше*, чѣмъ видѣть въ немъ самая наблюдательная муха, и узнаю о немъ болѣе полную истину, чѣмъ ту, которую могъ бы узнать при помощи микроскопа. Никакъ не тѣ волокна и клѣтки, а именно это большее, содержательное и единое, что я вижу живымъ взглядомъ,—оно-то и есть *истина*, или подлинный *смыслъ* этого человѣческаго существа, а то все—

¹⁾ Объ отношеніи жизни къ матеріальной организаціи тѣла—см. превосходная рѣшенія Клода Бернара въ его общей фізіологіи.

только матеріалъ, въ которомъ воплощается, посредствомъ котораго выражается эта истина или этотъ смыслъ.

Какъ тѣлесная видимость человѣка, сверхъ анатомическихъ и физиологическихъ фактовъ, говоритъ намъ еще своими знаками о его внутренней жизни или душѣ, такъ точно и явленія всей природы, каковы бы ни были ихъ *механическій составъ*, говорятъ намъ въ своей живой дѣйствительности о жизни и душѣ великаго міра. Ни логика, ни сама естественная наука, не позволяютъ намъ разсуждать иначе и противопоставлять человѣка міру, какъ живое мертвому. Для взгляда исключительно-аналитическаго — и въ самомъ человѣкѣ нѣтъ живого и цѣлаго существа, а только механическая совокупность матеріальныхъ частицъ; для взгляда же, направленнаго на полную истину, а не на одну только ея сторону, есть жизнь и во внѣшней природѣ. Послѣдовательная мысль должна выбирать между двумя положеніями: или ни въ чемъ, даже въ человѣкѣ, даже въ насъ самихъ, нѣтъ одушевленной жизни, или — она есть во всей природѣ, различаясь только по степенямъ и формамъ. Ибо нѣтъ никакой возможности, оставаясь на научной почвѣ, *отдѣлить* человѣка въ этомъ отношеніи отъ остальнаго міра. Своею тѣлесною организаціей, которою обусловлено развитіе его внутренней жизни, человѣкъ принадлежитъ къ животному царству, а животныхъ никакъ нельзя выдѣлять изъ прочей природы и признавать ихъ исключительными носителями жизни. На самомъ дѣлѣ животное царство неразрывно связано съ растительнымъ, имѣя съ нимъ первоначально одну общую основу органическаго бытія, до сихъ поръ еще представляемую такими организмами, которыхъ нельзя отнести ни къ животнымъ, ни къ растениямъ. А цѣлый органическій міръ, при всемъ своемъ формальномъ *отличіи*, неразрывно связанъ однако, и по составу, и по происхожденію, съ міромъ неорганическимъ. Утверждать безусловную грань между этими двумя мірами такъ же въ сущности неосновательно и противно духу науки, какъ еслибы мы признали безусловную разнородность между твердымъ скелетомъ и мягкими тканями человѣческаго тѣла.

Нѣтъ во всей вселенной такой пограничной черты, которая дѣлила бы ее на совершенно особенныя, не связанныя между собою области бытія; повсюду существуютъ переходныя, промежуточныя формы, или остатки такихъ формъ, и весь видимый міръ не есть собраніе дѣланныхъ вещей, а продолжающееся развитіе или ростъ единаго живого существа.

III.

Глубокое и сознательное убѣжденіе въ дѣйствительной, а не воображаемой только, одушевленности природы избавляло нашего поэта отъ того раздвоенія между мыслию и чувствомъ, которымъ съ прошлаго вѣка и до послѣдняго времени страдаетъ большинство художниковъ и поэтовъ. Простодушно принимая механическое міровоззрѣніе за всенаучное и единственно-научное, а потому несомнѣнное, вѣря ему на слово, эти служители красоты *не от-
рываютъ отъ своею дѣло*. Какъ художники, они передаютъ намъ жизнь и душу природы, но при этомъ въ умѣ своемъ убѣждены, что она безжизненна и бездушна, что ихъ чувство и вдохновеніе ихъ обманываютъ, — что красота есть субъективная иллюзія. А на самомъ дѣлѣ иллюзія только въ томъ, что отраженіе ходячихъ мнѣній на поверхности ихъ сознанія принимается ими за нѣчто болѣе достовѣрное, чѣмъ та истина, которая отерывается въ глубинѣ ихъ собственнаго поэтическаго чувства.

Понятно, что при такомъ невѣріи самихъ поэтовъ въ свое дѣло простые смертные приучаются смотрѣть на поэзію (и на художественную красоту вообще) какъ на праздный вымыселъ, и про всякую идею, возвышающуюся надъ житейскою плоскостью, говорить: „это только поэзія“! — разумѣя: „это вздоръ и пустяки“! И кто же въ самомъ дѣлѣ станетъ придавать серьезное значеніе тому божеству, въ которомъ сами его жрецы видятъ только пріятный вымыселъ?

Поэты, не вѣрящіе въ поэзію, у которыхъ умъ противорѣчить вдохновенію, и которые думаютъ, что истина есть только одна механика, — такіе поэты или должны быть неискренни, или же, отдаваясь поэтическому чувству, должны воздерживаться отъ всякой мысли, что не всегда возможно и не всегда полезно; когда же они начинаютъ разсуждать, у нихъ выходитъ отвлеченная и мертвая дидактика, вовсе не нуждающаяся въ „языкѣ боговъ“. Тютчевъ былъ избавленъ отъ такого печальнаго положенія. Его умъ былъ вполне согласенъ съ вдохновеніемъ: поэзія его была полна сознаннымъ мысли, а его мысли находили себѣ только поэтическое, т.-е. одушевленное и законченное выраженіе.

Дѣло поэзіи, какъ и искусства вообще, — не въ томъ, чтобы „украшать дѣйствительность пріятными вымыслами живого воображенія“, какъ говорилося въ старинныхъ эстетикахъ, а въ томъ, чтобы воплощать въ *ощутительныхъ* образахъ тотъ самый высшій смыслъ жизни, которому философъ даетъ опредѣленіе въ

разумныхъ понятіяхъ, который проповѣдуется моралистомъ и осуществляется историческимъ дѣятелемъ, какъ идея добра. Художественному чувству непосредственно открывается въ формѣ оцутительной красоты то же совершенное содержаніе бытія, которое философіей добывается какъ истина мышленія, а въ нравственной дѣятельности даетъ о себѣ знать какъ безусловное требованіе совѣсти и долга. Это только различныя стороны или сферы проявленія одного и того же; между ними нельзя провести раздѣленія, и еще менѣе могутъ онѣ противорѣчить другъ другу. Если вселенная имѣетъ смыслъ, то двухъ противорѣчащихъ другъ другу истинъ—поэтической и научной такъ же не можетъ быть, какъ и двухъ исключающихъ другъ друга „высшихъ благъ“, или цѣлей существованія. Слѣдовательно правъ былъ нашъ поэтъ, когда прекрасное онъ сознательно принималъ и утверждалъ не какъ вымыселъ, а какъ предметную истину, и, чувствуя жизнь природы и душу міра, былъ убѣжденъ въ дѣйствительности того, что чувствовалъ.

IV.

Убѣжденіе въ истинности поэтического воззрѣнія на природу и вытекающая отсюда цѣльность творчества, гармонія между мыслию и чувствомъ, вдохновеніемъ и сознаніемъ, составляетъ преимущество Тютчева даже передъ такимъ значительнымъ поэтомъ-мыслителемъ, какъ Шиллеръ; но, разумѣется, это не есть *исключительное* преимущество нашего поэта, или специфическая особенность его поэзіи. И въ новой литературѣ далеко не всѣ поэты такъ довѣрчиво, какъ Шиллеръ, приняли механическое міровоззрѣніе, такъ легко усвоили дуализмъ Картезія или субъективизмъ Канта. Многіе продолжали и продолжаютъ сознательно вѣрить въ дѣйствительность жизни и красоты, не видя въ этомъ никакого противорѣчія съ маятникомъ Галилея или закономъ тяготѣнія Ньютона. Между великими европейскими именами достаточно назвать Шелли въ Англіи и особенно Гёте въ Германіи. Гёте, который былъ не только поэтъ и мыслитель, но и великій естествоиспытатель, положившій начало двумъ интереснѣйшимъ наукамъ—сравнительной анатоміи животныхъ и морфологіи растений—лучше, чѣмъ кто-либо другой, могъ видѣть всю недостаточность исключительно-механическаго объясненія вселенной, и въ цѣломъ рядѣ великолѣпныхъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Gott und Welt*, онъ прославляетъ душу міра и жизнь природы.

Конечно, Тютчевъ не рисовалъ такихъ грандіозныхъ картинъ міровой жизни въ цѣломъ ходѣ ея развитія, какую мы находимъ у Гёте, напримѣръ, въ стихотвореніи: „Vertheilet euch durch alle Regionen“... Но и самъ Гёте не захватывалъ, быть можетъ, такъ глубоко, какъ нашъ поэтъ, *темный корень* мірового бытія, не чувствовалъ такъ сильно и не сознавалъ такъ ясно ту *таинственную основу всякой жизни*, — природной и человѣческой, — основу, на которой зиждется и смыслъ космическаго процесса, и судьба человѣческой души, и вся исторія человѣчества. Здѣсь Тютчевъ дѣйствительно является вполне своеобразнымъ и если не единственнымъ, то навѣрное самымъ сильнымъ во всей поэтической литературѣ. Въ этомъ пунктѣ — ключъ ко всей его поэзіи, источникъ ея содержательности и оригинальной прелести.

„Олимпіецъ“ Гёте обнималъ своимъ орлинымъ взглядомъ величіе и красоту живой вселенной. Онъ зналъ, конечно, что этотъ свѣтлый, дневной міръ не есть первоначальное, что подъ нимъ скрыто совсѣмъ другое и страшное, но онъ не хотѣлъ останавливаться на этой мысли, чтобы не смущать своего олимпійскаго спокойствія. Но при такомъ одностороннемъ взглядѣ *смысла* вселенной не можетъ быть раскрытъ во всей своей глубинѣ и полнотѣ. Нашъ поэтъ одинаково чуетъ въ обѣихъ сторонахъ дѣйствительности; онъ никогда не забываетъ, что весь этотъ свѣтлый, дневной обликъ живой природы, который онъ такъ умѣетъ чувствовать и изображать, есть пока лишь „златотканый покровъ“, расцвѣченная и позолоченная вершина, а не основа мірозданія:

На міръ таинственный духовъ,
Надъ этой бездной безымянной
Покровъ наброшенъ златотканый
Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный покровъ —
День — земнородныхъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!
Но меркнетъ день, настала ночь, —
Пришла — и съ міра рокового
Ткань благодатную покрова,
Собравъ, отбрасываетъ прочь.
И *бездна* намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ей и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна.

„День“ и „ночь“, конечно, только видимые символы двухъ сторонъ вселенной, которыя могутъ быть обозначены и безъ ме-

тафоръ. Хотя поэтъ называетъ здѣсь темную основу мірозданія „бездною безимянной“, но ему сказалося и собственное ея имя, когда онъ прислушивался къ напѣвамъ ночной бури:

О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной,
О чемъ такъ стѣуешь безумно?
Что значить странный голосъ твой,
То глухо-жалобный, то шумный?
Понятнымъ сердцу языкомъ
Твердишь о непонятной мукѣ,
И роешь и взрываешь въ немъ
Порой неистовые звуки.
О, страшныя пѣсенъ сихъ не пой
Про древній хаосъ, про родимый!
Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!
Изъ смертной рвется онъ груди
И съ безпредѣльнымъ жаждетъ слиться...
О, бурь уснувшихъ не буди:
Подъ ними хаосъ шевелится!..

V.

Хаосъ, т.-е. отрицательная безпредѣльность, зіяющая бездна всякаго безумія и безобразія, демоническіе порывы, возстающіе противъ всего положительнаго и должнаго—вотъ глубочайшая сущность міровой души и основа всего мірозданія. Космическій процессъ вводитъ эту хаотическую стихію въ предѣлы всеобщаго строя, подчиняетъ ее разумнымъ законамъ, постепенно воплощая въ ней идеальное содержаніе бытія, давая этой дикой жизни смыслъ и красоту. Но и введенный въ предѣлы всемірнаго строя, хаосъ даетъ о себѣ знать мятежными движеніями и порывами. Это присутствіе хаотическаго, ирраціональнаго начала въ глубинѣ бытія сообщаетъ различнымъ явленіямъ природы ту свободу и силу, безъ которыхъ не было бы и самой жизни и красоты. Жизнь и красота въ природѣ—это борьба и торжество свѣта надъ тьмою, но этимъ необходимо предполагается, что тьма есть дѣйствительная сила. И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена въ торжествѣ міровой гармоніи: достаточно, чтобы свѣтлое начало овладѣло ею, подчинило ее себѣ, до извѣстной степени воплотилось въ ней, ограничивая, но не упраздняя ея свободу и противоборство. Такъ безбрежное море

въ своемъ бурномъ волненіи *прекрасно* ¹⁾, какъ проявленіе и образъ мятежной жизни, гигантскаго порыва стихійныхъ силъ, введенныхъ, однако, въ невыблемые предѣлы, не могущихъ расторгнуть общей связи мірозданія и нарушить его строя, а только наполняющихъ его движеніемъ, блескомъ и громомъ:

Какъ хорошо ты, о, море ночное,
Здѣсь лучезарно, тамъ сиво-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходить и дышетъ и блещетъ оно.
На безконечномъ, на вольномъ просторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдн ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты.

Хаосъ, т.-е. само безобразіе, есть необходимый фонъ всякой земной красоты, и эстетическое значеніе такихъ явленій, какъ бурное море, или ночная гроза, зависитъ именно оттого, что „подъ ними хаосъ шевелится“. Въ изображеніи всѣхъ этихъ явленій природы, гдѣ яснѣе чувствуется ея темная основа, Тютчевъ не имѣетъ себѣ равныхъ:

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо полное грозю
Отъ зарницъ все трепетало.
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣнцы
Загорались надъ землею.

Этотъ поразительный образъ геніально заканчивается постомъ въ другомъ стихотвореніи:

. . . . .
Однѣ зарницы огневны,
Воспламеняясь чередой,
Какъ *демоны мухомытые*,
Ведутъ бесѣду межъ собой.

¹⁾ По Канту оно не прекрасно, а возвышенно (erhaben); но это одна изъ тѣхъ немужныхъ distinctiones more scholasticorum, къ какимъ великій философъ имѣлъ чрезвычайную слабость.

Какъ по условленному знаку
 Вдругъ неба вспыхнетъ полоса,
 И быстро выступятъ изъ мраку
 Поля и дальніе дѣса.
 И вотъ опять все потемнѣло,
 Все стаяло въ чуткой темнотѣ,
 Какъ бы *таинственное дѣло*
 Рѣшалось тамъ на высотѣ...

VI.

Частныя явленія суть знаки общей сущности. Поэтъ умѣетъ читать эти знаки и понимать ихъ смыслъ. „Тайнственное дѣло“, заговоръ „глухонѣмыхъ демоновъ“—вотъ начало и основа всей мировой исторіи. Положительное, свѣтлое начало космоса сдерживаетъ эту темную бездну и постепенно преодолеваетъ ее. Въ послѣднемъ, высшемъ произведеніи мирового процесса—человѣкъ—внѣшній свѣтъ природы становится внутреннимъ свѣтомъ сознанія и разума,—идеальное начало вступаетъ здѣсь въ новое, болѣе глубокое и тѣсное сочетаніе съ земною душою; но соответственно этому глубже раскрывается въ душѣ человѣка и противоположное демоническое начало хаоса. Ту темную основу мірозданія, которую онъ чувствуетъ и видитъ во внѣшней природѣ подъ „златотканнымъ покровомъ“ космоса, онъ находитъ и въ своемъ собственномъ сознаніи,—

И въ чуждомъ, неразгаданномъ, ночномъ
 Онъ узнаетъ *наслаждѣ роковое*.

Главное проявленіе душевной жизни человѣка, открывающее ея смыслъ, есть любовь, и тутъ опять нашъ поэтъ сильнѣе и яснѣе другихъ отмѣчаетъ ту самую демоническую и хаотическую основу, въ которой онъ былъ чутокъ въ явленіяхъ внѣшней природы. Этому вовсе не противорѣчитъ прозрачный одухотворенный характеръ Тютчевской поэзіи. Напротивъ, чѣмъ свѣтлѣе и духовнѣе поэтическое созданіе, тѣмъ глубже и полнѣе, значить, было прочувствовано и пережито то темное, не-духовное, что требуетъ просвѣтленія и одухотворенія.

Жизнь души, сосредоточенная въ любви, есть по основѣ своей *злая* жизнь, смущающая миръ прекрасной природы:

Что это, другъ? Иль злая жизнь не даромъ, —
 Та жизнь — увы! — что въ насъ тогда текла,
 Та злая жизнь съ ея мятенымъ жаромъ
 Черезъ порогъ завѣтный перешла?

Эта злая и горькая жизнь любви убиваетъ и губитъ:

О, какъ убійственно мы любимъ,
Какъ въ буѣной стѣпотѣ страстей
Мы то всего вѣрнѣе любимъ,
Что сердцу нашему мнѣй.

И это не есть случайность, а роковая необходимость земной любви, ея *предопредѣленіе*:

Любовь, любовь, — гласитъ преданье, —
Союзъ души съ душой родной,
Ихъ соединенье, сочетанье,
И роковое ихъ слиянье,
И поединокъ роковой.
И чѣмъ одно изъ нихъ нѣжнѣе
Въ борьбѣ неравной двухъ сердець,
Тѣмъ неизбѣжнѣе и вѣрнѣе,
Любя, страдая, грустно мѣя,
Оно износитъ наконецъ.

VII.

„Злая жизнь“, превращающая саму любовь въ роковую борьбу, должна кончиться смертью. Но въ чемъ же тогда смыслъ существованія? Смыслъ природы былъ въ созданіи разумнаго существа — человѣка. Но разумъ въ природномъ человѣкѣ оказывается лишь формальнымъ преимуществомъ; онъ не въ силахъ овладѣть самою жизнью, сдѣлать ее разумною и бессмертною; на зло разуму и на погибель человѣка поднимается и въ немъ демоническое и хаотическое безуміе. Какъ въ мировомъ процессѣ природы темное начало хаоса преодолевалось выѣшнимъ образомъ, чтобы произвести свѣтлое міровданіе, увѣнчанное явленіемъ человѣческаго разума, — такъ теперь та же самая темная основа, оторывшаяся на новой, высшей ступени въ жизни и сознаніи человѣка, должна быть побѣждена внутреннимъ образомъ, въ самомъ человѣчествѣ и при его собственномъ содѣйствіи. Достойная и вѣчная жизнь, которая требуется, но не дается разумомъ, должна быть добыта духовнымъ подвигомъ. Носитель мирового смысла не можетъ имѣть свой смыслъ *онъ* себя. Если я, какъ человѣкъ, могу понимать откровеніе абсолютнаго совершенства и сознательно стремиться къ нему, то зачѣмъ же мнѣ переставать быть человѣкомъ, чтобы достигнуть этого совершенства? Если мое сознаніе, какъ форма, можетъ вмѣстить безконечное, то зачѣмъ же мнѣ искать другой формы? Очевидно, я долженъ быть не сверхъ-человѣкомъ,

а только совершеннымъ человѣкомъ, т.-е. соответствующимъ въ дѣйствительности идеалу человѣчности.

Смыслъ человѣка есть онъ самъ, но только не какъ рабъ и орудіе злой жизни, а какъ ея побѣдитель и владыка. Если загадка мірового сфинкса разрѣшена явленіемъ природнаго человѣка, то загадка новаго сфинкса—души и любви человѣческой—разрѣшается явленіемъ духовнаго человѣка, дѣйствительнаго и вѣчнаго царя міровданія, покорителя грѣха и смерти. И какъ первое явленіе разумнаго сознанія произошло въ природѣ и изъ природы, но не отъ природы, а отъ того разума, который изначала устроялъ саму природу для этого явленія и цѣлесообразно направлялъ естественный ходъ всемірнаго процесса,—подобнымъ образомъ и первое явленіе совершенной духовной жизни произошло въ человѣчествѣ и изъ человѣчества, но не отъ человѣчества, а отъ Того, Кто изначала вложилъ въ свой образъ и подобіе зародышъ высшаго совершенства, и какъ Грядущій приготавливалъ чрезъ всю исторію необходимыя условія своего дѣйствительнаго воплощенія.

Применить къ „Вождю на пути совершенства“, замѣнить роковое и убійственное наслѣдіе древняго хаоса духовнымъ и животворнымъ наслѣдіемъ новаго человѣка, или Сына человѣческаго,—первенца изъ мертвыхъ,—вотъ единственный исходъ изъ „злой жизни“ съ ея кореннымъ раздвоеніемъ и противорѣчіемъ,—исходъ, котораго не могла миновать вѣщая душа поэта:

О, вѣщая душа моя,
О, сердце полное тревоги,
О, какъ ты бьешься на порогѣ
Какъ бы двойного бытія!..
Такъ, ты жилище двухъ міровъ,
Твой день — болѣзненный и страстный,
Твой сонъ — пророчески-неясный,
Какъ откровеніе духовъ..
Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя, —
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть!..

VIII.

„Роковое наслѣдіе“ темныхъ силъ въ нашей душѣ не есть что-нибудь личное, оно одинаково принадлежитъ всему человѣчеству,—таково же и духовное наслѣдіе Христово: оно явилось

не для одиночнаго утѣшенія отдѣльнаго человѣка, а для спасенія всего человѣчества. Но что такое это человѣчество, въ чемъ оно реально воплощается, гдѣ его дѣйствительное единство? На это у Тютчева былъ опредѣленный отвѣтъ, который я здѣсь только укажу, не оспаривая и не подтверждая его.

Какъ во всей природѣ нашъ поэтъ признавалъ живую душу, которою держится единство и цѣлость міра, подобнымъ же образомъ онъ признавалъ и живую душу человѣчества и видѣлъ ее—въ Россіи. Какъ, по словамъ одного учителя церкви, душа человѣческая *по природѣ* христіанка, такъ Тютчевъ считалъ Россію по природѣ христіанскимъ царствомъ. Такъ какъ смыслъ исторіи въ христіанствѣ, то Россія, какъ страна по преимуществу христіанская, призвана внутренне обновить и внѣшнимъ образомъ объединить все человѣчество.

Для Тютчева Россія была не столько предметомъ любви, сколько вѣры—„въ Россію можно только вѣрить“. Личныя чувства его къ родинѣ были очень сложны и многоцвѣтны. Было въ нихъ даже нѣкоторое отчужденіе, съ другой стороны—благобовніе къ религіозному характеру народа: „всю тебя, земля родная,—въ рабскомъ видѣ Царь Небесный—исходилъ благословляя“,—бывали въ нихъ, наконецъ, минутныя увлеченія самымъ обыкновеннымъ шовинизмомъ.

Тютчевъ не любилъ Россію тою любовью, которую Лермонтовъ называетъ почему-то „странною“. Къ русской природѣ онъ скорѣе чувствовалъ антипатію. „Сѣверъ роковой“ былъ для него „сновидѣньемъ безобразнымъ“; родныя мѣста онъ прямо называетъ *не милыми*:

Итакъ, опять увидѣлся я съ вами,
Мѣста не милыя, хоть и родныя,
Гдѣ мыслилъ я и чувствовалъ впервые

.....
Ахъ, нѣтъ не здѣсь, не этотъ край безлюдный
Былъ для души моей родимымъ краемъ,—
Не здѣсь расцвѣлъ, не здѣсь былъ величаемъ
Великій праздникъ молодости чудной!
Ахъ, и не въ эту землю я сложилъ
То, чѣмъ я жилъ и чѣмъ я дорожилъ...

Значить, его вѣра въ Россію не основывалась на непосредственномъ органическомъ чувствѣ, а была дѣломъ сознательно выработаннаго убѣжденія. Первое, еще неопредѣленное, но зато высоко-поэтическое выраженіе этой вѣры онъ далъ еще въ молодости—въ прекрасномъ стихотвореніи: *На взятіе Варшавы*. Въ своей борьбѣ съ братскимъ народомъ Россія руководилась не вѣр-

скими инстинктами, а только необходимостью „державы цѣлости соблюсти“, для того, чтобы —

Славянъ родина покогнѣнъ
Подъ знамя русское собрать
И вѣсть на подвигъ просвѣщенъ
Единомысленную рать.
И это высшее сознанье
Вело нашъ доблестный народъ;
Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя беретъ.
Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ незыримой высотѣ
И неуклонно за звѣздой
Идетъ къ таинственной метѣ.

Эта вѣра въ высокое призваніе Россіи возвышаетъ самого поэта надъ мелкими и злобными чувствами національнаго соперничества и грубаго торжества побѣдителей. Необычною у патріотическихъ пѣвцовъ гуманностью дышать заключительные стихи, обращенные къ Польшѣ:

Ты жъ, братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ.
Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепелъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода
Какъ фениксъ возродится въ немъ.

Позднѣе—вѣра Тютчева въ Россію высказывалась въ пророчествахъ болѣе опредѣленныхъ. Сущность ихъ въ томъ, что Россія сдѣлается всемірною христіанскою монархіей,—

...и не преидеть во вѣкъ,
Какъ то провидѣлъ Духъ и Даніилъ предрекъ.

Одно время условіемъ для этого великаго событія онъ считалъ соединеніе Восточной церкви съ Западною чрезъ соглашеніе Царя съ Папой, но потомъ отказался отъ этой мысли, находя, что напство несовмѣстимо со свободой совѣсти, т.-е. съ самою существенною принадлежностью христіанства.

Отказавшись отъ надежды мирнаго соединенія съ Западомъ, нашъ поэтъ продолжалъ предсказывать превращеніе Россіи во всемірную монархію, простирающуюся по крайней мѣрѣ до Нила и до Ганга съ Царьградомъ, какъ столицей. Но эта монархія не будетъ, по мысли Тютчева, подобіемъ звѣринаго царства Навухо-

доносорова,—ея единство не будет держаться насиліемъ. По поводу извѣстнаго изреченія Бисмарка, Тютчевъ противопоставляетъ другъ другу *два единства*:

„Единство“ — возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней —
 „Быть можетъ спасено жалѣвомъ лишь и кровью“;
 Но мы попробуемъ спаять его любовью, —
 А тамъ увидимъ, что прочтѣтъ...

Великое призваніе Россіи предписываетъ ей держаться единства, основаннаго на духовныхъ началахъ; не гнилою тяжестью земного оружія должна она облечься, а „чистою ризою Христовою“.

Надъ этой темною толпой
 Непробужденнаго народа
 Взойдешь ли ты когда, свобода,
 Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
 Блеснетъ твой лучъ и оживить,
 И сонъ разгонитъ и туманы...
 Но старня гнилыя раны,
 Рубцы насилій и обидъ,
 Растлѣнье душъ и пустота,
 Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...
 Кто ихъ излечить, кто прикроетъ?
 Ты, риза чистая Христа...

Мнѣ остается только прибавить нѣсколько словъ, чтобы изъ патриотическихъ пророчествъ нашего поэта извлечь ихъ окончательный смыслъ.

Допустимъ, становясь на точку зрѣнія Тютчева, что Россія—душа человѣчества. Но, какъ въ душѣ природнаго міра, и въ душѣ отдѣльнаго человѣка свѣтлое духовное начало имѣетъ противъ себя темную хаотическую основу, которая еще не побѣждена, еще не подчинилась высшимъ силамъ,—которая еще борется за преобладаніе и влечетъ къ смерти и гибели,—точно такъ же, конечно, и въ этой собирательной душѣ человѣчества, т.-е. въ Россіи. Ея жизнь еще не опредѣлилась окончательно, она еще двоится, увлекаемая въ разныя стороны противоборствующими силами. Воплотился ли уже въ ней свѣтъ истины Христовой; спаяла ли она единство всѣхъ своихъ частей любовью? Самъ поэтъ признаетъ, что она еще не покрыта ризою Христа.

Значить,—можно сказать поэту,—судьба Россіи зависитъ не отъ Царьграда и чего-нибудь подобнаго, а отъ исхода внутренней нравственной борьбы свѣтлаго и темнаго начала въ ней самой. Условіе для исполненія ея всемірнаго призванія есть внутренняя

побѣда добра надъ зломъ въ ней, а Царьградъ и прочее можетъ быть только слѣдствіемъ, а никакъ не условіемъ желаннаго исхода. Пусть Россія, хотя бы безъ Царьграда, хотя бы въ настоящихъ своихъ предѣлахъ, станетъ христіанскимъ царствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова—царствомъ правды и милости—и тогда все остальное,—навѣрное,—приложится ей.

Владимиръ Соловьевъ.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

ВЪ

УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

I.

Наши окраины своимъ пространствомъ и богатствомъ естественныхъ продуктовъ могутъ смѣло поспорить со многими первоклассными государствами западной Европы, и уже съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія неоднократно служили, да и служатъ въ настоящее время, предметомъ различныхъ изслѣдованій, обнимающихъ чуть ли не всѣ сферы человѣческой дѣятельности. Одна лишь медицинская часть и санитарное состояніе окраинъ не обращали на себя вниманія любителей изслѣдователей и еще очень долго, можетъ быть, оставались бы въ полнѣйшемъ заголѣ, еслибы случайно не сдѣлались театромъ дѣйствій сыпного тифа и холеры, причинившихъ намъ столько зла за послѣдніе три года.

Вотъ немногія данныя, какія вынесены мною изъ болѣе чѣмъ полу-годового пребыванія въ одной изъ отдаленныхъ окраинъ нашихъ — уральской области, куда я командированъ былъ въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года медицинскимъ департаментомъ для принятія антихолерныхъ мѣръ. Многое, я увѣренъ, въ моемъ сообщеніи можетъ съ перваго взгляда показаться невѣроятнымъ и преувеличеннымъ, многія страницы могутъ показаться принадлежащими не настоящему времени, а давнымъ-давно прошедшей эпохѣ. Къ сожалѣнію, надо сознаться однако, что все, представляемое мною въ настоящемъ очеркѣ, есть одна лишь горькая дѣйствительность, цѣпь голыхъ фактовъ, случайно нашедшихъ себѣ незваннаго свидѣтеля.

Но прежде чѣмъ перейти къ главной цѣли моего сообщенія, позволю себѣ вкратцѣ остановиться на нѣкоторыхъ географическихъ и этнографическихъ особенностяхъ уральской области.

II.

Уральская область раздѣляется р. Ураломъ на двѣ части—европейскую и азиатскую. Европейская часть на западѣ примыкаетъ къ самарской и астраханской губерніямъ, на сѣверѣ къ оренбургской, на югѣ къ Каспійскому морю. Азиатская часть—линіей, соединяющей входъ въ Кайдакъ, заливъ Каспійскаго моря, съ мѣстомъ впаденія въ Аральское море Аму-Дарьи,—отдѣляется на югѣ отъ закаспійскаго края, а на востокѣ граничитъ съ обширной тургайской областью.

Вся область занимаетъ площадь въ 362.402 квадратныхъ километра, превосходя такимъ образомъ своимъ пространствомъ такіа значительныя государства, какъ королевства Італія, Пруссія и др. Степи уральской области не представляютъ собой сплошной плоской равнины, наводящей своимъ томительнымъ однообразіемъ въ степныхъ приволжскихъ и сибирскихъ губерніяхъ уныніе на путешественника; напротивъ того, во многихъ мѣстахъ уральская область обладаетъ такой массой живописныхъ красотъ, что ей могли бы позавидовать многія мѣстности возвышенной полосы Россіи. Живописностью этой край обязанъ, съ одной стороны, отрогамъ Общаго Сырта, раскинувшимся по области или цѣлыми грядами, тянущимися иногда на протяженіи многихъ десятковъ верстъ, или большими группами, или отдѣльными довольно высокими холмами, а съ другой, немалому числу степныхъ рѣчекъ, затѣйливо извивающихся по степи, и то таинственно появляющихся изъ нѣдръ земли, то такъ же таинственно и внезапно прерывающихъ свое теченіе. Почва въ области преимущественно состоитъ изъ чернозема или суглинка, довольно способнаго къ воздѣлыванію и производящаго, особенно въ годы обильно выпадающихъ дождей, пшеницу высшаго качества. Въ сѣверо-восточной части области почва почти исключительно глинистая или мергелисто-песчаная съ кое-гдѣ разбросанными солончаками. Мѣстность здѣсь изобилуетъ ковылемъ, драгоцѣннѣйшимъ кормомъ для скота. Средняя часть области, примыкающая къ лѣвому берегу р. Урала, отличается своими песками и солончаками, поросшими полынью и тамъ и сямъ разбросаннымъ въ видѣ маленькихъ оазисовъ ковылемъ. Южная часть, и въ особенности юго-восточная, представляетъ собою почти голую пустыню. Орошается уральская область, кромѣ р. Урала и его притоковъ (Чагана, Деркула и др.), упомянутыми выше степными рѣчками,

остающимися, впрочем, иногда большую часть года совершенно безводными. Въ азиатской части области изъ крупныхъ никогда не высыхающихъ степныхъ рѣкъ можно указать на рр. Уилъ и Эмбу. Большимъ подспорьемъ для страны служатъ весной снѣговья или такъ называемыя талыя воды. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ населеніе пользуется колодцами, дающими, хотя и нѣсколько жесткую, но довольно, въ общемъ, доброкачественную воду. Лѣтняго дождя выпадаетъ весьма незначительное количество. Въ сѣверной части—зимы большей частью снѣжныя, въ южной же онѣ мало или даже совершенно безснѣжныя. Высшая точка зимней температуры достигаетъ по Реомюру отъ -40° до -50° , а лѣтняя почти до такого же градуса $+$. Воздухъ сухъ до того, что всѣ самые жаркіе лѣтніе дни, когда отъ прикосновенія къ желѣзу или дереву можно получить серьезные ожоги, кожа ваша остается совершенно сухой. Доступный со всѣхъ сторонъ дѣйствію вѣтровъ, уральскій край въ лѣтнее время окутывается цѣлыми слоями пыли, несущейся по степямъ или въ видѣ огромныхъ непрерывныхъ тучъ, или въ видѣ смерчей, и дѣлающей край въ такіе моменты въ высшей степени непривлекательнымъ какъ для случайнаго туриста, такъ и для постоянныхъ обитателей области. Ранней же весной и осенью вѣтры поднимаютъ цѣлыми міриадами степные кустарники, извѣстные здѣсь подъ названіемъ „катуновъ“; они несутся иногда по степи столь стройными и правильными рядами, что напоминаютъ собою издали какія-то полчища чудовищныхъ звѣрей. Катунны эти несутся часто въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что нерѣдко засыпаютъ по самымъ крышамъ отдѣльныя избы, а иногда и цѣлые поселки. Зимой вѣтры являются причиной жестокихъ бурановъ, дѣлающихъ невозможнымъ сообщеніе не только между болѣе или менѣе отдаленными обитаемыми пунктами, но даже между сосѣдними жилищами въ одномъ какомъ-нибудь поселкѣ.

III.

Всего населенія въ уральской области до 560 тысячъ, изъ которыхъ на долю христіанъ приходится только около 118 тысячъ. Приведенная цифра христіанскаго населенія, впрочемъ, довольно неточна, такъ какъ въ весеннее и лѣтнее время въ уральскую область стекаются на полевныя работы изъ всѣхъ центральныхъ губерній десятки тысячъ рабочихъ, изъ числа которыхъ немалая часть остается навсегда въ предѣлахъ области.

Христіанская часть населенія состоитъ изъ казаковъ и такъ называемыхъ „иногороднихъ“ (мѣщанъ, ремесленниковъ и крестьянъ). Къ

не-христіанской части относятся киргизы, татары и калмыки, насчитывающіе въ своей средѣ не мало лицъ, принадлежащихъ къ казачьему сословію. Казаки и большая часть иногороднихъ—раскольники. Расколъ здѣсь царствуетъ во всѣхъ его видахъ и повсемѣстно. Въ глуши казачьихъ поселковъ вы найдете и безпоповцевъ, и бѣглопоповцевъ, и такъ называемыхъ австрійцевъ. Даже та часть населенія, которая согласилась въ царствованіе Николая Павловича, уступая административному давленію, воссоединиться съ православіемъ, выговорила себѣ нѣкоторыя льготы, и не называетъ себя православными, а „церковными“ или единовѣрцами. Изъ официальныхъ данныхъ видно, что единовѣрцевъ значится въ области до половины всего христіанскаго населенія; на самомъ же дѣлѣ ихъ гораздо меньше, такъ какъ вступающіе въ бракъ казаки, желая „закрѣпить“, по ихъ выраженію, свой союзъ, только номинально переходятъ въ единовѣріе, фактически же остаются прежними изувѣрами-раскольниками. Остальная бѣльшая часть населенія исповѣдуетъ магометанство—сюда относятся киргизы и татары. Въ области имѣется еще, кромѣ того, небольшое число буддистовъ (калмыковъ), живущихъ отдѣльнымъ поселкомъ въ предѣлахъ Чижиинской станицы, и азычниковъ.

Сами уральскіе казаки не представляютъ собою кореннаго населенія края, искони обитающаго въ немъ. Къ устьямъ р. Яика, нынѣшняго Урала, они пришли въ 1580 г. съ низовьевъ Волги, послѣ разрушенія царствъ казанскаго и астраханскаго. Состояли они въ то время преимущественно изъ русскихъ и величали себя вольными казаками. Московское же правительство, какъ это видно изъ государственныхъ актовъ того времени, называло ихъ „казацкими разбойниками“ и „необузданной вольницей“. Съ цѣлью обузданія черезъ-чуръ ужъ много позволявшихъ себѣ казаковъ, правительство построило городъ Усть-Яицкѣ (нынѣшній Гурьевъ) и постепенно начало ихъ лишать вольностей. Дошло даже до того, что оренбургское правленіе запретило имъ носить бороду, угрожало преслѣдованіемъ ихъ двуперстнаго крестнаго знаменія и даже познакомило ихъ съ батогами и кнутами. Оттого-то яицкіе казаки первые откликнулись на призывъ Пугачева, обѣщавшаго пожаловать ихъ „крестомъ и бородой, рѣками, дугами, деньгами и съѣстными припасами, свинцомъ и порохомъ и вѣчной волей“. Покоренные и усмиренные, казаки утратили свое прежнее названіе „яицкихъ“, и на мѣстѣ ихъ главнаго города Яицка стоитъ теперь г. Уральскъ. Отнято у нихъ также право избирать изъ своей среды главнаго старшину и уничтоженъ ихъ „кругъ“. Съ 1874 г. введена въ уральской области обязательная военная служба на общемъ основаніи, тогда какъ до этого община посылала казаковъ на службу по добровольному соглашенію. Почти цѣлая треть каза-

ковъ, недовольныхъ этой реформой, переселена была въ Сибирь и Среднюю Азію.

Въ административномъ отношеніи уральская область дѣлится на четыре уѣзда: уральскій, калмыковскій, гурьевскій и эмбенскій. Въ европейской части первыхъ трехъ уѣздовъ господствующее населеніе казаки, а въ азіатской ихъ части и въ эмбенскомъ—киргизы. Послѣдніе встрѣчаются и въ казачьихъ поселеніяхъ, исполняя здѣсь обязанности казачьихъ пастуховъ и работниковъ.

Населеніе уральской области занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыболовствомъ. Хотя дѣло общиннаго владѣнія землей и водами въ послѣднее время сильно измѣнилось подѣ влияніемъ сословныхъ различій, однако, въ общемъ, казаки живутъ довольно зажиточно. Той бѣдности и нищеты, какая почти повсемѣстно встрѣчается въ нашихъ русскихъ деревняхъ, вы здѣсь нигдѣ не найдете. У каждаго казака,—я не говорю уже о состоятельныхъ, число какихъ въ области довольно значительно, имѣется въ достаточномъ количествѣ свой хлѣбъ (пшеничный), свой скоть, свое сѣно, своя изба или мазанка, своя баня, свой каймакъ (любимое лакомство казаковъ, приготовляемое изъ топленыхъ сливокъ).

Трудъ у казака-уральца наемный. Пахать, сѣять, жать или пасти скоть—уралецъ считаетъ для себя унижительнымъ занятіемъ. Кромѣ праздничныхъ дней, коихъ наберется у казака до 200 въ году, у него остается еще масса свободного времени, проводимаго имъ въ полномъ бездѣйствіи. Казачки записываются домашнимъ хозяйствомъ и исполняютъ (у безпоповцевъ) церковныя требы. Дѣвушки, величающія себя барышнями, занимаются разными рукодѣліями и рѣдко берутся за тяжелую домашнюю работу. Всѣ почти казаки и казачки грамотны.

IV.

Казалось бы, что въ результатѣ исчисленныхъ выше бытовыхъ условій уральскихъ казаковъ, прирость населенія въ уральской области ежегодно долженъ былъ бы прогрессивно увеличиваться, а число смертей и заболѣваемости, напротивъ, уменьшаться. Однако изъ официальныхъ данныхъ медицинскаго департамента за послѣднія 10 лѣтъ видно, что прирость населенія если прямо и не уменьшается, то остается почти на одной и той же высотѣ, число же смертей и заболѣваемости съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Всего населенія, напр., было:

Въ 1886 г.	545.779	чел.
„ 1887 „	547.162	„
„ 1889 „	547.081	„
„ 1890 „	540.000	„
„ 1892 „	550.000	„

При этомъ надо прибавить, что наплывъ иногороднихъ въ уральскую область съ каждымъ годомъ возрастаетъ, такъ что цифра приплага населенія съ нѣсколькихъ первоначальныхъ сотъ человѣкъ возросла въ 1892 г. до 36.686 чел.

Несмотря на громадную плодovitость (рѣдкая казачка, достигши климатическаго возраста, не перенесла 8 и болѣе родовъ), трудно найти казачью семью, насчитывающую болѣе 4 дѣтей. Станнымъ также можетъ показаться, какъ это видно изъ отчетовъ того же медицинскаго департамента, что сифилисъ, оспа, дифтеритъ, скарлатина, коклюшъ, малярія, дизентерія и проч.—сдѣлались коренными обитателями уральской области.

Гдѣ же, спрашивается, коренится источникъ этихъ несообразностей и чѣмъ объяснить это странное, повидимому, явленіе? Отвѣтъ на эти вопросы, мнѣ кажется, можно найти, какъ это мы увидимъ ниже, въ той постановкѣ врачебно-санитарнаго дѣла, какаѣ и по сей день царствуетъ въ уральской области.

Всѣхъ врачей въ уральской области пять: 1 областной врачъ, постоянно живущій въ г. Уральскѣ, и 4 уѣздныхъ врача, по одному на каждый громадный уѣздъ!.. Я исключаю здѣсь врачей военныхъ, живущихъ по городамъ и не могущихъ оказывать не-городскому населенію врачебную помощь. Съ 1-го октября 1893 года, кромѣ того, съ введеніемъ въ г. Уральскѣ городского положенія, прибавился еще 1 врачъ, городской, опять-таки для оказанія помощи исключительно населенію одного только города Уральска. Такимъ образомъ, оказывается, что 1 врачъ приходится съ 1-го октября 1893 г. на 93.260 ч., а до этого приходился на 111.910 жителей!.. Если, далѣе, исключить изъ общаго числа областного врача, принужденнаго посвящать все свое время канцелярскимъ занятіямъ, и уѣздныхъ врачей, обреченныхъ на постоянные разъѣзды по своимъ необозримымъ районамъ для исполненія несомыхъ ими чисто судебныхъ обязанностей; тогда мы придемъ къ очень печальному выводу, что въ области собственно врачебной помощи вовсе нѣтъ, и что приходится,—какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующаго,—лечить однимъ лишь фельдшерамъ.

Фельдшеровъ на каждую станицу, состоящую изъ 10 или болѣе поселковъ, отстоящихъ другъ отъ друга иногда на разстояніи 30 верстъ, полагается одинъ. Фельдшеръ этотъ—казахъ, съ самыми примитивными взглядами на медицину и на свои обязанности. По спеці-

альному образованію они стоятъ ниже даже нашихъ ротныхъ фельдшеровъ; умственнымъ же круговоротомъ они ничѣмъ не отличаются отъ самаго обыкновеннаго степного казака. Кромѣ жалованья, станичные фельдшера, какъ казаки, пользуются всѣми присвоенными послѣднимъ правами, занимаясь полевымъ хозяйствомъ и скотоводствомъ, чему они, между прочимъ говоря, посвящаютъ гораздо больше времени, чѣмъ оказанію медицинской помощи больному населенію. Больнымъ иногда приходится ждать этой помощи по цѣлымъ днямъ, а въ отдаленныхъ отъ станицъ поселкахъ и по цѣлымъ недѣлямъ. О качествахъ этой помощи я долго не буду распространяться. Для характеристики приведу лишь нѣсколько данныхъ, касающихся фельдшеровъ тѣхъ станицъ, какія вѣрены были мнѣ для завѣдыванія въ нихъ медицинской частью въ прошломъ году. Такъ напр., фельдшеръ Каменной станицы, одинъ изъ лучшихъ, надо прибавить, фельдшеровъ уральской области, не прочь былъ принять типичную родовую эклампсію за холеру, сочленовный ревматизмъ за сифилисъ и обратно, пузырьчатый лишай за ракъ, катарръ желудка за болѣзнь сердца и т. д. Головные боли онъ лечитъ мушками, трахому и бленорройное воспаленіе глазъ у новорожденныхъ свинцовыми примочками, нарывы зеленымъ пластыремъ и проч. Фельдшеръ Чижинской станицы въ холерную эпидемію 1892 г. расхаживалъ по больнымъ съ 4 пузырьками (опійная настойка, капли Иноземцева, капли Боткина и касторовое масло), предлагая ихъ больнымъ на выборъ. На протестъ больныхъ, что они-де въ этомъ дѣлѣ не компетентны, онъ отвѣчалъ: „ничего, братецъ! выбирай любой—всѣ отъ холеры“!

У каждого фельдшера въ распоряженіи имѣется такъ называемая станичная аптека. Насколько послѣдняя удовлетворяетъ даже элементарнымъ требованіямъ новѣйшей медицины, видно изъ того, что въ ней не найдешь самыхъ необходимыхъ вещей, самыхъ простыхъ медицинскихъ пособій. Напротивъ того, многое, имѣющееся въ этихъ аптекахъ въ достаточномъ количествѣ, могло бы безъ вреда для цѣлей врачебной помощи быть выброшено изъ ихъ убогаго инвентаря. Такъ напр., тамъ нѣтъ ирригатора и катетера, зато красуется пресловутый зубной ключъ, въ большинствѣ случаевъ ломающій, а не выдергивающій зубы, и 2—3 заржавленныхъ ланцета; нѣтъ каломеля, хлороформа, спорыньи, зато есть хинная настойка, шалфей, ромашка и т. п. Такое обстоятельство, конечно, можно было бы объяснить нежеланіемъ администраціи снабжать фельдшеровъ, во избѣжаніе злоупотребленій, сильно-дѣйствующими средствами; но отчего же администрація не боится довѣрить фельдшерамъ такіе безопасные медикаменты, какъ настойка опія, сулема, карболовая кислота, азотно-кислое серебро?

По качеству своему имѣющіяся въ станичныхъ аптечкахъ средства стоятъ ниже всякой критики. Аптека въ г. Уральскѣ, снабжающая всю уральскую область медицинскими пособіями и медикаментами, старается сбывать въ станичныя аптечки всякій хламъ, въ полной увѣренности, что станичные фельдшера не въ состояніи оцѣнить степень доброкачественности и годности разсылаемыхъ ею продуктовъ. Въ качествѣ образчика я могъ бы представить кусокъ іодоформенной марли, присланной указанной выше аптекой ужъ не фельдшеру, а лично мнѣ, по распоряженію уральскаго областного правленія ¹⁾. Этотъ образчикъ можетъ легко дать намъ представленіе о томъ, какія лечебныя средства попадаютъ въ руки фельдшеровъ, единственныхъ лицъ, кому ввѣрено здоровье населенія уральской области. А между тѣмъ дѣло это могло бы быть поставлено и дешевле и проще, кажется, еслибы уральское хозяйственное правленіе завело свой собственный аптекарскій складъ или выписывало бы медикаменты непосредственно отъ каковаго-нибудь крупнаго дрогиста.

Для полученія медицинскихъ пособій отъ станичнаго фельдшера требуется цѣлая канцелярская процедура. Прежде всего его обязываютъ составить требовательный каталогъ нужныхъ ему средствъ (какъ будто центральная медицинская администрація сама не можетъ знать, какія средства нужны фельдшеру!). Каталогъ отсылается на усмотрѣніе непосредственнаго начальства фельдшера. Непосредственное начальство, сокративъ каталогъ въ значительной степени, отсылаетъ его къ областному врачу, который, сокративъ его въ свою очередь почти до неузнаваемости, дѣлаетъ распоряженіе объ отпускѣ изъ аптеки требуемыхъ по каталогу пособій. Такимъ образомъ, послѣднія поступаютъ, благодаря цѣлому ряду занумерованныхъ „исходящихъ“ и „исходящихъ“, въ распоряженіе фельдшера лишь черезъ 2—3 мѣсяца по отсылкѣ имъ требовательнаго каталога. Фельдшеръ, далѣе, не имѣетъ права требовать пополненія истощившагося у него запаса, пока въ аптекѣ имѣется еще *одинъ приемъ* каковаго-нибудь средства; лишь при количествахъ меньше указаннаго предѣла ему разрѣшается выписка новаго запаса медикаментовъ. И вотъ, при наличности, напр., въ аптекѣ $\frac{1}{2}$ драхмы хинина или $\frac{1}{2}$ унціи кастороваго масла, заболѣвшимъ лихорадкой или расстройствомъ пищеваренія (число такихъ больныхъ доходитъ въ лѣтнее время, когда населеніе станицы достигаетъ почти 10 и болѣе тысячъ человѣкъ, иногда до 200—600 чел.) приходится ждать цѣлыхъ 2—3 мѣсяца новой присылки указанныхъ медикаментовъ.

¹⁾ Вмѣсто 20% іодоформенной марли, какъ это значилось въ требовательномъ каталогѣ, прислана была жесткая накраиженная ткань безъ всякихъ признаковъ іодоформа.

Безплатнымъ отпускѣмъ лекарствъ изъ станичной аптеки имѣть право пользоваться исключительно казачье населеніе данной станицы. Все же прочее населеніе, превосходящее численностью казачье, большей частью втрое, вчетверо и болѣе, можетъ приобретать аптечныя средства за деньги. Хотя фельдшера и обязываются вписывать получаемую плату въ особую шнуровую книгу, но безъ вымогательствъ, конечно, дѣло здѣсь не обходится. За порошокъ хинина въ 5 гранъ фельдшера, напр., берутъ съ бѣдныхъ мужичковъ-рабочихъ 10—20 к., за унцію касторки 20 к., за драхму іодистаго калия 30 к. и т. д. Такая система отпуска лекарствъ, при наличности на всю область только 2-хъ аптекъ (въ г. Уральскѣ), породила въ уральской области страшное зло, вырывающее въ населеніи съ корнемъ всякую вѣру въ врачей и врачебную помощь и служащее источникомъ разнаго рода злоупотребленій и даже преступленій.

Въ любой лавочкѣ самыхъ глухихъ поселковъ можно найти самыя разнообразныя врачебныя средства, начиная такими невинными, какъ касторовое масло, и кончая такими сильными ядами, какъ мышьякъ, сулема, стрихнинъ, белладонна и проч. Особенно бойко ведется торговля іодистымъ и бромистымъ калиемъ, сливающимъ здѣсь подъ общимъ названіемъ „кали“, такъ какъ всѣ казачки почему-то убѣждены, что „кали“ придаетъ имъ красоту и полноту формъ, и выпиваютъ его поэтому въ громадномъ количествѣ. Сулема идетъ у нихъ на приготовленіе мазей и бѣлилъ, какими всѣ казачки отъ мала до велика натираютъ себѣ лица для приданія имъ бѣлизны и свѣжести. Въ результатѣ получается извѣденная синевато-багровая кожа, которая ужъ никоимъ образомъ не можетъ удовлетворять даже такое неприхотливое, естятъ сказать, представленіе о красотѣ, какое существуетъ объ этомъ предметѣ у казака-уральца. Съ косметической цѣлью казачки употребляютъ еще желѣзный купоросъ въ смѣси съ чернильными орѣшками, каковая смѣсь идетъ у нихъ на череніе зубовъ, благодаря чему вы у рѣдкой казачки, достигшей 30-лѣтняго возраста, встрѣтите вполне здоровые и неиспорченные зубы. Бѣлые зубы считаются у казачекъ признакомъ дурного тона. „Псамъ поганымъ нужны бѣлые зубы,—говорятъ онѣ,—благочестивымъ же христіанкамъ грѣшно походить на нечистыхъ ісовъ“.

Вольныя аптеки не стыдятся отдавать на комиссію вышеупомянутымъ лавочкамъ медикаменты, снабженные даже ихъ собственными этикетками. Сюда надо отнести, между прочимъ, всевозможныя тинктуры, мази, разныя спирты, бальзамы и проч. Среди бальзамовъ видное мѣсто занимаетъ такъ называемый „киндеръ-бальзамъ“, расходящійся по области въ несмѣтномъ количествѣ пузырьковъ и бутылокъ. „Киндеръ“, какъ его здѣсь называютъ, пьется всѣми—и боль-

ными, и здоровыми, и стариками, и подростками, и мужчинами, и женщинами. Пьютъ его до одурѣнія, до разстройства пищеваренія, до состоянія галлюцинаціи. За нимъ слѣдуютъ другіе спирты, какъ-то: нашатырный, камфорный, горчичный, также нерѣдко употребляемые населеніемъ внутрь.

Леченіемъ въ области занимаются всѣ желающіе—и ветеринары, которыхъ въ области, къ слову сказать, втрое болѣе, чѣмъ врачей, и коновалы, и фельдшерскія жены, и лавочники, и кабатчики и проч. Существуютъ и профессионалисты, исключительно посвятившіе себя этой дѣятельности. Къ нимъ надо отнести знахарей и бабокъ. Къ знахарямъ населеніе относится съ большимъ уваженіемъ и обращается къ нимъ въ экстренные и серьезные моменты. Такъ, напр., въ холерную эпидемію 1892 г. уральскіе казаки, испугавшись интенсивности эпидеміи, обратились къ этимъ знахарямъ за спасеніемъ отъ „злой, Богомъ насланной болѣзни“. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось узнать у казаковъ, вообще не отличающихся большой правдивостью и очень неохотно посвящающихъ постороннихъ въ свою жизнь, въ чемъ состоялъ у нихъ лекарей способъ леченія холеры. У больного холерой или quasi-заболѣвшаго ею, знахарь особой иглой предварительно отыскиваетъ нечувствительную точку на волосистой части головныхъ покрововъ и на найденномъ будто бы нечувствительномъ мѣстѣ дѣлаетъ ножомъ глубокой разрѣзъ, который затѣмъ посыпаетъ нашатыремъ. „Въ Каменной станицѣ,—разсказываетъ д-ръ Милановъ въ отчетѣ, представленномъ имъ правленію рязанско-уральской дороги,—есть казакъ, леченный по этому способу, потерявшій всю кожу головы и напоминающій собою скальпированнаго“. У многихъ уральцевъ, обращавшихся ко мнѣ за врачебной помощью, я также находилъ обширные кожные рубцы на головѣ, какъ слѣдствіе леченія по указанному способу.

Но главную роль въ дѣлѣ врачебной помощи играютъ бабки, которыя, за отсутствіемъ въ уральской области акушеровъ (ихъ въ области только четыре), приносятъ населенію очень много зла. Онѣ безнаказанно сѣютъ въ поселкахъ и городахъ родильныя заболѣванія, производятъ преступные выкидыши (три такихъ случая находились у меня подъ наблюденіемъ), отравляютъ больныхъ сулемой, киноварью и стрихниномъ. При трудныхъ родахъ онѣ переводятъ роженницъ въ бани, гдѣ начинается варварская процедура „правленія живота“ и накидыванія горшковъ, подъ которыми несчастныя обыкновенно тутъ же умираютъ, не успѣвъ еще разрѣшиться. Разрѣшившихся женщинъ опять-таки тащатъ въ баню, гдѣ имъ еще разъ правятъ животъ и поднимаютъ „золотникъ“ (матку). Съ послѣдней цѣлью бабка захватываетъ вялые покровы живота въ складку и наворачиваетъ

ихъ на полыннѣй вѣникъ, потягивая послѣднѣй въ то же время по направленію къ лицу родильницы. Въ случаѣ послѣродового кровотечения, всегда почти кончающагося здѣсь смертельнымъ исходомъ, бабка кладетъ на животъ родильницы псалтирь или заставлятъ ее дуть въ пустую бутылку. Пуповина не разрѣзывается, а разрывается пальцами. Задержавшееся дѣтское мѣсто до тѣхъ поръ потягивается за пуповину, пока послѣдняя отрывается, а мѣсто застреваетъ въ полости матки. О разрывахъ промежности, выпаденіяхъ и выворотахъ матки и т. п. нечего и говорить здѣсь; подобныя слѣдствія родовой помощи встрѣчались мнѣ почти въ 10% всѣхъ обращающихся ко мнѣ женщинъ.

Смертность новорожденныхъ въ уральской области громадна. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣтей, сейчасъ же по рожденіи, начинаютъ кормить кашей, кренделями, коровьимъ молокомъ и проч. Нѣкоторыя раскольницы-матери доходятъ до такого изуверства, что отказываютъ своимъ груднымъ дѣтямъ въ постные дни даже въ собственномъ молокѣ. Если сюда прибавить, что всякое заболѣваніе у дѣтей считается у казачекъ „божьимъ насланіемъ“, а потому и не нуждается въ леченіи, тогда станетъ понятно, почему при громадной плодовитости уралокъ, какъ мною ужъ было сказано, такъ малочисленны по количеству своихъ членовъ казачьи семьи. Оспа не прививается у половины, или даже у $\frac{3}{4}$ дѣтей, съ одной стороны, потому, что изуверное населеніе непріязненно смотритъ на оспопрививаніе, какъ на дѣло безбожное, а съ другой — прививаніе оспы поручается невѣжественнымъ фельдшерамъ, производящимъ эту легкую и незатѣйливую операцію, большей частью съ пьяныхъ глазъ до того неумѣло и грязно, что отбиваютъ у населенія всякую охоту обращаться къ нимъ за помощью. При средней рождаемости въ годъ 5.000 (цифра приблизительная), вакцинированныхъ дѣтей и взрослыхъ показано:

за 1883 г.	407 чел.
„ 1884 „	406 „
„ 1886 „	450 „
„ 1889 „	столько же.

V.

Выше нами было указано, что инфекціонныя заболѣванія свили себѣ стойкіе и обширные очаги въ уральской области. Причину этого явленія нужно искать, съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ бытовыхъ условіяхъ населенія области, а съ другой—въ отсутствіи ка-

кой-либо организаціи санитарнаго надзора. Изъ бытовыхъ условій, вліяющихъ главнымъ образомъ на распространеніе заразныхъ болѣзней въ краѣ, надо указать на загрязненіе казачьихъ усадебъ и источниковъ водоснабженія навозомъ, служащимъ здѣсь, за отсутствіемъ въ области лѣсовъ, почти единственнымъ средствомъ отопленія. Навозъ, какъ какая-то рѣдкая драгоценность, тщательно бережется казаками тутъ же во дворахъ, и тутъ же изъ него, по мѣрѣ накопленія, готовятъ кизяки или „дрова“, по мѣстному выраженію. „Дрова“ готовятъ слѣдующимъ образомъ: навозъ обливается водой и продолжительное время разминается при помощи связанныхъ попарно за хвосты лошадей; затѣмъ получившаяся масса раздѣляется на плитки и сушится. Благодаря такому примитивному производству „дровъ“, почва въ поселкахъ въ буквальный смыслъ слова состоитъ изъ навоза, и вмѣсто воздуха вамъ приходится дышать одними навозными испареніями. Унавоженные дворы, кромѣ того, представляютъ богатую почву для развитія всевозможныхъ насѣкомыхъ, преимущественно мухъ, не только отравляющихъ, вслѣдствіе ихъ ужасающей численности, въ лѣтнее время жизнь человѣку и животнымъ, но и служащихъ несомнѣнными разносчиками разнаго рода инфекцій. Рѣчки и пруды въ поселкахъ до того загрязняются, что въ лѣтнее время они представляютъ собой какія-то зеленоватые вонючія лужи. Неудивительно поэтому, что, вопреки отсутствію въ области болотистыхъ мѣстностей, перемежающаяся лихорадка, кровавый поносъ, европейская холера и т. п. заболѣванія никогда не оставляютъ уральской области. Въ зависимости отъ бытовыхъ условій находится еще одинъ ужасный бичъ населенія уральской области — сифилисъ. Казаки и въ особенности казачки въ высшей степени легко смотрятъ на отношенія мужчины къ женщинѣ, и невѣрность мужу—явленіе обыкновенное въ области. По уходѣ казаковъ на службу, жены ихъ безъ всякаго стѣсненія и безъ осужденія со стороны окружающихъ предаются самому необузданному разврату. Но и въ присутствіи мужей казачки не считаютъ большимъ грѣхомъ измѣнять имъ. Мнѣ неоднократно приходилось встрѣчать свѣжій сифилисъ у почтенныхъ матерей семействъ при отсутствіи какой-либо вины со стороны ихъ мужей. Такое же явленіе пришлось мнѣ наблюдать въ средѣ такъ называемой „холостежи“, т.-е. подростковъ отъ 12 до 18 лѣтъ, предающейся, за неимѣніемъ другихъ разумныхъ и здоровыхъ занятій, по цѣлымъ ночамъ самому дикому разгулу. Въ итогѣ такихъ аномальныхъ условій жизни, не можетъ, конечно, не получиться весьма печальный результатъ: оказывается, какъ то видно изъ имѣющихся у меня свѣдѣній, что изъ всѣхъ болѣзней въ уральской области 25% приходится на сифилисъ и родственныя ему заболѣванія! Понятно,

что менѣ всего здѣсь виновато само казачье населеніе; видную причину составляетъ здѣсь глубокое невѣжество населенія, поддерживаемое отсутствіемъ школъ, отсутствіемъ энергичныхъ церковныхъ пастырей, миссіонеровъ и мн. др.

Борьба съ эпидемическими заболѣваніями въ уральской области ведется только номинально, на бумагѣ, т.-е. вовсе не ведется. За отсутствіемъ въ краѣ больницъ (на всю область имѣется лишь одна больница, войсковая, въ г. Уральскѣ), изолировать заразныхъ больныхъ нѣтъ никакой возможности, вслѣдствіе чего инфекціонныя заболѣванія свободно гуляютъ по области, унося ежегодно тысячи жертвъ. При появленіи въ какомъ-нибудь поселкѣ эпидеміи,—что доходитъ до свѣденія ближайшаго начальства обыкновенно лишь спустя довольно продолжительное время, когда зараза выхватила уже нѣсколько жертвъ и успѣла распространиться по всему почти поселку,—въ послѣдній командируется фельдшеръ. Отправляется онъ туда безъ всякихъ средствъ, удостоверяется въ существованіи эпидеміи и возвращается обратно. Въ лучшихъ случаяхъ имъ производится въ зараженныхъ помѣщеніяхъ дезинфекція, состоящая въ сжиганіи на черепкѣ кусочка сѣры. Другихъ дезинфекціонныхъ средствъ въ распоряженіи фельдшеровъ не имѣется. По начальству же фельдшеръ отписывается: „всѣ мѣры къ прекращенію эпидеміи приняты; дезинфекція произведена своевременно“, и т. д. Администрація удовлетворена, эпидемія же продолжаетъ похищать жизнь за жизнью. На точно такое же бездѣйствіе обречены не только фельдшера, но и врачи. Въ вѣренномъ мнѣ районѣ появилось нѣсколько случаевъ сыпного тифа. Боясь распространенія болѣзни среди скученнаго въ лѣтніе мѣсяцы населенія, я попросилъ отвести для больныхъ, валившихся посреди базара, какое-нибудь помѣщеніе и снабдить меня необходимыми для содержанія и леченія больныхъ средствами. И вотъ, когда всѣ больные, вывезенные мною въ степь далеко за поселокъ, лишенные всякой медицинской помощи и даже пищи, всѣ до одного перемерли, меня увѣдомили, что необходимое распоряженіе для удовлетворенія моей просьбы сдѣлано. Нѣчто подобное произошло и съ мѣрами, принятыми на случай появленія въ области холеры. За исключеніемъ лишь одного г. Уральска, гдѣ можно во всякое время отвести помѣщеніе подъ холерную больницу, нигдѣ во всей области не построено было ни бараконъ, ни больницъ, не поставлено было даже на случай надобности киргизскихъ кибитокъ. Станичными атаманами только вмѣнено было въ обязанность имѣть помѣщенія „въ виду“, что de facto представлялось совершенно невозможнымъ, такъ какъ помѣщеніе, имѣвшееся „въ виду“ атаманомъ сегодня, завтра могло быть сдано хозяиномъ, не связаннымъ никакими

обязательствами, для совершенно другихъ надобностей. Для борьбы съ холерой вызвано было въ область только два врача и одинъ фельдшеръ. Ни санитаровъ, ни дезинфекторовъ, не было подготовлено. Зато по поселкамъ разосланы были „холерные ящики“ въ распоряженіе поселковыхъ атамановъ. Въ ящикахъ этихъ находилось:

Капель Иноземцева . . .	1 унція (2 стол. ложки).
Кастороваго масла . . .	6 „
Гофманскихъ капель . . .	$\frac{1}{2}$ „
Валеріановыхъ капель . . .	$\frac{1}{2}$ „
Нашатырнаго спирта . . .	1 „
Опійной настойки . . .	1 „
Соляной кислоты . . .	3 „
Очищенн. карб. кисл. . .	2 „
Сулемы	2 „
Горчицы	2 „
Танина	$\frac{1}{2}$ „
Неочищ. карб. кисл. . .	около 20 фунт.
1 гидропультъ.	

Не говоря уже о томъ, что приведеннымъ арсеналомъ средствъ едва ли возможно бороться не только съ холерой, но даже съ острой формой разстройства кишечника, самые медикаменты разосланы въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что у внимательнаго наблюдателя невольно напрашивается вопросъ: не скрыта ли здѣсь какая-нибудь шутка, не мистификація ли это своего рода? Въ самомъ дѣлѣ, что такое 1 унція капель Иноземцева и $\frac{1}{2}$ унціи гофманскихъ капель для поселка съ населеніемъ въ рабочее время до 1.000 и болѣе человекъ? Сколько больныхъ и сколько можно поставить изъ $\frac{1}{2}$ унціи танина клизмъ? Какъ приступить къ послѣднимъ при неимѣнии ирригаторовъ, наконечниковъ и прочихъ необходимыхъ приспособленій? Сколько горчичниковъ на животъ вы поставите изъ 4 ложекъ горчицы? Въ какихъ случаяхъ распоряжающіеся ящиками поселковые атаманы назначать одному больному ядовитую опійную настойку, а другому валеріановыхъ капель? А что такое представляетъ собою присланный для производства дезинфекціи „гидропультъ“, продающійся въ любой лавочкѣ за 10—15 к.? Вѣдь парикмахеры даже въ настоящее время отказались, жалѣя свои легкія, обрызгивать имъ своихъ кліентовъ и запаслись болѣе цѣлесообразными пульверизаторами. А много ли, далѣе, домовъ удастся продезинфицировать 20 ф. карболовой кислоты и 2 унціями сулемы? Гдѣ затѣмъ производить обеззараживаніе платя, домашней утвари, тряпья и проч.? Нигдѣ въ области нельзя найти не только какой-либо паровой камеры, но даже подобія ихъ. А между тѣмъ изъ любой деревенской бани, а послѣднихъ въ области цѣлая гибель, можно, какъ это демонстрировалось

во время холерного съезда врачей въ С.-Петербургѣ въ институтѣ экспериментальной медицины, при самой незначительной денежной затратѣ, устроить вполне цѣлесообразную паровую дезинфекціонную камеру.

VI.

Говоря выше объ отсутствіи въ уральской области больницъ, исключая войсковую въ г. Уральскѣ, я не упомянулъ, что тамъ нѣтъ домовъ для призрѣнія умалишенныхъ. Существующія для этой цѣли при войсковой больницѣ нѣсколько кроватей никоимъ образомъ не могутъ считаться достаточными для удовлетворенія насущной нужды населенія. Больные поэтому или остаются на свободѣ, или этапнымъ порядкомъ перегоняются съ одного мѣста на другое, не находя себѣ нигдѣ пристанища. Трудно даже приблизительно представить—не побывавшимъ въ уральской области и не видавшимъ тамъ этихъ несчастныхъ—картину того ужаснаго и печальнаго положенія, въ какое поставлены перегоняемые по этапу душевнобольные! Разъ я приглашенъ былъ въ уральское полицейское управленіе для освидѣтствованія такого больного. Едва ли я въ состояніи описать то, что представилось моимъ глазамъ. Въ холодной, темной и до невозможности вонючей передней канцеляріи приставовъ полицейскихъ частей г. Уральска скучено было до 2—3 десятковъ лицъ разнаго возраста и пола. Среди нихъ на грязномъ и ослизломъ полу валялся грязный, испарянный, безъ всякихъ признаковъ какой-либо одежды или бѣлья субъектъ въ приступѣ жесточайшей лихорадки. Онъ то-и-дѣло повторялъ: „испытъ, дяденька! дяденька, испытъ!“ Никто не обращалъ на него никакого вниманія, всѣ были заняты своими собственными невеселыми мыслями или своимъ дѣломъ. Изъ собранныхъ свѣдѣній выяснилось, что несчастный (слабоумный) въ описанномъ выше видѣ прибылъ изъ г. Гурьева, т.-е. сдѣлалъ пѣшкомъ около 500 верстъ!

Изъ представленнаго мною краткаго очерка можно видѣть, въ какомъ печальномъ положеніи находится врачебно-санитарная часть въ уральской области, и какъ у насъ далеки еще отъ мысли, что однимъ изъ залоговъ могущества и экономическаго благосостоянія страны служить здоровое и крѣпкое населеніе!

VII.

Спрашивается теперь, какія имѣются здѣсь въ нашей власти средства для того, чтобы помочь этому горю. Многіе уральцы, съ которыми мнѣ приходилось неоднократно бесѣдовать по этому поводу, выстав-

ляли на видѣ, что упорядоченіе медицинской помощи въ уральской области встрѣчаетъ два крупныхъ тормоза: нежеланіе населенія лечиться и недостатокъ въ средствахъ. Съ этими доводами я рѣшительно не могу согласиться. За три мѣсяца съ небольшимъ, проведенные мною въ Каменной станицѣ уральской обл., за врачебной помощью ко мнѣ обратилось около 400 человѣкъ, сдѣлавшихъ больше 600 посѣщеній.

Съ внутр. болѣзн. обратилось до . . .	100
„ дѣтскими	70
„ хирургическими	85
„ женскими	15
акушерская помощь оказана . . .	8
съ глазами	20
„ зубными	6
„ нервными и психическими . . .	10
„ сифил. и сродными ему забол. .	87
подана помощь при отравленіи . .	3

И надо прибавить еще, что всѣ показанныя числа относятся къ самой горячей рабочей порѣ, когда и старый, и малый, и здоровый, и больной, проводятъ дни и ночи въ полѣ, иногда за десятки верстъ отъ поселковъ. Это ли не желаніе лечиться? Что касается второго мотива—недостатка въ средствахъ, то и здѣсь, мнѣ кажется, можно найти надлежащій исходъ. Какъ я уже сказалъ, весной на полевныя работы прибываетъ въ уральскую область масса рабочихъ, и ихъ на каждую станицу минимумъ приходится около 10 тысячъ. Рабочему казаки платятъ 3, 5 и 8 р. за десятину, при чемъ по совершеніи найма выпивается съ каждымъ косаремъ или жнецомъ на 30—50 к. водки. Предложите казакамъ двухъ смежныхъ станицъ эти 30—50 к. отдавать на дѣло медицинской помощи, и у васъ составитъ такимъ образомъ, считая минимальную наличность рабочихъ въ двухъ станицахъ въ 15—20 тысячъ человѣкъ, изрядная сумма въ 6—8 тысячъ рублей. За такія деньги можно было бы устроить на каждой двѣ станицы порядочную больничку, которая въ состояніи была бы функционировать, если не круглый годъ, то, по крайней мѣрѣ, въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, когда населеніе области увеличивается вдвое и втрое противъ зимнихъ. Конечно, рабочимъ, можетъ быть, сначала не понравилась бы перспектива лишенія выпивки, но видя, что деньги поступаютъ на доброе дѣло и на нихъ же, съ теченіемъ времени сами бы охотно прибавили еще свои 1—2 пятака къ собранной суммѣ.

Въ заключеніе, позволю себѣ привести еще одно доказательство тому, въ какое курьезное иногда положеніе бываютъ поставлены врачи, отправляемые для принятія разныхъ противоэпидемическихъ

иѣръ и для борьбы съ эпидеміями. Не вдаваясь въ лишнія подробности, я представляю только слѣдующій самъ за себя говорящій документъ:

„Объ отпускѣ изъ уральской вольной аптеки провизора Контеймъ медикаментовъ и дезинфекціонныхъ средствъ находящемуся въ Каменной станицѣ доктору Ш. для *тифозныхъ* и *холерныхъ* больныхъ:

Названіе предметовъ:	Количество:
Сулемы	1 унція
Неочищен. карболовой кисл. .	2 фунта
Валеріановой настойки . . .	2 драхмы ¹⁾
Иноземцева капель	5 драхмъ ²⁾

Поучительность и курьезность этого документа какъ для врачей, такъ и для публики, даже и непосвященной вполне, кажется, ясна и очевидна!

Мих. Шиперовичъ.

¹⁾ 1 драхма = приблиз. 1 чайной ложкѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1895.

Всеобщее начальное обученіе.—Различные способы распредѣленія вызываемыхъ имъ расходовъ.—Возможность одновременнаго примѣненія его къ дѣвочкамъ и мальчикамъ.—Существуетъ ли неразрывная связь между всеобщностью обученія и его обязательностью?—Школы „низшаго типа“.—Одна изъ причинъ, задерживающихъ ростъ начальной школы.—Уставъ лечебныхъ заведеній и „кодификаціонная ошибка“.

Въ положеніи вопроса о всеобщемъ обученіи произошла, повидимому, крупная перемѣна. До сихъ поръ онъ обсуждался только въ земскихъ собраніяхъ, въ ученыхъ обществахъ, въ печати; теперь онъ получилъ официальное признаніе и поставленъ на очередь въ правительственныхъ сферахъ. Мы выводимъ это заключеніе изъ Высочайшихъ отиѣтокъ, сдѣланныхъ недавно на отчетахъ губернаторовъ астраханскаго, херсонскаго и тульского и обнародованныхъ во всеобщее свѣденіе. Астраханскій губернаторъ указалъ на то, что въ сельскомъ населеніи губерніи, какъ осѣдломъ, такъ и кочевомъ инородческомъ, замѣчается усиливающееся стремленіе къ обученію дѣтей. Государь Императоръ изволилъ замѣтить по этому поводу: *„слѣдуетъ придти на помощь населенію въ этомъ насущномъ для него вопросѣ“*. Объясненіе херсонскаго губернатора, что всѣ наличныя школы губерніи переполнены дѣтьми, но школъ этихъ еще очень недостаточно для удовлетворенія потребности въ начальномъ образованіи, вызвало слѣдующую Высочайшую резолюцію: *„Обращаю самое серьезное вниманіе министерства народнаго просвѣщенія“*. По заявленію тульского губернатора, что въ школахъ обучаются преимущественно мальчики, между тѣмъ весьма желательно привлечь къ образованію возможно большее число дѣвочекъ, такъ какъ на грамотности женщинъ-матерей поκειται образованіе народа, послѣдовала Высочайшая отиѣтка: *„Совершенно согласенъ съ этимъ. Вопросъ этотъ чрезвычайной важности“*. Итакъ, теперь можно считать рѣшеннымъ,

что стремленіе народа къ начальному образованію имѣть право на поддержку со стороны правительства, органомъ котораго должно служить, при этомъ, министерство народнаго просвѣщенія. Правительственной поддержкой должны воспользоваться не только мальчики, но и дѣвочки. Дѣятельнымъ факторомъ въ распространеніи народнаго образованія явится *государство*; забота о поднятіи умственнаго и нравственнаго уровня народа не будетъ предоставлена одному духовенству, одной церковно-приходской школѣ. Въ понятіи о *помощи населенію* заключается, притомъ, признаніе его самостоятельности; *помогаютъ* тому, кто самъ что-нибудь дѣлаетъ, но не можетъ достигнуть цѣли одними собственными силами.

Во всякомъ новомъ дѣлѣ—а характеръ новизны вопросъ о всеобщемъ обученіи, несмотря на давнишнюю его постановку, несомнѣнно имѣть, въ томъ смыслѣ, что только теперь онъ начинаетъ переходить изъ области теоріи въ область дѣйствительной жизни—во всякомъ новомъ дѣлѣ необходимо, прежде всего, точное и подробное изслѣдованіе фактическихъ данныхъ, отъ которыхъ зависитъ его рѣшеніе. Понятно, поэтому, что во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ возникла мысль о всеобщемъ обученіи, собраны или собираются свѣденія о числѣ существующихъ школъ всѣхъ типовъ и наименованій, о числѣ учащихся, о числѣ дѣтей школьнаго возраста, лишенныхъ возможности пользоваться школой,—и составлены или составляются предположенія о нормальныхъ школьныхъ районахъ, о способахъ и средствахъ къ осуществленію такой школьной сѣти, которая обнимала бы собою все населеніе. Эту работу слѣдуетъ, конечно, произвести повсемѣстно—но нѣтъ никакой надобности ждать повсемѣстнаго ея окончанія, чтобы установить формы и виды участія центральной власти въ организаціи всеобщаго обученія. Предстоитъ найти такую комбинацію, которая, обеспечивая поступательное движеніе начальной школы, ограждала бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, самостоятельность общественныхъ силъ, работавшихъ, до сихъ поръ, надъ образованіемъ народа. Нельзя допустить, чтобы въ тѣхъ немногихъ губерніяхъ или уѣздахъ, гдѣ земство относится къ начальной школѣ равнодушно и пассивно, все оставалось, на неопредѣленное время, по старому—но столь же нежелательна была бы регламентація, которая, нарушая инерцію однихъ, стѣснила бы дѣятельность другихъ и все и всѣхъ подводила бы подъ одну общую мѣрку. Намъ кажется, что для приступа къ подготовительнымъ работамъ по введенію всеобщаго обученія, гдѣ онъ еще не начаты, а затѣмъ и для повсемѣстнаго ихъ окончанія, слѣдовало бы назначить—въ земскихъ губерніяхъ—не слишкомъ продолжительный срокъ, по истеченіи котораго работы, не исполненныя земствомъ (и городами), должны были бы перейти въ руки министерства народ-

наго просвѣщенія. Тѣмъ же министерствомъ, конечно, этотъ трудъ долженъ быть исполненъ въ губерніяхъ не-земскихъ (за исключеніемъ городовъ, въ которыхъ введено городское самоуправленіе). По окончаніи изслѣдованія—или даже еще раньше, на основаніи данныхъ о земскомъ, городскомъ и мірскомъ обложеніи и объ отношеніи затратъ на начальную школу къ общей цифрѣ земскихъ, городскихъ и мірскихъ расходовъ,—не трудно было бы опредѣлить *минимумъ* обязательнаго участія земства, городовъ и сельскихъ обществъ въ содержаніи начальныхъ школъ. Всѣ расходы, превышающіе этотъ минимумъ и необходимые для введенія всеобщаго обученія, государству слѣдовало бы принять на свой счетъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на тѣхъ пунктахъ этой программы, по которымъ мы расходимся съ мнѣніями, высказанными уже въ нашей печати, или которые вообще представляются особенно спорными. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что собраніе подготовительныхъ данныхъ всего проще было бы признать дѣломъ учебной администраціи, которой ничто не мѣшало бы приступить къ нему сразу, вездѣ, съ соблюденіемъ однихъ и тѣхъ же приѣмовъ и правилъ, и привести его къ концу съ наименьшей потерей времени и силъ. Мы думаемъ, однако, что небольшое ускореніе работы было бы куплено цѣною ея практичности и всесторонности. Составленіе такъ называемой школьной сѣти—работа далеко не механическая; успѣшное исполненіе ея требуетъ не только правильныхъ вычисленій, но и самаго близкаго знакомства съ мѣстными условіями—а такого знакомства всего скорѣе можно ожидать отъ представителей мѣстнаго самоуправления. Нетрудно установить, на основаніи общихъ данныхъ о населеніи извѣстной мѣстности, число дѣтей школьнаго возраста, нетрудно намѣтить на картѣ, по заранѣе опредѣленному радіусу, границы школьнаго района—но вовсе не легко найти подходящий центръ для этого района, раскрыть причины, вслѣдствіе которыхъ школой пользуются не всѣ дѣти, живущія по сосѣдству съ нею, вызвать и упрочить содѣйствіе школѣ со стороны мѣстныхъ жителей. Съ наибольшими шансами успѣха все это можетъ быть сдѣлано именно земствомъ. Не даромъ же оно взяло на себя, одновременно въ разныхъ концахъ Россіи, инициативу изслѣдованія, составляющаго первый шагъ къ осуществленію всеобщаго обученія. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ важенъ именно починъ; творчество, во всѣхъ отрасляхъ земскаго дѣла, всегда было удѣломъ немногихъ земскихъ собраній—но по пути, ими проложенному, всегда слѣдовали за ними всѣ или почти всѣ остальные. Именно такъ шла первоначальная организація земской школы, земской статистики, земской медицины, земскихъ экономическихъ мѣропріятій; именно такъ развивался до

сихъ поръ и вопросъ о всеобщемъ обученіи, сначала поставленный немногими земствами—московскимъ, тверскимъ, полтавскимъ,—теперь выступающій на сцену во многихъ другихъ. Нѣкоторое различіе средствъ, пускаемыхъ въ ходъ различными земствами, не составляетъ серьезнаго неудобства, въ виду одинаковости дѣли и общей идеи; оно имѣетъ даже хорошія стороны, выясняя сравнительную цѣнность тѣхъ или другихъ пріемовъ изслѣдованія. Мы нимало не сомнѣваемся въ томъ, что повсемѣстное окончаніе подготовительныхъ работъ не заставило бы ждать себя слишкомъ долго, даже еслибы земства и были предоставлены въ этомъ отношеніи самимъ себѣ; но, въ виду громадной важности дѣла, едва ли можно обойтись безъ нѣкоторыхъ общихъ мѣръ къ его ускоренію. Наиболѣе дѣйствительною изъ такихъ мѣръ было бы именно назначеніе срока, къ которому должны быть окончены работы, подъ опасеніемъ перехода ихъ въ руки администраціи. Едва ли нашлось бы много земствъ, которыя рѣшились бы попасть въ категорію неисправныхъ.

Параллельно съ подготовительными трудами, предпринятыми по инициативѣ земскихъ собраній, идетъ, съ 1894 г., работа комиссій, учрежденныхъ при с.-петербургскомъ и московскомъ комитетахъ грамотности—работа, также направленная къ выясненію условій, при которыхъ можетъ и должно быть введено всеобщее обученіе. Польза и важность такой работы не подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, никакому сомнѣнію; но столь же несомнѣнно и то, что ею не могутъ быть замѣнены земскія изслѣдованія. Производимая не на мѣстѣ и не самими земскими дѣятелями, она не будетъ имѣть для земскихъ собраній полной убѣдительною силы; она послужитъ для нихъ призывомъ къ дѣлу, еще не предпринятому, способомъ провѣрки труда, уже произведеннаго, указаніемъ на допущенные при этомъ пробѣлы или недосмотры—но, за исключеніемъ развѣ немногихъ случаевъ, едва ли будетъ положена ими въ основу окончательнаго рѣшенія. Комиссія, избранная московскимъ комитетомъ грамотности, имѣетъ въ виду составить „возможно большее число“ школьныхъ сѣтей для отдѣльныхъ уѣздовъ и вытекающіе отсюда выводы примѣнить къ другимъ уѣздамъ по аналогіи, принимая въ расчетъ ихъ пространство и населенность. Очевидно, что такимъ путемъ можно придти лишь къ приблизительнымъ заключеніямъ, весьма цѣннымъ для общаго освѣщенія вопроса, для выясненія *возможности* всеобщаго обученія, но недостаточнымъ для выработки плана реальной его организаціи.

Переходимъ теперь къ вопросу о распредѣленіи расходовъ, необходимыхъ для введенія всеобщаго обученія, между казною, земствомъ и сельскими обществами. В. П. Вахтеровъ, авторъ замѣчательнаго и въ высшей степени симпатичнаго этюда: „Всеобщее начальное обу-

ченіе" (прочитаннаго сначала, въ видѣ реферата, въ московскомъ комитетѣ грамотности, напечатаннаго, затѣмъ, въ № 7 „Русской Мысли“ за 1894 г. и вышедшаго, наконецъ, отдѣльной брошюрой), считаетъ возможнымъ сохранить то отношеніе между этими расходами, которое существуетъ между ними въ настоящее время. Для земскихъ губерній это отношеніе выражается пропорціей 10 (казна): 60 (земство): 30 (сельскія общества), для губерній не-земскихъ — 28 (казна): 59 (сельскія общества). Предложеніе свое г. Вахтеровъ мотивируетъ тѣмъ, чтобы существующее отношеніе было наиболѣе правильное и справедливое, а только тѣмъ, что оно существуетъ и слѣдовательно всего меньше можетъ вызвать возраженій. „Можно привести,—говоритъ онъ,—много вѣскихъ основаній къ тому, чтобы казна взяла на себя болѣшую часть расходовъ по начальному образованію; но гораздо практичнѣе выдѣлить вопросъ о всеобщемъ обученіи отъ всѣхъ остальныхъ, не имѣющихъ съ нимъ непосредственной связи. Чтобы мысль о всеобщемъ обученіи нашла возможно больше дѣятельныхъ сторонниковъ, не слѣдуетъ связывать этого вопроса ни съ реформой въ распредѣленіи источниковъ содержанія, ни съ преобразованіями выработаннаго самою жизнью типа начальной школы, ни даже съ реформами по завѣдыванію училищами“.

Оставляя покажѣсть въ сторонѣ типъ начальной школы и ея управление, замѣтимъ, что отдѣлить вопросъ о всеобщемъ обученіи отъ вопроса о распредѣленіи вызываемыхъ имъ расходовъ едва ли возможно. Не раздѣляетъ этихъ вопросовъ, въ сущности, и самъ г. Вахтеровъ; онъ разрѣшаетъ одновременно и тотъ, и другой, стараясь только держаться какъ можно ближе къ современной дѣйствительности. Изъ того, что земство покрываетъ *теперь* 60%, сельскія общества — 30% расходовъ на начальную школу, отнюдь не слѣдуетъ еще, однако, чтобы они могли нести въ той же мѣрѣ и расходы на школу, приспособленную къ требованіямъ всеобщаго обученія. Расходъ земства на начальную школу составлялъ въ 1887 г. около 5 милл. рублей; въ настоящее время онъ вѣроятно приближается къ 6 милліонамъ или превышаетъ эту сумму. Дополнительный расходъ, который должно было бы нести земство при введеніи начального обученія, опредѣляется г. Вахтеровымъ слишкомъ въ 3½ милл. рублей; другими словами, земскія смѣты на народное образованіе увеличились бы въ 1½ раза. Даже такое увеличеніе, при нынѣшней организаціи земскихъ сборовъ и при всѣмъ извѣстной трудности ихъ взиманія, было бы весьма чувствительно для плательщиковъ и неудобно для самихъ земствъ; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ различныхъ земствахъ цифры ассигнованій на начальную школу весьма различны и что для

нѣкоторыхъ земствъ расширеніе школьной сѣти, обуславливаемое всеобщимъ обученіемъ, повлекло бы за собою повышеніе школьной смѣты не въ полтора раза, а вдвое или еще больше. Возьмемъ, для примѣра, московскую губернію, относительно которой имѣются по этому предмету довольно точныя свѣденія. Нѣкоторымъ уѣздамъ — напр. московскому, коломенскому, серпуховскому — достаточно было бы сравнительно небольшого усилія, чтобы сдѣлать школу доступной для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста; прибавка къ школьной смѣтѣ составила бы для перваго изъ этихъ уѣздовъ всего 10, для двухъ послѣднихъ — около 20%. Для пяти уѣздовъ она колебалась бы между 28 и 48%, не превышая, слѣдовательно, общей нормы, принимаемой г. Вахтеровымъ; но для пяти другихъ она дошла бы до 59, 62, 67¹/₂, 81¹/₂ и даже 106¹/₂% (можайскій уѣздъ). Увеличеніе общей суммы земскихъ расходовъ, вслѣдствіе повышенія школьной смѣты, въ московскомъ уѣздѣ составило бы только 3%, но въ можайскомъ — *девятнадцать* процентовъ; населенію этого послѣдняго уѣзда пришлось бы платить, вмѣсто 48, 57 тысячъ рублей. А между тѣмъ, московская губернія принадлежитъ въ числу тѣхъ, въ которыхъ нѣтъ уѣздовъ безусловно отстающихъ въ дѣлѣ народнаго образованія; даже можайскій уѣздъ тратитъ на школу почти 18% своего бюджета, т.-е. болѣе средней цифры, составляющей, для всѣхъ земскихъ губерній — не болѣе 15%. Гораздо сильнѣе отклоненія отъ нормы, напримѣръ, въ полтавской губерніи, гдѣ лохвицкій уѣздъ тратитъ на народныя школы 9%, кобеляескій уѣздъ — около 8¹/₂% своего бюджета, тогда какъ въ уѣздахъ полтавскомъ, миргородскомъ и кременчугскомъ это отношеніе превышаетъ 20%. Нетрудно себѣ представить, насколько земства лохвицкое и кобеляеское должны были бы повысить свои смѣты — а слѣдовательно, и процентъ обложенія, — чтобы дать 60% суммы, необходимой для введенія въ ихъ уѣздахъ всеобщаго обученія. Столь же неравномѣрно распределены между уѣздами — а также и частями уѣздовъ — затраты сельскихъ обществъ на начальное образованіе. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ полтавской губерніи (константиноградскомъ, прилуцкомъ) взносы сельскихъ обществъ составляютъ 38 и даже 50% всей суммы, расходуемой на народное образованіе, т.-е. значительно превышаютъ норму, о которой говоритъ г. Вахтеръ — а въ другихъ уѣздахъ (зеньковскомъ, пирятинскомъ) падаютъ гораздо ниже нормы, составляя лишь 9¹/₂% вышеупомянутой суммы. Чтобы сохранить, въ новой организаціи начального обученія, то мѣсто, которое принадлежитъ имъ теперь — другими словами, чтобы покрывать, по прежнему, 30% расходовъ на начальную школу, — сельскія общества должны были бы принести, во

многихъ мѣстахъ, такія жертвы, которыя оказались бы для нихъ совершенно непосильными.

Степень участія земствъ и сельскихъ обществъ въ содержаніи начальной школы зависитъ, въ настоящее время, отъ нихъ доброй воли, стѣсненной лишь въ томъ отношеніи, что если пособія школѣ ассигнованы на срокъ, они не могутъ быть прекращены до его окончанія. Какая судьба должна постигнуть это основное начало, если расходы, вызываемые введеніемъ всеобщаго обученія, будутъ подлежать распредѣленію, въ прежней пропорціи, между казною, земствомъ и сельскими обществами? Если оно останется въ силѣ, то осуществленія всеобщаго обученія придется ждать очень долго. Безъ затрудненія, конечно, будетъ увеличена та доля расходовъ, которая упадетъ на счетъ казны. За казною послѣдуютъ, вѣроятно, тѣ земства и сельскія общества, которыя и теперь уже много дѣлаютъ для начальной школы: всѣ другія останутся далеко позади, отчасти вслѣдствіе недостатка доброй воли, но еще больше—вслѣдствіе непреодолимыхъ финансовыхъ затрудненій. Между тѣмъ, многіе защитники всеобщаго обученія — напр., г. Вахтеровъ, — высказываются за *обязательность* обученія какъ для частныхъ лицъ (т.-е. для родителей, у которыхъ есть дѣти школьнаго возраста), такъ и для общественныхъ учреждений, т.-е. для городовъ, земствъ и сельскихъ обществъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта послѣдняя обязательность, при сохраненіи существующаго отношенія между школьными бюджетами казны, земствъ и сельскихъ обществъ, будетъ заключать въ себѣ крупную несправедливость. Она повлечетъ за собою внезапный, неравномѣрный, во многихъ случаяхъ крайне обременительный или даже неосуществимый ростъ земскихъ и мірскихъ расходовъ, кое-гдѣ и теперь уже черезъ-чуръ высокихъ. Особенно тяжело она отразится на уѣздахъ бѣдныхъ, обширныхъ, съ разбросаннымъ и рѣдкимъ населеніемъ. Большая разница—сдѣлать школу доступной для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ уѣздѣ, гдѣ преобладаютъ многолюдныя села, или деревни группируются вокругъ близкаго къ нимъ центра—или въ уѣздѣ, гдѣ мелкія поселенія отдѣлены другъ отъ друга длинными полосами лѣсовъ, болотъ или песковъ. Въ послѣднемъ уѣздѣ организація всеобщаго обученія непременно обойдется сравнительно дороже, чѣмъ въ первомъ — а между тѣмъ уѣзды рѣдко населенные сплошь и рядомъ принадлежатъ къ числу наименѣе богатыхъ. Все это вмѣстѣ взятое приводитъ насъ къ убѣжденію, что значительная часть расходовъ, вызываемыхъ введеніемъ всеобщаго обученія—гораздо большая, во всякомъ случаѣ, чѣмъ $\frac{1}{10}$ —должна быть принята на счетъ казны.

Противъ такого разрѣшенія вопроса могутъ быть сдѣланы два

главныя возраженія. Съ однимъ изъ нихъ мы уже знакомы изъ словъ г. Вахтерова: это—опасеніе, что самая мысль объ увеличеніи числа школъ преимущественно на счетъ казны затормазитъ движеніе дѣла и увеличитъ число его противниковъ. Намъ кажется, что разсѣять это опасеніе лучше всего можетъ именно статья г. Вахтерова. Пока распространено было мнѣніе, что для осуществленія всеобщаго обученія понадобятся громадныя средства—напр., по разсчету г. Страннолюбскаго, слишкомъ сто милліоновъ рублей ежегодно,—а до тѣхъ поръ трудно было надѣяться на включеніе его въ число очередныхъ правительственныхъ задачъ, болѣе части вызываемыхъ имъ расходовъ—въ составъ государственнаго бюджета. Иное дѣло теперь, когда и въ земствѣ, и въ литературѣ преобладаетъ другой, болѣе правильный и менѣе запугивающій взглядъ на стоимость введенія всеобщаго обученія. По разсчету г. Вахтерова, дополнительные расходы, требуемыя введеніемъ всеобщаго обученія (для однихъ мальчиковъ), составятъ, какъ для земскихъ, такъ и для не-земскихъ губерній (не считая городовъ), всего 8.400 тыс. рублей, изъ которыхъ на долю казны пришлось бы (по извѣстнымъ уже намъ пропорціямъ 10 : 90 и 28 : 59) около 1.350 тыс. руб. Остальные, затѣмъ, семь милліоновъ—еслибы даже они упали всецѣло на счетъ казны—не такая сумма, передъ которой надолго могъ бы остановиться въ раздумьѣ нашъ милліардный бюджетъ... Второе возраженіе заключается въ томъ, что принятіе на счетъ казны всѣхъ или почти всѣхъ расходовъ, обуславливаемыхъ введеніемъ всеобщаго обученія, установило бы, *de facto*, ничѣмъ не оправдываемую льготу для тѣхъ земствъ и сельскихъ обществъ, которые сравнительно мало тратятъ на начальную школу. Предвидя это возраженіе, мы и включили въ нашу программу установленіе *минимальнаго* участія въ расходахъ на начальную школу, *обязательнаго* для земствъ и сельскихъ обществъ. При существованіи такого минимума не будетъ мѣста для несправедливыхъ привилегій—и въ то же время ни одно земство, ни одно сельское общество не будетъ обременено расходами, для него непосильными. Правда, нѣкоторые земства и сельскія общества, особенно усердныя въ дѣлу народнаго образованія, все-таки будутъ тратить на него сравнительно больше, чѣмъ другія—но съ этой неравномѣрностью, зависящею отъ доброй воли заинтересованныхъ учрежденій, нетрудно примириться, тѣмъ болѣе, что предупредить ее можно было бы только путемъ установленія неподвижныхъ, безусловно-однообразныхъ нормъ, менѣе чѣмъ гдѣ-либо желательныхъ въ живомъ дѣлѣ народнаго образованія.

По мнѣнію г. Вахтерова, расходы по введенію всеобщаго обученія въ городахъ должны всецѣло пасть на городскіе бюджеты, какъ потому, что города гораздо богаче, такъ и потому, что они расходуютъ

въ настоящее время на учебную часть меньше, чѣмъ земства, и абсолютно, и относительно. Вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ едва ли возможно. У насъ есть, безспорно, города богатые — но именно они весьма сильно обременены обязательными расходами (напр. на полицію, на пожарную часть); есть, затѣмъ, города бѣдные и даже очень бѣдные, ничѣмъ почти не отличающіеся отъ деревень и во многихъ уступающіе крупнымъ селамъ центральной и юго-восточной Россіи. Всего справедливѣе, думается намъ, было бы примѣнить и къ городамъ то основное начало, которое мы предлагаемъ по отношенію къ земствамъ, т.-е. назначить для каждаго города обязательный минимумъ участія въ содержаніи городскихъ начальныхъ школъ, а недостающія суммы принять на счетъ казны. Весьма можетъ быть, что въ силу этого начала въ нѣкоторыхъ городахъ еса расходы на всеобщее обученіе оказались бы возложенными на городскія средства; но это были бы именно города, способные выдержать такую прибавку къ своему бюджету.

Между сторонниками всеобщаго обученія существуетъ одно коренное разногласіе: одни понимаютъ его буквально, т.-е. желаютъ сдѣлать начальную школу доступной для *всѣхъ* дѣтей школьнаго возраста, независимо отъ ихъ пола; другіе хотя и сочувствуютъ такому пожеланію, но считаютъ его, до поры до времени, практически неосуществимымъ (по крайней мѣрѣ внѣ городовъ) и высказываются за введеніе всеобщаго обученія, на первыхъ порахъ, только для мальчиковъ. Къ числу защитниковъ второго мнѣнія принадлежитъ, между прочимъ, г. Вахтеровъ. „Количество ученицъ въ сельскихъ школахъ, — говоритъ онъ, — ничтожно. Среднимъ числомъ на сельскую школу приходится только 12 дѣвочекъ, что въ $3\frac{1}{2}$ раза меньше числа учащихся мальчиковъ. Правда, это отношеніе съ каждымъ годомъ дѣлается благопріятнѣе. Такъ, въ 1880 г. въ земскихъ губерніяхъ число учениковъ превосходило число ученицъ въ 4,9 раза, а въ 1885 г. — только въ 4,1. Мы вполнѣ раздѣляемъ очень распространенное мнѣніе, что обучить дѣвочку, будущую мать семейства, значитъ сдѣлать грамотнымъ все ея потомство. Извѣстно также, что окончившія школьный курсъ дѣвочки лучше пользуются грамотностью, чѣмъ мальчики. Но тѣмъ не менѣе, до тѣхъ поръ, пока стремленіе большинства женскаго населенія къ начальному образованію не станетъ очевиднымъ фактомъ, объявленіе обязательнаго обученія для дѣвочекъ вызвало бы ропотъ среди народа“. Прежде чѣмъ приступить къ разбору этого мнѣнія, приведемъ еще тѣсно связанный съ нимъ взглядъ г. Вахтерова на такъ-называемыя филиальныя школы или школы грамотности. Признавая за ними достоинство дешевизны, онъ опасается, что именно дешевизна „послужила бы большимъ соблаз-

номъ къ замѣнѣ нормальнаго, созданнаго усиліями лучшихъ нашихъ педагоговъ и земскихъ дѣятелей типа народной школы другимъ типомъ, очень сомнительнымъ въ нравственномъ отношеніи. Пусть школа грамотности играетъ роль переходной формы тамъ, гдѣ еще не настало время открыть начальное училище; можетъ быть, она незамѣнима на первыхъ порахъ въ немногихъ губерніяхъ съ особенно рѣдкимъ и раскиданнымъ мелкими поселками на громадныхъ пространства населеніемъ; но отсюда крайне далеко до того, чтобы идеализировать эту форму обученія, какъ дѣлаютъ нѣкоторые. Курсъ обученія, ограниченный однимъ, двумя годами, программа, не идущая далѣе навыковъ, учитель, взятый изъ учениковъ сельской школы и самъ не имѣющій элементарнѣйшихъ свѣдѣній изъ исторіи и географіи родины, не говоря уже о естествознаніи и гигиенѣ — это слишкомъ мало для народа, не лишеннаго отъ природы способностей*.

Итакъ, съ точки зрѣнія г. Вахтерова *всеобщее* обученіе есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, обученіе *обязательное*; общедоступной школа должна быть настолько, насколько посѣщеніе ея требуется закономъ. Сочувствуя, въ принципѣ, обязательности начальнаго обученія, признавая исполнѣ несостоятельность обычныхъ доводовъ противъ нея, основанныхъ на ошибочномъ пониманіи свободы, мы думаемъ, однако, что въ настоящую минуту вопросъ о всеобщности начальнаго обученія не долженъ быть связываемъ неразрывно съ вопросомъ о его обязательности. Сначала нужно поставить школьное дѣло такъ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста *могли* посѣщать школу, а затѣмъ уже принять мѣры къ тому, чтобы они дѣйствительно ее посѣщали. Сознаніе пользы, приносимой образованіемъ, глубоко проникло въ умы народа. Если дѣвочки посѣщаютъ школу гораздо меньше, чѣмъ мальчики, то это зависитъ не столько отъ того, чтобы родители считали обученіе ихъ излишнимъ, сколько отъ недостаточности числа школъ, отъ отдаленности ихъ и, наконецъ, отъ причинъ чисто экономическаго свойства. Когда школа не можетъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, живущихъ въ ея районѣ — а это бываетъ сплошь и рядомъ, — мальчики, понятно, посылаются туда предпочтительно передъ дѣвочками, какъ потому, что окончаніе курса даетъ имъ льготу по воинской повинности, такъ и потому, что съ точки зрѣнія крестьянъ грамотность особенно нужна для мужчины. Когда школа находится въ 3—4 верстахъ отъ деревни, посѣщеніе ея, конечно, затруднительнѣе для дѣвочекъ, чѣмъ для мальчиковъ. Въ бѣдной — или даже средней — крестьянской семьѣ дѣвочка, особенно зимою, нужнѣе дома, чѣмъ мальчикъ; она нанячитъ маленькихъ братьевъ и сестеръ, она прядетъ, она помогаетъ матери по хозяй-

ству. Увеличеніемъ числа школъ всѣ эти неблагопріятныя условія были бы устранены только отчасти, въ особенности еслибы вновь открываемыя школы принадлежали, всѣ безъ изъятія, къ такъ называемому нормальному типу, т.-е. стоили бы дорого и не могли бы быть придвинуты очень близко къ населенію. Скажемъ болѣе: при такомъ устройствѣ школъ обязательность обученія была бы сопряжена съ большими неудобствами и для мальчиковъ, сильно затрудняя въ бѣднѣйшихъ семьяхъ снаряженіе ихъ въ школу. Присоединимъ ко всему этому общепризнанную важность образованія именно для дѣвочекъ, будущихъ матерей семейства и наставницъ своихъ дѣтей ¹⁾—и мы придемъ къ заключенію, что насущной потребностью для Россіи является, въ настоящее время, не столько *обязательное* обученіе *мальчиковъ* въ нормально устроенныхъ школахъ, сколько обученіе *всѣхъ* дѣтей школьнаго возраста, хотя бы, отчасти, и въ школахъ нѣсколько низшаго характера. Необходимость распространенія подобныхъ школъ вытекаетъ уже изъ значительности расходовъ, которыхъ потребовало бы введеніе всеобщаго обученія въ школахъ нормальнаго типа (понимая подъ *всеобщимъ* обученіемъ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ). Само собою разумѣется, что руководящимъ началомъ при введеніи всеобщаго обученія постоянно должно служить сознаніе превосходства правильно организованной школы надъ школою грамотности, допустимой лишь въ видѣ суррогата, лишь въ видѣ уступки требованіямъ жизни. Вездѣ, гдѣ только возможно, должны быть открываемы нормальныя школы; вездѣ и всегда нужно имѣть въ виду, что школа грамотности, рано или поздно, должна быть замѣнена школою болѣе совершенной... Обойтись вовсе безъ школъ низшаго типа не считаетъ возможнымъ, какъ мы уже видѣли, и г. Вахтеровъ; разногласіе между нами касается не принципа, а мѣры его примѣненія. По мнѣнію г. Вахтерова, лучше ограничить, покамѣстъ, всеобщее обученіе одними мальчиками, но зато допускать школы грамотности лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія; по нашему мнѣнію, лучше увеличить число школъ грамотности, но ввести всеобщее обученіе какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ.

Взглядъ, защищаемый нами, сильно распространенъ, повидимому, въ средѣ земства. Въ нашихъ послѣднихъ общественныхъ хроникахъ (февральской и мартовской) приведены постановленія губернскихъ земскихъ собраній полтавскаго и саратовскаго, связывающія введеніе школьнаго обученія съ разрѣшеніемъ земству открывать

¹⁾ Что представляетъ собою, съ государственной точки зрѣнія, невѣжество крестьянокъ—объ этомъ лучше всего можно судить по такъ называемымъ „холернымъ бунтамъ“ и другимъ аналогичнымъ безпорядкамъ.

такъ называемыя „упрощенныя школы“ или „параллельныя классы“. Подъ этимъ именемъ—равно какъ и подъ именемъ „филиальныхъ отдѣленій“, проектируемыхъ московскою губернскою земскою управою и московскимъ „совѣщаніемъ по вопросамъ народнаго образованія“—понимаются именно школы грамотности, о правѣ открытія которыхъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ ходатайствовали губернскія земства петербургское и смоленское, а въ нынѣшнемъ году—нижегородское. Съ особенною ясностію значеніе всѣхъ этихъ ходатайствъ выразилось въ постановленіи саратовскаго губернскаго земства, испрашивающемъ разрѣшеніе „на открытіе при земскихъ школахъ младшихъ параллельныхъ классовъ, какъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуютъ земскія школы, такъ и въ сосѣднихъ, съ назначеніемъ учителями въ параллельныя классы, подъ руководствомъ учителя земской школы, бывшихъ учениковъ ея, хотя бы и не выдержавшихъ установленнаго испытанія“. Связанная съ земскою школою и включенная въ обычную школьную сѣть, школа грамотности дѣйствительно можетъ сыграть роль „младшаго параллельнаго класса“, необходимость котораго такъ живо чувствуется въ настоящее время. Задачу учащаго въ земской школѣ сильно усложняетъ масса учениковъ младшаго отдѣленія, изъ которыхъ далеко не всѣ переходятъ въ среднее отдѣленіе и еще меньшее число остается въ школѣ на третій, послѣдній годъ ученія. Школа грамотности, руководимая учителемъ земской школы, могла бы отвлечь отъ послѣдней избытокъ учениковъ младшаго возраста, съ тѣмъ большимъ удобствомъ, что именно для 8—9-лѣтнихъ дѣтей особенно тяжела ходьба въ школу, отстоящую отъ нихъ на 2—3 версты. Часть учениковъ—преимущественно изъ среды бѣднѣйшихъ семействъ, гдѣ рано становится нужной дѣтская работа—заканчивала бы ученіе въ школѣ грамотности, другая продолжала бы его въ старшихъ классахъ земской школы.

Исказываясь, такимъ образомъ, за включеніе школъ „низшаго типа“ (упрощенныхъ школъ, школъ грамотности, филиальныхъ отдѣленій, параллельныхъ классовъ) въ планъ организаціи всеобщаго обученія, мы понимаемъ подъ ними, однако, отнюдь не тѣ „школы грамоты“, которыя находятся теперь въ вѣденіи духовенства, на основаніи правилъ 1884 и 1891 г. Предоставленныя, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самимъ собою, не всегда даже извѣстныя, официально, духовному вѣдомству¹⁾, худо помѣщенныя, до крайности скудно

¹⁾ Только этимъ можно объяснить, напримѣръ, то обстоятельство, что по отчету податскаго епархіальнаго училищнаго совѣта значилось, въ 1 января 1894 г., 822 церковно-приходскихъ школы и 884 школы грамоты. На самомъ дѣлѣ школъ грамоты не можетъ не быть гораздо больше, чѣмъ церковно-приходскихъ.

снабженныя книгами и учебными пособиями, находящіяся въ рукахъ едва грамотныхъ и вовсе неразвитыхъ учителей, нынѣшнія школы грамоты, за рѣдкими исключеніями, не имѣютъ никакого образовательнаго значенія. По справедливому замѣчанію г. Вахтерова, онѣ даютъ, въ лучшемъ случаѣ, кое-какіе навыки, но не знанія и еще меньше — развитіе. „Идеализировать“ ихъ или даже просто считать ихъ нормальнымъ видомъ обученія — совершенно невозможно. Объ условіяхъ, при которыхъ школа низшаго типа можетъ считаться полезной и цѣлесообразной, мы говорили много разъ; ихъ формулировала какъ нельзя лучше А. А. Штевенъ, въ статьѣ, напечатанной въ мартовской книжкѣ нашего журнала. Къ учителю, окончившему нормальную земскую школу, прошедшему при ней—или въ особомъ, ad hoc созданномъ учебномъ заведеніи—дополнительный курсъ, приспособленный къ его будущей дѣятельности, и сохраняющему живую связь съ школой-матерью, не будутъ примѣнимы слова г. Вахтерова, приведенныя нами выше: онъ будетъ имѣть элементарныя свѣденія по исторіи и географіи, по естествознанію и гигиенѣ, будетъ имѣть и возможность пополнять и освѣжать ихъ... Замѣтимъ, въ заключеніе, что допущеніе, на-ряду съ нормальными школами, школъ низшаго типа несомнѣнно ускорить и облегчить повсемѣтное введеніе всеобщаго обученія, устранивъ необходимость принсканія за-разъ массы учащихся съ полнымъ учительскимъ цензуромъ. Число такихъ лицъ навѣрное оказалось бы значительно меньше числа новыхъ школъ, которыя пришлось бы открыть для организаціи всеобщаго обученія.

Соглашаясь съ г. Вахтеровымъ, что вопросъ о всеобщемъ обученіи не слѣдуетъ усложнять давнишнимъ споромъ о сравнительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ трехъ главныхъ типовъ начальной школы—государственной, земской и церковно-приходской, мы не можемъ, однако, не коснуться способа употребленія тѣхъ суммъ, которыя будутъ ассигнованы казною на всеобщее обученіе. Саратовское губернское земское собраніе, опредѣливъ цифру необходимаго на этотъ предметъ расхода въ 120 тысячъ рублей, постановило ходатайствовать объ отпускѣ ихъ казною губернскому земству, въ видѣ ежегодной субсидіи, или объ открытіи соотвѣтствующаго числа министерскихъ школъ. Къ этимъ двумъ путямъ и сводятся, дѣйствительно, желательныя формы участія казны въ созданіи всеобщаго обученія. Наиболѣе практичнымъ кажется намъ первый путь, освобождающій администрацію отъ хлопотъ и издержекъ, съ которыми было бы сопряжено хозяйственное завѣдываніе множествомъ министерскихъ школъ. Субсидіи земству могли бы быть назначаемы или на открытіе новыхъ школъ, или на содержаніе всѣхъ вообще земскихъ школъ въ уѣздахъ, старыхъ и новыхъ, такъ чтобы каждая школа

существовала, въ одно и то же время, на средства казны и земства (а также сельскаго общества, если оно участвуетъ въ содержаніи школы). Держаться всегда и вездѣ одного и того же образа дѣйствій едва ли, впрочемъ, было бы необходимо. Тамъ, гдѣ земство доказало свою способность къ веденію школьнаго дѣла, оно могло бы получить, въ томъ или другомъ видѣ, правительственную субсидію; тамъ, гдѣ земская школа поставлена сравнительно слабо, содѣйствіе правительства могло бы выразиться преимущественно въ открытіи новыхъ министерскихъ школъ. Безусловно опаснымъ было бы, во всякомъ случаѣ, *сокращеніе* сферы земской дѣятельности въ области начальной школы. О характерѣ этой дѣятельности высказываются иногда весьма странныя мнѣнія. Возражая противъ того мѣста нашей февральской хроники, гдѣ мы говорили о необходимости сохраненія земской школы, кн. Цертелевъ („Московскія Вѣдомости“, № 55) восклицаетъ: „какимъ образомъ можетъ земство смотрѣть на народную школу какъ на свое созданіе, когда ему предоставлено только попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія и установленное закономъ участіе въ завѣдываніи содержимыми на счетъ земства школами и другими учебными заведеніями,—при чемъ собственно педагогическая часть въ кругъ дѣятельности земства вовсе не входитъ, а закономъ установлены педагогическіе и училищные совѣты и другіе органы, въ дѣятельность которыхъ земству вмѣшиваться не предоставлено? Ясно, что и теперь дѣятельность земскихъ учрежденій въ вопросахъ народнаго образованія сводится главнымъ образомъ къ ассигнованію нѣкоторой суммы на учрежденіе и содержаніе открываемыхъ школъ“. Своимъ *созданіемъ* земство можетъ считать земскую школу по той простой причинѣ, что она дѣйствительно имъ призвана къ жизни, имъ доведена до своего настоящаго положенія. Законъ, дающій земству право *участія* въ завѣдываніи школой, оказался достаточнымъ для установленія между ними самой тѣсной связи. Земство, какъ *хозяинъ* школы, выбираетъ для нея мѣсто, *приглашаетъ* для нея преподавателя (подъ условіемъ *допущенія* его инспекторомъ и *утвержденія* училищнымъ совѣтомъ), снабжаетъ ее мебелью и учебными пособиями, улучшаетъ школьныя помѣщенія, учреждаетъ школьныя бібліотеки, назначаетъ учащимъ прибавки къ жалованью, пособия, пенсіи, способствуетъ иногда дальнѣйшему образованію лучшихъ учениковъ. Замѣтимъ, что все это будетъ возможно и нужно и послѣ введенія всеобщаго обученія. Затраты казны будутъ ограничены, по всей вѣроятности, самымъ необходимымъ: изъ того, что она дастъ средства на открытіе недостающихъ училищъ, еще не слѣдуетъ, что она построитъ для нихъ зданія, удовлетворяющія всѣмъ требованіямъ школьной гигиены, заведетъ такую же школь-

ную мебель, откроетъ при каждой школѣ библіотеку, приметъ на себя попеченіе объ участи учителей. Кн. Цертелевъ недоумѣваетъ, почему мы считаемъ „огромное и сложное дѣло начальнаго обученія“ непосильнымъ для одного министерства народнаго просвѣщенія, тогда какъ справляются же съ своими огромными и сложными дѣлами, безъ посторонней помощи, министерства военное и финансовъ. Отвѣтомъ на это наивное недоумѣніе служить все сказанное нами выше. Задачи вѣдомствъ военнаго и финансоваго гораздо болѣе централизованы, чѣмъ задачи школьнаго управленія; министрамъ военному и финансовъ нѣтъ надобности имѣть своихъ агентовъ на мѣстахъ, по возможности близко къ населенію; у нихъ нѣтъ работъ факультативныхъ, т.-е. такихъ, которыя могутъ быть или не быть исполнены. Убѣдѣнный воинскій начальникъ или податной инспекторъ дѣйствительно не нуждается въ посторонней помощи, но мы желали бы знать, много ли сдѣлалъ бы для процвѣтанія начальныхъ школъ одинъ инспекторъ народныхъ училищъ, лишенный поддержки предводителей дворянства и ихъ сотрудниковъ, земскихъ гласныхъ, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ?

Въ ожиданіи той счастливой минуты, когда будетъ положено начало всеобщему обученію, весьма важно было бы устранить, по меньшей мѣрѣ, главныя препятствія, задерживающія, безъ всякой надобности, естественный ростъ народной школы. Къ числу такихъ препятствій принадлежитъ, на примѣръ, довольно распространенный, но совершенно неправильный взглядъ на взаимныя отношенія начальныхъ школъ различныхъ вѣдомствъ. Вслѣдъ за изданіемъ правилъ 1884 г. о церковно-приходскихъ школахъ, св. синодъ разъяснилъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждены гражданскимъ вѣдомствомъ школы, не принадлежащія къ числу приходскихъ, духовенство должно открывать свои школы не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи преосвященнаго съ подлежащими начальствами. Министръ народнаго просвѣщенія, съ своей стороны, тогда же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы учебная администрація, предварительно разрѣшенія на открытіе въ мѣстностяхъ, гдѣ уже учреждена церковно-приходская школа, школъ министерскихъ, земскихъ или частныхъ, входила о томъ каждый разъ въ сношеніе съ мѣстнымъ преосвященнымъ, въ видахъ достиженія единодушія между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ просвѣщенію народа. Значеніе этихъ распоряженій совершенно ясно: они требуютъ только предварительнаго *сношенія* между вѣдомствами, а отнюдь не обязательнаго *соглашенія* между ними, т.-е. не запрещаютъ безусловно открытіе церковно-приходской школы рядомъ съ свѣтскою, если на то несогласна учебная администрація—или, наоборотъ, свѣтской школы рядомъ съ церковно-при-

ходскою, если на то несогласно духовное начальство. Затѣмъ, они вовсе непримѣнимы къ школамъ грамоты; другими словами, въ мѣстѣ существованія школы грамоты земская или иная свѣтская школа можетъ быть открыта даже безъ предварительнаго сношенія съ духовнымъ вѣдомствомъ. Между тѣмъ, на практикѣ порядокъ, установленный въ 1884 г., понимается иногда совершенно иначе. Въ черниговской губерніи, напримѣръ, духовное вѣдомство еще недавно держалось той мысли, что безъ его *разрѣшенія* не можетъ быть открыта земская школа ни въ одной изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ существуетъ школа церковно-приходская, такъ какъ открытіе первой *наноситъ ущербъ* послѣдней. Еще дальше пошло отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта въ богородицкомъ уѣздѣ (тульской губерніи). Уѣздное земское собраніе, осенью прошлаго года, постановило открыть четыре новыя земскія школы въ деревняхъ, гдѣ сельскія общества согласились дать для школы помѣщеніе, съ отопленіемъ и сторожемъ, а также принять участіе въ содержаніи школы (суммою отъ 40 до 75 руб. ежегодно). Инспекторъ начальныхъ училищъ, получивъ о томъ извѣщеніе, вошелъ въ сношеніе съ отдѣленіемъ епархіальнаго совѣта, на томъ основаніи, что въ вышеупомянутыхъ деревняхъ *существовали, въ предъидущемъ учебномъ году, школы грамоты* ¹⁾, и на этомъ же основаніи отдѣленіе отказало въ своемъ согласіи на открытіе земскихъ школъ! Губернскій епархіальный совѣтъ оказался болѣе снисходительнымъ: онъ согласился на открытіе трехъ школъ, но наложилъ veto на открытіе четвертой, потому что съ крестьянами данной мѣстности *ведутся переговоры* объ открытіи церковно-приходской школы. Незатѣмъ объяснять, до какой степени подобное отношеніе къ дѣлу тормазитъ развитіе народнаго образованія. Открытіе новой школы рядомъ съ существующею можетъ „нанести ущербъ“ *школьному дѣлу* развѣ тогда, когда потребности населенія исполнѣ, и количественно, и качественно, удовлетворяются одною прежней школою, и средства, идущія на новую школу, болѣе производительны и цѣлесообразно могли бы быть употреблены въ другомъ мѣстѣ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ можетъ быть рѣчь только объ „ущербѣ“ для тѣхъ или другихъ личныхъ интересовъ, а отнюдь не для самаго дѣла.

¹⁾ Школа грамоты, въ настоящемъ ея видѣ, почти никогда не можетъ считаться прочною, обеспеченною; о *существованіи* ея можно говорить, поэтому, только въ продолженіе учебнаго года, пока она дѣйствительно посѣщается учениками, а отнюдь не въ промежутокъ между двумя учебными періодами.

Въ одномъ изъ прошлагодныхъ нашихъ обзорѣнй были указаны неудобства, представляемыя новымъ уставомъ лечебныхъ заведеній, и затрудненія, которыя должно встрѣтить примѣненіе его на практикѣ. Не много найдется земскихъ собраній, которыя, въ продолженіе послѣдней сессіи, не возбудили бы, въ той или другой формѣ, вопроса о пересмотрѣ этого устава, объ отдаленіи срока, назначеннаго для введенія его въ дѣйствіе. Самое единодушнѣе земскихъ ходатайствъ указываетъ на то, что должны же быть для нихъ какія-нибудь серьезныя причины. Не возвращаясь къ тѣмъ постановленіямъ устава, о которыхъ мы уже говорили, остановимся только на двухъ вопросахъ, особенно важныхъ и интересныхъ. По статьѣ 4-й устава, дѣйствіе его не распространяется на сельскія лечебницы, управляемыя на основаніи особыхъ правилъ. Въ первоначальной редакціи устава здѣсь была сдѣлана ссылка на уставъ врачебный ст. 7, пун. 5, прим. 3, прил., по продолж. 1886 г.; но въ той редакціи, въ которой уставъ вошелъ въ составъ продолженія 1893 г., эта ссылка замѣнена другою, на ст. 258-333 уст. врач. По статьѣ 258-й, устройство медицинской части въ селеніяхъ возлагается на попеченіе земскихъ учреждений. Основываясь на буквальный смыслъ этой статьи, многія земства пришли къ убѣжденію, что сельскія лечебницы въ земскихъ губерніяхъ не подчиняются дѣйствію новаго устава и остаются въ непосредственномъ вѣденіи земства, съ тѣмъ только, что правила о заведываніи ими, составляемыя земскими собраніями, подлежатъ, за силою пун. III Высочайшаго указа 10-го іюня 1893 г. (при которомъ опубликованъ новый уставъ), утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ. Такому толкованію закона циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ противопоставилъ другое, прямо противоположное. Находя, что ссылка на ст. 258 врач. уст. является кодификаціонной ошибкой, а прежняя ссылка была сдѣлана на такой законъ, который къ земскимъ лечебнымъ заведеніямъ вовсе не относился, министерство полагаетъ, что ст. 4-я новаго устава должна быть примѣняема въ томъ видѣ, какой она имѣла первоначально, и, слѣдовательно, земскія сельскія лечебницы подлежатъ дѣйствію устава. Мы думаемъ, что прежняя ссылка, какое бы ни было значеніе (въ рассмотрѣніе ея по существу мы не входимъ, потому что это вовлекло бы насъ въ слишкомъ специально-юридическую контрверсу), совершенно замѣнена новою, и что кодификаціонная ошибка, *если она и существуетъ*, можетъ быть исправлена только въ законодательномъ порядкѣ, а отнюдь не путемъ административнаго разъясненія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить недавній эпизодъ съ статьею 234 улож. о наказ. изд. 1857 г., назначавшею наказаніе за погребеніе христіанина безъ совершенія при этомъ надлежащихъ христіанскихъ

того въроисповѣданія обрядовъ ¹⁾. При пересмотрѣ нашего уголовного законодательства, вызванномъ судебною реформою 1864 г., правило, заключавшееся въ ст. 234, не вошло ни въ новое изданіе уложенія (1866 г.), ни въ уставъ о наказаніяхъ, ст. 107-я котораго предусматриваетъ только несоблюденіе, при погребеніи, гигиеническихъ правилъ. Когда возникли, затѣмъ, дѣла по обвиненію въ погребеніи христіанъ безъ совершенія надъ ними христіанскихъ обрядовъ, прав. сенатъ призналъ, что это дѣяніе не предусмтрѣнно дѣйствующимъ уголовнымъ законодательствомъ и потому ненаказуемо. Такое рѣшеніе сената подверглось, въ свое время, рѣзкому осужденію нѣкоторыхъ органовъ печати, утверждавшихъ, что ст. 234 исчезла изъ нашихъ законовъ лишь вслѣдствіе кодификаціонной ошибки и потому должна считаться какъ бы существующею. Не такъ отнеслось къ вопросу высшее правительство; прежнее правило о наказуемости погребенія, совершеннаго безъ христіанскихъ обрядовъ, было восстановлено особымъ законодательнымъ актомъ—Высочайше утвержденнымъ 13-го мая 1891 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта. Только этимъ путемъ можно идти и въ занимающемъ насъ случаѣ, если будетъ признано, что прежняя ссылка въ ст. 4 лечебнаго устава имѣла именно тотъ смыслъ, который приписывается ей министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и что сельскія лечебницы должны быть подчинены всѣмъ сложнымъ требованіямъ новаго закона. Казалось бы, что въ такомъ подчиненіи не предстоитъ никакой надобности; вѣдь если и признать за земствомъ право сохранить, по прежнему, въ своемъ завѣдываніи сельскія лечебницы, то правила, составляемыя имъ по этому предмету, во всякомъ случаѣ будутъ подлежать утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ... Что вопросъ, нами разсмотрѣнный, будетъ разрѣшенъ сенатомъ въ духѣ благопріятномъ для земства—на это позволяетъ расчитывать постановленіе московскаго губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, отклонившаго, весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ, протестъ московскаго губернатора, въ основаніи котораго лежало административное толкованіе ст. 4-й лечебнаго устава.

Земскія лечебницы, устроенныя въ уѣздныхъ городахъ, подходятъ, несомнѣнно, подъ букву новаго лечебнаго устава; но примѣненіе его къ нимъ обошлось бы земству и населенію весьма дорого, во всѣхъ смыслахъ слова. Чрезвычайно интересны и какъ нельзя болѣе убѣдительно соображенія по этому предмету московской губернской земской управы, представленныя ею на дняхъ чрезвычайному губернскому земскому собранію.

¹⁾ См. Обществ. Хронику въ № 2 и Внутр. Обозр. въ № 7 „Вѣстн. Европы“ 1891 г.

„Находящіяся въ уѣздныхъ городахъ земскія лечебныя заведенія,—говоритъ управа,—служатъ, какъ и сельскія лечебницы, болѣе или менѣе значительнымъ медицинскимъ участкамъ, состоящимъ изъ большого числа селеній со многими тысячами жителей, раскинутыхъ на обширныхъ площадяхъ. Въ огромномъ числѣ пользующихъ ими амбулаторныхъ, госпитальныхъ и др. больныхъ, такъ же, какъ и въ сельскихъ лечебницахъ, сильно преобладаетъ крестьянскій элементъ. Медицинскій персоналъ этихъ заведеній, такъ же, какъ и сельскихъ лечебницъ, обязательно долженъ посѣщать селенія своего участка, то по случаю эпидемическихъ болѣзней, то для оказанія помощи въ тяжелыхъ заболѣваніяхъ или родахъ, то въ цѣляхъ вакцинаціи населенія или санитарнаго осмотра школъ, то ради наблюденія за содержащимися на дому земскими пенсіонерами изъ неизлечимо- и душевно-больныхъ и т. п. Такимъ образомъ, эти заведенія, по своей практической дѣятельности, совершенно тождественны съ сельскими земскими лечебницами и имѣютъ несомнѣнно участковый характеръ. Сравнительно съ тѣмъ, какъ они были приняты земствомъ отъ попечительнаго совѣта приказа общественнаго призрѣнія, они совершенно преобразовали свою дѣятельность. Многія изъ нихъ переведены на другія мѣста, во вновь сооруженныя прекрасныя зданія, вполне отвѣчающія современнымъ гигиеническимъ требованіямъ; прочія заведенія радикально переустроены и всѣ они снабжены необходимыми принадлежностями для исполненія широко развившихся участковыхъ ихъ обязанностей. Хотя московское земство постоянно стремилось къ децентрализаціи медицинской помощи въ уѣздахъ, къ возможному приближенію ея къ крестьянскому населенію, среди котораго, помимо уѣздныхъ городовъ, успѣло устроить свыше 60-ти врачебныхъ пунктовъ, съ лечебницами, имѣющими болѣе 700 кроватей (не считая земскаго психіатрическаго заведенія) и обширнѣйшія амбулаторіи, тѣмъ не менѣе земскія больницы въ уѣздныхъ городахъ заключаютъ въ настоящее время (вмѣсто прежнихъ 300) болѣе 400 ординарныхъ кроватей (не считая особыхъ кроватей для заразныхъ больныхъ). Понятно, что такіе результаты могли быть достигнуты лишь при значительныхъ расходахъ, произведенныхъ на средства земскаго обложенія, безъ непосредственнаго финансоваго участія уѣздныхъ городовъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, и экономическая сторона дѣла не даетъ никакихъ основаній для того, чтобы эти заведенія почитать городскими. Между тѣмъ, лечебный уставъ 1893 г. рѣшительно не имѣетъ въ виду вызванныхъ земскою жизнью и указанныхъ выше характерныхъ особенностей земскихъ лечебныхъ заведеній—именно ихъ чрезвычайно тѣсной связи съ своими участками и ихъ не только лечебной, но отчасти и санитарной роли. Онъ рассчитанъ на такіа

обширныя и замкнутыя городскія больницы, которыя имѣютъ очень большой комплектъ медицинскаго и разнаго другого служащаго персонала, занятаго исключительно внутри стѣнъ этихъ заведеній“. Неудивительно, что по выслушаніи этого доклада московское губернское земское собраніе, послѣ непродолжительныхъ преній, постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ изъятіи изъ круга дѣйствій лечебнаго устава 1893 г. земскихъ лечебныхъ заведеній, находящихся въ уѣздныхъ городахъ московской губ., съ предоставленіемъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ устанавливать для нихъ особныя правила, утверждаемыя министромъ внутреннихъ дѣлъ. На случай, если удовлетвореніе этого ходатайства будетъ признано невозможнымъ, губернское земское собраніе постановило просить о пересмотрѣ лечебнаго устава, при участіи земскихъ учреждений, и объ отсрочкѣ его введенія для земскихъ городскихъ больницъ клинскоя, рузскоя, звенигородскоя, коломенскоя, Можайскоя, подольскоя и бронницкаго, на срокъ отъ 2 до 5 лѣтъ.

Въ московскомъ земствѣ и во многихъ другихъ ходатайства о пересмотрѣ лечебнаго устава были подготовлены при непосредственномъ участіи земскихъ санитарныхъ совѣтовъ или комиссій, въ которыхъ, наряду съ земскими дѣятелями, засѣдаютъ земскіе врачи, а иногда и гласные изъ числа лицъ, получившихъ медицинское образованіе. Одного этого факта было бы достаточно для опроверженія взгляда, высказаннаго въ печати ¹⁾—будто бы возраженія земскихъ собраній противъ новаго устава вызваны преимущественно нежеланіемъ земцевъ, какъ *хозяевъ* больничнаго дѣла, передать его въ руки врачей, въ сущности гораздо болѣе къ тому способныхъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ земскія собранія и земскія управы и до сихъ поръ предоставляли врачамъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, требующихъ специальныхъ знаній; посредниками между тѣми и другими служили санитарные (врачебные, медицинскіе) совѣты, въ которыхъ, какъ на нейтральной почвѣ, сходились представители врачебной науки и земскаго хозяйства. Пререканія, прежде мѣшавшія иногда развитію земско-врачебнаго дѣла, почти вездѣ отошли въ прошлое, и если что-нибудь можетъ возобновить ихъ, то именно неопредѣленное правило, призывающее врачей—къ управленію, а земскія управы—къ ближайшему заведыванію земскими лечебными заведеніями...

¹⁾ См., напр., „Новое Время“, № 6784.

ПОЛЕМИКА О НАШИХЪ ФИНАНСАХЪ.

— M. Witte et les finances russes d'après des documents officiels et inédits, par E. de Cyon. Paris, 1895. Стр. 47, 224. Ц. 5 фр.

Новая книга—произведение пера нѣкогда сотрудника и близкаго лица къ покойному Каткову—обратила на себя вниманіе еще прежде, чѣмъ выпущена была въ свѣтъ, и самое появленіе ея въ продажѣ сопровождалось совершенно исключительными обстоятельствами, которыя указывали на особый характеръ сочиненія г. Ціона. Самъ авторъ объясняетъ въ предисловіи, что онъ рѣшилъ воздержаться отъ выпуска своей книги въ обращеніе, чтобы „не причинять затрудненій французскому правительству, въ виду возникшаго президентскаго кризиса“, и что только четыре экземпляра были посланы имъ „конфиденціально“ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ, съ цѣлью разоблачить предъ высшею властью „злоупотребленія“ нашего министерства финансовъ; но названное министерство, узнавъ о существованіи такой „конфиденціальной“ книги, заявило въ парижскихъ газетахъ, что оно перепечатаетъ ее въ Петербургѣ, если авторъ не выпуститъ ее добровольно ранѣе 1-го марта, и что во всякомъ случаѣ 500 экземпляровъ будутъ разосланы даромъ подписчикамъ министерскаго „Bulletin russe“.

Не странный ли это фактъ, что составитель спеціального памфлета противъ русскихъ финансовъ вынуждается противъ воли пустить свою книгу въ обращеніе, по категорическому требованію того именно вѣдомства, противъ котораго памфлетъ направленъ? Объясненіе г. Ціона, что онъ держалъ свое произведеніе въ тайнѣ изъ вниманія къ интересамъ французскаго правительства, въ виду президентскаго кризиса, представляется еще болѣе страннымъ и даже просто непонятнымъ. Какое отношеніе имѣетъ французское правительство къ государственному хозяйству Россіи? Франція столь же мало отвѣстна за наши финансы, какъ мы, напримѣръ, за павамскія дѣла французовъ. Если французы помѣстили свои капиталы въ русскихъ процентныхъ бумагахъ, то они всегда могутъ быть увѣрены, что будутъ исправно получать причитающіеся имъ платежи, ибо великая держава, занимающая такое мѣсто въ Европѣ, какъ Россія, никакъ не можетъ обанкротиться. Каково бы ни было состояніе нашихъ финансовъ, оно можетъ отражаться только на положеніи нашего собственнаго народа, а вовсе не на интересахъ нашихъ загранич-

ныхъ кредиторовъ. Еслибы въ самомъ дѣлѣ оказалось, что наше финансовое управленіе дѣйствуетъ неправильно или ошибочно, то это было бы всецѣло нашимъ внутреннимъ дѣломъ, которое ни въ какомъ случаѣ не могло бы касаться иностранныхъ державъ, хотя бы дружественныхъ или союзныхъ. Французскій президентскій кризисъ тутъ абсолютно ни при чемъ, и онъ припутанъ г. Ціономъ лишь для прикрытія истинныхъ мотивовъ, побуждавшихъ его воздерживаться до поры до времени отъ обнародованія своего трактата о нашихъ финансахъ.

Очевидно, книга г. Ціона предназначена была не столько для публики, сколько для тѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, которымъ „конфиденціально“ посланы были немногіе ея экземпляры и мнѣніе которыхъ, по расчету автора, должно было повліять на личное положеніе нынѣшняго министра финансовъ. Только послѣ того, какъ эта попытка закулиснаго воздѣйствія на наши правительственныя сферы не привела бы къ желанному результату, книга была бы выпущена въ свѣтъ, съ цѣлью, по крайней мѣрѣ, косвенно повредить нашему финансовому вѣдомству. Это былъ тотъ же приѣмъ, который, по увѣренію автора, такъ блистательно удался ему относительно предшественника нынѣшняго министра, И. А. Вышнеградскаго. Такимъ образомъ сочиненіе г. Ціона принадлежитъ къ особой „конфиденціальной“ литературѣ, имѣющей цѣлью вліять на назначеніе или смѣщеніе министровъ; г. Ціонъ, очевидно, спекулировалъ на отсутствіи или ограниченіи гласности и на слабомъ развитіи у насъ права публичнаго обсужденія правительственной дѣятельности. Секретныя указанія его на недостатки и ошибки того или другого вѣдомства иначе не имѣли бы смысла и не могли бы рассчитывать на какое-либо практическое значеніе. Впрочемъ справедливость требуетъ признать, что министерство финансовъ, еще со временъ Н. Хр. Бунге, допускало и у насъ довольно широкую гласность въ своихъ дѣйствіяхъ и предположеніяхъ; что оно нисколько не избѣгало своевременной публичной оцѣнки ихъ, и что эти хорошія традиции сохраняются въ значительной мѣрѣ до сихъ поръ. Противъ Н. Х. Бунге безпрепятственно и даже разнузданно воевали „Московскія Вѣдомости“, и въ то же время пускалась въ ходъ „конфиденціальная“ литература извѣстнаго рода, при участіи сановныхъ лицъ, имѣющихъ весьма отдаленное отношеніе къ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. При „дѣловомъ“ преемникѣ г. Бунге, пользовавшемся специальными симпатіями Каткова, нѣкоторая часть печати имѣла все-таки возможность указывать на спекулятивный, биржевой характеръ многихъ финансовыхъ мѣръ, на невыгоды поспѣшныхъ и плохо рассчитанныхъ конверсионныхъ займовъ и на вредныя стороны чрезмѣрнаго

промышленнаго протекціонизма. Г. Ціонъ, какъ сотрудникъ и единомышленникъ „Московскихъ Вѣдомостей“, получилъ хорошее мѣсто русскаго финансоваго агента въ Парижѣ и былъ, конечно, очень доволенъ дѣйствіями бывшаго министра финансовъ, пока послѣдній пользовался его дорого оплачиваемыми услугами, при жизни Каткова; но теперь онъ находитъ, что этотъ министръ былъ бы вполне на своемъ мѣстѣ, „еслибы продолжалъ состоять подъ руководствомъ и наблюденіемъ знаменитаго публициста“ (стр. ХLI, прим.). Хороши условія для выбора кандидатовъ въ министры! Такъ какъ за смертью Каткова министерство финансовъ осталось безъ „руководства и контроля знаменитаго публициста“, то оно разошлось и съ г. Ціономъ, его вѣрнымъ соратникомъ. Г. Ціонъ успѣшно примѣнилъ тогда свой „конфиденціальный“ способъ борьбы, и съ того времени онъ серьезно вошелъ въ роль закулиснаго оцѣнщика и судьи не только нашихъ государственныхъ финансовъ, но и особенно личныхъ качествъ заправляющихъ ими дѣятелей. На этотъ разъ г. Ціону не пришлось остаться въ полутьмѣ, за кулисами, съ своимъ новымъ критическимъ трудомъ о нашихъ финансовыхъ дѣлахъ;—его заставили выйти съ этой работою на свѣтъ Божій раньше, чѣмъ онъ успѣлъ дожидаться результатовъ секретнаго ознакомленія кого слѣдуетъ съ ея содержаніемъ. Потребовать выпуска этой книги въ свѣтъ для свободнаго публичнаго обсужденія сообщаемыхъ въ ней фактовъ было тѣмъ легче, что въ сущности затронутые въ ней вопросы неоднократно уже обсуждались въ нашей печати, и что самостоятельныя разсужденія и выводы автора даютъ слишкомъ удобный матеріалъ для критики. Г. Ціонъ пользовался главнымъ образомъ официальными свѣденіями, заключающимися въ изданіяхъ самого министерства финансовъ и въ отчетахъ государственнаго контроля, а эти свѣденія были и безъ того доступны желающимъ и не могли, конечно, служить опорой для таинственныхъ обвиненій и намековъ, боящихся гласности. Правда, авторъ заявляетъ, что у него имѣются также частныя, секретныя документы, которые отданы имъ на храненіе въ надежное мѣсто, и что они-то представляютъ наиболѣе подавляющія улики противъ министерства финансовъ (стр. ХLIII); но о содержаніи этихъ документовъ нѣтъ ни слова въ книгѣ, а слѣдовательно они не существуютъ для читателей.

Книга г. Ціона написана, въ извѣстномъ смыслѣ, ловко и съ искусствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла; но въ ней слишкомъ много полемическаго задора, много ядовитыхъ замѣчаній, рѣзкихъ выводовъ, скучныхъ разсужденій и цифръ, и при всемъ томъ въ общемъ она очень мало убѣдительна. Слишкомъ часто авторъ прибѣгаетъ къ излюбленнымъ приемамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, играя на стрункѣ

патріотической благонамѣренности и забрасывая противниковъ неожиданными обвиненіями въ измѣнѣ престолу и отечеству, въ революціонныхъ и соціалистическихъ замыслахъ. О своихъ личныхъ заслугахъ и дѣяніяхъ онъ говоритъ въ приподнятомъ тонѣ, выставляя себя самоотверженнымъ патріотомъ, почти равнымъ по силѣ „великому“ Каткову. Они вдвоемъ нѣкоторымъ образомъ „дѣлали исторію“, съ половины восьмидесятихъ годовъ,—если вѣрить автору. Экономическія связи между Франціею и Россіею,—говоритъ онъ,—„установились по моей инициативѣ и благодаря моимъ личнымъ усиліямъ“. Когда въ маѣ 1886 года Катковъ выѣхалъ со мною началъ кампанію, которая побудила русское правительство выйти изъ союза трехъ имперій, противопоставить свое могущественное *veto* наступательнымъ проектамъ Германіи противъ Франціи и вызвать между двумя націями тѣ проявленія сочувствія, которыя привели къ кронштадтскимъ и тульскимъ празднествамъ, мы (т.-е. Катковъ и г. Ціонъ) вовсе не думали еще объ извлеченіи изъ этого соглашения какихъ-либо финансовыхъ преимуществъ для Россіи. Не безъ сердечнаго трепета ручался я предъ Катковымъ, что въ тотъ день, когда Франція узнаетъ о новомъ направленіи русской политики, она съ энтузіазмомъ отгѣтитъ на нашъ призывъ и поможетъ намъ исполнить нашу задачу*. Ручательство г. Ціона предъ Катковымъ обезпечило дальнѣйшій благополучный ходъ нашихъ международныхъ отношеній; франко-русская дружба утвердилась и перешла на финансовую почву, послѣ усиленныхъ стараній и хлопотъ г. Ціона. Русскіе финансы были спасены французами, по внушеніямъ и указаніямъ г. Ціона, а князь Бисмаркъ потерпѣлъ полное фіаско въ своемъ походѣ противъ русскаго кредита. Такъ изображаетъ авторъ свою роль въ перемѣщеніи русскихъ фондовъ изъ Германіи во Францію.

Допустимъ, что все это такъ и было, и г. Ціонъ въ самомъ дѣлѣ оказался дѣльнымъ и ловкимъ комиссіонеромъ на парижской биржѣ; возможно также и то, что именно при его посредничествѣ привлечена была фирма Ротшильдовъ къ участію въ первыхъ конверсіонныхъ займахъ; но чтобы эти биржевыя операціи опредѣляли собою направленіе внѣшней политики великихъ державъ,—въ этомъ позволительно сомнѣваться. Сближеніе съ Франціею зависить, конечно, не отъ рѣшеній Каткова съ г. Ціономъ, а отъ условій и обстоятельствъ несравненно болѣе значительныхъ. Русскіе фонды перешли изъ Берлина въ Парижъ не потому, что г. Ціонъ устроилъ для этого синдикатъ парижскихъ банкировъ, а напротивъ, синдикатъ могъ образоваться и дѣйствовать успѣшно только потому, что предпринятое княземъ Бисмаркомъ гоненіе на русскіе фонды въ Германіи направило ихъ на болѣе богатый парижскій рынокъ, настроенный притомъ въ высшей степени

благопріятно относительно Россіи по вѣскимъ политическимъ причинамъ. Свободные денежные капиталы, въ обиліи находящіеся во Франціи, охотно искали помѣщенія въ русскихъ процентныхъ бумагахъ, которыя во всякомъ случаѣ надежнѣе разныхъ аргентинскихъ, панамскихъ и т. п. Г. Ціонъ ошибочно предполагаетъ, что люди, приобретающіе на биржѣ иностранные государственные фонды, приносятъ какую-то патріотическую жертву, и что французскіе покупатели русскихъ бумагъ имѣли специально въ виду отдать свои деньги въ распоряженіе Россіи, въ благодарность за ея дружбу.

Авторъ горячо нападаетъ на наше министерство финансовъ за то, что оно своими конверсионными и желѣзнодорожными займами переводило французское золото въ Германію и Англію, такъ какъ процентныя бумаги, подлежащія выкупу и обмѣну, находились преимущественно въ рукахъ нѣмцевъ и англичанъ. Выходитъ, что французы, помѣщая свои капиталы въ какихъ-нибудь биржевыхъ цѣнностяхъ, напрасно лишаются своего золота и слѣдовательно дѣлаютъ разорительную для себя аферу. Для бывшаго финансоваго агента въ Парижѣ такія понятія о финансовыхъ операціяхъ совершенно непростительны. Замѣчанія г. Ціона о томъ, что французовъ грабятъ, вытягивая у нихъ миллиарды франковъ золотомъ въ пользу постороннихъ и даже враждебныхъ державъ, подъ предлогомъ франко-русскихъ симпатій, обнаруживаютъ въ авторѣ полное незнакомство съ обычными условіями денежнаго обращенія.

Подобное же непониманіе экономическихъ явленій и вопросовъ ярко выражается во многихъ существенныхъ частяхъ книги. По мнѣнію г. Ціона, русско-германскій торговый договоръ погубилъ русскую промышленность и низвелъ Россію на степень нѣмецкаго „Hinterland'a"; поддержаніе крестьянской земельной общины, облегченіе кредита для мелкихъ промышленниковъ и землевладѣльцевъ, преобразование государственнаго банка, реформа фабричной инспекціи, все это будто бы социалистическія мѣры, опасныя для государственнаго и общественнаго порядка. Государственный банкъ дѣйствуетъ правильно, если открываетъ кредитъ крупнымъ биржевымъ дѣльцамъ и коммерсантамъ; если же онъ дѣлаетъ кредитъ доступнымъ и другимъ болѣе многочисленнымъ классамъ общества, то это есть уже зловредный социализмъ. Опровергать такого рода наивности не стоитъ.

Если устранить эти неудачныя теоретическія разсужденія автора, равно какъ и всѣ выходки чисто личнаго характера, то останутся двѣ главныя группы фактовъ, выставляемыхъ имъ противъ нынѣшняго министра финансовъ: во-первыхъ, невѣрныя цифры въ бюджетахъ, фиктивные балансы и произвольные фантастическіе расчеты для прикрытія огромныхъ ежегодныхъ дефицитовъ, постоянно возрастаю-

щихъ долговъ, безденежья и народнаго разоренія; и во-вторыхъ, крайне невыгодныя для казны сдѣлки по выкупу желѣзныхъ дорогъ и по внѣшнимъ займамъ, въ связи съ сомнительными биржевыми спекуляціями. Мы не станемъ входить здѣсь въ фактическій разборъ этихъ обвиненій, тѣмъ болѣе, что обстоятельная оцѣнка ихъ сдѣлана уже отчасти въ статьяхъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№№ 65, 67 и 70). Неправильности въ бюджетныхъ расчетахъ, если онѣ существуютъ, не могутъ быть скрыты отъ людей, интересующихся положеніемъ государственныхъ финансовъ, и если въ статьѣ доходы показаны, напримѣръ, суммы, добытыя путемъ займа, то всякій понимаетъ, что совпаденіе цифръ доходовъ и расходовъ въ окончательномъ итогѣ не означаетъ еще отсутствія дефицита. Чрезвычайнымъ доходамъ должны въ этомъ случаѣ соответствовать и чрезвычайныя затраты, напр., на общепользныя сооруженія, желѣзнодорожныя и иныя, болѣе или менѣе производительныя, и тогда уже нельзя говорить о дефицитѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова, чего однако вовсе не принимаетъ во вниманіе г. Ціонъ. Почти всѣ указанія его на скрытые дефициты основаны на этомъ игнорированіи характера и назначенія извѣстныхъ статей государственныхъ расходовъ. Между прочимъ, авторъ считаетъ незаконнымъ употребленіе подлежащихъ уничтоженію кредитныхъ билетовъ, въ количествѣ 92 миллионѣвъ рублей, на сооруженіе сибирской желѣзной дороги; но именно изъ этого факта можно заключить, что кредитные билеты, предназначенныя къ сожженію, не пускаются произвольно въ обращеніе, если они почему-либо не уничтожены своевременно, а расходование ихъ на государственныя надобности допускается не иначе, какъ по особому Высочайшему указу. По существу ничего нельзя сказать противъ того, что бумажныя деньги, не изъятые еще изъ обращенія, употребляются на производительныя издержки, согласно публичному распоряженію Верховной власти. Развѣ лучше было бы прибѣгать къ займу или печатать новыя бумажки? Далѣе, г. Ціонъ утверждаетъ, что въ мартѣ 1893 года было „похищено“ сто миллионѣвъ золотомъ изъ государственнаго банка и причислено къ суммамъ казначейства, въ обмѣнъ на оставшіяся нереализованными бумаги 4 1/2 процентнаго займа; едва ли возможно, однако, усмотрѣть признаки преступленія въ этомъ обмѣнѣ процентныхъ бумагъ на золото, при существующихъ отношеніяхъ государственнаго банка къ правительству. По увѣренію автора, громадныя запасы металлическихъ денегъ, о которыхъ сообщается въ проектахъ государственной росписи и въ отчетахъ государственнаго банка, не имѣются въ дѣйствительности и составляютъ, вѣроятно, только заманчивую фикцію, придуманную для поддержанія внѣшняго кредита. Еслибы въ самомъ дѣлѣ госу-

дарственное казначейство располагало этими сотнями миллионѣвъ золота, то съ какой стати,—спрашиваетъ г. Ціонъ,—занимало бы оно деньги за границею? Не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, который кажется автору убійственнымъ. Въ странахъ съ бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ металлическій фондъ накапливается для обезпеченія потребностей государства на случай исключительныхъ обстоятельствъ, какъ, напр., внѣшнихъ затрудненій, когда нельзя рассчитывать на заграничныя займы. Еслибы какое-либо министерство финансовъ израсходовало запасы золота на государственныя надобности въ обыкновенное мирное время, то оно навлекло бы на себя гораздо болѣе сильныя и основательныя упреки, чѣмъ дѣлаемые нынѣ г. Ціономъ.

Наибольше неясностей и противорѣчій замѣчается въ указаніяхъ автора на биржевыя спекуляціи въ связи съ конверсіями и съ выкупомъ желѣзныхъ дорогъ. Съ одной стороны, министерство обвиняется въ томъ, что оно „терроризировало“ частныя банки и подвергло разнымъ стѣсненіямъ дѣятельность биржи, а съ другой,—оно будто бы само спекулируетъ, въ союзѣ съ нѣкимъ г. Ротштейномъ, которому приписывается вообще руководящая роль въ цѣломъ рядѣ предпринятыхъ у насъ конверсіонныхъ и желѣзнодорожныхъ операцій. Имя г. Ротштейна постоянно упоминается въ первой части книги, безъ всякаго поясненія, кто онъ такой, и почему установились у него такія близкія дѣловыя связи съ двумя министрами финансовъ, бывшимъ и нынѣшнимъ, такъ что у читателя невольно возникаетъ предположеніе о незаконныхъ сдѣлкахъ съ закулисными биржевыми агентами; затѣмъ оказывается уже, что г. Ротштейнъ стоитъ во главѣ международнаго банка—одного изъ наиболѣе солидныхъ частныхъ кредитныхъ учрежденій столицы, и наконецъ, самъ авторъ приводитъ цитату изъ официальнаго „Вѣстника финансовъ“, гдѣ названный г. Ротштейнъ является представителемъ петербургскихъ банковъ при устройствѣ добровольнаго соглашенія между правительствомъ и акціонерами главнаго общества относительно условій выкупа извѣстныхъ желѣзнодорожныхъ линій (стр. 109). Быстрая ликвидація этого сложнаго и крупнаго дѣла состоялась при официальномъ посредничествѣ г. Ротштейна въ Петербургѣ и фирмы Липпманъ-Розенталь въ Амстердамѣ, какъ подробно изложено было въ свое время въ „Вѣстникѣ финансовъ“ (1894 г., № 9). Такимъ образомъ, тѣ закулисныя сношенія съ биржевыми дѣльцами, на которыя недвусмысленно намекаетъ г. Ціонъ, пользуясь неизвѣстностью имени г. Ротштейна, сводятся въ концѣ концовъ къ официально признаннымъ дѣловымъ сношеніямъ съ представителями крупныхъ частныхъ банковъ,—сношеніямъ, которыхъ не можетъ избѣгнуть ни одинъ ми-

нистръ финансовъ. Когда распространились слухи о предстоящемъ выкупѣ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, и акции этихъ дорогъ сдѣлались предметомъ сильной биржевой спекуляціи и значительно поднялись въ цѣнѣ въ короткое время, министерство финансовъ сочло своимъ долгомъ положить предѣлъ этой биржевой игрѣ и напечатало въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ заявленіе, которое вполне достигло цѣли, такъ что въ этомъ случаѣ г. Ціонъ заступаетъ уже за спекулянтовъ, интересы которыхъ были будто бы нарушены министерствомъ. Спекулянты, которые, по мнѣнію автора, представляютъ собою „петербургскую публику“, потеряли около десяти милліоновъ (стр. 120), и эти потери серьезно ставятся въ вину министерству финансовъ. Г. Ціонъ, съ одной стороны, какъ будто осуждаетъ биржевую спекуляцію, а съ другой—защищаетъ ее и возстаетъ противъ ограниченія ея правительственнымъ вмѣшательствомъ. Трудно вообще разобраться въ противорѣчивыхъ обвиненіяхъ и намекахъ автора. Одно только несомнѣнно: еслибы и было зло, то оно находилось бы не тамъ, гдѣ онъ его ищетъ.

Государственные финансы вообще не могутъ процвѣтать при неудовлетворительномъ экономическомъ положеніи большинства народа, если потребности, долги растутъ, источники же доходовъ слабѣютъ подъ гнетомъ общихъ неблагопріятныхъ условій, народное земледѣліе остается въ подавленномъ состояніи, промышленность туго развивается, вопреки или благодаря дорого стоящему одностороннему протекціонизму, а производительныя силы не совершенствуются, нейдутъ впередъ, при отсутствіи народнаго образованія—этой главнѣйшей основы всякаго государственнаго и національнаго развитія. Одна изъ газетъ, отличающихся своимъ оптимизмомъ, находитъ даже нѣчто утѣшительное въ томъ, что у насъ въ послѣднее пятилѣтіе (1889—1894 гг.) налоги возросли съ 582 милл. р. всего только до 667 милл., на 85 милліоновъ рублей, или на 32 копѣйки съ каждаго жителя имперіи; но эта незначительная на видъ въ среднемъ выводѣ прибавка дѣйствуетъ довольно тяжело на отдѣльныя единицы въ народномъ хозяйствѣ, когда платежныя повинности населенія доведены уже и безъ того до извѣстнаго напряженія, при крайней неравномѣрности податного бремени. Многіе десятки милліоновъ тратятся ежегодно на разныя экстренныя надобности государства, „за исключеніемъ, впрочемъ, народнаго образованія“, какъ справедливо замѣчаетъ та же оптимистическая газета (см. „Новое Время“, № 6824). Всѣ самыя разнородныя и обширныя задачи, возлагаемыя на государственную власть чрезвычайно сложнымъ и запутаннымъ ходомъ нашей экономической жизни, входятъ въ кругъ вѣдомства министерства финансовъ. На этомъ министерствѣ лежатъ одновременно заботы о поддержаніи и увели-

ченіи народныхъ средствъ для уплаты податей, о государственномъ кредитѣ, о денежномъ обращеніи, о всевозможныхъ финансовыхъ обязательствахъ и интересахъ государства, о международныхъ торговыхъ отношеніяхъ, о таможенныхъ порядкахъ, о биржевыхъ и банковыхъ дѣлахъ, объ успѣхахъ промышленности и торговли въ европейской и азіатской Россіи, и т. п. Такое обиліе задачъ можетъ быть рѣшительно не подѣ силу одному государственному человѣку, какъ бы онъ ни былъ энергиченъ и талантливъ. Та или другая изъ многочисленныхъ функций министерства неминуемо получитъ преобладаніе надъ остальными и дастъ окраску всей его дѣятельности; крупная промышленность, находящаяся наиболѣе на виду и имѣющая вліятельныхъ представителей, искусныхъ и ученыхъ заступниковъ, можетъ легко выдавать свои спеціальныя выгоды за выгоды всего вообще промышленнаго населенія страны, и офиціальное вѣдомство, обремененное массою разнообразныхъ постороннихъ дѣлъ, лишено иногда возможности провѣрить и ограничить эти домогательства. Министерство, располагающее всѣми средствами казны и въ то же время обязанное заботиться о процвѣтаніи промышленности и торговли, будетъ невольно направлять все народное и государственное хозяйство въ духѣ промышленныхъ интересовъ, хотя бы и противъ его воли въ ущербъ насущнымъ потребностямъ большинства населенія. Сложность и разнообразіе стоящихъ на очереди вопросовъ могутъ приводить нерѣдко къ поспѣшнымъ и недостаточно обдуманнѣмъ рѣшеніямъ, послѣдствія которыхъ долго будутъ давать себя чувствовать государству и народу; вспомнимъ, на примѣръ, разорительныя въ прежнее время для казны условія выдачи желѣзнодорожныхъ концессій частнымъ лицамъ и компаніямъ въ шестидесятыхъ годахъ. Важныя упущенія чередуются съ положительными ошибками, и за тѣмъ и другія трудно выпить отдѣльныхъ представителей власти. Если бы управленіе государственными финансами было отдѣлено отъ заведыванія интересами промышленности и торговли, то тогда и министерство финансовъ получило бы свое истинное государственное значеніе; самостоятельныя задачи его, крайне трудныя и отвѣтственныя, выдвинулись бы на первый планъ и несомнѣнно облегчились бы, при существованіи особаго министерства промышленности и торговли, подобно тому, какъ это существуетъ въ другихъ государствахъ.

При настоящихъ же условіяхъ многіе основныя вопросы финансового хозяйства и экономической политики остаются по необходимости неясными, затрогиваются только косвенно, какъ бы мимоходомъ, и съ трудомъ могутъ быть разрѣшены съ надлежащею послѣдовательностью и осторожностью. Приведемъ для разясненія нашей мысли одинъ примѣръ. Въ кассахъ государственнаго банка хранится

теперь (по отчету 16 февраля) разнѣнный металлическій фондъ, въ размѣрѣ болѣе 350 милліоновъ золотомъ; Высочайшимъ указомъ 3 марта этотъ фондъ увеличенъ еще на внушительную сумму 98 милліоновъ золотомъ изъ свободной наличности государственнаго казначейства, такъ что количество имѣющихся запасовъ золотой монеты достигло колоссальной цифры 450 милліоновъ (т.-е. 375 милл. разнѣннаго фонда и 75 милл., обеспечивающихъ временно выпущенные кредитные билеты по нарицательной цѣнѣ, рубль за рубль). Это увеличеніе разнѣннаго фонда имѣетъ цѣлью упрочить курсъ кредитныхъ билетовъ, придать ему болѣшую устойчивость и постоянство. Но какое практическое значеніе имѣетъ вообще разнѣнный фондъ, при отсутствіи разнѣна, и какимъ образомъ можетъ онъ служить обезпеченіемъ бумажныхъ денегъ, когда никто не можетъ требовать уплаты золотой монетою за кредитные рубли? Собирается ли этотъ металлъ для будущаго, чтобы приготовить свободный разнѣвъ кредитныхъ билетовъ на золото? Но можетъ ли золото служить потребностямъ внутренняго денежнаго обращенія, когда народъ привыкъ считать на серебро и въ большинствѣ не нуждается даже въ мало-доступной ему золотой монетѣ? Предполагается ли у насъ отказаться вообще отъ серебряныхъ рублей и довольствоваться лишь полумпериалами? Но не удобнѣ ли было бы, наоборотъ, воспользоваться упадкомъ цѣнности серебра для возстановленія серебряной монетной единицы и для обезпеченія свободнаго обращенія ея наравнѣ съ кредитными билетами? Еслибы имѣлось въ виду допустить только разнѣвъ на золото, для поддержанія курса нашихъ бумажныхъ денегъ за границею, то, разумѣется, разнѣвъ равносильнъ былъ бы немедленному отпуску всего накопленнаго золота за предѣлы Россіи, безъ малѣйшей пользы для прочности нашего внутренняго денежнаго обращенія. Всѣ эти вопросы далеко еще не поставлены на исполнѣ практическую почву, и мы не знаемъ, подготовлены ли необходимыя данныя для правильнаго ихъ рѣшенія. Предстоящая замѣна бумажныхъ денегъ металлическими подразумѣвается какъ бы сама собою при старательномъ накопленіи у насъ особаго разнѣннаго фонда, и значительныя жертвы, приносимыя для этой цѣли государственнымъ казначействомъ, указываютъ на возможность серьезной реформы нашей денежной системы; но, очевидно, характеръ этой реформы не опредѣлился еще окончательно, въ виду трудности и сложности задачи, съ давнихъ поръ оттѣсняемой множествомъ другихъ безотлагательныхъ и еще болѣе важныхъ текущихъ дѣлъ, возложенныхъ также на министерство финансовъ...

Л. С.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля 1895 г.

Борьба партій въ Германіи и князь Бисмаркъ.—Возрожденіе популярности бывшаго канцлера, въ связи съ дѣлами внутренней политики.—Оригинальныя особенности въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ Вильгельма II.

Нѣмецкая печать очень много занимается княземъ Бисмаркомъ въ послѣднее время. Имя его опять служитъ лозунгомъ борьбы для консервативныхъ партій, и самъ императоръ Вильгельмъ II пользуется авторитетомъ бывшаго канцлера для цѣлей внутренней политики. Официальное отношеніе къ нему совершенно измѣнилось; онъ не считается уже опальнымъ, и члены правительства принимали дѣятельное участіе въ торжественныхъ манифестаціяхъ, устроенныхъ въ его честь въ Фридрихсруэ, 1 апрѣля (нов. ст.), въ день его рожденія, когда ему исполнилось 80 лѣтъ. За нѣсколько дней до того, Вильгельмъ II, 26 (14) марта, чествовалъ въ лицѣ Бисмарка прусскаго офицера, шефа кирасирскаго полка, и въ знакъ своей признательности за великія національныя заслуги поднесъ ему драгоценный мечъ въ старомъ германскомъ стилѣ, какъ символъ сокрушительной военной силы, которой Германія обязана своимъ объединеніемъ. Князь Бисмаркъ номинально числился въ рядахъ арміи и любилъ носить свой кирасирскій мундиръ, когда былъ прусскимъ министромъ-президентомъ; но это была для него только форма, которая никого не могла ввести въ заблужденіе. Какъ дипломатъ и государственный человѣкъ, онъ дѣйствовалъ и говорилъ иногда въ военномъ духѣ, согласно принципу „крови и желѣза“; однако не мечъ былъ его оружіемъ, и намѣренное превознесеніе его военнаго званія должно было казаться ему горькою ироніею при настоящихъ обстоятельствахъ. Съ одной стороны, популярность его оживилась и приняла какой-то официальный оттѣнокъ, по почину Вильгельма II, и въ то же время бывшему канцлеру дають понять, что ему оказывается лишь внѣшній почетъ, какъ представителю прошлаго величія, и что самое это величіе достигнуто было военными подвигами и успѣхами, не зависѣвшими отъ политической дѣятельности Бисмарка. Цѣлая четверть вѣка отдѣляетъ нынѣшнюю Германію отъ эпохи созданія имперіи подъ главенствомъ Пруссіи; народилось новое поколѣніе, для котораго тогдашній руководитель прусской политики есть только историческое лицо, не имѣющее уже значенія для настоящаго.

Тѣмъ не менѣе, это настоящее постоянно обращается къ Бисмарку, вноситъ его имя въ борьбу партій и прикрывается имъ всякій разъ, когда выдвигается на сцену какой-нибудь жгучій политическій вопросъ. Не игралъ уже никакой активной роли, онъ продолжаетъ давать поводъ къ страстнымъ пререканіямъ и недавно еще былъ невольною причиною серьезнаго парламентскаго кризиса.

Имперскій сеймъ, въ засѣданіи 23 (11) марта, обсуждалъ предложеніе своего президента, фонъ-Левецова, послать отъ имени палаты привѣтствіе князю Бисмарку ко дню его рожденія. Пренія по этому предмету были необычайно оживленныя, какъ будто дѣло шло не о простомъ актѣ вѣжливости, а о важномъ политическомъ шагѣ. И дѣйствительно, консервативные патріоты преслѣдовали въ данномъ случаѣ свои особые интересы и имѣли несомнѣнно въ виду компрометировать или унизить своихъ противниковъ въ общественномъ мнѣніи. Еслибы оппозиція присоединилась къ официальному чествованію Бисмарка, то на это можно было бы сослаться какъ на доказательство всеобщаго одобренія тѣхъ принциповъ, которыхъ придерживаются консерваторы; а еслибы оппозиція отвергла предложеніе, то популярность стараго канцлера въ народѣ дала бы консервативнымъ дѣятелямъ весьма удобное оружіе противъ оппозиціонныхъ партій. Такимъ образомъ, празднованіе 80-лѣтняго юбилея князя Бисмарка сдѣлалось предметомъ партійныхъ расчетовъ, къ которымъ личность чествуемаго героя не имѣла прямого отношенія. Предложеніе фонъ-Левецова было всѣми понято въ смыслъ особаго „шахматнаго хода“, и именно такъ отнеслись къ нему различныя группы имперскаго сейма. Графъ Гомпешъ, отъ имени католическаго центра, заявилъ категорически, что его партія не можетъ участвовать въ сочувственномъ обращеніи къ государственному человѣку, который проводилъ враждебныя ей идеи на практикѣ, хотя его историческія заслуги безспорны. Евгеній Рихтеръ, предводитель народной партіи прогрессистовъ или „свободомыслящихъ“, напомнилъ собранію, что Бисмаркъ былъ не только заслуженнымъ дѣтелемъ національнаго единства и внѣшней политики Германіи, но и носителемъ извѣстной политической системы внутри государства,—системы, противоположной либерализму и парламентскимъ принципамъ и потому вызывавшей всегда энергическое противодѣйствіе прогрессистовъ въ интересахъ народа и отечества. Особенно въ послѣдніе годы своей политической дѣятельности князь Бисмаркъ, по словамъ Рихтера, возбуждалъ и поощрялъ искусственный антагонизмъ между различными классами населенія, и этотъ внутренній разладъ дѣйствовалъ на общество деморализующимъ образомъ, оставилъ тяжелое бремя настоящему и грозитъ значительными затрудненіями въ будущемъ. Еще

рѣше Рихтера высказался противъ предложенія фонъ-Левецова представитель социаль-демократовъ, Зингеръ. Князь Бисмаркъ, по его мнѣнію, не имѣетъ права на благодарность и сочувствіе парламента, къ которому онъ такъ часто относился непріязненно и насильственно; всего менѣе онъ заслуживаетъ признательности со стороны социальной демократіи, которую онъ преслѣдовалъ систематически при помощи исключительныхъ законовъ. Князь Радзивиллъ, отъ имени польской фракціи, указалъ на невозможность для поляковъ раздѣлять чувства восторженныхъ поклонниковъ перваго канцлера, такъ какъ послѣдній постоянно нарушалъ національныя и религіозныя права польской народности. Депутатъ Годенбергъ, отъ имени жителей Ганновера, выразилъ убѣжденіе, что ганноверцамъ не подобаетъ чувствовать чужака, превратившаго ихъ родину въ прусскую провинцію путемъ вопіющихъ посягательствъ на автономію нѣмецкихъ племенъ и на права нѣмецкихъ государей. Противъ этихъ рѣшительныхъ протестовъ, исходившихъ отъ наиболѣе сплоченныхъ парламентскихъ группъ, оказались безсильными патріотическія воззванія представителей національ-либераловъ, консерваторовъ и антисемитовъ — Беннигсена, Мантейфеля, Кардорфа, Либермана фонъ-Зонненберга. Большинство было на сторонѣ оппозиціи: изъ 309 поданныхъ голосовъ высказалось за предложеніе фонъ-Левецова 146, а противъ — 163. Сообщивъ объ этомъ результатѣ голосованія, президентъ заявилъ о сложеніи съ себя своихъ полномочій и тотчасъ же вышелъ изъ залы засѣданія, при шумныхъ рукоплесканіяхъ своихъ единомышленниковъ. Мѣсто его занялъ вице-президентъ фонъ-Буоль, и палата перешла затѣмъ къ обсужденію бюджета. Узнавъ о парламентскомъ рѣшеніи, императоръ Вильгельмъ II немедленно телеграфировалъ въ Фридрихсруэ, что онъ возмущенъ поведеніемъ имперскаго сейма.

Нѣкоторыя берлинскія газеты замѣчаютъ по этому поводу, что пять лѣтъ тому назадъ, при отставкѣ князя Бисмарка, императоръ былъ бы, напротивъ, возмущенъ, еслибы парламентъ вздумалъ выразить свое сочувствіе уволенному канцлеру; тогда ни фонъ-Левецовъ, ни другіе члены консервативныхъ партій не предлагали устроить демонстрацію въ честь знаменитаго государственнаго дѣятеля. Тогдашнее молчаніе большинства имперскаго сейма было болѣе характерно для консерваторовъ, чѣмъ нынѣшній отказъ оппозиціи — для либераловъ и партіи центра. На этотъ разъ можно было заранѣе предвидѣть, что предложеніе не встрѣтитъ поддержки среди многочисленныхъ и вліятельныхъ группъ парламента, и если предложеніе было все-таки внесено президентомъ фонъ-Левецовымъ, то очевидно оно имѣло опредѣленную политическую цѣль, для которой результатъ голосованія былъ въ сущности безразличенъ. Консерваторы могутъ

теперь надѣяться, что ихъ негодованіе противъ оппозиціонныхъ партій найдетъ отголосокъ въ значительной части нѣмецкаго общества и усилить шансы ихъ успѣха въ борьбѣ съ противниками. Князь Бисмаркъ, конечно, хорошо понималъ подкладку всего этого страннаго шума, поднятаго около его имени, и для него рѣшеніе имперскаго сейма есть только вполне логическій выводъ изъ старыхъ партійныхъ счетовъ, припутанныхъ почему-то къ празднованію его дня рожденія. Онъ предпочелъ бы, разумѣется, чтобы лестныя для него чувства императора Вильгельма выразились въ свое время въ удержаніи за нимъ канцлерскаго поста, а не въ теперешнемъ возмущеніи по поводу естественныхъ чувствъ его всегдашнихъ враговъ. Способность забывать прошлыя обиды всего менѣе свойственна князю Бисмарку; можно сказать, наоборотъ, что въ этомъ отношеніи онъ обладаетъ замѣчательною памятью. Нѣтъ сомнѣнія, что, выслушивая привѣтственныя и поздравительныя слова Вильгельма II, онъ ни на минуту не перестаетъ вспоминать тѣ тягостныя для него обстоятельства, при которыхъ сочувствующій ему нынѣ императоръ заставилъ его удалиться отъ дѣлъ пять лѣтъ тому назадъ. Вильгельмъ II обращается къ нему въ такомъ тонѣ, какъ будто ничего особеннаго не произошло въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ за послѣдніе годы. Князь Бисмаркъ просто отдыхаетъ отъ многолѣтнихъ трудовъ, покинувъ службу по доброй волѣ, и неизмѣнно благосклонный къ нему императоръ всегда одинаково признавалъ его великія заслуги и его авторитетъ: такъ представляется дѣло, если судить по нынѣшнимъ официальнымъ заявленіямъ и празднествамъ. Старый канцлеръ доживаетъ свой вѣкъ въ тиши Фридрихсруэ, въ здоровой и успокоительной обстановкѣ; честолюбіе для него уже не существуетъ, и онъ могъ бы считать себя удовлетвореннымъ примирительными, почти дружескими дѣйствіями и рѣчами Вильгельма II; но умышленное забвеніе и замалчиваніе мартовскаго эпизода 1890 года, завершившаго его политическую карьеру, вносить элементъ горечи въ то настроеніе, съ какимъ онъ долженъ принимать новѣйшія сочувственныя манифестаціи, исходящія отъ высшихъ правительственныхъ сферъ.

Въ личномъ характерѣ Вильгельма II есть много романтическаго; его рѣшенія и рѣчи часто поражаютъ своею неожиданностью, и въ нихъ нерѣдко высказываются средневѣковыя традиціи, мало понятныя современникамъ. При своихъ сложныхъ государственныхъ заботахъ и занятіяхъ, онъ находитъ все-таки необходимымъ убѣждать публику на дѣлѣ, что всѣ искусства и знанія входятъ въ его компетенцію; онъ занимается и музыкальнымъ творчествомъ, и живописью, и разъясненіемъ вопросовъ военнаго дѣла, и чтеніемъ специальныхъ рефератовъ объ условіяхъ морской войны. Эта многосторонность вы-

текаетъ у него изъ высокаго понятія о роли монарха, какъ высшаго руководителя національной жизни во всѣхъ ея областяхъ и проявленіяхъ; это понятіе о призваніи правителя выражается въ каждомъ его политическомъ актѣ и въ каждомъ публичномъ его словѣ. Въ его рѣчахъ слышится воинственный тонъ его предковъ; образы старыхъ Гогенцоллерновъ и особенно великаго курфюрста носятъ въ его воображеніи, когда онъ говоритъ о прусскомъ или германскомъ мечѣ, о грозныхъ битвахъ и побѣдахъ. Подобныя слова въ его устахъ нисколько не выражаютъ рѣшимости предпринять войну; въ нихъ отдается только дань традиціонному духу, имѣющему мало общаго съ стремленіями и потребностями современности. Живые отголоски исторической старины облекаются въ этомъ случаѣ въ форму особаго военнаго культа, который сохраняетъ у Вильгельма II вполнѣ невинный характеръ. Въмѣсто того, чтобы воевать въ самомъ дѣлѣ, по примѣру своихъ предковъ, онъ довольствуется военными маневрами и парадами, которые никого не волнуютъ въ Европѣ и доставляютъ удовлетвореніе отечественнымъ любителямъ военнаго дѣла, не требуя для этого ни крови, ни жертвъ. Наслѣдственная склонность къ милитаризму не мѣшаетъ, однако, Вильгельму II держаться крайне осторожной, миролюбивой внѣшней политики; также точно высокое понятіе о роли монарха не мѣшаетъ ему съ щепетильною добросовѣстностью исполнять функціи конституціоннаго правителя. Традиціи абсолютной власти въ немъ такъ же живы, какъ и военныя преданія первыхъ Гогенцоллерновъ; но и эти традиціи имѣютъ у него лишь отвлеченный, теоретическій характеръ. Будучи романтикомъ по натурѣ, онъ умѣетъ мириться съ требованіями окружающей дѣйствительности; проникнутый идеалами прошлаго, но воспитанный все-таки въ условіяхъ новаго политическаго быта, онъ терпѣливо прислушивается къ голосамъ оппозиціи и внимательно слѣдитъ за разнообразными и переменчивыми симптомами общественнаго мнѣнія.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

---

1 апрѣля 1896 г.

— Ив. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы. I—V. Спб. 1895.

Для всѣхъ, кто интересуется старымъ періодомъ нашей литературы, книга г. Жданова явится давно желаннымъ собраніемъ его трудовъ, которые до сихъ поръ были разбросаны журнальными статьями. Собрать ихъ въ одно цѣлое было трудомъ, не безынтереснымъ для самого автора: въ самомъ началѣ эти исслѣдованія внушаемы были одною общею мыслию и теперь авторъ могъ высказать эту мысль, подтвердивъ ее цѣлымъ рядомъ детальнѣйшихъ изысканій. Исслѣдованія г. Жданова имѣютъ свой особый интересъ. Направленные на предметъ, который въ послѣднее время привлекалъ усиленное вниманіе нашихъ мифологовъ, историковъ литературы и „фольклористовъ“, онѣ затрогиваютъ новую сторону вопроса, которая давно требовала разрѣшенія, хотя бы приблизительнаго. Нашъ народный эпосъ имѣлъ особенную судьбу, которая наложила на него оригинальный отпечатокъ. Своими корнями онъ восходитъ очевидно въ далекую старину: его обычные и основные герои—князь Владиміръ съ его богатырями и съ его кievской обстановкой, и начало эпической пѣсни несомнѣнно касается этихъ кievскихъ временъ, но съ тѣхъ поръ пѣсня прожила почти цѣлое тысячелѣтіе и, за исключеніемъ немногихъ записей XVII и XVIII вѣка, впервые записана только въ самое недавнее время. Такимъ образомъ первоначальная тема на пространствѣ тысячелѣтія могла осложниться какими-либо новыми чертами, занимавшими рядомъ съ нею народную фантазію, и дѣйствительно осложнилась. Въ результатѣ исторіи мы получаемъ весьма сложное народно-поэтическое явленіе, и вмѣстѣ съ этимъ изученіе его чрезвычайно затрудняется. На пространствѣ вѣковъ нашъ эпосъ не былъ записанъ, такъ что мы лишены возможности составить себѣ понятіе о томъ, какой видъ онъ могъ имѣть въ XI вѣкѣ, потомъ въ

XIII, потомъ въ XV и т. д.; какой видъ онъ могъ имѣть на кievскомъ югѣ, въ московскомъ центрѣ на новгородскомъ сѣверѣ, волжскомъ востокѣ и т. д.; мы лишены возможности судить о томъ, какъ установилась первоначальная тема, какъ обставлялась она историческими и бытовыми чертами позднѣйшаго времени, какъ соприкасалась она съ эпическими сказаніями другихъ народовъ, какъ, косвенными путями, она отражалась въ преданіяхъ литературныхъ и въ свою очередь подпадала ихъ вліянію и т. д. Первое, внимательное изученіе нашего эпоса, которое восходитъ въ сущности не далѣе, какъ къ трудамъ г. Буслаева, съ самаго начала установило несомнѣнный фактъ, что въ нашемъ эпосѣ мы имѣемъ дѣло именно съ сложнымъ историческимъ явленіемъ, въ которомъ накопились наслоенія разныхъ эпохъ и разныхъ настроеній; но разобраться въ этомъ сложномъ явленіи было не легко. Извѣстно, что въ немъ искали и непосредственныхъ отраженій древнѣйшей мифологіи, и слѣдовъ исторіи въ дружинную эпоху, и прямыхъ вліяній восточной поэзіи, и тѣснѣйшаго соотношенія съ преданіями западными, и отраженій книжной легенды и т. д. Сдѣлана была масса любопытныхъ сближеній, которыя чрезвычайно расширили поэтическую область, среди которой развивался нашъ эпосъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возникали все новые вопросы. Эти сближенія нерѣдко поражали своею неожиданностью, часто бывали весьма убѣдительны, но за всѣмъ тѣмъ оставалось недоумѣніе, съ разрѣшеніемъ котораго только и возможно было рѣшеніе вопроса, способное удовлетворить изслѣдователя: гдѣ, когда, въ какихъ условіяхъ могли произойти тѣ воздѣйствія, которыя видоизмѣняли начальную тему и давали эпосу ту форму, въ какой мы знаемъ его теперь. Простое сближеніе сходныхъ мотивовъ указывало лишь неопредѣленный фактъ: оно было чрезвычайно важно въ виду прежней постановки вопроса, когда русскій эпосъ разсматривался внѣ цѣлой области средневѣковаго сказанія, съ которой однако онъ былъ тѣсно связанъ—но для полнаго опредѣленія историческаго факта нужно было сдѣлать наконецъ попытку хронологическаго объясненія послѣдовательныхъ ступеней эпоса и точнаго, насколько возможно, указанія источниковъ устныхъ и книжныхъ преданій, которыя примыкали съ теченіемъ времени къ древней основѣ. Съ другой стороны, нужно было раскрыть точнѣе тѣ отраженія бытовой исторіи, какія несомнѣнно нашли мѣсто въ развитіи эпоса.

Г. Ждановъ въ особенности направилъ свои изысканія на эту, такъ сказать, документальную исторію нашей древней поэзіи и въ его сборникѣ собраны изслѣдованія, касающіяся различныхъ отдѣловъ нашей поэтической старины, которые онъ разсматриваетъ именно въ этомъ отношеніи. Это—новый шагъ въ изслѣдованіи труднаго

вопроса, составляющій поэтому большую научную заслугу. Свою общую мысль авторъ высказываетъ въ слѣдующихъ словахъ предисловія:

„Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ нашихъ былинъ, вопросъ объ ихъ литературной исторіи, о первоначальномъ составѣ нашего эпоса и о тѣхъ намѣненіяхъ, которыя могли и должны были испытать историческія пѣсни, прожившія нѣсколько вѣковъ.

„Наша древняя письменность сохранила, какъ извѣстно, очень скудные свѣденія о составѣ и движеніи былевой поэзіи минувшихъ вѣковъ. Записи былинъ не восходятъ далѣе XVII вѣка. Отъ болѣе древняго времени дошло до насъ лишь нѣсколько псевдо-историческихъ сказаній и лѣтописныхъ замѣтокъ, въ основѣ которыхъ можно предполагать эпическій матеріалъ. При такой скудости письменной традиціи вопросъ объ исторіи нашего эпоса, объ обработкѣ и переработкѣ былевыхъ пѣсней можетъ быть рѣшаемъ преимущественно на основаніи изученія и оцѣнки тѣхъ эпическихъ данныхъ, которыя сохранились въ области такъ называемой народной словесности. Но въ этой области, загроможденной обломками разныхъ эпохъ, нельзя свободно подвигаться впередъ, если предварительно не будетъ очищенъ путь для движенія, если разновременные обломки не будутъ распредѣлены въ опредѣленномъ порядкѣ.

„Въ смѣшанномъ, неоднородномъ составѣ нашего эпоса, кромѣ спутанныхъ напластованій исторически-бытоваго характера, могутъ быть различаемы слои иного рода, слои собственно литературные, особенности которыхъ объясняются разнообразіемъ того литературнаго матеріала, который вошелъ въ составъ той или другой былинны. По различію литературныхъ основъ удастся, быть можетъ, распредѣлить наши „старинны“ на нѣсколько группъ, установить нѣсколько типовъ былевой пѣсни. Сравненіе же этихъ типовъ можетъ указать на ихъ взаимное отношеніе, на послѣдовательность, съ которой выступали въ нашей эпикѣ былевые пѣсни того или другого состава. Намѣчается такимъ образомъ одинъ изъ тѣхъ путей, которые могутъ приблизить насъ къ рѣшенію вопроса объ историческомъ развитіи русскаго эпоса“.

Въ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи: Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князехъ Владимірскихъ“; повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былина: „Неразсказанный сонъ“; Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ; пѣсни о князѣ Романѣ; пѣсни о князѣ Михаилѣ. Въ приложеніяхъ издано нѣсколько старыхъ текстовъ, имѣющихъ отношеніе къ разбираемымъ сказаніямъ.

Труды г. Жданова давно уже занимаютъ почетное мѣсто въ ряду

изслѣдованій о нашей древней письменности, преимущественно легендарной, и о преданіяхъ нашего эпоса. Настоящій сборникъ отличается тѣми же достоинствами его изысканій: обширною начитанностью, осмотрительною критикой, точнымъ изученіемъ фактовъ, нерѣдко весьма остроумными сближеніями. Вообще это весьма важный вкладъ въ изслѣдованіе нашей поэтической старины, важный и по непосредственнымъ выводамъ и по приѣмамъ исторической критики.

— Діонео. На крайнемъ сѣверо-востоцѣ Сибири. Спб. 1895.

Въ послѣднее время Сибирь вызываетъ столько изслѣдованій и описаній, какъ никогда прежде. Отчасти это надо приписать пробужденію у самихъ ея туземцевъ интереса къ изученію родины,—въ настоящее время въ Сибири есть уже нѣсколько отдѣловъ Географическаго Общества; отчасти тому, что необходимость описаній чувствуется административными вѣдомствами для цѣлей самаго управленія,—таковы предпринимаемыя въ разныхъ мѣстахъ статистическія изслѣдованія и отдѣльныя описанія, какъ недавно упомянутое нами описаніе Приамурской области; наконецъ, безъ сомнѣнія, и тому, что невольными обитателями Сибири оказывались образованные люди, которыхъ любознательность вела къ изученію природы и людей. Изъ числа послѣднихъ назовемъ, на примѣръ, недавно умершаго въ Сибири И. Д. Черскаго, поляка родомъ, который нашелъ въ Сибири свою научную родину и посвятилъ всѣ свои силы ея изученію: закончивъ срокъ своей ссылки и проживши нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, онъ вернулся опять въ Сибирь исполнителемъ ученой экспедиціи и кончилъ тамъ жизнь среди ученой работы, оставивъ по себѣ память замѣчательныхъ трудовъ и глубокой преданности наукѣ.

Писатель, скрывшій свое имя псевдонимомъ Діонео, уже извѣстенъ въ литературѣ своими „Очерками крайняго сѣверо-востока“, изданными въ „Запискахъ“ восточно-сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, 1892 (какъ самъ авторъ указываетъ на стр. 106). „Крайній сѣверо-востокъ“, это—Колымскій край, рѣдко заселенный отчасти русскими, почти теряющими здѣсь свою національность, отчасти якутами, ламутами и чукчами; авторъ прожилъ здѣсь, по его указанію, четыре года, и, отличаясь большою наблюдательностью, которая видна въ его разсказѣ, успѣлъ близко ознакомиться съ бытомъ, какъ русскихъ, такъ и инородцевъ. Эпиграфомъ къ своему разсказу онъ взялъ слова стараго путешественника по этому краю, барона Врангеля: „Здѣсь жизнь есть лишь горестное бorenіе со всѣми ужа-

сами холода и голода, съ недостаткомъ первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслажденій“, и эпиграфъ оправдывается на каждой страницѣ. Авторъ имѣлъ случай видѣть всѣ главные пункты Колымскаго края: эти главные пункты — три Колымска, верхній, средній и нижній; они называются „городами“, но этого названія совершенно не заслуживаютъ. „О Верхне-Колымскѣ мнѣ долго говорить не приходится,—замѣчаетъ авторъ,—тамъ всего девять жителей. Около сотни якутовъ и ламутовъ живутъ разбросанно верстахъ въ 20—180 отъ этого „города“. Здѣсь официально числится русское мѣщанское общество въ 40 человѣкъ; но его давнымъ давно нѣтъ уже. Скажу невѣроятную вещь: это общество совсѣмъ одичало и ушло „въ ламуты“, т. е., какъ и эти дикари, бродятъ съ оленями въ гольцахъ“. Средне-Колымскъ или „Средно“, какъ говорятъ на мѣстѣ, есть главный пунктъ въ краѣ. „Тутъ цѣлыхъ два-три десятка избышекъ, безъ крышъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка на лѣвомъ берегу Колымы, по обѣимъ сторонамъ узкой рѣчки Анкудинъ. Въ Средне-Колымскѣ вся администрація края: исправникъ, который въ то же время высшій судья, комендантъ Анюйской „крѣпости“, начальникъ всего войска округа (послѣднее состоитъ изъ 11 казаковъ, не имѣющихъ ни ружей, ни знаменъ, ни мундировъ) и т. д.“ Въ такомъ же родѣ и Нижне-Колымскъ или „Нижно“. Разница между ними лишь та, что жители Средне-Колымска, по словамъ автора, почти смѣшались съ якутами, между тѣмъ какъ „низовики“ по-якутски не знаютъ и гордятся тѣмъ, что они—русскіе люди, хотя ихъ типъ чрезвычайно измѣльчалъ, такъ что, напримѣръ, пріѣзжіе изъ Россіи люди обыкновеннаго роста кажутся имъ великанами, борода кажется уродствомъ (по ихъ мнѣнію, у этихъ пріѣзжихъ русскихъ лицо волосатое—„какъ у собакъ“), а языкъ „низовиковъ“ обѣднѣлъ и произношеніе изуродовано. Время своего пребыванія въ Колымскомъ краѣ авторъ провѣлъ въ Средне-Колымскѣ, но дѣлалъ поѣздки на сѣверъ до океана и на востокъ за Колыму „въ чукчи“; два раза онъ сдѣлалъ дорогу отъ Иркутска въ Колымскій край и обратно. Такимъ образомъ мѣстность и бытъ русскаго и инородческаго населенія ему близко знакомы.

„Средно“ есть „столица“ Колымскаго края. Она проживаетъ слѣдующимъ образомъ. Населеніе этой столицы составляютъ казаки и мѣщане. Первые получаютъ отъ казны паекъ, по два пуда муки въ мѣсяцъ на человѣка; но обыкновенно кулаки впередъ скупаютъ у нихъ эту муку, платя рубля по три за пудъ, притомъ не деньгами, а товаромъ (а именно водкой по три рубля за бутылку, кирпичнымъ чаемъ и табакомъ), а потомъ поставляютъ эту муку въ казенный магазинъ по 12 рублей за пудъ. Очевидно, это—„дѣтская черта безза-

ботности, которыми отличаются всѣ дикари". Мѣщане существуютъ однимъ рыболовствомъ, которое начинается очень поздно, когда рѣка очищается отъ льда, около Петрова дня. „Въ мартѣ мѣсяцѣ кончаются уже запасы рыбы. Жители начинаютъ ѣсть уже собачій кортѣ: рыбы кости, потроха и прочую полусгнившую мерзость. Въ это время въ избу колымчанина нельзя войти: тяжелый, одуряющій запахъ гнилой рыбы захватываетъ дыханіе и вызываетъ тошноту. Чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ положеніе дѣлъ становится все хуже да хуже. Въ маѣ обыватели сѣддаютъ кожаные обути, ремни, налимьи кожи, которыми лѣтомъ, вмѣсто стеколъ, затянута рамы и т. д. Жить тогда въ Средне-Колымскѣ—пытка. Желтыя, опухшія лица, горящіе голодными блескомъ глаза—буквально могутъ обезумить. Тощія, едва живыя собаки, шатаясь, бродятъ по городу, разыскиваютъ трупы своихъ околѣвшихъ товарищей и жадно пожираютъ. Но вотъ конецъ мая. Колыма почернѣла. Зеленныя наледи разлились на ней повсюду. Наконецъ съ оглушительнымъ трескомъ ломается ледъ и рѣка трогается. Все населеніе Колымска высыпаетъ на берегъ... На неводѣбѣ забываются въ одинъ день всѣ невзгоды зимы. Сыты люди, сыты собаки".

„Обыкновенно флегматичный, вялый, молчаливый и напоминающій свою любимую рыбу—нельму, лѣтомъ обыватель становится другимъ. Тогда неводятъ „въ круговую" цѣлыя сутки. Каждый неводъ заматывается три раза. Круглыя сутки надъ пустынной рѣкой раздаются смѣхъ, шутки, пѣсни. Правда, пѣсни средневца совсѣмъ неудачны... Чаще всего раздаются пѣсни на якутскомъ языкѣ. Рѣдкія русскія пѣсни и сказки сильно „околымилы" и на нихъ легъ отпечатокъ мѣстнаго творчества".

Но и рыбная пища ужасна. Соль есть большая рѣдкость и при соленіи рыбы кладутъ ея очень мало, такъ что уже въ концѣ лѣта рыба начинаетъ портиться, „киснуть", какъ здѣсь говорятъ; но мѣстные жители такъ привыкли къ этой кислой рыбѣ, что предпочитаютъ ее свѣжей. Одинъ исправникъ (попавшій потомъ подъ судъ за лихоимство) хотѣлъ-было заставить колымчанъ коптить рыбу и запрещалъ ее солить, но жители коптить не выучились, да и не желали выучиться, потому что „наши дѣды рыбы не коптили, а живы были". Когда наконецъ этого исправника убрали, „это было, безъ сомнѣнія, самый радостный день въ Колымскѣ за все столѣтіе. Батюшку попросили отслужить благодарственный молебень. Цѣлый день звонили въ колокола и палили изъ ружей. Коптильни остались, чтобы потомство знало, какія напасти бывали въ старые годы". Они продолжаютъ питаться старой дѣдовской, „кислой" рыбой.

Вмѣстѣ съ физическимъ типомъ упалъ и типъ умственный. „Ум-

ственные способности средневеца очень невысоки. Памяти у него почти нѣтъ. Онъ съ трудомъ повторить три слова подъ рядъ. Чтобы научиться грамотѣ, онъ бьется нѣсколько лѣтъ подъ рядъ и, въ концѣ концовъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія ученія забываетъ рѣшительно все. Нѣкоторые взрослые колымчане безошибочно считаютъ лишь до 39; дальше они говорятъ „тридцать десять, тридцать одиннадцатъ и т. д. Средневецы по-русски изъясняются совсѣмъ плохо. Ихъ обиходный языкъ—якутскій. Якутскій пантеонъ оставилъ сильное впечатлѣніе на религіи обывателя. Средневецы увѣрены, что боговъ четыре и что всѣ они живутъ въ четырехъ углахъ неба: св. Никола на югѣ, два Спаса на западѣ и на востокѣ и Матерь Божія—на сѣверѣ“.

Какъ мы сказали, авторъ доѣзжалъ до послѣдняго сѣвернаго предѣла Колымскаго края. Это—Сухарное, послѣднее русское поселеніе на крайнемъ сѣверо-востокѣ, въ десяти верстахъ отъ Ледовитаго океана.

„Печаленъ видъ этого поселка! На правомъ берегу Колымы разбросаны пять-шесть избышекъ, сложенныхъ изъ плавника. За избышками—рядъ обнаженныхъ камней. Прямо на сѣверъ—лиловая туча, поясомъ охватившая горизонтъ. Тамъ—океанъ. Избушки на Сухарномъ маленькія, не больше 4-хъ аршинъ, низенькія до того, что чловѣкъ выше средняго роста не можетъ въ нихъ выпрямиться. Въ избы ведетъ такая маленькая дверь, что европейцу, у котораго спина не такъ гибка, какъ у обывателей, пробраться можно только на четверенькахъ. Въ избышкахъ шагу ступить нельзя отъ тѣсноты.

„Сухарновецъ почти весь годъ оторванъ отъ всего міра. Для него Нижно—уже „теплое мѣсто“. Когда я пріѣхалъ, въ Сухариномъ вышелъ давно уже весь табакъ и чай, не говоря уже о соли. Сухарновцы курили крошеную *ровдуну* (замшу) и пили брусничные листья. Настоящая жизнь троглодитовъ! Да и одежда какъ у троглодитовъ: бѣлья нѣтъ ни на комъ: мѣховое платье одѣто прямо на голое тѣло. Языкъ состоитъ изъ какихъ-нибудь двухъ сотенъ словъ. Считать почти всѣ умѣютъ лишь до десяти, а женщины и того меньше. Мнѣ казалось, что я какимъ-то чудомъ перенесенъ за много тысячъ лѣтъ тому назадъ, въ берлоги тѣхъ таинственныхъ кангіяниси, мамонтовья стрѣлы которыхъ найдены на днѣ озера... Рѣшительно, тысячелѣтія не свершили никакой перемѣны. Больше этого: эти троглодиты XIX-го столѣтія вѣдь принесли 200 лѣтъ тому назадъ сюда какую-то культуру. Гдѣ же она? Они ее забыли совершенно“.

Такъ живутъ русскіе; но еще болѣе первобытно существуютъ инородцы. Изрѣдка между якутами и чукчами встрѣчаются „богатые“ люди, но большинство едва влачить существованіе впроголодь,

занимаясь тѣми же элементарными промыслами, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, съ тою разницею, что добыча, пушной товаръ, все болѣе оскудѣваетъ, и еще съ тою разницею, что въ прежнее время инородцы терпѣли грабежъ отъ сборщиковъ ясака, а теперь находятся обыкновенно въ кабалѣ у кулаковъ, которые берутъ у нихъ по ничтожной цѣнѣ мѣха и оплачиваютъ въ тридорога бирничнымъ чаемъ, табакомъ, а главное водкой, при чемъ водка для большей „крѣпости“ настаивается на махоркѣ и купоросѣ. Въ довершеніе всего населеніе, особливо инородческое, періодически истребляется оспой и другой заразительной болѣзнію, еще болѣе ужасной, потому что она постоянна. Нѣкоторую независимость отъ прямого насилія сохранили только чучи, которые съ самаго начала оказывали упорное сопротивленіе русскимъ завоевателямъ... Еще одно ужасное бѣдствіе для якутовъ составляютъ такъ называемые „хайлаки“, ссыльные поселенцы изъ наиболѣе отчаянныхъ преступниковъ, которыхъ якутскія общины обязываются содержать: эти поселенцы производятъ у якутовъ всевозможныя безобразія, доходящія до убійствъ, и несчастные якуты не находятъ противъ нихъ никакой защиты. „Округъ такъ великъ, что, при всемъ желаніи, единственный представитель администраціи не можетъ ничего сдѣлать для дикарей.

„Страшно становится подумать, что станетъ съ несчастными дикарями, когда реформирована будетъ, какъ говорятъ, ссылка, т.-е., когда начнутъ ссылатъ *только* въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

„Тогда сѣверо-востокъ Сибири превратится въ кругъ ада, гдѣ вѣчно будетъ стонъ и скрежетъ зубовъ несчастныхъ дикарей.

„Послѣ поѣздки миссъ Марсденъ, великодушные люди промышленности средства, какъ помочь нѣсколькимъ десяткамъ прокляженныхъ. Это—хорошо, но не найдутъ ли также великодушные люди способъ, какимъ образомъ избавить не нѣсколько десятковъ, а поголовно все якутское населеніе области отъ не менѣе страшной проказы, подтачивающей экономическое положеніе и нравственность края? Этой проказѣ имя *хайлахъ*“.

Вся картина этой жизни, безразлично—русской и инородческой, до послѣдней степени удручающая. Русскіе, пѣкогда завоевавшіе этотъ край, находятся въ состояніи несомнѣннаго вырожденія: тѣ способности, какія нѣкогда были сюда принесены: предпринимчивость, страшная физическая выдержка, упали, когда дѣло завоеванія было довершено, когда завоеватели успокоились, покоривъ туземцевъ: единственное, на что они затѣмъ оказались способны, была грубая эксплуатація, и они сами погрязли, наконецъ, въ томъ низменномъ уровнѣ, который здѣсь нашли и выше котораго не умѣли стать, потому что ихъ собственный уровень былъ очень невысокъ. Единственнымъ сред-

ствомъ поднять состояніе края, физическое и моральное, авторъ считаетъ установленіе сообщеній какимъ-либо, хотя нѣсколько болѣе высокимъ культурнымъ пунктомъ, что могло бы поднять бытовныя потребности и промышленную дѣятельность. Такимъ пунктомъ представляется ему Гижигинскъ, пунктъ еще болѣе далекій на востокъ, но куда, по крайней мѣрѣ, заходятъ цивилизованные люди... Если нынѣшнія условія не измѣнятся, то, по мнѣнію автора, населенію Колымскаго края остается одна перспектива—вымираніе.

Изъ того, что мы говорили, можно видѣть, до какой степени край пустыненъ. Отъ другихъ обитаемыхъ пунктовъ онъ отдѣленъ громадными разстояніями. Авторъ сдѣлалъ дорогу въ Средне-Колымскъ отъ Якутска лѣтомъ, возвращался оттуда зимой. Лѣтомъ предстояло перѣзжать безъ всякихъ дорогъ горныя хребты, рѣки въ бродъ, болота, гдѣ вода доходила по брюхо лошади и т. п.; зимой все это замерзало, но морозъ доходилъ до 60 градусовъ; одинокія „станціи“, т.-е. простыя юрты, встрѣчались одна отъ другой на пространствахъ нѣсколькихъ сотъ верстъ; въ промежуткахъ были только одинокія лачуги, устроенныя для путешественниковъ, гдѣ можно было развести огонь. Путь отъ Средне-Колымска до Якутска занялъ пятьдесятъ дней; на этомъ пространствѣ находится только одинъ „городъ“ Верхоянскъ—„два, три десятка юртъ“. Дорога отъ Якутска до Иркутска заняла мѣсяць. „Считая со времени выѣзда изъ Сухарнаго, на берегу Ледовитаго океана, я ѣхалъ все по Якутской области (на собакахъ, на оленяхъ и на лошадяхъ) около 3 мѣсяцевъ и сдѣлалъ болѣе 5 тысячъ верстъ, не выѣзжая изъ района, находящагося подъ вѣденіемъ одного и того же губернатора. Здѣсь всегда мѣряютъ разстояніе тысячами верстъ, а время путешествія—мѣсяцами“.

Книга г. Діонео чрезвычайно интересна. Обыкновенно рассказы объ этомъ далекомъ краѣ принадлежать путешественникамъ, которые заѣзжали сюда на короткое время; въ большинствѣ случаевъ эти рассказы отрывочны и не даютъ цѣлой картины этого удивительнаго „быта“. Нашъ авторъ пробылъ здѣсь цѣлыхъ четыре года, такъ что имѣлъ возможность присмотрѣться къ краю во всѣхъ подробностяхъ, нарисовать сполна его обыденную жизнь изъ года въ годъ; овладѣвъ (болѣе или менѣе) языкомъ, онъ познакомился и съ этнографическими чертами, ускользающими отъ обыкновеннаго наблюдателя, съ народными преданіями, мифологіей, обычаями. Рядомъ съ этимъ онъ даетъ наглядныя и интересныя картины природы, которая при всей своей дикости нерѣдко поражала его своими грандіозными явленіями. Читатель найдетъ здѣсь и чрезвычайно оригинальный рассказъ о томъ, какъ невольные путешественники, попавши въ дикую среду колымской жизни, должны были, прямо для сохраненія своего существо-

ванія, „приспособляться“ къ условіямъ природы, принимать существующіе обычаи, насколько возможно пользуясь немногими средствами цивилизаціи, какія были въ ихъ распоряженіи. Въ концѣ концовъ они кое-какъ существовали, и когда затѣмъ они возвращались въ обывденную человѣческую среду, имъ казалось чрезвычайно высокой цивилизація полудикаго Якутска, не говоря объ Иркутскѣ.

Разсказъ ведется вообще живо и занимательно. Для любителей фольклора отмѣтимъ разсказъ, живущій у мѣстныхъ казаковъ, о томъ, какъ атаманъ Кольцо, сподвижникъ Ермака, купилъ у якутовъ столько земли, сколько займетъ шкура быка, разсказъ совершенно похожій на извѣстный мифъ о постройкѣ Кареаггена (стр. 229); или якутскій разсказъ о сотвореніи міра „бѣлымъ богомъ и злымъ духомъ“ (стр. 253—254), составляющій повтореніе извѣстнаго дуалистическаго мифа.

Во внѣшнемъ исполненіи изданія есть недостатокъ, который у насъ, къ сожалѣнію, очень распространенъ и котораго не трудно было бы избѣжать при нѣкоторомъ вниманіи. Это—плохая корректура. Напр., извѣстная миссъ Марсденъ называется здѣсь Мареденъ (стр. 83); „послѣдній представитель чуванскаго племени“ называется Ѳеодоръ Личкинъ (стр. 120), а на слѣдующей страницѣ онъ же именуется Ликчинъ,—что изъ двухъ вѣрно, остается неизвѣстно; островъ Кадьякъ (стр. 143) на той же страницѣ именуется и Кадьянъ; одно и то же слово пишется на нѣсколько ладовъ, напр.: хайлахъ и хайлакъ; тоень, тоѣнь и тойонъ; знаменитые въ началѣ XIX-го вѣка типографщики Любій, Гарій и Поповъ переименованы въ Лообія, Гарпія и Попова (стр. 248) и т. д.

— А. Я. Максимовъ. На далекомъ востокѣ. Разсказы и были изъ жизни на отдаленной окраинѣ Россіи. Т. II. Спб. 1895.

Далекій востокъ, о которомъ идетъ рѣчь въ книгѣ г. Максимова, есть Уссурійскій край и Сахалинъ. Этотъ востокъ такъ далекъ и такъ еще мало описанъ, что разсказы о немъ могутъ быть очень любопытны, и были бы тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ были бы проще и ближе къ дѣйствительности, еслибы это были простые, непритязательные разсказы путешественника или мѣстнаго жителя, который далъ бы намъ понятіе о природѣ края и о томъ, какъ живутъ въ немъ русскіе и не-русскіе люди. Авторъ настоящей книги задался другою цѣлью: онъ хотѣлъ найти на далекомъ востокѣ темы не столько для простаго разсказа, сколько для литературнаго творчества; онъ описываетъ не только то, что могъ видѣть, но и то, чего не могъ видѣть. Онъ описываетъ, напримѣръ, какъ попъ Симеонъ совершилъ

замѣчательный подвигъ, взявшисъ во время послѣдней турецкой войны, когда можно было опасаться нападенія англичанъ на Сахалинъ, доставить большую денежную сумму изъ одного форта этого острова въ другой, для чего нужно было сдѣлать перевязь по бурному морю на утлой лодкѣ: объ этомъ подвигѣ авторъ могъ только слышать, конечно въ общихъ чертахъ, но онъ рассказываетъ о немъ со всѣми подробностями. Но если здѣсь читатель можетъ представить показанія какого-нибудь свидѣтеля, то никакихъ показаній онъ не можетъ предположить относительно разсказа: „Унесенные въ море“, гдѣ излагается исторія китайской джонки, которая была унесена бурей въ океанъ и которой экипажъ замерзъ до одного человѣка: не осталось никакого свидѣтеля,—между тѣмъ авторъ подробно рассказываетъ намъ, какъ эти китайцы отплыли, что они говорили между собой, какъ началась буря и т. д. Передъ нами, очевидно, творчество и мы остаемся только въ недоумѣніи, какое отношеніе имѣетъ оно къ „далекому востоку“.

Въ самомъ исполненіи разсказовъ кое-что представляется не со-всѣмъ ладнымъ. Разсказъ о попѣ Симеонѣ начинается слѣдующимъ образомъ:

„Не такъ давно англійскій капитанъ Бойтонъ переплылъ Па-де-Кале въ гуттаперчевомъ костюмѣ собственнаго изобрѣтенія. Ради оригинальности, онъ поставилъ себѣ на грудь мачту съ небольшимъ парусомъ. Море было спокойно и сверкало на лѣтнемъ солнцѣ, словно гигантскій, отшлифованный, стальной листъ. Разстояніе между берегами не превышало сорока миль. Два парохода, переполненные избранной публикой, въ особенности дамами, провожали отважнаго пловца, готовые оказать ему быструю, своевременную помощь, еслибы она понадобилась. Мужчины ободрили его энергичными криками, дамы воодушевляли своими прекрасными, разгорѣвшимися глазками, внимательно слѣдившими за каждымъ движеніемъ храбраго, статнаго, ловкаго капитана... На французскомъ берегу Бойтона встрѣтили красивые рыбачки и щедро усыпали цвѣтами всю дорогу, отъ морского побережья до гостиницы, гдѣ капитанъ намѣревался переодѣться и позавтракать. Всѣ восхваляли необычайное мужество пловца: газеты прокричали о немъ, какъ о герояхъ дня. Всюду, гдѣ бы ни показался Бойтонъ въ первые дни послѣ подвига, ему устраивали оваціи, словно коронованной особѣ...“

„Впрочемъ, я хочу разсказать вамъ отнюдь не о храбромъ, мужественномъ капитанѣ Бойтонѣ—о немъ уже достаточно писали въ журналахъ и газетахъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Нѣтъ, я разскажу вамъ о смиренномъ, никому неизвѣстномъ, попѣ Симеонѣ, тоже пловцѣ, но пловцѣ другого закала, совершившемъ свой *схром-*

мый (курсивъ автора) подвигъ въ отдаленной глуши, безъ театральной обстановки, безъ криковъ „ура“ и цвѣтовъ, даже безъ всякой мечты о какой-либо наградѣ или благодарности“.

Непонятно, какую связь имѣетъ капитанъ Бойтонъ съ попомъ Симеономъ. Бойтонъ заинтересовалъ своей выдумкой, какъ это случается сплошь и рядомъ; газеты писали о немъ точно такъ же, какъ пишутъ о шансонетныхъ пѣвицахъ и клоунахъ; попъ Симеонъ совершалъ свой подвигъ вовсе не для зрителей, а такъ, какъ совершаются вообще подобныя дѣла въ тревожное военное время, — и если что можетъ указать сдѣланная авторомъ параллель, то развѣ лишь то, что въ теченіе почти двадцати лѣтъ „на дальнемъ востокѣ“ не нашлось грамотнаго человѣка, который въ состояніи былъ бы описать подвигъ попа Симеона. Но едва ли это имѣлъ въ виду указать нашъ авторъ.

Далѣе. Разказу о самомъ подвигѣ предшествуетъ описаніе сцены, происходившей въ управленіи поста Дуэ: выведены на сцену лица, составлявшія это управленіе, съ именами и фамиліями и съ полной характеристикой добродѣтельныхъ и порочныхъ; но опять неизвѣстно, есть ли это описаніе — фактическое (т.-е. запоздалое лѣтъ на двадцать „обличеніе“), или оно опять принадлежитъ творчеству. Не совсѣмъ ясно и то, что начальникъ поста Дуэ чрезвычайно озабоченъ доставленіемъ денегъ въ постъ Корсаковскій, которому иначе грозила опасность остаться безъ провіанта, между тѣмъ какъ начальство Корсаковского поста, повидимому, нисколько не думало само позаботиться о томъ, чтобы свестись съ портомъ Дуэ. (Для объясненія трудности ихъ сношеній надо сказать, что дѣйствіе происходитъ глубокою осенью, когда сухопутныя поѣздки, по словамъ автора, становились невозможны, а сообщеніе моремъ становилось невозможно потому, что „суда сибирской флотиліи, плохо снабженныя и вооруженныя, искали убѣжища въ Санъ-Франциско, чтобы избѣгнуть погрома отъ сильной англійской эскадры, сосредоточившейся въ водахъ Тихаго океана“, — такъ что въ фортѣ Дуэ осталась только плохая лодка, на которой и поплылъ попъ Симеонъ).

Разказъ кончается слѣдующимъ образомъ:

„Беззвучно прибыли добровольцы (т.-е. попъ Симеонъ съ своими спутниками) въ постъ“ (въ противоположность „красивымъ рыбакамъ“, встрѣчавшимъ капитана Бойтона). „Попъ Симеонъ едва отыскалъ того, на чье имя были адресованы сорокъ тысячъ рублей. „Человѣкъ берега“ встрѣтилъ миссіонера холодно; строго оглядѣлъ его закорузлый полушубокъ и порыжѣвшіе, растрескавшіеся сапоги; мелькомъ взглянулъ на измученное, исхудавшее лицо и озадачилъ вдругъ неожиданнымъ, сердитымъ вопросомъ:

— Отчего бумажки подмочены?

„Цонъ Симеонъ не далъ требуемаго отвѣта; онъ лишь глубоко вздохнулъ и молча вышелъ изъ кабинета строгаго начальника.“

„Такъ отблагодарили отважнаго миссіонера за его самоотверженную услугу, о которой никто бы и не вспомнилъ, еслибы намъ не вадумалось разсказать о ней“. Остается впечатлѣніе, что въ Корсаковскомъ постѣ какъ будто вовсе не нуждались въ этомъ подвигѣ, — и подтверждается предположеніе о недостаткѣ грамотныхъ людей.

Нѣкоторые недоумія возбуждаютъ разсказы о китайцахъ, приходящихъ на русскую территорію безъ разрѣшенія русскаго правительства и хищнически занимающихся въ Уссурійскомъ крайъ разными промыслами, между прочимъ разработкой золотыхъ пріисковъ („Унесенные въ море“; „Въ погоню за хищниками золотоискателями“). Авторъ строго осуждаетъ этихъ китайскихъ „хищниковъ“: это — „китайскіе бродяги“, „подонки китайскаго населенія“, „китайскіе негодяи, не дающіе никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ“, „китайскій сбродъ“, „разношерстные искатели приключеній, охваченные надеждой удовлетворить свою жгучую алчность въ чужомъ краю, пользующемя вполне заслуженною славой сокровищницы далекаго востока“. Но дальше изъ собственныхъ разсказовъ автора оказывается, что большинство этихъ „хищниковъ“ — совершенно жалкіе люди, нищія, которые за ничтожную плату работаютъ на немногихъ предпринимателей-кулаковъ, и самое „хищничество“ происходитъ (или происходило) потому, что „сокровищница“ вовсе не была оберегаема: русское населеніе края было слишкомъ немногочисленно, граница пустой области не была охраняема; въ прежнее время это была область китайская, и совершенно естественно, что китайцы по старому обычаю шли сюда промыслять ловлею трепанговъ, собираніемъ морской капусты и кое-гдѣ разрабатывать пріиски. Эксплуататорами этихъ пришлыхъ рабочихъ бывали агенты китайскихъ купцовъ или мѣстные китайцы, жившіе на русской территоріи, такъ называемые манзы, которые при случаѣ поддерживали даже китайскихъ разбойниковъ, чтобы затруднить русскую колонизацію. Нашъ авторъ изображаетъ и этихъ китайскихъ эксплуататоровъ, какъ страшно жестокихъ кулаковъ, которые держатъ своихъ рабочихъ въ настоящемъ рабствѣ и даже совершаютъ надъ ними величайшія свирѣпости; но, повидимому, собственныхъ наблюденій авторъ имѣлъ въ этомъ случаѣ немного: по крайней мѣрѣ въ двухъ разсказахъ („Волшебная падь“, „Въ погоню“), гдѣ онъ касается этого предмета, подробности совершенно одинаковы. Въ разсказѣ „На соболей“ изображается еще видъ китайскаго эксплуататора-купца, который держитъ въ кабалѣ промышленниковъ инородцевъ: авторъ съ великимъ негодованіемъ говоритъ объ этихъ ки-

тайскихъ кулакахъ „безстыдныхъ, жадныхъ до безшабашной наживы“; известно однако, что совершенно такой же алчностью къ безшабашной наживѣ отличаются и русскіе купцы среди сибирскихъ инородцевъ.

Въ разсказахъ нашего автора дается обыкновенно довольно много мѣста описаніямъ природы; но краски ихъ отчасти вычурны, а отчасти довольно однообразны: напр., тайга въ этихъ описаніяхъ всегда— „таинственная“, лѣсныя вершины всегда „мохнатыя“, ручей всегда— „рокочетъ“, море изображается „вскипѣвшимъ“, а однажды оно даже „заплакало“ (стр. 27).—Т.

Въ теченіе марта мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры.

Авенариусъ, В. П. — Во львиной пасти. Историческая повѣсть для юношества, изъ эпохи основанія Петербурга. Спб. 95. Стр. 302.

Андерсенъ.—Собраніе сочиненій, въ 4-хъ томахъ. Перев. съ подлин. А. и П. Ганзенъ. Т. IV, вып. 14: Сказка моей жизни, гл. IX-XVI. Спб. 95. Стр. 129—256. Ц. за 4 т. 8 р.

Бакай, Н. Н.—Къ 25-лѣтію красноярской женской гимназіи. 1869—1894 г. Краснояр. 95. Стр. 78.

Божеряновъ, П. Н.—Историческій очеркъ русскаго книгопечатнаго дѣла. Стр. 60. Ц. 30 к.

Ветеровъ, С. А.—Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. IV, отд. 1: Боборыкинъ, Богоявленскій; отд. 2: Вавиловъ, Введенскій. Спб. 95. Стр. 212. Ц. 2 р. 50 к.

Верещанинъ, В. В., художникъ—Дѣтство и отрочество. Т. I: Деревня, корпусъ, рисовальная школа. М. 95. Стр. 315. Ц. 1 р. 50 к.

Вознесенскій, А. И.—Братья Шуйскіе. Хроника въ 5 д. М. 94. Стр. 81. Ц. 2 р.

Георгиевскій, П. И.—Политическая экономія. Второе изданіе. Ч. II, вып. 1: Соціальный вопросъ, рента и заработная плата. Спб. 95. Стр. 168. Ц. 1 р. 25 коп.

Гервинусъ.—Автобіографія, съ 4-мя портретами. Перев. Эд. Циммермана. М. 95. Стр. 357. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, Г. М.—Фельдшерскій вопросъ. Спб. 95. Стр. 160. Ц. 50 к.

Глинскій, Б.—Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Съ предисл. В. Острогорскаго и прилож. воспом. Г. Потанина. М. 95. Стр. 63. Ц. 50 к.

Гобитеттеръ, И.—Доокринеры капитализма. По поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“. Спб. 95. Стр. 27. Ц. 30 к.

Даневскій, проф. Всев.—Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа. М. 95. Стр. 89.

Дементьева, Н. М.—Іоанна д'Аркъ. Историческая хроника. М. 95. Стр. 264. Ц. 4 р. 50 к.

Демолансъ, Эдм.—Какъ воспитывать и устранивать нашихъ дѣтей. Перев. съ франц. гр. Н. С. Ланской. Спб. 95. Стр. 60. Ц. 25 к.

Де-Туромъ, Анри.—Соціальная наука представляет ли науку? Перев. съ франц. гр. Н. С. Ланского, со статьей переводчика: „Де-Плэ и его школа“. Спб. 95. Стр. 62. Ц. 25 к.

Дружининъ, Н. П. — Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ, съ инструкціею о порядкѣ опредѣленія и взиманія налога и объяснительнымъ очеркомъ названныхъ постановленій, Спб. 94. Стр. 73. Ц. 30 к.

Дю-Прель, Карлъ, д-ръ.—Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Изд. А. Н. Аксакова. Спб. 95. Стр. 612. Ц. 3 р. 50 к.

Житецкій, П. — Теорія сочиненія съ хрестоматіей. Кіевъ, 95. Стр. 182. Ц. 1 р.

Елисей, А. В. д-ръ.—По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Старого свѣта. Съ иллюстр. художн. Овсянникова, Піотровича, Самокиша-Судковской, Соколовскаго и Чикина. Спб. 95. Стр. 358.

Искаль, д-ръ Ѳ.—Нижне-третичныя салахи (акулы и скаты) изъ южной Россіи. Съ 2 табл. Спб. 95. Стр. 25.

Карлетти, Т.—Современная Россія. Очерки. Съ итальян. А. Волховская. Спб. 95. Стр. 203. Ц. 1 р. 50 к.

Картезъ, Н.—Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Продолженіе „Писемъ къ учащейся молодежи о самообразованіи“. Спб. 95. Стр. 179. Ц. 50. Въ пользу женскихъ высшихъ курсовъ въ Спб.

Кауфманъ, фонъ, Р. — Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. А. Гурьева, Спб. 95. Стр. 163. Ц. 1 р.

Клаусенъ, Э. К.—Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плодоводства, особенно для юга Россіи. Ч. II: Размноженіе растений естественнымъ и искусственнымъ путями. Съ 36 рис. въ текстѣ. Спб. 95. Стр. 67. Ц. 20 к.

Клейнъ, Г., директоръ вальнской обсерваторіи. Астрономическіе вечера. Очерки изъ исторіи астрономіи: солнечный міръ, звѣзды, туманности. Перев. съ 3-го нѣм. изданія. Съ рисунками и картами. Изд. журнала „Міръ Божій“. Спб. 95. Стр. 290. Ц. 2 р.

Козминъ, К. В. — Къ вопросу о петербургско-пермской желѣзной дорогѣ. Спб. 95. Стр. 8.

Кони, А. Ѳ.—О судѣ присяжныхъ и о судѣ съ сословными представителями. Спб. 95. Стр. 31.

Кривенко, С. Н.—На распутіи. Культурные скиты и культурные одиночки. Спб. 95. Стр. 274. Ц. 1 р. 25 к.

Кулебко-Корецкій, А.—Кеммеръ и его цѣлебныя силы. Путеводитель для врачей и больныхъ. Рига, 95. Стр. 183.

Кустанаевъ, Худабай, воспитанникъ IV класса туркестанской учительской семинаріи. Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Подъ редакціей Н. А. Воскресенскаго. Напечатано на средства О. А. Порцева. Ташкентъ, 94. Стр. 52. Ц. 40 к.

Листъ, Францъ, фонъ.—Задачи уголовной политики. Въ изложеніи Г. Гурвича, канд. на долж. п. с. суд. вѣд. Съ приложеніемъ письма автора. Спб. 95. Стр. 142.

Ляцкий, Евг.—Сказитель И. Т. Рябининъ и его былины. Этнографическій очеркъ, съ приложеніемъ портрета сказителя и его напѣвовъ, записанныхъ А. Аренскимъ. М. 95. Стр. 48.

Мампезъ, С. Н. — Рукописи библиотеки Тобольскаго Губернскаго Музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтій. Тобольскъ, 1894 (отгискъ изъ 2-го выпуска „Ежегодника Тобольскаго Губернскаго Музея“ за 1894 г.).

Мануиловъ, А. — Аренда земли въ Ирландіи. М. 95. Стр. 316. Ц. 2 р. 50 к.

Маръ, Н. — Стихотворенія. Спб. 95. Стр. 172. Ц. 1 р. 50 к.

Масловскій, Д. О. — Воспоминанія Суворовскаго солдата. Съ портретомъ автора воспоминаній. Спб. 95. Стр. 90. Ц. 30 к.

Мисумичъ, В. — Мимочка отравилась. Очеркъ. М. 95. Стр. 95. Ц. 35.

Мюллеръ, А. — Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Т. I и II. Перев. съ нѣм. п. р. Н. А. Мѣдникова. Спб. 95. Стр. 376 и 354. Ц. за 2 тома 5 р.

Ньюкомбъ, С., и Этеллманъ, Р. — Астрономія въ общепонятномъ изложеніи, дополненная Г. Фогелемъ. Перев. съ 2-го изд. Н. С. Дрентельна. Вып. 2. Спб. 95. Стр. 320. Ц. 1 р. 40 к.

Пасынковъ, Як. — Простое слово о мудреной наукѣ, съ 5 рис. Начатки химіи. М. 95. Стр. 336.

Песковский, М. Л. — Баронъ Николай Александровичъ Корфъ. Спб. 95. Стр. 258. Ц. 1 р.

Реклю, Эл. — Земля, описаніе жизни Земного Шара. Перев. безъ пропусковъ съ 2-го франц. изд. п. р. и съ примѣч. Н. А. Рубакина. Вып. III. Подземныя силы. Вып. IV: Океанъ. М. 95. Стр. 212 и 235. Ц. по 1 р. 10 к.

Рибо, Т. — Современная германская психологія. Опытная школа. Перев. съ франц. Л. Ройзмана. Спб. 95. Стр. 274.

——— Изслѣдованіе аффективной памяти. Перев. съ франц. Е. Максимо-вой. Спб. 95. Стр. 23. Ц. 25 к.

Салтыковъ, М. Е. — Полное собраніе сочиненій, т. VII: Исторія одного города. — Убѣжище Монрепо. — Признаки времени. 3-е изд. Спб. 95. Стр. 555. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Сеирскій, А. И. — По тюрьмамъ и вертепамъ. М. 95. Стр. 282. Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Г. — Семейство Полянецкихъ. Ром. въ 2 ч. Перев. съ польск. М. Кривошеева. Съ портретомъ автора. Спб. 95. Стр. 637. Ц. 2 р.

Таганцевъ, Н. С. — Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г. Спб. 95. Стр. 892. Ц. 4 р. 50 к.

Филипповъ, А. — Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Ч. I. Юрьевъ. 95. Стр. 486. Ц. 3 р. 50 к.

Фойницкій, И. Я. — Курсъ уголовного судопроизводства. Т. I и II. Спб. 95. Стр. 240 и 128.

Харузинъ, Алексѣй. — Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи, по даннымъ 1892—94 г. Рев. 95. 199.

Чаплевскій, Б. Б. — Записка о необходимости сооруженія берданской желѣзной дороги. Берд. 95. Стр. 29.

Штердъ, Е. Р. — Матерямъ для дочерей. Краткія свѣденія по женской физиологіи и гигиенѣ. М. 95. Стр. 186. Ц. 40 к.

Шперкъ, О. — Философія индивидуальности. Varia. Спб. 95. Стр. 53. Ц. 30 к.

Шредеръ, др. мед., В., специалистъ по женск. бол. въ Берлинѣ. — Женскій врачъ. Общедоступное изложеніе женскихъ болѣзней, ихъ сущность, причины, предохраненіе и леченіе. Кіевъ, 95. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

Штаммеръ, Л. — Сущность еврейскаго вопроса. Письма со стороны. Спб. 94. Стр. 187. Ц. 1 р.

Янжулъ, И. И. — Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государ-

ственныхъ доходахъ. 2-е изд. Вып. 2. Спб. 95. Стр. 241—500. Ц. за 2 вып. 3 р. 50 к.

Яценскій, П. П.—Учебникъ зоологіи. Ч. I: Позвоночныя. Изд. 6-е. Спб. 95. Стр. 219. Ц. 1 р. 25 к.

Элерс, Отто.—Популярная политическая экономія. Перев. съ нѣм. п. р. I. Юровскаго. Од. 95. Стр. 116. Ц. 50 к.

— Bulletin russe de statistique financière et de législation. 2-e année. № 3. Mars. 95. St.-Pét. 95. Стр. 174.

Pachalery, A.—Dictionnaire phraséologique de la langue française à l'usage des russes. Odessa. 95.

Tiander, K.—Russische Volksepoepen. Mit einem Vorwort des Akademikers Alexander Wesselowsky. St.-Pet. 1894. Стр. 56.

— Древне-христіанскіе храмы и св. Александро-аеонскій Зеленчукскій монастырь въ Зеленчукскомъ ущеліи Кавкасскаго хребта, Кубанской области, Баталпашинскаго отдѣла. М. 95. Стр. 40.

— Изборникъ „Развѣдчика“. Изд. В. А. Березовскій. Спб. 95. Стр. 349. Ц. 2 р.

— Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Спб. Комитета грамотности, спеціальною комиссією. Отдѣлы: I. По медицинѣ и гігіенѣ. II. По гимнастикѣ. III. По ручному труду. IV. По рисованію и черченію. V. По пѣнію. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 95. Стр. 78. Ц. 1 р.

— Таможенные тарифы европейскихъ государствъ, примѣняемые при ввозѣ товаровъ въ Россію: I. Германскій таможенный тарифъ. II. Австро-венгерскій. III. Французскій. IV. Сѣверо-американскій. Спб. 95. Ц. по 25 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— Les littératures populaires de toutes les nations. J. Maisonneuve, libraire-éditeur. Paris, 1895. Tome XXXII. Contes populaires de la vallée du Nil.

Напечатанныя въ этомъ сборникѣ двадцать-двѣ сказки записаны со словъ рассказчиковъ и рассказчицъ и переведены на французскій языкъ Якубъ-Артинь-пашою, однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей Египта. Семь изъ нихъ были ранѣе имъ опубликованы въ египетскомъ академическомъ изданіи, „Bulletin de l'Institut égyptien“, остальные въ первый разъ появляются въ печати. Переводу сказокъ предпослано краткое, но содержательное и интересное изслѣдованіе о folk-lore'ѣ въ Египтѣ.

Сказочники и сказочница пользуются въ Египтѣ большою популярностью. Египтянинъ не читаетъ, но охотно говоритъ и страстно любить слушать. Южная отзывчивая природа его живо сказывается въ томъ участіи, съ которымъ не только простолюдинъ феллахъ, но и человѣкъ съ извѣстнымъ образованіемъ слѣдитъ за рассказомъ, быстро мѣняя настроеніе и громко выражая свои чувства. Число сказочниковъ значительно, и изобрѣтательность ихъ весьма велика. Разумѣется, письменная сказочная литература оказываетъ свое вліяніе на творчество сказочниковъ. Но темы прочитанныя подвергаются безконечнымъ переработкамъ, и рассказу придается окраска, удовлетворяющая вкусу слушателей. Такъ, автору сборника доводилось слышать въ деревняхъ сказки, въ которыхъ Мегсметъ-Али-паша (XIX в.), замѣнялъ Гаруна-аль-Рашида (VIII вѣка). Извѣстный египтологъ Масперо слышалъ сказку, которая напомнила ему одинъ изъ переведенныхъ имъ древне-египетскихъ рассказовъ. Масперо имѣлъ терпѣніе прослѣдить генеалогію сказки; оказалось, что впервые рассказалъ ее ребенокъ, прочитавшій переводъ Масперо; переходя затѣмъ изъ устъ въ уста, она вернулась къ Масперо черезъ лодочника съ береговъ Нила.

Разнообразіе темъ сказокъ объясняется, по мнѣнію Якубъ-Артинь-паши, рядомъ нашествій, которымъ въ теченіе тысячелѣтій подвергался Египетъ, со стороны народовъ самаго разнообразнаго происхожденія и всевозможныхъ цивилизацій. Повторяя свои наблюденія, авторъ пришелъ къ слѣдующей классификаціи народныхъ египетскихъ сказокъ, которая представляется ему вполне удовлетворительною.

Онѣ дѣлится всѣ сказки на четыре группы. Въ первую группу входят сказки азіатскаго происхожденія, въ коихъ замѣтно частью сирійское и преимущественно персидское вліяніе. Общій характеръ ихъ — манихейскій. Богъ и діаволъ, духи добра и злыя джинны играютъ въ нихъ большую роль. Женщины въ этихъ сказкахъ бѣлы какъ молоко и прекрасны какъ солнце или луна. Сказки этой группы особенно распространены въ городахъ. Вторая группа сказокъ образовалась подъ греческимъ или вообще европейскимъ вліяніемъ; священные животныя языческихъ культовъ фигурируютъ въ этихъ сказкахъ въ качествѣ исчадія духа зла. Третья группа имѣетъ семитическое происхожденіе. Сказки этой группы занесены въ Египетъ кочующими арабами, евреями и берберійцами западныхъ пустынь. Всѣ онѣ тенденціозны въ томъ смыслѣ, что касаются обычаевъ религіознаго характера. Основу ихъ образуютъ также добродѣтели и пороки. Когда для развязки требуется вмѣшательство высшихъ силъ, дѣйствующимъ лицомъ является всегда самъ Единный, Всевышній, Всемогушій и т. д. Сказки четвертой группы ведутъ свое начало отъ негровъ центральной Африки. Въ нихъ главную роль играетъ вампиръ (*la goule*), злая сила, олицетвореніе которой негръ видитъ и во враждебныхъ стихіяхъ природы, и въ злыхъ людяхъ. Сказки, въ которыхъ эта злая сила дѣйствуетъ, говорятъ только объ убійствахъ, грабежахъ, кражахъ, кровопролитіи.

Сказки, которыя авторъ сборника считаетъ туземными, отличаются слѣдующими чертами: 1) критикой существующей власти, 2) уваженіемъ и любовью къ женщинамъ, и 3) вѣрою въ мировую душу, проявляющуюся въ природѣ, т.-е. пантеистическимъ настроеніемъ. Что касается первой черты, то она вполне естественна у народа, который въ теченіе тысячелѣтій находится то подъ однимъ, то подъ другимъ чужеземнымъ игомъ. Вторая и третья особенность находятъ, быть можетъ, свое объясненіе въ отголоскахъ древне-египетскихъ обычаевъ и вѣрованій. Впрочемъ авторъ замѣчаетъ, что ему ни разу не пришлось слышать сказки, которая напоминала бы древній Египетъ. Даже фараонъ, упоминаемый въ сказкахъ, имѣетъ либо библейское, либо кораническое происхожденіе; если о немъ упоминается, то всегда въ смыслѣ злого фараона времени Моисея.

Въ общемъ, настроеніе сказокъ веселое, кромѣ, впрочемъ, сказокъ коптскаго происхожденія, въ которыхъ звучитъ нерѣдко грустная, меланхолическая струнка. Особенную живость получаетъ народный юморъ, когда заходитъ рѣчь о сильныхъ міра сего или о властяхъ предрежащихъ. Въ сказкахъ позднѣйшаго происхожденія всего болѣе достается туркамъ, которые играютъ роль или посмѣшница, или страшилца. Въ послѣднемъ случаѣ турка боятся даже высокопоставлен-

ныя лица. Вотъ, напр., исторія изгнанія Адама и Евы изъ рая въ египетской передѣлкѣ.

„Аллахъ создалъ Адама и Еву и помѣстилъ ихъ въ рай, наказавъ имъ не ѣсть запрещеннаго плода.

Они поѣли.

Аллахъ послалъ имъ нарочнаго съ приказаніемъ уйти изъ рая, какъ было условлено на случай непослушанія.

— Хорошо,—сказалъ Адамъ.

— Хорошо,—сказала Ева.

Затѣмъ они продолжали наслаждаться блаженствами рая.

Немного спустя Аллахъ узналъ, что они все еще находятся въ рай.

— Развѣ ихъ не предупредили, что они должны уйти отсюда?—спросилъ онъ одного изъ своихъ адъютантовъ.

— Такъ точно,—былъ отвѣтъ:—но они не ушли.

— Ступайте снова, — обратился онъ къ судебному приставу:—и прикажите имъ убираться вонъ.

Судебный приставъ отправляется.

— О, Адамъ и Ева!—кричитъ онъ имъ:—Аллахъ высылаетъ васъ изъ рая, ступайте!

— Ну такъ что-жъ! Есть чего торопиться, дайте срокъ приготовиться,—говоритъ ему Адамъ.

— Или онъ хочетъ, чтобы мы ушли, не собравъ свои пожитки!—говоритъ Ева.

Началась ссора.

Приставъ вернулся къ Аллаху и рассказалъ все какъ было: и упорство Адама и Евы, и ссору.

Аллахъ позвалъ тогда турецкаго каваса Тимуръ-агу.

— Ступай,—говоритъ,—и выгони эту парочку за райскія ворота.

Только-что кавасъ подошелъ къ жилищу непослушныхъ супруговъ, онъ крикнулъ:

— Эй! Адамъ!

— Чего изволите?

— Бери жену и ступай вонъ отсюда!

— Слушаю, сію минуту!

И Адамъ, и Ева вышли изъ рая совсѣмъ голые, такъ какъ они были въ это время въ банѣ и не успѣли одѣться“.

Въ противность весьма распространенному мнѣнію, авторъ сборника утверждаетъ, что большинство сказокъ вполне благопристойны. Обратное встрѣчается лишь у сказочниковъ, которые говорятъ за деньги; но любитель-артистъ не допускаетъ въ сказкѣ грубости или непристойности.

Сборникъ Якубъ-Артинъ-паши прочтется съ удовольствіемъ любителями народной словесности. Можно пожалѣть только, что, предназначая его для популярнаго изданія, авторъ не прослѣдилъ генеалогіи сказокъ и не снабдилъ книги ученымъ критическимъ аппаратомъ. Но во всякомъ случаѣ „Народныя сказки нильской долины“ представляютъ цѣнный вкладъ въ литературу folk-lore'a. — Ал. С.-л.-нъ.

ЗЕМСТВО ПО ПОЛОЖЕНІЮ О ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ 12 ІЮНЯ 1890 Г.

Земскія учрежденія, согласно положенію о нихъ 1 января 1864 года, существовали болѣе 25 лѣтъ; нынѣ они преобразованы и достаточно уже проявили въ новомъ своемъ видѣ свою способность быть полезными мѣстному населенію, чтобы возможно было судить о значеніи произведенной реформы: заканчивается первое ихъ пятилѣтіе. Для правильности такого сужденія необходимо сравнить прежнее и настоящее положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Только при такомъ сравненіи выяснится, насколько приобрѣли эти учрежденія, въ послѣдствіе произведенной реформы, болшую возможность удовлетворять мѣстнымъ потребностямъ.

Только недавно, послѣ многолѣтнихъ затрудненій, только-что вышла изъ печати очень интересная книга: „Двадцати-пятилѣтняя дѣятельность пензенскаго земства, 1865—1889 г.“, составленная и изданная по постановленію пензенскаго очереднаго губернскаго земскаго собранія, отъ 12 декабря 1889 г. По даннымъ, собраннымъ въ этой книгѣ, легко и вѣрно можно оцѣнить дѣятельность земскихъ учрежденій почти за все время существованія положенія 1 января 1864 года, правда, въ одной только губерніи; но дѣятельность эта, насколько извѣстно, всюду въ главныхъ чертахъ представляла одинъ и тотъ же характеръ, а слѣдовательно, вышеназванная книга можетъ безспорно служить основаніемъ для сужденія и вообще о земствѣ.

I.

По наружности, дѣятельность земства осталась и при новомъ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. совершенно такою, какою была и при старомъ. Дѣйствующій составъ земскихъ собраній, какъ губернскаго, такъ и уѣздныхъ видимо мало измѣнился, а еще менѣе персоналъ исполнительныхъ органовъ этихъ собраній, т.-е. управъ, — разумѣется, кромѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя время вноситъ въ личный составъ всякихъ собраній и учрежденій. Еслибы бывшему гласнымъ въ трехлѣтіе 1889—1892 гг., снова избранному по новому положенію и не занимающему никакой служебной должности въ уѣздѣ и губерніи, какимъ-нибудь чудомъ пришлось не познакомиться съ земскою

реформой и съ мѣстными толками о ней, — онъ при постоянномъ нѣтъ, аккуратномъ посѣщеніи земскихъ собраній какъ уѣзднаго, такъ и губернскаго, рѣшительно не замѣтилъ бы въ нихъ никакой перемѣны. Все тѣ же доклады управы объ удовлетвореніи нуждъ учреждений земства, тѣ же отчеты и смѣты; все тѣ же рѣчи и споры тѣхъ же дѣятелей, и также все тѣ же заявленія исполнительныхъ органовъ земства о непоступленіи земскихъ сборовъ, вслѣдствіе чего веденіе земскаго хозяйства становится все болѣе невозможнымъ. Относительно же деревенскихъ жителей, не принимающихъ участія въ земскихъ собраніяхъ, можно смѣло сказать, что для нихъ земская реформа прошла совершенно незамѣтно; между тѣмъ, она имѣетъ весьма серьезное значеніе, и о ней стоитъ подумать. Мы остановимся только на существенныхъ главныхъ измѣненіяхъ, внесенныхъ реформой въ жизнь земства, не входя въ подробное сравненіе и обсужденіе статей прежняго и настоящаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, какъ ни заманчивъ бы былъ такой трудъ для стараго земскаго гласнаго. Желательно, чтобы и публика, такъ часто и такъ много обсуждающая и осуждающая дѣятельность земства, познакомилась съ дѣйствительнымъ его положеніемъ, а для того подробное, а слѣдовательно и обширное изложеніе непригодно. Его не прочтутъ; впрочемъ длинныя доклады и земскими собраніями не очень уважаются.

Вполнѣ видимый и наглядный результатъ земской реформы—это новое губернское учрежденіе—губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе. Это присутствіе—коллегія, созданная по типу другихъ губернскихъ коллегій: оно находится, какъ и прочія, подъ предсѣдательствомъ губернатора и призвано руководить и вѣдать земство губерніи. Ознакомившись съ нимъ, мы всего лучше выяснимъ измѣненія, внесенныя реформой въ жизнь земства. Цѣль присутствія (ст. 8)—„обсужденіе, въ подлежащихъ случаяхъ, правильности и законности постановленій и распоряженій земскихъ учреждений, а также и рѣшеніе другихъ дѣлъ, въ положеніи указанных“. Дѣла на обсужденіе присутствія вносятся, разумѣется, его предсѣдателемъ, губернаторомъ. Согласно послѣдующимъ статьямъ, обсужденію и рѣшенію присутствія подлежатъ тѣ постановленія земскихъ собраній, которыя требуютъ (ст. 82) утвержденія губернатора, или (ст. 83) министра внутреннихъ дѣлъ, съ которыми губернаторъ не призналъ возможнымъ согласиться, а также не подлежащія утвержденію (ст. 86), но приостановленныя имъ (ст. 87) какъ незаконныя, или несоотвѣтствующія общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо явно нарушающія интересы мѣстнаго населенія. Присутствіе постановляетъ свое рѣшеніе по большинству голосовъ, и если (ст. 12) губернаторъ не признаетъ возможнымъ согласиться съ рѣшеніемъ большинства, то приостанавли-

ваетъ исполненіе означеннаго рѣшенія и безотлагательно представляетъ дѣло министру внутреннихъ дѣлъ, который или предлагаетъ губернатору о приведеніи рѣшенія въ исполненіе, или входитъ въ правительствующій сенатъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ оного. Въ свою очередь земское собраніе, постановленіе коего отмѣнено губернскимъ присутствіемъ, можетъ (ст. 89) принести жалобу правительствующему сенату. И въ прежнемъ положеніи губернаторъ самолично имѣлъ право (ст. 9) „остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій, противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ“; но тогда собраніе, разсмотрѣвъ подробно (ст. 95) обстоятельства, подавшія поводъ къ возраженіямъ, постановляло свое окончательное рѣшеніе, копию съ котораго сообщало губернатору, который, если признавалъ и вторичное постановленіе собранія незаконнымъ, имѣлъ право (ст. 96), „подъ личной своей отвѣтственностью, остановить исполненіе такового постановленія“ и все дѣло передать на разрѣшеніе правительствующаго сената, о чемъ въ то же время донести министру внутреннихъ дѣлъ. Согласно 11 ст. того же прежняго положенія, земскимъ учрежденіямъ предоставлялось „на относящіеся до нихъ распоряженія губернатора и высшихъ административныхъ властей приносить жалобу правительствующему сенату“. Теперь, какъ и прежде, земскія собранія принципиально не лишены возможности жаловаться правительствующему сенату на относящіеся до нихъ распоряженія губернской администраціи, что весьма важно. Прежде въ земствѣ придавали всегда большое значеніе вышеупомянутому выраженію статьи 96: „подъ личной отвѣтственностью“. Представленія губернаторовъ очень часто не уважались сенатомъ; но чтобы кто-нибудь изъ нихъ подвергался вслѣдствіе сего отвѣтственности, объ этомъ никогда не было слышно. Крайне важно, что нынѣ земское собраніе лишено возможности обсудить снова приостановленное свое постановленіе, чѣмъ могло бы скорѣе устраниться недоразумѣніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не сказать, что нынѣ коллегіальность губернскаго присутствія гораздо болѣе обезпечиваетъ своего рода осмотрительность въ отношеніяхъ администраціи къ земству, чѣмъ прежде единоличное вмѣшательство губернаторовъ. Составъ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія таковъ, что въ немъ большинство скорѣе обезпечено за предсѣдателемъ—губернаторомъ. Въ немъ засѣдаютъ въ качествѣ членовъ: вице-губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда и управляющій казенной палатой; затѣмъ губернский предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы и членъ отъ губернскаго земскаго собранія, избранный симъ послѣднимъ. Представители выборнаго начала, представители мѣстныхъ интересовъ очевидно въ меньшинствѣ; но если они люди

авторитетные, относящіеся серьезно къ своимъ обязанностямъ, то дѣятельность присутствія несомнѣнно не ограничится однимъ подписываніемъ журналовъ съ заранѣе изготовленными резолюціями и можетъ быть серьезнымъ обезпеченіемъ противъ личныхъ увлеченій. Въ сущности, губерское по земскимъ дѣламъ присутствіе—это судья первой инстанціи для губернаторскихъ рѣшеній по постановленіямъ земскихъ собраний.

Положеніемъ 12 іюня 1890 г. предоставлено губерскому по земскимъ дѣламъ присутствію разрѣшать дѣла (ст. 103), возникающія по ревизіямъ губернатора какъ земскихъ управъ, такъ и подвѣдомственныхъ земству учреждений; дѣла по частнымъ жалобамъ (ст. 128—131) на постановленія и распоряженія какъ земскихъ управъ, такъ и собраний, и наконецъ (ст. 132—138) право подвергать или дисциплинарному производству, или преданію суду предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, а также лицъ, избираемыхъ въ помощь земскимъ управамъ для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями земскаго хозяйства, равно и должностныхъ лицъ, подчиненныхъ управамъ. Губерское присутствіе имѣетъ еще важное значеніе при выборахъ въ земскія собранія; но объ этой послѣдней его дѣятельности необходимо поговорить отдѣльно, такъ какъ избраніе и составъ гласныхъ кореннымъ образомъ измѣнены новымъ положеніемъ.

Право ревизіи губернаторами земскихъ учреждений возбудило не мало толковъ среди земства, и потому о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе. Ходъ всякихъ правительственныхъ ревизій хорошо извѣстенъ, и онъ не можетъ не быть формальнымъ. Ревизіями только удостовѣряется, что дѣлопроизводство ведется правильно, что расходы производятся согласно открытымъ для нихъ кредитамъ и имѣются надлежащіе для этихъ расходовъ оправдательные документы. Съ точки зрѣнія земскихъ собраний, состоящихъ изъ дѣйствительныхъ представителей мѣстныхъ интересовъ, удовлетворяемыхъ мѣстными же сборами, прямая выгода—всякая мѣра, обезпечивающая какъ правильное взиманіе этихъ сборовъ, такъ и правильное ихъ расходованіе. Правда, является прежде не существовавшее подчиненіе земства администраціи; до нѣкоторой степени нарушается самостоятельность земства, служившая часто немалой приманкой для привлеченія на службу въ земскихъ учрежденіяхъ людей самостоятельныхъ, столь желательныхъ на всякомъ служебномъ поприщѣ, однако въ сущности правительственный контроль нисколько не умаляетъ значенія главнаго хозяина земства—земскаго собранія. Какъ расходы, такъ и сборы для нихъ остаются въ его рукахъ. Наконецъ, правительственная ревизія нисколько не избавляетъ исполнительные

органы земства отъ ихъ отвѣтственности передъ избравшимъ ихъ собраніемъ, и тутъ формальная сторона отступаетъ на второй планъ, а приходится отвѣчать, такъ сказать, по существу. Никто не можетъ помѣшать любому гласному предъявить въ собраніи къ управѣ запросъ, почему, напримѣръ, мука была куплена по такой-то цѣнѣ, а не дешевле, или хина была взята въ такомъ-то аптекарскомъ магазинѣ, а не въ другомъ, въ которомъ она и лучше, и дешевле и т. д., —несмотря на то, что произведенный расходъ нисколько не выходилъ изъ предѣловъ смѣтнаго для него назначенія. Не одними расходами ограничиваются гг. гласные въ своихъ запросахъ, придавая имъ иногда остроумную форму, а касаются всей дѣятельности управъ или подвѣдомственныхъ имъ учреждений и лицъ. По обычаю, на предсѣдателяхъ управъ лежитъ обязанность защиты въ собраніяхъ дѣятельности этихъ учреждений, и надо имъ не мало знанія, спокойствія и самообладанія, чтобы отвѣчать вполне удовлетворительно на дѣлаемые запросы. Къ слову сказать,—нынѣ предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ дарованы положеніемъ 12 іюня 1890 года права государственной службы; но это нисколько не измѣнило ихъ прежняго положенія въ собраніяхъ, зависящаго теперь, какъ и прежде, отъ того личнаго авторитета, которымъ они пользуются въ мѣстномъ обществѣ. Собственно противъ дарованныхъ правъ ничего сказать нельзя. Для лицъ, служащихъ земству по убѣжденію, по любви къ земскимъ учрежденіямъ, права государственной службы никакого стѣсненія не представляютъ; для тѣхъ же, которые смотрятъ на земскую службу какъ на возможность полученія болѣе высшей и важной должности, эти права особыхъ преимуществъ не даютъ. И прежде, когда земская служба была внѣ-государственной, карьеризмъ проникалъ въ нее безъ всякаго затрудненія.

Губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію, какъ мы уже говорили, предоставлено нынѣ (ст. 132—138) право подвергать предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ отвѣтственности за преступленія и проступки по должности. На основаніи 133 ст., дѣла отвѣтственности сихъ лицъ возбуждаются или постановленіями подлежащихъ земскихъ собраній, или распоряженіями губернаторовъ и, по предварительномъ истребованіи надлежащихъ отъ обвиняемыхъ объясненій, передаются губернаторомъ на обсужденіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія,—которое затѣмъ, согласно іерархическому положенію обвиняемаго, или само подвергаетъ его дисциплинарному взысканію, кромѣ удаленія отъ должности, или представляетъ о послѣднемъ въ совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ. Такой же порядокъ существуетъ и относительно преданія обвиняемыхъ суду:

низшія должностныя лица предаются губернскимъ присутствіемъ, высшія—совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ.

По прежнему положенію (ст. 114) разсмотрѣніе дѣйствій земскихъ управъ вслѣдствіе жалобъ, обвиненій, требованій правительственныхъ установленій и по ревизіи отчетности, и передача сихъ дѣйствій на распоряженіе судебныхъ мѣстъ принадлежало губернскому земскому собранію. Последнее, т. е. право преданія суду, подтверждалось еще окончаніемъ 116 статьи, а именно: „опредѣленія же о передачѣ на распоряженіе судебной власти дѣйствій предсѣдателей и членовъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ постановляются губернскимъ земскимъ собраніемъ“. По статьѣ 117 того же положенія: „члены земскихъ управъ окончательно удаляются отъ должности не иначе какъ по опредѣленію правительствующаго сената; но могутъ быть временно устранимы отъ должности по постановленію губернскаго земскаго собранія, утвержденному губернаторомъ“. Сами земскія собранія (ст. 118 п. 2) подвергались отвѣтственности передъ правительствующимъ сенатомъ, если постановленія ихъ заключали въ себѣ такое нарушеніе общихъ законовъ, которое подлежитъ уголовному суду.

Прежде, какъ видно, не было различія между предсѣдателями и членами уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ управъ; а право подвергать ихъ дисциплинарнымъ взысканіямъ вовсе не существовало. Положеніе 1 января 1864 года признавало этихъ должностныхъ лицъ равноправными относительно отвѣтственности по службѣ и не считало необходимымъ вводить дисциплинарныя взысканія, предполагая, вѣроятно, что собранія всегда имѣютъ возможность высказаться избраннымъ ими лицамъ, въ случаяхъ не подлежащихъ уголовному преслѣдованію, настолько дѣйствительно, что надобность въ штрафъ или замѣчаній, со внесеніемъ или невнесеніемъ въ формулярный списокъ, вполне устраняется. Врядъ ли измѣненіе, внесенное положеніемъ 12 іюня 1890 года въ характеръ служебной дѣятельности земскихъ должностныхъ лицъ, можетъ имѣть желательное вліяніе на лучшее веденіе земскаго ховаяйства, что имѣлось, надо полагать, въ виду при послѣдовавшей земской реформѣ.

Прежнее утвержденіе въ должности избранныхъ земскими собраніями лицъ сохранилось и нынѣ; но теперь (ст. 119) въ случаѣ, если вторичные выборы предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ не состоятся или на нихъ будутъ выбраны лица, которыя окажутся неутвержденными, — высшая административная власть имѣетъ право назначить должностныхъ лицъ. Право весьма важное. Безспорно, еще 16 декабря 1866 г., рѣшеніемъ перваго общаго собранія, правительствующій сенатъ разъяснилъ, что губернаторъ имѣетъ право не

утверждать предсѣдателей управъ не только при несоблюденіи правилъ избранія, указанныхъ въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, но и по своему усмотрѣнію. Дѣйствительно, право утвержденія тѣмъ самымъ давало и право неутвержденія. Въ прошлой жизни земства случаи неутвержденія избираемыхъ имъ лицъ были очень рѣдки, и тогда происходили новыя выборы до тѣхъ поръ, пока не избиралось такое лицо, которое утверждалось подлежащей властью. Нинѣ администрація имѣетъ право назначить того, кто внушаетъ ей довѣріе. Каковъ бы ни былъ законъ, но полезность его зависитъ вполне отъ его примѣненія. Надо потому надѣяться, что администрація будетъ пользоваться осмотрительно предоставленнымъ ей правомъ, и что назначаемое ею лицо позаботится пріобрѣсти довѣріе того собранія, указанія котораго оно должно будетъ исполнять.

Для полнаго уясненія дѣятельности губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія необходимо еще упомянуть объ его участіи въ совершенно новомъ порядкѣ наблюденія за земскими учрежденіями, введеннымъ положеніемъ 12 іюня 1890 года, по которому къ этому наблюденію привлекаются высшія законодательныя учрежденія имперіи: государственный совѣтъ и комитетъ министровъ. Согласно 90 и 91 статей сего положенія, если губернаторъ признаетъ постановленіе уѣзднаго земскаго собранія несоотвѣтствующимъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ или нарушающимъ интересы мѣстнаго населенія, онъ самъ своей властью вноситъ таковое на обсужденіе губернскаго земскаго собранія. Постановленіе сего послѣдняго, если губернаторъ съ нимъ не согласится, по предварительномъ соображеніи въ губернскомъ по земскимъ дѣламъ присутствіи, онъ представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ. Министръ (ст. 93) или разрѣшаетъ исполненіе постановленія земскаго собранія, или (ст. 94) входитъ съ представленіемъ объ отжѣніи или измѣненіи сего постановленія въ государственный совѣтъ— „въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ того должно послѣдовать возвышеніе земскаго обложенія противъ опредѣленнаго земскимъ собраніемъ размѣра, и въ комитетъ министровъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ“.

Выраженіе: „когда должно послѣдовать возвышеніе земскаго обложенія противъ опредѣленнаго собраніемъ“, — пожалуй, не совсемъ понятно для лицъ мало знакомыхъ съ дѣятельностью земства; позволю себѣ выяснить его примѣромъ. Губернаторъ, напримеръ, признаетъ, что расходъ, опредѣленный такимъ-то уѣзднымъ собраніемъ на содержаніе лошадей для разъѣздовъ полиціи, недостаточенъ, и въ случаѣ отказа собраніемъ въ увеличеніи его, дѣло это, по указанному іерархическому порядку, должно быть разрѣшено государственнымъ совѣтомъ. Прежде, на основаніи 5 п. 91 ст. преж-

наго положенія, губернаторъ удостовѣрялся при разсмотрѣніи земскихъ смѣтъ и раскладокъ, покрываются ли обязательные расходы земства земскими доходами и сборами; слѣдовательно, имѣлъ полное право и возможность, по приведенному примѣру, требовать отъ собранія надлежащаго, по его мнѣнію, расхода и въ случаѣ неудовлетворенія—жаловаться въ общемъ порядкѣ правительствующему сенату. Нынѣ прежнее право губернаторовъ прямо представлять правительствующему сенату объ отиѣнѣ постановленій земскихъ собраній устранено и замѣнено нѣсколько болѣе сложнымъ механизмомъ, при которомъ къ участію въ такой отиѣнѣ привлечены губернское присутствіе, министръ внутреннихъ дѣлъ и государственный совѣтъ.

Предметы, подлежащіе вѣденію земскихъ учрежденій остались тѣ же, какіе были и прежде. Въ нихъ, собственно въ земскомъ хозяйствѣ, положеніе 12 іюня 1890 года никакихъ существенныхъ измѣненій не внесло; точно также и опредѣленіе постановленій земскихъ собраній, требующихъ утвержденія губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ, сохранилось то же, что и было. Можно развѣ указать на одно, что нынѣ уѣздныя земскія собранія нѣсколько утратили свою прежнюю самостоятельность и до нѣкоторой степени подчинены губернскому. Прежде, на примѣръ, уѣздныя земскія собранія имѣли право (п. 12 ст. 2) ходатайствовать передъ правительствомъ о пользахъ и нуждахъ уѣзда; теперь же такое ходатайство должно идти (п. 3 ст. 64) черезъ губернское земское собраніе. Въ сущности это ограниченіе, какъ и всѣ указанныя уже измѣненія, мало имѣетъ значенія для хода земскаго хозяйства, зависящаго только отъ земскихъ собраній, въ которыхъ однихъ—какъ представительство мѣстныхъ интересовъ, такъ и руководство ихъ удовлетвореніемъ. При существующемъ направленіи общественнаго мнѣнія вполне понятно желаніе придать всякому учрежденію такое устройство, при которомъ обезпечивалась бы, такъ сказать механически, требуемая отъ него дѣятельность, независимо отъ лицъ, входящихъ въ составъ этого учрежденія. Введенный однако формализмъ касается исполнительныхъ органовъ земства, а не дѣйствительныхъ его хозяевъ—собраній. Какъ мы увидимъ далѣе, составъ этихъ собраній измѣненъ весьма серьезно.

II.

Въ прежнемъ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, какъ и въ новомъ, права и обязанности избирателей и избираемыхъ были опредѣлены въ текстѣ закона, но самый ходъ выборовъ, т.-е. составленіе

списковъ избирателей, провѣрка ихъ, наблюденіе за выборами подлежащей властью, порядокъ обжалованія ихъ заинтересованными въ томъ лицами даже и не упоминался. Всѣ относящіеся до хода выборовъ узаконенія заключались въ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ, изданныхъ въ 1864 г. До истеченія перваго трехлѣтія дѣятельности земскихъ учреждений, правила эти были распространены и на послѣдующіе выборы, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что учрежденные для первыхъ выборовъ временныя губернскія и уѣздныя комиссіи были замѣнены подлежащими управами. Въ п. 7 ст. 30 этихъ правилъ указано: „Если губернаторъ при разсмотрѣніи списковъ или по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ усмотритъ, что при производствѣ выборовъ было допущено существенное нарушеніе закона, то сообщаетъ о томъ подлежащему земскому собранію для разсмотрѣнія и разрѣшенія согласно 37 ст. положенія. Постановленія по этому предмету земскихъ собраній, въ случаѣ неправильности оныхъ, подлежатъ дѣйствію статей 9, 94, 95 и 96 того же положенія на общемъ основаніи“. Статьи эти давали право губернатору остановить всякое постановленіе земскаго собранія, которое онъ признавалъ противнымъ законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ. Въ положеніе 12-го іюня 1890 года порядокъ производства выборовъ вошелъ всецѣло, и прежнія правила тѣмъ самымъ отмѣнены. Согласно новому закону, земскія собранія совершенно устранены отъ предоставленнаго имъ прежде статьей 37 прежняго положенія права и обязанности повѣрки законности и дѣйствительности выбора входящихъ въ его составъ гласныхъ. О недоразумѣніяхъ по примѣненію этого права не было слышно, а также протестовъ противъ законности состава собраній со стороны губернаторовъ, остававшихся неуваженными, сколько извѣстно, не бывало. Во всякомъ случаѣ нынѣ повѣрка выборовъ производится губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ и на него возлагается разрѣшеніе всѣхъ дѣлъ и недоразумѣній, возникающихъ при выборахъ въ гласные, а также обсужденію его (ст. 36) подлежатъ сдѣланныя губернаторомъ замѣчанія на избирательные списки. Списки эти составляются, какъ и прежде, уѣздными управами. По производствѣ выборовъ списки избранныхъ лицъ нынѣ (ст. 46) представляются губернатору, и если (ст. 47) онъ усмотритъ въ нихъ существенное нарушеніе закона, то предлагаетъ о томъ губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію. Присутствіе (ст. 48 и 49), если признаетъ нужнымъ, отмѣняетъ произведенные выборы во всей ихъ совокупности или отдѣльныхъ лицъ и постановляетъ о производствѣ новыхъ или дополнительныхъ выборовъ. Если затѣмъ окажется (ст. 52) „законно избранными гласныхъ менѣе двухъ третей общаго числа ихъ, пово-

женнаго для уѣзда росписаніемъ, министръ внутреннихъ дѣлъ или продолжаетъ на время не долѣе трехъ лѣтъ срокъ полномочій гласныхъ, состоявшихъ въ семъ званіи въ теченіе предыдущаго трехлѣтія, или назначаетъ на тотъ же срокъ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы*.

Болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтняя дѣятельность земства не представляетъ такихъ многочисленныхъ примѣровъ неудовлетворительности произведенныхъ въ немъ выборовъ, чтобы противъ такого явленія необходимо было принять спеціальныя мѣры. Приходится искать причины въ измѣненіи самаго порядка этихъ выборовъ. Дѣйствительно, составъ избирателей и избираемыхъ группируется положеніемъ 12-го іюня 1890 года совершенно иначе, чѣмъ положеніемъ 1-го января 1864 г. Прежде гласные избирались отъ трехъ категорій мѣстнаго населенія: отъ землевладѣльцевъ, отъ городовъ и отъ сельскихъ обществъ. Къ первому причислялись (ст. 19) „богоугодныя, благотворительныя, учебныя, промышленныя и другія учрежденія, общества, компаніи и товарищества, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, дающимъ право на участіе въ земскихъ выборахъ“; также (ст. 24 и 25) уполномоченные, избираемые предварительными сѣздами землевладѣльцевъ, имѣющихъ менѣе требуемаго закономъ размѣра недвижимаго имущества. Созваніе сѣздовъ для выбора (ст. 24) уполномоченныхъ, а также созваніе (ст. 27) избирательныхъ сѣздовъ землевладѣльцевъ производилось уѣздными предводителями дворянства, и на нихъ они предсѣдательствовали. Въ городскихъ избирательныхъ сѣздахъ (ст. 28 и 29) участвовали только городскіе жители и въ нихъ предсѣдательствовалъ городской голова; сѣзды для избранія уѣздныхъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ образовывались (ст. 30) изъ выборщиковъ, назначавшихся волостными сходами изъ своей среды съ такимъ расчетомъ, чтобы отъ cadaго сельскаго общества было не менѣе одного представителя. Сѣзды эти (ст. 31) назначались губернскимъ правленіемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ уѣздѣ, смотря гдѣ удобнѣе; открывались они (ст. 32) мировымъ судьей и подъ наблюденіемъ его, но находились подъ предсѣдательствомъ избраннаго сѣздомъ изъ среды своей предсѣдателя. По положенію 12-го іюня 1890 года гласные отъ сельскихъ обществъ избираются (ст. 51) волостными сходами, и изъ числа избранныхъ губернаторъ утверждаетъ положенный росписаніемъ комплектъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ и опредѣляетъ очередь, на основаніи которой остальные избранныя лица заступаютъ утвержденныхъ въ случаѣ выбытія послѣднихъ до окончанія трехлѣтняго срока. Прямое участіе губернатора въ выборѣ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ не существовало прежде, и всякому знакомому съ дѣятельностью преж-

нихъ уѣздныхъ земскихъ собраній трудно понять причину этого нововведенія. Крестьянство никогда не злоупотребляло дарованнымъ ему правомъ, а скорѣй тяготилось имъ. Дѣйствительно, крестьяне большею частью избѣгали избранія въ гласные единственно вслѣдствіе расходовъ, сопряженныхъ съ прїѣздомъ на собраніе въ городъ и съ жизнью въ немъ. Врядъ ли измѣненіе порядка избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ устранить эту причину.

По положенію 12-го іюня 1890 г., какъ видно, участіе сельскихъ обществъ въ земствѣ, хотя измѣненное, сохранено, но прежнее распределеніе представительства остальныхъ мѣстныхъ интересовъ на двѣ группы, землевладѣніе и городъ, уничтожено и замѣнено сословнымъ началомъ. На основаніи 28 ст. сего положенія для производства выборовъ въ уѣздные земскіе гласные составляются въ каждомъ уѣздѣ два избирательныхъ собранія. Въ первомъ собраніи участвуютъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, дворяне потомственные и личные; во второмъ, подъ предсѣдательствомъ головы губернскаго или уѣзднаго города по принадлежности, прочія лица, имѣющія право участвовать въ земскихъ выборахъ, а также представители благотворительныхъ, ученыхъ и учебныхъ учреждений, торговыхъ и промышленныхъ обществъ, товариществъ и компаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи 38 ст. того же положенія, избирательныя собранія и сѣзды могутъ избирать въ гласные или уполномоченные только лицъ, имѣющихъ право голоса въ томъ самомъ собраніи или сѣздѣ, коимъ выборъ производится. Такого ограниченія прежде не существовало. Согласно 44 ст. прежнихъ правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ, избранію подвергается всякій, имѣющій по закону право быть гласнымъ. Напротивъ, прежнее положеніе не только не стѣсняло выбора лучшихъ людей, признаваемыхъ такими избирательными собраніями, но обязывало 45-й статьей тѣхъ же правилъ сообщать заблаговременно сельскимъ избирательнымъ сѣздамъ списокъ членовъ избирательнаго сѣзда землевладѣльцевъ. Въ развитіи этой послѣдней статьи циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 30-го апрѣля 1865 г., за № 52, было разъяснено, что такъ какъ личный составъ избирательнаго сѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ можетъ быть опредѣленъ только въ то время, когда будутъ произведены уже выборы уполномоченныхъ на предварительныхъ сѣздахъ, и что только по окончаніи этихъ послѣднихъ выборовъ можетъ быть составленъ списокъ членовъ избирательнаго сѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ, подлежащій предъявленію сельскимъ избирательнымъ сѣздамъ при ихъ открытіи, а потому сельскимъ избирательнымъ сѣздамъ во всякомъ случаѣ должны предшествовать предварительныя сѣзды мелкихъ

землевладѣльцевъ, для избранія уполномоченныхъ. По закону и по обычаю сельскіе избирательные сѣзды всегда происходили въ концѣ выборовъ и ими очень часто доставлялась возможность вступить въ земское собраніе тѣмъ лицамъ, которыя не были избраны на сѣздѣ землевладѣльцевъ.

Ограниченіе прежняго вліянія уѣзднаго предводителя дворянства на выборъ гласныхъ отъ всего землевладѣнія уѣзда и передача части этого вліянія городскому головѣ—только логическое послѣдствіе систематическаго уменьшенія дѣйствительнаго значенія этого должностнаго лица, приобрѣтеннаго имъ благодаря реформамъ шестидесятыхъ годовъ, которое мы видимъ въ послѣднее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе 12-го іюня 1890 г. отводитъ дворянству количественно первенствующее мѣсто въ земствѣ. Изучая нѣсколько подробнѣе какъ ходъ выборовъ, созданный этимъ положеніемъ, такъ и результатъ ихъ—составъ земскихъ собраній—сравнительно съ прежнимъ, мы лучше всего выяснимъ значеніе обособленнаго положенія, приданнаго нынѣ дворянству.

Сравнивая росписаніе числа гласныхъ губернскихъ земскихъ собраній прежде и нынѣ, мы увидимъ, что общее ихъ число нынѣ значительно сокращено; а между тѣмъ требуемое число гласныхъ для признанія собранія законно состоявшимся или осталось безъ измѣненія, или повышено. На основаніи 42 ст. прежняго положенія, „для законнаго состава засѣданій земскаго собранія требуется присутствіе не менѣе третьей части гласныхъ“. По новому же положенію 1890 г. (ст. 74), „требуется присутствіе не менѣе половины числа гласныхъ, опредѣленнаго для онаго росписаніемъ“. Возьмемъ для примѣра первую въ обонхъ росписаніяхъ губернію бессарабскую: прежде губернское въ ней земское собраніе состояло изъ 53 гласныхъ, нынѣ—изъ 36; треть перваго $17\frac{2}{3}$, половина втораго—18; т.-е. требуемая закономъ наличность осталась безъ измѣненія. Наша пензенская губернія еще болѣе убѣдительна: прежде губернское земское собраніе состояло изъ 66 гласныхъ; нынѣ изъ 48. Треть перваго 22; половина втораго 24. Участіе гласныхъ въ земскихъ собраніяхъ въ недостаточномъ противъ требуемаго закономъ количествѣ—явленіе, надо сознаться, неоднократно повторявшееся,—и пожалуй, становится понятнымъ предоставленное положеніемъ 12-го іюня 1890 г. право земскимъ собраніямъ (ст. 60) привлекать къ отвѣтственности неявившихся гласныхъ, не представившихъ законныхъ (ст. 59) о неявкѣ причинъ. Въ сущности, очередныя земскія собранія всегда заключали въ себѣ требуемое закономъ число гласныхъ и только на долю экстренныхъ выпадало, и то не всегда, что они не могли состояться, за неприбытіемъ требуемаго для нихъ количества. Нельзя, однако, не

сказать, что нынѣ въ деревнѣ не однѣ только земскія собранія трудно составляются, а всякія, даже семейныя, праздничныя. Словно какъ во время непогоды все живое, движущееся скрывается въ природѣ, такъ теперь въ деревнѣ всѣ попрятались въ своихъ углахъ и только по крайней необходимости вылѣзаютъ изъ нихъ. Всюду, гдѣ вслѣдствіе благопріятныхъ условій населеніе пользуется нѣкоторымъ довольствомъ, тамъ и земство дѣятельнѣе, предпримчивѣе, и тамъ навѣрное затрудненій не встрѣчается въ достиженіи земскими собраніями требуемаго новымъ закономъ нѣсколько повышеннаго численнаго состава. Тамъ же, гдѣ благосостояніе населенія понизилось и понижается, тамъ 60 статья положенія 12-го іюня 1890 г. при состоявшемся собраніи врядъ ли будетъ примѣняться, такъ какъ въ томъ надобности не представляется; при несостоявшемся же ее некому будетъ примѣнять.

Продолжая разсматривать росписаніе числа гласныхъ, избираемыхъ въ земскія собранія всѣхъ губерній сравнительно по положеніямъ 1864 и 1890 г., мы увидимъ, что по первому, за ничтожными исключеніями, во всѣхъ уѣздныхъ собраніяхъ число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ равно суммѣ ихъ отъ городовъ и сельскихъ обществъ; тогда какъ по второму почти всюду, гдѣ существуетъ отдѣльно первое избирательное, т. е. дворянское собраніе, число гласныхъ отъ него болѣе или менѣе значительно превышаетъ сумму гласныхъ отъ второго избирательнаго собранія и отъ сельскихъ обществъ. Мы говоримъ только объ уѣздныхъ собраніяхъ, такъ какъ очевидно, что если въ нихъ большинство состоитъ изъ одного класса мѣстнаго населенія, то избираемые этими собраніями гласные въ губернское земское собраніе будутъ принадлежать къ тому же большинству. Слѣдовательно, положеніемъ 12-го іюня 1890 года крѣпко и вполне обезпечено за дворянствомъ преобладающее значеніе какъ въ уѣздныхъ, такъ и въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Кромѣ того, на основаніи 56 ст. того же положенія: „сверхъ положеннаго по росписанію числа гласныхъ въ губернскомъ земскомъ собраніи участвуютъ уѣздные предводители дворянства“, а далѣе и другія еще лица; но, согласно 74 ст. того же положенія, предводители не принимаются въ расчетъ при исчисленіи количества гласныхъ, требуемыхъ для признанія собранія въ законномъ составѣ. Последнее—довольно неожиданная дань уваженія выборному началу. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, положеніе 12-го іюня 1890 г. несомнѣнно придало дворянству первенствующее, рѣшающее значеніе въ земствѣ; но развѣ дворянство безъ этой поддержки не имѣло значенія въ жизни и дѣятельности земства въ продолженіе болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтняго его существованія? Всюду, гдѣ только существовало дворянство, оно

было руководителемъ мѣстной земской дѣятельности не вслѣдствіе какихъ-либо особнхъ сословныхъ правъ, а только потому, что дворяне въ провинціи, въ деревнѣ, были почти единственными лицами, способными и могущими быть представителями мѣстныхъ интересовъ, а слѣдовательно, и дѣятелями по осуществленію, по удовлетворенію этихъ интересовъ. Во всѣхъ такъ называемыхъ дворянскихъ губерніяхъ, можно съ увѣренностью сказать, земство было дворянскимъ. Земскія реформы императора Александра II, освободивъ дворянство отъ вѣрностнаго права и положивъ основаніе мѣстному самоуправленію, тѣмъ самымъ выдвинули дворянство, какъ представителя и защитника мѣстныхъ интересовъ. Положеніе 12-го іюня 1890 года, обособивъ дворянство въ земствѣ, лишило его представительства этихъ мѣстныхъ интересовъ, которымъ оно до сихъ поръ фактически пользовалось. Притомъ количественно дворянскій элементъ въ земствѣ, какъ мы увидимъ далѣе, нисколько не увеличился.

Мы уже говорили, что ограниченіе избирательныхъ собраній обязанностью выбирать гласныхъ только изъ среды своей стѣсняетъ доступъ въ земскія собранія людей, пользующихся мѣстнымъ довѣріемъ; но и сами выборы теперь нѣсколько затруднены. Согласно 42 ст. положенія 12-го іюня 1890 года, „избирательное собраніе приступаетъ къ производству выборовъ въ такомъ лишь случаѣ, когда избиратели прибудутъ въ числѣ, превышающемъ двѣ трети числа гласныхъ, подлежащихъ избранію“. Затѣмъ, на основаніи 45 ст. того же положенія, „если въ день, назначенный для открытія избирательнаго собранія къ тремъ часамъ пополудни, въ собраніе не явится указаннаго въ 42 статіѣ числа избирателей, то всѣ прибывшія въ оное лица признаются гласными, о чемъ составляется протоколъ за общимъ ихъ подписаніемъ“. Первое избирательное собраніе, именно вслѣдствіе многочисленности требуемыхъ отъ него гласныхъ, очень часто должно дѣйствовать по 45 ст. положенія 1890 г., и тогда оно уже лишено права выбирать кого-либо изъ отсутствующихъ.—Въ одномъ изъ со-сѣднихъ съ нашимъ уѣздовъ, при послѣднихъ выборахъ, примѣнилась по необходимости эта 45-я статья, и вслѣдствіе сего, ко всеобщему сожалѣнію, одно уважаемое всей губерніей лицо, всегда носившее съ честью званіе губернскаго гласнаго, не попало въ число уѣздныхъ гласныхъ, а слѣдовательно, не могло быть и губернскимъ. Нельзя не замѣтить, что при настоящей убыточности сельскаго хозяйства вполне естественно, что теперь всякій, кто только можетъ, бѣжитъ изъ деревни, или чтобы службой приобрести средства въ жизни себѣ и своему семейству, или чтобы только избѣгнуть дѣйствительно тягостной въ настоящее время жизни въ деревнѣ. При такихъ общихъ условіяхъ многочисленныя первыя избирательныя

собранія трудно составляются въ требуемомъ законѣ составѣ. Впрочемъ тамъ, гдѣ они и достигаютъ требуемаго состава, количество дворянъ, участвующихъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, отъ этого нисколько не увеличилось противъ прежняго. Нагляднымъ тому примѣромъ можетъ служить нашъ мокшанскій уѣздъ. По положенію 1864 года, мокшанское уѣздное земское собраніе состояло изъ 38 гласныхъ, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 19 отъ землевладѣльцевъ, 5 отъ города и 14 отъ сельскихъ обществъ. Въ 1889 г. по послѣднимъ выборамъ на основаніи этого положенія оно заключало въ себѣ 22 дворянина, 4 купца и 12 крестьянъ. Дѣйствительно было выбрано 26 дворянъ; но двое изъ нихъ оказались избранными отъ землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ; одинъ отъ землевладѣльцевъ и города, и одинъ отъ города и сельскихъ обществъ. Собственно же отъ землевладѣльцевъ изъ числа слѣдующихъ 19 гласныхъ были избраны 18 дворянъ и 1 купецъ. По положенію 12-го іюня 1890 г., мокшанское уѣздное земское собраніе состоитъ изъ 33 гласныхъ, въ число коихъ входитъ 20 гласныхъ отъ перваго дворянскаго избирательнаго собранія, 3 отъ втораго и 10 отъ сельскихъ обществъ. На выборахъ 1892 года было выбрано 20 дворянъ отъ перваго собранія; отъ втораго—одинъ, имѣющій чинъ губернскаго секретаря, одинъ мѣщанинъ и одинъ крестьянинъ, и наконецъ отъ сельскихъ обществъ 10 крестьянъ. Въ сущности составъ мокшанскаго уѣзднаго земскаго собранія мало измѣнился отъ послѣдовавшей реформы.

Несомнѣнно положеніе 12-го іюня 1890 г. придало дворянству въ земствѣ первенствующую роль; несомнѣнно также, что то же положеніе усилило противъ прежняго наблюденія администраціи надъ земскою дѣятельностью. Эти двѣ главныя основы земской реформы не могли не быть въ тѣсной между собой связи. Очень можетъ быть, что, передавая, такъ сказать, земство дворянству, встрѣтилась необходимость оградить мѣстные интересы отъ исключительнаго осуществленія однихъ дворянскихъ интересовъ. Существуютъ ли эти дворянскіе интересы?—Мы всего лучше отвѣтимъ на этотъ вопросъ, когда рассмотримъ положеніе самого дворянства у насъ.

До Петра Великаго у насъ существовало дворянство въ томъ видѣ, какъ мы его понимаемъ теперь. Въ общественномъ строѣ до-Петровской Россіи равенства, однако, не было, а были только царскіе чиновные люди, надѣленные землей въ вознагражденіе за обязательную службу государству. Повинность была общая для всѣхъ этихъ людей, но честь каждаго изъ нихъ была различна и зависѣла не отъ принадлежности къ одному и тому же сословію, а отъ породы *отчества*. Боаринъ не имѣлъ ничего общаго съ околыничимъ; околыничій съ

дуннымъ дворяниномъ; дворянинъ съ сыномъ боярскимъ и т. д. Самое слово „дворянство“ появилось только во второй половинѣ XVIII вѣка, (манифестъ 1762 г.). Петръ Великій, образовавъ сословіе изъ царскихъ чиновныхъ людей, назвалъ его не-русскимъ словомъ—*шляхетствомъ*. Слово это впервые встрѣчается въ 1712 г. (№ 2467 Полн. Собр. Зак.). Понятіе о благородствѣ, породѣ, отчествѣ, существовало, однако, въ обществѣ; это можно заключить изъ указа Великаго Петра отъ 1719 г., въ коемъ между прочимъ сказано: „прежде бывшей мѣсто и случай древнихъ невѣстностей весьма пресѣчены и до конца искоренены и старыя разряды вѣчно оставлены“. Подтвержденіе уничтоженія древнихъ обычаевъ—вѣрное доказательство, что они еще были. Окончательно понятіе о породѣ, какъ правѣ, было устранено указомъ отъ 24 января 1722 г., коимъ была дарована *табелъ о рангахъ всѣмъ чинамъ*. Собственно табелъ о рангахъ была подписана Петромъ Великимъ въ 1721 г., но съ оговоркой: „сіе не публиковать и не печатать до сентября, дабы еще осмотрѣться“. Она была передана затѣмъ на обсужденіе сената и опубликована,—какъ выше сказано,—въ 1722 г. Существуетъ сказаніе, что идея табели о рангахъ принадлежитъ Лейбницу, по совѣту котораго были также учреждены и коллегіи. Кому бы ни принадлежала эта идея, но нельзя не сказать, что въ основаніе табели о рангахъ положено демократическое начало, которое врядъ ли сколько-нибудь существенно нарушается тѣмъ, что для производства въ нѣкоторые чины для дворянъ установлены сокращенные сроки. Въ продолженіе восемнадцатаго вѣка рангъ не сразу убилъ породу. Въ 1740 г., Анна Леопольдовна, а въ 1742 г. Елизавета Петровна указали подробно и строго опредѣляли только за лицами высшихъ ранговъ и ихъ женами право носить роскошную одежду. Екатерина II хотя и придала введенному ею дворянскому мундиру такое значеніе, что въ немъ можно было бывать безъ приглашенія на придворныхъ балахъ, но и она издала въ 1775 г. манифестъ о экипажахъ и ливреяхъ для лицъ разныхъ ранговъ. Къ концу XVIII столѣтія вліяніе табели о рангахъ вполне окрѣпло и не могло ускользнуть отъ посѣщавшихъ Россію иностранцевъ. Шлѣцеръ, напримѣръ, въ своихъ письмахъ изъ Россіи говорить (1781 г.): „un gentilhomme n'est rien ici“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обществѣ начинаютъ раздаваться голоса противъ погони за чинами. Такъ, кн. Щербатовъ въ своей книгѣ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, между прочимъ говоритъ (стр. 28): „разрушенное мѣстничество и незамѣненное никакимъ правомъ знатымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и такъ каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали

выслуживаться всякими образами, льстя и угождая государю и вельможамъ"...

Противодѣйствіе дворянства табели о рангахъ открыто высказалось во время комиссіи 1767 г., въ коей многими депутатами заявлено было, что „пріобрѣтеніемъ дворянства чиномъ уподляются дворянскіе роды, затмѣваются ихъ преимущества". Изъ поданныхъ записокъ позволю себѣ привести нѣкоторыя выдержки: депутатъ михайловскаго дворянства, Семенъ Нарышкинъ, наприимѣръ, заявилъ, что если дворянство будетъ пріобрѣтаться чиномъ, то дворяне при полученіи его будутъ менѣе награждаемы, ибо они съ офицерскимъ чиномъ получаютъ только награжденіе добродѣтели своему поведенію, а не-дворяне—и отмѣннымъ заслугамъ отечеству, которыхъ они никогда не оказали. Болѣе оригинально заявленіе депутата елицинскаго дворянства, Петра Орлова. Онъ полагалъ необходимымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы офицеры не-дворяне, хотя и высшихъ классовъ, не командовали офицерами-дворянами, хотя и низшихъ классовъ. Въ наше время совсѣмъ непонятно такое требованіе. Ходатайства депутатовъ комиссіи 1767 г. клонились къ отмѣнѣ пріобрѣтенія дворянства чиномъ и были оставлены безъ послѣдствій. Единственный ихъ результатъ, что породистое дворянство было только выдѣлено въ шестой разрядъ дворянской родословной книги. Правительство всегда хранило и хранитъ до сихъ поръ табель о рангахъ въ тѣхъ основныхъ началахъ, въ которыхъ она была установлена указомъ 24 января 1722 г.

Естественнымъ послѣдствіемъ этого указа было количественное увеличеніе дворянства и появленіе бѣдности въ его средѣ настолько, что правительству приходилось принимать мѣры противъ сего явленія. Пронскій, наприимѣръ, предводитель, Стенанъ Тютчевъ, 2 ноября 1771 года доносилъ сенату, что къ нему явилось болѣе двухъ сотъ человѣкъ дѣтей дворянъ, заявившихъ, что бѣдность ихъ такова, что нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ ни платья, ни обуви. Въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія къ постоянному увеличенію чисто русскаго дворянства прибавился еще инородный элементъ отъ присоединенія польскихъ и литовскихъ провинцій на западѣ и кавказскихъ на югѣ. Появились злоупотребленія въ доказательствахъ правъ дворянства; особенно въ этомъ отношеніи отличался Бердичевъ, гдѣ фабрикація дворянскихъ дипломовъ была поставлена на широкую ногу. Въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка началась борьба правительства съ неправильнымъ увеличеніемъ дворянства, поставившая, между прочимъ, многія русскія, безспорно дворянскія семейства въ большое затрудненіе, за ненимѣніемъ въ порядкѣ семейныхъ бумагъ. Борьба эта потребовала со стороны пра-

вительства долголѣтнихъ, усиленныхъ трудовъ. На западѣ только въ концѣ сороковыхъ годовъ, и то благодаря энергіи бывшаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, прекратила свою дѣятельность бердичевская фабрика дворянскихъ дипломовъ. *Шестьдесятъ четыре тысячи* шляхтичей были причислены въ однодворцамъ и гражданамъ. По польскимъ источникамъ число такихъ лицъ еще значительнѣе. Владиславъ Мицкевичъ въ своей книгѣ: „La Pologne et ses provinces méridionales“, увѣраетъ, что въ однихъ только трехъ юго-западныхъ губерніяхъ 141.708 шляхтичей были обращены въ податное состояніе.

Указомъ Петра Великаго, отъ 24 января 1722 года, было постановлено, что дослужившійся до перваго оберъ-офицерскаго чина не изъ дворянъ по службѣ военной вмѣстѣ съ дѣтьми его, рожденными по производствѣ въ чинъ—дворянинъ, и если у него не родится дѣтей по полученіи чина, а будутъ прежде рожденные, то отцу дозволяется просить о пожалованіи дворянства одному изъ нихъ. Что касается чиновъ статскихъ и придворныхъ, то получившіе восемь первыхъ ранговъ со всѣми своими законными дѣтьми „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и преимуществахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были“. Екатерина II въ дворянской грамотѣ лицъ, имѣющихъ чины ниже 8-го класса, причислила не въ наследственному дворянству, а къ личному. Создался новый видъ дворянства, сохранившійся и до сихъ поръ. Въ XIX столѣтіи замѣчается направленіе нѣсколько затруднить приобрѣтеніе дворянства, сохраняя, однако, неприкосновенными основы табели о рангахъ; направленіе это окончательно высказалось въ манифестѣ 11 іюня 1845 года, опубликованномъ 22 іюня того же года, въ коемъ было установлено:

1) Первый оберъ-офицерскій чинъ даетъ права дворянства личного, а первый штабъ-офицерскій—потомственнаго.

2) Въ гражданской службѣ чинъ 14-го класса даетъ права личного потомственнаго гражданства; 9-го класса—личного дворянства и только 5-го класса—потомственнаго.

Позднѣйшія узаконенія по сему предмету всѣмъ извѣстны, и о нихъ нѣтъ надобности упоминать. Необходимо еще пояснить, что, помимо чиновъ, дворянство еще приобрѣталось и приобрѣтается также орденами. Не входя въ разсмотрѣніе, какой орденъ и въ какой своей степени даетъ право дворянства, достаточно удостовѣрить, что и тутъ, какъ въ табели о рангахъ, приобрѣтеніе дворянства является дополненіемъ къ правамъ, предоставляемымъ каждому на государственной службѣ. Самостоятельное пожалованіе дворянства за заслуги помимо приобрѣтенія его на службѣ—явленіе чрезвычайно рѣдкое въ нашей новѣйшей исторіи; впрочемъ и въ до-Петровской Россіи возведеніе

Минина, за его знаменитыя услуги отечеству, въ чинъ думнаго дворянина—чуть ли не единственный примѣръ.

Полагаю, сказаннаго вполне достаточно, чтобы доказать, что дворянство у насъ не составляетъ заменутаго сословія. Доступъ къ нему, вотъ уже почти два вѣка, былъ легокъ. Онъ такимъ остался и теперь, хотя служебное положеніе, дающее право дворянства, нѣсколько повышено. Количественно дворянство продолжаетъ увеличиваться и теперь. Въ очередное дворянское собраніе пензенской губерніи въ 1893 г. было между прочимъ доложено собранію, что въ трехлѣтіе 1888—91 гг. внесено въ дворянскую книгу новыхъ дворянскихъ родовъ:

1) по военнымъ заслугамъ	17
2) по ордену св. Владиміра	20
въ трехлѣтіе 1891—1893 гг.:	
1) по военнымъ заслугамъ	2
2) по ордену св. Владиміра	17
3) изъ духовнаго званія.	10
Итого	66

т.-е. за шесть лѣтъ по одиннадцати новыхъ родовъ въ годъ увеличилось дворянство пензенской губерніи. Въ другихъ губерніяхъ несомнѣнно существуетъ, болѣе или менѣе, то же самое явленіе—постояннаго количественнаго роста дворянства. На основаніи 150 статьи IX тома св. закон. изд. 1857 года, сохранившейся безъ измѣненія и въ позднѣйшемъ изданіи, „дворянское депутатское собраніе рѣшаетъ представленныя оному дѣла или единогласно, или большинствомъ двухъ третей голосовъ“. За тѣмъ же собраніемъ сохранено до сихъ поръ право „признать сочленомъ дворянскаго общества того, кто доказалъ, что онъ дворянинъ. Фактически, значить, дворянскія депутатскія собранія могутъ принимать или не принимать въ свою среду лицъ, приобрѣвшихъ дворянство; но отказа въ такомъ принятіи названными собраніями никогда не бывало и не бываетъ. Если, какъ мы видѣли, въ продолженіе восемнадцатаго столѣтія было противодѣйствіе со стороны дворянства табели о рангахъ, то нынѣ очевидно само дворянство примирилось съ нею. Она настолько привилась къ общественной жизни, что теперь врядъ ли мыслима безъ нея Россія. Хотя въ послѣднее время чиновничество значительно увеличилось у насъ, но все же это увеличеніе не удовлетворяетъ еще болѣе возрастающей потребности поступленія на жалованье государственной службы.

При такихъ условіяхъ, можно ли разсматривать у насъ дворянство, какъ обособленное сословіе, имѣющее свои спеціальныя, сословныя интересы?—Мнѣ кажется отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный. Надо еще принять въ соображеніе, что для

участія въ земствѣ отъ дворянства требуется, какъ и прежде отъ землевладѣльцевъ, извѣстный земельный цензъ; слѣдовательно, дворянство въ земствѣ является представителемъ земельныхъ интересовъ. Эти же интересы, что бы ни говорили люди мало знакомые съ дѣйствительностью,—вполнѣ и безусловно тождественны для всѣхъ владѣющихъ и живущихъ земель. Лучшимъ тому доказательствомъ—настоящее положеніе всего сельскаго населенія у насъ. Одинаковыя причины привели къ одинаковымъ послѣдствіямъ для всего землевладѣнія.

Указаніе на измѣненія, внесенныя положеніемъ 12 іюня 1890 г., въ избраніи гласныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній было бы неполно, еслибы не было упомянуто еще одно обстоятельство, собственно не вытекающее непосредственно изъ этого положенія. Какъ уже было сказано, число представителей отъ сельскихъ обществъ сокращено, и самый ихъ выборъ нынѣ производится съ меньшей независимостью и съ большимъ участіемъ администраціи. Не входя въ разсмотрѣніе новаго порядка выборовъ отъ сельскихъ обществъ, необходимо принять въ соображеніе, что нынѣ гласнымъ отъ этихъ обществъ приходится засѣдать въ земскихъ собраніяхъ около гг. земскихъ начальниковъ, отъ которыхъ они вполнѣ зависятъ. Казалось бы, что для охраненія хотя бы наружнаго безпристрастія рѣшеній земскихъ собраній, желательно было бы, чтобы гласные отъ сельскихъ обществъ, на все время ихъ службы въ этомъ званіи, были освобождены отъ 61 ст. положенія о земск. нач., которою эти должностныя лица уполномочены подвергать всѣхъ крестьянъ своего участка, безъ всякаго формальнаго производства, аресту не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей.

Перейдемъ теперь къ вопросу о земскихъ смѣтахъ и раскладахъ.

Кн. В. Друцкой-Соколинскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1896 г.

Организація помощи, созданной Именнымъ указомъ 13-го января.—Почетительства о бѣдныхъ въ Москвѣ.—Оригинальная параллель между до-реформеннымъ судомъ и судомъ присяжныхъ.—Излишняя подробность уголовныхъ слѣдствій и ея причины.—„Церковный Вѣстникъ“ о причинахъ неудовлетворительности преподаванія Закона Божія въ городскихъ начальныхъ училищахъ.—Post-scriptum.

Въ печати до сихъ поръ продолжается обмѣнъ мнѣній по поводу Именного указа 13 января, предоставившаго академіи наукъ возможность помогать нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Это совершенно понятно, въ виду важности предмета; жаль только, что къ разсужденіямъ о новыхъ задачахъ академіи примѣшивается иногда немалая доля партійности или личнаго раздраженія. Созданіе официального учрежденія для помощи литераторамъ и ученымъ послужило поводомъ или предлогомъ къ открытію похода противъ частныхъ учреждений, служащихъ той же цѣли. Въѣсто единодушной, дружной работы, проповѣдуется недовѣріе и рознь. Между будущей дѣятельностью академіи и дѣятельностью литературнаго фонда стараются провести демаркаціонную черту, вовсе не соответствующую дѣйствительности. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, напримѣръ, нѣкій „Скромный лѣтописецъ“ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ: главная задача указа 13-го января — поддержать русскую науку и литературу, способствовать ихъ развитію; благотворительность стоитъ здѣсь на второмъ планѣ. При назначеніи помощи принимается во вниманіе не только нужда, но и степень заслугъ ученаго и литератора, т.е. степень достоинства его произведеній. Въ опредѣленіи этого главнаго условія наиболѣе компетентна именно академія; поэтому она не въ правѣ передавать кому бы то ни было свои полномочія по отношенію къ суммамъ, предоставленнымъ въ ея распоряженіе. „Что касается до пожертвованій,—такъ заканчивается статья „Скромнаго лѣтописца“, — то каждый воленъ жертвовать куда ему угодно; но въ обществѣ должны понять, что пожертвованія, направленные въ академію, учрежденіе компетентное въ сужденіи о наукѣ и литературѣ, достигнуть той цѣли, которую, безъ сомнѣнія, и будутъ имѣть жертвователи: способствовать развитію отечественной литературы и науки“. Что академія наукъ, при назначеніи пособій или пенсій, будетъ принимать въ расчетъ, между прочимъ, заслуги нуждающагося ученаго и литератора — это не подлежитъ никакому сомнѣнію: но вѣдь точно такъ же поступаетъ и литературный фондъ, на

точномъ основаніи своего устава (§ 5). Еслибы академія наукъ передала въ распоряженіе фонда часть суммъ, ассигнованныхъ указомъ 13-го января, она не превысила бы своихъ полномочій, не пошла бы въ разрѣзъ съ своимъ призваніемъ. Не о такой передачѣ, впрочемъ, думаютъ тѣ, кто желаетъ солидарности между академіей и частными обществами, заботящимися объ обезпеченіи участи писателей. Пускай каждое учрежденіе распоряжается собственными средствами, ничего не отдавая изъ нихъ въ чужія руки; важно только то, чтобы работа надъ общимъ дѣломъ была одушевлена однимъ и тѣмъ же чувствомъ, направлена къ одной и той же цѣли, и чтобы никому изъ работающихъ не было приписываемо или присвоиваемо абсолютное преимущество передъ другими. До крайности несимпатично, поэтому, стараніе преувеличить компетентность академіи въ оцѣнкѣ произведеній науки и литературы, чтобы направить исключительно къ ней приливъ частныхъ пожертвованій въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Изъ всѣхъ *государственныхъ* учреждений наиболѣе способнымъ къ исполненію задачи, намѣченной указомъ 13-го января, представляется, безспорно, академія наукъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы въ такомъ же отношеніи къ ней находились, всегда и во всемъ, и всѣ частныя учрежденія. Къ *литературѣ*, въ тѣсномъ смыслѣ слова, академія *наукъ* никогда не стояла и не стоитъ на столько близко, чтобы обладать всѣми данными, необходимыми для суда надъ произведеніемъ или, тѣмъ болѣе, надъ писателемъ. Гарантіей безпристрастія такая отдаленность, сама по себѣ, не можетъ служить уже потому, что она не одинаково велика для всѣхъ отраслей литературы и для всѣхъ литературныхъ теченій. Авторы, наименѣе, если можно такъ выразиться, отклоняющіеся отъ линіи officialнаго движенія, всегда будутъ имѣть и болѣе шансовъ на вниманіе и сочувствіе академіи. Необходимо, поэтому, нѣкоторый противовѣсъ—а его можно искать только въ частныхъ учрежденіяхъ, всецѣло или почти всецѣло зависящихъ отъ частныхъ пожертвованій. Академія наукъ—въ области, открытой для нея указомъ 13 января—можетъ продолжать и даже развивать свою дѣятельность безъ всякой поддержки со стороны частныхъ лицъ; для литературнаго фонда, созданнаго этой поддержкой, потеря ея на будущее время была бы ничѣмъ не вознаградима. Повторяемъ еще разъ: найдутся и безъ газетныхъ внушеній жертвователи, которые предпочтутъ направить свои взносы въ академію наукъ; не нужно только зазывать ихъ туда путемъ газетной агитаціи противъ частныхъ обществъ, такъ долго выносившихъ на своихъ плечахъ всю тяжесть попеченія о нуждающихся литераторахъ и публицистахъ.

Указъ 13-го января, по словамъ „Скромнаго лѣтописца“, имѣетъ главною цѣлью „поддержать русскую науку и литературу, способ-

ствовать ихъ развитію⁴. Мы видимъ въ этихъ словахъ крупную ошибку, изъ которой можно сдѣлать весьма опасные выводы. Опытъ многихъ вѣковъ показалъ, что *развивать науку и литературу и даже поддерживать ихъ матеріальная помощь со стороны правительства*—за исключеніемъ развѣ самыхъ первыхъ фазисовъ умственнаго движенія—совершенно бессильна. Задача государства заключается не въ томъ, чтобы системой пенсій и пособій вести впередъ творческую мысль, а въ томъ, чтобы обезпечить инвалидовъ умственного труда и облегчить для писателей, еще способныхъ трудиться, борьбу съ житейскими невзгодами. *Косвенно*, безъ сомнѣнія, какъ то, такъ и другое не остается безъ полезнаго вліянія на положеніе литературы, увеличивая количество силъ, которыми она располагаетъ—но вліяніе это сравнительно невелико и достигается, притомъ, только тогда, когда къ нему не стремятся *непосредственно и прямо*. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдуетъ принимать въ соображеніе не то, чего можно еще ожидать отъ писателя, а то, что онъ уже сдѣлалъ, въ связи съ положеніемъ его въ данную минуту. Другими словами, основаніемъ и мѣриломъ помощи должно служить *прошедшее и настоящее*, а не *будущее* писателя¹). По отношенію къ писателю, закончившему или заканчивающему свое поприще, это совершенно очевидно; поддержка, ему оказываемая, „содѣйствія развитію литературы“ оказать не можетъ—а его право на поддержку, приобрѣтенное прежними трудами, тѣмъ не менѣе безспорно. Что касается до другихъ писателей, то пойдутъ ли они впередъ, удержатся ли на той же высотѣ—объ этомъ возможны лишь догадки; прочной можетъ быть только оцѣнка ихъ *прежнихъ* произведеній. Опаснымъ всякій другой критерій помощи былъ бы потому, что при немъ почти неизбежно выдвинулся бы на первый планъ вопросъ о *направленіи* писателя (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда по свойству научной сферы, въ которой вращается писатель, о направленіи не можетъ быть и рѣчи). Въ самомъ дѣлѣ, *содѣйствовать развитію литературы* или хотя бы только *поддерживать* ее правительство можетъ только въ той мѣрѣ, въ какой она отвѣчаетъ его видамъ, служить его стремленіямъ и цѣлямъ. Усвоить себѣ точку зрѣнія, рекомендуемую г. „Скромнымъ лѣтописцемъ“, значило бы, для государственнаго учрежденія, исключить, разъ навсегда, изъ сферы своей дѣятельности цѣлыя категоріи ученыхъ, литераторовъ и въ особенности *публицистовъ*.

Необходимость сближенія академіи наукъ съ тѣмъ міромъ, съ которымъ поставилъ ее лицомъ къ лицу указъ 13-го января, признается печатью самыхъ различныхъ оттѣнковъ. Способы сближенія предлагаются весьма различные. „Можно представить себѣ“,—читаемъ мы

¹) Мы говоримъ здѣсь, конечно, не о тѣхъ, чисто поокрительныхъ нособіяхъ, какія предусматрѣны, напримѣръ, въ пун. д ст. 5 устава литер. фонда.

въ „Русскомъ Обзорѣнн“ (№ 2)—„нѣкоторое расширеніе самаго понятія объ академіи. Бываютъ публицисты, которые въ отношеніи государственной и общественной мысли имѣли не меньшее научное значеніе, нежели ученые въ тѣсномъ смыслѣ. Кто изъ ученыхъ сдѣлалъ въ уясненіи государственнаго сознанія болѣе, чѣмъ Катковъ? Почему бы такимъ несомнѣнно выдающимся умамъ не быть членами академіи, гдѣ они вполне компетентно представляли бы журналистику? Но понятно, что это случаи рѣдкіе и исключительные. Поэтому можно бы скорѣе пожелать учрежденія при президентѣ академіи особаго литературнаго совѣта, который, не пользуясь правами членовъ академіи, могъ бы имѣть совѣщательный голосъ при президентѣ“. Въ какой степени участіе въ академіи публицистовъ въ родѣ Каткова послужило бы гарантіей безпристрастнаго и правильнаго отношенія ея къ ея новой задачѣ—это не требуетъ объясненія... Литературный совѣтъ при академіи, какъ учрежденіе постоянное, былъ бы полезенъ только подъ условіемъ призванія въ его среду представителей *естей* главныхъ теченій, существующихъ въ нашей литературѣ—а это условіе, въ настоящее время, едва ли удобоосуществимо. Всего лучше, поэтому, было бы ограничиться, на первыхъ порахъ, буквальнымъ исполненіемъ указа 13-го января, т.-е. приглашеніемъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ или по мѣрѣ надобности, тѣхъ именно лицъ — сегодня однихъ, завтра другихъ, — которые съ наибольшей пользой могутъ принять участіе въ разрѣшеніи *даннаго* вопроса. Иногда содѣйствіе посторонняго лица можетъ понадобиться для выясненія положенія нуждающагося писателя, иногда—для оцѣнки его произведеній... Постоянныя сношенія академіи слѣдовало бы, кажется, установить съ литературнымъ фондомъ и кассой взаимопомощи, какъ учрежденіями, связанными съ нею единствомъ цѣли. Практика литературнаго фонда, существующаго уже болѣе тридцати пяти лѣтъ, можетъ оказаться весьма поучительною и при начертаніи правилъ, которыми будетъ руководствоваться академія, примѣняя указъ 13-го января ¹⁾. Одна изъ нашихъ газетъ, говоря недавно объ обществѣ вѣнскихъ журналистовъ и писателей Concordia, выразила предположеніе, что нѣтъ другого учрежденія въ Европѣ, въ которомъ велось бы такое образцовое хозяйство при такихъ ничтожныхъ административныхъ издержкахъ, составляющихъ всего 3%. Это не совсѣмъ точно. Хозяйство нашего литературнаго фонда также велось и ведется образцово: онъ никогда не несъ потерь ни на своихъ процентныхъ бумагахъ, ни на своихъ предпріятіяхъ и изданіяхъ, никогда не за-

¹⁾ Составленіе этихъ правилъ возложено на особую комиссію, въ которой участвуютъ по два члена отъ академіи наукъ, министерства народнаго просвѣщенія и министерства финансовъ.

путывался въ счетахъ, никогда не оказывался неисправнымъ въ своихъ обязательствахъ—а между тѣмъ его административныя издержки не составляютъ и 1^о/. Въ 1891 г., напримѣръ — беремъ этотъ годъ потому, что намъ попался подъ руку отчетъ о немъ; въ послѣдующіе годы все осталось, съ занимающей насъ точки зрѣнія, по старому,—фондомъ было израсходовано (не считая экстренныхъ издержекъ по утвержденію одного завѣщанія, составленнаго въ пользу фонда, а также комиссіонныхъ, куртажныхъ и курсовой разницы по обмѣну вышедшихъ въ тиражъ бумагъ) всего 25.936 руб., въ томъ числѣ на пересылку денежной корреспонденціи 73 р., по сбору членскихъ взносов—43 р., за храненіе и страхованіе бумагъ—53 руб. Эти 169 рублей и составляютъ всю сумму „административныхъ издержекъ“ фонда—а по отношенію къ общему итогу расходовъ они едва превышаютъ 2^о/. Комитетъ литер. фонда вовсе не имѣетъ канцеляріи; все обширное его дѣлопроизводство и счетоводство ведется самими членами комитета, главнымъ образомъ—предсѣдателемъ, секретаремъ и казначеемъ, затрачивающими на это не только массу безвозмезднаго труда, но, отчасти, и собственныя средства. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что на такихъ же основаніяхъ будетъ организована помощь литераторамъ и ученымъ и въ академіи наукъ. Въ столь живомъ дѣлѣ участіе канцеляріи являлось бы не только источникомъ непроизводительныхъ расходовъ, но и препятствіемъ къ установленію простыхъ, сердечныхъ отношеній между помогающими и получающими помощь. Само собою разумѣется, что обойтись безъ дѣлопроизводителей, архиваріусовъ, бухгалтеровъ, кассировъ можно только въ такомъ случаѣ, если въ самомъ дѣлопроизводствѣ нѣтъ ничего лишняго, если назначеніе пособій не затруднено и не усложнено требованіями чисто формальнаго свойства. Долголѣтняя практика литературнаго фонда не выработала никакихъ внѣшнихъ условій, соблюденіе которыхъ было бы *обязательно* для просителей или для самого комитета. Какъ началось дѣло—по словесной или письменной просьбѣ, или по заявленію третьяго лица, или вслѣдствіе газетной статьи, или по слухамъ, дошедшимъ до комитета—это все равно: нѣтъ, точно такъ же, и заранѣе предъ указанныхъ способовъ повѣреніи или оцѣнки фактовъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе комитета. Не установлено сроковъ, раньше которыхъ нельзя назначить пособіе или пенсію; не опредѣлено минимальное количество труда, дающаго право на помощь. Комитету предоставлена полная свобода дѣйствій, какъ лучшая гарантія ихъ цѣлесообразности. Такой же свободой должна обладать и академія—или то особое присутствіе, которое будетъ учреждено въ ея составѣ для примѣненія указа 18-го января. Свобода, въ подобныхъ случаяхъ—вовсе не синонимъ безотчетности и безконтрольности. Комитетъ литер. фонда даетъ отчетъ ревизіонной комиссіи, общему собранію и министерству народ-

наго просвѣщенія; отчетомъ будетъ, конечно, обязана и академія—но самый способъ разсмотрѣнія отчета почти всегда соотвѣтствуетъ характеру дѣйствій подъ-отчетнаго учрежденія. Если оно проникнуто формализмомъ, повѣрка отчета неизбѣжно сводится къ удостовѣренію въ томъ, что соблюдены всѣ надлежащія формальности — и наоборотъ, если оно чуждо формализма, предметомъ повѣрки естественно является внутренняя правильность его распоряженій.

Организація попечительствъ о бѣдныхъ, предпринятая московской городской думой, по инициативѣ профессора В. И. Герье ¹⁾, быстро подвигается впередъ и встрѣчаетъ, повидимому, всеобщее сочувствіе. Весьма знаменательна, съ этой точки зрѣнія, замѣтка, появившаяся на дняхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 68). „Попечительства, — говоритъ газета, которую никто не заподозритъ въ пристрастіи къ городскому самоуправленію, — проливаютъ свѣтъ въ самые темные уголки нашей столицы, туда, гдѣ ютится нищета самая крайняя, беспомощная и самая разнообразная. Тутъ и трудъ подневный, не всегда постоянный, тяжелый, дающій невысокій заработокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сопряженный съ опасностію оставлять безъ призора малыхъ дѣтей, старыхъ и убогихъ. Тутъ и болѣзнь, и убожество, и холодъ, и голодъ... Распредѣлились попечительства неравномѣрно; мѣстами меньше бѣдныхъ, между тѣмъ какъ другія части города—особенно окраины его—кишатъ нищетою. Такъ, Прѣсеню пришлось раздѣлить на два участка—и все-таки во второмъ участкѣ до 1.000 домовъ и до 40 тыс. жителей. Въ иныхъ попечительствахъ число прошеній о помощи колеблется между 30 и 300—а во второмъ прѣсенскомъ ихъ по 1-е марта подано свыше 1.200! Трудно, тяжело попечительству работать при такихъ условіяхъ! Просить хлѣба зазудалые, задолжалые въ разныхъ ссудныхъ кассахъ, гдѣ за заложенное необходимое платятъ бѣдные платятъ по 5% въ мѣсяцъ! Просить дровъ семьи, живущія въ грязныхъ подвальныхъ жильяхъ съ промерзлыми внутри стѣнами; просятъ въ богадѣльни 70, 80-лѣтніе старики, старухи, убогіе, больные. Хотѣлось бы устроить что-нибудь для нихъ, не раздавая денегъ мелко, но не отказать же, напримѣръ, въ хлѣбѣ семьѣ, гдѣ отецъ въ чахоткѣ и молодая мать, окруженная семьей раздѣтыхъ дѣтей, бьется какъ рыба объ ледъ на подневной работѣ и задолжала за койку, гдѣ и она, и дѣти лежатъ около умирающаго отца, заражаемая его болѣзнію... Попечительство даетъ и хлѣбныя книжки, и шьетъ и покупаетъ одежду, и выкупаетъ кой-что изъ заложеннаго скарба обнищавшихъ. Прихо-

¹⁾ См. Обществ. Хрон. въ № 4 „Вѣстн. Европы“ за 1894 г. и № 1 за 1895 г.

дится платить и за углы и койки, гдѣ все это бѣдное населеніе погибаетъ отъ ужаснаго воздуха помѣщенія, отъ недостатка пищи, гдѣ дѣти подъ-рядъ болѣзненны⁴. Попечительство даетъ работу бѣднымъ женщинамъ; оно открыло пріютъ для дѣтей подовницъ, но покаместъ только на 8 человекъ, между тѣмъ какъ записано ихъ 169. Попятенъ призывъ „къ добрымъ людямъ“, которымъ заканчивается замѣтка. Безъ общаго и дружнаго участія всѣхъ достаточныхъ жителей столицы попечительства не будутъ въ состояніи справиться съ своей задачей. Бѣднѣйшимъ участкамъ должны помочь болѣе богатые: это прямо высказано въ рѣчи ¹⁾, которую произнесъ недавно В. И. Герье въ общемъ собраніи руководимаго имъ попечительства (второго хамовническаго). Хамовническая часть, какъ и прѣсененская, принадлежитъ къ числу самыхъ бѣдныхъ уголковъ Москвы; во второмъ ея участкѣ преобладаютъ коечныя квартиры и ночлежные дома, жители которыхъ сами нуждаются въ помощи и не могутъ быть дѣятельными членами попечительства. Для лучшаго ознакомленія съ участкомъ, совѣтъ попечительства раздѣлилъ его между своими членами на четыре района. Нельзя не пожелать, чтобы эти районы поскорѣе обратились въ самостоятельные участки: широкое развитіе дѣла возможно только при значительномъ числѣ попечительствъ и большой близости ихъ къ населенію... Изъ того, что въ концѣ своей рѣчи В. И. Герье благодарилъ председателей мѣстныхъ церковно-приходскихъ попечительствъ, слѣдуетъ заключить, что между новымъ благотворительнымъ учрежденіемъ и прежними господствуетъ полное единодушіе. Московское духовенство не раздѣляетъ, очевидно, мнѣнія „Гражданина“, провозгласившаго городскія попечительства о бѣдныхъ „учрежденіемъ прямо противнымъ духу христіанской религіи“; оно понимаетъ, что на поприщѣ благотворительности для всѣхъ найдется достаточно дѣла, и что здѣсь менѣе чѣмъ гдѣ-либо были бы уместны какія-либо пререканія между „вѣдомствами“. Прекрасному почину Москвы все предвѣщаетъ, такимъ образомъ, полный успѣхъ, который, въ свою очередь, не можетъ остаться безъ вліянія на другіе города и на земства. Нужно надѣяться, что однимъ изъ первыхъ примѣру Москвы послѣдуетъ Петербургъ, въ которомъ есть на-лицо всѣ данныя для рациональной организаціи благотворительности—и всѣ поводы приступить къ ней какъ можно скорѣе.

Мы ошиблись, выразивъ, мѣсяцъ тому назадъ, надежду, что извѣстіе о принесеніи кассационнаго протеста по дѣлу объ убійствѣ Довнара положитъ конецъ газетнымъ нападкамъ на оправдательный вердиктъ присяжныхъ. Агитація, для которой дѣло Палемъ послужило

¹⁾ См. „Русскія Вѣдомости“, № 57.

лишь удобнымъ предлогомъ, продолжалась по прежнему, все болѣе и болѣе обнаруживая свой настоящій характеръ — характеръ подкупа подъ самый институтъ присяжныхъ. „Тридцать лѣтъ тому назадъ, — говоритъ одинъ изъ агитаторовъ („Московскія Вѣдомости“, № 67), — земля наша вовсе не была безсудною, какъ тенденціозно стараются теперь это представить. Правда, старый судъ былъ плохъ по своей организаціи и подчасъ подкупенъ, но недостатки эти теперь ужъ черезъ-чуръ преувеличиваются. О послѣднемъ обстоятельствѣ говорить, напримѣръ, совершенно опредѣленно сенаторъ В. Я. Фуксъ, свидѣтель, заслуживающій полного довѣрія, какъ со стороны нравственной, такъ равно и въ отношеніи своей компетентности ¹⁾. Но каковъ бы ни былъ нашъ судъ до 1864 года, все же онъ былъ безупреченъ въ одномъ отношеніи: по своей организаціи онъ никогда не присвоивалъ себѣ, да и не могъ присвоить, не принадлежащей ему роли въ государственномъ управленіи; онъ всегда былъ судомъ — и только судомъ, и никогда не позволялъ себѣ становиться выше закона и имѣть иной взглядъ на преступное и непроступное, чѣмъ имѣетъ законъ... Практика старыхъ судовъ, какъ ни была она подчасъ ненормальна и уродлива, не подрывала, однакоже, авторитета закона, хотя, быть можетъ, и была плохимъ средствомъ для водворенія въ странѣ законности. Суду присяжныхъ нельзя сдѣлать упрека въ продажности и лицепріятіи, какой не безъ основанія дѣлался старымъ судамъ, но въ немъ есть другой, чрезвычайно важный съ государственной точки зрѣнія, недостатокъ, а именно, возможность со стороны присяжныхъ полного произвола въ отношеніи вѣщенія или невѣщенія вины и приложенія своихъ субъективныхъ воззрѣній на преступное и непроступное. Достаточно долгій опытъ вполне подтверждаетъ, что наши присяжные широко пользуются этою возможностью“. Итакъ, судъ присяжныхъ оказывается, въ концѣ концовъ, хуже нашего до-реформеннаго суда! Въ апологіи послѣдняго замѣтна, правда, нѣкоторая нерѣшительность, даже робость; до-реформенный судъ является, въ одно и то же время, и опорой для авторитета закона, и „плохимъ средствомъ для водворенія законности“ — но сквозь всѣ оговорки и противорѣчія все-таки проглядываетъ довольно ясно сочувствіе къ старымъ порядкамъ, только *подчасъ* оказывавшимся ненормальными. Апологетъ системы, служившей олицетвореніемъ „неправды черной“, рѣшается утверждать, что старый судъ всегда былъ судомъ — и только судомъ. Именно судомъ, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ всего меньше; онъ былъ канцеляріей, въ лучшемъ случаѣ механи-

¹⁾ Покойный В. Я. Фуксъ никогда не былъ сенаторомъ, никогда даже, кажется, не служилъ въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; сочиненіе его („Судъ и полиція“), на которое ссылаются „Московскія Вѣдомости“, могутъ считать авторитетнымъ только тенденціозные противники судебной реформы.

чески подводившей дѣло, т.-е. совокупность бумагъ, подъ букву закона, въ худшемъ (и гораздо болѣе обыкновенномъ) — обходившей или нарушавшей законъ, въ угоду богатству, силѣ или власти. Что такое, и по числу, и по свойству, формально-неправильные вердикты присяжныхъ въ сравненіи съ неправосудными рѣшеніями старыхъ судовъ? На нѣсколькихъ несчастныхъ, оправданныхъ присяжными несмотря на сознаніе въ преступленіи, сколько приходится закоренѣлыхъ преступниковъ, оставленныхъ въ подозрѣніи при дѣйствіи прежняго уголовного процесса? Безнаказанность въ обоихъ случаяхъ одинакова (предполагая, что нѣтъ повода къ кассациіи вердикта) — но какъ различно ея нравственное значеніе! Оправдываютъ присяжные, при безспорности факта преступленія, почти исключительно тѣхъ, кто сдѣлался преступникомъ въ силу стеченія несчастныхъ обстоятельствъ или находился въ одномъ изъ тѣхъ состояній, которые близки къ полной невмѣняемости; старые суды оставляли въ подозрѣніи, сплошь и рядомъ, наиболѣе смѣлыхъ и ловкихъ „хорошителей концовъ“, хорошо изучившихъ способъ борьбы (или сдѣлки) съ правосудіемъ. Растлѣвающего вліянія приговоры перваго рода не могутъ имѣть уже потому, что преступники по легкомыслію, по страсти, по ненормальности физическаго или психическаго склада рѣдко взвѣшиваютъ заранее шансы освобожденія отъ наказанія, тогда какъ тѣмъ категоріямъ преступниковъ, на долю которыхъ, при старыхъ судахъ, особенно легко выпадало оставленіе въ подозрѣніи, предусмотрительность и расчетливость свойственны какъ нельзя больше. При до-реформенныхъ порядкахъ приговоры оправдательные или оставляющіе въ подозрѣніи распространяли въ обществѣ убѣжденіе въ бессилии закона *вообще*; въ настоящее время оправдательные вердикты присяжныхъ могутъ развѣ навести на мысль о необходимости тѣхъ или другихъ *перемѣнъ* въ тѣхъ или другихъ *отдѣльныхъ* законахъ. Это — разница громадная! Сознаніе несовершенства отдѣльныхъ законовъ не подрываетъ чувства законности и уваженія къ закону; немислимымъ и то, и другое, становится только тогда, когда для цѣлыхъ категорій лицъ, для цѣлыхъ общественныхъ группъ, законъ какъ бы не существуетъ.

Второй аргументъ, приводимый „Московскими Вѣдомостями“ противъ суда присяжныхъ — это тѣ урѣзыванья его круга дѣйствій, которыя допущены, въ послѣднее время, нашимъ законодательствомъ. Доказательная сила придается здѣсь такимъ мѣрамъ, цѣлесообразность которыхъ сама еще требуетъ доказательствъ. Законы 1878 и 1889 г. безспорно свидѣтельствуютъ о томъ, что правительство признало судъ присяжныхъ неподходящимъ къ дѣламъ о проступкахъ противъ порядка управленія о преступленіяхъ должности и т. п.; но остается еще разобрать, насколько это рѣшеніе вызвано времен-

ными, случайными обстоятельствами, насколько—самою природою суда присяжныхъ. Мы видѣли недавно, что нѣкоторые изъ числа старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ высказались за новое расширеніе сферы дѣйствій суда присяжныхъ, почти всё—противъ дальнѣйшаго ея ограниченія. Что думаютъ высшіе представители судебной власти о формѣ суда, замѣнившей присяжныхъ (т.-е. о судѣ съ сословными представителями)—это наши читатели также знаютъ. А между тѣмъ, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“, самое распространеніе суда съ сословными представителями должно служить доказательствомъ его превосходства передъ судомъ присяжныхъ!.. Необходимость перемѣнъ, произведенныхъ въ подсудности уголовныхъ дѣлъ, московская газета доказываетъ, между прочимъ, малоподвижностью нашего законодательства: ужъ если оно признало ихъ нужными, то, значить, были къ тому вѣскія причины. Здѣсь совершенно невѣрна самая посылка, а слѣдовательно невѣрно и заключеніе. Въ области судебной наше законодательство, съ самой реформы 1864 г., отличается, наоборотъ, крайнею подвижностью и неустойчивостью. Изданіе новеллъ къ судебнымъ уставамъ началось почти непосредственно послѣ введенія ихъ въ дѣйствіе и никогда съ тѣхъ поръ не прекращалось, что и послужило, какъ извѣстно, главнымъ мотивомъ къ общему пересмотру уставовъ, предпринятому въ 1894 г.

Самое удивительное *salto mortale* совершается „Московскими Вѣдомостями“ въ концѣ статьи. Указавъ, совершенно правильно, на страшное загроможденіе дѣла Палемъ ненужными свѣденіями о прошедшемъ Довнара и самой обвиняемой—загроможденіе, начавшееся еще при предварительномъ слѣдствіи и продолжавшееся на судѣ,—московская газета ухищряется приписать это загроможденіе.... суду присяжныхъ! Она разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „слѣдственная власть даетъ то, чего отъ нея требуютъ. Но для этого она должна по возможности опредѣленнѣе знать, что отъ нея спрашиваютъ. Если судьи судятъ по писаннымъ законамъ и установившимся судебнымъ обычаямъ, то знать это не трудно: въ этихъ законахъ и обычаяхъ есть готовый критерій, который усвоится, какъ усвоится всякое знаніе и опытъ. Но представьте себѣ, что судебныя функціи переходятъ къ случайнымъ двѣнадцати человѣкамъ изъ публики, для которыхъ ни законы, ни обычаи не обязательны, которые ихъ не знаютъ и знать не хотятъ, и которые оцѣниваютъ данное дѣяніе съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ понятій и своей морали. Что въ ихъ глазахъ дѣлаетъ извѣстное преступленіе вѣняемымъ, что—невѣняемымъ, за что они покараютъ, за что помилуютъ? Кто это знаетъ? Всякій знаетъ, что съ точки зрѣнія закона страсть не можетъ извинить убійства. А съ точки зрѣнія двѣнадцати незнаком-

цевъ? Кто можетъ знать, что они подумаютъ, какъ они взглянуть. И вотъ, слѣдователю ничего не остается какъ предоставить сторонамъ валить въ одну кучу все, что имъ вздумается: вотъ вамъ страсть, вотъ вамъ ревность, вотъ вамъ облитый грязью обликъ жертвы убійцы, вотъ всѣ любовники подсудимой—можете оправдывать на какомъ угодно основаніи“...

Чтобы придать всѣмъ этимъ разсужденіямъ хоть какую-нибудь долю вѣроятности, нужно было бы доказать, что масса лишняго матеріала вносится въ предварительныя слѣдствія вездѣ, гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ — и только тамъ, гдѣ онъ существуетъ. Ничего подобнаго мы на самомъ дѣлѣ не видимъ. Извѣстно, напримѣръ, что экскурсіи въ прошлое обвиняемыхъ играютъ очень большую роль въ французскомъ уголовномъ процессѣ и очень небольшую — въ англійскомъ, хотя въ Англіи, какъ и во Франціи, дѣйствуетъ судъ присяжныхъ. У насъ въ Россіи способъ веденія предварительныхъ слѣдствій въ губерніяхъ присланныхъ, остзейскихъ и кавказскихъ, гдѣ нѣтъ суда присяжныхъ, едва ли отличается существенно отъ способа веденія ихъ въ внутреннихъ губерніяхъ. Если судебный слѣдователь долженъ приравниваться къ какимъ-либо требованіямъ, то это—исключительно требованіямъ обвинительной камеры, т.-е. судебной власти. Только она можетъ вліять на содержаніе и направленіе слѣдствія, возвращая его для дополненія или, наоборотъ, устраняя изъ него лишній балластъ и замѣчая слѣдователю, что онъ напрасно допустилъ усложненіе дѣла. Сообразоваться съ взглядами присяжныхъ слѣдователю нѣтъ ни основанія, ни надобности. Пассивная роль его по отношенію къ *сторонамъ*, о которой говорится въ концѣ приведенной нами тирады, возможна, пожалуй—хотя и далеко не всегда,—по отношенію къ прокурору, но ужъ конечно не по отношенію къ обвиняемому, не имѣющему, во время предварительнаго слѣдствія, защитника и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ способному вліять на ходъ слѣдственныхъ дѣйствій.

По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, и предсѣдатель, и судъ—въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ—, совершенно безсильны бороться противъ загроможденія судебного слѣдствія цѣлою грудой матеріала, не имѣющаго ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу, такъ какъ ни законъ, ни судебный обычай не вооружилъ ихъ для этого въ достаточной мѣрѣ“. Это совершенно невѣрно; ст. 611, 629, 718 уст. угол. судопр. даютъ предсѣдателю полную возможность устранять все неотносящееся къ дѣлу. Что именно слѣдуетъ считать относящимся, что — неотносящимся къ дѣлу,—это вопросъ весьма сложный; разрѣшить его сразу, въ нѣсколькихъ точныхъ формулахъ, не можетъ ни законъ, ни кассационный судъ; матеріалы для его

рѣшенія вырабатываются постепенно судебной практикой, у насъ еще недостаточно опредѣлившейся, но все же кое-что уже сдѣлавшей для предупрежденія наиболѣе крупныхъ ошибокъ и злоупотребленій. Весьма важныя указанія по этому предмету можно найти, напримѣръ, въ заключеніи А. О. Кони по дѣлу Назарова ¹⁾, проводившемъ ту основную мысль, что предметомъ разслѣдованія прошлая жизнь обвиняемаго должна быть лишь настолько, насколько въ ней выразились свойства, могущія служить побужденіемъ къ *данному поступку*—или, наоборотъ, стоящія съ нимъ въ явномъ противорѣчій. Еслибы слѣдствіе по дѣлу Палемъ, предварительное и судебное, усвоило себѣ эту мысль, то не было бы, очевидно, никакой надобности собирать свѣденія о прежнихъ связяхъ обвиняемой... Обязанностью обвинительной камеры А. О. Кони признавалъ, въ той же рѣчи, „устраненіе всего не идущаго къ дѣлу и могущаго лишь служить къ напрасному опозоренію личности обвиняемаго, безъ всякой пользы для правосудія“. „Судебная палата,—говоритъ онъ,—должна стоять на стражѣ частной жизни обвиняемаго, *отражая ее отъ безцѣльныхъ вторженій болѣзненнаго любопытства, чуждаго стремленію разыскать истину*“. Въ дѣлѣ Палемъ всѣ эти простыя, но въ высокой степени важныя истины были забыты. Сенатъ, по всей вѣроятности, воспользуется случаемъ, чтобы подтвердить и разъяснить ихъ еще разъ—и общимъ усиліемъ нашихъ судебныхъ дѣятелей удастся, безъ сомнѣнія, установить границы разслѣдованія „антецедентовъ“, отнюдь не прибѣгая для того къ суженію сферы дѣйствій суда присяжныхъ.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ (16-го марта 1895 г., № 11, стр. 342) „Церковный Вѣстникъ“ обратилъ вниманіе на „неудобства, которыми обставлено преподаваніе Закона Божія въ начальныхъ городскихъ училищахъ“, но, къ сожалѣнію, въ основаніе сужденій этого почтеннаго органа были положены свѣденія, почерпнуты имъ изъ „Петербургскаго Листка“, между тѣмъ какъ онъ могъ бы обратиться къ болѣе компетентнымъ, въ этомъ случаѣ, источникамъ, повидимому, неизвѣстнымъ также и упомянутой газетѣ. „Вопросъ о преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ городскихъ училищахъ,—говоритъ эта газета,—стоитъ на очереди. Какъ онъ будетъ рѣшенъ—это дѣло училищнаго совѣта; но необходимо констатировать тотъ фактъ, что ходъ преподаванія уроковъ Закона Божія въ начальныхъ городскихъ училищахъ требуетъ серьезнаго отношенія со стороны училищнаго совѣта. Законоучители, въ настоящее время, представляютъ собою могучую силу; каждый (?) изъ нихъ повелѣтъ бы блестяще свое дѣло, но трудъ и энергія законоучителя весьма часто за-

¹⁾ См. Общественную Хронику въ № 3 „Вѣстн. Европы“ за 1887 г.

недлѣются, обезсиливаются видимыми неудобствами, происходящими отъ *мѣста* и *времени* занятій съ дѣтьми Закономъ Божиимъ". Газетѣ, очевидно, неизвѣстно, что городской училищный совѣтъ давно уже разсматрѣлъ и рѣшилъ это дѣло, еще два года тому назадъ, и въ № 8 „Извѣстій Городской Думы“ 1894 г. (стр. 447—460) напечатано, по этому поводу, отношеніе училищнаго совѣта въ городскую Думу: „О мѣрахъ къ наилучшей постановкѣ преподаванія Закона Божія въ город. нач. училищахъ, отъ 31-го мая 1893 г.“; а въ слѣдующемъ № 9 тѣхъ же „Извѣстій“ появился и докладъ въ Думу городской комиссіи по народному образованію съ ея заключеніемъ по дѣлу, возбужденному городскимъ училищнымъ совѣтомъ. Изъ этихъ двухъ документовъ „Церковный Вѣстникъ“ могъ бы почерпнуть болѣе обстоятельныя свѣденія не только о причинахъ вообще неудовлетворительности преподаванія Закона Божія въ начальныхъ училищахъ, но и о тѣхъ мѣрахъ, которыми предполагается ихъ устранить. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, какъ видно изъ газетъ, этотъ докладъ комиссіи, представленный въ Думу почти годъ тому назадъ (5-го мая 1894 г.), былъ даже поставленъ на очередь, но такъ и остался, по какимъ-то причинамъ, безъ разсмотрѣнія; надобно думать, что онъ будетъ въ непродолжительномъ времени поставленъ снова на очередь.

Въ газетѣ, изъ которой почерпнулъ свои свѣденія „Церковный Вѣстникъ“, утверждается, будто причиною „неудобствъ“ для успѣшнаго преподаванія Закона Божія служатъ „мѣсто“ и „время“ занятій этимъ предметомъ съ дѣтьми. Но изъ отношенія городского училищнаго совѣта и особенно изъ доклада въ Думу городской комиссіи, стоящей лицомъ къ лицу съ училищами, надобно заключить, что и мѣсто, и время, тутъ не при чемъ: зло коренится гораздо глубже, а потому и мѣры, предлагаемыя газетою къ улучшенію преподаванія Закона Божія, оказались бы неэффективными. Авторъ газетной статьи видитъ все зло въ томъ, что городскія училища состоятъ изъ трехъ отдѣленій (т.-е. трехъ возрастовъ: младшій, средній и старшій), которыя онъ принимаетъ за три „класса“, забывалъ, что начальныя училища *одноклассныя*, съ трехлѣтнимъ курсомъ. Но если это и неудобно, то не для одного законоучителя, а также и для всѣхъ учащихся вообще; оказывается, однако, что это особенно неудобно только для законоучителя—и при томъ по причинѣ, которая еслибы оказалась дѣйствительною, то не сдѣлала бы чести его преподавательскимъ способностямъ. „Законоучитель, положимъ,—говоритъ авторъ,—начинаетъ заниматься со старшимъ возрастомъ (отъ 10 до 12 лѣтъ) объясненіемъ символа вѣры. Во время его занятій другіе два возраста (младшій и средній, отъ 8 до 10 лѣтъ), особенно младшій (неграмотный), какъ совѣтъ не понимающіе этого объясненія, начинаютъ чувствовать себя на свободѣ и какъ бы въ правѣ совѣтъ ничего не

слушать и начинают разговоры и производить безпорядокъ. По этому случаю законоучитель принужденъ на время прекратить свои занятія со старшими и изобразить собою полицейскую (не въ этомъ ли и бѣда?) власть для укрощенія волнующихся (это 7 и 8-лѣтнихъ малютокъ!) и для водворенія порядка. Но это не надолго: ничѣмъ не занятія малютки опять зашумѣли! Возмущенный (!) законоучитель покорнѣе проситъ учителя (или учительницу) посидѣть въ классѣ во время урока Закона Божія для поддержанія порядка и тишины, но ему отвѣчаютъ отказомъ (?), такъ какъ учитель или учительница желаютъ воспользоваться свободнымъ часомъ для своего отдыха. Законоучитель, оставленный на произволъ судьбы (!), непроезжательно теряетъ отмежеванное въ его распоряженіе короткое время и по окончаніи урочнаго часа уходитъ съ горькимъ сознаніемъ своей безполезности". Авторъ, очевидно, нарисовалъ такую картину, не сознавая, что онъ собственно взялъ на себя трудъ выдать законоучителямъ такъ называемый *testimonium paupertatis*—свидѣтельство о ихъ педагогической несостоятельности: „возмущаться", считать себя „оставленнымъ на произволъ судьбы" въ виду не особенно грознаго непріятеля—одного или двухъ десятковъ „малютокъ", „непроезжательно терять время", когда другіе учащіе, оставаясь въ классѣ не одинъ часъ, какъ законоучитель, а пять часовъ, отъ 9 ч. до 2 ч. сряду и каждый день, умѣютъ весьма произвательно употреблять свое время—все это, вмѣстѣ взятое, болѣе похоже на обвиненіе со стороны автора по адресу законоучителей, и можетъ быть справедливо только развѣ по отношенію нѣкоторыхъ, не особенно удачныхъ и лично извѣстныхъ автору. Но надобно думать, что такихъ высоко-нервныхъ и неопытныхъ въ дѣлѣ преподаванія лицъ немного, и они составляютъ исключеніе. А еще справедливѣе было бы предположить, что причина неудовлетворительности преподаванія Закона Божія лежитъ вовсе не въ мѣстѣ и не во времени.

Членъ городского училищнаго совѣта отъ духовенства, свящ. М. И. Соколовъ, указывая въ томъ отношеніи совѣта въ городскую Думу на настоящія причины, остановился, между прочимъ, на одной изъ нихъ, по нашему мнѣнію, самой существенной: „Законоучителями—доказывалъ онъ училищному совѣту—начальныхъ городскихъ училищъ состоятъ или священнослужители приходскихъ и домовыхъ церквей, или—лица свѣтскія, состоящіе на службѣ въ другихъ учрежденіяхъ; тѣ и другіе *связаны своими прямыми обязанностями*, строго приуроченными къ опредѣленному времени, какъ литургія—въ 10 часовъ, или чиновническая служба—начиная съ 11 и 12 часовъ дня. Пока городское общественное управленіе, — заключаетъ почтенный членъ совѣта М. И. Соколовъ, — не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи *составъ законоучителей, отдающихъ только одну эту обязанность*

(т.-е. такихъ же профессиональныхъ, какими являются всѣ другіе учащіе въ начальныхъ училищахъ), необходимо предоставить законоучителямъ право свободно выбирать *удобные* для нихъ часы"—т.-е. удобные для чиновнической службы, — напримѣръ, въ какомъ-нибудь банкѣ, или въ управленіи какого-нибудь общества и т. п.; но будутъ ли эти часы удобны для школы? Конечно, нѣтъ; по словамъ члена училищнаго совѣта, съ которыми нельзя не согласиться, законоучительство и не составляетъ „прямой обязанности“ лицъ, берущихъ на себя преподаваніе Закона Божія. О преподавателяхъ духовнаго званія надобно еще замѣтить, что, кромѣ литургіи, они отвлекаются также многообразными требамъ, или переводятся изъ одного прихода въ другой; свѣтскіе же преподаватели, иногда весьма молодые люди, берутъ на себя преподаваніе Закона Божія хотя бы въ одномъ училищѣ, и это многихъ изъ нихъ освобождаетъ отъ исполненія воинской повинности... Городской училищный совѣтъ указываетъ, что только между преподавателями Закона Божія въ начальныхъ городскихъ училищахъ замѣчается „весьма большой процентъ перемѣщеній законоучителей, выхода изъ училищъ и вступленія новыхъ; такъ, по отчету училищнаго совѣта за 1892 г., всѣхъ перемѣнъ среди законоучителей было 16% общаго числа учебныхъ заведеній. При *быстрой сменѣ* преподавателей важнѣйшаго предмета въ курсѣ ученія—Закона Божія, долженствующаго имѣть наибольшее вліяніе на всю жизнь дѣтей,—справедливо замѣчаетъ членъ училищнаго совѣта,—нельзя ожидать всѣхъ добрыхъ послѣдствій на самомъ дѣлѣ".—Ихъ, и дѣйствительно, не особенно много!

Итакъ, не „мѣсто“ и не „время“ преподаванія, а частыя „перемѣщенія законоучителей“ и „быстрая ихъ смена“ составляютъ и будутъ составлять серьезную причину неудовлетворительности хода обученія Закону Божію, до тѣхъ поръ, пока, какъ справедливо замѣтилъ членъ городского училищнаго совѣта отъ духовенства, городскія училища не получаютъ такихъ же профессиональныхъ законоучителей, какими являются учителя и учительницы другихъ предметовъ, и если, при этомъ, условія къ допущенію ихъ будутъ тѣ же. Условія же вознагражденія труда законоучителей и теперь не ниже вознагражденія прочихъ учащихся въ начальныхъ училищахъ, хотя, между прочимъ, жалуются и на скудость, будто бы, вознагражденія первыхъ, указывая на то, что учащій получаетъ 600 рублей въ годъ и квартиру, а законоучитель—1 р. 50 к. за часъ; но при этомъ упускается изъ виду то, что учащій имѣетъ въ 1 недѣлю не менѣе 20 часовъ, что при 30 учебныхъ недѣляхъ въ году, составитъ до 600 часовъ, т.-е. его часъ оцѣнивается въ 1 рубль. При такомъ же трудѣ, по вышеприведенной нормѣ, законоучитель получилъ бы 900 рублей, т.-е. 600 рублей жалованья и 300 рублей квартирныхъ, изъ чего видно, что

трудъ преподавателя Закона Божія оцѣненъ городскою Думою ничуть не меньше, какъ и трудъ преподавателя прочихъ предметовъ, на котораго, впрочемъ, возложена еще немалая отвѣтственность по веденію всего училищнаго хозяйства, заботы по снабженію училища всѣми необходимыми, начиная съ дровъ до классныхъ пособій и матеріаловъ, обследованіе имущественнаго состоянія учащихся, освобожденныхъ отъ платы за ученіе и снабжаемыхъ даровыми пособиями; наконецъ, веденіе классныхъ журналовъ и многое другое, чего не знаетъ преподаватель Закона Божія: онъ является въ классъ, вполне приготовленный для него и содержимый въ полномъ порядкѣ, и по окончаніи урока оставляетъ училище безъ всякихъ хозяйственныхъ или какихъ другихъ заботъ; тогда какъ учитель или учительница должны, по окончаніи класса, заботливо и съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ наблюдать за уходомъ изъ школы учащихся по очереди, а не толпой въ 50 человекъ (комплектъ город. училищъ), и сѣсть за письменныя работы учащихся, чтобы приготовить ихъ къ слѣдующему дню, т.-е. просмотрѣть ошибки и исправить ихъ. Если взять все это въ соображеніе, то придется, по справедливости, признать, что, наоборотъ, трудъ преподавателей прочихъ предметовъ, сравнительно съ трудомъ преподавателей Закона Божія, въ денежномъ отношеніи, оцѣненъ гораздо ниже. Различіе же между дѣятельностью законоучителей и преподавателей прочихъ предметовъ выражается наглядно и осязательно въ другомъ отношеніи: преподаватель, имѣя за свои 600 уроковъ въ годъ 600 рублей, получаетъ ихъ сполна, но и сполна же даетъ эти уроки, если тому не помѣшаетъ его недоровье или временное закрытіе училища по случаю заразной болѣзни; а законоучители, отвлекаемые другими, иногда еще болѣе важными занятіями, пропускаютъ уроки, и это обстоятельство всегда обнаруживается въ отчетахъ городской училищной комиссіи: городская Дума отпускаетъ ежегодно на преподаваніе Закона Божія валовую сумму въ 45.000 р. на 300 училищъ, съ такимъ расчетомъ, какъ еслибы ни одинъ урокъ Закона Божія не былъ пропущенъ ни въ одномъ училищѣ и предполагая по 100 уроковъ въ годъ въ каждомъ училищѣ, съ платою по 1 р. 50 к. за часъ; но, благодаря пропущеннымъ урокамъ, въ концѣ года отъ этой суммы оказывается по истинѣ прискорбная экономія отъ 3 до 4 тысячъ рублей, не выданныхъ вслѣдствіе пропущенныхъ законоучителями уроковъ.

Судя по докладу городской училищной комиссіи, предлагаемая ею мѣра къ улучшенію преподаванія Закона Божія направлена именно къ тому, чтобы осуществить вѣрную мысль члена отъ духовенства въ городскомъ училищномъ совѣтѣ, а именно: вручить дѣло обученія Закону Божію такимъ же профессиональнымъ преподавателямъ, какіе имѣются для прочихъ предметовъ. Что же касается до мѣръ, пред-

лагаемыхъ авторомъ „Петербургскаго Листка“ и направленныхъ къ расширенію „мѣста“ въ школь, посредствомъ прибавки одной комнаты къ ея помѣщенію, и прибавки 1 часа въ недѣлю, то и „Церковный Вѣстникъ“, цитируя статью, сомнѣвается—и справедливо—въ цѣлесообразности предлагаемыхъ въ газетѣ мѣръ, и, съ своей стороны, весьма основательно указываетъ на то, что учащіе прочихъ предметовъ умѣютъ же, однако, вести дѣло такъ, что, не прибѣгая къ жаратыльнымъ мѣрамъ и не „возмущаясь“, безъ всякаго усилія „успокаиваютъ шумъ и водворяютъ требуемую тишину“ въ классѣ. „Отчего бы, —спрашиваетъ „Церковный Вѣстникъ“,—не дѣлать того же и законоучителю?“—Вотъ въ этомъ-то именно и вопросъ.

Р. S. Наша хроника была уже отдана въ печать, когда въ газетахъ появилось извѣстіе о рѣшеніи сената по дѣлу Палемъ. Согласно съ заключеніемъ оберъ-прокурора А. Ѳ. Кони, сенатъ отмѣнилъ не только вердиктъ присяжныхъ, но и самое опредѣленіе о преданіи суду, именно вслѣдствіе неправильной постановки дѣла, допущенной судебною палатою. Новое опредѣленіе о преданіи суду будетъ, конечно, свободно отъ недостатковъ, замѣченныхъ сенатомъ, и дѣло будетъ разсматриваться вторично при условіяхъ значительно измѣненныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что разъясненіе сената предупредитъ, на будущее время, повтореніе ошибокъ, извратившихъ слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Довнара.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ кн. С. М. Волконскаго: „Конгрессъ религій въ Чикаго“, мартъ, стр. 73, строч. 4 снизу, напечатано: „негръ“ значитъ то же“,—вмѣсто: „негръ“ значитъ не то же“...

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

МАРТЪ — АПРѢЛЬ 1895.

Книга третья. — Мартъ.

	стр
Ходокъ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть вторая: I-XVI.—П. Д. БОБОРЫКИНА.	5
Конгрессъ религій въ Чикаго.—Впечатлѣнія и замѣтки.—КН. С. М. ВОЛКОНСКАГО	66
Въ гостиной и въ людской.—Разсказъ.—З. ГИППИУСЪ	91
Современные мормони.—Очеркъ.—Н. А. ДИНГЕЛЬШТЕДТА	140
Искра Вожия.—Повѣсть.—Съ польскаго.—IV-V.—ЭЛ. ОРЖЕШКО	175
Привѣтъ Грузинъ.—Стих. В. Л. ВЕЛИЧКО	209
Принципъ наказанія, съ нравственной точки зрѣнія.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	212
Сирѣ.—Sire, roman, par Henri Lavedan.—I-XII.—А. Б-Г.	236
Ломоносовъ и его современники.—I. Первое прочное установленіе новой литературы.—Подражаніе и заимствованіе.—Международныя литературныя взаимодѣйствія.—Состояніе школы.—Тредьяковскій и Сумароковъ.—А. Н. ПЫПИНА	295
Стихотворенія.—I. Отшельникъ.—II. Иматра.—III. Сонъ наяву.—IV. Опять надвинулись.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА	343
Хроника.—Внутреннее Овозраженіе.—Вопросы, относящіеся къ пересмотру положеній 19-го февраля.—Опека; общественное призрѣніе; семейные раздѣлы; мірскіе сборы; переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному; новая регламентація передѣловъ; сдача въ аренду надѣльныхъ земель.—Объясненіе г. Сухотина, по вопросу о способахъ расчета съ сельскими рабочими	346
По поводу школы грамотности.—Письмо въ Редакцію.—АЛЕКСАНДРЫ ШТЕВЕНЬ	362
Иностранное Овозраженіе.—Землеуладѣльческая агитація въ Германіи.—Совѣтъ сельскихъ хозяевъ и проектъ графа Каница.—Прусская аристократія и социализмъ.—Мѣры противъ разрушительныхъ партій.—Положеніе дѣлъ въ Англіи.—Турецкія и болгарскія дѣла	372
Литературное Овозраженіе.—А. С. Пругавинъ, Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія.—А. П.—Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока.—Иллиризмъ, П. Кулаковскаго.—Т.—Новыя книги и брошюры	385
Замѣтка.—Новое міросозерцаніе.—О понятіи искусства, умоврительно-психологическое изслѣдованіе, проф. Боброва, Юрьевъ (Дерптъ), 1894 г.—Э. Л. РАДЛОВА	402
Новости Иностранной Литературы.—I. Jules Lemaitre, Impressions de théâtre.—II. Percy Russell, A guide to British and American novels.—З. В.	406
Изъ Обязательной Хроники.—Совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палаты по вопросу о судѣ присяжныхъ.—Заключительная рѣчь А. Ф. Коня.—Дѣло объ убійствѣ студента Доннара.—Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ губерніяхъ саратовской, тверской, нижегородской.—Сообщеніе объ уличныхъ безпорядкахъ 8-го февраля	421
Библиографическій Листокъ.—„Набеав Согриус“ Актъ, В. Ф. Дерюжинскаго.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, т. IX.—Матеріалы для женскаго образованія въ Россіи, Е. О. Лихачевой	
Объявленія.—I-XVI стр.	

Книга четвертая. — Апрель.

	стр.
Новое общество истории при московскомъ университѣтѣ. — В. И. ГЕРЬЕ . . .	433
Ходокъ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть вторая: XVII-XXXII. — П. Д. БО- БОРЬКИНА . . .	447
Уездъ орднанаго поволожья. — Н. И. ВЪ . . .	510
Изъ армянскихъ повѣстей. — I. Слезы Аракса, Раф. Патканяна. — II. Изъ Ле- реца: 1. Къ родному краю. 2. Ихъ судьба. — ЮР. А. ВЕСЕЛОВСКАГО . . .	545
Искра Божія. — Повѣсть. — Съ польскаго. — VI-VII. — ЭЛ. ОРЖЕШКО . . .	560
Наполеонъ и Кромвель. — По поводу возрожденія Наполеоновской легенды. — Л. З. СЛОНИМСКАГО . . .	595
Стихотворенія. — I. На сельскомъ кладбищѣ. II. Колеблясь надъ ручьемъ. — В. КАХОВСКАГО . . .	619
Заграничные промышленные музеи. — Очеркъ. — К. ВЕБЕРА . . .	631
Сирѣ. — Sire, roman, par H. Lavedan. — XIII-XVI. — Окончаніе. — А. В-Г . . .	633
Стихотворенія. — I. На могилѣхъ калифовъ. — II. Съ арабскаго. — АЛ. САЛО- МОНА . . .	664
Молодость Бинжамена Констана. — Очеркъ. — I-VI. — М. М. КОВАЛЕВСКАГО . . .	667
Ломоносовъ и его современники. — II. Изученія Ломоносова. Складъ понятій въ обществѣ. Основной смыслъ дѣятельности Ломоносова. — А. Н. ПИ- ПИНА . . .	689
Памяти повѣстей стараго времени. — I. Ф. И. Тютчевъ. — II. Гр. А. К. Тол- стой. — Стих. В. Л. ВЕЛИЧКИ . . .	753
Повѣи Ф. И. Тютчева. — В. Л. С. СОЛОВЬЕВА . . .	756
Хроника. — Медицинская помощь въ уральской области. — МИХ. ПИ- ЦЕРОВИЧА . . .	768
Внутреннее Овозрѣніе. — Всеобщее начальное обученіе. — Различныя способы распределенія вызываемыхъ имъ расходовъ. — Возможность одновремен- наго примѣненія его къ дѣвочкамъ и мальчикамъ. — Существуетъ ли не- разрывная связь между всеобщностью обученія и его обязательностью? — Школы „низшаго типа“. — Одна изъ причинъ, задерживающихъ ростъ начальной школы. — Уставъ лечебныхъ заведеній и „кодификаціонная ошибка“ . . .	770
Полемика о нашихъ финансахъ. — „M. Witte et les finances russes d'après des documents officiels et inédits“, par E. de Syon. Par. 1895. — Л. С. . .	790
Иностранное Овозрѣніе. — Борьба партій въ Германіи и князь Висмаркъ. — Воз- рожденіе популярности бывшаго канцлера, въ связи съ дѣлами внутрен- ней политики. — Оригинальныя особенности въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ Виль- гельма II. . .	800
Литературное Овозрѣніе. — Изъ Ждановъ, Русскій билевой эпосъ. — Дюнео, На крайнѣмъ сѣв.-востокѣ Сибири. — А. Я. Максимовъ, На далекомъ вос- токѣ. — Т. — Новыя книги и брошюры . . .	806
Новости Иностранной Литературы. — Les littératures populaires de toutes les nations. J. Maisonneuve. — А. Л. С-Л-НЪ . . .	822
Земство по Положенію о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 г. — I-II. — КН. Д. В. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО . . .	826
Изъ Общественной Хроники. — Организція помощи, созданной Именнымъ ука- зомъ 18-го января. — Попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ. — Оригиналь- ная параллель между до-реформеннымъ судомъ и судомъ присяжныхъ. — Извѣстная подробность уголовныхъ слѣдствій и ея причины. — Церков- ный Вѣстникъ о причинахъ неудовлетворительности преподаванія За- кона Божія въ городскихъ начальныхъ училищахъ. — Post-scriptum . . .	846
Библиографическій Листокъ. — Современная Россія, Карлетти. — Домъ и хозяй- ство, М. Ределингъ. — Автобіографія Гервинуса. — Очерки с.-ам. штато. П. А. Тверского. — Настольный Энциклопедическій Словарь, изд. Г. нать, вып. 97 и 98. — Изъ исторіи родной земли, Д. И. Тихомирова. Объявленія. — I-XVI стр.	

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Современная Россия. Очерки Т. Карметти. Перев. съ итал. Анна Волковская. Сиб. 1895. Стр. 208. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ впервые попалъ въ Россію въ 1890 г. и провелъ у насъ нѣсколько дѣтъ, такъ что имѣлъ достаточно времени для ознакомленія съ нашими внутренними дѣлами, и надобно отдать ему справедливость—онъ обнаружилъ при этомъ большую наблюдательность, познакомился не только съ учрежденіями, но и съ литературою, и въ отчетахъ о явленіяхъ нашей жизни и состояніи умовъ сохранилъ полное безпристрастіе. Хотя переводъ, сравнительно съ оригиналомъ, нѣсколько сокращенъ, тѣмъ не менѣе онъ интересенъ и для насъ по предметамъ, обратившимъ на себя вниманіе чужестранца, какъ то можно видѣть изъ одного перечисленія главъ: славянофильство, панславизмъ, царская власть, православіе, нигилизмъ; послѣдняя глава посвящена характеристикѣ русскаго народа, вызвавшего въ авторѣ большую къ нему симпатію.

Домъ и хозяйство. Руководство къ рациональному веденію домашняго хозяйства въ городѣ—въ деревнѣ. Въ 2-хъ томахъ. Марія Ределингъ, редактора „Рижской газеты для домохозяекъ“. Т. I и II, съ 161 рис. Сиб. 1895. Стр. 442 и 451. Ц. за оба тома 4 руб.

Авторы, г-жа Ределингъ, какъ видно изъ предисловія, долго жила во внутреннихъ губерніяхъ и хорошо знакома съ ихъ бытомъ и жизненными условіями, а потому ея книга рассчитана вовсе не на одну ту мѣстную обстановку, которую она окружена въ настоящее время. Самая же книга можетъ быть названа одною изъ самыхъ полныхъ энциклопедій для всякаго домоустройства и домоводства. Первая часть посвящена изложенію условій хорошаго и здороваго помѣщенія, отвѣчающаго требованіямъ семейной жизни, и внешней его обстановки; затѣмъ, авторъ подробно останавливается на всѣхъ функціяхъ, какія лежатъ на каждой хозяйкѣ дома, и указываетъ лучшіе способы для ихъ выполненія. Вторая часть содержитъ въ себѣ кухонное хозяйство съ приложеніемъ многочисленныхъ кулннарныхъ наставленій и правилъ для различныхъ заготовленій въ формѣ варенья, солений, консервовъ и т. п. Послѣдняя глава даетъ совѣты, какъ слѣдуетъ обращаться съ остатками отъ кушаній; впрочемъ, этотъ отдѣлъ самъ авторъ называетъ „кухонными секретамъ“.

Автобиографія Гервинуса, съ 4-мя портретами. Перев. Эд. Циммермана. М. 1895. Стр. 357. Ц. 1 р. 50 к.

Подвигивитъ написанъ авторомъ за 10 лѣтъ до смерти, еще въ 1860 г., а напечатать его было разрѣшено не иначе, какъ по смерти его вдовы. Жизнь Гервинуса, одного изъ первоклассныхъ историковъ нашего вѣка, профессора гейдельбергскаго университета, была тѣсно связана съ политическими и общественными теченіями въ Германіи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, а потому его автобиографія, помимо интереса, возбуждаемаго самою личностью автора и его отношеніями къ не менѣе знаменитому историку Шлоссеру, имѣвшему большое вліяніе на его личную судьбу, раскрываетъ и состояніе умовъ въ Германіи, нагляднѣе рѣшительнаго преобладанія Пруссіи и

реставраціи германской имперіи подъ ея главенствомъ.

Очерки сѣверо-американскихъ Союзивенныхъ Штатовъ, П. А. Тверского, Сиб. 1895. Стр. 464. Ц. 2 р.

Мы только указываемъ на это особое изданіе; въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ оно хорошо знакомо нашимъ читателямъ, и они, вѣроятно, сами еще не забыли тѣхъ обширныхъ статей П. А. Тверского, нашего соотечественника, давно переселившагося въ Америку: „Десять лѣтъ въ Америкѣ“ и др., которыя были помѣщены въ нашемъ журналѣ. О степени возбужденнаго ими интереса мы можемъ судить, прежде всего, по той массѣ просьбъ, съ которыми обращались къ намъ, желая получить адресъ автора и вступитъ съ нимъ въ сношенія по различнымъ вопросамъ хозяйства и промышленности, возбужденнымъ его сообщеніями изъ Невада Сѣта.

Настольный Энциклопедическій Словарь, изд. А. Граната и К^о. Вып. 97—98 (Сенсаціонный романъ—Словенскі). М. 95. Стр. 4479—4554. Ц. по 40 к.

При несомнѣнномъ увеличеніи потребности въ чтеніи уже подросткахъ и подроставшихъ поколѣній, благодаря усилкамъ, въ послѣднюю четверть вѣка, народныхъ школъ,—гдѣ обучаются, главнымъ образомъ, искусству чтенія, но въ виду дѣтскаго возраста эти школы сообщаютъ самымъ ограниченнымъ свѣденіямъ изъ жизни и науки,—такое дешовое изданіе, какъ популярный словарь, является для многихъ вполнѣ сподручнымъ пособіемъ, особенно необходимымъ для дешовыхъ читателей. Впрочемъ, въ новыхъ выпускахъ, какъ и въ прежнихъ, можно встрѣтить и довольно обширныя обстоятельныя статьи, какъ, наиримѣръ, о „Сибирѣ“ (15 столбцовъ), о „Сербиѣ“ (10 столбцовъ); встрѣчаются статьи, составленныя авторитетами въ ихъ специальности,—такъ, напр., статья о „Синдикатахъ“, проф. П. П. Нижуа, и др.

Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа, съ рисунками и картами въ текстѣ, въ двухъ частяхъ. Состав. Д. П. Тихомировъ. М. 1893. Стр. 230 и 175. Ц. 90 к.

Въ двухъ выпускахъ составитель обнимаетъ всю область какъ древней, такъ и новой Россіи, въ формѣ мелкихъ очерковъ, коротенькихъ рассказовъ, сжатыхъ характеристикъ,—и всѣ они болѣе или менѣе связаны другъ съ другомъ; при этомъ учащему предоставляется выяснить болѣе тѣсную связь между эпохами и лицами, слѣдующими одно за другимъ. Для усиленія впечатлѣній отъ прочтеннаго, книга снабжена рисунками, дающими понятіе о той или другой замѣчательной исторической мѣстности или памятникѣ, изображеніемъ лицъ, знаменитыхъ съ олеждѣй древнихъ эпохъ, вооруженіемъ, утварью и т. п. Второе изданіе, значительно исправленное и появившееся въ относительно короткое время, говоритъ само по себѣ о томъ успѣхѣ, какое оно нашло въ публикѣ. Самая исторія доведена до кончины имп. Александра II и заключается нашими старинными орудіями гниломъ временемъ Александра I.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1895 г.

(Тридцатый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союзу . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Принимается подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть 1895 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкою.

ПОДПИСКА принимается—въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. П. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскій линіи.—*Иногородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключить въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтового учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выписка журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя изъ иногороднихъ, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородние, переходя изъ городскіхъ—40 коп.—3) *Билеты* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала выписываются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и, отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

